

НИКОЛАЙ
БАСОВ

НИКОЛАЙ
БАСОВ

ШЕДЕВРЫ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ФАНТАСТИКИ

ЛОТАР-
МИРОТВОРЕЦ

Знаменитая сага
об Охотнике
на демонов

ЛОТАР-
МИРОТВОРЕЦ

СЕРИЯ

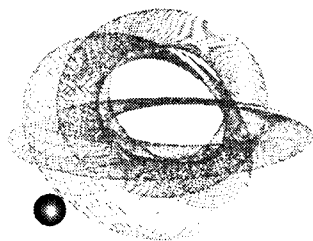
НИКОЛАЙ
БАСОВ

НИКОЛАЙ
БАСОВ

ЛОТАР-
МИРОТВОРЕЦ

ЛОТАР-
МИРОТВОРЕЦ

**ШЕДЕВРЫ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ФАНТАСТИКИ**

НИКОЛАЙ БАСОВ

ЛОТАР- МИРОТВОРЕЦ

ЖАЖДА

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

СОБАКИ ИЗ ДИКОГО КАМНЯ

ПОСОХ ГУРАМА

ЛОТАР- МИРОТВОРЕЦ

КОЖАНЫЕ КАПЮШОНЫ

УСТРАНИТЕЛЬ ЗЛА

ВЫКУП

Эксмо, Москва
2004

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Б 27

Серийное оформление художника *Е. Савченко*

Серия основана в 2003 году

Художник *Y. Burns*

Басов Н. В.
Б 27 Лотар-миротворец: Фантастические романы. — М.:
Изд-во Эксмо, 2004. — 960 с. (Шедевры отечественной
фантастики).

ISBN 5-699-04993-2

Лотар Желтоголовый, обычный охранник купеческих караванов, из-за своего упорства и ошибки могущественного мага пустынной страны становится драконьим оборотнем. Пытаясь решить, кто же он такой — дракон или человек, Лотар начинает свою собственную войну с демонами, которые властвуют в этом одновременно сказочном и реальном мире.

**УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4**

ISBN 5-699-04993-3

© Басов Н. В., 2004
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2004

Жажд

Глава 1

Лотар, прозванный Желтоголовым, молодой человек с внимательным взглядом светло-серых глаз, мерцающих из-под высокого матового шлема, посмотрел на растянувшийся караван. Повозки ползли, поднимая шлейфы мелкого песка. От этого песка слабели лошади, и без того изморенные скудной порцией воды, и даже самые закаленные люди чувствовали постоянную усталость, словно, набиваясь в легкие, песок отбирал львиную долю жизненных сил. Но состояние животных почти ничего не решало, а вот люди... Если придется работать мечом, многого они сделать просто не смогут.

Впрочем, сколько будет нужно, столько и сделают. Переходы по пустыне — не для тех, кто рассчитывает на легкие деньги. Включая и охрану караванов.

Охранников было шестнадцать, но их командир, Рубос из Ми-рама, и еще человек пять в рубке стоили полудюжины каждый. Да и Лотар считал, что может справиться с двумя-тремя разбойниками, а значит, их отряд гораздо сильнее. Да, так и есть, без пользы охранники никого в свою стаю не приглашают.

Примерно в полумиле впереди появились заросли высокой — коню под брюхо — травы. Очень хотелось пить. Лотар лениво спросил себя, подаст ли Периак Среброусый сигнал устроить привал в этом озерце зелени? Вряд ли. Животные сегодня ленивы, караван не прошел и трети дневного перехода, а солнце перевалило за полдень. Для Периака любая задержка означает потерю серебряных маркетов и золотых нобилей, которые он так любит. Нет, привала не будет.

Лотар нашел взглядом главного караванщика. Вот он, в богатом расшитом халате, верхом на легконогом, неумоимом жеребце, в войлочной шляпе с широкими полями. Его ранг определялся даже не халатом, а тем, что он ехал без доспехов, вооруженный лишь саблей. Это показывало, что он сам не намерен сражаться — найдется кому защитить его тело и его товары.

Вообще-то караванщики всегда вставали рядом с наемниками, если возникала необходимость, и дрались как черти... Так они сами считали. До настоящих бойцов им как Лотару до Рубоса. Караванщиков было человек двадцать. Рабы не в счет, им оружие

давать опасно. Эти люди не моргнув глазом могли ударить в спину. Для них нападение любой шайки обещало свободу, хотя чаще всего приносило лишь смену хозяина.

До лужайки осталось не больше сотни шагов. Нет, не будет Периак делать привал, а жаль. Уж очень пить хочется.

Внезапно впереди раздался чей-то гортанный, резкий крик, трава зашевелилась, и из нее стали подниматься на ноги темные, огромные северные лошади. В мягком седле каждой уже сидел воин с легкой пикой, украшенной пучком конских волос. Дасы — сухопутные пираты... Их было много. Лотар насчитал пять дюжин, а из травы рывками, с криками и лязгом сбруи вырастали все новые всадники.

Разбойники оттачивали этот прием, наверное, месяцами, уж очень гладко у них все получилось. Не прошло и минуты, как они построились дугой и, прищпорив коней, понеслись в атаку. Лотар перевел взгляд на своих.

Периак размахивал руками и не переставая кричал. Он пытался развернуть передние повозки и подогнать задние, чтобы выстроить из них круг. Тогда в этой временной крепости удалось бы отсидеться, хотя разбойников было раза в три больше. Но грабители не зря учились лежать под палящим солнцем — теперь кольцо из повозок не собрать, слишком мало осталось времени.

Кое-кто из караванщиков уже и не пытался соединиться с остальными, а разворачивал повозки в сторону степи и что есть мочи нахлестывал своих коней. Напрасно, подумал Лотар, от верховых, пусть даже и пролежавших пару часов под солнцем, у них столько же шансов уйти, как убежать от Черного Дракона.

Рубос уже выстроил своих наемников в полукруг. А что еще оставалось? Караван теперь не спасти, но, может быть, разбойники не будут очень уж наседать на решительных и умелых людей. Это позволит хотя бы некоторым выбраться из перedelки.

Лотар оказался крайним со стороны пустыни. Это было плохо. Приходилось все время увертываться от прицельных ударов пик, каждый из которых, оплошай он хоть на мгновение, мог стать для него роковым. Но зато не нужно было думать о стрелах, лучники выбирали мишени в центре, где люди и животные стояли плотнее. Когда сумка с дротиками опустела, Лотар достал меч и приготовился к рубке.

Наемники еще держались. Лишь под тремя из них убили лошадей. Но чего-чего, а найти новую лошадку в этой свалке было не сложно. К ним прибилося и несколько караванщиков. Сейчас эти бедолаги теряли все, что было нажито за годы тяжелой и опасной работы. Но об имуществе никто не вспоминал, нужно было сохранить жизнь.

Караван уже грабили. Некоторые из возничих поспешно поднимали руки, сдаваясь. Их почти сразу убивали лучники, уж очень они были выгодной мишенью. Другие пытались отбиться саблями. Но когда на тебя нападают с трех-четырех сторон, нужно быть Рубосом, чтобы продержаться хотя бы несколько минут. Они тоже погибали, но чуть позже, чем сдавшиеся.

Одна повозка перевернулась, Лотар не знал, что такое возможно. Кони бились в упряжи с дикими всхрапываниями. Сталь звенела о сталь или с хрустом врезалась в живую плоть. Кричали раненные, дико, непривычно и очень громко выли нападавшие... Очень хотелось пить.

Наемников все-таки не выпускали. Нападавших было слишком много, чтобы считаться с потерями. Добрая половина их банды развернулась и ударила снова. Люди, которые скакали впереди этого клина, погибли сразу, но чуть позже погибли и те охранники, которые встретили этот удар. А еще позже круг оборонявшихся раскололся, и теперь дассам осталось только добить уцелевших.

Рубос попытался было сомкнуть кольцо, но на него напали со всех сторон, и он потерял нить боя, а команды, которые стал выкрикивать кто-то другой, никто и не собирался выполнять. Нужно было уходить, хотя это стало почти невозможным.

Лотар обменялся ударами с каким-то высоким варваром, который вскрикивал на каждом взмахе, потом, сумев от него отвязаться, схватился с другим. Отбив его клинок вверх, сделал выпад и, кажется, достал. Добивать его было некогда, следовало выбирать из свалки, желательно в ту сторону, откуда открывался путь в степь. С другой стороны была пустыня, которая сулила медленную, мучительную смерть от жажды. Настоящей жажды, по сравнению с которой нынешняя жажда Лотара была чем-то вроде кухонного ножа против двуручного меча.

Он вывалился из кучи сражающихся и уже готов был пустить коня во весь опор, но тут его перехватили трое. Это были умелые бойцы, они не торопились. Они заняли три точки, откуда могли атаковать его, не мешая друг другу. И Лотар понял, что из этого кольца не вырвется никогда.

Он крутился, изнуряя своего коня, как змея на жаровне, и сумел отбить почти все удары. Он даже разбил плечевую пластину одному из нападавших, так что тот отскочил, прижимая руку к груди... Лотар надеялся, что сломал ему ключицу, но особенно порадоваться не успел — двое других, остервенев от сопротивления противника, которого они считали уже покойником, навалились с особой злобой.

Через полминуты Лотар получил три раны, хотя и не опасных, но все-таки чувствительных. Он простился с жизнью, но тут...

Одна из обезумевших лошадей в слепом беге налетела на коня варвара. Воин качнулся в седле, обернулся, выпустил клинок, который повис на кожаном ремешке, и попробовал перехватить чужую лошадь под уздцы. Возможно, он думал, что с Лотаром покончено, а ему понравился этот конь. Или решил, что небольшая передышка не повредит... Так или иначе, это была последняя ошибка в его жизни. Он открылся.

Лотар привстал в стременах, вытянулся в струнку и, почти теряя равновесие, резко, без замаха, воткнул острие своего клинка под низкий шлем варвара, в шею. Выдернуть клинок и повер-

нуться к оставшемуся противнику было нетрудно, но все-таки Лотар не успел.

Он услышал свист клинка, почувствовал удар по голове и, понимая, что слишком поздно, дал шпоры коню.

Глава 2

Он очнулся от красного жара, плывущего под его прозрачными от солнечного света веками, и ощутил во рту вкус крови. Песок обжигал ладони и шею. Он перевернулся на живот и открыл глаза.

Он лежал на земле. Коня не было, ножны были пусты. Оказаться в пустыне без оружия — самое скверное, что он мог себе представить еще пару часов назад. Но теперь даже не это испугало его. Если он не сможет двигаться, к вечеру он умрет.

Собравшись, как только может собраться тренированный боец, он подтянул ноги и попытался сесть. Голова кружилась, барханы казались огромными, неприступными горами. Оказалось, он лежал в ложбинке. Может, это и спасло его. Упавши он на ровном месте, его заметила бы погоня. Он смутно помнил, что кто-то все-таки гнался за ним и даже стрелял, но его так мотало в седле, что попасть в него не смог бы и божественный Плот, подаривший людям лук. А может быть, погоню увел в сторону его конь. Когда же разбойники обнаружили, что в седле никого нет, они не стали искать его, понадеявшись, что дело довершит солнце.

Солнце... Он поднял голову и увидел слепящий диск. Да, это должно убить его вернее, чем стрелы, пущенные в спину. Это и убьет его, потому что нет воды, нет тени. Он положил руку на шлем, чтобы снять его и добраться до раны, но зашипел от новой боли.

Металл шлема пылал. Значит, придется бросить доспехи, иначе он зажарится в них. Кроме того, придется тащить на себе двадцать фунтов стало ему сейчас не по силам.

Он разделся до рубашки и шароваров. Последним снял шлем, который, как ни странно, выдержал удар, хотя и развалился почти на две равные части. Пошел прочь. Ему было жалко своих верой и правдой служивших доспехов. Он отдал за них десять маркетов и остался должен Рубосу еще семь. Но стоит ли вспоминать о долге человеку, которого, скорее всего, нет в живых? Сейчас нужно идти, даже если это бессмысленно.

Через пятьсот шагов ему стало легче, хотя еще пошатывало на неверных песчаных укусах. В широкую полотняную рубаху теперь, когда он сбросил сталь, ветер задувал колющий песок. Сначала его все время хотелось вытряхнуть, но скоро Лотар перестал обращать на это внимание.

Он шел на север, примерно туда, где состоялась схватка. Он думал, что там ближе всего к воде. Вообще-то все, что он знал об этой пустыне, не внушало никаких надежд. Пески, прокаленные солнцем и безжизненные настолько, что в иные годы отсюда улетали на север даже грифы, тянулись на сотни лиг. Такое про-

странство невозможно пересечь даже караванам, подготовленным для длительных переходов. Правда, говорили, что в пустыне есть оазисы, но их удерживали свирепые племена темнокожих воинов, и вряд ли одинокий беглец мог рассчитывать на их помощь.

Через несколько часов он упал на песок и долго лежал, глотая раскаленный воздух. Собственно, и до северной границы пустыни дойти у него не было сил. Но на севере должны были появиться островки травы, а Лотару так хотелось увидеть хотя бы песчаную колючку. И там проходили караванные тропы, на которых может встретиться... Он оборвал себя. Скорее всего, он никого не встретит. Через год или два на его кости, начисто объединенные грифами и мышами и выбеленные солнцем, набредет чей-нибудь караван, и кто-нибудь скажет, усмехнувшись, мол, еще одному бедняге не повезло.

Сколько раз ему самому попадались такие кости, напоминавшие о жажде и лютой войне, которая кипела на всех этих землях, от Западного берега до Вершинной реки, от Южных песков до Срединного моря. И даже дальше, за морем, где начинаются тучные луга, где стоят саманные и бревенчатые деревни, где люди так не похожи на тех, кого он встречал здесь, и откуда он был родом.

Там, в краю, где он родился, часто встречались речки, ручейки, родники, озера и прудики. Там напиться было так же просто, как здесь умереть от солнца. Там никому не приходит в голову, что есть страны, где вода стоит дороже жизни, где вода и есть жизнь...

Внезапно он увидел черную точку. Это был всадник. Вот он скрылся между гребнями, с которых ветер тонкой стружкой сметает песок. Снова появился.

— Эй, э-эй!

Размахивая руками, до боли в груди выдавливая крик из пересохшего горла, Лотар бросился вперед. Он бежал, почти не видя того, к кому бежит. Поднялся на гребень, чтобы его было видно, взмахнул еще раз и... замер.

Конь уже был хорошо различим. В крупе у него торчали три стрелы. Но он еще шел. Это было сильное и выносливое животное. Впрочем, он скоро должен умереть, слишком много крови оставалось за ним на песке.

И всадник сидел в седле. Но он был либо мертв, либо потерял сознание. Он вообще не правил конем. Лошадь сама направилась к Лотару. За два бархана до него, когда он уже мог видеть лицо всадника, конь упал. Всадник скатился по склону и остался лежать, раскинув руки. Лотар пошел к нему. Это был Периак Среброусый, главный караванщик.

Лотару опять не повезло. Если бы это был простой торговец, или воин, или даже дасс, у него почти наверняка оказалось бы хоть немного воды. Но Среброусый путешествовал налегке, без поклажи, даже без кошелька, потому что мог позволить себе держать специального раба, который носил за ним кованый сундук с монетами.

Сначала Лотару показалось, что караванщик мертв. Но нет, ноздри Периака затрепетали, а глаза стали подрагивать от беспощадного солнечного света, льющегося сверху. Лотар похлопал старика по морщинистым щекам и осмотрел его тело. Он не нашел ни одной серьезной раны. Несколько порезов, два прокола стрелами, которые проникли настолько неглубоко, что вывалились сами. Вероятно, стрелы, которыми начинили коня, выпустили раньше, и они сыграли роль шпора.

Сабельные ножны Среброусого были пусты, но в складках его кушака Лотар нашел небольшой кинжал с тонким и острым лезвием. Теперь все стало гораздо легче.

Лотар подошел к коню. Это был великолепный иноходец, мощный, молодой, дорогой, как все, чем владел Периак. Он приподнял голову и негромко заржал. Казалось, он спрашивал человека, правда ли, что его лошадиная жизнь подходит к концу.

— Не расстраивайся, друг, — ответил Лотар. — Там, куда ты попадешь, будет лучше.

Конь закатил глаза и снова заржал. Воды, конечно, не было. В сумках лежали только книги. Если бы Лотар знал, что Периак торговал и книгами, он бы больше его уважал. Но теперь и это не имело значения.

Тогда Лотар сделал то, что вынужден был сделать, но что потом вспоминал с горечью. Связав животному ноги стремянами, он надрезал на его шею крупную жилу и жадно приник к ней, пытаясь из еще живого коня выпить как можно больше крови.

Его вырвало, он едва успел отвернуться. Но, переборов себя, снова стал пить теплую, соленую, густую кровь. И спустя несколько минут понял, что стал сильнее, что его пересохший желудок принял эту влагу.

Конь уже не ржал. Он умирал молча, принимая предательство человека как последнюю плату за свою службу.

Лотар подошел к Периаку. Тот приходил в себя, даже открыл глаза.

— Пить. Дай пить...

— Ты узнаешь меня, Периак?

— Пить.

— У тебя не было воды. Я пил кровь твоего коня. Давай я помогу тебе добраться до него.

Он донес Периака на удивление легко. Или он уже оправлялся от ран, или старик оказался гораздо легче, чем казался. Кровь вызвала у караванщика только рвоту. Последний раз его вырвало с желчью, и от этих попыток пришлось отказаться.

Тогда Лотар вскрыл брюшину уже мертвого коня и вырезал сердце. Оно, казалось, еще подрагивало в ладонях, когда он протянул его старику. Периак попробовал съесть сердце, но его снова вырвало. Дух в этом человеке был крепок, но уж очень слаба была плоть. Тогда, чтобы добро не пропадало, Лотар доел сердце и нарезал еще немало отвратительных на вид кусков, насыщенных кровью: нужно было восстанавливать силы.

После крови и сырого мяса пить хотелось не меньше, чем

раньше, но Лотар знал, что теперь некоторое время продержится. Сплюнув сгустки крови, застрявшие под языком, Лотар спросил:

- Куда ты ехал, Периак?
- В оазис Беклем.
- Там есть вода?
- Должна быть, если это оазис. Только...
- Что?

Голос Периака упал до шепота. Во взгляде появилась уклончивость, которой раньше Лотар никогда не замечал в этом человеке.

— Я вижу, ты открыл сумки, — главный караванщик указал на незастегнутые седельные сумки, в которых рылся Лотар.

— Я искал воду, чтобы помочь тебе.

— Мне и, наверное, себе? — Купец всегда оставался купцом, даже на краю могилы.

— А разве сейчас тебе не нужна защита?

— Возможно. Ты сможешь мне добраться до оазиса?

— Конечно.

— Только... Видишь ли, я ехал по карте, взятой из старой книги. Других у меня нет. — Периак хвастался, как привык хвастаться всем и каждому отсутствием доспехов, кошелька и воды в седельных сумках.

Лотар кивнул.

— По слухам, там построил себе дом... Ты слышал о Гханаши?

— Имя слышал, но что это такое, не знаю. Это племя кочевников?

Периак слабо улыбнулся.

— Это могущественнейший колдун нашего мира. О его силе и богатстве слагают легенды. Как-то в таверне рассказывали, что он из тех, кто насылает на людей Черных Драконов.

— Однажды караван, который мы охраняли, повстречал такого дракона. По его повадкам было видно, что он очень силен и ловок. Но в тот раз дракон не захотел с нами связываться и улетел на восток. А вообще-то, говорят, они сжигают своим дыханием все живое.

— Их дыхание бывает жгучим, как вендийский огонь. От него человек и лошадь превращаются в живой факел.

— Значит, ты считаешь, в Беклеме может быть Гханаши?

— Так говорят. Но это не наверняка, и я хотел попытаться...

— А что, если он там?

— Тогда мы умрем. Дойти до другого оазиса мы не сможем.

— Ты хочешь сказать, что Гханаши не даст нам воду?

— Гханаши не любит людей. Он убивает их, а может быть, создает из них Черных Драконов. Если он там, я не войду в оазис даже за тысячу цехинов.

— Если ты не войдешь в оазис, тебе не понадобятся цехины, ты умрешь от жажды.

Периак снова улыбнулся.

— Ты прав, Лотар. Ведь тебя зовут Лотар?

— Ты не знаешь, как меня зовут?

— На меня работают тысячи людей, я не могу знать, как зовут каждого.

— Не хвастайся. Теперь ты вспомнил, как меня зовут, и хватит об этом.

— Пора в путь.

Лотар уложил кровоточащие куски мяса в одну из седельных сумок, повесил ее себе на спину и поднял старика на ноги.

— Теперь я пойду, только не торопи меня.

Они пошли. Против ожидания, Периак довольно уверенно переставлял ноги в легких, расшитых бисером сапожках с загнутыми вверх носками.

— Сколько до оазиса?

— Если я правильно определил расстояние и если Джирда не увез меня в сторону, нужно пройти лиги две.

— Кто такой Джирда?

— Конь. Ты хорошо говоришь на нашем языке, я забываю, что ты иноземец.

— Две лиги — это немного. К вечеру должны дойти.

— Человек ничего не должен. Он может лишь пытаться.

— Хорошо, оставим проповеди. Лучше скажи, как мы узнаем, что Гханаши в Беклеме?

— Если в оазисе живут люди, это видно издалека. А если мы не увидим дым или пламя очагов, не услышим животных, значит, там живет колдун. А теперь помолчи, болтовня отнимает много сил.

К заходу солнца идти стало полегче, но Периак совсем выбился из сил, и Лотару пришлось почти нести его. Они не спешили, ведь до оазиса могло быть и больше, чем две лиги. На всякий случай Лотар готовился идти дольше, идти, пока не кончатся силы, которые он выпил с кровью Джирды.

Когда стало уже совсем темно и они прошли, по мнению Лотара, лиги три, Сереброусый сказал:

— Отпусти меня. Давай слушать.

Лотар услышал шуршание песка, шелест ползущих змей, еще что-то, очень похожее на щелчки ветвей о стволы деревьев. И больше ничего.

— Так и есть, — помертвевшими губами прошептал главный караванщик.

— Что именно?

Периак вздохнул, потом шепотом сказал:

— Поднимись на тот бархан, и ты увидишь оазис.

— Откуда ты знаешь?

— Я видел его, когда ты вел меня.

— Но я ничего не заметил.

— Ты не умеешь смотреть в ночной пустыне. — Периак помолчал. — Ты забываешь, что я водил караваны, когда твой отец еще не держал сабли. Хорош бы я был, если бы не заметил оазис, пусть даже сейчас не так светло, как тебе хочется. — Он сделал нетерпеливый жест рукой. — Ерунда, это уже не имеет значения.

— Почему?

Периак посмотрел в темноту, за которой находился оазис.

— Мы подошли очень близко. Отсюда до него не больше двух

сотен шагов. Но мы ничего не слышим. И ничего не видим. Под деревьями не заметно ни одного огонька, который говорит о человеке. Значит, там...

Казалось, Периак потерял интерес к Лотару. Он снял кушак, сделал из него подобие подстилки, положил на песок и приготовился молиться.

— Что ты делаешь, Периак? — Главный караванщик не ответил. — Ты что? В двух сотнях шагов отсюда есть вода. Тебе же очень хочется пить, признайся. Еще больше, чем мне. Там вода, там жизнь. Почему ты не хочешь идти дальше?

— Ты мне понравился, мальчик, поэтому я тебе отвечу. Там, в двухстах шагах, не вода, а смерть. Или даже что-то похуже смерти.

— Что может быть хуже смерти?

— Есть немало вещей, которые хуже смерти.

— Что? Бесчестие, малодушие, предательство?

— То, что я имею в виду, не относится к привычному тебе миру. Колдовство связано именно с такими вещами.

— Значит, ты не пойдешь дальше?

— Нет, я стар и устал. Сейчас помолюсь, а потом лягу. Может быть, если мне повезет, умру до восхода солнца. Отец когда-то учил меня, как убить себя с помощью змеи, но я забыл, что для этого нужно сделать. Я буду просто ждать.

— А я пойду. Меня учили драться до конца.

— Тебя правильно учили, но ты не умеешь оценивать настоящую опасность. Иначе ты бы поступил, как я.

— Если мне удастся выпросить хоть немного воды...

Периак лишь покачал головой. Он уже приготовился начать молитву. Теперь Лотару не удастся добиться от него ни слова, если только он в самом деле не достанет воды.

Он проверил, не потерялся ли кинжал, и последний раз посмотрел на главного караванщика. На лице Периака появилась гримаса муки и облегчения одновременно. Он готовился к смерти.

Лотар повернулся и пошел, увязая в песке по шиколотку. Вдруг он быстро, чтобы не опоздать, вернулся.

— Если мне удастся выжить, в какую сторону идти? — Периак уже поставил одно колено на подстилку. Лотар схватил его за плечо и оттащил назад.

Караванщик поднял на него глаза. В них уже не было даже возмущения бесцеремонностью молодого охранника. Лотар повторил свой вопрос.

— На северо-запад. Там, возможно, тебя подберут патрули короля Конада.

— Сколько нужно пройти, чтобы оказаться на их территории?

— Лиг тридцать. Если повезет.

Лотар отпустил старика, который почти упал на подстилку. Все, теперь его едва ли удастся вывести из молитвенного транса. Люди Востока странно устроены, подумал Лотар. Но другой, более трезвый голос подсказал, что старик прав и вполне может существовать что-то худшее, чем смерть от жажды.

Вдохнув полной грудью холодный ночной воздух, Лотар пошел к оазису.

Глава 3

Он вошел под пальмы. Теперь взобраться бы на дерево, нарвать листьев и попытаться выжать из них влагу. Но, может быть, Периак ошибается и в полусотне шагов впереди течет ручей — нежная, почти бесшумная струйка слабой, беззащитной воды, хотя бы всего в палец толщиной...

Лотар покачнулся. Во рту было сухо, как на песке под ногами. Его тело требовало воды, хотя бы немного, всего одну пригоршню... Нет, пригоршня воды была огромным богатством, почти невообразимым счастьем. Он решил, что не сможет влезть на пальмы, которые шумели под ветром сухими, жесткими, как выделанная кожа, листьями. Нужно искать воду.

Он вытянул руки и пошел, слушая шелест пальм, биение своего сердца и скрип песка. Других звуков не было. Это не пугало его, как Периака. Он даже порадовался, надеясь, что легче будет услышать звон капель.

Внезапно его руки уперлись в шершавую стену. Ставить стену в пустыне, где нет ни зверя, ни человека? Это означало, что где-то рядом может быть стража, а у него только крохотный кинжальчик. Но в то же время появилась и надежда. Стена означает что-то, требующее охраны. А что, кроме воды, охраняют в пустыне?

Он поднял руки. Кирпичи наверху стали мельче, но до верха он не доставал. Тогда он подпрыгнул как можно выше... Стена оказалась не выше шести локтей.

Он успокоил сердце, представил в темноте каменный край, подпрыгнул, повис на руках, подтянулся... Но сорвался и тяжело упал. Отдышавшись, подпрыгнул снова. На этот раз получилось. Он перевалился через стену, которая была не шире трех ладоней, сел, свесил ноги по ту сторону, прислушался и спрыгнул.

Удар о песок прозвучал так, словно со стены свалился мешок с овсом, а не тренированный охранник. Не поднимаясь, Лотар снова прислушался.

Теперь он слышал, как где-то рядом ходит кто-то огромный, полный жизни и гнева. Этот зверь мог вот-вот напасть на него... Нет, он оставался на месте. Вытащив кинжал, Лотар пошел на этот звук.

Он сделал не больше десятка шагов, как последовал бросок. Лотар отпрыгнул в сторону, размахивая в воздухе кулаками... Но зверь, ударившись о какую-то преграду, взвыл, плюхнулся на заскрипевшие доски и отполз в угол своей клетки.

Лотар шагнул раз, другой и... наткнулся на доски, уложенные на песке. Но прутья решетки не поднимались от них вверх, перед Лотаром была пустота. Он стал вытягивать руку, но тут же отдернул ее. Ему пришло в голову, что он не вытащит ее назад. Ее будет удерживать, как держит зверя, эта преграда.

Попасть туда было легко, но вернуться мог только тот, кто знал, как с этим обращаться. Значит, Периак прав, в Беклеме живет Гханаши.

Напрягая глаза так, что на периферии зрения поплыли свет-

лые круги, Лотар осмотрелся, но ничего не увидел. Это тоже было странным. Ведь в пустыне он видел, хотя бы на двадцать шагов, но видел, а здесь...

И тогда он услышал плеск, это был именно плеск, а не воспоминание о звуке текущей воды, которое мучило его целый день. Лотар осторожно обошел помост и шагнул вперед. Внезапно он стал видеть, как если бы вышел из тени. В десятке шагов перед ним был невысокий, до его колен, парапет, за которым мягко, шелково плескалась вода. Вернее, она просто шуршала под песчинками, которые сдувал в нее ветер. Вода, вода, хрустальное божество жизни!

Он подошел к бассейну, наклонился над жидкостью, плещущейся вровень с камнем...

Раздался дикий, оглушительный визг, вспыхнул ослепительный свет. От этой яростной, немилосердной атаки нельзя было укрыться, даже зажав уши и глаза руками. Лотар упал, покатился по песку, уперся лбом в стену бассейна, желая, чтобы произошло что угодно, только бы исчезли этот вой и пышущий ненавистью, безжизненный бело-голубой свет. Потом ему показалось, что он начал глотнуть. Может, звук и в самом деле стал тише, но скорее всего Лотар просто соскальзывал в беспамятство. Он замотал головой, пытаясь бороться...

Ему лишь показалось, что он двигает головой. Он не мог шевельнуть ни единым мускулом. Это было ужасно. Он не мог отвести руки от глаз, не мог заставить себя открыть глаза, не мог даже дышать. Он попытался вдохнуть, чтобы легкие не кипели такой острой, невероятной болью, но и это не получилось.

И тогда он понял, что скорее всего умрет от удушья, от невозможности вдохнуть воздух, который не замечаешь, как и воду, пока им дышишь, пока он наполняет тебя неуловимым веществом жизни. В отличие от воды, воздуха было сколько угодно — вот он плещется у самых губ, но зачерпнуть его было так же невозможно, как напиться песком.

— Встань, смертный.

Его тело легко исполнило приказ, он встал. Глаза его остались зажмуренными, потому что голос не приказывал открыть их.

Лотар понимал, что вот-вот умрет. Но у него не возникало ни малейшего сомнения, что и после смерти его тело будет слушаться того, кто командовал им. Прикажут его телу стоять — оно будет стоять, хотя сам он уже умрет. Прикажут идти куда-то и сделать что-нибудь — оно пойдет и сделает. Он и не подозревал, что на свете существует такая абсолютная власть над людьми.

— Дыши, — приказал голос. — И можешь смотреть на меня.

Лотар вдохнул, каждой клеткой ощущая, как воздух вливается в его легкие, освежает кровь, удаляет боль, рассеивает пелену, окутавшую сознание, возвращает жизнь.

Потом открыл глаза. И понял, что теперь видит все так, как если бы, не сходя с места, мог приблизиться к любому предмету и рассмотреть его с расстояния нескольких дюймов или под одним из тех колдовских стекол, которые увеличивают все предметы.

Он мог, например, до последнего волоска рассмотреть паучка, свившего паутину между ветвями, мог увидеть отражение в глазах летучей мыши, летающей над деревьями, мог при желании разоб-
брать и более мелкие вещи.

Даже свет, который только что едва не убил его, теперь ощу-
щался как ровный розоватый туман, расходящийся вокруг змеис-
тыми волнами. И в нем не было ничего болезненного.

— Зачем ты пришел? — спросил голос. — Впрочем, молчи, я
сам прочту твои мысли.

У Лотара появилось странное ощущение, будто кто-то медлен-
но прополз по внутренней стороне его черепа. Это было щекотно
и неприятно, это было унижительно. Лотар почувствовал, как в
нем закипает гнев. И он, как жажда, должен быть удовлетворен,
или жить станет невозможно.

— Ого! — прозвенел над оазисом голос. — Ты еще способен
сопротивляться!

В воздухе проскрежетал старческий смех. Впрочем, так ли?
Лотар стал догадываться, что этот голос вплывает в его сознание
не как звук, а другим образом. И еще ему показалось, что теперь
все на свете могло с ним так говорить: стоило только сосредото-
читься, и он начинал ощущать даже голоса пальм, которые хором
пытались ему что-то подсказать.

— Мне нравится, что ты так думаешь, чужеземец с севера. По-
жалуй, ты смышлен. Это скажется на твоей судьбе.

Как ни удивительно было новое зрение Лотара, он начинал
понимать, что какие-то части реальности не воспринимал по-на-
стоящему, потому что только теперь заметил небольшой дом на
другой стороне бассейна. Дом был мал и неказист снаружи. Но
когда Лотар всмотрелся в него, он ужаснулся.

Дом не имел конца. Каким-то образом в него были уложены
комнаты, переходящие в залы, а те вели в залы еще большего раз-
мера. И всюду были предметы, понять которые Лотар не мог бы,
даже если бы кто-то объяснил их назначение. Вдоль стен стояли
статуи невиданных богов, огромные комнаты занимали диковин-
ные машины, в углах, как простой мусор, были свалены горы не-
сметных сокровищ, оружия, драгоценных тканей, изысканных и
редчайших пряностей, на диковинной формы подставках пыли-
лись разнообразнейшие книги, написанные неизвестными, пугаю-
щими своей сложностью письменами, и еще многое другое было
там, чему трудно найти объяснение. А на границе своего нового
зрения Лотар увидел другие двери этого дома, но не в эту пусты-
ню и даже не в какие-то знакомые Лотару места, а куда-то беско-
нечно далеко, в миры, которые невозможно было представить.

И в обрамлении всех этих творений, исполненных великолеп-
ной выдумки и тончайшей, прекрасной магии, находился чело-
вечек, который восседал на большом мрачном троне, сделанном
из камня, что был доставлен в этот мир через выходы, ведущие
неизвестно куда. И это был не трон даже, а дивный прибор, чу-
десная машина, где каждая деталь имела смысл и значение. Но
как ни напрягал Лотар свое новое, восхитительно ясное зрение,

он не мог разглядеть и половины тех устройств, которые были вмонтированы в него. Чтобы понять, как это сделано, требовалась не одна человеческая жизнь.

— И не пытайся, — ответил на его мысли голос. — Тем более что у тебя нет этого времени.

Я хотел бы сам говорить за себя, подумал Лотар. Ответом ему был смех, который звучал так, словно смеялась сама пустыня.

— Ты держись достойно. Это тоже нужно учесть, когда я решу твою судьбу.

Шекочущее присутствие мага в сознании ушло. Лотар понял, что теперь он может говорить. Только это было бессмысленно, потому что Гханаши уже знал все.

— Ты так хочешь пить, что решил утолить жажду в моем бассейне. — Снова этот раздражающий, скрежещущий смех. — Взгляни, что ты принял за воду.

Теперь чудное зрение Лотара раздвоилось. Он видел колдуна на троне и мог заглянуть в его бассейн... Он отшатнулся бы, если бы сумел, или, на худой конец, закрыл глаза, но ему было приказано смотреть, и он не смел послушаться.

Это была не вода, а что-то черное, как то масло Земли, которое горит тяжелым, дымным пламенем. Но это было и не масло, а что-то специально созданное колдуном для того, чтобы тот мог смывать неудачные результаты своих экспериментов. Здесь были души людей, загубленных колдуном, тела животных, превращенных в монстров, чувства, мысли и желания невиданных существ, о которых Лотар никогда прежде не слышал. И в этом же бассейне, скорее всего, растворится он сам.

— По сравнению с этим все яды Земли — бальзам восточной красавицы.

При этих словах колдун каким-то образом выпустил Лотара из круга своего внимания, и тогда Желтоголовый стал искать в его доме воду.

— Но-но, я с тобой разговариваю, смертный. Изволь слушать! — повысил голос Гханаши.

— Ты победил, — прошептал Лотар запекшимися губами. Он чувствовал себя очень странно, произнося обычные слова на том языке, которому научился от матери и отца, почти забытом за годы скитаний. — Давай закончим, мне надоело тебя слушать.

— А почему бы тебе не послушать? Ко мне мало кто приходит. Все живое в округе нашло свой конец в этом бассейне.

— Ты убил их.

— Я их использовал. Для моей магии нужно много материала.

— Если на свете есть справедливость, ты за это...

— Забудь об этом, бродяга. О какой справедливости ты говоришь? — Гханаши помолчал. — Подумать только, от кого мне приходится выслушивать упреки! От наемника, убийцы, висельника... Почти вора!

— Я не вор.

— Ты пришел украсть у меня воду.

— Это ты украл оазис у людей. Ты — вор.

— Человек, ты полагаешь, что хорошо относишься к людям. По крайней мере, они тебе интересны. Что же, это облегчает задачу. Вместо того чтобы любить их, ты будешь их убивать, будешь сжигать их живьем. Я не хочу экспериментировать с тобой, а просто превращу тебя в Черного Дракона.

Лотар закрыл глаза, чтобы не видеть той уродливой радости, которая появилась на лице колдуна.

— Это, кстати, довольно простое колдовство. Не нужно ничего изобретать. Мы покончим с этим до восхода солнца. И я так давно не видел, как это происходит.

— Что именно?

— Трансмутация, наемник. О, если бы мне захотелось порадоваться по-настоящему, я соорудил бы огромное зеркало, чтобы и ты мог полюбоваться, как под действием заклинаний из существа, имеющего бессмертную душу, ты превратишься в чудовищную, неуязвимую машину разрушения! Только на это уйдет слишком много времени... Придется обойтись без зеркала. Сейчас я выйду к тебе, и мы начнем. Это лучше делать на воздухе, где не так помешает твой гнилостный запах, то есть запах дракона.

Гханаши встал с трона и, размахивая руками, пошел к выходу. Если бы Лотар мог, он убежал бы, даже забыв о воде. Но ему оставалось только ждать то неизбежное, что должно было произойти.

Глава 4

Вблизи колдун оказался еще отвратительней. Стали заметны черты, отличающие его от человека — острые уши, поднимающиеся выше поросшей редкими клоками, почти плоской, как у змеи, головы, огромные, желтые от старости глаза, лишенные радужки, с вытянутыми, ромбическими зрачками, длинные руки с мощными, многосуставчатыми, как щупальца, пальцами, естественно кривые ноги, что едва держали это тело, покрытое хламидой, под которой Лотар без труда увидел странную чешуйчатую кожу.

Гханаши радовался. Он потирал руки, его губы кривила усмешка, от которой улыбка даже очень злобного человека отличалась так же, как грозовая туча от белого облака. Он обошел застывшего Лотара и, склонив голову набок, оценивающе посмотрел в его глаза.

— Так, так. Ты недавно пил живую кровь. Это хорошо, будет меньше работы. Странно, что ты вообще дошел до Беклема. Ты упорен, это тоже хорошо. Да, ты будешь одним из лучших моих произведений, хотя твоя привычка радоваться жизни помешает...

Сознание Лотара стало меркнуть. Лишь временами ему удавалось сосредоточить свое внимание на колдуне, но удавалось все реже.

Гханаши пританцовывал вокруг него, размахивая руками. Его голос то поднимался до визга, то превращался в почти неслыш-

ный бубнящий рокот. Колдун пел, и в этой песне было больше обнаженного насилия, чем в окровавленном клинке.

Внезапно Лотар понял, что его руки стали похожи на крылья гигантского нетопыря. Это было так больно, что Желтоголовый упал бы, если бы его не поддерживало заклинание, наложенное раньше. Потом очень сильными сделались мускулы груди и спины. Это было необходимо, чтобы он мог управлять крыльями. Как ни странно, вместе с болью Лотара переполняла сила и невероятная выносливость, и он знал, что теперь эта сила в нем останется навсегда.

Потом изменились ноги, легкие и сердце. Он начинал чувствовать себя словно бы выкованным из одного куска плоти, которую невозможно было разрушить, которая не поддавалась даже действию времени, он становился бессмертным. И из этого тела мог появиться живой, горячий, как солнце, огонь. Впрочем, им еще нельзя было пользоваться, иначе он сжег бы себе голову, которая пока оставалась человеческой.

Лотар подумал было об убийстве того зверя, которого творил своим адским искусством Гханаши. По всему получалось, он должен уничтожить себя, но что-то останавливало его.

Чем дольше колдовал Гханаши, тем лучше Лотар понимал, что он все еще хочет пить. Жажда не проходила, а стала даже сильнее, хотя теперь он знал, что не сможет напиться, потому что внутренний огонь, соединясь с водой, взорвет его, как шутиху на праздниках вендийских богов. Но если он всегда может избрать этот выход, стоило ли торопиться?

Он начинал понимать — Гханаши в чем-то ошибся, попросту не сумел победить в нем человека, стереть эту новую, странную жажду справедливости, смешанную с обычной жаждой. Главное состояло в том, сколько еще он будет марионеткой колдуна.

Теперь и голова его стала меняться. Челюсти удлинились, сделались тяжелыми и очень мощными. На них появились крепкие толстые клыки, которыми можно было перекусить холку лошади или разгрызть закованного в доспехи латника. Челюсти стали такими тяжелыми, что шея не могла удержать их на весу, но несколько движений колдуна — и мускулы, поддерживающие голову, стали тверже бронзы, туже, чем корни вековых деревьев.

Затылок стал удлиняться. Лотар зарывал от боли, раздвинув малоподвижные, слишком толстые губы, из которых, к его ужасу, вывалился раздвоенный узкий язык, не дававший произнести ни слова...

Внезапно Лотар почувствовал, что выходит из-под власти колдуна. Его новое, нечеловеческое тело теперь могло двигаться, хотя каждое движение еще причиняло боль.

Он ударил по своему огромному телу тяжелым чешуйчатым хвостом. От этого хлопка, казалось, дрогнула черная жидкость в бассейне. Он топнул когтистой лапой, и слабый камень под ней раскошился, как пересохшая лепешка.

Помимо прочего, у Лотара резко изменилось представление о скорости всего, что происходило вокруг. Неуловимый полет летучей мыши, которая гонялась за мошками, стал медленным, как

движения рыбы в воде. Взмахи колдуна виделись ему теперь не более быстрыми, чем подрагивания пальмовых стволов на ветру. А голос Гханаши стал тягучим, как у самого нерадивого школяра.

Зато сам Лотар мог двигаться быстрее, чем любое другое существо, мог драться лучше, чем самый тренированный боец. Если бы не эта жажда, он, вероятно, был бы счастлив.

Жажда, простое желание пить воду, в которой отражаются твой нос, глаза и круг солнца на голубом небе. Желание пить — такое понятное всему живому желание... Единственное, что осталось в нем от человека. Жажду нужно было сохранить, это то, что Колдун забыл в нем изменить, — мучительную, иссушающую душу, спасительную жажду.

Гханаши торжествовал. К своему удивлению, Лотар стал понимать его речитатив.

— Рычи, рычи, зверь! Теперь ты создан для уничтожения. И никакое из человеческих чувств не помешает тебе творить горе, ты понесешь его на своих крыльях. И все, что есть в тебе, подчинится мне, пока я не уйду из этого мира. Но и тогда, пожелав снова стать человеком, ты останешься зверем, потому что забудешь, как это сделать. Рычи, зверь, теперь ты — мой!

Нет, подумал Лотар, не твой, потому что я хочу пить, а это значит, что я помню, каким был раньше. Но теперь он думал на языке, на котором пел свои заклинания Гханаши.

Внезапно колдун замер. Он совсем выбился из сил и едва дышал. Он вытянул руку, и то был жест успокоенности и мира. Для Черного Дракона по имени Лотар это движение длилось едва ли не дольше, чем трансмутации из человека в зверя.

— Все, я сделал, что мог. И сделал это хорошо! Теперь твоя воля к разрушению равна моей, и никто не в силах противостоять ей. И она — такая же часть твоей звериной ипостаси, как жизнь — часть мира.

Да, Лотар мог теперь разрушать все, что видел, и даже магия не могла остановить его. Но... Лотар напряг память. Что-то давало ему превосходство над магом, над этой способностью разрушать. Он ощущал нечто, что осталось в нем от человека.

И тогда он вспомнил. Он хотел пить... А сейчас?

Внезапно бледность покрыла щеки колдуна. Он отшатнулся. Его руки, такие смешные, даже без когтей, способных рвать мягкое железо и ломкий камень, стали подниматься, чтобы сотворить какой-то жест нелепой защиты, которую Лотар теперь мог преодолеть легче, чем копьё пробивает нежный бархат.

Гханаши забыл стереть жажду — довольно странное желание, которое переполняло человека по имени Лотар. И она каким-то чудом осталась в этом великолепном драконьем теле. Дракон по имени Лотар сам удивился этому желанию, настолько оно было чуждым его природе, но оно было! Внезапно Лотар понял, что сумел победить.

Мощный хвост дракона со свистом распорол воздух, удар пришелся колдуну по ногам. Гханаши отлетел к стене своего дома, из кровоточащих ног белыми, сахарными изломами торчали кости.

Дракон шагнул вперед, в его мозгу появились слова, которые, Лотар знал это, даже похолодевший от страха и боли колдун читает без труда:

— Теперь я — Черный Дракон, и ты ничего не можешь мне сделать, колдун. А я могу. И то, что я сделаю, тебе не понравится.

Дракон шагнул вперед, его хвост, усеянный острыми, как серпы, роговыми пластинами, задел пальму толщиной в тело человека. Дерево рухнуло, перерубленное пополам. При обратном движении этого чудовищного оружия он задел ограждение бассейна. Камень разлетелся, черная жидкость стала вытекать через пролом. Защищенному от колдовства дракону она была опасна не больше, чем молочный кисель. Потом рухнул угол дома колдуна. На это Лотар уже не обратил внимания.

Гханаши поднял руку.

— Подожди, Лотар. Я давно не пользовался этими заклинаниями и поторопился, применив их. Я верну тебе человеческий облик, если хочешь. Дам тебе богатства, о которых ты, простой наемник, не имеешь понятия, и отпущу. Я даже согласен служить тебе некоторое время. Если ты надумаешь стать величайшим полководцем нашего мира, тебе потребуются моя помощь...

— Обещания могут оказаться обманом. А вот твою смерть уничтожит твою магию.

— Стой, не делай ничего, что может повредить мне. Этим ты повредишь и себе, клянусь!

— Я — Черный Дракон и читаю твои мысли не хуже, чем раньше ты читал мои. Ты лжешь, старик.

— Подумай — разве тебе не нравится это новое тело, разве не хочется жить так долго, что даже звезды позавидуют твоему долголетию? Разве ты не хочешь побывать там, где не бывал ни один смертный, куда выходят другие двери моего дома?

— Я хочу пить. Если бы я жил в этом теле дольше, возможно, я привык бы к нему и мне понравилось бы быть драконом. Но сейчас жажда для меня важнее всего.

С этими словами Черный Дракон по имени Лотар поднял свою огромную ногу и опустил ее на Гханаши, как буйвол наступает на досадившую ему змею.

Хрустнули кости, и Лотар почувствовал, что колдовство, которое делало его драконом, рассыпается и тает. От нечеловеческой боли обратного превращения он упал и, катаясь в судорогах, оставаясь еще во многом драконом, разрушил дом, бассейн, размолотил не одну пальму. И совершенно вмял в сухую глину то немногое, что еще оставалось от колдуна Гханаши, который ошибся, быть может, единственный раз в жизни.

Глава 5

Болело все тело. Он чувствовал себя так, словно его разбили на куски, разбросали по пустыне, а он все равно не умер и ощущает боль каждой клеткой. В то же время еще никогда он не ощущал себя таким сильным, преисполненным радости неистребимой

жизни. Он поднял руку и провел по своей испачканной какой-то слизью груди. Да, у него все болело, но он был сильнее и здоровее, чем прежде. Только слизь была уж очень противной. Это заставило его очнуться окончательно.

Влага, жидкость, вода! Он сел, застонав от боли, отозвавшейся во всех мускулах. Но это была не та боль, которая осталась от колдовских трансформаций, а боль-протест от слишком резкого, невероятно быстрого движения. Он раскрыл глаза и провел перед ними рукой, как проверяют зрение после удара.

Рука двигалась не быстрее, чем он того хотел. Но он услышал шелест разрываемого ладонью воздуха. И уже знакомой болью это движение отозвалось в мышцах. Лотар осмотрелся.

Его чудесное зрение осталось с ним. Он мог при желании, не поворачивая головы, увидеть то, что творится за его спиной, мог рассмотреть каждую фасеточку в глазах мухи, пытающейся сесть на его голый живот, мог увидеть то, что творилось на расстоянии в несколько сот локтей по ту сторону стены или в заставленном невидимыми клетками зверинце Гханаши...

В зверинце от невидимой ранее защиты остались только бледные, почти неразличимые на свету куски тончайшей сетки. Она растворялась, как медуза на солнце, потому что не получала энергии, источник которой находился в разрушенном теперь доме колдуна. Многие звери уже выбрались на свободу. Некоторые из них удрали в пустыню, где их ждала смерть, потому что перейти через пески они не смогли бы. Но они были животными, и инстинкт гнал их от оазиса, в котором все было залито мрачной аурой колдовства и гибели.

Не ушли только трое. Вернее, четверо, но одно из этих существ, прекраснейшая и редчайшая антилопа, пойманная и перенесенная в Беклем колдовским искусством Гханаши, было убито.

Зверь, который убил ее и теперь, урча от радости, вгрызался в ее внутренности, заставил Лотара вздрогнуть от отвращения. Это была мантикора — чудовище, о котором лишь иногда рассказывали моряки. Мантикоры жили на далеких южных островах, где только и могли оставаться в полной изоляции.

У них была огромная, напминавшая человеческую, голова, мощное львиное тело, широкие сильные крылья, покрытые тяжелыми, звенящими, как металл, перьями, и тонкий, быстрый, загнутый, как у скорпиона, хвост с ядовитым жалом на конце. Мантикоры были почти неуязвимы. По всему южному побережью рассказывали, что их шкуру не пробивали самые тяжелые и твердые копыта, их не могли сразить даже заговоренные восточными магами гибкие клинки из вендийской стали, прокаленные на вулканическом огне.

Убивали их только легкие, но смертоносные мечи из мифрил-ла — металла, которым в мифические времена с людьми торговали гномы. Но теперь во всем мире остался лишь один такой меч, но кто им владел, было неизвестно. Даже всезнающие бродячие торговцы не могли назвать его имени. Платные рассказчики на

рынках, впрочем, называли его Демиургом, но большинство из них даже не скрывали, что сомневаются в его существовании.

Лотар посмотрел в другую сторону оазиса. Там стояла слониха с крохотным, всего нескольких недель от роду детенышем. Слононок был почти спокоен, он не верил, что с ним может произойти что-то плохое, когда такая сильная мама рядом. А вот слониха была беспокойна, потому что понимала: когда мантикора сожрет свою первую добычу, она начнет охотиться на нее. Слониха не боялась гибели. Но она хотела биться до последнего, защищая детеныша. Она только надеялась, что этот ужасный хищник, с которым ей не повезло оказаться рядом, сначала нападет на человека, а это позволит прожить ей и слоненку немного дольше...

Неизвестно почему, но Лотар это знал. Он мог даже что-нибудь приказать слонихе, и она послушалась бы его. Лотар понял, что теперь никогда не будет тем человеком, который пришел в этот оазис. Что-то нечеловеческое, замешанное на магии, навсегда останется в нем.

И тогда он увидел воду. Она вытекала из серебряной фигурки, которая украшала родничок, давший жизнь всему оазису. Хотя фигурку сделал Гханаши, это была настоящая вода, возвращающая силу и чистоту. Лишь собранная в бассейне, она становилась основой той черной колдовской субстанции, которую использовал колдун.

Постанывая от боли, шатаясь от неумения правильно управлять своими слишком сильными и быстрыми мускулами, Лотар пошел к родничку, удивляясь на ходу, насколько прекрасной может быть струйка не очень даже чистой, но живой воды. Он приник к ней губами, набрал ее в рот и... чуть не задохнулся. Ему хотелось пить ее не глотая, хотелось, чтобы она сама втекала в его тело.

Он пил, пил, пил, а потом снова пил. Вода вытекала у него из носа, почти залила ему легкие, залепила глаза и уши... А он все пил, чувствуя, как бисеринки пота выступают на его коже, вынося ту гадость, которая скопилась в нем после часов жажды и всех колдовских трансформаций.

Он пил, закашливаясь, потому что ему хотелось смеяться, пил, захлебываясь, потому что ему почти удалось добиться, чтобы вода сама втекала в его гортань... Наконец ему показалось, что он вот-вот полпнет, хотя его телу требовалось еще немало воды, чтобы он был по-настоящему сыт влагой.

Он отошел к бассейну и только тогда заметил, что вода стала промывать и бассейн. Колдовская жижа, наполнявшая его раньше, вытекла в проломы, которые дракон по имени Лотар сделал, когда атаковал колдуна. А немногие лужи грязи, что остались во впадинах неровно сделанного дна, вода разжижала и уносила в песок. Теперь бассейн наполнился тонкой, в полдюйма, пленкой совершенно безвредной, прекраснейшей воды.

Разумеется, еще не все эманации колдовских экспериментов рассеялись, слишком много отравленных, злобных сил осталось пока в этом месте, но через неделю-другую этой водой уже смогут

напиться верблюды какого-нибудь каравана, а через месяц и люди без особого для себя вреда зачерпнут ее из этого бассейна. И тогда одним животворным оазисом в пустыне станет больше.

Он вернулся к фонтанчику и снова принялся пить. Но теперь не торопился, а держал воду на языке, чтобы ощутить ее превосходный вкус, почувствовать, как каждый глоток прокатывается холодным шариком по пищеводу. Он погрузил руки в крошечный, не больше ковшика, водосбор и с наслаждением плеснул воду на себя, радуясь ее свежести...

Тревожный рев слонихи вознесся в почти неподвижном, сухом воздухе. Лотар мгновенно, не поворачивая головы, осмотрелся. Это было предупреждение. Слониха с непонятной для зверя заботливостью подсказала ему, что мантикора вышла на новую охоту и объектом этой охоты стал Лотар.

Глава 6

Пожалуй, вместо того чтобы плескаться в водосборнике, ему следовало поискать оружие. Он ведь понимал, что драка с мантикорой неизбежна. То, что он не нашел оружия, было ошибкой, и еще какой! Теперь он опоздал. Мантикора сидела между ним и развалинами дома, и миновать этот заслон было невозможно.

Может быть, подумал Лотар, ее можно отогнать? Это помогло бы и слонихе, которая предупредила его... Странно, что он вздумал заботиться о слонихе. Такого с ним никогда прежде не случилось. Вот только он не знал, как обмануть мантикору.

Он всмотрелся в желтые, немного навывкате глаза чудовища и понял, что если и можно кого-либо обмануть, то только не этого спокойного, жестокого и неуязвимого зверя, который ни разу в жизни не потерпел поражения, который и здесь-то оказался не потому, что был побежден, а потому, что заключил с Гханаши какой-то договор... Суть этого договора навеки утонула в глубине безжалостных глаз чудовища.

Вообще, чем внимательней смотрел на мантикору Лотар, тем более рассудительной и умной она ему казалась. Спустя несколько долгих ударов сердца Лотар спросил себя, не появился ли этот зверь на свет в результате одного из магических экспериментов Гханаши? Уж слишком совершенным был этот холодный и яростный рассудок, слишком приспособленным для того, чтобы крушить, убивать, пожирать...

Внезапно в его сознании возникло слабое, как эхо, но отчетливое предупреждение: будешь всматриваться — ослабеешь. Лотар повернул голову, и, как выяснилось, именно это ему и было нужно. Он отвел глаза, и наваждение стало рассеиваться.

Оказалось, пока Лотар стоял столбом, мантикора подошла на сотню футов ближе. Теперь их разделяло не больше трех-четырех хороших прыжков. И все-таки она не напала, более того, занервничала. Она стала хлестать себя своим членистым, жестким, как кремь, хвостом, аккуратно и заученно обращая к телу боковые,

плоские грани футового жала. Значило ли это, что ее яд был опасен и для самой мантикоры?

Лотар быстро осмотрел это оружие магическим зрением. Жало было не более страшно на вид, чем хорошо отточенное копье или черный дзюттэ, которым учил его драться Рубос. Да и у самого Лотара, вероятно, были более грозные шипы на хвосте, когда он превратился в дракона. Но каким-то таинственным образом это жало было способно пробивать любые доспехи, любую кожу и даже любую костяную броню какого угодно существа. Причем мантикоры рождались с таким оружием, а нет в мире силы большей, чем данная при рождении, — это Лотар теперь знал гораздо лучше, чем любой, даже очень могущественный волшебник.

Ты слишком отвлекаешься, ты почти проиграл, прозвучало в его сознании еще одно предупреждение слонихи. Внезапно Лотар понял, что она очень молода и этот детеныш — ее первенец. И еще он понял, она прекрасно знает, что Лотар будет биться и за нее тоже.

Я быстро перестраиваюсь, ответил он, и выставил вперед руки, чтобы проверить, не закрепил ли он где-нибудь мышцы нечаянным напряжением, которое могло погубить его, потому что замедлило бы удары и перемещения. Нет, все в порядке. Его трансмутированное тело, он убедился в этом даже с некоторой долей недоверия, было великолепным инструментом. Конечно, он еще не очень-то умел им управлять, но все-таки шансы против мантикоры у него были. Еще бы знать наиболее эффективную тактику... Может, ему удастся подловить ее на слишком самоуверенной атаке? Он снова окинул ее взглядом от носа до жала на хвосте. Нет, от этого зверя беспечности ждать не следует.

Она все еще не атаковала. Уж не драконий ли запах настораживал ее? Значит, Черные Драконы — то, что пугает мантикор? Жаль, Лотар не может вернуть себя в прежнее состояние. Впрочем, почему не может? Внезапно он понял, что помнит, как изменить мышцы, кости, кровь и нервы, как повторить трансмутации, которым научил его тело Гханаши. Вот только сейчас он уже не успел бы ничего завершить. Мантикора прикончит его быстрее, чем он закончит самые поверхностные превращения.

Воспоминание об оборотничестве заставило мантикору отступить на шаг. Она присела на задние лапы и раскрыла пасть, в которой узкой розовой лентой мелькнул раздвоенный язык. Может быть, она все-таки способна бояться? Лотар сделал несколько шагов вперед, представляя, как он превращается в дракона, и тогда мантикора бросилась на него.

Первые удары могучих лап вспороли воздух довольно далеко от Лотара. Эти движения показались ему не очень быстрыми, пожалуй, даже спокойными, и лишь уворачиваясь, он понял, что скорость его восприятия так возросла, что даже его тело не успевало сделать то, что он хотел. Мускулы ныли, связки скрипели, а кости — совершенный каркас его тела, данный человеку природой, — гнулись от резкости этих движений. Лотар начинал все лучше понимать, что ему нужно, чтобы работать этим телом с

полной скоростью. Но он мог научиться чему-то, только если останется в живых.

Он отпрыгнул в сторону и тут же выбросил вперед ногу, чтобы попасть в ту область, где у всех нормальных зверей находится сердце. Нога засвистела в воздухе, таким стремительным был удар, но мантикора пропустила этот выпад и тут же ударила правым крылом.

Он выставил хватательный блок и почти поймал этот удар. Крыло оказалось очень сильным, но кости под нежными, по ощущениям Лотара, перьями были очень легкими и осязательно расходились в тонких, почти бессильных суставах.

От следующего удара лапой он отлетел назад на добрый десяток футов. И тотчас же мантикора прыгнула, но когда она приземлилась на то место, где Лотар лежал несколько мгновений назад, он стоял уже далеко в стороне.

Оба противника закружились, словно в танце, стараясь перехитрить друг друга. Теперь мантикора и не собиралась прикрывать дом. Оба знали: стоит ему побегать к развалинам, мантикора расправит крылья и одним рывком подхватит его, как сова мышонка в поле.

Новая атака. От не слишком сильных ударов в грудь он закрылся мощным блоком из скрещенных рук, а мгновенного удара по ногам избежал, подпрыгнув на месте. Это дало ему возможность атаковать мантикору, до ее носа вполне можно было дотянуться даже руками человека... От этих прямых у Лотара заболели кисти рук, а из-под кулаков брызнула кровь. Мантикора взвыла, отлетела назад, полосуя воздух вокруг себя крыльями и передними ногами.

Лотар рванулся, чтобы прорваться сквозь эти отмашки и влететь еще пару ударов в нос, который оказался таким уязвимым... Он уже нырнул под взмах левым крылом и приготовил ногу, чтобы с разворота рубануть ступней зверю в переносицу, но... едва успел отпрыгнуть. Мантикора вовсе не надеялась, что эти глупые движения защитят ее. Она хитрила, она устроила это представление, чтобы круговым движением через голову вколотить в его нагое тело свой хвост с черным жалом на конце.

Жало просвистело всего в нескольких дюймах. Но Лотар уже не увидел, ударились ли мантикора о камни или сумела остановить этот выпад. Он кувырнулся через руки назад, а оказавшись на ногах, тут же прыгнул в другую сторону, чтобы не попасть под второй удар. Приземлившись, он был уже готов к бою. Впрочем, сделал он для себя вывод, прыжки получались у него слишком высокими, противник поумнее уже поймал бы его в полете, когда он был почти беззащитен.

Потом мантикора провела несколько очень точных и обдуманых атак. Каждая из них могла окончиться смертью Лотара, но он по-настоящему не раскрывался и даже не пытался контратаковать. Он лишь защищался. Со стороны казалось, что он погребен под лавиной ударов и точных, смертоносных выпадов. Но когда

противники разошлись, чтобы перевести дух, Лотар с изумлением обнаружил, что не получил ни одной серьезной раны.

И тогда радость, еще не очень уверенная радость возможной победы стала расти в его сердце. Он был быстрее и точнее. Он расправится с этим чудовищем, хотя ему и не хватает опыта. Но он учится, пробует, а мантикора с каждым разом все чаще откачивается назад...

Спустя еще три или четыре схватки он понял, что в самом деле научился защищаться. Теперь, чтобы победить, следовало научиться нападать. Но перед этим нужно измотать мантикору. Он попробовал перемещаться так быстро, что напор воздуха ощущался телом, как упругая, едва преодолимая преграда. Но это ни к чему не привело. Мантикора теряла его из поля внимания, но была слишком опытным бойцом, чтобы следовать за ним. Она вытягивалась столбиком, выставляла передние лапы и крылья в странном на вид, но довольно эффективном круговом блоке и ждала, экономя на каждом движении. Пожалуй, таким образом Лотар скорее измотал бы себя, чем мантикору. Пришлось сбросить темп.

Эти не очень успешные действия тем не менее привели к тому, что мантикора почувствовала себя неуверенно. Она даже отошла к стене, чтобы прикрыть спину. Это уже было отступлением, и Лотар возликовал.

Он резко сократил расстояние и сделал несколько обманных движений. Мантикора неожиданно ударила его крылом... Но когда отливающая медью плоскость оказалась перед ним, Лотар перехватил ее и с силой крутанул, подобно тому как человеку выворачивают руку в плече и локте.

Мантикора завизжала от боли. Вопль этот резал слух, притуплял координацию, как сирены, которыми Гханаши атаковал Лотара ночью. Впрочем, каким-то образом он, вернувшись в естество человека, приобрел стойкость к акустическим атакам, и это помогло ему. Когда Лотар отскочил от мантикоры, ее крыло волочилось по земле, как огромный веер. Теперь она прятала этот бок, отступая в угол стены, чтобы уменьшить сектор, с которого Лотар мог ее атаковать.

Но едва она забилась между стенами, сходящимися под прямым углом, а Лотар упустил вывихнутое крыло из виду, мантикора тут же сбила его этим самым крылом с ног. Лотар покатился по земле в туче пыли, стараясь подняться на ноги, получая все новые и новые удары передними лапами чудовища, едва успевая увертываться от челюстей мантикоры, с которых капала пена...

Казалось, она действует наобум, просто старается использовать ошибку противника, но очень скоро Лотар понял, что эти ее атаки были едва ли не более взвешенны, чем оборона, — мантикора закатила его под стену, где у него практически не осталось шансов подняться на ноги и встретить ее в полную силу. Это было опасно, очень опасно, тем более что он не знал, как выкрутиться.

Мантикора выла, радуясь победе, которая была уже близка.

Она даже распрямила свой чудовишный хвост, чтобы одним верховым ударом покончить с этим человеком, который и так слишком долго держался. Только тогда Лотар увидел, что нос мантикоры, который он разбил кулаками, даже не кровоточит. Что крыло, которое, как ему казалось, он вырвал из суставов, двигается как новенькое. Лишь тогда он понял, почему все, кто рассказывал о мантикорах, говорили об их неуязвимости. Эти чудовища залечивали себя с такой быстротой, что не боялись практически никакой серьезной раны. Лотар рано радовался, когда думал, что достает мантикору своими ударами. Теперь он понимал, что погибнет из-за самоуверенности.

И когда мантикоре осталось нанести уже последние, добивающие удары, она вдруг с диким ревом повернулась на месте... Оказалось, что слониха, понимая, что с Лотаром вот-вот будет покончено, подкралась сзади и наступила на мерзкий, ядовитый хвост чудовища всей своей немалой массой.

Она не решилась действовать более решительно, но и этого было достаточно. Хвост мантикоры хрустнул, вдавившись в песок, и сломался, как сухая ветка. Увидев, что мантикора поворачивается к ней, слониха бросилась в дальний угол зверинца, высоко задрав хвост и трубя от ужаса изо всех сил. И сделала это вовремя, все удары мантикоры, которыми она хотела отомстить слонихе за нападение сзади, так и не достигли цели. А когда чудовище повернулось к своему главному противнику, Лотар уже стоял на ногах, спокойный, уверенный, жесткий, едва вздымая грудь в ровном и бесшумном дыхании. Он готовился к атаке. Его не могли смутить прежние неудачи, как больше не заставили бы ошибиться прежние успехи.

Мантикора поползла в сторону, направив всю энергию на восстановление сломанного хвоста. Ей нужно было время.

Лотар и сам был жестоко избит. Клыки мантикоры разорвали ему верхние мускулы на левом предплечье, глубокие царапины остались у него на животе, суставы левой ноги были растянуты, когда он попытался слишком быстро подняться, но мантикора успела сбить его на песок... И все-таки теперь он знал, что победит, если не будет медлить.

Он пошел в атаку. Еще несколько минут назад он считал бы такие действия самоубийственными. Но теперь...

Лотар сократил расстояние между ними, а когда мантикора попыталась отмахнуться, перехватил ее переднюю лапу и нанес удар в подмышечную ямку, прямо в сустав и связки чудовища. Мантикора захлебнулась криком, пытаясь подняться на задних ногах, но Лотар скользнул еще ближе под выключенную лапу и одновременно ударил дважды — локтем под ребра и ногой в паховую область...

Он едва увернулся от падавшего на него зверя. Прежде чем мантикора опомнилась, он уже был у нее на спине и воткнул несколько ударов кулаком по уху, под ухо, в висок, по шее, где вены выходили почти на поверхность. Снова визг, мантикора перевернулась через спину, неловко помогая себе крыльями, и попытала-

лась подняться. Но передняя лапа подламывалась, и она падала. И каждый раз Лотар оказывался рядом и бил, бил так, что лоскуты его собственной кожи с костяшек пальцев, разбрасывая в воздухе жгутики крови, разлетались, словно чешуя с рыбы.

И все-таки дело было еще совсем не решено. Мантикора ждала. Она и пропускала все эти чудовишные удары, которые убили бы любого зверя, кроме нее, потому, что все ее силы уходили на то, чтобы восстановился хвост и чтобы к ней вернулась возможность нанести удар жалом...

Лотар ждал того же. Он не мог убить мантикору. Но он помнил, как она отводила жало, когда хлестала себя хвостом по бокам. Возможно, он ошибается и тогда, конечно, погибнет. Но если его догадка верна, если он сумеет...

Он понял, что мантикора восстановила способность ударить хвостом, на мгновение прежде, чем она сама. Какой-то невыразимый, космический инстинкт подсказал ему, что для мантикоры он уже не грозный, атакующий, причиняющий неистовую боль противник, а мишень... Кем бы он ни был на самом деле, пусть даже и драконом, принявшим человеческий облик, он все равно стал мишенью.

Тогда он, заскрипев зубами от боли, которую вызвала невероятная скорость этого движения, проскочил вперед, почти лег на потную, изрубцованную темной кровью кожу мантикоры и, сомкнув обе ладони в борцовский замок, нанес удар в ту точку, где из мускулов шеи и непробиваемой кожи выступали позвонки ее хребта. Кости и суставы его рук отозвались такой дикой болью, что он сам чуть не взвыл, и даже громче, чем атакованное чудовище.

Но это было бы смертельной ошибкой. Потому что именно в тот момент мантикора из всех сил ударила хвостом, чтобы раз и навсегда покончить с ним.

Лотар прыгнул вперед, мускулы его ног взорвались ослепительной болью, но он успел. Жало, просвистев в воздухе, впилося в бок мантикоры, где он должен был находиться, где он только что находился, но где его уже не было.

Он прокатился по песку, попытался встать на ноги, тут же упал, снова попробовал встать... Боль в ногах была почти невыносимой, ему казалось, что все суставы превратились в кашу и не способны выдержать его вес. На мгновение он испутился — значит, хитрость его была напрасной, и мантикора оказалась быстрее, чем он надеялся, и его все-таки настигла в воздухе жалящая смерть, а боль эту разносят по его телу волны яда...

Но потом он увидел мантикору. Бешеными рывками, в которых не было и тени кошачьей грациозности, мантикора каталась по песку, размахивая в воздухе лапами, крыльями, головой... Лотар никогда не видел ничего подобного. Вероятно, умирать от яда мантикоры было мучительно, иначе она не наносила бы себе новые и новые удары, чтобы скорее прекратить эту чудовишную, невыносимую даже для нее пытку.

Осторожно, едва напрягая мускулы, Лотар подтянул ноги и ощупал их. Ступни были в порядке, но суставы посинели от кро-

воизлияний и отзывались на любое прикосновение мучительной болью.

Он подполз к стене и привалился к ней спиной. Он почти обездвижел, но если он отдохнет, может быть, к его чудесному новому телу вернется способность двигаться так, как в бою с мантикорой? Он улыбнулся.

Он победил. Мантикора умирала в пыли. Теперь она казалась еще страшнее, еще чудовищнее, чем в первое мгновение. Хотя, возможно, он просто возвращался в более человеческое состояние, чем был во время поединка, и его психика начинала реагировать естественней. А что может быть более человеческим, чем страх перед мантикорой?

Да, он победил. Но выживет ли он здесь, найдет ли в развалинах дома пищу, сможет ли обойтись без помощи, если даже доползти до воды кажется ему подвигом? Сколько протянет он здесь в одиночестве?

Ты не один, услышал он далекий, но такой ясный голос. Ты свое сделал. Теперь я перенесу тебя к воде, и твои раны заживут быстрее. Потерпи, человекодракон, я поднимаю тебя, будет немного больно... Гибкий хобот слонихи обхватил его поперек разломанных, синюшных ребер и поднял в воздух. Это было так невыносимо, что Лотар застонал.

С высоты, на которую его подняла слониха, он увидел мертвую мантикору и еще раз убедился, что победил, хотя и произошло это каким-то необъяснимым образом. От боли, затопившей его тело, он едва не потерял сознание. Лишь желание напиться еще поддерживало его.

И тогда он вспомнил о своей жажде, которая по-прежнему терзала его, едва ли не сильнее, чем боль. Бесконечная, благословенная жажда, удержавшая его в человеческой сути...

Как ни осторожно несла слониха Лотара к родничку оазиса Беклем, один раз она все-таки трянула его, и он, так и не дождавшись воды, потерял сознание. Но это не опасно, решила она. Мантикор поблизости не было, а с другими хищниками без труда справится и она сама. Он поправится, непременно поправится. А потом вытащит отсюда ее и малютку. Потому что, как ни пытался Гханаши сделать его мерзким Черным Драконом, похоже, в главном он остался человеком. А благодарность занимает в списке человеческих свойств не последнее место.

Доказательство человечности

Глава 1

Лотар, прозванный Желтоголовым, торопился. Он хотел попасть в Ашмилону, столицу королевства Гурхор, до того, как на ночь закроют ворота. Конечно, ворота можно было перелететь, но он хотел войти в город как обычный путник, не привлекая внимания.

Крылья, которые он отрастил себе в оазисе Беклем вместо рук, устали. Вечереющий воздух уже не казался таким надежным и прозрачным, как в начале полета, он стал слишком плотным и в то же время слишком разреженным, чтобы можно было опереться на него кожистыми драконьими перепонками. Немногие вещи, захваченные Лотаром из оазиса, стали стеснять движения, а фляга, которую он неудачно привесил к поясу на слишком длинном ремне, при каждом взмахе била по ногам.

На этот раз Лотар не слишком трансформировал себя. Он практически не изменил ноги, голову, шею, хотя вынужден был нарастить на торс дополнительные мускулы, чтобы управлять крыльями, и совершенно изменил руки. На концах крыльев он оставил человеческие кисти, чтобы при необходимости обхватить рукоять меча, хотя одному Кроссу известно, каково это — биться крыльями вместо рук.

В крайнем случае можно попытаться удрать. А если не получится, решил Лотар, придется трансформировать крылья в руки во время схватки. Это было в высшей степени сомнительно, потому что трансформация требовала огромного напряжения и вызвала дикie приступы боли. Но иметь возможность держать меч было лучше, чем ничего.

Улетая из Беклема, Лотар взял с собой огромную серебряную флягу с водой, уложил в кожаную сумку кошелек разменного серебра, несколько красивых безделушек, дюжину старинных книг по медицине и не очень сложному колдовству, а на самый верх положил рубашку и длинную куртку, которые собирался надеть после перелета. Большое чистое полотенце уже не поместилось, и его пришлось засунуть в наружный карман сумки. На себе Лотар оставил сапожки, штаны из темного грубого шелка и широкий кожаный пояс, в потайные кармашки которого уместилось триста цехинов.

Вооружился Лотар длинным широким кинжалом для левой руки с замысловатой плетеной гардой, легкими поножами, чтобы блокировать низовые атаки, и небольшой нагрудной пластиной, похожей на украшение, но способной выдержать удар алебарды. Кроме того, в ней был устроен небольшой тайник, в котором уместилось жало мантикоры, сохранившее, как ни странно, многие свои свойства и после того, как Лотар отрезал его. Кованые наручи из черной меди с когтями и потайными захватами для клинка противника Лотар вынужден был оставить в сумке, потому что на измененные руки они не надевались.

Но главным его приобретением был меч. Когда Лотар в оружейной убитого колдуна впервые увидел это оружие, то сначала не обратил внимания — другие клинки формой и блеском затмевали его. Лишь опробовав его, Лотар понял его совершенство. За простотой меча скрывалось мастерство боя, которому даже нынешнему Лотару предстояло еще учиться. Кроме того, в стали клинка было что-то, что не позволяло накладывать на него ни темное заклятье, ни светлые чары. Но и без всякой магии эта дуга чистой стали была губительна для всякой нечисти не меньше, чем самородное серебро.

Чем дольше смотрел Лотар на свой новый клинок, чем глубже пытался проникнуть внутренним зрением в его прошлое, тем больше убеждался — меч выкован гениальным мастером и ни разу не подвел своего обладателя. Всех его прежних владельцев убивали не в бою, а предательством, ложью, магией или подлым превосходством соблазнов над честью.

Когда Лотар впервые опустил клинок в заплечные ножны, он понял, что меч носит имя. Сосредоточившись, Лотар нашел слово. Он догадался, что это не настоящее имя, клинок еще не совсем доверял ему, он лишь подчинился владельцу и согласился на имя — Гвинед.

Пока Лотар жил в Беклеме, он учился работать Гвинедом от восхода до зари, стремясь понять его тактику, характер и силу. Это было непросто, непривычная форма предлагала другой рисунок боя, чем тот, которому учили Лотара.

Длина клинка чуть больше трех футов, и острие его было приспособлено скорее разрывать, чем прокалывать. Кроме того, Лотара сначала смущала чересчур маленькая, овальная гарда, которая не закрывала руку от атак противника. И в довершение, Лотар не понимал, что делать с длинной, чуть не в три ладони, рукоятью, оплетенной каким-то черным материалом, который не становился скользким ни от пота, ни от крови. Но потом случайно открыл, что эта форма рукояти давала возможность укорачивать выпады, что резко усиливало удары и делало их чрезвычайно эффективными при выпадах назад или атаках снизу. Лотар так и не понял, сам он пришел к такому открытию или Гвинед каким-то образом повлиял на его сознание и научил подобным приемам.

После этого открытия посыпались одно за другим, и уже через несколько дней Лотар лишь усмехался, вспоминая свою недогадливость первых дней, а его уважение к мечу переросло почти в

благоговение. Этот-то меч и довершил экипировку Лотара, когда он отправился в Ашмилону.

Миновав пустыню и оказавшись над дорогой и полями, Лотар попытался стать невидимым, но, как ни старался, далеко внизу под собой постоянно видел полупрозрачную тень, скользившую по сухой земле. Этим колдовским приемом он еще не овладел. Тогда, чтобы его не увидели издалика, он снизился на высоту в несколько локтей, так что на пригорках его крылья взвихряли пыль, и стал петлять между холмами. Он надеялся, что предчувствие не подведет его. И ошибся.

Вылетев из-за очередного излома грубой скальной породы, он чуть не врезался в конных стражников с гербами короля Конада. Их было всего двое, оба устали от жары, от слепящего солнца, от однообразного патрулирования. Они почти спали в седлах, потому-то Лотар и не почувствовал их.

Лошадь под одним из всадников заржала и поднялась на дыбы, ее седок чуть не вылетел из седла. Он ничего не понял, потому что не успел даже поднять голову. Но другой подался вперед, закрывая глаза от солнца, и тренированным движением перехватил пику для боя. Это сбilo его коня с толку, тот повернулся, оступился и чуть не грохнулся в какую-то яму, но все-таки — Лотар был в этом уверен — всадник что-то разглядел.

На мгновение его слабая тень накрыла патрульных, это значило, что солнце оказалось за его спиной, а против солнца трудно что-нибудь разглядеть. Но это было слабым утешением.

Лотар перемахнул через верхушку ближайшего холма, сразу снизился и прибавил ходу. Через четверть часа полета он оказался над небольшим полупересохшим прудиком с невысоким ореховым деревом на берегу. Вокруг было пусто. Лучшее место, чтобы вернуть себе человеческий облик, трудно было найти, и Лотар опустил на землю.

Прежде всего он нуждался в воде. После трансформаций, какими бы они ни были, на коже выступала отвратительная зеленоватая слизь с мерзким запахом. Как-то, заглянув в себя проникающим зрением, Лотар увидел, что она образуется от гибели ненужных, сменяемых клеток его тела. Эту слизь полагалось сразу смыть, потому что, помимо неприятного ощущения, она служила отчетливым доказательством оборотничества Лотара и могла его выдать.

Не обращая внимания на боль, Лотар стал очень быстро трансформировать руки, чтобы никто не захватил его врасплох. Еще во время своих первых экспериментов он заметил: чем быстрее меняешь тело, тем болезненнее это происходит. Сейчас он так торопился, что чуть не выл от боли, и все равно подгонял себя. Едва окончив трансформацию, он вдруг обнаружил, что оба всадника, с которыми он чуть было не столкнулся, всплыли в его сознании. Каким-то непонятным образом Лотар видел их, хотя они находились на расстоянии пяти миль и их закрывали довольно высокие, обрывистые холмы.

Патрульные неслись по дороге во весь опор, озираясь по сто-

ронам. Один из них, тот, который едва не вылетел из седла, вдруг закричал:

— Ради Рамона, что это было?!

Второй, не поворачивая головы, ответил:

— Я видел каждую складку на его крыльях!

Первый вдруг резко остановил коня и вытер пот со лба. Второй, услышав, что его напарник не скачет за ним, перевел свою лошадь на рысь, оглянулся и тоже остановился.

— Мазот, пока ты не скажешь, что ты видел и какими дураками собираешься выставить нас перед начальством, я не тронусь с места, — отчеканил первый.

— Я расскажу, Элирах, но, может быть, ты выслушаешь на ходу?

— Я не тронусь с места...

— Хорошо. В отличие от тебя, я сразу понял, куда нужно смотреть. И солнце не так слепило меня, как тебя. Поэтому...

— Что это было? — Элираху определенно не нравилось, что его напарник обошел его в чем-то, что могло оказаться важным.

Впрочем, Лотар не сомневался: к тому моменту, когда они доедут до города, Элирах будет твердить всем и каждому, что они разглядели все на пару, а через день начнет утверждать, что видел даже чуть-чуть больше, чем его дружок, хотя, конечно, и тот кое-что заметил.

— Это был голый человек. Что-то блестящее висело у него на животе, а вместо рук у него были крылья. Он ими махал, как аист после долгого перелета, и... — Мазот замолчал.

— А может, это был Черный Дракон?

Голос Элираха звучал так, что Лотару захотелось внушением поучить его вежливости, но он был слишком занят. Да и не интересовало его, как эти двое разговаривают между собой.

— Знаешь... — Мазот не заметил издевки, он старался лишь описать то, что видел. — Он был как из стекла.

— Ага, теперь эта летучая штука стала стеклянной! — Элирах пожевал губами.

— Она не стала, а была. И не штука, а человек, который...

— Хватит. — Элирах достал флягу, сделал несколько долгих глотков. Он подчеркнуто не торопился. — Ты хочешь все это рассказать капитану?

— Мы обязаны рассказать. — Мазот насупился.

— Да кто нам поверит?

— Мы должны. А не поверят, это будет уже не наша вина.

Лотар ахнул. Если бы он подготовился, то успел бы внушить этим двоим, что все это привиделось им от жары. Но момент был упущен. Лотар был так переполнен болью после трансформации, что не имело смысла и пытаться — они сразу поймут, что эти мысли наколдованы, потому что с ними придет эхо непонятной боли. Оказалось, быстрота не всегда лучше медлительности.

— Послушай, Мазот. — Элирах подъехал к другу, положил руку ему на плечо, незаметным движением заставил лошадей стоять смирно. — Я не против того, чтобы доложить все это капитану. Только нужно подумать, что и как мы скажем...

Лотар стал терять контакт со стражниками, он уже не мог их слышать, хотя он еще видел место, где они находились, с высоты, как будто пролетал над ними. Не торопясь, стражники ехали по извилистой и довольно широкой дороге. Лотар даже приметил в стороне нескольких крестьян, что дремали дружной компанией после обильного обеда в тени пальм, пережидая жару.

Сосредоточившись, он прервал это наваждение и попытался определить, где находится. До города стражникам предстояло проехать не меньше двух лиг, а ему по прямой нужно было пройти чуть больше мили. Если он поторопится, то опередит Элираха и Мазота.

Лотар прыгнул в воду и переплыл прудик несколько раз. Он и забыл, какое это удовольствие — плавать. Потом оделся, не вытираясь, — при такой жаре вода высохла едва ли не быстрее, чем он возился бы с полотенцем.

Перед тем как пуститься в путь, он снова попытался почувствовать, что лежит впереди, но ничего, стоящего внимания, не обнаружил. Правда, теперь он ни в чем не был уверен. Вздохнув, Лотар поправил Гвинед и кинжал, выпил воды из фляги, еще раз тщетно попытался изгнать боль из мышц плеч, спины и рук и пошел к городу, который отчетливо ощущался впереди.

Глава 2

Ворота, к которым подошел Лотар, оказались главным караванным входом в Ашмилону. Они были закрыты, но стража не ушла за стены, а скучала на солнцепеке.

Теперь Лотар больше всего опасался собак и лошадей. Собак поблизости не было, а вот пяток лошадей стояли у коновязи, грустно косясь на ворота, за которыми находилась конюшня. Лотар пошел к постовым чуть ли не боком, он и представить не мог, что будет, если лошади признают в нем оборотня.

— Кто ты и откуда? С какой целью прибыл в престольный город Ашмилону? — скороговоркой спросил командир стражников.

— Я путник из пустыни, иду в Ашмилону, потому что слух об этом городе достиг отдаленных сторон мира, — ответил Лотар присказкой караванщиков.

Сержант усмехнулся, ему понравилась шутка. Лотар тоже улыбнулся из вежливости.

— Что-то ты слишком легко снаряжен для похода по пустыне, путник.

— Много ли нужно человеку? Меч, чтобы не бояться дороги, вода, чтобы выжить, и несколько книг, чтобы мир предстал храмом.

— А, книжник. — Интерес сержанта к Лотару мигом угас. — Тогда с тебя три обола.

Лотар полез в сумку, вытащил кошелек с мелочью и расплатился.

— Интересный у тебя меч, — сказал один из стражников, подойдя сзади.

— Другого такого, может, и нет на свете. — Пока стражник не отошел, Лотар быстро спросил: — Почему так малолюдно у главных ворот, добрый человек?

— Были дни, когда тебе пришлось бы толкаться полдня, чтобы пройти в ворота, а теперь... — Воин сокрушенно махнул рукой.

— Эй, не болтать! — взревел сержант и повернулся к Лотару. — А ты проходи, если пришел.

— Ты что, Костах, ведь он все равно узнает. — Стражник, заинтересовавшийся мечом, удивленно смотрел на сержанта.

— Неважно. Узнает, да не на моем посту.

Стражник отвернулся. Лотар осторожно подошел к лошадям. Они дружно вытянули в его сторону головы. От облегчения Лотар рассмеялся, достал из сумки несколько соленых сухарей и стал скармливать их мохнатым, как всегда, немного грустным, большеглазым и горячим животным.

— Ты что делаешь? — От ужаса сержант, казалось, готов был выхватить меч.

Лотар вытянул вперед руку с сухим хлебом:

— Это всего лишь...

Стражник, с которым у Лотара так и не получилось разговора, схватил его за руку и потащил к воротам. На ходу он быстро говорил:

— Будь осторожен, чужеземец. Странные у нас тут дела творятся, и люди легко теряют голову, когда видят необычное.

— Разве дать лошади остаток лепешки — необычно?

Стражник дружески, но довольно настойчиво подтолкнул Лотара к воротам, которые двое других служивых уже приоткрыли ровно настолько, чтобы мог пройти один человек.

— Сам все узнаешь.

Лотар понял, что, стараясь опередить Элираха и Мазота, снова поторопился. Город и все, что здесь происходило, следовало оценить еще на подходе. А теперь прочувствовать что-либо он мог только изнутри, что было гораздо труднее.

Лотар пошел по улицам, оглядываясь по сторонам. Теперь, когда ему подсказали, что не все здесь в порядке, он начал ощущать какую-то пелену, которая, казалось, заткала сам воздух над городом. Но определить, что это было, он не мог. Одно ясно: это не чума, иначе его не впустили бы так легко. Кроме того, все духаны, которые попадались ему, были открыты, и из большинства доносились голоса. Нет, это определенно не какая-нибудь местная зараза.

И все-таки что-то было разлито в воздухе, какое-то незнакомое, глущее ощущение, скорее присущее людям, чем городу. Людей, кстати, в городе осталось немного, и было очень трудно определить, что они думают, потому что все их мысли были скованы какой-то боязнью. Внезапно Лотар понял — то, что делало этот город странным, связано с ночью.

Конечно, можно прочитать их мысли. Но это был столичный

город, и, как в каждом месте, где обитает власть, здесь жило немало волшебников, и они-то уж непременно почувствовали бы, что кто-то охотится за мыслями людей.

Едва это пришло ему в голову, Лотар почувствовал, как что-то действует на него самого. Он словно бы заранее знал, что сейчас пойдет по этой улице, свернет в ту сторону, оглянется на редкие фонари, которые уже зажигали фонарики, пойдет к какой-то неясной, смутной точке, горящей в его сознании, словно маячный огонь в темной ночи. Скорее всего, это было неопасно, но, конечно, могло оказаться и ловушкой. Раздумывая над этим, Лотар все-таки шел туда, куда вело его это воздействие.

Вот духан, вот дверь. Лотар подошел, толкнул, и... ничего не произошло. Но предчувствие исчезло.

Лотар шагнул вперед. Внутри было грязновато и дымно от очага, который горел на кухне. Посетителей было трое. Двое сидели рядом, сумрачно разглядывая общую кружку с дешевым кислым вином. Третий, несмотря на жару, кутался в плащ и вздрагивал, как в приступе лихорадки.

Лотар отошел к противоположному от двух выпивох краю длинного общего стола, снял сумку и сел на вытертую до блеска деревянную скамью. Почти сейчас же из двери, ведущей на кухню, выскочил голый по пояс, потный духанщик и бросился к новому посетителю.

— Чего угодно молодому господину из отдаленных земель?

— Ужин и комнату для ночлега. Но постель должна быть без клопов, а ужин без мух.

— У меня самый чистый духан во всем городе, — горделиво произнес хозяин. — Если бы было иначе, то даже в эти трудные времена у меня не собралось бы... — Он едва ли не с гордостью обозрел двоих нищих. — Что господин будет пить?

Лотар заколебался. Он знал, что алкоголь не доставит ему удовольствия. Но не заказать вина значило стать слишком приметным клиентом, о котором, пожалуй, несколько недель духанщик с негодованием будет рассказывать каждому встречному и поперечному.

— Вино, конечно, и большую кружку воды, очень большую. Я, знаете ли, — Лотар чуть ли не заискивающе улыбнулся, — привык на Срединных островах разбавлять вино холодной водой.

Духанщик огорченно покачал головой:

— И каких только чудачеств не придумают чужеземцы.

Скоро на столе в огромном деревянном блюде появился ужин, затем кувшинчик с вином и огромная глиняная кружка с водой. Но духанщик не уходил. Он смотрел, как Лотар расправляется с мясом и ароматной, свежей зеленью, и вздыхал, не решаясь задать следующий вопрос. Наконец он осмелился:

— Молодой господин долго пробудет в нашем городе?

— Не знаю, завтра поброжу по базару, посмотрю, какие у вас цены. — Для того чтобы двигаться дальше, Лотару необходимо было купить множество самых разных вещей. — И еще я хотел послушать разговоры...

— В таком случае господину следует заплатить вперед.

И всего-то. Лотар усмехнулся. Ему, как воришке, всюду мерещатся мнимые ловушки. Он кивнул, сунул руку в сумку, достал кожаный кошелек, отсыпал на стол три драхмы.

Монеты исчезли молниеносно. Лотар даже удивился, как быстро может летать пухлая рука духанщика. Потом хозяин стал приседать и кланяться.

— Благородный господин может оставаться три дня, а может, если пожелает, и больше. У меня самый приличный духан в нашей части города. Надеюсь, я не обидел благородного чужестранца тем, что попросил деньги вперед?

Духанщик, пятась, исчез. Лотар посмотрел на блюдо с мясом. Интересно, будь он обычным человеком, сумел бы он разглядеть, что ест? В общем-то Лотару это было не нужно, он видел каждую шербину на противоположной стене духана так же отчетливо, как в ясный полдень. Но теперь такие мелочи будут определять, насколько он покажется подозрительным другим людям. Повывисв голос, он произнес:

— Духанщик, я не вижу своего ужина. Принеси свечу, и поскорее!

Толстая сальная свеча в большом глиняном подсвечнике появилась почти мгновенно. Почему-то пятно желтого свечного света около его блюда обрадовало Лотара. Он с наслаждением вонзил зубы в хорошо пропеченную баранину, чувствуя, как горячий жир течет по его подбородку...

И тут сильная рука опустилась на его плечо. Чей-то смутно знакомый голос произнес по-гурхорски, с легким варварским акцентом:

— А не угодно ли будет благородному чужеземцу разделить ужин с соплеменником? И, может быть, отдать ему долг?

Лотар повернулся.

На него, улыбаясь во все тридцать два великолепных зуба, смотрел измученными, голодными глазами Рубос из Мирама, бывший командир Лотара и почти что его земляк.

— Старина! — Лотар и сам не ожидал, что в порыве радости обнимет этого человека. — А я думал, тебя нет в живых.

— Я и сам так думал, — ответил тот, — пока дассы не убедили меня в обратном.

Глава 3

Вторая кружка вина уже исчезла в широкой глотке Рубоса, и на столе появилась третья, к нескрываемой зависти двух выпивох на другом конце стола. Четвертое блюдо с мясом опустело, хотя уже и не так быстро, как третье. Свеча догорела до половины.

Лотар допил свою кружку воды и попросил духанщика принести еще одну, уже ничего не опасаясь.

Рубос вытер жир с подбородка и облизал пальцы. Белесая щетина двигалась со щеками, за которыми почтенный воин языком

выковыривал волокна мяса, застрявшие между зубов. Он был вполне счастлив.

— Ты не поверишь, но я почему-то приперся в этот духан и целых три дня ждал неизвестно чего. Я действовал, — Рубос развел руками, — словно по приказу!

— Знаешь, я тоже. — На мгновение Лотару показалось, что он слышит колокольчик, зазвеневший только для него и предупреждающий о смертельной опасности. — Ладно, потом... Ты лучше расскажи, почему ты живой?

— Вечером перегрыз веревки, которые оказались из старого льняного тряпья, и убежал. Но меч вернуть не удалось. А что я теперь без меча? Так, копыто без подковы.

— Подожди, я не понял, ты что же, пешком шел через пустыню?

— Нет, я увел у них двух лошадей, но они по дороге сломались, потому что удрать-то я удрал, а вот захватить с собой пищу и воду, особенно для лошадей, не успел.

— Устроил при бегстве бучу?

— Буча сама поднялась, после того как я столкнул двух разбойников, а их головы загрохотали, как пустые кувшины.

— Они гнались за тобой?

— Пытались, но я выбрал самый тяжелый путь, который даже меня чуть не прикончил.

— Теперь понятно, почему ты загнал лошадей.

— Они были плохо подготовлены для настоящего дела. Если бы у меня был мой Веселок, я прискакал бы сюда свеженьким, как после поцелуя прекрасной барышни.

Лотар поймал себя на том, что разглядывает Рубоса пристально, как в бою. За словами, которые так небрежно произносил воин, была и смертельная рубка, и плен, и угроза позорной смерти, и драка безоружного, измученного пленника с сухопутными пиратами, и отчаянное, чудом окончившееся успехом бегство, и погоня, которая привела к гибели сильных, выносливых коней, и последние, на грани возможного, усилия добраться до людей, и, наконец, нужда и лютый голод последних дней.

Рубос провел грязной рукой по подбородку.

— Теперь бы мне выспаться, сходить в баню, к цирюльнику, переодеться, купить новый меч, а там... — Он закинул руки за голову и привалился к стене, счастливо улыбаясь, словно все это у него уже было.

— И что бы ты сделал?

— Я потерял все, что нажил за пятнадцать лет службы. Помоему, самое время податься в родные края. Как только появятся деньги на обратную дорогу.

— Знаешь, я думаю о том же. И мне нужен попутчик. Может быть, поедешь со мной? — И быстро добавил, пока Рубос еще улыбался: — Естественно, расходы я беру на себя.

— Здорово, малыш! — Рубос хлопнул Лотара по плечу. Раздался звук, словно его ладонь шлепнула по твердому, сухому дереву. Глаза у Рубоса сузились. — Эге, да ты немного изменился. — Он еще раз хлопнул Лотара. — С тобой ведь тоже что-то происходи-

ло, верно? — Глаза Рубоса залучились смехом. — Или мне теперь нужно называть тебя «благородный господин»? — Он очень похоже изобразил сюсюканье духанщика. — Сдается, тебе повезло больше, чем мне.

Пока он болтал, Лотар напряженно думал, следует ли рассказать Рубосу правду. Обмануть его не составило бы труда. Рубос из Мирана был мудрым воином, но весьма легковверным человеком. И все-таки Лотар решил ничего не скрывать. Чтобы потом не опасаться, что Рубос может подвести.

— Да как сказать. Не думаю, чтобы то, что со мной произошло, называлось везеньем.

И Лотар поведал все, что помнил и что мог определить словами. Он не пытался ничего объяснять, он лишь рассказал, как все было.

Когда он закончил, свеча догорела до подставки, выпивохи ушли, духанщик, заперев дверь, отправился спать, многократно перед этим спросив, не нужно ли чужеземным господам чего-либо еще. Одна из его служанок, часто кивая, доложила, что на дворе готовы два ведра воды, чтобы вымыться господину, который пришел первым — то есть Рубосу, — и что кровати застелены новым, надушенным лавандой бельем.

Окончив рассказ, Лотар долго смотрел в сторону. Потом решился и поднял взгляд на Рубоса. В глазах воина отражалось пламя свечи. Почему-то Лотару не хотелось сейчас читать его мысли.

— Ты говоришь, это осталось в тебе?

— Да. Я могу делать все, что хотел сделать со мной Гханаши, только по собственному желанию. Но я не оборотень, Рубос, и даже не колдун. Я человек и могу это доказать.

— Как?

— Пока не знаю.

Рубос вытянул вперед руку и сжал запястье Лотара.

— Знаешь, я даже немного завидую тебе. Так драться... — Он огляделся. — Если бы я не объелся, можно было бы попробовать на заднем дворе.

— Что попробовать?

— Ну, ты показал бы мне какие-нибудь из твоих новых ухваток. Ведь все прежние я знал наизусть. — Рубос поморщился. — Они были очень уж щенячьими. Так что я замечу любой из новых приемов...

Рубос не успел даже мигнуть, как кинжал Лотара, который до этого лежал на блюде с остатками мяса, был приставлен острием к его горлу. Рука, которая сжимала кинжал, была та самая, которую Рубос перед этим придерживал и, казалось, полностью контролировал. Рубос окаменел.

— Это тебя убеждает? — спросил Лотар и убрал кинжал в ножны.

— Клянусь Живой, такую шутку я бы не позволил сыграть с собой даже тебе, если бы...

— Вот именно, если бы мог хоть как-то противостоять.

Рубос вытер пот со лба.

— Не нужно было так много есть, а еще вернее — столько пить. Это вино, оказывается, слишком крепко для моей старой головы.

— Это не вино, Рубос, — покачал головой Лотар. — Но все равно, я утверждаю, что я человек.

Рубос задумался на мгновение.

— Знаешь, я не совсем понял, что ты сделал со слонихой.

Сначала дрогнули губы Лотара, потом улыбнулись глаза, потом он рассмеялся по-настоящему.

— Она же спасла меня. Кроме того, у нее был такой голос... Собственно, я до сих пор не понимаю, как она могла говорить, и если не она произносила те слова, то чьи же предупреждения спасли меня? Но сейчас я не о том. Чтобы отправить ее в места, где она могла бы выжить со своим детенышем, я хотел сначала вырасти до гигантского размера, подцепить их обоих и перенести через те двести лиг, которые отделяли оазис от ее родных лесов. Это ей не понравилось, она боялась, что, став драконом, я забуду о цели превращения и сожру ее с малышом.

— Капризная особа, — проворчал Рубос.

— Как настоящая женщина, — усмехнулся Лотар. — Мне пришлось расчистить один из ходов, которые оставались в развалинах дома Гханаши. И по нему мы дошли до места, где все было по-иному.

— Как по-иному? И что представлял собой этот ход?

— Я не все понял в этом колдовстве. Идешь по коридору, все похоже на обычный дом, а оказываешься за двести лиг от места, где вошел в него.

— Ну а назад можно пройти?

— Можно, я ведь так и сделал. — Лотар помолчал, глядя в пламя свечи. — Этот коридор пришлось расширять, чтобы она могла пройти. А самое трудное было — затащить ее в дом Гханаши. Она очень упиралась и пошла только после того, как Джирда пробежал туда и стал звать ее уже от другого выхода...

— Кто такой Джирда?

— Слоненок.

— Он ей трубил?

— Нет, звуки там не проходят. Такой коридор — вообще неприятное место. Я не очень даже и сердился на нее за то, что она упрямилась. Тем более что в какой-то момент понял — все кончится наилучшим образом.

— Удивительно, как ты с ней управился.

— Она возмущалась, как будто я замыслил нечто бесчестное. Но я был тверд, и она подчинилась. Да и Джирда помог, вот уж кто не дрогнул ни на мгновение. — Лотар сделал глоток воды, так приятно было пить воду сразу же, как только возникала мысль о воде. — Но когда мы перешли на ту сторону, мои хлопоты не кончились. Оказалось, это место занято другими слонами, и они не хотели принять ее.

— Скажи пожалуйста, — удивился Рубос, — слоны, а компанию выбирают, как спесивые ибрийские дворяне.

— Пришлось заставить их предводителя защитить ее.
— Значит, ты дрался со слоновым вожаком?
— Нет, конечно. Просто вошел в его сознание и сказал, что новенькая будет отличной подружкой его старшему сыну.
— Ну и правильно. — Рубос кивнул, громко глотая, допил вино, потом спросил: — Что будем делать завтра?
— Прежде всего я верну тебе долг. Потом пригласим цирюльника, сходим в баню, я и забыл, что такое горячая вода, потом...
Дверь трактира задрожала от бешеных ударов с улицы. Зычный, привыкший к командам голос заревел:
— Именем короля Конада, духанщик, приказываю открыть дверь! Считаю до десяти, а потом, если дверь не будет открыта, я прикажу выломать ее.

Испуганный духанщик прибежал, путаясь в длинном ночном халате, когда дверь уже ломали. Вместо того чтобы открыть ее, он стал бестолково бегать по комнате, натываясь на скамейки. Когда дверь рухнула, подняв клубы пыли, в духан сразу вломилось не менее десятка стражников. Среди них Лотар без труда узнал Мазота с Элирахом. Вперед, важно покручивая ус, выступил толстяк в смешных доспехах, но с холодным выражением глаз, выдававшим задиру.

— Духанщик, почему не открыл? — Зычный голос толстяка так не вязался с его обликом, что Рубос улыбнулся.

— Не успел, господин Зерес. — Духанщик кланялся как заведенный. — Все случилось так быстро...

— Я тебе покажу, что такое быстро... — Неожиданно затянутый в тугую кожу кулак капитана сбил духанщика с ног.

Стражники словно ждали этого. Они выхватили оружие и стали атакующим полукругом перед Лотаром и Рубосом. Старый вояка из Мирама вскочил, опрокинув табуретку, присел в боевой стойке, выставив вперед руки, готовый к драке.

Лотар внимательно осмотрелся. Главное — как защитить Рубоса. Скорее всего, Лотару удастся прикрыть его от арбалетчиков, замерших у противоположной стены. Сразу-то они стрелять не будут, им помешают свои, а это, что ни говори, шанс... Нет, так рисковать нельзя. Если существует хоть малейшая угроза его жизни, следует быть послушным. Пока.

Капитан неистовствовал:

— Без глупостей, идиоты! Я могу сделать с вами все, что захочу, и ничего мне не будет, поэтому... Меч на стол, ты, молокосос!

— Ты всегда такой смелый, когда тебя прикрывает десяток медных лбов? — холодно усмехнулся Рубос.

Капитан размахнулся и ударил Рубоса, но наемника нельзя было достать так же просто, как духанщика. Неожиданно кулак капитана оказался в огромной руке Рубоса. Все затаили дыхание. Послышался треск суставов, и Рубос оттолкнул капитана. Тот, кусая губы от боли, принялся растирать раздавленную кисть. Мечники подняли оружие.

— Мы сдаемся, господа. — Лотар достал Гвинед из-за спины и положил его на стол. Потом добавил к нему кинжал. — Только

обращайтесь с этим мечом аккуратно, господин капитан, ему цены нет.

— Стану я... — Мучительное выражение не сходило с лица капитана.

— Я еще раз прошу обращаться с этим клинком аккуратно, — сказал Лотар и понял, что, пожалуй, этого будет достаточно. Перегнув палку, он добьется обратного.

— Да, кстати, дружок, — добродушно, с деланной пьяной расслабленностью спросил Рубос, — ты забыл сказать — мы арестованы или как?

— Я должен разоружить вас и доставить во дворец. — Капитан подошел и взял Гвинед так осторожно, словно он был раскален докрасна. После этого злость снова вспыхнула в его воспаленных глазах. — А там вас, скорее всего, вздернут на дыбу как бродяг и разбойников.

Лотар повернулся к духанщику и приказал:

— Наши кровати, добрый человек, оставь за нами. За них заплачено.

Допив из кружки воду, чтобы она не пропадала зря, Лотар, поживаясь от тычков в спину, впрочем, довольно деликатных, вышел из духана. Рубос, переругиваясь с капитаном, топал сзади.

Глава 4

За крохотным окошком под потолком стояла темень, как будто никогда не существовало ни звезд, ни даже факелов. В камере было прохладно, и Лотар с удовольствием разлегся на каменном, довольно чистом полу, отдав свою подстилку Рубосу. Впрочем, наемнику не сиделось, он расхаживал из угла в угол. Его шаги отдавались в коридоре шелкающим, гулким эхом.

— Рубос, сядь, пожалуйста, — попросил Лотар. — Из-за тебя ветер поднялся.

Тот остановился, потянулся и, стараясь не казаться рассерженным, пророкотал:

— Удивительно, как ты можешь оставаться таким спокойным! Арестовали ни за что, отобрали оружие, и какое! Сняли пояс, в котором было триста цехинов — этого бы хватило, чтобы до конца дней жить в роскоши, словно гурхорский принц. А ты!..

— Ну вот, теперь и гром загрохотал, — прокомментировал Лотар.

— Отвечай — почему ты не дрался, если все, по твоим словам, так просто? — Неожиданно глаза Рубоса округлились, он с недоверием воззрился на Лотара, а потом с силой втянул воздух, стараясь успокоиться. — Или ты подумал, что я не выдержу схватки с этими ватными куклами? Ты меня пожалел?

— Глупости, ничего такого мне и в голову не приходило, — солгал Лотар.

— Тогда почему?

Лотар подложил ладони под голову и стал смотреть на невысо-

кий сводчатый потолок, на котором играли блики от единственной освещающей камеру свечи.

— Понимаешь, это все предопределено. И я решил, пусть случится то, что должно случиться.

— Что именно?

— Пока не знаю, но скоро все прояснится.

— А если все-таки — ловушка? Если этот король Конад, чтоб его... — Рубос вовремя прикусил язык — камера могла прослушиваться, — ...величество правил во веки веков! — Лотар хмыкнул и подмигнул другу. — Если он задумал сыграть с нами какую-нибудь из тех шуток, после которой нам будет не до смеха?

— Не думаю. Во-первых, Ашмилона — торговый город. Здесь привыкли к чужакам и обращаются с ними неплохо, иначе давно распугали бы все караваны. Во-вторых, все делается, по-видимому, с разрешения достаточно авторитетного лица, а это значит, что мы нужны им больше, чем они нам. И в-третьих, я полагаю, еще ничего плохого с нами не случилось.

— А деньги?!

— Что деньги? Как забрали, так и вернут. Повторяю, мне почему-то кажется, что мы им нужны. А этот капитан просто перестарался. К тому же он все-таки держал себя в руках.

— Но лишь после того, как понял, что их не следует протягивать слишком далеко.

— Да, Рубос, ты сделал то, что требовалось. Знаешь, не будем терять время. Лучше займемся делом. Ты прожил здесь на три дня дольше и, наверное, каждый день прогуливался по базару. Расскажи, что ты слышал, что вокруг происходит?

Рубос вздохнул, подошел к подстилкам и сел, поджав ноги. Почесал подбородок, многодневная щетина закрипела под его пальцами.

— В общем, дело довольно поганое. Сам знаешь, я не знаюсь ни с колдовством, ни с колдунами. — Он усмехнулся. — Ну, разве что вот попал в компанию с оборот...

— Ближе к делу, — оборвал его Лотар. Простодушие друга временами казалось ему прямо-таки опасным.

— Как говорят, в городе объявилось некое чудище. Оно способно вселяться в любого, кого выберет, и заставляет делать все, что угодно. Причем человек даже не представляет, что стал рабом этого демона. — Рубос помолчал. — Особенно оно свирепствует, как и положено, по ночам. Не раз и не два почтенные, законопослушные люди просыпались и обнаруживали свои руки и грудь залитыми кровью, находили у себя во рту куски сырого мяса... А стражники вылавливали из канав разорванные, обглоданные невиданным образом трупы людей и животных.

— Как оно вселяется в человека и почему выходит из него?

— Говорят, что в королевском дворце все уже давно не смотрят друг другу в глаза. Что перед тем, как предстать пред светлые очи короля, нужно попасть к его главному колдуну Илисару, который внимательно изучит взгляд того, кто добивается аудиенции. Собственно, двора уже нет. Те, кто был посвободнее, давно удрали в

отдаленные замки, а те, кто не смог оставить службу, отправили туда семьи и завели такие же правила приема, что и в королевском дворце. Больше всего, конечно, страдает торговля. За полгода местные купцы не распродали и сотой части товаров, которые обычно вывозили к соседям. Местные караванщики жаловались, что, узнав, откуда они, их начинали преследовать, как бешеных псов. Да что там говорить, караваны из Ашмилоны не пускают к себе даже иные подданные Конада!

— Зачем демон нападает на людей?

— Как зачем? Он ими кормится! Ведь...

Рубос замер. До него теперь тоже дошло.

— Вот именно, — спокойно проговорил Лотар. — Он не может просто так кормиться мясом своих жертв, ведь эта пища остается в желудках тех, в кого он вселяется.

— Ну, может быть, если он сам состоит из одного духа... — Рубос помялся. — Он кормится душами тех существ, которых убивает.

— Тогда при чем здесь животные? Ведь они, как говорят священники, лишены души?

— Вот это, мне кажется, лучше спросить у тебя.

Лотар кивнул.

— Пожалуй. По-моему, ему нужна не та бессмертная часть души, которая присутствует в человеке и которой нет в животном, а чистая животная энергия или более грубое, эфирное тело, которое есть во всем, даже в растениях, даже в неживом...

— Избавь меня от этого, будь другом, Лотар. Это для меня чересчур мудрено.

— Ты знаешь, как зовут этого демона?

— Люди называют его... Нуриманом.

В голосе Рубоса появилось напряжение. По его мнению, он рисковал, называя демона по имени. Это могло оказаться призывом, и Рубос, по всей видимости, решил на это только потому, что перед этим слышал, как его называли другие люди, и, кажется, с ними ничего худого не приключилось. Лотар посмотрел на наемника удивленно.

— Ты думаешь, что это может быть вызыванием? Вряд ли, скорее всего это не настоящее имя, а значит...

— Я не люблю гадать, — резко произнес Рубос.

— Но бояться каждого куста тоже не следует.

Помолчали. Где-то неподалеку в ночи закричала птица. Звук этот разлетелся над дворцом, как круги расходятся по темной воде, скрывающей ужас неведомого мира. Рубос поежился.

— Ладно. — Лотар поднял глаза к потолку, обдумывая услышанное. — И еще вот что важно. Как Нуриман переходит от одного своего слуги к другому?

— Ну, это понятно. Если он вселился в кого-либо, то до поры ведет себя тихо. Потом, когда поблизости никого нет, он лишает человека господства над своим телом, нападает на кого-нибудь, насыщается — не имеет значения, мясом он питается или эфирным блеском, — а потом, понимая, что поутру этого человека,

скорее всего, схватят, переходит в кого-то еще, чтобы снова выждать до поры. Достаточно только этому несчастному, послужившему обиталищем Нуримана, встретиться взглядом с каким-нибудь прохожим, или заглянуть в окно дома, или...

— Стража, наверное, хватала всех, кто ночью был слугой демона? И что с ними сделали?

— Сначала, когда люди не понимали, в чем дело, они бросались к священникам, но те, похоже, отшатнулись от них и даже стали на них доносить. Некоторых из этих несчастных запытали до сумасшествия или самоубийства. Иных казнили, и довольно жестоко. Потом поняли, что это бесполезно, но было уже поздно, обыватели стали прятаться. В общем, как везде, власти наделали много идиотских ошибок. Сейчас этих людей не казнят, просто держат в одном из загородных королевских замков, где устроили что-то вроде следственного изолятора, но это ничего не дает. Тот, кто был, как ты говоришь, слугой этого демона, больше им не становится.

— Значит, это самые безопасные люди в королевстве. Понятно. Но если власти придут к выводу, что кто-то был слугой Нуримана, что грозит такому человеку?

— Полное лишение прав и практически вечное заточение.

— Как это происходит? Ведут ли расследования или достаточно простого доноса? Слыхал ли ты о судах над этими несчастными?

— О расследованиях я ничего не знаю, а судов точно не бывает.

— Что эти люди рассказывают о том, где, как и когда в них всеялся Нуриман?

— Думаю, ничего, иначе хоть что-нибудь, хоть краем уха я бы услышал.

— Интересно. Представь, ты идешь по городу, тебе встречается один из слуг Нуримана, только что совершивший убийство. Он грязен, в крови, у него дикий взгляд, одежда его изорвана, потому что он вынужден был сломить отчаянное сопротивление очередной жертвы... Неужели ты не запомнил бы такую встречу?

— Нет, ничего подобного никто не рассказывал. — Рубос вздохнул. — Но это ничего не доказывает. Просто следует предположить, что Нуриман всеяется тайком, — так, что никто этого даже не замечает.

— Ты говорил, здешние дворяне предполагают, что нужно встретиться со слугой Нуримана взглядом. Думаю, при этом новый слуга должен испытать малоприятные ощущения, — все-таки потеря контроля над сознанием. Вряд ли это можно сделать совершенно незаметно. Следовательно...

Далеко по коридору заскрипели несмазанные петли на двери. Послышались возбужденные голоса и шаги по каменным плитам. Лотар вздохнул.

— Жаль, я так хотел подремать. Теперь, похоже, не успею.

Ключ в тяжелом медном замке повернулся с громовым лязгом, дверь открылась. Неверный свет факелов упал на Лотара, который, привстав на локтях, повернул к стражникам голову. Их было трое, ни на одном не было панциря. Это были грубые люди,

привыкшие к повиновению заключенных и давно забывшие, что такое настоящая схватка с решительным и умелым противником. Оружие, которое они носили, было едва ли не декоративным прикрасом к их мрачным физиономиям.

— Эй, ты, молокосос, вставай, пойдешь с нами.

— Думаю, будет лучше, если мы пойдем вместе, — спокойно ответил Лотар.

— Всякий сопляк указывать будет... — Тот, кто стоял впереди всех, сделал шаг и занес ногу, чтобы пнуть Лотара.

Лотар вдруг перекатился на плечи и развернулся с силой боевой катапульти. Ступни его, в мягких сапогах, одновременно воткнулись в подбородок и в пах чрезмерно агрессивного тюремщика, который отлетел назад и безвольно повис на руках своего товарища, блокировав его действия. Пока третий тюремщик хватался за свой меч, Желтоголовый поднялся на ноги, но, как всем показалось, очень неудачно, потому что оказался к нему спиной.

Широкий, мутный клинок уже на три четверти вылез из ножен, а Лотар все не поворачивался. Потом вдруг, наклонившись, он выбросил ногу назад и вколотил каблук своего сапога в живот тюремщика. Тот, закатив глаза, сполз по стенке, постанывая от боли, так и не успев обнажить оружие.

Второй тюремщик уже избавился от своего приятеля и шагнул вперед. Он не стал выхватывать меч, а замахнулся на Лотара факелом, пламя которого затрещало, как сырое белье на ветру. Однако факел так и завис в воздухе, не продвинувшись вперед ни на дюйм. Грязную, в садахину руку тюремщика спокойно и несокрушимо, как бронзовая статуя, держал своей левой Рубос. Тюремщик подергался, пытаясь вырваться, но тут правая мирамца оглушительно хлопнула по кожаной куртке стражника. Тот опустился на колени. Его движения стали медленными, словно он укладывался спать и относился к этому чрезвычайно серьезно. Факел остался у Рубоса.

— Зря, — сказал вдруг Лотар. — Я хотел узнать, куда они собирались нас вести.

— Думаешь продолжать эту игру? — изумился Рубос.

— Она еще и не начиналась, — улыбнулся Лотар.

Старый воин вздохнул, почесал затылок.

— Не знаю, прав ли ты? Ну ладно. — Он наклонился над тюремщиком, схватил его за перевязь на груди и без малейшего усилия поставил на ноги. — Эй, ты, оболтус караульный, смирно!

Это неожиданно возымело действие. Взгляд стражника стал тверже, и стало ясно, что он выполнит все, что Рубос потребует от него решительным тоном.

— Оправься, — сказал Рубос, — и отвечай. Ты знаешь, куда нас нужно привести?

— Так точно, господин... — тюремщик замялся, не зная, как именовать своего победителя.

— Неважно. Продолжай.

— К господину Блеху, начальнику тайной полиции. Он приказал доставить вас и сделать поразговорчивей, чтобы...

— Неважно. Исполняй его первое приказание.

Рубос хмыкнул и перевел взгляд на двух стражников, растянувшихся на полу.

— А с этими что будем делать?

Лотар поднял ключи, выпавшие из-за пояса одного из тюремщиков.

— Запрет здесь. Вряд ли они скоро смогут исполнять какие-либо распоряжения господина Блеха или даже самого короля Конада.

Лотар, Рубос и их провожатый вышли из камеры, заперли дверь, пошли по коридору. Несколько раз их сопровождающий кивал стражникам, которые удивленно поднимали брови, но так и не пробовали выяснить, чем вызвано столь странное шествие. Лишь когда они вышли на длинную галерею, ведущую, очевидно, во дворец, им навстречу шагнул офицер.

— Стражник, что происходит?

Тюремщик вытянулся, и Лотару показалось, он отчетливо слышит, как колени их сопровождающего часто-часто стучат друг об друга.

— Приказано доставить к господину Блеху.

Офицер нахмурился.

— Кем приказано?

Неплохо, отметил про себя Лотар.

— Первым помощником его светлости визиря сиятельнейшим начальником тайной полиции господином Блехом.

Рубос ласково усмехнулся. Офицер отошел в сторону.

Потом их остановили у высоких дверей, ведущих, вероятно, в кабинет сиятельнейшего Блеха. Вернее, попытались остановить, но Рубос, войдя во вкус, так рявкнул на сержанта, который оказался на их пути, что бедного служаку сдуло чуть не в другой конец приемной.

Дверь открылась, Лотар и Рубос вошли.

Сначала им показалось, что во всем огромном кабинете горит единственный подсвечник, и тот поставлен таким образом, чтобы освещать лишь входящего. Хозяин кабинета в это время оставался во тьме. Лотар быстро перешел на магическое зрение и сбоку, за толстой, не пропускающей ни лучика ширмой увидел невысокого человечка, на лице которого явственно отразилось удивление.

Лотар шагнул вперед, отодвинул ширму и увидел, что господин Блех, как и полагалось государственному чиновнику его ранга, сидит за столом, заваленным разного цвета и размера бумагами. Некоторые из них были перевиты шелковыми шнурками и украшены большими красивыми печатями.

Блех быстро сунул руку под столешницу и произнес голосом, эхом прокатившимся под высоким потолком:

— Кто вы?

Лотар неторопливо уселся в самое удобное кресло, повернутое к столу первого помощника визиря, и с наслаждением вытянул ноги.

— Мы те, кого вы ждете. Двое чужеземцев, которых вы приказали незаконно арестовать в одном из духанов города, которых ограбили, заперли в темницу и от которых хотите добиться чего-то, что, скорее всего, противоречит их интересам.

Рубос, усмехаясь — ему нравилась ситуация — расположился в другом кресле сбоку от Лотара. Бедный тюремщик, непрерывно кланяясь, проговорил:

— По вашему распоряжению, сиятельнейший... — Дальше было что-то неразборчивое, Лотар не стал напрягать слух, чтобы понять, что он хотел сказать, — ...арестованные доставлены.

Краска залила лицо Блеха. Он привстал и зашипел:

— Разве так надлежит доставлять арестованных?

— Не ругай его, господин Блех, — вмешался Рубос. — Это не его вина, а твоя. — В ответ на удивленный взгляд помощника визири он пояснил: — Для того чтобы доставить нас сюда так, как тебе хотелось бы, следовало послать не меньше манипулы бойцов.

Блех издал какой-то нечленораздельный звук, протянул руку к пиале с чаем, несколько раз шумно глотнул и вперил тяжелый взгляд в Рубоса.

— Да как ты смеешь?..

— Осторожнее, Блех, — жестко сказал Лотар. — Не думаю, что тебе стоит нам грубить.

— Правильно. — Рубос кивнул и улыбнулся, хотя его глаза вспыхнули недобрым блеском.

Блех не был бы придворным, если бы не умел быстро ориентироваться в обстановке. Рукой, унизанной драгоценными перстнями, он отослал стражника и подождал, пока тот, пятась, не вышел из кабинета. Затем еще раз поднес пиалу к губам, но на этот раз глотал чай беззвучно, как и положено вельможе. Когда пиала оказалась на столе, он уже улыбался.

— Пожалуй, я вынужден согласиться. Итак, приступим к делу. — Он встал, потер руки, несколько раз прошелся перед столом. — Если вы сделаете то, что... — он замялся, — я прошу сделать, вам хорошо заплатят. Суть в том, что существует некий разбойник, посещающий наш город в разных обличьях, которого следует убить. После того, что произошло с моими стражниками, я убежден, от вас это не потребует большого труда.

Рубос открыл было рот, чтобы возразить, но Лотар быстро произнес:

— Как мы узнаем его?

— Вам укажут место, где вы должны его перехватить. Кроме того, он может напасть первым.

— А если он будет осторожнее, чем ты думаешь?

Блех нахмурился.

— Я знаю намного больше вашего и убежден, что он нападет на вас, даже если вы будете торчать там как огородные пугала.

— Сколько?

— Что сколько? — не понял Блех. Он не ожидал, что этих варваров так легко можно обмануть.

— Сколько ты добавишь к тем деньгам, которые твои люди украл у меня в духане?

— У тебя были деньги? — Блех на этот раз, казалось, не врал. Он действительно ничего не слышал о поясе, начиненном цехинами.

— Ты хочешь сказать, твои люди с тобой не поделились? — Рубос захохотал.

Блех снова налился краской. Не говоря ни слова, он шагнул в темноту, и очень скоро его шаги стихли.

— Рубос, мне кажется, тебе не следует дразнить его. Возможно, он наш единственный союзник, а это скоро будет очень важно, если я правильно понимаю то, что здесь происходит.

— Он мне не нравится.

— И все-таки прошу тебя, предоставь действовать мне.

Снова послышались торопливые шаги помощника визирия, потом он появился в круге света, отбрасываемого подсвечником с его стола.

— Все разъяснилось. Та мелочь, которую ты назвал деньгами...

— Ты считаешь?.. — начал было Рубос, но Лотар ошутимо надавил на его мягкое, пружинящее сознание, заставляя замолчать.

Равнодушно, не выдавая своего интереса, Лотар посмотрел на товарища. Тот выглядел ошеломленным, но постепенно взгляд его стал спокойным. Он понял значение этого ментального толчка и согласился, что заслужил его, — упоминание о золоте было так же неразумно, как мышинное хвастовство своей упитанностью в лапах голодного кота.

— Вам все вернут, — твердо сказал Блех.

— А по-моему, нам должны доплатить. В том, что мне вернут мое имущество, я не сомневаюсь. — Лотар начал довольно сложную игру, чтобы выжать из ситуации всю возможную информацию.

— Разумеется. Я могу предложить за эту несложную работу шесть нобилей. По-моему, это более чем щедро.

— На двоих? — воскликнул Лотар, он надеялся, что это у него получается не совсем уж издевательски.

— Разумеется. И никакой торговли, господа. Времени в обрез.

Лотар понял его. Приближалась полночь. Они здесь полагали, что Нуриман, как и многие другие исчадия ада, появляется в двенадцать часов.

— Мне нужно оружие, — сказал Рубос.

— Да, его нужно вооружить. — подтвердил Лотар. — И все должно быть хорошего качества. Я не намерен рисковать жизнью рядом с напарником, вооруженным кухонным ножом.

— Стоимость его оружия будет вычтена из общей платы.

— Ну уж нет! Я не намерен платить за него! А если он окажется так глуп, что даст себя убить?

Рубос усмехнулся. Кажется, он начал понимать Лотара.

— Тогда оружие должно быть за твой счет, Блех. Мне жалко расставаться с денежками, они слишком нелегко достаются, — пророкотал он.

Молодец, подумал Лотар. Получается довольно натурально.

— Ну хорошо, господа. — Блех сделал ударение на последнем слове. Наверное, его уже тошнило от их глупости.

Лотар понял, что начальник тайной полиции созрел. Он уже не ждет подвоха, даже если они и побрыкаются еще немного. Теперь можно было требовать то, ради чего он и затеял весь спектакль.

— Да, чуть не забыл, — сказал Лотар ленивым голосом, — договор должен подтвердить король.

— Ч-что? — в горле Блеха пискнуло. — Ты в своем уме, милейший?

— Знаешь, мне кажется, что такую сумму, как шесть нобилей, чинуши твоего ранга не имеют права выплачивать из государственной казны. Такую основательную трату должен кто-то подтвердить. А кто сделает это лучше, чем король?

Блех впился в Лотара взглядом, от которого замерз бы водопад. Рубос протяжно, в голос, зевнул и добавил:

— Кроме того, мы теперь слуги короля. Это тоже нужно подтвердить.

— После того как вы расправитесь... — начал было Блех.

— Тебе уже ничто не мешает крутить хвостом. — Лотар повернулся к Рубосу и доверительно пояснил: — Обычная история.

— Но уже поздно!

— Если тебе не к спеху, то и мы подождем. Разумеется, договоренность остается в силе. — Лотар встал. — Мы возвращаемся в духан, где нас ожидают кровати, застеленные свежим, надушенным лавандой бельем.

— Оставайтесь здесь, — жестко приказал Блех. — Я узнаю о возможности аудиенции.

Снова Блех ушел в темноту. Рубос вскочил на ноги и, подойдя вплотную к Лотару, спросил:

— Что происходит? Я не понимаю...

— Они хотят захватить Нуримана, и нам отведена роль при- манки. А чтобы мы не узнали о нем слишком много, спешат.

— А почему ты хочешь увидеть Конада?

— Охота на Нуримана — лишь видимость того, что здесь происходит. Чтобы выпутаться из этой ситуации, нам нужно узнать как можно больше.

Рубос с тревогой оглянулся на темные углы необъятного кабинета.

— Скорее всего, без тебя я пропал бы.

Лотар невесело усмехнулся.

— Без меня, скорее всего, тебя оставили бы в покое.

Глава 5

Зал был залит светом душистых свечей. Вдоль всех четырех стен стояло почти две дюжины солдат в блестящих доспехах, вооруженных тяжелыми алебардами. Переступив порог, начальник тайной полиции согнулся в таком подобострастном поклоне, что

стало ясно — они в самом деле находятся в покоех его величества. Но когда они выпрямились, угодливость слетела с Блеха, как черепок литьевой формы спадает, открывая поверхность бронзовой статуи. Начальник тайной полиции стал твердым, сухим и весьма раздраженным. Что-то получилось не так.

— Я привел двух наемников, чтобы его величество подтвердил условия договора, — проговорил он дрогнувшим от гнева голосом. — Где он, Илисар?

Человек, который сидел в высоком кресле с резной спинкой, улыбнулся так, словно это вызывало у него боль. Присмотревшись к нему, Лотар решил, что он и в самом деле нездоров. Болезнь поглотила его, сделала вялым и покорным, но и покорность не могла избавить его... От хвори, которая зовется страхом.

Да, этот человек боялся. Причем так давно, что уже не представлял жизни, в которой не существует страха. Он уже ни в чем не был уверен. Стоило сделать в его сторону резкий жест, и он мог умереть, как кролик умирает от слабого шелчка по носу.

— Не надо так громко. — Илисар не проявил ни малейшего желания встать с кресла. — И тем более так раздраженно. На мне лежат определенные обязанности.

— Обязанности, у тебя? — Ответная шпилька прозвучала у Блеха не очень убедительно.

— Не забывайся, — резко ответил Илисар. — И не пытайся быть слишком смелым.

Лотар все отчетливее понимал, что этот худой, слабый человек, наряженный в бесформенную синюю хламиду, украшенную серебряными звездами и золотыми побрякушками на груди, человек, который сначала показался ему едва ли не старцем, на самом деле довольно молод. Но из этого следовало, что он вел на удивление нездоровую жизнь либо страх так состарил его.

— А по-моему, — вмешался Лотар, — смелость не может подвести. Мне кажется...

— Кто ты такой, бездельник, чтобы вмешиваться в наш разговор?!

— Не надо так громко, — медленно произнес Лотар, — и тем более так раздраженно. — Он заметил, что Блех облегченно усмехается. — Мы с моим приятелем именно те люди, которым его величество согласился дать аудиенцию. И наши дела не касаются никого из посторонних, не так ли, господин Блех?

Начальник тайной полиции перевел взгляд своих неожиданно глубоких, умных, печальных глаз на Лотара. Желтоголовому показалось, что в них появилась благодарность, если это чувство вообще было знакомо при королевском дворе Ашмилоны.

— Делай свое дело, Илисар. И побыстрее, время действительно не терпит.

Илисар соскользнул с кресла и, бормоча какие-то неразборчивые ругательства, подошел к Лотару. Когда он оказался совсем близко, Лотар вдруг почувствовал отвратительный запах изо рта главного королевского колдуна. Он отшатнулся. Оказалось, Или-

сар не терпел ни малейшего намека на этот свой недостаток. Он завизжал, словно в бок ему воткнули кинжал.

— Стой смирно, дрянь, или я прикажу схватить тебя как одержимого Нуриманом! И смотри мне в глаза!

— Если будешь орать, вонючка, — ответил Лотар, стараясь казаться злым, — я вобью твои гнилые зубы тебе в глотку.

Как ни странно, это подействовало. Илисар задержал дыхание, приблизив свой крючковатый нос к лицу Лотара.

Наполненные студенистой влагой глаза колдуна оказались перед Лотаром. И хотя еще мгновение назад Лотар готов был поклясться, что Илисар никакой не колдун, а шарлатан, каких много при дворах Гурхора, оказалось, кое-что он все-таки умеет. Например, читать по глазам, а к этому Желтоголовый оказался не готов.

Илисар легко проник за ту внешнюю оболочку, которую Лотар надевал на себя, чтобы показаться обычным человеком. И то, что Илисар увидел там, подействовало на колдуна, как на мышь действует взгляд удава. Он растерялся, его внимание заметалось, он сделал попытку выйти из сознания Лотара, но теперь Желтоголовый был настороже. С легко читаемой угрозой он приказал Илисару признать себя и Рубоса не имеющими к Нуриману никакого отношения. Потом он отпустил главного королевского колдуна, и тот в изнеможении, с видимым даже Блеху облегчением отвалился в сторону. Вернувшись в обычное состояние, Лотар увидел, что Илисар дрожит всем телом. Блех положил руку на эфес сабли.

— Что-нибудь не так?

— Что? Э-э, нет, все в порядке, убери оружие, Блех. — Илисар провел рукой по лицу, приводя себя в чувство. — К Нуриману это не имеет никакого отношения. Это... так, вообще.

Блех успокоился. Он даже попытался улыбнуться, причем усмешка эта была адресована Илисару.

Трус несчастный, отчетливо прочитал Лотар в сознании Блеха. Но мальчишка-то каков? А я полагал, что гигант гораздо опаснее. Какие же преступления скрыты за взглядом этого мозгляка, если Илисар, прочитав их, чуть не грохнулся в обморок?

Илисар осмотрел сознание Рубоса без затруднений. Потом повернулся и сказал, обращаясь к кому-то, кого посетители не видели:

— Его величеству не опасны эти люди. Они не являются слугами Нуримана.

— Разумеется, ведь они только сегодня вечером прибыли в город, — чуть слышно добавил Блех.

Илисар кивнул Блеху.

— Его величество сейчас выйдет.

Король вошел почти сразу, едва скрылся колдун. Ответив на поклоны троих ожидающих его людей, он проговорил низким, хрипловатым голосом, в котором, как отдаленное эхо, звучали повелительные нотки сильного человека.

— Блех, и вы... господа, не обессудьте. Илисар сейчас смотрит

в глаза всем без исключения, кто встречается с нами. Он полагает, что этот ужасный демон появился здесь, чтобы...

Король запнулся. Вероятнее всего, он плохо представлял, что происходит в его королевстве, и не мог даже уверенно повторить то, что слышал от других. Блех воспользовался этой заминкой.

— Ваше величество, мы недостойны ваших объяснений.

— Э-э, возможно... Если ты так считаешь, эмир.

Ого, подумал Лотар, а наш союзник на самом деле не последняя спица в здешней колеснице.

— Позвольте представить вам, ваше величество, двух отважных людей, коих я счел возможным попросить сегодня вечером выполнить одно... трудное задание. Я обещал, что казна рассчитается с ними, как только они совершат то, что надлежит сделать.

— Разумеется. Я всегда полагался на тебя, эмир, и, насколько помню, это оправдывалось. Если бы остальные так же преданно служили мне, я не знал бы забот и...

Оказалось, король Конад привык не заканчивать фразу. Это давало возможность его приближенным, оставаясь вежливыми, говорить за него. Теперь настала очередь Лотара воспользоваться этим приемом.

— Мы говорили о шести нобиях, ваше величество.

Брови короля поползли вверх. Но Блех опередил его.

— Эта служба на одну ночь, ваше величество.

— В таком случае это неплохая плата.

— И я так считаю.

В коридоре, из которого вышел король, внезапно послышался смех, шуршание платьев, звон кифары и петушиный голос паж — признаки молодости, беспечности и желания развлекаться хоть до утра. Дверь распахнулась, ударившись о стену, и в зал вошла целая компания молодых людей и девушек в ярких нарядах. Некоторые юноши несли подносы, с которых девицы жеманно брали кусочки фруктов, сладостей или стаканчики остро пахнущего вина. Несомненно, ухаживать таким хлопотным образом было последней придворной модой.

Во всей шумной, внешне веселой толпе выделялось только одно темное пятно. Это была пожилая женщина, которая прятала лицо под непроницаемым, как паранджа, а не кокетливым девичьим покрывалом. Одета она была в черное грубое платье, а черные складки сорочки почти скрывали шею и желтые руки, на которых не было ни одного кольца. Эта женщина — а может быть, и не женщина, засомневался Лотар, — вошла со всеми, но отступила в сторону, застыла в привычной позе сосредоточенного, как у хорошо обученной собаки, ожидания. Ее взгляд, осязаемый, как луч иссушающего солнца, смерил Рубоса, потом медленно переполз на Лотара. Эта женщина, — все-таки женщина, решил Лотар, — осмотрела Желтоголового так внимательно, словно от того, запомнит она его или нет, зависела ее жизнь.

Лотар очень хотел заглянуть в сознание этой женщины, но сдержался. Если это не простая дуэнья, а кто-то еще, это равнозначно открытому вызову. А он еще не был готов.

Из толпы вышла высокая, гибкая девушка. Ее прекрасные волосы прикрывала не серебряная сеточка, как у остальных, а тонкой работы маленькая корона, украшенная крохотными, но изумительно красивыми жемчужинами. Она подошла к королю и сделала танцевальное движение, в котором присутствовала веселая пародия одновременно на поясной поклон восточных женщин и на глубокий книксен женщин Запада.

Лицо ее смеялось от этой невинной шутки, глаза блестели, она была, возможно, самой счастливой во всей этой толпе. И, без сомнения, самой прекрасной. И еще, она была очень здоровой, сильной и ловкой. Это привлекало не меньше, чем красота.

Лицо короля разгладилось. Он шагнул к девушке, положил руку ей на плечо и заставил выпрямиться. Губы его уже шептали что-то. Лотар напряг слух.

— Дочь моя, вы стали очень поздно ложиться. Я прикажу нашему лекарю...

— Умоляю, ваше величество! В этом нет нужды, я уже отправляюсь в спальню и пришла проститься на ночь. Скорее наоборот, вашему величеству необходима забота лекаря, потому что даже в столь поздний час я застаю вас в делах. Это неразумно.

— Есть вещи, которые король должен решать самостоятельно. — Король неожиданно смутился. — Впрочем, пожалуй, этого никто не требовал от меня, просто я решил, что будет лучше... Странно...

— Ваша добросовестность в делах государственных всем известна, — чуть быстрее, чем нужно, произнесла принцесса.

— К тому же мы уже заканчиваем, — произнес король. Он снова улыбался, задумчивости больше не было на его лице.

— Так вы поцелуете на ночь свою единственную дочь?

— Дорогая моя Мицар... — Король Конад нагнулся к принцессе, его губы легко коснулись чистой кожи девушки на виске.

Молодые люди склонились перед королем, проговорили положенные в таких случаях слова, и вся ватага выкатилась в коридор.

Король с улыбкой смотрел им вслед. Он был печален, но спокоен и даже, как показалось Лотару, выглядел чуть уверенней, чем прежде. Затем он повернулся к Блеху.

— Итак?

— Полагаю, ваше величество, мы уладили все недоразумения.

— В таком случае...

Король отступил на шаг, Блех поклонился и стал пятиться к двери, предназначенной для посетителей. Лотар и Рубос последовали его примеру.

Оказавшись за дверью, Рубос перевел дух и голосом, в котором звучала улыбка, спросил:

— Так это и была принцесса Мицар, красоту которой славят певцы и поэты при дворах и на площадях всех гурхорских королевств?

— Да, это она, — сухо зато ответил Блех и пошел вперед, бросив через плечо: — Нужно торопиться, у нас много работы.

— Удивительно хороша, — сказал Рубос, поворачиваясь к Лотару.

— Да, очень. Но была бы еще лучше, если бы не устроила этот карнавал.

— О чем ты?

Лотар потер виски. Больше всего ему сейчас хотелось сделать пару глотков чистой, холодной воды.

— Впрочем, возможно, она лишь пешка в руках другого игрока. Но этот взгляд...

— Какой взгляд?

— Видишь ли, когда король целовал ее, она не опустила глаза, как сделало бы большинство девушек, когда их целует отец. Она внимательно смотрела, и не куда-нибудь, а на наши скромные персоны. Возможно, эта странная старуха...

— Эй, долго вас ждать? — раздался голос Блеха.

— Давай-ка действительно поторопимся.

Глава 6

Лотар, радуясь, что Гвинед снова висит у него за плечами, а грудь, руки и ноги укрывают надежные щитки, стоял перед Блехом, который внимательно осматривал его. Но тон, выбранный для начальника тайной полиции, требовалось пока выдерживать.

— Почему мне не отдала мой пояс?

— Пояс тебе вернут позже. — Блех промямлил слова неуверенно, словно не до конца понимал их значение.

— Но если он мне потребуется, то...

— Помолчи.

Собственно, пока пояс был не нужен. Триста цехинов делали его тяжелым, и пояс все равно пришлось бы оставить во дворце, среди остальных вещей.

Еще, разумеется, не вернули книги. Из-за них, возможно, его потом обвинят в причастности к какой-нибудь секте, которая находится под запретом. Но все равно им с Рубосом следует сделать то, чего от них добивается Блех.

Наконец из оружейной появился Рубос. Он провозился дольше Лотара, потому что даже самые большие в королевском арсенале доспехи оказались для него маловаты. Зато теперь он был доволен.

Закрытый чешуйчатой стальной рубахой, плотно облегающей его могучую фигуру, он был неуязвим и в то же время подвижен. В правой руке он держал тяжелый ятаган, а в левой — украшенный бронзовыми насечками шлем, похожий на птичью голову. На поясе висел нож с широким лезвием и огромным, как булыжник, шипастым навершьем.

Шлем он подставил под свет факела, чтобы Лотар рассмотрел его получше.

— Слишком много украшений, — пробормотал он, — тебе не

кажется? Но другого, во что бы влезала моя голова, не нашлось. Странные у них тут оружейники, на металле экономят, что ли?

— Нужно торопиться, — сказал Блех.

Они зашагали по мрачным, сырым коридорам. Лотар, конечно, плохо представлял гигантское подземелье королевского дворца, но понял, что Блех повел их в дальнюю, самую древнюю его часть, в которой, кроме стражников и рабов, давно никто не жил.

Коридоры становились все теснее, факелы попадались все реже. Ступени лестниц, по которым приходилось то подниматься, то вновь сходить вниз, стали качаться под ногами. Один раз Блех резко остановился и поднял свой небольшой факел как можно выше, напряженно всматриваясь под ноги. В полу сумрачного перехода, по которому они шли, зияла огромная дыра, которая оставляла лишь узкие, не больше фута, карнизы у стен. Вероятно, когда-то тут была ловушка, что-то вроде переворачивающейся плиты или раздвигающегося люка, но механизм разрушился, а никто так и не собрался хотя бы заложить дыру.

— Осторожно. Прижмитесь к стене, — приказал Блех.

Лотар подождал, пока Рубос минует ловушку, потом пошел сам.

Из дыры пахло такой сырой вонью, что стало ясно — внизу плещется целое болото грязной воды. Носком сапога Лотар скинул вниз несколько камешков. Рубос успел отойти на десяток шагов, прежде чем снизу долетело смачное, булькающее эхо.

— Служанки рассказывают, откуда появляются гигантские нетопыри, — проворчал Блех, заметив интерес Лотара. — Разумеется, здесь должен стоять стражник, но теперь не так-то просто найти смелых людей.

Они прошли еще не меньше четверти мили по сырым полуобвалившимся переходам, прежде чем вышли в освещенный коридор. Разумеется, и здесь попадались горы мусора, но самые большие обломки все же убрали.

Теперь они поднимались. Скоро в узеньком окошке под потолком Лотар увидел показавшиеся празднично яркими звезды. Они вышли во двор. Рубос, а за ним и Лотар вдохнули всей грудью свежий ночной воздух. Мираец крикнул от удовольствия и расправил плечи.

И тут же в темном небе над ними прозвучал странный, незнакомый крик птицы. От него заломило в ушах, а зубы вдруг заняли. Лотар вздрогнул и попытался сбросить эту волну холодной боли, прокатившейся по телу. Когда он справился с ней и повернулся к спутникам, то увидел, что Рубос, выронив шлем, закрывает уши, а Блех, выпрямившись как струна, раскачивается из стороны в сторону и с его губ срываются стоны.

Такой же крик они слышали в темнице, куда их бросили стражники Зереса. Но там толстые стены защитили их.

— Божественная Жива, что это было? — Рубос поднял искаженное лицо к Блеху.

Начальник тайной полиции батистовым платком вытирал пот со лба.

— Никто не знает, но говорят, что так кричит птица Сроф. Се-

годня что-то очень громко... — Он вздохнул и спрятал платок дрожащей рукой в карман. — Но, может быть, так всегда бывает на открытом воздухе.

— Она где-то очень близко, — неожиданно сказал Рубос.

— Ради Рамона! — Блех предостерегающе поднял руку. — Давайте поторопимся.

— Но разве ты не хочешь взглянуть на нее? — Рубос стал прежним воином, которого так любил Лотар. — Может, нужно только подняться на какую-нибудь из башен, и тогда... Вот на эту, например.

Рубос указал на темную массу, поднимающуюся, казалось, прямо в звездную вышину. Лотар подумал, что, скорее всего, даже не с самого верха этого каменного кинжала виден не только весь город, но и холмы, а возможно, и далекая от стен Ашмилоны пустыня.

Блех поправил саблю, в этом жесте страха было не меньше, чем угрозы.

— Это Звездная башня. Войти в нее невозможно, ее замуровали семьсот лет назад, еще до того, как Ашмилон стала столицей королевства.

— Замурали? Почему?

Блех ничего не ответил. Он повернулся и зашагал по замковому двору. Здесь их несколько раз со стен окликали стражники, но, увидев Блеха, больше ни о чем не спрашивали. Наконец они оказались перед темной дверью, над которой горел один тусклый факел. Пара стражников с ленивыми глазами стояла по бокам. Блех без стука распахнул ее и, прикрывая глаза ладонью, вошел.

Каково же было удивление Лотара, когда они вновь увидели Илисара. На этот раз королевский колдун был в светлом широком халате и лицо его не было сковано маской страха. Он был почти спокоен.

— Входите, господа. Я еще ничего не делал, ждал вас. Но здесь, где не бывает ничего неожиданного, где я сам себе господин, можно и не спешить.

Лотар осмотрелся. Они оказались в огромном зале, некогда построенном для приемов. Хотя на колоннах, уходящих в темную высь башни, горели огромные факелы, их света не хватало на все помещение.

Лотар тут же сменил свое нормальное зрение на темновое и увидел прикрытую плотной тканью летающую машину, приводимую в движение силой человеческих рук, потом в углу различил самошагающую повозку со множеством шароподобных копыт на суставчатых лапах, на отдельных столах увидел блестящие стеклянные приборы, позволяющие увидеть неизведанное и услышать речь, произнесенную за тридевять земель. Хотя Лотар никогда не видел ничего подобного, у него не возникло никаких сомнений в предназначении этих аппаратов. Он каким-то образом понимал, что в этом не было ни высокой, ни запретной магии — лишь человеческое умение, смешанное с хитростью, знание некоторых таинственных свойств обычного мира и недюжинная

изобретательность. Это были игры любопытного и спокойного разума.

— А, не обращай на это внимания, — небрежно сказал Илисар, хотя в его голосе, вопреки словам, звучала гордость. — Эти аппараты стоили мне и казне Ашмилоны несусветных денег, а толку от них... Они не работают, а у меня не доходят руки, чтобы их исправить.

— У каждого свои искушения, — ни с того ни с сего произнес Блех.

Илисар разозлился.

— Что ты понимаешь в этой технике, кисточкой заплечный?

— А я и не говорил о технике. Я имел в виду чрезмерный азарт в дворцовых играх...

— Ну хватит! Прошу подойти к этому столу.

Илисар подвел их к небольшому столику, на котором лежал лист плотной бумаги, изрисованный мелкими линиями разной толщины. Приглядевшись, Лотар узнал подробный план Ашмилоны. Гости колдуна собрались вокруг, разглядывая редкую работу.

— Неплохо, клянусь бородой Рамона, — нехотя проворчал Блех. — В нашем департаменте такая совсем не была бы лишней.

— Знаешь, Блех, если дела пойдут неплохо, я, пожалуй, позволю снять с нее копию. Впрочем...

Да, они могли бы жить дружно, подумал Лотар, если бы... Если что? Вот этого он и не знал. Возможно, это как-то связано с криком птицы Сроф, с Нуриманом, с той старухой в черной одежде, которая не отходила от принцессы Мицар, со страхом, пропитавшим воздух стольного города Ашмилоны?

Почему он вообще пошел на поводу у каких-то сил и стал участником этого дела? Он вполне мог, например, удрать от патруля в духане и остаться в стороне. Но тогда никогда не узнал бы, в какую беду попали эти люди.

Он позволил втянуть себя и Рубоса в спланированные кем-то действия, чтобы доказать себе, прежде всего себе, а уже потом остальным, что он человек. Если он расправится с этим неизвестным злом, если свернет ему шею и в этот город вернется если не мир, то хотя бы прежняя жизнь с ее заботами, с которыми эти люди и сами могут справиться, только тогда можно считать, что он доказал свою человеческую суть, свою человечность.

Лотар отбросил эти мысли. Он-то лучше других понимал, на какое опасное дело решился. И эта опасность, сходная с переливом колокольчиков в его воображении, вполне могла заставить его отступить, отказаться даже от доказательства его людской принадлежности. Но это было бы хуже, чем все, что с ним пока произошло. Потому что тогда поединок с Гханаши, в котором он победил, он на самом деле все-таки проигрывает.

— Начинай, Илисар, — резко сказал Лотар. — У нас действительно мало времени.

Не тратя больше ни одного лишнего слова, колдун достал золотой перстень с причудливо оgranенным острым алмазом, при-

взял к нему шелковую нитку, потом раскурил огромный кальян, сделавший воздух в лаборатории более душным, чем в подземелье, и, затачиваясь сизым дымом, принялся читать какие-то невнятные заклинания.

Через пару минут, когда глаза Илисара уже не реагировали на свет, деревянным, неуверенным жестом он поднял кольцо на нитке и поднес его к плану. Против всех законов природы нитка жестко, как проволока, отошла от вертикали. Сверкающее, окутанное дымом, вылетающим из ноздрей колдуна вместе с дыханием, алмазное острие указало на улочку в самой грязной и бедной части города.

Илисар передвинул руку в сторону, но кольцо дернулось и приняло новое положение, указывая все на ту же точку на плане.

— Он... вышел на охоту... здесь. — Дыхание Илисара сделалось шумным, он почти задыхался. — Он в засаде.

— Ты можешь удержать его? И отводить всех, кто идет в ту сторону? — быстро спросил Лотар.

— Попробую... Это нелегко.

Волшебник тихим, едва слышным голосом стал читать заклинания. Было видно, что некоторое время он все-таки продержится. Блех сказал:

— С вами пойдет отряд прикрытия.

— Не нужно, — ответил Лотар. — Это на самом деле очень опасно.

Рубос удивленно посмотрел на Лотара — неужели он не понимает?

— Он боится, что ты его обманешь, — объяснил мирамец.

Лотар мельком взглянул на Блеха.

— Хорошо, но пусть твои люди держатся сзади. И будет лучше, если ты обо всем расскажешь офицеру.

— Отряд поведу я сам, — произнес Блех.

Рубос усмехнулся.

— Еще бы, иначе они все разбегутся.

— Что бы ни происходило, держись сзади, — еще раз проговорил Лотар. — Остальное — наше дело.

— На этот счет не волнуйся. — Рубос надел шлем. — Они не вмешаются, даже если ты засеешь всю мостовую под Нуриманом цехинами.

Глава 7

Лотар несли так, словно отрастил себе крылья. Сзади бежал Рубос, и его топот становился нестерпимо громким. Лотар вдруг осознал, что и смотреть пытается только под ноги, чтобы глаза не слепли от фонарей. Он усмехнулся: еще минуту назад этого света ему едва хватило, чтобы найти дорогу.

Но теперь мир преображался. Темные дома сделались видимыми чуть не до последней трещины на стенах. Земля крошилась под ногами, как перепеченный хлеб. Между биениями сердца

можно было совершить очень много движений. Воздух становился все гуще и неподвижнее.

Лотар был готов к бою. Конечно, драться сейчас в полную силу, показывать все, что он умеет, неразумно. Он лишь предупредит кого-то, на что способен. Но тут уж как получится — раскрутив волчок боевого состояния, придержать его почти невозможно. Кроме того, Желтоголовый был уверен, что сегодняшний слуга Нуримана предназначен для боя именно с ним, это будет очень сильный человек с мощной энергетикой.

Эту уверенность поддерживало и то, что за ними следили. Лотар все время ощущал легкие ментальные касания. Это, конечно, не Илисар, ему такое не по силам. Кроме того, королевский колдун и не решился бы следить за Драконьим Оборотнем.

Воздух втекал в легкие, как вода. Мышцы тела требовали, чтобы он усилил их трансмутацией или снизил этот сумасшедший темп.

Лотар остановился и осмотрелся. Он находился в полусотне шагов от улочки, где Нуриман устроил засаду. На покосившемся столбе не выше человеческого роста еле мерцал масляный фонарь. Три его стекла из четырех были разбиты. Ночная мошкара кружила вокруг пламени и усыпала сожженными трупиками закопченную металлическую подставку.

Топот Рубоса сзади становился все громче. Не двигаясь, Лотар дождался его. Мираец запыхался. Конечно, в таких доспехах и Лотару пришлось бы нелегко. И даже не потому, что чешуйчатая кольчужка была тяжелой. В самой природе железа Лотар сейчас своим магическим взглядом различал какой-то порок, какую-то тягу к заторможенности, к излишней статике.

— Ну ты носишься! — выкрикнул Рубос.

Лотар не сразу понял, что на самом деле тот говорит шепотом. Он внимательно посмотрел на своего напарника. Человек устал, вспотел. Кроме того, он еще не протрезвел. Неужели так трудно выгнать остатки алкоголя через поры, раздраженно подумал Лотар. Ах да, они этого не умеют.

Ему и в голову не пришло, что «они» такие же, как и он, только... Нет, сейчас он был другой, и мысли у него были другие. Неожиданно Рубос отшатнулся, его рука конвульсивно сжала рукоять меча и выдернула его из ножен.

— Значит, так, — сказал Лотар, стараясь не спешить. — Ты не должен смотреть ему в лицо. Смотри не выше пояса, даже на оружие не обращай внимания. Если мне придется плохо, атакуй только со спины.

— Но ты говорил, что он не взглядом... — Настороженность не оставляла Рубоса.

— Мы слишком мало знаем, чтобы быть в чем-то уверенными. В общем, не лезь на рожон. На этот раз я, скорее всего, и сам справлюсь. И помни: особенно опасен он станет в последней стадии поединка, когда попробует удрать в нового слугу. Постарайся сделать так, чтобы это был не ты.

Лотар снова осмотрелся. Небо было усыпано звездами, из ко-

торых люди не видели, наверное, и десятой части. Воздух приносил столько мельчайших звуков, что это могло свести с ума. Но еще больше было запахов. Сейчас Лотар без затруднения определил бы, как пахнет воздух в каждом из всех домов этого города, в каждой его комнате... Он мог так поднять темп своего восприятия и способность двигаться, что на лету отрубил бы крылья у ночной мыши.

— Нуриман, я здесь, — позвал Лотар шепотом. Он знал, что этот вызов восприняли все, кто за ними следил. Из них Илисар был самым слабым и неумелым.

Неожиданно Лотар понял, что они будут ему мешать, они собрались не только для того, чтобы понять его возможности, но и чтобы затормозить его, подыгрывая тому, что ворочалось в темноте за домами. Вот оно, тяжелое, грозное, темное и очень, очень грязное... Оно выдвинулось из щели между домами, вот оно уже на улице, но Лотар еще не видит его как следует.

Лотару хватило чувствительности, чтобы понять, как Илисар пытается сковать это существо. Кажется, Нуриман даже не заметил эту помеху. И все-таки теперь Лотар знал, что у них есть еще один союзник. Внезапно Нуриман сильным ментальным ударом отбросил это торможение. Где-то далеко Илисар взвыл и потерял сознание. Не стоило просить его придержать это чудище, подумал Лотар с раскаянием.

Жаль, что он сам не мог вот так же отбросить всех, кто мешал ему.

Нуриман показался из-за угла. Лотар прищурился — сейчас фонарный свет закрывал его проникаемым, но осязаемым занавесом. Лотар оглянулся: насекомых у фонаря больше не было.

Нуриман был не очень высоким, широкие плечи и длинные руки делали его почти квадратным. Ощущение нечистоты возникало из-за бурой шерсти, космами свисающей с плоской головы и выпяченного живота. Руки и ноги у него были почти безволосыми. Под сухой морщинистой кожей перекатывались бугры мускулов. На роже чудовища горели красным кровавым отсветом глаза. С клыков, торчащих между губами, как темные, острые кинжалы, капала слюна. Он был очень голоден и разъярен.

Внезапно Лотар понял, что сквозь чудовище светят звезды. Он отключил магическое зрение и увидел все так, как увидел бы Рубос, если бы поднял глаза. Это была молодая, гибкая как лоза женщина. Почти обнаженная, с обрывками полупрозрачной ночной рубашки, клочьями свисавшими с ее плеч, она была легка, стремительна и полна неистраченной энергии. Это было хуже всего. Убить эту девушку, почти подростка, Лотару будет труднее, чем любого другого человека. В этом заключался какой-то очень важный смысл, но сейчас не время разгадывать его.

Лотар попытался представить варианты боя, когда он сумеет прогнать Нуримана, не убивая его нынешней служанки. Он взглянул девушке в лицо и тут же забыл о приступе жалости. С нежного, почти детского лица на него смотрели горящие нечеловеческой ненавистью глаза Нуримана. Оказалось, демон ждал этого

взгляда. Прощупав сознание Лотара, он швырнул тугой заряд своей энергии, пытаясь испугать его.

Лотар рассмеялся. Без малейших усилий он рассеял этот порыв демона и выхватил меч. Если у чудовища нет других приемов, все становилось просто.

Пожалуй, девушка совершила ошибку — именно она, а не сам демон. Она не только атаковала, посылая Лотару этот импульс темных эмоций, но и раскрывалась сама. И теперь Лотар знал, что имеет дело не с очередной несчастной, захваченной случайно или насильно. Перед Лотаром была ведьма, добровольно согласившаяся служить в сегодняшней битве Нуриману, потому что каким-то образом сумела возненавидеть и Желтоголового, и весь род человеческий.

Гвинед зашелестел в воздухе, как тихая молния. Но все-таки медленнее, чем Лотар ожидал: помощники Нуримана делали свое дело. Девушка шагнула вперед. Лотар снова видел демона в его подлинном эфирном измерении. Нуриман взревел так, что вены вздулись на шее его служанки, которая стала сливаться с призрачным чудовищем.

Лотар, меняя левые и правые стойки, мелкими шажками пошел вперед. Гвинед несколько раз облетел Лотара, срастаясь с его руками и взглядом. Нуриман снова взревел. Он хотел атаковать, но ему не разрешали, и он не понимал почему. Знать бы, кто держит его в узде, можно было бы и не связываться с этим животным, подумал Лотар.

Внезапно Нуриман прыгнул вперед, атакуя Лотара ногами, но... пронесся над легко присевшим Драконьим Оборотнем. Воздух еще не улегся после этого выпада, а Лотар уже прыгнул и ударил мечом, который должен был разорвать эту ведьму снизу до самой груди... И промахнулся. Она уже была сзади, за ним. Лотар едва успел повернуться.

Да, его противники знали, что делали, когда посылали против него не быка с мощными, но почти отечными мускулами, а подвижную, как змея, девчушку. Она ударила раньше, чем он успел выставить Гвинед, и достала. Это было легкое, касательное попадание, но Лотар почувствовал, что летит назад, потеряв опору под ногами. Он не успел подняться даже на колени, как она ударила его ногой в голову.

Он видел этот удар и увернулся от него, но опять не очень чисто. Ее нога врезалась ему в плечо, которое он даже не подготовил для блока. Падая назад, он взмахнул мечом, понимая, что перед ним уже никого нет.

Упав, он прокатился назад, высвобождая руки. Девушка с глазами Нуримана уже стояла над ним, но теперь он был готов. Меч вылетел сбоку и вспорол все пространство на уровне ног, где она могла находиться. Каким-то образом он трансмутировал локтевой и плечевой суставы, превратив левую руку в плоть с почти неограниченными возможностями, успел переложить в нее Гвинед и даже подготовил мускулы для этого удара.

Нуриман среагировал на это движение, дернулся назад, но опоздал. Слишком неожиданно, точно и правильно ударил Лотар.

Гвинед с тугим звуком, с каким женщины колотят сырое белье на берегу реки, врезался в лодыжку колдуньи и после неувимой задержки полетел дальше. Девушка закричала и отвалилась назад. Отрубленная ступня осталась в пыли, судорожно скребя ухоженными ногтями сухую землю. Лотар поневоле подивился живучести, какую сообщал своим слугам Нуриман.

Но торжествовать было рано. Лотар не успел даже подняться на ноги и вернуть Гвинед в правую, как вдруг Нуриман, не поднимаясь с земли, сумел прыгнуть вперед, и Желтоголовый опоздал встретить этот молниеносный полет.

Нуриман ударил Лотара обоими кулаками по рукам, Гвинед откатился в сторону. А чудовище уже висело на шее, стараясь догнаться до его горла клыками.

Они покатились по земле. Лотар перекрыл левой челюсть чудовища, чтобы Нуриман не загрыз его, как цыпленка, а правой принялся молотить по почкам, по брюшине, по сердцу нависшего над ним тела, понимая, однако, что этого недостаточно. Энергия, которая перед боем, казалось, переполняла его, теперь утекала быстрее, чем ему удавалось ударами обессилить Нуримана. Кажется, чудовище и те, кто стоял за ним, добились своего — он проиграл...

Внезапно демон сорвался с него и взвился вверх, пытаясь защититься от чего-то, что появилось сзади. В желтом свете фонаря Лотар увидел облитого светлым блеском Рубоса, который так и не достал своим мечом ускользнувшего Нуримана, но еще не понял этого или не мог остановить этот удар, направленный сверху вниз.

Но все-таки это был удар человека, и Драконий Оборотень откатился в другую сторону и поднялся на ноги прежде, чем меч с треском воткнулся в землю, на которой только что боролся за свою жизнь Лотар.

Нуриман, оставляя за собой кровавую дорожку, уже едва заметную, готовился атаковать Рубоса.

Неожиданно Лотар понял, что Нуриман ушел от удара Рубоса потому, что его атаквали сталью. Если бы мирameц ударил ногой или... Лотар оказался сбоку от Нуримана прежде, чем додумал все до конца. Демон не почувствовал его. Рубос выдернул меч из земли круговой отмашкой, но сделал это слишком сильно и теперь не мог остановить тяжелый клинок, а это значило, что Нуриману осталось только дожидаться, когда он пролетит мимо. Он и ждал, отыскивая опору для неверной, белой кости, оставшейся от ноги...

По-прежнему не ощущаемый Нуриманом, Лотар оказался под вздутой от энергии рукой демона и стал вколачивать свои кулаки в ненавистное тело со скоростью падающих во время ливня капель. От каждого удара Нуриман содрогался, отступая на четверть шага назад, но защититься не успевал. Лотар молотил как заведенный, чувствуя, что ему уже не хватает дыхания. И когда он понял, что больше не сможет ударить и лучше отступить, Ну-

риман вдруг замер, потом медленно, с булькающим звуком опустился на колени.

Лотар смотрел не на Нуримана, а на его служанку... Ее грудь была смята, словно в нее попал камень из катапульты или воткнулись несколько десятков невидимых пик одновременно. Из кровавого месива, которое когда-то было ее телом, торчали острые обломки ребер, пульсирующими фонтанчиками вскипала кровь. Даже ее спина была странно перекошена, наверное, Лотар перебил ей позвоночник. И все-таки сила Нуримана не отпускала ее, она еще жила.

Она подняла голову медленней, чем из земли вырастают цветы, и посмотрела на Лотара. Ее горящий, как мак на рассвете, взгляд впился в его серые, холодные глаза северянина. Она облизнула губы, сосредоточилась, но не сумела пробить сильную, напоенную драконьей магией ментальную защиту оборотня. Она перевела взгляд на Рубоса. Но тот стоял за Лотаром, прикрытый им со всех сторон.

Тогда демон с диким криком исчез. Лотар даже не успел понять, куда он умчался. Он был тут — а потом его не стало, и все. А колдунья, словно марионетка с перерезанными ниточками, упала лицом вверх и больше не шевелилась. Ее лицо было почти покойным, лишь в глазах не отражались звезды. Она была мертва.

Рубос выронил ятаган и дрожащими, как листья во время бури, руками стал сдергивать шлем.

Лотар поднял Гвинед, вытер и сунул в заплечные ножны. Он слышал, как в дальнем конце улицы, гремя оружием, грохоча на весь мир сапогами, идут стражники. И впереди напряженно, словно барс, выступает готовый ко всему начальник тайной полиции Блех. Впрочем, он опять опоздал, вся информация досталась одному Лотару.

Глава 8

Впереди Лотара и Рубоса шагали две дюжины латников, а сзади было не меньше трех дюжин. Эти люди держались так отчужденно, словно участвовали в казни отпетых преступников. Еще полдюжины стражников и двое в партикулярном платье остались на месте схватки, чтобы перенести тело убитой ведьмы и изучить следы. Наверное, подумал Лотар, Блех собрал всех стражников замка, кто был свободен от караульной службы.

Их шаги грохотали по коридору, факелы трещали, освещая путь неровными, трепещущими языками пламени, лязг оружия казался оглушительным.

Блех неслышно шел сзади, но иногда Лотар чувствовал его нечаянный взгляд. Никто другой не решался даже смотреть в их сторону. Рубоса это бесило. До того момента, когда он должен был взорваться, словно бомба, начиненная вендийским огнем, оставалось совсем немного. Лотар хотел успокоить друга, но от усталости у него не ворочался язык.

— Ну вот, пришли, — буркнул Блех.

Лотар осмотрелся. Они стояли посередине огромного мрачного зала, едва освещенного теми четырьмя факелами, которые принесли с собой латники. Те же, не поднимая глаз выше колен этой троицы, расположились плотным кругом, выставив оружие. Лотар опустил глаза: на ногах Блеха, чуть выше сапожек из мягкой кожи, были привязаны две желтые ленты. Как это Лотар раньше их не заметил? Блех готов ко всему, если принял такие меры предосторожности. Впрочем, серьезная опасность им не грозила. Если эти вояки боялись поднимать глаза выше колен — прорваться через них будет не труднее, чем обмануть деревенского дурачка.

— Ты опять собираешься швырнуть нас в темницу? — спросил Рубос мрачно.

— Мне нужно удостовериться... — неуверенно начал Блех, оглядываясь.

Из темноты вышел Илисар. Рядом с ним была какая-то старушонка, которая то и дело потирала руки. На ее сизом угреватом носу повисла огромная прозрачная капля пота. Старушка улыбалась.

Она подбежала к Рубосу, всмотрелась в его голубые глаза, отрицательно мотнула головой, капля сорвалась и шлепнулась на каменные плиты. Потом старуха подскочила к Лотару. В него она всматривалась дольше. Лотар увидел, что пот, выступающий через нечистую кожу старухи, собирается в новую каплю. И на этот раз старуха сокрушенно покачала головой и отошла в сторону, заметно разочарованная.

Теперь к ним подошел Илисар. Задержав дыхание, он мельком скосил глаза на Лотара, потом на Рубоса, и все.

— Ну что, колдун? — спросил Блех.

Илисар покачал головой.

— Ты уверен? — В голосе Блеха звучало недоверие.

— Они не были под Нуриманом, — зло пробормотала старуха и ушла в темноту.

Словно шорох невидимых крыльев пронесся над стражниками. Некоторые даже спрятали оружие. Блех глубоко вздохнул.

— Ну, а теперь ты расскажешь мне, что это значит, или, кланусь Живой, я вытряхну из тебя душу, несмотря на всех этих железноголовых дураков, — четко, раздельно, чуть ли не по слогам проговорил Рубос. Оружие стражников снова появилось на свет, они знали свое дело совсем неплохо.

— Не нужно, Рубос, — пробормотал Лотар. — Это не так уж глупо.

— Но ведь каждому ясно — если мы пошли с ними, значит, Нуриман удрал в кого-то еще! Почему они не осматривают друг друга?

Цепь стражников вдруг с лязгом распалась. Многие из тех, кто только что держал чужеземцев под угрозой своих мечей, обернули оружие друг против друга.

— Им это было неясно, — ответил Лотар. Усталость навалива-

лась все сильнее. Неожиданно он вспомнил, что весь день взбивал воздух пустыни крыльями, выращенными вместо рук. Ему очень хотелось напиться воды и уснуть. Он бы даже обошелся без обливания из тех ведер, которые ждут их на заднем дворе духана. — Они действуют по плану, хотя он никуда не годится.

Блех печально спросил:

— Ты можешь предложить что-нибудь получше?

— Могу. Только меня никто не спрашивает.

— И каков этот план?

— Мы будем обсуждать его прямо здесь или нам дадут возможность смыть слюни этой девицы? — спросил Рубос.

Замечание было справедливым. Несмотря на сварливый тон мирамца, стражники впервые за весь вечер готовы были расхохотаться, оценив шутку чужеземца.

— Да, пожалуй. — Блех повернулся к капитану Зересу и произнес так, чтобы слышали все: — Твои люди могут возвращаться в казарму. Этой ночью они вряд ли понадобятся.

Зерес поклонился.

Лотар заметил, что brave капитан до сих пор не убрал свою саблю в ножны. Он, вероятно, больше других хотел посчитаться с этими невесть откуда свалившимися на Ашмилону чужеземцами. Или?.. Или он чего-то ждал.

Высокий звук серебряных колокольчиков заставил Лотара вздрогнуть. Он наклонился к Рубосу и прошептал:

— Готовься. Сейчас что-то будет...

Он не успел договорить. Из дальнего конца зала раздались тяжелые шаги нескольких человек. Еще до того, как они вышли на свет, Лотар увидел тусклое свечение их доспехов, начищенных до зеркального блеска. Купить такие могли только богатые люди, а никак не простые воины.

Тот, кто шел впереди, заговорил:

— Я визирь королевства. Данной мне властью приказываю вам, солдаты, взять этих людей и...

Он не договорил. Капитан Зерес сделал выпад в сторону Рубоса... но его клинок со звоном отлетел в сторону. Мирамец своим шлемом отбил этот выпад и, прежде чем кто-либо что-то понял, выхватил ятаган.

— Бегом, Рубос! — Лотар прыгнул в ту сторону кольца стражников, где не было факелов и тени лежали плотнее. Он так и не достал Гвинед, решив пустить его в ход лишь в самом крайнем случае.

Ударами ног он свалил трех вояк и оказался на свободе. Выхватив из рук падающего стражника алебарду, он повернулся назад. Какой-то ветеран, не вынимая меча, готовился прыгнуть вперед, чтобы схватить Лотара поперек туловища, сковав ему руки. Взмахом тяжелого топора Лотар попытался отогнать назойливого старика, который, уходя от этого выпада, с оглушительным грохотом споткнулся о лежащего латника и, увеличивая общее смятение, растянулся на камнях. Лотару понравилась эта хитрость, тем более что она была ему на руку.

Он посмотрел на человека, появившегося из темноты с тремя придворными в роскошных доспехах — на того, кто назвал себя визирем Мирофаруком. Лотару показалось, что визирь ничего не упустил из того, что происходило сегодня ночью во дворце и в городе. Значит, он вполне мог быть тем, кто колдовским способом следил за поединком и чье присутствие Лотар чувствовал с самого начала.

— Ловите их! Если выпустите их отсюда живыми, прикажу из каждого накроить ремней!.. — бесновался Мирофарук. Впрочем, вперед он не рвался.

Теперь Рубос... С Рубосом было сложнее, потому что он отступать не торопился. Мирамец дрался, его раздражение наконец нашло выход. Тяжелый ятаган летал как пушинка, обезоруживая противников, опрокидывая их на пол ударами плашмя, создавая пространство раза в три большее, чем было нужно, чтобы сохранить тело мирамца в недосягаемости. Кроме того, он пустил в ход левый кулак, которым опрокидывал латников не менее успешно, чем мечом, а может, даже чаще и успешнее.

Лотар разозлился. Все было яснее ясного, Рубос ждал Зереса, и если до сих пор он даже не ранил ни одного из нападавших, то с капитаном дворцовой охраны разговор был бы иным. Глупо, нелепо и, скорее всего, по-настоящему опасно. Кто знает, что ашмилонцы сделают с ними, если сумеют захватить? Что им прикажет некто, кто стоит за ними, до кого, кажется, и добраться невозможно?

— Рубос, — сказал Лотар, стараясь казаться спокойным, чтобы не парализовать внимание мирамца, который удерживал лавину нападающих, — мы должны уйти. Ты попал под влияние того, кто управляет нашими противниками.

— Я понял! — выкрикнул Рубос, не прекращая работу мечом и кулаком.

Потом он сделал движение вперед, словно собирался напасть на пять дюжин стражников, и закричал. Железнодорожные отпрянули, это позволило Рубосу отскочить назад, и он оказался в темноте.

— Вперед, за ними, трусливые собаки! — завизжал Зерес, ему вторили трое офицеров визиря.

Но сам Мирофарук стоял молча. Он уже понял, что двое чужеземцев с редкостным даже для опытного воина умением использовали нерасторопность факельщиков и пустое пространство этого заброшенного зала. Они сумели вырваться из окружения, которое, казалось, не выпустило бы и мухи.

Глава 9

Лотар бежал впосилы, но Рубос все равно отставал. Он устал и плохо видел в темноте. Лотар слышал его шумное, тяжелое дыхание и спотыкающиеся, неверные шаги. Желтоголовый мог бы подкрепить его своей энергией, но он злился на мирамца, и, кажется, Рубос это понимал. Наконец он не выдержал и закричал:

— Стой, Лотар! Если не остановишься, беги дальше один, я не могу.

— Нужно больше с охранниками драться...

— Сам же сказал, это было колдовство. — Рубос отчаянно махнул рукой и остановился. Он вытер пот и оглянулся. — По-моему, они не гонятся.

— Я солгал, иначе ты бы так и не ушел оттуда. — Лотар отшвырнул алебарду, которую почему-то захватил с собой. — Их слишком мало, чтобы прочесать заброшенную часть дворца.

— Вернее, они слишком трусливы, чтобы, располагая пятью дюжинами солдат, искать людей, которые уложили ведьму, одержимую Нуриманом.

Лотар улыбнулся, но злость прошла не до конца.

— Все-таки ты должен понимать, у нас слишком ответственное дело, чтобы связываться в глупые потасовки.

— Когда на душе накинпит, без этого никак нельзя, сам знаешь. — Он обернулся. — Жалко потерянного шлема. Может, вернемся, его наверняка можно выручить, если придумать что-нибудь.

Внезапно где-то близко взвыла птица Сроф. Рубос вернулся в действительность.

— Ладно, обойдусь без шлема. Что теперь?

— Нужно отдохнуть, я просто валяюсь с ног.

— Я тоже. — Рубос всмотрелся в конец темной галереи. — Ты знаешь, где мы находимся?

— Конечно. Я бежал не просто так, а с расчетом, который должен сработать.

— И когда ты все успеваешь? — Они пошли по коридору. Рубос держал свой богатырский ятаган на плече, как носят двуручные мечи. — Куда мы идем?

— Увидишь. Приготовься, кстати, к одной небольшой драке, только постарайся никого не убить. Обещаю, что она будет последней перед хорошим отдыхом.

Рубос был солдатом, даже тени сомнения в правильности того, что они делали, не появилось на его лице. Кроме того, он привык к скудному свету звезд, который падал через причудливые решетки окон, и теперь ставил ногу твердо, как на плацу. Лотару же и этот свет был не нужен, он не вернулся к человеческому зрению после драки с Нуриманом и видел все так же отчетливо, как днем. Под сапогами хрустели камешки. Ни один стражник не попадался на их пути, ни один факел не нарушал темноты, сквозь которую они шагали.

Они спустились по полуобвалившимся ступеням и вышли во двор, мошенный редкими плитами, между которыми росли стебли травы. Лотар, прижавшись к стене и оставаясь в тени, выглянул из-за угла. Рубос, встав на носки, посмотрел поверх его головы.

— Мы здесь уже были.

— Верно. Мы вышли в город из королевского дворца через вон ту калитку, чтобы драться с Нуриманом.

На расстоянии трех десятков шагов в высокой и грубой стене королевского замка виднелась низенькая дверь. Около нее, под факелом, чадавшим в неподвижном воздухе двора, виднелись два стражника. Один из них спал, уронив голову на грудь, опершись на выступ стены. Другой, присев на корточки, чистил наконечник копья, который блестел, как серебряный.

— А вон башня, в которой устроил себе логово Илисар. Жди здесь, мне нужно кое-что проверить.

Лотар присел и шагнул вперед, растворившись в темноте. Где-то в отдалении прозвенел колокол, отмеряя глухой ночной час покоя и тишины. Потом кто-то со стены издал условный крик. Вдруг что-то вынырнуло из тьмы рядом с Рубосом. Мирамец вздрогнул и поднял ятаган, чтобы встретить эту опасность ударом... Это был Лотар.

— Ну ты даешь. Я вообще ничего не увидел.

— Как ты думаешь, успеем мы добежать до этих двоих и выключить их, не причинив им большого вреда?

Рубос покачал головой.

— Совсем без шума не получится.

— Теперь небольшой шум как раз необходим. Разумеется, мы подождем, пока небо закроют облака, чтобы те, кто заметит драку со стен, поняли только то, что нам нужно... Смотри, вон густое облако. Как только станет темнее, бросаемся вперед. Твой — тот, что спит. Потом жди и ничего не делай без команды.

Едва облако закрыло звезды, как Лотар вышел из-за угла и не очень быстро побежал через двор. Чтобы его намерения были понятны стражникам, он закричал так, что даже Рубос вильнул на бегу в сторону.

Охранник, который чистил копье, оказался настоящим увальнем. Заслышав близкий крик, он, выронив свое оружие, вскочил на ноги, попытался дотянуться до копья, но... получив сильный удар по шлему рукоятью кинжала, растянулся на плитах во весь рост. Не обращая внимания на другого стражника, Лотар спокойно пошел к двери и стал возиться с засовом.

Второй караульный, поправляя наползающий на глаза шлем левой рукой, забыв, вероятно, о копье и выхватив короткий меч, вертел головой, стараясь понять, что происходит. Наконец он решил напасть на Лотара, чья незащищенная спина находилась всего в двух саженьях перед ним. Он занес руку...

С рычанием, в котором ярость смешалась с такой дикой силой, что могла поспорить с воем Нуримана, Рубос, выронив свой ятаган, успел все-таки перехватить руку стражника и рывком, оторвав бедолагу от каменных плит, развернул его к себе. Потом, крикнув, врезал своим чугунным кулаком в побелевшее от ужаса, сонное лицо охранника.

Стражник отлетел к стене, его ноги подогнулись, но он не упал и не выпустил меч. Дрожа от усилия, он попытался поднять оружие. Рубос тут же оказался перед ним, как будто перелетел по воздуху, и с тем же противным криканьем стал бить его со скоростью и силой стенобитной машины. Наконец стражник со зво-

ном выпустил меч и упал. Из-под его шлема капала кровь, промятый на животе панцирь, вероятно, легче было отправить в перековку, чем выправить по человеческой фигуре. Красный от бешенства, вытирая кулаки, с которых капала кровь, Рубос повернулся к Лотару, который спокойно стоял с факелом в руке у открытой двери.

— Ты... шенок, балаганный шут! Как ты смел поворачиваться к этому обороту спиной?

— Я испытал то же самое, когда ты решил поупражняться в фехтовании всего лишь с половиной королевских стражников, — ровно, словно ничего не произошло, ответил Лотар. — Теперь, надеюсь, ты задумаешься, прежде чем повторишь такую же глупость.

Злость Рубоса испарилась на глазах.

— Я из-за тебя руки в кровь разбил.

— Крепче будут, сам знаешь.

Рубос пошел назад, чтобы подобрать свой меч.

— Ну, теперь мир?

Лотар взглянул на мирамца с улыбкой.

— Забыто и травой поросло.

Кто-то на стенах вдруг заголосил, как сирена. Лотар сразу стал серьезным. Рубосу даже показалось, что он осунулся, а в глазах его появились напряженность и боль одновременно.

Подойдя ближе к дверце, чтобы не было видно со стен, Лотар стал что-то шептать. Когда Рубос выпрямился, подняв ятаган, он вдруг сжал рукоятку оружия так, словно хотел раздавить ее. Рядом с Лотаром медленно, переливаясь, как полуденное марево, возникали два силуэта, между которыми Лотар вставлял факел. Грубая просмоленная деревяшка никак не хотела держаться в бледно-сером, словно пар, веществе, из которого возникли призраки.

— Что это?

— Двойники. — Убедившись, что факел повис в воздухе, Лотар отошел в сторону и сделал приглашающий жест. Повернувшись боком, неразрывные фигуры двинулись к калитке и вытянулись на улицу. Лотар, пробормотав еще одно заклинание, указал в сторону ближайших домов и отпрыгнул к стене.

Прежде чем он понял, что происходит, Рубос оказался рядом.

— Пойдем, только держись в тени, иначе моя хитрость окажется зряшной.

Они не сделали и десятка шагов вдоль стены, как где-то за ней послышался отчетливый звук упавшей и покотившейся в сторону деревяшки.

— Факел упал. Не умею я делать плотных двойников. Не научился еще.

— Зачем они вообще нужны?

— Теперь те, кто ищет нас с помощью магии, будут думать, что мы удрали в город. Эти сущности тащат такой шлейф, что перебивают все следы, даже настоящие... Тихо.

Внезапно в дальней части двора появился отряд латников. Впереди бежал один из офицеров, который раньше сопровождал

визиря. Каждый третий воин нес факел. Неудача в зале кое-чему научила гвардейцев. Отряд оказался перед дверью. Офицер на мгновение склонился над неподвижными фигурами стражников, негромко сказал что-то и тут же выбежал в город. За исключением двух латников, все последовали за ним.

Лотар и Рубос перебежали от одного темного места к другому довольно долго. Наконец Лотар сказал:

— Вот мы и добрались.

Они стояли перед входной дверью в лабораторию Илисара. На этот раз перед ней никого не было.

— А где охранники?

— Их снял Блех, когда мы рванули к Нуриману.

Лотар подошел к двери.

— Входи, здесь никого нет. И здесь, если не ошибаюсь, мы в безопасности.

В колдовской лаборатории ничего не изменилось. Так же на столике лежал план города, так же сверкало кольцо с шелковой нитью.

Рубос вдруг закачался, как будто пол под ним превратился в неверную корабельную палубу во время шторма. Он шагнул к дивану, на котором отливало вышивкой парчовое покрывало. Лотар усмехнулся.

— Нет, Рубос. При всем том, что мы, конечно, отдых честно заслужили, это ложе не для нас.

— А где же ты предполагаешь?.. — Губы мирамца едва двигались от усталости.

Лотар, шаркая подошвами, словно постарел на сотню лет, пошел в самый темный угол лаборатории. Огляделся.

— Окон поблизости как будто нет, поэтому... Рубос, заберемся-ка мы в эту вот летающую лодку. Здесь нас точно никто не потревожит.

Летающая лодка была прикрыта огромным полотнищем, сшитым из самых разных кусков. Драгоценная тафта была стянута широкими стежками с грубым, шершавым, как терка, парусным полотном, а ткань желтого цвета соседствовала с зеленой.

Внутри было тесно из-за каких-то ящиков, поставленных прямо на палубу. Ровные доски, на которых можно было бы вытянуться во весь рост, были завалены мелкими деталями, оставшимися после явно неудачных попыток ремонта. Недрогнувшей рукой Рубос сдвинул все это в сторону и лег, подложив под голову кипу растрепанных и пыльных чертежей.

— Знаешь, Лотар, теперь я поверил тому, что ты рассказал о себе в духане.

— По-моему, ты и раньше не сомневался, — отозвался Лотар, устраиваясь на длинном ящике.

— Может быть. — Потом затухающим голосом Рубос произнес: — А завтра будем спать... пока... не выспимся.

Лотар едва слышно рассмеялся, но мирамец его уже не слышал. Он спал, и никто не мог бы его будудить.

Свет пробивался через многочисленные прорехи в ткани. В неподвижном воздухе плавали пылинки. Лотару очень хотелось пить.

Ночью ему пришлось несколько раз просыпаться и толкать Рубоса, чтобы тот не храпел. И поскольку их не обнаружили, значит, с этой задачей ему удалось справиться.

Лотар прикинул, сколько может быть времени. По лучу солнца и по таинственному, неведь откуда появившемуся ощущению покоя стало ясно, что только что перевалило за полдень.

Пора было вставать. Лотар тронул мирамца, и тот сразу проснулся, положив руку на ятаган, который лежал рядом. Лотар услышал его:

— Все в порядке. Я просто подумал, что пора искать завтрак.

— Или обед.

В узкие щели между досками летающей лодки рассмотреть что-нибудь было почти невозможно. Впрочем, Лотар был уверен, что в лаборатории царит покой. Приподняв чехол, они выбрались наружу.

В свете солнца, льющегося из высоких, под потолком, окон, лаборатория королевского колдуна казалась не более таинственным местом, чем городская свалка. И таким же тесным. Лотар с сожалением посмотрел на многочисленные приборы и механизмы. Ему очень хотелось повозиться с ними, но на это не было времени.

— Слушай, — толкнул его локтем Рубос.

В той части зала, где обитал Илисар, послышались какие-то звуки. Это были мирные звуки — звякала посуда, что-то булькало, звонко отзывалось на прикосновение металла тонкое стекло.

— Наверное, обедает, — предположил Рубос.

Бесшумно, как пара призраков, приседая в тени массивных машин, прячась за свисающими чехлами и драпировками, они прокрались вперед.

Рубос ошибся. Королевский колдун не обедал. Он работал за длинным столом из темно-коричневого шлифованного камня, на котором стояла масса приборов из тончайшего стекла, образуя переплетение более сложное и изысканное, чем узор таджерского ковра. За прозрачными стенками сосудов, трубочек, колб, реторт и странного вида бутылей кипели, переливались всеми цветами радуги, оседали туманом или делились на ровные спокойные слои разнообразные жидкости. В разных местах этой конструкции, занимающей весь стол, горели различные по величине горелки.

Илисар был так увлечен, что Рубос и Лотар подошли к нему вплотную, прежде чем он почувствовал, что не один. Колдун вздрогнул, какая-то реторта, которую он мелкими движениями укреплял в бронзовом штативе, треснула и с хрустальным звоном посыпалась на каменный стол. Он обернулся.

На лице его был страх. Он окинул обоих чужеземцев взглядом и расслабился. Отбросив длинный рукав своей мантии, он внимательно осмотрел палец, на котором медленно росла капля крови.

— Порезался из-за вас, — сказал Илисар и сунул палец в рот, потом вдруг сморщился, сплюнул и потряс пальцем в воздухе. — Совсем забыл, что работал с рубиновой землей, а вкус у нее...

Он прошагал в темный угол, где на крохотном столе стоял фаянсовый умывальный таз, и сунул палец в воду.

— Станный ты колдун, — рассудительно сказал Рубос. — Не чувствуешь чужих, кровь остановить не умеешь, машины ремонтируешь...

— Не тебе меня учить. — Сейчас Илисар полностью успокоился, и в голосе его не слышалось прежних визжащих ноток. В солнечном свете колдун показался Лотару едва ли не ровесником мирамца.

— И все-таки, сдастся мне, никакой ты не колдун.

Илисар усмехнулся, вытер палец тряпкой сомнительной чистоты, подошел к Рубосу и спросил, глядя ему в глаза:

— Так вы и просидели у меня всю ночь, пока вас по городу разыскивали?

Рубос промолчал, но его улыбка была точнее любого ответа.

— Нам нужно поесть, а потом мы хотели бы с тобой посоветоваться, — сказал Лотар.

— Ты думаешь, я вам что-нибудь посоветую?

Лотар кивнул.

— Ты заблуждаешься. Стоит мне крикнуть погромче, и здесь появятся стражники.

Взгляд Рубоса стал жестче.

— Только попробуй, фальшивый шаман. От тебя первого останется одно...

— Никого он не позовет, — спокойно возразил Лотар. — За дверью стражников нет. Чтобы их позвать, нужно идти в другую часть двorca.

Илисар хмыкнул.

— Откуда ты знаешь?

— Я чувствую.

— Колдун? Понятно. — Илисар развел руками, широкие рукава его темной мантии разлетелись, как крылья. — Все вокруг колдуны! Кинь палку и попадешь в волшебника. Скоро магами можно будет мостить улицы, а волхвов начнут использовать вместо спиц в колесницах! И лишь тем, кто по праву носит этот титул, отказывают в подчинении и не признают за ними никаких достоинств.

— Сам виноват, — буркнул Рубос.

— Нет, — сказал Лотар, — все сложнее. Ты проиграл, Илисар, а судьба проигравших волшебников незавидна, всегда так было.

Взгляд Илисара дрогнул. Он попробовал взять себя в руки и посмотрел на Лотара, как будто собирался помериться с ним колдовскими силами.

— Их остановило только желание сохранять видимость давнего порядка. К тому же тебя больше интересуют машины, чем колдовство, в котором ты действительно не силен и, следовательно, не можешь на многое претендовать. Поэтому тебя оставили в

покое. Почти. Просто приказали помалкивать, но нанести удар могут в любую минуту. Не так ли?

Ноги не держали Илисара. Он добрёл до высокого стула и скорее повалился на него, чем сел. Теперь он не казался ровесником Рубосу. Это был старик с рухнувшими надеждами и сломленной волей.

— Я бы убежал, нашел укрытие, куда им никогда не добратся... — прошептал он. — Но как я мог оставить это? — Он обвел рукой зал, заставленный машинами. — Куда я уйду от своих инструментов? — Он посмотрел на стол, на котором каскад стеклянных приспособлений медленно оживал, превращаясь в нечто, работающее слаженно и ровно. — Поэтому я подчинился.

— Кому? — спросил Рубос.

— Не знаю. Правда, не знаю. Мне приказывают, и я делаю, что они хотят. Как-никак я доктор магии и оккультизма, изучал эти науки в Клистонском университете... Конечно, я не все могу, потому что никогда не уделял этому достаточно времени. Да и зачем, когда на свете столько замечательных механизмов, а жизнь так коротка?

— Если ты пойдешь с нами, мы попробуем освободить от них Ашмилону, — сказал Лотар. — Если нет, то рано или поздно они ударят, и тогда ты уже не сможешь заниматься любимым делом.

Илисар покачал головой.

— Нет, они слишком сильны. Вам и не представить, куда простирается их власть.

— Пока они ничего с нами не сделали, — сказал Рубос.

— Они по-настоящему и не пробовали. Вот когда...

— Они серьезно пытались.

Илисар вздохнул.

— Вы пришли и так же уйдете. А я здесь останусь. И я знаю, что до конца вам никогда не вытравить эту заразу из Ашмилоны, а значит...

— Никакой ты не доктор, где бы ни получил свои дипломы, — спокойно прервал Илисара Рубос. — Даже мне понятно, что, помимо знаний, нужно иметь мужество, а ты боишься даже попробовать. Ты твердишь — никого не одолеете, никогда не сумеете... Драться, когда победа обеспечена, способен любой подонок. Драться, когда впереди неизвестность, может только тот, у кого что-то есть за душой. Ты говоришь, что любишь свои науки и эти механизмы. Ничуть ты их не любишь, иначе попробовал бы защищать их, а не визжал, как крыса с прищемленным хвостом.

Илисар вскинул голову и слабо усмехнулся.

— Вряд ли стоит так разговаривать с человеком, который должен помочь вам в побеге из города.

— А мы не собираемся бежать, — ответил Лотар скорее своим мыслям, чем Илисару. — Доказательство еще не получено.

— Какое доказательство? Впрочем... — Лицо королевского колдуна разгладилось, он поднялся на ноги и указал на столик около дивана, на котором, очевидно, спал. — Еда вон там.

Пока Лотар с Рубосом ели, колдун ходил перед высокими пол-

ками с книгами. Он вздыхал, кашлял, горбился и время от времени так хрустел пальцами, что по залу прокатывалось эхо. Когда Лотар наелся и повернулся к звонко роняющей капли массивной клепсидре, показывающей, что время приближается к часу полудни, Илисар подошел к ним.

— Если вы предложите что-то, что мне по силам, я, пожалуй, попробую помочь.

Рубос хлопнул колдуна по спине так, что тот едва не упал на колени.

— Давно бы так! А если станет страшно, подумай о том, сколько новых цапек накупит тебе король Конад.

— Ну, для этого нужно еще победить.

Лотар поднялся и вытер руки чистой салфеткой.

— Сейчас очень удачный момент, чтобы начать действовать. — Как огромную карусель, он раскручивал в своем сознании все факты, которые собрал в Ашмилоне. Через несколько мгновений, показавшихся Рубосу и Илисару очень долгими, он произнес: — Для начала мы поговорим с начальником тайной полиции Блехом.

Глава 11

Сонное лицо Блеха казалось тонким и костистым. Он долго моргал, шурился, хотя, скорее всего, уже все понял и пытался лишь выиграть время. Потом сел, передернул плечами и хрипловатым голосом произнес:

— Мы искали вас почти до полудня. Я совершенно не выспался.

— Ничего, не последний день живем, еще выпишесь, — добродушно буркнул Рубос. Он был доволен эффектом.

— А... А где стража?

— Не дури, Блех, ты прекрасно понял, что мы не арестованы, а пришли сюда сами, чтобы поговорить.

— Я не могу с вами разговаривать, не умывшись, не нацепив что-нибудь поверх этого... — Он небрежно дернул на груди нижнюю рубашку, в которой спал на диване, установленном в полутемной нише его огромного кабинета.

— Нет, — спокойно произнес Лотар. — Сейчас ты еще ничего не понимаешь и потому наломаешь дров.

Как ни странно, Блех это задело.

— А ты понимаешь, что происходит?

— Да.

Он провел рукой по лицу, на этот раз не играя, а действительно стараясь поскорее прийти в себя. Потом перевел взгляд на Илисара.

— И ты с ними? Или они тебя тоже захватили?

— Я пошел с ними по собственной воле.

— Странно. Как вы вошли сюда, минуя стражу? Или вы?..

— Нет, твой скворечник мы не штурмовали, — прогудел Ру-

бос. — Ты же сам показал неохраняемый путь, когда мы отправились к королю Конаду.

— Ах да. Что же, впредь наукой будет.

Он встал, неторопливо затянул завязки на шароварчиках, подошел к серебряному умывальному тазу, плеснул несколько пригоршней воды в лицо, вытерся расшитым полотенцем.

— Я готов слушать, чтобы узнать то, что, возможно, знаешь ты, Лотар.

Они пошли за ширму, которая закрывала рабочий стол Блеха. На столе царил обычный беспорядок. Рубос бегло осмотрел его, проверяя, нет ли где оружия или сигнальной кнопки, хотя умный Блех уже сообразил, что убивать его никто не собирается. Но был приказ задержать их, поэтому он все-таки мог кликнуть стражу. Кроме того, Лотар не знал, как он поведет себя, когда узнает, с чем они пришли. Так что проверка ни в коем случае не была лишней.

Рубос стал рядом с Блехом, который, усевшись, отодвинул все бумаги на край стола, не столько расчищая место, сколько просто готовясь работать.

— Я хочу сразу сказать, — начал Лотар, чтобы снять напряжение, — что без тебя и Илисара дальнейшие эффективные действия против Нуримана и того, кто им управляет, невозможны. И мы пришли, чтобы заключить союз...

Блех прорвало:

— Станный, однако, способ убеждения — ворвались, как разбойники, не дали переодеться...

— Иначе ты поднял бы шум, схватился бы за оружие. А так все обошлось тихо и без суеты. — Подкрепляя свои слова, Рубос положил свою огромную ладонь на плечо начальника тайной полиции.

— Мы действуем в твоей манере, так что тебе наверняка интересно испытать это на своей шкуре, — добавил Лотар.

— Вернемся к делу.

— Итак, кажется, вы исходили из предположения, что Нуриман переселяется из одной своей жертвы в другую, используя взгляд как способ перехода. Но так происходит не всегда. Следовательно, возникает идея, что у него где-то есть постоянное логово и он может скакнуть туда в любой момент. Равно как и выскочить оттуда.

— Доказательства! — потребовал Блех.

— Тот способ, каким он удрал из тела девушки, с которой я сражался. — Лотар уже рассказал ему, как происходила схватка, когда они возвращались со стражниками во дворец. — Кстати, кто она?

Блех пожал плечами.

— Это довольно странно, но она принадлежит к одной из лучших семей Ашмилоны и является фрейлиной принцессы Мицар. Ее имя Освирь. Как подумаю, что она могла передать Нуримана принцессе, так мороз по коже. Гриза сказала, что Освирь по всем

признакам настоящая ведьма. И выглядела намного моложе своих лет, и умела уворачиваться от железа...

— Кто такая Гриза?

— Женщина, которая освидетельствовала вас в зале после драки с Освирью и Нуриманом, — нехотя проговорил Илисар. — Она сейчас занимается теми, кто был одержим демоном.

— А, та, с каплей на носу... Ладно, продолжим. Главная задача заключается в том, чтобы изгнать Нуримана. А для этого мы должны ударить...

— Невозможно, — возразил Илисар, — во всех книгах написано, что демоны такого рода переносятся за тысячи лиг в мгновение ока. Следовательно, его логово, как ты выразился, может находиться...

— Тот, кто содержит это обиталище, наверняка управляет и самим Нуриманом, — прервал его Лотар. — А с расстояния в тысячу лиг так точно влиять на события в Ашмилоне не удастся. Логово где-то недалеко, я не удивлюсь, если выяснится, что оно где-то во дворце.

— Но-но! — вскричал Блех. — Не заговаривайся, чужеземец. Кто из нас, преданных слуг его величества, способен на такое предательство? Или ты полагаешь, что и король Конад в этом замешан?

— Безусловно, замешан, — спокойно сказал Лотар, — только не как действующее лицо этой интриги, а как жертва. Не нужно быть семи пядей во лбу, Блех, чтобы увидеть — он находится под очень сильным воздействием и не контролирует окружающих людей и события.

Блех так вцепился в край стола, что на его кулаках побелели костяшки.

— На всех площадях Гурхора продаются описания подвигов его величества. Он участвовал более чем в двадцати больших войнах и ни в одной не потерпел поражения. Он в одиночку отправился на восток, когда черный коршун украл его ныне покойную жену, и сумел вернуть ее. Он...

— Это было, Блех. Но сейчас король уже не тот. Подумай, и ты согласишься со мной.

— Ты хочешь сказать, мерзавец, что я плохо служу его величеству и позволил неким колдовским силам... — Глаза Илисара побелели от злости. Он брызгал слюной и размахивал перед носом Лотара кулаками.

— Криком ничему не поможешь, — сказал вдруг Блех. — Как это ни печально, Илисар, возможно, он прав. — Он повернулся к Лотару. — Как ты хочешь найти Нуримана?

— Ты не понял, Блех. Я предлагаю искать вовсе не Нуримана. Нужно найти тех, кто поддерживает его главное обиталище и управляет им. Нужно разоблачить их и спасти тех, кого еще можно спасти.

Главный королевский колдун вдруг поднес руку к груди и повалился назад. Рубос успел его подхватить, впрочем, через мгновение Илисар открыл глаза и, пошатываясь, выпрямился. Губы

его посерели, ноздри трепетали. Но в глазах вдруг появилось странное упрямство, и почти с удивлением Лотар увидел, что Илисар больше не боится. Он собрался с силами и сказал, глядя в сторону, ни к кому конкретно не обращаясь:

— Если мне дадут воды или вина...

Лотар кивнул Рубосу. Тот настороженно посмотрел на Блеха, потом быстро отошел к столику у изголовья дивана, на котором спал начальник тайной полиции, взял серебряную чашу с ароматным темным вином и предложил ее волшебнику. Илисар стал пить, проливая половину на грудь.

— Продолжаю, — твердо сказал Лотар. — Нам остается только одно...

— Тебе, тебе остается только одно, — мягко, очень тихо проговорил Блех.

— Нет, Блех, нам, всем вместе, всем четверым и не иначе.

Начальник тайной полиции пожевал ус, потом поднял голову.

— Хорошо, Лотар, что ты имел в виду?

— Только одно: идти по цепочке, выбивая сведения из одного заговорщика за другим, пока не дойдем до источника их власти и силы — Нуримана.

— А если мы ошибемся или кто-нибудь из них сумеет нас обмануть? — спросил Блех.

— Тогда мы будем уничтожены, — жестко проговорил Лотар.

— Что это даст мне, Лотар?

Желтоголовый прищурился и едва заметно усмехнулся.

— Ты выиграешь больше всех, Блех. Ты получишь славу спасителя короля и отечества, ты получишь власть и, скорее всего, богатство, о котором дворянин твоего положения может только мечтать.

— Мой род!.. — взвизгнул Блех, но Лотар оборвал его:

— Да, я со всем согласен заранее, ты именит, у тебя трижды голубая кровь, а подвиги твоих предков выучивают школяры, но все-таки твой род не на первых ролях. А теперь представь, что после нашей победы сможет остановить тебя?

Блех опустил голову. Он думал. Лотар понимал, что этому осторожному и по-настоящему дисциплинированному человеку нелегко действовать на свой страх и риск. Поэтому он добавил:

— Кроме того, мне показалось, ты из тех, кто понимает, что, наказывая преступников, государство выполняет свое предназначение. Сейчас это действительно зависит от тебя.

— Истина, справедливость, честность... Но как все сложно в мире!

— В подобной битве эти понятия и наши устремления целиком совпадают. Подумай, и ты согласишься.

Блех думал долго. Наконец он посмотрел прямо в глаза Лотару.

— Допустим, я соглашусь. А что выиграешь ты?

Рассказывать правду было нельзя. Блех заподозрил бы еще один колдовской заговор и в самый ответственный момент предал бы просто из опасения оказаться орудием такого странного

создания, как Драконий Оборотень, выступавший на стороне людей.

— Я и Рубос — наемники. Тебе нужно объяснять, что значит это ремесло?

— Но эта битва гораздо опасней, чем те, в которых имеет смысл участвовать наемнику. Вы же не самоубийцы!

— Чем опасней драка, тем крупнее куш, — вдруг сказал Рубос. На самом деле мирамец никогда не продавался просто за деньги, он всегда требовал, чтобы дело, за которое он выступал, было правым. Но он вовремя вспомнил, как разговаривал Лотар с Блехом вначале, и нашел наилучший аргумент.

— Хорошо. — Блех встал. — С чего начнем?

— Наши противники хитры, — задумчиво произнес Лотар. — Но все-таки одну ошибку они, кажется, совершили. Они надеялись, что им удастся быстро избавиться от нас с Рубосом, и потому присвоили вещи, которые не фигурировали в твоей описи, Блех. Колдовские книги несравненной ценности.

— Колдовские? — Глаза Илисара стали настороженными.

— Я всего лишь хотел торговать ими, — быстро произнес Лотар.

Для Блеха содержание этих книг ровным счетом ничего не значило, по крайней мере пока.

— Значит, тот, у кого они находятся, и закрутил всю интригу?

— Или знает ее цель.

Блех обнажил зубы в жесткой, волчьей улыбке.

— Тогда имя этого человека известно тому, кто вас арестовывал, а именно — капитану стражи Зересу. Я думаю, лучше всего его допросить прямо здесь.

— Ха, только допрашивать буду я, — весело сказал Рубос.

Блех смерил его холодным взглядом и рассеянно кивнул.

— Да, я думаю, это нам понадобится.

Глава 12

Как только Зерес вошел, Рубос прыгнул на него из-за двери и заломил правую руку. Левой толстяк попытался отжаться от нападавшего, но Рубос ударил его о стену и, когда капитан стражи обмяк, быстро разоружил его. Кроме сабли, под расшитым кушаком Зереса оказался тонкий, изящный стилет. Рубос сунул его себе за пазуху.

Когда капитан очухался, он стал красным, потным и очень злым. Но страха в его глазах не было.

Зато в них появилось изумление, когда он увидел, что на происходящее спокойно смотрит из-за своего стола Блех и никто его не охраняет. По-видимому, он даже не был заложником этих северных варваров. Зерес задумался и думал бы, вероятно, не один час, если бы ровный голос начальника тайной полиции не прозвучал в кабинете с такой рассудительной и неспешной интонацией, что Зерес дрогнул и всмотрелся в лицо Блеха с беспокойст-

вом. Вероятно, так Блех допрашивает преступников, подумал Лотар.

— Итак, капитан, у меня есть сведения, что ты оказал услугу врагам короля и королевства. Пока я исхожу из предположения, что тебя использовали, но, если ты не ответишь на мои вопросы, я изменю свое мнение, и ты окажешься среди главных обвиняемых.

— Я никого не предавал, Блех, в отличие от тебя. — Зерес кивнул на Лотара, который спокойно стоял у стола начальника тайной полиции.

— Сейчас мы рассматриваем твои поступки. — Блех положил тонкие, бледные, испачканные фиолетовыми чернилами пальцы на серое сукно своего необъятного стола и поудобней устроился в кресле.

Пока кто-то из стражников ходил за Зересом, он успел одеться и даже побрился за ширмой, которая скрывала его постель. Теперь он источал терпкий, неприятный запах какого-то цветка. Лотар едва сдерживался, чтобы не сморщиться.

— Итак, я приказал тебе привести двух иностранцев. Почему ты привел именно этих двух?

— Не знаю. Кто-то из стражников надоумил, и вот я построил их, повел в этот духан и арестовал этих бродяг.

— Ты не получал приказа арестовать именно этих двоих?

— Нет.

— Я тебе не верю, Зерес! — загремел Блех, но вмешался Лотар.

— Как ни странно, Блех, это возможно. Подумай сам, очень многие люди в этом городе совершают странные поступки, которых не могут потом объяснить. Даже мы с Рубосом, отдавая отчет в ненормальности происходящего, один раз вынуждены были подчиниться этому неявному приказу.

— Хорошо. — Блех смотрел на Лотара скорее удивленно, чем возмущенно. — Предположим. Но тогда почему ты, Зерес, не передал все содержимое сумки, которую отобрал у Лотара, моим людям?

Зерес смотрел на Блеха, и на его верхней губе появились бисеринки пота. Он начинал бояться. И Лотару показалось, что боится он совсем не Блеха, а кого-то, о ком они еще ничего не знают.

— Почему ты думаешь, что их не могли украсть твои люди?

— Они вышколены так, что не стряхнут даже пыли с вещей арестованных.

Зерес, опустив голову, спросил:

— Что именно тебя интересует?

Начальник тайной полиции вопросительно посмотрел на Лотара.

— Пояс, в котором было триста цехинов, и книги из мешка.

Блех, широко раскрыв глаза, приподнялся в своем кресле.

— Три... ста... Триста цехинов?

— Я подобрал этот пояс в оазисе Беклем, куда мы шли за водой с Периаком Среброусым после нападения дассов. Периак не дошел, а мне достался пояс, — пояснил Лотар.

— Из Беклема? — Блех был слишком хорошим сыщиком, чтобы не задуматься над этим названием. — Что ты видел в Беклеме?

— Какие-то развалины, в которых я нашел этот пояс и книги. Полагаю, никто, кроме меня, на них не предъявит прав.

Блех уже взял себя в руки и снова посмотрел на Зереса.

— Ну, что ты хочешь от меня, эмир? — спросил капитан.

— Имя человека, которому ты отдал пояс и книги.

Зерес все еще думал. В нем боролись противоположные чувства.

— Ты уверен, эмир, что тебе от этого будет прок?

Блех усмехнулся.

— Это уж моя забота. И не забывай, что ты обвинен в заговоре против короля.

— Хорошо. — Зерес обвел всех долгим, пристальным взглядом. — Я отнес пояс и книги визирю.

Блех шумно выдохнул.

— Ну, что теперь? — осведомился Зерес.

— Как это было? — спросил Лотар.

— Один из его офицеров встретил меня, когда я нес эти вещи в его, — Зерес кивнул на Блеха, — канцелярию для описи, и попросил не мешкая зайти к визирю. Я подумал, что у Мирофарука лучшие шпионы в королевстве, и пошел к нему. Он отобрал книги, расшнуровал пояс, и вдруг... — Он сглотнул слюну, вспоминая свое изумление. — Я чуть собственным языком не подавился, когда увидел эту грудку золота. Я заметил, конечно, что пояс тяжел, но подумал, что на нем какие-то особенные бляшки. Если бы я знал...

— Что бы ты сделал? — быстро спросил Блех, но Зерес уже прикусил язык.

— Ничего.

— Итак, эти предметы находятся у визиря, — сказал Лотар. — Нужно идти к нему.

— Вопрос в том, кто именно к нему пойдет?

Блех медленно обвел присутствующих долгим, внимательным взглядом.

— Игра стала слишком захватывающей, эмир, — произнес вдруг Илисар. — Я не могу позволить тебе делать неконтролируемые ходы.

— Хорошо. — Блех посмотрел на Зереса. — Ты пойдешь с нами. Пока мы не будем тебя связывать.

Капитан промолчал.

— Ну, что же, пошли. — Блех встал, надел перевязь своей сабли, небогатой, но с великолепным старинным клинком. — Прошу всех молчать, приказы отдаю только я. Если Зерес поднимет шум, разрешаю тебе, Рубос, пристукнуть его.

Глава 13

Эхо шагов гулко раскатывалось по коридорам. Пока все выглядит довольно внушительно, подумал Лотар. Тем немногим стражникам, которые попадались по пути, Блех не терпящим возражения голосом приказывал следовать за ним. Солдаты под-

чинялись неохотно. И до них дошло, что власть во дворце не едина, а значит, не имеющему протекции стражнику выполнение любого странного приказа казалось таким же рискованным, как неподчинение самой ясной команде. Пока дело шло на лад, потому что рядом с Блехом находился Зерес, а ему любой из этих вояк обязан был подчиняться, что бы ни случилось.

Но в этой же компании были и те самые чужеземцы, которых еще искали патрули в городе, а значит, все выглядело сомнительно. И поступь стражников, всегда такая твердая, наполненная звоном стали и скрежетом доспехов, скрипом дорогой кожи и шурушанием расписной ткани, на этот раз была тиха и невыразительна по сравнению с тем шумом, который поднимали пятеро людей, возглавляющих группу. А это значило, что солдаты могли в любой момент отступить.

Жаль, нет времени объяснить им, что здесь происходит не дележка власти, а попытка избавить Ашмилону от Нуримана, подумал Лотар. Или так: помимо дележки власти, они ищут и демона. Если после этого стражники вовсе не разбегутся, они станут действовать потверже. А это ох как нужно!

У дверей в апартаменты визиря стояли три гвардейца в иных, чем у стражников, доспехах. Вероятно, их содержали из казны визиря, а потому они будут преданы ему более остальных. Блех подтвердил это, когда подошел к ним и твердым, как лед, голосом приказал:

— Именем его величества, сдать оружие.

Один из солдат визиря попытался отмахнуться древком алебарды и закричал. Ему тотчас зажали рот сильной рукой в перчатке и ударами свалили на пол. Двое других подчинились безропотно. Пока стражники действовали смело. Возможно, это объяснялось завистью к людям Мирофарука и полускрытой враждой между двумя отрядами.

Блех толкнул дверь и вошел первым, за ним потянулись остальные. Перед ними простиралась бесконечная анфилада непохожих одна на другую комнат. Она кончалась двустворчатыми высокими дверями, у которых стоял еще один темнокожий солдат, но уже без доспехов. На его шее тускло светился золотой ошейник раба. Скрестив руки на мускулистой груди, без малейшего беспокойства он следил, как подходят все эти люди, которых он привык видеть в коридорах дворца раболепно склонившимися при приближении его господина. На этот раз было иначе.

Блех даже не сказал ничего, а лишь показал на темнокожего, и стражники бросились вперед, как охотники на дичь. В руке раба появился чудовишный, ослепительный ятаган, который уступал размерами только оружию Рубоса. Несколько выпадов он отбил безупречными движениями опытного фехтовальщика. Рот темнокожего распахнулся в крике, чтобы предупредить своего господина. Лотар прыгнул вперед, чтобы помешать ему, уже понимая, что все пропало, но... С пухлых, окруженных редкими черными волосками губ темнокожего сорвалось лишь тихое шипение. Между его белоснежными зубами Лотар увидел пустоту —

язык раба, по обычаю недоверчивых ашмилонских господ, был вырезан вместе с голосовыми связками. Сейчас это обернулось против Мирофарука.

Как только солдаты оттеснили темнокожего, который все еще сопротивлялся, Блех распахнул двери, и все оказались в библиотеке визиря.

Это была огромная комната, уставленная высокими, под потолок, темными шкафами, на толстых полках которых покоились тяжелые тома. Шкафов было так много, что большое помещение казалось тесным. Ближе к стрельчатым окнам стояла тахта, забранная покрывалом с богатой вышивкой, окруженная четырьмя напольными светильниками и несколькими столиками для книг. На одном из них Лотар увидел книги из оазиса Беклем, которые казались очень скромными среди окружающего великолепия. На полочке ниже столешницы лежал потертый кожаный пояс Лотара, который выглядел бы здесь уж вовсе неуместно, если бы из его расстегнутых потайных кармашков не вытекло, как драгоценные слезы, темное золото цехинов.

Лотар заметил вопрошающий взгляд Блеха и кивнул. Тогда начальник тайной полиции повернулся к визирю, который, насмешливо скривив губы, стоял за тахтой так спокойно, что Лотар сразу понял — у него в запасе есть что-то способное защитить его.

— Ну, — лениво пророкотал визирь низким красивым голосом, — и как я должен понимать это вторжение, Блех?

— С вашего позволения, я имею честь носить титул эмира. — Блех попытался играть в некую принятую среди придворных игру.

— Я задал тебе вопрос, Блех. — Мирофарук и не думал играть по правилам начальника тайной полиции.

Но Блех зашел уже слишком далеко, чтобы отступать. Тихо, почти беззвучно, он позвал:

— Илисар.

Королевский колдун шагнул к визирю, его светлые, навывкате глаза стали еще светлее от напряжения, с каким он искал встречный взгляд визиря. Неожиданно Мирофарук опустил голову.

— Подними глаза, визирь. — Как ни старался Блех казаться спокойным, в голосе его звучало торжество. — Дело идет о чести и безопасности королевства.

Внезапно в руке визиря оказалась тонкая, легкая, но опасная, как жало змеи, сабля. Ее острие было направлено в горло волшебнику.

— Если этот шарлатан подойдет, тебе, Блех, придется раскошелиться на его похороны.

— Назад, Илисар! — заорал Блех.

Лотар прыгнул вперед, чтобы закрыть Илисара. Если визирь убьет колдуна, который выступал на их стороне, то освидетельствовать Мирофарука, возможно, вообще не удастся, потому что уже через час-другой последует ответный удар, который сметет и Блеха, и всех, кто ему помогал.

— А мне и не нужно подходить к нему, — вдруг сказал Иллар. — Я и отсюда вижу... — Его дыхание стало едва ли не громче голоса. — В душе этого человека... правит Нуриман.

Визирь отшатнулся, словно ему ткнули в лицо тлеющей головней.

— Стража, взять этого человека! — загремел голос Блеха, и Лотар понял, как он будет отдавать приказы, когда станет визирем.

Солдаты выступили вперед, стараясь не оказаться прямо перед Мирофаруком. Или он считался слишком искусным воином, чтобы стражники рисковали шкурой в прямой схватке с ним, или дворцовая осторожность взяла верх — а вдруг визирь сумеет оправдаться? Лучше посмотреть, что из всего этого получится.

Но тут вперед бросился Зерес. Теперь он хотел выслужиться, набрать как можно больше защитных аргументов, если его обвинят в причастности к колдовскому заговору. Но сделал это он очень неловко. После первых же выпадов блестящий клинок визиря окрасился кровью, а Зерес упал, с удивлением чувствуя, что силы оставляют его пухлое, но сильное тело.

— Взять же его, собаки, иначе вам всем еще до захода солнца болтаться в петлях на Стене Висельников! — заорал Блех, хотя сам отнюдь не спешил выступить против визиря.

Угроза помогла. Солдаты, подталкивая друг друга, попытались навалиться все вместе, и это было самым скверным, что можно было придумать.

К визирю уже почти протолкался Рубос со своим огромным ятаганом, а сбоку к нему мягкими шагами подходил Лотар. Им оставалось совсем немного, чтобы захватить его, но теперь, окруженные солдатами, которые не давали даже размахнуться, они ничего не могли сделать. По крайней мере, и Лотар и Рубос замешкались. И визирь, вернее, бывший визирь, воспользовался этим.

Он легко отбил неуклюжие атаки стражников, убил одного, самого настойчивого из нападавших, прыгнул назад... И вдруг оказался в ничем не примечательной нише между книжными шкафами, которая была укрыта темным, не бросающимся в глаза занавесом.

Лотар понял, что происходит, за мгновение до того, как это случилось, но он стоял слишком далеко от Мирофарука.

Бывший визирь ударил локтем куда-то вбок, и между ним и солдатами сверху с легком упала кованая решетка из черных, закрученных в причудливые спирали прутьев. Один из молодых стражников бросился вперед, чтобы подхватить ее, но решетка оказалась слишком тяжелой или была заколдованной и разрубила смельчака нижней кромкой. А массивные зазубрины сбоку и снизу, пробив ковер, сразу с оглушительными щелчками вошли в потайные замки, чтобы ее нельзя было поднять. Капли крови, брызнувшие из-под блестящей брони молодого стражника, попали Мирофаруку на лицо. Он вытер их, облизнул пальцы, рассмеялся и издевательски отдал саблех честь Блеху.

— Еще встретимся, эмир!

Блех побледнел, представив, что стояло за человеком, который находился по ту сторону решетки.

— Остановите его, — приказал он, но никто из солдат не двинулся с места. Да это было бы и бесполезно.

За Мирофаруком медленно, со скрипом стала открываться каменная стена. Лотар видел, что толщина плиты, из которой вытесана дверь, составляла не менее двух локтей. Пробить такую стену, когда Мирофарук уйдет, будет невозможно. А открыть ее?.. Как только бывший визирь окажется по ту сторону двери, он заклинит поворотный механизм, и никто отсюда не сможет привести эту дверь в действие.

Мирофарук шагнул во мрак потайного хода, и дверь пошла назад. Лотар, понимая, что это ни к чему не приведет, вырвал алебарду из рук стражника и вставил ее между плитой и стеной. Мирофарук, издевательски расхохотавшись, заставил дверь приоткрыться, одним движением отрубил древко и вытолкнул обрубленное топорище.

— Я думал, ты умнее, молокосос. Прощай! Хотя, конечно, до встречи!

Массивная плита встала на свое место, полностью слившись со стеной.

— Вызовите инженеров, — упавшим голосом предложил Лотар. — Может быть, они сумеют вскрыть этот тайный ход, а по нему мы узнаем...

Солдаты расступились, давая возможность подойти к решетке королевскому колдуну. Илисар был очень бледен, но глаза его горели энергией.

— Теперь, господа, нам надлежит доложить о нашей удаче его величеству. И получить дальнейшие указания, — сказал он.

Блех все понял. Дело было почти проиграно, потому что без главного обвиняемого все выглядело в высшей степени сомнительно. Но дурацкую восторженность Илисара перед солдатами следовало все-таки поддержать. В тон колдуну он проговорил:

— И, думаю, получить награду. Мы узнали, кто управлял Нуриманом. И теперь можем утверждать, что его величеству королю и ее высочеству принцессе ничто не угрожает. А это самое главное.

Солдаты, совсем было приунывшие, приободрились. Они обменялись красноречивыми взглядами, прикидывая, сколько получат, и как прогуляют свои деньги, и что нарасказывают в духах, хвастая своей отвагой. Еще бы, они схватились с господином самого Нуримана, изгнали его из дворца и фактически возвели в ранг нового визиря — вряд ли это можно отрицать.

— А с ними что делать? — спросил кто-то, указывая на тела Зереса и мертвых стражников.

Лотар взглянул и удивился. Мирофарук одним не очень сильным ударом разрубил капитана королевских стражников почти до пояса вместе с доспехами и золотыми побрякушками. Или рука у бывшего визиря была отлита из свинца, или его клинок не уступал Гвинеду.

— Зерес был среди заговорщиков, хотя и пытался в конце вы-

ступить на нашей стороне, — сказал Блех. — Полагаю, он погиб вовремя, чтобы его похоронили с почестями. Вместе с остальными. — Он окинул всех внимательным взглядом. — А теперь — к королю! — И так тихо, что слышали только те, кому это было предназначено, добавил: — И вы, чужеземцы, тоже. Иначе, боюсь, вместо награды мне придется вас повесить.

Глава 14

В королевских покоях пахло травой, нагоняющей сон. Кроме того, запах делал здесь нежелательным звучание иного голоса, кроме негромкого, неспешного голоса его величества. Помимо лакеев, которых сразу выслали, при короле была принцесса Мицар, а с ней рядом, на расстоянии едва ли не трех футов, стояла все та же странная женщина, закутанная до самых глаз в черное, неподвижная, временами казавшаяся неодушевленной. У Лотара сложилось впечатление, что никто ее даже не замечал.

Король сидел в невысоком удобном кресле с изогнутой спинкой и мягкими, обитыми тафтой подлокотниками. Перед ним на подставке стояла раскрытая книга, на страницах которой Лотар, пользуясь магическим зрением, увидел толстый слой пыли. Короля эта книга занимала так же, как то, что происходило на кухне самого захудалого духана его королевства. Он просто соблюдал приличия.

Рассказывая, Блех непрерывно постукивал пальцами по эфесу сабли. Это было единственным признаком того, что начальник тайной полиции нервничал. По его докладу выходило, что он ни в чем не преступил границ своих полномочий и действия эти привели к такому значительному успеху, как разоблачение и изгнание главаря заговорщиков.

Лотар, слушая этот длинный, украшенный причудливым гурхорским стилем доклад, не раз подавлял усмешку. Но, в общем, ложь эта служила успеху дела. Кроме того, Блех лучше знал короля, и им оставалось только радоваться, что у них такой ловкий союзник.

Когда Блех умолк, король некоторое время сидел неподвижно, разглядывая пыльные страницы книги на подставке. Потом хлопнул ладонями по подлокотникам и произнес:

— Жаль, меня не было... — Тут он вскинул взгляд на принцессу и умолк. Чем дольше длилось молчание, тем понятнее становилось, что мнение короля будет ясно лишь после того, как выскажется его дочь. Наконец она произнесла:

— Так что же, Блех, все произошло из-за книг?

Начальник тайной полиции поклонился, прижав руку к сердцу.

— Ваше высочество, мы воспользовались книгами, как охотник использует след дичи.

— Хороша дичь — верный слуга, не раз спасавший своими мудрыми решениями наш дом и королевство. И это приходится слышать от другого нашего... гм, верного слуги.

Блех дрогнул, но твердость в его глазах осталась.

— Я верно служу вашему дому и королевству, и никто не может упрекнуть меня в противном. Что касается преступника, именуемого Мирюфаруком...

— А что, если он собирался арестовать этих чужеземцев по обвинению в занятии черной магией?

— Это невозможно, принцесса, потому что он был слугой Нуримана и его прямым союзником.

— Это не доказано! — закричала принцесса.

Тут вперед, бледный как полотно, выступил Илисар. Он ничего не мог произнести, у него хватило сил только поклониться. Лотар заметил, что теперь страх сочился из него, как с лягушки, только что вылезшей на берег, стекает вода. Мицар едва удостоила его косым взглядом, но поделаться все же ничего не могла и потому сочла необходимым сменить тему.

— Я не принимаю, почему вы притащили сюда этих варваров.

— Они оказали королевству услуги...

— Как и многие другие!

— Нет, ваше высочество, гораздо большие, чем, к примеру, вся гвардия вашего отца. Они остановили демона, которого никто иной не мог остановить.

— Ну так расплатитесь с ними и вышвырните вон. — Такие мелочи, как присутствие людей, о которых она говорила в подобном тоне, не смущали принцессу. По-видимому, она была воспитана в духе лучших гурхорских обычаев.

Неожиданно в своем кресле зашевелился король. Он поднял руку, бессильно уронил ее, поерзал и заговорил лишь после того, как принцесса обратила на него внимание.

— Я полагаю, их, конечно, следует наградить, моя дорогая...

Принцесса окинула Лотара с головы до ног презрительным взглядом.

— Пары цехинов будет достаточно.

— Их двое, ваше высочество.

— Тогда и заплатите дважды, Блех. — Принцесса отвернулась, чтобы не было заметно, что она кусает губы.

Лотар разглядывал ее внешне спокойно, хотя мозг его лихорадочно работал, восприятие было обострено до предела. Если бы Илисар так не боялся, даже он мог почувствовать эту магию оборотня. Лотар пытался разобраться, кто здесь всем заправляет — черная фигура на заднем плане, принцесса или кто-то третий? Кроме того, нельзя было сбрасывать со счета и самого короля: его слабость и нерешительность вполне могли быть отличной маскировкой. Хотя, скорее всего, следовало поискать кого-то четвертого, с кем они пока не сталкивались.

Блех тем временем продолжил с поклоном:

— Раз вы одобрили мои действия, ваше величество, мне будет гораздо легче понять ваш замысел, если вы дадите свои распоряжения. — Голос эмира Блеха звучал откровенно льстиво. В Ашмилоне и умным людям приходилось валять дурака.

— Пожалуй, да, Блех, все правильно. Если только, конечно...

А ведь он не понимает, о чем его спросили, подумал Лотар.

Король сосредоточился — или получил новую команду от своего кукловода — и наконец произнес:

— Пока не нужно его убивать. Мы должны его судить, так будет правильно, Блех.

Начальник тайной полиции поклонился. Снова подала голос принцесса:

— И не питайте иллюзий, эмир. Это приказ.

— Конечно, ваше высочество. Будет исполнено, ваше величество.

Неожиданно Мицар повернулась к Илисару.

— Кстати, колдун, ты можешь сказать, где он прячется?

Илисар, казалось, вот-вот упадет в обморок. Лотар с раздражением подумал: ну чего он сейчас-то боится? Волшебник с трудом разлепил губы и едва слышно произнес:

— Разумеется, моя принцесса. Но для этого, боюсь... — Его голос прервался.

— Говори громче, я не слышу, — твердо, как офицер на плацу, приказала Мицар.

— Придется отправиться в мою лабораторию.

Принцесса выглядела удивленной лишь мгновение.

— Ну что же, если речь идет о поимке опасного заговорщика, придется отправляться в твою лабораторию.

— Я бы тоже... Если, конечно, это не нарушает планов или не опасно... — Чувствовалось, что это решение стоило королю огромных усилий, но он справился, хотя его слова прозвучали невнятно. Принцесса нахмурилась, но вдруг улыбнулась и даже помогла ему подняться.

— Конечно, ваше величество. Ваша воля — закон.

Пока Мицар созывала стражников, пока слуги сустились вокруг короля, подготавливая его для неожиданного выхода, Лотар, Рубос, Блех и Илисар собрались в ближайшем к двери углу.

Лотар шепотом спросил Блеха:

— Принцесса была очень дружна с Мирофаруком?

— Даже без официального объявления все знали, что он без пяти минут ее жених. Разумеется, были какие-то и другие предложения, но Мирофарук неизменно оказывался ближе всех к спальне принцессы, — шепотом ответил начальник тайной полиции.

— Если бы он женился на ней, он стал бы консортом, — Лотар даже не спрашивал, он всего лишь размышлял вслух.

— И кажется, она по-прежнему готова разыграть эту партию, объявив наши поступки происками заговорщиков, подталкиваемых врагами королевства.

— Почему же он тогда удрал? — спросил Рубос. — Для него было бы гораздо выгоднее предстать перед судом.

— Как ни странно, он убежал не из-за нас, — сказал Лотар, скорее выстраивая предположения, чем о чем-то действительно догадываясь. — Мирофарук убежал от того, кто стоит в этом заговоре выше, чем он.

— Кто же может быть выше? Сам Нуриман?

Лотар улыбнулся.

— Лучше думать о том, как выявить зло, поразившее Ашмилону. А сделать это мы можем только через Мирофарука.

— Как подумаю, что он мог бы жениться на ней и устранить малейшее препятствие между ней и Нуриманом, так... — Кажется, Блех и не думал доводить свое соображение до конца.

Переход в лабораторию Илисара потребовал едва ли не больше времени, чем заняло бы путешествие в соседний от Ашмилоны город. В башне колдуна, как ни велика она казалась, стало тесно, когда в ней расположились те, кто теперь заинтересовался этим делом.

На сей раз Илисар надолго склонился над своим превосходным планом города с кольцом на шелковой нити. По всему было видно, что он старается, — колдун потел, тяжело дышал, все время пел высоким, дрожащим голосом какие-то заклинания, но кольцо не указало не то что дом или улицу, но даже район. Наконец он отложил свое приспособление и сокрушенно покачал головой.

— Не могу, ваше величество. На этот раз не получается.

Принцесса презрительно посмотрела на колдуна и произнесла своим хрустальным голоском так, что эхо разошлось по всем углам:

— Ну, если это все, на что ты способен, старик, я удивлена твоими прежними успехами.

Колдун не знал, что ответить. Внезапно Лотар произнес:

— Илисар, ты искал нас на своем плане, когда Мирофарук приказал схватить нас прошлой ночью?

Вообще-то по протоколу он должен был обратиться сначала к королю или хотя бы к принцессе, но Лотару казалось нелепым играть роль дрессированного придворного.

— Да, разумеется, — ответил Лотару начальник тайной полиции. — Но это ничего не дало. Примерно как сейчас.

— Почему? — Лотар снова обратился к Илисару.

— Ну, потому... — Илисар вытер лоб и громко проглотил комок в горле. — Вы находились здесь, то есть в месте, защищенном от просвечивания любой магией, даже моей собственной.

Принцесса Мицар, услышав, где находились разыскиваемые чужеземцы, ничего не сказала, но зашипела, как смертельно опасная змея.

— Уверю, ваше высочество, я ничего не знал! — возопил Илисар.

Лотар как ни в чем не бывало задал следующий вопрос:

— А есть ли в городе другие сооружения, которые невозможно, как ты говоришь, просветить твоей магией?

Илисар кивнул.

— Еще три. Личные апартаменты короля, покои принцессы... — Он снова вытер пот, на этот раз с щек и подбородка. Колдун был потен, как землекоп, работающий на самом солнцепеке. — И еще одно место — Звездная башня.

Лотар повернулся к Блеху.

— Это башня, которую замуровали много веков назад?

Блех кивнул. Он давно понял, куда клонит Желтоголовый, и, не будь здесь высоких особ, давно сорвался бы с места, как стрела, пушенная из лука.

Лотар повернулся к королю.

— Ваше величество, преступник, которого мы должны схватить, находится в Звездной башне королевского дворца.

И тогда громовым голосом, которым он, вероятно, командовал во время своих победных битв, король отчеканил:

— Нет! Вы туда не войдете. Я запрещаю.

И всем, кто это услышал, осталось только поклониться, подчиняясь странному повелению этого странного короля.

Глава 15

Блех бросил на стол тяжелый пояс, потом шелковый кошелек с монетами, которые весело зазвенели, и аккуратно поставил стопочку книг. Потом указал на две кровати, застеленные бельем, от чистоты которого Лотару стало немного не по себе.

— Ложитесь спать, господа наемники. — Блех усмехнулся. — Вы сделали все гораздо лучше, чем я ожидал. Когда эта ночь кончится, вам придется удирать из Ашмилоны как можно быстрее. У Мирофарука много слуг, и я сомневаюсь, что вы доживете до полудня, если попытаете остаться.

Посвежевшие после дворцовой купальни, где они провели последний час, Лотар и Рубос, в свежих рубашках и удобных шароварах, позвякивая оружием, которое они держали в руках, осмотрелись. Они находились в небольшой комнатке, располагавшейся в служебной, кажется, части дворца. Здесь было только две кровати, стол и одна скамейка, на которую Рубос уложил свои доспехи. Сумка Лотара уже лежала под столом. В окошке под потолком угасал свет уходящего дня.

Рубос взвесил кошелек и усмехнулся.

— Те четыре монеты, которыми приказала откупиться от нас принцесса?

— Не четыре, и не откупиться, а заплатить. — Глаза Блеха стали чуть более настороженными. — Надо сказать, что она довольно щедра, ведь договор был на меньшую сумму.

— А мои доспехи, меч и остальное?

Блех беззаботно махнул рукой.

— Если увезешь это с собой, думаю, никто не обвинит тебя в воровстве.

Рубос провел ладонью по еще сырым волосам и воодушевился.

— Знаешь, когда Мирофарук в том мрачном зале приказал нас задержать, я отбилась от Зереса шлемом. Отличный был шлем...

— Нет, шлем не обещаю. — Блех пожал плечами и снова усмехнулся. Он вообще был гораздо улыбчивее, чем вначале. — Придется тебе самому раскошелиться.

Рубос провел пальцем по острию своего огромного ятагана, приставленного к кровати, и хмыкнул:

— Согласен.

Блех повернулся к Лотару. Желтоголовый смотрел на него оценивающе, прищурившись, словно собирался рубиться насмерть.

— Блех, ты хоть понимаешь, что так оставлять ситуацию нельзя? И прежде всего это опасно для тебя?

— Ты преувеличиваешь. Король дал мне полномочия, которые сравнимы с властью визиря. Мы его схватим, и он все расскажет, не сомневайся. У нас прекрасные мастера, способные вызнать все.

— А тот, кто стоит за Мирофаруком, будет послушно ждать?

— А ты уверен, что за ним кто-то стоит?

— Уверен.

— Доказательства?

— Король все еще под чьим-то контролем. Нуриман не изгнан. Мы по-прежнему не знаем, кто затеял всю эту интригу и зачем. Реальная власть принадлежит неизвестно кому, кто в любой миг может присвоить себе и ту внешнюю власть, которой, по твоим словам, тебя так щедро наградили.

Блех сжал кулаки так, что затрещали суставы.

— Будь ты подданным короля Конада, я бы приказал схватить тебя и заточить...

— Это ничего не изменит, эмир.

Блех промолчал.

— Ну же, признай, что я прав и нужно идти дальше.

— Нет. — Блех отвернулся. Ни Лотар, ни Рубос не могли видеть его лица, но голос начальника тайной полиции звучал твердо. — У меня есть приказ прекратить это дело, и я намерен его выполнить.

— Тогда через неделю-другую, когда они соберутся с силами, тебя уберут, обвинив в чем угодно, а Мирофарук и его хозяева...

— Прекрати!

Лотар пожал плечами, подошел к кровати и стал раздеваться. Но теперь Блех не мог уйти. Он должен был убедить себя, что дело обстоит не так скверно, как представлял Лотар.

— Не понимаю, почему ты вообще в это влез? — Блех говорил раздраженным тоном. — Тебе-то какое дело до того, что у нас происходит?

— Во-первых, ты сам нас втянул. Во-вторых, нас с Рубосом тут поджидали, и мы пытаемся наилучшим способом обезвредить ловушку. А в-третьих, есть другие причины, которыми тебе нет надобности забивать свою государственную голову.

Блех сказал:

— Что-то во всем этом есть такое, что...

— Неважно. Я понимаю его, — вмешался Рубос.

Блех стиснул зубы, повернулся и ушел.

Лотар лег, подложил ладони под голову и стал смотреть в окошко, которое стало совсем темным. Он не мог уснуть, тяжелые мысли не оставляли его. Рубос тоже ворочался, потом неожиданно спросил:

— На двери-то засова нет, ты заметил?
Лотар только вздохнул.
— Ну, и о чем ты думаешь?
Желтоголовый приподнялся на локте.
— Знаешь, приказ короля утратит силу, если Мирофарук нападет первым и нам придется защищаться. Тогда даже у Блеха не будет основания обвинить нас.
— Ты хочешь спровоцировать его? — резко спросил Рубос.
— Да.
— Зачем? Это действительно не наша битва.
Лотар лег.
— Я думал, что Рубоса из Мирана невозможно напугать.
— А я считаю, что мы на редкость удачно выбрались из той ловушки, которую нам подстроили. Никто не ранен, оба стали чуть-чуть богаче, и у нас появилась возможность отправиться домой. Никто ни в чем не может нас упрекнуть.
— И все-таки, — голос Лотара звучал задумчиво, — мы не решили проблему. А это значит, она возникнет снова, только в наиболее неблагоприятный для нас момент. Мы отдаем наше преимущество.
Рубос вздохнул, встал и принялся одеваться. Его движения были неторопливы, словно он готовился к битве. Так оно и было на самом деле. Когда латы легли на его плечи и Рубос стал застегивать боковые пряжки, он спросил:
— Ну, чего разлегся? Если все так серьезно, тогда, похоже, у нас и выбора нет. — Помолчав, он добавил: — У тебя неплохая тактика — делать то, что для всех, даже для меня, оказывается неожиданностью. Пока она приносила успех. Посмотрим, что будет дальше.
— Подожди. — Лотар сел и опустил босые ноги на пол. — Я не уверен, что правильно понимаю ситуацию.
— Не притворяйся. Я убежден, ты давно все продумал. И не знаешь только, какой из нескольких способов верного самоубийства выбрать.
— Чтобы не тратить времени, — ответил Лотар, улыбаясь, — попробуем их все одновременно. А для начала сделай-ка вот что...

Глава 16

Пока Лотар одевался и пристегивал оружие, Рубос уже вернулся. Он ввалился в комнату и с грохотом опустил на стол массивный арбалет.

— Бестолковая штука, — прокомментировал он. — И за эту вот деревяшку негодяй из оружейной мастерской потребовал целых два нобилиа. Я его чуть пополам не разорвал. Кстати, как ты с ним познакомился?

— Он мне приглянулся, пока ты перебирал шлемы с Блехом перед битвой с Освирью. Не жалею денег, ты заплатил их не за самострел, а за молчание.

Рубос кивнул.

— Конечно, раз ты сказал, пришлось согласиться. Но все это очень смахивает на попытку поскорее разориться.

— Стрелы, — напомнил Лотар.

Рубос вытащил из-за пазухи пять тяжелых арбалетных стрел. Оперенье у них было сделано из полосок тонкой кожи, которые заставляли их вращаться в полете.

— А остальное?

Рубос кивнул и достал моток тонкой конопляной веревки, которая вполне могла выдержать даже массивного мирамца. Лотар улыбнулся.

— Теперь все в порядке. Кстати, тебя никто не заметил? Если королевские шпионы узнают, что мы что-то замышляем, нам не дадут с места сойти.

Рубос успокаивающе поднял руку.

— Тогда так. — Лотар прошелся по комнате, собираясь с мыслями. — Надень-ка вот это. — Он передвинул по столешнице пояс с монетами. — Тебе это меньше помешает. Потом это. — Он пнул ногой сумку с книгами и своими пожитками.

Потом подошел к умывальному кувшину и, стараясь не пролить ни капли, наполнил флягу. Рубос следил за ним, начиная догадываться.

— Мы уходим?

Лотар кивнул и произнес:

— И флягу тоже придется нести тебе.

Рубос шумно вдохнул воздух.

— Ты решил все сделать без моей помощи?

— Не обижайся, Рубос, но ты двигаешься со всей этой поклажей так же медленно, как и без нее. А меня она свяжет. Я думаю только о целесообразности. Но даже в этом случае может получиться, что к утру мы оба будем мертвы.

— Вот что значит хороший командир, — все еще посапывая от обиды, проворчал Рубос, — двумя словами умеет поднять настроение.

Когда все было готово, Лотар взял две стрелы и положил их на стол, а сам сел на скамейку.

— Теперь держись от меня подальше. Лучше всего, — он посмотрел на Рубоса очень печально. — выйди из комнаты и последи, чтобы никто не вошел.

— Делай свое дело, — ответил Рубос, — и оставь мне мое.

— Как знаешь.

Лотар сосредоточился, очистил сознание, не думая о том, что ему предстояло. Когда он решил, что готов, он произнес приказ, и тогда злоба и ненависть закипели в его душе как составляющие зла, которое вложил в него Гханаши в оазисе Беклем. Это была ненависть ко всему живому, это была злоба на все, что могло оказаться на его пути и поэтому должно было лежать во прахе, уничтоженное его силой. Это была жгучая страсть к разрушению, способная сделать его сильнее. И когда, казалось, он вот-вот схватит оружие и бросится по коридорам, убивая всех без разбора, не-

имоверным усилием воли он перевел все, что чувствовал, в ярко-красную, горячую, как лава, и тягучую, как кровь, энергию, которую медленно, капля за каплей стал собирать в пальцах.

Теперь его руки были словно напитаны ядом, и он знал, что его рукопожатие теперь так же смертельно, как отравленный кинжал. Один его взгляд вызвал бы у обычного человека болезнь, а крик, если бы он захотел крикнуть, оглушил и, возможно, ослепил бы каждого, кто услышал бы его. Он сосредоточил эту энергию под ногтями и осторожно, стараясь не попасть на столешницу, вылил ее на стрелы.

Вокруг стрел сейчас же появилась рубиновая аура, которая растеклась по ним от конца с опереньем до острия, становясь все сильнее, все насыщеннее. Когда Лотар почувствовал, что зло вытекло из него полностью, он выровнял дыхание, успокоил сердце, расслабил мускулы. Он снова был почти человеком. Почти...

Лотар посмотрел на стрелы. Он по-прежнему видел ореол вокруг них и темный, кровавый отсвет на стенах, который они отбрасывали. Он протянул руку, поколебавшись, отвел ее. Сдернул с кровати простыню, сложил ее до размеров платка и лишь после этого взял стрелы. На плохо струганных досках от них остался четкий черный след, словно выжженное тавро. Другой рукой он провел над отпечатком, снимая остатки зла, хотя не сомневался, что завтра же этот стол и все, что было в этой комнате, сожгут. Возможно, и саму комнату замуруют, потому что ни жить здесь, ни даже находиться долгое время нормальный человек теперь не сможет никогда.

Он повернулся к Рубосу. Тот стоял, привалившись к стене, оставаясь на ногах только благодаря своей недюжинной воле. Лотар растянул запекшиеся губы в некое подобие улыбки. Рубос медленно вытер пот с лица.

— Если бы у меня был выбор, — проговорил он шепотом, — возможно, я бы выбрал другого напарника для путешествия домой.

— Я же советовал тебе выйти...

Рубос вздохнул, выпрямился. Ноги его дрожали в коленях. Он качнул головой.

— Не знаю, сумею ли я теперь относиться к тебе по-прежнему.

— Я — человек, — твердо произнес Лотар. — То, что я делаю, служит наилучшим доказательством моей человечности.

Рубос обреченно махнул рукой.

— Все правильно. Не обращай внимания на старого дурака.

Лотар завернул заколдованные стрелы в покрывало и, подхватив самострел, встал.

— Ну что же, — сказал он, жестко улыбнувшись, — теперь мы готовы.

Они вышли в коридор. Лотар чуть не наступил на стражника, который должен был, по идее Блеха, стеречь их. Почтенный воин похрапывал, подергивая ногами, как собака, которой снится, что она гонит зайца.

— Что ты с ним сделал? — спросил Лотар. Рубос удивился.

— А я думал, это твоя работа.

— Да? — Лотар рысьем взглядом осмотрел полутемный коридор. Все было спокойно. — Плохо, очень плохо. Может быть...

— Что?

— Ничего. Мы все-таки будем действовать, как задумали.

Они пошли по темным закоулкам, часто останавливаясь и прислушиваясь. К удивлению Лотара, Рубос на этот раз даже в своей блестящей сбруе почти не шумел, а шаг его был легок. Все было спокойно, за ними не следили. Впрочем, верилось этому спокойствию с трудом — неспроста же уснул стражник у их двери.

Скоро сообщники свернули в неосвещенный коридор, и Рубос понял, что они находятся в нежилой части двора. Он успокоился и даже стал топтать.

— Как ты ориентируешься в этом лабиринте? Будь я один, уже давно звал бы на помощь, чтобы какая-нибудь служаночка вывела меня отсюда.

— Не знаю, — чистосердечно ответил Лотар. — Как-то само получается. Некоторые части дворца я совсем не представляю, а иные знаю так, словно прожил тут много лет. Вот в подземелье я уверен только в тех закоулках, в которых мы побывали... Тихо.

Они прислушались.

— Ничего не слышу, — прошептал после паузы Рубос.

— Давай поменьше болтать.

Они пошли осторожно. Но Лотар уже понимал, в чем дело. Он услышал не тот звук, который возникал от чего-то вещественного. Просто все сильнее в его сознании звучали те колокольчики, которые уже не раз предупреждали об опасности. Теперь они не умолкали.

Они спустились в подземелье и скоро оказались в переходе с зияющей в полу ловушкой. Лотар разглядел ее за полсотни шагов. Не отдавая себе отчета, он отреагировал на колокольчики и готовился к битве.

Они прошли по кромке около ямы. Лотар вдохнул гнилостный воздух и заглянул через край. Дна колодца видно не было, его закрывали осклизлые каменные выступы, на которых, судя по их виду, не могла бы удержаться даже муха. Но Лотару на мгновение показалось, что он все-таки различает слабый блеск водной поверхности где-то очень далеко внизу. Что это было на самом деле, он не знал.

Дальнейший путь был настолько простым и даже привычным, что и Рубосу это показалось подозрительным. Но колокольчики умолкли, и Лотар расслабился. Вероятно, часовых во дворце расставили только на самые необходимые посты. Солдаты слишком устали после беготни по городу, после суточных тревог и бессонницы, чтобы держать дворец под надлежащим вниманием.

В дверях, ведущих во двор, Лотар осмотрелся. У калитки, где прошлой ночью они дрались с копейщиками, тоже никого не оказалось. Лишь горел тусклый факел, да сама калитка была заперта огромным деревянным засовом, прихваченным сбоку массивным навесным замком.

Они вышли во двор, и Лотар еще раз осмотрелся. Он различал,

что творилось вокруг, едва ли не яснее, чем Рубос видел этот двор днем. По-прежнему ничего подозрительного.

Лотар упер передок самострела, вырезанного из цельной ветки дерева, в стену, с выдохом откинулся назад и надел толстую тетиву из бычьей кишки на бронзовый крюк. Лук, сделанный из матовых, наложенных друг на друга пластин кованой стали, схваченных вместе скобами, скрипнул от напряжения. Силы этой рессоры хватило бы, чтобы с полусотни шагов пробить любые доспехи, если на них не было наложено специальное заклятье. Потом Лотар аккуратно развернул заколдованные стрелы и, придерживая их через ткань, положил одну на тетиву. Стрела засветилась в темноте, не давая, впрочем, ни отблеска, ни теней.

— Что теперь? — спросил Рубос.

— Будем ждать, — неопределенно ответил Лотар. — Когда-нибудь она да объявится.

— Кто?

Но Лотар уже, вытянув шею, вглядывался и вслушивался в то, что происходило где-то наверху.

— Может, на стены поднимаемся? — предложил Рубос. — На них сегодня пусто.

— Нас заметят, — ответил Лотар и неожиданно продолжил: — Будем надеяться, что двух стрел мне хватит. И без того не знаю, куда девать вторую. Бросать-то ее нельзя, в ней сейчас такая сила...

Они ждали. Рубос умел сидеть в засаде, поэтому и слышал голубей на покатых черепичных крышах, и видел отдаленные отблески факелов редкой стражи, разведенной по стенам в обитаемой части дворца, чувствовал сухость наступающей ночи и слабые дуновения ветра, в которых аромат цветов смешивался с запахом острых приправ из дворцовой кухни.

Где-то далеко ударил колокол. Рубос вздрогнул. Мерный звон оповестил город, что наступила полночь. Лотар дернул плечом, штукатурка стены, к которой он прислонился, посыпалась с легким шорохом.

— Что-то она заставляет себя ждать.

— Кто?

И тут же, раздирая ночную тишину и мрак, как вопль грешной души, изнемогающей от адových мук, раздался крик, заставивший Рубоса зажать уши. Он не ожидал, что это будет так близко, что в этих звуках будет так много боли, ненависти и неукротимой, демонической силы.

А Лотар ждал именно этого. Не успело затихнуть эхо, а он уже был на середине двора, и его самострел нацелился под карниз лишнего окон здания, которое возвышалось даже над внешней стеной. Теперь Лотар знал, где искать.

Рубиновое свечение стрелы, лежащей на тетиве, делало тьму на том конце прицела более густой, мешая даже его магическому зрению. И вдруг он увидел... Это была лишь тень, сгусток черноты, бесформенная клякса, едва выступающая на мрачном фоне.

Но этого было достаточно. Лотар прицелился и плавно нажал на скобу.

Звонко хлопнув по металлу, тетива послала пылающую красным огнем стрелу вверх. Идеальная прямая, как показалось Лотару, не отклонившись ни на полдюйма, прорезала рубиновой смертью воздух, загораясь в полете все ярче, по мере того как цель оказывалась все ближе.

Лотар взял прицел выше Сроф на пол-локтя. Он не ожидал, что арбалет будет таким мощным. Но птица, увидев приближающееся огненное пятно, снялась с места. Она раскрыла полупрозрачные крылья, взмахнула ими, слетела с карниза и... поднялась на те самые пол-локтя.

Ослепительно вспыхнув, стрела ударила в середину темного пятна, которого теперь почти не было видно на фоне черного неба. Дикий вопль, пронзительный и звонкий, как стон всех колоколов мира, разнесся над городом. Он упал на землю так тяжело, что Рубос присел, пряча голову от этого звука. Лотар тоже присел, но взгляд не опустил. К его удивлению, она все-таки взлетела. Взмахи ее крыльев стали медленными и затрудненными, словно летела она не в ночном воздухе, а в тягучей, густой воде. И после нее остались отчетливые бледно-фиолетовые капли, которые, распадаясь в воздухе на крохотные тающие искры, медленно опускались вниз, но она летела. Ей хватило выносливости, чтобы подняться и унести на северо-восток, туда, где через несколько часов взойдет солнце.

Рубос подошел к Лотару и сказал:

— Теперь-то уж ни один из стражников не сомневается — ты вышел на охоту.

Лотар через силу улыбнулся.

— Гораздо важнее, Рубос, что те силы, которые противостоят нам с самого начала, теперь не станут ждать, пока Блех выгонит нас из Ашмилоны. Они попытаются атаковать.

— И мы наконец-то дождемся боя, — полувопросительно сказал мираец.

— Нет, — спокойно ответил Лотар. — Мы нападем первыми.

Глава 17

Вблизи Звездная башня казалась огромной. Она вздымалась в темное небо, сливаясь с ним в вышине. Дверной проем был заложен каменными блоками едва ли не крупнее тех, которые лежали в основании башни. Все окна тоже были наглухо закрыты каменной кладкой. К башне не вела ни одна тропинка, люди обходили эти стены не ближе, чем за сотню шагов.

Трава здесь не росла. Вероятно, на этих стенах, по крайней мере в нижних ярусах, лежало какое-то заклятие: едва сапоги Лотара перестали задевать стебли невысокого репейника, он ощутил на лице сухой жар, как будто ему на кожу попали капельки яда та-

рантула или скорпиона. Он вступил в зону, напоенную тяжелой, опасной магией.

— Не подходи пока, — сказал он Рубосу. — Успеешь еще отравиться.

Он прошелся вдоль стены. Как попасть внутрь? Ход существовал, только был скрыт магией и лежал глубоко под землей. Воспользоваться им, не предупредив противника о своем приближении, наверняка невозможно. Нужно искать что-то еще, но что?

Лотар приложил к стене руку. Сначала камни показались ему такими же, как всегда, но вдруг он понял, что рука дрожит от слабости или немой, неощутимой боли. Он отдернул руку и встряхнул, чтобы капли враждебного колдовства отлетели подальше.

Он поднял голову. Темная стена, ровная, как зеркало. В швы между блоками невозможно уложить даже соломинку. И так ряд за рядом, ряд за рядом... Лотар присмотрелся. На высоте сотни локтей по периметру были выложены декоративные зубцы, и почти сразу за ними стена поднималась выше. Но между зубцами и стеной наверняка устроен карниз в три-четыре фута шириной. Только есть ли оттуда выход и как там оказаться?

Вообще-то Драконий Оборотень мог и взлететь, трансформировав руки, как при перелете из оазиса Беклем в Ашмилону, только гораздо меньше, потому что одно дело лететь десятки лиг, а другое — подняться на сотню локтей. Но трансформироваться на глазах Рубоса и не иметь возможности потом смыть с тела слизь, которая останется после возвращения в облик человека... Вдобавок процедура затянулась, а рассчитывать на то, что стражники не обратили внимания на крик раненой птицы Сроф, не пришлось. Нужно было попробовать что-то более простое и быстрое.

В общем, все было ясно. Лотар не знал, правда, как к этому отнесется Рубос и получится ли это вообще, но попробовать стоило. Или нет?.. Если не удастся с трех попыток, решил Лотар, придется трансформироваться.

Лотар вернулся к Рубосу почти бегом:

— Давай веревку. — Тот достал ее из мешка. — Укладывая кольцами, чтобы каждое последующее кольцо оказалось поверх предыдущих.

Рубос принялся за дело. Лотар осмотрел арбалет. Тетива в том месте, где касалась заколдованной стрелы, потемнела, но прочности пока не потеряла. Он достал одну из обычных стрел и, как только Рубос кончил свою работу, привязал к ней веревку. Взвел арбалет, наложил стрелу.

Стены, казалось, нависали над каждым, кто смотрел на них снизу, зубцы были слишком высоко, дело представлялось совершенно безнадежным. Желтоголовый поднял арбалет, прицелился. В птицу Сроф он целился не так аккуратно...

Хлопок, стрела взвилась, увлекая за собой веревку. И где-то высоко, так высоко, что Рубос даже не увидел этого, пролетев между зубьями, ударилась в стену за ними и от ricoшетила в сто-

рону. Вот она уже падает, протаскивая веревку между декоративными зубцами.

Она упала в полусотне шагов от башни. Вдоль ее деревка, почти до середины, прошла трещина. Теперь веревка обоими своими концами свисала до земли.

— Здорово, — проговорил Рубос. — Наверное, долго тренировался?

— Как сказал один верблюд, поедая финики, никогда прежде не пробовал, а оказалось, что умею.

Лотар привязал толстый, с руку Рубоса, арбалет вместо стрелы и потянул второй конец вниз. Арбалет, покручиваясь туда-сюда, пополз вверх.

— Сколько в этой веревке?

— Мне сказали, локтей двести пятьдесят.

— Значит, нам ползти по ней почти половину этого расстояния. И на одних руках, ногами зацепиться за этот шнур невозможно.

Рубос кивнул.

— Тогда давай поднимем твои вещи, пояс и мою рубашку отдельно.

Арбалет уперся концами в соседние зубцы и, насколько Лотару было видно, держался крепко. Он проверил Гвинед за плечами, поплевал на руки и полез вверх, упираясь ногами в стену.

Это было очень трудно. Ноги срывались, руки вспотели и скользили, иной раз Лотару приходилось напрягать все силы только для того, чтобы не сползть вниз. Он не поднялся и на половину высоты, а ему уже стало казаться, что стена никогда не кончится. Он запыхался, у него заболели мышцы плеч и груди. Но когда он представил, как здесь через несколько минут будет подниматься массивный и менее гибкий Рубос, ему уже пришлось убеждать себя не очень спешить, чтобы по-глупому не сорваться.

Когда он схватился за зубцы и вытащил себя на пыльную площадочку, то почувствовал не меньшую гордость, чем в тот момент, когда победил мантикору. Он перевел дыхание и осмотрелся.

Карниз шириной в полсажени обводил башню по периметру. Его хватало, чтобы даже на такой высоте чувствовать себя в безопасности. Лотар пошел по уступу, ощущая на лице ветер из пустыни. Здесь уже не было никакой магии, стены были обычными, как их сложили в незапамятные времена.

На обратной стороне башни он нашел то, что им было нужно, — небольшое круглое окошко, забранное толстым стеклом. Лотар попробовал стекло — прочное. Вытащил кинжал, ударил рукоятью и послушал, как зазвенели осколки. Потом просунул голову внутрь и осмотрелся. С внутренней стороны башенной стены шел узкий, не шире трех футов, и высокий коридор. Справа он круто опускался куда-то вниз, а слева поднимался вверх. На ступеньках лежал толстый, не менее четырех дюймов, слой нетронутой пыли. До них было не более шести-семи локтей. О лучшем нельзя и мечтать. Лотар вернулся к месту подъема. Рубос уже привязал к веревке сумку, свои доспехи и остальное их имущест-

во. Он остался в рубашке, поверх которой затянул ремни, удерживающие его ятаган за плечами.

Лотар быстро поднял тюк наверх, развязал его и бросил рядом. Они все-таки слишком мешкали. Между стен, где можно было пройти к обитаемой части дворца, появились факельные блики. Это была стража. А Рубос еще стоял внизу.

Желтоголовый скинул веревку, Рубос, не подозревая о противнике, стал карабкаться, упираясь ногами в стену. Он лез тяжело, почти сразу потеряв дыхание, делая много лишних движений. Лотар не знал, виновата ли в этом накопившаяся усталость или на мирамца действовала злая магия Звездной башни. Так или иначе, Рубос не вскарабкался и на треть нужной высоты, а уже стало ясно, что до верха он не поднимется.

Блики факелов стали совсем близкими, потом стражники ровным строем, мерно грохоча по булыжникам, показали из-за угла. Теперь их слышал и Рубос, он не оглядывался, и без того понимая, что происходит. Он заторопился и довольно скоро выдохся окончательно. Впервые за все годы, что Лотар знал его, Рубос застонал. В этом звуке были и боль в перенапряженных мышцах, и боязнь сорваться, и — что было самым пугающим — готовность признать поражение.

Лотар взялся за веревку и потянул на себя. Его руки еще не отошли и отзывались на любое движение болью в мышцах, в суставах, в натруженных связках. Тогда он присел и перебросил веревку на спину, под ножны Гвинеда, придерживая ее левой рукой. Мускулы спины заболели от твердой струны, впившейся в тело, но рукам стало легче. Лотар выпрямился и увидел, что отыграл целых три фута.

Отряд уже вышел из-за угла. Стражников было слишком много, чтобы Рубос ускользнул от них, если спустится вниз. Каждый второй из них нес факел, осматриваясь по сторонам. Почти с отчаянием Лотар увидел в их рядах нескольких арбалетчиков. Но ни один из стражников, даже офицер, шагающий чуть в стороне, не заметили Рубоса, скрытого темнотой. Впрочем, ждать, пока его обнаружат, оставалось недолго.

Рубос стал тихонько скользить вниз, руки больше не держали его огромного тела. Тогда со звуком, похожим на рычание, мирамец поймал веревку зубами и сжал ее так, что Лотар услышал хруст челюстей. Скольжение прекратилось. Рубос осторожно, как стеклянную, отвел одну руку в сторону, потряс ею в воздухе, сбрасывая напряжение, снова взялся за веревку. Дал передохнуть другой руке. И опять полез вверх.

Лотар уже не смотрел на стражников. Пот заливал глаза, спину резало, он не чувствовал даже, хорошо ли удерживает равновесие, и не понимал, сколько ему еще осталось, но он тянул, поднимая Рубоса все выше и выше.

Наконец кто-то из стражников увидел Рубоса. Прозвучала команда. Лотар почти физически почувствовал, как беззащитна широкая спина мирамца, обтянутая белой рубашкой, неспособной защитить даже от укуса комара. Но в любом случае от фунто-

вой арбалетной стрелы на таком расстоянии спасения не было бы даже в тяжелых доспехах. Лотар попытался тащить быстрее. Мгновение назад ему казалось, что это невозможно, но вот оказалось, что получается... Беда в том, что и это было слишком медленно.

Но сдаваться нельзя, и Лотар тянул, тянул... Вдруг веревка стала гораздо тяжелее, несколько мгновений она даже ползла вниз, но это длилось недолго. Он собрался, получше захватил веревку и дернул с силой, от которой несколько волокон сразу лопнули. Но теперь даже это не могло его остановить, он продолжал тянуть.

Из-за края стены показались исцарапанные, залитые кровью, содранные до мяса руки. Одна из них, как бы не веря в спасение, вытянулась в сторону. Лотар схватил ее и, не выпуская веревку левой, потянул на себя. Рубос закричал, но вот уже другая рука вцепилась в край зубца, и Лотар обнаружил, что смотрит в два голубых, затуманенных мукой глаза мирамца. Оба на мгновение расслабились, собираясь, потом рванули и...

Четыре стрелы просвистели в воздухе там, где только что был Рубос. Одна с тупым звуком ударила в стену, попав как раз между широко расставленными сапогами Рубоса. Лотар захватил через спину пояс мирамца и по-борцовски перевалил через себя, подальше от края. Оба не могли произнести ни звука, лишь, задыхаясь, смотрели друг на друга, и вдруг Рубос стал смеяться. Сначала одними губами, потом в голос, потом захохотал, да так, что с соседней крыши снялась стая грачей, успокоившаяся было после вопля Сроф.

— Ты не ранен?

Лотар и сам уже подхохатывал Рубосу, не понимая еще, чему смеется. Тот потряс головой. Внезапно снизу до них докатился вал бессильной и злобной ругани. Тогда и Лотар захохотал, и внизу стало тихо.

Давясь смехом, Лотар спросил:

— Ты чего?

Вытирая слезы, Рубос проговорил:

— Ты не заметил... Они видели, что я больше не могу ползти сам... И что ты меня втаскиваешь. Кто-то из них схватил веревку, чтобы стянуть вниз...

Смеясь, как заведенный, Лотар внутренне похолодел, представив, каково было видеть Рубосу, что его вот-вот сдернут, как перезревшее яблоко.

— Ну и что?

— А то, что ты стал поднимать их... вместе со мной! — Новый приступ смеха. — Они подпрыгивают, как лягушки на сковородке, а ты тянешь и тянешь... Они почти все налипли на этой веревке, а ты даже... не замечаешь...

Все еще похотывая, но уже приходя потихоньку в себя, Лотар подполз к краю стены и взглянул вниз. Длинный конец веревки лежал на земле, стражники отошли от башни туда, где начиналась трава, офицер ругался с арбалетчиками. Кто-то бежал со всех ног назад — значит, подкрепление будет скоро.

Слабым от смеха и усталости голосом Рубос сказал:

— Это все из-за моей белой рубашки. Если бы я был в чем-нибудь сером... — Он хмыкнул в последний раз. — А знаешь, что самое приятное на войне?

— Оставаться живым?

— Нет. Оставлять противника в дураках.

Лотар кивнул, встал на колени, подергал веревку. Она пошла так легко, что Лотар чуть не опрокинулся на спину. Его поддержал Рубос.

— Привык, что на ней дюжина олухов висит, — объяснил Желтоголовый, начиная торопиться, хотя стражники внизу, похоже, не заметили, что веревка уползает наверх.

— Зачем она тебе? — спросил Рубос.

— Не знаю. — Лотар снял с арбалета веревку и аккуратно сложил кольцами. — Ну, давай собираться. Впереди самое главное.

— Походный порядок тот же?

— Да, амуницию нести тебе.

— Ну, наверное, недолго уже осталось?

Лотар еще раз посмотрел на факелы во дворе под собой, на стражников, собравшихся у замурованной двери.

— Да, и в наших интересах, чтобы это окончилось как можно быстрее.

Глава 18

Спрыгнув вниз, Лотар поскользнулся на большом куске неразбившегося стекла. Он осмотрелся, все было спокойно. Шагнул в сторону, сказал наверх:

— Давай.

Рубос сбросил мешок, потом повис на полусогнутых руках. От подошв до ступеней осталось два локтя. Он разжал пальцы, тяжело грохнул подошвами по ступеням. Когда он выпрямился, его лицо искажала гримаса боли.

— Знаешь, я теперь не скоро смогу махать мечом в полную силу.

Рубос облачился в свою великолепную чешую, и они зашагали вниз.

Стекло в последний раз хрустнуло под ногами, теперь только их дыхание нарушало тишину, царившую в этих стенах. Лотар заставил себя побыстрее привыкнуть к темноте и скоро стал различать стыки между камнями и неровности ступеней.

Иногда их лиц касалась паутинка, но они не замечали ее. А вот писк больших, с хорошее блюдо, летучих мышей не раз заставлял их вздрагивать. Лотар спросил шепотом:

— Ты их тоже слышишь?

— Ничего не понимаю, дергаюсь без причины...

— Значит, слышишь.

Эхо их голосов прокатилось по коридору наверх и вниз, как вздохи призраков. Лотар почему-то проверил, как вынимается из ножен Гвинед. Все было в порядке, меч сам влетал в горовшую

жаром, поцарапанную веревкой руку. Колокольчики тоже не звенели, почему же он нервничал?

Возможно, где-то далеко происходило что-то, несшее угрозу им обоим, и Лотар предчувствовал ее, как волхв. Возможно, это связано с птицей Сроф. Да, скорее всего, так оно и есть. От этих мыслей Лотар стал понемногу успокаиваться.

Спиральный коридор кончился, они оказались перед крепкой на вид дверью, укрепленной широкими медными полосами и темными железными гвоздями.

Лотар сказал:

— Жаль, масло не взяли.

— Петель все равно не видно.

Действительно, петли были установлены в дереве, значит, маслом дела не поправить. Но Лотару становилось не по себе при мысли о том, что сейчас они заскрипят, возвестив на всю башню об их появлении... Ладно, решил он, главное, чтобы не была заперта.

Он толкнул ее, и она пошла тихо и мягко, словно ждала именно такого толчка. В образовавшуюся щель ударил яркий свет. Лотару и Рубосу он показался ослепительным. Башня была обитаема.

Они проскользнули в щель между дверью и косяком, не решаясь тронуть ее еще раз, и оказались на широком темном балконе. Переступая тихо, как коты на охоте, они подошли к неровному, обвалившемуся от старости краю и посмотрели вниз.

Под ними оказался огромный зал, освещенный факелами, которые оставляли в воздухе горький, с металлическим привкусом чад. Пламя было непривычного красноватого цвета, но вверху огонь становился ярко-голубым, и от этого казалось, что в зале бьется множество бесшумных молний.

На огромном подиуме, где, вероятно, некогда стоял королевский трон, возвышалось странное сооружение. Его поверхность переливалась слепящими медно-зелеными отблесками, и Лотару понадобилось некоторое время, чтобы сообразить, что он видит какую-то полускрытую драгоценной парчой конструкцию. Он не мог рассмотреть, что творилось под тканью, как ни пытался привести свое зрение в состояние всевидения.

Он сосредоточился еще раз, но снова не увидел ничего определенного. Помимо ткани, сооружение укутывали магические заклятия, которые сплелись в сплошной занавес. Он различил лишь что-то темное в том темном пространстве, которое ограничивалось машиной, что-то неподвижное, как статуя, хотя в нем была жизнь. Что-то подобное Лотар видел в оазисе Беклем.

Еще здесь чувствовалось присутствие чего-то, что явно не было человеком. Людям здесь было невыносимо тяжело. Теперь Лотар лучше понимал, какой напор убийственной, чудовишной магии подпитывал ту волну нежизни, которая пробивала камни нижнего яруса Звездной башни.

Лотар оглянулся. Рубос тяжело дышал, крупные капли пота катились по его лицу, в глазах появилась неуверенность. Он было

пришел в себя, когда они спускались по лестнице, но теперь явно угасал. Заметив, что Лотар смотрит на него, он прошептал:

— На меня здесь не очень-то рассчитывай.

Лотар не ответил, он снова посмотрел в зал. Напротив замурованного входа у стены стояла узкая оттоманка, застеленная куском пестрой дерюжки. Неподалеку было устроено что-то вроде походной кухни для особы, пожелавшей путешествовать почти без слуг. Скромный, не более чем на дюжину человек, котел, таган для жаркого, несколько вертелов для дичи разного размера. На небольшой жаровне, горевшей нормальным огнем, на каком обычно и готовят пищу, что-то булькало, кипело, жарилось. Но это интересовало Лотара меньше всего.

В относительно темном закутке, подальше от подиума, стоял низкий и широкий диван, на котором полулежал человек. Его халат был распахнут на груди, а на коленях ослепительно сверкала полированным лезвием легкая, изящная сабля. Скорее по сабле, чем по лицу, Лотар узнал его — это был Мирофарук.

Около него суетился странный человечек, низенький, по виду древний, как сама Звездная башня, но, чтобы удержать на нем внимание, Лотару пришлось существенно поднять скорость своего восприятия. Он был подвижным, как ртуть, и незаметным, словно булавка в темном ковре. Самым удивительным было то, что старичок этот изо всех сил старался двигаться не очень быстро, чтобы не раздражать бывшего визиря, которому он перевязывал левое плечо.

С противоположной стороны зала, почти теряясь в черной тени, которая казалась лишь гуще от ярких голубых вспышек странных факелов, находился еще один такой же балкон, но сохранившийся, кажется, лучше. По крайней мере, на нем была балюстрада. Была там и лестница, спускающаяся ровной, широкой лентой вдоль стены. Балкон, на котором они стояли, наверняка имел такую же. И резонно было предположить, что на том балконе есть и такая же дверь, ведущая... Но об этом Лотар думать пока не хотел.

Они подошли к лестнице. В середине она обвалилась, но неровного остатка хватало, чтобы по нему можно было пройти. Лотар шепнул мирамцу:

— Помни, у тебя здесь не все будет ладиться, поэтому не спеши. Возьмешь на себя старика.

Рубос кивнул. Они стали спускаться. Пройдя по узкому каменному карнизу, Лотар подождал Рубоса, убедился, что все в порядке, и бросился вперед.

Мирофарук увидел их лишь после того, как старичок повернулся к ним и... церемонно, по-восточному поклонился. У него на шее блеснул широкий обод из темного старого золота — знак давней несвободы. Лотар подумал было, что старый раб принял их за своих, но почти тотчас же ему пришло в голову, что тот заметил их гораздо раньше, только не подал виду... Почему?

Раб с такой легкостью скакнул от Рубоса, что стало ясно — мирамцу придется погоняться за ним по всей башне. Но ждать се-

рзных неприятностей от него, по-видимому, не следовало. Зато Мирофарук убежать не собирался, он стоял перед Лотаром, и в его движениях не было ничего, напоминающего о ранении.

Хотя в том, как Мирофарук сжимал саблю, чувствовалась растерянность. Он произнес:

— Я все-таки надеялся, что ты уйдешь из города.

Лотар подивился тому, как хорошо осведомлены его противники. Он покачал головой.

— Слишком много людей погибло, слишком много зла свершилось, пока ты был визирем.

— Я ничего не мог поделать. — Легкими, танцующими шажками Мирофарук пошел на Лотара. Он быстро пришел в себя, теперь в его повадках был виден боец.

Лотар раздумывал. Очень не хотелось ошибиться.

— Я могу отпустить тебя, и ты, вероятно, успеешь уйти. Но ты скажешь мне, кто твой хозяин.

В глазах Мирофарука мелькнуло раздумье, но почти сразу же Лотар прочел в них, что это невозможно.

— Нет. — Он оказался уже близко, но Лотар даже не прикоснулся к Гвинеду. — Кроме того, я думаю, ты меня обманешь.

— Ты же колдун, иначе не чувствовал бы себя в этом зале так уверенно, — сказал Лотар. — Посмотри на меня, и ты убедишься, что я готов выполнить обещание. — Нет, подумал Лотар, сам он говорить не начнет. — Я полагаю, именно ты помог своему хозяину купить Нуримана у кого-то, кто могущественнее, чем все колдуны Ашмилонь.

— В Ашмилоне есть очень сильные колдуны. — Еще несколько шажков. Неужели он надеется заговорить Лотару зубы?

— Расскажи мне о них. Зачем тебе умирать, ведь ты был всего лишь на побегушках?

Мирофарук кивнул.

— Я о многом догадываюсь. Расскажи остальное, и мне не придется убивать тебя.

— Ты так уверен?

— Ты должен понимать — это твой последний шанс.

Мирофарук поднял брови, изображая удивление, и тут же сделал выпад. Это был отличный удар. Сталь понеслась вперед с такой скоростью, что даже Рубос не смог бы уйти от удара. Но там, где только что было лицо Лотара, оказалась пустота, а он переместился на три фута правее. Мирофарук чуть не потерял равновесие. Гвинед по-прежнему покоился в ножнах.

Только теперь визирь понял, что это действительно его последний бой. Дыхание у него стало тяжелым и частым.

— Если ты расскажешь, что знаешь, я вытащу тебя отсюда. Обещаю.

Снова выпад. Снова, как во сне, Мирофарук увидел Лотара совсем не там, где он только что находился. Этот дикарь из северных стран был настолько уверен в себе, что даже не улыбался. Он смотрел на него сочувственно. На него, господина Ашмилонь, еще вчера пользовавшегося властью, почти равной власти короля

Конада! На него, кто считал себя по праву лучшим фехтовальщиком королевства! От ярости Мирофарук потерял голову.

— Варвар, наемник!

Он рубанул изо всех сил такого близкого, но такого неуязвимого врага. Его сабля, прежде никогда не знавшая промаха, снова лишь просвистела в воздухе.

— Дерись же, подлый скот!

Мирофарук провернул саблей в воздухе десяток фигур, подготавливая себя к такому выпаду, чтобы угадать по постановке ног, куда Лотар будет уворачиваться, и сделать упреждение. Клинок запел протяжную и долгую, как несколько биений сердца, песнь разрываемого острием воздуха. И едва Мирофаруку показалось, что Лотар дернулся в сторону, он ударил...

Лотар сделал лишь намек на это движение, а когда понял, что Мирофарук дал себя обмануть и бьет в пустоту, шагнул в противоположную сторону. В его руке оказался кинжал, и когда бывший визирь оказался рядом, он ударил противника в сердце.

Мирофарук был все-таки колдуном и даже с пробитым сердцем жил еще несколько мгновений. Его посиневшие губы прошептали:

— Нелюдь...

Ноги Мирофарука подогнулись, и он упал на пол. Великолепная сабля со звоном выкатилась из его разжавшейся руки. Глаза бывшего визиря потускнели.

Лотар вытер кинжал. Почему-то он не мог не придавать значения последнему слову противника.

— Возможно, — прошептал он. — Но я защищаю людей. А ты разрушал все человеческое.

Он поискал глазами Рубоса. Мирамец все еще пытался поймать старика с золотым ошейником. Уставшему, грузному мирамцу в этом круглом, не имеющем углов зале было трудно даже догнать, не говоря уже о том, чтобы схватить подвижного, как муха, противника. И противника ли?

В руках старика не было оружия, и, к удивлению Лотара, он улыбался. Рубос был красен, зол, как тысяча демонов из преисподней, и размахивал своим гордым ятаганом, словно обыкновенной дубиной — наобум. Рубос устал. Тогда Лотар закричал:

— Нет, Рубос. Нет!

Мирамец был рад, что Лотар произнес это слово, но его самолюбие не позволяло ему в этом признаться. Он оглянулся.

— Но ты же сам сказал...

— Он может знать то, что нам нужно.

Старик тут же с важным видом принялся кивать, как фарфоровый болванчик. Он уже расслабился, словно его только что пригласили в дружескую компанию, где никому не придет в голову покушаться на его жизнь. Может быть, так и есть, подумал Лотар, и он видит ситуацию лучше меня.

— Ты будешь говорить? — спросил он, направившись к противнику Рубоса.

Это было удивительно, но тот, убегая от мирамца, даже не вспотел.

— Конечно, мой господин. — Старик церемонно поклонился.

Рубос изумленно переводил взгляд с Лотара на старика.

— Как тебя зовут?

— Сухмет, господин. Я могу рассказать тебе о них то, что знаю сам. — Он посмотрел смеющимися глазами на Рубоса.

— Берегись, Лотар, — буркнул мирамец, — он может обмануть тебя.

— Я и не собирался...

— Он прав, Сухмет. — Лотар не дал старику договорить. — Почему ты хочешь нам что-то рассказать?

— Я раб, но теперь я выбираю своим господином тебя.

— Станные у тебя представления о рабстве. — Рубос все еще злился.

— Видишь ли, Сухмет, — начал Лотар, — там, откуда я родом, нет рабов. Поэтому... — Он взял двумя руками ошейник раба, поднатужился и разорвал его. Золотой ободок лопнул с тихим, мелодичным звоном. Потом он сунул его в руку Сухмету. — Если ты расскажешь мне, что знаешь, то вот моя плата тебе — свобода.

Сухмет расстроено вертел в руках золотое кольцо.

— Зачем ты сделал это, господин? Он был таким красивым.

— Этот ошейник? — не поверил своим ушам Рубос.

Сухмет кивнул.

— Да. И очень древним. Его выковали специально для меня, и я им очень гордился. И выковал-то кто — сам Харисмус, великий мудрец Востока.

По преданиям, Харисмус жил более полутора тысяч лет назад. О нем даже сказки рассказывать перестали.

— Ты так долго живешь? — удивился Лотар. Сухмет улыбнулся с откровенной гордостью и снова кивнул. Лотар решил все-таки уточнить ситуацию: — Тебе не нужна свобода?

— Нет, конечно. Что мне с ней делать, господин мой?

Лотар пожал плечами. Он не знал, как ответить на этот вопрос.

Внезапно в кладку двери с той стороны ударил таран. И так, Блех, или кто там еще, принял решение. Конечно, попотеть стражникам придется как следует, но нет такой стены, которую невозможно было бы разрушить. Это вернуло Лотара к действительности.

— Ладно, — сказал он. — Потом поможешь нам выбраться отсюда. А сейчас...

Он прошагал через весь зал, взошел на подиум и взялся за парчовое покрывало на неизвестном сооружении. Магия здесь была очень плотной. Он чуть было не отдернул руку от этой ткани, как от раскаленной печи, но заставил себя крепче сжать кулак. Сейчас он сдернет покрывало и узнает, насколько разумно он действовал и как исправить допущенные ошибки. И насколько он близок к победе.

— Сдерни покрывало, чужеземец, я разрешаю, — раздался

вдруг высокий голос, который показался Лотару оглушительным. — И ты убедишься, что не добился ровным счетом ничего.

Лотар стремительно обернулся, прикрывая спину.

На балконе, противоположном тому, откуда пришли Лотар с Рубосом, у самого края стояла принцесса Мицар. Лицо ее было прекрасно. А за ней неколебимо, как всегда, стояла темная фигура женщины, о которой Лотар не знал ничего. Обе смотрели вниз со спокойствием, которое говорило — они не только не боятся Лотара, но даже полагают, что все получилось к лучшему.

Мицар улыбнулась.

— Ну что же ты, варвар? Ты же так хотел узнать, что я прячу здесь?

Проглотив комок в горле, Лотар сказал:

— Полагаю, Конаду будет неприятно узнать правду.

Глава 19

И тут Сухмет совершил несколько очень странных поступков. Он закричал так, что все невольно обернулись в его сторону:

— Стойте!

Торопясь из всех сил, он достал из складок своего халата полосу сыромятной кожи, подошел к Рубосу, дунул ему в лицо, и мираец окаменел. Твердым движением, прежде чем Лотар успел заподозрить предательство, он завязал на лбу Рубоса этот шнурок и еще раз дунул в лицо. Мираец ожил.

И, ранее медлительный в этом задымленном воздухе, страдающий от непонятной, немой боли, Рубос превратился в воина, от которого исходила аура уверенности и огромной жизненной силы. С таким соперником вынужден был бы считаться даже Лотар.

Рубос осмотрелся, словно только что проснулся, провел рукой по ремешку. Его взгляд упал на раба. Сухмет поклонился, прижимая руку к сердцу:

— Только учти, эту повязку нельзя носить долго. Она может исчерпать твою жизнь.

Мираец усмехнулся и кивнул, теперь он гораздо больше доверял Сухмету.

— Не знаю, сколько осталось мне жить, но сейчас это то, что нужно.

Эти манипуляции произвели впечатление даже на невозмутимую принцессу. Она зашипела, как раскаленный камень в парной, а потом заговорила высоким срывающимся голосом на языке, которого Лотар раньше никогда не слышал. Он мог бы заглянуть ей в сознание, чтобы понять, что значили эти слова, но не решился — погружение в чужое сознание, сила которого была ему не известна, могло оказаться ловушкой для его собственного разума.

А Сухмет, все так же прижимая руку к сердцу, поклонился и принцессе. Тогда она произнесла по-гурхорски:

— Ты заплатишься за это, старик.

— Всегда к твоим услугам, госпожа.

Удары в заложенную дверь стали сильнее. Вероятно, стражники догадались принести таран помощнее. Теперь до их появления в зале остались минуты.

Лотар еще раз взглянул на принцессу.

— А теперь, Мицар, все-таки посмотрим, что ты прятала здесь.

И одним сильным и широким движением он сдернул ткань с... Это была не машина, это была обыкновенная клетка, в каких держат попугаев или обезьян, только увеличенная во много раз. И в ней сидел... Лотар не мог понять, что он видел перед собой.

Внезапно существо на полу клетки заворочалось, разбуженное светом факелов, приподняло голову, уронило, медленно собралось в комок грязной плоти и все-таки поднялось на тоненьких, бессильных ножках. Лотар отшатнулся, он чувствовал, как тошнота подступает к горлу.

Несомненно, когда-то это был человек. Но теперь он не был похож ни на одно из известных существ. Его огромная, с бычьей, голова, с бычьим же крутым и жестким лбом, на котором росли короткие курчавые волосы, деформировала человеческие черты лица до такой степени, что было непонятно, как он еще может существовать, жить, дышать... Голову поддерживала мощная шея, под кожей которой перекачивались тугие узлы мускулов. Она опиралась на широкую грудь силача, но вдруг, словно в насмешку, переходила в выпуклый, слабый живот, который, едва не подламываясь, поддерживали очень слабые ножки. Руки существа в клетке тоже превратились в тонкие, как у ребенка, бессильные приростки, которыми, вероятно, трудно было даже удержать ложку.

Но самые страшные изменения произошли с сознанием и душой этого человека. Разрушающее влияние черной магии затронуло даже бессмертную и неуничтожимую часть души человека — его Атман. Она была выедена, как червяк выедает ядро ореха. То, что Лотар видел перед собой, было теперь хуже животного, и судьба его после смерти была настолько ужасной, что Лотар отказался это понимать.

Он повернулся к колдуньям на балконе. По лицу Мицар пробежали судороги, вероятно, ее и саму поразили те изменения, которые произошли с существом в клетке. Даже женщина под покрывалом отошла от принцессы на несколько шагов. И тогда Лотар понял, что следует делать.

— Сначала я изгоню из нашего мира вот это, принцесса. — Он указал на то, что было в клетке. — Ведь в этом существе ты держишь Нуримана?

Едва он произнес это, как жуткий вой взорвал тишину Звездной башни. Лотар уже слышал его, когда бился с Освирью и демоном, который вселялся в нее. Теперь Нуриман не скрывался. Он восставал, поднимался, как черно-красный туман, как туча, и никакая клетка не могла его удержать. Его алые глаза запыхали на страшном, нечеловеческом лице уродца в клетке. Огромные руки тянулись вперед, с трудом преодолевая магический занавес, чтобы вырвать кусок ауры Лотара.

Лотар рассмеялся, выхватил Гвинед и рубанул по эфирному телу демона. И это помогло. Сталь его меча, как и в прошлый раз, с ощутимым трудом прошла через руки Нуримана, и они сразу убрались назад, а на ликах чудовища и существа, которое служило ему обиталищем, появилась гримаса жуткой боли. Он взревел еще громче.

Лотар снова засмеялся.

— Видишь, принцесса, я могу изгнать его из нашего мира, и тебе не удастся купить второго демона.

— Нет.

Принцесса утратила значительную часть своей уверенности. Ее глаза перебегали по лицам людей, собравшихся внизу, крохотные ручки сжались перед детской грудью в белые кулачки.

Лотар прислушался: удары в кладку, закрывающую дверь, прекратились. Крик демона слышали и там и, конечно, решили еще раз подумать: а стоит ли вскрывать башню, где происходит неизвестно что? И все-таки нужно было торопиться.

Лотар принялся колотить Гвинедом по прутьям решетки. Они были сделаны из витых полос меди, кованной с каким-то очень прочным колдовством. Разрубить их даже Гвинеду было непросто.

Ему необходимо было попасть внутрь клетки, чтобы уничтожить существо с бычьей головой, и тогда Нуриман больше не сможет оставаться в этом мире. А там, куда он уйдет, власть принцессы будет слабее комариного писка, и она не сумеет призвать его обратно. Все было просто, очень просто. В том, что он сумеет расправиться с Нуриманом, оседлавшим на этот раз такое хлипкое и бессильное тело, у Лотара не было ни малейшего сомнения.

Звон наполнил башню, словно Желтоголовый колотил изо всех сил в гигантский гонг.

— Я доберусь до него раньше, чем ты успеешь вселить его в другое существо, принцесса! — прокричал Лотар.

Оказалось, что рубить медь можно так же, как и дерево, — удар сверху, а потом засечка сбоку — и тяжелый завиток меди падает на каменные плиты, ослепительно сверкая гладкой поверхностью.

Мицар повернулась к женщине под паранджой.

— Сушумла, ты должна взять его в себя.

И тогда произошло то, чего не ожидал даже Лотар. Эта женщина отступила еще на шаг назад и отчетливо произнесла:

— Нет.

— Что? — закричала принцесса. — Ты понимаешь, что говоришь? Этот варвар сейчас доберется до него и убьет, потому что он убил даже Освирь. Я хотела использовать второго варвара, но Сухмет оградил его. Пробить магию Сухмета мы не сможем, даже если сложим наши силы воедино. Остается только одно...

— Нет.

Принцесса сцепила руки, ее тонкие пальцы хрустнули.

— Это временно, Сушумла. Мы унесем Нуримана, а потом я пересажу его в кого-нибудь другого, клянусь тебе!

— То же самое ты говорила Коринту. Посмотри теперь на него. Нельзя было допустить, чтобы колдуньи, молодая и старая, договорились. Им нужно помешать.

— Так его звали Коринт? Когда с тобой будет покончено, принцесса, я узнаю, кем он был и что сделал!

Принцесса произнесла, не обращая на Лотара внимания:

— Ты же знаешь, его нужно было наказать. Он готовил предательство. Поэтому у меня не было перед ним обязательств. А ты — ты одна из нас...

— Он тоже был одним из нас.

— Но я не собираюсь обманывать тебя!

— Ему ты говорила то же самое. И ты вполне можешь вообразить, что и передо мной у тебя нет обязательств. И превратишь меня в... в то, что...

Терпение Мицар истощилось.

— Сушумла, я приказываю тебе...

— То, чего ты требуешь, нельзя получить приказом.

Темная колдунья отвернулась, чтобы уйти. И это была ее ошибка. Мицар вдруг встала в позу вызывания небесного огня, и туда, где стояла Сушумла, ударила молния. Гром раскатился по залу, у Лотара заложило уши. Но он продолжал рубить прутья. Оставалось уже немного, хотя и гораздо больше, чем ему хотелось бы.

Мицар переоценила себя. По-видимому, она давно не встречала магов, которые не соглашались с ней, и вообразила, что она самая сильная колдунья на свете. А теперь ей предстояло убедиться, что десятилетия безустанной, наработанной до автоматизма практики сильнее, чем энергия молодости. Ответный удар Сушумлы был сильнее, чем молния Мицар.

Лотар не понял, что именно сделала Сушумла, но принцесса отлетела к перилам балкона и очень сильно ударилась о них. Если до сих пор она хотела только припугнуть свою дуэнью, то теперь почувствовала себя оскорбленной. И Лотар понял это едва ли не раньше, чем сама Мицар. Поняла это и Сушумла.

Одним движением она дернула покрывало и встала в прочную, неколебимую стойку опытного бойца, готового встретить любую атаку. Она была готова умереть в колдовском поединке, но не собиралась позволить Мицар вселить в себя Нуримана.

Внезапно каменные блоки, закрывавшие двери, рассыпались едва ли не в пыль. Вероятно, кто-то догадался привести Илисара, чтобы он снял магию. И ему это удалось, таран справился со своим делом с одного удара. Тупое, избитое в щепы рыло тарана убралось из пролома, и в башню довольно решительно стали вкатываться стражники.

В насыщенной магией атмосфере они двигались, как рыбы в аквариуме, но их было много, очень много. И среди них попадались не только дворцовые гвардейцы. На многих были избитые доспехи и оружие, истертое в долгих походах и изнурительной кочевой жизни простых солдат. Этих так просто не испугаешь, и

даться они будут как черти, потому что иначе не умеют. Эти ничего не боятся, кроме своей прежней жизни, и ничего им не жаль.

Удары обеих колдуний стали очень неточными, но на удивление сильными. Сушумла несколько раз попала в стену башни за спиной прицессы, и та треснула. Мицар своими молниями откуда-то сверху сбивала тяжеленные каменные блоки, которые падали, поднимая тучи пыли и обрушивая часть балкона. Камни поменьше тарыхтели постоянно, как дождь, разбивая все, что было в зале.

Тогда Мицар стала метить ниже, ее молнии раскрошили пол, между каменными плитами под балконом зазмеились трещины.

Воины короля Конада тем временем рассыпались вдоль стены. Их насчитывалось уже не меньше трех дюжин, и у них были неплохие сержанты. Неожиданно в дыру пролез Блех, а следом за ним... Лотар едва верил своему магическому зрению, позволяющему смотреть во все стороны, не поворачивая головы. Это был сам король. Он был бледен, но решителен, как, наверное, тогда, когда завоевывал свое королевство.

Нуриман попытался сделать еще несколько выпадов, но Лотар был готов к этому и легко блокировал их. Существо по имени Коринт вышло на середину клетки и застыло в ожидании. Неужели оно — или Нуриман в его обличье — на что-то надеялось, неужели что-то могло еще измениться?

Интересно, подумал Лотар, догадался ли Блех проинструктировать солдат, чтобы они не смотрели на кого-либо в этом зале выше колен? Скорее всего. Бывший начальник тайной полиции, а нынешний визирь, все делал очень основательно.

Мицар слабела. Хотя ее удары пробивали в полу башни огромную дыру, из которой стал подниматься тяжелый удушливый туман, она проиграла. И по законам колдовского поединка, если у нее не осталось какой-либо резервной силы, она должна была погибнуть. По крайней мере Сушумла, Лотар отчетливо чувствовал это, не склонна была оставить ее в живых. Это было бы безрассудно опасным поступком. Она уже добивала принцессу, и той уже недолго осталось...

Вот тогда-то это и произошло. Принцесса повернулась к залу и громко, перекрывая грохот падающих камней, произнесла:

— О Нуриман, царь демонов и повелитель колдунов, приди ко мне, защити свою гибнущую рабу...

Это остановило даже Сушумлу. Она посерела от ужаса, готовая прекратить бой, но было уже поздно.

Люди, стоящие в другой стороне зала, тоже слышали слова принцессы. Король Конад сделал шаг вперед, протягивая руки.

— Принцесса, дочь моя, что ты говоришь? Неужели ты?..

Но Мицар не обращала на него внимания.

— О Нуриман, благословенный мой повелитель, будь моим единственным защитником, спаси меня, чтобы спастись самому!

Каким-то образом в зале установилась тишина, все ждали, что произойдет. Лишь пламя факелов, рассыпающее ослепительные

голубые искры, однообразно гудело в этом пыльном и туманном воздухе. Все ждали.

Вдруг Лотар вспомнил о Рубосе. Где миралец? Он обернулся. Бывший командир наемников стоял на лестнице и целился в Нуримана из арбалета. На его тетиве лежала стрела, которая показала Лотару огромный. Лишь потом он сообразил, что такой ее делает блестящая темно-красная аура. Рубос стоял спокойно, лицо его было отрешенным, словно ничто из происходящего вокруг его не касалось. Лотар отчетливо, словно стоял в одном шаге от него, увидел, как миралец задержал дыхание и плавно нажал на скобу.

Хлопок тетивы был громче, чем обычно. Она лопнула, отравленная аура все-таки премгла ее. Но стрела полетела вперед, и это было самым важным.

Становясь все ярче, она как-то очень медленно проплыла в воздухе над факелами и над туманом, прошла между прутьями, которые Лотар так и не одолел, и с сухим треском, с каким рвется мокрая ткань, впилась до кожного оперенья в грудь монстра, одержимого Нуриманом. И по тому, как глубоко она вошла в это существо, Лотар понял, что Рубос все-таки опоздал. За мгновение до этого Нуриман покинул это тело и перешел...

Он перевел взгляд на принцессу. Она изменилась. Теперь это была не усталая, потерпевшая поражение колдунья, а молодая, сильная хищница, преисполненная силы и готовая сокрушить все на своем пути.

А ведь я с ней не справлюсь, мелькнуло у Лотара.

Принцесса расхохоталась, и этот смех заставил отступить назад даже закаленных в боях воинов. Лишь король Конад сделал шаг вперед, губы его беззвучно шептали единственное дорогое имя.

— Мицар, дочь моя, — приговаривал он. — Что ты наделала, Мицар!

А принцесса выпрямилась с новой, невозможной для человека грацией и ударила молнией в свою противницу.

Но даже теперь с Сушумлой не так просто было справиться. Она понимала, что проиграла, знала, что настали ее последние минуты, но собиралась биться до конца. Она выставила легчайшую на вид, но, вероятно, очень сильную магическую защиту. Эта блестящая пленка, шурша, в мгновение ока соткалась в воздухе и прикрыла фигуру в черном.

И когда вся возобновленная мощь Мицар обрушилась на нее, она почти выдержала. Лишь несколько ослабленных разрядов прошли сквозь нее, но были уже не опасны. Мицар замерла от изумления и снова ударила, на этот раз еще сильнее. И снова Сушумла успела защититься, хотя пленка соткалась не так быстро и гораздо больше разрядов пробила ее.

Принцесса остервенела и принялась наносить противнице удар за ударом. Конечно, она гораздо чаще стала промахиваться. Снова и снова энергия, вызванная ею, была в пол, в стену, в пол... Неожиданно пол под балконом с оглушительным грохотом провалился, а из стены вывалилось и упало наружу несколько блоков, так что в пробоину стали видны звезды. Лотар с удивлением

заметил вдруг, что от этих выпадов оплавилась камнями лестница, ведущей на балкон... Но пробить защиту черной колдуньи принцесса все еще не могла.

И тогда Мицар совершила ошибку, она сделала несколько шагов к своей противнице, чтобы видеть ее лицо, когда та будет умирать. Это позволило Сушумле выбросить вперед, к принцессе тонкий, извивающийся, как шупальце, магический аркан. И он сразу опутал Мицар, хотя сначала она не почувствовала его.

Удар принцессы на этот раз был даже слабее, чем предыдущие. Как оказалось, она и с Нуриманом могла устать, но его мощи хватило, чтобы поднять тело незащищенной Сушумлы и сбросить вниз, в бездонную пропасть под балконом, в темень древних подземелий двorca Ашмилоны.

Аркан натянулся, зазвенел и... так же быстро, как Сушумла, с балкона сорвалась и Мицар. Она вскрикнула, попыталась уцепиться хоть за что-нибудь, но опоздала. Перед Лотаром мелькнуло ее изумленное лицо, затемненное мрачной аурой Нуримана, но все еще прекрасное, хотя теперь эта красота казалась искусственной, как румяна на щеках старухи, и она исчезла в мгlistой, ощерившейся острыми выступами бездне.

Несколько мгновений в зале был слышен лишь звон падающих камней, сорвавшихся вслед за колдуньями, да треск факелов. Лотар вытер пот, шагнул к стражникам и поднял руку.

— Воины Ашмилоны! Зло рухнуло, Нуриман изгнан. Те, кто совершил это преступление, наказаны.

Лотар понимал, что этих суровых людей трудно, почти невозможно тронуть отвлеченным аргументом, жизнь научила их верить только тому, что можно потрогать руками. Они будут исполнять приказ, даже если им прикажут совершить нечто несправедливое.

Но должны же они почувствовать облегчение оттого, что исчезла опасность, из-за которой несколько последних месяцев была парализована нормальная жизнь в королевстве? Что он не может отвечать за преступления Мицар, решившей подкрепить свое право на власть ужасным демоном? Наконец, должны понять, что он доказал все-таки свою человечность и теперь имеет право на человеческое прощение...

Лотар посмотрел на воинов и понял, что решать будут не они. Он перевел взгляд на Конада. Король вытянул вперед палец и слабым голосом приказал:

— Взять их!

Глава 20

И сейчас же те, кто стоял впереди, бросились вперед. Конада толкнули, но кто-то уже подхватил его, кто-то отвел в сторону и закрыл собой. Лотар оказался перед толпой здоровых, сильных, неутомленных солдат, каждый из которых хотел выслужиться и первым исполнить приказ короля.

Лотар выхватил Гвинед и кинжал, чтобы не пропускать атак слева, и спустился с возвышения. Сначала он хотел отбежать к лестнице, но вовремя догадался, что Рубос сейчас несется к нему, и если он слишком быстро отступит, то против всей массы солдат Конада окажется один мирамец. Поэтому пришлось выбрать неудачный, но более честный вариант. Лотар встал в стойку и не сделал назад ни одного лишнего шага.

Он успел отбить три или четыре атаки, когда почувствовал, что огромный ятаган Рубоса расчищает место рядом с ним. Лотар хотел было крикнуть мирамцу, чтобы тот прикрывал спину, но многоопытный Рубос сам занял нужную позицию. Желтоголовый с облегчением вздохнул и сосредоточился на противнике.

Эти воины, переведенные в столицу из пустыни, привыкли драться со всяким отребьем — контрабандистами, кочевниками, мелкими бандами разбойников, то есть с теми, кто не отличался умелым обращением с оружием. Они почти всегда атаковали, имея подавляющее численное превосходство, что обеспечивало им преимущество с первых минут схватки. Эти солдаты не привыкли к противнику, для которого блеск мечей был так же обычен, как сухость пустыни. Поэтому они откатились довольно быстро.

На полу перед двумя иноземцами осталось шесть трупов и почти дюжина воинов, которые были легко ранены, — кого оглушили плоской стороной меча, кому вывихнули руку, кому подрезали связки на ноге. Убивал Рубос. Лотар старался не наносить смертельных ударов, и пока ему это удавалось.

— Опять миндальничаешь? — зарычал Рубос, как только раскусил, в чем дело.

— Они не виноваты, что у них король — кретин.

— Они — враги!

— Да какие они враги? Посмотри на них...

— Они обходят нас слева и справа. — Вот на это Лотару нечего было возразить, он лишь кивнул. — Думай скорее, что делать.

Прижимаясь к жаркой широкой спине Рубоса, Лотар прошептал:

— Попробуем пробиться на верх башни. Там я отращу крылья и перенесу тебя...

Внезапно дверь, через которую они пришли в этот зал, с грохотом отлетела к стене, и темное пространство балкона стали заполнять ряды воинов. Вероятно, они проделали тот же путь, что и Лотар с Рубосом. Почти тотчас же Лотар услышал крик из задних рядов гурхорцев:

— Да не сейчас, идиоты! Я же приказал ждать, чтобы взять их в клещи!

Это был Блех, их прежний союзник. Теперь, когда его хитроумный план провалился из-за глупости офицера, командовавшего этими зашедшими в тыл солдатами, он протолкался вперед и заорал:

— Не выпускать их наверх! Иначе они улетят! Один из них оборотень!

Рубос прошептал сквозь сжатые зубы:

— Догадался, ишейка ашмилонская.

Лотару очень захотелось войти в сознание Блеха и посмотреть, с самого начала он знал, что имеет дело с оборотнем, или выяснил это недавно? Но времени на это не было — увидев, что их стало еще больше, воины в простых панцирях снова бросились вперед.

Это было похоже на штурм крепости, с той только разницей, что всей крепостью была пара полумертвых от усталости людей, вокруг которых медленно и верно сжималось кольцо.

Лотар отбил три или четыре бешеные атаки, увернулся от дюжины более осторожных выпадов и отрубил пальцы трем или четырем воинам. Рубос за его спиной заорал, разозлившись не на шутку:

— Ты возьмешься за дело или нет?

— А не то?.. — ехидно спросил Лотар. — Не то заберешь свой ятаган и отойдешь в сторону?

Как ни тяжело им приходилось, Рубос расхохотался — впрочем, довольно нервно. Но что удивило Лотара еще больше, так это странное, кудахтающее хихиканье, которое послышалось сбоку.

Отбив три самых назойливых клинка, Лотар скосил глаза и увидел Сухмета. Старик размахивал роскошной саблей, которая раньше принадлежала Мирофаруку, и совсем неплохо отбивался от юнца, который возмнил, что возраст даст ему какое-то преимущество.левой рукой Сухмет укрывал от противника сумку Лотара, перевитую поясом с золотыми. И поверх этого богатства, как самая большая ценность, лежал самострел с лопнувшей тетивой, но обмотанный двумя с лишним сотнями локтей превосходной конопляной веревки.

— Ты зачем в это влез? — спросил его Лотар.

— Лучше думай, куда смываться! — рявкнул Рубос.

— Да, лучше бы ты, господин мой, подумал о том, что делать дальше, — елеиным голосом поддакнул старый раб.

По дыханию Лотар догадался, что мирамца хватит ненадолго. Слишком велико было преимущество противника, слишком умело они его использовали.

Итак, проход наверх забит солдатами, которые спускались, чтобы присоединиться к своим. Прорваться вперед немислимо — там уже собралась целая толпа вояк, и некоторым даже приходилось поднимать оружие вверх, чтобы не задеть своих. Меньше всего гурхорцев было со стороны того балкона, на котором Мицар дралась с Сушумлой... Пожалуй, это был единственно возможный путь.

— Рубос, мы сможем забраться на второй балкон? — спросил Лотар на языке алдуин, чтобы гурхорцы не поняли, что они замышляют.

Рубос ответил не сразу, не так легко было улучшить момент и посмотреть, хоть мельком, в сторону.

— Там осталось несколько ступенек, но все равно придется кому-то прикрывать отступление.

Внезапно подал голос Сухмет. Он тоже говорил по-алдуински, правда, со странным выговором, но твердо и уверенно:

— Не надо никому прикрывать отход. Я сделаю, что нужно. В конце концов, не все колдовское искусство этого королевства досталось принцессам да странствующим оборотням.

— Тогда пробиваемся туда.

— Там подземелье... Может, попробуем все же наверх?

Но Рубос уже и сам понял, что спорить не время, и стал наращивать давление на противников, чтобы расчистить путь в нужную сторону.

Оказалось, что это невозможно. Рубоса уже едва хватало, чтобы только защищаться. Кроме того — Лотар почувствовал это очень отчетливо, — он был несколько раз ранен, и раны кровоточили. Могучий мирамец слабел с каждой минутой.

— Рубос, прокрутимся на месте, чтобы вперед мог прорубиться я, — приказал Лотар.

— Нет, я и сам, сейчас... — прошипел мирамец. — Не так уж они мне досаждают...

На мгновение Лотар потерял его спину, но тут же вновь увидел Рубоса, который летел назад с такой силой, словно с той стороны окружившего их живого кольца наткнулся на непробиваемую стену. Кто знает, может, так и было?

— Давай кружись, черт упрямый! — заорал Лотар. Он испугался, что мирамца не хватит до конца этой рубки.

— Я все сделаю, — вдруг вызывающе спокойно проговорил Сухмет. — Будьте готовы бежать к балкону очень быстро, когда я скажу. Раз...

Лотар не знал, верить ли бывшему рабу Нуримана, но тот не медлил и на сомнения не оставил времени.

— Прикройте меня... Два!

Сухмет оказался между Рубосом и Лотаром. Своим задним зрением Лотар увидел, что старик сунул саблю в ножны, закинул мешок за плечи, а потом встал в классическую позу волшебника — руки вверх, напряжен, как струна, аура горячая, как огонь.

Это уже не выглядело пустой бравадой. Готовясь к любой неожиданности, Лотар ударил одного из гурхорцев каблуком сапога в лоб, а второму пробил кинжалом ногу повыше колена. Едва эти двое закрыли проход всем остальным, Сухмет возгласил:

— Три!

Гром ударил над их головами с такой силой, что даже готовый ко всему Лотар присел. Это был даже не гром, а какой-то невероятный, оглушительный рев, словно тысячи огромных труб затрубили одновременно. Но кроме этого, из каменного пола к потолку, сразу ставшему очень низким, ударило несколько фонтанов ослепительного огня, окруживших их, словно хоровод искрящихся гигантов.

Но странное дело, Лотар, Рубос и Сухмет оказались в узком пространстве, в котором осталась единственная зона, откуда можно было все видеть и не ослепнуть. Лотар восхитился магическим мастерством старого раба.

Почти все окружавшие их воины попадали, бросив оружие. Лотар невольно вспомнил, как его поймал в такую же ловушку Гханаши в оазисе Беклем. Даже те, кто остался на ногах, вряд ли были способны на многое. Путь к лестнице был открыт.

Едва слепящее сияние стало угасать, Сухмет закричал:

— Вперед!

И бросился, перепрыгивая через воинов, корчившихся на полу, к лестнице. Он по-прежнему не выпускал из рук вещи, принадлежавшие Лотару.

Рубос тряс головой, потому что тоже был оглушен ревом и ослеплен светом, свалившими всю рать Конада, но все-таки мог двигаться. Лотар подивился было его выносливости, но увидел под прядями потных, слипшихся волос тонкий ремешок, стягивающий красную кожу на лбу мирамца... Сухмет знал, что делал.

Рубос шагнул через противников тяжело, как дикий бык, положив свой ятаган, залитый кровью по самую рукоятку, на плечо. Пластины его доспехов были забрызганы кровью так, что она капала на каменные плиты там, где он проходил. Кровь врагов и его собственная кровь. Лишь теперь Лотар по-настоящему понял, каково пришлось мирамцу.

Он огляделся. Кое-кто из гурхорцев уже пытался подняться, чтобы преградить им путь. Тогда Лотар, не очень даже торопясь, отбил их слабые выпады и ранил пятерых, прежде чем их заметил Рубос, который не ведал сомнений: если поднимал свой ятаган, то только для того, чтобы убить.

Они уже достигли редких ступеней, которые остались от лестницы, когда Сухмет крикнул им сверху, что дойти до дверей из башни трудно, но возможно. Рубос шел вверх, покачиваясь, держась за стену, — от слабости у него кружилась голова.

Как выяснилось, они отступали слишком медленно. Сухмет был прав, бежать за ним следовало сломя голову. Вот если бы не мирамец... Рубос еще стоял на неверных, шатающихся, как гнилые зубы, плитах лестницы, торчащих из стены не более чем на три-четыре фута, когда Лотар увидел арбалетчиков, ввалившихся в зал со двора. Их было пятеро, дворцовых стрелков, умелых, как ястребы.

Новые воины влезли вслед за арбалетчиками в башню и бросились к нему, не обращая внимания на своих поверженных товарищей. Впереди всех бежал, широко распахнув рот от предвкушения сладостной победы над заведомо слабым противником, огромный, одетый в шкуры воин, лицо которого было обезображено глубоким бледным шрамом. Он замахнулся дубиной, утыканной зазубренными, ржавыми кусками сломанных лезвий. Он был просто туп, и тени сомнения не зародилось у него, когда он вломился в башню и увидел царящее здесь побоище. Теперь он должен был заплатить за глупость.

Отбросив сомнения, Лотар коротким выпадом воткнул Гвинед ему в шею и почувствовал, как треснул позвоночник в основании черепа. Потом повернулся и прикрыл, как мог, Рубоса. Лучники выстрелили не одновременно, поэтому Лотар сумел отбить три

стрелы. Но две все-таки пропустил. Одна воткнулась в стену прямо перед грудью Рубоса, а другая, сухо звякнув о камень, со сломанным наконечником отлетела вверх.

Рубос медленно усмехнулся, как пьяный, взялся за стрелу перед собой и шагнул на следующую ступень. Еще дважды Лотар останавливался, чтобы прикончить излишне ретивых и самоуверенных вояк, и их тела падали на обломки камней, а последний упал в бездну, куда Сушумла увлекла за собой принцессу.

После этого на лестнице уже никого не осталось, кроме Лотара. Даже до новоприбывших гурхорцев стало кое-что доходить. Конечно, Блех отчаянно понукал воинов, требуя, чтобы они не дали чужеземцам уйти, конечно, король грозил децимацией солдатам, не сумевшим справиться с двумя грязными наемниками и одним дряхлым стариком, но все равно никто больше не пытался преследовать их. Воины предпочитали децимацию, в которой все-таки оставался шанс выжить, стычке с этими странными чужеземцами, исход которой не вызывал ни малейшего сомнения.

Еще трижды стрелки Конада стреляли в Лотара, но теперь за этим следил Сухмет, и даже Блех не упрекал арбалетчиков, потому что каждому было видно, по какой крутой дуге уводила стрелы от цели магия старого раба.

Магия магией, а поднявшись на балкон, Лотар вздохнул с облегчением. Но ненадолго. Он посмотрел вниз и понял, что оставлять противника этот путь нельзя. Едва они отступят от края, воины короля пойдут следом, не давая им оторваться, выжидая, чтобы напасть.

— Ты можешь сделать что-нибудь с этими ступенями? — спросил Лотар Сухмета.

Старик безмятежно улыбнулся.

— Да, мой господин. Ни о чем не волнуйся.

Он повернулся к ступеням и поднял вверх руки. Воины, которые уже начали подниматься, поняли, что их ждет. Некоторые прыгнули вниз, ломая ноги, двое или трое полезли через тела своих товарищей и почти тут же упали вниз, сброшенные кулаками в темную трещину между плитами пола.

И тут же все странные факелы, торчащие на каменных опорах около лестницы, взорвались и накрыли ее почти бесшумным, блестящим, как водопад, языком такого горячего огня, что ступить на лестницу стало невозможно.

— Факелы будут гореть почти час, господин мой, — сказал Сухмет. — И никто на свете не сумеет изменить форму этого огня.

— Хорошо, этого достаточно.

Лотар последний раз окинул взглядом зал, в который они вошли менее получаса назад. Все так же стояла бронзовая клетка на возвышении в центре. Но теперь в ней неопрятной кучкой плоти лежало то, что осталось от неизвестного ему Коринта. Половина странных факелов еще горела, но огонь этот был уже не так ярок и высок, как прежде, и в нем поубавилось сверкающих молний. А стену башни раскололи трещины, оставшиеся от колдовского поединка Мицар и Сушумлы.

В полу башни зияла бездонная дыра, по обеим сторонам которой пол был завален обломками стен, лестницы и балконов, а немного в стороне, в пыли, смоченной кровью, лежало не менее трех десятков мертвецов — это Рубос оставил свой след. Еще в этом зале оставались около двух сотен солдат короля Конада, новый визирь королевства эмир Блех и сам король, который, похоже, так ничего и не понял, хотя теперь, скорее всего, был свободен от магического внушения.

Лотар не оставлял здесь ничего, что заставило бы его сожалеть о происшедшем, и ничего, что следовало бы довершить. Он повернулся и пошел по неверным балкам балкона к двери, которую внимательно осматривал Рубос.

— Если Сухмет наложит на нее заклятье, она здорово задержит их, — прогудел мирамец. Выглядел он уже гораздо лучше, чем внизу. То ли магия башни отступала, то ли Сухмет успел с ним что-то сделать.

Бывший раб Нуримана улыбнулся, показав все свои не по возрасту крепкие зубы.

— Сухмет сделает все, что нужно, господин.

Лотар устало усмехнулся:

— Отлично. Возможно, мы и вправду сумеем убраться отсюда, прежде чем они доберутся до нас.

Глава 21

Путь от двери был один, и вел он вниз. Он был очень длинен, и даже Рубосу скоро стало ясно, что так глубоко под дворец они еще не забирались.

Оказавшись наконец в горизонтальном коридоре, они обнаружили, что ориентироваться в этом подземелье невозможно. На полу и на стенах не было ни одного указывающего знака, а чувство пространства и направления здесь сбивалось несильной, но вкрадчивой и эффективной магией.

Они все больше запутывались в бесчисленных ходах, переходах, ответвлениях и поворотах. Скоро Лотару стало казаться, что этот лабиринт представляет собой просто огромный геометрический узор, пробитый в толще скал без всякой практической цели.

В подземелье не было ни одного факела, но стены его отливали странным сухим блеском, и его, к счастью, хватало, чтобы Рубос не наткался на острые выступы и углы.

Лотар почувствовал, что стал уставать. И еще он был рассержен, хотя понимал, что это только отнимает силы и делает его более уязвимым. Наконец в полной растерянности Желтоголовый остановился на развилке темных коридоров, внешне совершенно похожих, но пол одного, как казалось, вел вверх, а другой все еще опускался вниз. Сухмет подошел к Лотару сзади своей шуршащей торопливой походкой.

— Господин мой чем-то смущен?

— Я и не подозревал, что под дворцом есть еще более глубокое подземелье.

— В старые времена любили делать такие вещи, — усмехнулся бывший раб Нуримана.

— Если мы будем бродить здесь слишком долго, нас перехватит Блех со своими ублюдками, — прогудел Рубос. В тесном про странстве его голос звучал зловеще.

— Ну что же, — решился Лотар, — тогда поторопимся. Пойдем тем коридором, который ведет вверх.

— Не думаю, что это правильно, — спокойно сказал Сухмет. — Мы еще в той части подземелья, которая должна защищать остальной лабиринт.

— Защищать? Зачем? — спросил Рубос.

— Может быть, от тех, кто попыбует войти незвано, как мы.

— Я совершенно не чувствую, что тут находится впереди, — признался Лотар.

— Я тоже, — подтвердил Сухмет. — Поэтому, мой господин, лучше положиться на их стремление погубить нас.

Они пошли по коридору, который вел вниз. Свет, льющийся со стен, становился все сильнее. Рубос провел рукой по камням, и вдруг его рука тоже стала светиться, словно на коже заискрился бледный зайчик лунного света. Но свечение это довольно скоро поблекло и угасло. Должно быть, Рубос очень отчетливо размышлял об этом, потому что неожиданно Сухмет произнес:

— Это мельчайшие живые существа. Они питаются чем-то, специально рассеянным в воздухе. В этом больше изобретательности, чем магии.

Рубос только хмыкнул. В коридорах этот звук разлетелся, породив эхо.

Последующие коридоры были освещены уже чуть больше. В переливах этого света, в его пятнах на полу, стенах и своде пещеры было что-то завораживающее. Каким-то образом это подчиняло волю и заставляло идти туда, где было все яснее и светлее. Осознав это, Лотар вдруг отчетливо услышал колокольчики, зазвеневшие в его сознании. Он замер.

Перед ними лежал коридор, освещенный едва ли не лучше, чем если бы здесь горели факелы. Но теперь Лотару совсем не хотелось в него входить. Поколебавшись, он свернул в темный и сырой туннель, который на этот раз вел довольно круто наверх.

Это было настолько неожиданно для Рубоса, что он недовольно заворчал. И тут же, к своей радости, Лотар услышал шепот Сухмета, хотя шептать здесь было совершенно ни к чему:

— Мне кажется, он разгадал дух этого лабиринта.

Теперь Лотар не сомневался, что они идут правильно. Он уже угадывал впереди сырой воздух верхнего подземелья и заранее радовался тому, что скоро не увидит этих пятен рассеянного, гипнотического, предательского света.

Мельком он подумал о том, что слишком легко принял советы этого старика, бывшего раба демонов и, вероятно, могущественных волшебников. Нужно будет установить пределы его возмож-

ностей, решил Лотар. Если они превосходят его собственные способности понимать мир, с ним придется расстаться. Хотя, если старик возьмется за его обучение...

Внезапно они вышли в коридор, в котором даже Рубос сразу узнал один из переходов в старый дворцовый двор. Лотар быстро просмотрел своим магическим зрением то, что находилось по сторонам. В одном конце коридора было очень много солдат. Они куда-то бежали, хотя в их головах все смешалось и даже офицеры ничего не понимали. Они направлялись в ту сторону, где находилась главная часть дворца. С другой стороны располагались стражники, хотя их было меньше, прорываться через них значило опять, уже в который раз, посадить себе на пятки погоню.

Оба эти хода должны привести их наверх, откуда Лотар мог бы улететь, захватив своих спутников. Но помимо открытого пространства, ему также требовалось некоторое время на трансформацию, а когда начнется схватка со стражниками, у него этого времени не будет.

Внезапно он понял, куда шел и почему так и не сделал настоящей попытки прорваться наверх. Как и в начале этого приключения, что-то, чему он не мог подобрать названия, толкало его вниз — туда, где лежало это таинственное, освещенное микроорганизмами сухое подземелье. И даже еще ниже — туда, где не могло уже ничего быть, но где все-таки что-то было.

Он сконцентрировался, хотя это потребовало от него немалого расхода энергии, которую следовало сохранить: впереди могли поджидать еще более суровые испытания.

В нижнем подземелье творилось что-то несусветное. Воины Конада все-таки взломали дверь на балконе и ринулись по той лестнице, где всего полчаса назад прошел Лотар с Рубосом и Сухметом. Но у стражников было больше пыла, чем рассудка, и они попадали во все смертельные ловушки, которые теперь почему-то отчетливо видел Лотар.

На той развилке, откуда беглецы пошли вниз, целая дюжина солдат бросилась наверх и была засыпана тяжелыми камнями, переломавшими им ребра. В коридоре, который был лучше освещен, оказался тупик с раздвижным полом. Отчаянные вояки пытались цепляться за края плит, которые медленно, но неотвратимо сдвигались под стены, но когда держаться стало не за что, не менее десятка людей провалилось в темную, бездонную черноту, похожую на ту, что видел Лотар в обвалившейся старинной ловушке...

Ловушка. Лотар совсем забыл о ней... Хотя, как теперь ему казалось, он не забывал о ней ни на минуту. А она была совсем близко. Всего-то в сотне шагов. И, конечно, около нее не догадались выставить ни одного охранника. Приказано-то было держать верх дворца, а о подземельях и не подумали.

— Ты чего ждешь? — спросил Рубос.

— Сухмет, где веревка?

Раб выставил вперед сумку, поверх которой аккуратными кольцами была уложена веревка. С запоздалым раскаянием Ло-

тар подумал, что вот Рубос догадался взять у старика часть поклажи, а ему это не пришло в голову.

Они оказались перед дырой в полу раньше, чем Лотар успел что-либо объяснить, да этого уже и не потребовалось. Сухмет быстро сделал удавку на одном конце веревки и вместо стопора вставил в нее ложе самострела.

— Это зачем?

— Если кто-то ослабеет, самострел поможет ему не соскользнуть вниз.

Рубос пожал плечами и осмотрелся. Из стены торчал огромный бронзовый кронштейн для факела. Рубос подошел к нему и принялся изо всех сил раскачивать в разные стороны. Потом, отдуваясь, проговорил:

— Наверное, выдержит.

— Выдержит, — согласился Сухмет. — Только бы веревка не перетерлась. Да хорошо бы нас не нашли, пока мы не доберемся до...

Больше он ничего не сказал. Что будет внизу, никто из них не знал, даже не догадывался.

Они подошли к краю ямы. Как и прежде, остро и враждебно торчали по бокам острые скальные изломы, и Лотару снова показалось, что он различает внизу слабый блеск водной поверхности. Он хотел спросить об этом Сухмета, но передумал — не это было сейчас главным.

— Бросай.

Сухмет бросил самострел, и веревка с шуршанием, которое показалось им очень громким, разматываясь, заскользила в темноту. Деревяшка стукнулась два или три раза о камни и скрылась из глаз.

Лотар подмигнул Рубосу и взялся за веревку.

— Ну почему всегда ты?

— Ты должен удерживать всех воинов Конада. Тебе мало?

— Ты и сам прекрасно их удержишь.

— Там темно.

— Разберусь как-нибудь. С этим ремешком на лбу я вижу не хуже тебя.

— Вспомни-ка, как ты лез на башню. — Лотар использовал главный аргумент. — Здесь же придется подниматься вверх, если там не будет хода, не на половину, а на всю длину веревки.

Рубос отвернулся, закусив губу.

Проверив, как вынимается Гвинед, Лотар скользнул по веревке вниз. Сначала он хорошо видел стены, все провалы в них оказывались не глубже двух-трех локтей. Потом стало темнее, и стены, особенно с той стороны, которая была от него подальше, размазались в одно сумрачное, скользкое пятно.

Лотар поднял голову. Пятнышко света пробивалось к нему с такой головокружительной высоты, что, казалось, до него, как до неба, не добраться никогда в жизни. Он почувствовал свою уязвимость, словно сделал что-то непоправимое. Заставив себя не

обращать на это внимания, как на малозначительную, хотя и досадную помеху, стал опускаться дальше.

Стены со всех сторон отодвинулись. Веревка зацепилась за выступ где-то наверху и теперь висела едва ли не посередине почти вертикальной шахты. Стены уже не казались Лотару однотонными. В них попадались довольно глубокие выемки, и приходилось сильно раскачивать веревку, чтобы взглянуть на них поближе. Как должна выглядеть пещера, выходящая в эту шахту, Лотар не знал. Лишь надеялся, что узнает ее, когда увидит.

Внезапно он почувствовал слабый ток воздуха. Сквозь сырой и болезненный дух, который поднимался снизу и к которому Лотар уже успел привыкнуть, явно повеяло чем-то сухим. Лотар осмотрелся внимательнее.

Теперь он видел внизу воду. Частично ее закрывали выступы и неровности стен, но, несомненно, это было озеро или река. Впрочем, река вряд ли, иначе Лотар услышал бы плеск. Хотя определить расстояние до поверхности было еще невозможно, Лотар не сомневался, что шум льющейся воды уже должен отчетливо слышаться в этом гулком подземелье.

Ему пришло в голову, что он может разжать ладони, плюхнуться в воду, трансформироваться в какую-нибудь водную рептилию и подождать, пока течение унесет его подальше от дворца. А вынесло бы его, скорее всего, в море. Оно здесь не очень далеко, не дальше десяти-двенадцати лиг. Интересно, сумеет ли он быстро превратиться в водяного змея?

Но Сухмету и Рубосу такой трюк не по силам. Кроме того, он может оказаться не по силам и самому Лотару... Нужно все-таки искать пещеру.

Внезапно он понял, что вместо легкого, рассеянного ветерка со странным запахом ему в лицо дует мощный поток почти чистого воздуха, выходящего из темного провала, пробитого на противоположной стороне стены. Это была пещера, несомненно, пещера. Ничто больше не могло так уверенно и сильно продуваться воздухом, в котором, показалось Лотару, был даже привкус морской соли, привкус свободы.

Если бы он спускался по другой стороне ямы, то оказался бы на тридцать футов ближе к пещере. Тогда до нее было бы рукой подать. Сейчас же ему предстояла нелегкая работа.

Он стал раскачиваться. Раз за разом все сильнее и сильнее... Тут он услышал какой-то стук и посмотрел вниз. До самострела, привязанного к концу веревки, оставалось не больше полусотни локтей. Этот кусок веревки мешал раскачаться как следует, двигаясь в противофазе. Тогда, не придумав ничего лучшего, Лотар решился на довольно опасный трюк.

Как недавно Рубос, он зажал веревку зубами и повис на челюстях, освободив руки. Потом он стал сматывать оставшийся конец веревки и скоро держал самострел в руках. Кое-как засунув его и веревочные кольца за ремень ножен, он снова попробовал раскачаться. Теперь ему вроде ничто не мешало. И он уже совсем было приготовился зацепиться за какой-нибудь камень перед пеще-

рой, в крайней точке амплитуды, как вдруг веревка где-то высоко над ним выскочила из выемки и от этого сразу стала длиннее на несколько локтей. Лотар пролетел это расстояние, едва успев вцепиться в веревку и стараясь зажать ее даже ногами.

Рывок, когда веревка все-таки размоталась до конца, превзошел все, что он готовился испытать. Лотару показалось, что он — стрела, которую напряженная, тугая тетива пытается выбросить в черную неизвестность. От боли в плечах, в руках и шее у него помутилось сознание. Усилием воли он попробовал прогнать дурноту, но тщетно. Он почувствовал, что веревочные кольца выпали из-за его спины и свободно разматываются вниз. И еще успел понять, что скользит по этой веревке, ставшей скользкой от его крови, удаляясь от крохотного пятнышка света, мерцающего высоко вверх. Тут он потерял сознание.

Глава 22

Забывье было очень глубоким. Он приходил в себя, словно просыпался после многолетнего сна. Всплывал к реальному миру из огромной глубины, которая была к нему более милосердна. Окончательно он пришел в себя после нежного девичьего оклика:

— Лотар! Что случилось? Лотар, отзовись...

Голос растаял в хрустальном тумане забывья, и он услышал громкий шепот, отдающий многократным эхом:

— Господин мой, почему ты не отзываешься?

— Сейчас... — разлепил губы Лотар и огляделся.

Он висел в чернильной тьме бесконечного колодца, и веревка несильно крутилась влево-вправо под его весом. Каким-то чудом он не соскользнул вниз, что-то воткнулось ему, казалось, в самые легкие, спасая от черного провала под бессильными ногами. Самострел, сообразил Лотар, вспомнив его железную, похожую на небольшой якорь дугу.

Заставить свое тело двигаться было так же невыносимо трудно, как возвращаться из забывья. Он крепче сжал веревку и понял, что не сможет подтянуться вверх ни на дюйм.

— Господин, где ты? — снова позвал Сухмет.

Сухмет, я потерял слишком много энергии, мне нужна твоя помощь... Лотар представил, что он обращается к старику, словно тот стоит рядом. И старый маг услышал его. Он прочитал все, что произошло, в сознании Лотара, едва тот впустил его, и ужаснулся.

Потом Лотар почувствовал, как к нему широкой и теплой волной пошла энергия, способная растопить холод его онемевших мускулов, оживить его восприятие. Через минуту ему показалось, что даже веревка стала горячей, до такой степени щедро Сухмет наделял его живительной силой.

— Хватит, хватит, — прошептал Лотар. — Тебе тоже скоро потребуется немало сил.

— Лотар, они идут, — услышал он вдруг голос Рубоса. — Они скоро будут здесь.

Лотар вздрогнул. Он перехватил мысли мирамца, направленные к нему, и это получилось у него слишком резко — он был сейчас как пьяный, получив слишком много чужой, плохо усвоенной, но дающей ощущение обманчивой силы энергии. И потому не очень хорошо понимал, что происходит. Лотар взялся за веревку и снова стал раскачиваться.

Веревка раскачивалась почему-то совсем свободно, и в нем появилось то ощущение легкости, какое он испытывал во время полетов. Он не видел пещеру — вход в нее закрывал большой карниз, — но был уверен, что раскачивается в нужном направлении.

Стена то подлетала ближе, то отдалялась. Пару раз ему казалось, что он ударится спиной о камни и не сумеет сделать амплитуду махов больше, но теперь судьба была за него во всем. Он сделал еще несколько рывков вперед, еще сильнее, снова назад и потом вперед...

Стена оказалась совсем рядом. Лотар выбросил вперед руку — так захватывают противника в «тигрином» стиле — и повис. Все еще натянутая веревка врезалась в грудь. А дальше он сделал то, чего не делал никогда раньше и о чем даже не подозревал.

Он представил себе, что его руки, ноги, все тело прилипает к этой шершавой стене, с которой тонкими струйками стекала влага, что его колени, локти и ступни проникают в камень, как в тесто, и он держится на отвесной стене, словно муха. Веревка провисла. Он вырвал из камня левую руку, перенес ее вперед и неторопливо погрузил, как ему показалось, в камень, захватив его покрепче. Потом сделал то же с правой ногой. Потом выдвинул вперед правую руку.

Он медленно полз по стене, даже не стараясь понять, как это у него получается, полз, словно огромная ящерица, не выбирая дороги. И его сознание сейчас было таким же затемненным, туннельным, ограниченным, нечувствительным к тому, что с ним происходило, как у гигантской рептилии. Он превратился в нечеловека, и это было его спасением, второго падения он бы не перенес.

Внутренне, на границе понимания, он ликовал, потому что ему удалось сделать нечто невиданное и, следовательно, великодушное. В это чувство нельзя было полностью погружаться, это могло привести его к гибели, но втайне он все-таки радовался.

Он почувствовал, как кровь приливает к затылку, и обнаружил, что висит спиной вниз, на нижней стороне выступа, закрывающего вход в пещеру. Он выдернул правую руку из камня и, по-прежнему не понимая, действительно ли его плоть входит в камень или это только иллюзия, некая жесткая форма самовнушения, необходимая для подобного трюка, двинулся вперед.

Шаг вперед, еще шаг. Он знал, что скоро его силы кончатся, и это произойдет сразу, как обрывается свет, когда факел падает в воду. Надежда только на то, что он успеет добраться до края карниза и выползет на ровную площадку. Он не был уверен теперь,

что сумеет отличить площадку, способную удержать его силой тяжести, от ровного камня, с которого скатится даже паук. На всякий случай он решил, что будет следить за мелкими камешками. Если он заметит их, значит, он выполз на что-то горизонтальное и надежное.

Внезапно в глаза ему ударил свет, показавшийся нестерпимо ярким, хотя обычный человек не сумел бы рассмотреть в нем даже собственных рук. Он шел откуда-то снизу, или нет, пожалуй, сверху, потому что оттуда появлялась и веревка, которая удерживалась теперь только полукольцом его дрожащих от напряжения рук. Веревка поблескивала под этим светом, отливая какой-то влагой, Лотар с трудом вспомнил, что это, должно быть, его кровь.

Он перевалил через край и сразу же почувствовал облегчение в руках. Для верности он прополз еще несколько шагов. Теперь веревка мешала ему, с тихим шуршанием скользя по его плечу. Он выдернул одну руку и стал подтягивать веревку снизу. Кольца плетеной конопли опалили перед ним на камень и никуда не скатывались. И пыль здесь лежала повсюду, а не только в трещинах. Он поднял голову, над ним был каменный свод. Он дополз.

Медленно, еще не совсем доверяя этому чувству, Лотар вытащил из камня руки и повалился на бок. Несколько мгновений он боялся, что теперь скатится вниз, но это прошло. Он лежал на боку, потому что вполз в пещеру по боковой стене — отсутствие чувства тяжести сыграло с ним чудную, но уже неопасную шутку. Теперь он переместился и только теперь начинал сознавать, какого невероятного напряжения потребовало от него это ползание по стене.

Он отдыхал, втягивая в себя расслабленность, как измученное жарой растение впитывает первые капли дождя. Он готов был лежать так бесконечно...

— Лотар, почему провисла веревка?

Казалось, Рубос стоит совсем рядом. Пересохшим горлом Лотар спросил:

— Где гурхорцы?

— Они миновали нас. Сухмет каким-то образом размазывает нас по стене, и они ничего не заметили, даже веревки.

— Я добрался, Рубос. Сейчас закреплю свой конец и... Первым спускается Сухмет.

Рубос не ответил, но Лотар ощутил несильную волну обиды. Мирамца задела эти слова, да и могло ли быть иначе?

Возможно, Сухмет умел становиться невидимым, но он не мог по-настоящему драться, а это сейчас было нужнее.

Веревку Лотар привязывал к какому-то валуну. Уже не в силах придумать, как это сделать получше, он просто набросал побольше петьель, надеясь, что хоть одна из них окажется надежной.

Потом веревка натянулась, приняв на себя какой-то вес, о котором Лотар даже не пытался теперь думать. Он лег на камень, подогнул колени к животу и замер, удивляясь и тому, что все, кажется, кончается, и тому, что он выбрал именно такую позу.

Вдруг сверху послышался шум. Вернее, это были удары метал-

ла о металл, тугие удары, какими прачки выбивают мокрое белье. Потом кто-то вскрикнул, и четко, пугающе четко в колодце прозвучала команда гурхорского офицера:

— Не рубить веревку, она нам укажет, куда они убегают на этот раз...

Там, наверху, Рубос бился один против множества солдат, которые обнаружили его. Наверное, нужно было все-таки сначала спускать Рубоса, подумал Лотар. Сухмет защитился бы магией.

— Два человека вперед... — Наверное, Рубос пробился к дыре в полу и нырнул в нее, как в черную воду. Офицер посылал своих людей следом, но даже выдавшие виды вояки понимали, насколько это опасно, и колебались. — Вперед, я приказываю! По десять маркетов каждому, когда все кончится!

Кто-то из них возразил:

— Там темно, господин.

— Вот факел. Да быстрее, скотина, или ты хочешь, чтобы он ушел?!

— Нужна другая веревка, — послышался еще один голос.

— Ничего, в крайнем случае обрубите эту, и мы вытащим вас. Ну, двое самых легких...

Теперь веревка извивалась, как уж на сковороде. Лежать больше Лотар не мог. Он подтянулся и сел. Поднял руку, взялся за рукоять Гвинеда, попробовал его вытащить, но меч показался слишком тяжелым, и пришлось его отпустить. Он снова скользнул в ножны.

Хорош рубака, лениво подумал он, вытащить меч кажется невыполнимым подвигом.

Прошло не так много времени, как к нему вдруг склонился Сухмет. Он не улыбался, он был испуган. Старик провел рукой по лицу Лотара, стараясь что-то определить. Потом обернулся и послушал, что происходило наверху.

Веревка теперь билась вокруг камня, как узда необъезженного жеребца. В неправильном полукруге выхода пещеры в шахту, которая казалась Лотару гораздо более светлой, эта веревка привлекала внимание, как языки пламени. Сухмет стоял рядом, готовясь к какой-то магической операции. Лотар терпеливо ждал, что будет дальше.

Внезапно сверху появились человеческие ноги, стукнулись о каменный пол пещеры, и перед Лотаром и Сухметом предстал Рубос. Бледный, с лицом, залитым кровью, он почти ничего не видел в этой темноте, но он добрался и был явно в лучшей форме, чем Лотар.

— Они гонятся за мной по пятам, — сообщил мирамец.

Сухмет кивнул, словно и не сомневался в этом, странным жестом отодвинул мирамца в глубь пещеры и шагнул вперед.

Теперь Лотар понял, что в шахте действительно становится светлее. Двое гурхорцев спускались по веревке с факелом. Блики неверного огня играли на покрытых сыростью камнях, как далекий восход солнца.

— Что ты собираешься делать? — спросил Рубос.

— Они должны понять, что преследовать нас неразумно, — спокойно ответил Сухмет.

Он потер одну ладонь о другую, вытянул руки, шелкнул пальцами, и вдруг один из этих пальцев загорелся бездымным пламенем. Лотар прикрыл глаза, но тут же широко открыл их, потому что должен был видеть все.

Сухмет поднес пылающий палец к веревке, и она вдруг внезапно загорелась каждым волоском, каждой каплей крови, которую оставили на ней Рубос и Лотар, загорелись даже кольца вокруг камня. Тонкая, неровная, как светящаяся бахрома, дорожка пламени поползла вверх. Лотар с удивлением заметил, что веревка сгорает в этом пламени, не оставляя пепла.

Внезапно сверху кто-то закричал диким голосом, в котором было столько ужаса, что Лотар похолодел:

— Скорее руби веревку, дубина, скорее...

Веревка дергалась еще сильнее, чем раньше, потом вдруг мимо трех беглецов, застывших на каменном уступе, вниз пронеслось что-то темное, ужасное, издающее воющий звук, в котором не осталось уже ничего человеческого. Чуть позже вниз пролетел другой воин. Вполне возможно, он был уже мертв.

А пламя, поднимавшееся по мерно качающейся веревке, ушло вверх. Лотар ждал, что скажет офицер. Наконец веревка догорела до узла, завязанного вокруг факельного держателя, вколоченного в стену.

— Нужно было все-таки позаботиться о своей веревке, — едва слышно проговорил кто-то из гурхорцев наверху.

— Вот ты и отправляйся за ней, — тут же подал голос офицер. — А также ты и ты. Быстрее.

Через несколько мгновений кто-то проговорил с тайной угрозой:

— Теперь навряд ли найдутся охотники лезть за этими демонами...

— Полезете. Даже если мне собственноручно придется сталкивать каждого из вас, — ответил офицер.

Рубос повернулся к Лотару и склонился над ним. Его лицо оказалось очень близко. Глаза блеснули живым, напряженным вниманием. Внезапно он воскликнул:

— Он улыбается?

— Он растратил гораздо больше сил, чем у него было, и больше, чем даже было у нас обоих... — устало ответил Сухмет. — Идти он не сможет. Тебе придется пронести его, хотя бы несколько сот шагов, чтобы расчистить мне место для...

Он не договорил. Лотар догадался, что Рубос теперь пытается определить, что находится там, в глубине пещеры.

— А если там нет выхода? — спросил он.

Сухмет ответил сразу:

— Выход там скорее всего есть. Я еще не успел его почувствовать, но... Да сейчас это и не важно, господин. Отнеси Лотара.

— Они скоро спустятся сюда. Мне придется снова драться, — возразил Рубос. — Лучше уходите вы, если сможете.

— Драться не придется.

Мирамец поднял Лотара и понес его подальше от входа. Вскоре Сухмет подошел к ним и попросил обоих заткнуть уши. Потом стало тихо.

Лотар ждал, бесконечно долго ждал, и вдруг...

Это было как если бы рядом с ним взорвался вулкан, выбрасывая вверх раскаленные камни. Земля под ними дрогнула. Кажется, Рубос потерял равновесие и покатился по полу пещеры, как легкая кегля.

Пыль еще не улеглась, а Сухмет уже ушел в сторону шахты. Потом он вернулся и попробовал улыбнуться. Это далось ему с трудом. Лотар понял, что старик устал едва ли не больше, чем он сам.

— Это ты устроил? — спросил Рубос на всякий случай, чтобы лишний раз удостовериться.

Сухмет кивнул.

— Теперь им, чтобы добраться до нас, потребуется не меньше месяца, и то если они соберут в Ашмилону всех землекопов Гурхора.

— Здорово! — восхитился Рубос. — А теперь, пожалуй, нужно передохнуть. Не могу же я тащить вас обоих... — Он подумал. — Вообще-то, если нужно, я попробую, но...

— Нет, — ответил Сухмет. — В этом нет нужды, господин.

— Вот и хорошо, — ответил мирамец. — После упражнений на веревке я тоже чувствую себя не лучшим образом. Конечно, спускаться легче, чем карабкаться вверх, тем более что за мной гнались два головореза, упокой Жива их не очень чистые души, а это всегда придает резвости, но...

Продолжения Лотар не услышал. Усталость сморила его, он склонил голову к каменной стене, глубоко вздохнул и уснул.

Глава 23

Лотар перекатился на живот и сжал рукоять Гвинед. Что-то готовилось совсем рядом, что-то колдовское, а значит, опасное. Почему он так опоздал, дал этому подойти настолько близко? Почему молчат колокольчики? И почему он не может справиться даже с Гвинедом?

Вокруг стояла глухая, непроницаемая тьма. Лишь чей-то силуэт читался в ней, да билась рядом эта огромная, все растущая колдовская сила. Очень хотелось пить, Лотар облизал губы и выплюнул сухой и жгучий, как перец, песок.

— Не волнуйся, господин мой, — услышал он спокойный шепот Сухмета. — Это всего лишь я.

Лотар уже пытался определить магическим видением ту неистовую колдовскую силу, которая разбудила его.

Вокруг не было ничего и никого, что внушало бы опасения. Пожалуй, это действительно Сухмет. Но неужели этот раб обладает такой огромной, почти невообразимой силой? Кто же он тогда? И почему он тогда раб?

В темноте, которую лишь только-только рассеяло магическое видение Лотара, раздался резкий, почти металлический смешок.

— Люди гораздо чаще задают вопросы, чем нужно. А главное — чаще, чем у них это получается.

— Никогда не думал, что вопросы — род фехтования, — прогудел голос Рубоса. — Я полагал, это нечто невещественное.

— Именно невещественному и предстоит учиться более всего остального.

— Что ты делаешь?

— Ты неразумно разорвал мой красивый ошейник, господин. И я решил, пока вы спали, его срastить.

— Славить? — Голос Рубоса дрогнул. — Без огня и наковальни?

— Огня не нужно, если заставить металл расти так же, как все живое. — Он вздохнул. — Конечно, шрам на металле остается дольше, чем на живом существе, но я буду поворачивать его назад, под затылок, где это меньше заметно.

Сухмет снова стал совсем обычным старичком, только подвижным и смешливым больше, чем остальные. Он поднялся на ноги, причем колени его отчетливо хрустнули. У Лотара сложилось впечатление, что он сделал это нарочно. Потом старый раб подошел к кожаной сумке Лотара, достал оттуда благословенную флягу, посадил Желтоголового к камню и поднес упоительно сырую горловину к его губам.

— Я сам.

— Ты еще не сможешь.

Лотар попробовал поднять руку и убедился, что старик прав. Обхватить флягу целиком ему не удалось бы ни за какую воду.

— Почему-то здесь очень трудно собирать силы.

Сухмет кивнул, влил несколько очень приятных, несмотря на медный привкус, глотков воды Лотару в глотку и передал флягу Рубосу. Лотар в изнеможении откинулся на камень и попробовал держать голову прямо.

— Сколько времени мы спали? Я должен уже давно быть в форме...

Как ни слаб был Лотар, а он все же почувствовал, как Сухмет, едва пригубив после Рубоса флягу и тут же сунув ее обратно в сумку, послал вверх очень тонкий, почти неосязаемый, но чрезвычайно упругий луч внимания. Почти тотчас, еще Сухмет не произнес ни слова, Лотару стало ясно, что на поверхности больше трех часов пополудни. Они спали часов двенадцать или даже больше.

— Скорее тринадцать, мой господин.

— Почему я не восстановился?

— И я тоже чувствую себя как побитая собака, а ведь раны только поверхностные. Так, не раны, а порезы, — добавил Рубос.

Лотар перевел темновой взгляд на мирамца и только теперь увидел, что от его белой некогда рубашки остались одни клочья, а все, что удалось Сухмету из нее накроить, превратилось в бинты, которые перетянули мощные, литые мускулы Рубоса.

— Раны у тебя, господин, вполне боевые, порезами я бы их не назвал, потому что их немало.

Рубос насупился, ему не понравилось, что раны как бы ставят под сомнение его воинское искусство. Он все-таки «слишком» человек, подумал Лотар.

— Но почему тринадцать часов сна здесь значат меньше, чем пара часов на поверхности?

— На поверхности, мой господин, твоя энергия восполняется из космоса, из таинственной ауры растений, которую еще никто не сумел обратить себе на службу, но которая включает почти весь мировой запас живительной силы, и из мельчайших рассеянных частиц, которые ты сам или другие люди оставляют на предметах. На поверхности ты купаешься в океане энергии. А тут попал в очень чистую среду. Тебе неоткуда брать силу, кроме как производить ее самому. Чтобы научиться этому, отшельники всех народов уходят в пещеры... Восстанавливаться здесь придется очень долго.

— А нам-то как раз убежать нужно, — сказал Рубос. — Ведь те, кто остался в Ашмилоне, вряд ли простят нам...

— С ними мы больше не столкнемся. У них полно и своих забот.

— Но Нуримана мы все-таки изгнали?

Лотару настолько непривычно было чувствовать рядом кого-то, кто был сильнее и понимал этот мир точнее и лучше, что недавние их приключения показались ему какими-то нереальными. По крайней мере, переспросить об исходе событий было нелишним.

— Конечно, господин мой. — Зубы Сухмета засверкали в беззвучной улыбке даже в темноте. — И что бы там ни ввали дворцовые летописцы, в памяти простых людей вы оба останетесь как спасители порядка и защитники жизни.

— Так в летописях будет написано? — изумился Рубос.

— Наоборот, — сухо ответил Лотар. — В летописях, скорее всего, мы будем двумя головорезами, но это и не важно. — Он пошевелил рукой, которую прижимал к отбитому боку, чтобы его не очень зажимал чересчур острый и твердый камень. — Сколько времени я буду тут восстанавливаться?

Старый раб покрутил головой.

— Не знаю, здесь я ни в чем не уверен. — Он задумался. — Самое скверное, что ты не обучен производить энергию, а привык брать ее почти готовой. Так что будет совсем неплохо, если ты тут научишься жить в меру своих сил. Это, знаешь ли, нелишнее умение.

— Не сейчас. Когда мы будем далеко от Ашмилоны, я, если ты считаешь, что это необходимо, научусь производить энергию без подпиток... в какой-нибудь другой пещере.

— Да и я бы хотел поскорее попасть туда, где светит солнышко, — добавил Рубос.

Сухмет вздохнул. Посидел, потер руки, которые зашуршали в темноте, как шкурки двух змей, трущихся друг о друга.

— И все-таки, боюсь, совсем без этого не обойтись. Я просто не в силах вырабатывать столько энергии, чтобы подпитывать вас обоих. А идти нам долго, и не везде будет так чисто и спокойно, как здесь.

Это повернуло вялые, ватные мысли Лотара к новой теме.

— Кстати, а выход отсюда можно найти?

Сухмет пожал плечами.

— Выход из подземелья должен быть. Просто он лежит, вероятно, очень далеко, и его нелегко почувствовать.

— А ты сумеешь его определить?

— Я тоже устал, но, как только соберусь с силами, конечно, сделаю это, господин мой.

— А пища, а вода? — спросил Рубос. — И еще тепло? Я так просто замерзаю. Вообще, сколько мы здесь пробудем?

Теперь и Лотар почувствовал, что свежий и чистый воздух, которым он до этого с удовольствием дышал, холодноват.

— Еду и воду мы, может быть, сумеем добыть, если спустимся к подземному озеру. А греться придется движением.

Лотар внезапно вспомнил, что дыра в полу дворцового перехода притягивала его так же, как в начале этой игры что-то вело в духан, где он встретил Рубоса, и так же, как еще много раз что-то определяло его поступки.

— Скажи, Сухмет, в какой момент ты решил служить мне?

— Как только увидел, — без раздумья ответил старик.

— А до этого ты ни разу не пробовал повлиять на мои поступки или следить за нашими с Рубосом действиями?

Сухмет мотнул головой и твердо произнес:

— Нет.

— А что заставило тебя перейти на другую сторону? — спросил Рубос.

— На это очень непросто ответить. Думаю, со временем ты и сам поймешь, почему я выбрал себе этого господина.

— Но если ты не ответишь, — настаивал Рубос, — я не смогу тебе доверять.

— Думаю, ты уже доверяешь мне, и никакие объяснения не заставят доверять больше.

Рубос крикнул и отвернулся.

Неожиданно Лотар понял, что Сухмет прав, опять, уже в который раз. Они оказались здесь не просто потому, что это был единственный путь бегства от орды конадовских вояк. Ему еще что-то предстояло. А это значит...

— Хорошо, Сухмет, ты победил. Гораздо важнее, чем что-то другое, научиться восстанавливать силы, чтобы в любой миг быть готовым к бою, — сказал Лотар. — Покажи, как это делается.

Сухмет проворно вскочил на ноги, как гуттаперчевый, склонился в замысловатом поклоне.

— Я знал, господин мой, что ты согласишься. А делается это так...

К вечеру того же дня Лотар и даже Рубос поняли, что подразумевал Сухмет, когда настаивал на умении вырабатывать энергию

для себя. На самом деле это оказалось не очень сложно, когда этот трюк начинал хоть немного получаться. Но прежде чем возникло обманчивое впечатление, что это было всегда знакомо и просто непонятно, как они раньше до этого не додумались, пришлось немалое потрудиться.

— Такова участь многих истин и истинных умений, — улыбнулся Сухмет. — Они кажутся естественными, как только человек постигнет их.

— Интересно, вся ваша магия такая же? — спросил Рубос. Его совершенно сразило, что он тоже способен усвоить этот прием.

— То, чему ты научился, не совсем магия, это элемент старинного боевого искусства, которое создано людьми и для людей.

— Если все так просто, — спросил Лотар, — почему же я не выработал знание этого мастерства?

Сухмет осторожно провел ладонью надо лбом Лотара.

— Ну, до полного освоения этой психопрактики, мой господин, тебе еще далеко, какой бы простой она тебе сейчас ни казалась. А по существу... Во-первых, в этом не было необходимости, ты пользовался энергией, которую забирал у других. Возможно, это каким-то образом определено твоей драконьей природой. — Старик поднял обе руки, упреждая ответ Лотара, но все-таки опоздал.

— Я человек. Я доказал это тем, что бился...

— Доказательство, о котором ты говоришь и которое кажется тебе уже достигнутым, вообще невозможно. Вернее, невозможно окончательное доказательство, тебе каждый раз придется обновлять его, словно ты делаешь это впервые, господин мой. — Он помолчал. — Но я не о том. Я о драконьем характере всего, что есть человек, и о весьма человеческом качестве, которое есть в драконе, — его неспособности жить без огромного числа других существ, поддерживающих его жизнь.

— Ты говоришь о всеядности? — спросил Рубос.

— Мир несколько сложнее, чем передача химических элементов тела.

Лотар стал что-то понимать.

— Поэтому дракона можно создать из человека?

— Да, это качество — венчать пирамиду многих, почти всех живых существ, потребляющих и пользующихся силой друг друга, — делает человека едва ли не единственным материалом для создания дракона — верховного творения разрушающей части природы.

Рубос вдруг совершенно по-детски всплеснул руками.

— Но ведь Гханаши напортачил, Лотар не стал драконом. Колдун что-то сделал неправильно, иначе не погиб бы!

— Мне тоже кажется, что он ошибся, господин. Он не учел очень многого, что разнит человека и дракона. — Сухмет пожевал губами, подумал. — Вероятно, он слишком долго работал с очень грубым материалом и забыл, что благородные качества человеческой души должны быть стерты прежде, чем он начнет подчинять ее для колдовских эволюций. Он поторопился или обманул

себя мнимым всесилием... Такое случается и с более могучими магами, чем жалкий мальчишка Гханаши.

— Ты считаешь его мальчишкой? — удивленно переспросил Лотар. — Какова же тогда твоя сила?

— Жалким мальчишкой, мой господин, — поправил его Сухмет. — Я имею на это право, потому что прекрасно помню, каким он был, когда только появился при восточном диване... Впрочем, он уже тогда был более необуздан, чем силен, более груб, чем решителен, и, конечно, более самолюбив, чем трудоспособен.

— Ты не ответил на мой второй вопрос.

— Я не считаю себя сильным, мой господин. Поэтому, надеюсь, сила моя растет.

Помолчали.

— А все-таки, что конкретно не учел Гханаши, когда пытался обратить меня в зверя?

Сухмет так странно блеснул глазами, что даже Рубос вздрогнул. Он смотрел на Лотара, и от его взгляда хотелось закрыться, как от слишком близкого и жаркого огня.

— Мне кажется, он не воспринял чистое, почти совершенное качество твоей кармы. У тебя, мой господин, была душа праведника, возможно даже, Учителя. — Сухмет молитвенно сложил руки. — Конечно, не Гханаши было сломить труд твоих прошлых инкарнаций.

Лотар вслушался в тишину подземелья. Сердце его тоскливо сжалось.

— Ты сказал — была?

— Да. — Сухмет вздохнул. — Теперь, конечно, все иначе.

Лотар вспомнил Периака Среброусого, его предупреждение.

— Значит, действительно есть что-то, что хуже смерти? — Сухмет не отвечал. — Он сделал это для того, чтобы я служил ему. Он разрушил то, что было моим, не спрашивая, не обратив внимания даже на судьбу.

Гнев, только гнев теперь вызывала у Лотара мысль о том, что он был отброшен назад на многие перерождения и теперь должен снова начинать восхождение, побывав так близко к вершине. И хотя голос его звучал спокойно, он понял, что теперь не будет ему ни в сердце, ни в мыслях спокойствия, если он не станет биться с тем злом, которое так просто испортило ему все, что он собирал многими и многими своими стараниями.

— Мысль о мести, мой господин, говорит, что ты стал иным. Мести не должно быть в твоём сердце, хотя она уже почти ничего не изменит.

— Все настолько плохо? — невесело спросил Рубос.

Молчание показалось Лотару бесконечным. Он попробовал сесть прямо. Спина и руки заныли, когда в них стало восстанавливаться кровообращение.

— Если я решусь на это, Сухмет, это не будет мстью. Я просто буду защищать тех, кому уготована та же роль безвольной игрушки, какую пытался предопределить для меня Гханаши. И кому, как не мне, сделать это, если я все равно ничего уже не теряю.

Сухмет понял, какую клятву сейчас давал Лотар.

— Все не так просто, мой господин. Если это произошло с тобой, значит, так было предопределено. Закон Кармы один для всех, его невозможно изменить или обойти...

Лотар горько рассмеялся.

— Значит, тебе не в чем меня упрекнуть. Если я стану тем, что подсказывает мне моя судьба, значит, я буду всего лишь следовать своей карме.

— Закон Кармы — не отговорка для ленивых духом или... Прошу простить меня, господин. Я не должен был так говорить.

Хорошо, подумал Лотар, что теперь он знает это. Старик оказал ему бесценную услугу. Теперь он будет готов... К чему? Он не знал, но его решимость, когда нужно, будет тверже.

— Послушай, а откуда ты знаешь, что со мной произошло? Я тебе ничего не рассказывал...

— Ты не раз впускал меня в свое сознание. Чтобы вернее помочь тебе, я прочитал многое из твоего прошлого, причем яснее, чем ты способен рассказать.

Лотар попробовал вникнуть в выражение лица Сухмета, но не смог. Долгий и сложный разговор почти лишил его тех сил, которые он набирал весь день.

— Хорошо. Тогда так, Сухмет, попробуй найти спуск к озеру. А ты, Рубос, как и я, восстанавливайся, как это ни трудно. Почему-то мне кажется, сейчас это самое главное.

Глава 24

Спуск к подземной реке Сухмет увидел внутренним зрением, когда уже готов был признать, что не может это сделать. Он рассказал Лотару о тех сложных, тяжелых, опасных переходах, которые им предстоит, тот решил, что на это не стоит тратить ни силы, ни время.

Как оказалось, Сухмет сунул в сумку несколько лепешек, когда собирал вещи в зале, так что даже голод им не грозил в ближайшие дни, хотя воды было мало. Настолько мало, что хочешь не хочешь, а пришлось отправляться в путь, когда и раны Рубоса не подзажили, и Лотар толком не мог двигаться самостоятельно, и — самое главное — Сухмет еще не мог уверенно сказать, что знает, где находится выход. Он лишь чувствовал направление, где земли над их головами должно стать меньше.

— Я бы предпочел, чтобы ты твердо знал, где нам выползти на поверхность, — пробурчал Рубос по этому поводу.

— Я смогу найти выход, господин, не сомневайся. Когда подойдем ближе, станет виднее.

Лотар старался не комментировать действия старого раба. Его поразило, как технично Сухмет вошел в состояние глубокого, но абсолютно контролируемого транса, насколько легко выделил из себя легчайшую субстанцию внимания и провел ее в считанные часы почти по всему подземелью и как быстро он пришел в себя

после этого трюка. Даже Лотару потребовалось бы после этого не один день лечиться, как после тяжелой раны. Лотар молчал, потому что его впервые за последние недели стало одолевает сомнение в своем совершенстве.

Они почти не разговаривали несколько часов. Наконец Рубос, а за ним и Лотар просто повалились на каменный пол в какой-то сухой пещерке. Тогда Сухмет достал из сумки и разломил на неравные части лепешку. Себе он взял значительно меньше, чем дал Лотару, а тому — меньше, чем Рубосу. Неодинаково они разделили и воду, с той разницей, что Лотару досталось больше всех.

— Много еще осталось? — спросил Рубос, пытаясь поудобнее устроиться на россыпи камней, на которой даже его дубленый зад чувствовал себя не очень удобно.

— Мы не прошли и трети дневного перехода, господин.

— И много у тебя в запасе таких дневных переходов?

— Четыре.

Рубос вздохнул.

— Придется еще попотеть сегодня. Двенадцать дней мы здесь не продержимся.

— Да, не очень-то мы легки на ногу в этом лабиринте.

— Это все из-за моей слепоты, — проворчал Рубос. Чувствовалось, он уже давно собирается это сказать. — Вот если бы Сухмет снова дал мне эту повязку на лоб, я бы прибавил...

— Нет, господин, это невозможно. Ты только-только сталправляться, а повязка будет тянуть из тебя силы. Ты можешь оказаться не готовым, когда ее действительно придется повязать.

— Что ты имеешь в виду? В этой темноте никого и ничего быть не может.

— Это как раз неизвестно, — чуть слышно ответил Сухмет.

— Просто Сухмет понял, что я думаю об этом уже несколько часов. — произнес Лотар, хотя ему вовсе не хотелось раскрывать рот.

— И ты тоже? И чего же ты ждешь, продолжения?

Лотар провел рукой по горлу. Хотелось пить. Кроме того, он стал очень плохо ощущать мир, залитый солнцем и радующийся жизни высоко вверх, за бесконечным сводом земли над головой. Вероятно, он устал от того приема, который Сухмет показал им для восстановления энергии и который Лотар пытался практиковать все время, пока они шли.

— Я буду рад, если все действительно окажется завершенным.

Рубос покрутил головой, то ли не соглашаясь, то ли страхивая пыль с волос.

— А мне кажется, уже ничего просто быть не может.

Они посидели еще немного. Лотар поправил ремни на груди и встал, покачиваясь, горбясь под низким и угрожающим потолком. Это было сигналом. Рубос тоже стал подниматься и сделал это довольно легко — его мысли приняли новое направление. Теперь он почти не ощущал ни темноты вокруг, ни неверной дороги под ногами, ни усталости от чрезмерных и ненужных напряжений в своем большом теле.

— Нет, все-таки, что там ни напишут ашмилонские борзописцы, а дело было славным, — сказал он шепотом, который пролетел по коридору, как острый удар копья.

Лотар, неожиданно для себя, тоже усмехнулся. После этого оба наемника с удовольствием расхохотались.

— Только мне не все понятно. Вот ты, Сухмет, могучий волшебник, но и притворщик каких поискать. Почему ты сразу не положил всю рать Конада, если это стоило тебе только взмаха руки?

— Это стоило мне не взмаха руки, господин. И в этом не было нужды, пока в башню вползала лишь пара дюжин не очень обученных гурхорцев. Вот когда они отрезали путь наверх, а господин мой решил, куда следует отступать, тогда это было к месту.

— А что, собственно, «это»? — включился и Лотар. — Я вот тоже не понял, что ты сделал там, в зале. Ты все что угодно можешь вот так взорвать, как вулкан?

Сухмет издал странный звук, в котором слились и известная толика самодовольства, и досада мастера на зрителей, которые так и не оценили истинного совершенства.

— Нет, конечно. Я долго прослужил у одного из забытых ныне волшебников, у которого была только одна страсть — он изучал всевозможные способы возжигания огня и достиг в этом совершенства. Я тоже кое-чему у него научился.

— Ничего себе «кое-чему», — пробурчал Рубос.

— Уверяю тебя, господин, я владею лишь малой частью подлинного мастерства. Когда стало ясно, что мы долго в том зале не продержимся, я вдруг вспомнил, что эти шары на подставках являются магическими лампами, содержащими остатки зеленой пирогранной земли, открытой еще...

— Ты попонятнее говори, — напомнил Рубос.

— Ну, в общем, это такой состав, который может испаряться несколько сот лет и гореть холодным, но исключительно ярким пламенем. Вы видели его сами, так что можете судить.

— Надо признаться, огонь этих ламп не очень красив, — подал голос Лотар.

— Это просто потому, что земли в сосудах осталось немного.

— Нет, погоди. Ты хочешь сказать, что вот эти медные шарики в два моих кулака могут гореть день и ночь семьсот лет или даже больше?

— Почему семьсот? — удивился Сухмет.

— Блех сказал, что башню замуровали семьсот лет назад, — пояснил Лотар. — А когда мы вошли, все лампы до единой горели.

— Вот в чем дело... Нет, конечно. Семьсот лет они не горели. Принцесса зажгла их пять лет назад, когда искала убежище для Нуримана.

— Стоп, — сказал Лотар и тут же воткнулся носом в спину Рубоса, замершего как скала. — Я имел в виду, что теперь уже мне не все стало понятно...

— А-а, я-то подумал, ты что-то услышал.

Они пошли снова.

- Чего ты не понимаешь, господин мой?
- Ты что же, с самого начала знал, что главную опасность во дворце представляет принцесса?
- Конечно.
- Несколько шагов они прошли в молчании.
- Так ты и про Нуримана все время знал?
- Меня купили вместе с ним, как же я мог не знать про него?
- Так, значит, это ты готовил его для набегов на город? — пророкотал Рубос.
- Я раб, я поддерживал его жизнеспособность. Такие демоны на самом деле очень уязвимы. Лишившись надлежащего ухода, они обычно оставляют наш мир и уходят в свои измерения...
- Я не о том. На тебе есть частица вины за всех погибших.
- Не будешь же ты, господин, винить слугу на псарне за то, что его сворой король травит непослушных подданных? Выбор дичи — не мое дело. Я лишь держу псов и забочусь, чтобы они были к определенному времени в хорошей форме.
- Вообще-то псы и такое исчадие ада — не одно и то же. Псы годны и на что-то хорошее. А это...
- Нет, господин. С помощью демонов, подобных Нуриману, Харисмус много веков назад за считанные месяцы очистил леса Северного континента и сделал их пригодными для людей.
- Но потом-то он, наверное, вернул их обратно, туда, где они постоянно живут? — спросил Рубос.
- Сухмет не отвечал. Лотар почти физически почувствовал, что внимание старика теперь направлено на него.
- Ладно, с этим понятно, — сказал он. — Знаешь. Сухмет, у тебя очень непростое понятие о морали. Похоже, ты разделяешь предмет и его действие. Или даже злодея и его возможности.
- Сухмет повернулся, поклонился и снова зашагал вперед как ни в чем не бывало. Он знал, что Лотар видит его.
- Иначе я не смог бы заниматься магией.
- Пожалуй, — согласился Лотар. — Вот тебя купили с Нуриманом вместе. Наверное, твой прежний господин был малопривлекательным типом?
- Я очень устал от него, — просто сказал старый раб.
- И всего-то?
- Это главное, что я могу про него сказать.
- Как его звали?
- Почему «звали»? Его зовут среди людей, как и всегда, — Нахабом.

Теперь Лотар остановился одновременно с Рубосом. Они некоторое время даже не дышали, услышав это имя. Нахаб — этим существом пугали детей и проклинали на вечные времена. Его именем творились самые ужасные преступления, какие только могли вообразить себе люди. Это было имя соперника самого Демургы, имя покровителя всей мировой боли, скорби и отчаяния. Он был всемогущ и всеисущ, почти как Бог. Он был самым дыханием мирового зла, поддерживающего в равновесии баланс мироздания.

— Так он существует? — одними губами прошептал Лотар.
— Существует. И даже, как мне показалось, когда-то был человеком.

— Почему же он стал таким? — спросил Рубос.

— Каким «таким»? — Но Рубос промолчал, лишь звякнул мечом по чешуйчатой броне на плече и тяжело, с трудом пошагал дальше. — Наверное, так было предначертано.

— Ты его видел? — спросил Лотар. — Какой он? Впрочем, не нужно...

Лотар разрывался между странным желанием узнать, кем и каким был Нахаб, и предчувствием, что, узнав слишком много, он подпустит его так близко, что им придется столкнуться. Исход этого поединка у Лотара, например, не вызывал даже сомнения. Биться с богоравными повелителями мирового зла он не мог, он не стал бы даже вытаскивать Гвинед из ножен. Драконий Оборотень был бы обречен еще до того, как сама мысль о таком поединке пришла бы ему в голову.

— Я его видел, — произнес Сухмет, а потом замолчал.

Прошло немало времени, пока Рубос вдруг не спросил его:

— Итак, ты можешь взрывать остатки какой-то там зеленой земли в волшебных лампах. Но почему сначала они взорвались фонтаном искр, а потом таким горячим шлейфом и почти без искр?

— Магические лампы на самом деле подразумевают разные способы сгорания. Это дрова могут гореть только одним способом, да и то еще можно экспериментировать, как сказал бы Илизар. Я использовал это качество, и, по-моему, удачно.

— По-моему, тоже, — серьезно кивнул головой Рубос. — Но тогда я не понимаю, как ты взорвал скалы на выходе пещеры в ту яму. Там-то не было ничего горючего...

— Почему не было? — удивился Сухмет. — Помимо лепешек, я сунул в сумку пару этих ламп, предварительно погасив и остудив их. Они могут быть использованы гораздо разнообразней, чем ты себе представляешь.

Рубос вдруг очень оживился.

— А еще такой лампы у тебя нет? Мы бы зажгли ее и...

— Нет. Я взорвал обе, иначе пещера не обрушилась бы.

— Жаль.

Разговор иссяк окончательно. Они шли и шли, пригибались, проползали на коленях под очень низкими сводами, иногда стукались то плечами, то головой о камни, и тогда ругательство срывалось с их губ. Через несколько часов и ругаться сил у них уже не осталось, лишь стон подсказывал, что удар вызывал у них какие-то ощущения. А скоро, наверное, наступит время, когда и стонать будет слишком трудно, подумал Лотар.

Наверное, так и случилось бы, потому что даже Сухмет стал двигаться медленнее. Он постепенно усваивал тот урок, что излишняя живость, когда усталость берет верх, приводит тут к лишним синякам и шишкам.

Они шли и шли, когда им стало казаться, что идти уже невозможно, что вокруг одна сплошная, непроницаемая, зло жалящая ударами твердая стена и темнота, стена и темнота, стена и... Ло-

тар вдруг понял, что теряет ощущение верха и низа. Камни резко поднялись ему навстречу, и он упал всем телом на что-то острое и неколебимое, как Звездная башня.

— Господин мой. — Он увидел над собой лицо Сухмета. Даже в глазах старого раба появилось страдальческое выражение.

Боль куда-то ушла. словно ее высосали тонкой трубочкой, как при операциях специальные рабы отсасывают лишнюю кровь, чтобы хирург мог спасти воина... Откуда он это знает и почему воина, а не рожающую женщину, например? И почему он уверен, что боль его перетекает Сухмету? Зачем старику это, почему он так помогает ему? Еще день назад они даже не знали друг друга...

Лотар успокоился. Он почувствовал, что напряжение, съдавшее у него последние силы, вдруг ушло. Он стал уверенным в себе, и уверенность эту теперь трудно было нарушить.

До него, как сквозь очень толстую стену, доносились голоса людей, отдававшиеся близким, сырым эхом. Он раздраженно подумал, что лучше бы им помолчать, они отвлекали его от чего-то очень важного. Вот опять голос, теперь уже другой, незнакомый какой-то...

— Это кризис, — говорил между тем Сухмет. — Или сейчас он откроет свои собственные тайники силы, или умрет, как это ни странно.

— Тебя это, кажется, нисколько не тревожит? — Рубос весь горел острой и беспричинной враждой.

Старик удивился.

— Очень тревожит. Он мой господин, как я могу не бояться за его жизнь?

— Тогда сделай что-нибудь!

— Я делаю все, что в моих силах. — Сухмет провел рукой по лбу, борясь с болью. — Помогаю ему так, что еще чуть-чуть — и я умру раньше него.

Рубос крикнул, поднялся на подгибающиеся ноги и отошел. Но усидеть в стороне долго не мог. Не прошло и пары минут, как он снова на ощупь нашел Лотара, который дышал так часто и громко, что ошибиться было невозможно — его друг погибал.

Он умирал, как под водой погибает от удушья пловец, который не может вдохнуть живительного воздуха, как в острой магии погибает незащищенный или слишком доверчивый человек. как он сам без воды уже один раз погибал в пустыне. Он даже не ощущал, что умирает, только удивлялся, что остается спокойным, и радовался тому, что рядом Сухмет, который облегчил ему смертную муку, что не нужно куда-то идти и что ему почти не хочется пить.

Глава 25

Слух у него обострился настолько, что он слышал легко ссыпающуюся на какой-то плоский камень бесконечную струю песка. Если бы он не боролся, этот звук оглушил бы его и пришлось бы искать место поспокойней. То есть нужно было бы вставать, куда-то идти, прислушиваться, снова ложиться на но-

вом месте. А ведь он куда-то шел, и совсем недавно. Лотар стал вспоминать и вспомнил если не все, то очень многое. Хорошо, что он был не один. Но по-прежнему ли он не один? Может быть, друзья уже умерли? Он должен подняться, чтобы посмотреть, что с ними стало.

Он открыл глаза и поразился, насколько свежей и привлекательной выглядела эта унылая пещера. Он и не знал, что его зрение, которое в темноте обесцвечивалось, становилось невыразительным, как у примитивной мухи, вдруг примется разрисовывать мир в выдуманные краски, в несуществующие полутона, в размытые, множащиеся контуры, чтобы он любовался им так, словно начал жить заново.

Он рассмеялся, не понимая, почему это произошло и как. Вернее, это было лишь свидетельством чего-то, что произошло с ним немного раньше, когда он спал. Он прислушался к себе. Вероятно, это можно было назвать теплой радостью, возникшей в груди на том месте, где раньше был комок ледяного холода. И он медленно, почти без усилия стал наполняться невероятно приятным чувством силы, энергии, непобедимости.

Вдруг над ним появилось лицо с карими глазами. Он присмотрелся, чтобы понять, кто это. Оказалось — Сухмет. Он не ушел, не умер, он дождался его, Лотара.

— Слава Кроссу, покровителю всех бедных и стремящихся к простоте, — прошептал старик.

Голос его прозвучал непривычно. Лотар повторил про себя эту фразу и лишь тогда понял, что старый раб говорил на языке Северного континента, от которого родные языки Лотара и Рубоса не очень отличались. Только он произносил некоторые слова не так, как привык с детства слышать их Лотар.

Потом рядом зашевелилось что-то очень большое. Но в нем было мало силы, Лотар даже пожалел его, настолько оно было бессильно. И тогда стало ясно, что это Рубос.

— Он очнулся, значит, не умрет?

Гигант уже ни в чем не был уверен. Сухмет кивнул, потом вспомнил, что мирамец не видит в темноте, прибавил:

— Он будет жить.

— Дайте мне воды, — попросил Лотар. Что же, голос у него звучал вполне решительно.

Вода была восхитительной. Только ее оказалось слишком мало. После чего Сухмет дал флягу на пару глотков Рубосу и сам смочил губы, завинтил ее и произнес вслух то, что, вероятно, теперь подумали они оба:

— Теперь, во всяком случае, мы сможем его нести.

Лотар внутренне усмехнулся. Они, кажется, еще не ощущали его растущей силы. Как бы он сам их обоих не понес с этим-то избытком энергии, способным, кажется, раздвинуть даже стены вокруг и вынести их на поверхность, как из глубины морей всплывают иные невиданные рыбы.

Они говорили о пути. Лотар мгновенно сосредоточился и послал вперед тонкий бледно-розовый прут своего исследующего

внимания. Он пронесся по нескольким коридорам, раза два уперся в тупики — не забыть бы сказать о них Сухмету! — и вдруг вылетел на довольно хорошо ухоженную дорогу... Что за дорога может пролегать на глубине сотни саженей под землей? Лотар попробовал осмотреться вокруг более внимательно, но не сумел ни остановиться, ни сосредоточиться на деталях. Поэтому так и не понял, что к чему.

Вот огромный зал с удивительным сводчатым потолком, словно бы чьи-то руки потрудились здесь, придавая ему радующую сердце и глаз симметрию. Потом путь стал уже, дорога снова стала едва проходимой, но она неизбежно вела к свободе, к свету и теплу. Лотар улыбнулся, все было правильно. Он оборвал поиск и вернулся в себя.

Сухмет смотрел на него, широко раскрыв глаза.

— Никогда не думал, мой господин, что ты способен на это.

— А что он сделал? — спросил Рубос. — Если ты думаешь, что он готов умереть, то ты ошибаешься. Мы с ним еще...

Но Лотар был слишком взволнован, чтобы дожидаться, пока мирамец поймет, что к чему. Он спросил:

— Ты заметил в том сводчатом зале что-то темное в стороне? Мне показалось... показалось, это ждет нас.

Фраза прозвучала как вопрос. Сухмет потер подбородок, на котором выступила жесткая, редкая щетина.

— Что бы там ни было, постарайся поскорее восстановиться, мой господин.

Лотар блаженно улыбнулся и закрыл глаза.

— Уже скоро, совсем скоро. Потерпите, только не нужно нести меня.

Не договорив, он уснул снова, так и не попытавшись подняться на ноги. А когда проснулся, то был готов к пути.

Ни Рубос, ни Сухмет не спали, они ждали его. Оба сидели в сторонке, и старик чему-то учил мирамца. Лотар подивился, насколько успешным было ученье его друзей, — Рубос уже мог залечить небольшую рану и видеть в темноте. Но одновременно он сочувствовал мирамцу, потому что большую часть умений и мастерства человек по имени Рубос, скорее всего, никогда так и не постигнет.

Лотар беззвучно подошел к ним.

— Надеюсь, я не проспал обед? — спросил он.

Оба вздрогнули. Они были раздосадованы, но и довольны, потому что кончилось долгое ожидание.

Они сжевали по куску сухой, как пустыня, лепешки и тронулись в путь. Оказалось, они провели на этом месте лишь чуть больше суток. И воды у них оставалось суток на двое. Если принять вариант пути Сухмета, а теперь Лотар был почти уверен, что он правильный, они лишь последний, третий день не будут пить. Это пустяки. Правда, неизвестно, что их поджидает на поверхности, но это было уже из проблем по ту сторону горизонта — их следовало решать, когда будет сделано то, что надлежит сделать сейчас.

Лотар прекрасно продержался до первого привала, а потом сумел дотянуть и до ночного. Рубос к тому времени вымотался совершенно. Похоже, умение немного видеть в темноте подвело его, он переусердствовал и быстро скис.

Расположившись на мелких, похожих на округлую морскую гальку камешках, Лотар сжевал свой кусок лепешки и посмотрел в низкий потолок. Тело ныло, как бывает после чересчур напряженных тренировок, но это было хорошо, ибо предвещало, что завтра он будет сильнее, чем сегодня. Цветная аура, которая возникала вокруг каждого предмета, исчезла. Она была вызвана избытком энергии, неожиданно открывшейся в глубине его человеческой и, может быть, звериной, а не драконьей, сущности. Сейчас Лотар был рад, что так все получилось. Голова была ясной, как весеннее небо. Он улыбнулся, он теперь очень часто улыбался и ничего не мог с этим поделать — он выздоравливал.

— Сухмет, — позвал он, — а почему ты не выбрал себе госпожой принцессу?

— Она заносчива, мы не совпадаем характерами. Кроме того, хоть я и был рабом Нахаба, мне не нравилось многое из того, что она... — Он помолчал и добавил: — Собственно, не нравилось все, что она делала.

— Но ведь Нахаб гораздо больший злодей, — подал голос Рубос. Оказывается, он тоже был не прочь поболтать.

— Все несколько сложнее.

— Не понимаю. Нахаб пытается установить зло по всем землям, известным людям, а Мицар — только в Ашмилоне. Казалось бы, даже проводить сравнение невозможно.

Сухмет вздохнул.

— Он не одно зло имеет в виду, когда пытается где-то установить свое господство. Когда-нибудь, господин мой, я расскажу тебе все, что знаю сам, и ты поймешь...

Дальше Лотар не услышал, потому что глубоко внутри, но с удивительной ясностью осознал, что он и в самом деле когда-нибудь поймет, что сейчас хотел сказать Сухмет. И даже, скорее всего, не с его слов. Эта мысль была так сильна и пронзительна, что он вытер пот со лба и усилием воли приказал себе вернуться к тому, что говорит Сухмет. Но тот уже молчал, прислушиваясь, что происходит с Лотаром.

— Я с удовольствием проживу жизнь, не зная Нахаба. Но Мицар, мне показалось, я понял. И хотел бы знать, откуда она такая взялась? Что сделало ее эгоистичной, жестокой, до такой степени умеющей не считаться даже со своими близкими?

— Так было предначертано, господин мой. Когда ее мать похитили...

— Ага, значит, это имеет какое-то отношение к нашей истории? — азартно воскликнул Рубос и перевернулся на бок, чтобы получше слышать.

— Конечно. Ее мать похитили вовсе не потому, что она сама по себе имела какое-то значение...

— Значит, Мицар не дочь Конада? — чувствовалось, что Рубоса распирает от любопытства.

— Почему? — Сухмет даже позволил себе усмехнуться. — Конечно, она дочь Конада. Будь иначе, король Ашмилоны узнал бы об этом раньше всех, на то у него и служит целый полк колдунов и ведуний.

— Но как же так? Зачем похищать, если ей ничего не сделали?

— Сделали, господин. То и сделали, что у нее могла родиться только Мицар, и никто иной. И такая Мицар, какой она была, со всем, что ей было свойственно. — Сухмет внимательно посмотрел на Рубоса, убедился, что тот понял. — Это на самом деле очень старый трюк — завоевывать противника через его детей. Целые империи создавались таким образом.

— Но почему именно Конад стал объектом нападения? — спросил Лотар.

— Когда-то он был великим воином и немало попортил крови своим врагам.

Лотар перевалился на спину и закрыл глаза. Никогда не жёнусь, подумал он. К этой опасности я не готов. Да и кто может быть готов?

— Значит, ее использовали, а потом вернули Конаду, когда программа была запущена.

— Именно вернули, господин мой. К тому времени Конад был так слаб, что его могли легко погубить, но кто-то решил, что это уже не нужно. Ему оставили жизнь, чтобы он помог взойти звезде Мицар.

— И все-таки что-то у них не вышло, если она стала своевольничать.

— Да. Она была не очень сильной колдуньей, но возомнила о себе невесту что. Я думаю, это издержки дворцового воспитания. — Сухмет тонко, едва заметно улыбнулся. — Она с ранних лет своевольничала. Когда ей послали инструктора — не дурочку, вроде Сушумлы, а настоящего эксперта, она отдала его под Нуримана, и демон полностью сломал его некогда очень высокое искусство. Ты видел его, это был Коринт.

— Кажется, ты жалеешь даже искусство своих врагов, умение, направленное против людей и против тебя?

— Конечно. Я отдаю дань уважения противнику, если он достоин этого. Только так и положено вести себя с врагом.

Рубос зашуршал камешками под собой.

— Телячьи нежности.

— Попробуй, господин, всего лишь кланяться перед боем. И ты увидишь — это лучший способ мобилизовать свои силы и пробивать броню самоуверенности у самого подготовленного врага.

Они помолчали. Лотар уже хотел было заснуть, но Рубос вдруг снова зашевелился.

— А все-таки кто свел нас в том духане? Кто начал эту игру против нас и почему?

Лотар понял, что вопрос этот, скорее всего, обращен к нему.

— Я не уверен, но думаю, это был обыкновенный магический

поводок, который, чтобы я сразу не разобрался, надел на нас кто-то из подручных принцессы. Скорее всего, исполнитель даже не подозревал, ради чего это все делается.

Сухмет опять улыбнулся.

— Они собрались все вместе, все, кому платила Мицар, и работали сообща. Но и их совместной силы не хватало — ты уж очень легко разрывал их приказания. Боюсь, у нее, после того как она отказалась от помощи слуг Нахаба, не осталось ни одного действительно сильного мага.

— Но она знала о моем появлении?

— Наверное, прочитав, что случилось с Гханаши, господин мой.

— И хотела уничтожить меня в отместку за его гибель?

— Нет. Она была слишком самоуверенна, я же говорил — дворцовое воспитание. И полагала, что это поднимет ее авторитет в глазах некоторых колдунов, с чьим мнением она считалась. Ты был целью, которую она сочла для себя достижимой.

— А где они, эти другие колдуны? — спросил Рубос.

— О, они довольно далеко, по человеческим меркам. Кроме того, многие из них никогда и не задумывали чем-то вредить роду человеческому, так что с твоей точки зрения они не более опасны, чем мантикоры на южных островах. — Сухмет развел руками для убедительности, хотя мирамец его не видел. — По крайней мере, господин, до тех пор, пока ты не собрался туда путешествовать.

— А это... Ну, то, что кричало отвратительным голосом над королевским дворцом?

— Птица Сроф, — подсказал другу Лотар.

Сухмет кивнул, показывая, что понял.

— Это было не опасно. Сроф придумали не для боя, а как соглядатая. Она всего лишь мелкий шпион с довольно безобразным голосом. Она хорошо умеет видеть сквозь стены, ну и, конечно, умеет доносить на огромное расстояние, иногда даже между разными мирами.

— А кому она доносила на этот раз?

— Наверное, тем, кто продал принцессе Нуримана.

Рубос повернулся к Лотару.

— Скажи, зачем ты стрелял в нее? Это было не очень разумно — привлекло стражу и вообще...

— Главным образом потому, что предполагал удирать из Ашмилоны по воздуху. Мне казалось, она может помешать мне тащить тебя, именно она — ведь больше летающих врагов, если не считать неисправную крылатую лодку Илисара, в Ашмилоне не было. В общем, я думал, что неразумно оставлять в тылу противника с неизвестными возможностями.

Рубос лег на спину и, похоже, закрыл глаза.

— А почему Конад не пустил нас в Звездную башню?

— Ему приказала Мицар. Она стояла рядом с ним в тот момент и могла контролировать не только его решения, но даже частоту его сердцебиения.

Рубос совсем уж сонным голосом спросил, возможно, о последнем, что его беспокоило:

— А зачем он наслал на нас орду своих головорезов?

— Ты еще спроси, почему они его послушали, — удивился Лотар. Но Сухмет воспринял вопрос Рубоса иначе.

— Очень часто тот, кто кормится магией другого, проникается его силой. Возникает некая форма паразитизма. И как невыносимо острая потеря воспринимается утрата своего господина...

Сухмет неожиданно замолчал. Тогда Рубос вдруг крикнул и рассыпался тяжелым, усталым, но искренним смехом.

— Тебе это хорошо знакомо, верно, Сухмет?

Старик зашевелился, лег, поджал ноги и деланно сонным голосом пробормотал:

— Сон, господин, восстанавливает силы, которых нам сейчас особенно не хватает.

Проснувшись, Лотар почувствовал себя еще лучше, чем вчера. Он был почти так же силен, как обычно. С некоторой опаской он попробовал вытащить Гвинед из ножен и убедился, что это совсем просто.

Воды у них осталось очень мало, но почему-то сейчас их это уже не волновало. Они были вполне готовы обойтись и без воды. Даже Лотар думал об этом без внутреннего содрогания.

Они шли почти весь день. Иногда лениво разговаривали. Но потом путь стал очень тяжелым и было уже не до разговоров. Они ползли по таким узким проходам, что временами Рубосу приходилось снимать свою рубаху, чтобы протиснуться вперед. Один раз пришлось останавливаться и ятаганом мирамца разбивать какой-то пористый камень, перегородивший дорогу так, что даже Сухмет не мог проползти.

Они так увлеклись, что забыли о привале, который обычно делали в середине перехода. Они вспомнили об этом, лишь вывалившись совершенно неожиданно в прекрасный, широкий и такой высокий коридор, что по нему можно было идти даже не пригибая голову.

Лотар смутно припомнил дорогу, которую видел, очнувшись после болезни. Но оказалось, что память, когда пребываешь в том состоянии, способна подвести, и как он ни вспоминал, что же тогда насторожило его, это ни к чему не привело.

Широкий и ровный путь ободрил их. Они стали спокойнее, веселее и немного беспечнее. Они разговаривали громкими голосами, словно уже вышли на поверхность и все опасности остались позади. Они топали по камням, не боясь, что пласт земли рухнет им на головы или впереди окажется тупик и придется возвращаться, чтобы попробовать другой путь у ближайшей развилки.

Неожиданно Рубос произнес, громко цокнув языком:

— Мне кажется или действительно стало светло?

Тогда и Лотар осмотрелся вокруг. Стены, верх, даже камни под ногами были залиты осторожным, вкрадчивым светом, возникающим словно бы из воздуха.

— В самом деле. Это те самые микроорганизмы, что в подземелье Ашмилонского дворца? — спросил он Сухмета.

Но старый раб, который тоже, казалось, только сейчас почувствовал этот свет, с тревогой осматривался по сторонам.

— Здесь не было света, когда я в эфирном теле разведывал этот путь.

— Не было или ты не заметил его? — спросил Рубос.

— Определенно не было.

Лотар сосредоточился, пытаясь вспомнить, что он сам видел тогда.

— Мне почудилось здесь что-то странное, но неопасное. Может быть, это был свет?

— Свет — это хорошо, — сказал Рубос. — Я чувствую, что он совсем не лишний для меня.

Они пошли дальше. Свет стал ярче. Внезапно Лотар услышал звук, к которому уже некоторое время был готов, и даже удивлялся, что его нет, — звон колокольчиков, слышимый только ему одному. Звон был еще еле ощутимым, но настойчивым.

Лотар проверил, как вытаскивается Гвинед из ножен. Рубос перехватил этот жест и большим пальцем левой руки проверил остроту своего ятагана. В этом есть что-то мясницкое, подумал Лотар.

— Сухмет, дай Рубосу свой ремешок.

— Но, господин мой, я не чувствую...

— Не спорь.

Сухмет поспешно выполнил приказ. Пока он повязывал Рубосу эту полоску кожи, Лотар ушел вперед. За ближайшим поворотом он увидел выход из коридора. Он был еще ярче, почти таким, как свет обычного, хотя и пасмурного дня на Северном континенте. Лотар остановился, решив подождать, пока глаза привыкнут к свету после непроглядной темени подземелья, но оказалось, что это не нужно: сила света возрастала в этом лабиринте постепенно, так что глаза не нуждались в привыкании.

Он пошел вперед. Перед выходом из коридора еще раз остановился, проверил, нет ли засады. Нет, он не чувствовал ничего особенного. Лишь свет, упругий, хотя и не настоящий солнечный свет. Лотар и не предполагал раньше, что может воспринимать его как особую, очень насыщенную субстанцию. Сухмет был прав: чтобы правильно воспринимать этот мир, стоило провести некоторое время в пещере.

Он вышел из тоннеля и замер. Вокруг была такая красота, что дух захватывало. Высокие точеные столбы породы, светящейся всеми цветами радуги, уходили в голубое марево, закрывшее потолок этого огромного, почти бесконечного зала. Настоящий каменный лес, с деревьями, кустами, восхитительно яркой голубоватой травой, выросшими из прозрачных или матовых минералов, настоящий лабиринт неповторимой, особенной в каждом образце красоты, неведомой человеческому глазу. Даже колокольчики несколько примолкли.

Сзади зашуршали камешки, это следом за Лотаром вышли Рубос и Сухмет. Мирамец охнул от неожиданности и растерянно опустил меч.

Они ходили от одного дивного творения природы к другому,

расслабленные, размагниченные, словно им была обещана вечная жизнь и не существовало в мире угрозы, которая могла бы вторгнуться сюда.

— Как ни жаль, — сказал наконец Сухмет, — а придется идти дальше.

— Да, — кивнул Лотар. — Где здесь выход?

— В той стороне. — старик махнул куда-то вбок.

Все еще восхищаясь и останавливаясь время от времени перед иными потрясающе красивыми образцами этого собрания каменных чудес, они продвигались в направлении, указанном Сухметом.

Вдруг колокольчики взорвались таким оглушительным боем, что Лотар выхватил Гвинед и сделал поворот на месте, чтобы понять, откуда исходит опасность. Вокруг все было спокойно, и все-таки он знал, что сейчас что-то будет.

Его поведение подействовало и на остальных. Они подошли к нему, а Сухмет так даже повернулся спиной, чтобы видеть, что происходит сзади. Но по-прежнему все было тихо. И самое удивительное, что в этом свете, в его разноцветном сиянии Лотар ничего не мог почувствовать, ничего не мог ощутить.

Они снова зашагали вперед. И вот, когда уже и выход из этого зала темным провалом показался за рядом сиреневых колонн, вдруг что-то ошутимо навалилось на них. Лотар поднял голову и на небольшом уступе, рядом с выходом из зала, увидел что-то темное, похожее еще на одну пещеру. Он напряг зрение, но ничего не мог понять в этом обманном, неверном свете.

— Кто ты? — спросил он. — Отзовись.

Пятно легко слетело со стены и размытой кляксой стало приближаться, сгущая сиреневый свет колонн вокруг себя до фиолетовой темноты.

Тогда Сухмет выбросил вперед обе руки, с кончиков его пальцев сорвалась ломаная линия снимающей заклинания энергии. Она упала на пятно перед ними, и с того словно спала завеса.

Лотар, Рубос и Сухмет задохнулись от изумления.

На них спокойно, почти безжизненно смотрело лицо принцессы Мицар. И на этом прекрасном лице яростно горели, затмевая весь блеск зала, красные, пронизывающие до самых глубин чело-веческой души, демонические глаза Нуримана.

— Вот мы и встретились снова, наемник с севера, — ровно сказала принцесса и раздвинула губы в хищной, ужасающей улыбке. — Ты со своими друзьями пришел вовремя — я и мой повелитель очень голодны.

Глава 26

— Убирайся обратно в ад, чудовище, — прошептал Рубос. Лотар отчетливо слышал дыхание мирамца. — Мы уже убили тебя один раз.

Принцесса, или то, что теперь выглядело как принцесса, рас-

смеялось. Нет, подумал Лотар, это все-таки она. Просто с ней произошла жуткая перемена. Если раньше это была колдунья, которая пряталась под личиной юной девушки, то теперь ей не нужна была никакая видимость, и она уже не колдунья. Она жертва, ужасная жертва ужасающей страсти властвовать безраздельно и бесконечно. Возможно, она и сама не знает, что говорит и что делает. Возможно, она теперь и хотела бы умереть, но и умереть уже не властна, ибо ею повелевает тот, кого она впустила в себя.

Рядом зашелестел своим прекрасным клинком Сухмет. Он клацнул зубами, и Лотар понял, что старик тоже боится. «А ведь и мне нужно бояться, — он слабо усмехнулся. — Еще как нужно!» Кто, как не он, понимает, что нет у него ни сил, ни решимости биться. И что он проиграет бой, если... Нет, ни на помощь, ни на чудо рассчитывать нечего, он мертв еще вернее, чем принцесса Мицар.

Лотар успокоился. Это даже неплохо, подумал он. Пожалуй, последний бой имеет свои преимущества — он впервые будет драться совершенно спокойно, совершенно бесстрастно, без малейшей надежды. Он будет постигать весь бой, каким бы он ни был. Лотар вынес из-за спины Гвинед, он был готов.

Брови Мицар дрогнули. Она столкнулась с чем-то, что ее удивило. Но она была уверена в себе, гораздо более уверена, чем даже тогда, в зале, когда Лотар впервые увидел, с каким противником ему предстоит биться.

— Сухмет, — сказала она, — ты можешь отойти в сторону. Твоя жизнь мне еще не нужна.

Старый раб шумно проглотил слюну, но не сделал ни шага.

— Я выбрал себе нового господина. Ты должна понимать, что это значит.

— Хорошо. — Принцесса наморщила лоб, разглядывая Рубоса. — Ты тоже, большой варвар, можешь идти. Я пропускаю тебя в этот выход из моего зала.

— Она лжет, — громко прошептал Сухмет. — Она рассчитывает вселить в тебя Нуримана, как только расправится с Лотаром.

— Мог бы этого и не говорить, — раздельно произнес Рубос. Он попробовал согреть кисти рук, вращая огромный ятаган перед собой.

У него не очень-то ловко получается, решил Лотар. Усталость, слабость и, конечно, отсутствие тренировки в последние дни. Даже без повязки Сухмета, бывало, он крутил меч лучше, чем сейчас.

— Ну ладно. — спокойно, даже лениво согласилась с новой для нее ситуацией Мицар. — Это немного сложнее, но вообще-то задача остается прежней. И как бы вы ни ерепенились, тебе, Сухмет, придется по-прежнему ухаживать за Нуриманом, а тебе, варвар, — быть для него существом, в котором он совет гнездо.

Лотар снова усмехнулся. Хотя ему и казалось, что он спокоен, ему никак не удавалось подавить эти дурацкие усмешки. Он выступил вперед.

— Ты забыла обо мне, Мицар. Что ждет меня?

— С тобой все просто, Драконий Оборотень. Ты уйдешь в миры, которые населяют самые прекрасные и грозные демоны. Там они быстро разберутся в твоей человеческой сущности, и твоей участи не позавидует даже несчастный Коринт.

— Так плохо мне придется? Неужто моя драконья порода, как сказал однажды Сухмет, не защитит меня?

— Ты слишком недолго был драконом, Желтоголовый.

Лотар подумал, кивнул, выпрямился и встал в прямую боевую стойку.

— За последнее время я узнал о себе много такого, что звучит ужасно, но, по сути, только укрепляет мой дух. Так что я готов, принцесса, начнем.

— Ты слаб, варвар, ты еще не восстановился после Ашмилоны. Тебе еще трудно поднимать этот меч, который, как ни грозно он выглядит, не способен достать меня.

Она мягко присела на точеных, прекрасно различных под полупрозрачной тканью ногах. В самой их постановке безошибочно читался боец, который никогда не теряет равновесия и устойчивости. Мицар вытянула вперед руки с расслабленными ладонями.

Пытаясь рассмотреть Нуримана, Лотар на мгновение перешел на всепроникающее зрение и поразился. Принцесса была совершенным бойцом. Ее сознание было сейчас отключено, она готова работать на одних рефлексах, которые не тормозились ни единственным фактором ее природы, отвлекающим или смягчающим голую, совершенную эффективность. И кроме того, его поразила чудовищная энергонасыщенность этих вытянутых вперед рук, ног, всего идеального тела.

Она могла бы одолеть его даже без Нуримана. А с демоном на плечах вообще неуязвима. Она одна могла сейчас биться против целой армии, и Лотар не сомневался, что она вряд ли получит даже пару царапин при самом неблагоприятном для нее исходе.

Принцесса улыбнулась своей мертвенной улыбкой.

— Правильно, варвар, я готовилась к поединку с тобой. Я так готовилась, что тебе это покажется даже формой уважения. Но сейчас я не жалею.

— Когда она успела? — шепотом спросил сзади Рубос. — Прошло всего лишь несколько дней...

— Она могла уйти в измерения Безвременья, — ответил Сухмет. — Там за эти дни прошли века. На самом деле у нее могло быть море времени.

Принцесса ничего не добавила, лишь кивнула, не переставая улыбаться. Почему-то именно эта улыбка показалась Лотару знаком ее слабости. И тогда он вдруг на мгновение, не больше, но и не меньше, почувствовал, что способен одолеть ее. Он шагнул вперед и быстро начертил Гвинедом в воздухе квадрат, в который принцесса была заключена, как в раму.

— А ты, принцесса, ты чувствуешь холод смерти, который подступает к тебе сейчас? — спросил он. — Что ждет тебя, отравив-

шую свою некогда бессмертную душу враждебной человеку магией? Тебя, впустившую в себя Нуримана, демона, съедающего все, что есть в человеке святого? Тебя, принесшую своим подданным горе, страдания, бесчисленные смерти?.. Тебя уже сейчас проклинают на всех площадях Гурхора, как раньше славили за красоту.

Как ни странно, принцесса дрогнула от его слов.

— Они еще пожалеют обо всем, что говорили обо мне, чужеземец. Когда я вернусь и завоюю себе Ашмилону, они все пожалеют. И Блех, и Илисар, и этот дурак король, который имеет несчастье быть моим отцом.

Вот это и есть самое главное, вот этого знания мне и не хватало, подумал Лотар. Она собирается вернуться. Теперь я хорошо знаю, за что буду биться. И знаю, что проиграть нельзя.

— Ты уверена, что сумеешь вернуться?

— Я вернусь. И все эти собаки, которые были моими подданными, приползут на брюхе облизывать пыль, по которой я ступала.

Теперь гримаса гнева искажала прекрасные черты ее лица.

— Твой гнев подсказывает мне, что ты никогда не увидишь Ашмилоны. И никогда тебе не царствовать среди людей. И никто о тебе больше не вспомнит добрым словом, даже твой отец, который теперь-то отошел от твоей магии и, конечно, более трезво смотрит на все, что произошло с ним. — Лотар подавил внезапную вспышку ярости, он снова становился спокойным, отстраненным бойцом. — Ты навсегда останешься в этом зале.

Принцесса сделала неуловимый жест рукой, и ткань ее одеяния с коротким сухим треском разорвалась от плеча до манжета. Ни у кого Лотар не видел такой резкости и совершенства движений. Принцесса была готова, ей надоело болтать.

Тогда, повинувшись внезапному импульсу, Лотар поклонился церемонным восточным поклоном. Он отдавал этим дань своей сопернице, которая была совершенным воином. Он поклонился не принцессе Мицар даже, а ее силе и, возможно, своей смерти. А смерти-то всегда полезно поклониться, подумал он про себя, снова — в который раз — усмехаясь.

Его усмешка вывела Мицар из себя, и она прыгнула вперед — с места, низко, не выше человеческого торса и почти горизонтально. Никогда раньше Лотар не видел такого прыжка. Да он был и невозможен, никто бы и никогда не смог его повторить.

Удар, которым он попытался встретить ее, пришелся по воздуху, она каким-то образом сложилась, пропустив мимо себя Гвинед. А потом уже оказалось, что она стоит рядом и резко бьет ногой ему в плечо. Этот удар должен был выбить меч у него из рук. Но Лотар только упал на землю и покатился по мелким, светящимся, как самоцветы, камням.

Несколько следующих мгновений Лотар ничего не видел, но, поднявшись на ноги, сразу обнаружил, что она верховым, почти из-за спины, круговым движением бьет Рубоса ногой по голове. Лотар хотел было закричать, но он уже знал, что опоздал. Удар заставил огромного мирамца присесть. Он опустил свой бесполез-

ный ятаган, почти потеряв сознание. Мицар оказалась прямо перед ним и с хищной, ледяной улыбкой молниеносно несколько раз ударила своим крепеньким кулаком ему в лицо. Она знала, что делала. Два удара пришлись сбоку, и мирameц только мотал головой, не в силах сдержать мощь этих атак. А напоследок она хлестко, с большим замахом ударила в прыжке коленом снизу вверх, и Рубос повалился навзничь, раскинув руки, как будто собирался взлететь.

Бесчувственный Рубос еще не упал, а принцесса уже повернулась к Сухмету. Старик тоже пропустил несколько ударов — наверное, из тех, которых Лотар не видел. Из правого глаза по его щеке текла кровь, на правом виске набухла огромная фиолетовая опухоль. Краем сознания Лотар понял, что удар Мицар сломал Сухмету кончик височной кости и сейчас старик испытывает дикую боль. Но он довольно умело выводил боль из своего сознания и готовился биться дальше.

Словно в дурном сне, Лотар увидел, как медленно, словно разом разучившись двигаться, Сухмет поднимает свою роскошную саблю и почти так же медленно опускает ее туда, где принцессы уже не было. А она смеялась, стоя сбоку от старика, почти за его спиной. Неужели она так быстра?

Лотар поднял темп восприятия до предела и почувствовал, что еще немного — и он потеряет контроль над своим телом, не сможет правильно оценить, какие движения следует делать сначала, а какие потом. Он мог сейчас все, но по-прежнему плохо понимал, что и как делает принцесса.

Между тем Сухмет еще пару раз, широко расставив ноги, как пьяный, промахнулся. Мицар заливалась смехом, легко увертывалась от сверкающего круга, который чертила в воздухе сабля старика.

Что-то в ее повадке показалось Лотару очень знакомым. Он даже не стал вмешиваться в этот поединок неуловимой, быстрой как мысль принцессы и оглушенного, почти теряющего сознание старика. Он надеялся, что понимание рисунка боя Мицар, который он сейчас наблюдает, поможет ему... Всего лишь поможет продержаться немного дольше. Потому что победить такого воина Лотар не мог, он сознавал это с ужасающей ясностью.

Принцесса смеялась, и этот смех громким эхом отзывался в призрачном, разноцветном зале. Наконец Лотар понял, что она так же уходит от клинка Сухмета, как уходила от него Освирь, когда он бился с ней. Она неуязвима для стали, она научилась не поддаваться стали, и совершенство, с которым демонстрировала свое умение принцесса, заставляло вспоминать Освирь с презрением.

Лотар пошел вперед. Теперь он знал, что против Мицар его Гвинед бесполезен, но выпустить его из рук все равно не следовало, потому что если Мицар сталь не пугала, то против Нуримана его меч был, может быть, лучшим оружием, когда-либо выкованным людьми.

Мицар поняла, что он подходит к ней, и во время очередного

удара поймала и заложила руку Сухмету. Тот сопротивлялся, но Лотар прекрасно представлял себе силу, с какой сейчас Мицар держала его, и не удивился тому, что он сдался, просто обвис в ее руках, как небрежно скрученная простыня.

— Вот ты и остался без союзников, Желтоголовый, — сказала принцесса. — А мой союзник еще и не показывался.

— Сухмет тебе еще нужен, Мицар, — на всякий случай напомнил Лотар. — Ты собиралась его использовать.

Принцесса показала зубы в волчьей усмешке.

— Не бойся, чужеземец, я не потеряла головы. Я не сделаю ему хуже, чем это нужно мне. — С этими словами одним ударом левого локтя между лопаток она свалила старого раба у своих ног и повернулась к Лотару. — Веселье еще не кончено, самое вкусное впереди.

Лотар готов был с этим согласиться. Он выставил вперед Гвинед и облизал пересохшие губы.

— Может быть, твоему союзнику тоже пора показаться?

— Я справлюсь с тобой и без его помощи.

Она пошла вперед, быстро меняя разные стойки. Со стороны кажется, что это я безоружен, подумал Лотар. На всякий случай он нарисовал кончиком Гвинеда в воздухе десяток восьмерок. Меч был готов к бою, руки тоже работали как надо. Но хватит ли у него скорости?

Теперь Мицар, как ни странно, была осторожнее. Она несколько раз обозначала атаку. Лотар перекрывал ее сплошной завесой сверкающей стали, и она откатывалась в сторону. Потом принцесса попробовала выманить в атаку его, но Лотар каким-то чутьем уловил подвох и быстро отступил. И тут же всего лишь в нескольких дюймах от пола появился невидимый для простых смертных смутный туман. Когда Лотар отошел, он вдруг взревел диким криком, который мог оглушить человека, если бы тот был способен его услышать, и поднялся над принцессой огромной, бугристой, нечистой массой. Это был Нуриман.

Как ни странно, они со мной считаются, решил Лотар. Вон какую хитрость придумали...

— Ну, теперь все в сборе, верно, принцесса? Или ты ждешь еще пару дюжин своих приятелей на пиршество?

— Нам и двоим будет мало твоей тошей душонки и костлявого тела, чужеземец.

Каким-то образом она стала очень разумной. Может, Нуриман более терпелив?

— Нуриман, я тебя уже два раза одолел. Вспомни, демон, какова на вкус моя сталь! Хочешь еще?

Демон взвыл, поднялся вверх, но потом вдруг опал и стал лишь чуть-чуть выступать за границы тела принцессы. Она словно бы накинута платок из тончайшего тумана на плечи. Это хоть немного скроет ее грудь, решил Лотар.

— Ты была нетерпеливей на словах, принцесса, чем на деле.

Но она уже не желала болтать. Она готовилась к атаке, к ка-

кой-то совершенно неожиданной и новой атаке. Лотар собрался, Гвинед отозвался на его познание геплой волной готовности.

Принцесса вдруг размазалась на фоне сиреневых камней, и Лотару показалось, что он видит сразу три ее силуэта. Он взмахнул два раза Гвинедом, но сталь прошла лишь что-то, не оказавшее ни малейшего сопротивления. Уже понимая, что он ошибся, Лотар ударил в третий силуэт ногой и тут же зашипел от боли.

Принцесса оказалась готова к этому, как и Нуриман. Они запустили свои когти ему в ногу, и сорвали одна — огромный кусок кожи, а другой — часть его эфирной субстанции. Кровь стала падать на сверкающие камни под ногами, как капли черного дождя. Нога онемела. Лотару стоило огромного труда зажать эту рану. Если бы Сухмет не научил его пользоваться скрытой энергией, он просто не мог бы драться дальше.

Принцесса облила пальцы, измазанные его кровью.

— Твоя плоть сладка, чужеземец, — сказала она.

Ну, атакуй снова, почти вслух произнес Лотар, я готов.

Должно быть, запах свежей крови заставил принцессу совершить необдуманный ход, и Лотар каким-то образом увидел вдруг, что ее тело выбросило из себя два силуэта вправо, а сама она осталась крайней слева. Не обратив внимания на обманные фигуры, Лотар рванулся вправо, и Мицар оказалась прямо под его мечом. Выдохнув так резко, что воздух наполнили крохотные капельки из разорвавшегося в носу сосуда, Лотар рубанул поперек туловища навстречу ее движению.

Но как ни быстр был этот удар, принцесса все-таки сумела увильнуть от меча. Сталь действительно не могла ее взять. Но еще Лотар почувствовал, как, за несколько дюймов до ее тела, клинок Гвинеда стал тормозиться, впившись в красную, бестелесную субстанцию Нуримана. Хоть не принцессу, так демона, решил Лотар.

Мицар уже стояла в стороне, согнувшись в поясе, хотя Лотар был уверен, что она невредима. Но Нуриман выл и бился над принцессой, как сполохи грязного огня. Он выбрасывал в пространство огромное количество энергии. Пожалуй, это может даже принцессу истощить... Но нет, лучше на это не рассчитывать, подумал Лотар.

Прежде чем Желтоголовый успел понять, что происходит, он уже неся вперед, рубя пространство, где только что была Мицар. Но именно была. Как ни тяжело ей теперь приходилось, она уходила от клинка, словно вода, обтекая его то в высоких прыжках, то в низких приседаниях, то катясь колесом через руки.

Они прошли такой дорожкой полсотни ярдов, прежде чем Лотар понял, что должен отдышаться. Он замер, через несколько мгновений остановилась и принцесса. Кажется, она была теперь даже довольна. Она покраснелась, ее восковое лицо дышало красотой и злобой.

— Теперь держись, оборотень.

И бросилась в атаку. Она делала почти то же, что и тогда, когда Лотар пытался достать ее Гвинедом, с той только разницей, что

теперь она атаковала, а Лотар отступал, молотя в воздухе своим оружием и так же неумолимо промахиваясь, как Мицар доставала его. Она была со всех точек, из всех позиций, отовсюду, и добрая половина ударов дошла до Лотара.

После такой атаки он должен был бы исходить кровью и болью, но принцессу все-таки держал на расстоянии его меч, она была, думая об отступлении. И еще — она действовала в предельном темпе, а это значило, что сила не всегда догоняла ее удары, и почти все, что Лотару пришлось выдержать, он перенес без существенных потерь.

Больше всего пострадала его аура, которую несколько раз разодрал Нуриман. Еще пара таких атак, и он станет легкой добычей своей противницы, потому что боец с пробитым полем мало чем отличается от кролика под ножом повара. Но пока он держался.

Он посмотрел на принцессу магическим взглядом. И понял вдруг, что и Нуриману досталось. Да, принцесса сумела увернуться от всех ударов Гвинеда, но не демон, который оказался менее подвижным. И хотя Лотар сумел задеть Нуримана всего несколько раз, это тем не менее существенно подорвало его способность драться. Теперь он полностью укрылся в теле Мицар и, самое главное, даже питался ее силой, залечивая полученные раны. Это ослабляло принцессу, не могло не ослаблять.

Лотар снова бросился вперед, теперь он был готов рубить так же, как принцесса — легко, часто, едва прицелившись, не гася динамики, по сути, вращая меч перед собой сотней разных способов. И это оказалось самым эффективным, принцесса стала отступать. Она уже не была так уверена в собственной неуязвимости.

Мельком Лотар кинул взгляд на то место, откуда они начинали поединок и где лежали Рубос с Сухметом. Они по-прежнему не приходили в себя, что было и неудивительно: весь этот тяжелый, вязкий, утомительный бой продолжался едва больше минуты.

Лотар снова атаковал, готовясь бить легко, по касательной, как можно чаще, чтобы эта полуголая девчонка, заговоренная против стали, бывшая принцесса Ашмилоны, все-таки отступала и теряла силы на увертки, уходы, отступления. Она должна была отступать... Но она не отступила, и Лотар этот момент прозевал.

Оказалось, Мицар все-таки могла касаться стали. Легко, подготавлившись, присмотревшись к повторяющимся траекториям Гвинеда, она сумела захватить его жесткими, как доска, ладонями, сжав меч с боков. Захват этот был так силен, что она остановила Гвинед мгновенно, словно тот наткнулся не на девичьи руки, а воткнулся в непроницаемую массу.

Лотар пробовал выдернуть клинок из ее захвата, но тщетно. Легкие движения, которыми он так гордился мгновение назад, подвели его, потому что расслабили его руку, и он оказался не готов к тому, чтобы сделать этот рывок достаточно сильным.

Мицар повернула обе ладони, и меч выпорхнул из руки Лотара, как птица. Но, по всей видимости, прикосновение к стали причиняло принцессе боль, потому что она не стала удерживать

меч, а отшвырнула его в сторону, и он зазвенел по камням не ближе чем в дюжине саженной. Лотар едва удержался, чтобы не проводить его глазами, потому что именно этого принцесса и ждала.

Она улыбнулась, и от этой улыбки захотелось спрятаться.

— Вот, кажется, и все, Желтоголовый.

Он выдохнул, снова набрал воздух. Чтобы его вот так спокойно и уверенно обезоружили — такое ему не могло присниться и в кошмарном сне. Он достал свой кинжал, но едва сделал пару выпадов этим оружием, как понял, что сталь, не содержащая магических добавок, которые были в Гвинее, не оказывает никакого воздействия на Нуримана. А демон сдирал ауру с беззащитной руки такими ломтями, что уже через пару выпадов Лотар вынужден был перевести на нее взгляд, чтобы убедиться, что рука у него еще есть, — до такой степени она онемела, лишившись жизни.

Застонав, Лотар отшвырнул бесполезный кинжал и встал в стойку. Он знал, что это бесполезно. Принцесса умела делать то, чего не умел ни он, ни кто-либо другой, кого он знал. Но больше ему ничего не оставалось.

Принцесса рассмеялась. Она смеялась почти так же весело, как в начале боя, когда была уверена, что справиться с Лотаром ненамного труднее, чем с его спутниками. В самом деле, подумал Лотар, сколько я уже держусь.

Принцесса рванулась вперед, не отсмеявшись. Ее кулаки замелькали в воздухе, как бичи, которые способны рассекать плоть до кости. Лотар пытался отбиваться, но понял, что это невозможно. Почти тотчас же он получил тяжелый удар в лоб и три удара по мускулам шеи, которые сделали его левую руку почти бесполезной.

А принцесса смеялась как ни в чем не бывало. Ее смех звенел высоко под сводами этого странного зала. Она обошла Лотара — избитого, униженного, проигравшего, — встала прямо перед ним и снова прыгнула вперед.

Снова серия ошеломительных ударов, от которых голова, грудь, все тело взорвались несусветной болью. Их силу не смог вынести даже Рубос.

Что такое, принцесса опять отошла в сторону, чтобы полюбоваться на избитого, теряющего сознание Лотара? Как хорошо, когда тебя не добивают твердыми, как камень, кулаками и ногами...

Но уже в следующее мгновение принцесса принялась отрабатывать на нем самые сокрушительные, самые чудовищные удары — головой в челюсть, коленом в горло, подъемом ноги по почкам, под его маленькую и тонкую медную нагрудную пластину, затыжные серии прямых по печени...

Когда она отвалилась от Лотара на этот раз, он стоял на одном колене, но еще не упал. Он смотрел на принцессу, и в голове у него была только одна мысль: а ведь Нуриман не показывается, она бьется одна, а он ничего не может с ней поделаться...

Нуриман в самом деле не атаковал его: то ли не оправился от ран, которые ему все-таки нанес Гвинед, то ли было что-то еще,

чего никто, кажется, не знал. Лотара это удивило, теперь-то его, Драконьего Оборотня, так легко прикончить, он же не способен даже поднять руки и к тому же безоружен... Безоружен?

Принцесса оказалась теперь сзади и слева. Лотар сделал незаметное движение. Он молился, чтобы она ничего не заметила. Она и не заметила, она торжествовала, смеялась, закидывая голову назад.

Она что-то говорит, это хорошо. Когда человек... или даже нечеловек, неважно... кто-то говорит, он теряет бдительность.

— Я сожру тебя, чужеземец, а из твоих костей сделаю волынку. Говорят, это очень приятно — играть на волынке, сделанной из твоего главного врага. А ты был врагом хоть куда, Желтоголовый. Даже я в какой-то момент чуть было не согласилась выпустить тебя, в обмен на Сухмета и твоего друга с севера. Да, был такой момент, чужеземец...

— Я бы не ушел без них, — проговорил Лотар и не узнал собственного голоса. Он не узнал и слов, которые произнесли его разбитые губы. Но главное, он дразнил ее, а это было необходимо, иначе она могла насторожиться. Дразнить ее сейчас важнее, чем все остальное. — Мне не нужна моя жизнь. Мне нужна твоя жизнь, по-прежнему нужна мне, фальшивая принцесса, лживая красавица, продажная кукла...

— Все, чужеземец. Ты зажил на этом свете, — четко, разом отсмеявшись, произнесла Мицар. — Молись, тебе осталось жить ровно одно мгновение.

Она шагнула вперед, подняла руки над головой, сжатые замком, чтобы удвоить силу удара. Ее живот, залитый его кровью, оказался перед ним... На мгновение Лотар подумал, что так и не сумел ни разу достать ее Гвинедом... И тогда он ударил ее.

Принцесса замерла, словно корабль, который всем корпусом налетел на невидимый и смертоносный подводный риф. Она неуверенно опустила глаза вниз и тогда увидела, что в правом кулаке Лотара было жало мантикоры, которое он незаметно достал из своей слегка смятой ее ударами нагрудной пластины.

Жало было черным, чешуйчатым, причем края чешуек, как у гарпуна, мешали вытащить его назад. А ближе к острию между чешуйками запеклась черная жидкость, некогда бывшая ядом мантикоры, который убил даже ее саму — зверя, способного за считанные мгновения вылечивать любую рану.

Жало воткнулось в ее напряженную брешьину не больше чем на пару дюймов. Неимоверным усилием Лотар поднял вторую, напрочь отбитую бесчисленными блоками руку, уперся и с силой продвинул жало глубже, еще глубже, потом еще чуть-чуть...

Он поднял голову. Он стоял теперь перед ней на коленях, и его черные, запекшиеся от крови глаза смотрели в ее неподвижное, нечеловечески прекрасное лицо. Принцесса перевела, вращая одними лишь зрачками, взгляд на него. Их глаза встретились.

— Это не сталь, не медь, не металл... — прошептала она.

— На этот раз ты угадала, — сказал он.

Голова у него закружилась. Он оперся рукой о светящиеся кам-

ни. Но рука тоже не могла удержать его, и он упал. Глаза его оставались открытыми, потому что он хотел видеть, как принцесса отшатнулась, как она опустила руки, дотронулась до живота, из которого уже была ее горячая кровь, и как закричала, не беззвучно, подобно Нуриману, а так, как кричит человек или, вернее, как кричит дикое, сильное животное, полное жажды жизни, но сознающее, что никакая жажда жизни не удержит его здесь, в этом прекрасном, сверкающем мире.

Он не хотел пропустить ни одного мгновения из тех, когда принцесса упала на россыпь светящейся гальки и стала биться, отравленная ядом мантикоры. Она ничего не могла теперь сделать с этим оружием Лотара, потому что даже Нуриман был бессилен против него. Она должна была умереть.

Но еще до того, как она умерла, до того, как погасли ее горящие красным Нуримановым огнем глаза, потому что демон вынужден был оставить свою мертвую служанку и вернуться в непроницаемые для человеческого ума бездны холодного мрака, еще до того, как победа оборотня стала окончательной, Лотар потерял сознание. Он тоже не мог остаться в этом мире, хотя все еще был жив. Силы его хватало, чтобы заставить сердце гнать кровь по разорванным, растерзанным венам, но смерть его была так же неминуема, как и смерть Мицар.

Глава 27

Лотар открыл глаза. Над ним склонились два лица. Рубос из Мирама, кажется, улыбался. Гигант полагал, что самое трудное позади, если Лотар смотрит на них. Но Сухмет был более сведущ, и лицо его было встревожено.

Лотар разлепил соленные от крови, потрескавшиеся губы. Но Сухмет не стал дожидаться, пока он выдавит из себя вопрос.

— Да. — Для верности он кивнул головой. — Она умерла, и смерть ее была ужасна.

Лотар улыбнулся уголками губ.

— Я поклонился ей перед боем. Как ни странно, именно это спасло меня. Я пытался думать о ней без ненависти.

— Ты великий воин, Лотар, — произнес Рубос. — Не думаю, чтобы кто-либо еще мог сделать то, что сделал ты.

Как ни встревожен был Сухмет, он все-таки покосился на мирамца, словно был не согласен с ним или находил во всем происшедшем какой-то недостаток. Но это заметил только Лотар. Он с нежностью смотрел теперь на них обоих и поразился тому, как эти два совершенно различных человека составляют все, что у него есть дорогого в мире. Он даже не знал, беден ли он или скажочно богат оттого, что они у него есть.

— Нужно... — Больше он не сумел издать ни одного членораздельного звука, но Сухмет все понял и так.

Он покачал головой и отдельно произнес:

— Нет, жало мантикоры мы доставать не будем. Никто не знает, что может произойти, если из нее вытащить его.

Рубос удивленно перевел на него взгляд.

— Не думаешь же ты, что она оживет, если мы выдернем эту адскую колючку?

Сухмет был непреклонен.

— Не знаю, господин. И никто не знает. Слишком сильные поля сошлись здесь, в этом зале, и никто не может ничего сказать наверняка. — Рубос не сводил с него изумленного взгляда, тогда Сухмет добавил: — Ты же не хочешь, чтобы по этим темным лабиринтам нас еще преследовала принцесса-зомби?

После этого Рубос больше не спорил. Сухмет смахнул сухой ладонькой прилипшие мелкие камешки со щеки Лотара, потом озабоченно коснулся его лба.

— Ты потный, господин мой. Теряешь слишком много влаги. Попробуй замкнуть ее в себе, путь еще долгий.

Лотар улыбнулся. Его улыбка показалась бы безмятежной, если бы не нестерпимая боль, которая читалась в глазах Драконьего Оборотня.

— Не могу... даже это... трудно.

Лишь тогда Рубос стал понимать, что произошло. До него дошло, что оборотень, который не может залечить свои раны, вряд ли уже оборотень. Сухмет долго всматривался в грудь, живот и в глаза Лотара.

— Тебе не хватает энергии, мой господин, — решил он наконец. — Если бы мы были на поверхности, ты бы, скорее всего, уже поправлялся.

Лотар снова спокойно улыбнулся.

— Но мы... не на поверхности. — Он попытался еще что-то сказать, но лишь кровавая пена выступила на его губах.

— Хорошо, — решил старый раб. — Теперь моя очередь сделать для тебя кое-что, мой господин.

Он сел в позу сосредоточения и накапливания силы, вытянул вперед руки и закрыл глаза. Минуты уходили, как череда крохотных, бесчисленных бусинок. На лбу старика выступил пот, а потом даже Рубос понял, что в теле раба появились мелкие, но многочисленные напряжения. Наконец Сухмет открыл глаза. Но он еще не сдался.

— Господин, — позвал он Рубоса. — Дай мне повязку концентрации.

Рубос тут же послушно снял со лба кожаный ремешок и протянул его старику. Он едва дождался, когда Сухмет возьмет ее с его ладони, а потом, зашатавшись от внезапно обрушившейся на него боли и тяжести обессиленного тела, отошел в сторону. Он даже не сумел дойти до ближайшей колонны, опустился на светящиеся камни и медленно перевалился на живот. Рот его открылся, он дышал, как выброшенная на берег рыба.

Но Сухмет даже не обратил на это внимания. Он быстро появился чуть дрожащими старческими пальцами ремешок вокруг своего лба и стал сосредоточиваться. Наконец он поднялся на

ноги. Он был утомлен, даже его зрачки были сейчас такими широкими от усталости, что почти закрывали радужку глаз. Но Сухмет крепился.

Он подошел к Лотару и провел рукой по его запястьям, шее и вискам — искал пульс в разных точках его измочаленного тела. В том, как сокрушенно он покачал головой, сквозила беспомощность.

Он подошел к почти безжизненному Рубосу.

— Я ничего не могу сделать, господин, — сказал он, не сомневаясь, что мирамец все-таки слышит его. — Ему нужно гораздо больше энергии, чем я способен извлечь из этих пещер. Я делал все, что мог, но понял только — если я переусердствую, вам придется остаться здесь вдвоем.

Рубос действительно слышал его.

— Что же делать?

— Его нужно нести к выходу... Вернее, к тому месту, где может быть выход.

— Туда больше целого дня пути. А мне тоже досталось. Я не справлюсь.

— Попробуем нести его по очереди, господин. Но это единственный способ. Через день он не сможет выжить, даже если его посадить в омолаживающий фонтан Кхадизара.

Рубос тяжело, как пьяный, улынулся и сел. Не открывая глаз, он спросил:

— Кто такой Кхадизар?

— Маг далекой древности, который ближе других подошел к решению загадки вечной жизни.

— Тебе не кажется, что мы не успеем, Сухмет? В таком состоянии нам придется идти не один день.

— Когда такой необычный человек, как мой господин, умирает, ничего нельзя предсказать заранее. Он может быть гораздо сильнее, чем я предполагаю, тогда еще не все потеряно. Он может бороться за себя так, как это не снилось никому на свете. Наше дело, господин, пытаться спасти его. А остальное... в руках Судьбы и моего господина.

— Понятно. — Рубос попробовал подняться. Руки, которыми он пытался оттолкнуться от камней под собой, подломились, он тяжело ударился подбородком.

— Тебе придется дать мне ремешок.

— Этот способ, господин, оставим на последний случай.

— Но я не могу даже подняться.

— Ты сможешь, если заставишь себя. Моему господину гораздо хуже, а он еще борется.

— Но я не смогу нести его.

— Сначала нести его попробую я. Ты лишь иди сзади с сумкой и оружием. И старайся набраться сил, как я показывал тебе.

— Еще и сумку нести?

Сухмет едва заметно улынулся. Оружие мирамца не тяготило.

— Разве не обидно сдаваться с самого начала? — Старик попробовал выпрямиться и стоять потверже. — Поверь, скоро нам

будет гораздо хуже, чем сейчас. Тогда и посмотрим, оставлять ли сумку с монетами или твои доспехи.

— Хорошо. Я лишь хотел сказать, что все это нужно упаковать поухватистей.

Под тяжестью оружия, которое Рубосу даже не пришлось в голову оставить, и сумки Лотара огромный мирамец качался, как былинка на ветру. Но с каждым шагом, как это ни удивительно, он все уверенней ставил ногу, все тверже смотрел вперед, и становилось ясно, что скоро он сможет идти не хуже, чем Сухмет.

Старый раб, взвалив себе на спину безжизненного Лотара, шел, как ни странно, довольно легко. Это была обманчивая легкость. Скорее всего, он зарядился одним из тех мобилизующих заклинаний, которые придают силы, но расплата за которые потом гораздо тяжелее, чем похмелье у запойного пьяницы. И тем не менее решился на это, потому что нужно было идти и нести Лотара.

Они шли по довольно ровному коридору с прямым полом. Потом он стал ветвиться и через пару сотен ярдов, после двух-трех поворотов превратился в обычную пещеру с каменистыми стенами, с ямами, валунами под ногами и низкими сводами, где так тяжело было нести что-то на спине.

Сухмет очень опасался, что ударит Лотара об эти выступающие твердые камни, и взял его, как ребенка, на руки.

Скоро стало темно, светящаяся пещера кончилась. Сухмет понял это, когда услышал сквозь бешено бьющуюся в висках кровь, как Рубос упал второй раз, загремев ятаганом по камням. После этого мирамец немного прибавил шагу и догнал старика.

— Я опять ничего не вижу. Как я понесу его?

Сухмет вздохнул.

— Этого я не учел. Придется передавать тебе и повязку. Мы не можем рисковать жизнью моего господина.

Они прошли еще немного. Теперь, как ни странно, Рубос шел довольно уверенно, и у него больше не возникало никаких сомнений.

— Когда ты отдашь его мне?

— Господин, сначала я сделаю все, что могу. Потом то же потребуется от тебя, работы хватит на двоих.

Рубос порадовался, что рядом с ним такой напарник. Он вообще полагал, что нет такой ситуации, которая заставила бы Сухмета отказаться от задуманного. Старик просто не знал, что такое слаться. Он мог умереть, наверное, мог опоздать, определенно мог, столкнувшись с превосходящей силой, погибнуть, но до последнего мгновения делал, что в его силах.

К вечеру того же дня, когда они, как ни странно, прошли половину дороги, стало ясно, что нести Лотара они больше не смогут. Рубос поднимал безвольное, все более обмякающее тело своего друга и тут же валился на землю.

Сухмет подошел к нему, положил руку на плечо.

— Ты что?

— Не могу... Давай придумаем что-нибудь. Носилки или...

— Я уже думал об этом. Нет жердей, а без них носилки не сделать.

Рубос сжал челюсти, попробовал снова поднять Лотара. Руки его бессильно опустились.

— Не держат.

Сухмет кивнул, достал нож и твердой рукой, хотя и медленно, выкроил из своей чалмы широкую и не очень аккуратную перевязь.

— Вот, можешь поддерживать его повязкой. Только иди.

Рубос перевел дыхание, впрягся в перевязь и с помощью Сухмета вдвел в нее Лотара. Держать безвольное тело оборотня стало легче, но идти — гораздо труднее, потому что теперь любое неудачное движение отзывалось толчком на плечи. Кроме того, сложнее стало находить опору для ног, они все время спотыкались и норовили вырваться из-под Рубоса, словно два строптивых и шатких костыля.

К концу ночи Сухмет, который теперь нес Лотара реже, чем Рубос, на одном из привалов стал проверять виски и грудь Желтоголового. Он и раньше прикладывался к нему, чтобы понять, как тот себя чувствует, но на этот раз провозился дольше, чем обычно. Рубос, как ни был он измучен, встал и подошел ближе.

— Ну что?

— Он умирает, кризис завершился не в его пользу. — Сухмет чуть слышно всхлипнул. Рубос не понял, были это слезы или старику просто не хватило дыхания. — И мне нечего ему отдать, я пуст, как пересохший бурдюк. Я пуст, пуст, пуст...

— Прекрати! — заорал Рубос, насколько мог громко. Сухмет, как ни странно, умолк. — Это не способствует...

Дальше Рубос не знал, но этого хватило.

— Правильно. Нужно успокоиться и поторопиться.

Рубос посмотрел в измученное, избитое лицо старика удивленно.

— Мы и так делаем все, что можем.

— Значит, не все. Нужно торопиться.

Сухмет встал и впрягся в перевязь. Рубос, вздохнув, стал собирать сумку.

В какой-то момент стало ясно, что Сухмет заблудился, и ему пришлось, надев повязку концентрации, высматривать магическим зрением путь. Это было даже хорошо, потому что Рубос сумел поспать. Хотя, когда Сухмет разбудил его, он едва мог сначала идти, но уже через четыре сотни шагов пришел в себя и понес Лотара дальше.

Но и эти силы кончились. После очередного привала ни один из них не смог встать. Стоило кому-то из них попробовать подтащить под себя ноги, чтобы оторваться от земли, как дело кончалось тем, что он опрокидывался и лежал, тяжело переводя дыхание.

Когда стало ясно, что так они ничего не добьются, Сухмет соорудил из латной рубахи Рубоса что-то вроде волокуши, на которой Лотара можно было тащить. Скоро это стало получаться у

них довольно легко, лишь иногда приходилось переносить Лотара через большие камни.

Наконец Рубосу стало ясно, что больше он не продвинется ни на шаг. Он попросту сложился калачиком, поджал ноги и замер. Он был готов умереть.

Сухмет, тяжело дыша, вернулся назад.

— Вставай, это нужно.

Рубос начинал говорить раз пять, прежде чем ему удалось по слогам выдавить из себя:

— Я не могу двинуться.

— Да? — удивился Сухмет. — Может, выбросим золото? Только ятаган нельзя...

— Почему?

— Им можно копать землю.

Рубос искал ятаган.

— Его тоже нет.

Глаза у Сухмета открылись так широко, что Рубос вдруг увидел их.

— Нужно найти. Ты воин, ты не мог бросить меч.

— Не мог, но его нет.

Они принялись искать. Рубос при этом едва шевелился, Сухмет же был способен даже злиться на мирамца, хотя и на себя тоже за то, что не уследил.

Ятаган нашелся на спине Рубоса. Мирамец и забыл про него. Сухмет успокоился, но когда подполз к Лотару и послушал его сердце, то заволновался еще сильнее.

Но Рубосу было уже все равно.

Сухмет снова подполз к мирамцу и взял его лицо в свои грязные, исцарапанные до крови руки.

— Ты просто устал, Рубос. Но ты можешь проползти еще немного.

— Какая разница? — спросил мирамец. — Здесь или еще где-то?

— Разница есть, — сказал Сухмет так уверенно, что почти убедил его. — Лучше там.

— Где?

Сухмет подумал, пожевал губами.

— За поворотом. Пошли.

— Нет.

— Ты же не хочешь сдаться?

— Я не знаю, чего я хочу. Вот полежу и пойму.

— Ты хочешь жить.

— Жить? — Для Рубоса такая постановка вопроса была довольно неожиданной. — Не знаю. Возможно, что нет.

— Рубос. — Для верности Сухмет потряс его голову, он так и не выпустил ее из своих рук. — Осталось немного. Так немного, что я и сам бы дошел, но один не смогу сейчас отвалить камень, которым заткнули выход.

— Там есть камень?... Не смогу тебе ничем помочь.

Сухмет собрался и попробовал навести на Рубоса самое примитивное колдовское внушение.

— Представь, ты ранен, тебе нужно на поверхность. Лотар бы

не сдался и нес бы тебя. Он бы выволок тебя, даже мертвого. А ты не хочешь сделать это же для него.

— Он тащил меня на веревке, — задумчиво сказал Рубос.

— Вот именно.

— И он убил Мицар. А без этого я уже... — Мирамец вздохнул. — Ну ладно, я уже отдохнул. — Он оттолкнулся от земли. — Говоришь, до поворота?

— За поворотом, — сказал Сухмет.

Рубос ничего не ответил, он прополз вперед, впрягся в петлю с неподвижным Лотаром и пополз дальше, кряхтя и постанывая при каждом движении. Когда они дошли до поворота, который находился всего в трех десятках локтей, и повернули в новый коридор, Рубос уже забыл, что собирался останавливаться. Он полз, и полз, и полз, и скоро Сухмет уже думал только об одном — сумеет ли его господин удержать в себе достаточно жизни, чтобы снова раздуть ее, когда они все-таки выберутся на поверхность.

Наконец наступил момент, когда Рубос, который на этот раз полз сзади, подталкивая Лотара в ноги, вдруг потерял его, а когда стал искать, стукнулся головой о бок Сухмета. Тот сидел неподвижно, словно прислушивался к чему-то. Рубос тоже попытался слушать, но разбирал только свое утомленное дыхание и звон крови в ушах.

— Мы пришли, — сказал Сухмет.

— Куда? — не понял Рубос.

— Мы дошли.

— Это то место, куда нужно было попасть?

— Да.

Рубос протер глаза обрывком рубашки у ворота и попробовал осмотреться. Тьма вокруг не нарушалась ни единым лучиком света. — А где выход?

Голос Сухмета раздался откуда-то сбоку.

— Копать нужно здесь.

Рубос подполз, достал ятаган и ткнул в то место, которое на ощупь указал ему Сухмет. Клинок скользнул, даже не поцарапав каменную поверхность.

— Здесь невозможно копать, — сказал Рубос.

— Да, пожалуй. — Сухмет перевел дыхание. — Но за этим камнем свобода. И жизнь для Лотара.

Рубос потряс головой.

— Сдается, это недостижимо.

Сухмет выдернул ятаган из рук Рубоса и принялся скрести камень. Рубос даже не предполагал, что можно так небрежно обращаться с оружием. Наконец он выдернул свой меч из рук старого раба и, словно успокаивая живое существо, провел по клинку ладонью.

— Ищи руками.

Сухмет крикнул, но послушно стал ощупывать камень кончиками пальцев. Пока вдруг не издал короткий звук.

— Здесь меч станет, как рычаг.

Рубос тоже пощупал. Щель, которую нашел Сухмет, была глу-

биной почти в десять дюймов и достаточно широкой, чтобы в нее пролез клинок. Пожалуй, это действительно был стык между камнем, который закрывал выход, и стеной пещеры.

Они вставили туда ятаган и надавили. Камень не шелохнулся. Пришлось смотреть, что мешает ему отвалиться от стены.

Валун был не очень большой, всего лишь фута четыре в поперечнике, и довольно мягкий, из какой-то крошащейся слоистой породы. Если бы у Рубоса были прежние силы, он расколол бы эту затычку за пару минут.

Но сил не было ни у Рубоса, ни у Сухмета. Они подкопали под ним песок и попробовали подцепить с других сторон, потом попытались сдвигать его не только наружу, что было естественно, но и внутрь — все было бесполезно.

Они посидели, отдохнули. Сухмет подтащил Лотара поближе, чтобы не ползать к нему слишком далеко каждый раз, когда ему хотелось проверить, что Драконий Оборотень еще дышит.

— Кажется, мы можем отсюда и не выбраться, — сказал Рубос.

— Не торопись, господин. Не стоило ползти сюда, чтобы думать так.

— Что-то мешает. Может, магия?

— Я проверил. Магии здесь не больше, чем в винной пробке.

— Почему же мы не можем открыть?

— Значит, нужно копать с боков.

— Здесь твердые стены.

— Нужно.

Рубос прошелся ятаганом по периметру камня, и в одном месте клинок вдруг провалился почти на всю длину. Осторожно, как будто меч был из хрусталя, Рубос вытащил его и тогда увидел... Чтобы унять сердцебиение, он закрыл на мгновение глаза. Но когда открыл их, все оставалось по-прежнему. Тонкий лучик сумрачного света пробивался в их непроницаемую, вечную темноту. И воздух... Рубос сразу понял, что он пахнет морем, солью, ветром и гниющими на отмелях водорослями. Он повернулся туда, где, как он предполагал, сидит Сухмет.

— Мы дошли до моря.

Сухмет не отвечал. И было что-то очень зловещее в этом молчании.

Рубос протянул туда руку. Он наткнулся сначала на Лотара, тот был очень холодным. Потом нашел Сухмета. Старик лежал неподвижно, широко раскинув руки, словно хотел прикрыть Лотара от чего-то.

Рубоса охватило отчаяние. Значит, все было зря? Потому что Лотара не стало? Он схватил Сухмета за плечо и потряс его, грубо, сильно, так, что тот пришел в себя.

— Очнись!

Помогая себе руками, Сухмет сел и оперся на Рубоса, как на подставку.

— Мне стало плохо. Я слишком много отдал господину...

— Он умер?

— Нет, но умирает. Я не знал, что это будет так грустно.

— Я чувствую море.

— А? Да, я тоже чувствую море. Но мы не можем к нему выйти, чтобы мой господин мог вбирать в себя силу жизни, рассеянную повсюду. Здесь слишком темно и холодно, слишком мало энергии...

Рубос вздохнул.

— Это я уже знаю. Давай-ка помогай, старик.

Сухмет был так слаб, что Рубосу пришлось самому вставить меч в открытую щель, упереться ногами в стену, заставить свои мускулы напрячься, выдохнуть весь воздух, чтобы еще чуть-чуть...

Ятаган стал медленно гнуться. Он был выкован из превосходной стали, и согнуть его не смог бы и наступивший на него слон, но сейчас Рубос чувствовал море, и Лотар умирал, и Сухмет ничем уже не мог помочь, и оставалось только одно движение, чтобы выбраться из этого проклятого подземелья...

И камень вдруг дернулся, сдвинулся и откатился, разом открыв почти фут свободного пространства. Это было едва ли не самое прекрасное зрелище, какое видел Рубос в своей жизни. В открывшуюся щель сразу ударил свет, который осветил лица всех троих, и свежий воздух, который нес вкус свободы и радости.

— Подожди еще немного, господин мой, — прошептал Сухмет, — не умирай. Мы сделали это, мы дошли. Скоро ты сможешь пить жизнь полными горстями... Мы все-таки дошли и открыли этот камень.

А Рубос, у которого руки от чудовишного усилия ходили ходуном так, что он не мог больше всунуть в образовавшуюся щель почти под прямым углом согнутый ятаган, добавил, заикаясь и глотая звуки:

— Да, все-таки сделали. Не умирай, Лотар.

Собака из дикого камня

Глава 1

Лотар поднял голову и попробовал разглядеть хоть что-нибудь за решеткой квадратного окошка. Ничего. Только серая, упругая, как плотная ткань, пелена тумана. Довольно густого тумана. Было странно, что при такой ограниченной видимости они вдруг встретились с каким-то другим судном. И не менее странно, что их недоверчивый, суровый капитан вдруг решил лавировать, сходиться, а потом долго о чем-то негромко переговаривался с капитаном другого корабля.

Лотар повернул голову к койкам Рубоса и Сухмета. Старик, конечно, не спал, его взгляд двигался по потолку в такт шагам капитана, который расхаживал по мостику у них над головой, выкрикивая команды для разведения кораблей. По всей видимости, Сухмет искал в его перемещениях какую-то закономерность, думая о том же, что и Лотар.

— Что скажешь?

— Мне кажется, мой господин, нет нужды гадать попусту. Мы скоро все узнаем, не выходя из каюты.

— Что узнаем?

— Что-то, что касается нас.

— Ты пытался подслушать их разговор? — Лотар недоверчиво хмыкнул.

— Нет, это было бы неразумно — без нужды растрачивать энергию на глупые предосторожности. Нет, я просто заметил, что мы изменили курс и идем, кажется, к берегу. Скорее всего, это из-за нас, потому что других причин оказаться в этих водах у капитана Ингли нет.

— Может быть, капитан выяснил, что он в тумане прошел мимо порта?

— Что угодно, только не это. Возможно, эти люди не прочь провезти тюк-другой контрабанды, но в неопытности я бы их не заподозрил. Могу только сказать, мой господин, что это неопасно. — Он помолчал, потом нехотя, но все-таки довольно твердо добавил: — Пока.

С этим уже приходилось считаться.

— Ты полагаешь?..

Договорить Лотар не успел. Решительные шаги капитана прокотили над их головами к лестнице, ведущей вниз, потом шаркали по ступеням и наконец затихли перед дверью их каюты — лучшей каюты на корабле.

— Входите, капитан! — крикнул Лотар.

Дверь открылась. Капитан Ингли, вытирая крохотные капли влаги с лица, вошел. Он даже не пытался улыбаться.

— Никак не привыкну, что вы всегда ко всему готовы.

— Я просто слышал ваши шаги, — примирительно сказал Лотар.

— Дело в том... — Капитан помедлил, потом добавил, словно подавился: — Сэр, мы не можем по неизвестной мне причине войти в Мирам. Я понимаю, уговор есть уговор. И если я обещал, что высажу вас в порту этого города, в котором, кстати, бывал не раз, то так и должно быть. Но сейчас я вынужден признать — это невозможно. Я не пойду туда. — Он помолчал, посмотрел в окно и вздохнул: — Я готов вернуть вам часть платы за проезд, чтобы хоть как-то компенсировать доставленное неудобство.

Ингли был настоящим морским капитаном и очень нравился Лотару. К тому же на Алдуине, где они вынуждены были сделать пересадку, чтобы продолжить путь на север, достаточно надежные люди не раз им говорили, что это едва ли не лучший парусник, управляемый лучшей командой на всем побережье. И за время плавания Лотар убедился, что это были не пустые слова.

— Никто не беспокоит вас таким пустяком, как компенсация, капитан. Но я должен знать, что вам сказал капитан судна, с которым вы только что встретились.

Капитан облегченно хмыкнул. Шагнул вперед, повернул к себе стул и сел, вытянув натруженные вахтой ноги.

— Значит, вы и это слышали? Тем лучше. — Он сложил руки на коленях и с мрачной решительностью выпалил: — Это был мой друг, мы не раз пускались вместе на рискованные дела, и он ни разу меня не подвел. Он сказал, что за последние два месяца ни один корабль не вышел из Мирама.

В каюте некоторое время царило молчание.

— Как это понимать? — внезапно подал голос Рубос. Он, оказываясь, тоже не спал.

Капитан повернулся к нему. Лотар давно заметил, что капитан считается с Рубосом больше, чем с ним или с Сухметом, — вероятно, из-за золотого ошейника Сухмета, какие на Южном континенте обычно надевают рабам. Пусть дорогим, ученым — но все-таки рабам.

— Я не знаю. Возможно, в Мираме эпидемия и власти не выпускают корабли, чтобы не разносить заразу. Но тогда вообще-то о болезни знали бы в других портах. Не бывает так, чтобы в одном месте была зараза, а рядом никто ни разу не заболел, ведь откуда-то она должна была появиться? Или в городе вполне могли возникнуть беспорядки. Тогда власти порта наложили секвестр на какие-то корабли. Но и в этом случае... Два месяца — слишком долго для любого порта. А Мирам слишком велик, чтобы обо-

диться без торговли. — Капитан хлопнул себя ладонями по колену. — Но так или иначе сейчас в Мирам не ходят. И я не пойду. Ваш черед делать выбор, господа.

Рубос обеспокоенно посмотрел на Лотара.

— Все-таки, мне кажется, нужно идти в Мирам.

— А сколько до него осталось, капитан? — спросил Сухмет ласковым голосом, потому что Ингли не всегда удостаивал раба ответом.

— Уже недалеко. По берегу не больше трех десятков миль.

— Морских или обычных? — быстро спросил Сухмет.

Капитан нахмурился. Ему почудилась в этом вопросе насмешка.

— Это не имеет значения, — сказал Лотар.

Капитан встал.

— Так что вы решили, сэр?

— Высадите нас на берегу. Мы дойдем до города на своих двоих.

Капитан кивнул и чуть заметно улыбнулся:

— Я так и думал. Я уже приказал повернуть к берегу и подготовить шлюпку.

Глава 2

Первый помощник капитана Ингли, молодой, румяный и смешливый, как девица на посиделках, поднял руку, что-то прокричал и сел на кормовую банку. Моряки сразу дружнее взялись за весла, и шлюпка поплыла к кораблю, мерно вскидывая на волнах круглый нос.

— Что он сказал? — спросил Рубос, поудобнее устраивая поклажу на плечах.

— Пожелал удачи, — ответил Сухмет, поднимая с земли свою часть груза.

— Нет, он сказал что-то еще.

— Сказал, может быть, увидимся.

Рубос помолчал. Вздыхнул. Проверил, как вынимается меч из ножен.

— Мрачно звучит.

— Он думал, что этим выразил надежду. Я, честно говоря, тоже надеюсь, что еще увидимся.

— Надежда нужна только тем...

— Вы здесь случайно не на ночевку остановились? — вмешался Лотар.

Они медленно пошли, увязая в крупном, промытом до ослепительной чистоты прибрежном песке. Солнце стояло уже довольно высоко, от тумана осталась только мрачная полоска на самом горизонте.

Деревья встретили их шуршанием листвы и звоном птичьих голосов. Это подняло настроение путникам, но ненадолго. Под невысокими, изуродованными ветрами деревьями стали появляться кусты. Через сотню шагов они уже сплелись в плотную зеленую массу, а еще через десяток саженей Рубосу пришлось до-

ставать свой меч, чтобы прорубаться вперед. Его тюк по очереди несли в руках то Лотар, то Сухмет.

Через милю кустарник кончился, и они попали в обычный лес юга средней полосы. Лотар с удивлением заметил, что вспоминает многие деревья и радуется им, как старым приятелям. Идти стало совсем легко, под ногами у них, как дорогой ковер, стлалась плотная, без единого просвета, упругая трава. Свет падал сверху косыми лучами, и солнечные зайчики играли на стволах тисов, буков, акаций и диких каштанов.

Рубос расправил плечи и вдохнул воздух полной грудью. Лотар посмотрел на него — великан смеялся. Кажется, раньше таким Лотар не видел его ни разу.

— Оказывается, давно пора было вернуться, — сказал Рубос, заметив этот взгляд.

Они прошли не больше пяти миль, когда Сухмет предложил устроить привал. Позавтракали на залитой солнцем поляне с травой до колен. Чтобы устроиться поудобней, пришлось переместиться ближе к лесу, да и то Сухмет довольно долго расхаживал, приминая непослушные стебли.

— Нужно было подстрелить кого-нибудь, — сказал Рубос, набивая рот сухарями и солониной. — Свежати́на пришлась бы в самую пору.

Сухмет вдруг поднял голову и прислушался.

— Что случилось? — спросил Лотар.

— Нет, ничего, господин мой... Я только подумал, что... что мы по дороге не встретили никакого зверья. А ведь в таком лесу должна быть пропасть всякой живности.

— Может, Рубос распугал зверей своим топотом?

— Я шел беззвучно, как мышь! — возмутился великан.

— У зверей сложилось другое мнение.

Увидев смех в глазах Лотара, Рубос отвернулся, бурча что-то под нос и набивая рот следующим куском.

— Нет, в самом деле? — упорствовал Сухмет.

Лотар лег, вытянулся и стал смотреть в небо. Он сорвал травинку и принялся ее жевать, стараясь ощутить на языке ее горечь с привкусом пыли. Отвечать было незачем. Через мгновение все уже слушали птиц, а Лотар даже подремал, пока безжалостный и неумолимый Сухмет не погнал их дальше.

Когда они перешли поляну, впереди неожиданно открылась дорога. Это была самая обычная, проложенная в негустом лесу дорога. Вот только уж очень давно по ней проезжали в последний раз. Лотар даже удивился, когда понял, что на колее, которая должна быть протоптана до глины, успела подняться довольно густая трава. Он спросил Сухмета:

— Ты нас специально сюда вывел?

— Я ее почувствовал не раньше, чем ты.

— А почему она такая заглохшая?

Сухмет пожал плечами и уверенно повернул направо. Раз он повернул туда, значит, Ми́рам там и есть, лениво подумал Лотар.

Идти по дороге было гораздо легче. И шли они несравненно

быстрее. Так, пожалуй, до вечера будем в городе, решил Лотар. И еще он вдруг подумал, что неплохо было бы остановиться и как следует размяться с мечом. Можно также побороться с Рубосом, а то они оба одеревенели, пока болтались в этом сундуке, который Ингли называл кораблем. И было бы, конечно, совсем неплохо помедитировать, чтобы восстановить ту остроту восприятия опасности, которая, похоже, осталась только у Сухмета. Впрочем, если верить Рубосу, они идут в спокойное место, где можно рассчитывать на дружественный прием и мирную жизнь...

— Стой! — От возбуждения Сухмет даже руку поднял, как будто собирался остановить целый караван.

— Что случилось? — Рубос уже наполовину вытащил свой меч.

Сухмет провел руками перед собой, выставив ладони вперед.

— Не знаю. Я ничего не чувствую.

Лотар насторожился. Деревья, лужайки, заросшая колея дороги... И никакого отзвука, словно даже свет проваливался во что-то впереди, а назад не возвращался.

— Чувствуешь? — спросил его Сухмет.

— Какая-то преграда, только не пойму, старая или поставленная недавно.

— Или ее просто разнесли в клочья, — предположил Сухмет.

Лотар кивнул. Это действительно могла быть какая-то старая обманка, магическая завеса, которую преодолели, но обрывки ее остались на траве, на листьях, на стволах деревьев.

— Опасности, кажется, никакой быть не может? — полувопросительно сказал Лотар.

В самом деле, кто же будет прикрывать засаду таким клочком магии?

— Тогда пошли, — сказал Рубос. Ему не терпелось. Впрочем, он не сделал вперед ни одного движения.

Лотар шагнул, потом еще. Нет, даже вблизи он не ощущал опасности. Было что-то другое, какой-то кислый привкус, словно у холодной меди осенней ночью, но колокольчики молчали.

Вдруг мир словно разорвался, что-то ошеломляющее мелькнуло в сознании... Лотар бросился на траву, выхватывая Гвинед... Но меч так и остался наполовину в ножнах. Все было спокойно. Очень спокойно.

— Ты чего? — Рубос уже стоял с мечом в руках за стволом невысокого кипариса.

Сухмет своим маленьким, но убийственно тугим самострелом выискивал цель.

— Шагайте, тогда сами поймете.

Они подошли. Каждый из них по-своему пережил этот разрыв в пространстве. Рубос крутанулся на месте, нанеся слепой, отчаянный удар мечом, который не встретил ни малейшего препятствия, а лишь просвистел в воздухе, как сиплый шегол. А Сухмет вздрогнул всем телом, и его глаза на мгновение стали огромными, темными, бездонными. Он пытался определить характер и суть колдовства, под действие которого попал.

— Ну, что скажете?

— Мне кажется, — медленно проговорил Сухмет, — мы теперь на этой стороне.

— А именно? — Рубос иногда очень плохо их понимает.

— Пойдем дальше, — устало, словно разом разочаровавшись в красоте этого мира, произнес Лотар, — там разберемся.

Они прошли по дороге с четверть мили, когда Сухмет, который впал в какую-то вселенскую задумчивость, вдруг произнес:

— Господин мой, нужно вернуться к переправе. Я должен проверить, насколько далеко от дороги отходит этот экран.

— Раньше нужно было проверять, — мрачно сказал Рубос, но это были лишь слова. Он тоже понимал справедливость старой мудрости: ленивый — наполовину мертвец.

Они повернули назад. Прошли четверть мили, потом еще столько же, потом еще. Внезапно Лотару показалось, что куст, мимо которого они прошли, он уже видел. Он приотстал от Сухмета и осторожно, чтобы не очень бросалось в глаза, надломил тонкую ветку на высоте своего колена.

Они прошагали еще немного. Дорога все так же равнодушно и монотонно лежала перед ними. Никаких развилки, ничего сомнительного.

— Да что же это такое? — возмутился наконец Рубос. — Идем, идем, а конца-краю не видно. Где эта ваша «переправа»?

Сухмет остановился и показал на веточку, воткнутую между косями.

— Я воткнул ее здесь четверть мили назад, — сказал он.

— А вот за тем поворотом должна быть сломанная ветка, — сказал Лотар, невесело усмехнувшись. Они дошли до поворота.

Кросс всемогущий, сделай так, чтобы я ошибся, сказал себе Лотар, но как только они обошли куст веселого орешника, который закрывал часть дороги, и стало видно на сотню ярдов вперед, разглядели и сломанную ветку.

— Как же это может быть? — спросил Рубос. Он еще не все понял. — Мы никуда не сворачивали, идем вперед и вперед. Как же мы можем оказаться на том месте, которое уже проходили?

— Так делают, когда хотят закрыть какое-то совершенно открытое пространство. Только для этого требуется очень много энергии и очень сложная магическая техника, — сказал Сухмет.

— Потому из Мирана кораблей и нет, — добавил Лотар. — Они выходят, только в открытое море попасть не могут. Все время оказываются у выхода из гавани.

Рубос снял свой тяжелый кованый шлем, вытер пот.

— И звери поэтому разбежались. Часть с этой стороны, — он посмотрел на Сухмета, признавая точность подсказанного выражения, — а остальные подались за тридцать земель. Я бы и сам теперь, если бы мог...

— Ну, пока все не так плохо, — сказал Лотар. — Явной опасности нет, все выглядит мирно. — Он помолчал. — В любом случае нужно идти в Мирам. Послушаем, что там об этом говорят.

Теперь они шли быстро, словно старались наверстать упущенное время. Солнце уже стало сползать с небосклона вниз, когда

Сухмет вдруг одним коротким движением взвел самострел и сразу же выстрелил. Среди ветвей куста, под которым уже стала сгущаться тень, они нашли прищипленного к земле увесистого кролика.

Удобное место у ручья открылось почти мгновенно. Собрав последние лучи солнца магической фигурой из пальцев, Сухмет запалил костер и принялся свежевать тушку. Дым поднимался вверх тонкой, ясно видимой в прозрачном воздухе струйкой.

— Может, уберешь этот дым? — спросил Лотар.

— Нас через полчаса здесь не будет, — беспечно махнул выпачканной кровью рукой Сухмет, не желая отвлекаться на пустяки.

Но оказалось, это не совсем пустяк. Они уже наполовину расправились с кроликом, когда Сухмет отбросил кусок кроличьей ноги и принялся аккуратно вытирать пальцы от жира.

— Человек двадцать, — негромко сказал он. — С двух сторон. Идут спокойно.

Рубос, даже не дожидаясь, вскочил и замер в боевой позиции. Лотар тоже сначала вытер руки, чтобы не скользили, потом поднялся. Гвинед он решил не трогать. Кинжал был на месте, у пояса, и вынимался легко.

Разбойники уже окружили их. Некоторые вяло улыбались. Но глаза у всех оставались холодными, как зимняя галька.

Что-то здесь не так, подумал Лотар. Такая большая банда и так близко от города. Что, у них стражников нет? Или это какие-то особо отчаянные? Но по виду не скажешь. Скорее наоборот, обычные работяги, подстегнутые нуждой податься к уголовному сброду. Вперед выступил человек с крысиными серыми глазками, перетянутый широким кушаком, снятым, очевидно, с кого-то побогаче и гораздо толще.

— Оружие сами отдадите или нам придется с трупов снимать?

Лотар улыбнулся. У шпаны во всех странах мира даже повадки одинаковые — всегда провокатором выступает какой-нибудь чрезмерно прыткий холуй.

— Думаю, ни то ни другое, парень. Думаю, те из вас, кто унесет отсюда ноги, уже сегодня вечером захотят домой, к женам под теплые одеяла.

Связываться с ними не хотелось. Ох, не хотелось. Потом опять будет мерзкое чувство, и пройдет не одна неделя, пока перекошенные от боли лица, остановившиеся глаза мертвых и дикие крики забудутся настолько, чтобы не мешали спать.

Крысенок искал глазами кого-то сбоку, наверное, не нашел, потому что продолжил:

— Обидеть хочешь? А за это с тебя причитается.

Лицо его искривилось. И почти у всех, как по команде, лица стали жесткими, бешеными. А ведь не все так просто, мелькнуло у Лотара. Эти люди, хоть и не сразу заметно, уже обучены злу, уже заражены каким-то безумием. Лотар вздохнул. Как всегда, когда так получалось, ему стало жалко этих людей.

— Ничего с нас не причитается. Валите, ребята, мимо, — прогудел Рубос из-за спины.

Лотар почувствовал, что, как ни странно, именно его, гиганта с рельефной мускулатурой и иззубренным в поединках оружием, разбойники посчитали самым слабым звеном. И атаковали.

Первого Рубос прихватил левой рукой, ударом ноги сломал коленный сустав, потом стремительным движением, с перекатом кисти по запястью противника, заломил разбойнику руку за спину и резко поддернул вверх. Два вывиха, с двумя как минимум переломами, решил Лотар. Что-то уж очень жестко сработано. Нервничает Рубос, что ли?

Второго Рубос встретил круговым захватом. Можно было подумать, что он хочет разоружить противника, но едва мечи оказались в стороне, Рубос прямой ногой, огромной, как таран, ударил нападавшего в солнечное сплетение. Разбойник застыл. Рубос сделал шаг вперед и коротко, как на тренировке, ударил закованным в сталь локтем снизу в лоб. Треск сломанных у основания черепа позвонков был слышен на всей поляне.

Третьего Рубос зарубил, пока тот пытался выпутаться из травы. С той стороны все было решено. Разбойники еще делали вид, что атакуют, но стоило Рубосу топнуть ногой, как все дружно отшатывались и разве что за деревца не прятались с повизгиванием.

Троих, которые попытались напасть на Лотара, Желтоголовый просто отключил мягкими ударами по корпусу. Это было несложно, потому что ни доспехов, ни даже кольчуг на них не оказалось. Через несколько минут они пришли бы в себя, и к ним даже вернулась бы обычная подвижность, вот только дурной прыти у них поубавилось бы. Но тут вмешался Сухмет.

Заорав так, что даже Лотар вздрогнул, он бросился вперед, и никто и глазом не успел моргнуть, как он уже снял со всех трех скорченных идиотов головы. Его сабля Утгелла полыхала в последних лучах солнца алым веером. Разбойники отшатнулись.

Внезапно Лотар увидел Крысенка. Тот тщательно целился из лука, стараясь сразу нанизать на свою стрелу и Лотара, и широкую спину Рубоса. Тренькнула тетива.

Лотар уже стоял в позе скоростного блока. Стрелу он снял фиксированным ударом тыльной стороны левой ладони. Она ушла куда-то вверх. Но Крысенок оказался не прост. Он уже натягивал лук со второй стрелой, и уже снова зазвенела тетива. Лотар ушел с линии атаки и отбил ее правым кулаком.

Пожалуй, зря, подумал он. Все-таки это блок не от мощного удара, а от легкой стрелы. А пока сжимаешь и разжимаешь кулак, пусть незначительно, но теряется скорость. Однако тело слушалось и двигалось только по привычной схеме, затверженной сотнями тренировок. Перестраиваться было опаснее, чем терять скорость.

Третью стрелу Лотар поймал в воздухе и демонстративно, чтобы эти дурни видели, переломил надвое.

На мгновение все замерли. Ждали чего-то. Рядом дышал Сухмет. Его залитая кровью сабля мерно покачивалась в вечернем воздухе в такт дыханию.

И тогда вперед вышел еще кто-то. Лотар понимал, что это че-

ловец, но он, пока готовился отбивать стрелы, нечаянно задел свое магическое видение и теперь осознавал, что это существо уже не совсем человек. Что-то в нем было или сломано, или настроено, оттренировано так, что кровь, убийство, жестокость стали для него даже не профессией, а, пожалуй, единственно увлекательным, вызывающим хоть какие-то эмоции событием. Это был палач, убийца, мучитель...

И он улыбался. Его лицо могло даже показаться интересным. По толпе разбойников, как по траве, прошел шелест. Теперь Лотар знал кличку этого человека.

— Костолом... Костолом.

— А ты ловок, мальчишка, — процедил разбойник сквозь зубы.

Лотар ждал.

— Посмотрим, так ли ты ловок, когда встречаешь настоящего бойца.

Пожалуй, стоит попробовать вывести его из равновесия, решил Лотар.

— Это ты-то боец? — Лотар пожал плечами. — Да ты же палач. Привык иметь дело только с теми, кто связан, от кого нельзя ждать удара.

Это было не совсем так. Ноздри Костолома раздулись. Он не привык, чтобы над ним издевались.

— А что ты еще скажешь?

— Скажу, что ты трус — посылаешь вперед шавок, а сам прячешься за кустами. Ну и, конечно, весь твой авторитет держится на том, что бить ты умеешь только своих. Якобы за провинности, а на самом деле для того, чтобы не пропадал страх перед тобой.

Лотар говорил наугад, но чувствовал, что попадает. Теперь даже Крысенок притих и отступил назад. Костолом едва сдерживался. Он громко проглотил слюну, вытянул вперед левую руку и с хрустом сжал ее в кулак.

— Еще хочешь? — спросил Лотар.

— Довольно.

Медленно, напоказ, как все, что он привык делать, Костолом достал из-за спины булаву. Огромную, тяжелую, утыканную шипами. От нее тонкая цепочка тянулась к массивному браслету на правой руке. Он взмахнул булавой, якобы разминая мышцы и суставы. На самом деле это был способ напугать противника.

— Боишься? — спросил он.

Лотар усмехнулся. Он мог бы справиться с этим тяжелым, медлительным гигантом голыми руками, но молотить пришлось бы довольно долго, чтобы пробить броню этих мускулов. Да и Костолому это причинило бы боль, ничем не лучше тех пыток, какие сам Костолом устраивал своим жертвам. А этого Лотар не любил. Напрасных мучений не заслуживал никто на этом свете, даже такие, как этот бандит. Кроме того, боль искажала восприятие мира, затемняла, уродовала его. Чистое искусство воина было выше мучительства. Лотар медленно, чтобы ни у кого не осталось сомнений, вытащил кинжал.

Костолом не верил глазам:

— Я вызываю тебя на бой!

— Для такого, как ты, я свой меч не достаю.

Взревев, Костолом бросился вперед. Он взмахнул несколько раз булавой, чтобы набрать скорость, и обрушил ее на Лотара. Потом еще раз, еще... Лотар мягко уходил в сторону, вниз, в сторону. Пожалуй, даже Рубос владел булавой лучше, чем этот мясник. Но все-таки в его уязвимости следовало убедиться. Поэтому Лотар пока не атаковал, лишь уворачивался.

Разбойники отошли подальше. Это давало больше пространства для маневра. Скосив на мгновение глаза, Лотар заметил, что Рубос с Сухметом в полной безопасности и бдительности не теряют. Все было в порядке.

Лотар дернулся влево, вправо, потом еще раз и прислонился спиной к дереву, как бы оказавшись в ловушке. Костолом купился на это, как последний лавочник. Осклабившись, он взмахнул своей булавой и швырнул ее вперед, сразу на добрый локоть увеличив зону поражения. Лотар отлетел плотным мячиком влево, подождал, пока булава с треском воткнется в дерево, и развернулся на месте, разгоняясь так, что воздух запел под лезвием.

Костолом еще подбирал свою железку, вытягивая ее за цепь, когда кинжал воткнулся ему в шею. А Лотар отскочил назад и замер.

Костолом уже не поднимал булаву. Он стоял, широко, по-борцовски расставив ноги. Потом шагнул вперед, обхватил ствол дерева. По нежной древесине не очень толстого тополя вверх и вниз на пару ярдов разошлась трещина. Что ни говори, а удар у Костола был неплохой.

Потом он сполз вниз и затих. Лотар повернулся к разбойникам. Те молча смотрели на поверженного главаря. Потом один за другим стали исчезать в кустах. Лотар заметил, что многие из них старались уйти совсем не в ту сторону, откуда появились. Пусть не все, но некоторые из этих людей в самом деле возвращались домой. Уже по этой причине следовало убить Костола.

Сухмет улыбнулся сухими губами и принялся тщательно вытирать свою саблю.

— Больше всего мне жалко кролика. Остыл без пользы, — услышал Лотар его по-стариковски хриплый голосок.

Глава 3

К городу они подошли, когда солнце только-только скрылось за горизонтом. Дорогу, стены Мирама и даже стражников на стенах без труда видел даже Рубос. Ворота тем не менее оказались уже закрытыми. И дорога, ведущая к городу, была пуста, словно после заката все попрятались за стены. Сухмет покрутил от досады головой.

— А ведь это портовый, торговый город.

— Раньше было иначе, — сухо ответил Рубос.

Лотар попробовал определить, что это за город, какие тут люди

и как им живется. Он и сам понимал, что это был не колдовской способ понять происходящее, а какой-то чересчур человеческий, упрощенный, который часто используют люди, избегающие сложных оценок. Но подобному впечатлению он доверился когда-то в Ашмилоне, и оно не подвело его.

В Мираме на первый взгляд все было на своих местах, но что-то неладное созревало в этом небольшом, зажиточном и слегка самодовольном городе. Люди здесь жили спокойные, бойкие на язык, терпимые к чужим привычкам и довольно трудолюбивые — такие нравились Лотару, но сейчас в их сознании наступал какой-то сдвиг, словно в огромном древнем куполе вдруг появилась почти невидимая, но ведущая к катастрофе трещина. В этом городе постепенно переставали верить в достоинство, в честь, в разумность человеческих усилий. Над городом тонкой пеленой начинали накапливаться зависть, злоба и почти неуловимая ненависть, которая ни на кого еще не была направлена, но от этого не теряла своей силы.

— Э-гей, на дозорной башне! — крикнул Рубос. — Последние петухи еще не пропели.

Если бы они взорвали у ворот мину, это, наверное, вызвало бы меньший переполох. Воины на стенах принялись готовиться едва ли не к штурму. С разных сторон слышались крики офицеров, а в надвратной башне жестко заскрипел взводимый механизм катапульти. Лотар не поверил своим ушам. Но Сухмет произнес с суховатым смехом:

— Что-то их маловато тут собралось. Всего лишь сотни три, не больше.

Долгую тишину наконец прервал уверенный басок:

— Кто вы и что вам нужно?

— Мы путешественники, а нужно нам всего лишь попасть в город и добраться до хорошей гостиницы, — не повышая голоса, ответил Лотар.

— Откуда вы, путешественники?

Офицер на стене определенно не поверил им. Но за кого он их в таком случае принимал?

Взгляды дозорных оставляли на коже Лотара щекочущее ощущение. Он пристально вгляделся в темную небольшую башенку, выступающую из стены дальше остальных, откуда звучал голос разговаривающего с ними офицера.

— Мы вообще-то издалека. Последний раз, например, споткнулись на камнях Алдуина.

— Алдуин за морем, а вы идете пешком.

— Капитан отказался входить в порт, кто-то ему сказал, что здесь не все чисто. И последние тридцать миль нам пришлось пройти пешком. — Лотар помолчал. — Кстати, неподалеку от города на нас налетела банда грабителей. Но об этом лучше рассказывать с глазу на глаз.

На стенах упоминание о разбойниках было встречено доброжелательно. Это каким-то образом сняло напряжение. А Лотар думал, что им придется долго объяснять, что к чему, да как они

посмели, да как решились. Люди в таких городах не очень-то доверяют добропорядочности чужеземцев.

— Как зовут главаря?

— Костолом его звали, — вмешался Сухмет. — Долго нас еще тут будут расспрашивать?

— И вы ушли, да еще... — человек на стене напрягал зрение, — с оружием?

— Если не веришь, сбегай по этой дороге до осинника. Тут недалеко, пяток миль туда и пяток обратно. За пару часов управишься. Он и сейчас там, наверное, лежит. В их банде не принято тратиться на похороны.

Молчание на стене сменилось дружным гулом, в котором звучало недоверие.

Внезапно Рубос воскликнул:

— Что-то голос мне твой знаком, командир! Уж не Гергосом ли тебя зовут?

— Меня зовут... Э, да и мне твой голос знаком. Постой, кажется... Рубос, старина!

— Он самый!

После этого все пошло как по маслу. Вот уже мост опущен, ворота раскрыты, и даже стражники вышли вперед с факелами, чтобы в жиденьких сумерках старый приятель их Гергоса не оступился ненароком на занозистых досках моста.

Оба приятеля долго хлопали друг друга по плечам, по спинам, по бокам, потом тискали друг друга так, что скрипели доспехи, и наконец, слегка запыхавшись, Рубос представил Гергосу своих спутников.

Гергос, капитан городской стражи, оказался светловолосым гигантом с крупными красивыми чертами лица. Но быстрые взгляды исподлобья и привычка ходить немного боком выдавали бессознательное желание оставаться незамеченным, отходить в сторону, как только этот человек сталкивался с кем-то, кто был богаче или выше его по рангу. К знакомым своего приятеля он, казалось, не проявил никакого интереса, но Лотар видел, как капитан стражников украдкой несколько раз оценивающе осматривал их с ног до головы.

Должно быть, спутники Рубоса показались капитану подозрительными, потому что в воротах Гергос вдруг с тревогой спросил:

— Ну что, старый бродяга? Тебя-то я знаю, а вот чтобы пропустить твоих друзей, одного желания переночевать в городской гостинице маловато. Ты ручаешься за них?

— Ручаюсь, капитан, как за самого себя.

Рубос простодушно радовался. Сначала Лотар не понимал почему. Потом выяснилось, что оба великана были друзьями детства и, как это бывает, с детства пробовали соперничать, пока не поняли, что вместе добьются большего. Они даже наемничать отправились вместе и не один год провели бок о бок, пока наконец судьба не вернула Гергоса в родной город, а Рубоса по-прежнему уводила все дальше и дальше на юг. К тому же Лотару вдруг при-

шло в голову, что и он, если вернется домой, пожалуй, попадет в такой же водоворот чувств, вызванных воспоминаниями.

— Кстати, Костолома убил, конечно, ты? — полуутвердительно спросил Гергос.

— Нет. Скорее всего, я бы с ним не совладал. Его убил вот он, Желтоголовый.

Гергос удивился:

— Ты не скромничаешь, друг? Как он мог... да еще в окружении банды?

— Мы бились один на один, к тому времени банда уже выдохлась. Костолома подвела самоуверенность.

Гергос и солдаты с копьями, которые стояли вокруг, примолкли. Кто-то поднял факел, чтобы разглядеть Лотара получше.

— Ну что же, это большая услуга городу. Куда вы сейчас?

Рубос помрачнел.

— Ни дома, ни семьи у меня нет. — Он подумал. — Из наших кто-нибудь остался?

— Только, пожалуй, один Шув и помнит, какими мы были.

— Шув, толстый плут? Как он?

— Он держит лучшую гостиницу с лучшей в городе кухней. Только у него довольно дорого.

— Это не страшно, — беспечно махнул рукой Рубос.

— Ты разбогател?

— Не богаче нищего, но это действительно не имеет значения. Хорошо, что Шув остался здесь. Кто-то должен оставаться, чтобы было куда вернуться.

Гергос хмыкнул:

— Вообще-то для этого есть женщины.

— Ты женат?

— Кому нужна такая старая колода, как я? Впрочем, не все еще потеряно, тебе не кажется?

Сухмет демонстративно закашлялся, потом стал вытирать пыль с лица бледными, сморщенными пальцами. Еще немного, и ему захотят подать милостыню, несмотря на то, что он весь увешан золотом, подумал Лотар. Большого не потребовалось. Рубос все понял.

— Знаешь, Гергос, мы идем к Шуву. Если надумаешь, пошли вместе. Не знаю, что будет завтра, но отличный ужин сегодня я обещаю.

Капитан городской стражи улыбнулся:

— Мне нужно тут кое-что доделать. Но через пару часов, если ты не будешь спать, я мог бы выпить кружку-другую пенного сомского винца.

— Сомское винцо, — повторил Рубос. — Я и не помню, какое оно на вкус, лучшее из наших местных вин. Если обещаешь появиться, то я обязательно дождусь.

С улыбкой Гергос поднял руку в боевом приветствии.

В гостиницу Лотар, Сухмет и Рубос вошли так тихо, что даже пламя свечи, которая горела на столе возле двери, не дрогнуло. В лучшей гостинице города с лучшей кухней не было ни души и царил почти полный темень.

Рубос, сдвинув тяжелый шлем, почесал за ухом.

— М-да, не очень-то обнадеживает. Ну, ничего, сейчас мы... Эй, Шув, принимай гостей, каких не ждешь!

Его голос прокатился по пустому помещению, словно по сырому погребу. И не остался без ответа. Где-то в дальнем конце дома скрипнула дверь. Потом послышались мягкие, осторожные шаги, и на стене темного коридора появилось пляшущее пятно света. Чуть дрожащий голос проговорил:

— Сейчас посмотрим, кого Бог в гости привел.

— Посмотри, посмотри, старый обжора, — пророкотал Рубос.

Трактирщик вышел, придерживая на груди халат из мягкой ткани, поднял свечу повыше, охнул и бросился вперед:

— Рубос, голубчик...

Он узнал Рубоса сразу. Или Рубос оставил в его памяти неизгладимый след, или он помнил свое детство так отчетливо, как это бывает только с очень одинокими людьми. Скорее всего, последнее, решил Лотар.

Шув был полной противоположностью и Гергосу и Рубосу. Он был толст, неповоротлив, потлив, и это почему-то вызывало подозрение, что кабатчик не очень умен. Длинные, редкие волосы Шува торчали в разные стороны. Это было бы забавно, если бы не еще большая странность — трактирщик был весь в морщинах. В складках кожи лица тонуло почти все — глаза, нос, губы. Даже уши, казалось, странным образом имели большее число извивов и перегородок, чем у нормального человека.

Сначала это вызывало неприятное чувство, но когда становилось ясно, что Шув добрый малый, рельефы на его лице казались даже обаятельными. Вскоре Лотар начал понимать, почему у Шува был самый удачливый, по словам Гергоса, трактир в городе, хотя пока это не очень подтвердилось.

Последовали охи, ахи, но объятий и похлопываний было уже гораздо меньше, чем с Гергосом. Возможно, Рубос опасался раздавить своего пышнотелого приятеля. Наконец вмешался Сухмет и решительно направил поведенье воспоминаний в более практичное русло:

— Мы не просто так приехали, милейший. Мы еще будем тут жить и даже, что, вероятно, кое-кого удивит, ужинать. Например, прямо сегодня вечером.

— Но до ужина нам нужно помыться, — сказал Лотар. Он не мог избавиться от запаха чужой крови, застрявшего в ноздрях.

Когда гости, вымытые и размякшие после горячей воды и мыла, уселись наконец за стол, комната преобразилась. Ее освещало не меньше двух дюжин свечей, на столе были расставлены тонкие тарелки, а из массивных судков шкворчало, шипело, булькало, хлопало и пахло так вкусно, что Лотар не успевал глотать слюну. Еще на стол выставили три огромных кувшина вина, как показалось Лотару, довольно посредственного. Шув, затянутый в тесный сюртук, который тоже сморщился на его теле, суетился, подгоняя двух мальчишек и трех служанок. Он решил устроить праздник.

И это ему удалось. Все было так восхитительно вкусно, так здорово приготовлено, что Лотар продолжал жевать, хотя уже чувствовал, как пища ложится в желудке избыточной тяжестью. Но сегодня вечером обжорство почему-то не казалось таким уж страшным грехом, особенно под шутки и смех Сухмета. Старик очень быстро сумел растопить холодок, возникший у Шува, которого сначала шокировала привычка чужеземцев ужинать за одним столом с рабом.

Наверное, не пройдет и двух часов, как трактирщик и бывший раб станут лучшими приятелями, с грустью подумал Лотар. Сам он не умел вот так легко завоевывать друзей, и сегодня вечером это казалось несправедливым.

Когда все наелись и Рубос перестал уговаривать Лотара отве-
дать их сомского, которое даже на взгляд вызывало оскоми-
ну, Сухмет, поигрывая красивой пиалой с изжелта-бледным, более
чем наполовину разведенным вином, неожиданно спросил:

— Кстати, милейший, нам сказали, что твой трактирчик поль-
зуется самой хорошей репутацией, но то, что мы видим... — Сух-
мет широким жестом обвел пустое помещение, — не вяжется с
этими словами.

Шув погрузтел:

— Это правда. У меня не было причин жаловаться на недоста-
ток посетителей, да и люди заходили хорошие. Но с тех пор как
стало ясно, что все мы скоро умрем...

Рубос отставил серебряный стаканчик с вином и выпрямился
на своем стуле.

— Кто распускает такие сплетни по городу?

— Это не сплетни, Рубос. Так думают все. Бессмысленно кого-
то наказывать за то, что он высказал это вслух.

— Хорошо, допустим, все так думают. Но почему? — спросил
Лотар.

— Два месяца назад, когда собаки впервые появились в нашей
долине...

— Что за собаки? — спросил Сухмет.

— Как, вы ничего не знаете о собаках? Где же вы бродили?..

— Мы только сегодня высадились в безлюдной местности с
корабля, который привез нас из-за моря, — терпеливо объяснил
Рубос.

— Ага, значит, вы и в самом деле ничего не заметили?

— Кое-что заметили, — уклончиво сказал Сухмет, — но не
очень поняли, что происходит.

— Ну да, тогда ясно.

Лотар вдруг заметил, что за время ужина хозяин ни разу не
присел, переходя от одного гостя к другому.

— Бери стул, садись и рассказывай. Если хочешь, налей себе
вина, его все равно осталось больше, чем мы сможем выпить за
неделю.

Шув кивнул, тихо поставил стул рядом с Рубосом, присел на
кончик, плеснул в небольшой керамический стаканчик сомского
и стал рассказывать:

— Они появились, как я уже сказал, два месяца назад. Ночью, как и всегда потом появлялись, с громким топотом и лаем, от которого тряслась земля. Люди сначала думали, что с ними можно будет как-то справиться, но они лишь носились по округе и на людей не больно-то обращали внимание. Потом стало известно, что они нападают на разные дома и разбивают их в куски.

Сухмет, который до этого спокойно слушал, глядя в потолок, вдруг нетерпеливо заерзал на своем месте. Шув тут же послушно замолчал и отхлебнул из стаканчика.

— Это все проделывали обычные собаки? — спросил Лотар.

— Что вы, конечно, не обычные. Они огромные, выше дома в несколько этажей. А еще говорят... — Шув боязливо оглянулся на темные углы. — Говорят, что они из гранита, но двигаются, как живые, правда, немного медленнее.

Сухмет откинулся на спинку стула и обвел всех недоуменным взглядом.

— А как вы пытались с ними справиться, если они из гранита? — спросил он.

— Ах, сейчас и говорить об этом смешно. Бросали в них бочки с горящей смолой и маслом, пытались разбить их стволами тяжелых деревьев, несколько раз заманивали в ямы-ловушки с кольями на дне...

— И ничего не помогло?

— Все оказалось бесполезным. Даже ямы этих чудовищ не могли погубить. Колья ломались под их тяжестью, а мягкие стены ловушки осыпались до тех пор, пока собака не выбиралась из нее и с громовым лаем не уносилась неизвестно куда.

— Значит, они только бегают и проглатывают дома? — спросил Рубос.

— С этого началось. Потом кое-кто побогаче решил уехать из города, но тут по краю долины обнаружился какой-то барьер, через который людям не перейти. И даже морем уплыть невозможно. Все время возвращаешься назад, откуда начал путь...

— Это мы уже знаем, — сказал Рубос.

— Вот тогда-то все и испугались по-настоящему. Стало ясно, что все это кем-то подстроено.

— Стоп, — сказал Сухмет. — Я не самый большой дурак на свете, но все-таки не понимаю, почему вы считаете себя обреченными на смерть из-за того, что вокруг Мирама поставлен магический барьер.

Шув пожал плечами:

— По-моему, это каждому понятно. Барьер стоит денег, а разве кто-нибудь будет так тратиться, если не добивается своей цели? И, скорее всего, это приведет всех нас к гибели, а кого-нибудь одного к богатству или власти.

— Продолжай.

— А потом появились мародеры. Никто не знает, откуда их столько набежало в наш край. Они были злые, голодные, жестокие. Никого не щадили и никому не давали спуска. Люди, конечно, бросили все, засели по замкам или набились в город. Те, кто

побогаче, владельцы замков, решили сорвать на этом неплохой куш, подняли цены на съестное, но не очень, иначе все ушли бы в город. И тогда тот, кто все это затеял, натравил собак на замки. Они стали врывать в крепости, ломать стены, глотать башни, а людей убивали мародеры. Скоро настанет черед и Мирама. Ндолго уже осталось. — Шув допил вино и шмыгнул носом.

— И тем не менее мне не все понятно, — сказал Лотар. — Мародеров можно выгнать, для этого существует дружина.

— Почему-то в городе очень многие считают, что от собак страдают только богатые или знатные, а простым людям и даже дружинникам бояться нечего. С таким настроением дружину не соберешь. — Шув обреченно махнул рукой. — Наш князь опоздал.

— Но мародеры-то наверняка грабят всех подряд?

— Конечно, всех, но люди этого уже не замечают. Вот я и говорю: что-то готовится.

— А почему все-таки у тебя никого нет? — спросил Рубос.

— Кто-то пустил слух, что собаки не любят воды и потому те, кто не сходит на берег, останутся жить. Вот и подались все к морю. Это какое-то сумасшествие. Строят плоты, понтоны из бочек, обыкновенные фелюги продают втридорога, и все только ради того, чтобы не попасть на зуб какой-нибудь собаке, которой до людей и дела нет.

— Значит, у тебя постояльцев, кроме нас, нет?

— Есть один, только...

— Что такое?

— Он странный какой-то. Я и объяснить не могу, но что-то с ним не так. — Он подумал. — Конечно, может, и он просто-напросто боится, как многие, только ведет себя странновато...

— Как его зовут?

— Он просил называть себя господином Курбаном.

Лотар посмотрел на Сухмета.

— Это не имя, а прозвище. Так на Востоке величают себя многие вельможи.

— Ладно, познакомимся еще, представится случай, — сказал Лотар. — А теперь ответь на мой вопрос, только как следует подумай. Кого люди подозревают в том, что происходит в Мираме? Может быть, называют какие-то имена, может, кто-то рассказывает что-нибудь необычное?

— Необычного, господин хороший, сейчас в Мираме столько, что и не перескажешь. А имена, конечно, называют. Даже два. Первого, кого обвиняют, так это нашего господина Кнебергиша. Он лекарь, живет в Мираме недавно, и десятка лет не прошло, как он появился. Сначала думали, что он, как все, деньги любит и пилюли продает, а потом выяснилось, что он еще кое-чем занимается.

— Например?

— Не раз и не два видели, как он читал книгу, писанную неизвестными знаками на черных пергаментях и переплетенную в черный сафьян. И от нее пахло серой и плесенью. Значит, непро-

стая это книга. Еще видели, что он ходил в дальние пещеры, где скрываются те, кто промышляет наговором, порчей и магией. Да и вообще, чародеи и лекари — одна компания.

— Что за дальние пещеры?

— Катакомбы на северных отрогах долины, — ответил Лотару Рубос. — Мы мальчишками часто туда бегали. Никто там не скрывается, сказки это.

— А кто второй, кого обвиняют в появлении собак?

— Сам воевода, господин Сошур. Это он приказал своим слугам выкапывать ямы с кольями на дне, когда собаки только появились. И когда собаки к нам пожаловали и всем стало ясно, что так их не одолеть, он попытался от этого откреститься. Тайну на все напустить. Но когда кто-то из его людей к мародерам ушел, тайна вся и лопнула. Тогда, я помню, большой шум в порту поднялся. Хотели даже идти к нему выяснять, почему он от этого отрешивается, но князь тогда был еще в силе, и дело кончилось ничем. Впрочем, может, и не ничем. Я слышал, как Сошура то здесь, то там недобром поминают. К тому же он с Кнебергишем дружбу водил, и они вполне могли это дело на пару затеять.

Сухмет ухмыльнулся:

— А что эти двое выиграют, если собаки нападут на город?

Вопрос застал Шува врасплох. Он покрутил головой, потом подергал рукава сюртука, словно они слишком плотно обтянули его жирненькие руки и теперь он почувствовал, как ему давит подмышки.

— Не знаю. Не мое дело разбираться в этом. Может, у них есть еще что-то в запасе, чего никто не знает?

— Может, — согласился Лотар. — А сколько замков осталось в Мирамской долине?

— Только два — господина Кибата и господина Бугошита. Конечно, если не считать терем воеводы Сошура, который находится здесь, в городе.

— А они к нападению собак готовы?

— Уж больше месяца на военном положении.

— Понятно. — Лотар помолчал. — Расскажи о семье князя.

— Ну, князь — он и есть князь. Раньше был хозяин, во все нос совал, со всем разбирался. И торговлю иногда сам вел, и на охоту ходил с одной рогатинкой, а теперь постарел, и тянет его больше пиры задавать. А изменился он, когда его жена Рассулина умерла. Хорошая женщина была, светлая ей память. Осталась у князя дочь, Светока, которую он любит даже больше, чем наследника — Прачиса. Мальчишке сейчас самое время в силу входить. Пока беда не случилась, некоторые даже говорили, что уж очень он рассудителен, больно много о себе понимает, а сейчас вздыхают, что молод очень. Если бы он чуть постарше был, глядишь, как-нибудь да выкрутились бы из беды.

— Угу, — буркнул Сухмет, пожевывая что-то. — Способный, значит.

— Да я и сам так думаю: если бы Прачису хорошего советника...

— А кто у него советники? — спросил Рубос.

— Сошур, он всегда в городе, и Бугошит. Этот собак не боится, к морю даже головы не поворачивает, давно бы уехал в свое имение, да его князь не пускает. Известное дело, они одногодки, вместе бедокурили, вместе за Рассулиной бегали, сейчас вместе и старятся.

— Так что, у него ни жены, ни детей нет?

— Как не быть. Жена у него, поди, третья, и детей полон короб, только они как-то недружно живут. Вот боярин и сидит в городе, а семья еще где-то, да я не знаю где, скорее всего, на одном из боярских кораблей.

Сухмет вытер пальцы о расшитую салфетку и глотнул разведенного вина из пиалы.

— А что все-таки думает князь?

Шув вздохнул:

— Похоже, ничего не думает. — Он вдруг всплеснул руками. — Да, чуть не забыл! Там в детинце есть один человек, он сейчас почти что самый главный... Бывший лекарь, кстати. Но он уже давно в колдуны подался. Злой он и способен на разные штуки, какие и не перескажешь, но князь его слушает.

— Что же это за разные штуки, милейший Шув?

— Знаете что, гос... — Шув запнулся, чувствовалось, что у него язык не поворачивается назвать господином человека с ошейником.

— Можешь называть меня по имени — Сухмет, как все делают.

— О том вам лучше бы с ним самим поговорить.

— Да стоит ли он того, чтобы с ним разговаривать? — лениво, но со значением проговорил Сухмет и быстро из-под опущенных ресниц взглянул на Лотара.

Рубос от волнения привстал, но тут же сел. Его внимание привлекла дверь трактира, которая стала тихо открываться в темноте. Лотар уже знал, кто за ней стоит, а Сухмет, пожалуй, почувствовал, что происходит, еще раньше. Рука Рубоса непроизвольно дернулась к перевязи меча. Но он тут же расслабился, и углы его губ дрогнули в улыбку.

— Вообще-то все это должен решать князь, — проговорил Шув, который ничего не заметил.

— Вот я всех заговорщиков и замел на месте! — пророкотал из темноты громкий уверенный бас.

Шув вздрогнул и вскочил со стула. А Рубос растянул рот до ушей. В круг света вошел Гергос.

Лотар снова подивился разнице между его уверенным голосом и манерами, в которых читалась едва ли не откровенная слабость. Но сейчас это можно было объяснить: Гергос был измучен до фиолетовых кругов под глазами.

Рубос встал, хлопнул его по плечу:

— Садись, друг. Вина еще осталось столько, что нам хватит до утра.

Гергос сел, вытянул ноги в тяжелых сапогах, откинулся на спинку стула, на котором только что сидел Шув.

— Может, ты есть хочешь? — негромко, по-свойски спросил

капитана городской стражи трактиршик. — У меня всего на кухне наготовлено...

— Нет, только выпью за приезд этого бродяги, — Гергос кивнул в сторону Рубоса, улыбнулся, потом внимательно посмотрел на Лотара и Сухмета, — его друзей и пойду спать. Вторую неделю сплю не больше трех часов за ночь.

Шув уже появился с чистым стаканчиком. В жесте, каким он поставил его перед Гергосом, были подчеркнутая вежливость и фамильярность. Так мог бы держаться лакей, который знает о своем господине все и потому многое может себе позволить, но не хочет потерять работу и при людях держится в рамках.

Лотар не стал больше думать об этом. Отношения этих людей не касались его, они просто не имели никакого значения. Но ощущение настороженности, скрытой напряженности у Лотара осталось.

Глава 4

Свечи не успели оплыть, а за столом уже повисла тишина. Как ни хлопали друг друга по плечам Рубос с Гергосом при встрече, а рассказать обо всем, что с ними происходило за эти годы, оказалось несложно. Или в самом деле следовало заводить очень обстоятельный и долгий разговор, который был бы уже попыткой начать новую дружбу, а не продолжить старую. Да и волновало всех не прошлое, а то, что происходило сейчас.

Поэтому Лотар не стал церемониться и напрямую спросил:

— Что известно о собаках?

— А что известно вам? — быстро спросил в ответ Гергос.

— То, что рассказал я, — медленно, с непонятной опаской произнес Шув.

Гергос кивнул, но слегка пренебрежительно.

— Слухов в самом деле очень много.

— А что не «слухи»? — спросил Рубос.

— Я не знаю.

Но даже Рубос почувствовал, что это лишь попытка уйти от ответа.

— Вообще-то я спрашиваю не просто так, — произнес Рубос. — Может так получится, что этот вот мальчишка поможет тебе, мне, нашему князю, городу... Людям.

Усталые, с набрякшими веками, глаза Гергоса стали уже, в них мелькнула искра веселья. Он поднял свой стаканчик вина:

— Может, лучше выпьем за непобедимую команду наемников, прибывших с Алдуина?

— Я говорю совершенно серьезно. Этот мальчишка, как ни странно, способен остановить каждого, кто затеял злое дело против нашего города.

— Он способен справиться с каменным, абсолютно неуязвимым псом размером с небольшой замок?

— Возможно, пес — не самое главное в этом деле, — спокойно

произнес Лотар. — Это понятно каждому, кто сталкивался с силами зла.

— А что самое главное? — с тревогой в голосе спросил Шув.

— Что приходит потом. Или то, что управляет этими собаками.

— Или что-то, что выстроило вокруг города невидимую стену с односторонней проницаемостью, — добавил Сухмет. — Или что-то еще. Ведь ясно как день, что собаки — лишь часть какого-то плана. Вот и нужно найти слабое звено этого плана и разрушить его.

Гергос улыбнулся:

— Бродячие колдуны, занятые бескорыстным разрушением зловных планов неизвестно кого?

— Почему же бескорыстным? Я наемник, и очень недешевый, если на то пошло. Потому что мне удавалось то, что не получалось у других.

— А колдун в нашей компании вообще-то я, — скромно сказал Сухмет и откусил кусочек куриного крылышка. — А что касается желания побродить по свету — это не признак неудачника. Скорее наоборот, неудачник как раз и боится тронуться в путь, потому что может потерять то немногое, что у него есть на одном-разъединственном месте, где он живет.

Гергос больше не улыбался.

— Что ты имеешь в виду?

— Я пытаюсь пошутить.

Но в тоне Сухмета сквозила настолько резкая, злая насмешка, что Лотар тут же поднял свою кружку с водой и произнес:

— В любом случае мне тут не грозит непонимание, ведь я ничего не доказываю. И вовсе не напрашиваюсь на службу. Давайте выпьем за то, чтобы ничего не доказывать.

Рубос исподлобья взглянул на Гергоса и с нажимом произнес:

— А я напрашиваюсь. Потому что капитан городской стражи, кажется, не способен сообразить, что Лотар, прозванный Желтоголовым, случайно оказавшийся здесь, — величайшая удача для всех, кто хочет добра Мирану.

— Нет ничего проще, — быстро проговорил Гергос. — С сегодняшнего вечера можешь считать себя на довольствии сержанта. И я уверен, что в этом чине ты пробудешь недолго, с твоим-то опытом...

— Я не стою и гвоздей на сапогах Желтоголового, — проговорил Рубос. — Как ты не понимаешь, Гергос?

— И для него на стене найдется бойница, где пара умелых рук не будет лишней. Правда, не уверен, что сыщется вакансия сержанта...

— Во-первых, на стену я не пойду, — произнес Лотар. — Как известно, из бойницы не тот обзор. Во-вторых, сомневаюсь, что и за оклад сотни сержантов я без определенной договоренности соглашусь встать на сторону города. А в-третьих, я должен отчитываться перед самим князем, чтобы разные сержанты не вставляли мне палки в колеса по своим мелочным сержантским соображениям.

Гергос потряс головой. Даже Шув отвел глаза — настолько явно капитан мирамской стражи был сбит с толку.

— Делаю, что хочу, отчитываюсь перед князем, и еще какие-то договоренности... Зато деньги — как сотне сержантов и даже больше. Что же это за служба такая? И как мы узнаем, что ты действительно делаешь что-то стоящее?

— По результату. Если собаки исчезнут, это и будет моей работой. Повторяю, будет, если я захочу заняться этим делом.

— А если нет?

— Тогда ни ты, ни князь, ни город ничего не теряете, — торопливо прогудел Рубос. — По-моему, все очень просто.

— Просто? — Гергос почесал переносицу тонким пальцем с обкусанным ногтем. — Но как этот чужак может понять что-то в наших бедах, если и сами мирамцы ничего не понимают?

— Вряд ли это забота того, кто нас нанимает, верно? — спокойно произнес Сухмет. — Он покупает результат, а не действия и, следовательно, не должен их критиковать.

— К чему этот разговор? — спросил после недолгого молчания Лотар. — Я вовсе не собираюсь вмешиваться в проблемы Мирама, хотя и намеревался пожить здесь некоторое время.

— Если ты не поможешь, мой господин, вряд ли у тебя будет возможность жить здесь, — усмехнулся Сухмет. — Придется резво уносить отсюда ноги...

— Лотар, я тебя прошу, — произнес Рубос очень серьезно. — Пойми, я здесь родился, здесь живут люди, о которых я вспоминал почти пятнадцать лет, пока странствовал. И хоть я давно здесь не был, я могу жизнь отдать за это место и даже не пожалею об этом. И мне кажется... нет, я знаю, что только ты можешь сейчас помочь городу; а больше у него нет никакой надежды.

Гергос допил вино и решительно потянулся за шлемом, который лежал возле его стула на полу.

— Все это очень уж чудно. Упрашиваем, уговариваем... Все равно времени мало осталось. Они приходят к нам в долину на одну неделю в месяц. За два предыдущих раза разрушили все замки и укрепленные башни. Последним пал замок Кванета, ты его должен помнить, Рубос. — Рубос торопливо и хмуро кивнул. — А на этот раз придут, чтобы разрушить город. Значит, три-четыре ночи, и все. Не будет больше ничего. А тем, кто останется, может, будет нужно что-то совсем другое...

— А почему они приходят на неделю в месяц? — спросил Сухмет.

Гергос набычился. Потом вздохнул и надел шлем, откинув назад кольчужный нашейник.

— Никто не знает.

— Так не бывает, — сказал Лотар, откидываясь на спинку стула. — Кто-то знает, только не хочет, чтобы это знали все.

— Лотар, — снова позвал Рубос. — Если князь сделает тебе предложение, за деньги или как-то иначе, как ты хочешь, ты согласишься? Лотар, об этом тебя прошу я.

— Как это ни странно, — произнес вдруг Шув, — кажется, я тоже прошу тебя, господин Желтоголовый.

— Лучше зови меня Лотаром, как все остальные, — быстро проговорил Желтоголовый.

Гергос поднялся. Он стоял теперь выше всех, и свечи отбрасывали множество теней от этой мощной, сильной, темной фигуры. И никто не мог бы сказать, какая из них настоящая.

— Мне кажется, господин мой, мы вполне могли бы заняться здешними делами, — сказал, сладко улыбаясь, Сухмет. — Возможно, это лучший способ пожить тут с удовольствием.

Тишина повисла такая, что даже треск свечей казался слишком громким. Шув тихонько повернулся и сурово посмотрел на них как на непослушных служанок. Лотар отчетливо услышал, как хрустнули его суставы, должно быть, позвоночник почтенного трактирщика был не в лучшем состоянии.

Сухмет облизнул пальцы и гулко глотнул своего разведенного вина. Когда он поставил пиалу на стол, все заметили, что даже Гергос ждал ответа Лотара. Капитан городской стражи понял это и повернулся, чтобы уйти.

— Господин мой, как бы ты ни надеялся, что это дело тебя не касается, кажется, ты ошибаешься. В любом случае мы уже влипли, хотя и не очень основательно, но будет лучше, если мы примемся за дело, чтобы потом не жалеть об упущенном времени. Даже наш достойный капитан говорит, что времени почти не осталось, так что решай скорее. Кроме того, в незнакомом месте неплохо бы иметь...

Сухмет хотел сказать, что неплохо было бы заручиться покровительством князя, если им удастся сделать что-то существенное. Он не стал договаривать при Гергосе, но даже Шув сообразил, что он имел в виду.

— Да, любая помощь, какая возможна, господин Лотар, будет... в будущем зачтется, как вы себе и представить не можете. У нас очень благодарные жители, — подтвердил Шув.

Лотар поднял глаза на Гергоса:

— Когда можно будет попасть к князю?

— Да прямо сейчас, — ответил Рубос. — Даже я помню, что князь всю жизнь ложился с первыми петухами, а вставал чуть ли не к обеду.

Казалось, Гергос уже пожалел, что задержался тут слишком долго.

— Ну, не такая уж я важная фигура, чтобы сразу вести вас к князю.

— Такая, Гергос, такая, — вдруг решительно заметил Шув. — Если потребуется, ты можешь не то что пару колдунов провести к князю, но даже меня. Князь хоть и не тот хват, что прежде, но чиниться, кажется, так и не научился. Да у него сейчас самое обещенное время!

— Тогда еще одно. — Лотар перевел взгляд своих серых глаз на трактирщика. — Мы оставим свои пожитки у тебя, любезный Шув? Я возьму только меч.

— Разумеется, господин. Я сделаю все, чтобы к вашему возвращению комнаты для столь уважаемых гостей были готовы.

Рубос, однако, заколебался. Он задумчиво потербил бороду.

— Знаешь, Шув, у нас там изрядная сумма... Так что будет лучше, если ты запрешь ее куда-нибудь.

— У меня не было воровства последние двенадцать лет, Рубос. Я абсолютно доверяю своим слугам, так что можешь не беспокоиться.

— М-да, — произнес Гергос, почесав переносицу. — В общем, если постараться, это все можно устроить, вот только...

— Что? — в один голос спросили Рубос и Шув.

— Оружие. Не то чтобы мы вам совсем не доверяем, но...

— Без оружия я никуда не пойду, — спокойно проговорил Лотар.

— Но это не по протоколу — водить вооруженных чужеземцев к князю.

Шув огорченно покачал головой:

— Гергос, через пару дней, если совсем ничего не предпринять, от всех нас останется только «черный пудинг», а ты говоришь о протоколе.

Лотар вспомнил, что «черным пудингом» в этих краях называют овсянку крупного помола, залитую особым образом приготовленной бараньей кровью. Кушанье было, судя по всему, на любителя, но вид его был и вовсе отвратительным для непривычного глаза.

Шув отодвинулся от стола толчком, от которого дрогнула столешница и качнулось вино в стаканах. Совершив этот геройский для своей комплекции поступок, он стал решительно одергивать свой сюртучок и стряхивать невидимые пылинки.

— Ты что, тоже идешь? — изумился Гергос.

— Я? Нет, конечно. Но я буду ждать моих гостей, пока они не вернуться. И первым узнаю, чем кончилась эта затея.

— Вот тут ты ошибаешься, Шув, — пророкотал Рубос. — Конец этой, как ты сказал, затеи мы узнаем не скоро.

Глава 5

Детинец мирамского князя был построен не как оборонительное сооружение, а скорее как обычный терем с огромным количеством удобных окон, с большими, красивыми, но очень ненадежными при обороне дверями и весело разбросанными там и сям башенками, которые радовали глаз и, вероятно, восхищали заморских купцов своей непрактичностью.

Детинец совсем неожиданно для Лотара оказался всего в сотне шагов от трактира, где они ужинали. Хотя это был самый центр города, выстроенный прежде всего для удобства торгового люда, вокруг было тихо и пустынно, как здесь вряд ли бывало в обычные времена даже в самую глухую ночь.

Лотар поднял голову. Звезды на высоком и чистом небе горели

ослепительным светом. В южных широтах они казались низкими, доступными и почти сливались с пейзажем. А здесь становилась ясна их непостижимая и таинственная сущность, в них появилась холодная недоступность. Лотар вдохнул полной грудью. Это еще не были звезды его родного Северного континента, но они так походили на небосвод, который он привык видеть с детства, что можно было и не замечать разницы.

Гергос с тревогой обернулся, пытаясь найти растворившегося в темноте чужеземца. Лотар усмехнулся. Вокруг не горело ни одного огонька, поэтому Гергос и не заметил, куда подевался этот расторопный юнец. Это странно успокаивало после не совсем понятной напряженности и недоверия, которые отчетливо читались в Гергосе в трактире Шува.

Пока еще было время, Лотар быстро осмотрелся. С правой стороны от терема стояли дома именитых горожан, служилых и просто богатых торговцев, как и полагалось в Мираме. Напротив через площадь стояли дома, почти целиком превращенные в торговые ряды, меняльные лавки и многочисленные конторы.

Нигде не было ни души. Даже стражники не стояли у своих рогаток, даже обыкновенные околоточные сторожа с колотушками куда-то подевались. Даже перед широким открытым крыльцом княжеского терема не было видно ни одного самого завалящего стражника. Лотар догнал Гергоса.

— Где твои люди, капитан?

Гергос вздрогнул, не ожидая, что Лотар так неожиданно появится у плеча. Это тоже странным образом успокаивало Лотара. Рубос, который гораздо лучше ориентировался, чем его старый приятель Гергос, подрастерявший сноровку от чересчур спокойной службы, невольно хмыкнул.

— Все, кто может держать оружие, — на стенах. Я приказал даже в тереме вооружить челядь, чтобы не отвлекать своих людей от главного.

— Думаешь, они собак сдержат? — поинтересовался Сухмет.

Гергос вздохнул:

— Там они, по крайней мере, больше при деле, чем здесь. Все же мародеров и прочую нечисть, которая набежала к нам в последнее время, попугают, если те слишком уж нахально в город попрутся.

— И получается у них? — с интересом спросил Рубос.

— Не очень, бандитов стало слишком много. Иногда я думаю, что эту хитрую невидимую пелену вокруг Мирама повесили для того, чтобы здесь накопилось всякого отребья со всех южных морей и со всего Западного континента. Их уж и гонят, и ловят, и просто вешают, а они не переводятся.

— То, что их в город не пускают, это хорошо, — сказал Сухмет. — Только и с теми, кто здесь, можно бучу поднять. Известное дело — портовый город.

— В порту своя стража. Мы их на стены не водим. Пока справляются.

Толково, подумал Лотар. Или дело зашло так далеко, что уже и это не пугает тех, кто задумал преступление?

Рубос вдруг хлопнул Сухмета по плечу:

— Вы, ребята, думайте, главное — думайте. Без этого городу, похоже, хана скоро настанет.

Гергос посмотрел в ту сторону, откуда раздался этот взволнованный голос, но так и не разглядел Рубоса, и Лотар понял — это не маскировка, он действительно не умеет ориентироваться в темноте.

— Ты, кажется, считаешь, что мы уже ни на что и не годны?

— Вы?.. Вернее, мы? Да, я именно так и считаю.

Гергос повернулся так резко, что ножны меча описали в воздухе полукруг и хлопнули его по бедру.

Остальной путь до замка они проделали молча. Двери были, конечно, закрыты. Пока в окошке стражника появился свет, пока кто-то возился с засовами с той стороны двери, Гергос сердито смотрел на Сухмета. Должно быть, он сомневался, стоит ли пускать раба в замок с красного крыльца. Но он все-таки ничего не сказал. Вот что значит торговая выучка, подумал Лотар, никаких тебе пересудов. Теперь он лучше понимал некоторые черты и в характере Рубоса.

Наконец стражник откинул какие-то крючки и открыл одну створку двери. За ней пришельцев встретил всего-то один арбалетчик с худой, неуверенной физиономией. Пара решительных людей справилась бы с ним простыми кухонными ножами, решил Лотар и вздохнул. Но возможно, все дело в том, что с ними был Гергос.

Затем их провожатый пошептался о чем-то со стражником, и они пошли по коридорам, в которых становилось все светлее. Наконец все четверо оказались в довольно большом зале, расписанном фресками, изображающими сумрачных, застывших в нелепо-торжественных позах мореходов и торговых капитанов. Лотар был уверен, что это не вояки. На портрете воина на переднем плане непременно красовалось бы оружие, а на заднем кипела бы какая-нибудь битва, на которую «герой» не обращал бы никакого внимания. А тут все было наоборот. Эти люди держали в руках морские карты, навигационные инструменты и иногда книги. А за спинами у них плескалось море, и по нему весело плавали корабли и разные лодки. Да, решил Лотар, за это стоит побороться.

В небольшом закутке зала, в самом его освещенном месте, сидели люди, были слышны их голоса и звон посуды. Гергос строго осмотрел своих спутников и поправил, как новобранцу, застёжку на поясе Сухмета. Старый раб сразу догадался и принялся приводить себя в порядок. Хотя он-то и был одет лучше своих спутников, а украшений на нем было навешано столько, что хватило бы на полдюжины Рубосов и десятка на два Лотаров.

Наконец к Гергосу бесшумно приблизилась и почти беззвучно хлопнула в ладони какая-то фигура. Гергос сразу шумно и резко, звеня оружием и стуча каблуками на весь зал, зашагал вперед. Лотар, Сухмет и Рубос последовали за ним.

Они оказались перед обеденным столом, за которым сидели трое мужчин среднего возраста, молоденькая девушка и юноша с длинными вьющимися волосами. Во главе восседал измученного вида старик с длинными белыми усами, которые ему совершенно не шли, потому что только подчеркивали болезненную серость кожи. Похоже, он скоро умрет, решил Лотар.

Он чуть было не включил свое магическое видение, чтобы определить, что же донимает князя, но вовремя сдержался. Даже за такую безвредную магию на Юге могли попотчевать стрелой в спину раньше, чем сообразили бы, что пришелец ничего дурного не хотел. Здесь был, конечно, не Юг, но стоило ли рисковать добрым отношением? Как ни просто было оказаться перед князем Мирама, вряд ли попытка осмотреть его останется незамеченной местными магами.

— А, — почти беззвучно проговорил князь, — Гергос, мой славный капитан. Что-нибудь случилось?

— Мой князь Тизун, я привел к тебе трех наемников, которые хотели бы выяснить, откуда взялись собаки в нашей долине, и, возможно, помочь от них избавиться.

Лотар покачал головой и выступил вперед:

— Прошу извинить меня, князь, и ты извини, Гергос. Я пришел совсем с другим предложением. Я и мои друзья предлагаем избавить Мирам от собак, которые донимают ваш город, но для этого нам необходимо кое о чем договориться.

— Избавить? — Князь Тизун посмотрел на Лотара, потом с растерянным видом повернулся к мальчику с вьющимися волосами: — Прачис, я не ослышался? — Он повернулся к девушке: — Светока, мне показалось...

— Тебе не показалось, папа. — Девушка с тревогой рассматривала Лотара.

Со временем она будет еще красивее, решил Лотар, но тяжелый подбородок и высокий лоб не обещают легкой жизни ее мужу. Впрочем, откуда я знаю, как мирамцы обращаются со своими женщинами? Может быть, женщины с твердым характером у них как раз и считаются самой удачной партией?

Лотар скосил глаза на товарищей. Рубос, славный рубака и честнейший воин, гордый своим прозвищем Капитан Наемников, стоял навтыжку и не сводил глаз с девушки. И его обычно чуть-чуть улыбающиеся глаза смотрели с такой тревогой, с какой Рубос не смотрел и на принцессу Мицар, когда она колотила его так, что сломала Рубосу несколько ребер, несмотря на чешуйчатый панцирь.

Наконец княжна заметила его невежливый взгляд и, чуть нахмурившись, опустила глаза.

— Он сказал, что избавит нас от собак, ты слышал, Бугошит?

Старик, сидящий рядом с молодым княжичем и, по всей видимости, наследником престола Прачисом, нервно кивнул:

— Он сказал именно так, князь. Я бы на твоём месте не очень доверял чужеземцам, которые слишком много обещают.

Но князь не слушал его. Он повернулся к толстяку, который выходил встречать Гергоса и его спутников:

— Воевода, мне придется тебя отблагодарить за эту замечательную встречу. Да, отблагодарить...

Толстый воевода так низко поклонился, прижав руку к сердцу, что его непомерно длинный чуб упал на лицо. Несколько волосинок прилипли к потному носу, даже когда он привычным жестом отбросил прядь в сторону.

— Папа, может быть, нам следует спросить этих людей, как они собираются выполнить свое обещание? — спросил княжич.

— И главное, сколько это будет стоить, — буркнул старый Бугошит. — Сколько вначале и сколько в конце?

Князь быстро обернулся, посмотрел по сторонам:

— А где Капис? Опять он удрал в свою библиотеку. Кванет, ты не можешь сходить за ним?

Один из обедающих, кого Лотар еще не знал по имени, поднялся и ушел в темный угол зала, где, вероятно, находилась дверь. Лотару бросилось в глаза, с какой любовной тревогой проводили его фигуру княжич и княжна. Не нужно было даже включать магическое видение, чтобы понять, что это воспитатель обоих княжеских детей. Однако, несмотря на очень хорошее происхождение, может быть, даже равное местному дворянину, он был на положении слуги, хотя и особого рода. Вот и сейчас князь попросил его сходить за неведомым пока Каписом, потому что любому другому этот Капис отказал бы, а Кванету не мог, потому что наставник княжичей явно был фигурой влиятельной.

Лотар вздохнул. Слишком легко он стал понимать все, что тут творилось. Или это было признаком настоящей, а не показной искренности, или эти люди уже настолько подчинились выпавшему на их долю несчастью, что придется укреплять их желание сопротивляться обстоятельствам.

— Эх, жаль, Кнебергиша нет... Что? — Никто ничего не произнес, но все посмотрели на князя с таким укором, что он тут же спохватился: — Ну все, молчу, молчу.

Потом он оглядел Лотара, Рубоса, Сухмета, широко улыбнулся, как будто остался доволен увиденным, и спросил:

— Может быть, вы есть хотите, молодые люди? Присаживайтесь, пусть Сошур позовет кого-нибудь из челяди, они принесут стулья, и мы все обсудим за едой. Нет ничего лучше, чем потолковать о серьезном деле закусывая. Я смолodu так делал, и вот теперь так делаю, и как будто редко ошибался. Что ты говоришь, Бугошит? Опять не согласен со мной?

Боярин Бугошит медленно, лениво жевал что-то, но на всякий случай кивнул. Лотар сомневался, прислушивался ли он к словам князя. Пора было действовать. Лотар поклонился:

— Благодарю, князь. Мы вполне достойно поужинали в трактире недалеко от твоего терема, поэтому не успели проголодаться.

— Ну тогда, может быть, вина? Прикажи принести три новых кубка, Сошур.

— Мы отведали сомского, князь. Такого вина нет на всем Южном континенте.

— Что же ты все отказываешься? Невежливо как-то получается, я предлагаю, а ты все время отказываешься... Может быть, тогда созовем большой совет, туда и подадим вино. Я всегда любил, чтобы на советах, особенно если они допоздна затягиваются, подавали горячее вино с кардамоном. Отличная штука. Мне-то уж нельзя, но когда я был молодым, как ты... — Он огляделся. — Что, я опять что-то не то говорю? Ну, молчу, молчу.

— Нет, что ты, все очень правильно и дельно, мой государь, — проговорил Сошур. Он уже сидел за столом и так же лениво, как Бугошит, жевал что-то, старательно двигая челюстями.

Пожалуй, пора кончать спектакль, решил Лотар.

— Вообще-то мы говорили о собаках.

— Вот именно. Я полагаю, нам следует согласиться со всеми твоими условиями, если ты действительно обещаешь избавить нас от них.

— Я обещаю, что сделаю все, что в моих силах.

— Каков нахал, — проронил Бугошит, — сначала обещает, потом тут же увиливает... И даже не говорит, что попробует сделать, а сразу — я сделаю.

Последнее слово он протянул, подчеркивая его нелепое звучание. Лотар усмехнулся:

— Нужно делать или не делать. А пробовать... Я ведь не тренировку предлагаю, а серьезную драку, в которой, может быть, прольется немало крови.

— Хорошо. — Бугошит нахмурился, но сдержался и перешел к делу: — Сколько ты хочешь?

Лотар взглянул на Рубоса. Тот по-прежнему пожирал глазами Светоку, но старался все-таки не выглядеть таким истуканом, как вначале.

— Из уважения к другу я сделаю это за десять дукатов.

— Тридцать гривен? — ахнул Сошур. — Да на такие деньги я целую сотню могу нанять, и еще останется на леденцы для их девок.

— Иной раз сотня неподготовленных вояк хуже пары знающих людей. Сейчас, похоже, именно такие обстоятельства. И меня удивляет, что этого не понимаешь ты, воевода.

— Что? — На лбу Сошура проступила темная жила, он стал краснеть.

— Я никого не хочу обидеть, — быстро произнес Лотар. Он уже пожалел о своих словах, которые воевода вполне мог расценить как шпильку. — Я хочу только сказать, что дело сложное, и я его сделаю так дешево только потому, что Рубос, мой друг, родом из Мирана.

— Кто из вас родом из Мирана? — спросил князь.

Рубос выступил вперед и поклонился.

— Хорошо, хорошо, ничего не скажешь, — удовлетворенно проговорил князь. — Кто же твои родители и где ты был до сих пор?

Ведь я не помню тебя, а должен помнить. У меня не слишком много таких молодцов.

— Папа, мы сейчас не об этом, — проговорила ласковым голосом Светока.

— В самом деле, Тизун, нужно закончить этот торг, — сказал Бугошит. Как и ожидал Лотар, у него во рту не оказалось ни куточка.

Неожиданно из того угла зала, куда ушел Кванет, послышались резкие, твердые шаги.

— Какой торг, господа? — произнес кто-то. Голос под стать ритму этих шагов, подумал Лотар, кажется, не лекарь идет, а воин.

Все повернулись к вошедшему. Он держался уверенно, решительно отодвинул один из стульев, на котором, вероятно, сидел раньше, и стал смотреть, как столовничий накладывает что-то на его тарелку.

— Капис, тебя нашли?

— Да, князь, все в порядке.

Он перевел взгляд острых, темных глазок на Рубоса, потом на Лотара. Потом осмотрел Сухмета. При виде старого раба его глаза дрогнули и стали чуть шире. Шув говорил, что Капис был лекарем, то есть слугой, до того, как князь приблизил его к себе и сделал советником. Должно быть, он не терпел слуг и рабов, которые напоминали ему о прошлом. Особенно таких странных слуг, каким был Сухмет, — слишком богато одетых, вооруженных, превосходно образованных и ничуть не смущающихся своим подчиненным положением.

Может быть, растолковать ему, что Сухмет такой же свободный человек, как я, или он сам догадается, подумал Лотар. Нет, и без того этот несладкий разговор то и дело уходит в сторону.

Между тем, пока длился этот осмотр, князь многословно и охотно пояснял Капису, как обстоят дела и что именно предложил Лотар. Наконец, когда князь замолчал, Капис отчетливо произнес:

— Чушь.

— Что? Ты, кажется, сказал «чушь»? — переспросил его князь.

— Да, так я и сказал.

— Если ты имеешь в виду мои пояснения, то я, кажется, ничего не упустил. — Князь растерянно оглянулся на Бугошита, а потом на княжича.

— Нет, мой государь, я, конечно, хотел сказать, что этот чужеземец задумал что-то нелепое и в высшей степени подозрительное.

— То, что собирается изгнать собак? — подал голос Бугошит.

А ведь он теперь будет на нашей стороне, усмехнулся про себя Лотар.

— Вот именно.

— Но ведь делать что-то нужно! — воскликнул Сошур. — Ведь мы толком ничего и не пробовали еще. Сидим, ждем...

— Нужно делать то, что принесет пользу. А утверждать, что

этот молокосос сумеет усмирить собак, с которыми мы не сумели справиться мощнейшими катапультами, — чушь. Я говорил это и готов еще раз повторить.

Вероятно, в этой компании мнение Каписа значило много, потому что после его слов над столом повисло молчание. И тогда подала голос Светока:

— Думаю, никакого вреда от этого не будет.

— Да, да! — оживился князь. — Я тоже считаю, что с этим жуежемцем, как бы странно он тут ни говорил, мы должны заключить союз. Вреда от этого определенно не будет.

— Государь, подумай, союз заключают с дружественным государем, со своими воеводами, с дружиной, наконец, а тут какой-то юнец, от одного вида которого хочется...

Звон серебряной тарелки, упавшей на пол, заглушил тираду бывшего лекаря. В наступившей тишине Лотар спокойно произнес:

— Я не знаю, кто ты такой, невежа, но ты сидишь за столом с благородными людьми, поэтому, если бы ты решился продолжить, я мог бы вызвать тебя. И надеюсь, ты понимаешь, исход поединка ни у кого не вызывает сомнения.

— Вот именно, государь, — заговорил вдруг Гергос. — Этот Желтоголовый, как он себя называет, сегодня в пяти милях от города в честном поединке убил Костолома.

— Костолома? — переспросили сразу три или четыре голоса.

— Да. Я посылал для проверки патруль, они подтвердили, что Костолом мертв. — Гергос нахмурился. — Только его как-то странно убили. Я бы сказал, ему свернули голову, как цыпленку, перерезав позвонки на шею.

— Сзади? — быстро спросил Капис.

— Сбоку.

Теперь все смотрели на Лотара. Он пожал плечами:

— Этот мясник вряд ли заслуживал, чтобы я доставал свой меч. Я убил его кинжалом.

Молчание длилось долго. Наконец князь спросил:

— Чего ты хочешь, юноша, чтобы взяться за дело?

— Собственно, ничего. Плату я назвал, отчитываться я буду только перед тобой, князь, а результат увидите сами.

Княжич, который очень вовремя уронил на пол тарелку, улыбнулся, глядя Лотару в глаза:

— С чего начнешь, воин?

Лотар вздохнул. Паренек ему нравился, должно быть, потому, что совсем недавно и Лотар был почти таким же. Конечно, он слишком рано ушел из дома и слишком много разного опыта приобрел, пока научился сражаться и Рубос взял его в свой отряд. Но со стороны могло показаться, что те три или четыре года, которые их разделяли, не такая уж и большая преграда.

— С осмотра развалин. И с допроса свидетелей.

— Свидетелей? — подал голос Капис. — Но у нас, как я понимаю, не осталось живых свидетелей.

И тогда вперед шагнул Сухмет. По его желтому, как старый воск, лицу блуждала обычная лукавая улыбка.

— А нам необязательно нужны живые свидетели. Мы с моим господином умеем извлекать слова и из тех, кто больше не может сам говорить.

На этот раз свой нож для фруктов уронила Светока.

— Ты хочешь сказать, что вы умеете допрашивать убитых?

Лотар посмотрел на Сухмета с неодобрением. Вряд ли стоило говорить об этом, но слова были уже сказаны, и следовало как-то смягчить впечатление.

— Убитые в течение довольно долгого времени вполне способны рассказать то, что знают. На Востоке, откуда происходит мой товарищ, это обычное дело.

— Вы можете заставить заговорить любой труп? — деловито спросил Капис.

— Не совсем. Лучше работать с тем, у кого цела гортань и кто действительно отчетливо видел последние события своей жизни, потому что у убитых в нашем мире, как правило, сужено поле зрения.

— Понимаю. И это все?

— Нет, господин. Еще важно, чтобы у них не был поврежден затылок, иначе разрушаются те центры головного мозга, которые делают этот контакт возможным. — Казалось, Сухмет мог говорить на эту тему без конца.

— Здорово, — сказал князь, а потом вдруг стал бледнеть.

Бледность заливала его лоб, лицо, руки... Лотар без труда мог бы увидеть сквозь одежду, как бледнеет все его тело.

Светока, которая, казалось, ожидала этого, поднялась и властно хлопнула в ладони на весь зал. Сейчас же появились трое слуг, которые подхватили князя и поспешно унесли за кресло, на котором он сидел.

Княжич, проводив глазами отца, посмотрел на Лотара и попытался дружески улыбнуться:

— Кажется, мы обо всем договорились, Желтоголовый. Если тебе что-нибудь будет нужно, приходи сразу ко мне. Гергос проведет тебя.

Гергос поклонился. Гости — если сидящие за столом действительно были гостями — стали подниматься. Ужин был окончен.

Лотар, Рубос и Сухмет, поклонившись каждый по-своему, пошли вслед за Гергосом. Все трое хотели спросить об одном, и каждый ждал, кто же первым задаст вопрос. Спросил Рубос:

— Гергос, старина, что с князем?

Огромная спина капитана городской дружины сгорбилась.

— Он умирает, Рубос. Почти не может есть. Другой бы на его месте озлобился и стал бы крошить все, что попадется под руку... А князь, наоборот, стал зазывать всех к себе и кормить, кормить до упаду. Если бы ты знал, какие тут были пиры, пока эти собаки всех насмерть не перепугали!

— То-то я заметил, он ничего не ест, — сказал Рубос.

— Да, его каким-то хитрым заморским образом кормит Капис.

Если бы не он, княжич уже давно сидел бы на троне, а ему еще рано. Сам видишь, он не очень-то...

Рубос покачал головой:

— Не знаю, может, он и молод, но людей понимает сразу. — Сделав несколько шагов к двери, где по-прежнему торчал неуклюжий арбалетчик, Рубос почти шепотом добавил: — Да и княжна хороша.

Какой смысл он вкладывал в это слово, ни для кого не осталось тайной.

Глава 6

Гергос попрощался с ними посреди площади. Он молча отдал честь и повернулся, чтобы уйти. Рубос крикнул ему:

— Пока, старина! Похоже, мы снова оказались в одной упряжке.

Через плечо осипшим от усталости голосом Гергос ответил:

— Ну нет, Желтоголовый сделал все, чтобы вы были сами по себе. И я скорее рад, чем расстроен этим.

Ссутулившись, он тяжело зашагал, даже не проверив, какое впечатление произвели его слова. Рубос повернулся к друзьям и улыбаясь:

— Он немного расстроен.

— Понятно, — рассеянно произнес Сухмет.

Он неторопливо шагал к трактиру, думая о чем-то своем. Рубос потер руки.

— Ну а вообще-то с чего начнем?

Лотар посмотрел на него, стараясь не показывать удивления. Иногда выносливость друга его просто поражала.

— Я думаю, нам нужно выспаться. А на рассвете отправимся к последнему из разрушенных замков. Тебе, Рубос, тоже нужно быть в форме. Поэтому и тебе придется поспать.

— Спать так спать, — согласился гигант и затопал рядом с Лотаром.

Шув дождался их у самой двери. Рубос даже вздрогнул, хотя первым увидел трактирщика не он, а Сухмет. Но старик почувствовал его за полсотни шагов через дверь, поэтому несколько не удивился, когда фигура толстяка трактирщика неожиданно выпала из полутьмы.

— Ну, как там было? — спросил Шув.

— Все нормально, толстяк. Они мигом согласились на все наши условия.

— Значит, вы теперь на городской службе?

— На службе у князя, — поправил его Лотар, который предпочитал не обобщать.

— Превосходно, замечательно... — Толстый трактирщик почти запел, как щегол на ветке. — А знаете, я вам приготовил замечательные кровати и лучшие комнаты. Конечно, я постарался учесть, кто есть кто. Вот только этого восточника я не знал, как

положить. Если он слуга, то должен спать в комнате с Желтоголовым, а если свободный... Да и одет он странно.

Щебеча о чем-то, Шув повел Рубоса наверх, почтительно держа перед ним свечу. Лотар, усевшись на стул перед тлеющим камином, старался понять, в какую же авантюру он позволил себя втравить. Итак, обещание он дал, а вот как выполнить его — не подумал. Конечно, никогда он не поступил бы так, если бы не просящие глаза Рубоса, если бы не миролюбивые фрески в пиршественной зале князя, если бы не дребезжащий голосок Сухмета, который, что ни говори, умел его уговорить даже на то, чего Лотар и не хотел.

Собаки, магический занавес вокруг города, банды мародеров, которые дружно стали собираться к Мирану, — без сомнения, в этих действиях был какой-то план. Это было не просто непроизвольное сошествие зла на землю.

Лотар попытался расширить свое внутреннее зрение и ощутить все, что его окружало. Сначала он почувствовал город, бурливший, как котел на огне, хотя на улицах было безлюдно и темно. Особенно много было тревог и страхов в порту, где собрались самые беспомощные и самые жадные, где стало очень тесно и где при всем кипении страстей ощутимо росло всеобщее безразличие к людям, к городу, ко всему на свете. Это было очень плохим признаком. Но эти личности еще каким-то образом сохраняли видимость спокойствия, хотя были уже на грани необдуманных или откровенно незаконных поступков.

Потом Лотар ощутил тонкий слой эмоций стражников. Здесь царили дисциплина и, как ни странно, решимость исполнить свой долг. Пусть Гергос был не очень понятным человеком, но капитан он, видимо, неплохой, если сумел так выучить своих ребят.

За теми, кто стоял на стенах или мирно спал в казармах, очень легко читалась темная, бездушная сила собравшихся грабить и убивать. Хотя эти люди были рассеянны, неорганизованны и беспрерывно дрались между собой, они составляли значительную силу, потому что злоба, ярость, ненависть ко всему на свете давала им на короткий срок преимущество зла. Остановить их непросто, потому что на этот раз они убеждены в своей победе.

Лотар с тревогой понял: придется много убивать, потому что этих людей могло остановить только одно — страх перед скорым и неотвратимым возмездием.

— Ну что же, будем убивать, — решил Лотар.

А за этим рыхлым кордоном из мародеров и бандитов, за табором нечистых на руку бродяг и негодяев лежало темное, упругое, абсолютно нечитаемое нечто. Лотар даже не сразу понял, что уперся в невидимый купол, который никого не выпускал из Мирана.

С этой стороны его граница определялась довольно легко. Это действительно был колокол, закрывавший город со всех сторон так, что из Мирана невозможно было даже улететь. С запасом работали, негодяи, подумал Лотар. Знали, что летающих машин

или тренированных летунов в Мираме нет, но все равно устроили ловушку по высшему разряду. Значит, на помощь из других городов на побережье рассчитывать не приходится.

Вдруг от стены слева отделился смутный, едва различимый даже темновым видением силуэт. Лотар вскочил, выхватывая из-за плеча Гвинед, опрокидывая стул, чтобы получить хоть какое-то пространство для маневра. Но он уже знал, что опоздал...

— Тихо, господин Желтоголовый, — произнес человек. — Я безоружен и не хочу тебе зла.

Лотар держал перед собой меч, удивляясь тому, что такое вообще могло произойти. Медленно, но неудержимо в нем нарастало раздражение. Расхвастался тут перед Гергосом, перед почти деревенским капитаном, который лишь чуть лучше околоточного сторожа, а вот обычный восточник подошел так, что он даже ничего и не заметил.

«Не совсем обычный», — услышал он в сознании голос Сухмета. Оказывается, старик был поблизости и наблюдал за ним...

— Кто ты? — спросил Лотар.

Подошедший склонился в низком, от пояса, поклоне. Руки он держал у самых бедер.

— Можешь называть меня Курбаном.

— Как ты тут оказался?

— Я постоялец господина Шува.

— Зачем ты подкрался?.. Почему так тихо подошел ко мне?

Восточник еще раз поклонился:

— Прошу простить меня, я хотел показать тебе одну вещь, которая лежит у меня в комнате.

Лотар оглянулся на то место, откуда, как ему показалось, доносился неслышный для всех, кроме него, шепот Сухмета. Но старого раба там не было. Зато господин Курбан повернулся в противоположную сторону, и именно там, за углом коридора, ведущего на кухню, стоял Сухмет. Он уже умылся и скинул свой парчовый халат. При нем не было даже его Утгеллы, с которой он расставался только тогда, когда его колдовство требовало убрать подальше оружие.

— Твоему... другу я тоже готов показать это, — произнес Курбан, лишь на мгновение замаявшись. Конечно, он не ошибся. Похоже, этот человек не ошибался.

— Хорошо, — ответил Лотар, — я готов следовать за тобой.

— Благодарю. Ты не пожалеешь, господин.

Курбан повернулся, взял со стола длинную свечу, ловко зажег ее от уголька из камина и пошел наверх, высоко поднимая руку.

— В отличие от тебя, я совсем незначительный человек, господин Лотар. Я просто странствующий охотник за редкостями, который выполняет просьбы своих друзей, что живут очень далеко отсюда, но часто шлют весточки с местными капитанами. — Говорил Курбан правильно, казалось, что этот язык он знает не хуже Лотара. Вообще, если вспомнить Сухмета и вот этого Курбана, а также тех немногих купцов, которых Лотар видел раньше, у восточников не было сложностей с языками южных и западных

народов, должно быть, потому, что их собственный язык был гораздо сложнее.

Они подошли к двери на четвертом этаже трактира, где невысокий потолок выдавал близость покато́й крыши, и Курбан плавно отодвинул какую-то сложную заслонку, которая открывалась известным только хозяину отшелкиванием двенадцати более мелких задвижек. На самом деле это не был замок, но устройство вполне могло остановить не очень умелого воришку. Лотар пораился простоте и надежности запора.

Они вошли в комнату. Почти вся она была уставлена колбами, стеклянными кубами и гладкими шарами из какой-то прозрачной смолы, похожей на янтарь, в которых хранились разные животные, насекомые, растения, морские и речные твари. Лотар прошел по этой выставке и вдруг замер — прямо на него из желтого твердого шара полуоткрытыми глазами смотрел детеныш мантикоры. Он казался живым, настолько мастерски были сохранены все части его тела.

— Этот зверь, как ни странно он выглядит, на самом деле существует, — сказал Курбан.

— Я знаю, — ответил Лотар и с трудом отступил назад, стараясь отвести взгляд от крохотного чудовища.

Но стоило ему посмотреть в сторону, как он тут же увидел еще одну диковинку — это была довольно сложная конструкция из прозрачного, разукрашенного разными добавками стекла. В основании она напоминала спираль, но чем выше поднимались стеклянные языки, тем на большее число веточек они делились и тем сложнее становился рисунок их плетения. Ближе к верху, где глаз уже не мог уследить за всеми деталями скульптуры, прозрачное стекло превращалось в молочный фарфор, а тот вдруг становился тонкой сетью кованого серебра, украшенного жемчугами. Возникало странное впечатление, словно смотришь в необозримую глубину, кончающуюся неизвестно где.

Лотар хотел было посмотреть на эту штуку магическим зрением, но тут возле плеча появился господин Курбан и с застенчивым видом задернул ситцевую занавесочку, извинившись:

— Это произведение, господин, уже продано.

— Как это... — Лотар удивился, что так разволновался, рассматривая какую-то стекляшку, тем более что пришли они совсем не за этим, но почему-то все же спросил: — Как называется эта штука?

— Автор назвал это Костром Всех Стихий. Я же переименовал в Дракона Времени. Мне показалось, это произведение будет скорее продано, если я назову его по-другому.

Лотар вздохнул и провел рукой по лбу. Да, определенно он был в плохой форме.

— Что ты хочешь показать мне?

Он снова огляделся. Помимо колб и шаров с разным мелким зверьем в комнате было с полсотни книг. Самые обычные книги с описаниями странных мест, сделанными путешественниками, лоции дальних морей, туманные и печальные трактаты, остав-

шиеся от народов, давно ушедших в небытие. Все здесь сработано руками самых обычных людей, для самых простых нужд.

Как Лотар ни оглядывал углы, в этой комнате не оказалось даже шаманских амулетов. И хотя он заметил в дальнем углу несколько северных намоленных иконок, напомнивших родные края, складывалось впечатление, что за долгие годы путешествий по разным городам и странам Курбан научился не вспоминать своих прежних богов и уж тем более не привык к новым. Одним словом, в комнате Курбана было чисто, абсолютно чисто. Магией здесь и не пахло.

Курбан посмотрел на Лотара черными как смоль глазами и нахмурился.

— В Мирам меня привел случай, как, должно быть, и тебя. Я, конечно, обошел весь город, чтобы узнать, нельзя ли тут что-либо купить для моих заказчиков, и с огорчением вынужден был признать, что тут никаких редкостей нет. В Мираме торгуют чем угодно, но только не редкостями. — Восточник еще раз посмотрел Лотару в глаза, взгляда его не таил никакого напряжения. Это был взгляд слегка утомленного жизнью человека, который предпочитает ни с кем не ссориться.

На мгновение Лотар вспомнил, что на тренировках, которые он себе устраивал, Сухмет больше всего ругал его за то, что у Лотара слишком сильный, давящий, слишком выразительный взгляд. Это был знак воина, который не только не боится вызова, но и не остановится ни перед какой чужой силой. Сухмет очень хотел научить Лотара «мягким глазам» — спокойному, уклончивому выражению глаз, которое помогло бы маскироваться.

Что, если этот восточник знает, как маскироваться, спросил себя Лотар? Ведь может быть, что он никакой не торговец, а ловкий шпион, проникший дальше других на запад с неизвестной целью? Нет, сейчас главным были собаки, нужно сосредоточиться только на этом деле.

— Дожидаясь попутного корабля, я принялся бродить по местным книжным лавкам, но и они оказались скудными. И лишь несколько недель спустя кто-то посоветовал мне обратиться к господину Кнебергишу. Я встретился с ним, рассказал о своей профессии, а потом он продал мне вот это.

Курбан достал небольшую, видимо, заранее приготовленную гравюру на пергаменте. Она изображала трех огромных собак, которые пожирали замок, казавшийся рядом с чудовищами всего лишь праздничным пирогом.

— Господин Кнебергиш сказал, что у него есть основания считать: это изображение — не выдумка. — Курбан вздохнул. — Так как я собираю не только самих странных зверей, но и книги о них, я купил эту гравюру, но вот... Когда корабль, на котором я должен был отплыть, прибыл в Мирам, неожиданно возникла эта преграда, а через неделю появились и собаки.

— Он не сказал, откуда у него это изображение? — поинтересовался Сухмет.

— Он только утверждал, что это подлинный рисунок из рукописи, написанной очевидцем.

Лотар осмотрел гравюру. Не похоже, что это страница какой-то книги, вырванная из середины. Да и велика она слишком для пергаментной книги.

— Он не говорил, что скоро ты убедишься в подлинности изображения? — снова спросил Сухмет.

— Он вел себя странно, похихикивал, потирал руки этим отвратительным западным жестом...

Курбан вдруг смутился, вспомнив, что Лотар не так желт, как он или Сухмет. Но Лотар, глядя на сдержанные жесты Курбана, понял, что тот имел в виду, и полностью с ним согласился, хотя и не произнес ни слова.

— В остальном он был обычный, любящий деньги человек, — торопливо закончил Курбан.

Лотар поднял голову:

— Откуда ты знаешь, что меня теперь могут заинтересовать такие вещи?

Курбан улыбнулся, обнажив ровные, некрупные, блестящие, как речной жемчуг, зубы.

— Я подслушал ваш разговор с капитаном городской стражи. Это было несложно, господин. Вы так громко говорили, что мне не нужно было даже подходить к вам близко.

— И никто из нас тебя не заметил? — Лотар с тревогой посмотрел на Сухмета. Тот пожал плечами.

— О, я умею ходить очень тихо, я вообще очень тихий человек, господин. Не только ты и твой восточный друг не замечают меня. Это хорошо, это помогает делам.

Он покивал головой. С каждой минутой он все больше становился похожим на простого купца, который так боится раздражить местные власти, что даже своих божков не оставляет на виду. Может, конечно, он предусмотрительно отнес их в какой-нибудь другой трактир, когда надумал пригласить к себе Лотара, но это лишь восточная предусмотрительность, а магии здесь не было.

— Вот тогда я и решил, что обязательно покажу тебе эту гравюру. Если тебе удастся спасти людей и город, это будет хорошо.

Акцент восточника становился все заметнее. Наверное, он устал. Ну что же, это естественно.

— Хорошо, Курбан. Я понял, я подумаю об этом. Что ты скажешь, если я куплю у тебя эту гравюру?

— Сделай милость, господин Лотар, прими ее от меня в подарок. Это будет... как это называется, да... заклад в спасение города.

— Ты имел в виду вклад, наверное. — На всякий случай Сухмет произнес очень энергично еще несколько слов. Лотар показалось, что Сухмет назвал одно и то же понятие на нескольких языках.

Восточник закивал:

— Да, вклад.

И он произнес очень длинную фразу на одном из языков, который помянул, должно быть, Сухмет. Тот кивнул:

— Ну что же, если ты меня благодаришь, я тоже благодарю тебя.

Желтоголовый усмехнулся и скатал гравюру трубочкой. Попутно он пытался определить остатки прикосновений того человека, который владел ею до Курбана. Но их не было.

Когда дверь за ними закрылась и тихо стали зашелкиваться задвижки с секретом, Сухмет произнес:

— Значит, это — след?

Лотар вздохнул:

— Только очень уж вовремя он появился, тебе не кажется?

Глава 7

Ночью Лотар спал плохо, ему снилась горячая завеса, колоколом накрывшая Мирам, пустота перехода в оазисе Беклем и отливающие красным светом безумные глаза принцессы Мицар, когда они дрались в пещере сверкающих кристаллов. Проснулся он незадолго до рассвета. Ему казалось, что в воздухе разлита тонкая, горчащая дымка смерти.

Он вышел на задний двор и резко, в темпе бегущего оленя, сделал небольшую разминку, но и после этого его настроение не улучшилось. Через полчаса к нему вышел Рубос, который спал этой ночью, как и было приказано, превосходно. Сухмет вышел следом за Рубосом и принялся весело плескаться в лохани с водой, бурча, что драка, наверное, готовится жестокая, потому что Рубос обычно так спит только перед боем.

— Или в родном городе, старик, — объявил гигант и, немного рисуясь, попробовал покрутить в воздухе свой меч с перехватами, но после того, как уронил его в третий раз, зевнул и сказал, что пора завтракать.

Служанки Шува, проклиная про себя неугомонных постояльцев, но вслух не произнося ни слова, принесли чай для Сухмета с Лотаром и остатки вчерашнего пиршества для Рубоса. Но еда не заняла и десяти минут. Вскоре все трое уже стояли перед княжескими конюшнями и объясняли главному конюху, что им нужно получить трех лошадок порезвей и повыносливей. Конюх ничего не понимал, крутил головой и порывался идти поить теплой водой каких-то жеребчиков, которые ночью могли приостыть и которых отогреет только теплое пойло.

Наконец в конюшне появился прыщеватый тип в малиновой ливрее и с тонким, смешным мечом, который смотрелся на нем, как седло на страусе. Он пошептался с конюхом, и из конюшни вывели трех оседланных лошадей.

Едва они выехали за ворота, как Рубос вдохнул полной грудью и заявил, что теперь-то он готов ко всему и даже может, пожалуй, не ронять меч на тренировке. Потом он спросил:

— Кстати, о мечях. Лотар, куда мы направляемся?

— Гергос сказал, что последним пал замок Кибата. Ты знаешь к нему дорогу?

— Каждый мальчишка знает. Я могу проводить тебя туда с закрытыми глазами.

— Когда мы туда приедем?

Рубос посмотрел на солнце, показавшееся из-за восточного края горы.

— На наших лошадках часа через два будем на месте. — Он подъехал ближе к Лотару. — Жаль, тренировочных мечей нет, верно?

— Не знаю, я уже поработал немного, — рассеянно ответил Желтоголовый.

Он внимательно слушал, как в миле впереди раздавался тяжелый топот подков. Что-то в нем было тревожное, даже Сухмет вытянул шею, ожидая какой-то неприятности.

Они немного проехали в молчании. Рубос, который еще ничего не услышал, оглядывался по сторонам. Наконец он не выдержал:

— Послушай, может, запеть? Тогда эти убийцы и насильники, о которых вчера все столько говорили, должны к нам сбежаться, и мы сможем с полным основанием на них напасть.

— Если ты запоешь, возможно, мне тоже придется на тебя напасть, — проговорил Сухмет, весело кивнув. За ночь он так и не смог избавиться от подхваченной у Курбана привычки.

— Ну а все-таки где они?

— Кто? — спросил Лотар, следя за всадником, до которого осталось уже меньше получили.

— Ну, грабители, мародеры, висельники.

— Вечером были у стен Мирама, а теперь, как видишь, никого не осталось.

— Почему?

— Это мы, кажется, можем выяснить вот у него.

Всадник наконец показался из-за поворота. На груди его разорванной кожаной куртки был вышит герб, который Лотар уже где-то видел. Всадник едва держался в седле, было понятно, что он ранен, и довольно серьезно. Раненому было так плохо, что он заметил трех всадников, только когда до них осталось не больше сотни шагов. Он остановился и неуверенным, пьяным жестом попытался достать меч из ножен.

— Мы друзья! — крикнул Лотар. — Мы служим князю Тизуну. Если ты нуждаешься в помощи, мы поможем тебе.

Всадник, качаясь в седле, выпустил меч, который так и не смог вытащить, и хрипло что-то проговорил. Даже Сухмет не разобрал слов.

— Мы можем подъехать? — спросил старик, опасаясь, что раненый выкинет какую-нибудь глупость. Он тронул поводья и подъехал ближе.

— Вода есть? — спросил раненый запекшимися губами.

Рубос торопливо отстегнул свою фляжку и протянул ее воину.

Тот надолго припал к горлышку. Кадык на его горле забился, как пойманная птица. Наконец он оторвался от горлышка.

— Это герб Кибата? — полуутвердительно спросил Рубос.

— Я сержант из замка Кибата, — кивнул всадник. — Ночью на нас напали собаки и мародеры. Мы... — Он умолк и чуть отвел в сторону правую руку. Левую он прижимал к груди.

— Тебе помочь? — спросил Сухмет.

— Мне досталось меньше, чем другим. До города далеко?

Рубос оглянулся:

— Считаю, уже доехал.

— Мародеры там есть или они все у нас собрались? — спросил сержант, вернув флягу и с трудом подбирая поводья, чтобы продолжить путь.

— Я никого не заметил. Все вымерло, как после разудалой свадьбы. — Рубос с тревогой поднял глаза на Лотара: — Может, его проводить, Лотар? А через полчаса я вас догоню.

Но Лотар своим дальновидением уже разыскивал впереди замок, который этой ночью для многих стал местом гибели. Это оказалось несложно. Среди тумана, состоящего из криков раненых и еще не остывшей боли умерших, он увидел фигуры людей, которые бродили по развалинам, грабя и добывая живых защитников, уверенные в безнаказанности. Вот только, как всегда в таких видениях, Лотар не знал, как туда поскорее добраться.

— Нужно спешить, Рубос, там еще не кончилось.

Сержант прикрыл на мгновение воспаленные глаза.

— Не нужно, друг, если мародеров впереди нет, я справлюсь. Вам — удачи.

Как ни устал он после ночного боя и безумной скачки, как ни был слаб от раны, он пришпорил коня и с трудом перевел его в галоп. Конь устал не меньше всадника, в треске его копыт по сухой земле иногда слышались сбои, словно он оступался.

Рубос проводил его глазами.

— Ничего, доберется, — сказал он и вдруг с гиканьем помчался по дороге вперед.

К замку они летели больше часа. То один, то другой вырывался вперед. Это помогало лошадям.

Наконец, пролетев рощицу смолистых тисов, Рубос, который на этот раз был впереди, поднял руку и остановил своего коня. Лотар оказался рядом раньше, чем тот перевел дух. Сухмет возник сразу за Лотаром, словно составлял с ним одно целое.

Все трое вглядывались вперед, и их руки привычно проверяли оружие, пробовали, как клинки выходят из ножен, подтягивали ремни. Все думали только о том, что лежало за тонкой, полупрозрачной пеленой утреннего тумана, затопившего широкую лошину, в которой стоял замок.

Лотар усилил остроту восприятия, чтобы ненароком не пропустить шальную стрелу из арбалета, и сейчас это мешало ему понять, что же происходит за туманом. Он подумал, что придется усиленно тренироваться, потому что такие вещи нужно делать

одновременно, как и многое другое, что он утратил за время вынужденного безделья на Алдуине и на корабле.

— Видишь что-нибудь, Сухмет? — спросил он.

— Кажется, мы опоздали. Замок слишком мал, чтобы долго держаться.

— Ну ладно, тем хуже для нас.

— Или для негодаев. — буркнул Рубос.

Лотар мельком взглянул на него. Мираец привычно улыбался одними глазами, только в них появился сухой бешеный блеск, который заставил бы и Лотара держаться осторожней, случись у него поединок с этим человеком.

— Ты не очень-то, тут ничего уже не решить. Побереги себя для главной драки, — начал он, но понял, что толковать об этом бесполезно. Рубос, и без того никогда не щадящий противника, теперь приготовился только убивать.

Они тронули коней. Дорога вилась между полями поднявшей-ся до колен пшеницы. Прямо по полю шли люди, многие из них были пьяны. Почти все ташили узлы с тряпьем. Женщины, возраст которых Лотар не мог определить даже приблизительно, все время что-то кричали, захлебываясь визгливой руганью. Мужчин было мало.

— Еще грабят, наверное, — подсказал Сухмет, которому какое, даже невысказанное соображение Лотара было понятно, как раскрытая книга.

— А ведь они все в шоке, — произнес Лотар. — Даже для тех, кому это нравится, такое не проходит бесследно.

— Ничего, тем, кто попадется, скоро будет не до переживаний, — процедил Рубос.

Потом показалось несколько горящих домишек. Один был просто раздавлен. Причем Лотар так и не смог определить, откуда был нанесен удар, наверное, сверху.

Вдруг туман исчез, и стала видна площадка перед воротами, вернее, перед тем, что от них осталось. А осталось немного. Две привратные башенки, подъемный механизм и еще какие-то деревянные надстройки рухнули вперед, так что обломки засыпали и сухой неглубокий ров, и часть дороги, ведущей к замку.

На площадке собралось десятка три грабителей, живописно разодетых в то, что, должно быть, они вытащили из замка. Они окружили человечка, который, взобравшись на обломок стены, жестикулировал и что-то пронзительно, как женщины в поле, орал благим матом, не то подзадоривая толпу, не то похваляясь.

— Ба, да это Крысенок, — признал его Рубос. — Видишь, зря ты с ним миндальничал.

Сухмет поднял руку и вполголоса спросил:

— Может, напустить на них страху? Это не вояки, почти все — крестьяне, их рассеять — как воронье пугнуть.

— И не надейся, — прошептал Рубос, доставая меч. И тут же заорал: — А ну, мерзавцы, складывай награбленное и оружие на дорогу! Именем закона, всем лечь рылами в землю. Или молитесь, мразь!

Самые боеспособные грабители, кто еще мог держаться на ногах, повернулись и встали полукругом около троих пришельцев.

— Языкастый начальник-то, — сказал один.

— Да, глотка — ничего. Должно быть, не глотала еще горячего масла. Ну да это поправимо, — сказал огромный рябой мужик с руками как лопаты, и лицом, тоже похожим на лопату. Он вытащил из-за спины небольшой круглый щит и тяжелую грязную булаву.

— Что-то я его морду не помню, — сказал третий, доставая с сухим шелестом меч. Меч был совсем неплох, вот только за ним последнее время совсем не следили.

Где-то в отдалении медленно, словно нехотя звякнул колокольчик. Но тут же умолк, словно устыдился своего сигнала. Лотар подумал и все-таки решил Гвинед не доставать.

Он примерно знал, что теперь случится, и приготовился. А случиться должно было то, что эти трое бросятся в атаку. Они и атаквали, вернее, пошли вперед, как волю на пахоте, без хитрости, без уверток, без малейшего сомнения, что три десятка остолопов, которые стояли у них за плечами, обеспечат им победу.

Тем временем Крысенок выстрелил из своего самострела, но, в отличие от остальных, он знал, кто перед ним, и, должно быть, здорово испугался, потому что стрела ушла в сторону на добрую сажень. После этого он быстренько слез с обломка стены и куда-то исчез.

Рубос саданул Лопату сверху, а когда тот попытался принять удар на щит, вдруг отвел меч в сторону и ударил уже обратным движением. Лопата, для которого такой удар был полной неожиданностью, лишь вытарашил глаза, когда его внутренности стали вываливаться на дорогу.

Кросс, прошептал про себя Лотар, это будет не бой, а истребление.

Обладатель меча не видел, что произошло с первым нападавшим, и бросился вперед, намереваясь выпадом в грудь сбить Лотара. Желтоголовый скользнул вперед, под выпад, и вытянул руки. Со стороны казалось, что он не в седле, а как бы на боку своей лошади, но в то же время не дает ей пятиться или переступать ногами.

Руки его сомкнулись на плече нападавшего, а потом Лотар с силой дернул его к себе, возвращаясь в седло. Грабитель с мечом оказался у самого колена Лотара, только теперь его рука была «завязана» захватом в плече и локте. После этого Лотар резко повернул свой захват, уводя руку мечника через верх за спину.

Мечник закричал. Его рука сломалась, как сухая ветка, белая кость предплечья пробила кожу, и окровавленный кусок оказался у самых глаз пойманного мародера. Это был урок, болезненный, но не смертельный.

Лотар мог убить его, захватив ногой и сломав позвонки у основания шеи, но он лишь выхватил меч из ослабевших пальцев и, упершись ногой в грудь, оттолкнул противника. Тот отвалился,

все еще вереща и прижимая руку к животу, так и не сообразив, что с ним случилось... Потом он отполз туда, где начиналось поле.

А Лотар, захватив поудобнее поводья и меч, бросился вперед, раздавая удары направо и налево. Все было просто. Он не столько рубил, сколько защищал этих людей от Рубоса, которому, к счастью, не хватало скорости Желтоголового.

Лотар и придумывать ничего не стал, просто, опережая удары и выпады противников, хлестал плоскостью отобранного у мародера меча по пальцам, по плечам, по ключицам. Пару раз, когда ему показалось, что противник чересчур ловок, он аккуратно, как на тренировке, наносил секущие удары по лицу, рассекая лишь кожу на лбу или щеке. Такая рана была не опаснее царапины, но кровь заливала глаза. Опытный воин остался бы в строю, постыдился бы уклоняться от драки, но для этих дураков такого вполне хватило, чтобы удирать без оглядки. Чем-чем, а стойкостью они не отличались.

К тому же Сухмет сзади выл волком, а его Утгелла свистела в воздухе не переставая. На мгновение Лотар даже испугался, не изрубил бы старик в раже кого ни попадя, но, оглянувшись, понял, что тот держится в рамках. Настоящей опасности от него было не больше, чем от Лотара. Тогда Желтоголовому стало спокойнее.

А вот на Рубоса мародеры попытались навалиться со всех сторон. Но лишь до тех пор, пока Капитан Наемников не подобрал с земли второй меч, выбитый Лотаром у какого-то дурачка, и не показал им еще одну диковинку — бой в две руки.

Минут через десять в центре площадки перед замком остались трое наемников, которые скорее по привычке, чем по необходимости, заняли положение трехгранной звезды, спиной к спинам товарищей.

Вокруг на земле лежало семь трупов, еще десятка полтора раненых теснились у края площадки, воя от боли и страха. Остальные мародеры стояли реденькой цепью, полукругом, выставив вперед оружие, и не решались не то что нападать, но даже ругаться.

— Ну что, хватит с них? — спросил Сухмет. — Можно я теперь их напугаю?

— Не стоит, — решил Лотар. — Лошади у нас непривычные к твоим трюкам, пожалуй, пострадают не меньше бродяг.

Рубос перевел дыхание:

— А ты опять чикался с этими мерзавцами. Сколько раз тебе говорил, их нужно кончать или арестовывать. Теперь придется атаковать еще раз, чтобы...

— Дадим им уйти, они и так уже наложили в штаны, — прервал его Лотар. — Впереди еще сотни три непуганых, а то и больше. Надерешься вдоволь.

Сухмет на мгновение прикрыл глаза, оценивая тех, кто бродил среди развалин.

— Осталось не больше сотни. Остальные удрали в лес. Нас приняли за передовой отряд из города.

Рубос повернул к нему голову:

— Почему?

— На самом деле они боятся, — пожал плечами Сухмет. — Стало светать, мы их здорово потрепали. А вдруг из тумана появятся другие разъезды из Мирана — стражники, солдаты, городская охрана...

— Замок развалить не боялись, — буркнул Рубос.

— Боялись. И собак боялись, и тебя теперь боятся, и стражников. Только вот не знают, что делать, и решили воспользоваться случаем. Слабые люди.

— Ладно, — прервал их Лотар, — нужно двигаться вперед, пока еще можно спасти кого-нибудь.

Сухмет опять закрыл глаза. Потом открыл, встретился взглядом с Лотаром и покачал головой.

— Что, неужели эти мерзавцы не берут пленных? — спросил Рубос с болью в голосе.

— Берут, но пленные уже в лесу, их уже увели, как скот, как часть награбленного.

Лотар провел рукой по ежику волос, торчащих над налобной пластиной. Шлем он не любил и носил очень редко. А в этот раз вообще драться не собирался, поэтому остался в самых легких доспехах, чтобы не утомлять лошадь. Впрочем, доспехи в самом деле не понадобились.

— Ладно, поехали. Нужно все-таки посмотреть, что внутри творится.

Два или три раза казалось, что кони не смогут перебраться через рез стены, сложенные из тяжелых, огромных блоков, которые теперь были рассыпаны, как детские чурочки, — беспорядочной кучей. Но кони оказались вполне привычными к горным дорогам и справились. Уж очень не хотелось Лотару оставлять коней, потому что для их охраны пришлось бы разделить с Рубосом, а он, несмотря на пылавшую в нем злобу и ненависть к грабителям, мог понадобиться.

Едва они оказались в замке, стало ясно, что больше всего досталось детинцу. Его просто-напросто сровняли с землей. При виде беспорядочной кучи мусора, в которую превратилось главное строение замка, странно было вспоминать, сколько добра тащили на себе женщины. Все, что когда-то было теремом и службами замка, все, где могли жить люди, превратилось в груды обломков. Кроме того, что строения были развалены, на них еще хорошенько потоптались, словно рачительная хозяйка толкла это место гигантской толкушкой, вминая камни в землю и сокрушая самое основание замка.

— Мне кажется, смотреть тут не на что, — буркнул Сухмет. — Не знаю, кто как, а я ничего не чувствую, кроме гари и свежей крови.

Лотар кивнул. Чутье тут не помогало, тут следовало думать и рассуждать. Например, он никак не мог определить место, где иссякла ярость гигантских псов. Похоже, они так и не успокоились, даже сокрушив внутренние строения замка.

— Значит, они не нашли того, что тут искали, — решил он наконец.

— Что они искали? — спросил его Рубос.

— Не знаю.

Из серых клубов дыма, расползающегося от горящих сараюшек у дальней от ворот стены, снова появились мародеры. В отличие от первой банды, эти держались довольно трусливо. Стоило Рубосу, не сходя с коня, дернуть с мертвого стражника, полузасыпанного обломками кирпича, лук с колчаном и выпустить в их сторону полдюжины стрел, как они рассеялись, словно их и не было. Три тела, впрочем, остались на земле.

Рубос хмыкнул, довольный, разжал пальцы, и лук глухо стукнулся о камни.

— Ну ладно. Кажется, эти и в самом деле научились прятаться. — Он повернулся к Лотару: — Может, устроим им засаду в поле? В тумане они нас подпустят так близко, что мы успеем десяток-другой...

Лотар тоже выпустил трофейный меч, который сегодня служил ему верой и правдой, а теперь стал совсем не нужен. Клинок зазвенел, казалось, на весь замок, вернее, на все развалины.

— Рубос, наше дело не отдельных вилланов ловить, а выяснять, что тут происходит.

Рубос снял свой шлем, вытер пот, приладил шлем на передней луке, чтобы было не так жарко, и вздохнул:

— Ну и что теперь делать будем?

— Пока просто смотреть. Просто смотреть, — повторил Лотар и тронул коня, направляясь вдоль внутренней стены туда, где собаки, похоже, ворвались в замок. Он ехал спокойно, расслабленно, медленно покачивая головой и намереваясь действительно смотреть.

Какой-то отдаленной, едва осознаваемой частью своего восприятия он оказался вместе с теми мародерами, которые прятались в развалинах и сейчас смотрели на него. Почему-то он знал: сегодня на них нападать больше не будут. Кто-то предупредил бандитов, что сейчас это бесполезно. Но это не значило, что они не нападут в будущем, когда будет готово что-то, что позволит одолеть наемников князя, которые сегодня кажутся неуязвимыми и едут так спокойно, словно ничего не боятся...

Лотар встряхнулся, как пес, отгоняя дурманные волны чужого страха, смешанного с ненавистью. Даже Рубос при всей его готовности ненавидеть противника никогда не испытывал такой дикой, такой нечеловеческой злобы. Возможно, об этом тоже следовало подумать.

Глава 8

— Пожалуй, они ушли тут, — сказал Лотар, указывая на широкий, саженной пять у основания, пролом в стене.

Сухмет хмуро проверил свои ощущения.

— Господин мой, мне кажется, они убегали разными путями.

— Но самые большие убежали тут.

Сухмет махнул рукой:

— Пусть так. Хорошо бы они потом побежали одной сворой.

— Это мы сейчас проверим.

С этими словами Лотар направил свою лошадь к проломленной стене. Лошадь заупрячилась, и Лотару пришлось внутренне убеждать ее, что она справится.

Лошадь пугалась каждый раз, когда ступала на развороченные каменные блоки, на обломки каменной кладки, на каждый бугорок, припорошенный свежей известковой пылью. Лотар прекрасно понимал, чего она боялась. Вот-вот, казалось лошади, эта неверная и предательская поверхность подведет, и ноги, чудесные тонкие ноги, способные нести вперед ее тело с такой легкостью и силой, окажутся меж камней, сломаются... И тогда уже не будет веселых скачек наперегонки с жеребцами, не будет спокойного стойла с торбой сладкого овса, не будет ведер теплой воды, в которую сердобольный конюх иногда подмешивал так аппетитно пахнущее вино...

Лотар тряхнул головой и погладил кобылку между ушами. Не волнуйся, я все вижу и не тороплю тебя, сказал он ей, стараясь быть понятным. Ты пройдешь тут, как тень проскальзывает по утренним кустам вдоль дороги. Лошадь тихонько заржала и пошла уверенней.

Лотар обернулся. Конь Рубоса шел за кобылой след в след. А Сухмет, прищурившись, смотрел на Лотара и думал о том, что сейчас увидит. Конечно, он увидел все.

Ладно, решил Лотар, пора заняться делом. Он осмотрелся. Собакам, конечно, было легче. Они не боялись сломать ноги, не боялись поцарапаться в этом тесном для них проломе. Они перепрыгивали через каменное крошево, которое сужало пролом, и неслись куда-то вперед.

Лотар закрыл глаза, полностью сосредоточившись на возникающей в его сознании картине. Собак было не очень много, всего пять или семь. Еще столько же выбралось из замка другими путями. Одна огромная псина, отливая под лучами поздних звезд гранитным блеском, попыталась перепрыгнуть через стену, которая показалась ей не очень высокой.

Она рухнула брюхом прямо на стену, продавila ее, громовым лаем отозвалась на боль и забилась, выпрастывая задние лапы, чтобы одним рывком освободиться из неожиданной ловушки. Вот она уперлась передними лапами в ров, вот нашла опору, не смотря на осыпающуюся землю, рванулась... И умчалась следом за остальными.

Лотар открыл глаза. Они выбрались наружу. Ров был засыпан обломками, его лошадка прекрасно нашла самую короткую дорогу и сейчас поджидала жеребца Рубоса и малолетку Сухмета, отчаянно гордясь собой. Он похлопал ее по шее. Кобылка восприняла похвалу как должное.

Рубос оказался рядом, что-то бормоча. Лотар быстро усилил слуховое восприятие, чтобы расслышать слова мирамца.

— У нас даже лошади умнее, чем иные дурни на Юге, — бормотал Капитан Наемников. Он уже стал успокаиваться, жестокость и злоба уступали в нем место привычному восхищению миром и жизнью.

Сухмет уже понял, что будет дальше.

— Следы тут не самые большие, зато их много, — сказал он, указывая вниз.

Теперь и Рубос посмотрел на землю. Она была перерыта лапами, которые без труда сокрушали крепостные стены. Некоторые следы в диаметре были не меньше сажени и на треть фута уходили в землю общего выгона, утоптанную проходящими здесь из дня в день коровами. Лотар и не знал, что такое может быть.

— Да, — согласился Лотар. — Самая большая собака попыталась перескочить стену вон там. — Он махнул в сторону обсыпавшегося рва. — Но вожак — а у них наверняка есть вожак — выбрал этот путь. По нему и пойдем.

Они повернули к лесу прямо через выгон. Рубос как зачарованный смотрел на следы под копытами своего жеребца. Это было необычно — чтобы Рубос к чему-то так долго присматривался.

Деревья на самой окраине леса валялись на земле, вырванные с корнем. Это был ухоженный общественный лес, в котором люди заботливо собирали сучья и который прореживали не одно поколение, чтобы даже деревьям здесь жилось удобно. Это был бы прекрасный лес, если бы широкая, безобразная просека теперь не разрубала его по самой чаше.

Деревья, которые оказались крепче других, были сломаны в середине стволов. Должно быть, самые нетерпеливые собаки пытались через них перепрыгнуть. Те деревья, которые оказывались на пути своры, были повалены и втоптаны в землю. От некоторых остались только стволы — ветви были словно срезаны гигантским ножом.

Лотар следил, чтобы не сбиться в этом буреломе с того направления, которого придерживался вожак. Теперь он хорошо чувствовал его. Это был расчетливый, очень неглупый кобель, даже не самый крупный в стае, но с обостренным чувством превосходства. Он был настолько умен, что выбирал самую легкую дорогу.

Лотар мельком взглянул на Сухмета, который кивнул ему, соглашаясь, и тут же бросил взгляд под копыта своей лошади, помогая ей пробираться через бурелом. Лотар хмыкнул, ему понравилось, что старик следил за его мыслями, значит, пока он крупных ошибок не совершил.

Внезапно лес с поваленными деревьями кончился. Они выехали на поросший травой склон высокого холма, за которым шла вереница других холмов. Лотар пустил свою кобылку вскачь, ей нужно было успокоиться после нелегкой работы в замке и в лесном завале.

Они проскакали миль пять по холмам, углубились в небольшую рощицу, потом снова промчались по пологому склону, спускавшемуся к югу. Вот еще густая рощица, и вдруг...

Пространство распахнулось перед ними, словно веер восточ-

ной модницы. Холмы слева и справа спускались к воде плавными уступами, но прямо перед ней заканчивались скалистым обрывом в добрую сотню саженей. Море было залито полуденными лучами солнца, под которыми то тут, то там вспыхивали белые паруса небольших рыбацких лодок. На мгновение Лотару захотелось отрастить крылья и взлететь, упиваясь свободой, словно глотком чистой воды.

Но на это не было времени. Лотар обернулся. Рубос тяжело дышал, но не отстал в этой скачке. Он отстегнул свою флягу, глотнул пару раз, протянул Лотару. Желтоголовый тоже выпил степлившейся, пахнувшей кожей воды и пожалел, что не взял своей серебряной фляги, в которой вода часами оставалась холодной, словно только что из родника.

Сухмет, который немного отстал, но был свеж, постоял, осматривая утесы, вспенивавшие внизу воду, и сказал:

— Если скатиться с такой высоты — даже этим псам может не поздоровиться.

— Это место у нас называется Обрывом Венты. Вроде бы так звали девицу, которая много лет назад бросилась тут со скалы из-за несчастной любви. Потом всякие дураки кидались здесь в море, но про них молва уже не вспоминает. — Рубос тоже подъехал к краю и заглянул вниз. — Их сюда не заманишь.

— Кого? — оторопело спросил Сухмет.

— Собак. Они сумеют все разглядеть задолго до обрыва.

— Знать бы чем и как, — проговорил Лотар, — можно было бы попробовать.

— Нет, не получится. — Рубос отрицательно качнул головой. — Да и для человека это слишком опасно, отступать практически некуда. А что они могут сделать своими лапищами — мы в лесу видели.

— Опасно тому, у кого нет крыльев.

— А-а, ты об этом. — В его голосе прозвучало понимание. — Тогда смотри, может пригодиться.

Лотар уже все разглядел и запомнил.

— Так. Куда уходят следы?

Сухмет кивнул в сторону:

— Господин мой, собаки повернули к городу еще четверть мили назад.

Теперь они поехали шагом. Лошадям нужно было перевести дух.

Спокойно ехать, слушая жаворонка в небе, время от времени поглядывать на море, подставляя лицо нежаркому солнцу и свежему ветру, было очень приятно. Наконец Лотар сказал:

— Рубос, кажется, я понимаю, почему ты все-таки решил вернуться.

Мирамец усмехнулся:

— А я теперь не понимаю, зачем вообще куда-то уезжал. — Он помолчал. — Наверное, был молод и казалось, что где-то будет лучше.

Следы, которые все время виднелись перед ними, вдруг исчезли. Стоп, подумал Лотар, что-то тут не так.

Он повернул кобылу, вернулся на сотню шагов. Следы на земле выглядели как огромное страшное тавро. Под этим солнцем, в этой голубизне они казались напоминанием о ночном кошмаре. Но они были, и от них веяло опасностью, как от полыни веет горьким запахом степи.

Лотар поехал теперь еще тише, стараясь не терять из виду тяжелых вмятин в земле. Следы подвели к камню величиной не больше обычного дома и... пропали.

— Здорово, — произнес Рубос. — Значит, они все вошли в этот камень? — Он потряс головой, освобождаясь от назойливого слепня. — Ерунда какая-то.

— Нет, не ерунда, — проговорил Сухмет. Его лицо стало задумчивым, как бывало, когда он что-то вспоминал или пытался вспомнить.

— Ну, — подтолкнул его Лотар. — о каком из чудес прошедших тысячелетий ты собираешься нам рассказать?

Сухмет скорчил забавную гримасу, выразившую разочарование.

— Не помню, слишком давно это было.

— Чего не помнишь? — спросил Рубос.

— Вот как раз того и не помню — что я забыл на этот раз.

Рубос еще раз осмотрел неподвижный камень.

— А ведь они, наверное, не могут быть сделаны из этого камня, верно? — спросил он. — Если сложить этих собак, они будут тяжелее и крупнее.

— Верно, — подтвердил Лотар. — Это не само их тело. Это переход, как тот лаз в невообразимое далеко, которое я видел в доме колдуна Гханаша.

— Ну, нам туда не добраться, — сказал Рубос. В его голосе прозвучало облегчение.

— Да, — кивнул Сухмет. — Этого мы не сможем, даже если нам дадут силу Харисмуса.

Рубос объехал камень, посмотрел на лесок, стоящий в сотне саженой вверх по склону, потом глянул вниз, на море.

— Может, попробовать скатить его в воду?

— На это нужно время, — напомнил Лотар. — А его у нас нет. Да и мародеры не будут сидеть сложа руки.

— Ну, — Рубос небрежно махнул рукой, — сегодня мы узнали, каковы они в деле. Это не страшно.

— Мы не знаем силу тех, кто их направляет, — сдержанно сказал Сухмет.

— А такие есть? — В голосе Рубоса прозвучало откровенное недоверие. — Там, у замка, кажется, были разные...

— Нет, их главари пока в стороне, — поддержал старика Лотар. — Они как раз и рассчитывают, будто ты в решающий момент подумаешь, что знаешь о них все.

Рубос посмотрел Лотару в глаза:

— Понял.

— Ладно, пора возвращаться, — решил Лотар.

В город они ехали по склонам, спускающимся к морю. Иногда их пересекали неглубокие складки, которые язык не поворачивался назвать оврагами. На дне остались островки невысокой травы, среди которой выделялись фиолетовые цветы высоких репейников.

— Земли у вас немало, — сказал Сухмет. — А полей почти нет.

— Верно, пахать в Миране не любят. — Рубос усмехнулся и указал на море: — Вот наша пашня. И так было всегда.

Солдат они увидели издалека. Они шли по дороге, растянувшись походной колонной, и казались просто разморенными жарой крестьянами, а не воинами, готовыми в любой момент к бою.

Походная охрана заметила Лотара, Рубоса и Сухмета довольно поздно. Рубос даже крикнул с досады.

Когда, сопровождаемые настороженными взглядами солдат, они подъехали к Гергосу, который спокойно ждал их у обочины, сидя на черном как смоль жеребце, Рубос еще издалека закричал:

— Я бы мог нашпиговать дюжину твоих вояк стрелами, прежде чем вы бы поняли, откуда я стреляю.

— Может быть. — Гергос поднял в приветствии руку. — Только мародеры стрелять не умеют, для этого нужен навык. Они валят толпой, а к этому, — он неторопливо осмотрел холмы, — да еще на такой местности мы все время готовы. Напасть неожиданно тут невозможно.

Рубос подъехал к капитану мирамской стражи вплотную.

— А мне кажется, все-таки не стоит идти так беспечно.

— Люди не спят уже несколько ночей, я не могу требовать от них большего, — ответил Гергос.

Выглядел он чуть лучше вчерашнего. Вероятно, все-таки сумел немного отдохнуть.

— В замке все кончено, — сказал Лотар. — Мы еще застали там мародеров...

— И порубили с дюжину негодяев, — вставил Рубос.

— ...Но это было уже бесполезно.

— Тебе бы раньше чуть-чуть подъехать! — с негодованием продолжил Рубос.

Гергос провел рукой по переносице:

— Да, мне тоже кажется, что кто-то нас придерживает. Только кто и как?

Следом за колонной тащились пустые повозки. Гергос поймал взгляд Лотара и пояснил:

— Для раненых. И для продовольствия, если получится. Положение в городе очень тяжелое, склады почти пустые.

Рубос спросил:

— К вечеру вернетесь в город?

— Обязаны вернуться, даже если нам навяжут бой.

Гергос перестал обращать на них внимание. Прищулив глаза от солнца, он смотрел вверх на склоны холмов, туда, где лежал разрушенный ночью замок, где его ждала работа.

— Не навяжут, — твердо сказал Лотар. — Бой им пока не нужен.

Гергос перевел взгляд на Желтоголового:

— И ты знаешь почему?

— Знаю, — ответил Лотар. — Они умные. Умнее, чем мне хотелось бы, и понимают, что мы слишком много узнаем о них во время этого боя.

— Значит, они непобедимы? — снова спросил Гергос.

— Наоборот, если они что-то скрывают, значит, их план не так уж безупречен.

— Хорошо бы, — сказал Гергос и дал шпоры лошади, направляясь в голову колонны своих солдат.

Глава 9

Даже любящий поест Рубос жевал без удовольствия. Сухмет сначала навалился на еду с азартом, в котором — Лотар давно заметил — было больше показухи, чем прожорливости, но скоро задумался и стал жевать так, как, должно быть, любил, — не столько молот пищу зубами, сколько перекачивал ее во рту, пока она не истаявала до конца.

Лотар, как всегда, ел мало, только пил за троих. Шув ненароком сделал ему подарок — принес бочонок яблочного, не забродившего еще сидра. Желтоголовому напиток показался сначала слишком сладким, но когда он развел его водой и отведал, то только головой закрутил от удовольствия.

Молчание не нарушалось почти до конца трапезы. Наконец Сухмет не выдержал:

— Господин мой, кажется, мы странным образом попали под действие той магии, от которой пострадал и замок Кибата.

Лотар, ожидая продолжения, посмотрел на него.

— Мы похожи на остальных мирамцев, которые равнодушно ждут конца.

Рубос хмыкнул:

— Или на новобранцев, проигравших первую стычку, верно?

Теперь улыбнулся Сухмет:

— Так будет точнее, Рубос.

Лотар посмотрел на Шува, который крутился неподалеку, хотя делать ему тут было абсолютно нечего — трактир, как обычно в последние два месяца, был совершенно пуст. Даже Курбана не было. Трактирщик понял и деликатно скрылся на кухне.

— Ничего я не жду, просто думаю, — ответил Лотар. — Вернее, пытаюсь, потому что ни одной дельной мысли не приходит в голову. Может, потому, что увидел не совсем то, что ожидал.

— А что ты ожидал увидеть? — спросил Рубос.

— Ожидал, что местные немного преувеличивают, знаешь — у страха глаза велики. Думал, что у нас появится возможность повлиять на события... А все оказалось еще безнадежней, чем представлялось вначале.

Рубос вытер с руки жирок какой-то местной рыбешки и подался вперед.

— Но бросать начатое ты ведь не собираешься?
— Нет, не собираюсь. — Лотар помолчал, потом добавил: — Именно сейчас я больше, чем когда-либо, уверен, что только мы можем разрушить планы заговорщиков и спасти город.

— Значит, все-таки заговор? — переспросил Сухмет.

— Все-таки.

— Я не обнаружил никаких признаков.

Лотар слабо улыбнулся:

— Я пока тоже не обнаружил. Но это сложный план, и истребление местной знати — только начало каких-то событий, у которых должно быть продолжение.

Сухмет внимательно посмотрел на Лотара, без стеснения вчитываясь в его мысли. Лотар не стал особенно противиться, хотя приятного в этом было мало. Но иногда старик обнаруживал во втором или даже третьем слое мыслей Желтоголового то, чего не осознавал сам Лотар, поэтому приходилось терпеть.

Рубос, который прекрасно понял, что происходило, спросил с тревогой, когда Сухмет отвел наконец взгляд и вытер выступивший от напряжения пот на лбу:

— Ну и что?

— Ситуация, как ее видит мой господин, в самом деле очень похожа на заговор. Только какой-то странный.

Лотар кивнул.

— Да, я в самом деле почему-то думаю, что заговорщики стремятся не столько получить деньги или привилегии, сколько исполнить странную, вычурную, несправедливую идею, которая приведет к гибели многих людей и остановит жизнь в Мираме на долгие-долгие годы.

— Но сам город останется? — с тревогой спросил Рубос.

— Останется место, которое по-прежнему будут так называть... Хотя, вероятно, и название изменят. Люди, которые считают, что только с них начинается все на свете, любят переделывать названия.

— Значит, они неумны?

Лотар снова приложился к своей кружке с разбавленным сидром.

— Нет, в обычном смысле они не глупые. Но они сделают что-то такое, что ляжет поперек жизненных правил. А это уничтожит труд нескольких поколений и приведет людей к нищете и духовному краху. Для Мирана это будет означать полное уничтожение. Если не сразу, то потом, когда его добьют соседи.

— Может быть, это соседние князья подстроили? — Рубос даже привстал от волнения.

— Нет, это сделал кто-то из своих, из тех, кто потом легко сумеет воспользоваться плодами губительного для города замысла.

— Кто же?

Голос Рубоса прозвучал так глухо и отчужденно, что Лотар взглянул на него, чтобы убедиться, что именно он, его давний друг, произнес эти слова.

— Это нам и предстоит выяснить. — Лотар снова отхлебнул из

кружки. — Возможно, в этом наша надежда. Весь замысел построен под одного, максимум двух человек. Если их найти...

— Уничтожить, Лотар. — Рубос схватил руку Лотара, в которой тот держал кружку, и сжал так, словно собирался с ним бороться. — Уничтожить — обещаю мне это.

— Хорошо, я обещаю. Будем надеяться, если мы их уничтожим, то весь план рухнет от собственной сложности. Те, кто останется, просто не вытянут его.

Рубос откинулся на спинку стула и вздохнул:

— Наконец-то дело стало выглядеть не очень безнадежно. С двумя такими ведунами, как вы, — он посмотрел на Лотара и Сухмета, — мы вычислим их без труда.

— Рубос, — сказал Сухмет, — даже если все обстоит так, как видит мой господин, нужно изрядно поработать, чтобы добраться до той точки, откуда этого злодея будет видно.

— Тогда давайте работать.

— Давайте, — кивнул Лотар. — Начнем с наименее приятного. Пусть каждый расскажет, что его больше всего удивило или испугало в замке Кибата. Начинай ты, Рубос.

Мирамец помялся, потом встретил мягкий, уклончивый, как у девушки, спокойный взгляд Желтоголового и начал:

— Меня больше всего испугали деревья, которые собаки ломали, когда бежали. И еще, пожалуй, то, как эти мужики равнодушно пошли на бой. Они же не могли не знать, что мы разделаем их как бог черепаху, но все равно...

— Не согласен, — буркнул Сухмет. — Эти мужики только что изрубили топорами защитников Кибата. Они верили, что никто не устоит перед ними.

— Там был Крысенок, — напомнил ему Рубос. — Он знал, кто мы, и мог предупредить по крайней мере, чтобы они не кидались на нас поодиночке. А он промолчал, просто подставил своих же приятелей под наши клинки. Да любого офицера за это...

— Вот именно, Рубос, офицера. — Сухмет распалился больше обычного. — А Крысенок — босяк, подонок. Он готов все завалить трупами своих приятелей или просто тех, кто подчиняется их правилам, надеясь, что кому-то удастся нас все-таки одолеть.

Лотар кивнул.

— Да, если этих разбойников не остановить, они навалят горы трупов, просто потому, что не верят в силу мастерства. Они признают только силу количества. Хорошо, что показалось самым трудным для понимания тебе, Сухмет?

Старик спрятал выражение глаз, как умеют это делать, вероятно, только восточные рабы. Мгновенно они перестали что-либо выражать, но на всякий случай Сухмет прикрыл их веками.

— Мне показалось самым ужасным то, как собака проломила стену, когда не сумела ее перелезть.

— Ага, ты тоже заметил? — спросил его Лотар.

Сухмет открыл глаза. Теперь в них горел огонек едва сдерживаемого смеха.

— Что значит «тоже»? Это я тебе и внушил, мой господин, боялся, что ты можешь пропустить такую важную деталь.

Рубос коротко хохотнул.

— М-да? — Лотар тоже улыбнулся. — Ну, ты все-таки не очень часто пользуешься этим трюком. Сам знаешь, против тебя я не защищаюсь...

— Да ладно. — Рубос махнул рукой. — Что тебе-то не понравилось больше всего?

Лотар вспомнил идущих через поле с узлами награбленного за плечами переругивающихся женщин. Вспомнил жуткую, пугающую безответственность за свои поступки и преступления, которая стала манерой мародеров.

Коротко, не вдаваясь в подробности, Лотар высказал свое впечатление. Когда он кончил, Сухмет даже в ладоши хлопнул от восторга.

— Ай молодец, господин мой! Это же любимая идея Харисмуса! Я почти полтысячи лет не встречал никого, кто приводил бы ее в качестве аргумента. Только в старых трактатах говорится, что... Что такое?

Последние слова были обращены к Шуву, возникшему перед Сухметом, как материализовавшийся призрак.

— Ты звал меня, почтенный Сухмет?

— Я? Ах да, я хлопнул в ладоши, но это вышло случайно. — Лицо Шуву вытянулось от разочарования. — Знаешь, Шув, я так долго прожил в этих варварских странах, что у меня и привычки стали западными. Например, я уже не хлопаю в ладоши, но громко, насколько позволяют мои годы, зову того, кто мне нужен. Ты это знай на будущее.

Шув сдержанно поклонился.

— Кстати, Шув. — Лотар допил свой сидр и внимательно посмотрел на трактирщика. — Вчера ты довольно дельно описал все, что происходит в Мираме. И скорее всего не раз вспоминал наш разговор. Иногда при этом возникают новые идеи, всплывают новые имена. Ты ничего не хочешь нам сказать?

Шув вздохнул:

— Что именно, господин?

Лотар не знал, как пояснить свой вопрос.

— Ну, что-нибудь особенно необычное, что творится у нас, — пробасил Рубос, стараясь помочь. — Что у нас не в порядке, Шув?

На этот раз Шув вздохнул еще громче:

— Да что у нас вообще в порядке, Рубос? — Он смущенно помялся, сообразив, что ответил, должно быть, не очень вежливо. — Ну, если я не нужен, может, я свечей принесу? А то уже темно стало.

Когда через пару минут Шув вернулся в комнату, держа по подсвечнику в каждой руке, все трое молчали. А Лотар, кажется, впервые за вечер знал, что нужно делать дальше.

— Свечи будут кстати, — сказал он. — Сухмет, принеси, пожалуйста, рисунок, который нам вчера дал Курбан. Пришла пора поду-

мать о Кнебергише. Любезнейший Шув, что ты можешь рассказать о нем?

Сухмет бесшумно, как настоящий слуга, помчался наверх за листком пергамента, а Шув, довольный, что может помочь делу, а не дурачеству, пристроился было к углу стола, но Рубос дернул его за рукав:

— Ты садись, ноги-то небось гудят?

Шув кивнул, быстро сел на краешек скамейки и покачал головой:

— Нет, не гудят. Какая теперь работа, вас только кормить да присматривать, чтобы служанки в порт не сбежали... Значит, так, господин. Кнебергиш — чужак, но появился уже лет пятнадцать тому. Сначала лечил людей попроще, потом вдруг к нему стали наведываться богатеи. Он переселился поближе к терему князя, значит, и... Вместо того чтобы жить припеваючи, стал что-то мудрить в своем доме. Слуг у него было мало, да и те быстро менялись, уж очень странный он господин.

— В чем проявлялась его странность?

В этот момент вернулся Сухмет. Он положил перед Лотаром лист с изображением замковой башни, пожираемой собаками, и сел на свое место. Лотар не сомневался, что он ни слова не пропустил из того, что произнес Шув, воспользовавшись магией дальнего слушания.

— Одевался просто, как... как я, например. Его часто можно было встретить вечером на рынке, он нес себе какую-то еду в капустном листе. Видано ли, чтобы господин, живущий в этой части города, сам ходил на рынок за едой? И что это была за еда — самая простецкая. Бывало, он ел на ходу жареную рыбу. — Широкими от возмущения глазами Шув обвел всех присутствующих. Не встретив понимания, он огорченно махнул рукой.

— Он что, бедствовал? — спросил Рубос.

— Нет, какое там! Такие посылки получал из-за моря, такие деньги выкидывал на баловство, что никому и в голову не приходило ему в кредите отказать. Просто он так устроен, что иной школяр жил лучше, чем он.

— А лечил многих?

— Очень. К нему шли и шли, он ведь не всегда плату брал. Иногда, если кто-то заплатить не мог, он просто рукой похлопает человека по больному месту, и все — считается, что в расчете. Но люди у нас небедные, большинство расплачивалось. Так что он мог что хочешь из-за моря выписывать.

— А зачем это баловство ему было нужно?

— Он говорил — для опытов.

— Каких именно?

Шув опять вздохнул:

— Не знаю. Говорили, одно время он с вином что-то делал, вроде как из высокогорного кислого рислинга пытался сделать густую коричневую граппу.

Лотар вопросительно посмотрел на Рубоса. Тот пояснил:

— Это очень дорогое десертное вино, которое выделывают в долинах южнее Мирама. У нас не получается.

— Может, пытался загустить его как-нибудь? — предположил Сухмет.

— Потом ему зачем-то морковь потребовалась. Целыми возами возили, а он только шурился, когда его спрашивали об этом. Но потом... потом князь заболел. И его почти сразу отвели к князю. Он возился-возился, что-то там делал, и правда, получилось так, что князь остался жив, хотя каждому было ясно, что это лишь временно, — ведь есть князь так и не может, его, говорят, через трубку кормят.

— То есть если бы не Кнебергиш, князь уже умер бы?

— Люди так и говорили. Но потом появились собаки, кто-то стал болтать, что это все из-за наших колдунов, и Кнебергишу дом спалили. Он в ту ночь случайно в тереме ночевал, ну спасся, значит. А поутру, когда зачинщиков этого погрома не нашли и кто-то ему лоб камнем рассек, он исчез. Люди знают, что он ушел в пещеры на северных холмах. Он там каждый камень знает, потому что травы там все пятнадцать лет собирал. Так что, если его бандиты не нашли, он где-нибудь в пещерах скрывается.

Лотар потер подбородок:

— Вот что, Шув, собери-ка ты нам большую торбу с такой едой, чтобы долго не портилась.

Шув кивнул и с готовностью вскочил.

— Через пять минут все будет готово.

Рубос понимающе посмотрел на Лотара:

— Думаешь, его следует найти?

— Даже если он ни при чем, кто-то хочет, чтобы мы считали, что он придумал вот это. — И Лотар кивнул на лист пергамента перед собой.

Глава 10

Как и говорил Рубос, до холмов они дошли раньше, чем на небо выкатили звезды. Шли быстро и без шума. Так уж получилось, что никто им не мешал — все мародеры куда-то подевались.

Лотар, правда, пару раз ощущал на себе чьи-то изучающие взгляды, но издалека, и они исчезли настолько быстро, что не стоило тратить на них внимание. В другой раз Рубос бросился ни с того ни с сего в кусты, выхватывая на ходу меч. Но это оказалась одичавшая свинья, шустрая, мускулистая, со странно потемневшей шкурой, которая с визгом кинулась от Рубоса под кусты орешника. Когда Сухмет хотел было сострить по этому случаю, Лотар на него внутренне зашипел, и он только прошептал:

— Кто бы мог подумать, что свиньи любят загорать?

Рубос, засовывая меч в ножны, с опаской покосился на восточника. Ему показалось странным, что никто не поднимает его на смех.

— Наши свиньи, по-моему, только этим и занимаются.

Холмы были изрезаны оврагами и так часто иссечены шахтами, что Лотар только головой закрутил от досады. В этих лабиринтах можно было проваландаться не одну неделю, а желающего спрятаться человека так и не найти.

— Откуда у вас такое кружево? — спросил Сухмет, пытаясь внутренним видением определить, где кончаются катакомбы.

— Половина города и те фермы, что побогаче, построены из ракушечника, — ответил Рубос. — А добывали его только тут, и давно — с самой закладки города. Вот и получилось. — Он обвел рукой почти полгоризонта.

— А я-то гадал, почему местные мародеры не могут отыскать Кнебергиша. Да тут не то что мародеры, тут я не справлюсь, — заметил Сухмет.

— Нет, — сказал Лотар рассеянно, — он им зачем-то нужен позже, пока они его решили не трогать. Иначе, конечно, нашли бы.

— Зачем? — спросил Рубос.

Лотар слабо усмехнулся в темноте:

— Скорее всего, чтобы свалить всю вину. Логика тех, кто на этот раз играет против нас, примитивна. Но они не хотят, чтобы их заподозрили в дурном. Вот поэтому такие люди, как Кнебергиш, им и потребуются. — Он помолчал. — Ну ладно. Сухмет, внимательно смотри, что творится у нас под ногами. А ты, Рубос, покажи нам все пещеры, которые знаешь. Будем надеяться, что он не забрался слишком глубоко.

Рубос провел их сначала к главным катакомбам, но они оказались так загажены следами недавно разбитого тут лагеря мародеров, что Сухмет только нос наморщил.

— Ну, он же врач, Рубос. Вряд ли он мог бы жить рядом с такой помойкой.

Потом им попался лагерь каких-то очень испуганных людей, которые тут же разбежались, едва Рубос задел ногой хитроумное сигнальное устройство, сделанное из палок, камешков и куска натянутой, как на бубне, кожи. Лотар быстро осмотрел лагерь беглецов — крохотный костерок, разведенный в укромном месте, груда обглоданных костей, среди которых выделялись лошадиные, несколько тряпок, три или четыре грозные на вид пики, сделанные из кос.

— Вояки, — буркнул Рубос. — Удрали, а оружие бросили.

— Его тут нет, — громко сказал Сухмет.

Лотар уже и сам чувствовал, что Кнебергиша тут нет, но Сухмет решил успокоить беглецов.

Они бродили далеко за полночь. Хотя Рубосу, который почти ничего не видел, приходилось часто помогать на крутых склонах, он упорно водил их от одного к другому черному провалу в земле, чтобы Сухмет и Лотар могли понять, что здесь происходит. Наконец, когда он почти отчаялся, Лотара вдруг осенило:

— Послушай, Рубос, мы не там ищем. Он искал травы, правильно? А тут, где мы бродим, только выжженный чернозем и камни. Подумай, нет ли где-нибудь такого места, где и трав много, и хоть какие-нибудь катакомбы есть?

Рубос, уставший от блуждания по темным кручам, сидя на каком-то валуне, пробурчал:

— Знал бы ты, какой тут травостой каждую весну. Или осенью — на весь год в любом месте хватит.

— Нет, не подходит, — покрутил головой Лотар. — Если верить западным лечебникам, большинство трав нужно собирать в июне-июле. А он, скорее всего, делал так, как его обучили в университете, следовательно...

— Ну, за пятнадцать лет можно научиться и местными травками лечить, — пробурчал Сухмет.

— Можно, — согласился Лотар, — но, судя по рассказу Шува, он с самого начала действовал умело, не теряя времени на пробы. Это значит, он никогда не испытывал нужды в лекарствах. Так что подумай, Рубос.

— Нет тут такого места. Я бы сразу вас туда отвел.

— Это, наверное, горное место, повыше остальных. Там вполне может быть лес, где земля не очень пересыхает. И обязательно должна быть вода, скорее всего, в течение всего лета, — проговорил Лотар.

Рубос снял шлем, потер затылок и отогнал комаров, которые немедленно собирались вокруг, как только они переставали идти.

— И конечно, там должны быть пещеры от выработки ракушечника, — докончил Сухмет.

— Не знаю. Если вы так хорошо все представляете, то оставили бы меня дома. Чем бродить тут, как слепой гусь, я бы лучше в трактире Шува... Стойте, а ведь есть такое место.

Почти в то же самое мгновение в сознании Лотара ярко, как при вспышке молнии, возникло представление о небольшом, но непересыхающем водопадики, о трех или четырех густо заросших травами луговинах и не очень глубоких, но аккуратных и надежных пещерах в ракушечнике.

— Это милях в четырех отсюда, — обрадовался Рубос. Он уже шагнул, широко размахивая руками. — Как я мог забыть?

Чуть больше часа потребовалось Рубосу, чтобы найти водопад. Конечно, после того как Лотар считал это из сознания мирамца, он мог бы и сам найти нужное место, но с Рубосом было все-таки вернее.

Когда они подошли к водопадику, Лотару очень захотелось сбросить одежду и окунуться в небольшой — чуть больше бочки — естественный прудик, но он поборол искушение.

Вход был всего в десятке саженей от водопада. Они подошли осторожно. Рубос держал руку на рукоятке меча, а Сухмет втягивал воздух раздутыми ноздрями, словно научился определять присутствие человека по запаху, как собака. Лотар внимательно осмотрел окрестные холмы, потому что Сухмет почему-то забыл это сделать, и решил, что в округе пусто.

— Он здесь, — уверенно сказал вдруг Сухмет. — В огромном боковом зале, куда ведет крохотный лаз.

Без труда они нашли этот лаз, миновав три горизонтальных, чистых, как стол в крестьянской избе, прохода. Ничто не указы-

вало, что всего за несколькими метрами ракушечника живет человек. Но теперь уже и Лотар явственно ощущал следы прикосновений человека на стенах и, главное, на камне, что в самом темном углу закрывал, как пробка бутылку, отверстие, в которое без труда мог пролезть даже Рубос.

— Ну вот, пришли, — сказал Сухмет. — Постучим?

Он взял осколок ракушечника и ударил в затычку. Звук был гулкий, хотя и мягкий. Ракушечник крошился, как прелый сухарь. Сухмет ударил еще раз.

— Нет, он не откроет, — решил Рубос.

Он наклонился, уперся каблуком, и камень с хрустом откатился. Лотар нырнул в отверстие первым.

Зал был округлым и высоким — сажени три в высоту и более десяти в диаметре. Несмотря на костерок, тлеющий в самом центре, в воздухе ничем не пахло. Вероятно, врач следил за чистотой и каждый день купался в водопаде.

Лотар посмотрел в ту сторону, где затаился Кнебергиш. Врач был очень испуган. Это было странно для человека, которому не очень много приходилось бояться. Сухмет, который пролез следом за Лотаром, только головой покрутил, почувствовав этот страх.

— Мы пришли поговорить с тобой, мэтр Кнебергиш, — громко произнес Лотар. — И еще мы принесли еду. Ведь ты изрядно голоден?

Рубос протолкнул в отверстие торбу с едой, пролез сам и хмыкнул:

— Мы даже не возьмем ни гроша за доставку.

Доктор боялся. В его сознании, как летучая мышь, билась мысль о неизбежном теперь унижении от этих варваров, этих бандитов, которые все-таки выследили его, хотя он так старательно прятался...

Лотар подошел к костерку и сел, протянув вперед руки.

— Мы не бандиты. Нас нанял князь Мирама, чтобы мы оставили негодяев, которые подстроили все то, что творится в долине. Нам нужна информация.

Нет, так просто этот человек не заговорит, решил Лотар. Придется его подстегнуть немного.

— Да поднимайтесь же. Вы ведь интеллигентный человек, у вас должно быть достоинство. А вы прячетесь, как подопытная мышь в банке.

Кнебергиш наконец поднялся из-за камня. Он подошел к Рубосу, который уселся рядом с Лотаром, и спросил глухим голосом:

— Что вам нужно?

Чувствовалось, что он отвык говорить. Но ум его был по-прежнему острый, внимательный, гибкий. Жаль, что в нем так отчетливо бился страх, это мешало понять то, о чем молчал Кнебергиш.

Он испуган не потому, что его нашли, а потому, что столкнулся с магическим занавесом вокруг Мирама. Значит, он пытался удрать в соседний город, решил Лотар.

— Ты поешь, доктор, — сказал Сухмет, раскладывая еду на небольшом плоском камне, который Кнебергиш использовал как стол. — И выпей, тебе нужно успокоиться.

— Что вам угодно?

Он очень хочет есть, но не знает, что от него потребуют за еду.

Ладно, может быть, чем скорее мы перейдем к главному, тем лучше. Лотар достал из тайника в нагрудной пластине сложенный лист пергамента.

— Тебе это знакомо?

Кнебергиш чуть наклонился вперед и стал сосредоточиваться. Лотар ощутил, как сильным, почти нескрываемым жаром протянулось вперед, к сознанию лекаря, внимание Сухмета. Это было настолько явно, что доктор даже поморщился и покосился на восточника:

— Ты изучаешь меня?

Сухмет кивнул и усмехнулся:

— Из нас троих мне лучше других удастся просматривать сознание других людей. Так что...

Кнебергиш посмотрел на Лотара:

— Как я понимаю, ты здесь главный?

Лотар развел руками:

— Вообще-то главных у нас нет. Каждый делает то, что у него получается лучше.

— Ты здесь думаешь?

— Мы все думаем.

Страх никуда не делся, доктор просто затаил его.

— Значит, так: или ты просишь своего друга оставить меня в покое, или я ничего не буду говорить.

— Я понял, — ответил Лотар. Доктор начинал ему нравиться. — И мой друг тоже понял.

Сухмет ухмыльнулся и кивнул по-восточному, что могло означать все что угодно, даже отрицание. Теперь его внимание стало тонким, очень мягким. Этот «шнур» по-прежнему связывал голову Кнебергиша и глаза восточника.

Зато Лотар свернул свое внимание. Он сделал это демонстративно и даже охотно. Пожалуй, его вмешательство, даже если бы Кнебергиш и не возражал, могло только помешать Сухмету.

— Один восточный торговец странными чучелами, который живет в трактире Шува, утверждает, что ты продал ему эту картинку, которую похитил из какой-то книги в княжеском тереме.

Кнебергиш взял лист, повернул к костерку, внимательно осмотрел, потом положил на место и выпрямился.

— Ложь. Я никогда не видел ее раньше.

— Но ты знаешь человека, о котором я спрашиваю?

— Нет. Я не знаю ни одного восточного торговца редкостями.

— В Мираме он называет себя Курбаном. Подумай, может быть, ты все-таки слышал это имя?

— Нет. Я никогда не слышал этого имени.

Лотар потер глаза. Нет, так они ничего не узнают.

— Какие опыты ты ставил в своей лаборатории?

— Полагаю, это мое дело.

— Князь нам дал полномочия задавать любые вопросы, даже неприятные, и тебе, как одному из друзей князя, полагалось бы на них ответить.

— Я делал... — Доктор оглянулся, словно в этом зале кроме них мог быть кто-то еще. — Только не смейтесь... Я открыл, что если надавить сок из овощей и некоторых фруктов, то можно получить почти столь же благотворный эффект, как от самих фруктов. В некоторых случаях это очень важно. Например...

Он умолк.

— Продолжай, — попросил Лотар.

— У вас еще есть ко мне вопросы?

Нет, от него трудно было добиться большего. По крайней мере, на этот раз. Может, получится когда-нибудь позже, если это «позже» наступит. Лотар поднялся.

— Чем болен князь?

— У него рак пищевода.

— Сколько ему еще осталось?

— Не могу сказать, потому что не знаю, в каком он сейчас состоянии.

— Ты ушел из города два месяца назад. Если считать, что его состояние не изменилось, тогда сколько?

— Я не колдун. — Он посмотрел на Сухмета, который при этих словах с улыбкой поклонился. — Я не знаю.

Рубос шагнул вперед.

— А вообще сколько могут жить при такой болезни?

— Раньше умирали очень быстро, за несколько недель. Я пришел к выводу, что смерть наступала не от болезни, а от голода. Если наладить правильное питание и попытаться приостановить болезнь, то можно... Можно говорить о годах, пока метастазы не убьют какой-нибудь другой жизненно важный орган.

— Спасибо за исчерпывающую информацию, — сказал Лотар и указал на еду, которая так и осталась нетронутой. — А ты все-таки поешь. Тебе нужно сохранять силы и разум. Может статься, ты еще очень понадобишься городу.

Он пошел к лазу. Сухмет засеменил следом. Рубос поклонился и пошел с ними рядом.

Когда они выбрались на поверхность, Лотар повернулся к Сухмету:

— Ну что?

— Он говорил правду, он ничего не знает. Конечно, может быть, страх исказил какие-то очень глубокие пласты его памяти, но в основном он не солгал ни разу.

Лотар вдохнул полной грудью пахнувший морем воздух.

— Значит, это ложный след. Жаль, что так поздно и мы не сможем, не нарушив норм вежливости, заглянуть к господину Курбану. А мне теперь очень хочется с ним потолковать.

Рубос, глядя на звезды, кивнул:

— Если понадобится, можно и не мелочиться. Подумаешь — вежливость!

— Нет, — решил Лотар, — ситуация пока не созрела. Его тоже могли подставить, как... — Он оглянулся назад, в сторону Кнебериша.

Через мгновение магическое видение открыло ему, что доктор, забыв обо всем на свете и громко чавкая, вгрызается в ножку поросенка, пытаясь одновременно пить вино из горлышка бутылки и отломить большой кусок копченой рыбыны, даже не очистив от чешуи.

— Зря, — сказал Лотар. — Если он долго голодал, может и плохо стать.

Сухмет хмыкнул:

— А еще доктор называется.

Глава 11

Гергос стоял красный от злости, но голос его был, как всегда, спокойным, уверенным и сильным. Полдюжины стражников столпились в отдалении и делали вид, что никто из них не пытается подслушивать. Лотар, Рубос и Сухмет стояли над телом стражника с сержантской перевязью, который лежал в пыли со странно свернутой набок головой. Из-под шлема вытекали струйки почерневшей крови.

Лотар старался пока ни о чем не думать, не строить никаких версий. Он смотрел на крыши домов, которые начинало золотить только-только появившееся из-за горизонта солнце.

— Итак, — проговорил Гергос, — начнем с самого начала.

— Мы подошли к калитке, которой, как ты сказал, можно пользоваться по ночам, чтобы не опускать лишний раз мост. — Рубос устал, его голос звучал глухо, негромко, но он привычно преодолевал усталость, потому что день обещал быть хлопотным.

— Что вы делали на холмах? — спросил Гергос.

— Гуляли, — ответил Рубос. — Не забывай, мы отчитываемся только перед князем.

Гергос вздохнул.

— Нагулявшись, мы подошли к этой калитке и стали кричать в переговорное отверстие, чтобы нам открыли.

Сухмет тем временем тщательно, дюйм за дюймом осматривал поверхность низкой, едва ли не в половину роста Рубоса, но толстой, сделанной почти из цельных дубовых бревен калитки во внешней стене города. Ее запорам могли позавидовать засовы небольшого замка, а переговорное отверстие и окошко для наблюдения были устроены таким образом, что через них невозможно было ни выстрелить в стражника, ни ударить его копьем. Все было очень просто и надежно.

— Каково же было наше удивление, когда стало ясно, что калитка не заперта. Мы толкнули ее...

Гергос подошел к калитке.

— Она была открыта, как сейчас?

— Да, — кивнул Рубос.

Как ни странно, именно в это мгновение звякнул далекий колокольчик. Лотар стремительно повернулся на месте. Но опасности не было, он был в этом уверен, вот только... Когда он перевел взгляд на Гергоса, то понял, что произошло. Прежде чем кто-либо успел что-нибудь сказать, Гергос протянул руку и задвинул засов. Лотару осталось только произнести:

— Не нужно было этого делать.

— Что такое? — Гергос повернулся к Желтоголовому. — Мне кажется, калитку нужно держать закрытой.

— Мы хотели закрыть ее после того, как Сухмет осмотрит следы, которые здесь остались.

— Ах да, я забыл. Вы же все видите не так, как нормальные люди. Ну, мои следы, я надеюсь, ничего не испортят. — Он усмехнулся, но на его скулах ходили желваки. — Ладно, кто именно толкнул калитку?

— Какое это имеет значение? — спросил Лотар. — Мне кажется, Гергос, ты пытаешься сейчас просто спрашивать, вместо того, чтобы думать.

Глаза капитана мирамской стражи сузились.

— Вообще-то вас следовало развести в разные комнаты и допросить поодиночке. А потом проверить, совпадут ли ваши показания.

— Ого, старина, ты уже хочешь нас допрашивать? — Рубос недобро усмехнулся. — А тебе не кажется, что по всем признакам мы должны допрашивать тех, кто был с этой стороны стены? И потом выяснить, есть ли у кого-либо алиби и кто может оказаться убийцей?

— Мы живем вместе не один десяток лет. Мои люди проверены не раз, среди нас нет предателей.

— В самом деле? — спокойно спросил Лотар. — Большинство из тех, кто по ту сторону стен готовится к штурму города, тоже живут здесь не один десяток лет, и среди них тоже немало таких, за кого ты, без сомнения, поручился бы еще пару месяцев назад... А сейчас поручишься, Гергос?

Капитан мирамской стражи потер подбородок. Щетина заскрипела под его пальцами.

— Ты прав, чужеземец. Как ни горько это сознавать, но ты прав. Хочу только заметить, что среди тех, кто предает Мирам, немало и пришлых. Так что... — Он повернулся к Рубосу: — Продолжай, старина. Извини, если я срываюсь, меня огорошила эта смерть.

Он посмотрел на труп, который лежал между ними.

— Мы вошли и обнаружили его в таком виде, — продолжил Рубос. — Тогда мы принялись кричать, чтобы пришел хоть кто-нибудь из стражи. Надо сказать, ребята появились довольно быстро. Первого же из них послали за тобой. — Рубос снял флягу с пояса и сделал глоток, потом передал флягу Лотару и закончил: — А ведь он еще не остыл. Его убили за пару часов перед нашим появлением, не больше.

Гергос смотрел на лежащего перед ним человека, и глаза его стали темными от печали. Наконец он встряхнулся.

— Он был рядом с нами больше двадцати лет. Это был один из тех, с кем я начинал здесь службу. Ну ладно.

— А теперь, Гергос, у меня к тебе несколько вопросов. Как зовут... звали этого человека?

— Мелет. Десятник нашей стражи. Один из самых верных людей. Я повторяю — верных, без всяких там выкрутасов.

Лотар кивнул.

— Он заплатил жизнью, так что его верность не вызывает сомнения. Скажи, он был здесь один?

— Этот пост не считается опасным. Кроме того, каждого, кто подходит к этой калитке, единственному выходу из города, по ночам проверяют как минимум два патруля. И другой возможности оказаться здесь не существует.

— А с той стороны стены? — спросил Рубос.

— А это все равно ничего не даст. Калитка не хуже ворот выдержит и таран, и огонь. Кроме того, не все про нее знают. Тебе про нее рассказали только потому, что ты взялся нам помогать.

Рубос посмотрел на Лотара.

— Гергос, как часто пользовались этой калиткой?

— Последний раз, кажется, недели две назад.

Лотар кивнул. Сухмет подошел к ним и отрицательно покачал головой.

— Все следы очень старые, а с этой стороны — только его. — Он кивнул на Гергоса.

— Значит, дверь открыл тот, кто знал о наших возможностях, — проговорил Лотар. — И сумел как-то защититься.

— А разве это возможно? — спросил Гергос. — Я не знал.

— Вполне возможно, капитан, мы ведь не всемогущи. Достаточно было открыть засов лезвием кинжала, или палкой, или просто пнуть сапогом, — перечислил Сухмет.

— Понятно. В любом случае ваши вопросы, наверное, уже бессмысленны — кто-то открыл калитку и ушел в лес, — высказался Гергос.

— Необязательно, — покрутил головой Сухмет. — Хотя я не могу понять, входил или выходил человек, ради которого открывали калитку, мне кажется, его могли и впустить внутрь.

Лотар кивнул, соглашаясь.

— Это бросает тень на Мелета, — снова нахмурился Гергос.

Но Лотар больше не стал с ним спорить:

— Сделаем так, Гергос: нам нужно помещение, лучше подвальное, с хорошей акустикой, и чтобы никто не мешал.

Гергос подозрительно посмотрел на Желтоголового, но, вздохнув, потер переносицу и ответил:

— Под Щербатой башней есть небольшой каземат. Если даже вы испачкаете его какой-нибудь очень ядовитой магией, мы его потом просто замуруем.

— Не испачкаем. — Лотар повернулся к Рубосу: — Попроси стражников сделать носилки и перенести туда Мелета.

Стражники тут же с облегчением взялись за дело. Они уложили два копья на землю, из перевязей и ремней сделали носилки и осторожно, словно могли еще причинить ему боль, положили на них десятника. Потом подняли его и пошли за Гергосом, который, оставив у калитки одного из своих людей, повел остальных к ближайшей башне.

От входной двери, которая оказалась открытой, вели две лестницы — одна на стены, вторая вниз. Стражники с Мелетом на руках и все остальные спустились в небольшой коридорчик и оказались перед тухлявой, но еще вполне плотной дверью. За ней обнаружилась комната длиной с десяток шагов, освещенная неярким светом из крохотного зарешеченного окошка. Посередине стоял не очень надежный на вид стол, но на лучшее Лотар и не надеялся.

— Кладите его на стол и забирайте ваше оружие, — скомандовал Сухмет. Едва они оказались в этом каземате, настала его очередь командовать.

Солдаты с облегчением разобрали ремни, привели себя в порядок и один за другим вышли наружу. Лотар повернулся к Гергосу и попросил:

— Тебе тоже следует уйти. Это может скверно повлиять на того, кто тут окажется.

Гергос кивнул в сторону Рубоса:

— А он?

— Его я могу прикрыть, но на вас двоих сил у меня не хватит, — сказал Лотар. Не задав больше ни одного вопроса, Гергос направился к выходу. Лотар крикнул ему в спину: — И поставь кого-нибудь, чтобы сюда ненароком не ввалился какой-нибудь любопытный олух!

— Я сам буду стоять снаружи, чтобы быстрее узнать имя убийцы, — не оборачиваясь, ответил Гергос.

Дверь закрылась. В помещении остались Лотар, Рубос и Сухмет. Конечно, был еще труп — бездушная, лишенная жизни оболочка, лишь чуть-чуть отличающаяся от куклы. Отличие заключалось в том, что остатки животворной энергии еще не до конца вытекли из этого тела. Хотя сколько ее там осталось, предстояло сейчас выяснить.

— Ну что, начнем? — спросил Сухмет.

Лотар кивнул. Рубос отошел в дальний угол каземата.

— Ты правда сможешь меня защитить от его магии? — спросил он Лотара.

— Ни от чего защищать тебя не придется, — ответил Сухмет.

— Я не хотел, чтобы он тут находился во время сеанса, — ответил Лотар, слабо улынувшись.

Рубос кивнул:

— Тогда начинайте.

Сухмет подошел к Мелету и поднял шлем над его черепом. Внезапно из его горла вырвался странный, гортанный звук, похожий на иноземное слово. Лотар подошел ближе. Череп десятника

был разможжен, словно кто-то старательно пытался сокрушить мозг этого человека.

— Значит, его оглушили, а потом уже сломали шею, — прокомментировал из угла Рубос.

Лотар покачал головой:

— Видишь, раны очень глубокие, но кровь из них почти не вытекла. Это значит, что его сначала убили и лишь потом старательно и очень аккуратно разбили череп.

Рубос пожал плечами.

— Каким бы лопухом этот Мелет ни был при жизни, он был профессионалом и вряд ли дал бы захватить себя врасплох, чтобы ему свернули шею. Да и для нападения есть более простые способы.

— Но если ты подошел очень близко...

— Никто, даже местные стражники, не подпустят незнакомого человека к себе так близко, чтобы ты захватил шею.

— Значит, это не был незнакомец, — ответил Лотар.

Мгновение в каземате царила тишина. Потом Сухмет произнес:

— М-да, кто-то потрудился тут на славу. Вряд ли мы много узнаем.

Лотар потер ежик волос над налобной пластиной.

— Кстати, я давно хотел тебя спросить: ты специально стал рассуждать о развороченных мозгах в трапезной князя? Пытался кого-то проверить?

Сухмет растянул губы, но ухмылка быстро погасла, да и глаза его остались холодными, как пол каземата.

— Просто решил убедиться. Если присутствующие там узнают от меня про эту особенность нашей работы, а потом что-нибудь подобное случится, — Сухмет кивнул на Мелета, лежащего перед ним на столе, — значит, преступление берет начало из терема. От кого-то, кто там присутствовал.

— У тебя есть подозрения? — быстро спросил Рубос.

— К сожалению, пока ничего, что стоило бы упоминания, — ответил восточник.

— Я так и думал, — сказал Лотар и приготовился наблюдать. — Ладно, давай узнаем, что можно выжать из Мелета.

Сухмет кивнул. Затем он снял с себя роскошный халат, все оружие и остался только в рубашке и легких штанах. Сапожки с загнутыми вверх носами он тщательно протер куском ткани, которую достал из поясного кошелья. Он готовился быть магически нейтральным.

— Это так сложно? — спросил его Рубос.

— Нет, просто мера предосторожности, — ответил восточник.

Он очертил пальцем на полу широкий круг и больше не переступал прерывистый след на темных плитах. Затем он покрутил пальцами в воздухе, словно писал несколько иероглифов одновременно. Наконец издал низкий рокочущий звук, похожий на дробь далекого барабана.

В лицо Рубосу и Лотару внезапно ударил холодный, сырой по-

рыв ветра, словно из пропасти до них долетел никогда не согреваемый солнцем вихрь.

— Ках-тце, мирулам, огадир но-цру... — запел Сухмет.

И даже Лотару, который читал об этой магии в одной из книг, стало тягостно, неуютно, почти страшно. А Рубос, отважный, никогда не теряющий Рубос, отвернулся.

— Жжереви, Каписа. запира да но сту, вахади!

В голосе старого раба осталось так мало человеческого, что уши закладывало, как от близкого, очень мощного удара гонга. В нем появились такие звенящие нотки, что Лотару пришлось бороться с собой, чтобы не поставить ненароком слуховую блокаду. Но тогда он мог бы не расслышать слов Мелета.

Но Сухмет уже кончил. Он простер вперед руки и почти спокойно спросил на местном языке:

— Отвечай, Мелет, готов ты отозваться на мои вопросы?

Внезапно глаза мертвеца открылись. В них не было блеска, они оставались тусклыми, словно свинцовые бляшки, но могли видеть — в этом Лотар был уверен.

— Я готов, вызывающий меня.

Голос покойника был тихий, гораздо тише, чем жужжание мухи. Но в каземате с гулкими каменными стенами его все равно было слышно.

— Что ты делал в том месте, где тебя настигла смерть?

— Я стоял на часах, вызывающий.

— Ты должен был там стоять?

— Нет, была не моя очередь. Но поставили меня.

— Кто?

— Приказ передал кто-то из молодых воинов...

Пока все шло очень неплохо. В книге Сухмета говорилось, что способность отвечать на вопросы зависит только от чувства ответственности того, кого допрашивают с помощью этой магии.

— Отвечай, видел ли ты того, кто убил тебя?

— Не помню, господин.

Сухмет вытер капли пота со лба. Допрос при всей его простоте стоил старику немало сил.

— Что ты делал вчера днем?

— Я не знаю, какой день ты имеешь в виду, вызывающий. Здесь нет времени...

— Что ты делал в предшествующий смерти день?

— Под командованием Гергоса мы ходили в замок Кибата.

— Потом ты вернулся в Мирам?

— Не сразу. На развалинах мне дали коня, и я отвез в замок воеводы Бугошита какой-то сверток.

— Какой сверток?

— Не знаю, туман перед глазами... Помню, он был твердый. Но я не открывал его.

— С кем ты ездил в замок Бугошита?

— Один.

— Чей приказ ты исполнял?

— На свертке был герб Сошура...

Голос Мелета стал тягучим, хриплым, неуверенным. Теперь, чтобы расслышать его, Лотару приходилось напрягать слух.

А Сухмет вообще едва стоял на ногах. Лотар и без магии видел, что мокрая от пота рубашка прилипла к его спине, словно старик только что вылез из воды.

— Попробуй вспомнить вот что. Тебя поставили на этот пост, потом наступила ночь. Ты был один. Потом кто-то к тебе подошел... Кто это был?

— Оставь меня, вызывающий. Я уйду туда, где это не имеет значения. Там жизнь не кажется необходимой...

Голос десятника замер. Лотар шагнул вперед. Он и не заметил, что едва ли не с самого начала сеанса вливает в старика все больше и больше собственных сил.

— Спроси его, — сказал Лотар, — не окликал ли его кто-нибудь из-за калитки?

На мгновение в каземате воцарилась тишина. Вероятно, для трупа было не важно, кто именно задавал вопрос, поэтому Сухмет не стал повторять слова Лотара. Он лишь сузил и сделал чуть более ярким поток энергии, вливающейся в десятника. Теперь в нем засверкали крошечные искры, словно пузырьки в пенящейся воде.

— Нет, никто не звал меня... Я уйду... совсем...

Да, теперь даже Рубос понял, что десятника больше не ожидать.

Сухмет отошел к стене, в которой было окошко, и сел прямо на пол. Потом спрятал лицо в ладони. Лотар подошел и положил руку ему на плечо.

— Ты здорово поработал, Сухмет.

— Он ведь видел, — проговорил старик пересохшими губами, — видел того, кто подошел к нему. Даже разговаривал с ним. Но лицо, фигуру, голос передать не мог. Слишком сильно разбит затылок.

— А может, он не хотел говорить? — подал голос Рубос.

Лотар с удивлением посмотрел на него:

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, если они были друзьями и убийца все еще кажется Мелету своим... Хотя он и стал причиной смерти, но десятник простил его, потому что там, как я понял, это не имеет значения.

— Кажется, понимаю, — ответил Лотар. — Но это нелогично. Если там наши проблемы не имеют значения, тогда, наоборот, можно выдать даже друга, потому что это уже не важно.

Рубос махнул рукой:

— Ну, как знаешь. Я просто предположил, что...

— Нет, — подал голос Сухмет. — Мне кажется, все дело в том, что затылок разбит. И позвоночник сломан. Слишком много энергии из-за этого вытекло. Если бы тут был маг посильнее...

— Нет, большего не добился бы и сам Харисмус, — сказал Лотар.

Сухмет поднял голову.

— Ты не знаешь его силы, господин мой. Если бы он был тут,

он бы заставил не только труп, но даже камни свидетельствовать и повествовать.

Лотар вспомнил, что это была цитата из жизнеописания великого колдуна и мудреца, прозванного на Востоке Учителем Учителей.

— Ну ладно, мы и так узнали немало.

— А именно? — спросил Рубос.

— Мы узнали, — сказал Желтоголовый, — что убийца находится в городе. И у него как минимум есть осведомитель во дворце. И что, скорее всего, Мелета убили за то, что он возил что-то в замок Бугошита.

— Нужно было спросить, кому он передал сверток, — сказал Рубос.

— Это важно, конечно, но гораздо интереснее то, что события, если не ошибаюсь, не могли развиваться до тех пор, пока кто-то не оказался на развалинах замка Кибата. Вот это настоящее открытие.

— А что это может означать? — спросил Рубос.

— Еще не знаю, — ответил Лотар. — Но возможно, это ключевой момент всего дела.

Глава 12

Хотя каждый думал о своем и все подустали, поздний завтрак проходил активно. Аппетит у всех был на диво, и Шув только крикнул, отдавая служанкам команду в третий раз накрыть на стол. Лотар хмыкнул, увидев его волнение.

Когда все более или менее наелись, пришла пора наконец поговорить. Рубос хлопнул ладонью по стулу рядом с собой, приглашая трактирщика сесть. Шув с готовностью пристроился на кончике стула. Тогда Рубос откинулся на спинку, уже почти без аппетита кусая ломоть темного козьего сыра, и спросил:

— А помнишь, Шув, как мы галок стреляли в оврагах, а потом жарили их на костерке? Признайся, ты себе всегда самые лучшие куски урывал.

Казалось, Шув покраснел каждой своей морщиной.

— Ничего я не урывал, Рубос. Просто я готовить умел, а вы кидались на мясо слишком рано, когда оно и не поспело еще.

— Верно, ты уже тогда умел кухарить лучше всех.

Они минуту помолчали, потом Шув с чувством сказал:

— Да, хорошее было время. И все были еще живы.

— Кого ты имеешь в виду, любезный Шув? — спросил Сухмет.

— Да всех. Всех, кто из Мирама.

— Костолома, например? — спросил Лотар.

— Конечно, — ответил трактирщик. — В те времена он был совсем другим человеком. На удивление добрым и великодушным. Он женился на совсем маленькой девчонке, и у них детей не получилось. Вот он и носил, почитай, всей детворе с нашей улицы гостинцы. — Шув расплылся в улыбке. — Очень любил какие-

нибудь заморские редкости. То сушеный кокосовый орех принесет, то восточную халву — пальчики оближешь.

— А не было в нем... — Сухмет замялся, — жестокости, например?

— Дрался люто, — сказал Шув, чуть прищулив глаза. — На ярмарках его специально нанимали с заезжих знаменитостей спесь сбивать. И он ни разу не подкачал. Не помню я, чтобы он проиграл кулачный бой, когда ставки были уже сделаны.

— Как же получилось, что он так изменился? — спросил Лотар.

Шув пожал плечами:

— Сам не пойму.

Лотар мельком взглянул на Сухмета. Тот поймал его взгляд и чуть прикрыл веки. Лотар давно усвоил, что такая уклончивость по восточному кодексу означает непонимание. На их общем внутреннем языке это означало, что Сухмет не чувствует собеседника.

— Может быть, — решил Шув, — все дело в том, что люди слышат этот «шепот»?

— Какой шепот? — спросил Сухмет.

— Ну, «шепотом» его называют старухи. На самом деле это, конечно, не шепот, а... — он чуть наклонил голову, как будто прислушивался к далекому звуку, — что-то непонятное. От него так тяжело, так плохо делается. И кажется, что все можно, что ничто потом тебя не будет грызть, не нужно сдерживаться или о чем-то жалеть.

— О чем жалеть? — не понял Рубос.

— Например, о прошлом. Вот как мы с тобой сейчас вспомнили былые дела.

— Понятно, — сказал Лотар. — И как этот «шепот» люди слышат? И где? И когда?

— Никто не знает, где и когда. Но когда он раздается, все сразу понимают, что это «шепот».

— Ты сам-то его слышал хоть раз? — спросил трактирщика Рубос.

— Дважды слышал, но...

— Продолжай.

— Это такое неприятное ощущение, что...

— Вот и расскажи нам, каково это — слышать «шепот»? — попросил Сухмет.

Он тихонько прихлебывал бледный отвар каких-то трав, и его прищуренные глаза блестели, как влажные темные рубины.

— Ну, как если бы тебя вдруг понесло, куда ты не хочешь. Или ты разучился понимать все, что происходит вокруг, и приходится жить в незнакомом мире. — Шув озабоченно посмотрел на восточника: — Понятно?

— Похоже на звуковое внушение, — пояснил Сухмет Лотару. — Только этот «шепот» еще снимает запреты, а вот это для меня новое.

— Да, — решил Лотар, — это уже кое-что.

— Кое-что? — Рубос хмыкнул, скептически глядя на Сухмета и

Лотара. — Я скажу вам, что это такое. Это — бабские рассказы для слабаков. Развели тут поганцев, вот и решили объяснить бездействие начальничков тем, что, мол, «шепот» приказывал Костолу убивать и грабить. Не верю. — Мирамец гордо выпрямился на стуле. — Каждый человек сам в ответе за свои поступки. И никакого тебе «шепота».

— И все-таки, — продолжил Лотар, — ты говоришь, «шепот» звучал в городе слабо и всего раза два. А где он звучал сильнее всего?

— Перед нападением звучал довольно сильно в замке Кванета.

— А в Кибате слышали этот «шепот»? Что говорят местные кушмишки? — решил помочь ему Сухмет.

Шув покосился на Рубоса.

— Нет, в замке Кибата все получилось сразу, и никто не вспоминает никакого «шепота».

— Послушайте, что вы привязались к этому «шепоту»? — спросил Рубос.

— Потому что, — сказал Лотар, — это очень похоже на то странное чувство, которое мы испытали перед замком Кибата. И это может объяснить, почему там так странно вели себя люди.

Рубос потряс головой:

— Все равно не верю.

Лотар доверительно положил руку перед трактирщиком на стол.

— Шув, что ты можешь сказать про Бугошита?

— Он-то тут при чем? — недовольным тоном спросил Рубос.

— Мелет именно туда ездил после Кибата, — пояснил все понимающий без слов Сухмет.

Рубос стал серьезным.

— Бугошит — самый влиятельный господин в нашем городе после князя. И последний из оставшихся в живых после двух месяцев этой напасти, кто может сменить князя, не вызвав в городе восстания. Ну да это не очень важно, потому что у князя, как известно, и сын взрослый, и дочь на выданье.

— А Сошур? — тихо спросил Сухмет.

— Сошур? Воевода? — Шув подумал. — Да, Сошур тоже может стать князем, если с Бугошитом что-то случится. И опять же шуму в городе будет немного. Но, кроме него, уже никого не осталось из старых бояр, только голытьба.

— А если кто-то из соседних княжеств приедет? — спросил Лотар.

— Нет, — покачал головой Шув. — Этому не бывать, чтобы на мирамский престол сел кто-то из соседних. Скорее привезут совсем из далеких мест, о которых никто, кроме навигаторов, и не слыхал, но только не соседние.

— Почему? — спросил с интересом Сухмет.

— Он правильно сказал, — поддержал трактирщика Рубос, — скорее издалеку привезут, но соседа не посадят, потому что он может в пользу родни политику вести. А если близкая родня дале-

ко, то и не страшно. Придется, хочешь не хочешь, честно княжескую лямку тянуть.

— Зато можно будет объединиться, — не унимался Сухмет.

— Нет, объединиться другие соседи не дадут.

— Пожалуй, — решил Лотар.

Шув встал и принялся собирать тарелки и грязные кружки.

— И все-таки, Лотар, почему ты не считаешь княжича Прачиса и княжну Светоку серьезным препятствием чьим-то намерениям сесть на престол?

Лотар печально улыбнулся:

— Это не я не считаю их препятствием. Тот, кто все это задумал, не считает их препятствием. — Он помолчал, а потом добавил: — А вот с этим я уже не могу не считаться.

Внезапно дверь трактира с треском раскрылась, и вошел Гергос. Он вышагивал так гордо, словно собирался кого-то арестовать. Впрочем, он был один. Заметив поднимающихся из-за стола наемников, он сказал без улыбки:

— Князь прослышал про ваш допрос покойного Мелета и требует всех к себе.

Глава 13

Совет у князя проходил в том же Навигаторском зале, только не в углу, а в самом центре. Теперь здесь стояли носилки, в которых полулежал Тизун, улыбаясь всем по очереди. Остальные сидели перед князем с обеих сторон так, словно вот-вот должны были принести стол. Лотар понял: всех рассадил, чтобы больному не приходилось слишком уж вертеть головой. Порядок сохранился тот же, и на лицах у всех лежало то же мрачное уныние.

Даже Светока была печальна и бледна. Увидев ее, Гергос стал так старательно разглядывать фрески над ее головой, что Сухмет послал Лотару мысленный сигнал, и в его блестящих глазах появилась улыбка.

Прачис сидел выпрямившись, словно его ничто не интересовало. Но особенно он «не интересовался» Каписом. Вероятно, незадолго до прихода Гергоса с наемниками между княжичем и лекарем что-то произошло.

Лотар подумал, что неплохо бы вернуть их к прежнему разговору, но решил пока не обострять обстановку.

Когда Гергос, вытянув руку, приказал трем наемникам предстать перед собранием, Лотар вышел вперед и поклонился:

— Приветствую тебя, князь.

Рядом, зашуршав одеждой, коротко поклонился Рубос, а потом стал долго притоптывать в сложной церемонии восточного приветствия Сухмет. Как и подобает воинам, они молчали, предоставив говорить командиру.

Князь покивал и потер желтые, обтянутые морщинистой сухой кожей руки.

— По моим сведениям, молодые люди, вы развили в городе активную деятельность.

Лотар сделал вид, что не понимает, о чем речь, и покосился на Гергоса.

— Так и есть, ваша светлость.

— Нам бы хотелось знать, чего ты уже добился, чужеземец? — заговорил Бугошит.

— Да, нам бы хотелось получить отчет, — сказал, покосившись в сторону старого боярина, Капис.

— Что бы ты хотел узнать, князь? — Лотар умышленно не сводил глаз с князя.

— Все! — выкрикнул своим не по-мужски визгливым голосом Сошур.

Карьеру воевода сделал где угодно, но не на плацу, подумал Лотар. Там с таким голосом делать нечего. Лотар поклонился еще раз. Теперь нужно было прояснить обстановку по-настоящему.

— Князь желает, чтобы я рассказывал перед всеми?

В зале стало так тихо, что все услышали даже какой-то легкий шум. Оказалось, что княжна притопывала ногой под длинным платьем.

— Что ты хочешь этим сказать? — заревел Бугошит.

А вот ему на плацу было бы самое место, решил Лотар.

— Ну, — князь вытянул руку в примирительном жесте, — не будем опять ссориться.

— Но ведь этот мальчишка, — Бугошит повернулся всем телом к князю, пылая негодованием, — только что оскорбил своим шенячьим недоверием весь состав совета! Как же можно оставить такое без внимания?

Лотар обвел всех быстрым взглядом, задержав глаза на усталом и напряженном Гергосе. У того ходили желваки под тонкой обветренной кожей.

Да, решил Лотар, нужно что-то придумывать. Нужно постараться выдержать этот допрос и не сказать ничего важного. Он еще раз посмотрел на горящего негодованием Бугошита, на покрасневшее, взволнованное лицо Сошура. Нет, эти способны понять, что к чему, но нельзя говорить им все — кто-то из них сознательно или по неведению служит осведомителем другой стороны.

Лотар посмотрел на князя. У того билась на виске тонкая жилка. Лотар внутренним взором видел, как ему тяжело, как он с трудом сдерживается, чтобы не закрыть глаза, пряча измученный постоянной болью мозг от слишком яркого света, льющегося в зал через западные окна... Лотар выпрямился, теперь он знал, что делать.

— Изволь, господин князь, я готов, — сказал он.

— Вот и хорошо. — Князь опять улыбнулся, показав на редкость крупные и ровные зубы.

Как Лотар и думал, князю не приходилось слышать о том, что на самом деле происходит при нападении собак на замки и как это выглядит. Поэтому, когда он стал подробно рассказывать, что

они видели в замке Кибата, князь увлекся и слушал его не перебивая. Перебил его Капис:

— Чужеземец, нам не нужны твои словеса. Нам хочется услышать, что ты узнал о природе постигшего Мирам несчастья. Можешь ли ты?..

— Нет-нет, — князь даже попытался приподняться с подушек, на которых лежал, — он очень дельно все излагает. Прошу... — он замялся, — Желтоголовый — ведь так тебя называют некоторые люди? — продолжай.

И Лотар опять принялся перечислять все, что они видели и что с ними приключилось, ни слова не говоря о самом важном.

Как ни странно, рассказ произвел большое впечатление и на княжича. Тот слушал с полуоткрытым ртом, и на его скулах выступил очень яркий и свежий румянец. Когда Лотар рассказал о собаке, проломившей своим весом стену замка, он хлопнул себя по коленке и спросил высоким юношеским голосом:

— Ну что тут скажешь, а?

Лотар умолк. Никто не стал отвечать юноше. Даже его сестра понимала, что за рассказом Лотара должно быть еще что-то.

Бугошит же, привыкший говорить, а не ждать, кашлянул, обращая на себя внимание:

— Не знаю, не знаю. Конечно, то, как ты это увидел, чужеземец, довольно интересно, но после твоего рассказа все выглядит еще безнадеежней, чем раньше. А наши действия кажутся уж и вовсе...

— Нет, что-то делать все равно нужно, — подал голос Сошур. Он привстал, но, решив, что можно говорить и сидя, повернулся к князю: — Мне кажется, ваша светлость, нужно устроить собакам ловушку. Что-нибудь такое, что позволит перебить их поодиночке.

— Боги, ну сколько можно об одном и том же? — простонал Капис. — Дело не в том, что мы не хотим перебить их, а в том, как это сделать.

Лотар постарался, чтобы никто не заметил вспыхнувшую в его глазах радость. Итак, сегодня он, кажется, выкрутился. Князь долго не выдержит, а без него никто не решится настаивать на отчете.

— И все-таки что-то предпринять следует! — взвизгнул Сошур.

— Чтобы что-то предпринимать, нужно понять, как они устроены, — сказал княжич.

Князь, как и ожидал Лотар, прикрыл наконец веки, хотя губы его остались растянутыми в полуулыбке. Но предназначена она была, без сомнения, Светоке, которая теперь не сводила с отца глаз.

— Этим и кончаются все заседания, — услышал Лотар голос над самым ухом и, повернувшись, увидел Гергоса.

Капитан мирамской стражи грустно улыбался, вблизи он казался еще более усталым, чем всегда.

— Кажется, с таким советом мы вообще никогда не справимся с собаками. — Лотар промолчал. Странно... Не должен старший

офицер города так говорить, тем более здесь и сейчас. — Но другого у нас нет, и приходится...

Гергос повернулся и отошел так же неожиданно, как и приближился к Лотару.

— Давайте заканчивать, отец очень устал, — раздался вдруг голос княжны.

Все разом замолчали. Князь действительно выглядел хуже, чем вначале. Он открыл глаза, и, хотя продолжал улыбаться, на лбу его выступила испарина, а во взгляде читалась боль. Странно, что об этом сказала Светока, а не доктор, подумал Лотар.

— Желтоголовый, что нам следует предпринять в первую очередь? — Теперь и голос князя выдавал усталость, безмерную усталость.

— Я пока не нашел ответов на вопросы, но и сами поиски еще не окончены. — Нужно было сделать так, чтобы они ни в коем случае не прекратили его расследования, не остановили его. — Но мне кажется...

Что бы такое придумать? Что же ответить достаточно безобидное и на вид довольно действенное, чтобы они стали думать об этом всерьез? Лотар поймал себя на том, что хочет почесать затылок, чтобы потянуть время.

— Мне кажется разумным попросить помощи в соседних княжествах.

К его немалому облегчению, Бугошит кивнул:

— Совсем неглупо, Тизун. Я уверен, что, даже если они потребуют плату за свои услуги, мы можем позволить себе это, а собрав армию, настоящую армию, а не дружинников каких-то, — старый вояка бросил выразительный взгляд в сторону Гергоса, — можно попробовать потягаться с этими исчадиями, какими бы неуязвимыми они ни казались.

— Нет, их силой не возьмешь, — тут же заговорил Сошур. — Нужно действовать хитростью...

— Мы окружены со всех сторон, чужеземец. — Голос князя был слабый, но он мог утихомирить любых спорщиков в этом зале.

— Нужно попытаться еще, ваша светлость.

Затуманенные болью глаза князя обратились к Гергосу.

— Мы продолжаем попытки пройти по всему периметру этого невидимого барьера, включая его морскую границу, мой господин. — Капитан мирамской стражи, что бы там ни думал о нем Бугошит, был дельным и понимающим офицером. По крайней мере, на фоне остальных. — Пока все без изменений, преодолеть его не удалось никому.

— Что-нибудь еще, чужеземец?

Внезапно Лотар увидел все, что тут происходило, совсем в другом свете. Опасность разглашения больших и малых тайн его расследования, по всей видимости, миновала, и теперь интерес князя к его мнению можно использовать.

— Тогда, ваша светлость, пусть мой доверенный друг и ваш почтенный слуга посидит в библиотеке.

— Что это даст? — спросил княжич.

Лотар сдержанно улыбнулся, стараясь, чтобы его ответ никого не насторожил:

— Пока не очень представляю себе, господин, но определенно вреда от этого не будет.

В зале на мгновение наступила тишина. И тогда раздался резкий, раздраженный голос Каписа:

— Нет, это глупо. Я никого не хочу туда пускать. Это может помешать мне...

— В чем, любезный Капис? — спросил его ядовитым тоном Бугошит.

Еще минуту назад он не понимал, чего ради Лотар, который пока казался ему толковым разведчиком, хотя и чужеземцем до кончиков ногтей, решил вдруг тратить время на такое пустое занятие, но теперь, когда Капис вздумал так неловко этому препятствовать...

— Что же, пусть будет так, как этот Желтоголовый предлагает.

— Но там, там... — Капис, казалось, растерялся. — Там мои инструменты, мои вещи... Наконец, там раритеты, коим нет цены. А вы хотите, чтобы их касалась рука этого... — Лекарь бросил презрительный взгляд на Сухмета, выступившего вперед.

Старый раб отвесил очень низкий поклон. Он мог показаться униженным, но Лотар, знавший восточный этикет, понял, что этим движением Сухмет выразил презрение к человеку, своими неловкими действиями проигравшему в ситуации, которую мог спасти.

— Я свободно читаю на шестнадцати языках, господин. А с раритетами обращаюсь особенно бережно. Надеюсь, ты скоро в этом убедишься.

— Если это может помочь... — Князь даже не пытался договорить начатую фразу, он обмяк и просто дал себя унести слугам.

Все участники совета поднялись и стали расходиться. Рубос подошел к капитану мирамской стражи:

— Гергос, придется тебе проводить нас в библиотеку.

— Это вполне может сделать и Кванет, — сказал княжич, подходя к чужеземцам.

Кванет, который следовал за юношей, сдержанно, но с привычной готовностью поклонился.

— Вот и хорошо, — радостно ответил Лотар.

— Я бы с удовольствием сам показал тебе, где это находится, но... — Прачис произнес эту фразу, совершенно определенным образом давая понять, что стоит Лотару только поблагодарить его, как он останется с ними до конца.

Лотар мгновенно взвесил эту возможность. Нет, это слишком опасно для княжича.

— Благодарю тебя, но я понимаю, что государственные дела неизмеримо важнее нашего мелкого расследования, — сказал Лотар. — Мы с удовольствием воспользуемся помощью господина Кванета.

Лицо княжеского дядьки осталось неподвижным, но Лотар

уловил, как он начал оттаивать, потому что его называли так, как требовали правила сословия.

— В таком случае... — Гергос не стал продолжать, просто поклонился и вышел.

— Да, пожалуй, ты прав. — Княжич тоже повернулся, чтобы уйти.

— Прошу следовать за мной, — тут же торжественно проговорил Кванет.

Выходя из Навигаторского зала, Лотар снова почувствовал, как княжичу интересно было бы остаться с чужеземцами, узнать, что они теперь станут делать, и даже, может быть, подружиться.

— Что же, может быть, — прошептал Лотар.

— Что ты сказал? — спросил Кванет, шагающий впереди журавлиным шагом.

— Нет, я просто подумал вслух.

Они пошли по коридору терема. Вернее, это были не коридоры, а анфилады маленьких комнат, соединенных низкими, тесными дверьми. В таких дверях один толковый мечник мог бы задержать целую армию. Но идти вереницей здесь было удобно.

В окошки прорывался уже тусклый вечерний свет. Его едва хватало, чтобы отличать лица нарисованных на стенах фигур от сероватого фона. Лотару на миг показалось, что эти лица следят за ними. Он едва удержался от того, чтобы проверить магическим видением, нет ли потайных ходов и наблюдательных отверстий в этих стенах. Но магия, какой бы невинной она ни была, могла вызвать настороженность и недоверие. А это было ни к чему.

Неожиданно они оказались перед винтовой лестницей с высокими скрипучими ступенями. Лестница была сложена из крепких и довольно толстых брусьев, но за несколько веков они рассохлись в местах креплений, и, пока Кванет и его спутники поднимались, треск от тяжелых шагов стоял ужасный.

Кванет толкнул высокую и широкую дверь, не похожую на другие двери в этом тереме, и она со скрипом распахнулась. Что-то слишком просто, подумал Лотар. Комната, в которой они очутились, была не очень велика, не больше ниши, в которой накрывали стол для поздних ужинов князя Тизуна.

Лотару и особенно Сухмету, которые привыкли к огромным библиотекам Гурхора, она показалась просто крошечной. Но книг здесь было немало. Они громоздились до самого потолка — очень высокого, гораздо выше, чем в обычной комнате.

— Господин Кванет, это помещение мало похоже на библиотеки, которые я видел раньше, — подал голос Сухмет.

Кванет, поколебавшись — стоит ли отвечать рабу, — все же ответил:

— Это не библиотека. Это помещение башни, которое решили использовать под библиотеку.

— Но тогда на верху этой башни должно быть еще какое-нибудь помещение?

— Там и есть помещение. Но его занимает Капис, а он протестовал...

— Проводите нас туда, — мягко попросил Рубос.

— Но... — Больше не найдя слов и повода для отказа, Кванет пожал плечами и пошел в самый дальний угол помещения, более всего заваленный фолиантами. Один из солидных темных шкафов был на колесиках, и когда Кванет не без помощи Рубоса отодвинул его в сторону, за ним оказалась дверь. Конечно, она была заперта.

Лотар оттолкнул Рубоса, который собрался выбить ее ногой, и пропустил вперед Сухмета. Старик молча обнюхал замок, ручку, петли и громко вздохнул:

— Заперта совсем недавно. Но замок хлипкий, пожалуй, его можно даже не ломать. — Он оглянулся на Лотара: — Не угодно ли моему господину дать мне кинжал?

Лотар, усмехнувшись, протянул ему клинок, и старый восточник легко, как фокусник, кончиком лезвия отжал щеколду. Это оказалось настолько просто, что даже Рубос хмыкнул.

По винтовой лестнице они поднимались довольно долго. Кванет дважды останавливался, чтобы отдышаться и унять сердцебиение. Наконец они вышли на площадку, забранную темноватым толстым стеклом. Здесь было светлее, потому что последние лучи солнца еще золотили западные тучи, отбрасывающие на башенку свои блики.

Комнатка была так мала, что они едва умещались в ней. К тому же книг тут оказалось не меньше, чем внизу, только это были не просто кодексы и своды летописей, а старые, чуждые Мирану книги, привезенные из-за морей с других континентов.

Посередине стоял шаткий, поцарапанный стол, на котором вперемежку с книгами валялись навигационные инструменты причудливой конструкции. Для чего они, Лотар не знал, но Сухмет, который выразительно поцокал языком перед этими приборами, мысленно ответил ему, что с таким набором при правильном обращении можно определить все, что угодно.

Пока притихшие Кванет и Рубос ждали, что будет дальше, Лотар подошел к одному из западных окошек и поднял тяжелую раму. Свежий ветер с моря ударил ему в лицо. Послышались ровные звуки далекого прибора. Свет в окнах домов он заметил только ближе к морю, в стороне порта. Но огней было мало — город затаился.

Зато равнина с западной стороны предстала перед ним как на ладони. Однако и там было темно, и даже Лотару не удалось разглядеть все детали. Но он отчетливо видел горы, где они прошлой ночью искали Кнебергиша, и сеть дорог, опутавшую неубранные в этом году поля. В трех-четыре местах за городской стеной горели костры. Это были мародеры, они ждали чего-то, как шакалы.

Лотар повернулся к Сухмету:

— Ну, что скажешь?

Сухмет положил на стол старинный инструмент, отдаленно напоминавший секстант.

— Я бы сказал, что это целая обсерватория. И место выбрано удачно.

Лотар оглянулся на открытое окно.

— Да, домов выше этой башни в Мираме немного. А стен и вовсе не видно.

— Это не только одна из самых высоких, но самая старая башня в городе, — пояснил Кванет. — В старину с нее сигналили кораблям.

— Да, это скорее маяк, чем башня.

Сухмет наконец отвлекся от приборов на столе и обошел по кругу книжные стеллажи.

— Что ты предполагаешь тут найти, господин мой?

— То, что может объяснить происходящее.

— Почему ты думаешь, что здесь что-то есть? — спросил Рубос.

Лотар и сам понимал, что ответ его не очень вразумителен, но точнее сказать пока не мог.

Тогда Рубос продолжил:

— Откуда ты вообще узнал, что в замке есть библиотека? Даже я никогда о ней не слышал.

— Слышал, только забыл или не обратил внимания, — сказал Лотар. Он прошел вдоль книг. — Здесь определенно что-то есть. — Он повернулся к Сухмету: — То, что сразу наведет тебя на правильные мысли, едва ты прочитаешь первые буквы нужного текста. Поэтому читай, пока не узнаешь, что они задумали.

Сухмет обреченно, но энергично потер руки.

— А с чего начать?

Лотар усмехнулся:

— Ты маг, попробуй определить, что особенно часто читали в последнее время. А также над чем много и со злобой думали.

Сухмет оглянулся на сотни толстенных томов и медленно произнес:

— Господин мой, это — книги. Нет на свете более точного слежка человеческой души. Если пытаться уловить все нюансы тысяч видов ауры, которые отображены в этих книгах...

Неожиданно Лотар нашел на одной из полок толстую связку превосходных, толстых, дорогих свечей. Он взял три штуки, по числу розеток подсвечника, подошел к столу, вытряхнул огарки и воткнул новые свечи.

— Мне нужно знать их замысел к завтрашнему утру.

Лотар почувствовал, как за его плечом Кванет беззвучно ахнул. Но Сухмет больше не произнес ни слова. Он подошел к столу, аккуратно отодвинул инструменты Каписа, потом поднес сухонькую ручку к свечам, щелкнул пальцами, и... свечи, сначала нехотя, потом все уверенней и ярче загорелись. Теперь Кванет уже не ахал, он начал вздрагивать. Лотар слышал, как стучат его зубы.

Рубос подошел к открытому Лотаром окошку и выглянул наружу.

— А звезды отсюда какие! В самый раз для наблюдателей...

Вдруг по тихим темным улицам города затопали шаги. Это был звук подкованных солдатских сапог, но сейчас он выдавал тревогу, почти панику.

Солдат забарабанил в дверь княжеского замка. Потом — Лотар понял это по наступившей паузе — его стали о чем-то расспрашивать, как две ночи назад расспрашивали и чужеземцев, которых привел к князю Гергос. Но солдату повезло меньше. И от напряжения, от злости и досады он закричал на всю площадь:

— Да откройте же! Как вы не понимаете — у стен появились собаки!..

Лотар оказался у двери чуть раньше Сухмета. Перехватив его твердой, как железо, рукой, Желтоголовый оттолкнул старика к столу.

— Читай! У тебя мало времени.

Старик кивнул и только проводил глазами заспешивших вниз Рубоса и Кванета. Последний ничего не понимал, но тоже старался бежать как можно быстрее.

— Господин мой, — произнес Сухмет скороговоркой, чтобы не задерживать Лотара, — я лишь прошу тебя — не будь опрометчив больше необходимого.

Как ни велико было напряжение, как ни страшно было слушать шум, доносившийся снизу, из города, который еще минуту назад казался безлюдным и тихим, Лотар ответил:

— Знаешь, из этой фразы выйдет отличная эпитафия.

И он поскакал вниз через три ступени, чтобы встретить каменных чудовищ в прямом бою.

Глава 14

Собаки ходили внизу огромными мрачными тенями. Лотар, стоя на городской стене, решил, что это можно использовать.

— Как думаешь, Рубос, — спросил он мирамца, который стоял рядом, пытаясь рассмотреть, что делается внизу, — они не кажутся очень уж большими.

— Но способны жрать стены, как бисквит, — раздался спокойный, уверенный голос, и к ним подошел Гергос.

— И тем не менее нужно попробовать разузнать о них побольше, — решил Лотар.

Рубос потряс головой и произнес:

— Ничего не вижу. Темно как в могиле. Может, позовем Сухмета и он подожжет пару деревьев?

— Он и это может? — спросил Гергос.

— Нет, — решил Лотар, — у него и без того по горло работы.

— Но как же я тебе смогу помочь? — удивился Рубос. — Ты же знаешь, я в темноте... не очень.

Лотар положил руку на латную рубашку Рубоса.

— А ты и не пойдешь на этот раз. Стой здесь и старайся хоть что-то разглядеть.

— И не надейся... — начал было мирамец, но Лотар несильно стукнул его кулаком по плечу. Капитан Наемников сразу умолк.

На дальней стороне стены появились стражники с факелами.

Они бежали, напряженно вытягивая шеи и пытаясь увидеть Гергоса. Капитан мирамской дружины повернулся и зычно крикнул: — Я здесь! — Потом повернулся к Лотару и спокойно спросил: — От меня что-нибудь нужно?

Лотар подумал и кивнул:

— Пожалуй. Прикажи принести веревку подлиннее. И небольшой якорь.

Первому же из подбежавших стражников Гергос приказал принести нетолстый морской канат с якорем.

— А теперь что?

Еще двое суток назад, при подходе к воротам, Лотар заметил ярдах в ста от моста, перед невысокой башней, сильное и красивое дерево. Это дерево полагалось бы давно срубить, потому что из него очень просто было сделать временный мост через ров, но оно там росло, и теперь пришла пора его использовать.

Лотар прикинул на глазок расстояние, которое отделяло башню от дерева.

— Катапульта на вон той башне есть?

Рубос и Гергос, кажется, стали понимать его.

— Катапульта стоит там с тех пор, как я себя помню, — ответил Гергос.

— Отлично.

Они поднялись на башню, и Лотар принялся внимательно наблюдать за собаками. У него было время осмотреться, пока стражники бегали за канатом с якорем.

Собаки просто расхаживали, иногда поднимали головы, и тогда Лотар отчетливо слышал слабый скрип, какой раздается, если холодной ночью идти по крупному, влажному песку. Одна небольшая собачка, в холке, должно быть, ярдов семь, разыгравшись, попыталась подпрыгнуть. От этого начал осыпаться ров.

Лотар осмотрел катапульту. Оказалось, что машина вполне подойдет, даже, пожалуй, слишком мощная, и придется ее использовать на треть силы. Когда появился стражник, которому на этот раз помогали двое молодых ребят, все уже поняли, что надо делать.

Лотар аккуратно сложил веревку кольцами, привязал к концу тросика якорь и положил его на чашку катапульты, как метательный блок. Подозвав прицельщика, он попросил зашвырнуть якорь так, чтобы он перелетел через дерево.

Обслуга катапульты с энтузиазмом взялась за дело. Вот только прицельщик довольно долго возился, стараясь не промахнуться мимо дерева в темноте. Чтобы помочь ему, Лотар взял стрелу, навил на нее паклю от незажженного факела, поджег и пустил стрелу в землю перед деревом. После этого выстрелили якорем, он улетел ярдов на пятьдесят за дерево, и, когда потащили веревку, оказалось, что все получилось как надо, — площадку башни и дерево теперь связывала надежная канатная дорога.

Закрепив конец веревки вокруг одного из зубцов, Лотар проверил, как вынимается Гвинед, и встал на стену. Потрогал веревку ногой. Она почти зазвенела, как струна. Рубос спросил:

— Ты что, собираешься идти по ней, как канатоходец?

Лотар улыбнулся:

— Твоя вера в мои возможности превосходит разумный уровень.

После этого он отрезал кусок каната футов в десять, сложил в четыре раза, набросил петлю на веревку, а оба свисающих конца туго обмотал вокруг запястий и зажал в кулаках. Вокруг веревки получилась прочная петля, способная скользить легко и надежно.

— Ну, — Лотар обернулся к Рубосу и солдатам, молча следившим за его приготовлениями, — главное теперь — не наткнуться на слишком острый сук.

— Дерево стоит от края рва туазах в десяти, — сказал Рубос, — может, отпустишь перед ним и просто прокатишься по земле?

— Сначала придется пролететь вниз футов двадцать, — предупредил Гергос. — Дерево довольно высокое.

— Ладно, посмотрим, — решил Лотар.

Он сел на край стены, потом осторожно соскользнул вниз. Веревка напряглась, но несильно. Она могла бы выдержать еще не одного человека. Все-таки отличные веревки делают моряки, решил Лотар и оттолкнулся спиной от стены.

Веревки, перехлестывающие канат сверху, заскрипели. Потом тяжесть Лотара и наклон сделали свое дело, он заскользил. Ощущение было похоже на полет, но если в полете Лотар испытывал упоение от свободы движений, тут приходилось напряженно ждать, как бы чего не случилось.

А случиться могло многое — веревочные петли поверху могли перетереться раньше, чем он опустится на безопасную высоту, могла оборваться главная веревка, мог соскочить якорь... Но главная опасность таилась в дереве. Теперь оно летело на него из темноты, как плотная, непробиваемая фаланга копыеносцев. Причем десятки острых и твердых, как пики, веток могли не просто нанизать Лотара, как бабочку на иглу, но и пружинисто отбросить вбок или вверх, изувечив еще до приземления...

Подтянувшись, Лотар поднял ноги к скользящей веревке и... зажал ее подошвами сапог. Сначала показалось, что силы этой недостаточно, что он не сумеет притормозить и воткнется в дерево если не животом и грудью, то задом. Он сжал ступни еще сильнее, насколько мог сильно... И тогда веревка вдруг стала горячей, как утюг. Даже сквозь подошвы Лотар ощущал, как она нагревается, но только сильнее стиснул ступни. И это помогло. Веревка вдруг стала скрипеть на несколько тонов ниже, и уже не так быстро несло на него дерево...

К дереву Лотар подбежал на такой скорости, что ни одна ветка не сумела бы его не только проткнуть, но даже оцарапать. Он захватил ветку поудобнее почти занемевшими от усилия ногами и выпустил петли из кулаков. Повис на ногах, подтянулся, обхватил ветвь руками, подполз к стволу. Спустился он спокойно, как девица в бальном платье сходит по парадной лестнице.

Ощувив твердую почву под ногами, Лотар присел, вытер пот и восстановил дыхание. Дурацкая была затея, решил он. Эти лобо-

трясы могли бы и калитку открыть. Правда, потом пришлось бы бежать сюда почти целую милю, зато не надо было бы вот так болтаться, как колбаса в мясной лавке... Ну да ладно, это уже позади. Он встал и еще раз попробовал вытащить Гвинед.

К его удивлению, руки слегка дрожали. Он все-таки перенапряг их, повиснув между небом и землей на слишком неудобной и грубой веревочной петле. Если бы ему сейчас пришлось всерьез драться на мечах, понадобилось бы подождать, пока напряжение уйдет из плеч. Но с собаками на мечах драться не придется.

Он отошел от дерева и на всякий случай — вдруг на башне есть кто-нибудь помоложе и поглазастей Рубоса — поднял руку, давая знать, что все в порядке. Потом оглянулся.

Собаки оказались недалеко. Их было не больше пяти. Они просто расхаживали, повернув морды к городским стенам, словно пытались уловить идущий от города приятный, волнующий запах. Лапы собак легко вминали землю. От ощущения тяжести гигантов становилось не по себе. Они держались довольно близко друг к другу, иногда сталкивались, издавая шелкающий, каменный звук, как сталкиваются валуны. Некоторые пробовали гневно рычать, и в этом рычании слышались раздражение и непонятная мука. Звук же был настолько ниже привычного для человеческого уха, что Лотар не надеялся понять все его обертоны даже магическим восприятием. Он только догадался, что это не пресловутый «шепот», о котором говорил Шув.

Тогда он выбрал самую маленькую собаку и подошел к ней на расстояние в десяток шагов. Морда ее, как и у остальных, была повернута к городу, поэтому он зашел сбоку. И тут понял, что медлительными собаки казались только со стен. Вблизи они двигались так, что ему пришлось бы бежать, чтобы оставаться рядом с этим огромным, лоснящимся, как мокрый гранит, но в то же время живым телом.

Лотару как-то раз довелось услышать рассказ матроса, охотившегося на морских драконов и китов в далеких северных морях. Его рассказ чем-то был очень похож на то, что видел и ощущал сейчас Желтоголовый.

Он присмотрелся еще внимательнее, стараясь проникнуть взглядом под эту шерсть, похожую на длинный мох, под эту шкуру, под тугие мускулы, которые и мускулами-то не были... Нет, везде и всюду был только камень. Узвизмого места в этой литой гранитной массе Лотар так и не нашел.

Ну что же, решил он, будем действовать, как с обычной собакой. Он забежал вперед. Оказавшись в пяти шагах от морды чудовища, выхватил Гвинед и в прыжке рубанул по носу каменного гиганта.

От удара по каменной поверхности меч зазвенел от острия до наверху. А Лотар закричал, как будто ему самому пришлось удариться в эту тяжелую, непробиваемую массу, — такой болью отозвался удар в кисти, локте, плечевом суставе.

Лотар приземлился, попытался взглянуть, цел ли Гвинед. Он провел ладонью по краю меча, и тут... Ему показалось, что само

небо обрушилось на него, круша кости, подламывая ноги... Он уже не стоял, а летел по воздуху, кувыркаясь, как кегля, в которую угодил тяжелый шар.

Удар о землю был еще болезненнее, потому что грудь уже набрякла болью, и новый удар пришелся не в напряженное и способное сопротивляться, а в расслабленное, как губка, тело... Набухшее кровью и костяным крошечком, которое только что составляло дивное творение, способное легко и уверенно двигаться...

Он поднял голову и попытался понять, что произошло. И понял — занятый осмотром Гвинета, еще не пришедший в себя от болевого шока после неудачного удара по собаке, он пропустил удар, как пропускает его юнец, решивший сразиться с мастером, не зная и трети приемов, которые для мастера стали естественными, как дыхание. Пока он зевал, собака отбросила его ударом лапы. Теперь...

Тонущим в океане боли сознанием он уловил, что собаки стали странно успокаиваться, их ярость утихла, по крайней мере на эту ночь. Они решили уйти. И уходили. С этой стороны опасность ему не грозила.

Тогда он откинулся назад, на жесткую землю, колющую сотнями стебельков высохших травинков, и стал думать о своем теле, размноженном, как зерно в жерновах. Вот ноги, они сломаны в трех местах. Вот руки, с ними почти все в порядке — нужно только перекроить мышцы в правом плече и на спине. Вот голова... Странно, что голова не пострадала...

Он лежал, глядя на звезды, и медитировал, собирая себя по кусочкам, воссоздавая себя заново. Скоро ему стало казаться, что он не так уж и пострадал. Он мог бы восстановиться довольно быстро, если бы... Если бы что?

Да, если бы ему не нужно было завтра вставать и вновь приниматься за дело. А это значит... это значит, что восстанавливаться придется еще быстрее. Ну что же, нужно пробовать. Значит, легкие и позвоночник...

Когда краем глаза он увидел на фоне темного неба три или четыре факела, то пожалел, что куда-то подевался его Гвинет. Если это мародеры, а это почти наверняка мародеры, лучше бы встретить их как следует, но... Странно, что они зовут его по имени. Может, это свои?

Собравшись, Лотар поднял голову и изо всех сил закричал. С губ слетело только слабое сипение, но даже оно отняло почти все силы. И, должно быть, на мгновение он все-таки потерял сознание.

Когда он пришел в себя, то услышал:

— Лотар! Старина, это я. Ты слышишь меня?

Отвлечшись от боли, Лотар сосредоточился на лице, склонившемся над ним. Рубос, старый верный Рубос. Только почему у него дрожат губы и взгляд блуждает?

Он, наверное, думает, что с Лотаром покончено. Да он неразумнее, чем казался раньше. Или?.. Или видок у славного Драконьего Оборотня как у потерпевшего поражение новобранца? Что

же, он и в самом деле потерпел поражение. Но завтра он все равно должен быть в норме.

— Рубос, — прошептал Лотар, открывая глаза.

— Ты жив, ты...

— Рубос, найди Гвинед.

Рубос оглянулся. Несмотря на факелы, которые держали стражники, он не очень-то хорошо видел. Э, да у него глаза полны слез, понял наконец Лотар. Ну, придется сделать вид, что он этого не заметил.

— Но ты не выпустил свой Гвинед, Лотар. — Рубос сжал правый кулак Лотара. Тогда и Желтоголовый понял, что по-прежнему сжимает рукоять меча.

— Хорошо, — сказал Лотар и вдруг стал прерывисто дышать. — Рубос, знаешь, они что-то потеряли здесь — то, что им нужно. Сам город их не интересует.

И тогда поверх голов грозных стражников прозвучал холодный, уверенный голос Гергоса:

— Желтоголовый, когда они будут крушить стены, я напомню тебе эти слова.

Нет, спорить с ним не стоит, нужно просто привести себя в порядок.

— Хорошо. Рубос, если ты подставишь мне плечо, я попробую подняться на ноги.

— Нет-нет, мы понесем тебя.

— Вряд ли мне так досталось, что вам придется меня нести...

Больше Лотар ничего не успел сказать, потому что пелена бесчувствия надолго затопила его сознание.

Глава 15

Лотар проснулся оттого, что где-то истошно вопили. Он попробовал разобрать слова, но ничего не понял. Орала несколько человек сразу, из всего этого хора, в котором звучали и женские голоса, выделялся один — похоже, он чего-то требовал. Это было не очень опасно.

Лотар сосредоточился на своем теле. Оно подзажило, но силы еще не вернулись. Настоящую силу мускулам можно придать теперь только тренировками, а кости еще надолго останутся чересчур пластичными, как у детей. Кроме того, не все шлаки, сожженные при лечении ран и заживлении органов, были выведены. А они создавали трудную среду, когда и мысли не очень быстрые, и реакция отстает, и магия кажется делом совершенно неподъемным.

Ропот, отдаленно похожий на морской прибой, вдруг стал почти оглушительным. Похоже, оружие невесты что люди вывалились на площадь. Лотар встал, пошатываясь на нетвердых ногах, подошел к окошку и широко распахнул его. Со второго этажа ему было видно все, что происходило.

Солнце затопило всю старую торговую площадь от края до

края. Дома казались новенькими, словно какой-то чудо-маляр выкрасил их в чересчур яркие и праздничные цвета. Лотар давно заметил, что выздоровление после ранений всегда сопровождается вот таким, чрезмерно ярким восприятием мира, очень острым, как некоторые видения, которые посещали его во время медитаций. Причем это не имело никакого отношения к магии. Лотар был уверен, что так проявляется не натура оборотня, а, наоборот, самая что ни на есть человеческая сущность.

Лотар пригласил ошеломившие его краски и сосредоточился на мирамцах. Это были в основном хорошо одетые люди — зажиточные горожане, торговцы, владельцы небольших земельных наделов, дающих тем не менее достаточный доход, богатые мореходы и часть служилого люда, тоже не бедного.

Все раздраженно толкались, забыв о хороших манерах и словесных предрассудках, разделявших их в обычное время. Вытягивая шею, они пытались протолкаться куда-то, где происходило что-то важное. Лотар подумал, что это похоже на толпу вооруженных мародеров перед разрушенным замком Кибата. Только оружия ни у кого не было. И все-таки Лотар уже не был уверен, что это сборище совсем неопасно.

Неожиданно из середины толпы поднялся человек — должно быть, он встал на бочку. Лотар присмотрелся и не поверил своим глазам — это был Капис, княжеский лекарь. Удивительно было то, что он вообще участвовал в этой сходке, но еще более странно — что он, похоже, верховодил происходящим.

— Народ! — заорал Капис, обращаясь неизвестно к кому. — Я знаю правду, хотя ее и скрывают от вас, жителей славного вольного города Мирана. Я знаю, что происходит! И хочу, чтобы вы тоже знали.

— Говори! — завопил кто-то из толпы.

Если это не сретировано заранее, то действует он неплохо, решил Лотар.

— Народ, никто из нас не хочет умирать. Каждый должен делать свое дело: торговец — торговать, воин — защищать город, а мореход — ходить по морю!

— Правильно! — раздался чей-то пьяненький бас, в котором отчетливо ощущался пивной дух, неизвестно — то ли вчера слишком много выпил, то ли сегодня слишком рано начал.

— Но когда власть бездействует и никто не знает, что делать, каждый должен защитить себя сам. Чтобы все стало по-прежнему, нужно победить врага. Нужно его поймать, схватить и расправиться с ним, как он мечтает расправиться с каждым из нас!..

Теперь толпа уже не роптала, она бурлила, стала истеричной и глухой к голосу разума. Теперь эти люди, обычно не способные резать даже живую рыбу, перепоручая это занятие служанке, готовы были забыть о добrote.

— Народ, — Капис поднял вверх руки, — я знаю теперь, кто наш враг!

— Говори!

— Мы слушаем тебя! — орал кто-то из другой части толпы.

— Наш враг — тот, кто виновен в появлении собак, кто сегодня ночью привел их к городу... Он живет здесь!!!

Широким жестом балаганного трагика Капис указал вытянутой рукой на дом, который Гергос назвал домом воеводы Сошур-ра. Это произвело на толпу впечатление.

Более того, это произвело впечатление и на Лотара. Не может быть, решил он. Этот лекаришка или увлекся, или преследует какие-то свои, загадочные пока цели.

— Да, да, не робейте, ребята! — орал тем временем Капис. — Я знаю, что говорю. Его видели ночью со слугами у стен города. Он закапывал что-то, что должно погубить город и всех нас. Я могу назвать имена стражников, которые открывали ему потайную калитку, могу сослаться на капитана дружинников Гергоса, который знает, что произошло, и все-таки молчит. Почему молчит? Придет время, мы спросим, а пока...

Капис умолк и снова драматично протянул руку к дому Сошур-ра. Как ни смешон он был сейчас, похоже, все-таки он знал, что делал. Толпа качнулась. Люди поверили Капису, им стало казаться, что вот прямо сейчас они могут искоренить угрозу для города, справившись с воеводой.

Это было уже серьезно. Лотар схватил в охапку одежду, выстиранную и аккуратно развешанную на спинке высокого стула, и вернулся к окну. Не отрывая глаз от того, что происходило на площади, он стал лихорадочно одеваться. Путался, кряхтел от боли, морщился от собственной неловкости, но одевался, стараясь успеть... Куда? Лотар и сам не знал, но понимал, что происходит что-то очень нехорошее, что пора останавливать силой.

Толпа перешла к действию. Конечно, двигалась она суматошно, но могла натворить много бед.

К тому же слуги Сошур-ра действовали еще более неловко. Кто-то из них попытался закрыть ставни на втором этаже дома, но, увидев разъяренную толпу, бросил все и убежал, выпрыгнув из окна, под зычное улюлюканье каких-то толстых баб.

Второй слуга появился в окне небольшой башенки и выстрелил в толпу из лука. Его тут же погребли под градом камней.

Толпа, распаляясь этой первой кровью, ломанулась к двери. Кто-то вынырнул с небольшим, но ухватистым топором, принесенным, должно быть, из ближайшей мясной лавки, довольно ловко и сильно прихватил топориче и нанес первый удар.

Лотар был одет. Теперь нужно найти перевязь с Гвинедом и кинжалом. Он оглянулся на колышек над кроватью, куда обычно вешал оружие, но клинков там не было. Он перевернул матрац, потому что у Рубоса, который его вчера, наверное, раздевал, была привычка класть оружие под себя. Так и есть, меч и кинжал, нечищенные и почти безобразные от налипшей на них грязи, лежали в изголовье кровати. Лотар схватил оружие и лихорадочно стал шнуровать ремни.

Дверь в доме воеводы треснула. Толпа качнулась и выдавила ее. Десятка три мужчин и женщин тут же исчезли в тереме, но большая часть осталась ждать.

Внутри терема кто-то истошно завопил. Потом Лотар увидел, как с заднего двора терема в воздух поднялись клубы дыма. Похоже, терем подожгли.

Дверь в комнату распахнулась, и вошел Рубос. Он был потный и злой. На правом кулаке виднелись свежие ссадины и чья-то кровь.

— Ты чего? — спросил его Лотар.

— Дрался, да разве теперь их кулаками остановишь? — Мирамец обреченно махнул рукой.

— Князь-то где?

— Мне и самому хотелось бы знать.

Неожиданно по толпе прокатился полувздых-полувовай. На крыльцо вывалилась дюжина мужиков, которые толкали в спину воеводу. Он был в одной рубашке и легких домашних портах. Рубашка уже была порвана, а на полном, не очень мужественном лице Сошура расплывался синяк.

— Вот он, ату его! — завопил тот же голос, что все время поддерживал Каписа.

Лотар оглянулся — лекарь уже исчез. Он сделал свое дело и пропал, чтобы в случае разбирательства сказать, что не участвовал в нападении на дом воеводы.

Неожиданно главные ворота княжеского терема распахнулись. На высокое крыльцо вышел князь. Он был одет почти так же небрежно, как Сошур. Рядом уже стояли Гергос и Светока. За ними на крыльцо вышли и тут же стали полукольцом семь стражников. Они были бледны, устали и плохо понимали, что происходит, но от их присутствия становилось как-то спокойнее.

Кто-то толкнул Сошура в спину так, что воевода чуть не слетел с крыльца, но толпа не дала ему упасть. И он оказался в гуще людей.

— Ну что, воевода, поймали тебя?!

— Люди, — тонко и пронзительно заголосил Сошур, — я не виноват в том, что собаки появились у Мирама! Я только пытался отвадить их...

— Говорят, ты приворотное зелье покупал, каналья!

— Вчера вечером я купил отравы, чтобы убить собак. Так пастухи поступают с теми псами, которые дерут их овец. Люди, я не предавал вас!

— А что твои слуги зарывали у стен прошедшей ночью?

— А то и зарывали, что эти псы должны были сожрать — камни и валуны, облитые отравой...

Так это же он от меня слышал, что они жрут камни, подумал Лотар. И решил действовать...

Князь наконец понял, что происходит, сделал решительный жест рукой. Даже на таком расстоянии Лотар не сомневался, что он приказал очистить площадь и освободить Сошура. Что же, пока все было правильно. Может, воевода еще и выкрутится, не та это толпа, чтобы убивать на месте.

Но безумие висело над ней плотным, почти непробиваемым покрывалом. Это отчетливо понял Гергос, и вместо того чтобы

сразу пустить своих стражников на толпу, он побежал за угол княжеского терема, должно быть, за подкреплением. Жаль, подумал Лотар, если на них сейчас решительно прикрикнуть, может, ничего страшного и не случится.

— Ишь как оправдывается, колдун! — орал тем временем кто-то. — Да как же этих псов можно отравить, они же каменные, они же совсем как булыжники. Под ними ракушечник проваливается!

— Воевода, от тебя вся погибель! — вопила какая-то старуха, которая уже и ходить-то не могла. Ее кто-то держал высоко над толпой, должно быть, чтобы она вопила своим визгливым, старушечьим голосом.

Вдруг толпа раздалась. На очистившемся пятачке ярдов в пять, не больше, стоял Прачис. Княжич был одет как обычно, в руке держал тонкий, как прут, хлыст для собак, которым похлопывал себя по сапогу.

Внешне он казался спокойным и небрежным, но его голос был злым и раздраженным. А такого голоса толпа не боялась.

— Вы говорите, что он купил зелье у какого-то колдуна?

— Нам сказали! И воевода сам признался.

Юноша бросился к ближайшему из тех, кто промямлил ему в ответ, хотя гораздо громче кричали, конечно, из задних рядов.

— Ты знаешь, у какого колдуна он купил это зелье? Почему его здесь нет? Его тоже нужно допросить!

— Придет пора, допросим, княжич.

— Уйди, княжич, а то как бы не зашибли тебя.

Толпа качнулась на юношу, но он не сделал ни шагу назад, и это заставило людей отшатнуться. Пока он побеждал.

Эта победа далась ему нелегко. Даже без всякого дальновидения Лотар разглядел, как на лбу у юноши выступил пот, а рубаха прилипла к мокрой от напряжения груди. Но он побеждал и решил закрепить свою победу. Жестом руки с хлыстом, в котором было больше высокомерия, чем уверенности, он попытался раздвинуть толпу.

— У меня есть идея получше! Я предлагаю вам разойтись, тогда...

Что будет тогда, Лотар не расслышал. Кто-то стал отступать от княжича, а иные, наоборот, пробовали перекричать и дотянуться до него.

Из-за угла княжеского терема появился Гергос. За ним вереницей бежали почти два десятка стражников. Лотар догадался, что он привел их из казармы. Некоторые даже не успели обуться и появились на площади босиком. Но копы были у всех. Копья — самое подходящее оружие для такого случая, ими легче всего вытеснять людей, не попадая под удары и в то же время не причиняя слишком большого вреда.

— Разойдись! — кричал княжич, каким-то чудом оказавшись рядом с избитым воеводой и стараясь прикрыть его собой.

Впрочем, не только собой, Лотар только теперь заметил, что рядом с княжичем, не отступая ни на шаг, придерживая его за рукав, стоял Кванет — княжеский дядька. Он боялся, был бледен как полотно, но тоже прикрывал воеводу.

Князь рванул на груди рубаху. От волнения у него перехватывало дыхание. Светока, удерживая отца, положила руку ему на плечо. Он что-то проговорил стражникам, но те стояли, выставив вперед свои копья и не двигаясь с места. А Гергос, славный капитан мирамской дружины, выстраивал в ряд своих солдат, как для сражения.

— Медленно все, слишком медленно, — прошептал Рубос.

— Верно, — ответил Лотар и забрался на подоконник.

— Ты чего? — не сразу понял Рубос. — Ты же ранен, тебе лежать полагается...

Лотар прыгнул, стараясь, чтобы едва зажившие ноги приняли не весь удар и можно было перекатиться по мостовой. Рубос попытался схватить его за рубашку, но в руке мирамца остался только лоскут.

Лотар подскочил к задним рядам, стоящим к нему спинами. Он хромал, но это не имело значения.

— А ну, разойдись, мужики!

Никто не обратил на него внимания. Словно его не было, словно он ничего не сказал.

Лотар внутренне поежился: бить этих работяг и торговцев, этих хлипких, необученных и дряблых горожан не хотелось. Но толкать их — бесполезно. А убивать... Ну за что они должны расплачиваться своей жизнью? За любопытство? Нет, отвечать за беспорядки должны зачинщики, а эти... Хотя придется, может быть, пару рук сломать и десяток зубов выбить.

— Последний раз говорю — расходитесь по-хорошему.

Кто-то повернулся к нему:

— А шел бы ты, молодчик...

Лотар, даже не дослушав, ударил. Челюсть под его кулаком подалась, как кисель. Собственно, так и должно было получиться: когда челюсть не закрыта, выбить ее может и младенец.

Четверо мужиков бросились на него. От первого Лотар ушел, а потом вдогонку рубанул в копчик. Второго перехватил и воткнул плечом и головой в землю. Третьему зажал локоть и вывихнул, стараясь все-таки не сломать кость. Четвертый затормозил так, что чуть не упал под ноги Желтоголовому, но успел юркнуть в толпу.

Теперь перед ним расступались. Но драться приходилось снова и снова, потому что те, кто еще не понял, в чем дело, хотели попробовать свои силы, или пытались выплеснуть затопившее их безумие, или просто действовали машинально, подчиняясь тому, что висело в это утро в воздухе. Лотар выключал их холодно, почти бескровно, стараясь только контролировать спину, чтобы никто не оказался в закрытом для его зрения пространстве. Это получалось легко, потому что люди из толпы не были воинами, они плохо понимали, что нужно делать, чтобы свалить Лотара, и очень скоро стали его бояться.

Желтоголовый продвигался вперед медленнее, чем хотелось, но все-таки продвигался. Внутренне он приказал себе окаменеть, не переживать из-за разбитых носов, сломанных рук, выбитых

зубов... Но за внешним бесчувствием скрывалась печаль. Никогда еще ему не приходилось бить такую инертную, такую слабую массу, никогда еще он не чувствовал такого бессилия от того, что делал... Словно колотил огромную равнодушную подушку, готовую выдержать любой удар и тут же принять прежнюю форму...

Впереди что-то происходило. Лотар понял это по крикам, в которых прорвалась наружу истерика. Послышались тугие, тяжелые удары — так тупое оружие входит в не защищенное панцирем тело. Ударов было много... Лотар взвинтил темп до предела. Он бил, уходил от ответных ударов, снова бил, уже не очень заботясь, сколько будет лечиться после драки с ним очередной дуралей... Тяжелее всего было с женщинами, но их Лотар наловчился вталкивать в толпу, и оттуда их уже не выпускали. Все-таки это были не базарные торговки, привыкшие к потасовкам, а матери, почтенные матроны...

Неожиданно впереди стало тихо. Лотар уже даже не бил — оттолкнул одну спину, вторую... И оказался вдруг в пустом пространстве. Люди, которые только что были единой массой, снова разделились на лица, фигуры, судьбы... Они стояли кругом, на расстоянии десятка шагов от чего-то окровавленного, грудой лежащего в середине этой площадки.

Узнать, кто это, можно было только по штанам, на которых кровь расплылась каплями, а не превратила ткань, как на рубашке, в темно-рубиновую корку. Воевода. Он лежал, почти втоптаный в булыжники, с ним все было кончено просто и без затей.

Лотар осторожно подошел к другому телу, на котором крови почти не было. Это был Кванет, добрый, мягкий княжеский дядька.

Он лежал странно высоко, и его шея была жутко вывернута набок. Лотар присел, провел рукой по затылку и чуть ниже. Так и есть, сломана шея, да так, словно работал профессионал.

Но под ним был кто-то еще. Лотар нащупал рукой... Осторожно, словно он мог еще что-то изменить, перевернул Кванета и увидел княжича. Мальчик лежал, глядя открытыми глазами в высокое небо, и на лице его застыло изумление. Лотар опустил руки на его затылок. То же самое — сломана шея. Значит, это не случайность, смерть княжича была кем-то предусмотрена и исполнена. Причем так, что и Рубос не мог бы сделать лучше.

Лотар быстро поднял голову и оглядел собравшихся вокруг людей. Они трезвели и сами боялись смотреть на то, что натворили.

Но чиновники, торговцы, отцы семейств просто незнакомы с такими сложными способами убийства. Лотар понял, что убийцы среди этих людей не было. Вернее, все они были сегодня убийцами, но к смерти княжича отношения не имели.

Сбоку раздался глухой удар. Солдаты Гергоса, до этого лишь толкавшие людей, наконец рассекли толпу надвое и сразу оказались в ее середине. Но было уже поздно.

Лотар приложил пальцы к шее княжича, пытаясь нащупать пульс, хотя глупее поступка невозможно было, кажется, и придумать. Никакого пульса, никаких признаков жизни.

Кто же в этой толпе умел убивать так, что никто толком ничего

и не заметил? Как Лотар упустил его? Ведь он потому так долго смотрел со второго этажа трактира Шува, что надеялся выделить и запомнить зачинщиков, заводил, главарей. Почему же он ничего не запомнил?..

Вдруг рядом с ним оказались стражники. Их было чуть больше десятка, остальные не пробились, а может, еще выясняют отношения с самыми рассерженными забияками из толпы. Лотар поднял голову.

В ямку между ключицами уперлось копье Гергоса.

— Ты арестован за убийство княжича, чужеземец. Сдай оружие.

— Не валяй дурака, капитан, — сказал Лотар, пытаюсь встать.

На него сразу навалилось несколько человек. Кто-то попытался захватить его руки. Впрочем, он и не сопротивлялся.

— Не увиливай, чужак. Тебя взяли с поличным.

Лотар наконец выпрямился. Перевязь с него уже содрали, Гвинед исчез. Копье Гергоса пробило кожу, и по груди Драконьего Оборотня потекла струйка крови.

— Ты ошибаешься, Гергос.

— Увести его.

И тогда Лотар подумал, что сначала Гергос не казался дураком.

Глава 16

На этот раз зал был другой. В нем почти не было света. И на стенах никому бы не пришло в голову что-нибудь рисовать, разве что пытки, мрачно подумал Лотар. Но их вряд ли имеет смысл обнародовать. Князь, по обыкновению, полулежал на мягкой козетке, обитой темной кожей. На этом фоне его лицо казалось мертвенной маской.

Не лучше выглядел и Бугошит, впрочем, он как раз очень оживленно расхаживал из угла в угол, покрикивая на троих палачей в темных масках и четверых солдат, стоящих между Лотаром и князем. Что-то ему не нравилось. Должно быть, ему не терпелось начать следствие, но князю было так плохо, что следовало подождать.

Наконец князь открыл глаза и поискал взглядом Бугошита:

— Ты что-нибудь выяснил?

— Нет, ждал, пока ты...

— Начинай.

Лотар оглянулся. В самом темном углу стоял стул, на котором сидел Капис. В полутьме обычный нормальный человек не смог бы прочитать выражение его лица. Но Лотар без труда уловил усмешку на тонких губах лекаря. Должно быть, ему все это очень нравилось.

Гергос, который стоял сбоку от Лотара, наоборот, беспрерывно хмурился. К тому же он почти не поднимал глаза от пола, словно там было что-то, чего не следовало упускать из виду ни на мгновение. Может быть, его грызли сомнения, подумал Лотар. Но проникать в его сознание сейчас было бы ошибкой. Если кто-

нибудь перехватил бы такое слабенькое колдовство, его обвинили бы в попытке оказать магическое воздействие на свидетелей и судей, и тогда приговор один — смерть. И довольно мучительная.

— Хорошо, приступим, — громко сказал Бугошит и посмотрел, готов ли писец. Потом он начал следствие: — Отвечай, чужеземец, ты убил княжича?

Лотар выпрямился и ответил очень спокойно:

— Нет.

— Но тебя арестовали возле тела княжича?

— Я пытался разобраться, что произошло.

— Но Гергосу не требовалось разбираться в том, что произошло. Он сразу понял, в чем дело.

— Вероятно, потому, что я уже снял труп Кванета с княжича. Но вообще-то я хочу спросить его, почему он был так уверен, что княжичу не требуется помощь? Как он мог знать, что княжич мертв?

Бугошит бросил взгляд на Гергоса. Капитан городской стражи открыл было рот, чтобы ответить, но Бугошит резко махнул рукой, чтобы Гергос не прерывал вопрос.

— Не беспокойся, в свое время спросим.

Лотар едва заметно улыбнулся:

— А я и не беспокоюсь.

Бугошит чуть не подпрыгнул, потом подошел к князю, быстро взглянул ему в глаза, убедился, что тот все слышит, и закричал:

— А зря! Я бы на твоём месте крепко подумал, прежде чем успокаиваться, все-таки тебя обвиняют в убийстве наследника престола. Мне назвали человека, который видел, что княжич был еще жив, пока ты к нему не подошел.

— Приведите сюда этого человека. Я поговорю с ним, и всем станет ясно, что он лжец.

— Ты знаешь что-то и можешь опровергнуть это обвинение?

— Конечно.

— Что именно? Только учти: ты должен убедить всех нас.

— Я хотел бы отвести обвинение, когда тот человек будет стоять здесь, перед нами.

— Зачем тебе это, Желтоголовый? — тихо, едва шевеля губами, спросил князь.

— Чтобы знать, кто за всем этим стоит, ваша светлость.

— Не тебе требовать, чужак! — заревел вдруг из своего угла Капис.

Лотар опять усмехнулся:

— Я уже устал объяснять, что именно чужакам в этом деле должно быть больше веры, потому что местные-то как раз и затеяли весь этот заговор.

— Заговор? Что ты знаешь о заговоре? — спросил Бугошит.

— А как иначе объяснить то, что все ссылаются на показания каких-то людей, а сами эти люди остаются не названными. И почему-то не присутствуют здесь.

Бугошит подошел к Гергосу и о чем-то долго с ним перешептывался. Как ни превосходна была акустика большого зала с го-

лыми стенами, Лотар не смог, не поднимая уровень слуха выше обычного человеческого, понять, в чем там дело. Но подслушивать он не стал, все было и так понятно — Гергос отказывался разыскивать выдуманную личность, которая ему якобы доложила о виновности Лотара. Потом Бугошит подошел к князю. С ним разговор был еще короче.

— Нет, мы должны все выяснить здесь и сейчас, — сказал князь, опустив веки. На этот раз — Лотар был в этом уверен — он не позволит себе провалиться в болезненную муть беспамятства, он будет слушать все, как бы это ни было ему трудно.

— Хорошо, Лотар, — обратился наконец Бугошит к подследственному. — А как бы ты доказал, что этот человек лжец? Скажи мне не как твоему следователю, а как человеку, который хочет узнать правду.

— Я бы попросил его показать, в какой позе лежали Кванет и княжич. Он бы не показал, ибо в том положении, в каком я их нашел, убить было невозможно. К тому же в тот момент их смерть уже видели не меньше двух дюжин людей, и, если бы я сделал хоть что-то не то, они бы все были тут — хотя бы для того, чтобы оправдаться. Это убедительно?

Бугошит дернул себя за бородку:

— Пожалуй.

Его тон стал менее агрессивным. Он действительно начинал думать.

— У тебя есть своя версия происшедшего?

— Если говорить только о смерти княжича, то законченной версии нет. Есть только вопросы.

— Например?

— Капис перед толпой говорил, что знает какого-то колдуна, который продал Сошуру свое варево. Что это был за состав? Отрава или приманивающее зелье? Я думаю, что это была какая-нибудь необычная отравка. Сошур не блистал умом, но рвался действовать. Он вполне мог придумать такой глупый ход и попытаться отравить собак. Но в любом случае где этот колдун? Не по милости ли Каписа воевода поплатился за свою глупость жизнью?

Капис вскочил с места и попытался обвинить Лотара в том, что тот уводит следствие в сторону. Но слова его прозвучали так неубедительно, что даже Бугошит попросил его не тратить время зря.

— Почему ты назвал попытку отравить собак глупостью? — спросил вдруг Гергос.

— Да ведь мы о них ничего не знаем. И только шарлатан при этом будет утверждать, что знает зелье против этих чудовищ. — Лотар хмыкнул. — Если бы кому-нибудь был известен способ истребления подобных чудовищ, уверяю вас, он не торговал бы своим зельем здесь, в Мираме. Он был бы известен далеко за пределами континента как один из величайших воинов мира.

— Понятно, — кивнул Бугошит, не то соглашаясь, не то переводя допрос в иное русло. — Но мы говорим о гибели княжича, наследника престола. Что ты можешь сказать об этом?

— Гергос со своими дружинниками слишком медлил или кто-то оказался чересчур быстрым. Так или иначе он просто арестовал первого, кто, как ему показалось, не сможет отвертеться от обвинений.

Гергос шагнул вперед. Его шаг прозвучал под этими сводами, как удар бича.

— Я видел тебя над телом. Я был обязан...

— Ты действовал правильно, капитан, — остановил его Бугошит. — А вот наш многоречивый чужеземец, кажется, забывает, что его руки были в крови, когда его арестовали.

— В крови тех, кому я разбил физиономии, прорываясь к княжичу на помощь. Полагаю, я имел на это право. Или почтенный судья будет защищать людей, пришедших творить расправу к дому Сошура?

— Это преступление будет в свое время также расследовано. — Бугошит, нахмурившись, посмотрел на писца, быстро чиркающего своим стилосом по вошенной дощечке.

— Если у вас найдется время, — продолжил за него Лотар. — В чем я очень сомневаюсь. Времени нам не дадут.

— Ты что-то знаешь?

— Я знаю, что угроза, исходящая от собак, и убийства в городе связаны между собой. Кто-то задумал все это давно. И ему невыгодно с чем-то разбираться — чтобы не выдать себя раньше времени.

— Это все слова. А где доказательства? Причем такие, чтобы мы им поверили?

Лотар вздохнул. Все-таки трудно говорить с людьми, убежденными в твоей виновности.

— Если мы говорим о гибели княжича, то Рубос видел, как я выпрыгнул из окна трактира Шува уже после того, как толпа напала на Прачиса. Кроме того, он не мог не видеть, что я подошел к телам княжича и Кванета уже после того, как их убили.

— Хорошо, допустим. Оставим пока в стороне то, что вы с Рубосом можете действовать сообща. Тогда отвечай, кто мог это сделать?

— Тот, кто отчетливо понимал выгоду ситуации и использовал ее. Впрочем, скорее всего ему приказали. Никто не стал бы действовать так решительно по своему усмотрению.

Князь подался вперед. Его глаза, усталые и мутные, теперь горели огнем силы и решительности.

— Кем приказано?

— Это я и пытаюсь узнать. Как пытаюсь узнать и кто управляет собаками.

Внезапно у входной двери поднялась легкая возня и из темноты в середину зала вышел Сухмет в сопровождении двух стражников. Стражники с извиняющимися взглядами попробовали определить, правильно ли они поступили, впустив сюда этого восточника, но, так ничего и не придумав, отступили к двери и замерли там в тени.

Сухмет выглядел усталым, по-стариковски шаркал ногами, че-

го Лотар никогда прежде не видел. И все-таки он пытался вежливо улыбаться.

В руках он нес огромную, тяжелую книгу в переплете из темной кожи. Лотар подумал, что таких книг не делают здесь, на Западном континенте, этот фолиант скорее всего с Востока.

— Если я правильно понял моего господина, это уже не секрет.

— Что ты несешь, раб? — рассердился Бугошит. Трудно было понять, говорит ли он о книге в руках восточника либо требует, чтобы ему пояснили последнюю реплику.

— Вот здесь написано о Гонге Вызова, — спокойно сказал Сухмет, подходя к Бугошиту и протягивая ему огромный древний кодекс. — Когда этот магический инструмент выставляют под лучи звезды Зо-Мур, восходящей в ваших широтах на неделю в каждый месяц, он начинает звучать, и зло надолго поселяется в душах людей. Он вызывает и каменных собак из... тут я не понял, из какого измерения, но они, без сомнения, те самые собаки, с которыми мы и пытаемся сейчас бороться. Кстати, он вызывает собак, раздражая их. Они пытаются до него добраться и уничтожить, попутно уничтожают любую преграду, например, стены замков или городов. Изготовление этого Гонга — старый трюк. Даже удивительно, как я забыл про него.

Бугошит заглянул в книгу, которую Сухмет положил прямо на столик перед писцом, отчего тот вздрогнул и подался назад, а Бугошит посмотрел на князя и проговорил с раздражением:

— Ничего не понимаю. Кто умеет читать эти загогулины?

Робкий писец, не вставая, развернул книгу к себе, затем кивнул, став на мгновение очень похожим на Сухмета, когда тот кланялся, дергая подбородком вниз.

— Я могу прочесть это, боярин. Здесь сказано, что собаки — рабы этого магического инструмента, и так было от сотворения мира...

— Хватит! — взревел Бугошит. — Мне не нужно читать это дословно. Он правильно говорил? — Боярин кивнул на Сухмета, подошедшего к связанному Лотару. — В общих чертах правильно?

Писец пробежал глазами страницу, потом еще одну, потом перевернул и дочитал третью до конца. Все терпеливо ждали.

— Ну? — спросил Бугошит.

— Абсолютно правильно, господин, — закончил писец.

Сухмет хмыкнул на весь зал. Бугошит повернулся к князю, потом к Лотару:

— Ты сам-то ничего сказать не хочешь?

— Хочу. Господа судьи, вы ищите не там, где надо. Я не мог вызвать собак, не мог быть замешан в нападении на дом воеводы, у меня не было причины убивать княжича, следовательно, я невиновен. — Лотар перевел дыхание. — А вот причины заставить его были. Он был одним из тех, кто мешал преступникам достигнуть цели. Как и Сошур. Но с воеводой к тому времени, кажется, уже было покончено.

— Заговорщики, преступники... — пробурчал Гергос. — Я слышал от тебя эти слова много раз. Может, мне следовало отнестись

к ним с большим вниманием. Тогда бы я знал, куда они собираются нанести следующий удар. Кто еще мешает преступникам?

— Ты, боярин Бугошит, и князь. Но больше всего сейчас им будет мешать, конечно, Светока, потому что других законных наследников престола не осталось.

— Если им что-то мешает, значит, у них есть какая-то цель? — подал голос князь. — И что же это за цель?

— Разумеется, власть, престол, богатство, возможно, что-то еще, может быть, завоевательные походы на соседей или создание полупиратской гавани, как на Алдуине. В любом случае эти люди впустят сюда зло, которое приходит с черным колдовством и в демонском обличье.

— Ты имеешь в виду Кнебергиша? — спросил Гергос.

— Наоборот. Именно он и был с самого начала вашим надежным союзником, потому-то его и оклеветали, чтобы изгнать из города. Он мог помешать преступным планам, раскрыв вам глаза на происходящее. Ведь он ученый, он знал эти книги, мог их прочитать и, конечно, сделал бы верные предположения.

— Предположениями делу не поможешь, — тяжело вздохнув, произнес Гергос.

Лотар усмехнулся и ответил капитану городской стражи:

— По-моему, это лучше, чем хватать первого, кто попадется на глаза.

— Ну, может, довольно? — попросил Гергос.

— Как только развяжешь мне руки, я все сразу и забуду, — пообещал Лотар.

Гергос вопросительно посмотрел на Бугошита, потом на князя. Тизун кивнул, Гергос с лязгом вытащил кинжал и разрезал путы на руках Лотара.

После этого князь спросил тихим, невыразительным голосом:

— Что же ты предполагаешь делать дальше, чужеземец?

— Первым делом я попрошу Каписа рассказать мне, как он узнал, что Сошур купил какое-то зелье, чтобы приманивать собак или, наоборот, чтобы отравить их. — Лотар с удовольствием потер затекшие запястья. — И пойду по этой цепочке. Возможно, она приведет если не к главе заговора, то к тем, кто его замышлял.

Все повернулись к темному углу, который облюбовал себе лекарь в начале допроса. Там было тихо, и даже Лотар ничего не мог увидеть. Один из стражников взял факел и осветил весь угол. Стул Каписа стоял на месте. Княжеского лекаря не было.

Глава 17

Комната Каписа показалась голой даже привыкшему к казарме Гергосу. Лотар понял это по выражению его глаз и по оттопыренной нижней губе. Лишь кровать, застеленная очень толстым одеялом, и крохотный столик, где пожилые матроны обычно держат притирания и щетку с вырванными седыми волосами. Но

столик возле кровати был пуст, если не считать нескольких ореховых скорлупок.

— Интересно, — пробормотал Гергос, — он что, вообще не жил здесь? Я не вижу даже одежды.

— А меня удивляет, что здесь как-то не очень много медицинских инструментов, — поддакнул капитану мирамцев Сухмет.

Он подошел к кровати и принялся тщательно ощупывать ее.

— Мог бы гобелены или хотя бы пару клинков повесить на стену, — пророкотал Гергос. — Живет, как в трактире.

Лотар покачал головой:

— Пожалуй, он здесь и не жил. Я не чувствую человеческого присутствия.

Сухмет кивнул:

— Наверное, готовился дать деру в любой момент, даже барахоло свое хранил где-то в другом месте.

— Да, он был готов удрать, — сказал Гергос задумчиво. — Знал бы это раньше, многое сделал бы иначе.

Лотар подошел к окну, раскрыл его и осмотрелся. С одной стороны стена переходила в какие-то башенки, и в сбитом ритме внешней кладки без труда читались ступени лестницы. А вот с другой стороны оказалась широкая глухая стена без окон. За ней могло быть что угодно.

Лотар подошел к той стене комнаты Каписа, которая снаружи была глухой, и стал ее внимательно прощупывать. Сухмет, который закончил осматривать кровать, принялся помогать ему.

— Нашел что-нибудь? — спросил его Лотар, хотя уже знал ответ.

— На этой кровати никто не спал недели две.

Лотар оставил Сухмета заниматься стеной и подошел к Гергосу, который, нахмурившись, смотрел невидящими глазами на кровать княжеского лекаря. Внезапно он прошептал:

— А я ничего и не заметил.

Лотар почувствовал симпатию к этому большому и сильному человеку, простодушием напоминавшему Рубоса.

— Ты должен был находиться на стенах. В этой невнимательности нет твоей вины.

Гергос вздохнул:

— Все равно мог бы заметить. Ну ладно. — Он посмотрел на Лотара: — Ты чего хотел?

— Хотел спросить, у Каписа были слуги? Или хотя бы один слуга?

Гергос сокрушенно покачал головой:

— С полгода назад он разогнал всех слуг, хотя до этого держал их больше дюжины. Капис долго не знал удержу в тратах, покупал разные вещи, хвастался высоким положением. Потом пошли слухи, что он стал разоряться. Уж не знаю, то ли вложил деньги в неудачную заморскую экспедицию, то ли просто промотал... Но такого, — Гергос обвел рукой пустую комнату, — я не ожидал. Это как-то плохо вяжется с его тягой к роскоши.

— Наоборот, очень хорошо, — отозвался Сухмет. — Он при-

прятал свое добро, чтобы оно не пострадало, когда лекарь при-
мкнул к заговорщикам.

— Но слух о его разорении идет уже с полгода.

— Значит, еще полгода назад у кого-то вызрел этот план на-
стоятельно, что он посвятил в него Каписа, — сказал Лотар.

Гергос нахмурился еще больше:

— Но разве не сам Капис — глава заговорщиков?

— Не думаю, — ответил Лотар, но пояснить это соображение
не успел. Дверь в комнату распахнулась, и вошел Рубос, а за ним
двое слуг, которые почти внесли на сильных тренированных
руках князя. Бугошита не было, он, очевидно, уже уехал в свой
замок.

Князь был бледен, на его высоком белом лбу выступили капли
пота, но он старался держаться. По крайней мере, его глаза блес-
тели, и в них читалась решимость не поддаваться боли, пока он
не разберется во всем, что сегодня произошло.

Сухмет, стоя у стены, стал торопливо кланяться, хотя сегодня
уже видел князя и приветствовал его. Но он просто не мог не по-
клониться лишний раз властителю торгового Мирама.

Рубос шагнул к Лотару и положил руку ему на плечо.

— Ну, ты как?

— Нормально. — Лотар улыбнулся, вспомнив про боль, кото-
рая с утра не давала ему покоя, а теперь стала почему-то более
ощутимой от этого знака внимания и дружеской любви. — В об-
щем-то, мы разобрались. Теперь нужно только отыскать кое-что...

Князь тем временем выслушал торопливый доклад Гергоса.
Потом посмотрел на Лотара:

— Отсутствие чего бы то ни было не может быть доказательст-
вом, Желтоголовый.

Лотар поклонился, собираясь высказать свое соображение,
как вдруг Сухмет громко произнес:

— Нашел.

При этом он сделал какое-то неувловимое движение рукой —
небольшой, в половину человеческого роста, кусок стены с ти-
хим шорохом повернулся на невидимой оси, и все увидели про-
ем. Не долго думая, Сухмет нырнул в темноту. Лотар шагнул
было за ним, но Рубос придержал его:

— Ты безоружен, Желтоголовый, лучше дай я.

За Рубосом пошел Гергос. Он ничего не сказал Лотару, легко
оттолкнул его и, согнувшись чуть не втрое, полез в проем.

Проем расширялся, и скоро можно было встать во весь рост.
Лотар, которому любые сложные движения доставили сегодня
дополнительные муки, с удовольствием выпрямился. Впереди он
увидел слабый свет — значит, нужно было идти в ту сторону. Кос-
нувшись рукой стены, он двинулся вперед, ощущая перед собой
широкую спину Гергоса. А за ними, тихо бормоча, двое носиль-
щиков пытались внести князя в этот коридор, не уронив досто-
инство владыки. Кажется, это им удалось, хотя и с немалым трудом.

Потом они оказались в лаборатории Каписа — почти такой же
голой, как и жилая комната. Но здесь было по крайней мере не-

сколько столов, на которых лежали скальпели, пинцеты, зажимы и один мраморный лоток, на котором можно было резать кроликов, собак или трупы людей. Вдоль стены стояли стеллажи со стеклянными ретортами и колбами, в которых медики обычно варят, смешивают, возгоняют или разъединяют компоненты своих лекарств. А в углу, возле узкого, незаметного снаружи окна стояла конторка с ворохом перьев, папирусов и вошенных дощечек. Чем-то это помещение напоминало лабораторию Илисара в Мульфадже, хотя выглядело поплосше и в нем не было ощущения удовольствия от работы.

Главный стол, на котором когда-то, вероятно, стояли самые дорогие приборы и ставились решающие опыты, был очищен от медицинских приборов. Чья-то безжалостная рука отодвинула все в сторону, причем некоторые из инструментов упали на пол, а стеклянные части хитроумных приборов разбились на мелкие осколки. От них поднимался легкий, почти выветрившийся, но все еще будоражащий запах, который привлек внимание Сухмета. Но старик ничего не сказал, а Лотар не стал спрашивать.

На освобожденном пространстве стояла небольшая печь с трубой, выведенной в крохотный камин в углу комнаты, фарфоровые тигли для плавления драгоценных металлов и шлифовальные круги. Еще здесь стояло несколько деревянных подставок для тяжелых книг, только лежали на них не книги, а круглые, отполированные до зеркального блеска вогнутые диски, очень похожие на тарелки. Конечно, это были совсем не тарелки.

Рубос, как всегда, едва дело доходило до магии, отошел в сторону, пропустив вперед Сухмета. Восточник осторожно провел над приборами рукой и уверенно сказал:

— Это результат проб и неудач. Ни один из этих инструментов не может служить даже суповой миской приличному псу. М-да, пожалуй, этот ваш Капис — самый безрукий ремесленник, какого я только видел. Столько материала перепортил, что хватило бы на небольшой монетный двор.

Рубос спросил:

— Это серебро?

Лотар подошел поближе к столу и в не очень ярком свете увидел, что это было.

— Платина с редкими добавками, — ответил он. — Теперь понятно, куда ушли его денежки. Это действительно очень дорого — столько раз ошибаться и запарывать работу.

— А вот, кажется, то, что мы ищем, — сказал вдруг Сухмет, и в суховатом голосе старика зазвучало торжество.

Он почти подбежал к высоким козлам, подобным тем, на которых работают маляры. Они были подвинуты к пролому в стене, вырубленному на высоте больше человеческого роста. Под ним на полу валялись обломки кирпичей и куски окаменевшего раствора. На самом верху козел на подставке для книг доньшком вниз стояла странная мелкая миска. Она была отполирована гораздо тщательнее, чем остальные тарелки.

Слуги внесли князя в лабораторию. Он быстро осмотрелся,

прищурившись. Лотар с тревогой заметил, что блеск внимания и интереса постепенно гаснет в его взгляде. Скоро князь уже не будет понимать, что вокруг происходит. Но пока у него еще оставались силы.

Сухмет ловко, как мартышка, взобрался на козлы, снял странную миску и, спустившись, передал ее Лотару. Желтоголовый повертел ее в руках. Гонг был ровным, гладким, холодным. Вдоль его края с наружной, выпуклой стороны шли какие-то руны или иероглифы. Лотар не понимал, что могут означать эти неумело нарисованные знаки. Привычка к буквенному письму подвела Каписа и в этом необходимом элементе оформления Гонга.

Князь оттолкнул носильщиков и встал на ноги.

— Это и есть Гонг, вызывающий собак?

— Скорее всего, — ответил Лотар.

— Это он, — отозвался Сухмет. Он стоял у конторки и держал в руках несколько папирусов. Лотар разглядел, что записи на них напоминали астрологические расчеты. — Вот еще одно доказательство. Он вычислял положение звезды Зо-Мур, чтобы правильно пробить дырку в стене и установить Гонг под нужным углом.

Лотар покачал головой:

— Я думаю, он сначала хотел его испытать.

— Почему ты так думаешь? — спросил Гергос. — Он мог сделать все, что угодно. По крайней мере, свое барахло уволок в безопасное место.

— Во-первых, собаки слишком быстро успокоились. Не забывай, Гергос, я был там. Во-вторых...

— Вообще-то, — сказал вдруг Сухмет, — для испытания больше подходит башенка над библиотекой. Там и дырку не нужно пробивать.

— Сегодня ночью ты был там. А с тобой, как ни странно, он не захотел связываться. К тому же он не был уверен, что Гонг работает. Вот поэтому, я думаю, он хотел лишь испытать его.

— Ну а толпа на улицах? — спросил князь.

— Толпа реагирует на так называемый «шепот» — побочное действие вызывания собак. Я думаю, Капис, устраивая испытание и зная, какое действие «шепот» оказывает на слабые людские души, с самого начала предусмотрел атаку на воеводу Сошура. Он знал, что его из города не выманить, и вздумал избавиться от воеводы прямо здесь, в стенах Мирама.

— А смерть... — Князь замаялся, но все-таки договорил: — А убийство Прачиса?

— Убил не он. Когда княжич попытался рассеять толпу, его уже не было на площади. Это доказывает, что у него и в мыслях не было убивать княжича. Убил тот, кто очень умело использовал обстоятельства и кто, конечно, посвящен в заговор.

Князь внимательно и долго рассматривал Гонг Вызова в руках у Лотара. Желтоголовый даже подумал, не подойти ли к князю и не вручить ли эту штуку, чтобы он смог рассмотреть ее получше. Но не успел.

— Это следует уничтожить, — сказал князь.

— Достаточно будет спрятать подальше в подвал, куда не доходят лучи Зо-Мур. Хотя... Если заговор разветвлен, заговорщики попытаются снова добыть его.

— Значит, дело следует считать решенным? — спросил Гергос.

Князь, не отрывая взгляда от неглубокой полированной миски, шагнул вперед, вытащил немощными, вялыми руками из ножен своего носильщика короткий меч и показал острием на стол, где стояли тигли, шлифовальные круги и неудавшиеся Капису гонги.

Лотар подошел к столу и положил Гонг на край. Князь размахнулся и рубанул изо всех сил... Но сил у него было немного, поэтому на твердом металле остались лишь вмятины и царапины. Но тогда он стал яростно, как молотком, бить по Гонгу, пока не разрубил его на две неровные части.

Потом разжал пальцы, и меч со звоном покатился по плитам пола. Князь вытер лицо и, с трудом переводя дыхание, произнес:

— Продолжай искать, чужеземец, и не вспоминай о прошлом слишком часто.

Лотар кивнул, Сухмет принялся по обыкновению кланяться, а Рубос шелкнул каблуками, выражая послушание. Князь обвел их тяжелым, уже тонушим в приступе боли взглядом.

— И поторопитесь. Имена или головы заговорщиков мне нужны как можно скорее. Теперь я начинаю верить — если мы обезглавим заговор, собак не будет.

Носильщики едва успели подхватить князя — ноги у него стали подкашиваться — и, не взглянув на остальных, унесли своего господина из лаборатории. Теперь он даже не пытался делать вид, что идет своими ногами. Его унесли, словно раненого или павшего с поля боя.

Гергос повертел в руках разрубленный Гонг.

— Негодяй! — с чувством произнес он. — Жаль, что он успел бежать. Если бы он попался мне в руки...

Рубос проворчал:

— Если ты не будешь тут стоять, может быть, его еще можно поймать. Ведь из долины не выйдешь.

— А чем, думаешь, занимаются мои люди? — Гергос слабо усмехнулся.

Лотар провел рукой по поясу и повернулся к капитану мирамской дружины:

— Гергос, прикажи вернуть мне Гвинед.

— Конечно, я сам верну его тебе. Извини, мне казалось, я действовал так, как должен. — В знак примирения Гергос протянул руку.

Лотар пожал ему руку, но, коснувшись сухой и теплой ладони, вдруг почувствовал, что это лишь видимость дружелюбия, что за рукопожатием Гергоса кроется опасение или даже неприязнь. Он хотел было разобратся, но потом отмахнулся от этой мысли как от назойливой мухи.

Довольно обычное дело среди военных: Гергос вполне мог опасаться, что влияние Лотара лишит его тех немногих преиму-

шеств, которых он добился за долгую, безупречную службу. Он мог просто ревновать Лотара к князю. А может, дело в профессиональной недоверчивости... Или в чем-то еще.

Когда капитан вышел в проем, Лотар повернулся к Рубосу и вдруг отчетливо услышал его шепот:

— Все так, если бы не удивительная медлительность, когда следовало торопиться.

Его друг был абсолютно прав.

Глава 18

Отослав Сухмета спать, Лотар и Рубос отправились на княжескую конюшню, чтобы снова попросить лошадей. Простоватый конюх оказался сговорчивее, чем в прошлый раз, и сразу согласился дать им лошадей. Только вот незадача — почти всех стоящих коней забрал боярин Бугошит, когда сегодня пополудни отправился в свой замок.

Рубоса это задело:

— Но ведь какие-то лошади у тебя остались? Не мог же ты отдать всех коней разом?

— И-их, господин хороший, дак потом еще дружинники набежали, они ловить кого-то затеяли, им тоже подавай лошадей, и тоже лучших...

— Хорошо, дай не лучших, дай просто таких, которые могут ноги переставлять, — предложил Лотар, которому эти препирательства надоели.

— Ну, есть у меня две старушки, только они не любят гурхорскую езду, — задумался конюх. — А я заметил, что вы ноги-то держите, словно и не в наших седлах сидите...

— Они нас выдержат? — едва сдерживая смех, спросил Рубос.

— Конечно, не так уж они стары, чтобы не снести твою милость.

— Седлай!

Лотар вдруг вспомнил, что до сих пор ничего не ел. К тому же жажда мучила его так, что в трактире Шува, куда они быстренько сбегали, пока им седлали кобыл, он выдул две огромные кружки воды и наполнил даже фляжку, выпрошенную у Рубоса.

— Кстати, Лотар, — спросил Рубос, — давно хотел тебя спросить. Ты почему свою фляжку не носишь? Ведь чаще других прикладываешься.

Лотар, жуя на ходу кусок хлеба с толстым ломтем мяса и каким-то волокнистым маринованным стручком, улыбнулся:

— Столько раз пробовал, но, когда она у меня, я ее слишком быстро выпиваю. Так что бесполезно даже и носить. А Сухмет отказывается, говорит, наша фляжка не гармонирует с его Утгеллой.

На прощание конюх покричал им, чтобы лошадей не очень уж мучили, но ни Лотар, ни Рубос его уже не слушали. Они решили,

что кобылы крепкие и без труда выдержат прогулку в два десятка миль.

— Куда теперь? — спросил Рубос, как только они миновали восточные ворота.

— К замку Кибата. Будем искать настоящий Гонг Вызова. Скорее всего, его завалило, но будет лучше, если мы его вытащим из-под камней, если, конечно, никто другой не откопал.

Знакомая уже дорога казалась короче. Лотар ехал, о чем-то думая, а Рубос посвистывал и поглядывал по сторонам, надеясь увидеть кого-нибудь из мародеров. Но никого не было, округа словно вымерла.

Они объехали развалины замка вокруг, потом осторожно, чтобы лошади не сломали ноги, перевели их через груды каменных блоков во внутренний двор замка. Везде было пусто. Даже вороны разлетелось. Команда Гергоса закопала все трупы — и защитников, и нападавших.

Лотар передал поводья своей лошади Рубосу и принялся бродить по развалинам детинца. Теперь, когда он знал, что ищет, легче было настроиться на нужную волну. Его больше не смущали те следы людской истерии, которые остались на некоторых камнях.

Да, Гонг действовал на людей и заставлял их изменяться, превращаться в подобие животных без совести и морали, с расторможенными рефлексами и болезненными реакциями. Остатки черных энергий были заметны всюду. Лотар даже удивился, как их много.

Когда на этом месте начнут строить новый замок, нужно будет нанимать сильного колдуна, чтобы стереть обрывки этих энергий, иначе люди тут не один десяток лет будут страдать припадками злобы, жестокости и взаимной ненависти. Или здесь нужно поселить разом очень много детей, чтобы их богоданные души стерли следы совершенных грехов. Но это сложнее, да и детей жалко.

Лотар тряхнул головой. Нет, не о том следует думать. Он посмотрел на горизонт. Солнце садилось. Неужели он бродит тут уже несколько часов?

Желтоголовый стряхнул пыль, покрывшую его руки, лицо, одежду. Подошел к Рубосу, который расположился с лошадками в тени, взял у него флягу, выпил воды.

— Может, его так глубоко завалило, что никому не под силу найти? — спросил мирамец.

Лотар усмехнулся:

— Я бы на это не рассчитывал. К тому же, как глубоко его ни закапывай, хоть какой-нибудь след должен остаться.

Рубос подумал и спросил с сомнением:

— Тогда, может, его собаки откопали и унесли?

Лотар только вздохнул и пошел искать дальше. Теперь он старался смотреть так глубоко, как только мог. Эх, слаб он в магии. Будь здесь Сухмет, они уже давно определили бы, где он лежит. Или были бы уверены, что его тут нет...

Нет? Лотар остановился, подумал, снова принялся проверять все камни. Но куда же ему деваться?

Так, собаки лезли и лезли. но начиная с какого-то момента уже не очень напористо. Они уже не хотели ничего крушить, просто действовали по инерции. А мародерам еще только предстояло справиться с защитниками, хотя теперь это было не очень сложно, потому что и на защитников тоже действовал Гонг и они были деморализованы его «шепотом», а не только страхом перед собаками. Да, скорее всего, именно так — Гонг уже не отзывался на свет Зо-Мур.

Может быть, его спрятали? И так, чтобы потом, когда собаки все-таки разрушат детинец, его можно было легко найти. Если это затеяли неглупые люди, то почему бы не предположить, что они предусмотрели и это?

Лотар огляделся. И тут же увидел высоко под навесом конюшни нишу с каким-то местным божком. Просто удивительно, как они раньше ее не заметили.

Он вбежал на стену и, перевесившись через край, понял, что может спрыгнуть на эту каменную приступку. Зацепившись за внутренний карниз пальцами, он опустил ноги — и тут же почувствовал, как та самая магия, которую искал, прожгла кожу его сапог. Но Гонга здесь уже не было. Лотар был в этом уверен.

Больше Желтоголовый не смог терпеть, жжение в ногах стало невыносимым. Он подтянулся и снова оказался на стене. Снизу за его упражнениями с интересом следил Рубос.

— Он был тут. Кто-то из защитников его сюда поставил, чтобы потом перенести в другое место.

Рубос кивнул.

— Куда?

Лотар поднял голову. Со стороны моря дул сильный сырой ветер, но тучи были редкими, и почти все звезды выкатили на небосклон. Он спустился.

— Сержант, которого мы встретили, мог быть одним из тех... — начал было Рубос.

Но Лотару эта идея не понравилась. Он вспомнил, как почувствовал сержанта задолго до того, как он появился на дороге. Вспомнил болезненную слабость и решимость все-таки добраться до Мирама, чтобы сообщить о том, что произошло. Вспомнил его мужественный ответ, когда Рубос предложил помощь... Нет, не мог он притворяться. Едва ли такой неумелый маг, как Капис, сумел соорудить психический камуфляж, который обманул бы Сухмета. Значит, не он увез Гонг Вызова. Тогда кто же?

— Нет, не то.

— Тогда кто его отсюда унес? Вряд ли те пьяные и полубезумные люди, которых мы здесь встретили. Они не управляли собой и не могли выполнить такое тонкое дело — спасти Гонг и перенести его куда-то дальше.

Лотар вздохнул. Он только что понял, кто это сделал.

— Мелет, десятник, которого мы нашли со сломанной шеей у потайной калитки.

— Но его ведь убили, чтобы удрать в лес, к мародерам?..

— Предположить это было проще всего — вот все мы так и считали. А теперь я думаю, его убили, чтобы мы не сразу узнали о том, что он ездил в замок боярина Бугошита.

— А сам Бугошит почувствовал неладное и поехал сегодня туда же.

— Да, — кивнул Лотар, — я думал, это пустые хлопоты, а вот боярин...

— Но теперь что же, они собираются натравить собак на Бугошита?

— Пожалуй, — согласился Лотар. — Ведь он последний, кто может им помешать. Но если мы поторопимся, то еще успеем...

Договорить он не успел. Где-то очень далеко раздался тяжелый, густой, протяжный вой... Лотар вздрогнул: этот вой был знаком ему. Так могли выть только собаки, которые в своей муке готовы топтать, сокрушать, грызть все подряд на свете. И почти сразу за этим он почувствовал, как изменился мир — тревога и ужас разлились в воздухе.

— Собаки, — прошептал Рубос. — Что-то слишком рано!

Лотар поднял голову. Да, в самом деле, очень рано. Звезды были едва видны, но та, которая им была нужна, еще горела на небосклоне. Лотар нашел ее глазами. После того как он видел в тайной лаборатории Каписа папирусы, похожие на астрологические схемы, это было несложно.

— Это значит, Рубос, что сегодня собак тоже поторопят. А после замка Бугошита они собираются напасть на город.

Глава 19

Подлететь к замку Бугошита на полном скаку не удалось, лошади вдруг стали биться, упираться, на их мундштуках выступила пена. Лотар, как ни странно, испытал к ним теплое чувство — эти животные были чужды магии. Они отказывались участвовать в чем-то страшном и непонятном, и с этим следовало считаться.

Лотар и Рубос спешили. Они стреножили лошадей и пустили их погулять на тихой лесной полянке. Как они ни торопились, лошади могли еще понадобиться.

До замка пришлось добираться на своих двоих, но идти было уже не очень далеко, не больше мили. Едва они выбрались из рощицы, где оставили лошадей, Рубос вдруг остановился и сжал голову руками.

— Лотар, я ничего не понимаю... Я теряю координацию.

Он качнулся, опустился на колени, дыхание стало прерывистым и тяжелым.

Лотару тоже пришлось преодолевать какое-то сильное давление, отталкивающее его от замка Бугошита. Это было похоже на ветер, дующий в лицо, только... ветра не было. И во всем теле появились неуловимые, непонятные, но вполне ощутимые боли. Но Лотар мог их преодолеть, а Рубос нет. Почти то же самое было

с лошадьми. Однако без Рубоса не обойтись, и оставить его невозможно.

Лотар беспомощно осмотрелся. Он не знал, что делать. И вдруг увидел, что Рубос на восточный манер поверх португепи перевязался длинным пестрым кушаком. Решение появилось почти мгновенно. Как говорил Сухмет, значит, оно не может быть ошибочным.

— Снимай!

— Что? — не понял Рубос. Лицо его исказила гримаса с трудом преодолеваемой боли.

— И шлем свой снимай, и кушак.

Лотар получил кушак, отошел под соседний куст, чтобы никто не мешал, сложил ткань перед собой, сосредоточился и прочитал одно из самых сильных заклинаний, снимающих боль. Потом вернулся к Рубосу и кушаком обмотал ему голову, как чалмой. Это подействовало на удивление быстро.

Он еще не закончил наматывать кушак, а Рубос уже порывался встать. В его глазах зажегся обычный блеск, и он даже понять не мог, чего они тут так долго валандаются, когда, судя по звукам, долетающим из темноты, штурм замка уже начался.

— Только сам не снимай, а то свалишься от шока. Я ведь не зашил тебя, а всего лишь подавил боль, и ты ее, скорее всего, ощушаешь, но не в явной, а в скрытой форме.

— Ничего не понимаю, — рявкнул Рубос, — лучше пошли скорее.

Что же, решил Лотар, значит, и понимание твое из-за этой боли несколько снижено. Они побежали к замку, стараясь держаться рядом, чтобы ненароком не потерять друг друга в темноте и суетолоке.

А суетолока в самом деле была немалая. Казалось, сюда собрались все мародеры из окрестностей Мирама. Большая их часть, конечно, ни на что не годилась — старухи, пьяная или очумевшая от «шепота» шпана, на удивление много калек, истеричные бабы, катающиеся по земле в припадке. Но в первых рядах находились и вполне боеспособные мужики с самодельным оружием, стражники, перешедшие на сторону заговорщиков, непонятные личности в морских куртках и с тесаками, даже несколько людей, закованных в доспехи. Они двигались как деревянные куклы и явно подчинялись чьим-то неслышным командам.

Лотар не стал тратить на них время. Протолкавшись в первые ряды атакующих и не давая Рубосу возможности ввязаться в драку, он осмотрелся.

Собаки бродили впереди в полусотне шагов, у самых стен, и выли. Пожалуй, страх лошадей и боли Рубоса возникли из-за дикого смещения звучащего Гонга и этого воя, решил Лотар. Но тогда непонятно, почему на остальных людей эта смесь звуков действовала скорее возбуждающе, чем угнетающе? Лотар смерил проникающим взглядом небольшую группу атакующих, которые вели себя вполне разумно, и понял, что их уже давно обрабатывали этими звуками, увеличивая продолжительность «сеансов»,

пока они не привыкли к ним, как к опиуму, и не стали получать болезненное удовольствие. В этом обучении бесчеловечности было что-то настолько гнусное, что Лотар отвернулся, как здоровый человек отворачивается при виде очень уж отвратительного уроды.

Собаки еще не бросились на замок, но ярились, и каждому было ясно, что они вот-вот начнут атаку. Они то приближались к стенам, то отбегали от них, как бы сомневаясь, что эти стены будут им по зубам.

Замок боярина Бугошита и в самом деле был незаурядным фортификационным сооружением. Стены в самом низком месте были не менее полутора десятка саженей в высоту, а башни так высоки, что Лотар даже засомневался, что с их верха можно прицельно стрелять по атакующим. Казалось, выкажи защитники достаточную стойкость — даже собаки отступят... Но защитники отбивались вяло.

Лишь изредка со стороны замка прилетал валун, пущенный из катапульты, и с сильным шелкающим звуком бил в землю. Хотя собаки были очень близко от стрелков, почти на краю рва, и так велики, что по этой цели невозможно было промазать, ни один из выстрелов не оказался точным. Магия звучащего Гонга действовала и на obsług катапульт.

Откуда-то издалека долетел звук колокольчика. Лотар усмехнулся. Вот уж это совсем не к месту. Магических звуков и без того хватало.

Но как только колокольчик умолк, одна из самых огромных собак, ростом едва ли не в половину башни, бросилась вперед, ловко перепрыгнула через ров, встала на задние лапы, закрыв чуть не полнеба, передними оперлась о стену и... Вдруг с ужасающим грохотом, увлекая за собой часть стены, завалилась на спину, потому что земля на самом краю рва не выдержала ее тяжести и осыпалась.

Собака опрокинулась, содрогнув землю. Голова и спина ее ударились о мягкую землю, которая чмокнула под этой тушей, как жидкая грязь. Странно дернувшись, собака затихла. И даже последнему лопуху из мародерской армии стало ясно, что она отключилась. Оказывается, собственная сила и масса могли сыграть злую шутку с этим чудовищем.

Зато другие собаки действовали удачливей. Три или четыре из них с разных концов бросились на замок и стали рвать, крушить, давить, грызть, царапать стены. На мгновение всем показалось, что они ничего не добьются, уж очень крепким был замок и очень неудачной была атака первой собаки, но... Одна из секций стены рассыпалась и обрушилась на собаку. Та отпрыгнула и завертелась на месте, оглашая воздух ревом, в котором слышались еще большая, чем прежде, мука и боль. Потом самая старая башня покачнулась и как-то очень ровно, словно столб, рухнула внутрь... И все было кончено.

Мародеры при виде разрушений подняли жуткий крик и бросились вперед, потрясая в воздухе оружием, хотя до этого —

Лотар отчетливо видел — побаивались собак и старались держаться от них подальше. Но на этот раз они торопились. И поэтому Лотару с Рубосом тоже следовало поспешить.

Они побежали рядом с самыми первыми из мародеров — дикими, сильными мужиками, явно выходцами не из Мирана. Кто из них, думал Лотар, оглядывая на бегу их заросшие бородами, угрюмые лица? Кто из них должен вытащить Гонг и переправить его в город?

Он не сомневался, что с замком покончат еще до полуночи и спустя два-три часа попытаются атаковать город.

Стена перед ними была разрушена, но в проломе никого не было. Защитники, сломленные видом и агрессивностью собак, а главное, звуковым давлением Гонга, не оказывали сопротивления.

Еще на ходу Лотар положил руку на плечо Рубосу, и тот сразу понял, что нужно делать. Миранец присел, Лотар шагнул ему на плечи, Рубос выпрямился, и Желтоголовый зацепился за самый край сломанной, как гнилой забор, стены. Он подтянулся, мигом оказался на стене, потом лег на живот и опустил руку. Рубос с небольшого, в четыре шага, разбега подпрыгнул, ухватился за руку Лотара.

Лотар заскрипел зубами. Тело еще болело, а Рубос в своей латной рубахе, с тяжелым оружием показался почти неподъемным. Но он не разжал руку, а стиснул зубы и стал подтягивать миранца.

Рубос поболтался на руке Лотара, собрался, уперся ногами в стену и шагнул вверх. Зацепился за край левой рукой, подтянулся, и вот он уже сидит на стене рядом с Лотаром.

— Мы первые? — спросил он, шумно переводя дух.

Лотар оглянулся. В тихом, почти безлюдном дворе при свете факелов он увидел небольшое стадо коз и овец. Людей — никого. Вот только у самой дальней стены, сбоку от того пролома, который образовался от рухнувшей башни, в кромешной темноте мелькнула чья-то тень. Лотар почувствовал, что это важно. Он попытался резко поднять чувствительность зрения, чтобы увидеть этого любителя темных углов, но опоздал, тот уже скрылся за детинцем.

Лотар удивился, как быстро исчез неизвестный. Такая скорость не от тренировок и мастерства. Тут дело в магии.

— Быстрее, — прошептал он, — я его видел.

Рубос поднялся на ноги. Тоже быстро, очень быстро, но Лотару, который видел другого Рубоса, его движения показались замедленными и неуклюжими.

Они соскользнули во двор, и Лотар побежал за угол детинца, где пропал темный незнакомец. Два раза Лотар поддержал Рубоса, но только для того, чтобы заставить его бежать быстрее. Откуда-то сбоку кто-то выкрикнул приказ остановиться, но Лотар даже не замедлил шага — на объяснения с местным служакой времени не было.

Они бежали так быстро, что без труда обогнали этого рыного защитника, но все равно опоздали. Когда они оказались у одной

из дверей детинца, все было кончено. Трое стражников, изрубленных чудовишными ударами, лежали на земле, но того, кого они преследовали, уже не было.

Рубос наклонился над одним из поверженных воинов. Тот был еще жив, хотя меч противника разрубил его от плеча до середины груди. Кровавый пузырь поднимался на губах умирающего, становясь все больше и больше, потом лопнул, и стало ясно, что парень умер. Тонкая струйка крови вытекла у него из уголка губ и покатилась на блестящие в свете больших факелов камни.

Рубос поднял глаза на Лотара:

— Это опасный противник. Очень опасный, Лотар.

— Он знает, где Гонг. Он приведет нас к нему. В какой бы комнате они его ни поставили...

— Здесь не вход в детинец, Лотар, это лестница к сторожевой башне.

Лотар, как ни мало было у него сейчас энергии, быстро проверил темный проем за широко распахнутыми дверями. Да, лестница начиналась почти сразу за дубовыми створками и вела на самый верх. Три или четыре ответвления от этой лестницы, конечно, были устроены на разных этажах, но двери, ведущие в эти боковые переходы, сейчас были заперты, и их без шума невозможно было ни сломать, ни преодолеть. А шум, как и пустая трата времени, тому человеку сейчас были ни к чему. Лотар чувствовал, что неизвестному нужно торопиться изо всех сил.

Он еще не успел додумать до конца, как вдруг стена за их спинами с оглушительным грохотом стала валиться. На мгновение в проеме над зубчатым краем, где бегали бессильные человеческие фигуры, появилась ощерившаяся собачья морда, но потом исчезла. Она так и не смогла преодолеть эту стену с одного прыжка.

Так, понятно — он должен укутать Гонг в какую-нибудь заговоренную тряпку, чтобы не звучал, и унести отсюда, уберечь от собак, чтобы использовать еще раз — против города. Да, враг должен был спешить. Хорошо, если бы его остановили какие-то защитники, подумал Лотар. Ведь какие-то защитники здесь должны быть? Но надеяться на это не приходилось.

— Пошли, я знаю, куда он бежит.

Они взлетели на лестницу, ведущую к сторожевой площадке наверху. Где-то наверху кипела драка. Звон мечей, крики и мучительные стоны...

— Быстрее!

Они побежали наверх, перепрыгивая через ступени. На третьем этаже они наткнулись на троих солдат, зарубленных такими же чудовишными ударами. Кровь убитых стекала по ступеням, Рубос даже поскользнулся на ней. Лотар все-таки успел перепрыгнуть через эту лужу.

Они рванулись вверх... Но тогда люк, ведущий на четвертый этаж башни, опустился. На мгновение в проеме между краем люка и полом мелькнуло лицо человека. И тогда бесстрашный Лотар на миг оцепенел. Он ощутил, как по его спине прошел хо-

лодок ужаса, такого ужаса, который даже он — колдун и магический боец — никогда не испытывал.

В проеме он увидел лицо Костолома, усмехающееся, злое, жестокое... и живое. Этого не могло быть... Но это было.

Глава 20

Через миг Лотар пришел в себя и ринулся вперед, чтобы хоть какую-то распорку воткнуть в оставшуюся щель. Чтобы заставить ожившего Костолома или его призрак биться. Чтобы он не унес Гонг... Но опоздал, из-за своей заминки опоздал.

Сверху из-за полуфутовых досок пола донеслось звяканье металлического засова и послышался сухой, шелкающий смешок. Все, он получил свободу действий. Быстро открыть люк не могла бы теперь и сотня вояк.

Потом Лотар услышал торопливые шаги у себя над головой, и Костолом исчез, поднялся выше, туда, где должен быть Гонг.

Рядом оказался Рубос. Он тяжело дышал и пытался вытереть пот с лица куском размотавшейся чалмы.

— Лучше не трогай ее, — посоветовал Лотар.

Рубос кивнул и послушно заткнул полотно за узел на чалме.

— Мы опоздали, он ушел, — сказал Рубос. — Что будем делать?

Лотар осмотрелся. В боковой стене башни была бойница. Лотар подошел к ней и выглянул. Кладка каменных блоков вела на самый верх. Но между уступами раствор немного выветрился, и образовались складки в дюйм глубиной, иногда больше.

Лотар быстро скинул сапоги. На одних руках удержаться на этой стене он не сможет, придется помогать себе еще и пальцами ног.

— Оставайся и держи этот люк. Не дай ему уйти. И не пугайся, это, кажется, Костолом.

— Что? Костолом? Которого ты зарезал в первый же день?

— Так мне показалось. От неожиданности я остановился и позволил ему закрыть этот люк.

Рубос хмыкнул:

— Испугался?

— Не ожидал просто.

Лотар завел Гвинед за спину, передвинул кинжал в ножнах на поясницу.

— Я слышал, у него был близнец, — сказал Рубос. — Только он давно пропал, когда я был мальчишкой.

Лотар внимательно посмотрел на Рубоса:

— Жаль, я этого раньше не знал. Тогда бы не растерялся.

Он высунулся наружу, попробовал уцепиться пальцами, потом нашел опору для ног и... повис на стене. Оказалось, это не очень трудно. Нужно было только не думать о том, что наверху гремят мечи, кто-то истошно вопит от боли и еще... Да, еще следовало не поддаваться привычному внушению и не давать себе отождест-

вляться с камнем, чтобы руки не потонули в этой кладке, а колени не прилипали к ней, удерживая тело, как муху держат лапы. Нужно было не поддаваться своему магическому умению, потому что потом из него выходить будет трудно, а главное, долго. А время сейчас важнее всего.

Лотар подтягивался вверх на одной руке, потом поднимал одну ногу, неторопливо — обязательно неторопливо — находил для нее опору, потом другую руку, потом ногу... потом снова все сначала.

Крики наверху смолкли, когда до края сторожевой площадки осталось всего две сажени. Но Лотар остановился, чтобы дать отдохнуть перенапряженному телу. Торопиться следовало с умом, это значило, если он очень поторопится и ошибется, то сорвется и слетит вниз. Тогда все будет кончено, и торопиться никуда уже будет не нужно. Потому что падение с двухсотфутовой высоты на брусчатую площадку перед входом в башню погасит, скорее всего, даже его, Лотара.

Он искал такую же бойницу и не собирался высовываться через край площадки, не зная, что на ней происходит. Но бойницы не было, а торопиться следовало. Значит, оставалось доползти до края башни и все-таки высунуться... Между тем что-то изменилось.

И тогда Лотар понял, что Гонг умолк. Вернее, почти умолк. Его звуки еще плавали в воздухе, но собаки уже не найдут источник, не бросятся топтать его, не сокрушат, не уничтожат... А жаль.

Лотар выглянул из-за края сторожевой площадки. Открытый люк, три трупа. Небольшой стол, на котором лежало кое-какое оружие и стояла фляга с вином. Лотар перемахнул через край и отдышался. Вот так ползти по отвесной стене трудновато даже для него, Драконьего Оборотня. Проще бы отрастить крылья и взлететь... Но это долго. И неизвестно, как потом поведут себя люди и что подумает князь.

Он подошел к люку. Вдруг один из мертвых стражников сделал слабое движение пальцами. Лотар мгновенно опустил перед ним на колени.

Это был старик. Он был жив только чудом, иначе не объяснить, что, разрубленный от паха до живота, он пытался еще что-то сказать.

Лотар наклонился к самым его губам.

— Они принесли ужин на серебряных тарелках... Я удивился...

— Кто забрал тарелки? — Лотар щедрой струей вливал свои силы в старого воина. Но всей этой энергии хватило на одно только слово:

— Драл.

Старик умер. Лотар поднялся и вытащил меч. Он и сам не мог бы объяснить, почему это сделал. Желтоголовый понимал, что глупо призывать кару на голову близнеца Костолома или клясться отомстить за смерть старого солдата. Но он должен был что-то сделать. Он вытащил меч и отдал честь этому достойному солдату, который, даже умирая, пытался передать дальше то, что знал.

И еще Лотар отдал честь стойкости воина и вере в победу даже за чертой смерти. Потом быстрым взглядом окинул замок с высоты башни. Терем уже горел, в три или четыре больших пролома вваливалась толпа мародеров. Теперь собаки почти не бросались на стену, они успокаивались. Драл затемнил Гонг чуть раньше, чем следовало, если исходить из тактики. В этом была заслуга Лотара, но в целом это ничего не меняло.

Хотя проломов в стенах немного и солдаты Бугошита уже бросались на защиту крепости, они все равно не сумеют спасти ни замок, ни своего господина. Лотар видел, сколько человеческого отребья собралось у этих стен, и знал, как сильно деморализованы защитники, поэтому исход сражения был предопределен.

Желтоголовый тряхнул головой. Нет, он не должен сейчас быть тут. У него другая задача. Если ему удастся отстоять город, значит, кровь павших пролилась не напрасно. Он бросился вниз по лестнице.

На бегу он услышал звон сабель, потом глухой, тяжелый стон Рубоса.

— Рубос, я иду! — заорал он и понесся так, что и на крыльях не смог бы лететь быстрее.

Он влетел в люк, ведущий на третий этаж, не оглядываясь по сторонам. Если бы Драл устроил тут засаду, он угодил бы в нее, как новобранец. Да он и хотел, чтобы разбойник поджидал его тут.

Но Драл оказался умнее. Он не устроил засаду на Лотара. Он просто исчез.

Лотар склонился над Рубосом, быстро оглядев все пространство до основания башни. Драл был еще близко. Если бы Лотар поторопился, он сумел бы, пожалуй, его догнать, но перед ним лежал раненый Рубос... Если он оставит его тут и вернется потом, когда нападающие уже ворвутся сюда, кто знает, застанет ли он друга живым?

Не мог Лотар оставить Рубоса. Он провел рукой по губам мирамца, пытаясь определить его дыхание. Капитан Наемников дышал тяжело и бурно, но умирать он не собирался.

— Лотар, он напал на меня, он ранил меня! — Голос Рубоса был громовым, пыл боя еще не оставил его.

— Да, да. Он опасней, чем мы думали.

Лотар провел рукой над раной. Так и есть — секущий, довольно опасный удар снизу. Но снизу очень трудно ударить сильно, поэтому Рубос остался жив. К тому же он успел немного блокироваться. Вторая рана, на голове... Голова была бы цела, если бы на Рубосе был шлем.

— Как я?

— Совсем неплохо. Завтра будешь уже в норме, если Сухмет возьмется за тебя как следует.

Он поднял мирамца, завел его руку себе на плечо, подобрал меч, сунул в ножны, поправил полуразрушенную повязку и пошел вниз.

Рубос остановился:

— Он же видел в темноте! Он видел, Лотар! И как быстро он двигался! Я даже сообразить не успел, а он уже все просчитал и принялся бить наверняка.

— Да, да. Я понимаю.

Они вышли во двор. В пролом, через который они проникли в замок, проскочило десятка два атакующих вилланов, и все разом принялись рубиться за главные ворота. Больше там никого не было, Лотар в этом не сомневался. С этой стороны они уйдут из замка незамеченными.

Прямо у стены Рубос опять остановился.

— Он собирался добить меня. Если бы ты не заорал, Лотар, он бы добил меня. Я уже простился с жизнью.

— Да, возможно.

Лотар поднатужился, захватил ноги Рубоса, выпрямился и забросил его на обломок стены. Потом подпрыгнул и подтянулся сам. Отсюда забираться на стену было гораздо легче, чем снаружи.

Вниз они соскользнули без труда, только Рубос застонал, когда Лотар опустил его на руках как можно ниже, а потом все-таки разжал ладони.

На некоторое время мирамец потерял сознание. Лотар решил, что ничего плохого не будет, если он дотащит его до лесочка, где они оставили коней, и перевяжет уже там. Потом, если он напишет его своей энергией, Рубос сможет до города добраться верхом.

Коней он нашел сразу. Рядом с ними на пенке сидела какая-то старуха. Она раскачивалась из стороны в сторону, бормоча что-то себе под нос.

— Эй, богатей, ты все-таки вернулся за лошадьми. А я-то думала, что могу их своими считать.

Лотар перевязал Рубоса, потом посадил его в седло.

— Ну, коли уезжаешь, дай хоть чего-нибудь, богатей, на пропитание.

Лотар внимательно посмотрел на старуху. Ему показалось, что если не голос, то выговор у старухи какой-то знакомый. Он занялся бы этим, но не мог больше терять время. Отстегнул одну из серебряных пряжек со своего пояса и протянул старухе:

— Тебе этого хватит на месяц.

Старуха поклонилась. Лотар не ожидал, что она сейчас может думать о вежливости.

— Спасибо, добрый господин. Да хранит тебя Кросс!

Лотар прыгнул в седло и повел лошадь Рубоса в поводу. Они не торопились, не могли торопиться. Поэтому Лотар не сомневался, что Драл успеет проникнуть в Мирам.

В чем он ошибся? Может, нужно было остаться перед люком и ждать, пока Драл начнет спускаться? Нет, он мог спуститься мимо них, например, на веревке. В тот момент они поступили правильно, совершенно правильно. Рубос остался прикрывать отход этому Дралу, а сам Лотар... И все-таки разбойник перехитрил их и ушел.

Но кто же мог подумать, что он видит в темноте и так быстро справится с Рубосом? С Рубосом! Что-то тут было непонятное.

Мили за три до города Рубос пришел в себя.

— Он опередил нас?

— Да.

— Это я виноват. Я упустил его.

— Ты ни в чем не виноват. Мы просто столкнулись с чем-то неизвестным, с тем, чего не ожидали.

— Успокаиваешь?

Лотар посмотрел на друга. Ему стало лучше, на щеках появился румянец. Чалма размоталась, но на боль он не жаловался.

— Знаешь, кончай прикидываться, держи-ка повод и поезжай сам.

Он бросил повод Рубосу, тот хмуро взял его в руки, но потом, почувствовав коня под собой, стал успокаиваться.

— А не так уж сильно мне и досталось. Пожалуй, мог бы еще потанцевать с тем мерзавцем... Но как быстро он двигался, Лотар!

— Да, ты уже говорил.

Они проехали с милю в молчании. Лотар не стал переводить лошадей в галоп, все равно Драл уже в городе, а скачка может повредить Рубосу.

— Они нападут на город сегодня?

Лотар собрался было кивнуть, но вдруг увесистая, крепкая, как желудь, капля дождя упала ему на лицо. Он улыбнулся и поднял голову.

Все небо было обложено тяжелыми, плотными тучами. Лотар засмеялся. Рубос даже коня остановил от неожиданности.

— Ты чего?

— Посмотри на небо.

Рубос послушно поднял голову.

— Ну и что?

— Ты что, не понимаешь? Сегодня не будет никакого штурма города, Рубос.

Тогда стал подхохатывать и мирамец:

— Понимаю, они не найдут свою Зо-Мур! Не найдут эту звезду!

— А до завтра мы попробуем кое-что сделать, старина. Мы непременно сделаем то, чего они не ожидают!

Глава 21

Поздний ужин, точнее ранний завтрак, им подали не на тарелках, а на простых деревянных досках, лишь слегка протертых камнями, чтобы никто не посадил себе занозу.

Лотару было все равно, но Рубоса это почему-то возмутило.

— В чем дело? — спросил он своим обычным тоном, словно и не был пару часов назад ранен. — В городе боятся тарелок? Откуда узнали? Позвать сюда Шува!

Трактирщик появился из кухни. Лицо его было печально.

— Шув, старый плут, куда подевал тарелки? Зарыл, чтобы не достались мародерам?

От возмущения Шув только руками всплеснул:

— Тебе бы только грохотать, Рубос. А я, между прочим, думаю о серьезных вещах. Я, — Шув выпрямился и даже одернул свой сморщенный сюртук, — отдал их в казну.

— Ч-че-го?

Новость произвела впечатление не только на Рубоса, но и на Лотара. Глотнув разбавленного сидра, он внимательно оглядел толстого хозяина трактира и отставил кружку.

— После ужина пришли солдаты и стали говорить о том, что собирается казна для обороны города. Каждый отдает, что может. Я отдал деньги и тарелки. Они ведь из серебра.

— Что можно подумать о трактиршике, если он отдает свое добро?

Рубос запыхтел от возмущения, словно Шув отдал его, Рубосовы, деньги.

— Были бы кости, а мясо нарастет.

— И все-таки как тебя угорадило? Ведь мог же и не отдавать?

— Да что мне эти деньги, эти тарелки... Я ведь трактиршиком стал потому, что поесть люблю и чтобы новости раньше всех узнавать. Опять же гости один интереснее другого. Вот вы, например. Таких гостей у меня еще не было, и что-то подсказывает, долго еще не будет.

Лотар подумал и произнес:

— Ты, Шув, делаешь честь жителям Мирама. — Он выглядел грустным, даже слегка усталым. — А я уже стал разочаровываться в них. Даже подумал, может, и не случайно на них свалилась эта напасть? Оказывается, поторопился.

Рубос посмотрел на Лотара так выразительно, что всегда готовый посмеяться Желтоголовый хмыкнул:

— Ну да, Рубос. Была у меня мысль, что ты — исключение. Но теперь можешь быть спокоен — у меня нет ни малейшего сомнения. Благодаря ему, — и Лотар кивнул в сторону Шува.

— Да ладно, чего уж там, господин Желтоголовый. Я обычный городской парень, которому везет во всем, кроме женитьбы. — Он смутился еще больше, сообразив, что ненароком выдал свои мысли. И чтобы хоть как-то остановить хохот Лотара и Рубоса, опасаясь, что теперь их насмешкам не будет конца, затараторил: — Может, еще чего-нибудь желаете? У меня вся кухня представлена едой для вас. Я знал, что вы поздно вернетесь, вот и постарался.

Лотар посерьезнел. Он наклонился, хлопнул ладонью по скамье, на которой обычно возле стола сидел Шув, и сказал вместо приглашения:

— Как всегда, любезный и благородный Шув, нам нужна информация.

Шув сообразил, что насмешек не будет, и немного успокоился. Он постарался придать своему сюртуку подобающий вид и присел на краешек скамьи.

— А именно, господин Желтоголовый?

— Что ты знаешь о Драле?

Шув задумался надолго. Казалось, он знал в этом городе всех и

каждого за последние три десятка лет, но и его этот вопрос поставил в тупик.

— У Костолома был близнец, во всем на него похожий, только еще и непоседливый. Нам еще и десяти не исполнилось, когда он удрал из дома. Сначала, как я слышал, он ушел в море юнгой, но потом его высадили где-то за непотребное поведение. Капитана, который так поступил, долго костерили во всех портах, но он стоял на своем и считал, что Драл — суший дьяволенок. Иногда Драл давал знать о себе братцу. Одно такое известие пришло лет десять назад. Люди говорили, он подался то ли в пираты, то ли в наемники.

Лотар, а за ним и Рубос усмехнулись.

— Мы и сами наемники, дружище, — ответил Лотар. — И скажу тебе, иногда быть преданным солдатом какого-нибудь мерзавца более позорно, чем оказаться бродягами, как мы сейчас.

— Ну, вы-то другое дело, господа. — Шув серьезно посмотрел на своих постояльцев.

— Почему?

— От вас не приходится прятаться добрым людям. А от большинства наемников...

— И все равно...

— Нет, господин, я знаю, что говорю.

Лотара в общем-то не очень волновало, что думают о нем люди, но мнение Шува ему, как ни странно, было небезразлично. Однако пора вернуться к делам. Разницу между наемником и Лотаром вполне можно выяснить как-нибудь потом, если будет это «потом».

— Хорошо, он пошел в наемники. Что дальше?

— Потом появился у нас. Кто-то рассказал, что его выперли из очередной шайки за жестокость.

— Что? — удивился Рубос.

Лотар представил себе разбойников — мучителей, насильников, бандитов без стыда и совести, у которых только право сильного считается законом. И что же нужно было совершить, чтобы такие головорезы выперли кого-то прочь? Лотару даже любопытно стало, но он побоялся прерывать Шува. Тот мог заупрямиться или опять впасть в рассуждения.

— Ну, так говорили, по крайней мере. Однако в город он явился смиренным как овечка. К нему долго присматривались, но что-то, а мечом работать он умел, к тому же казался дисциплинированным, и его пригласили послужить у Бугошита. Последние два года он безвылазно просидел в его замке.

Лотар вдруг обратил внимание, что Рубос лопает за двоих. Это хорошо, значит, он поправляется.

— Это все, что ты знаешь? — уточнил Лотар.

— Как это ни покажется кому-то странным, я проснулся от очень вкусных запахов. — Из темноты выступил Сухмет. Он быстро огляделся. Его глаза поблескивали, на щеках играл румянец. Старик выглядел отдохнувшим и полным сил. — Шув, голубчик,

ты не дашь мне чего-нибудь похожего на то, что ест этот мирамец? — Он указал на Рубоса.

Шув сорвался с места и понесся на кухню. От сословных пред-
рассудков не осталось и следа. Трактирщик с радостью готов был
служить Сухмету.

Лотар быстро, как мог, рассказал все, что произошло с ними,
пока Сухмет спал. Старик, отведя взгляд от доски с разной сне-
дью, тут же принялся осматривать раны Рубоса, и особенно его
голову. Потом принялся за еду.

— Ну что? — спросил его Лотар.

— Я и сам понимаю: будь я в шлеме, никогда он не достал бы
меня в голову, — буркнул мирамец.

Сухмет, прожевав очередной кусок, спокойно проговорил:

— Был бы ты в шлеме, Рубос, ты не успел бы отвести голову и
получил бы по своей голове сполна.

— Что значит сполна?

— А то и значит, что эта легкая чалма тебе, почитай, жизнь
спасла. Я бы и чалму посоветовал тебе не наматывать. Там же шел
поединок на скорость, а это значит, что ориентировка — первое
дело.

— Ну, такая чалма — считай, шарфик — много не заслоняет.
К тому же у меня голова разболелась.

— Заслоняет, и еще как. А от боли я бы тебе вообще посовето-
вал уши воском затыкать. Это старый и надежный способ. А если
воск помогать не будет, я его заговорю так, что вообще ничего не
услышишь.

— Это я виноват? — спросил Лотар. — Что чалму ему намотал?

— Не думаю, господин мой. Я бы, может, и сам так же посту-
пил. Ведь никогда не знаешь, что лучше, а задним умом все крепки.

Рубос задумался, выпил полкружки вина, долил еще и объ-
явил:

— Сейчас же выпрошу у Шува побольше воска. И никому не
позволю отнять его у меня.

Лотар посмотрел на Сухмета вопросительно:

— Может, охране и горожанам тоже раздать воск?

— Бесполезно. Они поддадутся воздействию Гонга, не столько
из-за звуков, сколько из-за того, что души их начал разъедать
порок. Рубос потому и стал жаловаться на боль, что его честность
воспротивилась призыву ко злу. Тем и спасся. А горожане, —
Сухмет вздохнул, — их нужно лечить от воздействия Гонга, как от
наркомании, — очень долго, может быть, не одно поколение.

— Да, мне тоже кажется, что людская ненависть, жажда смер-
ти, желание пролить кровь — не последняя ставка в этом разгово-
ре, — согласился Лотар.

— То-то и оно. — Теперь Сухмет принялся за еду по-настоя-
щему.

Лотар вытянул ноги под столом и почувствовал, как устал. Но
он спас Рубоса, он немало узнал, у них еще целый день, чтобы
подготовиться к штурму. Так что все не так уж плохо.

Рубос отвалился от стола. Он посмотрел на Шува, стоящего у двери на кухню, усмехнулся и вдруг спросил:

— Лотар, я все-таки никак не могу понять, как в замке Бугошита оказался Гонг Вызова?

— Его передал Мелет, десятник, которого убили у потайной калитки, пока мы искали Кнебергиша. А снял его со стены тот, кто...

— Кто потом убил Мелета, чтобы мы не узнали его имени, — проговорил Сухмет.

Лотар кивнул.

— Я подозреваю, это вполне мог быть Драл. Правда, тут есть одна заковыка. Драл служил в замке Бугошита, а Мелет — в дружине города. Но сейчас все так перемешалось, а дружинников так мало, что Драл вполне мог оказаться и тут.

— Может, это убийство было еще и отвлекающим маневром? — спросил Рубос. — Например, он боялся потерять эффект неожиданности...

— Вряд ли. Сам посудите: у них все спланировано, они уже готовились этой ночью атаковать замок Бугошита. Они атакуют — и тогда Мелет, каким бы преданным своей воинской корпорации себя ни считал, что-нибудь да заподозрил бы. И мы непременно узнали бы об этом. Узнали бы о Драле, возможно, еще о каких-нибудь заговорщиках, которые только прикидываются верными солдатами города, а на самом деле давно подчиняются тому, кто задумал заговор.

— Но это не Капис? — спросил Рубос.

— Не Капис. Лекарь не удрал бы, будь он главным заговорщиком. А был бы умнее — отвел бы внимание от себя и подставил кого-нибудь другого.

— Понятно, — кивнул мирамец. — А почему тогда Мелет, когда его оживили, сказал, что передать сверток ему приказал Сошур?

— Во-первых, не Сошур, а именем Сошура. Во-вторых, чтобы отвлечь и убедить Мелета. А в-третьих, чтобы подозрение пало на того, кого им в тот момент надо было дискредитировать. Это всегда делается довольно просто и почти всегда срабатывает. Допустим, когда-то, несколько месяцев назад, Сошур расплатился за какую-нибудь услугу кошельком со своим гербом, или печаткой, или пряжкой со своим знаком. И вот заговорщики, перекупив этот кошель, используют его, а исполнитель думает, что приказ исходит от воеводы. Вот и выходит, что подделка чей-либо приказ стоит лишь чуть дороже, чем заплатить златошвейке за вышитый герб. И тут-то...

Внезапно Лотар замолчал, застыв с раскрытым ртом. Казалось, он и дышать перестал.

— Что с тобой, господин мой? — забеспокоился Сухмет.

— А вам не приходило в голову, что Мелет не поехал бы исполнять ни один приказ, если бы он не исходил... — Лотар тряхнул головой. — Нет, нет, я должен додумать это до конца.

Сухмет усмехнулся, но Лотар сделал в его сторону упреждающий жест:

— Не лезь сейчас ко мне со своим подслушиванием.

Приказ есть приказ. Сухмет вздохнул и послушно отвел взгляд. Но Рубос не унимался:

— Что ты имеешь в виду? Что это был человек, который мог приказывать Мелету? Офицер, облеченный не вышитой на тряпке, а реальной властью?

— Мелет не назвал имени, когда мы «допрашивали» его в подвале башни.

— Ну, это необязательно один и тот же человек, — сказал Рубос веско. — Чаще бывает совсем наоборот — один отдает приказы, а другой убивает, когда растяпа-дозорный позволяет подойти к себе слишком близко.

За столом воцарилась тишина. В ней зрела какая-то очень важная весть или новое соображение. Даже Шув подошел поближе. В последнее время эти странные наемники перестали его опасаться.

— И все-таки, господин мой, у тебя есть другое соображение, не просто подозрение на офицерский чин главаря заговорщиков, — произнес вдруг Сухмет. И, уже не опасаясь недовольства Лотара, заглянул ему в глаза: — Это что-то совсем новое.

— Так и есть, Сухмет. Мне просто показалось, что некоторые ходы, которые я придумываю, кто-то умеет узнавать заранее и принимает упреждающие меры. Скажи, это возможно?

— Чтобы кто-то подслушивал тебя, а я этого не замечал? Это не просто невозможно, но даже...

— Нет, ты не понял. Кто-нибудь может читать книгу будущего? Ты сам однажды говорил, что страницы книг будущего заполняются только после того, как кто-то принял решение. И сказал, что таких книг несколько. Вот я и подумал: я что-то придумываю, а какой-нибудь человек, купив такую книгу, через магический механизм угадывания будущего все это сразу узнает...

Сухмет вдруг побледнел. И эта бледность была ответом на вопрос. Даже Рубос оторопело отодвинулся от восточника.

— Человек? Ты сказал, человек, господин мой, который узнает твоё решение, вычитывая его из книги будущего? Нет, это не может сделать человек. Даже вроде меня — не совсем человека. Это под силу только демону. И такого класса, что я бы трижды подумал, прежде чем отправиться к нему в гости.

— Но это в принципе возможно?

Сухмет молчал так долго, что треск пламени свечей стал казаться оглушительным. Наконец он произнес:

— В принципе — возможно. Есть такие демоны, которые живут в мире, где наше будущее является их прошлым. И они, конечно, знают наше будущее.

— С ними можно установить какой-нибудь контакт? Их можно чем-то подкупить? — быстро спросил Рубос.

Восточник траурными, тяжелыми глазами посмотрел на мрамора:

— Я бы даже не рассчитывал. В этих обстоятельствах любая попытка сопротивляться — наивное ребячество.

Это произвело впечатление на Рубоса. Но он воскликнул:

— Ну, не сидеть же сложа руки?!

— Да, — поддержал его Лотар. — Тем более что это всего лишь догадка. Она может оказаться и неправильной. Но на всякий случай я теперь предприму какие-нибудь не совсем логичные действия. А вдруг таким образом смогу нарушить их расчет?

— Например? — спросил Рубос. Каким бы ни был он больным или усталым, стоило Лотару дать идею — и он уже готов был действовать.

Лотар задумался. Рассуждать оказалось легче, чем придумать что-то стоящее.

— Ну, например, не кажется ли вам, что мы нарушим созданный не нами ход вещей, если привезем сюда Кнебергиша? Не кажется ли вам, что кто-то уж очень старается, чтобы этот человек оставался вне событий?

Сухмет поднялся и одернул пояс, на котором зазвенела Утгелла.

— Правильно. Вы отсыпайтесь, а я возьму пару дружинников и съезжу за ним. И обещаю вам, что на этот раз он не будет долго сопротивляться.

— Как же ты убедишь его вернуться в город?

Сухмет улыбнулся:

— Мне показалось, должность княжеского лекаря с сегодняшнего дня никем не занята....

Глава 22

Они спали недолго, до возвращения Сухмета. Восточник вошел в комнату Лотара и объявил:

— Дождь кончился, мой господин. Теперь ничто не мешает Зо-Мур светить в полную силу, разумеется, когда стемнеет.

Лотар стащился с кровати. Тело ломило. Шевелиться не хотело не только разбитое тело, но и душа. Его начинало беспокоить это неизвестно откуда взявшееся равнодушие.

Впрочем, почему же неизвестно откуда? Лотар превосходно знал, отчего оно появилось, — он втайне опасался, что все бесполезно, что он не упредит, не поймает момент, когда злодеев еще можно остановить.

Над крышами Мирама разгорался прекрасный день. Небо, вымытое дождем, как только что застекленное окошко, открывало мир во всей прелести и красоте. Ветер врывался в город с моря, как поцелуй нетерпения, зовущий жить и радоваться жизни. И даже терем воеводы Сошура, от которого остались только стены, почему-то не очень портил красоту главной площади.

Лотар повернулся к Сухмету и через силу усмехнулся:

— Нам остался всего один день. А вечером...

Сухмет подал едвадвигающемуся Лотару фарфоровую лохань

с водой, полотенце, утреннее полоскание и спросил, глядя, как он плещется:

— А вечером что, мой господин?

Лотар, повеселев от холодной воды, энергично растираясь, отозвался, когда Сухмет уже потерял надежду на ответ:

— А вечером — решающая стычка.

Завтракали молча. Ожидание главного сражения накладывало на весь день особый отпечаток. Словно они послушались совета одного старого заморского романиста — опиши поступки любого человека за несколько часов до смерти, и они всем покажутся значительными.

В тереме стражник сказал, что капитан мирамской дружины всю ночь провел на стенах, и они отправились посмотреть, что там творится. Они проходили по стене в том месте, где находилась потайная калитка, когда Сухмет вдруг зашипел, как угли, на которые прыснули водой.

Рубос, которого хорошая погода и подготовка к отражению штурма привели в хорошее настроение, спросил:

— Ты чего?

Но Сухмет, ничего не ответив, бросился к Шербатой башне, в каземате которой они допрашивали мертвого Мелета, и слетел по ступеням вниз так лихо, что Лотар и Рубос едва успевали за стариком. Стражник у калитки взял копьё на изготовку.

— Стой, приказ капитана.

— Я тоже капитан, малыш! — крикнул еще на бегу Рубос. — У нас есть право...

Молоденький солдатик, которого совсем недавно с грехом пополам обучил десятник, мужественно заорал:

— Стой, колоть буду!

Сухмет рванулся к калитке, обратив на стражника внимания не больше, чем на назойливого шмеля. Но Лотар видел, что паренек от отчаяния и непонимания готов на все, поэтому, стараясь утихомирить мальчишку, спокойно и уверенно произнес:

— У нас есть очень серьезные полномочия от князя.

Солдатик принял его объясняющий тон за слабость, решил на всякий случай укрепить свою позицию и завопил еще громче:

— Не знаю ничего, у меня приказ! — Он толкнул Сухмета кулаком в грудь: — Да стой ты, колоть буду!

— Я тебе поколю! — заорал в ответ Рубос с таким грозным видом, что новобранец сразу встал смирно и даже, не меняя стойки, ухитрился оказаться у стены.

Что и требовалось. Сухмет, на которого все эти препирательства не произвели никакого впечатления, потянулся к засову калитки, поводит над ним руками, потом, повернувшись к Лотару, сказал:

— Ее открывали. Сегодня ночью.

Рубос повернулся к мальчишке с копьём:

— Ты когда принял пост?

Парень нервно сглотнул и ответил громко и четко, как его учил десятник:

— С утренним обходом, господин капитан.

Это значит сразу после рассвета, часов в пять. Поздно, гораздо позже, чем должно быть, решил Лотар. Сухмет присел, поводил ладонями над порогом калитки и поднял голову:

— Калитку открывали часа в два пополудни.

На всякий случай они распахнули ее и осмотрели наружные доски, но к ним никто не прикасался, так что это ничего не дало.

Лотар подумал было опять пристать к мальчишке, чтобы выяснить, кто стоял на часах до него, но потом решил выяснить это у Гергоса.

— Где ваш капитан, солдат?

— Я видел, как он шел по стене в сторону восточных ворот.

Они поднялись на стены и направились к восточным воротам.

— А ты человека по этим отпечаткам определить сумеешь? — спросил вдруг Рубос Сухмета.

Старик сокрушенно покачал головой:

— Ну, какие это следы, Рубос. Так, название одно. Конечно, маг посильнее мог бы, но для меня... Для меня одного скользящего прикосновения маловато. Вот если бы я раньше знал того человека или обстоятельства дела, тогда...

— Этого и не нужно, Сухмет. Мы и так знаем, что это был человек, который впустил в город Драла, — сказал, не поворачиваясь, Лотар.

Гергоса они нашли в Надвратной башне, где он завтракал. Вид у него был ужасный, глаза ввалились, волосы растрепались, борода каким-то образом за несколько последних дней стала почти седой. От уголков глаз протянулись тонкие, жестковатые морщины, а руки бравого капитана дрожали так сильно, что вряд ли могли натянуть лук.

Увидев наемников, он слабо протянул:

— А-а, это вы. Замок Бугошита ночью пал, знаете?

— Знаем, — ответил Рубос, — мы были там с Желтоголовым.

— Ах да, мне докладывали, что вы ночью откуда-то прилетели как сумасшедшие.

— Что с боярином?

— Его убили. Говорят, он отбивался как мог, но его все-таки загнали в главный зал и там прикончили.

Рубос снял шлем, посмотрел на поле перед воротами. Там на границе полета стрелы расположились мародеры. Их было довольно много, но еще больше, судя по дымам костров, было их в соседних лесах. Они спали, сушили отсыревшую под дождем одежду, готовили еду. Кто-то бессмысленно бродил от костра к костру.

Гергос проследил за взглядом Рубоса, проглотил последний кусок, взял оловянный стаканчик с какой-то горячей бурдой и подошел к зубцам.

— Мы следующие, Рубос. Мы последние, поэтому никаких сомнений больше нет. Сегодня ночью...

Он не договорил. У него, пожалуй, тоже апатия, решил Лотар. А жаль. Собрать бы десятков пять конников и устроить вылазку.

Пусть многого и не добьемся, но хоть нервы этим мерзавцам, собравшимся у города, пошекочем, а может, даже отгоним пару каких-нибудь шаек... Нет, решил он и вздохнул. Для вылазки требуется решимость, а ее у защитников города больше не осталось. Они внутренне уже покорились и считают поражение неизбежным. И никакой вылазкой этого не изменишь, нужно что-то сделать с собаками.

Апатию капитана почувствовал и Рубос. Только он не привык сдаваться.

— Нужно что-то делать, Гергос, а ты, кажется, киснешь.

Капитан мирамцев махнул рукой, расплескав половину своего стакана.

— Мы готовимся, мы еще как готовимся! Только даже последний новобранец понимает, что это бессмысленно.

— Мы искали тебя, чтобы спросить, — Лотар отошел от края стены и посмотрел Гергосу прямо в лицо, — кто стоял у потайной калитки этой ночью?

Гергос забеспокоился. Да, он устал, его одолевает сотня забот, и он считает, что не переживет ближайшую ночь, но он пока офицер и должен знать все, что вокруг происходит.

— А в чем дело?

— Пока ни в чем. Нам бы просто хотелось поговорить с тем солдатиком, чтобы выяснить: не этим ли путем в Мирам сегодня ночью пронесли Гонг Вызова.

— Его же князь разрубил в мастерской Каписа!

— Я имею в виду настоящий Гонг, а не подделку бывшего лекаря.

Гергос вздохнул, одним махом допил все, что оставалось в стакане, и отдал его слуге, который безмолвной тенью вертелся поблизости, убирая остатки завтрака.

— Мой племянник там стоял. Его зовут Крамис.

— Где он? — спросил Лотар, стараясь, чтобы голос не выдал его волнения.

— Не знаю. После ночного караула я отпустил его до обеда, чтобы отоспался. Эти молокососы плохо недосып переносят, не то что старики вроде нас. — Он почти заискивающе улыбнулся Рубосу. — К тому же главные события все равно произойдут только ночью.

— И все-таки ты не можешь не знать, где он отсыпается. В казарме, в трактире, у своей подружки? — подал голос Сухмет.

— По-моему, в казарме его нет, для подружки он еще молод... Может, дома? Нет, не знаю. — Он повернулся к Лотару и попытался перейти на официальный тон: — Надеюсь, тебе не нужно напоминать, что все касающееся моих подчиненных должно быть в первую очередь доложено мне?

Это было почти так. «Почти» ровно в той мере, в какой надо было соблюдать тайну следствия. Лотар подумал, что взволнованный Гергос нравится ему больше, чем апатичный и погасший. Это доказывало, что Гергос не просто отбывает свой командирский номер. Он ведет себя правильно, решил Лотар.

— Успокойся, пока мы ни в чем его не подозреваем.

Глаза Гергоса дрогнули, стали узкими, как щелочки.

— До этого дошло, да? — Он подумал мгновение и решительно заявил: — Ну что же, пошли. Я сам отведу вас к нему домой.

Пока они шли по стене, пока спускались в город, Гергос нехотя рассказывал:

— Мать Крамиса, Амирада, вышла за моего старшего брата, хотя ее сватали первые бояре побережья, и не только из Мирама. Но брак для нее быстро кончился. Ее муж, один из самых удачливых наших арматоров, пропал где-то у берегов Мульфаджи почти десять лет назад.

— Погоди, — перебил Рубос, — уж не та ли это Амирада — подруга Рассулины, покойной жены князя?

— Хотя между ними и было больше десяти лет разницы, они дружили. Ну, сейчас, понятно, она уже не девочка, но все равно красавица хоть куда. Еще пару лет назад, когда князь задавал пир, она была распорядительницей на женской половине терема. Главным образом, конечно, потому, что после смерти княгини стала приглядывать за Светокой.

— Ого, значит, Крамис и Светока?... — начал было Рубос.

— Они вместе росли, они как брат и сестра.

Когда они подошли к очень красивому, изящному и удобному особнячку на главной площади, напротив сгоревшего дома Сошура, Гергос постучал в дверь. Открыла служанка.

Гергос, ничего ей не объясняя, прошел внутрь и попросил позвать Амираду. Лотар покачал головой:

— Нет надобности никого тревожить, кроме тех, кто нам нужен. — Он повернулся к служанке: — Милая, покажите, где комната господина Крамиса?

Девушка с сомнением посмотрела на Гергоса. Потом тряхнула тугими локонами и вздохнула. Она не знала, как ей следует поступить.

— Я сам, — ответил Гергос.

Крупными шагами они прошли по коридору, поднялись по лестнице и оказались перед дверью в небольшую спальню. Гергос постучал, но ему никто не ответил. Он оглянулся на Лотара, увидел в его глазах нечто, о чем сам Лотар не имел ни малейшего понятия, и резко распахнул дверь. Конечно, она была без запоров. Зачем в собственном доме Крамису могли понадобиться замки?

Они вошли. Комната была небольшой, но уютной, как все в этом доме. Пара книжек на большом столе, на шкафах с разными мальчишескими безделушками — модели парусников. Вот только на стуле перед широкой кроватью совсем не мальчишеская портупея и меч. Меч, впрочем, неухоженный, хотя из хорошей мастерской, решил Лотар.

Крамис проснулся только тогда, когда Гергос потряс его за плечо. Он сел в кровати и растерянно протянул:

— Дядя? — Потом оглядел остальных: — А вы кто?

Гергос отошел и сел на стул у дальней стены. Видно, он решил,

что служба службой, а силы надо беречь. Или действительно очень устал, и ему все время хотелось присесть.

— Эти люди — наемники князя, Крамис. Они хотят задать тебе несколько вопросов.

Крамис сел, свесив с кровати тощие белые ноги. Да, до серьезной службы ему еще далеко, решил Лотар, забыв, что сам он был не намного старше.

— Может, я оденусь?

— Что тут происходит? — раздался властный голос, и в комнату вошла высокая стройная женщина в платье со стоячим воротником. За ней семенила служанка.

— Амирада, — Гергос встал, потом, сделав странную гримасу, сел снова и виновато улыбнулся, — извини, что мы ввалились к тебе в дом с таким грохотом, но этим ребятам не терпится о чем-то спросить Крамиса.

Амирада, приподняв одну бровь, склонила на мгновение голову и подошла к Гергосу, с интересом глядя на Лотара. Больше помех от нее не будет, понял Желтоголовый.

— Ну так я оденусь? — спросил Крамис.

Лотар шагнул вперед.

— Можешь не одеваться, Крамис. До обеда успеешь еще вздремнуть, мы ненадолго. — Он перевел дыхание и спросил: — Вчера ночью ты стоял на посту у потайной калитки?

— Да, я выполнял распоряжение капитана. — Он взглянул на Гергоса.

— Ты выпустил кого-то в город. Что у тебя там произошло?

— Ничего особенного. Поздно ночью к калитке подошел какой-то человек. Он назвал пароль, я выпустил его — все было нормально.

— А приказ не впускать никого в город ты забыл? — В голосе Гергоса послышался такой гнев, что Амирада поразилась, хотя ничего и не сказала.

— Он показал княжескую печатку, сказал, что это очень важно. Кроме того, он назвал пароль.

Лотар встал перед Гергосом, чтобы юноша не отвлекался.

— Постарайся вспомнить, не было ли у него свертка или какого-нибудь предмета, похожего на тарелку?

— Нет. Он сказал, что он гонец, везет какие-то сведения. Когда я утром услышал, что пал замок Бугошита, я решил, что этот человек оттуда. Только мне показалось странным, что он не подъехал к самым воротам.

— А лошадь его ты видел?

— Я не заметил никакой лошади. Если вы уверены, что лошадь у него была, то он, наверное, бросил ее задолго до того, как подошел ко рву.

— Что еще показалось тебе странным?

— То, что его не заметила стража на стене. Но ведь он назвал правильный пароль.

Лотар повернулся к Гергосу:

— Кто придумывает пароли для стражи?

— Я, — ответил капитан дружины.

— И когда они получают новый пароль?

— Часов в шесть вечера, перед первой ночной сменой караулов.

Лотар вздохнул. Драл ехал к Бугошиту прямо из города, иначе он не получил бы пароля. Это еще раз доказывало, что у заговорщиков отличные осведомители. Лотар повернулся к Крамису:

— Подумай, не было ли в этом человеке чего-нибудь необычного?

— Нет. Все было очень просто. Он произнес условные слова, я отозвался, он попросил открыть калитку, я проверил, что он один, и впустил его. Он поблагодарил, что-то буркнул о нелегкой службе тайной почты и ушел.

Лотар перевел взгляд на Сухмета, тот кивнул, что понимает, и ментально чуть-чуть проверил мальчишку. Потом покачал головой. Все нормально, парень не лгал.

Больше они тут ничего выяснить не могли.

— Кстати, как ты узнал, что он стоит у калитки один? — спросил Сухмет.

— В переговорном окне стоит специальное зеркало, в нем видно все, что творится снаружи. И в то же время атаковать через него нельзя. — Крамис улыбнулся. — Очень дельное приспособление.

Сухмет кивнул. Лотар прочитал в его сознании, что есть по крайней мере четыре способа обмануть «дельное приспособление», но сейчас это к делу, похоже, не относилось. Он уже повернулся к выходу, когда Крамис вдруг нахмурился, провел рукой по лбу и воскликнул:

— Подождите, как же я забыл! У него была очень необычная пластина на кирасе. Блестящая, как из серебра, круглой формы. Я таких никогда не видел и спросил, что это. И он ответил, — Крамис вдруг улыбнулся, — сказал, что это новомодная заморская штучка, чтобы слепить противника в драке.

Лотар вздохнул. Они узнали, что хотели. Итак, Гонг Вызова уже в городе. Теперь у них осталось только одно дело — подготовиться к штурму, который непременно будет ночью.

Лотар дошел до двери, когда вдруг сообразил, что за дельные сведения мальчика следует как-нибудь наградить. Но печаль и тяжелое, давящее чувство не позволили ему ничего придумать. Он лишь обернулся и тихо, словно они только вдвоем находились в этой комнате, спросил:

— Знаешь, Крамис, я совершенно не понимаю, почему ты еще жив?

Глава 23

Они шагали по мостовой Мирама, и их шаги гулко отзывались на пустых улицах. Лотару пришло в голову, что такое безлюдье и такое же эхо появляются, когда в город приходит чума или какая-то другая напасть. Например, гигантские каменные собаки, вы-

званные неизвестно кем для того, чтобы установить бесконтрольную власть кучки подлецов, способных на все.

Потом они пошли чуть медленнее, потом совсем медленно. Лотар и не заметил, что все стали подстраиваться к его шагам. Он думал. Наконец он спросил:

— Откуда у него княжеская печатка?

— У кого? — не понял Гергос.

— У Драла. У того, кто пронес в город Гонг.

Гергос кивнул, сосредоточился. Его усталость, серый цвет лица, тусклые глаза на мгновение опять показались какой-то сложной маскировкой, но Лотар отбросил эту мысль. Кому, как не ему, было знать, что Гергос в самом деле работал как проклятый.

— Два месяца назад княжич подхватил какую-то заразу, не очень опасную, но и не самую распространенную у нас. Князь тогда перепугался не на шутку. Когда Капису удалось вылечить его...

— Или юноша сам выздоровел, потому что Капис не очень-то понимал, что с ним делать, — ядовито вставил Сухмет.

Гергос посмотрел на него, словно видел в первый раз, и продолжил:

— ...то князь подарил эту печатку лекарю. На ней есть контур, как на большой городской печати, и она известна каждому мальчишке. А себе князь заказал новую. Вот только не знаю, получил он ее или нет. Через Каписа, вероятно, она и попала к тому, кто протасил в город...

Гергос от досады хлопнул правым кулаком в ладонь левой руки. Лотар кивнул, подумал мгновение:

— Значит, у него абсолютная власть в городе?

— Кого ты имеешь в виду?

На этот раз это было действительно необходимое уточнение. Гергос снова начинал нравиться Лотару, хотя он и чувствовал в этом огромном мирамце, очень похожем на его друга, легкую игру, похожую на фальшь или на маскировку не очень уверенного в себе человека, которому приходится скрывать свою неуверенность.

— Снова я имею в виду Драла.

Гергос покачал головой:

— Вряд ли. Когда начались все эти неприятности, я приказал закрыть город еще и по системе паролей.

— Но эта мера не сработала.

Гергос понял это как упрек себе.

— Крамис невиновен. Я должен был ввести особые знаки для некоторых постов... Да мало ли что можно придумать! Нет, Желтоголовый, если кто-то и должен нести ответственность, то только я.

— Знаешь, я здорово удивился, почему мы ничего не знали об этих паролях, — промямлил Рубос и чуть покровительственно хлопнул Гергоса по плечу. — А ты, оказывается, от нас скрывал, а вот от кого следовало в секрете удержать не сумел.

— Да тут вообще ничего не срабатывает, — вяло огрызнулся капитан мирамских дружинников. — А вам и пароли не нужны, о вас троих каждая собака в городе знает и обсуждает чуть не каждый ваш шаг.

— Мы в самом деле такие... популярные? — Сухмет с шутовским достоинством поправил свою саблю.

Гергос посмотрел на него и вздохнул. Его уже ничто не веселило. Может быть, так и нужно, хотя Лотар считал, что вряд ли стоит так явно демонстрировать безнадежность.

Вдруг в дальнем конце улицы раздались громкие шаги. Один человек, подумал Лотар. Он оглянулся. Шаги стали громче, быстрее, потом человек побежал. Так советовали атаковать некоторые старые учебники восточной тактики боя, которые Лотару пересказывал Сухмет.

Шаги стали оглушительными. Извилистая улочка не давала ни малейшей возможности понять, кто к ним приближался. Гергос вдруг побледнел, выхватил меч. По испугу и тревоге в его глазах Лотар понял, что он знает то, что им неизвестно, — кто собрался на них напасть!

Но колокольчики молчали. Все-таки Лотар расслабил руку, чтобы сразу выхватить Гвинед из ножен, если понадобится. Встревожился и Рубос, а Сухмет — никогда не опасавшийся за себя — встал чуть впереди Лотара.

Это какое-то безумие! Они были готовы биться с неизвестным, который бежал к ним по узкой улочке, грохоча подкованными сапогами, — среди белого дня, в осажденном мародерами, но еще не сдавшемся городе, как... как кучка откровенных трусов! Значит, и они уже ни во что не верят, и в них поселился страх!

Вдруг из-за ближайшего поворота появился молоденький дружинник, не старше Крамиса. Он запыхался, взмок, тащил свое копье, как палку, а в его глазах билось отчаяние. Увидев Гергоса, он затормозил, поднял руку и неестественно громко прокричал:

— Ну наконец-то! Я уже забеспокоился, что опять потерял вас.

Гергос на мгновение закрыл глаза, потом снова открыл. Юноша вдруг остановился шагов за пять до своего капитана. Теперь он с тревогой смотрел на этих четверых воинов, которые откровенно собирались с кем-то драться. Ему и в голову не приходило, что это он так переполошил их.

— Как ты узнал, что мы тут? — В голосе Гергоса появились привычные ворчливые нотки.

— Меня послали за вами. Я поднялся на стену, посмотрел на город и увидел вас — вы вышли из дома Крамиса и пошли по главной площади. Я побежал за вами... А вы тут с мечом.

Гергос не глядя сунул меч в ножны выверенным движением.

— Кто послал тебя?

— Князь. Он желает, чтобы вы присутствовали при его разговоре с господином Кнебергишем. Знаете, он заявился утром прямо в терем.

— Правильно, — шепнул Сухмет так, что его могли услышать только Лотар и Рубос, — я ему так и советовал сделать.

— Мы идем, — кивнул Гергос.

В сопровождении мальчишки, напугавшего их так, что у Сухмета даже пропала охота шутить, они пошли назад по тем же улицам.

Это было не безумие, решил наконец Лотар. И напугал их, конечно, не мальчишка, и не грохот его подкованных сапог, и не его непонятный бег... Хотя что может быть понятнее, чем желание молодого солдата скорее выполнить распоряжение князя?

Нет, их напугало поведение Гергоса. Он что-то знал. Знал, где таится смертельная опасность. Что же это за противник, который расхаживает по городу в обличье обычного человека, но настолько отличается от всех людей, что даже капитан мирамской стражи не надеется с ним справиться?

Что-то смутно знакомое почудилось Лотару во всем этом. Нет ли здесь связи со стремительным перемещением Драла в замке Бугошита? И с его молниеносной реакцией, когда он дрался в темноте с Рубосом? Но откуда Гергос мог знать, что Драл настолько опасен? Ладно, пусть он молчит, решил Лотар. Со временем сами все узнаем.

В княжеский терем их впустили без всяких паролей и сразу провели в приемный зал, где стоял приспособленный для полулежащего положения парадный трон князя. Возле него сидела Светока. Рядом стояли два княжеских носильщика. А перед князем в удобном, роскошном кресле сидел бледный от усталости и волнения Кнебергиш. Он говорил без умолку, и по его тону Лотар сразу понял, как он рад тому, что князь больше не сомневается в его невиновности. Кнебергиш тараторил:

— Вот тогда-то, князь, я и сообразил, что звуки не всегда могут быть осознаваемыми, но мы их все равно слышим, даже если нам кажется, что не слышим.

Князь смотрел на своего старого лекаря, дружески улыбаясь. Губы его были бледнее, чем обычно. После смерти Прачиса они будут такими всегда, подумал Лотар. Наконец князь кивнул и спросил:

— Ничего не понимаю, Кнебергиш, но то, что ты говоришь, может быть, правильно. И что из этого следует?

Кнебергиш посмотрел на князя, услышал, как Гергос, Желтоголовый и остальные вошли в зал, нервно оглянувшись, понял, что по-прежнему в безопасности, облизнул губы и продолжил:

— Итак, мне стало ясно, что звуки влияют на живые существа разнообразнее, чем можно было предположить. Разбираясь с этим, я набрел на описание Гонга. И после этого начались все мои неприятности.

Князь обеспокоенно посмотрел на Светоку.

— Значит, это ты нашел в книге, как изготовить Гонг Вызова?

— Да, только это был такой древний трактат, что я думал, колдовство уже не подействует. И сделал доклад в нашем Обществе знатоков науки и географии. А по дороге домой после этого доклада на меня впервые напали...

Гергос, забыв о правилах приличия в присутствии князя, шагнул вперед и громко спросил:

— О каком нападении ты говоришь, Кнебергиш? Я ничего не знаю.

— Я не мог об этом никому рассказать, капитан. Сейчас впервые рассказываю. — Кнебергиш обвел всех присутствующих светлым, невинным взглядом. — Они попытались меня зарезать, но у меня был пузырь из бараньего желудка, наполненный специальным болезненным газом. Я приснул на них этим газом и убежал.

— Очень любопытное оружие, — пробормотал Рубос за спиной Лотара.

— Через три дня я не стал обедать, увлекшись приготовлением очередной порции питания для тебя, князь, потому что очень много пришлось пробовать сырой моркови. А вечером мой слуга съел эту заветрившуюся ветчину и умер в страшных мучениях. Я произвел вскрытие, и оказалось, что он погиб от сильного яда, от которого в наших краях нет противоядия.

— Мне доложили, что ты убил своего слугу, потому что он хотел предупредить остальных о том, что ты задумал заговор, — пробормотал князь.

— Заговор задумали те, кто тебе докладывал, князь. А мне пришлось совсем худо, когда в третий раз...

— Тебе не могло все это привидеться, лекарь? — вдруг сурово спросил Гергос. Он, по-видимому, не совсем доверял Кнебергишу.

— У меня есть журнал вскрытия, капитан, — ответил врач. — Кроме того, было еще и третье покушение. Они напали на меня, когда я уже почти закончил модель Гонга...

— Значит, первый Гонг все-таки изготовил ты! — загрохотал Гергос. — Я так и думал. Уж слишком этот Капис бестолковый, чтобы сделать такую штуку.

— Конечно, его сделал я, — не смутившись, ответил Кнебергиш.

— Это и есть главное доказательство твоего злоумышления, лекарь. Ваша светлость, прикажите арестовать его, — обратился Гергос к князю.

Князь сделал слабый жест рукой. Ему хотелось послушать Кнебергиша, вмешательство капитана было неуместным.

— Я вовсе не собирался злоумышлять против кого бы то ни было, — удивленно ответил Кнебергиш. — Я ставил эксперименты. Неужели непонятно — это не может послужить причиной для преследования, потому что зло причинили другие люди.

— Кто?

— Этого я не знаю. Полагаю, это должен выяснить ты. — И Кнебергиш прямо посмотрел на Гергоса.

— Продолжай, Кнебергиш, — сказал князь. — Я не совсем понял, кто напал на тебя в третий раз.

— Они вошли в мою мастерскую, когда я был там один. Я уже простился с жизнью, но они... Князь, я слышал, как они звякали

оружием, они были готовы убить меня, я понял это по их разговорам. Но они... не нашли меня. И я их тоже не увидел.

Гергос посмотрел на лекаря как на сумасшедшего, потом перевел взгляд на князя:

— Звучит как беспомощная ложь.

Лотар быстро взглянул на Сухмета. Восточник стоял у стены и был так бледен, что издалека мог сойти за статую. Но старик верил тому, что рассказывал Кнебергиш. И Лотару тоже осталось только поверить, как бы странно это ни звучало.

— Они бродили около меня, я чувствовал, как они дышали мне на ухо, но я не видел их, а они не видели меня. — Лекарь на мгновение задумался. — Впрочем, у меня сложилось впечатление, что если бы они на меня наткнулись, то смогли бы убить. Вернее, сообразили бы, куда нанести удар.

Князь потряс головой и посмотрел на Светоку, которая на удивление приветливо рассматривала Кнебергиша. Она, кажется, не совсем понимала, что он говорил, но ей нравился звук его голоса.

— В общем, князь, я остался жив, хотя не знаю почему. Спустила какое-то время, когда я вернулся за своим Гонгом, решив, что банда убийц, не найдя меня, все-таки ушла, его уже не было. Кроме того, вынужден признаться, нервы мои не выдержали, и я удрал из города, где возможно такое, чему нет объяснения.

Все замолчали. Лотар подошел к лекарю поближе и спросил, стараясь говорить так, чтобы вопрос был хорошо слышен князю:

— С этим мы, возможно, когда-нибудь разберемся, лекарь. А может быть, никогда не узнаем, что произошло с тобой. Не это сейчас важно. — Лотар помедлил, стараясь найти точные слова. — Ты изготовил первый Гонг, из-за которого стала возможна магия вызывания собак.

— Еще раз повторяю, чужеземец, — заголосил Кнебергиш, — я ставил научный эксперимент! За это не судят!

— Судят, если результат приносит вред людям, — холодно ответил Лотар, но тут же продолжил: — Но опять же не это сейчас важно, и я тебя не обвиняю ни в чем. Важно другое — ты знаешь что-то, что поможет нам вычислить Гонг или, может быть, испортит его на расстоянии.

Кнебергиш пожевал губами, посмотрел невидящим взглядом в потолок. Потом встал, прошелся перед князем, потер сухие ладони.

— Нет, испортить его на расстоянии невозможно. Я ведь не очень понимаю принцип, по которому он устроен. Я ученый, а не колдун...

— Это мы слышали сегодня уже раз пять, — не очень почтительно прервал его Лотар. — Подумай, Кнебергиш, что заставит Гонг замолчать?

— Это невозможно, он в любом случае начнет «шептать», когда на него упадут лучи Зо-Мур.

— А сколько она еще будет стоять на небосклоне? — спросил

Лотар, пораженный вдруг такой очевидной мыслью. — Может, она пойдет за горизонт раньше, чем они успеют вызвать собак?

— По-моему, напрасные надежды. Звезда простоит на небосклоне всю эту ночь. И лишь завтра — и то не уверен — ее лучи станут слабее, чем нужно для того, чтобы привести собак в бешенство.

Мельком Лотар увидел чуть обиженное лицо Сухмета. А ведь и правда, подумал он, глупо получилось, если бы такая возможность существовала, восточник предупредил бы меня. Ведь как астролог, он, без сомнения, гораздо сильнее этого лекаря, в котором невежество смешано со способностью делать удивительные открытия.

— Ну ладно, — сказал Лотар, — тогда попробуй ответить, что нужно, чтобы Гонг заработал в полную силу?

Лекарь подумал, посмотрел в потолок, сел в свое кресло и усталым тоном произнес:

— Не знаю, поможет ли это тебе, но между поверхностью Гонга и камнем не должно быть никакого препятствия. Лучи Зо-Мур должны как бы отразиться от него, как от зеркала, а потом упасть на камень, иначе собаки не найдут пути в наш мир.

Вот оно, решил Лотар. Наверное, за это тебя и изгнали из города — боялись, что об этом узнают защитники города. Желтоголовый посмотрел на Гергоса, стараясь угадать, понял ли он.

— Капитан, — начал он, стараясь быть официальным, — до камня от города не так уж близко. Если расставить посты на всех высоких точках города...

— А ведь правильно, — сказал князь. Он повернулся к Гергосу и добавил со слабой улыбкой: — Нужно продержаться всего одну ночь. Я почему-то верю этому Желтоголовому. Сделайте так, чтобы собаки не нашли путь в наш мир, как сказал мой верный Кнебергиш. Перекрой всеми имеющимися у тебя силами высокие здания, и они не сумеют вызвать собак. А без них у нас есть надежда отбиться от мародеров.

В глазах Гергоса загорелась решимость.

Этот сделает, подумал Лотар. Но на всякий случай еще раз произнес как заклинание:

— Да, прикажи блокировать все высокие здания, с которых может быть виден камень.

Гергос кивнул.

— Если мне будет позволено оставить тебя, князь...

— Конечно, ступай, Гергос. — Князь определенно повеселел.

Как ни странно, все они, даже, кажется, Лотар, зарядились уверенностью от этого больного, умирающего человека.

Выпрямившись и высоко подняв голову, Гергос широким шагом вышел из зала. Лотар повернулся к князю:

— Ваша светлость, я не знаю, кто теперь командует в твоём тереме, но мне хотелось бы сказать ему, что из верхних окон той башни, в которой устроена библиотека, отлично виден камень и легко можно поймать лучи Зо-Мур.

— Обороной терема, наверное, придется заняться мне само-

му, — проворчал князь. Сожаления в его голосе не было, но он опасно посмотрел на Светоку. Княжна, впрочем, никак на это не отреагировала, она задумчиво смотрела на Рубоса.

Рубос выступил вперед.

— Ну, терем будут сторожить аккуратно, Лотар. По-моему, нужно заняться другими домами.

— И стенами, — добавил Сухмет. — Это очень маловероятно, но... меня смущает способность некоторых наших противников оставаться невидимыми. — Он посмотрел на Кнебергиша.

Старый лекарь, довольный произведенным впечатлением, кивнул.

— Иногда мне и самому кажется, что этого вообще быть не могло. Но я свидетельствую своим честным именем — это было.

Сухмет, князь, Светока и Рубос посмотрели на Лотара. Желтоголовый кивнул:

— Да, я понимаю. Это еще больше все запутывает. Хотя, — он вздохнул, — мы не справились и с прежними загадками, а на подходе уже новые.

Глава 24

Кнебергиш долго о чем-то разговаривал с князем, а потом удалился с ним и Светокой в княжескую опочивальню. Солнце уже стало клониться к горизонту, Гергос давно ушел к своим солдатам, а Кнебергиша все не было.

Должно быть, он осматривал Тизуна, проверял, как без него тут кормил князя Капис, или взялся за какие-нибудь другие мелкие обязанности, которые считал необходимым выполнить. Лотар, Сухмет и Рубос ждали его в одной из приемных рядом с главным выходом из терема.

Рубос, который плохо переносил любое бездействие, которое не заканчивалось битвой, рассказывал из угла в угол, пока Сухмет не попросил его успокоиться. Лотар притворялся, что дремлет, примостившись на заваленном восточными подушками диванчике, а Сухмет, обычно нервный и напряженный, вдруг с удовольствием занялся медитацией, устроившись прямо на полу в углу приемной. Так как других гостей в тереме Тизуна не было, это экстравагантное занятие никого не могло удивить, кроме нескольких дружинников.

Рубос, с опаской поглядев на неподвижного Сухмета, все-таки встал и прошелся по комнате. Остановился, посмотрел на узкое окошко под потолком, в котором виднелось только облако, тающее в голубой бездне.

— Может, мы зря его ждем? — спросил он.

Лотар, не открывая глаза, ответил:

— Не думаю. Он может знать что-то еще, за что его пытались убить из города.

— Убить, ты хочешь сказать?

— У меня такое впечатление, что убить его хотел кто-то дру-

гой, не тот, кто изгнал из Мирама. А когда он оказался за городом, то и покушения прекратились, потому что он недоступен убийце.

— Их было несколько. — Рубос многозначительно поднял палец.

— Разумеется, но приказывал кто-то один.

Рубос опять стал ходить по комнате, забыв о просьбе Сухмета.

— Но мы же все узнали, Лотар. Узнали, почему за ним охотились. Ты сам признал, что за знание линейного отражения лучей Зо-Мур, как сказал Сухмет, его вполне могли атаковать.

— Мы нашли одну причину, Рубос. Но это совсем не значит, что нет второй, а может, и третьей. А мне нужно знать все, иначе я не могу вычислить того, кто...

Они услышали осторожные шаги. На лестнице, ведущей из княжеской части терема, появился Кнебергиш. Он получил в подарок от князя внушительный посох, сделанный из северной резной кости и украшенный серебром. Лотар вспомнил, что такой посох означает, что его владелец находится под особым покровительством князя. Бывали случаи, когда разбойники отступали перед тем, кто находился под защитой такого жезла.

Увидев ожидающих его наемников, Кнебергиш устало улыбнулся.

— Наконец-то все мои «преступления» признаны мнимыми. Я снова полноправный гражданин Мирама и личный лекарь его светлости князя Тизуна. — Он спустился вниз, тяжело опираясь на свой жезл, как на обычную трость. — И все благодаря вам, мои друзья.

— Ты можешь уделить нам еще немного времени? — спросил Лотар. — В знак того, что мы стали друзьями.

— Сколько угодно, — пылко заявил Кнебергиш.

Сухмет, который вышел-таки из своей медитации и сумел подняться, разминая одеревеневшие ноги, подошел к ним и сразу включился в разговор, хотя и немного не впопад:

— Твой дом сожжен и разграблен, многознающий Кнебергиш. И мне кажется, тебе лучше всего отдохнуть в трактире Шува, где остановились мы. Это недалеко, через площадь.

— Трактир Шuva? Это такой сморщенный молодой человек?

— Ну, не совсем молодой, — подхватил разговор Рубос, — но и впрямь сморщенный.

— Вообще-то князь предложил мне пожить у него в тереме, пока мой дом восстановят.

— В трактире спокойнее, — подсказал Сухмет.

— Но у меня пока нет денег. Я ничего не получил, и...

— Шув с удовольствием откроет тебе кредит, едва ты покажешь ему этот посох, — уверил его Рубос.

Кнебергиш горделиво оглядел подарок князя и хмыкнул:

— Да, теперь это многое изменит.

Они пересекли площадь, подлаживаясь под неторопливые, неловкие шаги врачевателя, вошли в трактир, уселись за столы и, пока Шув выставлял перед ними яства, продолжили разговор.

Ополаскивая руки в лохани, принесенной служанкой, Кнебергиш внимательно посмотрел на Лотара и спросил:

— И все-таки, друзья, я не понимаю, что вы от меня хотите? Я, кажется, сказал все, что знал...

— Не сомневаюсь. Но убийство и попытка выгнать из города — разные вещи. Я думаю, что изгнать и убить тебя хотели по разным причинам. Следовательно, кроме Гонга и звезды, ты наверняка знаешь еще что-то, пусть это даже и не кажется тебе важным.

Голодными глазами Кнебергиш проследил за студнем из свинных ножек, который один из поварят Шува поставил на середину стола.

— Даже не догадываюсь, о чем ты говоришь, юноша.

— Подумай, Кнебергиш. Это может быть связано и с тем странным покушением, когда убийцы не нашли тебя, а ты их так и не увидел...

Вдруг из-за стола в темном углу поднялся господин Курбан. Он сидел там так тихо и так незаметно, что наемники только теперь увидели его. Заметил его и Кнебергиш. Но на врача вид заморского путешественника произвел совершенно поразительное впечатление. Забыв о еде, он привстал, рот его приоткрылся. Он словно пытался что-то сказать, но не издал ни звука. Руки его задрожали, а в глазах забились страшная тревога.

— Что такое? — спросил Рубос, который не сразу понял, в чем дело.

— Этот... этот человек! — трясущимся пальцем Кнебергиш указал на спину Курбана, исчезающего за поворотом лестницы, ведущей к комнатам постояльцев. — Как он тут?.. Почему же вы его?..

— Ты его знаешь? — хладнокровно спросил лекаря Сухмет.

— Да, кто это? — спросил и Рубос. Его рука как бы ненароком легла на рукоять меча.

— Когда-то Капис завел со мной странный разговор, убеждая примкнуть к какому-то предприятию. Говорил, что дело верное, потому что он нанял демона... Тогда я не придавал этому значения, каждый неудачливый врачеватель болтает о демонах, которые ему служат. Но в пещере понял, что частица правды в этом могла быть. И я даже решил, что именно этот человек и есть тот дем... то существо, о котором говорил Капис. Их много раз видели вместе, они занимались чем-то в библиотеке князя, когда меня окончательно выгнали отсюда.

Лотар, за ним Рубос, а за ними и Сухмет, не дослушав почтенного старикана, рванулись вперед к лестнице, на которой только что исчез Курбан.

Дверь в комнату восточного торговца редкостями оказалась, разумеется, запертой.

— Ну что? — спросил Рубос с тайной надеждой.

— Ломаем, — твердо решил Лотар.

Сухмет отстранил его и присел у хитрого замка.

— Жаль ломать такую интересную вещь.

— Времени нет, — ответил Лотар и ударил ногой в дверь.

На первый взгляд казалось, что дверь в комнату Курбана может открыть любой взломщик-недоучка, однако она оказалась крепче, чем можно было ожидать. Лишь когда Шув, последовавший за наемниками, притащил огромный топор, больше похожий на секиру, они взломали дверь и вошли в комнату.

— Осторожно, — предупредил Сухмет, когда Лотар шагнул через порог. — Тут могут быть разные штуки.

Но никаких особенных штук не оказалось. Комната была пуста. Исчезли даже несколько сундуков и кое-какие залитые прозрачной смолой диковинки. Зато повсюду валялись старинные манускрипты, написанные такими знаками, о которых, похоже, даже Сухмет забыл.

Конечно, господина Курбана здесь не было. Сухмет быстро проверил все подоконники в комнате, но лишь крикнул от досады. Если Курбан и сбежал из комнаты, то, безусловно, выбрал способ похитрее.

Когда возбуждение от взлома и ожидания поединка потихоньку улеглось, Лотар осмотрелся внимательнее. Поднял открытую на середине книгу, убедился, что читать ее не может, и отдал Сухмету, который сидел на диване и рассматривал какой-то мешочек, похожий на северный магический амулет.

— Знаешь, Сухмет, тебе придется повторить тот же трюк, который помог найти в библиотеке Каписа книгу о Гонге. И сделать это нужно до вечера, пока еще нет собак.

Сухмет осмотрел несколько десятков томиков и покачал головой.

— Здесь труднее работать, чем в библиотеке, господин мой. Тут все следы стерты, и очень умело. — Он провел рукой в воздухе, сосредоточиваясь на своих ощущениях. — Да, в высшей степени умело, я бы сказал.

— Но тут и книг меньше.

— Пожалуй. — Сухмет вздохнул, посмотрел на вспотевшего от волнения Шува, тяжело дышащего от усиленной работы секирой Рубоса и твердо произнес: — Тогда пусть лишние оставят это поделение, а то своим фоном они забьют все, что еще можно определить.

— Я первый выйду, если нужно, — сказал Лотар.

— Нет, господин, ты лучше останься — в крайнем случае можешь энергией.

Рубос посмотрел на Шува, который выглядел уже из-за порога.

— Я не хотел бы уходить далеко.

— А далеко и не нужно. Просто выйди в коридор, этого достаточно.

Мираец кивнул и встал рядом с Шувом.

Сухмет сосредоточился. Лотар отчетливо увидел, как изменился цвет его ауры. Она стала тоньше и в то же время чувствительней. Этим магическим инструментом, изначально присущим каж-

дому живому существу, Сухмет собирался пройтись по всему, что было в этой комнате.

Потом он задышал громче и чаще, его сознание стало прозрачным и очень чутким. Лотар даже удивился, насколько совершенна техника психических реакций у бывшего раба. За считанные секунды он привел себя в состояние, к которому Лотару пришлось бы готовиться не менее часа.

Сухмет стал отстраненным, словно и не вполне жил в этом мире. Потом шагнул, как сомнамбула, в сторону, вперед, сделал несколько шагов назад. Вдруг легко, как ветер пролетает по вечерней траве, подошел к одной из рукописей и начал ее читать.

Но в таком состоянии читать ему было очень трудно. Он получал информацию по каким-то другим каналам, и чтение — самый человеческий из всех видов медитации — откровенно не совпадало с его настройкой на что-то таинственное и высокое. Прошло почти полчаса, прежде чем он отложил эту книгу в сторону и перешел к какому-то манускрипту в дальний угол комнаты.

Здесь он попытался чуть-чуть изменить сознание, чтобы вспомнить или даже выучить заново, используя глубокие пласты прежних своих знаний, тот язык, на котором этот текст был написан. Это ему удалось. За окном уже стало смеркаться.

Лотар было подумал, что они напрасно теряют время, но Сухмет бросил на него обжигающий гневом взгляд — мысли о неудаче могли разрушить тонкую ткань Сухметовой магии.

Как ни жаль, но и второй манускрипт не содержал ни малейшего намека на ответ. Вся труднейшая, изящнейшая, квалифицированная работа Сухмета оказалась напрасной.

И лишь в четвертый раз, когда восточник принялся читать что-то, совсем уж не сулящее надежды, как понял Лотар его состояние, воздух в комнате вдруг дрогнул. Если это было и не совсем то, что нужно, то очень-очень близкое.

Лотар оглянулся на взломанную дверь. Рубос сидел на полу с секирой на коленях. Шув устроился на принесенном снизу табурете и держал одну тонюсенькую свечку. Из кармана его сюртука торчала дюжина таких же свечек. Он готов был сидеть хоть всю ночь.

— Интересно, — произнес наконец Сухмет надтреснутым от усталости, еще отстраненным голосом. — Оказывается, эта штука названа Колоколом Времени. И тут говорится: «...помимо того что это магическое сооружение не дает выйти за него каждому, кто не знаком с оборонительной магией Секми-Раша...»

Внезапно он почувствовал, насколько устал. Оглянулся, увидел диван, сел на него и поднял книгу, стараясь осветить ее темные страницы последними лучами из гаснущего окна.

— От себя замечу, господин мой, что этот раздел относится едва ли не к самой черной и секретной из боевых магий Подсмертного слоя миров, и ссылаться на нее — все равно что ссылаться на то, что никогда не происходит дважды. — Восточник слабо улыбнулся бледными губами, хотя от такой шутки не получили бы удовольствие даже математики. — Так-с... Дальше вот что: «Он —

то есть Колокол — ограничивает пространство и накапливает в его пределах зло, вырабатываемое людьми и животными, растениями и стихиями, духами и пришедшими туда демонами...» Которое, опять же позволю себе небольшой комментарий, в обычном состоянии, благодаря священному правилу Демиурга, рассеивается и перестает быть опасным. — Сухмет задумчиво перевел взгляд на свечу в руке Шува. — Эй, трактирщик, что же ты держишь свечу там, когда она нужна мне здесь?

Шув со всех ног бросился к Сухмету и поднял свечку над его плечом, чтобы восточнику было удобнее читать. Сухмет посмотрел на нижнюю правую часть переплета.

— Так и есть, это руководство, написанное задом наперед. — Он, извиняясь, улыбнулся Лотару. — Пока я был в том состоянии, я этого не заметил. Этот текст — кстати, один из самых редких, какие только можно сыскать в этом мире, — способен из любого мало-мальски одаренного мага сделать демона Жалына.

— Что это такое? — спросил Рубос, подходя поближе к восточнику, чтобы лучше слышать его. Он сообразил, что поиски, кажется, закончились, следовательно, он вполне может войти в комнату Курбана.

— Это существо, остающееся в сумеречной, серой зоне между обоими цветами магий благодаря тому, что управляет временем. Собственно, в мире может быть несколько демонов, обернувших время против его нормального хода, но лишь один из них способен стать Жалыном и научиться создавать магию Колокола Времени. Эти Жалыны практически не умирают. За все время существования мира было только четыре таких верховных существа... Вот я и забыл о них. То, что очень редко встречается, трудно запомнить.

— Хорошо. Что еще может этот Колокол Времени? — спросил Лотар.

— Он дает возможность таким демонам предвидеть действия отдельных людей. И даже позволяет Жалыну передавать людям или нелюдям часть своей власти над временем.

— Подождите, — взмолился вдруг Рубос, — я не все понимаю. Мне попроще, поконкретней. Так ты говоришь, демон Жалын — это Курбан?

Сухмет кивнул:

— Скорее всего, да.

— И он был нанят Каписом, чтобы устроить тут Колокол Времени? — спросил Лотар.

— Да.

— Хорошо, — сказал Рубос, но тут же смутился. — Вернее, ничего хорошего...

— В чем выражается способность Жалына предвидеть события и поступки отдельных людей? И как он может передавать часть своей силы людям? — продолжал расспрашивать Лотар.

— О, возможности, которые открывает эта магия, огромны. Например, он может позволить некоторым людям двигаться быстрее других, правда, от этого они быстрее стареют... Ручьям и

рекам он придаст возможность течь со скоростью света звезд, камням разрешает меняться и даже самостоятельно передвигаться по поверхности...

— Камни — это очень интересно, Сухмет, особенно в этом городе. Но куда он сейчас подевался?

— Это просто. Время дает возможность сворачивать пространство таким образом, что в шкатулке может поместиться мир, а в огромном поле будет мало места для единственной сосновой иголки. Это называется Карманами Ничего. В одном из таких Карманов он сейчас и скрылся. Вероятно, Карман был у него подготовлен заранее, потому что создавать вход в него — очень сложная, кропотливая и долгая работа, которая у самого искусного времяводителя займет не один день. Это по нашему исчислению. Сколько в действительности, я не хочу даже предполагать.

Лотар вздохнул и перевел взгляд на Шува. Тот смотрел на восточника с восхищением, словно он рассказывал трактирщику самые прекрасные истории на свете. Лотар поправил налобную пластину и подумал, что хорошо бы выпить разбавленного сидра, но гонять Шува вниз не стал.

— Так, а насколько все-таки он может предвидеть наши поступки?

— Ну, — Сухмет надул щеки и задумчиво потрогал свой ошейник, — на самом деле не совсем предвидеть. Правильно определить комбинацию событий вокруг отдельного человека не менее трудно, чем выиграть у меня в шахматы. Хотя, несомненно, он пытался это сделать, иначе и быть не может. Но, скорее всего, чаще промахивался, чем попадал, пытаясь угадать наши действия. Если ты позволишь и если у нас будет время, мы позже проанализируем наши ходы с этой точки зрения.

Философские рассуждения Сухмета могли оказаться полезными, но сейчас настала пора переходить к действиям.

— Будет время, мы непременно этим займемся. Сейчас важнее вот что — где он может появиться? Где он вынырнет из своего Кармана Ничто?

— Лишь там, где спрятался, — то есть здесь.

— Значит, если его подождать...

— Бесполезно, господин, он может выйти из Кармана через столько времени, что даже окрестные горы успеют обратиться в плоские равнины, а потом легко вернется в этот мир через другой Карман, но уже в другом, более безопасном для него месте. Так что...

— Значит, он неуловим?

Рубос осторожно звякнул мечом, привлекая к себе внимание.

— И все-таки я не понимаю. Если он такой всемогущий, почему он не может вернуться на несколько часов назад и упредить некоторые наши шаги?

— Может, но делать этого он не станет, потому что существует вариативность и необратимость происшедшего, а это совсем разные вещи. — Сухмет улыбнулся. — Не расстраивайся, Рубос, не

ты один этого не понимаешь. Даже высоколбые философы не постигли эту проблему. Кроме того, — Сухмет отложил книгу и поднялся с дивана, — по некоторым законам это ему невыгодно. Он наложит на одни свои действия другие действия, а это... В общем, это опасно настолько, что мы окажемся для него уже и не главными врагами.

Лотар проверил портупею. Все, что можно было узнать, они, похоже, узнали. Нужно было двигаться дальше. Напоследок Лотар все-таки спросил:

— Он мог бы вывести нас на главного заговорщика?

— Без сомнения. Роли всех людей он должен знать наизусть, иначе не сумеет предвидеть даже ближайшую собачью свадьбу на соседнем дворе.

— Тогда он неуловим, — вздохнул Рубос.

— Да, он очень сильный демон, Рубос, но не всемогущий. И вполне уловим, но только в том случае, если нам удастся отсечь его от подготовленных путей отхода.

— Ясно. Жаль, ты не вспомнил об этом, когда мы набрели на край Колокола Времени.

Лотар вдруг подошел к окну и одним движением распахнул его. Где-то далеко, на стенах, истошно орали:

— Тревога!

— Наконец-то, — пробормотал Рубос, направляясь к лестнице вниз, — явились, голубчики. Что же, милости просим.

Глава 25

Они вылетели на улицу, как стая летучих мышей. Осмотрелись. Пока все было спокойно, но за этим спокойствием чувствовалось напряжение, от которого хотелось избавиться любой ценой, даже ценой безумной, разрушительной ярости. Вот этого, решил Лотар, делать нельзя ни в коем случае. Они могут превратиться в обыкновенных рубак, а им надлежит думать. Ошибаться уже сейчас нельзя.

Они пошли по улицам. Их шаги звучали громко, как все теперь тут звучало, и потому сохранять трезвую голову стало труднее. Лотар попробовал идти медленнее и настроиться на волну человеческих переживаний, веером поднимающихся над Мираном. Это было нелегко, но он знал, что должен это сделать.

Жуть, от которой сжималось сердце и скручивало в тугой узел живот, страх, удушливый, как кошмарный сон, кислый запах застарелой ненависти, накопившейся тут в невероятном количестве, и скрытые, но очень значительные волны подавленной боли прокатывались над городом, как ветер прокатывается над ковыльной степью. Все это настолько сгустило воздух, что стало тяжело дышать, не то что двигаться.

К тому же все явственнее становился «шепот», тот самый, к которому они должны были подготовиться.

— Рубос... — Оборвав себя, Лотар повернулся к Сухмету: — Сухмет, может, пора затыкать уши твоим наговоренным воском?

— Если только мирамцу... — пробормотал Сухмет, думая о чем-то своем.

— Ну уж нет, — со свирепой радостью отказался Рубос. — Сейчас, когда я знаю, что это такое, оно меня только вдохновляет, а не останавливает.

Лотар посмотрел на Сухмета, и тот кивнул — да, даже их Рубос стал привыкать к этому звуку. И скоро, если не остановить негодяев, тут не останется ни одного не зараженного всеобщим безумием человека. Если позволить им победить... А ведь они победят, если Лотар не поймет того, что должен понять.

Они вышли к трем высоким зданиям. Это были ратуша, местная морская биржа и еще какой-то дом. На мостовой перед ними и на крышах Лотар увидел застывших в напряженном ожидании стражников. Тут все было в порядке. Вот разве что от стражников было же гораздо больше пользы на стенах...

Где же стоял этот Гонг, откуда звучал этот «шепот»?

Лотар вдруг представил себе три или четыре десятка рядов ухожженных мирамских домов, которые отделяли его от ворот, где собаки, судя по звукам, уже начали рвать контрфорсы. Он слышал тяжелые удары каменных глыб о камень, грохот сокрушаемой кладки, отчаянные вопли людей...

— Стойте, мы не то делаем, — сказал он и замер на месте.

Нетерпение Рубоса было так велико, он так разогнал себя, что вынужден был описать широкий круг, чтобы вернуться к замершему на месте Лотару.

— Что еще?

— Откуда они вызвали собак — вот о чем следует думать, Рубос, а не рваться на стены. Мне кажется, это как раз то, что приведет их к победе. Их, а не нас.

Рубос гулко проглотил слюну. Он старался взять себя в руки, избавлялся от запрограммированности, которую вызывал этот «шепот», этот скрежет и вой собак, вся эта магия.

— Хорошо, возможно, ты прав. Четверть часа ничего не решит — думай, я подожду.

— Где они могут установить Гонг?

— Мне кажется, господин мой, — негромко произнес Сухмет, — где угодно.

— Нет-нет, им труднее изменить план, чем нам обнаружить его. Поэтому...

И тогда Лотар отошел к стене, прислонился к ней спиной, поднял голову, чтобы видеть звезды над собой. Это было самое странное действие — остановиться вот с таким отрешенным видом, рассматривать звезды, когда где-то орали нападавшие, стены тресали под напором чудовищных псов, а вокруг медленно, но верно нарастала паника.

Даже Сухмет не понимал сейчас Желтоголового. Он подошел к Лотару и легонько дернул несколько раз за рукав. Лотар освободи-

дил руку, чтобы ничто не отвлекало его от поиска единственно правильного решения.

Но он успокоил дыхание, очистил сознание, отвлекся от оценок всего, что вокруг происходило. И спросил себя... Да, вопрос и был, вероятно, самой важной вещью на свете. Он сделал еще одно усилие — и вопрос прозвучал:

— Значит, так. Нужно думать не о возможности, а о цели. Какова их цель?

Мимо пробежало два десятка солдат, их вел куда-то торопливый, теряющий голову, потный полусотник. Напряжение становилось невыносимым.

— Им нужно разрушить терем князя и убить его... Как они сделали с Бугошитом. — Лотар подумал. — Да, этого же они хотят и сейчас.

— Хотят убить и Светоку? — спросил Рубос.

— Скорее всего, да. — Лотар мысленно перенесся в терем, в те залы, по которым он ходил, в эту огромную каменную коробку, начиненную людьми, их делами, их жизнями и вещами, от которых они зависели. — Как можно вызвать туда собак?

— Терем велик, господин. Пока мы будем его осматривать, собаки ворвутся в город, и тогда мы уже ничего не успеем сделать. — Голос Сухмета не просто стал тихим, он осип. Интересно, почему?

— Нет, мы знаем, откуда можно вызвать собак, потому что Капис уже спланировал это.

Не отходя от реальности слишком далеко, приказал он себе. Это рискованно — совсем не испытывать волнения, не чувствовать опасности ситуации. Немало превосходных воинов погибло, потому что в решающий момент не сумели побеспокоиться о своей жизни.

— Комната Каписа запечатана тревожным заклятьем. Если бы туда кто-то вошел, мы бы уже знали. Я бы почувствовал это, даже находясь на другом конце мира, — мерно, как шум прибоя, отвечал Сухмет.

— Значит, — решил Лотар, на мгновение сосредоточиваясь, — не отсюда. Они установили Гонг... Рубос, догони и верни пробежавших мимо солдат. Прибавь к ним тех, кто стоит тут на страже, — здесь им делать больше нечего.

— Они не подчинятся мне, у них приказ...

— Приказывай именем князя. И быстро, иначе будет поздно.

Теперь Лотар понял то, что должен был понять уже давно. Да, все было просто и ясно. Теперь нужно вернуться в нормальное состояние. И действовать. Действовать, пока не поздно.

Он похлопал глазами, глубоко вдохнул, проверил Гвинед за плечом и не без труда, но уже с надеждой улыбнулся Сухмету, который склонился над ним. Оказалось, расслабляясь, Лотар сел у стены на корточки. Он провел рукой по лицу и, стараясь вернуть нормальное кровообращение, резко подвигал руками и ногами.

— Нужно будет потренировать такие неглубокие медитации и

быстрые выходы из них, — сказал он слегка обеспокоенному Сухмету.

— Если у нас будет такая возможность.

— Будет. Я, кажется, понял, кто возглавляет всю эту бучу.

— Кто?

Лотар усмехнулся:

— Скоро ты его увидишь.

Солдаты во главе со взводным и Рубосом подошли с таким видом, словно их заставили участвовать в заговоре. Пока Рубос собирал дружинников, расставленных по ратуше, корабельной бирже и по всем окрестным домам, полусотник пристал к Лотару:

— Послушай, колдун, если ты наврал, что действуешь от имени князя, я самолично отрублю твою гнилую голову, понял?

— А вот грубить совсем необязательно, — ответил Лотар. — Этого-то они как раз и добиваются.

— И я не посмотрю, что ты зарубил Костолома или один бросался на толпу...

Полусотник распалился, пора было остановить его. Тут, к счастью, подбежал Рубос, сразу оценил обстановку и пророкотал:

— А ну, сверчок гарнизонный, молчать! Смирно! Иначе, если и переживешь эту ночь, завтра будешь за нарушение дисциплины болтаться в петле у главных ворот!

Это подействовало. Взводный встал прямо, и в его глазах появилось понимание.

Оказалось, что Рубос привел еще людей. Теперь их было почти четыре десятка. Больше быстро не собрать. Но и этого может хватить, если все пойдет как надо.

— Значит, так — слушать его! — приказал Рубос и ткнул пальцем в Лотара.

Лотар посмотрел на солдат:

— Ребята, я получил сведения, кто является врагом города и кто поднял этот мятеж. Они удерживают князя, наша задача — освободить его. — Лотар подумал и на всякий случай добавил: — Учтите, некоторые из тех, кого вы знаете по казарме, перешли на сторону мятежников. Но вы их легко узнаете.

— Как? — спросил присмиривший полусотник.

На этот вопрос у Лотара ответа пока не было.

— Пока не знаю, — честно сказал он. — Но поймете... мы все пойдем, как только окажемся на месте. Итак, вперед, за Мирам, за князя!

Они побежали по улицам, не очень быстро, чтобы соблюдать строй. Конечно, все они были не очень хорошо тренированы, и строй скоро сбился бы, но и бежать было недалеко.

— Только бы не опоздать, только бы не оказаться там слишком поздно, — проговорил Лотар, и его слышали многие.

На бегу он отметил, что теперь собачий визг раздавался и у западной стены. Впрочем, визгом это назвать было уже нельзя. От пронзительных и тяжелых звуков, казалось, содрогались звезды.

Терем был ярко освещен. Парадные двери широко распахну-

ты. На высоком крыльце стоял Гергос. Около него смутно маячила еще какая-то фигура, которая показалась Лотару знакомой.

И что-то еще было в этих фигурах такое, что заставило настояться даже самых беспечных и юных солдатиков. Лотар уже знал, что это, и без сомнения обхватил рукоять Гвинеды.

Лицо капитана мирамской дружины было бледным, глаза неестественно блестя. И хотя на лбу у него выступили крупные капли пота, в жестах, в осанке не чувствовалось и тени той усталости, что была сегодня днем. Наоборот, и он, и его таинственный помощник, казалось, едва сдерживали бьющую через край энергию.

Гергос внимательно посмотрел на приближающихся к терему людей. На его губах появилась и тут же погасла враждебная улыбка.

— Это штурм?

Неожиданно колокольчик тревоги зазвенел мерно и уверенно. Лотар уже знал, что ошибки быть не может.

— Я знаю, откуда идет звук вызова. Гергос, прикажи атаковать...

Но капитан мирамских дружинников больше не собирался играть в прятки. Неуловимым, как взмах совиного крыла, движением он открыл створки двери княжеского терема, и оттуда, как муравьи, посыпались какие-то люди в рваной одежде, в тряпье, в обносках. Лица их были грубы, как писали в старых романах, с печатью порока. У многих — признаки постыдных болезней...

Это было отребье, человеческая пена Мирама, самый низменный, подлый и отвратительный слой.

— Все на всех! — орали они. — Угнетенные — вместе!

Не угнетенные, а лентяи, бездельники, уголовный сброд и преступники, они еще делали вид, что выступают в защиту каких-то идей.

Однако эта разношерстная компания была хорошо вооружена, да и передвигались они так, как в мечтах всех сержантов должны двигаться хорошо обученные воины, — быстро, изумительно точно, с неукротимой силой и волей. Колокольчик звенел не переставая. Лотар даже удивился, он не подозревал, что этот тревожный звук могут вызывать такие противники — обычные, в сущности, люди.

— Небо! Как я раньше не понял? — прошептал совсем рядом с Лотаром Сухмет. — Они же все отравлены крэксом.

— Да, — согласился Желтоголовый.

Крэксом называлось удивительное варево, которое готовилось настолько сложным способом, что только очень опытный аптекарь брался за него. Крохотная мера крэкса стоила немалых денег, но за него платили любую цену. В небольших дозах он снимал боли, облегчал операции и даже помогал при некоторых умственных расстройствах.

В больших дозах он повышал тонус, внушал радужное настроение и позволял двигаться молниеносно, гораздо быстрее, чем мог двигаться даже Лотар.

Разумеется, после двух-трех приемов крэкса люди становились наркоманами и старались заполучить поработившее их сна-

добые любой ценой. А через полгода, не больше, умирали в страшных мучениях. В трех или четырех подпольных религиозных культах крэкс давали жрецам-смертникам, во всех официальных религиях он назывался «проклятым зельем», и все-таки уничтожить тягу к нему не удавалось.

Не нужно было обладать чрезмерным воображением, чтобы догадаться, что десяток заправленных крэксом рубак стоили нескольких сотен обычных солдат, поэтому некоторые восточные деспоты часто использовали таких людей. Но никогда не брали их в телохранители, потому что у крэксера не было тормозов. Одним его желанием было найти следующую порцию крэкса, а другим — убивать, крушить, ломать, наслаждаясь стремительной скоростью и дарованной крэксом мощью.

— Так вот почему мне показался знакомым запах из сосудов, разбитых в мастерской Каписа, — опять прошептал Сухмет, доставая Угеллу.

— Вот почему им вообще потребовался Капис, — подтвердил Лотар.

Как и предполагал Лотар, определить противника даже новобранцам было несложно. Нужно было биться с теми, кто слишком быстро двигался.

Отряд мародеров, разбившись на разрозненные кучки, стал спускаться с парадного крыльца. Они были очень опасны своей скоростью, злобой и жестокостью. У дружинников оставался только один шанс, и Лотар попытался его использовать:

— В строй, стать в строй!

Может быть, полусотник и был вздорным и глупым службистом, но дело свое он знал и принялся командовать так лихо, что когда мародеры налетели на дружинников, те уже стояли неколебимо, выставив вперед копья.

Здесь все было в порядке. Однако нужно было сделать главное. Лотар оглянулся на Рубоса и закричал:

— Главное — Гергос!

Капитан Наемников кивнул и бросился вперед. Вернее, попытался, потому что его, стоящего в стороне от непробиваемого строя дружинников, атаковали сразу с полдесятка мародеров. Они были так стремительны, что Рубос, может, и не справился бы с ними. Но откуда-то сзади вдруг ударили с тяжелым, шmeliным гудением арбалеты — и половина мародерской команды полегла, как рожь под серпом жнеца.

Лотар обернулся. Сзади в сотне шагов стояло отделение арбалетчиков, а возглавлял их счастливый, улыбающийся, упоенный боем Крамис, сын Амирады. Лотар вскинул руку, подзывая Крамиса и его людей.

— Крамис, целься в Гергоса! Он у них главный.

Но Крамис даже не успел показать, что понял команду, потому что Гергос со смехом исчез за темной дверью, ведущей в терем.

Он оставил свой отряд погибать. А то время, пока они могли удерживать Лотара и мирамцев, он собирался использовать для закрепления своей победы.

Лотар зарубил двух обожравшихся крэксом босяков, которые пытались достать его неуклюжими абордажными копьями с крюками чуть ниже острия, и подивился живучести, появившейся в них от зелья. Уже разрубленный почти до пояса, умирающий, один из крэксеров тянулся к нему костенеющей рукой, стараясь своей чудовищной хваткой сломать кость у лодыжки. И ему, может быть, это удалось бы, если бы Лотар не отсек руку чуть выше кисти.

Дальше к входной двери он пробивался плечом к плечу с Рубосом, ощущая за собой и Сухмета, который не отставал от него ни на шаг. Темный коридор с редкими факелами, ведущий в Навигаторский зал, показался чревом мрачной, опасной пещеры. Они побежали вперед.

— Ты давно его подозревал? — спросил Рубос на бегу.

— Скажем так, меня удивляли некоторые его поступки. Но я не думал, что он у них главный.

— А почему сейчас так думаешь, господин мой? — подал сзади голос Сухмет.

— Только он сможет без гражданской войны объявить себя правителем города после смерти князя.

Рубос остановился так внезапно, что Сухмет ткнулся ему в спину.

— А Светока?

Лотар посмотрел на друга с пониманием. Но пока не следовало пробуждать беспочвенных надежд. До рассвета было еще далеко, собаки атаковали город, они все могли и не пережить эту ночь.

— Возможно, он рассчитывает жениться на ней. Насильно, разумеется.

— Он же жрет крэкс, — пробормотал Сухмет.

— Он, в отличие от остальных дураков, использует Жалына. И не умрет через полгода, так как не привыкает к зелью.

— Возможно, — согласился восточник. — Это даже разумно.

Они пошли было вперед, но оглянулись, не услышав за собой привычных, тяжелых шагов. Оказалось, что Рубос так и стоит там, где остановился. Его невидящие глаза были прищурены, и в них горел такой огонь, что даже Лотару стало не по себе.

— Ты чего? — спросил он друга.

— Он не женится на ней, — сказал, с трудом разлепив губы, Рубос. — Он даже не доживет до утра, клянусь жизнью.

Внезапно за спиной Рубоса появился полусотник с дюжиной людей. Они уже выматились, запыхались, многие были ранены, но эта первая победа, хотя и далась нелегко, вдохновила их. Рядом со взводным легкой походкой бежал Крамис.

— Сюда! — позвал их Лотар. — Держитесь за нами, раз уж справились там, на площади.

Рубос повернулся к солдатам и резко, в командном тоне произнес:

— И вообще — не отставать. У нас тут много дел.

И полусотник, и Крамис только коротко отдали честь. Чего-чего, а умения командовать солдатами у Рубоса было не отнять. Лотар усмехнулся и подумал, что сейчас это может пригодиться.

По звуку шагов в знакомом коридоре, ведущем в библиотеку, Лотар определил, что с князем все, по-видимому, в порядке. Поэтому что там, где находилась его спальня и комнаты княжны, старые верные слуги сжались от страха. Но этот страх был лишь эхом настоящей печали и горя, которые испытали бы эти люди, случись что-то серьезное. Мы успели, подумал Лотар, почти вовремя. Теперь будет легче, еще можно надеяться.

Снова залился колокольчик, Лотару пришлось силой воли заглушить его.

Перед библиотекой их встретили не больше полудюжины крэксеров. Они рвались в бой. Лотару, который плохо представлял себе действие этого зелья, они показались не очень опасными противниками. Но когда Рубоса дважды ранили, а из смертников никто серьезно не пострадал, Желтоголовый бросился в драку, оттолкнув полусотника, зажимающего распоротый живот.

Не с помощью магии, а совершенно человеческим взглядом он определил, что центром всей обороны этих негодяев является широколицый, длинноволосый, очень грязный амбал, который все время скалился и прищуривался, словно его глаза разъедал дым. Огромная, не меньше старого Рубосова ятагана сабля выдавала исключительную силу ее владельца, а скорость, с какой он распарывал ею воздух, заставила бы трещать суставы у самого Лотара.

Лотар довольно нечестно зарубил сбоку одного из крэксеров, используя прием зигзагообразного подъема клинка вверх, и оказался против амбала, который сразу понял, что предстоит его главная битва. Может быть, самая главная в жизни.

— А, чужеземный колдун пришел получить свои четыре вершка стали?

Он прошептал, но этот шепот спугнул бы голубей с крыши терема. Мгновение помедлив, Лотар на всякий случай проверил, не замаскированный ли маг перед ним... Нет, обычный подонок, и мысли, как у животного, в которое иногда превращается человек. Но очень силен. Просто невероятно. Скорее всего, эта сила и сделала его таким подлым.

Пока Лотар раздумывал, крэксер пошел в атаку. Прямолинейно, но довольно грамотно, ни разу не раскрывшись больше необходимого. Лотар блокировался от него Гвинедом, приостановил его стремительные перемещения и тут же попытался выбить саблю. Технически это было не очень сложно, и он вложил в это действие всю свою мощь, но... промахнулся.

Силач засмеялся, лишь чуть крепче сжал рукоять своей огромной саблищи и снова атаковал. Это была уже связка, довольно простая, но законченная и даже остроумная. Этот дебил сам никогда не придумал бы что-то до такой степени искусное, он просто научился у того, кто был несравненно умнее... Лотар поймал себя на мысли, что запоминает эту связку, забыв об остальных.

Едва выйдя из-под града обрушившихся на него ударов, он осмотрелся магическим видением, не поворачивая голову в стороны.

Странно, солдаты Мирама, хотя их было гораздо больше, проигрывали. Трех уже зарубили, еще с полдюжины были серьезно ранены — среди них полусотник, который не бросил своих солдат, а остался здесь и криками помогал не терять присутствия духа. Молодец, подумал Лотар мельком.

Рубос получил третью рану, зато отрубил одному из крэксеров руку. Сухмет... Старику приходилось едва ли не хуже всех. На него наседали сразу два очень неплохо обученных молодца, причем действовали они так согласованно, что чувствовалась выучка атаковать именно парой. И быстро, очень быстро.

Держись, старый, мысленно приказал Лотар восточнику, но не был уверен, что тот его услышал. Вдруг шелкнул арбалет. Из-за плеча Сухмета вылетела полуфунтовая стрела, едва не задев его руку с Угеллой, и воткнулась в живот одного из бандитов. Второй бандит бросился к другу, но у того не было ни единого шанса. И тогда он двинулся на Сухмета со слепой ненавистью в глазах.

Теперь все в порядке, решил Лотар, теперь Сухмет справится. Сухмет, полуобернувшись, кивнул Крамису — это его арбалет так вовремя спел свою песнь смерти — и уже хладнокровно, обретя равновесие и силу, встретил противника.

Тут только Лотар понял, что его противник исчез, удрал через дверь библиотеки. А он не успел... Как же быстро они перемешаются! Не ходят и даже не бегают, а летают. Нужно будет попробовать, как на него повлияет этот крэке...

— И думать забудь, господин мой, — пробурчал уставший, залитый кровью и потом Сухмет, вытирая саблю. Второй из парочки атакующих катался по полу, зажимая страшную рану на груди.

Только теперь что-то в его движениях привлекло внимание Лотара. Он подошел, снял легкий кожаный шлем, и... по плечам второго бойца, атаковавшего Сухмета, рассыпались длинные женские волосы. Это были супруги, неудивительно, что они так слаженно бились.

Жаль, подумал Лотар. И бессмысленно. Он повернулся к оставшимся двум крэксерам. Их уже прижали к стене и собирались кончать.

— Оружие вниз! — рявкнул Лотар так, что все, кто только был в этой комнате, опустили залитые кровью мечи. Лотар подошел к мародерам, вырвал у обоих ослабевших дураков оружие и со звоном швырнул его в центр комнаты. Они не сопротивлялись, даже не надеялись, что останутся в живых.

Лотар взглядом нашел полусотника и кивнул ему.

— Прикажи связать этих... Сам останься. Остальные — пусть проверяют терем.

Пара арбалетчиков и все раненые остались разбираться с пленными, а Лотар, Рубос, Сухмет и Крамис пошли вперед.

— Зря ты их пожалел, — пробурчал Рубос. Он пытался на ходу вытереть кровь, заливающую ему глаза.

— Сам знаю, — ответил Лотар. Но он также знал, что не мог

иначе. Пошадить таких противников, как эти крэксеры, которые почти наверняка умрут через пару месяцев без своего зелья, значило не дать разрастись злу. Как важно остановить слепую ярость, будет ясно через пару дней, может, через несколько недель...

Нет, решил Лотар, они еще не победили. Еще не время думать о том, что будет дальше.

В библиотеке они никого не встретили. Пусто было и перед потайной дверью, ведущей наверх, в башню.

— Ну, уж на лестнице-то они на нас навалятся, — прогудел Рубос, приготовившись к самому худшему.

— Успокойся, — ответил Лотар, — они наверху.

Рубос успокоился и пошел вперед, дыша Лотару в затылок. Желтоголовый, не поворачивая головы, магическим приемом попытался поддержать свой крохотный отряд. К его удивлению, Крамис совсем не боялся. Это было и хорошо, и плохо. Не такой опытный боец был этот молокосос, чтобы ничего не бояться.

Они стали подниматься по бесконечным ступеням. Все было тихо, никакой засады не оказалось. На всякий случай Лотар все же проверял это, но ничего не чувствовал впереди, кроме пустоты, камней и слабого запаха свежей крови силача, с которым Лотар бился внизу. Значит, все-таки он его зацепил. Что же, хоть это удалось.

— Ты держись сзади, Крамис, — сказал Лотар. — Иначе — каюк.

— Я бы не доверял ему, — сказал негромко Рубос. — Все-таки Гергосов племянник.

— Чужеземец, ты уверен, что это все дядя устроил? — В голосе юноши прозвучала надежда, что все еще может обернуться не так уж плохо.

— А на площади ты его видел? И на чьей стороне он был? — Рубос готов был выплеснуть на мальчишку все накопившееся напряжение.

Рубоса снедала тревога за Светоку. Крамис вздохнул:

— Ну что же, если нужно выбирать между дядей и городом, я выберу город.

— Скажи, пожалуйста, он город выбрал, — ядовито просипел Рубос. — Может, теперь тебе памятник поставить?

— Рубос, — прервал его Лотар, — не трать дыхание.

— Не доверяю я ему.

— Моя жизнь — отличное доказательство его верности, — отозвался сзади Сухмет.

Спор иссяк сам собой — они пришли.

Крохотная комнатуха, где они уже были, когда разыскивали манускрипты Каписа, на этот раз показалась Лотару не такой уж и крохотной, народу в нее набилось немало.

Кроме них четверых, здесь был Капис, рядом с ним стоял Гергос, в центре комнаты расположился силач-крэксер, с которым Лотару не удалось расправиться внизу, а сбоку на подоконнике сидел Драл.

Он был спокоен. Совсем не крэксер — это Лотар теперь видел очень отчетливо. Он просто одарен магией такого тонкого свой-

ства, что не в силах Лотара в ней быстро разобраться. Сказать по правде, он даже сомневался, что и Сухмету это удалось бы. Магия делала Драла очень опасным противником. Но, конечно, гораздо менее опасным, чем Гергос, который находился под действием той же магии, только был еще и неплохим воином.

Лотар попытался определить, насколько силен Гергос, и с тревогой понял, что сейчас он гораздо сильнее Рубоса. А кое в чем мог даже превзойти и его — Желтоголового. Только он прятал свое умение, как привык всю жизнь маскироваться и притворяться, вынашивая чудовищные, преступные замыслы.

Пришедшим дали подняться на площадку башни. Никто и не думал их атаковать. Наверное, заговорщики были уверены в своей победе.

Внезапно Лотар понял, в чем дело, — Гонг! Он стоял у самого окна, из которого Лотар впервые услышал, что под городом появились собаки, и звенел, звенел... Звенел!

От его звуков хотелось плакать и смеяться одновременно. Он заглушал, казалось, все живое. И только таким, как Гергос, отказавшимся от чести и правды, не мешал жить и действовать. Казалось, даже воздух тут загустел и утратил свое животворное свойство, превратившись в некую эманацию застоя, мрака, смерти...

Лотар поразился, как это они не почувствовали сразу, какой здесь отвратительный воздух, и как этот звук расправляется здесь с жизнью. Он посмотрел на тех, кто пришел с ним. Рубос и Сухмет были, пожалуй, еще ничего. А вот Крамис плох. У него закатывались глаза и шла из носа кровь. Но он пытался держаться. Да, он выбрал город.

— Вы уже ничего не успеете, собаки пробили стены, — сказал Капис, отворачиваясь от окна. Он улыбался. — Опоздали, защитники. Теперь наша власть.

— Ты торопишься, фальшивый лекарь, — ответил Рубос. — Мы не признаем вашу власть и пришли сюда за вами.

— Да, все собрались, — сказал Гергос. — Будет нескучно.

— Рубос — мой, — быстро проговорил Драл. — Я его не добил в замке Бугошита, теперь пора исправить ошибку. Правда, стоит ли мне, убийце княжича, связываться с этим быком? Но ничего — не все с княжичами биться, приходится иногда довольствоваться наемниками. — Он выхватил меч, и в странном свете, льющемся в окна, на его пальце сверкнул полированный металл печати. Вероятно, на ней был герб князя.

Нужно будет потом снять ее, решил Лотар. Вслух он спросил:

— Значит, ты убил Прачиса?

— Свернул ему шею, как цыпленку. Он и пискнуть не успел. — Драл быстро улыбнулся и вскинул меч. — Будет время, я тебе покажу, как это делается, колдун.

— Вряд ли, — Лотар был спокоен, — вряд ли у тебя будет теперь время.

Силач-крэксер выбрал взглядом Сухмета, но Лотар не мог позволить старику вступить в единоборство с негодяем. Желтоголовый встал рядом с Сухметом, взяв в одну руку Гвинед, а в другую

кинжал. Он надеялся помочь восточнику. Тогда силач посмотрел на Гергоса. На губах неверного капитана мирамской дружины зазмеилась улыбка. Он встал рядом с силачом. Похоже, будет бой пара на пару.

— Шенок, как же я тебя возненавидел, едва ты вошел в город! — воскликнул Гергос. — Я ненавидел тебя, когда сидел с тобой за одним столом и когда водил к князю...

— Хватит, Гергос, пора поработать мечом, — сказал Лотар и, не дожидаясь окончания этой тирады, первым сделал выпад в его сторону.

Вдруг две стрелы почти одновременно просвистели у дерущихся над головами. Лотар даже немного присел. Это Капис с Крамисом выясняли отношения. И выяснили.

Капис со стрелой в груди и удивленным лицом пятился к раскрытому окну, опуская свой крохотный арбалетик. Он попытался удержаться, но сумел схватить только воздух и с истошным воплем вывалился наружу. А Крамис, не менее удивленный, чем его противник, со стрелой в плече, что было почти неопасно, точно так же отброшенный ударом назад, потерял равновесие и покатился по лестнице. Шею бы себе не сломал, подумал Лотар, но тут же забыл о нем. Гергос рванулся вперед, правда, еще пугая, а не атакуя всерьез.

Сначала Лотар попытался заблокировать обоих противников, почти не рассчитывая на Сухмета, но скоро убедился, что это ему не по силам. Уж очень быстро они двигались.

К тому же без тренировок его тело стало не очень-то послушным. Он делал все и медленнее, и тяжелее, чем нужно было. Сам виноват, решил он, ну и, конечно, Гонг.

Потом заговорщики стали его теснить. Он даже приготовился нащупать сзади лестницу, но вдруг... Стоящий слева крэксер больше не нападал на него. Меч его звенел... Но теперь он встречал в воздухе Утгеллу. Старик вовремя пришел на помощь.

Чуть скосив глаза, Лотар еще раз убедился, что Сухмету с крэксером не справиться. Тот насел по-настоящему. Он уже дважды задел старика острием, один раз по левой руке, второй — по груди, и на благородной золотой парче, из которой восточник сшил свой халат, расплзлось широкое кровавое пятно.

— Радуйся, — процедил Гергос, заметив этот взгляд, — твои друзья умрут быстро.

Тогда Лотар сделал обманное движение влево, вправо, отвлекая внимание своего противника, и вдруг упруго вкатился между Гергосом и крэксером. Оба на долю мгновения замешкались, оценивая выгоды и преимущества своего положения, потом силач поднял свою чудовищную саблю, чтобы расплосковать Лотара сзади...

Драконий Оборотень резко, так, что засвистел воздух, провернулся на месте. Его нога воткнулась в живот крэксеру, и, даже накачанный смертельной отравой, он не успел отреагировать. Крэксер согнулся, и этого было достаточно. Левая рука Лотара, дого-

няя ногу, рванулась вперед, и кинжал с сухим треском вонзился в бок силачу, прямо под поднятую с саблей руку...

Все, нужно уходить, он оставался между противниками слишком долго. Лотар попытался продвинуться вперед, к окну, где стоял Гонг, чтобы пропустить меч Гергоса мимо, но тут же понял, что вовсе не убил крэксера. Тот был еще жив и, помедлив мгновение, стал с силой опускать свою саблю...

Никогда еще Лотар не понимал так отчетливо, что сгруппировался. Он понадеялся, что крэксер, как обычный человек, согнется от боли и станет небоеспособным, но ошибся. Теперь он, развернутый к силачу спиной, ждал этого удара и понимал, что ничего сделать уже не сумеет...

Вдруг Сухмет прыгнул вперед и ударил своей Утгеллой в живот силача, да с такой силой, что развернул его вокруг оси, разрубая практически надвое, но и попадая под удар, предназначенный Лотару.

Краем глаза Лотар увидел, как сабля крэксера опустилась статистику на голову или на плечо, и тут же их обоих залила кровь, фонтаном ударившая из распоротого брюха убитого силача. Оба, покачнувшись, повалились на пол и откатились в самый дальний угол комнаты, оставляя за собой ужасающий кровавый след, который при слабом свете свечей показался черным, как кровь дракона.

Теперь бой с Гергосом стал несколько прохладным. Капитан мирамцев — вернее, бывший капитан — о чем-то думал. Наконец он произнес:

— Послушай, чужеземец, почему этот старик не задумываясь отдал за тебя жизнь?

Лотар, который сразу определил, что Сухмет только оглушен, усмехнулся.

— Нет, ты скажи, мне хочется знать, — настаивал Гергос. — Как будущему вождю это мне даже необходимо.

— Вождю?

— Конечно, неужели ты не понимаешь, что победа уже в наших руках? Именно тут и сейчас?

Он стал нести еще какую-то ахинею... Лотар внимательно посмотрел, что происходит у Рубоса с Дралом. Капитан Наемников очень устал, а его более легкий противник, кажется, даже не запыхался.

Но тут Рубос сделал то, что не смог бы предвидеть даже Лотар. Нанеся несколько очень сильных ударов, так что Драл, отражая их, взял меч двумя руками, Рубос вдруг бросился вперед, обхватил разбойника и принялся его душить. Теперь вес, усталость и даже скорость значения не имели. Все решала сила.

Драл выронил меч из отбитых рук и несколько раз ударил Рубоса кулаками, но безрезультатно.

Потом Драл попытался вырваться из медвежьей хватки Капитана Наемников, но тот, зарывав, еще туже сдавил его своими взбурившимися от напряжения руками.

Тогда Драл тоже попытался задушить Рубоса. Лотар с облегче-

нием увидел, что они закачались, прилагая все усилия, чтобы сломить соперника... Теперь Лотар знал, кто победит, и отвел от того угла глаза.

Гергос, опустив меч, тоже смотрел на эту пару. Когда Рубос и Драл, несколько раз врезавшись в стены, опрокинув стол и шкаф с книгами, упали на пол, все стало ясно. Рубос оказался прав, выбрав эту тактику. Его соперник слабел быстрее. Но и самому Рубосу приходилось нелегко. Так нелегко, что должно пройти немало времени, пока он додушит своего врага, пока поднимется на ноги, пока отыщет свой меч, пока снова будет готов к бою...

Если я проиграю Гергосу, подумал Лотар, бунтовщик, который хочет стать вождем, зарубит и полуживого Рубоса, и полумертвого Сухмета раньше, чем они сумеют подняться на ноги. Эта же мысль отразилась и в глазах Гергоса.

— Ну все, даже если Драл и умрет, победителем останусь я. Как было уже не раз.

— Да, ты убил немало людей, — согласился Лотар. — Мелета, например.

Гергос поднял меч, сделал пробный выпад и широко ухмыльнулся:

— Этот дурачок так ничего и не понял, когда я схватил его, чтобы убить.

— Наоборот, он все понял. Только выдавать тебя не захотел, даже там, по ту сторону жизни. Не назвал твоего имени, понимаешь?

Мечи рассыпали в воздухе тающие искры. Гергос важно кивнул:

— Так и должно быть. Он понимал, что я вождь, а он... Так, червяк, который не примкнул к нам и случайно узнал слишком много, чтобы остаться в живых.

Лотар сделал два выпада, не доводя их до конца, приучая Гергоса к тому, что тот диктует поединок. Для самовлюбленного негодяя это стало ловушкой.

— Он сделал это из любви к тебе.

— Он не понял, что я другой. Вождь, знаешь ли, начинается там, где кончается зависимость от таких химер, как любовь, преданность или забота о жизни каждого отдельного Мелета. Нужно заботиться обо всех — вот печать вождя.

Лотар сделал несколько ударов с отяжкой чуть легче, чем нужно было. Гергос даже не сдвинул ногу, чтобы парировать их. Он уже считал, что полностью управляет боем. Он уже готов был начать последнюю — победную атаку.

В углу раздался резкий треск сломанных костей. Драл обмяк, а Рубос, наоборот, пытался включиться в реальность, чтобы биться дальше. В другом углу стал оживать Сухмет. Это было кстати. Теперь Гергос должен был торопиться.

— Ну, ладно, я и так слишком долго с тобой...

Он сделал три обманных выпада, а потом, хитроумно сократив расстояние почти незаметным полусагом, попытался атаковать Лотара снизу в пах. Удар этот был невидимый и довольно ковар-

ный, потому что все низовые атаки казались слабыми и легко парировались, но при скорости Гергоса ее никто не смог бы отразить...

Не смог ее отразить и Лотар. Да он не стал и пытаться. Он лишь убрал левую ногу назад, чтобы меч Гергоса просвистел в дюйме от его живота, а потом точно так же, и с не меньшей скоростью, атаковал пах Гергоса.

Тот увидел это — недаром был накачан магией, как наркоман зельем, — и попытался остановить свой меч, направив его вниз, но когда у него ничего не получилось — слишком велика была скорость и инерция его меча, — за миг до того, как Гвинед врезался в его плоть, у Гергоса расширились зрачки... Но, может быть, это была лишь игра света, уж слишком быстро все происходило...

Гвинед дошел почти до середины живота бывшего капитана мирамской стражи, и, отпрыгнув назад, чтобы не попасть под поток хлынувшей крови, Драконийоборотень сказал, завершая их спор:

— Ты не вождь и не другой, Гергос. Ты просто подлый предатель, про которого завтра не вспомнит даже праздный болтун в портовом кабаке.

Пытаясь удержать вываливающиеся кишки, Гергос упал на пол и перед смертью прохрипел:

— Я только хотел, чтобы не было ни богатых, ни бедных. Я хотел, чтобы все было поровну...

Глава 27

Лотар снял с пальца Драла княжеский перстень, надел на свой палец, потом взял Гонг Вызова и покрутил его в руках. Этот магический инструмент, в отличие от подделки Каписа, был полон мрачной, торжественной красотой, которая всегда отличала сильные произведения магического искусства.

Его серебряная поверхность была бы почти матовой, если бы на ней не горели звезды. Иероглифы или старые руны, расположившиеся по ободу, образовали сложный и таинственный узор. И кому пришла в голову мысль выдать эту штуку за тарелку?

Гонг разогрелся от света Зо-Мур. Лотар чувствовал, как он бьется в его пальцах, как волна странной, осязаемой энергии отходит от Гонга и расплывается мягкими, чудовишно искривляющими все вокруг волнами. Эти волны почти не гасли на расстоянии, они даже делались плотнее вдаль. Они проплывали над городом, заставляя бесноваться собак, вызывая боль, сдвигая сознание, искажая представление о мире у всех, кто его слышал. Это было ужасно.

Лотар вздохнул и оглянулся. Вокруг валялось несколько тряпок — вероятно, обрывки сорванных штор. Он оторвал кусок и поплотнее завернул Гонг.

Вдруг треск и хруст прокатились по всему терему. Но особенно

досталось башне — Лотар даже покачулся, когда пол под его каблуками загулял, как палуба корабля в хороший шторм.

Лотар быстро сунул Гонг за пазуху и выглянул в окно. Сначала он ничего не увидел — только распластанный на мостовой, как морская звезда, труп Каписа. Отсюда лекарь казался спокойным и даже довольным, потому что никакая суета этого мира больше не касалась его. Лотар попробовал было сосредоточиться на его фигуре, но тут новый удар в основание башни заставил его схватиться за край окна, чтобы устоять.

Теперь он рассмотрел — это была огромная собака, величиной с трехэтажный дом. Она уже освоилась в городе и пыталась отгрызть от основания башни самый большой кусок. Камни на ее зубах скрипели и рассыпались, падали на мостовую и раскатывались в разные стороны.

Вдруг собака задрала голову и отчаянно завывала. И тотчас в трех или четырех местах в городе и возле стен взвыли другие собаки. Их хор прокатился над городом как последнее предупреждение, как призыв к смерти. Нужно было что-то делать.

Лотар в последний раз окинул взглядом площадку башни, залитую кровью, заваленную трупами. Живой Рубос с улыбкой рассматривал гримасу боли, застывшую на лице Гергоса. Сухмет приводил себя в порядок, безглаголиво пытаясь стереть пятна своей и чужой крови с халата.

— Нет времени прихорашиваться, — сказал Лотар. — Они сейчас завалят башню, быстро спускаемся.

Прихрамывая, постанывая от боли, двое его друзей стали спускаться по ступеням. Лотар попытался было им помочь, потому что руки и ноги его приятелей не слушались, но вдруг чуть не наступил на Крамиса. Тот был жив, но не мог прийти в себя. От падения ему досталось гораздо больше, чем от всех прежних передряг.

Вот ему-то Желтоголовый и принялся помогать, потому что от сотрясения некоторые ступени провалились, и теперь даже Лотару нелегко было спуститься. Лишь внизу Рубос, Сухмет и Крамис пришли в себя.

— Значит, мы победили, — сказал Рубос со слабой усмешкой.

— Он победил, — Сухмет указал на Лотара. — А мы, похоже, валялись в отключке.

— А ты попробуй задуши Драла голыми руками!

— А ты попробуй останови накачанного до бровей крэксера лишь саблей.

— А вот от меня оказалось мало толку, — просипел, едва шевеля бледными губами, Крамис.

— Ну, ты, по крайней мере, вывел из строя одного, а это совсем неплохо, большего и мне не удалось сделать, — сказал Рубос и потрепал Крамиса по здоровому плечу, но юноша скривился от боли.

Башня снова содрогнулась, с ее крыши посыпалась черепица. Что-то собаки как будто не заметили, что Гонга нет в башне. Лотар на миг задумался.

— Так, ты оставайся около князя, — сказал он Рубосу и повернулся к восточнику: — А ты жди моего сигнала. Может, мне потребуется помощь. Пока займись вот им. — Он кивнул в сторону Крамиса, который, шатаясь от слабости, пытался ощупать острие стрелы, вышедшей сбоку от лопатки.

— Ну, в хорошей драке с такой раной иные бойцы и строя не покидают, — проговорил Сухмет, стараясь утешить юношу.

— Я и не собирался уходить оттуда, просто оступился... — запротестовал Крамис, но Сухмет уже уложил его на пол и принялся аккуратно срезать древко стрелы, чтобы снять кирасу.

— Знаю, знаю.

— А ты куда? — спросил Рубос.

Лотар пожал плечами:

— Пока не знаю.

Когда он выбежал из терема, стало ясно, что еще три или четыре собаки уже подошли на помощь к своей самой предприимчивой товарке и взялись за терем основательно. Башня уже накренилась и могла рухнуть на крыши соседних домов в любую минуту.

Тогда Лотар вытащил Гонг, не разворачивая ткань, поднял его над собой и, все время оглядываясь, пошел в сторону порта. Собаки ничего не замечали. Лишь одна из них, которая только что прорвалась в город и находилась еще очень далеко, почувствовала Гонг, который нес Лотар, и залаяла так, что стекла некоторых домов с мелодичным звоном посыпались на брусчатку. Тогда и собаки, которые грызли терем, заметили, что Гонг от них потихоньку отдалается.

Желтоголовый понял это сразу — колокольчик тревоги тут же оглушительно зазвенел. Лотар оглянулся: вот и хорошо — все собаки бросились за ним в погоню.

Желтоголовый снова сунул Гонг за пазуху и побежал по улицам.

Печальнее всего было сознавать, что, пробегая по улицам, он обрекает их на гибель, потому что собаки, которые неслись за ним, разрушали все, как неукротимые и неуязвимые тараны, как яростный гнев богов. И не было от них спасения...

Подпустив их поближе и убедившись, что теперь они не потеряют его, Лотар припустил быстрее. Что из этого могло получиться, он еще не знал. Но он добился своего, теперь он мог выманить из города всю стаю.

С трех сторон он уже ощущал собак, и свободным оставался лишь путь на юг, в порт. Что же, это хорошо, ведь там было море, в котором сколько угодно собак могли плескаться, как мальки в садке, не причиняя никому вреда. На мгновение Лотар пожалел, что в горячке последних дней так и не заглянул в порт и не знал, что там творилось, но это было и необязательно.

Два раза он видел толпы мародеров на улицах. Они шли, шатаясь как пьяные, упиваясь вседозволенностью, и высматривали дома побогаче. Сопротивление стражи на стенах, как могло показаться, в основном было сломлено. Но когда эти головорезы пробуют сунуться в дома — их встретят отцы семейств, собрав-

шиеся вместе большие семьи. И справиться с ними будет не намного легче, чем справиться с самыми упорными воинами.

Всех еще можно было спасти, если увести из города собак, избавить жителей Мирама от угнетающих звуков Гонга Вызова, а мародерам дать понять, что их вожди мертвы... Но главное — увести собак.

Он свернул в узкую улочку, потом еще раз, и вдруг... Толпа страшно оборванных людей валила из порта в богатые кварталы, чтобы их доля в грабеже не проплыла мимо их бездонных карманов. Лотар в отчаянии заорал:

— Прочь, расходитесь, спасайтесь — сейчас тут будут собаки!

На миг он с ужасом представил, что сейчас увязнет в этом месиве человеческих тел и жадных, цепляющих его со всех сторон рук. И когда появятся собаки, они все погибнут под их безжалостными лапами... Но что это? Грабители прижались к стенам домов, затыкая уши, закрывая лица, попадали на землю с пеной на губах... И открыли ему путь. Гонг, догадался Лотар. Что же, хоть тут он мне помог.

Ввалившись в порт, Лотар от облегчения даже всхлипнул, переводя дыхание. Но тут же замер.

Оказалось, что порт — не спасение. Здесь нельзя заставить собак опуститься в воду, потому что... воды почти не было видно. От самой кромки пирсов до выхода из гавани плотно стояли корабли — от больших океанских до крохотных лодочек. С борта на борт можно было перешагивать, даже не используя сходен.

И если бы Лотар попытался утопить тут собак, то вся эта плавающая армада, весь этот плавающий город, вместивший в себя большую часть жителей Мирама, погибла бы под их каменными лапами. Это было бы страшнее пожара и мародеров.

Лотар еще раз с сомнением огляделся и повернулся назад. До собак оставалось не больше четверти мили. Он продвигался быстрее собак, должно быть, потому, что выбирал удобную дорогу между домами, а им приходилось каждый раз вытаскивать лапы из развалин.

Нужно вырваться из города. Лотар осмотрелся еще раз. Неподалеку кипела яростная потасовка, в которой небольшой отряд стражников расправлялся с толпой каких-то нищих, которые пытались пробиться к кораблям. К тому же от кораблей на помощь к стражникам бежало немало людей. И хотя эти горожане не бог весть какие вояки, они справятся — ведь за спиной у них остались жены и дети.

Пробежав сотню ярдов вдоль воды, Лотар повернул к зданию таможни и очутился на ее широком и пустынном дворе. У него осталось очень мало времени. Он скинул кожаную куртку, сорвал рубаху, мягко опустив Гонг на землю рядом с собой. Потом быстро, как только мог, принялся отращивать крылья.

Кожа на перепонках получилась очень тугой, рассекать такими крыльями воздух, особенно сначала, будет очень трудно, и силы для этого понадобятся невероятно много, но собаки были уже очень близко. Досадая, что не догадался спрятать Гонг, когда

еще можно было взять его руками, Лотар неуклюже попытался сунуть его остатками пальцев в задний карман штанов... Внезапно волна чужого ужаса накатила на него сзади. Он обернулся.

Небольшая группа таможенных чиновников, выставив вперед хилые копья, стояла у стены и со страхом на бледных и усталых лицах смотрела, как Лотар трансмутировал свое тело.

— Назад! — крикнул он им. — Это зрелище не для вас!

Но они все равно смотрели. Представляю, какие разговоры пойдут завтра по городу, если, разумеется, будет кому рассказывать и кому слушать... Внезапно даже не звон, а вой колокольчиков затопил сознание. Лотар огляделся. Через невысокую ограду таможни важно переступила огромная собака. Она тяжело дышала, ее язык вывалился наружу, как у обыкновенной дворняги в жаркий день, но она была опаснее, чем все дворняги мира. Лотар быстрым движением плеч проверил перевязь с Гвиномедом, схватил тряпку с Гонгом зубами и побежал по двору, набирая скорость.

Собака переступила-таки стену и бросилась вперед, к Лотару. Ее тело распласталось в воздухе, зубы, освещенные отблесками пожара, влажно заблестели, но... Удар собачьих челюстей пришелся мимо, шелчок каменных клыков прозвучал, как выстрел вендийской петарды. Лотар каким-то чудом подпрыгнул вверх и, зарывав от боли, расправил только что выращенные крылья и подхватил в них, как в штормовые паруса, немного ветра...

И крылья выдержали, стали опорой. Теперь Лотар мог уже гребать воздух, все уверенней поднимаясь к небу. Потом собака прыгнула еще раз, но снова промахнулась. Лотар видел ее прыжок, видел, как приближаются другие собаки, и повернул в сторону портовых складов, где мог развернуться в воздухе.

Он поднялся не выше сотни ярдов, когда вдруг почувствовал давление сверху — это было верхнее перекрытие купола, установленного над Мираном. Лотар не ожидал, что «потолок» окажется таким низким. Он попробовал еще немного подняться, просто из упрямства, придавая крыльям больший размах и большую силу, чтобы увереннее держаться на этой высоте, но вдруг понял, что задыхается, как будто в мире кончался воздух. К тому же очень мешал Гонг, зажатый зубами.

Лотар измерил взглядом высоту — кажется, все могло получиться — и вытянул левое крыло. Он тотчас стал падать, но не очень быстро, потому что крыло немного тормозило падение. Правым крылом, немыслимо изогнув его, он взял Гонга, а потом очень осторожно ухитрился засунуть его за брючный ремень. Теперь Гонг был в безопасности — он никуда не мог выпасть и почти не мешал.

До земли оставалось не больше десятка саженей, когда он сумел выровнять свой полет. Потом пролетел перед самыми мордами собак. Чудовища тут же бросились в погоню. Они были очень близко от него, тяжело и медленно летящего над самыми крышами, но догнать не могли. Все-таки крылья давали преимущество...

Теперь он знал, что делать. Вернее, надеялся, что знает. Когда он был под самым куполом, то заметил три широкие просеки,

проделанные собаками в нагромождении домов Мирама. К одной из таких просек он сейчас и направлялся. По ней он выведет собак из города, именно по ней, чтобы не множить разрушения.

Вдруг вой колокольчиков врезался в его сознание как удар! Странно знакомое лицо появилось в окне одного из ближайших, почти неразрушенных домов. Лотар вздрогнул — это был Крысенок. Голова его была перевязана какой-то окровавленной тряпкой... Он целился в Лотара из своего арбалета.

Лотар сделал резкое движение в сторону, но поздно. Шелчок тетивы раскатился, казалось, по всей улице, и тугая, заряженная ненавистью боль обожгла левое плечо. Лотар скосил глаза — в предплечье торчала стрела. Крысенок что-то закричал сзади, но Лотару было не до него — он старался не упасть на землю.

Собаки были теперь очень близко, а ему не хватало скорости. Они пока не могли догнать его, но только пока. Лотар оглянулся на оскаленные морды псов, бегущих за ним, и увидел череду густых капель, сыпавшихся темным горохом из раны, — он истекал кровью при каждом взмахе крыльев.

К тому же он не мог подняться выше, чтобы перелететь стену. Он так и будет кружить над этим городом, пока собаки не перетопчут все... Но подниматься выше стен было не нужно. Прямо перед Лотаром зияла огромная, почти до самого основания стены, брешь. Лотар лишь так рассчитал взмахи, чтобы не задеть крыльями острые края стены, и вылетел из города.

Над полем он немного успокоился и даже сумел на лету остановить кровь. А вот вытащить стрелу уже не мог, хотя на каждом взмахе она страшно мешала и причиняла боль.

По широкой дуге Лотар вылетел на дорогу, ведущую к камню, из которого приходили собаки, и выровнял свой полет.

Земля была так близко, что временами его затуманенному сознанию казалось, будто он просто идет по ней, и лишь темные тени собак подтверждали, что он еще в воздухе. Один раз Лотар ощутил, как собака, подпрыгнув выше других, почти схватила его зубами. Желтоголовый почувствовал ее сырое, отдающее запахом земли дыхание. Он медленно, почти лениво отклонился в сторону и полетел дальше. Еще пару раз он чуть не врезался в острые, как пики, и темные ветви деревьев. Одна из них порвала Лотару перепонку на крыле, но не сильно.

Обрыв, к которому он привел собак, раскрывался почти бездонной пропастью. Лотар увидел его темный край с облегчением. Взмах, еще взмах, еще... Он оглянулся, подпуская самую резвую собаку поближе, и, когда она уже приготовилась схватить его, повернул к морю.

Обрыв мелькнул под ним, как край чистого листа бумаги. Собака, не рассчитав инерции своего тела, с ужасающим грохотом рухнула вниз, увлекая за собой валуны. Лотар с удовольствием увидел, что еще два огромных пса, столкнувшись, тоже стали валиться вниз. Тримя меньше, подумал он, напрягая зрение, чтобы увидеть, что происходило внизу.

Чуть-чуть опустившись к воде, Лотар сделал круг и... от разочарования выругался.

Все три пса, весело, по-собачьи отряхнувшись, вылезли на берег и с неумолимостью, от которой можно было прийти в отчаяние, стали карабкаться по соседнему, более пологому склону. На них не было ни царапины. Наоборот, они стали более шустрыми и злобными.

Лотар стал подниматься, но силы у него кончились задолго до того, как он ощутил ядовитую тяжесть Колокола Времени. Тогда он сделал круг над собаками. Он опять не знал, что делать. Если очень быстро не расправиться с ними, они достанут его, потому что он не продержится до рассвета. А звучание Гонга доконает его, как медленная отравла... Кроме того, Лотар теперь боялся сделать что-нибудь такое, после чего собаки навечно останутся в этом мире.

Нужно было раньше обдумать с Сухметом разные варианты, подумал он, в том числе и этот. Но сожалеть о допущенных ошибках — признак поражения. Лотар разозлился на себя, вернее, попробовал разозлиться — на настоящее ожесточение у него уже не было сил. Он вдохнул поглубже чистый воздух и понял, что действительно может скатиться в беспмятство гораздо раньше, чем что-нибудь придумает.

Он еще раз поглядел вниз. Собаки стояли, задрав головы, выстроившись неровным кругом. В центре оказался пес, которого Лотар считал вожак. Да, всем у них заправляет вожак, вот этим и нужно воспользоваться...

Он спикировал так круто, что застонал от боли в раненом плече, но все-таки сумел выйти прямо на морду главного чудовища. Эта псина, казалось, ожидала чего-то подобного, потому что, едва Лотар оказался перед ней, с оглушительным полувоем-полулаем ринулась на него, поднявшись на задние лапы. Лотар, едва замечая, что теряет высоту, взмахнул здоровым крылом и неловким движением остатками пальцев швырнул Гонг вперед, прямо в раскрытую пасть чудовища...

Тряпка заскользила вниз извивающейся темной лентой, а Гонг, блеснув, как чешуйка чудовишной рыбы, исчез между мокрыми клыками пса, который тут же захлопнул пасть, словно Лотар накормил его невиданным лакомством.

Собаки на мгновение замерли, потом встали перед вожак в позу, которая выражала враждебность или даже прямой вызов. Они, казалось, забыли, что вожак — один из них. Впрочем, вожак не сплеховал. Ударом лапы он опрокинул одну из взбунтовавшихся псин на землю, вторую завалил грудью. Остальные присели на задние лапы, но продолжали следить за своим лидером огромными, враждебно горящими глазами. И тогда вожак повернулся и побежал.

Сначала неторопливо, но потом вся стая поддала ходу, и сам вожак помчался быстрее. Теперь все неслись уже так быстро, что Лотар с большим сомнением вспоминал, как еще полчаса назад

надеялся, что у него есть преимущество в скорости. Он едва успевал за ними.

Камень появился неожиданно и быстро, как взмах вражеского меча. Вожак, даже не присев на задние лапы, прыгнул вперед и с грохотом, от которого хотелось зажать уши, воткнулся в гигантский валун... Его лапы и голова вошли в эту массу, тело немного замедлилось в полете, и вдруг он целиком слился с камнем.

Неяркая, но ощутимая вспышка прокатилась по камню, по траве перед ним, по оскаленным мордам остальных псов. От нее заболели глаза, но Лотар даже не моргнул. Он смотрел, стараясь не упустить ни единой мелочи.

Вторая собака прыгнула уже с меньшим грохотом и более мягко. Потом подросла вся стая. Собаки принялись отталкивать друг друга, чтобы проникнуть в неведомый Лотару, но родной для них мир как можно быстрее. От их гомона и лая, от грохота сталкивающихся каменных туш стоял невообразимый шум, но они исчезали, уходили из этого мира. Последняя псина исчезла в камне почти бесшумно и почти без вспышки.

Итак, собак больше не было. Мирам, похоже, спасен. Разумеется, если нигде не завалился еще один Гонг Вызова, но Лотар думал, что его нет.

Желтоголовый опустился на траву. Держаться в воздухе он больше не мог. Болели раны, ныло пробитое стрелой плечо. И не было даже ощущения победы. Но он еще крепился, возможно, потому, что все-таки одержал победу. И не важно, ощущал он ее или нет.

— Сухмет, — позвал он, надеясь, что восточник не выпускает его из магического наблюдения, — пришли сюда ребят под командой верного офицера. И сам приходи, мне нужна помощь.

После этого осторожно, постанывая от боли, он принялся трансмутировать свои крылья в человеческие руки. И каково же было его удивление, когда он, вернув нормальную чувствительность, кроме боли в плече, ощутил жгучую боль в пальцах. Он посмотрел на руку. На грязных, исцарапанных, окровавленных пальцах ярко блестела золотая княжеская печатка с затейливым гербом торгового княжества Мирама.

Глава 28

Лотар проснулся от гомона за окном. Только на этот раз в нем не было ни страха, ни ненависти, к которым он стал уже привыкать в Мираме, а было радостное предвкушение карнавала. словно в большом доме все разом вдруг решили затеять что-нибудь особенное и принялись делиться планами и идеями, не обсуждая главного — торжественного обещания веселиться.

Люди собирались праздновать победу. Полную, окончательную и совершенную, как небо над головой, как море на горизонте. Как ни слаб был вчера Лотар, но сквозь полубеспамятство он все-таки понял слова Сухмета, который примчался с полудюжи-

ной всадников, чтобы подобрать его, — едва Гонг Вызова исчез из города, едва Лотар унес его на своих кожистых крыльях, как половина мародеров разбежалась, а вторая половина почти без боя сдалась уже к рассвету.

Без заряда жестокости эти люди не могли драться, не могли даже грабить. А вот горожане, наоборот, без подпитки злом, идущей от Гонга, воспряли и оказались сильнее.

Конечно, прошедшие два месяца не могли не отразиться и на этих людях. Они с горечью смотрели на руины, с болью и слезами хоронили умерших, но Лотару не хотелось сейчас вчитываться в темную сторону людских ощущений, потому что слишком уж ослепительной была радостная, светлая часть их победы.

Осознав, что для тревоги нет причины, он успокоился. И тут же накатили боли, не очень сильные, но их было так много, что хотелось только одного — подняться, уйти куда-нибудь подальше в голые примирамские степи и задать себе такую тренировку, чтобы пар повалил, а тело онемело, как от чудовишной дозы какой-нибудь магии, к которой из нормальных людей может прибегнуть только самоубийца. Но зато потом наступит покой и, возможно, тело снова будет ему подчиняться.

Но Лотар вдруг отбросил все мысли о тренировке. Он вспомнил, что за противником остался один должок, и, скорее всего, пришла пора по нему рассчитаться. Он тут же с тревогой взглянул в окно: время приближалось к полудню. Но делать нечего — он спал так долго, потому что надо было восстановить силы.

Лотар скатился с кровати, покряхтывая, натянул одежду, уже кем-то выстиранную, высушенную и даже выглаженную. Понял, что об этом позаботился Шув, испытал мимолетную благодарность к нему. Потом аккуратно, как перед боем, надел перевязь. Гвинед легко выходил из ножен и был светел и весел, как всегда. Лотар улыбнулся этой готовности и пожалел, что не соответствует своему мечу, его великолепной и победоносной безупречности.

Пошел наверх. Поднимаясь по ступеням, он облизнул пересохшие губы, почувствовал, как хочет пить, но возвращаться не стал. Краем уха услышал, как на кухне весело гремят чугунками служанки почтенного трактирщика, а сам он басовито покрикивает на них, готовясь к чему-то, должно быть, исключительному.

В коридоре и комнатах не было никого уже несколько часов — Лотар сразу это понял. Впрочем, восточный торговец редкостями умел оставаться незаметным даже лучше, чем Сухмет. Так что все следовало проверить основательно.

Все было, как позавчера, когда они обсуждали возможность бегства Жалына в Карман Ничто. Лотар открыл сломанную дверь, покружил по пустой комнате. Хотя у него не было и сотой доли способности Сухмета считывать предметы, он мог бы почувствовать многое, если Жалын торопился и не успел затереть свое присутствие. Но ничего не получилось.

Тогда Лотар стал методично «просматривать» руками всю комнату. И лишь когда дошел до причудливых северных икон, намоленных такой блестящей аурой, что в ней вполне могли отра-

жаться проплывающие по небу облака, он понял, что худшие его опасения подтвердились. Жалын был здесь, и совсем недавно.

Желтоголовый огляделся еще раз. Как всегда бывает, когда интуитивная уверенность переходит в знание, открылись какие-то шлюзы, и он уже без труда увидел, как медленная тень скользнула по комнате, унося то, что Жалын называл Драконом Времени — необыкновенно сложную, невообразимо закрученную стеклянную спираль, уводящую свои витки куда-то, куда не могло проникнуть даже его, Лотарово, магическое видение.

Это была, конечно, не настоящая картина, а образ из близкого прошлого. Лотар обучался этому искусству не один месяц, и только сейчас оно дало результат. Однако радоваться было нечему.

Лотар осторожно, на цыпочках пошел за этой тенью и понял, что исчезнувшие из комнаты Жалына сундуки с самого начала стояли в нижней кладовке трактира, куда рано поутру такими же тенями — Лотар видел их гораздо более отчетливо — зашли какие-то носильщики, нанятые Жалыном, и унесли этот груз в сторону порта.

— Что ты тут делаешь, господин мой?

Лотар поднял голову. Над ним на лестнице, ведущей в полуподвальный чуланчик, стоял Сухмет. Слушая счастливый гомон на улице, он тоже невольно улыбался, и даже золотой обруч раба сверкал ярче, чем обычно сверкает золото.

Лотар вздохнул и попытался включиться в реальность — он и не заметил, как оказался тут, хотя чего-то в этом роде и нужно было ожидать от такого магического приема. Даже Сухмет сильно меняется, когда колдует.

К счастью, Сухмету ничего не нужно было объяснять. В сознании Лотара он мгновенно прочитал ответ на свой вопрос, посерьезнел и прищурился. Лотар увидел, как его зрочки стали тонкими вертикальными полосками, как у kota, и в них вспыхнул огонь ярости.

— Он ушел не просто так...

— Вы упустили его?

— Мы упустили, господин, — ответил Сухмет. — Эти сундуки стояли тут, пока мы разыскивали этого разбойника наверху, только прикрытые защитной магией. А нам и в голову не пришло, что он может провести нас, как малых детей.

— Может ли? — спросил Лотар и быстро выбрался из чуланчика. В большом зале трактира уже стоял Рубос. Он жевал пук какой-то зелени, смачно откусывая хрустящие стебли и хрумкая оглушительно, как конь.

— Ч-шо чу-шилось?

— Жалын удрал в порт. Нужно догнать, — бросил Лотар. — Ты со мной?

Рубос покрутил головой и осторожно положил остатки зелени на край стола.

— Ну, тогда он далеко не уйдет. Там же...

Договорить он не успел, сверху донесся оглушительный вопль отчаяния. Одна из кухарок Шува с перепугу выронила какую-то

кастрюльку, которая со звоном покатилась по полу. Служанки во главе с достопочтенным Шувом вывалились из кухни и застыли, с тревогой и ужасом глядя наверх — туда, где находились комнаты постояльцев.

Лотару тоже стало любопытно, что же заставило Сухмета так распереживаться, хотя он уже догадывался, в чем дело. Через мгновение Сухмет появился на лестнице, держа в руках кожаный баул, в котором восточник хранил книги.

— Этот мерзавец, этот негодяй... Он украл книгу, где изложена система высших структур Времени. Господин мой, чего мы стоим?! В погоню!

Брякая на ходу своей Утгеллой, он скатился по лестнице.

— А завтрак?! — завопил вслед Шув, но никто даже не посмотрел в его сторону.

При свете дня руины, оставшиеся после штурма, пожаров и собак, не вызвали уныния. Свобода стоила того. Исчезли страх и отчаяние, появились надежда и гордость от победы. Нетрудно было представить, что очень скоро здесь застучат топоры плотников, зазвонят молотки каменщиков, подгоняющих блоки, и новые дома поднимутся на радость уцелевшим владельцам.

Но сейчас эти руины раздражали. Они мешали бежать и очень уж отвлекали внимание.

Кроме того, раздражало изумленное и чрезмерно пристальное внимание людей. Они мгновенно расступались перед бегущим наемником, и на лицах, в глазах, в душах появлялся... Лотар не поверил, но Сухмет подтвердил его подозрение:

— Ничего удивительного, господин мой, что они боятся. Почитай, весь город видел, что ты, как нетопырь, летаешь над самыми крышами.

— Побереги дыхание, — буркнул Лотар.

В порту царила еще большая суматоха, чем в городе, только здесь она была деловой. Люди спешили забить трюмы товарами, чтобы вернуться к своему торговому ремеслу.

Лотар обвел глазами весь горизонт. Да, так и есть. От дымки, в которой прежде все тонуло, не осталось и следа. Горизонт был чистый, прозрачный и... У Лотара на миг перехватило дыхание. Он подошел к одному из одетых чуть получше других офицеров порта, который, судя по всему, никуда не спешил, наблюдая, как сразу несколько десятков кораблей торопятся выйти в море.

— Господин офицер, — вежливо начал Лотар, — я...

— Я знаю, господин Желтоголовый. Тебя теперь на сотни миль по всему побережью будет знать каждый юнга.

— Почему? — спросил Рубос. Он чуть запыхался от бега и даже вспотел.

У Лотара мелькнула мысль, что хорошенько погонять его на тренировке тоже не помешает.

— Вот они, — офицер указал на людей, которые загружали, оснащали, приводили в порядок и подготавливали к плаванию корабли, — разнесут о вас молву вернее, чем императорские гонцы. — Офицер усмехнулся. В нем чувствовалось достоинство

сильного человека. — А что касается Мирама, то тут о вас скоро начнут говорить такое, чего вы и подозревать сейчас не можете. Уже сейчас поговаривают...

Лотар подумал, что списать все просто на болтовню, конечно, выход, но только в это надолго не поверят. До следующего случая, если такой возникнет. Но после рассуждений офицера — Лотар в этом нисколько не сомневался — такой случай появится очень скоро, потому что и нечисти, и колдунов, и магии всюду хватало. Как немало было и людей, согласных платить любую цену, только бы от всего этого избавиться и установить жизнь по человеческим законам.

— Нас интересует вот что. Вы не видели тут восточного торговца редкостями, у которого было несколько сундуков и пара сумок со странными книгами? Он должен был появиться из трактира Шува с несколькими носильщиками рано утром.

Офицер тут же ответил:

— Уж не о том ли восточном купце, который отплыл поутру, вы говорите?

— Отплыл? — воскликнул Сухмет. — Уже?

Офицер усмехнулся:

— Он первый заметил, что магическая пелена, закрывающая гавань, рассеялась, и нанял галеот, словно специально построенный для контрабанды, — такой быстрый и легкий, что его не догонит и почтовый бриг. Капитан галеота только-только собрался стать под загрузку, но ваш восточник предложил такую цену за проезд, что он и от груза отказался. — Потом он внимательно посмотрел на лица собеседников: — Что-то не так, господа?

— Это один из заговорщиков, — пояснил Рубос. — Он убежал.

— Мы ничего не знали. Бумаги этого человека были в полном порядке, декларации он оплатил очень аккуратно, у нас не было причины задерживать его.

— Да, да, — кивнул Сухмет и подошел к Лотару, который, стоя на краю пирса, пытался рассмотреть что-то за горизонтом.

Судно не успело далеко уйти. Если постараться, то можно было, немного искривив зрение по дуге, рассмотреть мачты галеота. Значит, была, пожалуй, еще возможность — прямо здесь, не обращая внимания на людей, отрастить крылья и рвануть вперед. Колокольчик в сознании тоненько, но отчетливо и печально затренькал.

Да, задача нелегкая. Перепуганные люди, сильный ветер, который едва-едва позволит догнать галеот, пустой желудок, жажда, израненное, ослабевшее тело и, главное, посадка на борт корабля... Один, не имея возможности выхватить Гвинед затеками после долгого и сложного перелета крыльями. А против него будет несколько очень решительно настроенных моряков, которым хорошо заплатили, и этот чудовищный, непонятный демон с неустановленными магическими ресурсами, способный ускорять течение жизни и менять время, прятать все, что ему угодно, и ставить магические завесы...

Нет, решил Лотар, слишком опасно. Надо признать, что его на этот раз обставили, обошли, перегнали.

Или все-таки возможно? Чья-то рука легла ему на плечо.

— Господин мой, — Лотар даже не оглянулся на Сухмета, — кажется, наступит время, и мы вновь встретимся с ним.

Да, решил Лотар после некоторого размышления. Это возможно. Чем больше он думал о Жалыне, тем вернее у него становилось чувство, что им предназначено встретиться, и тогда их спор будет продолжен.

И сразу же его раздражение стало таять. С неба полились горячие лучи утреннего солнца, море зашумело привычной и вечной песней у его ног, а где-то под облаками зазвенел первый за много-много дней жаворонок. Это было удивительнее всего — жаворонок над мирамским портом.

Лотар повернулся к Сухмету и улыбнулся:

-- Мне тоже так кажется, Сухмет. А пока будем веселиться.

Глава 29

Дым висел над сухой, выжженной солнцем землей, уходил тягучими, густыми языками к горизонту. Люди жгли костер уже две недели. И наконец вчера вечером Рубос — новый капитан мирамской дружины — получил от Сухмета подтверждение, что собачий камень прокалится до самой середины.

По широкому, открытому, как восточный арык, желобу к камню направили ручей. Чтобы вода залила весь камень разом, большой желоб, в котором без труда с головой помещался Рубос, развели на четыре более мелких. Это значило, что вода хлынет на камень со всех сторон, словно его бросят в огромную чашу.

Наконец все было готово. Весть об этом разнеслась по городу, хотя никто специально не предупреждал людей, что главное событие произойдет именно сегодня.

Лотар посмотрел на огромный валун и вспомнил, как в нем исчезали с бледными вспышками собаки, как он обнаружил, что именно из этого камня, как из норы, выходят чудовища, вспомнил, как княжеский совет, состоящий из самых видных жителей города — из «новой знати», как ее назвал один уличный куплетист — решал, что с этим камнем сделать.

Довольно долго обсуждали возможность скатить его в море, в надежде, что он, упав с обрыва, разобьется. И хотя эту идею, подкупившую многих своей простотой, защищала едва ли не половина нового совета, от нее все-таки отказались. Побоялись, что камень не расколется, даже если сверзится с высоты в сотню ярдов. Тогда уж к нему в воде точно никто не сможет подобраться. Кроме разве что собак.

Некоторые купцы, привыкшие считать каждый трудом и потом заработанный грош, высказались, что, мол, и это неплохо, но потом все согласились, что в море камень сбросят только после того, как расколут его на мелкие кусочки.

На том и порешили. Дым, огромные желоба, целых три рошцы, сведенные под дрова для гигантского костра... Лотар, глядя на вырубаемые деревца, возмущился было и попробовал объяснить князю, что это бессмысленно, что не камень причиной тому, что из него появлялись собаки, но тот и слушать ничего не захотел. Вернее, не захотела понять Светока, а уж потом и князь. Тизун после смерти Прачиса стал слушать княжну как оракула и не спорил с ней. А она считала, что, даже если это и дорого, нужно помочь людям поскорее забыть эти два месяца кошмаров, когда Мираном правил страх перед каменными псами.

Даже Рубос, которому Лотар попробовал разъяснить свои соображения, чтобы он передал их княжне, с которой становился все дружнее и на которую смотрел со слепым обожанием, отказался ему помогать, сославшись на то, что для костра связят в основном вывороченные собаками, уже мертвые деревья.

Вот так все и получилось, а теперь и поделаться с этим что-либо было невозможно. Все было готово, ждали только князя и княжну — наследницу престола.

Помимо Рубоса тут командовал еще и Кнебергиш. В последние дни он стал спокойнее, увереннее. У него опять появилась практика, но он многим больным отказывал в помощи. Это было мелкой и в общем-то недостойной местью за пережитый страх. Лотар видел, что люди это понимают, как понимают и то, что пройдет месяц-другой, их главный лекарь окончательно придет в себя и опять начнет их поругивать, ворчать, ставить новые эксперименты, которых на этот раз никто, конечно, уже не испугается, но главное — опять будет лечить.

Сейчас толпа стояла за кругом выжженной многодневным пламенем травы. Когда кому-нибудь от жара становилось невтерпех, он отходил в задние ряды, обливаясь потом, задыхаясь, как будто выныривал из глубокого пруда. Тут же на его место вставал другой зевака, который опасался хоть что-нибудь пропустить, хотя пропускать пока было нечего — ничего еще не происходило.

К Лотару подошел Рубос.

— Как думаешь, не пора ли костер растаскивать? — спросил он то ли Лотара, то ли Сухмета.

Старый восточник поднял голову, словно петух, собирающийся пропеть свою утренняя побудку, прищурился, потом посмотрел, как сверкает на его тонком, смуглом пальце печатка, которую Лотар получил от князя как часть платы за изгнание собак, и ответил:

— Княжеский кортеж только-только выехал из терема. Через пяток минут проедет ворота. Да, сейчас в самый раз растаскивать кострище.

Рубос тут же умчался к двум сотням своих подчиненных, занятых обслуживанием церемонии. Три четверти из них были осужденные бунтовщики, на которых от радости наложили не очень строгое наказание. Как-то раз Лотар заметил даже мордочку Крысенка. Как ни странно, после поражения он изменился к лучшему, похудел, успокоился, в нем пропал накал ненависти и появи-

лась тоска по свободе и надежда, что со временем все поправится. Впрочем, Лотар быстро забыл об этой встрече.

Лотар повернулся к Сухмету и спросил:

— Понять не могу, зачем мы здесь. Ну, эти люди хоть верят в то, что таким образом избавятся от своего кошмара. А нам какое дело?

— Это результат твоей победы, господин мой. Твое присутствие важно для всех.

— М-да, результат, — прошептал Лотар и поглядел вокруг.

Они стояли на небольшом возвышении, застеленном красным ковром, где должны были расположиться также Тизун со Светоккой. И хотя толпе было тесно, а наиболее рьяные забрались даже на окрестные деревья, люди образовали вокруг этого места пустое пространство, наполненное таким молчанием и напряжением, словно из-за них и произошли все беды. А на лицах людей, оказавшихся поблизости, Лотар читал тревогу и даже страх, лишь в самом крайнем случае — любопытство. Наверное, до конца дней на меня будут смотреть так, подумал Лотар и отвернулся к камню.

Но и камень не понравился ему. Закопченный, огромный, он казался еще большим в этом потоке рвущихся к небу прозрачных языков огня, несокрушимым, угрожающим, словно действительно по своей воле принес в этот мир горькую беду.

— Это бессмысленно, — снова прошептал Лотар.

— Знаю, и многие знают, но так будет лучше. Хоть какая-то гарантия.

Лотар повернулся. Это был Кнебергиш. Он застенчиво улыбался и осторожно, словно не знал, стоит ли, протягивал руку.

— Я еще не поблагодарил тебя за все, что ты сделал для меня.

Лотар машинально пожал протянутую руку.

— Я сделал это для всех.

Кнебергиш улыбнулся, заметив приближающегося князя, с облегчением отошел и уже издалека крикнул:

— Это будет правильно!

Десятка три людей длинными металлическими баграми растащили кучи пылающих дров, и сразу пламени, треска, шума стало меньше. Камень остался лежать почти так, как лежал все эти тысячелетия, еще до того, как сюда пришли люди, — нагой и темный. Только трава была выжжена на много десятков футов вокруг, да жар прозрачными, как свет, волнами прокатывался по его бокам. От такого страшного жара можно было спалить целый город, если бы камень вдруг покатился на дома.

Внезапно стало очень тихо. На покрытый красным ковром пригорок вступил князь. Его принесли уже знакомые Лотару носильщики. Каким-то образом они сделали все так, что их работа свидетельствовала не о немощи Тизуна, а лишь добавляла торжественности и значения наступившему моменту. Глаза князя сверкали любопытством и удовольствием — давненько ему не случилось совершать такую прогулку. И кто знает, удастся ли совершить еще одну до того, как пелена смерти закроет его глаза.

Рядом стояла княжна. Она была чудо как хороша, и Лотар на мгновение понял восхищение Рубоса. Лицо ясное, взгляд прямой — настоящая аристократка, способная сохранить власть в своих руках и не выпускать ее ни при каких обстоятельствах. Рядом с ней стоял Крамис, единственный ее друг, с которым она вместе росла, и Амирада.

Амирада очень переживала, что главным предателем оказался ее родственник, но все же появилась на людях. Она оправится от этого удара, решил Лотар, непременно оправится.

— Как думаешь, — спросил Лотар Сухмета, — получится?

Сухмет только вздохнул:

— Я рассчитывал это сооружение почти неделю и еще столько же строил его. Поэтому, если гидравлики ничего не напутают, все должно получиться.

К князю стали подводить послов из соседних княжеств. Иногда они прибывали с небольшими дружинами, но большую часть этих вояк в город не пустили, потому что ослабленный Мирам должен был думать о безопасности. Впрочем, послов, чтобы засвидетельствовать победу истинной власти и втайне проверить намерения Светоки относительно замужества, все равно в городе собралось немало. Дипломатические церемонии грозили отнять слишком много времени.

Но Рубос действовал решительно. Он приблизился к князю и произнес так, что его услышали даже в задних рядах:

— Князь, камень остывает. Прикажи начать.

— Ну что же, — проямлил Тизун, бросив взгляд на невозмутимую Светоку, — я не против. Начинай. Покажи, что вы тут устроили.

Рубос бросился к солдатам, стоящим возле желоба, и махнул рукой. Тут же этот сигнал передали вверх, потом еще выше, потом еще... И минуты не прошло, как где-то далеко раздалась тугие удары — рабочие выбивали заслонки. И вдруг... Желоб застонал, закрипел, по нему прокатилась дрожь, и он начал раскачиваться все сильнее. Приближалось самое главное.

Мельком Лотар заметил, что Светока смотрит на камень, а стоит Рубосу отвернуться, как она поворачивает к нему головку, как цветок к солнцу. Лотар вздохнул. Что ни говори, а все было правильно. Его друг это заслужил.

Потом из нависших над камнем четырех небольших желобков потекли струйки воды, превратились в потоки, стали полнее, сильнее...

Первые струи воды, упавшие на камень, отлетели в сторону, словно палка от боевого щита. Потом они стали рассыпаться на множество каплей, раздался треск, шипение... А когда вода, забулив, прозрачным огромным пологом, на мгновение зависнув над камнем, вдруг разом хлынула на него, жара камня уже не хватило, чтобы с ней справиться, и вверх ударил фонтан жаркого пара.

Толпа даже не шелохнулась, хотя в первых рядах послышались крики. Это ветерок отнес клубы пара на людей и обжег их, к счас-

тью, не очень серьезно. Скорее дополнительное развлечение, чем большая неприятность.

Вода уже заливала камень. Клубы пара поднимались все реже... и ничего не происходило...

Вдруг оглушительный грохот поднялся, казалось, к самым небесам. Толпа откатнулась назад. С боков камня стали отваливаться куски в рост человека, обнажая новые, раскаленные пуше прежнего слои скалы.

Вода все прибывала, куски откатывались далеко, камень пытался сохранить свой жар... И тут, еще больше напугав толпу, он лопнул и развалился на три неравные части. Вода победила, расчет Сухмета оказался правильным. Ужас каменных собак исчез из сознания обывателей.

Толпа зашумела, радостные крики стали заглушать шипение пара и шелчки все еще разваливающегося камня. Это была победа. Лотар повернулся к Сухмету и тут заметил, что сразу за восточником стоит почтенный Шув, сморщенный от удовольствия больше обычного. Лотар посмотрел на его взволнованное лицо, оглядел толпу, взглянул на князя и Светоку с Рубосом. Снова перевел внимательный взгляд на победно улыбающегося восточника.

— Знаешь, Сухмет, я ошибался, это действительно стоило сделать.

И не стал уточнять, что имел в виду.

Посох Гурама

Глава 1

Лотар Желтоголовый, Драконий Оборотень, прозванный Охотником на демонов, грелся на чистом весеннем солнышке, развися на чурбаках, предназначенных, вероятно, для господского камина, и по его виду никто бы не догадался, что в замке происходит что-то необычное. Зато Сухмет ходил взад-вперед, что-то бормотал и даже ломал пальцы, пока Лотар не попросил его этого не делать.

В огромном дворе княжеского замка Пастарины царило ленивое спокойствие хорошо защищенного места. Лучники тренировались в стрельбе из небольших восточных луков, что в безветренном каменном колодезе замка было не так уж трудно, на плацу красный от натуги десятник заставлял дружинников делать с алебардами какое-то упражнение, а у кухни трое ветеранов приставали к служанкам, вышедшим на солнышко чистить свои кастрюли.

За спиной Лотара здоровая и вполне веселая лошадка хрустела сеном, подбирая его с последнего снега. Иногда она потряхивала головой, и тогда в воздухе разливался тонкий звон удил. Иногда Лотар, как лошадь, потряхивал коротко стриженной головой и улыбался.

— Что развеселило тебя, господин мой? — спросил Сухмет. Не дождавшись ответа, он добавил: — Если мы будем сидеть здесь и дальше, никто не заключит с нами контракт даже на поиски прошлогодних подсолнухов.

Лотар попытался, не слишком, впрочем, настойчиво, отодвинуть морду лошади, которая вдруг вздумала поискать сено у него за шиворотом.

— Чувствуется ученик Харисмуса.

— Я просто осмелился посоветовать тебе больше ценить наше время, иначе...

— Да, действительно, что тогда?

— Тебе придется драться с каждым лешим, который скиснет у любой деревенской бабки молоко!

— Молоко скисает само, а леший молоко сквашивает. Живем в этих горах уже три года, а ты даже правильно говорить не хочешь научиться.

Желтоватое сухое лицо Сухмета стало розовым.

— Я... говорил на этом диалекте, господин мой, когда здесь еще ни одного человека не было!

— Тем более ужасно, что ты так и не научился...

Лошадь наклонилась и теперь уже не стесняясь облизала всю соломенно-желтую, круглую голову Лотара. Драконий оборотень рассмеялся. Сухмет посмотрел на него, обреченно махнул рукой и отошел. Но Лотар еще не успел скормить лошади краюху хлеба, которую достал из сумки под ногами, как старик уже вернулся.

— Господин мой, ты не наводишь на лошадей никакой магии. Почему они тебя так любят?

— Спроси у них. Ведь Харисмус умел, по твоим словам, разговаривать с животными.

— И с животными, и с птицами, и с рыбами, — кивнул Сухмет. — Но я не Харисмус, поэтому спрашиваю тебя.

Хлопнула дверь, и на высокое крылечко княжеского терема, как пробка из бутылки с перебродившим вином, вылетел дуайен торгового сословия Пастарины, старейшина купеческой палаты, как сказывали, самый богатый человек этих гор — господин Покуст. Он был зол и что-то орал, доругиваясь с кем-то, кого в запале обозвал «непроходимым ослом».

Осознав, что теперь его видят все, Покуст поправил меховую шапку и широким, злым шагом спустился с крыльца. Не замечая мутноватых весенних луж, он прошагал к Лотару, остановился перед горой чурбаков, на которых сидел Охотник на демонов, и, не глядя в его сторону, просипел посаженным от крика голосом:

— Он ничего не хочет понимать. Говорит, что ему нет нужды принимать тебя, что у него, в крайнем случае, есть своя дружина. — Покуст зло зыркнул в сторону ветеранов, которые наперебой гомонили перед служанками. — Это он о своей-то банде дармоедов, которые за последние три года ни разу не выползли хотя бы за ворота города! — Покуст фыркнул так, что его усы воспарили над толстыми красными губами, и снял шапку. — Но, может быть, он все-таки выйдет к тебе какого-нибудь своего шута, так что придется подождать.

— Может быть, и вправду, — подумал вслух Лотар, — перевалы еще не открылись?

— Перевалы в этом году были проходимы в течение всей зимы, — резко ответил дуайен. — Это проверено.

— Были бы они проходимы, на знаменитую ярмарку в Пастарину собирался бы весь торговый люд побережья.

— В том-то и дело, что весенняя ярмарка уже не состоится. Она должна была начаться несколько дней назад, но если никого нет — остается только считать убытки и надеяться, что дурная слава рассеется до осенних торгов.

— Сама по себе дурная слава не рассеивается, для этого нужно сделать что-то довольно громкое, — сказал Сухмет.

Покуст покосился на золотой ошейник, который Сухмет никогда и не пытался скрыть, и счел ниже своего достоинства отве-

чать рабу. Помолчав, он надел шапку. Сухмет как ни в чем не бывало снова спросил:

— Мы люди приезжие, господин, может быть, ты растолкуешь, где здесь собака зарыта?

Покуст опять посмотрел на раба, теперь уже на его роскошную саблю, отделанную не виданными в Пастарине восточными самоцветами.

На всякий случай Лотар произнес:

— Когда-то он и вправду был рабом и с тех пор завел дурную привычку считать свой ошейник чем-то вроде беспроцентного депозита. Но теперь он свободный человек и имеет такое же право носить оружие, как ты или я.

Покуст оторвал от чурбака сухой длинный прут и стал говорить:

— Слушай, чужеземец. Пастарина стоит в замкнутой узкой долине, которую связывают с остальным миром два перевала: — Дуайен нарисовал на рыхлом песке что-то, по форме напоминающее кувшин, повернутый горлышком к его сапогам. — Восточный, который еще называют Верхним, могут пройти только пешие люди без поклажи.

— Мы, кажется, пробрались сюда именно этой дорогой, — заметил Сухмет и передернул плечами. — Должен заметить, путешествие было не из приятных. Бездонные пропасти, тропа шириной в полтора фута...

Покуст нарисовал у кувшина небольшое отверстие в верхней правой части днища.

— Вообще-то весной там не рискуют ходить даже горцы, кроме самых молодых и глупых. — Покуст нарисовал второе отверстие слева, в середине кувшина. — Второй перевал называется Широким, и у него то преимущество, что он представляет собой хорошую, вполне безопасную дорогу...

— До недавнего времени безопасную, — поправил его Сухмет. Заметив, что Покуст помрачнел, он поспешно добавил: — Но, господин Покуст, как же вы вывозите свои товары?

На это дуайен торгового сословия нарисовал внутри кувшина большую восьмерку. От ее ободка вниз и через горлышко пошла извилистая линия. Не вызывало сомнения, что это река.

— Вот наше озеро. Верхнее — то, которое называется Хрустальным Кувшином, — использовать не удается, потому что оно отрезано от Нижнего водопадом. — Покуст ткнул прутиком в середину восьмерки. — От Нижнего наша река течет уже без особых помех в Мульфаджу и дальше к морю.

— Что вывозите? — спросил Сухмет.

— Лес, пушнину, кожи, руду, воск, шерстяные ткани. А нашему полотну из горного льна нет равных на свете, — запел Покуст. Чувствовалось, что на эту тему он мог говорить часами.

— Я слышал, — подал голос Лотар, — что подняться по реке невозможно, мешают пороги и слишком быстрое течение.

— Потому-то так важна весенняя ярмарка, когда возвращаются наши купцы, которые вывезли товары прошлой осенью и зи-

мовали в нижних долинах. Они привозят и нашу выручку практически за весь предыдущий год, и новые товары, которые мы не производим сами — хлеб, оружие, вино, стекло, ковры... Да мало ли что!

— Но если на реке есть пороги, как же вы вывозите столько товаров? — поинтересовался Сухмет.

— Мы строим плоты, — хмуро, думая о чем-то другом, ответил Покуст. — А на плот, который тянется на десятки туазов, многое можно нагрузить.

— Значит, тот, кто перехватил ваших купцов, возвращавшихся к весенней ярмарке, должен сорвать хороший куш? — очень вежливо спросил Лотар.

— Он заграбастал доход практически всей долины.

— А есть какие-нибудь подозрения? Кто бы мог решиться на это?

— Что ты имеешь в виду? — Глаза Покуста стали узкими и непроницаемыми. Так он, должно быть, торговался с самыми неудобными для себя агентами.

— Я имею в виду тех, кто считает, что заслуживает большего, и самое главное — имеет возможность настаивать на этом.

— Для того чтобы узнать ответ на этот вопрос, я и пригласил тебя. — Покуст отшвырнул прутик. — Ну ладно, плохим настроением делу не поможешь. Если князюшка ни на что не решится, вечером приходи ко мне. Как бы там ни было, без дела не останешься. Никто из разведчиков с перевала не вернулся, значит, что-то делать придется.

Вздохнув, Покуст пошел по лужам, яростно разбрызгивая грязь высокими ярко-красными сапогами из мягкой кожи.

— Ну и что, будем ждать? — не очень уверенно спросил Сухмет.

Лотар улыбнулся и полез в котомку за следующим куском хлеба. Лошадь звонко чмокнула губами, чтобы Лотар не забыл, кому этот хлеб предназначен, и наклонилась к его рукам, возбужденно переводя дыхание.

Наступил полдень. Лучники ушли. Дружинники с десятником каким-то образом оказались совсем близко от ветеранов и служаков, которые восприняли это подкрепление весьма благосклонно. Лошадь, убедившись, что у Лотара в котомке не осталось ни крошки, пошла искать сено в тень под стеной. Сухмет почти успокоился.

Потом где-то прокричали о том, что обед почти съели, и если эти бездельники еще хотят сегодня набить свои животы, им лучше поторопиться. Солдаты с гогом понеслись в сторону казармы, а девушки, разочарованные стремительным исчезновением поклонников, ретировались на кухню со всеми своими чанами и таганками.

Стало по-настоящему жарко. Лотар достал из сумки большую флягу с водой и выпил едва ли не половину. Никто им не предложил не то что обеда, но даже кружки воды.

Потом воины появились снова и попытались тренироваться, но теперь даже десятнику это казалось откровенной глупостью.

Солнце еще не закатилось за Часовую башню, как вояки ушли, похоже, в город. Сухмет уже был совершенно спокоен.

Внезапно на крыльчке приоткрылась дверь. Так незаметно, так тихо, что Сухмет негромко, не шевеля губами, спросил:

— Видишь?

Лотар маловразумительно заворчал:

— Значит, они все еще раздумывают.

Дверь закрылась. Потом открылась снова, но уже широко и почти гостеприимно. На крыльце показался — кто бы мог подумать — сам Принципус, капитан княжеской дружины. Он был в легких доспехах, а вокруг его большой, совершенно лысой головы наискось проходила черная повязка — Принципус был одноглаз, половиной своего зрения доказав верность князю Везу, и было это еще в далекой, туманной юности обоих. Капитан взмахнул рукой и голосом, от которого по двору прокатилось эхо, прокричал:

— Желтоголовый, тебя ждет князь.

Лотар неторопливо поднялся с чурбаков, сунул флягу в мешок, поправил Гвинед за плечами и пошел к крыльцу. Сухмет, подхватив сумку, засеменил следом. Принципус нахмурился:

— Рабу следует подождать.

— Он всегда со мной, — ответил Лотар, не сбавляя шаг.

Принципус нахмурился еще суровее:

— Тогда пусть войдет с заднего входа. Парадное крыльцо не для рабов!

Лотар уже поднялся до промежуточной площадочки. Сухмет, бесшумно переводя дыхание, стоял за его плечом. Принципус протер свой единственный глаз — только что этот немощный на вид старик стоял едва ли не в дальнем углу двора, и вот он уже здесь.

— Ты опоздал со своим предупреждением, Принципус, — лениво произнес Лотар. — Либо мы поднимаемся, либо уходим.

Капитан огляделся по сторонам. Конечно, он не заблуждался по поводу происходящего ни на мгновение, кто-то обязательно видит, что происходит, и сегодня же вечером обо всем будет доложено князю. Но внешне вокруг было тихо, спокойно, безлюдно. Скрипнув зубами, Принципус шагнул назад, давая чужеземцам пройти.

В низких, очень удобных для обороны дверях внутренних палат капитан пастаринской стражи вынужден был сгибаться чуть не вдвое. Лотар с усмешкой наблюдал, как этот гигант, проиграв стычку во дворе, пытается теперь демонстрировать пренебрежение, но так как ему приходилось поторапливаться, это не очень-то получалось.

Веза они нашли в небольшой полутемной комнатке у открытого стрельчатого окна, в которое широкой струей вливался быстро холодеющий воздух. Он мелкими глотками пил молоко, которое наливал из высокого, дивной красоты стеклянного кувшина с замысловатым, как изморозь, рисунком. После второго кубка князь повернулся к вошедшим.

В его глазах, казалось, навеки застыл холодок властности и настороженности. Чересчур бледная для мужчины кожа казалась совершенно естественной для человека с такими глазами и ранней сединой. Тонкие, почти нежные руки князя не выдавали никаких эмоций. Этот человек умел владеть собой, даже если сие не входило в его намерения.

— Итак, — заговорил Вез из Пастарины низким, раскатистым голосом. — ты и есть тот Желтоголовый, Охотник на демонов, равного которому нет ни в одной из известных нам стран?

Лотар быстро наклонил голову и тут же выпрямился. Любому блюстителю церемоний это движение показалось бы скорее кивком, чем поклоном. Зато Сухмет стал выписывать такие замысловатые и длинные пируэты, что шуршание его плаща длилось едва ли не дольше, чем Вез до этого пил молоко. Впрочем, князь не обратил на него внимания.

— Покуст утверждает, что мне необходимо нанять тебя, чтобы убрать какую-то преграду, закрывшую Широкий перевал и сделавшую ярмарку невозможной. По его словам, тебе это вполне по силам.

— Если мы договоримся, я попробую узнать, что помешало ярмарке, и убрать эту преграду.

— Ты думаешь, преграда действительно существует?

— Не знаю, я там не был. Но я верю в чутье Покуста.

Вез отошел к высокому стулу с резной спинкой, стоящему в центре комнаты, и сел. Все остальные продолжали стоять.

— Я не понимаю, почему Покуст забил тревогу. Не понимаю, почему должен нанимать каких-то побирušек, да еще за колоссальную для наших мест сумму! Не понимаю, как тебе удастся справиться с тем, что остановило охраняемые караваны... — Вез скептически осмотрел Лотара. — Силачом ты не выглядишь.

Лотар слегка усмехнулся, но ничего не ответил. В комнате стало тихо.

Внезапно Принципус подал голос:

— Господин, караваны что-то задержало, и нам все равно придется отправиться на перевал. Почему бы не нанять этого мальчишку, чтобы не рисковать обученными воинами, которые служат тебе много лет и верность которых проверена?

Вез раздраженно хлопнул себя по коленке. Не так уж он был спокоен, как хотел казаться.

— Да потому, что этот мальчишка обойдется мне не дешевле, чем содержание трех десятков тех дармоедов, которые не верность свою мне доказывали, а проедали казну, демонстрируя решительность только в одном — когда задирали служанкам юбки.

Принципус покраснел, но его голос не дрогнул:

— Если дело так рискованно, как говорит Покуст, он погибнет, и платить не придется. А мы в любом случае узнаем, чего опасаться.

— Ты уже говорил это, — медленно произнес Вез, стараясь понять, какое впечатление эти слова произведут на Лотара. Но на лице Желтоголового не дрогнул ни один мускул.

— Я хотел убедиться, что ты не забыл этот довод, господин.
— Кстати, половину суммы придется заплатить заранее, — сонно проговорил Лотар.

На этот раз тишина в комнате стояла еще дольше. Наконец Вез произнес:

— А что ты скажешь по существу, чужеземец?

Лотар медленно усмехнулся:

— Все владельцы тех городов, с которыми мне приходилось иметь дело, всегда начинали так же, как ты сейчас. Вероятно, они полагали, что высокомерие поможет им справиться с угрозой. Но... не помогало ни разу. Удивительно, что такой неосмотрительный человек, как ты, продержался у власти столь долго. Или ты в самом деле полагаешь, что никто не способен занять твое место?

Принципус схватился за меч, Вез вскочил со своего стула. Теперь на его лице не осталось и следа надменности.

Лотар спокойно продолжил:

— Или тебе кажется, что ничего скверного не может случиться, потому что за последние годы, насколько я знаю, у тебя не было ни одной серьезной проблемы?

— Да как ты, наемник, смеешь?..

Но владелец Пастарины не продолжал, а Лотар и не собирался отвечать на этот вопрос. На противоположной стене замкового двора часовые занимали свои посты. При желании можно было услышать каждое слово, произнесенное сержантом.

Вез скорее упал, чем сел на свой стул. Слабым жестом он провел перед собой рукой, словно перечеркнул Лотара и Сухмета. С лязгом, от которого стало холодно, Принципус выхватил меч. Но не пуская его в ход и не звал стражников.

— Полагаю, ты понимаешь, Желтоголовый, что теперь соглашения между нами быть не может? — шепотом, напоминаям шипение змеи, произнес Вез.

— И все-таки подумай, князь. Что могло намертво перекрыть перевал — ведь ни один воин, купец или хотя бы лошадь, потерявшая седока, не появились на заставе по эту сторону границы? И учти, это не армия, иначе ты об этом уже знал бы — обнаружить вторжение твои дружинники сумели бы. И еще, князь, попытайся представить, что говорят в казармах твои вояки, которые ведь тоже понимают, что платить тебе нечем, потому что купцы не вернулись.

Лотар повернулся. Его легкий короткий плащ сухо прошуршал в воздухе. На Принципуса, который так и не поднял обнаженный меч, он даже не взглянул. Сухмет, нервно и коротко поклонившись, поспешил за своим господином.

Лотар спустился во двор, равнодушно растолкал дюжину копейщиков, неизвестно откуда появившихся у нижних ступеней крыльца, и пошел по двору. Ни копейщики, ни их командир не сделали ни малейшей попытки остановить чужеземцев. Лотар и Сухмет уже прошли половину расстояния до ворот, когда сзади прогремел голос Принципуса:

— Остановитесь! Остановитесь, или мне придется проверить, так ли вы хорошо рубитесь, как болтаете!

Шум со стороны копейщиков показал, что они готовы действовать решительно и быстро. Им казалось, что двое небогатых наемников не способны оказать серьезного сопротивления, а значит, есть возможность без усилий выслужиться перед капитаном. Солдаты, стоявшие у ворот, тоже взяли оружие на изготовку.

Сухмет вздохнул и положил руку на эфес Утгелы — своего меча.

— Желтоголовый, князь приказал тебе взяться за дело и шлет вот это!

Лотар повернулся к крыльцу. Принципус делал вид, что улыбается, хотя от его оскала, вероятно, шарахнулись бы боевые кони. Но он очень старался и при этом протягивал вперед весомый кожаный кошель.

— Это золото, — шепотом сказал Сухмет, который, когда хотел, мог видеть сквозь предметы на значительном расстоянии.

— Да, — согласился Лотар, которого интересовало совсем другое. Еще раз прочитав что-то в сознании капитана пастаринской дружины, он произнес: — Сегодня они на нас не нападут. Теперь и вправду придется браться за дело.

Глава 2

Первую ночь, как и было условлено, они провели в доме Покуста. Дуайен торгового сословия долго и безуспешно пытался выяснить, что и как было сказано у князя, но Лотар лишь улыбался и толком не ответил ни на один вопрос.

Снег встретился им задолго до заставы — грубого, торопливо срубленного из вековых бревен форта, который тем не менее был так удачно расположен, что казался почти неприступным. В форте они провели следующую ночь, потому что здесь их уже ждали. Сухмет очень порадовался эффективности княжеской системы оповещения, позволившей им избежать сложных объяснений.

На следующее утро, когда они вышли на неохраняемую часть широкой, все время уходящей вверх дороги, пришлось уже идти по снегу. Впрочем, пара волов, запряженных цугом, могла проташить по этой дороге даже основательно нагруженную телегу.

Миновав несколько голых рош, путники вышли на неширокий — не более полумили — горный карниз, относительно ровную поверхность которого то и дело разрывали острые, обнаженные скалы. Попетляв, дорога пошла прямо на сплошную стену черных гор, закрывавших полнеба. В этом гигантском каменном пороге был только один разрыв — перевал, который и назывался Широким.

Дорога тоже была не по-горному широкой. Снег на ней местами уже сошел, и ноги путников стали вязнуть в липкой грязи. Сухмет вдруг стал поносить эту дорогу на чем свет стоит. Лотар удивленно поднял на него взгляд.

— А вот это как тебе понравится? — Сухмет поднял ногу повы-

ше, и Лотар увидел, что подошва его сапога отвалилась, обнажив ступню старика почти до пятки.

— Раньше нужно было думать, — бросил Лотар и пошел вперед, вдыхая воздух, напоенный запахом первых горных трав.

— Да кто же мог подумать, что нам предстоит такое? — В голосе Сухмета было почти настоящее возмущение. — Если бы ты не ташил меня...

— Никто не ташит тебя насильно.

— Один ты не справишься.

Хладнокровие Лотару не изменило.

— Я хочу сказать, что ты берешься за предприятие довольно рискованное, — повысил Сухмет голос.

Лотар все так же, не оборачиваясь, шагал по грязи, поднимая ноги повыше.

Сухмет вздохнул, допрыгал на одной ноге до края дороги и сел на светло-серый валун, похожий на прикорнувшего медведя.

— Подожди, пока я подвяжу подметку.

Лотар остановился, обернулся:

— Могу дать тебе ремешок.

— У меня есть свой. — Сухмет порылся в котомке, которую нес за плечами, достал тонкий сыромятный шнурок, отрезал от него кусок фута в три и принялся старательно укреплять сапог.

— Это еще не грязь, — буркнул Лотар. — Вот если бы по дороге ездили, ты бы понял, что такое настоящая грязь.

— Есть предметы, с которыми я не стремлюсь свести слишком короткое знакомство.

— А то, что закрыло перевал, из этого списка? — спросил Лотар.

Сухмет встал, притопнул сапогом, перетянутым ремнем, и пожаловался:

— Снег забился внутрь и тает.

— На привале пришьешь подметку, будет лучше прежнего.

Сухмет проговорил едва ли не лъстиво:

— А чем плохо здесь? До обеда осталось совсем немного.

Лотар осмотрелся. До места, где дорога терялась в каменной гряде, оставалось не больше двух миль.

— Прежде посмотрим, нет ли там чего-нибудь интересного.

Лицо Сухмета стало на мгновение непроницаемым, потом он очень серьезно сказал:

— Ничего не чувствую. Такое впечатление, что впереди нет ничего живого, даже птиц или полевых мышей. А ведь должно быть. — Он еще раз попробовал определить возможную опасность, которая находилась впереди. — Нет, абсолютно спокойно.

— Вот и у меня то же ощущение. — Лотар покрутил головой. — Красиво здесь. Даже когда смотришь магическим взглядом, все равно красиво.

— Может быть, — осторожно сказал Сухмет, — в этой красоте и заключена главная опасность? — Лотар удивленно поднял брови. — Я хочу сказать, ты как-то уж очень рвешься вперед.

— Я проверяю каждый камень на дороге.

Но он понял, что старик прав. Ему следовало бы разобраться, что заставляет его спешить.

— Несомненно, — улыбнулся Сухмет. — Но те люди, которые угодили в эту ловушку, думали так же.

Лотар сдался. Он подошел к Сухмету и присел на камень рядом со стариком.

— Ты прав.

Сосредоточившись, Лотар стал думать о том, что, возможно, заставило его торопиться. Но как он ни старался, не чувствовал даже следов магии. Могло, правда, оказаться, что колдовство было слишком мощным, когда почувствовать его изнутри практически невозможно, как невозможно понять, откуда исходит запах, когда к нему уже привык. И Лотар перевел внимание на то, что лежало впереди.

Дорога была пустынна, тиха и совершенно безопасна.

— Может быть, ловушки уже нет? Караванов больше не предвидится, и тот, кто ее поставил, вынужден был уйти.

Сухмет серьезно покачал головой. Он был очень сосредоточен, помогая Лотару, вливая в него свою энергию, пытаясь поднять уровень восприятия Желтоголового до предела. Внезапно Лотар расхохотался.

— Ай да хитрец! Значит, ты специально подстроил эту штуку с сапогом, чтобы притормозить меня.

Лицо Сухмета стало удивленным.

— А мне казалось, господин мой, что я хорошо спрятал свои мысли.

Лотар снял налобник, выкованный из темной бронзы, провел рукой по коротким волосам.

— А я не мысли прочитал. Просто на разошедшемся шве остался след твоей магии.

Сухмет внимательно, сузившимися глазами посмотрел на свой сапог.

— Здорово. Нет, в самом деле, здорово. Ты почувствовал след, который не могу, при всем желании, почувствовать даже я. Кажется, зря я говорил...

Внезапно стало тихо, очень тихо. Так тихо, что Лотар вскочил на ноги и схватился за кинжал. Впрочем, больше он ничего не предпринимал, потому что ничего и не случилось.

— Вот так-то, — сказал наконец Сухмет. — А мы летели вперед, как пришпоренные.

— Что это было?

— Кто-то умер.

— Скорее что-то. Нечто со слабой аурой, похожее на неодушевленный предмет...

— Но не животное.

Лотар снова протянул вперед свое восприятие, как нежнейший цветок, и вдруг все понял.

— Это была птица. Она погибла на лету. Как это может быть? Она кружила довольно низко, но ничто не убивает так, как погибла она... Словно ее мгновенно что-то задушило.

Сухмет вздохнул:

— Теперь у нас есть ответ — капкан не снят. Он так же готов действовать, как прежде.

Лотар посмотрел на перевал, разрезавший черные горы, и прикусил губу. Теперь настороженность изменила, кажется, сам цвет его светло-серых глаз — они стали темнее.

Когда они пошли дальше, Лотар попытался объяснить:

— Понимаешь, мне все время кажется, что здесь нам не придется очень уж трудно работать. — Он еще раз провел рукой по волосам и надел налобник. — По-моему, наши противники застряли дело, которое им не по плечу.

— А кто наши противники? — живо спросил Сухмет.

— Ну кто же это знает, кроме их самих? — удивился Лотар.

Сухмет задумался. Они шагали по рыхлому, хлопающему снегу, и горы становились все ближе. За низкими серыми тучами угадывалось солнце. Где-то недалеко сорвался пласт подтаявшего снега и гулко хлопнулся о землю. По-прежнему удивляло истораживало отсутствие птиц.

Лотар обернулся. Ближайший лесок почти полностью закрыл долину, но между верхушками деревьев и полосой туманной мглы, давящей сверху, проглядывала земля, изрисованная разводами первой, удивительно яркой травы. Он догнал Сухмета.

— А знаешь, — заговорил старик, не поворачивая головы, — у меня такое же ощущение. Как будто мы столкнулись с новичками, которые не понимают сил, запущенных в действие. И они не способны теперь выбраться из положения, в котором оказались. В общем, мы напали на каких-то недоучек. — Он протопал еще десяток туазов и завершил свое сообщение: — Но это не значит, что мы не можем попасть в передрагу.

Внезапно Сухмет остановился. Заметив его напряженную спину, Лотар тоже замер и лишь тогда осознал, что его рука наполовину вытащила Гвинед из-за плеча. Оба стояли совершенно неподвижно, всматриваясь в темное, припорошенное снегом, смазанное пятно, появившееся впереди в трех сотнях шагов.

Это была перевернутая телега. Она ехала вниз, в долину, хотя и не наверняка. Уж очень трудно было сейчас определить, что здесь произошло. Обе лошади, тащившие ее, исчезли. Немного в стороне лежал труп возницы.

— Мертв уже много дней, — сказал Лотар.

— А ведь он почти вырвался.

— Пожалуй. К нему можно подойти, вокруг чисто.

Телега была из тех тихоходных, но очень надежных повозок, на которых местные жители переправляли товары на большие расстояния. Передняя ее часть была расколота, словно, до предела разогнавшись на этом склоне, она налетела на нечто несокрушимое. Товаров, как ни странно, не было. Постромки были оборваны... Нет, вся сбруя была вырвана из крепежных пазов крепкого, как камень, твердого дерева.

— Чтобы так рвануть, нужно быть великаном, — заметил Сухмет.

Они подошли к труп. Это был житель долины, решил Лотар. У него были слишком характерные прямые русые волосы. Он был молод, не старше Лотара. Его белое от ночных морозов лицо напоминало лик статуи. В засыпанных льдинками глазах застыло спокойствие, и это было странно, потому что нижняя часть его туловища была оторвана: так нетерпеливый обжора разрывает тушку цыпленка. Кровь из разорванного живота впиталась в снег бледно-серым пятном.

— Удивительно, — подал голос Сухмет, — что его не обгрызли шакалы. Понимаешь, еще очень голодно, но ни один зверь не покусился на... Такое впечатление, что зверей тут вообще не осталось.

— Не знаю, есть ли тут шакалы, барсы или хотя бы лисицы, но те, кого интересуют ткани и золото, здесь определенно водятся.

Лотар попытался оценить своим магическим видением, что же здесь произошло, но ничего не увидел. То ли слишком много времени прошло, то ли все здесь было умело стерто. Он перепробовал все, что могло остаться, — запах, волоски шерсти, след оружия, остатки тонких, разреженных полей, составлявших след ментальной магии... Но ничего не обнаружил.

— Может быть, холод как-нибудь подействовал, — предположил Сухмет, который читал мысли Лотара.

— Что-то должно было остаться, а получается... Ладно, впереди еще не один такой сюрприз.

Они пошли дальше. Следующую повозку они обнаружили через две сотни шагов. С ней все было проще, ее просто перевернули на бок. Лошадей и трупов людей не было. Товаров тоже. Дальше все так и пошло — ни трупов, ни товаров. Но количество разбитых и сломанных повозок ошеломяло. Наконец Сухмет не выдержал:

— Да сколько же здесь награбили! Пожалуй, Покуст не преувеличил, когда сказал, что на перевале можно перехватить заработанное жителями долины за целый год трудов.

Внезапно среди множества разбитых и разграбленных повозок они нашли второй труп. Его наполовину засыпало осколками фаянсовой посуды, которая разлетелась на куски от чудовищного удара, обрушившегося сверху. Даже после этого он оставался жив и собирался драться — его ухоженные пальцы сжимали рукоять боевой секиры. Но ее лезвие было чисто, купец не сумел подняться или не успел освободиться от остатков своего некогда прекрасного товара. И тогда его кто-то добил точным, как удар палача, выпадом под подбородок. Сухмет указал на характерный след от редчайшего в этих краях трехгранного клинка, оставившего ранку, похожую на запекшуюся от крови остроугольную звездочку.

— По такому клинку нетрудно будет отыскать убийцу.

Лотар кивнул:

— Посмотри, сталь прошла мягкие ткани и вошла в мозг снизу. Это сделал кто-то, кто всю жизнь зарабатывал мечом свою кружку вина. Сомневаюсь, что кто-нибудь из тех лоботрясов, ко-

торых мы видели в замке Веза и которые воображают себя бывалыми бойцами, может так ударить.

Коляя, пробитая в камне бесчисленными повозками, стала уже. Иногда она напоминала пешеходную тропу. Лотар попытался понять, как же они здесь проезжали, но ничего не мог придумать. Сухмет рассеянно улыбнулся:

— Там, где проехать не удастся, повозку можно перенести на руках.

— Но ведь нужно перегружать товары. С этим нелегко справиться.

Сухмет развел руками:

— Ты знаешь, как водят караваны в пустыне, мой господин. Поэтому тебе такой способ кажется необычным, а здесь это считается нормальной работой купца и его подручных. Скажи кому-нибудь, что бывает иначе, и тебе не поверят.

Горы теперь поднимались по сторонам дороги темными отвесными стенами. Небо, раздуваемое неровным ветром, посерело. В воздухе появились крохотные, холодные как лед капельки воды. Одежда стала шуршать, как листья во время дождя. Было видно не дальше чем на сотню шагов.

И со звуками творилось что-то непонятное. Казалось, закричи кто-нибудь из них, и уже на расстоянии вытянутой руки его голос увязнет в этой водяной пыли, как в вате. А хрустнет стебель травинки за много миль, и дрогнет, оглушенное, все живое.

— Удобное место для засады, — сказал Сухмет.

— Не очень, — возразил Лотар. — В ущелье десяток решительных людей способны задержать любую рать, пока повозки отводят в сторону. Вот если бы здесь было пошире и поровнее...

И такое место открылось за поворотом. Это было плоское и ровное, без канав и складок, плато. Стены ущелья, сжавшие дорогу, разошлись так далеко, что пропали в тумане. Дорога еще немного поднималась вверх, но потом вдруг затерялась за близким перекастом, образованным, должно быть, верхней точкой перевала.

— А вот это в самом деле очень удобное место для засады, — сказал Лотар, оглядываясь по сторонам. Ему здесь не нравилось, но он по-прежнему не чувствовал ни малейшей опасности.

— Где же повозки, где следы нападений?

В самом деле, здесь не было даже обломков.

— А знаешь, — вдруг возбужденно сказал Сухмет, — здесь кто-то все расчистил, хотя и непонятно с какой целью.

— Сейчас посмотрим.

Лотар пошел вперед. Зачем-то он считал шаги, словно каждый из них мог стать последним и ему нужно было пройти как можно дальше, чтобы уцелеть. Было так тихо, как бывает только в глубокой пещере, или в темном, густом кошмаре, или в горах, где уже невозможно дышать, где нет ни гроз, ни облаков, где не живет никто, кроме тех, кто уже не может называться человеком.

Вдруг — Лотар даже присел — зазвенели колокольчики... нет, колокола, оглушительные и непрерывные. Они трезвонили так, что можно было оглохнуть! Не понимая, что нужно делать, Лотар

лег на камни и, мобилизовав всю свою энергию, попробовал быстро осмотреться. Ничего. Потом что-то стало проявляться, непонятное, трудноуловимое... А колокольчики захлебывались, предупреждая об опасности.

Его руки что-то коснулось и тут же замерло, прилипнув, врас-тая в кожу, обжигая невероятной болью. Потом что-то коснулось ноги, что-то мягко легло на плечо... Лотар окаменел, стараясь не двигаться. Он собрал всю выдержку, чтобы не вскочить, не взмахнуть руками, пытаясь освободиться.

Теперь он видел, что туман и клубящееся небо над головой были не просто спустившимся на перевал облаком. Это была мощнейшая и сложнейшая по исполнению магия, почти превосходящая все, что Лотар видел прежде и о чем читал. Эта серая, колышущаяся пелена скрывала тонкие невидимые нити... Они были липкими и жгучими, и их сплели, чтобы они беззвучно опускались сверху и опутывали жертву, если она начнет двигаться в попытке освободиться.

Это была паутина. Теперь Лотар видел, что это именно паутина — невидимая, не толще конского волоса, и абсолютно прозрачная, спускающаяся сверху медленными и бесшумными пря-дями. Они, как щупальца, свисали с основной сети, которая была растянута в сером небе на высоте десяти-пятнадцати туазов. Но это несомненно была паучья сеть — с ее спиральным строением, с ее потрясающим, смертоносным изяществом и совершенством.

Несколько нитей, как живые существа, скользнули по плащу и убралась в сторону. Вероятно, их раздвинул, как занавеску, ветер... Что-то здесь должно быть интересное с ветром. Нужно потом подумать или спросить Сухмета... Спросить Сухмета? Можно ли здесь громко разговаривать? А думать можно?

Лотар решил.

— Сухмет, — позвал он.

— Господин мой, прошу простить меня, недостойного раба, за то, что я не увидел раньше. Я буду всю жизнь слизывать кипящее масло со сковородки, чтобы искупить...

— От этого сейчас особенно много пользы, — пробормотал Лотар. Иногда его очень раздражало восточное воспитание старика.

— Что?

— Посмотри лучше, надо мной есть еще эта гадость? Она не ощущается до прикосновения, и я не знаю...

Кажется, я становлюсь болтливым, подумал Лотар. Наверное, это от страха.

— Правая нога и правая рука не должны двигаться. Но левая ничем не стеснена. Но они близко, о... как они близко. Лучше не двигайся, господин мой, я подберусь поближе и брошусь вперед, чтобы они затянулись на мне прежде, чем на тебе. Тогда ты успе-ешь...

— Больше ничего не придумал?

— Невыносимо видеть, как...

— Говоришь, левой я могу двигать?

Осторожно, не отрывая руку от камней со снегом, забившимся в трещинки, Лотар потянулся к Гвинеду. Его меч, не подвластный никакой нечисти, должен его спасти. Это ведь так просто — нужно всего лишь пресекать эти нити...

— Господин мой, не двигайся. Ветер изменился, сеть над нами займет другое положение, и нити поднимутся.

— А если появится тот, кто это сплел?

— Не появится. — Голосу Сухмета не хватало уверенности, но он уже не был от ужаса.

Клинок выходил легко, словно знал, что без него не обойтись. Но движения кисти не хватало, чтобы освободиться от ножен. Если бы знать, что Гвинед справится с паутиной, можно было бы перевернуться на спину и рубануть те нити, которые сковали правую руку. Нет, нужно выбрать что-то более верное. В этом месте возможно все, здесь даже воздух загустел от какого-то чудовищного и дикого колдовства.

Лотар перехватил клинок посередине. Сталь была холодной и скользила от влаги. Лотар понял, почему Гвинед так легко выходит из ножен. Когда все кончится, подумал он, нужно будет тебя хорошенько намазать.

Когда меч оказался в его руке, Лотар оперся на каменную поверхность подбородком. Это дало ему возможность посмотреть вперед. Настоящий занавес прозрачных нитей спускался сверху. Некоторые из них почти касались его лица, а он их не чувствовал. Привык к тому веществу, которое находится на них? И сейчас они отравляют его, а он не может даже как следует размахнуться...

Значит, лежать и ждать, как предлагал Сухмет, было бы самым верным путем в могилу. Хотя нет, здесь не хоронят. Здесь кто-то, напичканный магией, как рождественский гусь яблоками, съедает тех, кто слишком терпелив и готов лежать, чтобы сохранить жизнь. Поэтому и нет здесь трупов, хотя животных, желающих заняться свежей убоиной, тоже нет.

Лотар поднял Гвинед и поднес его к нитям. Так, должно быть, хирурги удаляют катаракту с глаза. Ну, старый друг, покажи, на что ты способен...

Едва острая стальная кромка коснулась первой паутинки, как тончайший волосок, длиной в пару дюймов, упал на землю и растворился в сыром воздухе, как медуза на солнце, только гораздо быстрее. Остальная нить поднялась вверх, закручиваясь тонкой спиралькой, словно живая. Может, и правда, они живые?.. Лотар коснулся следующей нити. Тот же эффект.

Тогда он рубанул по густой пряди, висевшей перед ним. И Гвинед прошел через бледные светящиеся нити, расчистив место для дыхания, для жизни. Разрубая вещество, из которого нити были созданы, меч ощутимо подрагивал в руке, но Лотару казалось, капельки воды в воздухе оказывают магическому мечу большее сопротивление, чем эта паутина.

Отвратительные космы отдернулись вверх, Лотар засмеялся. Он перекатился на спину и освободился одним быстрым движением меча. Против Гвинета эта ловушка была бессильна. Он

встал. Сухмет стоял на коленях там, где Лотар оставил его, и шептал какое-то заклинание.

Лотар расхохотался во весь голос. Разрубая все пряди, которые мешали ему пройти, он подошел к старику:

— Вставай. Гвинед справился с этим гораздо лучше заклинаний.

Сухмет открыл глаза. Он почти сразу все понял, и в его испуганных глазах появилось облегчение. Еще слабо, не очень-то веря удаче, он усмехнулся, показав свои не по-стариковски крепкие и красивые зубы.

— Значит...

— И на этот раз мы победим. Я же говорил тебе, здесь работают неумехи.

Земля качнулась под ногами Лотара, а горы рванулись вверх, закрывая небо, натянутое паутиной. Он упал на колени, потом на бок, но Гвинед не выпустил.

Он получил доказательство — в нитях все-таки был яд. И очень мощный, если хватило пары минут, чтобы отравить его. Но теперь это было не страшно.

И еще он подумал, что можно трансмутировать в паука и драться их методами.

Глава 3

Лотар пришел в себя от запаха дыма. Его голова лежала на чем-то мягком, а руки и ноги были укутаны грубой, приятной на ощупь тканью. Ему было тепло, даже жарко.

Где-то совсем рядом рубили дрова. Интересно, подумал Лотар, откуда здесь дрова. Из лесу они вышли несколько часов назад, и ничего, кроме камня, не видели по обеим сторонам дороги... Дорога, паутина, яд. Он все вспомнил и открыл глаза.

Прямо перед ним горел огонь. Грубые дорожные плащи, в которые Лотар был укутан, уже начинали потихоньку тлеть. По ту сторону костра Сухмет рубил обломки повозки боевой секирой убитого купца. Сухмет сразу понял, что Лотар в сознании.

— Вот и отлично. — Он вчитался в состояние Лотара и тут же палкой стал отодвигать костер подальше. — Сейчас, мой господин, все будет как ты хочешь.

— Сухмет, — голос Лотара удивил его самого, настолько он был слаб, — долго я был без сознания?

— Нет, мой господин.

— Говори правду.

— Два часа. — Сухмет занялся головешками. — Но теперь это ничего не значит.

— Сухмет, а мы не ошиблись? Может, против нас на этот раз играют очень сильные противники и их неумелость нам просто померещилась?

— Они в самом деле не понимают, что творят. И плохо рассчитывают, что будет потом. С той энергией, которую они затратили

на создание этой ловушки и которая требуется, чтобы не пропустить сюда ветер, они могли бы придумать и что-нибудь получше.

— Откуда у них такая энергетика?

Сухмет подумал, вытер невольно выступившие от дыма слезы и ответил:

— Иногда в руки не очень умелого колдуна попадает магический инструмент огромной силы. И тогда начинается такое, что не привидится и самому изобретательному идиоту.

Сухмет развел руками. Лотар посмотрел в низкое небо, куда дым костра уносился, как песок сыпается в пропасть.

— Хорошая идея. Принеси воды, пить хочется.

Сухмет бросился к сумке. Когда он поднес к губам Лотара горлышко, в тонких медных стенках дружелюбно и звонко плеснулась вода. Лотар взял флягу сам. Рука его подрагивала, но он знал, что уже завтра и думать забудет об отравлении. Его тело, которое могло трансмутировать в дракона, уже восстанавливало свою жизненную силу.

Вода остудила жар. Лотар вытер губы и с сожалением вогнал в горлышко пробку.

— Как ты думаешь, имеет смысл трансмутировать в паука и драться по их правилам?

— Ни в коем случае, господин мой. — Сухмет взял флягу и отставил в сторону. — Чтобы выбрать подходящий вид паука и научиться драться наиболее эффективным методом, нужно немало экспериментировать. Если бы ты так поступил, я не дал бы за твою жизнь...

Лотар улыбнулся:

— Правильно. В новом теле — другая пластика, и мозг довольно трудно привыкает к этому.

Сухмет выпрямился, опустил руки и очень смиренно произнес:

— Мой господин, я должен признать, что ты действовал наилучшим образом, а вот мои советы привели бы тебя к гибели.

Лотар слабо махнул рукой:

— Все обошлось, Сухмет.

— Нет, господин мой, я должен...

— Нет! — рявкнул Лотар как мог. — Не заставляй меня тратить силы впустую.

Старик поклонился:

— Слушаю, мой господин.

— И вообще, мне не хочется, чтобы ты так меня называл. Я никакой не господин тебе, ты получил свободу в тот день, когда мы встретились.

Лицо Сухмета стало несчастным, в его узких глазах появилась печаль.

— А как я должен называть тебя, господин?

— Хотя бы по имени. А если наберешься смелости, называя как остальные — Желтоголовым.

— Господин, не наказывай меня так, я не могу и не хочу... Даже приказа твоего я не послушаю.

Сухмет быстро отошел в сторону, подобрал секиру и сделал вид, что на свете не существует ничего важнее дров.

Да, он присмирел, и, может статься, надолго, подумал Лотар. А жалко.

— Что ты делаешь?

— Рублю дрова. Скоро я буду готовить ужин, господин, дров потребуется много.

— Еще вчера ты умел приготовить ужин на двух лучинах и пучке травы.

Он промолчал. Нет, так не годится, нужно зайти с другой стороны.

— Как ты думаешь, та птица, которая погибла в паутине...

— Она очень быстро погибла от яда. А потом кто-то ее уташил, чтобы она не обозначала сеть другим птицам. Кроме того, кто-то тут очень голоден.

— А мне показалось, ее мгновенно удушили.

— Этот яд действует, помимо прочего, на дыхательные центры. И расстояние было слишком велико, немудрено ошибиться.

Так, уже лучше. Оставался один шаг, чтобы он начал излагать свои соображения без понуканий.

— А я ждал, что со мной попробуют то же. Ведь птица и человек довольно схожи.

Сухмет усмехнулся, поднял голову:

— Дело в том, что ты — не человек... Да, знаю, ты раскрыт, не думаешь об осторожности, самоуверен и очень, чрезмерно любопытен. Вначале даже я совершенно серьезно думал, что такова твоя индивидуальность, пока не убедился, что ты иногда, очень редко, но все-таки переигрываешь. И стало ясно, что, может быть, ты — Черный Дракон, который трансмутировал в человека, а это совсем не то же, что человек, вернувшийся после неудачного колдовства в человеческое естество. — Сухмет блеснул глазами. — Как бы там ни было, я утверждаю: ты, так сказать, оборотень в квадрате, трансмутант второй степени, который прикрыл всеисилие дракона видимостью неискушенного юнца.

Лотар никогда не думал о себе в таком ракурсе. Это было нечто совершенно новое.

— Трансмутация в человека... Ничего себе!

Сухмет сдержанно рассмеялся:

— Пожалуй, об этом не имело смысла говорить, ведь по рождению ты — человек, как и я. Но с теоретической точки зрения во всем твоём существовании, господин, есть какая-то загадка.

— Древние загадки, темные тайны, превосходно замаскированные ловушки...

Оба посмотрели в ту сторону, где ущелье выходило на плато. До него было не больше двухсот шагов. Не слишком ли близко, подумал Лотар. Нет, если Сухмет решил, что этого достаточно, значит, так и есть.

— Да, пожалуй, она неплохо замаскирована. И все-таки, повторяю, можно было придумать что-то более совершенное. В том, что здесь устроено, не видно, знаешь ли, настоящего мастерства.

Лотар внутренне торжествовал. Сухмет становился собой. И это был лучший товарищ и лучший помощник в том ремесле, которое Лотар себе выбрал.

— Ты придумал, как теперь следует поступить?

— Нет, господин. После того, что случилось, я не решаюсь...

— Так ты предпочитаешь, чтобы я сломал шею по собственному рецепту. Ну что же, я попробую. Пока ты готовишь ужин, мне хотелось бы посмотреть на паутину и подумать, что делать дальше. Помоги мне добраться туда.

Сухмет бросил секиру и поспешил к Лотару.

— Я посажу тебя, мой господин, туда, где видно все, что происходит на плато. — Он усмехнулся, легко поднимая Лотара на руки. — И где это зрелище напоминает сад камней, который выявляет лучшие качества воина.

Глава 4

Лотар и Сухмет стояли перед плато и осматривались. Сеть над их головами не безжизненно перечеркивала небо, а перекачивалась, как трава на ветру, иногда бессильно провисая, словно сырая шкура на барабане, а иногда вздымаясь куполом над этим каменистым полем.

Лотар не спускал глаз с прядей беззвучных, смертоносных нитей. Они то поднимались, увлекаемые сетью, то опускались чуть не до половины своей длины и тогда мели поверхность камней, словно большие, отвратительные швабры, которые моряки делают из старых канатов. Лотар уже заметил места, которых следовало избегать, потому что там эти пучки были особенно густыми, но определил и просветы, где можно было проскочить, если Сухмет станет предупреждать о движениях сети над головой.

— Никогда ничего подобного не видел. И как это, по-твоему, работает?

Сухмет притворялся: сообразить, что сеть наверху служит лишь каркасом для свисающих пучков, не составляло труда. Лотара поразила идея использовать ветер, который, то поднимая, то опуская сеть, обеспечивал неожиданную и совершенно непредсказуемую атаку всего, что оказывалось на дороге. Это делало ловушку совершенно непроходимой. Оставалось только удивляться, что некоторым купцам удалось преодолеть смертоносный барьер. Если бы Лотар не видел трупы и разбитые повозки с этой стороны, он бы не поверил, что такое вообще возможно.

— Хорошо работает, — ответил Лотар. — Просто и надежно.

Сухмет понял, что его тон не принят, и усмехнулся:

— А что еще ты увидел, пока сидел здесь всю ночь и половину утра?

Лотар посмотрел на верхушки гор, нависших над ущельем.

— Я и не думал сидеть здесь столько времени без дела. Я спал. Здесь, как оказалось, хорошо спится.

— Ну да, — буркнул Сухмет, — смертельное отравление неиз-

вестным ядом как средство от бессонницы. Нужно будет записать, уж очень оригинальный способ.

— А я подумал, это ты начинил меня таким варевом, что меня можно было резать на куски, я бы даже не проснулся. — Сухмет сдержанно поклонился, но Лотар уже думал о деле. — В общем, я, конечно, не только спал. Я еще увидел, как умирают птицы. Окачивается, по верхней сети бегают три паука, причем каждый величиной с теленка, но гораздо опасней. Только вот как они могут удержаться на этой сеточке?..

— Возможно, — чуть слышно произнес Сухмет, — эта сеточка выдержит не только теленка, но и взрослого быка.

— Откуда ты знаешь?

— Мне кажется, я читал об этом в какой-то книге, где переписчики не поленились рассказать о таких методах колдовства, которые в конце концов признали неудачными.

— А там не говорилось о методе борьбы с таким вот кружевом?

— Нет, господин. Но я думаю, ты придумаешь что-нибудь.

— А что обнаружил ты?

— Мне тоже показалось, что за верхнюю сеть отвечают три не очень крупных паука, выращенных из породы лесных охотников за мошками.

— Выращенных?

— Если у устроителя этих чудес действительно есть мощный источник энергии, то ему вырастить из обычного паучишки кровожадную тварь ничего не стоит. Нужно только время, как ни странно, довольно много времени.

Лотар осмотрел ближайшие скалы, не скрытые туманом.

— К тому же мне показалось, здесь есть что-то еще. Гораздо более грозное и опасное. Но вот что именно, я не понял. Это место настолько полно крови и еще не остывшей боли, что разобратся совершенно невозможно.

Сухмет очень серьезно кивнул.

— Мне тоже показалось, что главное — не в этих верхолазах. Они лишь служат чему-то... Мне, в отличие от тебя, определить его мешает не масса происшедших здесь убийств, а перенасыщенность энергией, чуждой тонкой магии, к которой я привык.

Лотар вздохнул:

— Значит, будем осторожны. И действовать придется так, как чистят капусту — снимают один испорченный лист за другим и смотрят, что получается.

Сухмет согласно кивнул:

— С чего начнем?

— С твоего конька — пиротехники. Я буду действовать, а ты поможешь мне не влипнуть в очередной пучок этой прелести. — Лотар усмехнулся. — Весь план построен на том, что ты вчера нарубил множество превосходных дров.

Через пару часов все было готово. Три большие груды облитых маслом дров были аккуратно уложены на широких бычьих шкурах, расстеленных на приличном расстоянии друг от друга на самом краю опасной зоны. Шкуры и масло нашлись среди това-

ров, которыми погнушались грабители повозок. Еще одну шкуру Лотар накинул на себя, защитившись от прикосновения отравленной паутины.

Сухмет встал на небольшой валун у средней шкуры и сказал:

— Значит, так. Если я поднял руку, сеть висит высоко. Если опустил — она пытается накрыть тебя, и самое лучшее — побыстрее удирать.

— Ты лучше не руками размахивай, а кричи.

— Я буду, конечно, кричать, но и знак не помешает. И постарайся не разрушить тот каркас, который я выложил на шкурах, господин мой.

Лотар не ответил. Он проверил, насколько надежно держится шкура на его голове, подошел к среднему сооружению, подхватил покрепче один его край и оглянулся. Тащить нужно было шагов сто. Кажется, что немного, подумал Лотар, но на самом деле...

Он поволол все это по неровной, цепкой, усеянной острыми камнями земле. Лужицы янтарного масла, которые натекали со странного деревянного сооружения, сделанного Сухметом, плескались в коричневой, твердой после чересчур грубой выделки шкуре. Если бы Лотар сосредоточился, он увидел бы в них и серое небо, и сеть, и даже, при желании, себя, похожего на шутовское чудовище, кому на деревенских праздниках юноши дают яростный бой, а девицы на выданье вплетают ленты и расчесывают гриву.

Миновав половину пути, он услышал предостерегающий крик Сухмета. Лотар быстро поднял голову. Рука старика была еще высоко в воздухе. Лотар попробовал посмотреть, что творилось над ним, но это было непросто, шкура на его плечах перекрывала все, как крыша.

— Она опускается! — тревожно закричал старик.

Лотар неторопливо опустился на колени и лег, стараясь принять позу поудобнее. На всякий случай правую руку он положил на эфес Гвинеда. Неожиданно в его сознание всплыл звон колокольчиков, и теперь стоило известного труда отвлечься от него.

Лежать пришлось долго. Несколько раз Лотар слышал мягкое, едва слышное шуршание с той, внешней, стороны и знал, что это паутина. Если она запутается в шерсти, ветер дернет ее вверх, она натянется, и те три существа, которых Лотар видел ночью, вообразят, что здесь появилась добыча, и объявятся тут, чтобы разузнуть все получше... Нет, подумал Лотар, драться пока не придется, иначе он уже слышал бы вопли Сухмета.

Бледные тончайшие ниточки, усеянные каплями ядовитой жидкости, свисали перед его лицом. Казалось, если бы он вытянул шею, они задели бы его за нос или за щеку. Но он знал, что это обман его перенапряженного магического зрения, что тянуться до этих нитей ему пришлось бы на всю длину руки — таким большим и надежным был кожаный колпак, сделанный Сухметом.

Яд был едким. Плащ, который вчера не позволил этим нитям изжалить его спину, шею и ноги, пришлось выбросить, потому

что в толстой и прочной дорожной ткани образовались огромные, с кулак, дыры. Без сомнения, он проест такие же дыры и в этой шкуре, только не сразу. А это — самое главное.

Сухмет закричал, Лотар посмотрел в его сторону. Старик держал руку вверх, нитей видно не было. Лотар поднялся, взял край шкуры и снова потащил ее по камням. Все-таки очень странно здесь проходить звуки. До Сухмета не больше пяти десятков шагов, а половину слов, которые он говорит, уже не разобрать. Но если здесь кто-то пытался сделать первоклассную ловушку, это понятно. Ведь предупреждением чаще всего служат именно звуки, значит, их нужно подавить точно так же, как зрение подавляется туманом.

Сухмет опять что-то закричал и высоко поднял обе скрещенные руки. Лотар осмотрелся: он был на месте. Над ним находилась одна из самых густых гроздей отравленных нитей, и нужно было поскорее отсюда удирать. Он повернулся и потрусил назад, все было в порядке.

Едва он оказался рядом со второй грудой, сеть опустилась. Пришлось пережить. Пока он стоял, прислонившись к каменной стене, круто уходящей вверх, к нему подошел Сухмет.

— Повернись, господин мой.

Лотар послушно повернулся к нему спиной.

— Выдержит еще немного, но не очень долго. Эта ядовитая слюна, наверное, способна переварить даже железо. Неудивительно, что на этом плато остались только камни. А мы-то думали, что здесь кто-то все расчистил.

— Тогда давай поторопимся.

Торопливость его и подвела. Когда Лотар потащил вторую шкуру, она рассыпалась от чересчур резких толчков. Расстроенный Лотар бросил край шкуры и присел перед грудой чурочек и прутьев, до этого увязанных в каркас, похожий на гнездо невиданной птицы.

— Брось, не теряй времени! — проорал Сухмет.

Лотар кивнул, подхватил край шкуры и потащил ее дальше. Сухмет еще что-то кричал, но теперь Лотар не понимал его и пропустил момент, когда нити опустились на плато. Он лег, свернувшись калачиком, и лишь после этого понял, что все-таки попался — левая нога горела сухим, поднимающимся к бедру жаром.

Остатки второго кострища он все-таки дотаскил до назначенного места, но к Сухмету прибежал уже прихрамывая. Тот переполошился, когда понял, что произошло. Он закатал штанину и наложил очень плотную повязку с какой-то изумрудной мазью. Но и после этого лучше не стало. Наоборот, Лотар понял, что у него начинается лихорадка, странно меняющая цветовое восприятие всех предметов вокруг.

Сухмет едва отпустил его тащить третий, последний костер. И уже в середине пути Лотар вдруг понял, что старик мягко, но решительно оттесняет его погружающееся в ступор сознание и начинает командовать его телом. Раньше Лотар даже не подозревал, что такое возможно.

Лотар ташил, как ему казалось, нестерпимо блестевшую грудь деревяшек по широкой серой поверхности, ложился, заворачивался в чернильную мглу своей спасительной шкуры, вставал, снова ташил, делал какие-то другие малопонятные движения, шел назад... Каждое движение совершал кто-то другой, а он лишь из другого мира, где все было в диковинку, смотрел и оставался безучастным. Лишь в глубине его сознания горел тревожный сигнал — ты в опасности, любое нападение на тебя будет смертельным, берегись...

Пошатываясь, едва переставляя ноги, Лотар дошел до Сухмета и остановился. Старик смахнул пот с лица — такого напряжения требовал контроль над теряющим сознание воином — и быстро, так, что только лезвие засверкало, стал срезать завязки, которыми он закрепил на Лотаре шкуру. Потом осторожным движением поднял ее над головой, упервшись в нее недлинной палкой с широкой перекладной.

Лотар, неловко переставляя ноги, вышел вперед. Когда Сухмет убедился, что ему ничто не угрожает, он мягко уложил шкуру вниз. На ее покрытой грубой, клочковатой шерстью поверхности теперь во все стороны расходились причудливые полосы, обнажившие размякающую на глазах, розовеющую мездру. В двух местах крепкая, способная устоять перед ударом не очень острого копыя кожа уже разошлась, как будто кто-то ряску на воде разогнал. В дырах виднелась каменная поверхность.

Сухмет быстро повернул Лотара спиной к себе и внимательно осмотрел его. Кроме первого удара в ногу, других касаний не было. Сухмет облегченно вздохнул.

Внезапно Лотар провел рукой по лицу, приходя в себя. Сухмет поймал его взгляд. Это был еще дрожащий, неуверенный, но несомненно уже не затканный одурью взгляд.

— Кажется, вчера я легче перенес это отравление.

— Эта гадость накапливается в тебе, господин мой.

— Просто удивительно, что несколько капель... — Голос Лотара прервался. Он присел на камень и со слабым вздохом вытянул ноги.

— Да, действует она потрясающе. погоди, сейчас я принесу противоядие, оно поможет тебе скорее прийти в себя.

Пока Сухмет несся за заранее приготовленными снадобьями, Лотар устроился на том месте, где провел ночь, удобно уложил под себя дорожные плащи. Ему очень нравился вид на плато, который открывался из этой точки.

Сухмет принес серебряную чашу, наполненную бледно-синей жидкостью, от резкого запаха которой Лотара передернуло. Он посмотрел на Сухмета. Старик хмыкнул:

— Люди всю жизнь одинаковы, даже ты, мой господин. Пей, будешь здоров.

— Да я, кажется, уже...

— Мы не знаем, что нас ждет. Лучше, если ты с Гвинедом в руках сможешь встретить любую опасность.

Лотар отключил свое вкусовое восприятие и выпил жидкость

несколькими глотками. Почти сразу же его начало трясти. От боли, разлившейся по всему телу, он даже не мог закутаться в плащи. Старик помог ему.

— Это что-то новенькое. Вчера такого не было.

— Я придумал это только ночью, — с отчетливой гордостью сказал Сухмет.

Лотар хотел было ответить, что лучше бы не придумывал, но сдержался. Впрочем, Сухмет еще сохранил некоторую власть над его телом и понял мгновенно.

— Я поставил на огонь воду. Скоро мы промоем тебя отварами трав, и ты будешь как новенький.

— Как ты думаешь, все готово?

Сухмет кивнул:

— Сиди и смотри, мой господин. Ты свое дело сделал.

Но Сухмет для начала повел себя совсем не так, как ожидал Лотар. Он вытащил откуда-то большой жестяной противень, в котором пенилась неприятная на вид сырая масса. Лотар всмотрелся и не без удивления понял, что это остатки его плаща, которые старик на ночь поставил на противне таким образом, чтобы нити оставляли на ткани как можно больше яда. Сделано это было ловко, ткань уже совершенно разложилась, и с края неровной жестянки собралось несколько ложек отвратительной жидкости.

Сухмет вытащил откуда-то каменный флакончик с толстыми стенками, открыл хитрую пробку и по капле сцедил в него жидкость с противня. Потом спрятал флакончик с паучьей слюной в карман своей сумки, выпрямился и улыбнулся Лотару.

— А теперь приступим к главному.

Он подошел к краю плато и сделал несколько мягких танцевальных движений. Лотар без труда увидел, что рассеянная вокруг них, почти неощутимая энергия странным образом собралась в ладонях старика, и когда он резко, словно камни, выбросил ее вперед, она покатилась беззвучными, невидимыми, рассеивающимися шарами в стороны трех заготовленных кострищ.

Теперь Лотар понял, почему Сухмет так старательно выкладывал свои деревяшки в замысловатые сооружения — они притягивали эти шары, и не было нужды слишком уж прицеливаться. И все-таки сначала загорелись не они, а пятна масла, которые остались на камнях, отмечая ту дорогу, которой шел Лотар. Потом огонь дымной струйкой потянулся вверх на средней шкуре. В этом сумеречном, сером, отравленном ядом и магией мире даже это бессильное пламя казалось веселым и радостным, как детский смех на празднике.

С двумя другими шарами было хуже. Правый шел к развалившемуся по дороге каркасу так медленно, что когда упал на дерево, то заставил его лишь тлеть. А левый вообще погас на полпути, и теперь нужно было начинать все сначала.

Тем временем ветер изменился, сеть над их головами опустилась, нити коснулись камня. Некоторые из них залипли на масле, другие, плавно скользя, привычно подмели чистую, вытертую едва ли не до блеска поверхность.

Огонь среднего костра был таким маленьким и слабым, что Лотару пришлось напрягать зрение, чтобы увидеть гребешки пламени на лужицах масла и деревяшках. Но он все же не затухал, а пожалуй что разгорался.

Лотар затаил дыхание. Сработает или нет?

И внезапно шелкающий, угрожающий треск донесся от костра. Несколько нитей, которых коснулось пламя, лопнули, как шутихи, заряженные вендийским огнем. Гребешки пламени, рассыпая голубые искры, поднялись вверх по нижней части нитей, которая, как подозревал Лотар, была особенно обильно смочена ядом.

Потом этот неожиданный огонь пригас... Но нет, вот он коснулся довольно густого переплетения паутины на высоте в несколько туазов, и вся эта ядовитая медуза вспыхнула. Сухмет от возбуждения хлопнул в ладоши.

Переливающееся голубым сверканием пламя расцвело прямо в воздухе, коснулось большой паутины, висевшей над плато, и тогда цвет его изменился. Оно неожиданно стало ослепительно оранжевым.

Паутина загорелась со странным гудением, словно в воздухе вились несметные рои шмелей. Куски горящих нитей падали на камень, и только теперь Лотар стал понимать, как плотно, во много слоев, была сплетена эта ловушка.

Внезапно из-за камня появились три паука, которых Лотар мельком видел ночью. Теперь он понимал, что когда-то они были обычными паучками, возможно, крестовиками, каких много в каждом лесу или на поле с высокой травой. Тогда их яд был опасен только для насекомых, которым не хватало сил разорвать его паутину. Но теперь это были тяжелые, под сотню фунтов, существа, с ногами, раскинутыми на несколько туазов, с мощными жвалами и сильными движениями.

Лотар смотрел на них как зачарованный. Внезапно он понял, что Сухмет стоит над ним и тянет за плечо, пытаясь куда-то отвести.

— Уходим! — орал старик. — Паутина падает...

Действительно, горящие куски паутины, которая в желто-оранжевом пламени казалась жесткой, как проволока, стали падать на них. Лотар поднялся, он был еще очень слаб, но двигался уже без ошибок.

Когда Сухмет понял, что Лотар может бежать сам, он отпустил его. Они спрятались за камнями в глубине ущелья. Это существенно уменьшило обзор. Лотар повернулся к плато и увидел лишь небольшой кусочек поверхности и серого неба, затянутого желто-голубыми сполохами и удушливым дымом, которого, как ни странно, Лотар не чувствовал, пока сидел ближе к пламени.

— Почему паутина так горит? Ведь там горючего вещества — в одной миске поместится...

Сухмет отрицательно покачал головой:

— Горит не паутина, господин, а жидкость, которой она была

покрыта. Или даже не сама жидкость, а ее пары, и мы не знаем, сколько она может...

Лотар прервал его:

— А что будет с этими пауками? Ты их видел?

Сухмет кивнул, но ничего сказать не успел. Они получили ответ и без догадок.

Между скалами, обозначающими выход на плато, показался один из чудовишных пауков. Он горел, рассыпая голубые искры. Похоже, он был еще жив, хотя из него бил настоящий фонтан огня. Он еще пытался удержаться на паутине, но та тоже загорелась под ним, оборвалась, и он стал падать, широко, веером, разбрасывая огненный шлейф. Напор горячего веера был так силен, что паук крутанулся в воздухе, как лопнувший пузырь, которые делают из бычьих желудков.

Когда паук с сухим треском упал на камни, он был, без сомнения, уже мертв. Но горел он еще довольно долго, испуская желтый дым.

Как только паутина перестала падать у ущелья, Лотар вышел на площадку. Плато было очищено самым надежным способом — пламенем. Лотар нашел взглядом дымящиеся, догорающие останки пауков. Все три. Значит, эта проблема решена.

Лотар посмотрел в дальний конец плато. Паутина там догорала, пробиваясь сквозь клубы тумана неясным заревом. И вдруг Сухмет, стоя рядом, с силой сжал Лотару плечо.

На плато, из тумана и дыма, осторожно переставляя паучьи ноги, выползало что-то настолько огромное, что Лотар даже не поверил своим глазам. Это было темное, почти черное существо, которое даже Лотар и Сухмет не могли по-настоящему ощутить раньше — настолько оно было неправдоподобно.

Это был паук величиной с дом, шагающий на ногах, каждая из которых была толще, чем нога Лотара, с почти сплошным круговым ожерельем белесых, неподвижных, слабо мерцающих глаз и жвалами, в которых даже теленок не показался бы крупной добычей. Его округлый хвост, на котором гибкие волоски длиной в пол-локтя составляли чудовищную поросль, скрипел по камням, как неподъемно тяжелый груз. А раздвоенные, как клешни, окончания ног этого паука царапали камень, оставляя на нем глубокие следы.

Ничего подобного Лотар не мог даже вообразить. Сухмет отдернул его назад.

— Господин, это... — Казалось, что старик, обычно смелый до безрассудства, на этот раз все-таки готов бежать, как будто увидел перед собой дьявола. — Господин мой, это Чунду.

Они спрятались между камнями, чтобы мерзкое чудовище не заметило их. Сухмет, казалось, совсем потерял голову, потому что повторял только одно это слово, в котором слились отчаяние и ужас:

— Чунду, Чунду... Это Чунду.

Лотар внимательно смотрел на гигантского паука, который, не заметив их, прошел между последними сполохами пламени, по-

вернулся и скрылся за туманом, закрывающим, вероятно, его убежище.

— Что ты знаешь о нем? — спросил Лотар.

Сухмет покачал головой:

— Его выращивают с помощью магии, которой не владеют смертные маги, из какого-нибудь крупного паука, например птицеда. И еще, по поверьям, убить его невозможно.

Лотар посмотрел в туман и вздохнул:

— Жалко, что его не взял огонь.

— У него яд другого состава, — быстро прошептал Сухмет. — Ты не понимаешь, господин, это же Чунду. Огонь не способен повредить ему. Ничто, чем владеют люди, не причинит ему вреда.

Лотар опять вздохнул:

— Знаешь, не стоит полагаться на поверья. Как правило, их придумывают не те люди, которые умеют справляться с трудностями.

Глава 5

Лотар лениво жевал сушеное мясо, приправленное какой-то травой и чесноком. Рядом на камне ароматный пар поднимался над кружкой с отваром из настоящего восточного чая. Кусок лепешки, на которой остался отчетливый, как у ребенка, след зубов Лотара, скатился с камня вниз, и он, судя по всему, не собирался его поднимать. Сухмет бросал внимательные взгляды на Драконьего Оборотня, даже более внимательные, чем в конце ущелья, выведившего на каменное плато Чунду. Но это не мешало ему жевать так, что только хруст стоял.

Лотар вытер губы и, отложив недоеденный кусок, взялся за чай.

— У моего господина плохое настроение, нет аппетита, сказывается отравление?

— Скажи, старик, что ты знаешь о Чунду. Только сделай милость, обойдись без этих баек о его непобедимости.

Сухмет быстро спрятал лицо за куском мяса, которого хватило бы волку средних размеров.

— Я достоверно знаю, что его можно вырастить из паука, если располагать каким-то источником мощной энергии. Только я имею в виду действительно мощный источник, побрякушки вроде тех, которыми пользуемся мы, бесполезны.

Лотар немного подумал:

— А трон Гханаши подойдет?

— Я плохо понимаю, о чем идет речь, меня там, как известно, не было. Но, кажется, это была неплохая копия кресел двенадцати палатинов Харисмуса, а это едва ли не самые сильные из инструментов белой магии. — Сухмет подождал, потом осознал, что Лотар не понимает, и коротко завершил: — Да, трон подошел бы.

— Но если бы здесь появился такой инструмент, об этом стало бы известно любой гадалке на местном рынке, — полувопросительно сказал Лотар.

— Вовсе нет. Можно было действовать с большого расстояния и его применение замаскировать. А такой вот сниженной, нейтральной магии везде много.

Лотар кивнул:

— Так, значит, этот путь расследования не годится. — Он отхлебнул из кружки несколько раз, прежде чем задал следующий вопрос: — Сколько времени нужно, чтобы вырастить Чунду по всем правилам?

— Если энергия имеется в избытке, а судя по пелене над нашей головой, ее здесь не экономят, я бы уложился лет за сто. Если делом занялся бы мастер, тогда можно вести речь о годах эдак... шестидесяти.

— А быстрее?

— Нет, господин мой, не получится.

Сухмет снова принялся жевать. Лотар посмотрел в огонь, непроизвольно поиграл формой зрачка, делая его то очень маленьким, то вертикальным, как у тигра, то огромным и слепым, словно у ночной птицы.

— А за сколько времени можно сделать упрощенный вариант Чунду?

— Что значит упрощенный? Тогда это не будет Чунду.

— Пусть не Чунду, пусть только нечто огромное и голодное, но уже не такое непобедимое и защищенное от всего на свете.

Сухмет решительно вытер рот рукавом.

— Я бы на это, господин, не рассчитывал. Это же верный путь к самоубийству...

— Так сколько времени тебе потребовалось бы?

— Ну... Не знаю, чем можно пожертвовать, но если... Лет десять.

— Так. — Лотар заметно обрадовался. — Значит, считанные годы. Это то, что нам нужно.

Сухмет выразительно вздохнул. Лотар приник к своей кружке и выпил почти половину.

— Ты знаешь, как его можно убить?

— Кого, Чунду?

— Да нет, этого упрощенного гиганта.

— Вообще-то я не очень разбираюсь в анатомии редуцированных мутационных магиматов, но... Если считать, что за столь незначительное время ничего существенно изменить в нем нельзя, я бы посоветовал тебе пробить хитиновый покров сверху и воткнуть три-четыре длинных металлических штыря в хвост у перевязки. Там как раз находится его многокамерное сердце. Достаточно пару раз его проткнуть, и он долго не протянет.

— Что ты подразумеваешь под штырями? Меч подойдет?

— Воткнуть меч, а потом его вынуть и использовать еще не один раз — бесполезно. Магимат обычно перенасыщен механизмами выживания. В том числе и в отдельных органах. Если ты просто пробыешь ему сердце, к концу драки рана вполне может затянуться, и тогда, кроме небольшого кровоизлияния, ты ничего не достигнешь, и для тебя это может оказаться фатальным.

- Что такое магимат?
- Так волшебники мутагенных трансформаций называют магический материал, сокращенно — магимат.
- Значит, я тоже магимат?
- Сухмет похрустел мясом, потом все-таки ответил:
- С точки зрения Гханаши — да.
- Лотар долго думал, прежде чем задал следующий вопрос:
- Значит, эти штыри нужно оставить в ране?
- Да.
- Но у нас только Гвинед и Утгела. К тому же я не могу оставить Гвинед в теле этого твоего Чунду. Вдруг он не сдохнет. Как мне тогда вернуть свой меч?
- Сухмет долго молча смотрел в огонь, так долго, что забыл даже оглядываться на плато.
- Господин мой, тебе нужно было выяснить, что перекрыло перевал. Ты выяснил и даже пусть случайно, но эффективно очистил его от угрозы.
- Частично очистил... К тому же мне показалось, мы оба принимали в этом участие, — пробормотал Лотар.
- Хорошо, пусть так, не это главное. Важно, что теперь ты столкнулся с тем, что может оказаться тебе не по силам. Почему бы тебе раз в жизни для разнообразия не действовать разумно?
- То есть?
- Спустись в долину, возьми солдат, вернись и дай этому чудовищу правильное сражение.
- Ответ довольно прост. — Лотар с наслаждением допил чай и отставил кружку. — Через пару дней Чунду проголодается. Тогда возвращаться сюда уже не потребуется, за ним придется гоняться по всей долине. Второе: контракт, конечно, можно трактовать как разведывательный поход, но это касается князя, а не Покуста, которого я рассматриваю как своего настоящего клиента. А он как раз хотел, чтобы мы...
- Но ведь деньги ты брал у князя.
- Если их интересы не совпадут, придется отдать князю его кошелек.
- Сухмет едва слышно пробормотал:
- Будем рассчитывать, что князь об этом никогда не догадается. В этих краях войны начинались и после меньшего оскорбления.
- Покусту нужен открытый перевал, и ничто другое его не устроит. И третье: все эти путешествия туда-сюда, возможно, позволят удрать зачинщику беспорядков. Не знаю, кто он, но мне хотелось бы наказать именно его. Хотя бы потому, чтобы не приезжать сюда снова через пару лет, рискуя драться уже с новым, усиленным вариантом Чунду.
- За пару лет нового Чунду не вырастишь.
- Ну тогда это будет не Чунду, а что-нибудь еще.
- Сухмет подкинул дров в огонь. Потом поднялся, налил в кружку Лотара еще чаю и вернулся на свое место.
- Тогда обещай мне, господин, одну вещь. Обещай, когда все

кончится, дать мне тот магический инструмент, который, возможно, все-таки попадет в наши руки.

Лотар искренне удивился:

— Конечно, он достанется тебе. Я же не смогу с ним обращаться. А о том, чтобы отдать его князю, не было и речи.

Сухмет улыбнулся:

— Ну, тогда, господин мой, я могу тебе показать место, где лежат эти самые штыри, о которых я говорил.

Лотар с интересом посмотрел на старика. А Сухмет тем временем сдвинул ногой большую кучу заготовленных дров и вытащил три огромных, в три фута длиной, квадратных гвоздя. Их хорошо прокованные острия способны были проткнуть даже броню Чунду. А большие, в пол-ладони, шляпки с другой стороны обеспечивали удачный захват для удара.

— Что это?

— Плотогоны иногда пользуются такими гвоздями, чтобы их драгоценные бревна не рассыпались на порогах. — Сухмет был доволен произведенным эффектом. — Наверное, кто-то из торговцев вез их обратно, чтобы использовать еще много раз, гоняя плоты в Мультаджу. Но вот... не довез.

Лотар взял один из тяжелых, как лом, штырей и внимательно осмотрел.

— Это подойдет, господин. Я уже смотрел, они неплохо прокованы и достанут до его сердца, если вколотить их не сбоку, а посередине. Они даже не ржавые. Оставалось лишь слегка протереть их маслом, чтобы они легче входили в хитин.

— А вот у шляпки ты смазал зря, — сказал Лотар, прикидывая гвоздь в руке, как оружие. — Скользит.

— Я там не смазывал, — отозвался старик, — натекло, наверное. Ну, да это дело поправимое. Ототру песком и покрою мелом, ты масла даже не заметишь.

Лотар отложил гвозди:

— Да, это подойдет. Кстати, нужно снова отполировать Гвинед, а то я за ним давно не ухаживал.

Сухмет кивнул.

Лотар продолжил:

— Но есть еще одно. Как ты думаешь, Чунду будет спокойно стоять и смотреть, как я ему взбираюсь на спину, чтобы понатыкать этих булавок, или попытается что-то предпринять?

Сухмет хмыкнул.

— Вот и я так думаю, — ответил Лотар. — Нужно отвлечь его внимание хотя бы на несколько секунд. Кстати, он может достать меня, когда я окажусь на нем?

— Насколько я знаю пауков, головогрудь и переднюю треть спины он контролирует малыми лапами. Сзади, там, где его тело опускается вниз, ты не удержишься, потому что хвостом он может крутить довольно ловко.

— Мне нужно не только удержаться, но и ударить, — сказал Лотар.

— Поэтому тебе остается одно — держаться на самой верхушке

спины. Наудачу, сердце там должно быть близко и можно надеяться, что длины наших штырей хватит.

— А если не хватит, где лучше наносить следующие удары — к хвосту или к голове?

— К голове.

Лотар кивнул:

— Теперь подумаем, чем же мы все-таки отвлечем его?

Сухмет pokrutil головой по сторонам и задумчиво сказал:

— На одной из повозок я видел селитру. Грабители не поняли, что это такое, и оставили несколько кожаных мешков. Она не должна была намокнуть.

— Что это значит?

— Это значит, что мы сделаем небольшую бомбу, подтащим ее к изголодавшемуся Чунду, и когда он набросится на нее...

— Неплохо. Только как бомбу доставить к нему?

— Я бы мог завернуться в шкуры, вон их еще сколько осталось, и когда он их схватит, я выскользну и убегу.

— Это я и сам сумею. Только мне не нравится.

— Ты должен экономить силы перед дракой, так что пойду я.

— Нет, не пойдет никто, — решил Лотар. — Нужно придумать что-нибудь еще.

Сухмет стал заваривать новую порцию чая, а когда кончил, то предложил:

— Можно быстро, за ночь, сгонять в долину, купить коня, нагрузить на него бомбу, и тогда Чунду обязательно попадетсЯ.

Лотар поднял на старика изумленные глаза:

— Ты предлагаешь убить невинную лошадь?

— Но лишиться лошади все-таки лучше, чем...

— Нет.

После такого «нет» Сухмет долго еще не решился бы ничего предложить, если бы не боялся, что Лотар в одиночку пойдет на Чунду. Поэтому прошло не больше минуты, как он снова заговорил, и лицо Лотара просветлело. Наконец Драконий Оборотень ответил:

— Ну вот, и не надо собирать целую армию, достаточно лишь подумать.

— И все-таки, господин мой, я никогда ничего подобного не делал.

— Не беда, — ответил Лотар. — Ты лишь думай, что это лучший способ добиться успеха, и все получится, обязательно получится.

Глава 6

Всю ночь Сухмет работал секирой, пока не затупил ее настолько, что она уже не резала остатки повозок, а лишь шмякала, сминала упругое, выдержанное дерево. Перед рассветом он отошел подальше от костра и стал работать гораздо тише, просеивая и смешивая какие-то порошки.

Лотар нахохлился у костра и задремал. Он знал, что к утру у Сухмета все будет готово, и хотел, чтобы у него тоже все было в порядке. Для этого нужно привести тело и разум в состояние полной невозмутимости.

Перед восходом, угадывавшимся даже за пеленой, что нависла над перевалом, Сухмет, усталый, с ввалившимися глазами, но возбужденный больше обычного, подошел к костру и присел.

— Все в порядке. Как только ты будешь в норме...

— Я готов.

— Дай-ка я посмотрю.

Лотар почувствовал в себе плотный, теплый шар, который быстро, но ощутимо перекатился из головы в грудь, потом в обе руки поочередно, потом в живот, в ноги. Какое-то мгновение Лотару хотелось поставить блокаду, но он лишь произнес:

— Ну, хватит. Я тебе не лошадь на продажу.

— Вот поэтому я и не хочу пропустить что-то важное. Не сопротивляйся, господин мой.

Когда осмотр был почти закончен, Лотару и самому стало интересно мнение Сухмета. Судить о себе трудно, а старик никогда не ошибался.

— Ну и что?

— Я бы подождал еще денек.

Лотар отрицательно покачал головой:

— Нет. Ночью за нами кто-то следил. Я, правда, не разобрал кто, уж очень ловко он прятался за магическими занавесами, но даже если он и не напал, ничего хорошего это не обещает.

— Ты тоже почувствовал? — простодушно спросил Сухмет.

— Что значит — тоже? Я за ним следил, как кошка за мышкой. Жаль, что он не был чуточку смелее.

Сухмет кивнул:

— Да, поймать его было бы неплохо. Но это еще ничего не значит. Он вполне мог оказаться одним из соглядатаев князя или просто любопытным крестьянином.

— Нет, это был кто-то другой.

Сухмет задумчиво налил себе кружку темной заварки.

— Пожалуй. А сейчас ты его не чувствуешь?

— Он ушел перед рассветом.

Сухмет посмотрел на верхушки гор с изумительным серым отливом, который, как роса, бывает только ранним утром. Сумерки рассеялись уже настолько, что при желании можно было увидеть туман в долине.

— Вот я и думаю, нужно торопиться, — сказал Лотар.

— Вообще-то ты не ошибаешься, — протянул Сухмет. — Просто на этот раз что-то... вот здесь. — Он положил руку на грудь.

Лотар усмехнулся и тоже налил себе чаю.

— Это у тебя бывает каждый раз перед серьезной дракой.

Лотар допил чай, потом скинул плащ Сухмета, надел свой налобник, правый наруч, поножи и нагрудную пластину. Проверил, как вынимается Гвинед из ножен. Потом подобрал три ме-

таллических штыря и встал. Сухмет с интересом посмотрел на него:

— И куда ты их сунешь?

Лотар продел три гвоздя в небольшие петли, которые за ночь нашил на поясе слева, ближе к спине, и опустил их, пока они не повисли на шляпках. Теперь они не мешали ему, а достать их было не сложнее, чем выхватить кинжал.

Сухмет кивнул:

— Ты не только Гвинед точил, оказывается.

Лотар шагнул в ту сторону, где под старой сырой попоной вышло сооружение, которое Сухмет смастерил за ночь. На каждом его шагу гвозди мелодично, мирно позванивали.

Сухмет торопливо глотнул чая, поставил кружку на камень. Она не удержалась на покатой поверхности и соскользнула на песок. Сухмет посмотрел на перевернутую кружку, из которой вытекал красновато-коричневый напиток, нахмурился и бросил ее за Лотаром.

— Ну? — спросил Лотар.

Сухмет одним жестом, как фокусник, откинул попону в противоположную сторону. И Лотар оказался перед странной, похожей на строительный помост конструкцией, из которой торчало в разные стороны четыре пары палок, но не было никакого сходства ни с одним известным зверем.

На довольно толстом поперечном бруске, который, должно быть, играл роль туловища, висело с дюжину кожаных мешков, каждый из них был обязан какими-то тряпками, из которых острыми кромками торчали камни. В передних мешках были видны такие же гвозди, какие висели на поясе Лотара.

— Эти тряпки зачем?

— Все должно сработать довольно сильно, — не без заметного самодовольства сказал Сухмет. — И эти камни должны увеличить разрушение.

Лотар покачал головой:

— Судя по вчерашним кострам, пусть бы просто сработало, а уж об «увеличенном разрушении» я и не мечтаю.

— Ну и правильно, господин мой. Сосредотачивайся на главном.

Лотар последовал совету.

Подпорки были так хитро приколочены, что могли упереться в землю и провернуться в грубо вырубленных пазах на толстом «туловище» в середине. Других суставов, конечно, не было, но зато Лотар заметил, что эти подпорки могли без помех подниматься вбок и вверх, освобождая место для пары ног, которые шагали сзади. Можно было угадать, как это должно действовать.

— Ну ладно, — сказал Лотар. — Что дальше?

Сухмет улыбнулся, решив, что на большее одобрение пока рассчитывать не приходится, и пошел к своей сумке. Порывшись в ней, он достал на свет зарождающегося утра толстую книгу, кажется, одну из тех, что Лотар утащил из оазиса Беклем.

— Где-то я читал... — шептал Сухмет, переворачивая толстые страницы. — Ага, вот!

Он подошел с книгой, которую держал на вытянутых руках, встал чуть спереди и сбоку от своего творения и стал медленно, нараспев читать какой-то текст.

Когда Лотар пытался прочитать странные, но отдаленно знакомые буквы этой книги, он пользовался своим родным языком, чтобы понять то, что было в ней написано. Теперь же Сухмет произносил эти слова на совершенно незнакомом языке, читая что-то такое, чего Лотар никогда не видел в ней. Это было древнее, почти забытое умение великих магов Востока под видимостью одного текста читать другие слова и воспринимать другой смысл. В который раз Лотар поразился умению своего спутника и друга.

— Веллиха-лих, бендизаром ошебар низик'елл... — читал Сухмет.

И тогда произошло то, чего Лотар, в общем-то, ждал, но в чем еще несколько мгновений назад не был уверен.

Странная, неуклюжая, мертвая конструкция, торопливо и неаккуратно вырубленная боевой секирой из неподходящего дерева, вдруг ожила. По ней прошло неуловимое движение, и тогда Лотар увидел перед собой почти одушевленное существо, способное к движению. Передняя пара ног вдруг медленно, с едва слышным скрипом поднялась вверх и уверенно встала на добрых три фута впереди.

И все сооружение слегка качающимся шагом, похожим на движения галеры, перебрасывая свои неуклюжие конечности, двинулось в сторону плато, где засел Чунду. А Сухмет все читал и читал, шагая рядом со своим детищем.

То ли действие его заклинаний усложнялось, то ли это существо могло каким-то образом набираться опыта, но уже через десяток шагов оно пошло уверенно. Лотар подумал, что, если бы он поставил на этот чурбак кружку воды, теперь она, может быть, и не расплескалась бы. Он мельком взглянул в лицо Сухмета и вздрогнул.

Лицо старика изменилось. Теперь в нем не было того добродушного лукавства и сдержанного смеха, к которому Лотар так привык. Лицо старого раба было налитое темной кровью, вены на его лбу и шее вздулись, по коже сплошным потоком лил пот. Выражение глаз стало совсем неразличимым, но, кажется, в них читалось что-то, что можно было понять лишь как преодоление беспредельной муки.

Но голос его звучал все уверенней и выше, все сильнее и выразительнее. Казалось, что тайная, древняя музыка, заложенная в этих звуках, подчиняет себе все пространство вокруг — песок, камни, даже воздух, и та сила, которая теперь исходила от старика, могла оживить не только деревянное подобие лошади, но все, что слышало этот голос.

Внезапно Лотар увидел, что от Сухмета к серому, низкому небу поднимается что-то, похожее на пар, что могло быть чем угодно,

но не могло быть свойственно обычному человеку. Этот поток становился все ощутимей, пока не стал заметно светиться. И как только Лотар присмотрелся к свечению, вдруг в нем, как в некоем объемном зеркале, он увидел множество людей, животных, повозок, передвигающихся по тем же камням, по которым сейчас шагал Сухмет и его конструкция.

Эти образы втекали друг в друга и без малейшего вреда расходились, на их месте тут же появлялись новые. Лотар хотел было включить магический взгляд, но отказался от этой идеи — она потребовала бы много энергии, а ему предстояло серьезное испытание.

Конструкция, обвешанная кожаными мешками, вышла из улья на открытое пространство и довольно резво зацокала по плато.

— Все, дальше нельзя. Иначе он нападет не на этот деревянный скелет, а на нас, — твердо сказал Лотар. Сухмет, не прерывая чтения, кивнул и остановился.

Расстояние между Сухметом и шагающей конструкцией, которая не сбавляла шагу, стало расти. Сначала Лотару даже показалось, что расстояние не будет играть никакой роли, но вот все заметнее стала проявляться неуверенность в том, как шагали через камень ноги, потом движения замедлились, потом одна нога вообще стала дергаться не в ту сторону. Это существо упало бы, если бы, специально для таких случаев, не было предусмотрено устойчивое положение других ног.

Шагающая конструкция Сухмета явно теряла способность двигаться, теряла энергию. А Чунду все не было. Уже и цокот доносился так редко, что Лотар мог между этими шагами досчитать до дюжины. Уже и Сухмет от напряжения стал ошибаться, поправляясь и пересчитывая слова неровным, надсадным, хриплым голосом, а Чунду все не было.

В чем-то план оказался нехорош, подумал Лотар. Может быть, паук, как и все насекомые, очень хорошо чувствует запахи. Может быть, следовало позаботиться о том, чтобы надушить этого робота чем-нибудь, что Чунду уже пробовал раньше? Но ведь она стояла под конской попоной... Ах, если бы догадаться раньше и не сбрасывать попоны, а, наоборот, привязать покрепче, чтобы...

Неожиданно голос Сухмета смолк. И едва слышным шепотом он произнес:

— Вот он!

Действительно, в серой пелене тумана возникла вдруг огромная, грозная гора тьмы, от которой, казалось, померк даже свет над головой. Тяжелый шаг чудовища, скрип песка под его ногами, медленные, но неостановимые движения...

Неожиданно одна из ног гигантского паука, как коса, провистела в воздухе. Шагающая машина Сухмета покатилась по песку, судорожно дергаясь, разводя в разные стороны ноги, скребя ими, как будто и в самом деле была живым существом.

Паук шагнул вперед и склонился над бьющейся на камнях мешаниной палок, тряпок и еще чего-то, что Сухмет положил в кожаные сумки.

И тогда старик не стал больше ждать. Он выпрямился в струнку, поднял обе руки и высоким, молодым голосом произнес слова, которые Лотар даже не попытался бы повторить. И это сработало!

Яркая, как солнце, вспышка рассекла искусственную, заколдованную серость перевала. И гром ударил в уши с такой силой, что камни весом с человека посыпались сверху в ущелье. Странный визг прорезал воздух, и в десятке футов от Лотара в землю вбился дымящийся камень величиной с большой кулак.

Чунду долго, нескончаемо долго стоял неподвижно. За туманом было не видно, что с ним сделал этот взрыв. Но Лотару показалось, что гигантский паук подлетел в воздух, а когда приземлился, в нем уже не было неторопливой и всепоглощающей грации. Он стоял почти так же, как и раньше, но теперь он был изменен, судорожно и жутко напряжен.

А потом он стал метаться, задевая окружающие скалы. Его хитиновый покров хрустел от этих ударов, а скалы содрогались. Даже туман под бешеным напором Чунду стал прозрачнее, хотя это скорее всего лишь показалось. Вероятно, в этой агонии Чунду не видел и не чувствовал ничего, что творилось вокруг.

— Он не умрет от твоего взрыва? — с надеждой спросил Лотар, стараясь перекричать скрип и скрежет Чунду.

Сухмет еще раз внимательно всмотрелся в туман, где кружился в приступе боли огромный паук. Лотар почти физически ощутил, как старик тратит последние силы, пытаясь понять, что там происходит. Наконец он ответил:

— К сожалению, нет. — Он вытянул руку вперед, и Лотар заметил, как она дрожит. — Я сделал, что мог. Теперь твоя очередь, господин мой.

Лотар кивнул, проверил огромные гвозди на боку и шагнул вперед. Он должен был доделать дело, которое Сухмет так удачно начал.

Глава 7

Чем ближе подходил Лотар к Чунду, тем сильнее становился запах жженой кости и незнакомого дыма, ощущение магии и боли. Когда Лотар совсем приблизился, присматриваясь к движениям противника, ему пришлось несколько раз присесть, пропуская над собой ногу Чунду. Это не были удары, нацеленные в него, но попали Лотар под такой замах — все закончилось бы сразу.

Прежде чем начать, Лотар посмотрел на рану, причиненную Чунду взрывом. Пара больших, главных глаз паука была лишь обожжена. Теперь их залила странная, изумрудная слизь, которая могла быть кровью, под которой глаза быстро восстанавливались. К тому же у паука осталось почти невредимым ожерелье маленьких глазок, которые находились гораздо выше основных и оказались прикрыты от взрыва изогнутыми отвратительными

жвалами, состоящими из полудюжины подвижных, мощных роговых пластин.

Вот жвала взрыв разворотил довольно прилично, превратив нижнюю часть головогруды паука в трепещущую от боли, хлюпающую массу, в которой ничего невозможно было различить, кроме выступающего из всех ран желто-коричневого желе, которое показалось Лотару второй кровью этого существа. Пара небольших ног, вырастающих почти из-под челюстей, свисала без движения. Это было очень удачно, потому что именно этими ногами, заканчивающимися чем-то вроде небольших шипастых клешней, Чунду и должен был, по словам Сухмета, контролировать переднюю часть спины. Одна из больших правых ног тоже была практически оторвана и волочилась за Чунду на тонких полосках багровых мускулов, оставляя на камнях пятна белесой, мягкой, отвратительно пахнущей плоти.

Несмотря на глубокие раны, у Лотара почему-то складывалось впечатление, что через несколько часов Чунду и не вспомнит, что был ранен. Его жизненной силы хватит на то, чтобы не просто восстановить свое огромное тело, но сделать это фантастически быстро.

Лотару удалось оценить толщину хитиновой брони паука на изломе ноги. Она не превышала восьмой или десятой части дюйма, и это ободряло — не может быть, чтобы такой тонкий каркас оказался непреодолимым для хорошо прокованных гвоздей. Но когда Лотар посмотрел на спину Чунду, его надежды стали подтаивать.

Спина Чунду была покрыта высокими, в полфута, шипами, поднимающимися так плотно, что между ними почти не оставалось свободного места. А это значило, что вколотить гвозди на всю их длину в паука не удастся. К тому же броня паука под этими шипами казалась гораздо толще, чем на ноге.

Но не это было теперь самым неприятным, а то, что Лотар понял: зацепиться за эту гребенку, оканчивающуюся твердыми, иззубренными остриями, способными насадить человека, как еж яблоко, и нанести несколько сильных ударов, чтобы вогнать гвозди, было невозможно...

Невозможно или почти невозможно? Лотар обжег Чунду, разглядывая его со всех сторон, и тогда увидел, что чудовишный паук, припадая на оторванную ногу, заваливается время от времени, как неправильно нагруженный корабль, показывая спину. И на этой спине Лотар увидел не вертикальные шипы, а немного скошенные назад, что давало возможность поставить на них ногу.

Тогда Желтоголовый решился. Он сделал несколько шагов к пауку, оказавшись под его боком, когда тот как раз ступил на полуоторванную ногу. Чунду ничего не заметил.

Теперь усеянный шипами паучий бок возвышался над землей всего на два туза. Лотар подпрыгнул, схватился за скользкие, облитые какой-то жидкостью наросты, попытался подтянуться... Пальцы скользнули по совершенно гладкой, зализанной и твердой, как лед, поверхности. и Лотар полетел вниз.

Ему сразу же пришлось откатиться в сторону, чтобы не оказаться под ногой Чунду, которая с силой тарана опустилась на камни, поддерживая чудовишное тело.

Потом Лотар повторил маневр. Теперь он был готов к тому, что наросты будут скользкими, и сумел схватиться так, что руки почти не скользили, по крайней мере, он подтянулся и уперся коленями в большой крюкообразный нарост, поднимающийся вверх и способный выдержать, казалось, десяток человек.

Утвердившись на крюке, Лотар посмотрел вниз. Земля под ним раскачивалась, как море. Ему даже показалось, что по этой каменистой поверхности пошли какие-то волны, но это было, без сомнения, обманом зрения и игрой окутывавшего все вокруг тумана.

Лотар поднялся выше. Действительно, на самом верху огромной спины паука он мог удержаться. И хотя острия этих шипов, чуть-чуть пружинящих под весом человека, царапали его, на них можно было опереться.

Лотар достал один из гвоздей и огляделся. Он сразу понял, что бить нужно там, где наклоненные в одну сторону шипы паука сходились с другой волной, наклоненной в другую сторону, собираясь в подобие хохолка, правда, такого, что им можно было проткнуть не очень откормленную лошадь. Это была середина его тела, и органы Чунду были здесь уязвимей всего.

Лотар крепче схватился левой рукой за острые наросты, царапая кожу, встал на колени, размахнулся и ударил. Гвоздь зазвенел и чуть не вылетел из рук Лотара. Хитиновый покров паука здесь был тверд, как поверхность скалы. И все-таки гвоздь вошел в панцирь Чунду — правда, всего на дюйм-полтора, но он удержался, даже когда Лотар убрал руку.

Желтоголовый привстал, придерживаясь вытянутой левой, чтобы не слететь вниз, и ударил по шляпке правым наручем, используя руку как кувалду. Рука заняла от кисти до плеча. Но Лотар ударил еще и еще. И хотя гвоздь почти не поддавался, он чувствовал, что острие что-то там рвет, чтобы пройти твердый панцирь и вонзиться в мякоть, где было сердце Чунду.

Собравшись с силами, он ударил со всего размаха и чуть не воткнулся носом в гребенку на спине, потому что гвоздь влетел в спину паука, преодолевая сопротивление, которое ему оказал бы не очень большой пук шерсти. Лишь изогнутые, поблескивающие края хитиновых наростов остановили руку Лотара. Гвоздь сидел в теле Чунду чуть не по самую шляпку.

Тот на мгновение остановился, казавшееся бесконечным кружение паука на одном месте замерло. В глубине сознания чудовища появилось понимание, что с ним что-то пытаются сделать и это несет ему смерть.

И тогда Чунду взорвался таким фонтаном энергии, какого Лотар не ожидал. Он удерживался на спине паука не более нескольких секунд. Потом его тело взлетело вверх и опустилось на иглы Чунду со всего размаха, едва не нанизавшись на них. Острия про-

никли неглубоко, главным образом потому, что Лотар не разжал руки и сумел, в общем, погасить удар.

Но атака повторилась, и после третьего удара Лотар понял, что скоро его насадят на эти шипы-иголки. И все-таки он держался. Улучив момент, он выхватил еще один гвоздь, размахнулся и попытался, используя силу встречного движения, всадить его поглубже в спину Чунду.

Это почти получилось. По крайней мере, гвоздь воткнулся в хитин паука, и Лотар даже несколько мгновений держался за него. Но потом Чунду так хитро повернулся, что Лотар скользнул вбок и оказался от торчащего вверх гвоздя не меньше чем в десяти футах.

Лотар рванулся к нему, но так неудачно, что задел левым плечом какой-то странный шип, который оказался острым, как восточная сабля, и почувствовал, что по руке потекла кровь. Лотар повернул голову и проникающим взглядом осмотрел себя. Это была плохая рана, довольно опасная. Кажется, он задел вену, и действовать ему осталось совсем немного, прежде чем он истечет кровью и потеряет сознание.

Нет, нет! Он умеет такое, на что не способен никто другой... Сстиснув зубы, Лотар приказал ране затянуться и в таком же невероятном, взрывном темпе мутировал руку в жесткую, покрытую непробиваемой коростой клешню, способную держаться за эти острия на спине Чунду, как за мягкую шерстку.

Приказ левой руке запустил механизм мутации и для правой. Лотар и подумать не успел, а его правая уже превращалась в мощную, тяжелую, как молот, лапу, словно бы пришитую к его телу от другого существа. Она дико заболела от этой трансформации, но движения боль почти не ограничивала.

На очередном скачке Чунду Лотар размахнулся. И в этот миг кованый наруч с оглушительным треском лопнул. Лотар с удивлением посмотрел на руку. Вздвигшиеся мускулы разорвали бронзу, как гнилую кисею. Он и не знал, что способен на это.

Внезапно Чунду вздыбился на задних ногах, и Лотар повис на своей еще не набравшей полную силу клешне. Ноги его соскользнули, и он понял, что вот-вот полетит вниз. Тогда, уже теряя равновесие, он размахнулся и вколотил гвоздь в спину Чунду по самую шляпку одним ударом.

Из хитинового панциря брызнула желтая кровь паука, смешавшись с алой кровью Лотара, залившей его незащищенную правую лапу, что была пробита в трех местах острыми шипами. И в следующее мгновение Чунду стряхнул его с себя, как мошку.

Отмашкой ног Лотар попытался уравновесить непропорционально тяжелые руки, а когда понял, что не успеет, отбросил руки назад, и это дало ему возможность пронести ноги над головой. Получилось обратное сальто, и это спасло его.

Он упал на камни, застонав от боли. На мгновение ему показалось, что позвоночник раскололся, как перекаленный меч. Но он подтянул ноги и встал, выпрямился на подрагивающих ногах. Кажется, все цело.

Взмахнул руками — все в порядке. Позвоночник и шея еще ныли, но боль стихала, даже этот бросок с высоты двадцати футов он сумел выдержать. Значит, выдержит и остальное.

Чунду крутился вокруг массивного, висящего в воздухе хвоста, как пьяный клоун, решивший доказать, что он может зубами выдернуть занозу из своей задницы. До паука было почти десять туазов. Лотар еще раз подивился тому, что остался цел после такого падения. Может быть, его спасло то, что он приземлился на камни по касательной и удар получился не самым резким.

Движения паука стали совсем другими, теперь, чтобы добрать-ся до его спины, Лотару нужно было уметь подпрыгивать на те двадцать футов, с которых он упал, а еще лучше — даже повыше. Это было невозможно, а серьезно трансмутировать Лотар уже не успевал — Чунду уходил.

Паук пытался укрыться в своей норе, в той пещере, которой ни Лотар, ни Сухмет еще не видели, но которая ощущалась как чер-ный, опасный колодец. Если Чунду доберется туда, он сумеет за-растить полученные раны и выйдет оттуда, став несравненно более мудрым и опасным бойцом. И все придется начинать сна-чала.

Тогда Лотар побегал по широкой дуге к пещере, опережая Чунду.

Пещера паука была сырой и пахла таким запахом разложе-ния и смерти, что Лотар отвернулся, чтобы вдохнуть другого, свежего воздуха. Камни по бокам пещеры были покрыты трещи-нами и уступами. Даже с клешней, которая не могла зацепиться за камень, Лотар без труда полез вверх. Сложно было только перехватывать опоры, но зато ему здесь очень помогала сила его измененной правой руки и почти невероятная даже для Лотара скорость, с какой он мог ею двигать.

Когда Чунду подошел к пещере, Лотар был уже на высоте его головы. И это оказалось ошибкой — нужно было забраться повыше.

Чунду замер на мгновение и вдруг поднял одну из своих малых ног, которые до этого не действовали. Лотар подивился скорости, с какой он восстанавливал пораженные органы.

Огромные главные глаза паука по-прежнему были залиты зе-леной кровью, но когда Лотар догадался поднять взгляд повыше, он содрогнулся. Верхние маленькие глазки Чунду, ожерельем увенчивающие его голову, блестели вниманием и холодным, рас-четливым умом. В них не было ни слабости, ни тумана боли.

Лотар недооценил противника, и это могло ему дорого стоить. Удар малой ноги паука прошел в нескольких дюймах от его ноги, Лотар успел отдернуться в сторону в последний миг. Камень за-скрипел под хитиновой клешней паука, во все стороны полетели осколки и пыль.

Паук вздрогнул и отступил на шаг. Лотар вытер о плечо пот с лица и быстро пополз выше. Как ни болезненно было удариться о камень, Чунду не оставит своих атак, пока не убедится в полной недосыгаемости противника.

Следующий удар был слабее, но более точным. А вот Лотар опоздал и увернуться не успел. Нога целила ему в живот, но в

последнее мгновение Лотар подставил нагрудную пластину. Кроме того, он выбросил вперед левую руку, пытаясь не столько блокироваться, сколько использовать энергию удара и взлететь повыше и хотя бы чуть-чуть в сторону. Иначе его могло попросту пришпилить к камню. И это ему почти удалось... Почти, потому что вся левая сторона взорвалась такой болью, что он не мог вдохнуть воздух, а рука повисла, бессильно мотаясь из стороны в сторону — он не мог заставить ее слушаться, как ни напрягал мускулы. Лишь его странная клешня, мутированная из пальцев, сжималась и разжималась, клацая в воздухе. Но он все-таки остался жив.

Теперь он был, наверное, выше поля зрения паука. Лотар посмотрел вниз. Внезапно он увидел, что из-под нагрудной пластины торчит обломок сахарно-белой кости, пропоровшей куртку. Так, значит, у него сломаны ребра... Но рана не кровоточила. Каким-то чудом приказ «не трать кровь понапрасну» еще действовал в его избитом, изломанном теле. Он еще мог драться, не мог только вздохнуть. Ну что же, он будет дышать потише.

Чунду шагнул вперед, оказавшись под Лотаром. Это был его шанс. Хотя, если он промахнется или не сумеет удержаться на этих бритвенной остроты наростах и упадет под ноги Чунду, тогда... Собственно, это его заботить уже не должно.

Лотар прыгнул. Удар о спину паука был подобен попытке нырнуть в крутой кипяток — он почти потерял сознание от боли в боку и от рывка паука, который сразу же попытался стряхнуть противника, развернувшись на месте. Но левая рука Лотара, хотя и не работала в полную силу, сжалась, захватив два острых, но длинных и прочных нароста. Он удержался и сумеет использовать свой последний шанс! Правой, которой Лотар мог действовать почти нормально, он дотянулся до левого бока и попытался схватить третий, самый длинный гвоздь.

Но пальцы сомкнулись вокруг пустоты. Лотар, застонав от боли в шее и отчаяния, посмотрел на пояс. За сломанным ребром виднелись аккуратные петельки, и все три были пусты. Он потянул этот третий гвоздь.

Сосредоточившись на почти бесконечное мгновение, теряя последние силы, Лотар посмотрел магическим взглядом внутрь Чунду, чтобы понять, что происходит с сердцем гигантского паука. То, что он увидел, его не обнадежило.

Сердце паука составляло несколько вытянутых, как кишка, довольно плотных камер, каждая из которых работала, разгоняя желтую кровь чудовища. Две камеры были разорваны гвоздями, но самая большая работала, и тело Чунду уже восстанавливалось, даже стенки сердца уже каким-то образом затягивались, чтобы в тишине и холоде пещеры паук вновь стал здоровым и невредимым.

Внезапно Чунду шагнул в сторону и попытался зажать Лотара между собой и каменной стеной, растереть его, как мышку. Между спиной гиганта и камнем осталось не больше фута, Лотар лег

на хитиновые шипы паука, раздирая кожу на груди, животе и ногах. Камень проскрипел рядом.

Чунду отклонился в сторону, чтобы примериться получше. Нужно было отступить. Лотар сделал, что мог, но этого оказалось недостаточно. Если он промедлит и не прыгнет сейчас, будет поздно.

Лотар протянул правую руку за плечо, обхватил сильной, но неуклюжей трансмутированной кистью огромную, в три обычных ладони, рукоять Гвинеда, поднял его как можно выше и изо всех сил опустил на колючую спину чудовища, вогнав на полфута в панцирь, под которым билось коричневое сердце. Мало! С ужасающей ясностью Лотар понял, что вогнать меч глубже он уже не успеет.

В это же мгновение толчок о стену отбросил Лотара в сторону, и он повис, случайно захватив правой рукой один из боковых наростов паука. Стена была совсем рядом. Сейчас Чунду повернется, и от Лотара останется лишь груда изломанных, залитых кровью костей. Но паук вдруг дрогнул и замер, это спасло Лотара.

Обдирая колени, руку и лицо, Желтоголовый скользнул вниз и почти сразу же стал падать. Он попытался упасть на ноги, но это у него уже не получилось, он приземлился на левое плечо и бок. Удар оказался даже сильнее того, которым Чунду проломил ему грудь. Поэтому Лотар не успел вскочить на ноги, как хотел, и убраться из-под ног гигантского паука.

Он сумел лишь подняться на четвереньки и попытался ползти. Нога Чунду с треском, от которого можно было оглохнуть, врезалась в камень в нескольких дюймах от его головы, он даже, кажется, ударился по инерции об нее виском, попытался отползти в сторону, но тут боль в груди стала невыносимой, и он упал на локоть, потом на грудь.

Он лежал под Чунду и не мог вылезти из-под обезумевшего монстра, который взбивал каменную поверхность, как тесто. Если не в этот самый миг, то в следующий его разможжит, размажет по камням чудовище, топчущееся в бешеной пляске над ним. Лотар лишь закрыл глаза и подтянул ноги, чтобы стать как можно меньше.

Но нет, он не только ждал конца. Хотя у него уже не было возможности двигаться или хотя бы вдохнуть этот напоенный смертью, пылью и туманом воздух, он мог попытаться обмануть. Сосредоточенно и неторопливо, как на обычной тренировке, он попытался стать невидимым, а рядом, в десятке шагов, сбоку создал фантома, стоящего во весь рост, ухмыляющегося Лотара, каким он был, наверное, в начале боя. Потом, в другой стороне, он попробовал создать еще одного, потом еще...

Смерть все не приходила, ее не было. Он все лежал, и наколдывал свои фантомы, и ждал, а ее не было, и тогда он стал надеяться, хотя понимал, что надеяться все-таки не на что.

Внезапно стало потише, топот чудовища передвинулся в сторону и стал доноситься сбоку и казался теперь почти неопасным. Смерти все не было.

Тогда Лотар понял, что поверх этого грохота слышит звук мягких, здоровых и торопливых шагов. Потом чья-то прохладная, полная энергии ладонь легла на его грудь. Только не убирай эту ладонь, хотел произнести Лотар. Или все-таки произнес? Нет, конечно, но и говорить теперь было не нужно.

Это был Сухмет. Он поднял Лотара, окровавленного, с торчащими из тела сломанными костями, дико трансмутированного. Над ними все еще бился Чунду. И было непонятно, остановится ли он когда-нибудь, одолеет ли смерть этого гиганта?

Но сейчас нужно было спасти Лотара. И Сухмет побежал, прыхтывая под тяжелой ношей, и Лотар, к счастью, уже не чувствовал этих толчков.

Странные, нечеловеческие руки Лотара свисали вниз и мерно, спокойно раскачивались. В них было не больше жизни, чем в дорослях, выброшенных на берег штормом.

Глава 8

Грохот обрушился так неожиданно, что от него почти невозможно было защититься. Но Лотар с удивлением обнаружил, что это ему удалось. Значит, дело обстояло не так плохо. А разве было плохо? Лотар этого не помнил. У него осталось только ощущение ожидания смерти и понимание того, что он выжил только потому, что удача была на его стороне.

Первые тяжелые, как спелые виноградины, обжигающие свежестью капли дождя упали ему на лицо. Он медленно слизнул влагу. Она была обычной, словно он только и делал последнее время, что пил чистые горные дожди. Он хотел рассмеяться, но у него заболел бок, получилась только вялая улыбка.

Неожиданно послышался чуть взволнованный голос, от которого радоваться хотелось еще больше, чем от снежного вкуса дождя:

— Ох, беда, беда... Кто же мог подумать, что вместо этой пелены придет дождь? Сейчас, господин мой, я перенесу тебя под камень.

Кто-то твердыми маленькими руками поднял его и отнес под каменный козырек, о который капельки разбивались, как льдинки весной разбиваются о валуны на порогах. Лотар начал прислушиваться к этому звону, но вспомнил о громе и не стал чрезмерно обострять слух. И тотчас же, словно по его приказу, ударил следующий раскат.

Здесь, в горах, этот звук был едва выносим, но Лотар радовался ему, потому что это доказывало — он жив, и ему даже может заложить уши, или может надоедать суетливость Сухмета, или может случиться что-нибудь еще, и даже обязательно случится.

— Ты... — он разлепил губы, пересохшие от жажды и перенесенной боли, — ты зря...

Сухмет затаил дыхание. Сначала он попытался что-то расслышать, потом просто стал исследовать сознание Драконьего Обо-

ротня, внедрившись в него острым лучом своего внимания. Потом он пришел в ужас, и Лотар снова услышал его голос:

— Сейчас, господин. Вкуснейший чай с целебными травами, которые сделают тебя лучше прежнего.

— Не хочу, — сумел произнести Лотар.

— Не хочешь быть лучше прежнего? — от костра, на котором булькал в котелке чай, спросил Сухмет.

— Воды.

— Давай все-таки ты попробуешь чай, а потом я принесу воду. Даю слово, что...

Снова ударил гром. На этот раз в его раскатах было скрыто не только торжество жизни и силы, но и что-то несущее тревогу, напоминающее о смерти. Лотар сосредоточился, насколько мог, и стал вспоминать.

Что же случилось настолько скверное, что это портит радость от дождя и ворчания Сухмета? Что-то, сделавшее его таким слабым и немощным?

И сейчас же в памяти возник весь бой с Чунду, а с ним — ощущение уходящей жизни, которая вытекала через упавшие вниз руки. Невероятным усилием Лотар подтащил одну руку к своей мокрой от дождя щеке и коснулся ее. Рука как рука, полная человеческого тепла и уязвимости. Он собрался с силами и проделал то же с другой. Тоже все в порядке. Если бы к ним нагрянул пограничный разъезд из долины, никто ничего бы не заподозрил.

Сухмет поднял его голову за затылок, и нежная, горячая влага потекла между губ Лотара. Он торопливо стал глотать. С каждым глотком он становился сильнее и здоровее — это было очевидно. Он открыл глаза. Над ним склонился Сухмет. Заметив, что Лотар видит его, старик улыбнулся, показав свои снежные, изумительной формы зубы.

— Все в порядке, господин. Теперь все будет...

— Почему не больно?

— Я обработал раны легким раствором слюны тех крестовиков, которые обслуживали Чунду. Она имеет превосходное обезболивающее действие.

— Когда-нибудь ты меня уворишь своими опытами.

Лотар не ожидал, что сумеет произнести такую длинную и складную фразу. Сухмет, как оказалось, тоже. Он расхохотался.

— Но только не на этот раз.

— Как Чунду?

— Сдох. — Для пушей достоверности Сухмет важно покачал головой. Потом не выдержал и снова рассмеялся. — Мертвее не бывает, господин мой. Ты победил.

Так, значит, с этим все в порядке, но что же тогда волновало его до такой степени, что он не мог даже уснуть? Что же случилось? Спросить Сухмета? Нет, пожалуй, тот вообразит, что у меня не все дома после этой драки. Воин, потерявший после ранения разум, — что может быть нелепее и что встречается так часто?

Лотар стал думать. Что-то в конце битвы с Чунду? Вот он протягивает руки за третьим гвоздем, а его не оказывается. И ужас,

что все оказалось бессмысленным, что придется, в лучшем случае, начинать сначала. И тогда...

Гвинед! Он лишился своего меча!

— Где меч?

— Он разорвал сердце Чунду.

— Где он?

— В теле чудовища. Где же ему быть?

Лотар хотел было спросить, можно ли к нему теперь добраться, но что-то остановило его. И правильно, потому что уже следующими словами Сухмета были:

— Не волнуйся, господин. Завтра после дождя мы разрубим спину пауку и вытащим твоё оружие, твой непобедимый меч.

Хорошо, подумал Лотар. Может, так и будет. Нет, никаких «может». Так и должно быть. Он откинулся на мягкий валик из свернутой ткани, который появился у него под головой, прислушался к шуму дождя. Но что-то еще не было решено, что-то важное...

— А люди в долине? Они поймут, что мы победили? Как дать им знать, что перевал свободен?

Его голос был слабее комариного писка. И все-таки Сухмет понял его.

— Они уже знают, господин. После смерти чудовища серая пелена была развеяна ветром, а гроза показала, что магии больше нет в этом месте. Это должны понять все, кто живет в долине. Спи, ты победил, и теперь твоё дело — скорее поправиться.

Должно быть, в чай Сухмет подмешал какую-нибудь сон-траву или незаметно подкрался к рассудку Лотара с внушением, потому что желание уснуть стало непреодолимым. Лотар попробовал улыбнуться, потому что все было хорошо, и ему было удобно, и даже очищающий дождь подтверждал это. Но обезболивающее снадобье Сухмета мешало внутреннему удовольствию от улыбки, и Лотар уснул.

Глава 9

Утро выдалось такое яркое, что больно было смотреть на белые от снега пики близких гор. Воздух был напоен холодком хрустящего морозца, но в нем уже чувствовалось размягчающее дыхание весны, угадывался аромат луговых цветов.

Каменные плиты под ногами сверкали чистотой, как мостовая перед богатым домом, вымытая специально нанятыми для этого служанками. Лотар ковылял, широко расставляя ноги, потому что ему очень не хотелось свалиться на глазах Сухмета, который, от волнения раскинув руки, шел сзади. Иногда старик принимался причитать:

— Ну почему, почему ты не позволяешь мне это сделать? Я могу не хуже, чем ты, разрубить эту тушу, а скорее всего даже лучше. Почему ты не слушаешь меня, господин?

— Отстань, мешаешь.

Лотару действительно было довольно нелегко переставлять ноги, чтобы продвигаться вперед. С ним уже несколько раз приключалось такое, и каждый раз он со страхом думал о том, что вдруг он больше не поправится, вдруг не сможет больше биться со всякой нечистью? Но проходило время, он выздоравливал, и опасения забывались.

На этот раз он постарался вовсе не думать об этом. Проснувшись, он решил: все это — ерунда, не так уж сильно мне и досталось. Бывало хуже, а все-таки все кончалось благополучно. И на этот раз все будет хорошо. Недели не пройдет, как начну тренироваться.

Выход из ущелья был похож на разукрашенную лазуритом высокую, до неба, дверь. От этого пространства, залитого солнцем и свежим горным ветром, захватывало дыхание. Но Лотар помнил его как мрачное, клубящееся, затопленное магией коварное болото и поневоле остановился. Ноги просто не шли.

— Что случилось? — обеспокоенно спросил сзади Сухмет.

Лотар не ответил, лишь искал впереди какой-нибудь знакомый предмет. И нашел. Это было темное пятно, неправильная клякса обгоревшего камня и жирной, масляной копоти — след от костра, которым они сожгли паутину. Это случилось всего лишь позавчера. А казалось, что прошли годы.

И находилось это пятно совсем близко, в нескольких десятках шагов. Неужели он здесь волок заготовку для костра? Странное впечатление вызывает все, что осталось от этого дела. И не только от этого. Что вообще останется от него? Какой след можно будет считать его следом?

Лотар отмахнулся от этой мысли. Он должен был побеждать. До сих пор это удавалось. А что касается памяти или, того пуше, следов и смыслов, пусть об этом заботятся те, кто придет после него. Он шагнул дальше и почти сейчас же, едва ли не в самом далеком углу плато, в тени почти вертикальной стены, увидел что-то огромное и мрачное, как неожиданное свидетельство ночного кошмара.

Широко раскинув мощные ноги, на каменной осыпи перед пещерой лежал Чунду. Тело его было похоже на темный кувшин дикой и непривычной формы. И даже отливало примерно такой же глазурью, какую используют иногда гончары, чтобы придать своим изделиям торжественную, темную массивность. Но это была не работа гончара, а сама смерть.

И лишь поза, бессильно разбросанные ноги, раскрывшиеся от слабости челюсти и мертвые, выклеванные стервятниками глаза указывали, что смерть эта уже никому не грозит, что ее одолели и обезопасили.

Лотар удивился тому, что это сделал он. Даже мертвый, Чунду внушал ужас. И стервятников, которых на такую тушу должно было слететься видимо-невидимо, было мало, очень мало, словно и они страшились паука. Подходя к нему в свете ясного, прекрасного утра, Лотар испытывал какое-то опасение. А как же он

решился атаковать это чудовище, когда оно было полно сил и желало его, Лотара, смерти?

— Кажется, когда наступает битва, я меняюсь не только физически, — пробормотал Лотар, — но и психически. Никогда этого не замечал, но это так.

— Человек сложнее, чем сам думает о себе, — воспользовался возможностью пофилософствовать Сухмет. — В нем есть многое, чего он не хочет признавать. В том числе и неожиданные формы психики.

Рядом, на расстоянии вытянутой руки, Чунду казался неуязвимым и высоким, как горный обрыв. Но это было обманчивое впечатление. И особенно это стало ясно, когда Лотар почувствовал запах — сладковатый и отвратительный запах разложения. Чунду уже начал гнить.

Лотар поднял голову вверх. Нет, дотянуться до спины паука, лежащего на животе и лишь чуть-чуть завалившегося на бок, он не мог. Даже если он подпрыгнет, ему не удастся подтащить свое тело вон к тому хохолку, образованному шипами на спине. К тому же они выглядели очень острыми.

— Я предлагаю, господин... — начал было Сухмет.

— Нет, я сам. — Лотар даже не дослушал его.

Он обошел огромное тело паука и вернулся в ту точку, с которой начал. Здесь взобраться было легче всего.

— Стань на колени.

Сухмет, деланно покряхтивая, что должно было изображать его старость, опустился на одно колено. Лотар, придерживаясь за наросты на спине паука, встал ему на плечи.

— Поднимайся, только не резко.

Легко и плавно, как во сне, Сухмет поднял его вверх.

Перед Лотаром оказалось несколько очень острых и толстых шипов, но они уже были изогнуты вверх, и в эти крюки можно было поставить ногу. Поработав минут десять, несколько раз чуть не сорвавшись вниз, Лотар оказался-таки на спине чудовища.

Почти перед ним виднелись три раны, которые он нанес Чунду. Из них вытекала желтая кровь чудовища, застывшая в тяжелые, липкие, отвратительно пахнущие комки. В средней ране еще торчал гвоздь, но теперь он был изогнут, словно кто-то бил по нему сбоку. Гвоздь в дальней от головы ране по шляпку ушел в паука, но Лотар понял, что и он изогнут штопором. Гвинед в передней ране не было.

— Он согнул наши гвозди, как булавки.

— Ты не мог видеть, потому что был тогда без сознания... — подал голос Сухмет. — Когда он уже умирал, он стал кататься по земле, чтобы освободиться от этих штырей.

— Он не мог изувечить Гвинед? — спросил Лотар, хотя знал ответ.

Сухмет не ответил. Он отошел на несколько шагов и сделал вид, что смотрит на стервятников.

Лотар и сам понимал, что поза его выглядит не очень-то героической — он согнулся в пояснице, как радикулитная старуха, а

ноги и руки его едва удерживали тело. При каждом движении он колотился об шипы Чунду, и это делало его еще более неловким. Но он освободил правую руку и мог, вероятно, нанести несколько сильных ударов.

— Кинь сюда секиру.

Сухмет вытащил из-за спины потерявшую всякий вид боевого оружия, больше похожую на топор дровосека секиру и подбросил ее так, чтобы она упала перед Лотаром.

Лотар подобрался поближе к передней ране, поднял секиру и, как ему казалось, довольно сильно опустил ее вниз.

Иззубренное острие даже не поцарапало броню гигантского демона и отскочило вбок, да так, что у Лотара чуть не вылетела из сустава рука. Он зашипел от боли, встал на колючие наросты поудобнее, взял секиру в обе руки и снова рубанул. На этот раз секира не отлетела, а немного смяла под собой хитин. Когда Лотар ее поднял, радуясь своей удаче, он обнаружил царапину глубиной в одну пятидесятую дюйма.

— Может, все-таки я доделаю? — спросил снизу Сухмет.

— Как ты можешь доделать, если я еще и не начинал?

Сухмет вздохнул.

Лотар принялся рубить как сумасшедший. Временами, когда ему становилось очень уж тяжело, он откладывал секиру в сторону, осторожно садился на колючки и отдыхал, поглядывая на небо. В один из таких перерывов Сухмет принес ему флягу с водой и забросил почти в руки. Лотар глотнул холодной воды и почувствовал себя лучше.

Солнце поднялось уже выше самых высоких пиков, когда ему удалось прорубить мощный, в палец толщиной, панцирь паука в том месте, где должен был находиться Гвинед. Из прорубленной дыры ударил фонтан такой мерзкой слизи, что Лотар едва не сорвался, отпрянув от нее. Но слизь кончилась, а меча видно не было.

Содрогаясь от омерзения, Лотар запустил в рану палец и попробовал нащупать хоть что-то твердое, похожее на дружескую рукоять своего меча. Но ничего не было.

— Сухмет, а меч не мог улететь куда-нибудь в сторону, пока Чунду топтался по камням?

— Не знаю. В любом случае мы его найдем.

Лотар снова принялся рубить, расширяя рану, пытаясь сделать ее глубже. Больше всего он злился сейчас на то, что не может посмотреть в Чунду магическим взглядом. Он знал, что это сейчас так же невозможно, как паралитику участвовать в битве. У него не хватило бы сил даже на то, чтобы сосредоточиться как следует. И еще он злился, что секира была такой тупой, такой иззубренной, такой неловкой...

Внезапно он услышал вместо привычного уже чавканья легкий, едва ли не музыкальный звон. Это было так неожиданно, что Лотар вздрогнул. Он отложил секиру, запустил вниз, в лужу отвратительной плоти, руку и кончиками пальцев нащупал наверх своего оружия. Схватить меч лучше не получалось, потому что пальцы скользили, но он запустил вниз вторую руку, ба-

лансируя на занывших от уколов коленях, зажал меч с двух сторон, потянул его вверх, и... Твердый, скользкий шарик подался на дюйм, если не больше, прежде чем выскользнул из уставших рук.

Лотар, не обращая внимания на грязь, капавшую с рук, вытер пот со лба, снова взялся за меч, уже уверенней, потянул и...

Гвинед, неповрежденный и почти не испачканный, блестящий, как всегда, вылетел из внутренностей Чунду, словно сам с охотой освободился из заточения!

Лотар хотел было поцеловать клинок, но его остановил предостерегающий крик Сухмета, который кудахтал от радости внизу. Тогда Лотар прижался к стали лбом, словно вбирая в себя непобедимую силу и грозную радость своего оружия.

Спускаться было едва ли не труднее, чем подниматься. Когда Лотар в конце концов тупо, как мешок, свалился на камни, ему показалось, что он вывихнул себе лодыжку. Но он все равно был счастлив, потому что Гвинед, ясный и веселый, как солнечный свет, горел у него в руке, и разжать руку Лотара не заставили бы никакие силы в мире.

Глава 10

В ту ночь они спали очень крепко. Легли рано, едва солнышко закатилось в дымку, окутавшую западные горы, и проспали до самого рассвета. Лотар знал, что Сухмета даже после двух бессонных суток не застанет врасплох и горная змейка, не говоря уж о чем-то более серьезном. Кроме того, старик, перед тем как уснуть, довольно долго возился с разноцветными мелками и одной из самых толстых книг, а это значило, что он поставил вокруг них магическую защиту и теперь никто не мог увидеть, что здесь происходило.

Но с первым лучом солнца Лотар ощутил какое-то беспокойство. Не открывая глаз, он поднял голову и прислушался. Да, рядом творилось что-то важное и спешное, что нужно было понять. Он хотел позвать Сухмета, но тот уже не спал, а прислушивался внутренним слухом к той же непонятной кутерьме.

— Что это?

— Люди. — Сухмет ответил, не разжимая губ, стараясь не потерять картинку происходящего.

Лотар был еще настолько слаб, что и не пытался по-настоящему включить свои магические способности.

— Их довольно много. Со всеми я сейчас не справлюсь.

— Драться не придется, — последовал ответ. — Они уходят.

— Куда? И откуда они?

Сухмет замер, сосредоточиваясь так, что Лотар даже дыхание затаил от восхищения. Эти приемы дальновидения он тоже пытался время от времени освоить, но, по словам Сухмета, успехи у него были такими же, как у отупевшего от неправильной пищи, обилия людей и постоянной суеты горожанина. То есть хуже бывает, но не часто.

— Нет, — сказал наконец Сухмет. — Они поставили магический экран. Я не могу прочесть сознание их предводителей.

— Это далеко?

— Ну, раз ты так хочешь...

Сухмет неторопливо поднялся, присел, разминая затекшие ноги, потом подобрал пригоршню сырого, серого снега и быстро умылся. Одеядо, под которым он спал, намокло от утренней сырости. Солнце только-только позолотило самые высокие облака, но на земле еще царил ночной сумрак.

Лотар чувствовал себя немного лучше, чем вчера, и, пожалуй, при острой необходимости мог даже пробежать несколько десятков шагов. Но лучше, конечно, было не пытаться, потому что кто знает, чем могли кончиться такие эксперименты?

Вокруг глаз Сухмета появились морщинки. Он смеялся над неприхотливой шуткой Лотара.

— Скоро я буду готов? — спросил уже вслух Лотар.

— Время не имеет для нас большого значения, мой господин.

Все-таки, когда они отправились по дороге, ведущей в долину, Лотара преследовало ощущение, что они слишком уж провозились со сборами.

Чавкающая под ногами, несмотря на утренний холод, дорога вывела их из ущелья. Примерно в том месте, где они увидели первую перевернутую телегу, Сухмет остановился, повертел головой и решительно свернул к одному из самых пологих склонов, какие здесь можно было найти. Похоже, он выбрал этот путь потому, что не хотел попусту мучить Лотара.

Сначала Лотар подумал, что старик чересчур осторожничает, но скоро внутренне поблагодарил его за то, что тот не предложил ему взобраться повыше и покруче. Охотник на демонов задыхался, его ноги дрожали от слабости, и он был похож на новичка, которого впервые свели в поединке с подготовленным воином. И конечно, он отстал от Сухмета, который поднимался быстро и легко, как будто всю жизнь прожил в горах.

На вершине Сухмет сразу принял к камню, чтобы остаться незамеченным. Лотар посмотрел на него с удивлением, но поднялся к нему уже настороже, не высовываясь сверх меры.

С вершины, где они оказались, открывался вид, от которого захватывало дух. Было видно почти все — зеленый ковер лесов и сверкающая лента реки, туманная дымка, поднимающаяся над озером, и высокий, безбрежный колокол неба, поддерживаемый далекими острыми пиками гор с той стороны долины.

Лотар обернулся. Да, Сухмет не ошибся, отсюда было видно даже то место, где они ночевали перед боем с Чунду. Значит, здесь находился тот, чей взгляд они тогда почувствовали. Лотар хотел было сказать об этом старику, но тот вдруг так сильно дернул его за рукав, что у Лотара заняло плечо, и он повернулся лицом к дороге, лежащей под ними.

— Когда-нибудь ты доломаешь мне плечи, и тогда нам нечем будет зарабатывать на хлеб.

— Господин, — сдержанно, так, что Лотар сразу насторожился

ся, произнес старик, — посмотри внимательно... Только очень внимательно, прошу тебя.

Лотар взглянул, собирая все внутренние силы, которые у него были. Он смотрел почти проникающим зрением, которым иногда видел даже варианты будущего, или прошлого, или вообще того, что было в каком-то ином мире. Но сейчас он... не видел ничего. Спустя минуту ему показалось, что он ничего и не увидит, и решил тогда, что и Сухмет может ошибаться.

— Ты уверен?..

Внезапно в него хлынула энергия Сухмета. Это было так неожиданно, как если бы старик окатил его крутым кипятком из ушата, который до этого прятал за спиной. Несколько мгновений Лотар боролся только за то, чтобы в этом потоке дружественной, но все-таки чужой жизненной силы сохранить собственное восприятие происходящего.

Когда он справился и даже усвоил большую часть полученной энергии, он почувствовал себя гораздо лучше, почти нормальным и здоровым Лотаром Желтоголовым, только его яркое мировосприятие было изменено на более сдержанное, словно все цвета и запахи немного поблекли. Так чувствовал Сухмет, и это передалось Лотару. Но зато теперь его чувства не были затуманены слабостью или болью.

Перед тем местом, где дорога раздваивалась и менее наезженная колея уходила в бесконечные волны лесистых холмов, он увидел странное колебание воздуха, словно полуденная хмарь висела в воздухе, меняя очертания предметов. Но марево в начале весны в горах, где еще не сошел снег?.. Лотар присмотрелся.

Это было, конечно, не марево, а магический занавес, но такой силы и плотности, что Лотар даже сперва не понял, что перед ним. И никогда бы не понял, если бы не Сухмет.

Пробриться через этот заслон было почти невозможно. Но Лотар попытался, и вот, словно в забытом сне, словно из далекого, может быть, даже выдуманного прошлого, появились контуры, которые превратились... Наконец Лотар понял, что это повозки, заваленные разным добром так, что не было видно возницы.

Еще в повозках Лотар различил другие, более плотные фигуры, и скоро стало ясно, что эту плотность им придавало железо. Это были закованные в доспехи воины. В каждой повозке сидело по латнику. Да еще возчики...

Лотар насчитал двадцать повозок. Значит, здесь был отряд, которого хватило бы, чтобы атаковать Чунду, либо... добивать и грабить караванщиков, которым чудом удавалось прорваться через его паутину.

Внезапно Лотар понял, что в сознании всех этих людей было одно желание — поскорее оказаться в более безопасном месте, словно за ними гнался сам сатана. Значит, это могли быть не грабители, а мародеры. Хотя и невелика разница, но она все-таки была, и ее следовало учитывать.

На зеленом краю дороги Лотар заметил двух всадников. Эти были настроены иначе, причем настолько, что казались сделан-

ными из другого теста. Один был вообще непробиваем перед любыми попытками проникнуть в его мысли, мотивы и ощущения. Как ни вчитывался Лотар, он сумел вызнать только имя — Батенкур. В нем угадывался командир этой шайки, хотя он мог бы командовать и небольшой армией — ему хватило бы и опыта, и умения. А другой...

Лотар задохнулся, когда понял, что он видит в этом человеке... Бездну, черную бездонную пропасть, даже не угли после некогда яркого огня страстей человеческих, а лишь пепел, остывший давно и навсегда.

Вообще-то картина такого краха вызывала печаль. Но Лотар не спешил жалеть этого человека. Что бы ни произошло в его жизни в прошлом, сейчас он был активен и ему хватало силы, чтобы ломать любое сопротивление. Или почти любое. Лотар прочитал в его сознании какое-то опасение, тем более заметное, что оно выступало на фоне огромного, маниакального желания возвыситься хотя бы здесь, в этой спокойной провинциальной стране.

Возможно, этого человека следовало лечить, а не бороться с ним. Но это было, в сущности, не дело Лотара. Перед тем как уйти из исковерканного сознания незнакомца, Лотар попробовал прочитать его имя. Была вероятность, правда, очень небольшая, что он уже слышал о нем, или что-то знает, или у них есть какие-то общие знакомые. Этого человека звали Атольф. Лотар честно попытался хоть что-нибудь вспомнить о нем, но безуспешно.

Сухмет толкнул его локтем:

— Ты ничего не видишь, господин мой?

— Вижу, и довольно много.

— Может быть, тебе не хватает энергии...

— Нет, оставь свои силы при себе, прошу тебя, — торопливо сказал Лотар.

— Сейчас не время считаться, — терпеливо произнес старик.

Лотар с удивлением посмотрел на Сухмета. За этими словами отчетливо должно было последовать какое-то продолжение.

— Ты нашел что-то важное?

— Посмотри, что в руках всадников.

Тот, кто был выжжен внутри, как гончарная печь, и которого звали Атольф, действительно держал в руке что-то необычное. Иногда он взмахивал этим предметом, и тогда магический занавес переносился на новое место, следуя за движущимся отрядом.

— Это посох... — Сухмет сделал странный, охранный жест рукой. — Это посох Гурама.

— Пожалуй, да, это похоже на палку...

— Нет, господин мой, ты не понимаешь. Это посох Гурама!

Это было уже немного слишком, как говаривал сам Сухмет.

— Ну и что? Я должен пасть в пыль и вознести хвалу небесам за то, что они терпели меня, пока я не удостоился счастья лицезреть посох неизвестного мне Гурама?

И внезапно почти всегда скептический Сухмет довольно решительно и даже серьезно кивнул.

— Гурам — один из двенадцати учеников Харисмуса. И, пожалуй, самый таинственный из них. А в той магии, где работал Гурам, тайна была равна магической силе. Если ты не знаешь Гурама, значит, он достиг почти божественной власти. — Сухмет торопливо закончил: — И самым мощным его инструментом манускрипты называют Посох Всесилия.

— Никогда не слышал от тебя таких слов.

— Подумать только, — Сухмет внезапно улыбнулся, как ребенок, которому подарили его первый в жизни меч, — я вижу посох Гурама.

М-да, тут было над чем задуматься.

— А с какой магией работал Гурам?

— Влияния на причинно-следственную связь. То есть он умел плавно менять свойства событий. Причем не было области, где бы его приемы не были эффективными. Больше всего Гурам хотел изменить природу человека и в последние века своей жизни добился такого прогресса, что...

— Ну, это мог и Гханаши. Я весь целиком — тому доказательство. — Помимо его желания, голос Лотара дрогнул. — Значит, посох Гурама — такой же магический инструмент, как трон Гханаши?

— Гханаши со своим троном — жалкий недоучка по сравнению с Гурамом, с великой и светлой силой этого ученика Харисмуса.

— Как бы там ни было, его посох теперь в руках у мелкого провинциального разбойника.

— Да. — Сухмет повернулся к Лотару и сказал с огромной убежденностью: — Мы должны отбить его, должны вернуть его последователям Учителя. Чего бы нам это ни стоило!

— Каким еще последователям?

Сухмет сокрушенно покачал головой:

— Ты забываешь, на заре своей жизни я был рабом Харисмуса, Учителя всех Учителей.

Лотар отвел взгляд в сторону и проямлил:

— Но мы, кажется, решили, что дело завершено и можно возвращаться в Пастарину?

Разговора об этом у них еще не было, но это подразумевалось само собой, без слов.

— Нет, господин, — спокойно, но очень веско произнес Сухмет, — дело продолжается. И сейчас больше, чем когда-либо ранее, я убежден, что только мы можем довести его до конца.

Глава 11

Весь день они шли по следу каравана. Повозки то тряслись по мерзлой, то вязли в оттаявшей дороге; эти задержки очень помогали Лотару с Сухметом не отпускать их слишком далеко. Хотя Атольф, едва повозки спустились в долину, снял тот плотный магический занавес, которым пытался прикрыть отход с перевала,

все-таки довольно густое покрывало осталось на каждой из телег, на каждом всаднике, и Лотар не сомневался, что не очень внимательный горец не увидит каравана. И даже его следы на дороге под влиянием магии Атольфа очень сильно деформировались, превратившись в непонятные рубцы, в которых самый умелый следопыт не нашел бы смысла.

Лотару все время хотелось пить. Вода во фляге кончилась быстро, и он едва дотерпел до ручейков, которые стали попадаться им по дороге. Он пил лесную, пахнущую травой и землей воду, но чувствовал, что огонь внутри его не гаснет, а разгорается все сильнее.

Он понимал, что на самом-то деле это не настоящая жажда, а просто один из симптомов, обозначающих чрезмерное напряжение для его еще не окрепшего от ран тела, но нужно было спешить.

Какое-то время спустя Сухмет, подождав его на одном из неожиданных поворотов, уходящих, казалось, прямо под куст боярышника, посмотрел на потное лицо Желтоголового и с отчетливой жалостью произнес:

— Господин, может, я пойду вперед? А потом ты присоединишься ко мне. Ведь нет никакой необходимости обоим преследовать караван так быстро.

— Нет, — прохрипел Лотар. — Я согласился на твое дурацкое предложение и должен выполнить свою часть работы. Кроме того, совсем небезопасно пускать тебя одного за целой бандой головорезов.

Сухмет вскинул голову:

— Неужели ты думаешь, что после твоих уроков я не справлюсь с этими мародерами?

— Если они пойдут по трое — справишься, а если навалятся все вместе — нет. Кроме того, посох Гурама даст им подавляющее преимущество.

Сухмет отвернулся и зашагал рядом с Лотаром.

— Посох Гурама даст им преимущество, даже если ты будешь рядом. Против него никто не выстоит и минуты.

— Значит, пойдем вместе. Хоть какой-то маневр останется, если они нас заметят.

На самом деле если бы Атольф их заметил, то давно бы уничтожил, подстроив засаду, в которую сейчас они, увлеченные преследованием, угодили бы как слепые совы, и никакого маневра у них, конечно, не было. Просто Лотар рассчитывал, что с такой обузой, какой был сейчас он, Сухмет не сваляет дурака, не посмеет чересчур азартничать и останется незамеченным.

Лотар стал соображать, что в использовании той мощи, которую он видел на перевале, и даже в магической защите было что-то непонятное. Располагая такой силой, Атольф мог действовать более эффективно.

Например, просто наставить меток за собой. И если бы за несколько последующих дней кто-нибудь проявил бы интерес к их следам, эти ловушки дали бы ему сигнал, и у него была бы возможность трезво оценить опасность.

А вместо этого — глупые занавеси, следы которых будут читаться, как писанные черным по белому, наверное. и через много часов. Кроме того, выставляя занавес, они и себя отгораживали от наблюдения за всем, что оказывалось сзади.

Но таков был почерк Атольфа. Он действовал не самым умным образом, словно его интересовал не результат, а то, какое впечатление он произведет на своих вояк.

Внезапно Лотар понял, что стоит, упершись лбом в тонкую горную березу, и жадно глотает воздух, пытаясь унять дрожь в ногах. От березки пахло соком, который медленно струился по ее тугим, деревянистым жилам под белой кожей. Тогда Лотар впился зубами в дерево. Он и не заметил, как его челюсти трансмутировались и стали больше и мощнее, чем у взрослого волка.

Эти его новые желтоватые зубы вошли в дерево, как в тесто, и сладковатый сок, полный жизненной силы земли и многолетних вод, брызнул ему на язык. Он впитывал его в себя, впервые за весь день ощущая, что жажда отступает.

И лишь напившись, он заметил, что Сухмет стоит рядом. Он медленно превратил свои зубы в человеческие и повернул голову к старику.

— Они, кажется, приехали.

— Ты уверен?

— Впереди появился замок.

Лотар наклонился, поднял ком глины и замазал глубокий, страшный след своего прикуса. Глина мало годилась для этого, а сделать ее более подходящим веществом у него не было сил. Тогда Сухмет коснулся рукой глиняной нащепки, и та мигом стала смолистой, клейкой, пахучей и полупрозрачной. Лотар почувствовал — это самое подходящее, чтобы залечить дерево.

Лотару вдруг захотелось, чтобы береза простила его, но не знал, что для этого нужно, и стал лихорадочно придумывать, чем бы заслужить прощение. Сухмет, который все понимал сейчас без малейшего труда, взял его под локоть.

— Пойдем, господин, я уже все сделал.

Они прошагали не больше четверти мили, когда лес кончился, и они оказались на берегу очень спокойного и холодного озера.

Оно простиралось на десяток миль на север и, казалось, облизывало самые подошвы высоких, заснеженных гор, которые отражались в спокойной, неподвижной, как стекло, воде. Отражение было таким точным, что Лотар усмехнулся, подумав, что стоит стать на голову, и потеряешь представление, где верх, а где низ. От воды поднимался легкий туман, грозивший к вечеру окутать не только озеро, но, возможно, половину долины.

— Смотри, господин.

Через пару миль в той стороне, куда указывал Сухмет, озеро становилось уже, всего-то в пару сотен туазов, и обрывалось, словно съеденное подступающей уже темнотой и каким-то дрожащим облаком, которое издавало густой рокочущий звук.

С изумлением Лотар понял, что вся эта спокойная масса воды переливается через край, образуя огромный водопад. Он-то и

бился о скалы на невообразимой глубине, он-то и выбрасывал в воздух облако водяной пыли. Если бы они подошли к водопаду днем, а не в последний предвечерний час, вместо облака они увидели бы радугу.

И на фоне этого облака, как черный палец, воздетый к небу с немой угрозой, высился замок с высокими стенами, прочными башнями, длинным подъемным мостом, окруженный бурлящей, вспененной водой. Замок стоял на самом обрыве, нависая над пропастью, в которую уходило озеро, воздвигнутый на высокой темной скале, неколебимой и мрачной. Он стоял, и Лотар понял, что этот замок ни разу не покорялся неприятелю и никому не удалось силой водрузить свои знамена над его башнями, даже проникнуть туда с враждебными замыслами.

Именно к нему и вела дорога, по которой с последними умирающими от слабости лучами солнца уходил отряд Атольфа и Батенкура. Лотар отчетливо увидел теперь и этих всадников, и череду повозок. Он даже разглядел мелькающие в бойницах привратной башни лица стражников, готовящихся опустить мост.

Отряд капитана Батенкура и колдуна оглушительно, должно быть, прогрохотал по настилу неподъемной части моста и остановился в его конце. До замка теперь оставалось не более семидесяти туазов, которые должен был перекрыть подъемный мост, служивший, по местному обычаю, и массивными, практически непробиваемыми воротами.

Кто-то из предводителей поднял руку. Сейчас же огромный мост дрогнул и стал опускаться: путников в замке ждали. Лотар подумал: а было ли это бегством? Судя по не очень большому числу повозок, мародеры уже переправили в замок почти всю добычу, и значит, они уже давно пытались избавиться от своих паучьих союзников. Теперь Лотар решил за них эту проблему, и им останется только укрыться в замке, в котором никто не сможет произвести даже поверхностный обыск, а значит, все доказательства будут похоронены здесь, пока этого хочет владелец замка.

Существовала, правда, возможность, что мародеры — люди необузданные и неосторожные, — получив свою часть добычи, кинутся в загул, и кто-нибудь из них спяну или по бандитскому куражу проговорится. Но и это вряд ли поможет довести дело до суда, если того не захочет действительно влиятельная в Пастарине особа. Избавиться от такого дурачка или выдворить его за тридевять земель — что может быть проще?

— Помнишь, господин, Покуст рисовал в замковом дворе карту долины?

— Да. Это, без сомнения, Ожерелье — замок младшего брата князя Веза. И зовут его, если не ошибаюсь, Гильом. А озеро это называется Хрустальным Кувшином. И водопад — та точка, которая перетягивает два озера в подобие восьмерки. Да, я все помню. Значит, Гильом и есть зачинщик всего преступления.

— Ты говорил, господин, что в этом деле нашими противниками будут те, кто плохо использует свои возможности. Пожалуй, теперь я согласен с тобой. Как ни странно, Атольф оказался всего

лишь исполнителем, а мог бы, располагая такой мощью... Ну, теперь, по крайней мере, ясно, что делать.

— Что же?

— Чтобы избавиться от пауков, их сажают в закрытый кувшин, лучше всего хрустальный, чтобы было видно. И они начинают друг друга пожирать. Это и нам подсказывает — не нужно ничего делать, лишь ждать.

— Ты уверен, что это даст результат?

— Да. Я редко советую, потому что ошибаюсь. Но на этот раз ошибки быть не может.

Они разложили костер неподалеку от моста, в ложине, которую к тому же закрывали от обзора со стороны замка густые заросли орешника с мясистыми, тугими сережками. Пока Сухмет заваривал травяной чай и готовил еду, Лотар устроился на берегу и опустил в ледяную воду измочаленные ноги. Течение здесь было настолько сильным, что приходилось сидеть, крепко упершись руками в булыжники.

До моста отсюда оставалось не больше трехсот футов. Футов двести было аккуратно очищено от растительности, чтобы сходящие с настила люди не попали в засаду. Лотару показалось, что расстояние это мало, его следовало сделать, как положено, равным полутора летам стрелы. Но стоило вспомнить о десятилетиях мирной жизни в этой долине, о неприступности Ожерелья, и становилась понятной та небрежность, с какой здешние вояки исполняли свои обязанности.

В сгущающейся тьме замок уже не казался ни грозным, ни пугающим, а был близким и даже немного уютным человеческим жильем, поставленным в очень красивом месте. И чем дольше Лотар приглядывался к нему, тем лучше начинал понимать, где находятся конюшни и жилые помещения, где выстроены господские палаты, а где едва теплится ночной огонек караульного помещения.

Нет, стены были сложены на совесть, и просмотреть их магическим взглядом Лотар даже не пытался. Но еще до того, как у него околели ноги, он уже знал едва ли не все отдельные ходы и галереи этого замка. Это могло ему пригодиться.

Главную опасность представляла огромная, высотой в сотню туазов, сторожевая башня. Она возвышалась не просто над замком и не просто над озером, а над всей долиной. Лотар без особого труда понял, что с ее смотровой площадки видна и Пастарина, и все протяжение реки, уходящей в Мульфаджу, и даже — в ясные дни — оба перевала. Из многочисленных бойниц, пробитых в восьмигранном навершьи, крытом толстой, массивной черепицей, день и ночь за долиной наблюдали три молчаливых, сумрачных стражника, которых, как только они уставали, сменяли следующие, и это длилось уже несколько столетий, с момента постройки башни.

Но вообще-то за городом из этой башни следить было неудобно. Для наблюдения за тем, что происходит в самой Пастарине, была построена четырехгранная Падающая башня, прозванная

так потому, что была вынесена над водопадом и напоминала полуповаленный бурей, но не рухнувший ствол массивного дерева. На ее вершине была устроена довольно большая открытая прямоугольная площадка, на которой владельцы замка любили проводить утренние и вечерние, предзакатные часы, когда вид на долину был самым красивым и когда она вся целиком, казалось, могла поместиться в кармане решительного и предприимчивого человека.

Там даже каким-то образом, скорее всего подновляемыми заклятиями, подавлялся неумолчный рев низвергающейся вниз воды. Впрочем, подумал Лотар, возможно, этот рев сам по себе не мог подняться из ущелья, куда падала вода из озера. Все-таки оно было очень глубоким, почти полторы тысячи футов. Или, видимо, звук водопада гасился облаком водяной пыли. Или же множество еще не стесанных водой, острых, как плавники, камней разбивало этот рев и отражало куда-то в сторону либо вниз, так что он становился не громче обычного гула быстрой реки.

Это было удобное место еще и потому, что в воду, окружавшую замок, не нужно было ставить никаких ножей, чтобы непрошенный пловец рассек себе живот, не нужно было запускать ядовитых змей. выращивать растения, чей сок, выделяемый в воду, смертелен для человека. Мощный, неукротимый поток делал доступ к стенам замка невозможным. Каждого, кто попытался бы добраться к нему по воде, ждала стремнина водопада и острые уступы, способные перемолоть любого в кровавые ошметки, прежде чем он долетит до дна.

Ноги онемели окончательно. Лотар вытащил их из воды и стал ждать, пока они обсохнут. Помимо стен, покоев и переходов, его еще очень интересовало подземелье. Но черная скала под замком была непроницаема. Тем не менее Лотар чувствовал, что там было сокрыто что-то очень важное.

Со стороны чуть дышащих под вечерним ветерком кустов слышались шаги. Сухмет ступал как можно громче, чтобы Лотар услышал его.

— Господин, ужин готов. Кроме того, я приготовил мази и постель для отдыха.

Он присел рядом с Лотаром, взял в руки один из его сапог, чтобы помочь ему обуться, но оглянулся на замок и произнес:

— Атольф и здесь не изменяет себе. Ты видишь этот силовой занавес над всем замком?

Действительно, Лотар почему-то не заметил, что вокруг черной скалы с башнями и стенами Ожерелья тонкой дымкой, как нежнейший свет звезд, висела опрокинутая чаша магической защиты. Она расходилась от самой высокой сторожевой башни, словно купол огромного шатра, почти касаясь воды с той стороны, где темнела гладь озера, и причудливым изгибом закрывала скалу со стороны водопада. Выглядела эта защита невинно, как бычий пузырь на деревенском празднике, но Лотар знал — стоит кому-нибудь коснуться этого еле заметного флера, и его плоть начнет

гореть, как если бы он попал под прямой удар магической молнии на колдовском поединке.

Только одна верхушка самой высокой сторожевой башни торчала над этой горой прозрачной энергии. Это было необходимо, иначе стражники, которые сидели в башне, не смогли бы выполнять свои обязанности. Смотреть сквозь этот купол целыми часами было так же небезопасно, как смотреть на прямой солнечный свет без защиты — они очень скоро сожгли бы себе глаза.

Вообще-то все такие купола могли принимать только формы тел вращения. И должны быть сплошными, без разрывов или прорех. Как Атольфу удалось сделать исключение для кончика сторожевой башни и каким-то образом закруглить силовой купол над водопадом? Это было еще одним доказательством совсем неплохой осведомленности Атольфа в магических хитростях определенного толка.

Сухмет передернул плечами, как от озноба.

— Это похоже на наваждение, но мне опять кажется, что за нами кто-то подглядывает, — прошептал он.

Лотар улыбнулся:

— И подслушивает?

— Это очень тонкое, почти незаметное внимание. Оно так совершенно, что может исходить от очень сильного мага.

— Или от по-настоящему хорошего слепопыта, разведчика.

Сухмет натянул на ногу Лотара сапог и пожал плечами.

— Если это человек, то он очень искусен.

— Я ничего не чувствую.

— В тебе еще недостаточно силы.

Сухмет встал, протянул Лотару руку и помог ему подняться на ноги. Лотар выпрямился с такой болезненной миной, что Сухмет помимо воли хмыкнул.

— Бедный мой господин, кто бы узнал в тебе сейчас непобедимого воина?

— Молчи, презренный, или я зажарю твой язык на вертеле! — зарычал Лотар с подчеркнутым восточным акцентом.

— Нет, не так. — Сухмет хихикнул, глядя на неловкие после долгого сидения шаги Желтоголового. — Настоящий владыка не кричит, когда угрожает. Он шипит, как змея, и ему внимает даже комар, замирая на лету. А ты орешь, как новобранец, который вынужден подбадривать себя даже в учебном поединке.

Лотар встряхнулся, пытаясь избавиться от этой гнусной скованности в движениях.

— Смотри, вот научишь на свою голову, тогда...

Внезапно легкое холодное пятнышко появилось на затылке Лотара, и теперь даже он знал, что за ними наблюдают. Уже в следующий миг он искал своим темновым зрением противника, затаившегося в кустах, куда им сейчас предстояло идти. Он просеивал ветку за веткой и снова, как несколько ночей назад на перевале, ничего не обнаружил.

— Ты оставил еду открытой? — спокойно спросил Лотар.

Сухмет стоял рядом, вливая в него свою энергию.

— Я поставил вокруг стоянки магический круг. Если его пересечет хотя бы песчинка, я узнаю об этом даже здесь.

— Все спокойно?

— Совершенно.

— Может быть, он настолько искусен, что...

— Охранную магию не обманет даже Нахаб. В природе нет существа, которому это под силу.

Лотар страхнул напряжение, появившееся от этого взгляда из кустов, а может быть, из-за звука этого жуткого имени, в котором таилась какая-то страшная безнадежность. К счастью, нечто, которое так называлось, находилось по-настоящему далеко и путь его сюда не лежал. В этом просто не было смысла. Демоны такой силы вершат судьбы могучих цивилизаций, а то, что происходило здесь и сейчас, было мелкой, ничего не решающей стычкой на границе добра и зла.

Они постояли еще.

— Пойдем, — сказал Сухмет. — Чай перекипит. А этот... Может, он и не враждебен.

Лотар кивнул. Они пошли. Но уже через десяток шагов оба замерли, ошеломленные одним и тем же чувством.

В великом и прекрасном шатре ночи одна за другой рвались чьи-то жизни, и где-то рядом. И было это так мучительно, что у Лотара, как никогда, заболели раны.

— Где? — прошептал он.

— В замке.

Они снова стали слушать стон безнадежной, отчаянной борьбы, прерываемый смертью.

— В других это кажется ужаснее, — сказал Лотар, поворачиваясь к замку. — Самому драться проще.

— Я читал в одном трактате, что настоящего воина его нелегкая судьба очищает. И наступает миг, когда он перестает быть воином, потому что не способен взять жизнь у врага даже для спасения собственной жизни.

— И кем он становится?

— Не знаю, в трактате об этом не говорилось.

Они снова послушали шум в замке. Все, что там творилось, должно было продлиться недолго. Лотар уже почти не слышал звона оружия.

Внезапно кто-то пробежал по стене, почти невидимый в темноте, как нетопырь. За ним, ярко освещенные множеством факелов, бежали ратники со знаками княжича Гильома на щитах. Лотар видел, как беглец наклонился над краем стены, глянул вниз и отшатнулся. Это был смелый и сильный человек, иначе он не прорвался бы на стены замка. Но он испугался бешено несущегося к водопаду потока, и Лотар не осуждал его.

Схватка длилась не более минуты — слишком много было преследователей, и уж очень решительно они нападали. Сухмет охнул, когда в воздухе разлилось напряжение еще одной смерти. Потом он вытянул шею.

— А эти, что с цветами Гильома, дерутся кистенями.

— Если потом трупы сбросить в водопад, никто не докажет, что их убили. Потому что резаных ран не будет.

— Ну да, следы объяснят ударами об уступы стен или острые камни на дне.

Несколько минут воины со щитами отдыхали, собравшись над убитым. Потом подняли его, раскачали и подбросили высоко в воздух. Жалкая марионетка, которая только что была живым человеком, полетела вниз, скатилась по склону черной скалы, плюхнулась в воду. Стражники на стене, поддерживая своих раненых, подобрали факелы, оружие и пошли вниз.

— Значит, те, кто служит Гильому, убивают тех, кто приехал с Атольфом и кто грабил на перевале.

— Пьяная ссора?

— Не похоже. Скорее всего действуют по приказу.

— Значит, прячут концы в воду, — сказал Сухмет и вздохнул. — А сами вожди?..

Он напряженно стал изучать замок, но почему-то ему было трудно разобраться в нем.

— Нет, Атольф, Батенкур и еще кто-то третий — скорее всего сам Гильом, мирно сидят в главном зале. У них ужин.

А Лотар без труда увидел, как эти трое смеются, поднимая огромные кубки с дорогим вином, хотя слуги, обслуживающие их, вздрагивают, прислушиваясь к тому, что происходит в замке, а три охотничьи собаки, собравшись у дверей, воют, задрав головы к высокому прокопченному потолку.

— Да, они в порядке, — согласился Сухмет. — Значит, теперь нет никого, кто мог бы объяснить тайну появления Чунду на перевале, кроме Атольфа, Батенкура и, конечно, Гильома. — Он снова вздохнул. — Они ужинают, пойдем ужинать и мы.

Шум в замке стих окончательно, значит, из тех возниц, которые днем пригнали повозки с последней добычей, и воинов, которые охраняли их, никого не осталось в живых. Только Батенкур и Атольф.

— Да, пойдем ужинать. На сегодня представление окончено.

Глава 12

Целых три дня пришлось Лотару восстанавливать силы. Первый день он тренировался в темпе, который вполне мог превзойти Рубос, когда бывал в ударе. На второй день он почувствовал себя так хорошо, что работал почти в полную силу, но к вечеру выглядел не платным убийцей демонов, а скорее пастухом, который едва-едва удрал от главного барана своего стада. Зато на третий день, как он ни старался, загнать себя не мог — тело справлялось со всем, что бы он ни делал, а усталость не приходила.

На закате, ополоснувшись в звонком лесном ручье и переодевшись в свежую куртку и штаны, Лотар стал подкрадываться к Сухмету, который сидел в кустах, неотрывно наблюдая за замком. И хотя Лотар чувствовал себя отлично размятым и загодя

обнаружил полосу из сигнальных приспособлений, поставленных Сухметом, преодолеть их он не смог. Больше таиться от старика не имело смысла, и он подошел к нему во весь рост.

Сухмет лениво жевал травинку, не отводя глаз от чего-то, что находилось на самом верху сторожевой башни. Лотар сел с ним рядом, выбрал травинку посочнее, сорвал и тоже принялся жевать.

— Я готов, Сухмет.

Старик промолчал. И, даже не настраиваясь особенно на его мысли, Лотар чувствовал, что ему это очень не по вкусу.

— Ты не прошел элементарную сторожевую полосу, которую я поставил от нечего делать. Вряд ли после этого можно быть чересчур самонадеянным.

— Я попался на третьем ряду. Не так уж плохо.

Сухмет ничего не ответил.

Поразмыслив, Желтоголовый решил, что на самом деле пройди эти сигнальные ловушки не мог бы никто, и сказал еще тверже:

— Я готов.

— Три дня назад я чуть не нес тебя, чтобы ты не отстал от лошадей, которые едва тащились рысью.

Лотар усмехнулся:

— Сегодня я обгоню лошадей, которые скачут галопом.

Сухмет повернулся к нему:

— Чего ты хочешь?

Лотар задумчиво посмотрел на замок:

— Что делают, когда пауки в кувшине становятся чересчур спокойными?

— Встряхивают кувшин.

— И посильнее, верно? Именно это я и собираюсь проделать.

Сухмет поднялся на колени, отполз назад. Как только стало ясно, что из замка его не заметят, он встал во весь рост.

— Там не одна дюжина отчаянных и настороженных людей. А тебе до твоего нормального состояния нужно еще отдыхать неделю, если не больше. Мне кажется, господин мой, это излишний риск.

Лотар отвернулся от замка и пошел к их костру.

— Что тебя беспокоит?

— Атольф... А вернее, посох Гурама. Пойми, господин, с этим инструментом он способен уничтожить нас даже здесь. А если он застанет тебя в замке, тогда...

— Он не уничтожил нас ни на перевале, ни здесь, потому что не знает, как это делается. Кстати, если бы у тебя был этот посох, ты бы смог взять замок штурмом?

— Штурмовать его не потребовалось бы. Я бы просто попросил их сдаться, и уверяю тебя, если у их предводителя осталась хоть капля разума, они вели бы себя смиренно, как овечки.

— Вот я и принесу тебе посох. Это расшевелит их. А заодно решит все дело разом.

— Но...

— Тебе не хочется владеть посохом Гурама? — Больше изобра-

жать строгость Лотару не хотелось, он улыбнулся. — Тогда зачем мы здесь, Сухмет?

Весь вечер Лотар проспал, чтобы быть ночью посвежее. Когда он проснулся, небо было уже усыпано крупными, величиной с дукат, звездами. Они давали столько света, что Лотару даже не пришлось изменять глаза.

Сухмет сидел у тлеющих багровыми волнами углей, слушая, как шумит кипящая в котелке вода. Заметив, что Лотар проснулся, он стал заваривать чай, в котором, как определил по запаху Лотар, было намешано несколько десятков трав. После такого чая даже необученный новичок становился очень опасным бойцом.

— Но-но, не перестарайся. Все-таки я иду драться не с Чунду, а всего лишь с дюжиной-другой пьяных негодяев.

— И с человеком, способным пусть в малой степени, но использовать посох великого Гурама. Я думаю, ему хватит и малой части этой силы.

— Ты мрачен, Сухмет.

— Мне почему-то не хочется тебя отпускать. Я бы подождал, и клянусь тебе, мой господин, все разрешится без опасных выходов.

— Знаю, знаю. — Лотар махнул рукой, вскочил и побежал к ручью, чтобы умыться.

Он сразу почувствовал, что состояние готовности и силы, найденное им в последней тренировке, не ушло от него. Тело было послушным и очень эластичным. Если и пытаться сделать что-то, то именно сейчас.

Умываясь ледяной водой, которая едва заметно парила на воздухе, Лотар вдруг почувствовал, что ему на губы попала чистая и хрустящая льдинка. Он рассмеялся в голос. Почему-то он счел это хорошим предзнаменованием. Вытеревшись полотенцем, он вернулся к Сухмету и сел пить чай.

Еще и дно кружки не показалось, а он стал думать об оружии. А когда встал, уже знал, как он будет экипирован.

Черная куртка и штаны, способные принимать почти любые очертания, на случай, если он вздумает очень уж экзотически трансмутировать. Широкий матерчатый пояс, на котором он разместил свой обычный кинжал и три тонких метательных ножа. Хотел было взять еще два, но решил, что и этого хватит. На руки и ноги надел лазательные когти на широких кожаных ремнях. Они позволяли карабкаться по деревянным или вышербленным каменным стенам и почти не мешали держать оружие.

Раньше они не нравились Лотару, он считал их слишком немудреным человеческим приспособлением. Он предпочитал быстро выращивать собственные мощные и длинные когти, но в последнее время стал замечать, что мутации существенно снижают реакцию, потому что отнимают слишком много энергии, и стал пользоваться такими штуками, чтобы не растрачиваться по пустякам. Сухмет как-то сказал, что в нем подает голос человеческая порода, но сам Лотар полагал, что это называется опытом.

Потом он очень сдержанно, без особых хитростей изменил цвет кожи на лице на очень темный. Боевые маски он никогда не

носил, это было попросту не нужно, ему хватало его мутаций, после которых следовало всего лишь не улыбаться и не зевать, чтобы случайно не блеснули зубы. То же он проделал и с руками. После этого медленно, торжественно надел перевязь меча, убедился, что Гвинед легко выходит из ножен, и почувствовал, что готов.

Почему-то ему очень захотелось взять еще и флягу, но он решил, что это блажь, раз он собирается вернуться через пару часов. Если бы он знал, как пожалеет об этом, и очень скоро!

Сухмет проводил его до начала моста и постоял с ним рядом.

— Он держит свой купол все ночи подряд. Сколько же у него энергии? — спросил Лотар.

— Пусть это напоминает тебе, господин мой, с чем тебе сейчас придется иметь дело.

Потом старик коснулся его локтя и отошел в сторону. Настала пора действовать.

Теперь Лотар стоял в ночи, словно был порожден ею и этими горами, или лесом, или всем, что есть в мире, даже этим неумолчным шумом, который поднимался из ущелья, куда падала вода. Он был бесшумен и смертоносен, как прикосновение бога Смерти, возможно даже, был частичкой этого бога. И еще он был полон несгибаемого и яростного желания победить, желания столь сильного, что остановить его не могло ничто, чем располагали люди, находящиеся в замке. Всей силы посоха Гурама или магического силового купола сейчас было мало, чтобы справиться с ним.

Лотар усмехнулся своей самонадеянности и всмотрелся в замок. В господской башне светили окна коридоров, где факелы горели всегда. Но это не значило, что караульные со своей башни не следили за тем, что происходило вокруг. Сейчас они почти наверняка просматривали все пространство вокруг замка бессонными, тщательно приученными к темноте глазами и видели даже неосторожного зайца на другом берегу озера.

Зайца — да, а вот приказали ли им следить за драконами, подумал Лотар и рассмеялся. Он уже давно решил, что будет делать.

Сначала он расстегнул рукава куртки и засучил их до самого плеча. Потом медленно, стараясь не очень нагружать руки болью, стал создавать себе крылья. Еще в самых первых своих экспериментах Лотар понял, что по-настоящему хорошо умеет обращаться свое тело в то, что было свойственно дракону. Но можно было вырастить и нечто новое, хотя это и получалось не так быстро, и работало не очень надежно.

Например, когда Гханаши отрастил ему крылья, это были нормальные драконьи крылья, кожистые, тугие перепонки на широких, раскладываемых, как веер, легких трубчатых костях со множеством суставов. Но выращивать такую сложную конструкцию было хлопотно, и Лотар еще в пустыне попытался сделать себе крылья, подобные птичьим. Но как он ни старался, они выходили либо очень уж длинными и неразворотливыми, либо вообще не могли поднять его тело в воздух.

Но это были игры, которые можно себе позволить в спокойное

время. Сейчас не стоило так рисковать, поэтому Лотар без затей разделил свои кости рук на множество маленьких, тугих отростков, увеличил их, нарастил между ними пленку и, едва его новое произведение было готово, взмахнул крыльями что было силы.

Мышцы спины и груди уже давно были готовы, и взмах подбросил его в воздух на добрых два туаза. Лотар обретал чувство силы и свободы, равного которому не испытывал никогда в облике обычного человека. Это было восхитительно.

Это движение заставило сильнее заработать сердце, которое жаркой волной погнало кровь в новые, только что выращенные мышцы. Он почувствовал боль в ладонях и посмотрел наверх. Широкие, в четыре дюйма, ремни с наклепанными на них металлическими когтями оказались слишком малы для его кистей и врезались в них так, что пальцы стали синеть. Лотар поморщился. Такие ошибки доказывали, что он на самом деле не так уж готов к предстоящему делу, как расписывал Сухмету. Но останавливаться теперь уже не хотелось. Лотар быстро заставил кончики крыльев стать тоньше, это каким-то образом позволило сделать слабее и кисти рук. Ремни сразу же опали, стали свободными, и уже через полминуты Лотар с опаской подумал, что они могут соскочить в полете.

Потом он взмахнул крыльями уже не для пробы, сделал шаг вперед, второй, еще раз взмахнул, уже сильнее и резче, обретая под ними уверенную опору, еще шагнул, взмахнул в полную силу, и... его ноги не коснулись земли даже кончиками пальцев. Он летел.

Лотар отбросил ноги назад, ложась на воздух, как на упругую холодную перину. Ветер бил ему все сильнее в лицо тугими струями, но сейчас это только радовало, потому что взмахи приходилось делать немного чаще, чем хотелось бы, и это значило, что скоро станет жарко, по-настоящему жарко, когда и этот воздух покажется горячим. Тогда ему захочется подняться повыше, где никогда не бывает жарко, но...

Лететь было всего ничего, и все-таки Лотар поднялся довольно высоко, лишь потом спланировав на странно маленький, едва уместающийся на осклизлом камне темный замок. Он сказал себе, что такой полет делает его незаметным, но на самом деле отлично знал, что полетел так для собственного удовольствия.

Подлетая к сторожевой башне, торчавшей поверх силового колола, он пожалел, что полет кончился так быстро. Но теперь следовало подумать о вещах более существенных, потому что он прибыл на место. И ему сейчас предстояло сражаться.

Глава 13

Конечно, Лотар старался действовать потише. Он поставил ноги на черепицу довольно мягко, но крылья пару раз хлопнули. Как он ни старался, без последних взмахов не обошлось, иначе ему не удержать бы равновесия.

Как только он сумел схватиться за флагшток и понял, что не

скатится вниз, он стал слушать, что происходит под крышей. Все было спокойно, воины не очень-то переполошились от хлопанья неизвестно какой летучей твари. В конце концов, они были наблюдателями, а не слушачами.

Переделывая руки и кусая губы, чтобы случайно не застонать от боли, Лотар подумал, как хорошо бы обойтись без драк, без трупов... Но надеяться на это было глупо, следовало сразу настроиться на предельно жесткий вариант. Раньше у него не было таких сомнений, все получалось само собой. А теперь каждый раз, когда нужно было убивать людей, ему приходилось уговаривать себя. И он даже не заметил, когда это началось.

Все, руки стали нормальными. Лотар напряг и тут же отпустил все мускулы по порядку, чтобы убедиться, что он случайно не забыл что-нибудь, потом подождал, пока боль утихнет и перестанет отвлекать. Поправив ремни с когтями, проверив, легко ли вынимаются Гвинед и кинжалы, он опустился на колени и стал осторожно вытаскивать одну из огромных, толстых, тяжелых черепиц, стараясь, чтобы не загремели соседние.

В какой-то момент ему показалось, что он выбрал неудачный способ пробраться внутрь. Черепичина даже не думала поддаваться, а прикладывать все силы он не хотел, боясь зашуметь. И когда он стал уже думать о другом способе, например о рывке через наблюдательные бойницы, он почти случайно дернул черепицу вбок, и она стронулась. Лотар толкнул ее в противоположную сторону, и она вышла из паза. После этого убрать ее стало делом пустяковым.

Но как только он отложил ее вбок, ему пришло в голову, что наблюдателей на смотровой площадке могут переполошить звезды, которые теперь стали видны. Выругавшись, что не догадался захватить ткань и закрыть дыру, Лотар решил, что теперь остается только сделать все быстрее, чем отсутствующую черепицу заметят. Он опустил в темную дыру голову и осмотрелся.

Внизу, на смотровой башне, было темно. И еще, как показалось Лотару, душно. Хотя бойницы, в которые смотрели наблюдатели, были довольно широкими и в них свободно втекал сильный, верховой ветер, после запаха высоких облаков, который успел почувствовать Лотар, здесь слишком отдавало казармой.

Сторожей было трое. Двое стояли у бойниц, которые выходили в разные стороны — одна на Пастарину, другая к озеру. Третий сидел на узеньком табурете и, раскачиваясь, пел какую-то заунывную, как вой дикого ветра, песню. Наверное, потому-то они и не слышали скрипа, когда Лотар вытягивал черепицу. Собственно, наблюдателями были лишь те, которые стояли у бойниц, и они не были воинами, их дело — внимательно и спокойно смотреть. А вот певун был при тяжелом мече, и по постановке сильных, накачанных ног было ясно, что он — боец.

Еще Лотар рассмотрел, что вертикальный столб, который образовывал флагшток, опускался не до пола, как он надеялся, а опирался на перекрещенные стропила. И от этих стропил до пола оставалось еще почти три туаза высоты. Значит, тихого нападе-

ния не получится, удар по голым доскам прозвучит, как выстрел шутихи, на всю округу.

Лотар повис на согнутых ногах, раскачался вниз головой и попытался дотянуться до вертикального столба, державшего всю крышу. На одном из качаний его ноги вдруг стали скользить по гладким черепицам, но, когда они потеряли опору, его стальные когти, надетые на ладони, уже впились в тугое дерево центральной опоры.

Дальше все было просто. Его тело, как маятник, качнулось, он согнулся и ударился о столб коленями. Когти не сразу удержали его вес, и он соскользнул на добрый фут вниз, прежде чем нашел надежную опору. Вниз посыпался какой-то мусор, щепки, Лотар припал к столбу и попытался стать невидимым.

Сердце гулко стукнуло. Вот теперь эта дыра в крыше и выдаст его. Он увидел, что один из наблюдателей посмотрел вверх. Если поднимется тревога, придется прыгать вниз и атаковать в самом невыгодном для себя положении.

Наблюдатель скользнул глазами по крыше над головой и... равнодушно перевел взгляд на озеро. Он, безусловно, увидел эту дыру, с того места, где он находился, ее невозможно было не заметить, но не придал ей значения.

Лотар быстро, в несколько перехватов, опустился на крестовину, лег на нее, и, когда уже собирался повиснуть на руках, наблюдатель наконец осознал, что видели его глаза.

— А это что такое?..

Тогда Лотар прыгнул.

Он не успел прицелиться для удара ногой, как хотел, но все-таки дотянулся ребром ступни до вояки, сидевшего на табуретке. Тот слетел со своего наместа, как катапультированный, и со странным жестяным стуком покатился по доскам.

Один из наблюдателей схватился за рог на боку и поднес его к губам. Но прежде чем он успел издать хоть звук, Лотар протянул в его сторону руку. В воздухе блеснул нож, выпущенный с огромной силой, и наблюдатель отлетел спиной к окну, в которое только что смотрел. Нож торчал у него из груди, вколоченный по самую рукоять.

Удар был так силен, что наблюдатель стал вываливаться в окно. Его упавшее тело еще вернее вызвало бы тревогу в замке, чем вой рога. Поэтому Лотар, оценив реакцию второго наблюдателя, который замер без движения и даже не пытался кричать, прыгнул к убитому, в последний момент успев схватить его за пояс и втащил на смотровую площадку. Все-таки, как он ни торопился, это потребовало времени. Повернувшись после этого, он оказался перед двумя противниками — стражником, закованным в неудобные доспехи с вычурными украшениями, и наблюдателем, который вышел-таки из ступора.

В руке у ночного наблюдателя был длинный и тонкий, как жало, клинок. Вояка был вооружен более основательно — тяжелым мечом для рубки, небольшим мечом для левой руки, кроме того, он откинул специальные шипы на щитках, прикрывающих

колени, чтобы и их использовать в атаке. Мягким жестом Лотар выхватил второй метательный нож, но ночной наблюдатель это движение заметил и присел, раскачиваясь, чтобы сбить прицел.

А вот стражник не почувствовал опасности или понадеялся на доспехи и шагнул, привычным жестом опустив забрало. Этим он еще больше ограничил себе обзор. Лотар сделал левой резкое движение в сторону. Шлем громилы послушно повернулся следом за рукой, и под забралом справа для Лотара почти ослепительно блеснул треугольничек незащищенной шеи латника. Лотар метнул нож и еще в его полете почувствовал, что попал. Латник замер, его руки, словно от невыносимой тяжести, стали опускаться, и наконец он рухнул, да так, что его шлем соскочил и покатился по полу.

Ну, если его приятели до сих пор ничего не слышали, то теперь живо сбегутся посмотреть, что происходит, подумал Лотар.

Наблюдатель ориентировался совсем неплохо, он видел, что Лотар смотрит на падающего латника, и прыгнул к нему. Оказавшись на расстоянии выпада, он выбросил руку вперед, надеясь насадить Лотара на свой кончар, как утку на шампур. Возможно, против другого противника это сработало бы, потому что в темноте ни это движение, ни сам клинок обычный человек не заметил бы. Но Лотар был не обычным человеком.

Он уклонился в сторону, пропуская мимо себя и удар, и наблюдателя, который, вероятно, так и не понял, куда делся противник, потом догоняющим ударом резко ткнул ногой в незащищенную спину соперника, добавив ему динамики. Тонкий, как спица, клинок ударился в стену, воткнулся в податливый раствор между кирпичей и с громким звоном сломался у рукояти. Сломанный конец тут же выпрямился, дрожа, как вонзившаяся стрела. А наблюдатель, так и не успев хотя бы повернуться боком, накнулся на сломанный конец всем телом.

Он так и повис, пришпиленный к стене, уронив руки, разведя ослабевшие ноги. На его губах еще пузырилась пена, он еще пытался что-то произнести или крикнуть, а Лотар уже поднимал люк, открывающий лестницу вниз.

Прежде чем спуститься, Лотар прислушался, не поднимается ли кто-нибудь ему навстречу. Но все выглядело спокойно. Лишь шлем латника еще покатывался с жестяным звуком из стороны в сторону, замедляя движение. Тогда Лотар бесшумной тенью скользнул вниз.

Лестница казалась бесконечной. Она уводила все ниже и ниже, и Лотар понял, почему шум на наблюдательной площадке не потревожил стражников — слишком высока была башня, слишком далеко находилась кордегардия. К тому же, когда лестница кончилась, перед Лотаром оказалась тяжелая, толстая дверь, которая так плотно вошла в косяк, что не пропустила никаких звуков. Тогда он сосредоточился и попытался магическим видением понять, что происходит по ту сторону двери.

Людей было трое. Нет, все-таки четверо, но один был неактивен, скорее всего спал. Еще один был очень возбужден, его воз-

гласы и чрезмерно размашистые жесты создавали впечатление, что он не очень-то здоров, хотя ощущения этого человека были похожи скорее на состояние счастья.

Лотар проверил свою готовность, потом подцепил дверь одним когтем и потащил на себя. Дверь тихонько открылась.

Внутри был свет. Правда, такой тусклый, что не возникало сомнения — именно здесь наблюдатели отдыхали между дежурствами. Окна в комнате отсутствовали, а противоположная дверь была очень плотно пригнана к косяку, поэтому в помещении не возникло сквозняка, никто и не заметил, что дверь открылась.

В комнате стоял запах давно не мытых человеческих тел и светильного масла, запах дешевого вина и грязи. Лотар приоткрыл дверь пошире. Проверив рукоять Гвинеда, чтобы случайно не зацепиться ею за низкую притолоку, он скользнул в щель и тут же распластался по стене, стараясь слиться с ней.

Люди в комнате не заметили его. За столом, на котором тлеяла плошка с фитилем, сидели двое и играли в нарды. У дверей находился молоденький офицер. Он был мертвецки пьян и едва соображал, что творится вокруг. Стопка серебряных монет очень скоро должна была перейти к его противнику.

Против него сидел воин, только не дуралей, какого Лотар встретил наверху, а холодный, умный, жесткий, тренированный до последней жилки и готовый к поединку не меньше, чем отлично отполированный меч. В нем был только тот недостаток, что он слишком полагался на силу, и его мускулы буквально не помещались в обширных, массивных доспехах. Шлем его лежал на другой стороне стола, до него он никак не успевал дотянуться. А вот меч был под рукой, и иногда он кончиками пальцев касался рукояти, украшенной резной костью.

В дальнем углу на широких полах, в груди каких-то шкур, издававших невыносимую вонь, спал один из наблюдателей. Его опасаться не приходилось. А вот за спиной бойца, на расстоянии пяти шагов от следующей двери, ведущей в замковые коридоры, сидел второй наблюдатель. Он терпеливо и неумело пытался зашить свою темную рубашку, иногда так низко склоняясь над ней, что становилось ясно — глаза у него уже не те.

Лотар попытался придумать способ миновать этих людей, не причиняя им зла. Ничего не получалось. Один из них непременно обнаружил бы его — скорее всего наблюдатель у дальней двери. Но даже если бы он спал, приходилось опасаться воина...

Внезапно офицер, который иногда крутил головой из стороны в сторону, словно ему жал ворот, замер с открытым ртом, повернувшись к Лотару. Ну, вот они меня и заметили, подумал Лотар почти с облегчением.

С громкими проклятиями офицер вскочил на ноги. Его табурет упал на пол и откатился в сторону. Это было неожиданностью для всех. Даже воин, вскочив с мечом в руке, лишь поводит своими выпуклыми, жесткими глазами, не замечая Лотара, который был всего в пяти шагах перед ним.

— Демон, демон... — завизжал офицер, но привычка нападать

взяла верх, и, вместо того чтобы отступить к двери, он бросился вперед.

Тогда Лотар заметил и бык в доспехах. Обогнув край стола одним движением, он прыгнул вперед и нанес сильнейший колющий удар, видимо, очень плохо представляя себе расстояние до смутной тени, которую их командир назвал демоном.

Лотар перехватил офицера за ворот меховой фуфайки и сильно дернул вбок, защищаясь от выпада вояки. И тогда в душном воздухе кордегардии прозвучал ужасный треск разрываемой сталью живой плоти. Офицер издал тихий, тающий, похожий на мяуканье стон и обвис в руках Лотара. Меч вояки пропорол его насквозь, залитый кровью кончик вышел из груди мальчишки на два дюйма. Сила вояки в доспехах вызвала уважение.

Лотар изо всех сил попытался повернуть мертвого офицера, стараясь его телом, как захватом, вырвать меч из рук противника. Но тот успел перехватить рукоять второй рукой, и это стало невозможно.

Тогда Лотар проскользнул под еще поднятой правой рукой мертвого офицера, развернулся спиной и ударил ногой назад, как лягается лошадь, только раза в три быстрее и сильнее. Он попал в челюсть солдату, и по его ноге от этого удара прокатилась искра боли, которую непросто было погасить. Любому другому такой удар снес бы голову, вояка же в доспехах только отшатнулся и уже через миг стоял, готовый к драке. Его глаза даже не затуманились болью, хотя Лотар, повернув голову, отчетливо видел, что кость сломанной челюсти белым зазубренным осколком пробита кожу и торчит наружу.

Воин присел, его рука нащупала все еще покачивающийся табурет офицера, он схватил его за ножки и поднял перед собой, как щит.

Это было ошибкой. Табурет, сколоченный из тяжелых брусьев, был слишком массивен даже для этого силача, и его движения стали медленными, вернее, достаточно медленными для Лотара. Он дождался следующей атаки воина, скользнул под взлетевшие вверх для замаха руки, которые словно специально освободили ему необходимое пространство, развернулся на месте и, не останавливаясь ни на мгновение, используя энергию разворота, ударил противника кулаком в висок, который оказался как раз на удобной высоте, потому что тот присел. Раздался треск ломаемой кости, и воин стал падать, как марионетка, которой разом перерезали все ниточки.

Вояка в доспехах еще не упал, как по ту сторону стола отчаянно заголосил проснувшийся наблюдатель. Он был бледен, как все, кто редко видит солнце, со слабыми, узкими плечиками, но глотка у него была, должно быть, луженая, и вопль получался такой, что Лотар понял — даже из этого каменного мешка он разбудит весь замок. Одновременно Желтоголовый уловил какое-то движение там, где находился наблюдатель с рубашкой.

Даже не прицелившись, отчаянно рискуя не попасть, Лотар нащупал на поясе последний метательный нож и снизу, от пояса,

швырнул его в крикуна. А потом, не проследив, куда пришелся бросок, отпрыгнул в сторону, крутанувшись в воздухе и выбросив вбок ногу, используя ее как отмашку от любого удара, потому что правильно блокировать удар он уже не успевал.

Отмашка удалась. Наблюдатель, отбросив рубашку, атаковал так же, как и тот, наверху, то есть ударил тонким, почти невидимым в этом тусклом свете кончаром. Из-за неожиданного прыжка Лотара он промахнулся, а отмашка сложенной для рубящего удара ноги пришлось по локтю, и его рука отлетела вбок со скоростью выпущенного из пращи камня.

Движение наблюдателя вперед было сильным, поэтому после удара его развернуло и он оказался к Лотару спиной. Оборотень использовал свое положение прежде, чем успел подумать. Левая его рука обхватила длинную морщинистую шею противника локтевым захватом, правая уперлась в кость над ухом, один рывок вверх — и раздался хруст разорванных под черепом позвонков. Прежде чем этот противник упал, Лотар уже повернулся к крикуну, который, как ни странно, больше не издавал ни звука.

Сидящий на полатях наблюдатель давился собственной кровью. Рукоять ножа торчала у него из межключичной ямки. Не успел Лотар отвести глаза в сторону, как по телу этого человека пробежала судорога и он упал лицом вниз в старые шкуры, которые не один год служили ему местом безопасного отдыха и сна.

Лотар оглянулся. Офицер, проткнутый мечом, воин со сломанной челюстью и огромным, вполголовы синяком у глаза, пожилой наблюдатель со сломанной шеей и другой, на полатях, заколотый так, что ничего не успел понять, — стоило ли это справедливости, которой Лотар служил и которую привык рассматривать как высший смысл своей жизни?

Мир был жесток, и зло привыкло в нем побеждать. Но и в этом почти бесконечном вихре насилия и смерти следовало отличать зло агрессивное от зла неизбежного, которое служило ограничением тем, кто полагал, что может распоряжаться жизнью и собственностью других людей. Этот второй вид зла был так же отвратителен, как и первый, но без него не удалось бы выкроить даже те малые островки порядка и честности, которые были мечтой всех людей, не подверженных желанию разрушать. Без этого второго вида зла убийства и грабеж захлестнули бы всю поверхность этого мира, и путь наверх, к правде и торжеству божеских установлений, был бы потерян безвозвратно. Это соображение не делало работу Лотара легче, но в значительной мере оправдывало ее.

Лотар провел рукой по лицу. Он сожалел о тех людях, которые умерли сейчас. Они не были виновны в замысле каких-то высокопоставленных негодяев, они всего лишь выполняли приказ. Может быть, некоторые из них, если бы у них был выбор, эти приказы не выполняли.

Но что бы Лотар ни думал сейчас, он знал, что скоро будет убивать снова. Потому что он был из другой армии, и на этой стороне остались одни враги. А друзья, настоящие люди, которые думали так же, как он, никогда не оказались бы здесь.

Больше Лотар не задерживался. Он восстановил дыхание, про-верил, не испачкался ли в крови, чтобы не наследить, и пошел к двери, которая вела дальше. Теперь можно было, при удачном стечении обстоятельств, действовать наверняка. И, возможно, обойтись без убийств. В конце концов, он здесь только для того, чтобы встряхнуть банку и дать паукам возможность пожирать друг друга.

Открыв дверь, он прислушался, путь был свободен. По всему длинному, ярко освещенному коридору ни одного стражника. Лотар закрыл за собой дверь и подошел к бойнице. Теперь он мог увидеть внутренний двор замка.

Лотар глубоко вздохнул и попытался успокоиться. В замке было тихо, лишь где-то хрустела овсом лошадь, да на стенах, мерно бряцая металлом о металл, бродили стражники. Дальше Лотар пошел не скрываясь, почему-то ему не хотелось больше скрываться.

Глава 14

Факелов становилось все больше. Лотар решил, что идет правильно, к господским спальням. Мельком он подумал, что теперь можно уменьшить чересчур обостренную чувствительность. Скверно, это было признаком преждевременной усталости или тончайшей магии, которая должна была ослабить его сопротивляемость и привести, в конечном итоге, к поражению. Тогда он поднял свое восприятие гораздо выше среднего режима.

Сразу же в нос ударил запах горящего масла и какой-то добавки, которой пропитывают тряпки для факелов, чтобы огонь был светлее. Куртка, которая до этого доставляла не больше неудобств, чем его собственная кожа, вдруг показалась грубой и стесняющей движения. Откуда-то издалека стал доноситься отвратительно громкий храп воинов. И уж совершенно невыносимым стал рев водопада.

Лотар вытер выступивший на лбу пот. Пожалуй, он переборщил. Но если ему удалось подняться до такой сверхчувствительности, было бы глупо не воспользоваться этим.

Он пошел вперед, слушая свои шаги, раньше ему казалось, что он идет совершенно бесшумно. Кроме того, неприятные звуки издавала его одежда. Зато он хорошо чувствовал, что впереди на несколько десятков туазов никого нет.

Он свернул за угол и подошел к месту, где коридор раздваивался. Над ним горело целых три факела, а рядом притаилось довольно обширное озерцо тени, но он знал, что там не скрывается ни один стражник, иначе он давно бы его почувствовал по дыханию, по запаху, по шуршанию одежды или по тому едва слышному стуку, какой издает человеческое сердце.

Лотар попытался вспомнить расположение помещений, которое он установил, когда наблюдал за замком. Нет, вспомнить все ходы, по которым он прошел, было невозможно. Он перегрузил

восприятие внешними ощущениями, и теперь на память полагаться не стоило. Сухмет, узнав об этом, может и рассердиться.

Лотар принялся, подняв голову, как собака, которая верхним чутьем ищет след. Уже на третьем вдохе он выделил едва заметную ниточку запаха, который не оставлял сомнения — в левом коридоре находилось отхожее место. Значит, господу должно быть справа.

Внезапно он очутился на галерее, высокие стрельчатые окна которой выходили в замковый двор. Сейчас они казались долгим рядом темных провалов. На другой стене галереи находились две двери. Около одной не было никого. Почему-то Лотару показалось, что этой дверью уже много дней никто не пользовался и она очень основательно заперта изнутри. Через пару минут Лотар понял, что за ней Атольф устроил лабораторию, в которой проводил появившееся у него время. Вряд ли туда можно попасть, не поднимая шума. Значит, решил Лотар, придется сначала пробраться в первый покой.

А вот у двери, ведущей в эту первую комнату, прислонясь головой к стене, стоял латник. Он дышал очень монотонно, должно быть, спал. Ну что же, умение спать на посту так же необходимо солдату, как знание всяких прочих военных хитростей.

Лотару стало жаль этого бедолагу, но он вспомнил посудодела, который был виноват только в том, что вез свой товар на ярмарку, и жалость испарилась. На этой стороне не было никого, кто был бы другом, напомнил себе Лотар.

Тихо, не ощущая движения воздуха, Лотар шагнул вперед. Он прошел уже половину расстояния, отделяющего его от спящего стражника, как вдруг из противоположного конца галереи послышался шум. Лотар оказался на совершенно открытом пространстве, а стражник уже просыпался.

Желтоголовый, конечно, мог бы его атаковать и убить прежде, чем он поднял бы тревогу, но приближающийся шум безошибочно свидетельствовал — сюда идут люди, и их очень много. Скорее всего к этому посту двигался обход.

Собрав все свои силы, внутренне произнеся короткое заклинание, Лотар подпрыгнул вверх и постарался прилипнуть к камню, как будто был целиком сделан из смолы. В первое мгновение ему очень помогли когти, которые зацепились за крохотные, почти невидимые трещины, и Лотар все-таки не сполз вниз, хотя стена еще и не поддерживала его. Потом он почувствовал, как его руки, словно в мягкую глину, входят в камни, что его тело становится тверже, а стена податливей, и он словно бы тонет в ней, как в полужидкой трясине.

Время замедлилось, понятия верха и низа потеряли значение. Лотар видел перед собой плоскую поверхность, которая держала его, едва заметно колыхаясь от его движений, как затянута густой ряской поверхность воды. Но он чувствовал, что находится на слишком освещенном участке стены, поэтому сделал несколько движений вперед и приблизился к тому прямому углу, который мог быть потолком. Здесь освещение было гораздо хуже.

Лотар понимал, что удержаться на потолке труднее, это заберет у него гораздо больше энергии, но еще он чувствовал, что не может сейчас быть по-настоящему невидимым, а потому сосредоточился и переполз на потолок.

Сила, сдирающая его с этой поверхности, была гораздо больше, чем на стене. Лотар попытался как можно глубже утонуть в каменном своде под собой, и это ему удалось. Внезапно несколько кусочков отсыревшей штукатурки оторвались и улетели вверх... Лотар поднял голову и понял, что они просто упали, потому что над его головой вверх ногами по коридору, который он только что оставил, шел взвод солдат. Они дружно топали, сотрясая липкий, густой воздух.

Когда штукатурка упала на пол, Лотар вдохнул побольше воздуха и попытался погрузиться в камень с головой. Это было тяжело, камни выталкивали его, и он не мог до конца преодолеть их сопротивление...

Солдат, который проснулся задолго до того, как сержант свернул в его коридор, протер глаза. В какой-то момент ему показалось, что сбоку какая-то смазанная, нечеткая тень метнулась вверх и пропала из виду. Солдат был опытен и умел. Он не показал, что заметил что-то подозрительное, лишь сильнее сжал алебарду и приготовился к бою. Он не боялся, подкрепление было близко, он лишь ждал, когда эта тень вернется на пол, чтобы рассмотреть ее как следует.

Но ничего не происходило. Он поднял голову. Там, где только что ему чудилась какая-то опасность, все было спокойно. Он посмотрел на стену. Факелы чадили, за спиной уже грохали шаги проверяющих, стена была ровна, как гладь пруда... Может быть, клуб черного дыма случайным порывом ветра задуло вниз, ему и показалось невесть что? Он поднял голову еще выше, к потолку.

На темном, закопченном своде вроде была какая-то выпуклость, но скорее всего это отставшая от сырости штукатурка. Как бы в подтверждение его догадки несколько кусочков штукатурки оторвались и звонко шлепнулись на пол. Стражник нахмурился. С тех пор как в замке поселился этот волшебник, здесь стали происходить странные вещи. Но об этом не нужно даже думать. Как говорится, когда колдун поблизости, смотри только в свою миску, потому что и мысли твои ему ведомы...

Перейдя на стену, Лотар почувствовал, что его мускулы больше не сведены чрезмерным усилием, какое было на потолке. Он прополз по стене все расстояние, отделявшее его от стражника, несколько минут приучал сознание определять, где находится верх, а где низ, повернулся к полу ногами и стал спускаться.

Стражник снова спал, откинув голову к стене. Между краем шлема и латным воротником белело его расслабленное лицо. Лотар, почти оглохнув от сонного дыхания, спустился на пол и ребром ладони ударил в подбровную ямку на переносице. Хруст костей заставил его вздрогнуть.

Воин стал валиться вперед, Лотар поймал его и алебарду, чтобы они грохотом не переполошили весь замок. Потом прислонил

алебарду к стене, аккуратно усадил мертвого стражника на пол и попытался открыть дверь.

Она, конечно, была закрыта изнутри. Медленно, дюйм за дюймом, Лотар стал проверять, не спрятан ли в двери какой-нибудь из колдовских механизмов, которые способны погубить его. Но все было, кажется, чисто. Наверно, Атольф надеялся на наружную стражу больше, чем на свое искусство, или вообще полагал, что в этом замке ему нечего опасаться. Так или иначе, это здорово упрощало дело.

Лотар поднес руку к тому месту, где была задвижка, представил, как от нее сквозь дверь проходит шлейф лучистой, притягивающей железо энергии, и двинул ее вбок. Дерево почти не оказывало сопротивления полю, выходящему из его руки. Лотар все крепче захватывал металл по ту сторону двери, и запор двигался все увереннее.

Лотар так плотно сумел его удерживать, что даже замедлил движение, чтобы не клацнуть об упор. Не теряя времени, он открыл дверь и осторожно протиснулся в комнату.

Это, без сомнения, был зал, который превратили в спальню. В дальнем от двери углу, освещенном ночной лампадкой и звездами, спал человек. Больше всего на свете Лотару захотелось проникнуть в его сознание, понять, что движет этим колдуном, но это было опасно. Тренированный чародей сразу заметил бы вторжение, и тогда уже Лотар превратился бы в дичь.

Желтоголовый осмотрелся. И почти сразу его взгляд упал на посох, вернее, избитую, старую палку, приставленную к столику у изголовья кровати. Грубая вещь, подумал Лотар, похоже на подделку.

Но это и был посох Гурама, как называл его Сухмет, хотя Лотар не ощущал в этом куске дерева ни магической силы, ни значительной энергии. Может быть, все-таки обман, рассчитанная на простачков ловушка?

Но ловушки Лотар тоже не чувствовал. Тогда он решился. Стараясь стать прозрачным, он скользнул к посоху, протянул руку, взял его и поднес к глазам... И за мгновение до того, как посох Гурама оказался перед его лицом, он понял, о чем говорил Сухмет.

Тысячелетия этот едва ли не божественный инструмент неподстижимым образом приводил моря энергии из тех миров, где они находились по праву, в наш тихий и скудный мир. Этим посохом можно было повелевать звездами и добиваться исполнения всех приказов. В нем крылось больше тайн, чем в дюжине кресел Гханаши, больше, чем способны были вообразить все колдуны мира. Это был страшный в своем могуществе инструмент, и он не мог, не должен был служить силам разрушения. Но теперь с этим покончено, он был в руках Лотара...

То, что Лотар держал его в руках, и спасло ему жизнь. За долю мгновения до того, как было бы поздно, он почувствовал это в воздухе... Он уже не успевал даже присесть, лишь чуть двинул посох и хотя бы в этом не опоздал. Он еще не кончил своего движения, а в дерево воткнулся тяжелый восьмигранный сурикен.

И Лотар чувствовал, что в воздухе свистел еще один такой же, и знал, что сейчас будет пущен третий, а потом еще... И так до той поры, пока он не рухнет, иссеченный бритвенными кромками.

Атольф резко, с реакцией тренированного воина, скатился с кровати в противоположную от Лотара сторону. Теперь его и в заложники взять было невозможно.

Лотар присел, пропуская очередную летящую смерть над собой, и перекувырнулся в другую от двери сторону. Это сработало. Как ни был искусен в метании сурикенов неведомый противник, в темноте он ориентировался хуже, чем Лотар. Он тут же выпустил три или четыре своих снаряда в то место, где, как он ожидал, Лотар окажется, когда кончит свой перекат. Но Лотара там не было.

Потому что пространство до двери оказалось свободно. Огромное, пустое, страшное своей открытостью пространство. Но оно вело к свободе, и Лотар, так и не докатившись до конца, уже рвался к двери, да так, что у него от этого рывка заныли мускулы, а кровь прилила к спине, отставая от смены движения.

Едва пальцы коснулись рукояти, он дернул дверь на себя, но это заняло слишком много времени. Она была чересчур массивной. Всей спиной Лотар чувствовал, насколько он не прикрыт сейчас. Поэтому, не дожидаясь, пока шель в коридор станет шире, он отпрыгнул в сторону... И в тот же миг в дерево, около которого он только что стоял, воткнулись один за другим три сурикена подряд.

Теперь он мог выскользнуть, потому что сурикенов в руке неведомого охранника не было и ему нужно было их достать. Но Лотар не спешил. Он повернулся и бросил в своего противника познающий, проникающий в сознание взгляд.

Его атаковал замковый шут, который, как многие шуты, был опаснее, чем иные из тренированных вояк. Кажется, звали его Завад, и он был, как Лотар с удивлением заметил, рабом, потому что в мыслях и поступках этот человек огромное значение придавал ошейнику, который блистал под его подбородком. Большие здесь оставаться Лотар не мог, потому что из-за кровати, как белая статуя, поднимался Атольф, а это было опаснее, чем сурикены любого из шутов.

Лотар высочил в коридор, услышав сзади, как тягуче, медленно, слишком низко, как всегда бывает, когда поднимаешь скорость реакций, заговорил Атольф. Лотар хотел было остановиться, чтобы послушать его — это могло быть важно, — но внезапно понял, что шут не стал ничего объяснять своему господину, а рванулся за Лотаром.

Конечно, это была ошибка. Лотар мог остаться под дверью и перехватить этого самоуверенного мальчишку, но почему-то пожалел его. И быстро, как только мог, побежал по коридору, туда, откуда несколько минут назад вышли патрульные с сержантом и где их теперь наверняка не было.

Шут оказался в дверях, когда Лотар уже сворачивал за поворот, а определять по воздушным следам, куда двинулся против-

ник, Завад, по всей видимости, не умел. Поэтому он остался в дверях, повернулся к Атольфу и заговорил, объясняя происходящее. К несказанному удивлению, Лотар услышал обыкновенную речь, такую же тягучую, как и у Атольфа. Втайне Лотар подивился тренированности этого бойца, который действовал так, что спугнул самого Драконьего Оборотня. Но чересчур восхищаться было некогда — впереди Лотар заметил еще одного стражника, который спешил на шум.

Стражнику повезло, Лотар оказался в тени, когда он показался из-за поворота, и это позволяло Лотару не убивать его. Но нужно было куда-то спрятаться.

Краем глаза Лотар заметил темно-вишневый занавес, скрывающий, вероятно, нишу. Он присел, прокатился по полу и поднырнул под занавес.

Вообще-то он был уверен, что стражник не из тех, кто видит в темноте, но рисковать не стоило. И Лотар использовал то свойство, что быстрые движения у самой земли люди не отождествляли с серьезной опасностью, а значит, в моменты сильного волнения практически не замечали. Так и оказалось. Стражник протопал мимо, даже не повернув к занавесу голову.

Лотар усмехнулся и выглянул из-за ткани. Коридор был пуст, но уже где-то стражники поднимались со своих лежаков, хватали оружие и застегивали доспехи. Просто сюда они еще не добрались.

Лотар побежал по коридору, неуловимый и бесшумный, как черный вихрь. Куда бежать? Он представил путь на сторожевую башню, откуда мог бы, отравив крылья, вернуться к Сухмету. Но он хорошо представлял себе, что, пока доберется туда, колдун сообразит, что произошло. И если Атольф догадается — а он обязательно догадается — поднять свой прозрачный, но непроницаемый колокол выше башни, тогда Лотар окажется в ловушке. Да еще в такой, откуда не было выхода. Нет, нужно придумать что-то более обыденное и надежное, например, оставаться не обнаруженным стражниками.

А потом требовалось только подождать, пока Атольф, поставив чрезмерную для своих скудных сил завесу, выдохнется. Кроме того, у Лотара теперь был посох Гурама. Если бы ему выпала возможность посидеть над ним и проникнуть в некоторые его возможности, он попробовал бы одолеть Атольфа, не выходя из замка.

Внезапно он оказался на открытом каменном мостике, соединяющем высокое господское крыло донжона с более грубым строением, в котором находились служебные помещения. Переход был всего в три десятка футов, но проходил на высоте двадцати туазов. Если бы можно было с него вскарабкаться по стене на крышу одного из зданий, лучше, конечно, господского, потому что оно повыше, он оставался бы незамеченным до самого рассвета.

Лотар уже прикидывал, как лучше замаскироваться, пока он

будет карабкаться наверх, как вдруг над замком появилось дрожащее зарево.

Оно загорелось сначала небольшой звездочкой, как случайное пятно света, пробившегося через ночную тучу, но вдруг превратилось в шар. А потом этот шар лопнул и, в свою очередь, превратился в огромный, широкий, вполнеба, сполох, который медленно стал опускаться, накрывая замок. Атольф решил не просто перекрыть небо, а набросил на него Сеть Всевидения. Теперь все, что оказывалось под Сетью без достаточной защиты, становилось известно колдуну.

Со стороны служебного здания послышался грохот. По всей видимости, это шагали стражники. Бежать назад было глупо. Там Лотар был бы лишен возможности спуститься вниз, теперь-то ему нужно было вниз, любой ценой, и только вниз, желательно под поверхность черной скалы, на которой стоял замок. Но сначала нужно пропустить стражников. Лотар подошел к краю мостика, сел и свесил ноги над темнотой.

Твердыми движениями перетаскил по поясу пустые петли от метательных ножей за бедро и привязал посох, чтобы он свисал вдоль спины, но не мешал ногам. Потом захватил невысокий, в несколько дюймов, каменный парапет и выровнял дыхание. Теперь, когда его руки лежали на каменном полу, он ощущал шаги стражи очень отчетливо. Если бы он захотел, то мог бы сосчитать бегущих людей.

Когда они совсем приблизились, Лотар соскользнул вниз и повис на руках, несильно раскачиваясь. Какое-то время его пальцы, слишком человеческие для таких трюков, стали слегка скользить. Но он сделал их сильнее и мог провисеть в таком положении сколько угодно, если бы это было необходимо.

Топот стражников по мосту стал оглушительным. Воинов было много, они бежали быстро и решительно. И конечно, ни одному из них не пришло в голову заглянуть за боковую кромку. Даже тренированные люди напряженно относятся к высоте и автоматически отводят от края взгляд, если не идут по слишком уж узкому мостку.

Когда воины миновали переход, Лотар прислушался, подтянулся и перевалился животом на камни перехода. Ноги его еще оставались над бездной, но он уже отдыхал. Что ни говори, а висеть над пропастью нелегко даже ему.

Прежде чем уйти в почти пустую теперь служебную часть донжона, Лотар еще раз посмотрел на Сеть Всевидения, опустившуюся с неба. Она стала ярче, плотнее. Теперь даже обычный человек мог заметить ее. Атольф искал, высматривал и ждал. Пожалуй, если он умел делать такие штуки, бороться против него или его стражников было безнадежно. В нем оставалось еще столько энергии, что и с посохом Гурама Лотар неминуемо проиграет. Нужно было что-то придумать и выбраться отсюда, чтобы Сухмет мог помочь одолеть колдуна. Вот только как это сделать, Лотар еще не знал.

Прятаться нужно было там, где его ни за что не стали бы искать, то есть в подземелье. К тому же, как он полагал, из подземелья было ближе к воде, а вода теперь интересовала его больше всего: он неожиданно обнаружил, что очень хочет пить.

Как назло, коридоры, по которым он пробегал, стали сырыми, холодными, с крупными каплями грязной воды на стенах. От этого пить хотелось еще сильнее.

Лотар чувствовал, что он уходит чересчур вниз, что, если он хочет выбраться к озеру, ему нужно уже, пожалуй, не опускаться, а поискать стражников и выходы. Но коридоры опускались, выхода не было, и хотя он понимал, что еще не заблудился, до этого оставалось совсем немного.

Наконец-то Лотар почувствовал впереди людей. Он остановился. Как ни странно, его дыхание мешало ему услышать, что происходило впереди. Он заставил сердце биться медленнее, снял напряжение с живота и груди, восстановил остроту ночного видения и понял, что впереди была еще одна лестница вниз. Но по ней теперь поднимался кто-то, кто был даже не вооружен. По очень слабому, как в пещере, излучению энергии со стен Лотар понял, что оказался в мало посещаемой части замка.

Человек, который шел ему навстречу, был тюремщиком, а помещения, у которых он оказался, уклоняясь от встреч со стражниками, служили замковой темницей.

Поблизости не оказалось никакой ниши, в которой можно было бы переждать тюремщика, но на этот раз у Лотара имелось много времени. Он снял слабый, чадающий от недостатка кислорода факел из ближайшей подставки и резким взмахом сорвал пламя с намавленной тряпки. Потом аккуратно воткнул дымящую палку назад в держатель. То же самое он проделал с соседним факелом. Теперь на тот участок коридора, который эти факелы должны были освещать, легла такая темень, что даже Лотару пришлось сосредоточиться, чтобы не налетать на неровности стены.

В самом темном, как ему показалось, углу он присел и принял позу невидимости. Конечно, глаза у тюремщика могли оказаться лучше, чем у него самого, и тогда драки не избежать, но когда он вслушался в шаги приближающегося человека внимательней, то быстро успокоился. Тюремщик был стар, и, конечно, это должно было сказаться и на глазах.

Кроме того, старик разговаривал сам с собой. Он выговаривал слова тягучим, слишком долгим даже для обычного человека образом. Показавшись из-за поворота, увидев, что перед ним лежит темное пространство, он сбился с шага и на мгновение замолчал.

— Ну вот, и факелы здесь не горят... — Голос у него был невыразительным и монотонным, как скрежет старой, затупившейся пилы. — Придется нести их наверх, чтобы просушить и намазать... Что-то странное сегодня творится наверху. Может, и не заметит никто, что они погасли.

Он замолчал, то ли прислушиваясь, то ли не решаясь вступить в плотную тьму, лежащую перед ним. Но за годы и годы службы он привык к темноте. Или все-таки боялся? Неужели чувствует, подумал Лотар.

— О-хо-хо! Все кончается, даже масло в факелах.

Шаркающими, тяжелыми шагами он миновал первый факел, Лотара, второй, потом, выругавшись, вернулся, снял один, другой и пошел дальше, рассыпая вокруг брань своим механическим, невыразительным голосом. Теперь, помимо шаркающих звуков его шагов, в подземелье зазвучали шелчки дерева по камню: тюремщик на каждом шагу переставлял слишком длинные для него палки, как костыли.

Шум еще не затих, а Лотар уже двинулся дальше. Он миновал длинный ряд дверей, все были открыты. По-видимому, хозяин замка считал содержание пленников чрезмерной мягкостью. Но в одном случае он все-таки сделал исключение. Дальняя камера у самой влажной стены, за которой отчетливо слышался грохот уже близкого водопада, была заперта на большой массивный засов. Впрочем, замка не было, и Лотар открыл его без каких-либо ухищрений.

Это помещение было устроено для поддержания жизни. По крайней мере, в нем довольно ярко горели два факела. Пламя почти не чадило, значит, здесь существовала вентиляция, а она могла проложить путь к свободе. Лотар осмотрелся и тогда увидел это.

Когда-то это, без сомнения, было человеком. Он сидел на куче соломы, привычно согнувшись в поясе, потому что полукружные ниши поднималось над полом не более чем на три фута — дьявольское изобретение тех, кто понимал, как мучительно находиться в чрезмерно узкой каменной щели долгие годы. Человека мучила какая-то боль, потому что он несильно раскачивался из стороны в сторону. Только это движение да негромкий, монотонный звук, похожий на песню, которую мать поет, не разжимая губ, убаюкивая ребенка, показывали, что в этой плоти теплится жизнь.

Волосы человека почти закрывали его лицо, сморщенные, черные от грязи руки неподвижно лежали на коленях, ноги были так неловко вывернуты вбок, что казались перебитыми. Но это был именно тот человек, которого сторожил здесь тюремщик.

Внезапно Лотар почувствовал странное беспокойство. По ту сторону невидимой линии, которую он оставил — не мог не оставить — в воздухе, его враги напали на след. Они нашли что-то, показавшее им, где и как прошел Лотар. Это было странно. Атольф не производил впечатление колдуна настолько искусного, чтобы читать микроскопические разрывы в ткани мирового эфира.

Лотару следовало не просто так идти по замку, а приготовить парочку сюрпризов или даже создать ложный след. К тому же не нужно было тратить столько энергии, подбираясь к стражнику по потолку, у самой спальни колдуна. Это было ошибкой, он оставил отчетливые, хорошо читаемые знаки, и теперь Атольф сооб-

разил, как их использовать. Скоро, очень скоро они окажутся здесь.

Лотар осмотрелся еще раз. Вентиляция была хорошо продумана. Пять тонких, не шире четырех дюймов, расположившихся в разных углах помещения отверстий. Каждое в отдельности было почти бесполезно, но вместе они работали так, что Лотар даже ощущал водяную пыль водопада. Отверстия были слишком малы, выбраться отсюда он не смог бы, даже превратившись в змея. Пробить скалу?.. У него нет времени. Значит, остается умение маскироваться.

Он подошел к заключенному, присел на корточки и прижал лицо к решетке.

— Не бойся меня. Я друг.

Голова человека стала медленно подниматься. Сначала Лотар увидел горящие глаза, потом сухие губы, не закрытые бородой... Это была женщина.

Лотар сосредоточенно просмотрел ее сознание. Она была очень молодой, не старше Лотара, но досталось ей столько, что у Драконьего Оборотня защемило сердце. Он не стал вникать в подробности. Это была не его тайна, он скромно отступил, чтобы не причинить этой девушке новых мук. Но, кажется, она и не ощущала его присутствия в своем сознании.

Лотар произнес слова на внутреннем языке, иногда понятном тем, кто не может говорить. Это было похоже на телепатию, славное искусство, присущее некоторым детям и очень умным животным. И тогда в застекленевшем от пережитой некогда боли сознании появился робкий росток интереса и внимания. Девушка начинала видеть его.

— Ты иллюзия?

Лотар попробовал улыбнуться... Но она дико завизжала и забилась в самый дальний угол своего убежища. Лотар стал серьезным. Помолчав немного, он деловито спросил:

— Что не так?

Девушка следила теперь за ним более спокойно.

— Не делай вот так...

— Как именно?

— Губами.

— Нельзя улыбаться?

— Да.

Сколько же нужно было причинить зла этой жизни, чтобы научить ее кричать при виде улыбки?!

— Они улыбались, когда делали тебе больно?

Она не ответила, закрыла лицо грязными руками с переломанными пальцами. Потом подняла взгляд на Лотара:

— Ты иллюзия, потому что заставляешь меня вспоминать то, что было.

— Если не хочешь, не вспоминай. Я не хочу тебя мучить.

Она протянула руки к лицу Лотара. Не достала. Медленно подползла, протянула обе руки и осторожно, кончиками пальцев, провела по его щекам.

— Ты не белый?

Сначала Лотар не понял. Потом рассмеялся, вспомнил, что нельзя улыбаться, сразу стал серьезным и тогда понял, что смех не пугает ее.

— Это краска. Она скрывает меня от врагов.

— Я тоже хочу такую... — Внезапно она стала спокойной, определенной, ускользающей из реальности, какой Лотар и застал ее. — Вернее, хотела. Теперь я умираю.

Лотар взял ее за руку, которую она забыла опустить. Она не вырывалась.

— Я могу вывести тебя отсюда.

— Нет, я умираю. — Она помолчала, опустила голову и произнесла уже шепотом: — Если у меня есть душа, я умру сегодня. А если нет, я буду жить вечно, и это очень грустно.

— Если мы выйдем отсюда, тебя можно будет вылечить.

Она качнула головой:

— От желания умереть не лечат.

На том конце оставленного Лотаром следа произошло что-то, означавшее: они не сбились, они по-прежнему отчетливо видят, где и как он шел. Впрочем, это было уже не на том конце. Это было уже очень близко. Времени оставалось все меньше.

— Вообще-то лечат. Как тебя зовут?

— Ве... Вели... илирия. Да, так звали когда-то ту, которая жила во мне.

— А сейчас у тебя нет имени, Велирия?

Она не ответила. Лотар не без колебания проник в ее сознание, понимая, что этим он может разрушить возникшее доверие. Но ничего не произошло. Она снова не ощущала, что происходило в ней, и это ее не интересовало. Снова весь объем ее сознания представлял сожженную пустыню, без единого признака жизни. Пожалуй, она в самом деле умирала. Лотар и не знал, что возможно такое полное, такое исключительное сознание.

Это можно было объяснить только одним — колдовским экспериментом, который провел не очень искусный, но самоуверенный маг, который, конечно, потерпел поражение. Лотар задохнулся от жалости, когда понял, что произошло.

Его преследователи ликовали. Они приближались. И их было много. Конечно, если бы Лотар хотел, он мог выйти на них, обнажив Гвинед. Но за ними, на том конце невидимого, легко изгибающегося, как веревка, луча стоял Атольф, и Лотар знал, что даже с посохом Гурама он не сможет противостоять ему...

Посох. Лотар провел по его твердой, теплой поверхности рукой. Да, так и есть, посох излучал в пространство мягкую, показавшуюся Лотару золотистой энергию, следы которой читались не хуже, чем капли крови на каменных плитах пола.

Лотар сосредоточился, нашел на теле посоха место, откуда это излучение струилось, и приказал ему остановиться. Казалось, посох этого и ждал. Он стал немой, как простая деревяшка. Даже волны энергии, которые Лотар почувствовал в этом инструменте

в спальне Атольфа, казалось, ушли навсегда в неведомые пространства.

Пока Лотар разговаривал с Велирией, за его спиной собралось множество полупрозрачных пульсирующих шаров, вытекших из посоха. Некоторые из них еще не вписались в мировое вещество, и их можно было двигать. Лотар вытянул вперед руки, заставил их излучать силовое поле, которым Сухмет учил его открывать замки и запоры, нашел дюжины две этих шаров и заставил их направиться к самому большому вентиляционному отверстию в потолке. Время от времени один из шаров вдруг останавливался и как бы твердел на глазах. Это значило, что он не будет больше подвижным, пока не растает.

Цепочка выстроилась довольно убедительная. Лотар усмехнулся. Оказалось, излучением своих ладоней он умеет двигать легкие магические тела. Это было приятное открытие.

А теперь нужно было спрятаться. Лотар подошел к решетке, за которой располагалась соседняя камера-ниша. В углу ее лежал рассыпавшийся скелет, череп откатился в сторону на несколько футов. Вероятно, его перекатили крысы. Эта ниша была слишком голой, и самое главное, отсюда слишком давно выветрились следы пребывания живого человека. Здесь не за что было спрятаться. Лотар вернулся к Велирии.

Прутья решетки были такими толстыми, что Лотар даже пожалел кузнецов, которые их делали. Ни согнуть, ни вынуть их из камня было невозможно. По всей видимости, их вмуровывали в стену, когда сажали заключенного, — навечно.

Лотар собрался и медленно, едва шутимо смял себе голову, грудную клетку, потом живот. Он не трансмутировал по-настоящему, иначе на теле остались бы крупные капли слизи из отмерших клеток, а они оставляли очень сильный, резкий запах. Этого следовало избежать. Поэтому он просто трансформировался, изменив состава своих органов.

Внезапно из коридора донесся грохот множества шагов. Зазвенело железо. Это были преследователи.

Лотар оставалось протиснуть сквозь прутья бедра, а это была кропотливая работа. Он приказал себе не волноваться и стал менять форму таза. Грохот стал громче — к сожалению, преследователи почти не обращали внимания на другие камеры, а шли уверенно и быстро. Вот они миновали место, где Лотар погасил два факела, обманув старого тюремщика, вот прошли поворот, грохот стал оглушительным...

Наконец он очутился в камере. Он заполз за Велирию и лег на кучу соломы, которая служила ей постелью. Несколько засаленных тряпок издавали такой удушливый запах, что на мгновение Лотар перестал даже слышать, что творилось в коридоре. А когда он справился с приступом тошноты, дверь в камеру уже открывалась.

Лотар поспешил сделаться как можно более плоским, стараясь врасти в камень, стать невидимым. И едва успел накидать на себя

тряпок, как голова первого стражника просунулась в камеру. Все-таки он успел.

— Никого нет, господин.

Дверь рывком распахнулась, и сразу стало шумно. Атмосфера злого, потного порыва, ужаса, смешанного с желанием рубить, убивать и крушить, стала невыносимой.

— Ищите его. Он где-то здесь. Отсюда нет выхода.

— Господин, но здесь негде спрятаться.

Господин? Значит, здесь Гильом, брат князя Веза, владелец замка Ожерелье.

— Ищи и не болтай! Иначе завтра же окажешься на виселице по ту сторону стены!

По полу застучали концы пик. Стражники проверяли, не могли ли он спрятаться в жалких кучах истлевшей соломы и тряпья.

Тяжелые шаги становились ближе. Человек, которого воины Гильома называли капитаном, остановился перед Велирией.

— Где он? — Молчание. — Отвечай, когда тебя спрашивает господин. — Тяжелый, мерзкий, скрипучий голос, но он принадлежал очень сильному и уверенному в себе человеку. — Где он?!

Раздался тупой звук удара. Потом медленный шорох, за которым не последовало ни единого слова жалобы, ни стога. Она завалилась на бок. Лотар едва почувствовал, как Велирия налегла на его плечо: девушка почти ничего не весила.

Только бы она не отдернулась, иначе даже эти остолопы догадуются, где он. Нет, она не могла этого сделать, так как была без сознания.

— Его нет, господин. Искать его здесь больше негде.

— Проверь, нет ли его в ее нише.

Несколько тупых ударов обратной стороной копья.

— Да не так, а острием, — сказал Батенкур.

— Я могу задеть ее, капитан.

— Отгони ее в сторону.

— Она без сознания. Вы слишком сильно ее ударили...

— Молчать! Если она не может отползти, откати ее силой. — По телу Велирии прокатилась судорога, но она осталась на месте. — Не можешь острием,хвати крюком.

Обычно крюк, которым стаскивали с коней тяжеловооруженных рыцарей, был так же хорошо заточен, как лезвие меча. Зацепить им незащищенное человеческое тело было равносильно убийству.

— Не получается.

— Попробуй за бок.

— Это убьет ее.

— Плевать, она уже все равно не жилец.

Теплое, худенькое тело Велирии вдруг содргнулось от волны острой боли. Она едва слышно застонала и тут же обмякла. Ее тело сползло с плеча Лотара, в нем уже почти не было жизни. Лотар замер.

К счастью, наконечник копья был очень тонок и не очень сильно разрывал тело Лотара, которое едва выступало над камен-

ной поверхностью. Первый удар пришелся в плечо. Он заставил себя покрепче стиснуть зубы... Потом последовало два удара в живот, потом острие пронзило икру и другую ногу у самой ступни. Лотар едва сдерживался, чтобы не застонать и тем самым выдать себя.

— Ну все, здесь его нет, господин. Я отчетливо чувствую, как копье бьет в камень.

— М-да, я тоже слышу. Но тогда где же он?

Внезапно дверь скрипнула, и новый голос доложил:

— Господин, Завад уже здесь.

— А, довели-таки. Давай его, пусть подскажет, куда делся этот... — Гильом задохнулся от злости.

Послышались едва слышимые шаги. На мгновение в комнате установилась напряженная тишина. Лотар почувствовал, что все смотрят на человека, которого привели сюда, чтобы он сказал, куда ведут следы, оставленные посохом Гурама.

Это был скорее всего тот шут, который кидал в Лотара сурикены, но сейчас он ничем не напоминал воина, обратившего Лотара в бегство. Он был под действием очень сильной магии, или же его опоили какой-то жуткой отравой, заставляющей видеть мир так, как его не может видеть без угрозы для жизни ни один нормальный человек.

— Ну, он был здесь?

Говорить Заваду было трудно, он лишь кивнул.

— И куда потом он делся?

Вероятно, Завад показал на вентиляционное отверстие, потому что Гильом воскликнул:

— Не может быть! Там не пролезет даже кошка.

Тишина на этот раз длилась долго. Наконец в гулкой, тяжелой тишине камеры прозвучал голос околдованного Завада:

— Если это Охотник за демонами... то он оборотень. Он мог стать кем угодно...

Лотар почувствовал, как по рядам воинов прокатилась волна. Впервые за многие годы люди, служившие в этом замке, задумались, чему они служат. Даже сквозь вал безумной боли Лотар ощутил, как сомнение все больше овладевает ими.

— Ладно, пошли наверх. Посмотрим, куда приведет эта дыра.

Топот в камере стал громоподобным. Но в этом грохоте снова прозвучали слова капитана. От его голоса, казалось, эти люди замирали, как птицы, зажатые крепкой рукой безжалостного ловца. И он без труда перекрывал любой шум.

— Вы трое останьтесь и еще раз проверьте здесь все как следует.

— Может, в сточных отверстиях поковырять, капитан?

Каждая из ниш имела небольшое отверстие, которое использовалось для естественных надобностей заключенного. Но оно было настолько узким, что туда не могла пролезть и нога человека.

— Насмешничаешь, жук навозный? Прикажу — и будешь...

— Я лишь спросил.

Вероятно, тот, кто разговаривал сейчас с Батенкуром, был ве-

тераном и имел какие-то права в этой банде. Потому что на этот раз капитан лишь пробурчал:

— Все здесь проверить.

Стражники побежали по коридору наверх. Шаркающие шаги Завада, которого вели сразу двое, тоже затихли вдали. Кто-то из оставшихся трех солдат подошел к нише, где лежала Велирия.

— Перевязать бы ее.

— Ни за что ни про что убили пленницу... — Это был голос втерана.

— Она еще жива.

— Видишь, крюк прошел между ребрами. Если задела вену, умрет быстро, если пробили легкое, все равно умрет, но позже.

— Наверное, задела вену, вон сколько крови вытекло.

Молчание на этот раз было очень долгим.

— Ну что, будем искать?

— Придется.

А ведь эти люди, подумал Лотар, уже не так возбуждены и вполне могут его обнаружить, тем более что их теперь не стесняет присутствие начальства. Нужно что-то придумать. Кто-то уже начал ворошить солому в нише у дальней стены.

Эти вояки, конечно, не очень чувствительны. Поэтому колдовского вмешательства, даже такого грубого, какое мог применить сейчас Лотар, они скорее всего не ощутят. Только что выбрать?

— Ну и вонь здесь.

Это была идея. Лотар вошел в сознание всех сразу и открыл им обоняние до предела.

— Ты что там делаешь?

— А что?

— Ты что-то задел. Теперь отсюда хоть святых выноси...

Один из них стал давиться кашлем. Еще немного, и его должно было стошнить.

Лотар холодно и твердо ввел в их сознание придуманный им запах, способный вывернуть человека наизнанку.

Кто-то из вояк, гулко грохнув копьём о дверной косяк, бросился прочь. За ним последовали остальные. Одного из них рвало. Уже в коридоре кто-то произнес задыхающимся голосом:

— Как хотите, в эту камеру я больше не войду.

— А капитан?

— Подождем немного и скажем, что ничего не нашли. Ведь все уже перерывали, неужели мало?..

Их голоса затихли. Лотар поднял руку и провел по своим ранам. Кровь-то была не только Велирии, но и его. Только он не собирался истекать до смерти.

Это напомнило ему о раненой. Он повернулся на бок, с трудом отрываясь от камня. Пленница еще дышала. Лотар провел рукой по ужасной ране на ее боку, под рукой. Она уже перестала кровоточить.

Здесь даже искусство Сухмета скорее всего оказалось бы бес-
сильным.

— Ты спасла меня, — сказал он.

Проходили минуты, она еще дышала. Внезапно тоненькая жилка на ее шее дрогнула, и в мире стало еще тише, чем раньше.

— Я ничего не мог сделать, Велирия, — прошептал Лотар. — Но сейчас, пока ты еще слышишь меня, я клянусь, это не сойдет им с рук.

Глава 16

Толкнув дверь, Лотар убедился, что она заперта с той стороны на толстый бронзовый засов. Магнетическое поле его рук здесь не подействовало бы. Но он увидел то, чего не заметил раньше, — окошко, из которого тюремщик мог окинуть одним взглядом все ниши камеры. Оно открылось сразу, едва Лотар потащил шторку вверх.

В это окошко могла пролезть лишь рука ребенка. Лотар закат рукав до плеча, просунул кисть в окошко и медленно, дюйм за дюймом, стал ее удлинять, почти не меняя структуру и строение мягких тканей. Это не составляло труда, только связки отзывались тянущей болью. Внезапно Лотар понял, что не может больше наращивать руку, не меняя плечо. Но это как раз было затруднительно, потому что окошко не давало ему возможности сделать руку сильной у груди. Он попробовал захватить засов.

Указательный палец уже царапал поверхность засова, но сдвинуть не мог. Тогда Лотар решил вырастить мощный, очень острый, загнутый коготь.

Он сосредоточился, смахнул пот со лба и представил себе коготь с такой отчетливостью, что тот вырос прежде, чем Лотар успел охнуть от боли. Теперь дело пошло. Коготь врезался в податливую поверхность, оставляя за собой все более глубокую борозду. Когда стружка собралась под когтем в осязательный валик, засов дрогнул и пополз в сторону. Лотар только хмыкнул.

И все-таки ему пришлось попотеть, чтобы открыть дверь, потому что перехватывать засов пришлось еще три раза, да немало времени ушло, чтобы вернуть руке человеческую форму.

В коридоре все так же тускло горели факелы. Теперь Лотара стало раздражать источаемое ими тепло — ему хотелось прохлады. Работа с засовом разогрела его, как хорошая тренировка. И очень хотелось пить. Он истратил много влаги, кроме того, какое-то время истекал кровью. Кстати...

Лотар обернулся и посмотрел на пол, где только что прошел. После него остались капли пота, но крови он не заметил, по всей видимости, раны уже затянулись.

Коридор привел его к решетке, которая прошлый раз была поднята, потому что в камере с Велирией находился тюремщик. Сейчас она была опущена. Лотар попробовал замок. Открыть его было несложно, но внезапно он почувствовал струю свежего, пахнущего сыростью воздуха. Он поднял голову и внимательно осмотрел стены.

Так и есть. От пола наверх вели какие-то борозды, которые ос- тались, вероятно, от ступеней, срубленных тогда же, когда зало- жили ход в подземелье. А вели они к отверстию в стене, из кото- рого и втекал сюда этот воздух, несущий озерную ночную про- хладу. Расшатать эту кладку, по всей видимости, было нетрудно.

Лотар вскарабкался наверх по глубоким, чуть ли не в полпаль- ца, рубцам на стене и попробовал тяжелые блоки. Их скреплял раствор, от которого легко отлетали крошки, когда Лотар провел по нему острием кинжала.

Зацепившись поудобнее, Желтоголовый просунул руку в от- верстие. Блоки оказались не более фута шириной. Такое рассто- яние Лотар мог бы процарапать за несколько дней, но он подозре- вал, что этого времени у него нет, нужно было придумать что-то другое. Он уже хотел было спускаться, как вдруг заметил, что верхний блок треснул посередине на всю глубину. Это давало шанс.

Лотар спустился, выбрал два факела попрочнее, загасил их, вернулся к дыре, поднялся наверх и вставил крепкие деревяшки в отверстие. Концы факелов торчали теперь, как пара дубинок. Они держались настолько прочно, что Лотар повис на них.

Тогда он расслабился на мгновение, повернулся к заложенной двери спиной, закинул ноги наверх, уперся в потолок и изо всех сил навалился на факелы. Верхний камень сдвинулся почти сразу же, причем так резко, что факел выскользнул, и Лотар не упал только потому, что вовремя перевернулся и зацепился пальцами ног за борозды на стене.

Лотар повторил операцию, и уже другая половинка верхнего блока исчезла с грохотом в темном отверстии. От этих усилий сдвинулся соседний камень, который через пару минут вывалил- ся совсем. Теперь отверстие было достаточно широким, чтобы пролезть в него даже без трансформаций.

Слегка поцарапавшись и измазавшись, Лотар прополз в от- верстие и осмотрелся. Он был в узком — двоим не разойтись — коридоре, ведущем наверх и в сторону, противоположную глав- ным строениям замка. Прежде чем отправиться в путь, Лотар прислушался. Где-то очень далеко кто-то кричал, вероятно, сзы- вая на подмогу. Значит, скоро будет погоня.

Коридор был прямой, те, кто вырубил его, шли к цели без вся- ких хитростей, даже не отыскивая в камне возможную слабость. Тем не менее Лотар внимательно смотрел под ноги, опасаясь ло- вушки, но предосторожность эта оказалась излишней.

Через две сотни шагов ветер, дующий Лотару в лицо, стал по- настоящему упругим. Он поймал себя на том, что безотчетно улыбается. И тут перед ним оказались ступени, ведущие к решет- ке, за которой виднелась гладкая плита, украшенная посередине большой каменной головой, по всей видимости — медвежьей. Между не очень ровными краями плиты и каменными плитами косяка образовались просветы, в которые Лотар увидел светлею- щее небо. Он поднялся и попробовал тяжелые, но не очень тол- стые, изъеденные ржавчиной прутья.

Верхний край решетки, вмурованной в стену, был прочен, как

и в тот день, когда ее отковал кузнец. Но нижний, где собирались дождевая вода и снег, стал не толще человеческого пальца.

Лотар схватился за нижний край и налег изо всей силы. Сначала решетка не шла, но потом один ее конец стал отгибаться. Лотар расслабился, вытер пот со лба, снова взялся за решетку.

Внезапно сзади послышался чей-то возбужденный голос. Преследователи определили путь, которым он ушел. Теперь обратной дороги без боя у него не было.

Решетка прогнулась в середине. Сразу четыре прута выскочили из дырок и согнулись, открывая нижний левый угол. Лотар пролез в отверстие и взялся обеими ладонями за медвежью голову. Под ней угадывался не очень сложный механизм. Покачивая замок то влево, то вправо, Лотар набрал все необходимые зацепления за кодовый штырь в каменной полости и твердо повернул голову вправо. Плита со страшным скрипом, осыпая Лотара песком и пылью, поднялась на три фута вверх и остановилась, не в силах освободить весь проем. Но Лотару большего и не требовалось.

Выход находился всего в десятке футов над поверхностью скалы. Лотар свесил вниз ноги и прыгнул. Выбраться из замка оказалось легче, чем он предполагал.

Над ним мерцали звезды, на востоке загоралась заря, вода в озере блестела, как полированная сталь. По склону шли грубые, изъеденные временем и непогодой ступени. Когда-то здесь потрудились зубило камнетеса. Лотар пошел по этой ясно видимой тропе.

Она привела его к бухточке, в которой могла уместиться небольшая лодка. Лотар встал на колени, опустил лицо в ледяную воду и с наслаждением сделал несколько глотков. Жар внутри стал затухать — и, может быть, преждевременно. Судя по всему, ему сейчас понадобится много тепла.

Лотар внимательно посмотрел на воду. В этом месте течение образовывало клин относительно ровной поверхности, уходящей на сотню туазов в озеро. Конечно, и тут ходили тяжелые волны и крутились широкие воронки, но здесь могла пройти лодка или проплыть решительный, сильный пловец.

И все-таки бежать этим путем Лотар еще не решался. Он внимательно осмотрел небо над замком.

Заря, без сомнения, не была бы столь радужной, если бы ее лучи не преломлялись, как в огромной линзе, в колдовском занавесе, опущенном на замок Атольфом. Лотар поднял камень, размахнулся и швырнул его что было силы. Сначала камень летел, как полагалось, по плавной дуге, уходящей ввысь, но вдруг, повинувшись чудовищной силе, понесся вниз и врезался в воду, подняв веер брызг высотой чуть не в десять футов. Скорость падения была так велика, что Лотар едва не потерял его из вида.

Но вода под этим местом была спокойна, не клубилась, не бурлила больше, чем от неровного течения, значит, занавес в этом месте кончался над водой, может быть, в нескольких вершках от поверхности, но все-таки кончался.

Внезапно со стены, под которой стоял Лотар, послышался окрик. Лотар поднял голову. Стражник наверху показывал на него кому-то, кого Желтоголовый увидеть не мог. Итак, его заметили. Жалко, но рано или поздно это должно было случиться.

И почти одновременно с криком в той стороне, где остался выход из потайного хода, послышался топот множества ног, зазвенело железо. И оттуда ему теперь грозила опасность.

Лотар разулся, проверил узел вокруг посоха Гурама и стал лихорадочно, чуть ли не со стоном, трансформироваться. Он отращивал мощные мускулы, которые должны были помочь ему грести, а из ладоней создавал плотные, тугие лягушачьи плавники. Неожиданно лопнули сыромятные ремни с когтями. Лотар забыл их снять из-за боли, а теперь было поздно что-либо переделывать. Ноги он составил вместе и попытался объединить их в хвост. Это было довольно сложно, потому что ему — Драконьему Оборотню — непросто было трансформироваться во что-то, не имеющее отношения к рептилиям, но в конце концов хвост получился совсем неплохой.

Он оказался в полудюжине ярдов от воды, когда вдруг сообразил, что преодолеть это расстояние будет непросто. Он оторвал остатки штанин, располоסованных его меняющейся плотью, и, упираясь измененными руками и еще горящим от боли хвостом, пополз к воде.

Обостренным вниманием, которое появилось у него во время трансформации, он видел, что из отверстия в стене замка спустилось уже не менее дюжины солдат. И тот, кто ими командовал, бежал по ступеням к Лотару. Но они уже не успевали, опасаться их не следовало.

Внезапно Лотар почувствовал, что прямой путь опасен, и перекатился под защиту мрачного, голого валуна. В то же мгновение туда, где он только что был, ударили сразу две тяжелые арбалетные стрелы. От их хлесткого удара болезненным эхом отозвались раны от копья, полученные в подземелье.

Лотар поднял голову, посмотрел на стены, на людей, бегущих к нему по тропе с мечами и алебардами наперевес, двумя сильными толчками подобрался к самой воде и без всплеска ушел в светлую от утренней зари воду.

Он обнаружил, что его глаза приобрели защитную пленку, которая помогала смотреть в воде. Тогда Лотар, зацепившись за илстые, ледяные на ощупь камни на дне, осмотрелся.

Вода вокруг была, пожалуй, не менее опасна, чем Чунду. Она готова подхватить его израненное, усталое тело и швырнуть в тяжелый необоримый поток, проносящийся сбоку к обрыву. Там Лотар даже со своими лапами был бы так же беспомощен, как камень, сорвавшийся с обрыва в пропасть.

Ему стало не хватать воздуха, он поднялся к поверхности, стараясь не очень высовываться. Стражники уныло стояли на берегу: несмотря на неизбежный гнев Гильома, преследовать Лотара в воде они не решались.

Может, отрастить жабры? Нет, пожалуй, это будет сложно и

потребуется слишком много энергии, которой и так в обрез. Внезапно Лотар понял, что один из водоворотов незаметно оттащил его слишком близко к потоку, а ему еще следовало заплывать как можно дальше в озеро, чтобы поймать относительно спокойные воды у дна.

Он рванулся в сторону и с удовольствием ощутил, что плывет легко. Может быть, колдовство Гханаши научило его тело не только драконьим хитростям?

Куртка намокла и очень стесняла движения рук. Лотар хотел было скинуть ее, но это оказалось сложно из-за сбруи, на которой крепился Гвинед, посох Гурама и те приспособления, которые ему не потребовались. Он сделал несколько энергичных движений, чтобы приучить мышцы к этой помехе, но чуть не заорал от боли в ранах. После этого он просто глотнул воздуха и резко, как охотник за жемчугом, ушел ко дну.

Там вода действительно была спокойней из-за высокой гребенки донных валунов. Он поплыл, иногда задевая камни под собой. Пока все шло довольно успешно, потому что не нужно было бороться с боковыми потоками, и он двигался почти по прямой.

Но Лотар проплыл гораздо меньше, чем ему хотелось бы, когда ему пришлось выныривать. На этот раз он поднимался долго и тяжело. Снова, в который раз за эту бесконечную ночь, мешала куртка, штаны, мешали перевязи и даже посох Гурама за бедром. Не мешал только Гвинед.

Вода обтекала его мягкими, лижущими струйками, но, взглянув на берег, он понял, что несется едва ли не быстрее, чем во время полета на своих самых больших и скороходных крыльях.

Больше Лотар не нырял, он стал работать ногами, соединенными в общий хвост, и руками. Он выравнивал дыхание и навязал своим легким скоростной, резкий темп выдоха в воду и вдоха сбоку, чтобы не поднимать лицо слишком высоко и не тормозиться о воду.

Он плыл быстро, потом попробовал еще быстрее. Через полминуты понял, что, не меняя мышечную массу, сильнее грести просто не может. Открытие его не порадовало.

Сквозь воду, через затуманивающие все пузырьки воздуха, через пар, вырывающийся со свистом из его рта, он видел, что голые, весенние кусты орешника подошли к самой воде. Значит, сейчас будет мост, а потом, через полсотни туазов...

Он отвлекся от обрыва, но внимание панически резко пробежало по всему, что его окружало. Сейчас он видел воду под собой, дно, усеянное каменными глыбами, Ожерелье сзади, на стенах которого... Да, так и есть, на стенах собрались все, кто только мог. Даже, кажется, слуги, о существовании которых Лотар и не догадывался.

Был там и Атольф. Он смотрел так напряженно, что при желании Лотар мог почувствовать его взгляд, как теплое пятно на спине. Колдуну определенно хотелось влить заряд магической энергии в Лотара, но сначала нужно было снять занавес, а это требовало времени. Вот и терзался колдун безнаказанностью по-

хитителя посоха Гурама, и надеялся только, что свое сделает водопад.

А впереди было что-то до такой степени скрытое от всех, что даже сейчас, когда Лотар в предельном напряжении сил мог видеть полет птиц над отдаленным лесом, он не понимал, кто и зачем следит за ним с берега. Но где же Сухмет?..

Дно приблизилось, это был верный признак близкого обрыва. Лотар глотнул воздуха и нырнул в чуть-чуть более спокойный придонный слой. Что это? Что-то темное...

Тогда он понял, что это сваи постоянной, неподъемной части моста. Они пронесли мимо него раньше, чем он успел до конца осознать это. Теперь у него оставалась только сотня ярдов, всего сотня ярдов жизни...

Интересно, успеет он вырастить крылья, пока падает на дно водопада? Для того, чтобы нормально лететь — нет, конечно. Но чтобы смягчить удар о камни — может быть. Нет, скорее всего его размажет по выступам стены еще до того, как он достигнет дна. А это значит, что крылья бесполезны.

А если начать трансформировать их сейчас, пока он еще в воде и у него есть несколько мгновений? Может быть, он сумеет вырваться из струй падающей воды, подальше от камней, и это даст возможность спланировать?..

Нет, он выбрал форму для плавания, перестроить ее в крылья, минуя человеческие формы, он не сумеет — не хватит сил и умения. А мутировать сначала в человека и лишь потом в крылатого летуна он не успевает.

Пока Лотар думал об этом, он греб так, что вода не успевала смыкаться за его перепончатыми ладонями, и там образовывались блестящие, завихренные пузыри. Он снова поднялся на поверхность, чтобы глотнуть воздуха, и больше нырять не стал. Дно было уже слишком близко, и вода неслась над ним едва ли не быстрее, чем на поверхности.

До берега осталось не больше полусотни футов, когда он понял, что проиграл. Он попросту не успел, не догреб, слишком устал в драках или чрезмерно ослабел от ран... Нужно было спокойно и неторопливо зарастить их, оставаясь в камере Велирии, нужно было иначе...

Обрыв приближался. Вот уже камни, торчащие, как клыки в звериной пасти, собрали поток в тяжелые, бешеные космы, с которыми и вовсе стало невозможно бороться. Лотар приготовился трансформировать руки в крылья, чтобы все-таки спланировать. Получится или нет — неважно. Он знает, что не получится, но должен доиграть эту схватку до конца...

Чудовищная боль пронзила спину. Он крутанулся в воде, пытаясь понять, что произошло?..

Это была его собственная стальная кошка, которую на сей раз он не взял с собой, потому что не собирался взбираться на стены. Она зарылась в его спинных мускулах, вгрызаясь все глубже, доставая до ребер, до самых легких... К ее концу была привязана шелковая веревка, знакомая Лотару по бесчисленным трениров-

кам, как собственные мозоли на ладонях... А на конце этой веревки твердо стоял белый, словно вылепленный из мертвого, слепого алебаstra, Сухмет.

Он держал веревку крепкими, напряженными руками, выбирая ее, словно поймал небывало большую и тяжелую рыбину. Он подтягивал Лотара, и его узкие глаза не отрывались от широкого кровавого следа, который оставался за разом ослабевшей фигурой Желтоголового.

Лотар еще не потерял сознания. Он видел, что его рука сжимает кинжал, невесть как влетевший в его ладонь, и понимал, что достаточно сделать одно движение, чтобы освободиться от этой кошки, от Сухмета на том конце, но и от жизни, которая кончится, как только он перелетит за такой близкий, ровный, как линейка, край перетока.

Течение увело его на дно. Лотар двинул ногами, оказалось, что он еще может помогать Сухмету, и снова оказался на поверхности. Осталось десять футов. Лотар уже слышал, как дышит Сухмет, видел, как брызги стекают по его желтому, необычному и такому знакомому лицу... Пять футов. Три...

Сухмет протянул руку, вцепился в перевязь Гвинед и втянул Лотара в спокойную воду. Теперь вокруг его колен клубилась не только вода, но и темная в утреннем свете, резко пахнущая кровь Лотара.

Тут не выдержал даже Сухмет. Он подхватил Лотара и застонал, когда всмотрелся в его светло-серые глаза. Даже Сухмету требовалось собраться с силами, чтобы вынести Драконьего Оборотня на берег, даже ему требовалось сконцентрироваться, чтобы не выдернуть из спины отвратительный четырехдюймовый крюк, вошедший в плоть его господина на всю глубину.

Лицо Лотара оказалось на плече старика, а губы почти коснулись его уха. И тогда Лотар решил, потому что знал, что Сухмет услышит, и не знал, доживет до полудня или нет. Он произнес, почти бессмысленно растрачивая последние силы, чтобы у старика не было чувства вины:

— Молодец, все прав...

И не договорил. От боли в разорванных легких он потерял сознание.

Глава 17

Лотар даже не подозревал, что можно чувствовать себя так, как он сейчас. Легкость, полные радости и света мысли и какое-то восторженное, остановившееся переживание, словно он слушает неземную музыку, способную управлять всем миром и всем в мире. И, конечно, покой, полный и нерушимый, вечный и торжественный покой, который — это было ясно — никогда не надоест и не будет в тягость.

Лотар поднял веки и почувствовал свет, бьющий в лицо. Он

буквально умывался этим светом. Но что ему было до этого света, когда в нем играла музыка неземных сфер?

Наверное, подумал он, они меня все-таки захватили. И теперь каким-то образом лишили возможности сопротивляться. Скоро они примутся за меня по-настоящему. Нет, такого быть не могло. И тогда он вспомнил... Да, конечно, Сухмет поступил правильно, и все должно быть в порядке. Но почему же тогда?..

— Что тебя беспокоит, мой господин?

Лотар с трудом повернул голову на голос. Нет, с тем парением мыслей и чувств, которое охватило его, он не мог вспомнить, кто это и почему он так говорит?

— М-да, пожалуй, я хватил лишку, — сказал странный узкоглазый человечек, который был не велик, но и не мал, и находился где-то близко, хотя и далеко, так далеко, что даже рукой его было не достать.

Внезапно состояние полного и почти совершенного счастья стало меняться, потом вовсе исчезло.

И тогда навалилась тяжелая, как многопудовые камни, тяжесть разбитого, исколотого тела, пришла дикая, нестерпимая боль. Она заполнила каждую клеточку мозга и тела, забила в каждом вдохе и в лучах солнца, обрушившегося с ярко-синего неба, как воинский крик.

Пришли запахи — тяжелые, мучительные запахи больного, истерзанного тела: пота, крови, нечистот. И, конечно, стало шумно, теперь Лотар не мог даже пошевелиться из-за этого неумолчного грохота, возникающего так близко, что от него вибрировал воздух.

Особенно трудно было дышать. Этот воздух был мутен и тяжел, как будто ему в грудь посадили злобную и быструю белку с отчаянно острыми когтями и зубами и она пытается выбраться на свободу, то есть из него, из Лотара.

— Что это? — прошептал Лотар.

Грудь и спина болели. Он старался говорить, не дыша, двигая только губами.

— Это снова я, Сухмет, твой верный раб. — Старик, должно быть, был жесток или глуп, если не понимал, как тяжело сейчас Лотару говорить.

— Нет, то, что исчезло?

— А-а, я просто подумал... — Сухмет хмыкнул и все-таки продолжил: — Ну, в общем, я подумал, раз у нас есть посох Гурама, то можно облегчить твои страдания. Это что-то вроде анестезии, знаешь...

— Никогда... — Лотар перевел дыхание и с облегчением закончил: — Не делай этого больше.

— Я хотел лишь облегчить твою боль, господин.

— С болью я справлюсь. А с этим — нет.

— Это так трудно?

— Ты пробовал? — Сухмет покачал головой. Лотар даже с закрытыми глазами знал это. — Трудно избавиться от наслаждения.

Что-то звонко лопнуло в воздухе, и Лотар окончательно рас-

стался с этим Сухметовым изобретением. Теперь боль была такой, что Лотар даже удивился, как это ему только что удалось разговаривать.

Но любая боль была лучше того, что исчезло, тем более что он мог использовать ее, чтобы строить свое тело.

Лотар медленно провел рукой по обнаженной груди. Нет, не обнаженной, она вся была перетянута бинтами. И плечо едва шевелилось от этих повязок, и почему-то ноги были перетянуты. Здорово мне досталось, подумал Лотар. Кажется, сумел подставиться под все удары противника.

— Нет, господин, — сказал Сухмет, поднимая ему голову, чтобы влить чай между его запекшихся губ. — Ты действовал настолько верно, что у Атольфа не было ни одной возможности добраться до тебя. А это и было главным выигрышем. Все остальное — булавочные уколы.

Чай был такой горячий, что Лотар едва не выплюнул его, обжегшись.

— Нет, господин мой, нужно глотать, — сказал Сухмет, безжалостно поднимая голову Лотара еще выше. — Скоро будет лучше. Ты быстро восстанавливаешься.

Лотар проглотил чай, и теперь он показался ему на удивление вкусным. Он хотел еще. Оказалось, что пить он хочет даже больше, чем дышать.

Напившись, Лотар с облегчением откинулся на сложенный валиком плащ и вытянулся. Теперь мышцы груди не давили на легкие, залитые кровью.

— Теперь я посплю и, надеюсь, стану получше, когда...

Он не договорил, он просто уснул.

Проснулся он от стойкого ощущения прохлады и чего-то очень тяжелого, разлитого в воздухе, словно запах гнили. Лотар открыл глаза и понял, что уже может напрягать грудь. Осторожно повернул голову направо, затем налево. Сухмета не было.

Покряхтывая, Лотар сел, потом встал. Хорошо бы завести что-то вроде костыля, подумал он. Но нет, подходящей палки поблизости не было, и он зашагал к берегу озера, опираясь только о голые орешины.

Сухмет стоял на берегу и напряженно всматривался в замок. Не поворачивая головы, он сказал:

— Ты преждевременно поднялся, господин. Тебе бы еще полежать.

— Что тут происходит? — спросил Лотар.

— Они повесили еще четырех стражников. — Лотар пересчитал трупы, болтающиеся перед стенами. — И все четверо совершенно невиновны. Один из них все думал о дочери, которой теперь не выйти замуж, потому что он не сказал ей, где спрятал деньги на приданое.

— Придется тебе сказать ей. Прикинешься бродячим искателем кладов и поможешь.

Сухмет кивнул. Потом повернулся и взял Лотара под локоть. Плечо и грудь сразу заныли, но все-таки не так, как утром.

— Тебя нужно покормить, господин. Я приготовил отменный суп из кролика.

Они медленно потащились к стоянке. Лотар вдруг вспомнил:

— А этот посох, он не испортился от воды?

— Что?

— Ну, у него не исчезли какие-нибудь его магические свойства от того, что я с ним так непочтительно обошелся?

Сухмет усадил Лотара на плащи.

— Я думаю, что тебе, господин, следует побольше тренироваться в магии. Ты очень плохо представляешь, как магические инструменты защищают себя. Я вот сомневаюсь, потеряет ли посох Гурама хоть одно из своих великолепных свойств, если его опустить на пару тысячелетий на дно морское, а ты...

— Ладно, — сказал Лотар, — понятно.

Суп оказался на редкость вкусным. Лотару показалось, что он в жизни не ел ничего лучше.

Сухмет улыбнулся одними глазами, поглядывая, как его господин уписывает вторую миску, и решил продолжить тему.

— К тому же эти тренировки помогут тебе избавиться от лишних травм.

— Как?

Вообще-то, когда Лотар выздоравливал, ему не очень хотелось нагружаться пищей. Но на этот раз он чувствовал, что нуждается в этом сочном и легком мясе, лишь пережевывал его старательно, как заботливый мукомол дробит качественное зерно на мельнице.

— Ты мог бы использовать свойства посоха сразу же, как только он оказался в твоих руках. Например, мог снять Сеть Всевидения, которую поставил Атольф. Или пробить его занавес и проложить магический мост до берега. Для того чтобы идти по нему, не нужно даже отращивать крылья, просто идешь над водой, и никто тебя не может остановить. Мог остановить время, и они стали бы для тебя зачарованными истуканами, или вообще стер бы ползамка со скалы и приказал опустить мост, чтобы удалиться, как король.

Лотар с облегчением откинулся на свое ложе, сделанное, как всегда, из дорожных плащей и веток, и посмотрел в небо.

— Я не хотел убивать.

— Тебе не нужно было бы убивать. Они быстро поняли бы, что им с тобой не совладать, если бы ты продемонстрировал свою силу, свою магическую силу, я хочу сказать.

— Вот и пойдешь следующий раз вместо меня.

Сухмет рассмеялся:

— Э, нет, я не могу, не силен в драке. Хотя теперь... — Он повернулся и погладил какую-то деревяшку, воткнутую в землю, которая казалась просто высохшим прутом. — Все в прошлом. Теперь я, пожалуй, сильнее всех.

— Из-за этого вот я рисковал жизнью? — удивился Лотар.

Сухмет хохотал не меньше минуты.

— Я замаскировал его, господин.

Старик ушел за водой для чая. Лотар смотрел в небо, пока не

уснул. Он был все-таки очень еще слаб. Когда он открыл глаза, в небе стояли последние звезды. Они казались такими близкими и чистыми, словно не было никогда ни насилия, ни жестокости, ни самой смерти. Лотар улыбнулся и осмотрелся по сторонам магическим видением.

Сухмет сидел рядом с тоненьким пламенем, которое изгибалось дугой над его головой и направленно, как штырь, ярко светило на страницы книги, которую старик держал на коленях. Увлеченный чтением, он не заметил, что Лотар больше не спит.

Желтоголовый поднялся и подошел к оставленному на костерке котелку. В нем был густой, тяжелый, как августовская ночь, бодрящий чай. Лотар выпил кружку, налил вторую и подсел к Сухмету.

— Готовишься стать сильнее всех?

Старик улыбнулся:

— Пожалуй, я зря поучал тебя, господин мой. Даже я не сумел бы сразу выполнить все те магические трюки, о которых говорил тебе. Не стоило и пытаться.

— Получается, что я не так уж безнадежен?

— Ты сделал только ту ошибку, что оставил слишком видимый след за собой из шаров, вытекавших из посоха.

— Кстати, ты знаешь, что это было?

— Ты открыл один из мельчайших клапанов посоха, когда рассматривал его в спальне Атольфа.

— Мне нужно было удостовериться.

— Правильно, но потом следовало убедиться, что ты не нарушил его покоя. А ты этого не сделал.

— Кстати, откуда ты все знаешь? Следил за мной отсюда?

Сухмет так сокрушенно покачал головой, что Лотар сразу понял, что брякнул какую-то глупость.

— Кто же способен пробить магический занавес? Я просто прочитал все, когда готовился тебя лечить.

— Любопытство тебя погубит.

— Это не любопытство. Когда внимательно лечишь, мысли учащаются поневоле.

Пламя трещало так уютно, что Лотар даже пожалел, что не может направить звук водопада куда-нибудь в сторону. Какая-то огромная, тяжелая ночная бабочка вдруг вывалилась из темноты и спланировала на огонь. Лотар едва успел подхватить ее, чтобы она не сгорела.

Он поднес ее поближе и рассмотрел великолепный узор на крыльях. Она вцепилась в кожу Лотара слабыми коготками и поводила крыльями, как небрежная красавица поводит веером перед кавалером.

— У них уже начался лет, — сказал Сухмет. — Подумать только, такая хрупкая красота, а долетает сюда с Южного континента...

Вдруг свист, густеющий до тяжелой вибрации, пронзил мирную тишину весеннего леса. Лотар вскочил и рывком кинетировал бабочку за десяток шагов в темную и густую чащу. Он надеялся, что оттуда огонь костра уже не виден и бабочка не сгорит. Во-

обще-то теперь было не до нее. Лотар узнал свист и удар очень мощной катапульты.

— Это на берегу, — сказал Сухмет, торопливо заталкивая книгу под овчинную скуфейку, на которой он сидел.

Они быстро зашагали к берегу озера.

На стенах замка было светло от факелов, которые держали столпившиеся там люди. С дозорной башни ударил еще один выстрел. Камень весом не менее пяти стоунов прочертил свою траекторию в темном воздухе и ударил в озеро с оглушительным хлопком, подняв тучу брызг. Тогда Лотар и Сухмет увидели, куда целились стрелки.

Это была небольшая, человек на шесть, лодочка, остроносая и быстрая, которая неслась по темной воде, удаляясь от замка, к тому берегу, где находился мост и где стояли Лотар с Сухметом. Она была бы совсем неразличима в темноте, но блеклое световое пятно, как гигантский зайчик от невидимого, тусклого солнца, играло на воде, на блестящих шлемах и доспехах воинов, на мокрых веслах.

— Они убегают, — сказал Сухмет.

Гребцы налегали на весла так, что те, казалось, гнутся при каждом ударе о воду. Лодка летела, как птица.

Снова послышался тяжелый щелчок, потом свист перешел в гудение толстой струны, потом камень ударил в воду. Человека, сидящего на корме, обдало брызгами.

— А ведь могут прорваться.

Внезапно на башне появился Атольф. Сухмет узнал его по медлительным движениям, в чем-то похожим на движения Чунду. Та же внешняя неторопливость, та же неостановимая сила и сокрушительная мощь.

Между лодкой и берегом оставалось уже не более полусотни ярдов, когда катапульта ударила снова.

— Это их последний выстрел. Промажут, значит...

Камень вдруг изменил направление. Это было почти незаметно, но Лотар не сомневался, что теперь его ведет так называемый Поводок, что-то вроде управляющего стержня, помогающего при стрельбе большими снарядами даже в самых безнадежных случаях. Это было даже не очень сложно, но Лотар не ожидал такого от Атольфа.

Камень ударил в лодку, строго в середину, сразу изувечив или убив двоих гребцов, сидевших на самой широкой банке. Лодка переломилась, словно была сделана из картона. Все беглецы оказались в воде, и теперь шансов у них не было — течение неумолимо несло их к краю водопада, к смерти.

Да они и не пытались сопротивляться. Кто-то просто вцепился в деревянный нос лодки и вглядывался в приближающуюся смерть, кто-то принялся ругаться высоким, сорванным голосом... Но нет, от этой мешанины людей и шепок отделилась чья-то темная фигура, которая становилась с каждой минутой все заметнее.

Кто-то не потерял присутствия духа и продолжал бороться. Человек был умен и силен. Он греб так, что Лотар даже недовер-

чиво оглянулся на Сухмета. Тот тоже подался вперед, считая частоту гребков неизвестного пловца.

— У него есть шанс, — сказал наконец старик.

Снова ударила катапульта, камень просвистел в воздухе и поменял направление целых два раза. На это уже решился бы далеко не каждый колдун, даже специализировавшийся в воинской магии. Атольф превзошел сам себя.

Но он все равно промахнулся на пару футов. Брызги взлетели в воздух и опали, а пловец даже не обратил на них внимания.

За его спиной обломки лодки и остальные люди унеслись к водопаду и с чьим-то отчаянным криком исчезли в темном провале пропасти. Крик смолк сразу, как отсеченный острым клинком.

Но этот удивительный человек, который старался выбраться на берег, все-таки справился. Он попал в последние водовороты почти на том самом месте, где вчера Сухмет выловил Лотара. Сухмет сбежал по склону и вошел в воду, чтобы помочь ему. Лотар поспешил за ним.

На последних ярдах силы оставили пловца, и помощь Сухмета была очень кстати. Он поймал его за волосы и втащил в заводь. Потом подхватил под мышки, вынес на берег.

Теперь Лотар узнал его. Это был Завад, замковый шут. Тренированный сторож и метатель сурикенов, который чуть не убил Лотара в спальне колдуна. Он был почти без сознания, глаза его закатились под веки, дыхание было таким судорожным, что хотелось дать ему одну из тех ароматических жидкостей, которые расширяют легкие.

Сухмет осторожно положил его на траву и расстегнул ремень, пережимающий грудь. На ремне была сумка.

— Удивительный человек, — сказал Лотар. — Ему это удалось, он проплыл стремнину и не свалился в пропасть.

— Да, он прекрасно тренирован, — согласился Сухмет. — Не хуже тебя, если бы ты был просто человеком.

Луч света, которым Атольф высвечивал лодку на воде, теперь погас или ушел куда-то в сторону. Лотар наклонился ближе, чтобы рассмотреть лицо шута. Внезапно он увидел четкие, как нарисованные, и свежие, еще кровоточащие, рубцы через весь лоб. Это был след хлыста, барского, ленивого и не очень сильного, но болезненного и, безусловно, унижительного даже для раба.

Внезапно Завад очнулся. Он схватил Сухмета за руку и поднялся.

— Кто вы?

— Не беспокойся, ты жив, ты доплыл, — ответил старик.

— Но вы не выдадите меня?..

— Мы враги твоего господина.

— Прежнего господина... — прошептал шут.

— Ты расскажешь, что произошло? — спросил Лотар.

— Конечно, только не прогоняйте меня.

Как-то мы уж очень сухо разговариваем с человеком, который только что сумел избежать верной смерти, подумал Лотар. Что-то во всем этом было неправильное.

Завад попытался встать на ноги.

— Что угодно, только не отдавайте меня ему... — Взглядом шут указал на замок.

— Теперь все будет хорошо, — заверил Сухмет.

Но хорошо не стало. В трех десятках шагов прозвенела тетива лука, и, прежде чем Лотар и Сухмет успели коснуться земли, тонкая трехфутровая стрела впилась шуту в шею, пробив горло.

Сжав древко стрелы так, словно это могло удержать его жизнь, Завад упал на землю. Судорога исказила его лицо, теперь оно не было просительно-испуганным. Это было лицо холодного убийцы и лицедея, жестокая маска лгуна и преступника.

— Зеленый Лучник... — прошептал он мертвеющими губами, изогнувшись в агонии и затаив.

На фоне темных кустов стоял, широко, как на стрельбище, расставив ноги, человек, одетый в балахон, разрисованный темно-зелеными разводами. Заметить его было нелегко, даже Лотару приходилось напрягать зрение.

Его лук в левой руке опустился. Больше он не делал попытки достать стрелу.

— Следующим будет Гильом, — произнес незнакомец и убрал лук в чехол на бедре.

Лотар поднялся на ноги, сунул кинжал в ножны и шагнул вперед.

— Вот и пришла пора узнать тебя покороче, таинственный наблюдатель.

Человек в пятнистой зеленой одежде подошел к телу шута, холодно усмехнулся и посмотрел на Лотара.

— Да, я следил за вами. И действительно, пришла пора познакомиться.

Глава 18

Утренние звезды засыпали небосклон тонким жемчугом, исчезающим в поднимающейся заре, а Лотар, Сухмет и Зеленый Лучник, напившись свежего чая и поужинав так плотно, как бывает, когда разговор не клеится, чего-то ждали.

— Значит, это ты, господин, следил за нами? — спрашивал Сухмет, улыбаясь. Никто, кроме Лотара, не прочитал бы в этой улыбке и следа настороженности.

— Да, я заметил вас, когда вы еще только собирались разделиться с чудовищем на перевале. Кто вам заплатил?

Голос Зеленого Лучника звучал глуховато и неловко, словно он и сам удивлялся тому, как его язык и губы выговаривают слова. Вероятно, он очень давно ни с кем не разговаривал. Впрочем, одет он был чисто и для лесного жителя, пожалуй, шеголевато. А на шее носил даже черный шнурок, на который были нанизаны огромной величины когти местных горных медведей.

Лотар никак не мог решиться исследовать сознание этого человека магическими методами. Такую неловкость перед простым человеком он испытал только однажды, много лет назад, когда,

став Драконьимоборотнем, встретил Рубоса. Но Рубос был друг, а кто этот? Так или иначе, но все определенно свидетельствовало — это был сильный человек, не слабее Рубоса.

Сухмет довольно монотонно, убаюкивая настороженность Зеленого Лучника, стал пересказывать, как их нанял Покуст, потом, еще скучнее, об их договоренности с князем. Когда он перешел к их путешествию на перевал, Зеленый Лучник прервал его:

— Дальше я все видел сам. Вы не скрывались. Лучше ответь мне, как вы оказались здесь?

Сухмет вяло и так же тоскливо рассказал про бегство Атольфы, Батенкура и их наемников. Он старательно избегал упоминаний про магический занавес, но гость об этом и сам догадался.

— Значит, вы — колдуны. Потому что они ушли невидимками.

Сухмет посмотрел на Лотара. Драконийоборотень неподвижными глазами глядел в огонь. Сколько же лет этот человек не разговаривал с людьми, если ничего не слышал о Желтоголовом, Охотнике на демонов, слава о котором гремела по всему Западному континенту?

Снова, в который уже раз за вечер, над костром и тремя людьми повисло молчание. Казалось, они могут молчать бесконечно.

— А о том, чем мы здесь занимались, ты тоже знаешь? — спросил Лотар.

— Твой набег на замок? Да, и это я видел.

— Значит, ты знаешь о нас больше, чем мы о тебе.

— Все на свете знают обо мне меньше, чем я обо всех.

— Почему?

Зеленый Лучник, пожав плечами, молчал так долго, что Лотар решил, что он и не собирается отвечать. Наконец он разомкнул губы:

— Когда-то у меня было человеческое имя. Рыцарь Полард к вашим услугам, господа. Но потом мне пришлось уйти из Пастарины, где жила моя любовь и где собирался с ней жить и я, после свадьбы, разумеется. С тех пор я знаю больше, чем кто-либо знает обо мне.

— Почему ты ушел? — спросил Сухмет.

— Гильом хотел меня убить. Он сделал полдюжины попыток, но я уцелел. Но потом он связался с кем-то, кто мог это сделать наверняка, с кем мне невозможно было сражаться. И пришлось уйти.

— Этого колдуна звали Атольфом?

— Так он прозывался в наших краях. До того, как он объявился тут, его звали иначе.

Сухмет кивнул: это была обычная тактика наемных колдунов. Отчасти этим объяснялось то обстоятельство, что на самом деле колдунов, даже таких средних, как Атольф, было гораздо меньше, чем думали простые люди.

— Сейчас он здесь. — Сухмет кивнул в сторону замка.

— Я знаю.

— Когда это было? — Сухмет взял инициативу в свои руки.

— Лет десять назад. Может, восемь. Я потерял счет годам.

Лотар посмотрел на Сухмета. Тот кивнул. Это прекрасно вписывалось в срок, необходимый для выращивания Чунду.

— Из-за чего ты поссорился с Гильомом? — спросил Лотар.

На сей раз Зеленый Лучник еще меньше торопился с ответом, чем раньше. И все-таки решил ответить, потому что, в противном случае, не мог рассчитывать на доверие. А каким-то образом он нуждался в доверии Лотара и Сухмета.

— Гильом похитил мою невесту. Сейчас он держит ее в Ожерелье, потому что боится меня, боится моей мести. Я не могу мстить, потому что она в его руках.

— Как ее имя?

Теперь Зеленый Лучник рассматривал Лотара большими, спокойными и глубокими глазами. В них застыл такой холод и такая отдаленность от всего, чем жили люди, что Лотару стало ясно — перед ним уже не совсем человек. Перед ним сидел демон, хотя в нем и не было тренированной магической силы.

— Ты что-то узнал, когда ходил в замок?

— Имя?

— Велирия.

Лотар не выдержал его взгляда и отвернулся.

— Ты можешь больше не ждать.

Зеленый Лучник взял в руки палку толщиной со свою руку и помешал угли перед собой.

— Говори, я должен знать.

Зеленый Лучник сидел неподвижно, но когда Лотар дошел до эпизода, когда Гильом ударил концом алебарды, палка в его руках с резким треском сломалась. Когда Желтоголовый кончил, он произнес:

— Значит, Гильом ничего не сумел с ней сделать. Она всегда была сильной.

— Мне показалось, они сломали ее. — Лотару не хотелось этого говорить, но он счел за лучшее не внушать этому человеку никаких иллюзий. Точность всегда и везде была лучшей тактикой. Та точность, которая была синонимом правды.

— Нет, ты не понимаешь. Если бы они ее сломали, она не прикрыла бы тебя.

Больше Лотар не хотел говорить об этом. Он выпрямился и налил себе чаю. То же сделал и Зеленый Лучник, потом он спросил:

— Ты возьмешь меня с собой, когда в следующий раз пойдешь в замок?

— Я не собираюсь больше идти в замок, — ответил Лотар. — Я ходил для того, чтобы встряхнуть кувшин с пауками. Теперь нужно ждать.

— К тому же ему нужно восстановить силы, — вмешался Сухмет.

— Правильно, — кивнул Зеленый Лучник. — Я думал, ты умрешь, когда увидел тебя вчера.

Лотар хмыкнул:

— Я и сам так думал, а теперь вот...

— Ты же колдун. — Зеленый Лучник допил чай. Судя по всему, заварка Сухмета ему очень нравилась.

Он мог бы стать нам другом, подумал Лотар. И не бесполезным спутником, а таким, у кого и поучиться чему-нибудь не грех. Например, поучиться лесу...

— Значит, я сам, — сказал он.

— Что сам? — изумился Сухмет.

— Сам пойду в замок.

— Ты с ума сошел, Полард? — От удивления безупречно вежливый Сухмет даже забыл, как нужно обращаться к человеку рыцарского достоинства. К счастью, Зеленый Лучник так давно не общался с людьми, что разучился придавать значение этикету. — Лотар — колдун, оборотень, лучший боец на всем континенте, если не на всех четырех континентах мира. И то он вернулся... Сам видел, каким он вернулся. Ты же не вернешься совсем.

— Я и не стремлюсь вернуться.

— Тогда зачем идти?

— Потому что больше он не может причинить ей вред.

— Ты так его ненавидишь?

Лучник удивился:

— Ненависть растаяла давно, много лет назад. Но это мой долг, и его нужно исполнить до конца.

— А зачем ты убил Завада? — быстро спросил Сухмет. — Он бы мог многое рассказать.

— Завад был с тем, кого вы зовете Атольфом, много десятилетий назад. Он не мог убежать от колдуна, как не может от человека убежать его язык. Он был послан для того, чтобы предать вас. Знакомый прием, так погибли мои друзья, так они похитили Велирию.

Лотар посмотрел на Сухмета. Сомнительно, очень сомнительно. В конце концов, они тоже не новички. Они бы проверили Завада, да так основательно, как Атольфу и не снилось. И если бы ушута были злые умыслы, они бы без труда прочитали их.

Вот если бы Атольф закодировал поведение Завада и даже сам шут не знал бы, что он делает, когда придет определенный день или час, тогда... Да, теоретически такое было возможно. Лотар прочитал это соображение в сознании Сухмета и увидел, что старик кивнул.

Каким-то чутьем, которое в нормальном человеке было необъяснимой тайной, Зеленый Лучник понял, что они договорились и поверили ему. Он даже сделал слабую попытку усмехнуться, чтобы отметить свою победу.

— То, что я сделал, было необходимо. Иначе он убил бы вас... Ну, я пойду.

Он встал, поправил колчан со стрелами на спине и короткий, широкий меч на бедре.

Заря стала яркой, а пепел костра — серым. Угли больше не переливались красным огнем. С озера подул тихий, нежный, как первый солнечный луч, ветер. От этого дуновения сережки ореш-

ника дружно качнулись, словно соглашаясь со словами Зеленого Лучника.

— Я бы на твоём месте все-таки не торопил события, — сказал Лотар. Он так и не решил, стоит ли ему придержать этого человека или лучше остаться в стороне. Конечно, оставшись в стороне, он себе потом места не найдет от угрызений совести. Но и идти с человеком, до такой степени равнодушным к жизни, тоже не хотелось. — Нужно подождать. Ты ждал довольно долго, неужели несколько дней что-то могут изменить?

— Могут. Они могут изменить мое отношение к самому себе. Могут изменить смысл моих поступков в прошлом, смысл моей жизни.

Для молчальника, с некоторым раздражением подумал Лотар, он слишком красноречив. Но, может быть, он просто говорил то, что думал.

Внезапно в отдалении послышался натужный скрип. Все трое замерли. Сухмет схватился за посох Гурама, который по-прежнему торчал за его спиной в закамуфлированном до неузнаваемости виде.

— Они опускают мост, — догадался Лотар.

— Значит, к этому времени Завад уже должен был выполнить свою работу, — сказал Зеленый Лучник.

Лотар надел свою сбрую и самые легкие доспехи. Сухмет подпоясался Утгелой, каким-то образом не выпуская посох Гурама из рук. Зеленый Лучник смотрел на эти сборы слегка недоверчиво, но с одобрением.

— Скорее, — поторопил Сухмета Лотар. — Мы должны их встретить на мосту, чтобы они не использовали численный перевес.

— Ты еще слаб, мой господин, для настоящей битвы, — запротестовал старик, застегивая пряжку.

— А вот это мы скоро проверим, — ответил Лотар и оглянулся на Зеленого Лучника. — Ну, пойдем посмотрим, что они задумали на этот раз.

Глава 19

Мост уже был опущен, и ворота открылись на всю ширину. Лотар вышел на расчищенное от кустов место перед неподвижной частью моста и почувствовал, что Зеленый Лучник держится рядом, у левого плеча. Он решил, что прятаться больше не стоит. Сухмет почему-то отстал.

Из замка стали появляться люди. И тотчас Лотар расслышал тонкие, едва заметные переливы колокольчика. Он удивился, потому что давно его не слышал, а тут, в такое неподходящее время...

Здесь были все, кто только был в замке. Впереди ехали всадники на сильных, хорошо откормленных жеребцах, способных опрокидывать грудью не очень крепкие деревья. За ними выступали пехотинцы. Их вооружение было разнобойным и не очень вну-

шительным. Лотар не понял, в чем дело, пока Сухмет не произнес высоким от напряжения голосом:

— Они вооружили даже слуг.

Итак, против Лотара, Сухмета и Зеленого Лучника выступили все, кто только был в подчинении у Гильома. Лотару показалось, что лишь двое людей на колесах подъемного механизма моста остались в замке. И почему-то трое господ — Атольф, Гильом и Батенкур.

Они стояли на площадке надвратной башни, и Лотар без труда читал выражение их лиц — злоба и свирепая, жестокая радость, что теперь все сложилось в их пользу и скоро решится окончательно.

В самом деле, подумал Лотар, может быть, отступить и попробовать перебить их в лесу, когда они не будут стоять такой плотной и организованной массой? Тогда их всех и убивать, может, не пришлось бы. Нет, вряд ли. Да и поздно — Атольф уже поднял руки, чтобы творить свои заклинания, значит, им не удастся скрыться от погони, которую будет все время направлять колдун, и боя по выбору Лотара не получится.

Здесь даже лучше, их можно встретить на мосту... Вернее, можно было бы, если бы не эти мощные, стремительные кони.

Лотар и сам не заметил, как оказался перед самым настилом моста. Теперь от его ног вперед шло около сотни ярдов тугих досок, уложенных на сваи, что вколоты в несущуюся в пропасть воду, и еще столько же — подъемного моста.

Лотар посмотрел на воинов Гильома. Они остановились, выстроившись в ряд по три всадника — на всю ширину настила. Они стояли неподвижно, разглядывая легковооруженного светловолосого юношу, который, в свою очередь, рассматривал их. И этого вот демона они так боялись, что даже не сумели разыскать позапрошлой ночью в замке? Чушь, он и на воина-то не похож, так, танцор какой-то, или пастух, или просто бродяга, каких много попадает на любой дороге в любое время года. Даже странно, что о нем идет по всем странам такая грозная слава.

Лотар видел, как их лица наливаются презрением и высокомерием. Они уже не боялись его. Лишь самые опытные понимали, что этот мальчишка, в одиночку сразивший всех пауков на перевале, пробравшийся через все посты и охрану замка, как иголка проходит через кисею, не может не быть опасным, очень опасным бойцом.

Жаль, подумал Лотар. Среди них есть несколько неплохих ребят, по ошибке выбравших не ту сторону. И все-таки придется биться. На этот раз — до смерти. Он медленно, словно боялся спугнуть бабочку, присевшую ему на ладонь, поднял руку и вытащил Гвинед, прошуршавший, как ночная змейка на охоте. Великолепный полированный клинок ослепительно заиграл в лучах утреннего солнца.

Над толпой воинов пробежал шелест высвобождаемого оружия. Вызов был принят. Интересно, подумал Лотар мельком, кто в таком случае на кого нападает? Боюсь, что многие из них умрут,

так и не разобравшись в этом. А ты сам, подумал он, ты сам разберешься или тоже не успеешь?

Ни Гильом, ни Батенкур не давали сигнала к атаке, и послушные воины ждали. Они были действительно совсем неплохо выучены. Колокольчики стали наливать противным, решительным тоном.

Атольф поднял руки ладонями вверх, собирая энергию в шар перед собой, который уже ясно начинал светиться даже в прямых солнечных лучах. Какова же там энергетика? Хватит ли у меня реакции ускользнуть от нее? Ответ на этот вопрос Лотар уже знал: скорее всего это будет невозможно. Тогда на что надеяться?

Атольф начал читать заклинание, шар засветился и стал расти в объеме. Да, это не жалкий выстрел из катапульты. Это было поражающее оружие, способное раскалывать скалы и сносить с фундамента дворцы. Шар рос, становясь в диаметре больше, чем рост человека. Он еще не начал двигаться, но уже воздух потрескивал под его голубыми боками. Иногда в стороны от него отлетали короткие и узкие молнии — оболочка, сотворенная Атольфом, уже не удерживала всю энергию.

Главное, восстановиться после первого удара, думал Лотар, пристально всматриваясь в колдуна. Если они не сумеют атаковать одновременно сферической молнией и своими солдатами, у него будет шанс. Главное, успеть оклематься до подхода этих огромных коней и всех остальных дурней.

Ах да, он забыл, что на этот раз дерется не один. Он покосился на Поларда и сказал уголком губ:

— Сейчас будет магическое нападение, тебе лучше отойти назад, им нужен я.

— Ты думаешь, я могу бросить тебя?

— Лучники всегда стоят за главными силами. — Нет, выглядит неубедительно, какая он главная сила. — Хорошо, дай мне только заблокировать выпад его магической сферы, а потом подойдешь и поможешь мне расправиться с остальными.

На это Зеленый Лучник даже не ответил. Просто достал стрелу из колчана, внимательно, словно видел впервые в жизни, осмотрел наконечник и лениво, точно речь шла не о его жизни, вытащил лук.

— Ты что, не слышишь? Ты не переживешь удар того шара, который творит колдун.

— Я попробую его остановить своим способом.

— Одним выстрелом из лука его не взять. Нужны сотни стрел, и все они должны быть сделаны из металла.

— Но ты на что-то рассчитываешь?

— Я колдун, ты это знаешь.

— Вот и прикрой меня.

Лотар только вздохнул. Он знал, что скорее всего ему не хватит сил выдержать удар, а тут еще этот не в меру хладнокровный лесовик...

Внезапно он увидел, как что-то невидимое и прозрачное, что даже не отбрасывало тени, а только чуть-чуть сгущало цвет воды

и неба, поднимается от моста в десятке туазов впереди, становясь ряд за рядом все выше. Это создавало перед ними экран, который едва был способен заметить даже Лотар. Он оглянулся.

Сухмет стоял на том конце поляны и держал обеими руками посох Гурама. Он даже не глядел в сторону предстоящей битвы — он просто стоял столбом, как пастух, которому надоело смотреть на свое стадо.

И тогда Атольф опустил руки и что-то закричал. Лотар не услышал его за шумом водопада, но увидел, как напряглись вены на его шее. И тотчас передние воины тронули своих коней. Потом дружно, как на тренировочной выездке, дали шпоры.

Мгновение спустя вся эта конница, а за ней и все пехотинцы двинулись по мосту, отозвавшемуся треском и грохотом. Но мост держался, и не было никакой надежды, что случай поможет Лотару.

А Атольф сделал обеими руками толкающее движение, и огненный голубой шар двинулся вперед, все вернее, как и кони на мосту, набирая скорость. Только он летел быстрее, чем кони. Вот он пронесся над передними всадниками, вот обогнал их...

Итак, Атольф все рассчитал правильно, почти идеально, он сначала ударит Лотара своей сферой, а потом, когда он еще не придет в себя, если вообще останется жив, его атакуют все воины Гильома. Да, что бы они ни говорили вначале, это был достаточно грамотный противник, вполне понимающий свои выгоды и не упускающий ни одной мелочи.

Колокольчики гремели неимоверно. Лотар встал в позу минимальной стойкости и приготовился ускользнуть при первом же прикосновении той воздушной подушки, которая двигалась впереди шара. Пусть она опрокинет его, пусть раскатает по земле, пусть зашвырнет на сотню футов назад или вбок. Главное, чтобы шар разрядился в пустоту.

— Беги! — закричал он Поларду, надеясь, что тот последует его приказу не раздумывая.

Но Зеленый Лучник лишь медленно поднял лук, наложил стрелу и, отставив назад ногу, стал натягивать тетиву. В его спокойствии было столько красоты, что Лотар с острым сожалением подумал, что зря он по-настоящему так и не попытался спасти его. А теперь Полард должен погибнуть, в общем-то, ни за что.

Всадники на мосту привстали в стременах, почти никто из них даже не опустил забрала на шлемах. Они были уверены в своей победе и сочли это излишним. Да и что мог один мальчишка с мечом и лучник с легкой стрелкой против лавины закованных в сталь бойцов и магической силы самого могучего в здешних краях волшебника?

Шар вдруг начал свистеть. Он словно бы падал теперь с большой высоты, поднимая свист до такой пронзительной ноты, что закладывало уши...

Полсотни ярдов, полсотни футов, вот сейчас будет удар... Только бы пережить его, только бы... В этот момент Полард выстрелил. Стрела ушла в густой воздух, но...

Ослепительная вспышка возникла так близко и неистово, что

Лотар присел, выставив Гвинед, помимо воли, в защитном блоке. Но никакого удара не последовало. Вся энергия шара Атольфа размазалась, как по прозрачному стеклу, по той едва заметной защите, которую выставил перед Лотаром и Зеленым Лучником Сухмет. Огонь полыхнул и стал медленно таять.

Стрела Поларда со стеклянным звоном ударила в то место, где только что полыхало плоское ослепляющее пламя магической сферы, ее конечник сломался, и она бессильно упала на доски. Она отметила раздел двух состояний мира. С этой стороны, где стояли Лотар и Зеленый Лучник, даже пыль на настиле была неподвижна. Но с той стороны...

Лотар уже смотрел туда магическим зрением... По ту сторону занавеса творилось что-то невообразимое. Взорвавшаяся магическая сфера растекалась огненным потоком по доскам моста, по людям, по коням, по открытым воротам замка и даже по тем, кто стоял на надвратной башне. Лотар видел, как эти господа, включая Атольфа, прятали лица, словно от сильного, горячего ветра... Но они, по крайней мере, не загорались.

А вот те, кто стоял ближе, защититься не могли, целиком сгорали, как легкие свечки в пламени огромного камина. Те, кто не превратился в костер, были расшвыряны откатной взрывной волной, возникшей после вспышки. Лотар видел, как в стороне, на расстоянии сотни ярдов, по воздуху летел кто-то, кто уже не был похож ни на человека, ни на лошадь, потому что за ним оставался только темный след из дыма. Он видел, как огромная волна воды, поднятая этим взрывом, вдруг выплеснулась из потока, ударила в стены замка, да так, что дрогнули зубцы на стенах. Он видел, как три или четыре огромных валуна величиной с хороший дом сорвались с края пропасти, где они покоились от начала времен, и рухнули вниз, увлекая за собой лавину камней помельче...

Прошло несколько минут, прежде чем все успокоилось. Лишь оставшиеся редкие балки моста, потрескивая, догорали в лучах солнца. Полард подошел к Лотару и положил руку на плечо.

— Что это было?

— Можно догадаться. — Лотар посмотрел на подходившего к ним Сухмета.

— Нет, мой господин, — ответил старик, даже не улыбнувшись. — На этот раз ты ошибаешься, это не я. Это — посох, причем лишь малая часть той силы, которую мы можем теперь использовать.

Они посмотрели на замок. Он напоминал теперь голую раковину, брошенную на пыльной и грязной дороге. И стены его, и даже башни, с большинства которых слетела черепица, выглядели безжизненно. Нигде не было видно ни одного трупа — огонь и поток воды были чистой и скорой могилой для всех. Но нет... Лотар заметил три или четыре тела, выброшенные на черную скалу, на которой стоял сам замок.

Лотар присмотрелся: они пролетели по воздуху все это расстояние, и удар о скалу, должно быть, был таким же, как если бы они упали со стен замка.

— Даже герб над воротами сорвало, — сказал Сухмет. — Он оказался не очень крепким, должно быть, из гипса.

Действительно, герб над воротами рассыпался. Лишь пара ржавых крюков осталась на его месте. И хотя он был сделан, конечно, не из гипса, а из великолепного мрамора, ему это не очень-то помогло.

— Это хорошо, — сам себе ответил Сухмет. — Очистилось место для герба следующего владельца.

— Еще нет, — сказал Полард. — Они наверняка уцелели.

— А вот это, — решил Лотар, — необходимо проверить.

— Когда? — лаконично спросил Зеленый Лучник.

— Как только ослабеет огонь на мосту.

Глава 20

Они лежали на траве, пока огонь на мосту не стал слабее. Пламя угасло быстро, потому что его сбили порывы неведь откуда появившегося ветра, срывающего плотные заряды брызг с водяных бугров, что поднимались над валунами. Они частым, дробным дождем обрушивались прямехонько туда, где что-то оставалось от моста.

Лотар с удивлением посматривал на Сухмета, но старик вел себя как ни в чем не бывало, лишь чуть сильнее, чем всегда, сжимал посох Гурама. Где-то над ними пел жаворонок, которому удавалось перекрывать даже рев водопада.

— Если ветер так и дальше будет гасить пламя, нам останется только перепрыгивать с дощечки на дощечку, — сказал Зеленый Лучник.

— Некоторые из них все-таки прогорели больше, чем хотелось бы, — ворчливо проронил Сухмет.

— Ничего, боковые балки не сгорели и на четверть. По ним и пойдём.

Действительно, продольные боковые балки, сделанные из мореного цельного дерева, лишь кое-где обуглились, но выглядели несокрушимо прочными.

— Они неширокие, — зачем-то сказал Сухмет.

— Старик, — Зеленый Лучник попытался улыбнуться, — мы находимся в горной стране. По этим балкам пройдут даже местные лошади.

— Может быть, придумаем что-нибудь другое? — подал голос Лотар. — Например, ты говорил о воздушном мосте...

— Нет, — решительно сказал Сухмет и кивнул в сторону Поларда: — Он не поверит и не сможет по нему пройти. Это, как все в иллюзорной магии, построено на вере.

Полард внимательно посмотрел на Лотара:

— Что такое воздушный мост?

Лотар, как мог, пояснил. Зеленый Лучник некоторое время раздумывал над услышанным, потом вздохнул:

— Сухмет прав, я не смогу по нему пройти. Слишком долго я

думал, что все беды из-за колдовства, и не доверял колдунам. Но если вам так проще, идите по своему мосту, а я попробую по этому.

— Нет, пойдем вместе, — решил Лотар.

Ветер, загасивший огонь, так же внезапно стих. Теперь между берегом и Ожерельем лежали черные от огня, но вполне проходимые остатки моста, по которому можно было добраться до ворот замка.

Зеленый Лучник поднялся и стряхнул травинку, приставшую к шаке.

— Тогда пошли. Я уже заждался.

Сухмет упруго вскочил и мгновенно впрягся в сумку с вещами и колдовскими книгами. Лотар поднялся медленно, потянулся, проверяя каждую мышцу, каждую связку. Он так и не разобрался, может он драться или еще нет.

Конечно, когда на него неслась вся лавина наемников и стражников из замка — деваться было некуда, он и не думал о том, что может быть не готов. Но теперь, когда у него есть выбор, он снова не хотел убивать. Да, именно убивать. Чутье подсказывало ему, что драться придется, хотя это и не будет настоящим боем, а... Казню? Все равно, лучше бы люди сами исполнили это, ведь это уже их дело — наказать виновных...

Люди, человеческое, человек... Он тоже из рода людей, и никто не отнимет у него этого. Лотар проверил, хорошо ли вынимается кинжал из ножен, и кивнул:

— Хорошо, пойдем.

Подхватив свою сумку за лямки, легко балансируя чуть напряженными плечами, Лотар ступил на балку моста. Через нее перелетали редкие брызги. Наверное, так было и раньше, когда мост был целым. Вода стоит высоко, подумал Лотар, паводок. Хрустящая корка черного угля неверно проминалась под ногами. Стоило чуть-чуть ошибиться, и несущаяся внизу вода мигом утащит в водопад.

Нет, пожалуй, я все-таки пройду, решил Лотар. Сухмет тоже. А вот Зеленый Лучник? Не поворачивая головы, Лотар попытался определить, что чувствует их неожиданный союзник. Пожалуй, он идет даже лучше Лотара. Молодец, решил Лотар, как ни странно, на него можно положиться. Когда все кончится, надо будет предложить ему...

Темное, едва заметное облачко смерти появилось в восприятии Драконьего Оборотня. Это было даже не предупреждение, а что-то странное, как воспоминание о том, что еще не произошло, воспоминание о будущем. Ладно, если не надо об этом думать, не буду, решил Лотар. Но отныне он не выпускал Зеленого Лучника из поля своего пристального, хотя и неявного внимания.

Мостовые доски, на которые он иногда ступал, качались под ногой. Лотар снова удивился той энергии, которую собрал Атольф, и эффективности защиты, которую использовал Сухмет.

А ведь мы сейчас очень хорошая мишень, подумал Лотар. Даже

если у Атольфа больше нет сил для магического нападения, можно ударить из арбалета или из лука. Он внимательно осмотрел стены, высоко поднимающиеся над ними. Нет, никого не видно, замок словно вымер.

В конце моста доски стали крепче, Лотар ступил на них с удовольствием. Идти стало проще. Лоснящиеся камни у воды сделались черными там, где по ним прокатился огненный шквал. Еще полсотни футов, и стены закрыли солнце, тень казалась очень насыщенной, как кахайская тушь.

Между створками ворот был зазор в пять футов. Лотар быстро просмотрел, нет ли какой-нибудь неожиданности в замковом дворе. Что-то было у противоположной стены, но опасности не представляло. Тогда он проскользнул в ворота и даже не стал прижиматься к стене.

Первый двор был пуст. Теперь им предстояло пройти между вздымающимися глухими стенами на противоположную, восточную сторону замка, чтобы миновать следующие ворота. Место для засады было идеальным, но засады не было. Все-таки Лотар восстановил в памяти заклинание мгновенной невидимости. Наверно, это было очень глупо, потому что Сухмет сзади, не стесняясь, громко хмыкнул. Эхо, отозвавшееся по всему двору, между этими голыми и высокими стенами, сделало звук очень долгим.

— У них никого не осталось, мой господин. Взгляни.

Теперь и Лотар заметил тела стражников, которые силой взрыва были сброшены с надвратной башни. Толчок был так силен, что они долетели до основания противоположной стены. Их было четверо.

— Расчет катапульты? — спросил Зеленый Лучник.

Сухмет кивнул.

А где сама катапульта? Лотар поднял голову. Она висела, чудом зацепившись за какой-то крюк, торчащий из стены.

— Может, сбить ее оттуда? — предложил Сухмет.

— Этим займются те, кто придет потом, — решил Лотар.

Засада не имеет смысла, если у них нет людей, чтобы навалиться разом. Значит, они где-то впереди, ждут. Просто ждут. Лотар подумал было накрыть весь замок вниманием, чтобы выяснить, действительно ли здесь не осталось никого, кроме тех, кто ждал их впереди, но решил не тратить силы. Это тоже будет делом тех, кто придет следом за ними.

Они дошли по редкой брусчатке до вторых, восточных, ворот и вступили в главный замковый двор, в котором находился зиккурат. Осталось совсем немного, решил Лотар. Войти в это здание, крикнуть и подождать, пока они выйдут.

— Я так и думал, — сказал вдруг Сухмет и указал на плоскую, казавшуюся не очень даже высокой башню слева, со стороны водопада. Мгновением позже Лотар тоже увидел их.

Три головы были видны над невысоким внутренним парапетом. Они стояли в ряд, разглядывая пришельцев вниз, в их позах не было ни тени страха. Гильом, Атольф и Батенкур.

— Очень хорошо, — сказал Зеленый Лучник, направляясь к

внешней каменной лестнице, ведущей на башню. — Гильом мой. Не трогайте его, даже если будет возможность дотянуться.

Сухмет снова хмыкнул. Что-то он развеселился, удивился Лотар, последовав за Зеленым Лучником.

— Мне придется сейчас немного подурочиться, мой господин, вот я и готовлюсь.

— Почему? — спросил сэр Полард.

— Колдун, который дерется, как простой солдат, человеческим оружием и мускулами, попадает, как и каждый воин, на суд божий. Но если он будет захвачен и умрет, когда обратится к магическому мастерству, его душа падет на самое дно демонской ямы и скорее всего уже никогда оттуда не выберется. — Сухмет с прищуром посмотрел вверх, где их ждали господа из Ожерелья. — Нет, он слишком слаб и подвержен соблазнам, он точно никогда не выберется. Нужно только заставить его применить хоть какой-нибудь магический трюк, и тогда...

— Разве ты не собираешься вступить с ним в колдовской поединок? — спросил Лотар.

— Я-то собираюсь, а он — не очень. Ведь посох у меня. Поэтому придется... Впрочем, посмотрим.

Они поднялись выше стен, и снова стало видно озеро, лес на берегах, а шум водопада стал громче. Лотар ожидал, что их атакуют, когда они только-только высунут головы над площадкой башни, но им дали возможность подняться.

Лотар ступил на ровные каменные плиты первым, обогнав чуть запыхавшегося после долгого подъема Зеленого Лучника. Прямо перед ним висела, переливаясь, словно зримое чудо жизни, радуга. Она закрывала нижнюю половину долины, но Лотар не приглядывался. Его интересовали противники.

Гильом, Батенкур и Атольф. Все в доспехах, вооружены для тяжелого боя. У Гильома был очень неудобный на вид полуторный меч: вероятно, он рассчитывал больше на силу, чем на ловкость. Атольф собирался сражаться обычным палахом, выигрышным в рубящей технике. Батенкур держал в правой руке тонкий и длинный кончар, а в левой — короткую дагу с узким лезвием и сложной, плетеной гардой для защиты руки и возможного захвата клинка противника.

Без сомнения, Батенкур был самым опасным. И что-то было изготовлено этим гигантом, этим убийцей с тридцатилетним опытом. Но Лотар даже не вчитался в его неясный план.

Они стояли на плоской верхушке башни, трое против троих. Неожиданно Гильом заговорил:

— Если вы дадите нам уйти, мы оставим вам все, что есть в подвалах. Это очень много, гораздо больше, чем вы представляете. Возможно, это больше, чем любой выкуп, заплаченный когда-либо во всем мире.

Вот на что они рассчитывали — на жадность и... глупость?

— За деньгами скоро придут.

— Возьмите часть, возьмите столько, сколько сможете унести.

Вы наемники, вы деретесь за деньги. Вот и берите, я отдаю ключ от моего подвала...

— Похоже, твоего тут уже ничего нет, — сказал Лотар.

— Мы не сдадимся без боя, несмотря на... — Гильом бросил быстрый взгляд на посох Гурама в руках Сухмета. — Лучше бы нам договориться.

Значит, они понимают, что проиграли, но готовы драться. Да, это бойцы. Что ни говори, а трусами их не назовешь. Неожиданно подал голос Зеленый Лучник:

— Посмотри на меня, Гильом. — Он помолчал, желваки туго заходили у него под кожей. Потом он взял себя в руки и закончил почти спокойным голосом: — Посмотри внимательно. И вспомни.

Гильом всмотрелся в человека, который стоял перед ним, потом вдруг сделал произвольный жест, выставив перед собой оружие. Его дыхание стало бурным, краска схлынула с лица.

— Ты должен быть мертвым.

— Ты и твои люди все-таки не сумели этого... Хотя вы очень старались.

— Значит, Зеленым Лучником, Защитником Леса, или что еще там придумывал сброд, был ты?

— Ты не уйдешь отсюда, Гильом. Пришел час расплаты.

Гильом быстро посмотрел на Лотара:

— Сила у тебя, наемник. Если мы в пятером нападём на него, он пропал. И тогда тебе, Желтоголовый, достанется больше... Подумай, ведь ты бьешься только с нечистью, а я человек, и они тоже...

Зеленый Лучник даже не повернул в сторону Лотара голову. Похоже, он не опасался предательства. Это было даже не доверие, это была какая-то предрешенность.

— Я бьюсь с нечистью, — сказал Лотар. — Но ее немало и среди тех, кто называет себя человеком.

Все, хватит. Движением одной кисти он достал кинжал. Переложил его в левую руку, потом в правую. Ощущать его почти невесомую силу было очень приятно.

Гильом еще что-то говорил, когда Зеленый Лучник бросился на него с неожиданно появившимся у него в руке прямым и плоским горским мечом. Они не успели даже ударить друг друга, как Батенкур крутанул чем-то над головой, и это понеслось на Лотара.

Это были боло. Черные шарики, увязанные воедино хитрыми петлями, туго свистнули в воздухе, но там, где они должны были найти жертву, Лотара не оказалось, и они покатались по камням. Теперь Батенкур не мог их вернуть, потому что подтащить назад не успел. Одним движением от плеча Лотар рубанул по шнуру, натянувшемуся сбоку от него, и с удовлетворением почувствовал, как сталь одолела шелк.

Теперь Батенкур выставил вперед два своих клинка и попробовал зайти на Лотара от солнца. Желтоголовый усмехнулся и встал на его пути. Батенкур несколько раз взмахнул своим кончаром, но это не были даже выпады, он просто рубил воздух.

Он был солдатом — возможно, неплохим, и потому иногда ста-

рался исполнить свой долг чересчур старательно. Он впитал грубую логику войны чересчур прямолинейно... Лотар поймал себя на том, что привычно оправдывает противника. Не нужно, все предreshено, сказал он себе, но атаковать этого большого, сильного, полного жизни человека не мог. Слишком велика была разница в способности убивать у него и у этого дурака, который хитрит, не подозревая, что все хитрости Лотар сразу же считывает из его сознания.

Может быть, стремление оправдать Батенкура есть стремление оправдаться самому? Ведь если этот полубандит, совершив все, что он совершил, кажется младенцем, какова же степень зла, заложенного в меня? А я не хочу этого, не хочу зла, и потому пытаюсь оправдать его, чтобы остаться... Кем?

— Ну что, мальчишка, так и будем друг на друга пялиться? — разжал сухие губы Батенкур. — Доставай меч.

— Против тебя мне меч не нужен.

— Вот как?

Он прыгнул вперед и нанес удар сверху вниз. Уходя влево, Лотар с сожалением подумал, что он и прыгнул-то как воробей, по высокой и чересчур размашистой дуге. От него и уходить было легко.

Кончар чиркнул по камням. Он даже не удерживал свои удары, если они не достигали цели. Убивать его становилось все труднее.

— Дерись, демон, дерись!

— Ты достань меня сначала, а потом я посмотрю, стоит ли отражать твой удар.

Батенкур вытер пот со лба. Странно, еще мгновение назад он казался спокойным, а сейчас стало видно, что он жутко, панически боится.

Он сделал еще несколько уколов, потом попробовал захватить Лотара довольно прямолинейной связкой боковых секущих и лобовых тычковых ударов. Через боковые Лотар перепрыгнул, а от прямых отошел в сторону. Пожалуй, этот хваленый Батенкур дерется куда хуже, чем можно было ожидать. Они здесь в горах вообще-то не очень, решил Лотар. Рубос, славный честный Рубос со своей южной подготовкой, был бы здесь королем.

Батенкур сделал какой-то обманный трюк, но обманул, похоже, самого себя, потому что, рубанув там, где полагал найти Лотара, чуть не свалился на плиты, по крайней мере, одна нога у него подвернулась.

Уже трижды Лотар мог без малейшей для себя опасности поразить Батенкура в шею, подмышку и в разрез между передней и задней половинками панциря. И не мог совершить еще и это убийство. Но тогда...

Взгляд Лотара вдруг сфокусировался на левой руке Батенкура, где у него была почти бесполезная с его-то техникой дага. Она блестела на солнце, она сверкала медным блеском гарды и темно-синим отсветом клинка. А сам клинок... был трехгранным. Это было редкостью, скорее всего Батенкур использовал такое

оружие один на всю долину. А это значило, что купца с посудой на перевале добил ударом снизу именно Батенкур.

Лотар вспомнил неподвижное, белое от мороза лицо убитого и трехгранную звездочку, запекшуюся черной кровью. Он перевел взгляд на Батенкура. Тот заподозрил что-то неладное и непроизвольно отступил на шаг. А дело было в том, что теперь Лотар мог убить его.

Спокойно, потому что все было решено, Лотар вогнал свой кинжал в ножны.

— Что это значит? — Голос Батенкура звучал хрипло.

— Помнишь купца, которого ты добил вот этим клинком на перевале ударом под подбородок?

— Ха, мальчишка, я много кого добивал. Тебе и не снилось, скольких...

— Теперь этому пришел конец.

— Правда? И ты справишься со мной без твоего кинжалчика?

— Не стоит поганить мою сталь, ты умрешь от своей.

И Лотар впервые сделал шаг в сторону Батенкура. Тот тут же ударил его кончаром в грудь. Лотар шагнул влево, поднимая темп восприятия, потому что теперь ему нужна была скорость.

Батенкур еще не вернулся в оборонительную позицию, а Лотар уже был давно готов. В его восприятии рука противника медленно, словно в тихой воде, только собиралась плыть назад и находилась на расстоянии всего-то пяти футов. Лучшего и желать было нельзя.

Лотар повернулся на месте и ступней, сложенной в рубящую позицию, ударил противника в локоть. Медленно послышался треск ломаемого сустава, кончар вылетел из бессильной ладони и, плавно вращаясь на солнце, полетел вверх. Лотар подсел под сломанную руку и ударил кулаком в плечевой сустав вверх и немного на себя. Батенкур низко и страшно застонал, потому что вся кость вышла из суставной сумки и теперь висела только на мускулах. Правая рука противника была обездвижена.

Но он не был бы воином, если бы не умел преодолевать боль. Леая рука у него пошла вперед, целясь в незащищенный бок Лотара. Желтоголовый почувствовал это и признал, что действовал Батенкур правильно.

Но для Лотара, с его теперешней скоростью восприятия, это движение было чересчур медленным. а значит, неопасным. Да и мог ли один человек вообще быть ему опасен?

Лотар перехватил руку Батенкура чуть повыше кисти, волнообразным движением перевел ее вверх, одновременно выворачивая и приседая под нее... Положил на плечо так, чтобы локоть пошел на излом. Батенкур закричал уже в голос, на губах у него выступила кровь: должно быть, он прокусил губу.

Лотар встал в рост, рука Батенкура сломалась, как сухая деревяшка. Пожалуй, резкости Лотару хватило не только на локтевой сустав, но и чтобы сломать лучевую кость перед запястьем.

Дага Батенкура расслабленно поникла в воздухе. Дело было сделано. Прежде чем выйти из тесного контакта с противником,

Лотар взял дагу за плетение гарды и сдернул ее с беспомощной руки, как снимают чересчур большую перчатку.

Потом он вернул свое восприятие ближе к нормальному. Батенкур стоял, пытаясь одновременно прижать к себе обе руки. На лице у него застыла гримаса боли. Но сейчас время жалеть кого-то уже прошло.

— Ты умрешь, Батенкур, и твое имя никто не вспомнит без ругательства. Стоило ли так жить? Вспомни всех, кого ты убил по глупости, по жадности, по равнодушию. Вспомни, я могу подождать.

Но тот не мог ничего вспомнить, его глаза были затуманены болью, и в них не читалось уже ничего человеческого. Боль каким-то образом подняла все то звериное, что было в нем, и этого оказалось в избытке.

Лотар пожал плечами. Тогда все.

Он сделал обманное движение правой рукой, Батенкур дрогнул и дернулся назад, на левую руку Лотара, которая сжимала трехгранный клинок. И глаза Батенкура были зафиксированы на правой руке Лотара, поэтому он не увидел, как этот клинок взлетает вверх, к его подбородку.

Удар оказался легким, почти без нагрузки. Клинок вошел в шею Батенкура снизу вверх и дошел до мозга, не задев ни одного крупного сосуда, эта рана не должна была сильно кровоточить.

Лотар сделал шаг назад от обмякшего тела и выронил ставшую ненужной дагу. Батенкур еще стоял, когда он отвернулся и посмотрел вниз, в сторону моста. Там появились всадники. И впереди всех мчался огромный, чем-то похожий на Батенкура человек, белое лицо которого наискось перечеркивала черная полоса. Это был Принципус с дружинниками князя Веза.

Батенкур грохнулся на каменные плиты со скрежетом и звоном доспехов. Лотар посмотрел на Зеленого Лучника и Гильома. Они были примерно равны по силам, и их поединок должен длиться еще довольно долго. Пока их мечи звенели твердо и жестко, как раскаты летнего грома в грозу.

А вот Сухмет вообще не бился. Он валял дурака. Один раз Лотар это уже видел, когда Сухмет только повстречался им и Рубос накинул на него с огромным ятаганом, пытаясь достать этого неуловимого и легкого, как муха, старичка. Вот и сейчас Сухмет сделал вид, что выронил свою саблю... Она зазвенела, старик наклонился, чтобы поднять ее, и как раз тогда, когда Атольф попытался разрубить ему грудь.

Тогда Атольф сделал прямой выпад, что для палаша было почти бесполезно, но колдун был уже на исходе сил, и ему было все равно, ему хотелось только достать своего врага... хоть раз. Сухмет, громко сокрушаясь по поводу собственной неловкости, сделал замах, и снова его Уттела взлетела в воздух. Как зачарованный, Сухмет шагнул вперед и поймал саблю, когда она падала вниз. При этом он жестко толкнул своего противника плечом. Конечно, выпад Атольфа прошел стороной.

Вся эта клоунада выглядела совершенно естественно. Каза-

лось, Сухмету везет, потому что он ничего не умеет, что он лишь случайно сталкивается со своим врагом, пинает его, толкает и до сих пор ни разу не ранил, равно как и сам не получил ни царапины...

Лотар только теперь увидел, что посох Гурاما остался у парашюта в том месте, где они поднялись на башню. Оказывается, Атольф рвался туда, где находился всемогущий посох, который обещал спасение, а Сухмет его как бы пропускал... И Атольфу оставалось уже немного до заветной цели.

Лотар с любопытством смотрел, что будет дальше. Когда до посоха оставалось всего-то туазов пять-шесть, Атольф вдруг отшвырнул свой палаш, который теперь только мешал ему, встал в позу вызывания колдовского огня и ударил туда, где должен был находиться его неуклюжий и неуловимый враг, самой обыкновенной колдовской молнией.

Конечно, он устал, и всю энергию, которой некогда запасся от посоха, давно успел растратить. К тому же он изначально был не очень искусным колдуном, поэтому молния получилась какая-то жидкая. Неопытный человек даже не заметил бы ее на ярком солнечном свете. И все равно она ударила в противника...

Не обращая больше ни на что внимания, Атольф бросился вперед, вытянув руку, ему казалось, что он вот-вот дотянется до посоха и обретет недостающие силы, несокрушимость и всемогущество, но... Тонкая, яркая, звучная, как взрыв петарды, молния прорезала воздух, и его отшвырнуло вбок. Он изумленно выпрямился, не ожидая, что все кончится вот так. Он, как ни странно, до сих пор верил в свою неуязвимость.

— Отправляйся в ад, преступник, — отчетливо произнес Сухмет.

Теперь в его голосе и повадках не было и тени шутовства. Он вытянул вперед руку, с ее пальцев сорвалась вторая молния толщиной с хороший прут. Она пошла вперед так неторопливо, что Лотар сначала не поверил своим глазам, и лишь когда она продавila слабенькую защиту Атольфа, он понял, чего добивался Сухмет.

Атольф все-таки попытался выставить защиту, значит, он пытался колдовать, значит, его душа навечно скатится в низменные миры, откуда для него не будет возврата.

Атольф закричал высоким, пронзительным голосом и упал. Лицо его стало черным и страшным. Теперь в нем не было даже намека на что-то человеческое. Вероятно, такой облик этот некогда человек и должен был иметь после всех своих преступлений.

Лотар подошел к Сухмету, который не отрывал взгляда от поверженного врага, и положил ему руку на плечо. Старик поднял голову и благодарно улыбнулся. Потом они оба повернулись к мосту.

Люди Веза шли по балкам, но не очень быстро, все должно было кончиться гораздо раньше. Некоторые для большей безопасности связались веревкой. Принципус стоял на последних целых досках моста и что-то кричал, раздувая горло. Это было бесполезно, шум водопада заглушал его. Но Лотар без труда про-

читал его мысли: Принципус орал, чтобы Гильома оставили в живых, таков приказ князя.

Собственно, Лотар был не против, но сэр Полард имел другое мнение.

Они уже устали. Оба тяжело дышали, и каждый взмах давался им с большим трудом. Зеленый Лучник был ранен в левое плечо и в правый бок. Но и его закованный в броню враг тоже оставлял за собой на каменных плитах капли гранатово-красной крови. И все-таки Полард теснил Гильома. Вероятно, ненависть придавала ему силы.

Или Гильом больше устал, потому что был в доспехах и ему приходилось размахивать таким тяжелым мечом, что, пожалуй, и Рубос его не постыдился бы. Но Лотар видел, что каждый раз, когда мечи противников сталкивались, труднее приходилось Зеленому Лучнику, он уже едва сдерживал тяжелые удары противника своим легоньким мечиком.

Противники прошли вдоль всей площадки, потом несколько раз повернулись на одном месте и оказались у самого края, за которым ревел водопад. Лотар почувствовал, что напряжение становится нестерпимым, что вот-вот все и разрешится. Сухмет повернул голову к лестнице, должно быть, по ней уже поднимались воины Веза. Тогда-то все и произошло.

Каким-то слепым, неловким выпадом Гильом захватил меч Поларда, отвел его в сторону, а потом...

— Берегись! — крикнул Лотар, но было поздно.

Из локтевого шарнира правой руки Гильома выскочило тонкое, отвратительно зазубренное жало. Княжич повалился всем телом на Поларда, и острие почти на треть впилося ему в плечо.

Зеленый Лучник на мгновение замер, потом отскочил в сторону. От этого рывка в воздухе рассыпались капельки темной, густой крови.

Плохо, подумал Лотар, кажется, разорвана плечевая вена. Жить Поларду, если не оказать немедленной помощи, осталось несколько минут, не больше. А активность он сохранит не более минуты или того меньше. Лотар поднял руку, чтобы остановить поединок, но все развивалось теперь гораздо быстрее, чем он ожидал.

Увидев, что стало с его врагом, Гильом опустил меч и рассмеялся. Забрало шлема сделало этот смех глухим, словно он звучал из гроба.

— Сэр Полард, ты умрешь, а я останусь. Ну, может, брат запрет меня в какой-нибудь замок подальше, но я останусь. А ты — нет. Жало смазано брекилом, тебе нет спасенья.

— Ты всегда был ловок на подлости, Гильом. Пора положить этому конец.

Головы первых воинов Веза появились из-за края башенной площадки. Они торопились, но подъем был долг и круг, бежать они не могли.

Полард мельком посмотрел на них и, кажется, понял, что на сей раз Гильом говорит правду. Эти воины спешили не затем,

чтобы арестовать Гильома, у них был приказ прекратить слишком опасную для него дуэль. А через несколько лет ему устроят побег или он сам откупится и уедет куда-нибудь...

Теперь у него секунд двадцать, подумал Лотар.

Медленно, словно преодолевая сонливость, Полард поднял свой меч, взял его поудобнее двумя руками и сделал на удивление быстрый и сильный выпад в голову Гильома. Тот не ожидал этого и едва успел поднять свой меч.

Круговым движением Полард захватил тяжелое лезвие противника и отбросил его в сторону. Оба меча со звоном упали на каменные плиты. Полард наклонился, схватил Гильома за ноги и с резким выдохом поднялся. Гильом теперь был у него на плечах и хватался за пояс Поларда, потому что его голова и плечи вдруг оказались над пропастью, на дне которой ревел водопад.

Сбросить его он не успеет, решил Лотар, Гильом просто не отпустит Зеленого Лучника, что бы ни случилось. А стражники уже близко, им осталось не более десятка шагов, и тогда Гильом спасен. Кроме того, Полард истекал кровью, весь левый бок набух и потемнел от ворота до сапога.

Полард полуобернулся в сторону воинов Веза, слабо улыбнулся и прошептал бледными от боли и напряжения губами:

— Вот и все...

И шагнул со своим противником за паранет. Когда Гильом понял, что происходит, он заорал что-то, но край смотровой площадки резко оборвал этот крик. Чтобы расслышать его последние слова, нужно было стоять гораздо ближе, чем стоял Лотар. Но он прочитал их в сознании княжича...

— Брат обещал, до этого не дойдет... — медленно, сухими губами прошептал Сухмет.

Лотар кивнул. Оказывается, они оба... Но у нас нет и теперь никогда не будет доказательств. Впрочем, всегда остается один паук, который сожрал всех остальных, ему все и достается, правильно? Пришел черед кивнуть Сухмету.

Дружинников на площадке стало больше. Не меньше дюжины из них, выставив копыя, окружили Лотара и Сухмета.

Лотар перевел взгляд на Принципуса, который, не слезая с коня, все еще пытался что-то разглядеть в облаке, скрывающем дно водопада. Тогда Лотар поднял руку, и Принципус наконец взглянул в их сторону.

По его лицу ничего нельзя было прочитать. Даже то, что он был доволен, очень доволен. Гильом мертв, его князю ничто не грозило. Чунду мертв, перевал свободен. Подвалы Ожерелья лопались от добра...

И Принципус отрицательно покачал головой. Сержант, который командовал дружинниками Веза, гортанно выкрикнул команду. Они опустили копыя.

Два меча, один тяжелый и изукрашенный самоцветами, а другой легкий, очень надежный, с клинком зеленоватого отлива, крест-накрест лежали на каменных плитах, словно продолжали свой поединок.

Лотар сидел на превосходном скакуне из конюшен Покуста. Такой же конь стоял рядом. Чуть в стороне на жеребце попроще восседал конюший в цветах дуайена, которого Покуст дал им, чтобы он проводил их до Мульфаджи, а потом привел коней назад. Что ни говори, а подарить двух таких лошадок каким-то наемникам — слишком жирно. Тем более что дело сделано и каждый получил то, что хотел.

Солнце весенним, пылушим здоровьем и радостью огнем согревало долину. У Лотара еще побаливал пробитый крюком Сухмета бок, он с удовольствием подставлял его теплу. Поэтому и решил остаться на улице.

Хлопнула дверь самого неприглядного на всей улице домишка. Из него вышел Сухмет. Он был важен, как вендийский купец. Парчовый азийский халат отливал всеми цветами радуги, впрочем, с преобладанием золота. Пояс, на котором висела Утгела, был заткан такой плотной вышивкой, что стал чем-то вроде корсета. Два кошелька невероятных размеров на каждом шагу старика звенели так, что, кажется, все воры в округе должны были слететься сюда, как осы на мед... Один они получили от князя. А второй — сегодня утром от Покуста, вместе с заверениями, что, если им что-нибудь понадобится, они всегда могут обратиться...

Конечно, ни один вор никогда не решится подойти ближе чем на сотню шагов. Всем было все известно. Тем более что голова, нога и несколько особо впечатляющих кусков Чунду были вырублены из огромной туши на перевале, привезены в город и выставлены на рыночной площади для всеобщего обозрения.

Да, осенняя ярмарка в Пастарине будет на славу. Купцы теперь не побоятся никаких неожиданностей, только, пожалуй, лет десять будут вздрагивать при виде Нижнего перевала да приложат все старания, чтобы проезжать это ужасное место днем или хотя бы вечером, но уж никак не ночью... Зато по возвращении домой распишут отпрыскам свое мужество так, как и Сухмету не снилось.

— Ну что, рассказал ей? — спросил Лотар, когда Сухмет торжественно подплыл ближе.

— Да, мой господин.

Вероятно, Сухмет все еще был в образе.

— Она поверила?

— Не очень. Сказала, что все звучит очень уж подозрительно. И если ее папаша зарыл там такие деньги, то почему бы мне самому их не выкопать?..

— И что ты ей ответил?

— Я сказал, что там такое место, что только девичьи руки должны коснуться... И все в таком духе.

Лотар усмехнулся:

— Девичьи? Мне кажется, ее папаша, незаконно повешенный на стене Ожерелья, недооценивал свою дочь. Мне она даже отсю-

да показалась довольно ушлой, и уж, конечно, без мужа не осталась бы. А я ведь и в дом не входил...

— Да, чтобы это понять, — Сухмет влез на своего коня и, пожалуй, стал понемногу оттаивать, — в дом входить не нужно.

Они поехали в сторону ворот.

— Кем ты ей представился? Бродячим охотником за кладами?

— Нет, мой господин, после того как Чунду по кускам был показан на площади, здесь нам вряд ли удастся назваться чужим именем. Я сказал, что ее папаша перешел, страшно израненный, на нашу сторону и перед смертью рассказал мне тайну зарытых денег.

— Как это тебе удалось? Ведь все кому не лень могли видеть ее отца повешенным на стене?

— Она не сообразила, а я не поощрял ее любопытство в этом направлении, мой господин.

Лотар усмехнулся. Все ему очень нравилось. Даже глуповатость конюшего, который никак не может понять, почему этот роскошно одетый старичок величает господином юношу, который и одет-то так, как и бродяге не пристало.

— Она могла и не сообразить, но ты-то?..

— Господин мой, ее дух был захвачен представлением о неожиданном богатстве, а не любопытством к судьбе отца. Нечего было мудрить, требовалось только назвать место. И все.

— Да, люди таковы.

Они выехали из города. Стражники у ворот растолкали десяток крестьян, чтобы дать проехать Желтоголовому и Сухмету. Впрочем, очень уж усердствовать им не пришлось. Крестьяне и сами рассыпались по обочине дороги, стараясь оказаться как можно дальше от этого страхолюда с колдуном...

Было время, когда Лотара ранили эти взгляды, налитые страхом, подозрительностью или ненавистью. Теперь все прошло. Он даже не повернул голову в их сторону.

Дорога, по которой они уже раз проходили, когда отправились на перевал, стала посуше, чем тогда. Снега не осталось. И везде были люди, повозки, кони или мулы. Движение было таким оживленным, словно путешественники и не выезжали из города.

— Знаешь, что я думаю, Сухмет? Чунду оказался не настоящим.

— Да, скорее всего Атольф поленился вырастить настоящее чудовище. Или не знал, как это сделать. А скорее всего сам побаивался, что не справится с ним, когда нужно будет прекращать игру.

— Он был не очень-то сообразительным, — ответил Лотар. — Я думаю, его просто жадность заела, желание получить все сразу и с минимальными усилиями. — Он посмотрел на Сухмета, восседающего на коне. — Почти как тебя.

— Ты что, господин мой?! Да я в любой момент могу отдать все это, — он небрежно шелкнул ногтем по кошелью, — если потребуется...

Внезапно что-то тягостное и печальное появилось в представ-

лении Лотара. Он оглянулся. На придорожном пеньке сидел старик. Он устал, был голоден и очень-очень грязен. В душе его все было черно — он не знал, как жить дальше, куда идти, кому служить? Он вспоминал, как пахло на кухне, когда кухарята готовили господские яства, как по праздникам ему случалось раздобыть стаканчик вина, как служанки, кто добрее, отводили его в баню и парили там, чтобы он отмяк телом и душой. А потом стирали его одежду за пару медяков, и он целую неделю пахнул так же приятно, как все люди, пока снова не пропитывался вонью тесных тюремных камер...

Лотар остановил перед ним коня. Старик медленно раскрыл веки. Он никогда не видел Лотара, поэтому не узнал его. Зато Желтоголовый прекрасно помнил его. Помнил его шаркающую походку в подземелье замка княжича Гильома, помнил вздохи, помнил, как он поволок за собой два погасших факела... Это был тюремщик Ожерелья, про которого, должно быть, все забыли и который сумел остаться в живых.

Старик всмотрелся в молодое и спокойное лицо господина на převосходном коне. Он так ослабел от голода, что даже не разжал губ, чтобы попросить милостыню. Или не решался побеспокоить столь важного человека такой мелочью, как собственная жизнь.

Не поворачивая головы, Лотар позвал:

— Эй, конюший. — Юноша возник у его плеча с быстротой хорошо вышколенного слуги. — Твой господин обещал мне, что исполнит мою просьбу. Вот я и подумал... У твоего господина есть подвалы, где требуется все запирять и стеречь долгие годы?

Юноша позволил себе улыбнуться.

— Мой господин только этим и живет.

— Хорошо. Ты можешь отвести назад коней, которых твой господин предоставил нам до Мульфаджи. Мы благодарим его за щедрость, но я осмеливаюсь просить от него другой услуги. Возьми этого старика, и пусть он служит твоему господину, как служил всю свою жизнь. До конца. Я знаю, он будет предан, господин Покуст не пожалеет.

— Но... Это... Такого не бывает. Господин сам принимает кого-нибудь, или...

Старик вдруг понял, что его, кажется, снова берут на службу. Он вскочил с резвостью, которая еще оставалась в его иссохшем теле.

— Я, да, да... Я предан, по гроб жизни, умоляю...

— Это невозможно. — Голосом конюшего можно было колоть лед. Он небрежно посмотрел на старика, вытянувшегося перед ними, который дрожал от возбуждения и отчаяния всем телом. — Мой господин не принимает нищих. Тем более на должность, где легко можно воровать. Вот если бы у старика был заклад, но... Заклад господина Покуста очень велик.

— У него есть заклад, — сказал Лотар. — Сухмет, дай, пожалуйста, кошель от князя.

Юноша гулко проглотил слюну.

— Вы хотите внести заклад той суммой, которую князь заплатил вам за службу?

— Увы, я подозреваю, на его деньгах есть пятна крови.

Чтобы заглушить эти слова, Сухмет стал преувеличенно громко кашлять и звенеть Утгелой, отстегивая кошель с гербом князя Веза.

— Этого хватит? — спросил Лотар.

— Этого хватит на сорок закладов, — сказал Сухмет, протягивая увесистый кожаный мешок конюшему. — Даже для господина Покуста. Полагаю, этого хватило бы, если бы ты решил купить старику пост визиря у какого-нибудь вендийского раджи.

— Да, и с коней придется слезть. — Лотар спешил и с сожалением провел рукой по носу своей лошади. — Прощай, глазастое чудо. Сухмет, сними сумки и помоги старику сесть на свою лошадку. Моя, наверное, будет для него чересчур резва.

Юноша, все еще ничего не понимая, держал кошель в руке, прикидывая, сколько в нем может быть. И странное мрачное облако появилось в его сознании, что-то болезненное и жалкое одновременно.

Сухмет стал подсаживать старика, а Лотар повернулся к конюшему.

— И учти, юноша, если со стариком что-то случится или из его заклада пропадет хоть монета, я узнаю. Я все узнаю, мне не потребуется для этого много времени. И тогда я разыщу тебя. Полагаю, ты понимаешь, что я не шучу.

Юноша быстро спрятал кошель за пазуху и кивнул. Он был бледен, но теперь и старик, и его деньги были в безопасности.

Маленький караван повернул к городу, последним в поводу шел конь, на котором ехал Лотар. Он все пытался повернуть морду, чтобы еще раз увидеть своего замечательного наездника — может быть, лучшего в мире.

Лотар вздохнул, впрягся в свою сумку и зашагал по весенней дороге. Сразу же оказалось, что он переоценил ее, когда ехал на лошади. Они не прошли и мили, как Сухмет горестно взвыл и сокрушенно поднял ногу в некогда роскошном сапоге, у которого почти до половины отвалилась подметка.

— А ведь они так замечательно выглядели, когда я вчера покупал их!

— Нужно было покупать что-нибудь более стоящее, — посоветовал ему Лотар. — Дать тебе ремешок?

— У меня свой есть.

Пока Сухмет привязывал подошву, он так вздыхал, что Лотар решил его утешить.

— Мне не хотелось, чтобы деньги князя остались у нас. Понимаешь?

Сухмет ничего не ответил. Он поднялся, потопал развалившимся сапогом по относительно сухой кочке и произнес:

— А ведь могли до самой Мульфаджи ехать, как принцы, ни о чем не заботясь. И вот теперь... Да еще и деньги потеряли.

— Не жадничай. Ты никогда не окажешься в положении того старика. У тебя за эти годы столько всего скопилось, что... Даже тебе на всю жизнь хватит. А мне и подавно.

Желтое морщинистое личико Сухмета вдруг заискрилось таким счастьем, что Лотар даже голову наклонил набок, как собака, чтобы получше рассмотреть такое удивительное зрелище.

— Ты чего?

— Э, нет, господин мой. — Сухонькие пальцы старика пробежали по котомке, в которой лежал чудесным образом уменьшенный до размеров среднего кинжала посох Гурама. — Осмелюсь сказать, что о возрасте нам теперь никогда не придется задумываться. С этим инструментом божественного Гурама нас ждет... — Он снова улыбнулся и счастливо вздохнул. — Практически нас ждет бессмертие.

Лотар-миротворец

Глава I

Лотар Желтоголовый, Драконий Оборотень, наемный убийца демонов, Учитель образованного им воинского Белого ордена, прозванный Непобедимым, сидел на поваленном стволе старой сосны и смотрел, как тренируются в кулачном бою четыре его ученика. Он собрал их для того, чтобы славное дело истребления демонов не пропало бесследно, если с ним что-то случится.

Самым талантливым был Каш — юноша, которого Лотар с большим трудом спас от виселицы. Каша воспитали уличные воры, и потребовалась тщательная работа с его подсознанием и даже вмешательство в уже сложившиеся кармические соотношения его судьбы, чтобы сделать из него воина, не поддающегося никаким тлетворным влияниям. Сейчас Каш проводил атаку с замаскированным положением рук. Удары он наносил яростно, желая поразить соперника, но практически безрезультатно.

Их блокировал Виградун, старший из учеников. К сожалению, парень страдал излишним стремлением к победе. Виградун был сыном богатых родителей и всегда считался первым во всем. Для учебных боев это не самая большая беда, но потом, как ни крути, придется работать изо всех сил, чтобы избавить его от такого заблуждения.

Лотар отвел глаза. У этих двоих прогресс налицо, пора выводить мальчиков в настоящие поединки. Только противников следовало выбирать с умом — не самых бывалых. Хотя кто и когда может выбирать себе противника? И на войне, и в других обстоятельствах неприятные неожиданности подстерегают воинов на каждом шагу.

Вторая пара — Бостапарт и Рамисос — друзья из Мирама. Их привели к Лотару мамыши. Они хотели, чтобы из мальчиков сделали воинов, и надеялись, что тогда на старости лет сыновья позаботятся о них. Но чтобы ребята выжили и тем более разбогатели на войне, следовало отдать их в хорошие руки. Тут обе мамыши и вспомнили о Лотаре Желтоголовом-Непобедимом, о котором рассказывали легенды.

Мальчишки оказались на редкость способными, и сейчас, после двух лет тренировок и воспитания, они могли бы дать восемь очков форы из десяти каждому обычному вояке. Вот только

Рамисос еще не избавился от излишней обидчивости и начинал махать кулаками по любому поводу. Но убивать из-за неосторожного слова он, пожалуй, не будет. А Бостапарт хочет во всем быть похожим на Лотара: так же держит спину, так же оттягивает в конце удары, даже походке пытается подражать. А в последнее время стал носить его вещи: комбинезоны, сандалии, даже оружие, кроме, разумеется, Гвинеды, к которому и Сухмету не позволено притрагиваться.

Хорошие мальчишки, с нежностью подумал Лотар. Из всех четверых получится отменный костяк воинского ордена, который он хотел организовать на манер восточной Фехтовальной академии. А со временем они могут создать свои школы, и тогда уже их ученики поведут дело дальше.

— Нет, не так, — произнес Лотар и поднялся.

Все четверо застыли, хотя он не хлопнул в ладоши, останавливая учебный бой.

— Ноги маскируют не только боевые юбки, которые на вас надеты. — Лотар подошел к Рамисосу и уверенно ударил в плотную ткань, которая образовывала широкий, непроницаемый для взора противника занавес от пояса юноши до самой земли.

Удар пришелся чуть выше колена опорной ноги, Рамисос рухнул как подкошенный, остальные ребята захихикали.

— Все зависит от того, что ты делаешь и что от тебя ожидает противник. Если ты действуешь из неправильной позиции, а противник прост, как репа, можешь считать, что ты замаскирован. Или наоборот, если он хитер и ожидает подвоха, делай все напрямую, и снова ты обманешь его. Полагайтесь не на юбки, а на свое понимание тактики. — Лотар усмехнулся, потому что вынужден был пояснять совершенно очевидное: — Хороший боец и без юбки будет замаскирован так, что его не прочтет и дюжина искусных противников.

Юноши позанимались еще полчаса. Небо стало хмуриться, над осенним лесом пронесся порыв холодного ветра. Где-то очень далеко завыл волк, на шумно качающихся березах растархтелась сорока.

Лотар повернул голову в сторону дома:

— Слышу, Сухмет, и все понимаю. Мы скоро закончим. — Потом вернулся к мальчишкам, сделал несколько разогревающих упражнений и, когда почувствовал, что кровь быстрее бежит по жилам, крикнул: — Теперь — все на меня! В полную силу.

Мальчишки, которые привыкли к такому окончанию тренировок, скроив воинственные рожи, окружили Желтоголового. По глазам Лотар мог без труда судить, что Каш начнет атаковать верховой атакой в прыжке, Рамисос, наоборот, подождет, когда можно будет неожиданно, по его мнению, выпрыгнуть из-за Бостапарта, а Виградун опять изо всех сил постарается хотя бы дотронуться до сигнального иероглифа, вышитого напротив сердца Учителя. Впрочем, как и раньше, у него ничего не получится.

Лотар остановил прыжок Каша почти вертикальной атакой снизу вверх, воткнул беспечного Бостапарта головой в кучу опав-

ших листьев, а потом обогнул выпад Виградуна и обработал его серией жестких тычков по ребрам и в печень. Рамисоса он трижды опрокидывал подсечками, а когда тот уже не мог встать, добил молниеносным ударом по шее.

Сегодня он действовал жестче, чем обычно. И потому поединок окончился быстрее, чем ожидали мальчики.

Рамисос встал, вытирая кровь на рассеченной губе, и прохрипел — травмированное горло не давало говорить как следует:

— Так нечестно, Учитель, ты бился в темпе, в котором ни один человек не способен двигаться.

Ему, как самому младшему, пришлось многое. Но не сегодня. Лотар лишь сухо усмехнулся:

— В таком темпе двигаются, например, крэксеры, мальчик. Единственное, что я пока могу сказать, — после встречи с ними ни один из вас не выживет.

Виградун, который все никак не мог подняться на ноги, растерянно вертя головой, прошептал:

— У нас нет крэксеров.

— Вот чтобы и твои сыновья могли это утверждать, советую забыть эти слова навсегда. И в любом случае надо готовиться так, словно крэксеры притаились за каждой березой. — Лотар выпрямился. Он не был доволен чересчур легкой победой: или он сам находится в необъяснимо хорошей форме, или мальчишки явно перенапряглись, а он даже не заметил этого. — Все, на сегодня довольно. Купаться, собирать амуницию, и домой. Сегодня у нас будут гости.

Каш, который соображал быстрее всех, а любопытством превосходил даже Сухмета, спросил:

— Нам нужно готовиться к встрече, Учитель?

— Надеюсь, что нет, — ответил Лотар и добавил, встретив удивленный взгляд ученика: — Видишь ли, пока я и сам не пойму, кто к нам едет.

Глава 2

К воротам дома, в котором Лотар жил последние пятнадцать лет, сложенного из вековых бревен и обнесенного высоким и крепким частоколом, подходил довольно странно караван. Здесь были и люди в богатых кафтанах, и солдаты в цветах королевств и княжеств чуть не всего Западного континента, и несколько носилок с господами, которые привыкли править, — новая, денежная знать из разных стран и городов.

Вся большая лесная поляна, на которой стоял дом, была уже забита людьми, животными, повозками и шатрами, которые разбивали слуги, а конца каравану все не было видно. Наконец Лотару это надоело. Он повернулся к Сухмету, который с хитрым видом стоял рядом и разглядывал из высокого окна столпотворение внизу.

— Послушай, может, сказать им, чтобы они убились? Все-

таки место до сих пор принадлежало нам, и, наверное, мы можем здесь распоряжаться.

— Давай подождем, посмотрим, что происходит, господин мой.

— И так понятно — захват нашей земли происходит, вот что.

Впрочем, в словах Лотара не было и грана раздражения. Просто он считал нужным поворочать, такое с ним случалось и раньше. Тем более что Сухмет раньше ничего ему не говорил, а должен был издали почувствовать и караван, и тех, кто его сюда направил, и даже, наверное, разузнать зачем.

— Как ты сам любишь говорить, захват земли не цель, а средство. Нам же нужно узнать, ради чего все эти люди тут собрались.

Лотар только вздохнул. Он хмуро отвернулся от окна и решил было уйти к себе в тихий зал для размышлений, но тут его внимание привлек высокий, толстый и сильный человек, важно восседавший на огромном жеребце редчайшей в этих краях масти — серой в яблоках. Человек этот спешился, шумно и энергично отдуваясь, подошел прямо к воротам и стал стучать закованным в латную перчатку кулаком так, что грохот пошел по всей ограде.

— А это кто такой? Их что же, придется во двор пустить?

— Ну, кого-то пустить придется, иначе мы не узнаем, кто они такие и чего хотят.

— А нужно ли узнавать? Что ты вообще о них знаешь? Почувствовал что-нибудь?

— Одно ясно, это не разбойники, — улыбнулся Сухмет.

Лотар пригляделся, и вдруг глаза его расширились от удивления.

— Ба, да это же... Это же!.. — Он слетел вниз, растолкал четверых учеников, которые терпеливо ждали развития событий, на всякий случай с оружием в руках. — Рубос, старина!

Это действительно был мираец. Именно он стучал в ворота, и он, похоже, привел караван.

Рубос впустили, дали вымыться после долгой дороги, усадили за стол. А через полчаса, когда этот несравненный едок заморил первого червячка половиной гуся и тремя дюжинами ржаных блинков с лесным медом и рыбьей икоркой, начался и разговор.

— Ну, — сияя, как только что отполированный клинок, спросил Лотар, — ты как?

По широкому, изборожденному морщинами лбу мирамца пробежала темная волна.

— В целом — неплохо.

— Как Светока? — спросил Сухмет, протягивая полоскание и вышитое льняное полотенце.

Рубос сполоснул руки после жирных блинов и вытер густые, широкие усы.

— Ждет сьдьмого. Надеюсь, будет все-таки мальчик.

— У тебя ведь первые трое — мальчики, — удивился Сухмет.

— Зато потом три девицы.

Лотар покачал головой:

— Слушай, семеро — не много ли?

— А что? Семь — превосходная цифра.

Лотар хмыкнул:

— Кажется, ты писал это в своих письмах каждый раз, начиная с третьего.

— Ну, если писал, значит, так и думал.

Лотар с любовью похлопал Рубоса по плечу. Мирамец растолстел, потяжелел, да и то сказать: его возраст приближался к пятидесяти. Но пронзительные синие глаза и стремительные движения выдавали тренированного бойца, которому еще далеко до заката.

— Сколько мы с тобой не виделись?

— Пять лет назад я дотащился до этого твоего теремка. — Рубос зачерпнул серебряной ложечкой яблочный мусс и с удовольствием дал ему растаять на языке. — Но тебя не было. Говорили, что ты отправился в Полуночные страны, воевать какого-то мага снегов.

— Мне передавали.

— А до этого я тебя приглашал на рождение третьего сына. А ты не приехал.

— Я был как раз на Северном море, пытался усмирить демонов Подводного замка.

— И опять же на рождение первенца ты не прибыл. Светока тогда очень огорчилась.

— А вот это было уже семнадцать лет назад, — торжественно провозгласил Сухмет и поставил перед мирамцем новую мисочку со сладким фруктовым пловом. — Попробуй, когда-то тебе это очень нравилось.

— Да, получается, мы с тобой восемнадцать лет не виделись, не меньше. — Плов Рубосу, вероятно, очень понравился, потому что он даже говорить стал невнятно.

— Я был занят, — сказал Лотар.

— Так и у меня времени — не полны трюмы. Я все-таки муж княгини Светоки Мирамской и соправитель княжества. Мне для того, чтобы оказаться тут, пришлось... — Снаружи снова раздался стук в ворота. — А вот, кстати, и они.

— Кто? — спросил Лотар, но ему никто не ответил.

Снова поднялась суета, кто-то из мальчишек открыл ворота, впустил несколько человек и, невзирая на протест, закрыл их, когда решил, что людей стало слишком много, а другой ученик проводил новых гостей в горницу.

Первым вошел высокий сухошавый молодец, который, кажется, так и родился со слабыми глазами и линзой в тонких белых пальцах. За ним выступал круглый, рыхлый, нестарый еще господин, в котором за версту можно было узнать толстосума. От него не отставали еще двое — вооруженные, как настоящие воины. Только один был расслаблен и постоянно готов ко всему, как телохранитель, а второй привычно хмурился, как офицер, которому даже в мирной обстановке Лотарова лесного терема мнилась какая-то угроза.

Лотар привстал, знаком предложил гостям садиться и, когда

они расселись на некотором расстоянии от стола, тоже сел. Рубос должен был объяснить появление новых людей.

Мираец облизал ложку, отложил ее, уперся руками в столешницу, и глаза его посуровели.

— Лотар, меня и этих господ привело к тебе в дом не только желание поболтать о старых деньгах и прежних победах.

Желтоголовый едва заметно усмехнулся и кивнул. Здорово его друг научился держать речь в Навигаторском зале княжеского театра Мирама.

— Я так и думал. А в чем, собственно, дело?

— Позвольте мне, — вклинился в их разговор первый из вошедших. — Я — адъюнкт философии и географии трех академий, мэтр Шивилек. Меня наняли более двух лет назад для одного исследования, которое оказалось на редкость интересным. Сейчас я готов изложить по нему некоторые выводы.

Лотар взглянул на Сухмета, который подливал Рубосу слабую медовуху — единственное вино, которое нашлось в их доме.

— Вот как? И что же было предметом этого... исследования?

— Ты, почтенный господин Желтоголовый.

Ни один мускул не дрогнул на лице Лотара. Но он чуть отвел глаза в сторону. Это означало, что Лотар задумался.

— Да, Желтоголовый, твоя, так сказать, карьера за последние восемнадцать лет. С того момента, как ты прибыл в Ашмилону и тебя наняли для того, чтобы расправиться с Нуриманом.

Лотар кивнул:

— Помню. Кажется, мы были тогда совсем желторотыми. Просто удивительно, как нам удалось справиться с этим чудищем.

Ловким жестом мэтр Шивилек, как балаганный фокусник, извлек из кармана своей хламиды небольшую бумагу, развернул и ткнул в нее пальцем:

— Вот тут перечислены все дела, за которые ты, Желтоголовый, брался в течение этих восемнадцати лет. Их шестьдесят четыре. И лишь в трех случаях ты отказался доводить дело до конца. Хотя, по некоторым признакам, тебе это не составило бы труда.

С легким поклоном Шивилек передал бумагу Сухмету, который, прежде чем положить ее на стол перед Лотаром, бегло просмотрел список.

— Тут нет почти дюжины наших дел, милейший.

— Как нет? — Шивилек, казалось, был обескуражен. — Не может быть, мы учли все.

— Теперь это не имеет значения, — сказал богатый толстяк, и возмущение почтенного адъюнкта как ножом отрезало. Сразу стало ясно, кто тут заказывает музыку. — Но в трех случаях ты не справился, Непобедимый.

— Да, например, со Снежным Боярином, — вмешался Шивилек.

— Если бы я его убил, несколько небольших северных народов, которых только холод защищает от агрессивных соседей, через пару поколений просто вырезали бы.

Толстяк кивнул и перевел взгляд на адъюнкта.

— А что ты скажешь о Рыболовном Бродильнике?

— Это тот великан, который пешком бродит по морю и сетями ловит целые косяки себе на пропитание, — пояснил Сухмет.

Лотар чуть прищурился, вспоминая это очень необычное и поучительное дело.

— Все утверждения, что он причастен к каким-то пиратским вылазкам, оказались неправдой. Это существо не причинило никакого вреда людям. За что же было его убивать?

— Но ты взял деньги!

— Я беру деньги только после исполнения, милейший, — сказал Лотар таким ледяным тоном, что, казалось, от его голоса замерзло пламя свечей. — И сам решаю, насколько мой наниматель прав в своих обвинениях.

— А что ты можешь сказать о Ножеточце? Это же откровенный убийца! И демон, который служил придворным у самого Нахаба.

Как всегда, при упоминании этого имени невидимый, отдающий смертью вихрь поднялся в душах людей. Упомянуть Верховодителя Зла так безответственно, как это сделал Шивилек, определенно не стоило. Лотар почувствовал, что этот ученый попугай, будь он хоть трижды адъюнк, не нравится ему.

— Ножеточец не демон, он был рожден женщиной, следовательно, относится к человеческому роду-племени. Да — маг, да — колдун, но не демон. К тому же он никогда не был убийцей, как про него говорят. Он палач, или, если угодно, казнитель, исполняющий некие очень трудные для понимания приговоры. Я не берусь объяснить природу этого явления, не мне судить о ее необходимости и справедливости. Осознав это, я отступил.

— Но он казнит людей!

— Некоторые люди, милейший, творят зло не меньше демонов. Избавить этот мир от них — задача сродни истреблению демонов. — Лотар оглянулся на Сухмета, который поймал этот взгляд и чуть заметно пожал плечами. — Я не понимаю, какое отношение это имеет к вашему приезду?

— Всему свое время, господин Лотар. — Да, Шивилек ему определенно не нравился, но за всем этим что-то стояло, поэтому нужно было ждать. — Продолжу. После всех случаев, которые мы исследовали, в тех краях, где ты устранил причину зла...

Лотару очень не понравились эти слова: он не мог устранить причину зла, он побеждал лишь некоторых служителей зла, его солдат. Но пояснять это адъюнкту было бесполезно.

— В тех краях наступало необъяснимое процветание и благоденствие. Войны прекращались, кончался голод, об эпидемиях уже никто не помнит. Даже преступники принимались за полезные занятия — в крайнем случае становились солдатами или охотниками. Пастарина превратилась в центр горнорудной промышленности. Ее серебряные рудники снабжают благородным металлом монетные дворы чуть не всего континента. Вулнар стал центром мирового искусства, Ашмилона сделалась столицей огромной и вполне мирной империи, образцом новой цивилизации для всего Гурхора, а Мирам... — Адъюнкт закашлялся, но это была уловка,

чтобы проверить свое красноречие на толстом богаче. — А Ми-рам сделался банковским и торговым центром Западного, Северного и значительной части Южного континентов. По процветанию этот город стал равен самым знаменитым городам Востока, а... Впрочем, это уже не относится к делу.

— Я тут ни при чем, почтенный адъюнк. Ты приписал мне заслуги других людей, о которых я не имею понятия.

— Ну а обо мне ты имеешь понятие? — зычно спросил Рубос. Лотар улыбнулся:

— Ну, тебя, пожалуй, я знаю, Капитан Наемников.

— Так вот. — Рубос и не думал отвечать на улыбку Лотара. — Он говорит правду. Удача — а морякам да старым солдатам вроде нас это слово знакомо не из книжек, не так ли? — пришла к нам, как богатый косяк рыбы заходит в сети рыбака. Все, за что бы мы ни брались, оборачивалось сказочным успехом. И люди разучились понимать такие слова, как «провал», «поражение», «потери», «убыток»... Он правду говорит, Лотар.

— Возможно. Но я утверждаю: это не имеет ко мне никакого отношения.

Тут мэтр Шивилек поднялся, прошелся перед столом, и Лотар вдруг вспомнил, как трудно иногда бывает заставить людей слушать себя. Поэтому он решил вытерпеть эту ученую белиберду до конца.

— Мне кажется, — сказал адъюнк, вдруг непонятно почему побледнев, — что мировое равновесие между неудачей и процветанием слишком нарушилось. И пришел час расплаты. И в этом в значительной степени виноват ты, Лотар.

— Ничего не понимаю.

— Восточный континент собрал три огромные армии и направил их сюда, к нам, чтобы привести положение дел к привычному равновесию. Назревает война, господин Желтоголовый. И снова я повторяю — в значительной степени в этом виноват ты.

— Война? — Лотар расстроился, но надеялся, что гости этого не заметили. — Это печально, очень печально, но я все еще ничего не понимаю.

Адъюнк всплеснул руками и с маху уселся на стул так, что это сооружение из досочек и планок жалобно заскрипело. Тогда поднялся толстенький богач и подошел к Лотару, чтобы его лицо было как можно ближе к глазам Желтоголового.

— Все эти теории насчет равновесия — ерунда. И никто в этом не виноват... А дело в том, что я хочу нанять тебя, Лотар, чтобы ты остановил эти три армии и предотвратил войну. И готов заплатить любую цену.

Глава 3

Лотар усмехнулся. Богач и бровью не повел. Было заметно, что он привык не обращать внимания на любые эмоции и цепко выделяет главное. Сейчас главным для него было получить согласие Лотара.

Лотар подумал, что в отрицании чувств и сосредоточенности только на главном заключаются сразу две ошибки. Во-первых, чувства очень важны, потому что помогают ориентироваться в настоящем и предугадывать будущее. Поэтому тот, кто не прислушивается к своим ощущениям, может лишь строить расчеты, как шахматист или бухгалтер. Но просчитать абсолютно все человек не в силах, значит, в этом случае ошибок не избежать. И второе: то, что человеку кажется главным сейчас, очень скоро перестает быть главным, и не всегда можно уследить за переменами.

— Как же ты собираешься платить мне, молодой человек?

Богач был моложе Лотара всего-то лет на пять, но Желтоголовый просто не мог отказать себе в удовольствии испытать его выдержку. Но толстяк не обиделся.

— Меня зовут Джимескин. Я банкир из Мирама. — Он вернулся на свое место, сел, небрежно откинув рукава с пухленьких, слабых рук. — Скажи только слово, Лотар, и тридцать городов и около двух десятков княжеств переведут в наш банк на твой счет сумму, которая позволит тебе совсем удалиться от дел.

— Я уже давно могу удалиться от дел.

Вот этого не сумел переварить Сухмет.

— Мой господин, стоит ли так испытывать судьбу? Деньги, которые предлагает господин Джимескин, может быть, и потребуют определенных усилий, но мы бывали в разных переделках, и все кончалось хорошо.

— Большие деньги — большой риск, Сухмет.

— Дело не в риске, — вмешался Джимескин. — Если ты сумеешь обойтись без риска, то все равно получишь означенную сумму. Важно, чтобы война не началась.

Лотар подумал, что этот Джимескин, вероятно, здорово рискует, если просит предотвратить войну, которая, может, еще и не начнется. Или?.. Да, скорее всего дело так скверно, что он уже ничем не рискует. И как только это предположение пришло Лотару в голову, он прочитал в сознании банкира, что положение еще хуже, чем Желтоголовый может вообразить. Тем временем Сухмет спросил:

— А как велика сумма? Мой господин, — он повернулся к Лотару, стараясь показать, что действует по его поручению, — полагаю, нужно все-таки узнать предполагаемую цифру.

— Она очень велика, и мы платим ее потому, что никто просто не представляет себе, как взяться за дело. Но мы верим, что тебе, Лотар, это по силам.

Глаза Сухмета стали узкими, как щелочки в ножнах клистонского стилета.

— Мой господин, мне кажется, часть этой суммы должна быть выплачена вперед. Надо убедиться, что этот Джимескин говорит правду. — Оказывается, Сухмет тоже хотел проверить выдержку банкира. — Хотя бы и в твой банк, милейший Джимескин, но вперед. Таково условие.

Лотар поморщился. После тренировки начинали побаливать верхушки легких. Наверное, он обжег слизистую, когда плавал в

чересчур холодном лесном озере и пытался дышать водой, как рыба. Вечером нужно будет подлечиться, решил Лотар.

— Сухмет, я еще ничего не решил.

— Конечно, я просто выясняю условия сделки. Так как все-таки? — снова обратился Сухмет к банкиру.

Наступит день, когда старик окончательно выставит меня дураком, и мне же потом нужно будет утешать его за это, подумал Лотар.

— Желтоголовый просто должен сказать «да». Он ни разу не нарушил своего слова, все знают это. Поэтому, как только он согласится, деньги начнут поступать в наш банк. Но тогда он должен будет срочно браться за дело. — На мгновение Джимескин замялся и одернул полу своей куртки. — Времени осталось не очень много.

Сухмет повернулся к Лотару:

— Они, по крайней мере, верят нашим гарантиям. Вот как бы проверить их честность?

Тут Рубос положил на плечо Лотара свою ручишу. Желтоголового давно уже занимала мысль, как его друг научился переносить все эти штучки торгашей? Но если Рубос ни разу не вмешался в разговор, значит, совсем неплохо.

— Лотар, этот банк практически принадлежит мне и Светоке. Моего слова тебе достаточно, Сухмет?

Лотар посмотрел в окно. Уже стало темнеть. Для него, Сухмета и его мальчишек света факелов и костров по ту сторону частоккола, где обосновался караван, было достаточно, но для гостей — вряд ли. Тем не менее со свечами можно пока подождать. Эти люди в темноте меньше следят за своей мимикой. И хотя это практически не нужно, Сухмет должен их проверить — не только же заботой о деньгах забита его старая мудрая голова.

— Что считать началом войны? И что считать ее реальным ходом? К тому же мне, может быть, удастся повернуть назад две армии или сравнить их друг с другом, но война все равно разразится, хотя и пойдет не так, как задумали ее ваши враги. Как тогда будет оцениваться моя работа?

Джимескин пожевал губами. Лотар почему-то вспомнил Шува, трактирщика из Мирана. Это сходство вдруг многое разрешило — так вот каким образом богатство Мирана сказалось на новых Шувах, подумал Лотар. Они больше не трактирщики, но в глубине души они все те же мальчишки, которые не забывают старые проказы, старых друзей и, возможно, не теряют представление о чести.

— Об этом мы не думали, Лотар. Нас, жителей Срединной и Передней частей Западного континента, интересует именно отказ от войны в целом.

— Дело таково, что я могу с ним не справиться. — Лотар посмотрел на Сухмета, который, не поворачивая головы, мысленно с ним согласился, и продолжил: — Тем более что у нас, как ты говоришь, не осталось времени.

— В том, что ты можешь это сделать, Лотар, никто не сомнева-

ется. Ты уже много раз переворачивал представления о том, что возможно и допустимо, а что нет. Никто теперь не сомневается, что ты можешь все. И, уж конечно, можешь повернуть азийские армии назад.

Лотар посмотрел на высокий, слегка потемневший потолок. Он плохо понимал, как люди могут бояться его, иногда выказывать явное презрение и все-таки обращаться за помощью в трудные времена. Но именно так и было. И Лотар к этому привык и перестал задумываться. Как привык и к тому, что люди действительно считали его всемогущим. И непобедимым.

— Если у нас так мало времени, мы просто не успеем оказаться на месте, чтобы разобраться в том, что происходит. Подумайте сами, господа, армии разделяет, должно быть, немалое расстояние. Кроме того, они только на подходе к нашим восточным границам, а это значит, что еще десятки лиг нам придется преодолевать по враждебной, очень хорошо контролируемой их разрезами территории. Кроме того, мне придется поговорить с военными и политическими лидерами с нашей стороны, чтобы составить картину в целом. Или еще одна непростая проблема — как проникнуть на вражеские позиции? Как мы сможем с этим управиться, если?..

Он умолк, получив странный сигнал от Сухмета.

Тот что-то вещал, отчетливо артикулируя свои мысли, и они удивили бы Лотара, если бы он захотел удивляться. Ответ сводился к тому, что наниматели уже решили эти проблемы.

В подтверждение его слов со стула поднялся один из гостей, который не отходил от Джимескина с самого начала разговора. Он был высокий, светловолосый, с глупыми бачками, которые лишь подчеркивали его юный возраст. Но в глазах его светился ум и привычка к ответственности. Он попытался сделать суровое, ничего не выражающее лицо, но неожиданно губы его раздвинулись в почти счастливой улыбке.

— Капитан воздушного корабля *«Летящее Облако»* к твоим услугам, сэр. Как и весь мой корабль.

После этого он попытался снова сесть, но Лотар остановил его жестом:

— Подожди, капитан, э... сэр. Я не совсем понял, что значит?..

— Купсах, капитан Купсах, сэр. И не обращай ко мне чересчур официально, сэр Лотар. Как ни приятно, что ты серьезно относишься к моей должности, я полагаю, этим ты преувеличиваешь мою роль. Я буду всего лишь извозчиком, доставляющим тебя и других людей, которых ты назовешь, в ту точку континента, которую ты укажешь.

— И все-таки я хотел бы услышать, что за *«Летящее Облако»* вы тут приготовили, господа? Откуда вообще взялась эта идея?

— Пожалуй, лучше всего на эти вопросы отвечу я, — раздался дребезжащий голосок мэтра Шивилека.

Похоже, он мне скоро надоест как горькая редька, подумал Лотар.

— В своем путешествии в Ашмилону я познакомился с пре-

красным ученым, который, правда, довольно глупо рядился в рясу какого-то мага или факира, неким мэтром Илисаром.

— Он жив? — быстро спросил Лотар.

— Так вы знакомы? — Шивилек немного смутился. — Впрочем, разумеется, вы знакомы. И он показал нам знаменитый на весь Южный континент старинный воздушный корабль, который в разобранном виде стоял у него в мастерской.

Тут Рубос широко улыбнулся и хмыкнул так, что Шивилек вздрогнул и посмотрел на него с тревогой. Впрочем, он быстро успокоился.

— Мы купили у него полный набор чертежей этого великолепного, не побоюсь громких слов, произведения инженерной мысли. А в Мирамё построили прототип, который замечательно рекомендовал себя. Он-то и является тем средством дальнего и очень быстрого передвижения, или, лучше сказать, перемещения, которое разрешит кое-какие из наших проблем, Желтоголовый.

Лотар кивнул. Он вспомнил корабль, который они с Рубосом видели в магической лаборатории Илисара, — жесткие доски его палубы, разбросанные гвозди и какие-то бронзовые детали...

Пожалуй, летающий корабль, управляемый умелым и знающим командиром, может решить проблему перемещений.

— К тому же, — сказал Лотар вслух, — корабль, вероятно, может быстро и относительно безопасно перемещаться в самой гуще вражеских войск?

Джимескин неожиданно поднял голову. Посмотрев туда, где, как ему казалось, находится Желтоголовый, он громко произнес:

— Что значит — относительно безопасно? Я уверен, что у противника нет ничего подобного, и потому можно говорить о полной безопасности наших перемещений прямо над головами всех вражеских войск, идущих сейчас на Запад.

Лотар скептически усмехнулся:

— Я не так в этом уверен, Джимескин. К тому же, что значит — «наши перемещения»? У меня будут помощники?

Терпение Джимескина иссякло. Он повернулся к своему молчаливому телохранителю и громко произнес:

— Партуаз, принеси-ка сюда пару канделябров с самыми лучшими свечами, какие только найдешь. Я не могу разговаривать о серьезных вещах в темноте. Только быстро. — Потом снова повернулся к Лотару: — Надеюсь, я не обижу этим нашего хозяина, ведь это все-таки не факелы.

— Но, господин Джимескин, я не должен...

— Иди, ничего со мной тут не случится.

Партуаз встал и вышел, озабоченно вытянув вперед огромные мускулистые руки. Банкир, снова обращаясь к хозяину, но глядя совсем в другую сторону, произнес:

— Никто не говорит только о помощниках, Лотар. Вместе с тобой полетят наблюдатели и, возможно, консультанты. Надеюсь, ты не будешь возражать против этого?

Лотар провел рукой по гладким доскам стола.

— Капитан Купсах, сколько людей может взять на борт «Летящее Облако»?

— Вместе с необходимыми припасами не больше четырнадцати, сэр.

— А где ты его оставил?

— Так как корабль в некотором роде еще военная тайна, я оставил его, согласно приказу господина Джимескина, в замке господина Санса. Он находится в семидесяти милях отсюда, и мы можем прибыть туда завтра к вечеру.

Неожиданно дверь распахнулась, и в комнату ввалился Партуаз. В обеих руках он нес по огромному — на двенадцать свечей — канделябру из кованой бронзы. Все свечи уже горели. Стало светло, как в парадной зале короля.

Пожмурившись, все с удовольствием стали смотреть на свечи. Партуаз с заметным облегчением вернулся на свой пост за спиной Джимескина. Может, он и в самом деле отличный телохранитель, решил Лотар. Только слишком напряжен и даже для человека неважно ориентируется в темноте, а в остальном...

— И все-таки я еще ничего не решил, — произнес Лотар. — Видите ли, я не очень представляю, как можно справиться с этой задачей.

Рубос, старый верный друг, хлопнул Лотара по плечу так, что это отозвалось даже в покалывающих легких.

— А когда, Лотар, это могло тебя остановить? Лучше давай ответим на вопрос поважнее: как ты думаешь, когда мы сможем отправиться?

Глава 4

Конечно, Лотар почувствовал летающий корабль задолго до того, как увидел, но внутреннее ощущение, которое порождал этот предмет, настолько отличалось от его наглядного представления, что даже он немного оторопел, когда на траву, на деревья, на людей с их нелепыми шатрами, на небольшой табун лошадей и на дом Лотара легла тень.

Шумел он не очень сильно, но звук был такой же необычный, как и внешний вид корабля, поэтому лошади запрядали ушами, а самые пугливые кобылки даже взбрыкнули. Впрочем, и многие люди вели себя не лучше. Они закричали, стали поднимать руки вверх, кто-то даже опустился на колени.

Лотар с интересом разглядывал летающий корабль в действии.

Во-первых, этот предмет был не совсем корабль — ни покатых боков, ни киля или плавно заостренного носа. Он был довольно плоским, как неуклюжий, странный сундучок, а все его обводы отличались угловатостью, к которой глаз долго не мог привыкнуть. Во-вторых, вместо привычных парусов над палубой с единственной надстройкой, больше похожей на низкую сараюшку, плавала длинная — намного длиннее самого корабля — серебристая гондола, привязанная к корпусу множеством хитроумно

переплетенных канатов. Сразу стало ясно, что именно эта гондола и поднимает все сооружение в воздух, хотя по объему она была гораздо меньше, чем обыкновенный монгольфьер. По какому принципу эта гондола устроена, как она работала, что делало ее такой летучей — было непонятно. Похоже, хитрость заключалась в какой-то магии, хотя, что это за магия, не понял даже Сухмет.

На носу под равными углами от бортов вверх и немного вперед поднимались два огромных жестких ребра, похожих на гигантские веера, отливающих сверкающей темно-коричневой краской. А еще два веера поменьше опускались вниз и вбок. В целом это напоминало оперение стрелы, хотя никто не ставит на одной стреле четыре пера. Лотар сразу догадался, что веера выполняли ту же роль, что и кили у корабля, — не давали сильным боковым потокам сбивать корабль с курса.

На корме почти строго вверх был установлен настоящий руль в виде крестообразной рамы со сложной растяжкой, обернутой плотной жесткой тканью с изображением каких-то резвящихся дракончиков. Но сразу было понятно, что художник никогда не видел дракона. Два руля поменьше отходили почти строго горизонтально в разные стороны от задней оконечности плоского днища. Но они нужны были, вероятно, лишь при наборе высоты или при спуске.

В центре корпуса находились два огромных движущихся крыла, очень сложно управляемых каскадом шарнирных приспособлений. Они были так велики, что, казалось, их невозможно привести в движение, и тем не менее управляли ими всего два человека. За большими крыльями были еще два крылышка поменьше, но пользовались ими редко. Рулевой считал, что от них больше мороки, чем толку.

Рулевой, как и положено, находился на юте и что-то бодро выкрикивал, а пятеро матросов дружно тянули канаты и делали что-то еще, стараясь посадить корабль на узкой полоске земли, где Сухмет вот уже который год все собирался, но так и не сумел сделать сад камней.

Все сооружение производило впечатление законченности, целесообразности и совершенно особенной, непонятной чужому глазу красоты. Лотар даже языком прищелкнул. Если бы он увидел что-то похожее раньше, до того как отправился на Южный континент зарабатывать на жизнь трудом наемника, быть ему сейчас хотя бы матросом на таком вот сооружении. Уж очень оно ему понравилось.

Рядом кто-то вздохнул. Лотар взглянул — это был Рубос.

— Хорош? — В его голосе звучало едва ли не откровенное хвастовство, словно он это придумал или по крайней мере был владельцем корабля.

Впрочем, вполне могло оказаться, что Рубос и владел какой-то долей корабля.

Высокий худой юноша на юте что-то прокричал в кожаный рупор, и матросы снова взялись за канаты, связывающие продолговатую гондолу с корпусом корабля. По гондоле прошла легкая

рябь, она стала чуть-чуть меньше, и корабль начал вертикально опускаться. Левый борт его был повернут к дому Лотара, ко всему табору, расположившемуся вокруг, который пришел с Джимес-кином.

— Да, красивый аппарат, — согласился Лотар.

Он чувствовал, что это жалкое преуменьшение. Корабль был прекрасен. Если бы Лотар дал волю чувствам, он не мог бы избавиться от торжественной и сильной, как музыка, волны, поднимающей его желание и чувства на высоту, где с ней почти невозможно было справиться. Но он все-таки взял себя в руки, и даже вздох его услышал только Сухмет.

— Эта машина, — заговорил вдруг невесть откуда взявшийся Купсах, — может развивать скорость до сорока миль в час, но, конечно, такую скорость очень долго поддерживать невозможно, матросы на крыльях устают грести... То есть крутить педали, я хотел сказать. Еще прошу обратить внимание, что на носу и на корме установлены баллисты. Мы здорово замучились, пока сделали их максимально облегченными. Сейчас они могут бить почти как настоящие орудия, а весят раза в три меньше.

— А как с точностью? — спросил Сухмет.

Купсах вздохнул:

— С этим прямо беда — настоящего наводчика мы позволить себе не можем, каждый человек на счету... Зато мы придумали особые горшки со смесью вендийского огня и масла. Они разлетаются в воздухе на определенной дистанции и создают облако горящей масляной пыли. Я думаю, любой вражеский аппарат, попавший в это облако, непременно загорится. Так что особенной точности и не нужно.

Лотар что-то промычал, но не стал переубеждать капитана *«Летящего Облака»*.

Корабль слегка накренился, когда вся команда собралась на левом борту, выкручивая лебедку, потом все нижние рули и веера убрали, и корабль с деревянным стуком коснулся земли. Тут же двое матросов — на носу и на корме — соскользнули на землю по канатам и закрепили легкие, непривычной формы якоря. *«Летящее Облако»* приземлилось.

По свистку боцманской дудки команда построилась, по борту спустили легкий трап, и тощий рулевой сошел вниз. Он одернул китель, парадным шагом подошел к Купсаху и доложил:

— Капитан, *«Летящее Облако»*, согласно распоряжению, прибыло. Жду дальнейших распоряжений.

Купсах с гордостью посмотрел на всех собравшихся, хмыкнул в некотором затруднении и произнес:

— Вольно, лейтенант. Пока никаких распоряжений не будет. Наши начальники еще ничего не решили.

Лотар так и не понял, чего было больше в этом простодушном утверждении — желания подтолкнуть его к решению, неосознанной дерзости или разочарования. Впрочем, могло оказаться, что все это было заранее оговорено, в таком случае Купсах был недурным актером.

Лотар, Сухмет, Рубос и четыре ученика отправились осматривать корабль изнутри, а все остальные вернулись в свои шатры ждать решения Желтоголового.

Впрочем, терпения у них хватило только до вечера. Как только вокруг корабля была расставлена стража, все вчерашние гости, приглашенные на ужин, появились в главном зале Лотарова дома.

Лотар вошел в зал, еще не зная, что он скажет всем этим людям. Проведя весь день в разговорах с Рубосом, рассматривая механизмы *«Летящего Облака»*, просто приглядываясь к происходящему, он даже не вспомнил, что от него ждут решения.

Усевшись на свое место, Лотар оглядел собравшихся и жестом пригласил начать трапезу. Застучали ножи и вилки, тихо, как тени, стали расхаживать слуги, приведенные в дом из лагеря. Четыре его ученика тоже сидели за столом, но в самом дальнем углу зала.

Молчание длилось очень долго. Лотар хорошо ощущал, как растет ожидание, превращаясь в настоящую муку для собравшихся. Наконец он спросил:

— Мне кажется, нет смысла тратить время на торг о цене, вы уже все продумали?

Джимескин кивнул, отложил двузубую серебряную вилку, которой он ковырял в тарелке небольшого пескарика, достал из-за обшлага рукава записку и протянул Лотару, но взял ее Сухмет. Он развернул записку. Глаза старика чуть дрогнули, и Лотар без труда прочитал в его сознании единственное слово — колоссально!

— За эти деньги, Желтоголовый, мы могли бы оснастить неплохую армию, обучить ее и одержать одну победу. Но у нас нет времени ни на оснащение армии, ни на ее обучение. И нас не устраивает одна победа. Нам нужно, чтобы все три вражеские армии повернули назад.

— Мэтр Шивилек, сколько раз, согласно вашим записям, я отказывался от предложенной работы? — спросил Лотар сидевшего через стол наискосок ученого.

— Более сотни, к сожалению, Желтоголовый. У вас отвратительная репутация человека, который не любит ни очень дешевых, ни простых заданий и всегда требует, чтобы все было исполнено, как он скажет. На севере континента даже есть выражение — Лотаров прием. Это нечто такое, что работает непонятно как, что никому не под силу повторить и стоит необычайно дорого.

— Да? Никогда не слышал, — буркнул Лотар холодно. Подумал и добавил: — Вообще не слышал, чтобы обо мне рассказывали какие-то байки.

— Ну, было бы странно, если бы их рассказывали тебе, — пробурчал Рубос. Рот его был набит так, что даже щеки оттопырились, но Лотар без труда видел, что от волнения он не может проглотить ни куска, лишь делает вид, что ест.

— Зато у тебя есть последователи, — заявил вдруг Шивилек. — Они носят такую же налобную пластину, требуют изготовить им меч, похожий на твой, и тоже пытаются охотиться на нечисть.

— Интересно. И что же думает об этом нечисть?

Джимескин холодно усмехнулся:

— Как правило, очень довольна и приглашает следующих идиотов, как только прожует предыдущих.

Лотар отложил нож, взял кружку с разбавленным сидром и сделал громадный глоток.

— Ну ладно. Сухмет, что ты думаешь обо всем этом?

— Любой самый кровожадный демон может сожрать пару дюжины людей или погубить души сотни склонных к пороку дураков. Но война — это такая штука, которая уничтожит множество городов и погубит души сотни тысяч людей, которые могли бы еще спастись в будущих перерождениях. А так, — он обреченно махнул рукой, — карма их будет непоправимо испорчена. Потому что это война.

Лотар посмотрел на учеников. Они делали вид, что смотрят в тарелки, но до неловкости откровенно копались в душевном состоянии и мыслях едва ли не каждого из гостей, пытаясь как следует прочувствовать ситуацию.

— Каш, ты главный стратег у нас, можешь что-нибудь сказать?

— Полетать на этой штуке очень хочется, — промямлил юноша, чем вызвал улыбку у Сухмета и Купсаха.

— Лотар, а что ты на самом деле думаешь? — спросил вдруг Рубос.

Лотар сосредоточился. Эта мгновенная, как в бою, мобилизация принесла ответ. И он произнес:

— Думаю, в этом вызове есть какая-то предопределенность. И противником нашим на сей раз будет кто-то или что-то, с чем все равно предстоит когда-нибудь сразиться. — Он обвел взглядом лица людей, которые не отрываясь смотрели на него, хотя не очень понимали, что он говорил. — Ну а раз так, тогда... Купсах, подготовь еще шесть мест на твоём корабле для меня, Сухмета и четверых моих подручных.

Он встал и посмотрел на всех собравшихся. Что-то встревожило Желтоголового, словно на миг тут появился кто-то абсолютно чуждый, кровожадный, обладающий огромной магической силой. Словно их за тридцать земель сейчас подслушивал некий демон, заранее спланировавший и эту войну, и даже решение Лотара.

Тогда он медленно проговорил, словно был не уверен в своих словах:

— Джимескин, я говорю «да». Мы отправляемся завтра с первыми лучами солнца.

Глава 5

Лотар стоял на баке, опершись на фальшборт локтями, и смотрел вниз, на проплывающие под ними сочные, зеленые лужайки, темно-зеленые куши деревьев и каменистые осыпи на склонах холмов. Далеко впереди на горизонте клубились темные тучи, и магическим зрением в них можно было рассмотреть даже редкие отсветы бьющих молний. Именно туда корабль и держал курс.

Позади осталась хмурая, мутно-голубая пелена. Там было море, и морской воздух, всегда такой чистый, с этой высоты казался упругим и почти враждебным маревом. Лотар даже подумал, не переселиться ли ему в этот гористо-лесной край, но потом пожалел свой дом за частоколом, соседние города с певучими и ласковыми названиями, тех немногих друзей, которые у него все-таки появились на южном побережье континента, и решил, что никому да перебираться не станет.

Внезапно корабль накренился. Те, кто был на палубе, судорожно стали хвататься за все, что подворачивалось под руку. Лотар так сжал ванты, идущие к серебристой гондоле, что даже костяшки пальцев побелели. Высота давила на всех, даже на него — больше всех привыкшего к полетам. Что уж говорить о других потчуках?

На борту *«Летящего Облака»* оказалось пятнадцать человек. Помимо постоянной команды на корабле остались еще трое матросов и лейтенант Санс. Молодой офицер с самого начала показался ему суетливым или непонятно взволнованным, в общем, не очень приятным человеком. Лишь эти четверо да еще капитан Купсах легко переносили полет, остальные никак не могли привыкнуть к тому, как круто совершает виражи *«Летящее Облако»*, как резко вздымается под ногами палуба и как страшно выглядит пустое пространство за бортом.

Один из матросов, только что сменившийся после трехчасовой вахты на педалях машущих крыльев, потный и еще не отдышавшийся, проходил мимо. Кажется, его звали Бодр. Он понравился Лотару сразу: смелый взгляд, уверенная речь, ни грамма угодливости, выдающей скрытую слабость. Матрос улыбнулся Лотару, сверкнув белыми зубами на загорелом лице.

— По сравнению с морским кораблем одно плохо — нельзя водой себя окатить после вахты.

— Тебя сменил кто-то из моих ребят? — поинтересовался Лотар.

— Так точно, сэр. Меня и Каспа сменили Виградун и Бостарт. Осмелюсь заметить, им крутить эти треклятые педали все равно что мне грызть семечки.

Лотар посмотрел на крылья. Они стали ходить резвее и чуть резче. Все-таки у его учеников совсем другая энергетика, ребята могли и еще подналечь, просто берегли силы перед долгим трехчасовым марафоном. Лотар кивнул Бодру, и тот исчез в люке, ведущем в матросский кубрик.

«Летящее Облако» шло весь прошлый день и всю ночь, хотя Купсах хотел сделать на ночь привал, опасаясь, что может врезаться в гору, или что уснет рулевой, или что в темноте трудно будет справиться с гондолой и рулями. Но Лотар настоял, чтобы они шли и в темноте. Он и сам не мог бы объяснить странного чувства, которое охватило его, как только он согласился взяться за это дело. Но теперь хотел принять все меры предосторожности.

Они прошли над континентом уже более шестисот миль, а на сердце легче не стало. Он все время ждал чего-то неприятного. Такой летающий корабль не мог остаться без внимания врагов,

которые затеяли войну. Значит, у противника должны быть и опытные шпионы, и отлаженная служба передачи информации на Восток.

Сейчас они подходили к неширокой полосе земли, которая соединяла Западный континент с полуостровами Восточного континента, причем каждый из них в отдельности был не меньше, чем весь Западный с прилегающими морями. Но такова уж особенность Восточного континента. Он был так велик, что перед этими пространствами мерки Западного континента казались почти игрушечными.

Где-то здесь находилась Задора — столица самого восточного королевства континента, расположенного почти в центре перешейка. Местный король считался решительным человеком и совсем недурным воином, под команду которого многие другие города, княжества и королевства сейчас отдали часть своих солдат, чтобы попытаться удержать восточные армии. Но, конечно, все они понимали, что это бесполезно.

А я, подумал Лотар, я — не бесполезен? Этого он не знал. Задача могла оказаться для него непосильной, или он уже опоздал, или все уже было предreshено высшими силами, и поэтому нельзя ничего изменить...

«Летающее Облако» снова резко накренилось. Лотар посмотрел на ют. Там стояли Купсах и Санс. Капитан смотрел куда-то в подзорную трубу, а лейтенант пытался управиться с тремя пультами и двумя рулями, следуя негромким командам капитана. Лотар поднялся к ним на мостик.

Вообще-то посторонним находиться там было запрещено. Сначала Купсах героически пытался ввести это морское правило на своем воздушном корабле, но уже ко вчерашнему вечеру сдался. И на многое другое ему тоже приходилось смотреть сквозь пальцы.

— Что ты делаешь? — спросил его Лотар.

Купсах оторвался от своей трубы и с легким раздражением посмотрел на Желтоголового:

— Пытаюсь найти просвет в этом грозовом фронте. Если не найду, придется садиться, раскреплять корабль и пережидать непогоду.

— Вчера утром мы решили идти вперед как можно быстрее.

— Но если это невозможно, то... — Купсах оборвал себя.

На палубе появились Джимескин со своим неизменным телохранителем и мэтр Шивилек. Они подошли к борту, банкир выглянул было наружу и тут же отвел глаза.

Эти трое переносили высоту, маневры и повороты хуже остальных. Они откровенно боялись и не могли этого скрыть.

— Да сам посмотри. Что с ними будет, если мы попадем в шторм?

— Можно просто привязать их к койкам и не обращать внимания.

— Ты осмелишься привязать к койке Джимескина? — В голосе

Купсах послышалось такое недоверие, что Лотар посмотрел на него внимательней.

Нет, капитан был по-прежнему силен духом и не страдал излишней чопорностью. Просто он переставлял кое-что в своей личной табели о рангах.

— Если будет нужно — не задумываясь, — ответил Лотар.

— Мы никогда еще так долго не висели в воздухе, — проговорил Купсах, снова прикладывая к глазу свою подозрную трубу.

— Понимаю. И все-таки нужно оторваться от возможного наблюдения за нами.

— Ну, если за нами наблюдали, что само по себе сомнительно, то мы давно от них оторвались, — отозвался со своего места Санс.

Лотар посмотрел на него, потом перевел взгляд за плечо Санса. Должно быть, лицо его изменилось так, что тот обернулся.

— Не думаю, — ответил Лотар и дернул Купсах за рукав. — Посмотри туда. Не знаю, как с бурей, но к битве тебе нужно готовиться. И быстро.

Глава 6

С юго-востока, или с правого траверза «*Летящего Облака*», заходила стая огромных темных птиц с невероятно широкими и мощными крыльями. Они шли клином и тяжело взмахивали крыльями. Лотар отчетливо видел, что на спине каждой птицы в незаметном, но удобном седле сидел маленький человечек, зарываясь в перья от холодного воздуха.

— Ничего не понимаю, — прошептал Купсах. — Это же фиолетовые фламинго, они не водятся у нас. Только в сказках...

— Это не сказки, — проговорил вдруг появившийся рядом Сухмет. — Они в самом деле питаются мясом и служат средством передвижения особой гвардии Поднебесного императора.

— А где же люди? — спросил Купсах. — Может, это дикие?

— Дикими они не бывают. Смотри внимательней. Наездники при долгих перелетах зарываются в перья на спине.

Купсах чуть-чуть изменил настройку своего прибора и вдруг побледнел.

— Жива всеблагая, они готовятся к бою! Да их же...

— Тридцать птиц, — подсказал Сухмет. — Не думал, что во всей империи столько найдется. Должно быть, их собирали не один месяц.

— На спинах у них карлики? — спросил Купсах.

— Они невелики ростом, но смею тебя уверить, капитан, в бою будут стоять великана.

— Да, — Купсах посмотрел на Лотара. — Только ты не вмешивайся. Командует здесь один, то есть я.

Лотар согласно кивнул:

— Готов исполнить любые приказания, сэр.

Теперь Купсах стал уверенней.

— Санс, свистать всех наверх! Двойную вахту на крылья. Бал-

листы к бою. Снаряды к станкам. — Он повернулся к Лотару: — Твои станут у баллист. Думаю, они лучше стреляют, чем мои.

На палубе появился Рубос. Он понял ситуацию без лишних вопросов, да и фламинго были уже недалеко. Даже цвет их оперения — мертвенный, как проклятие, и в то же время ослепительный — можно было разглядеть без всякой зрительной трубы.

— Рубос, неси арбалеты, да стрел побольше.

Мираец исчез. Следом за ним пронесся Сухмет. Он хотел помочь миранцу, захватить посох Гурама и вооружиться Утгеллой. Идея с посохом в самом деле была недурна.

Прежде чем уйти с мостика, Лотар повернулся к Купсаху:

— Прикажи еще защитить рулевого щитами или какими-нибудь циновками. Уж очень он на виду.

Погоня продолжалась недолго. Уже через полчаса, когда фламинго, набрав высоту на добрую тысячу футов больше, чем *«Летящее Облако»*, выстроились в прямой ряд, чтобы атаковать корабль, стало ясно, что боя не избежать. Боя, который очень быстро может закончиться поражением — уж очень велико было преимущество противника.

Это понимал даже Джимескин, которого попросили подносить стрелы к баллистам.

— Что они собираются делать? — спросил Лотара Рубос, накладывая стрелу на тетиву арбалета. — Я в такой войне никогда не участвовал и не понимаю ситуацию.

— Я тоже.

Вдруг Сухмет вздрогнул:

— Господин мой, может быть, тебе превратиться в Черного Дракона? Тогда от одного твоего дыхания они разлетятся, как...

— Да, Лотар? Это может спасти нам жизнь.

Желтоголовый покачал головой:

— Нет. Это как раз и кончится нашим поражением. Не знаю почему, но могу объяснить, но чувствую. Словно они именно этого и добиваются.

— Ну, тогда...

Рубос поднял арбалет и выстрелил в первую из соскользнувших в атакующее пике фламинго. Стрела прошла гораздо ниже, чем нужно. Или погонщик заметил выстрел и чуть придержал свою птицу.

Лотар повернулся к Сухмету:

— Может быть, ты сумеешь поджарить некоторых птиц своей магией?

— Нет, господин мой, тут все слишком быстро меняется, я буду промахиваться.

Выстрелила одна из баллист. Туча стрел пронеслась совсем близко от одного из фламинго. Но ни одна не задела его. Птицы ловко уворачивались. Их маневренность просто поражала.

Тут одна из цепочек птиц вдруг развернулась боком и стала сбрасывать ослепительно белые шарики примерно туда, где *«Летящее Облако»* должно было оказаться через несколько мгновений. Но Купсах не стал дожидаться.

— Санс, круто влево, провалиться мне на месте!

Корабль заложил такой вираж, что выстрел из второй баллисты ушел вообще в сторону далекой грозы.

Одна из птиц пролетела вниз почти как камень, но наездник успел выстрелить в корабль из небольшого арбалета. Он целился в гондолу, однако горящая стрела воткнулась в борт, рядом с Паргуазом, который пытался бить из лука, как на стрельбище. Могуций телохранитель прервал стрельбу и выдернул пылающую стрелу из обшивки. Потом швырнул ее вниз и снова потянулся за стрелой, которую ему протягивал Джимескин.

Нужно было что-то придумать.

А тем временем белые шары долетели почти до корабля. И одна из бомб взорвалась...

Белый, переливающийся морозными искрами шар вспыхнул перед *«Летящим Облаком»*. Парящие вниз другие белые бомбы, попадая в этот шар или касаясь его, взрывались такими же облаками. После взрыва первой бомбы чуть правее по курсу повисла белая, дохнувшая ледяным холодом туча.

Проходя мимо, *«Летящее Облако»* задело ледяную тучу самым кончиком правого крыла, которое тотчас покрылось узорчатым, переливающимся налетом. При очередном взмахе эта часть, не выдержав давления воздуха, отломилась, а все крыло содрогнулось.

— Оружие глубокого охлаждения, — пробормотал Сухмет. — Пятьсот лет как минимум такого не видел.

Тем временем наверху фламинго выстраивались в новый ряд, чтобы опять блокировать полет *«Летящего Облака»* уже с другой стороны. Их стало больше, почти три десятка. Погонщики догадались, что именно массированный и слаженный удар обеспечит им победу.

Баллисты стреляли теперь не переставая, один раз выстрел даже накрыл птицу, но три или четыре стрелы, засев в твердых, как железо, перьях, лишь заставили ее повернуть на юго-восток. Это разочаровало даже стрелков, они вовсе не убили этого зверя, они всего лишь отогнали его, а три десятка других снова приготовились.

Рубос стрелял из арбалета. Он все точнее и лучше целился. Вскоре Лотар понял, что во фламинго можно попасть, если отвлечь внимание наездников, чтобы они не уворачивались... И еще он разглядел за спинами наездников большие корзины с белыми шарами.

— Сколько у них этих припасов? — спросил он Сухмета.

— Они не очень тяжелые, господин. Их даже ветром сносит.

— Из чего они сделаны? — не очень к месту поинтересовался Рубос.

— Из воздуха, если мне память не изменяет.

— Тогда у них этих штук очень много, — решил мирамец и стал целиться в самую нижнюю птицу.

Они снова сбросили свои шары почти одновременно, но на этот раз Купсах сумел резко затормозить, используя встречный

ветер и очень резко повернув крылья в главных шарнирах, и даже чуть отдрейфовать назад. Ледяные заряды опять взорвались перед самым носом.

— Да, если мы ничего не придумаем, нам конец, — сказал Рубос, вставая с палубы, куда его опрокинул последний маневр.

— Через пару заходов они могут нас прикончить.

Лотар оглянулся. Позади стоял бледный как бумага Джимескин.

— Иди помогай Партуазу, — посоветовал ему Лотар.

Банкир что-то пробормотал, может быть, выругался, но по-существу повернулся и, цепляясь за снасти, пошел назад.

— Зря ты его так. Он не виноват, что ему... — начал было Рубос, но не продолжил.

Лотар наконец кое-что придумал. Он опустился на колени, положил перед собой две арбалетные стрелы и стал шепотом читать заклинание. Стрелы вдруг стали медленно таять, растворяясь в воздухе, как сосульки. Вместе с ними стали таять и доски палубы, но они были толстые, и слабое заклинание Лотара не сделало их совсем прозрачными.

Потом Лотар наложил одну из невидимых стрел на тетиву арбалета и наступил на вторую, чтобы не потерять ее. Выпрямился.

Фламинго стали прицеливаться. До сих пор они не получали почти никакого отпора и потому опустились гораздо ниже. Теперь до них было не больше пятисот футов. Для такого стрелка, как Лотар, это были уже пустяки.

Но когда он выстрелил, ничего не произошло. Рубос с раздражением проворчал:

— Ты куда целился, Желтоголовый?

Лотар не ответил, потому что именно в этот момент погонщики птиц сбросили свой смертоносный груз. На этот раз Купсаху пришлось сорваться в такое резкое пике, что только снасти зашвистели, а корпус затрещал, напрягаясь каждым своим соединением. И все равно снаряды разорвались так близко, что белесая мгла обожгла горизонтальный кончик левого руля. При первом же повороте белые куски рассыпались, и корабль стал еще более уязвимым, чем раньше. Теперь земля была гораздо ближе. Спикировать, чтобы набрать скорость и уклониться от следующей атаки, Купсах больше не мог.

— Вот нам, наверное, и конец, — произнес Рубос. — Интересно, это больно — промерзнуть насквозь?

Фламинго выстроились в очень плотный ряд. До них осталось не больше трехсот футов. Ближе подходить они уже не решались, потому что могли попасть в свое же ледяное облако.

Лотар хладнокровно водил арбалетом, выбирая цель.

— Чего ты ждешь? — спросил Рубос. — Все равно всех одной стрелой не положить.

— Не мешай ему, — посоветовал Сухмет. Он-то, как обычно, уже все понял, прочитав мысли Лотара.

За несколько мгновений до того, как погонщики фламинго должны были сбросить свои бомбы на корабль, Лотар выстрелил. Стрела, невидимая, как воздух, унеслась ввысь.

Лотар уронил арбалет и, вцепившись в борт, стал напряженно смотреть на противника. Он не успевал подготовить невидимую стрелу и выстрелить еще раз...

Вдруг все шары в корзине одного фламинго разом взорвались. Белая пелена плотного инея накрыла его и двух соседних фламинго. Шары в корзинах этих двух птиц тут же сдетонировали. Белый шар стал расширяться во все стороны.

Никто из наездников ничего не понял, а облако накрыло еще пять птиц, и тут же взорвались их шары...

Мгновение спустя вся казавшаяся непобедимой армада птиц и их всадников превратилась в ослепительно блестящее на солнце, густое, как масло, увеличивающееся облако. Из смертоносного сугроба сначала еще раздавались крики людей и оглушительное карканье птиц, потом все стихло. Мгновение спустя белоснежные, застывшие, как мраморные статуи, птицы со всадниками стали падать. Они летели вниз, и их искрящиеся, неподвижные крылья не улавливали ни малейшего сопротивления воздуха.

Две или три птицы еще планировали, распахнув крылья, но от давления воздуха в хрупкие крылья тут же стали разваливаться на куски...

Теперь эти острые, секущие, как лезвия, обломки могли разрубить гондолу.

Купсах, вдруг охрипнув, бросился к рулям, отпихнул от них Санса и принялся работать как бешеный. И это помогло. *«Летающее Облако»* сделало несколько резких движений, и почти все падающие фламинго прошли мимо. Кроме одного.

Острый, вытянутый, как стрела, клюв птицы воткнулся в левое крыло корабля и пробил его насквозь. Отломанная кулиса с оглушительным шелчком ударила в гондолу, и матерчатая «колбаса» стала проминаться в середине.

Мертвый фламинго с мертвым наездником в седле свалились с накренившегося крыла и улетели вниз. Но из гондолы с резким звуком стал выходить подъемный газ.

Теперь Лотар очень хорошо понимал, почему гондола была такой маленькой. Конечно, без магии здесь не обошлось. Корабль дернулся, потерял управление, повалился на левый борт и начал терять высоту.

Лотар уцепился за кстати подвернувшийся канат. Он знал, что корабль все-таки не упадет. Гондола была с мудрой предусмотрительностью разделена на секции, и газ не должен истечь без остатка.

Глава 7

Как следует отремонтировать корабль после сражения с фиолетовыми фламинго они начали уже в одном из замков короля Задоры Астафия. После первой вынужденной посадки, наскоро подлатав крыло, гондолу и наполнив ее летательным газом, стартовали и под утро оказались в столице Задоры. Кто-то из послов

сообщил им, что король находится уже на самой восточной границе. Вылетели туда еще до полудня и под вечер душного, жаркого осеннего дня, с трудом увернувшись от двух небольших гроз, они нашли этот небольшой замок Астафия. Король, услышав имена Джимескина и Шивилека, сразу принял их.

Военный совет проходил в большой комнате главной замковой башни, которую Лотар и Сухмет, быстро осмотрев стены, посчитали за бывшую детскую, и не ошиблись. Совет еще не начался, но все уже были в сборе. Вдруг дверь неожиданно открылась, и в комнату вошла грустная, немного усталая женщина. Она была так хороша, что заставляла сильнее биться сердце любого мужчины, — высокая, с тонкой талией, четко обрисованной грудью, тяжелыми, цвета спелой пшеницы волосами вокруг красивого и ясного лица.

Она улыбнулась и повернулась к Астафию:

— Прошу прощения, мой король, я забрела сюда, чтобы вспомнить, как мы здесь играли с детьми, и... Я совсем забыла, что у тебя тут новый кабинет.

В ее объяснении Лотара удивила необязательность почти всех слов, но они имели некий неясный смысл, который был, вероятно, важен для этой женщины. Увидев, как командиры западных армий Присгимул и Вернон склонились в низком поклоне, Лотар понял, что видит перед собой королеву.

— Извините, господа, если помешала. — И женщина сделала движение к двери, чтобы уйти.

— Нет-нет, любовь моя, — быстро произнес король Астафий — высокий, некогда очень красивый человек, которого беспокойства и неуверенность последних месяцев превратили в постаревшего суетливого чудака со слабым голосом. — Я прошу тебя остаться, ты же знаешь, в твоём присутствии я гораздо лучше думаю.

Да, решил Лотар, вот что на самом деле привело сюда королеву. Странное дело, сама она немного стоила как советник, но в ее присутствии король действительно стал уверенней, в нем появилась как раз та черта, которой ему до сих пор не хватало, — сосредоточенность.

— Хорошо, — снова улыбнулась королева. — Господа... — Она обвела всех взглядом и величественно наклонила голову.

— Да, позволь тебе представить наших гостей. Вот...

— Нет нужды тратить на это время. Я просто посижу в уголке, а кто есть кто узнаю из ваших переговоров. — И королева отошла в уголок, поближе к окну.

— Ну, тогда позволь представить тебя. Господа, королева Ружена. — Король Астафий подвел всех к огромной карте своих владений, расстеленной на не очень высоком квадратном столе. — Начинай, Присгимул.

Главнокомандующий армией Задоры Присгимул, светловолосый великан с глубоким свежим шрамом на подбородке, разгладил тяжелой ладонью грубую бумагу, из которой была сделана карта, и ткнул пальцем в обозначение замка, где они сейчас находились.

Краем глаза Лотар заметил, что всю карту буквально поедает глазами Купсах. Ему, навигатору и капитану, вероятно, страстно хотелось иметь такую же, но это было невозможно, и он стремился хотя бы запомнить ее. Лотар хмыкнул и сосредоточился на словах Присгимула, который принялся объяснять:

— Господа, мне приказано ничего от вас не скрывать. Общее положение таково: здесь, на перешейке между Западным континентом и прочими землями, стоят две армии. Моя, собранная за счет казны Задоры, и вторая, союзническая, которой командует генерал Вернон. — Второй командир, молодой человек с румянцем на щеках и веселыми глазами, поклонился присутствующим и попытался сдержать улыбку. — Нам предстоит встретить врага, который многократно превосходит нас численностью и, думаю, организацией. И все-таки у нас есть шансы. Прошу посмотреть сюда. — Присгимул провел пальцем по перешейку, проходящему почти строго с севера на юг. — Длина предполагаемой линии фронта около четырехсот миль. Но... — Он обвел взглядом всех собравшихся вокруг стола чужеземцев. — Самые южные миль пятьдесят составляют непроходимые топи, малярийные болота и джунгли. Вряд ли можно провести здесь организованную армию с обозами и тылами. Следующие пятьдесят миль нашего фронта не менее надежно прикрыты каменистыми и обрывистыми предгорьями, а горы занимают следующие сто миль на север, превращаясь потом в труднопроходимую песчаную пустыню.

— Уважаемый Присгимул, — произнес мэтр Шивилек, — горы — звучит внушительно, но часто лишь звучит.

— Просто Присгимул, без всяких дополнений, — буркнул генерал и вздохнул. — Вопрос неплох, чужеземец. Лишь одно я могу сказать: мы знаем те немногочисленные дороги, которые через эти горы проложены. По ним армию не проведешь.

— Есть дороги, есть и путь, как говорит старая восточная поговорка, — буркнул из-за локтя Лотара Сухмет. Он вовсе не стремился обращать на себя внимание, но Присгимул его услышал.

Глаза генерала на мгновение округлились, когда он понял, что здесь на правах законного участника совета присутствует восточник и, более того — раб, но все-таки ответил:

— По этим дорогам они будут переправлять своих солдат не один месяц, старик. И нам надо молиться, чтобы они решили именно так войти на нашу территорию. Это обеспечит нам почти нормальную войну.

— А все-таки есть посты на этих дорогах? — спросил король.

— Расставлены, ваше величество. И связь поддерживается постоянно как гонцами, так и дымовыми сигналами.

— Хорошо, — согласился король и посмотрел на королеву. Было странно видеть, как взрослый, облеченный немалой властью мужчина стремился заслужить одобрение этой женщины. Но Лотар не улыбнулся. Он мало понимал в этих отношениях, но они нравились ему, и он подумал, что, может быть, в них следовало разобраться.

— Около ста миль от северного побережья перешейка контро-

лируют мелкие, но очень многочисленные княжества и государства, которые формально не являются нашими союзниками. Они не прислали ни одного солдата нам на помощь, да это и не нужно. У них своя политика. И хотя она никак не согласуется с нашей, я могу только надеяться, что кто-нибудь из наших врагов будет настолько глуп, что сунется к ним. Эти ребята, — Присгимул провел ладонью по карте, прикрывая очень широкую полосу вдоль северо-западного побережья, — заставят остановиться любую армию. Повторяю, они свяжут любую армию мелкими, но очень многочисленными стычками, драками, боями или даже поединками. Конечно, это не тактика одного сильного... скажем так — медведя, но и стая ос способна обратить в бегство неловкого зверя, который сунется в их владения.

— Они очень от вас независимы? — спросил Лотар. — Они не станут проводниками или даже союзниками наших врагов?

— Им не позволяют свои же соседи, — буркнул Вернон. — Как только кому-то придет в голову разжиться за наш счет, его тут же осадит кто-нибудь сбоку. Это действует уже лет триста. Иначе мы решали бы здесь не проблему восточных армий, а проблему северо-западных прибрежных княжеств.

— Я согласен с генералом Верноном, — громко произнес Присгимул. — Итак, господа, остается коридор в сто, не больше, миль песка, с редкими колодцами и очень неверными дорогами. Согласитесь, это уже кое-что. Главным образом потому, что в таком коридоре три большие армии не проведешь. Обязательно столкнешься с кем-нибудь. И в этом скорее всего и заключена наша возможность спастись — сравнить их между собой.

Лотар поправил карту и провел рукой над ней, пытаясь определить, что стоит за нарисованными умелой рукой картографа значками, линиями, красками... Нет, здесь было слишком много народу, на которого это произвело бы плохое впечатление, а быстро сосредоточиться не получилось.

— Ладно, — вздохнул он и посмотрел на Присгимула, который изучал его настороженным взглядом. — Что известно о противнике?

— Противник идет тремя большими, я бы сказал, небывало большими группами армий. Самую северную составляют орды степного владыки Торсингая. Он из ханнов — самой многочисленной нации степняков. Очень жесток, известен многочисленными массовыми казнями, всю жизнь провел в походах и битвах. По разговорам, остается один, только когда очень сильно устает и уходит на берег речки или просто в степь, чтобы измотать себя жуткими по силе и сложности тренировками.

— В самом деле? — поинтересовался Сухмет.

— Он непревзойденный кулачный боец, — вставил Вернон. — У него было несколько учителей, но когда он понял, что может с ними справиться, убил всех в честном поединке и стал тренироваться в одиночку. Когда такие занятия кажутся ему очень уж бескровными, он набирает в городах два-три десятка платных здоровяков и бьется с ними один против всех. Не было еще слу-

чая, чтобы его вынесли из драки на руках. А вот из его противников многих похоронили.

— Что же заставляет их принимать этот вызов? — спросил Лотар.

— Он не раз обещал тому, кто его одолеет, отдать в жены свою дочь или сделать наследником своей степной империи.

— Вторая армия, — прервал Присгимул, — состоит в основном из Чан-Джан Фо, или в просторечии фоев. Это воины самой восточной — Поднебесной империи. Они очень многочисленны, и среди них много очень хороших воинов. Правда, считают, что все свои победы они одержали за счет превосходной организации, может быть, лучшей в мире, а не за счет личного мужества солдат.

Лотар посмотрел на Сухмета. Тот едва заметно кивнул, потом, осязав, что многие на него смотрят, нехотя проговорил:

— Генерал, который требует от своих солдат чрезмерного героизма, считается у них бездарным и должен уйти со своего поста. А вообще удивительно, как далеко на запад они зашли.

— Да, — задумчиво проговорил Лотар, — интересно было бы узнать, что их завело сюда?

— Ими командуют сразу два человека. Они, похоже, имеют одинаковые полномочия, но ни разу не ссорились.

— Стоит им поссориться, как император обоим прикажет отрубить голову, — улыбнулся Сухмет. Ему, старому восточнику, эта парадоксальная логика была ясна и, более того, казалась естественной. — К тому же каждый может шпионить за другим командующим.

— Возможно, — буркнул Присгимул. Он уже смирился с тем, что сегодня его может прерывать даже раб-восточник. — Третья армия идет довольно странным путем и состоит из вендийцев. Они чуть хуже организованы, чем фои, а командует ими, как ни странно, какой-то жрец, а не военный. Нет. — Присгимул нахмурился и поправился: — Вообще-то в их командовании очень сложная система подчинения. Наши разведчики доложили, что это связано с кастовой системой их отношений. Но рассчитывать, что это им помешает, я бы не стал.

— Хорошо бы с ними познакомиться поближе, — пророкотал Рубос.

— Со всеми придется познакомиться поближе, — ответил Лотар, изучая карту, чтобы запомнить ее хорошенько. — Так, спрашивать о расположении наших армий в деталях мы пока не будем. Времени и без того очень мало. Что ты можешь сказать о первых стычках твоих воинов с восточниками?

— Пока ничего. Но до драки дело дойдет уже очень скоро, они торопятся, хотя статья на зимние квартиры еще до снега.

— Разумеется, для этого им нужно сломить наше сопротивление до холодов, — буркнул Вернон. — Я бы на их месте тоже хотел зимовать в теплых городах, а не в продуваемых всеми ветрами песчаных пустынях.

— А если остановить их в нынешнем положении, они понесут

большие потери? — спросил вдруг молчавший до сих пор Джимескин.

Присгимул покачал головой:

— Нет, южанин. Никаких особенных потерь они не понесут, насколько я могу судить. У них есть еда на зиму, они могут устроить вполне здоровое зимовье. Единственное, на что в таком случае можно надеяться, — что активность их на время упадет. Но не дольше, чем до первых теплых весенних дней. А этого мало и не спасет нас от... — Вдруг старый воин провел рукой по лицу, словно пытался закрыть его от присутствующих. Но потом взял себя в руки и закончил: — ...от кошмара.

— Ну, Присгимул, — произнес король, — не будем смотреть на вещи так безнадежно.

— Нет, Присгимул прав. — В круг мужчин вдруг вступила королева Ружена. Она подошла к старому воину и положила тонкую ладонь ему на руку. — Лучше предположить самое скверное, чтобы постараться его не допустить. Это правило кажется сейчас самым разумным нам. — Она повернулась к Лотару и другим чужеземцам: — И нашим друзьям. — Потом подошла к королю: — Друг мой, если совет закончен, проводи меня к себе.

Король тут же повернулся к присутствующим:

— Господа. — Он наклонил голову, прощаясь. Королева сделала то же, но с еще большей грацией и изяществом.

Королевская чета вышла. Их медленные шаги затихли в дальнем конце коридора.

— Неудивительно, что король возит с собой королеву, — произнес Джимескин. — Она придает ему силы, которых, кажется, у самого короля осталось немного.

Присгимул резко повернулся к нему, сверкая глазами, потом опомнился, вздохнул и произнес едва слышным шепотом:

— По нашей традиции, король берет с собой королеву на войну, когда не рассчитывает вернуться из похода.

Глава 8

Лотар стоял у окна комнаты, которую отвели им с Сухметом и Рубосом. Мирамец давно спал, устав от перипетий дня, по старой солдатской привычке сном смывая все неприятности — настоящие или будущие. Сухмет стоял у второго низкого окна и спокойно разглядывал, как внизу в замковом дворе возились при свете факелов матросы «*Летящего Облака*» под руководством Санса. Оттуда долетали лязгающие металлические звуки, осторожные удары по дереву, негромкие команды, чей-то веселый голосок — должно быть, у ребят все получалось.

Лотар следил за отсветом, падающим от факелов на потолок их комнаты.

— Почему ты не спишь, господин мой?

Лотар вздохнул. Он и сам не мог бы объяснить, что мешает ему уснуть. Он не думал ни о чем определенном, еще не было ника-

кой причины для волнений... И все-таки Желтоголовый не мог спать, он ждал.

— Скажи, Сухмет, тебе не кажется, что я за последние годы стал болезненно подозрительным?

— Не параноик ли ты — ты так хотел сказать?

Лотар посмотрел на восточника. Сухмет, забыв обо всем, повернулся к Драконьему Оборотню и с редкостным любопытством стал разглядывать его, превратив зрачки в вертикальные полоски, как у ночного хищника. Глаза старика горели таким звериным зеленым огнем, что Лотар с опаской покосился на дверь.

— Убери это, Сухмет, вдруг войдет кто-нибудь.

Сухмет хмыкнул и снова повернулся к окну. Кажется, он уже прочитал все, что было у Лотара в подсознании, и полностью успокоился.

— Если бы с тобой происходило что-то непонятное, я бы тебе сказал.

— Значит, то, что меня здесь угнетает, не привиделось мне?

— А вот этого я не понимаю. Я всегда доверял твоей предсказательности и могу сказать, что она тебя очень редко подводит.

— Но все же подводит?

— Очень редко, я сказал.

— А сейчас?

Рубос заворочался и вдруг очень бодрым голосом, словно и не спал вовсе, проговорил:

— Лучше бы она тебя не подводила, Лотар. Не тот случай, ребята, чтобы она вас подвела.

— Ты всегда так говоришь, — со смехом ответил ему Сухмет.

Рубос одним движением сел в кровати.

— Нет, дело серьезное, обойдемся без смешков. Что тебя сейчас беспокоит, Лотар?

Желтоголовый задумался:

— То, что они не поставили около нашей двери караульного.

— Ты опасаешься нападения?

Прежде чем кто-либо возразил, Рубос уже был на ногах и одевался. Только теперь Лотар заметил, что он разделся не до конца.

— Нет, не нападения. А такого поворота, когда нам будет очень трудно оправдаться...

Странный крик пронесся над замком. Лотар оказался у окна раньше Сухмета.

— Это кричал человек.

— Несомненно, — буркнул Рубос. Он уже несся к двери.

Лотар побежал следом. Но не успели они добраться до выхода из башни, как им навстречу из темноты вывалилось стражников сорок. Лотар сначала удивился, откуда их столько, потом вспомнил, что готовится война и, конечно, солдат в замке очень много.

Солдатами руководил очень пожилой седовласый сержант, который держал перед собой узкий, не очень тяжелый меч. Остальные были вооружены кто алебардами, кто пиками, кто просто секирами на длинных ручках. Намерения всей команды не оставляли сомнений.

— Спокойно, — резко, в командном тоне произнес Лотар. Как он когда-то завидовал Рубосу, который умел командовать, и все его слушали. С тех пор он и сам кое-чему научился, но сегодня это, кажется, не действовало. Стражники даже не опустили оружие. — Мы гости вашего короля. Мы хотим помочь...

— Куда это ты бежишь так скоренько, господин гость? — певуче, по-северному проговорил сержант. У Лотара екнуло сердце — так говорили в его родных местах.

— Кто-то кричал, ребята, мы хотели выяснить кто. — В голосе Рубоса слилось желание начальственно зарычать и необходимость объясниться. Пока сержант вел себя довольно корректно, хотя, судя по всему, и не доверял им.

— А почему вы все в одежде? Время-то — в самый раз спать господам гостям?

— Мы не твои новобранцы, чтобы слушать отбой в казарме, — миролюбиво произнес Рубос. Даже до него дошло, что дело обстоит куда как серьезно.

— Предлагаю тут и подождать. И Рамон вас сохрани пустить в ход оружие — никто не доживет до утра, — предупредил сержант.

Вдруг двор наполнился вооруженными людьми с факелами. Некоторые были полуодетыми. На лицах у всех читалось беспокойство. Впереди шагал Вернон. Он первым увидел людей у двери и оказался перед строем, как будто обладал магическим даром переноситься через пространство. Взгляд его стал холодным и очень цепким.

— Ага, попались, голубчики!

— Что случилось? — спросил Лотар. Даже ему самому показалось, что его голос звучит как-то неестественно спокойно.

Вернон ответил не ему, а сержанту, который опустил свой меч, когда прибыло подкрепление, но в ножны его не убрал.

— Покушение на Присгимула. Кто-то очень ловко воспользовался ножом, троих стражей заколол, а вот со стариком ошибся... Видно, рука дрогнула.

— Это печально, — сказал Лотар, стараясь, чтобы в его тоне появилась хоть капля участия. — Но почему задержали нас?

— А потому, собака южная, — взорвался вдруг Вернон, — что тебя видели около него. И это ты пытался заколоть нашего Присгимула, нашего... Нашу единственную надежду.

— Присгимула, а не короля? — переспросил Лотар. — Ты уверен в этом, Вернон?

Только тогда он заметил, что Рубос смотрит на него как на сумасшедшего.

Взгляд Вернона на мгновение тоже стал неуверенным, потом он ответил:

— Король цел. Разумеется, я это проверил. Скоро он будет здесь. И тогда уж тебе, Желтоголовый, не уйти от расплаты. Думаю, — Вернон опять обратился к сержанту, — завтра поутру мы выведем их на стены и повесим как последних бродяг и предателей.

Сержант кивнул. По привычке старого служаки он старался сделать так, чтобы начальство не забывало, как он тут отличился.

— Вот и мне, господин главнокомандующий, странным показалось, что они бегут куда-то в одежде. А ведь после крика прошло не больше полминуты...

— Полминуты, говоришь? — Это заставило даже Вернона задуматься.

— Да, Вернон, полминуты. А еще спроси, в какую сторону мы бежали, и тогда поймешь, что мы не могли там быть, — сладким голоском пояснил Сухмет.

Вернон подумал, сделал шаг в сторону, вернулся назад.

— Не знаю, — он мотнул головой. — Думаю, вы колдуны, у вас еще и не то может получиться.

— Ну уж покушение у нас в любом случае получилось бы, — снова проговорил Сухмет.

— Ладно, — кажется, Вернон призадумался всерьез, — давайте подождем, пока все прояснится. И если это ошибка, то...

— Это ошибка, без всяких «если», Вернон, — вдруг сказал Рубос. — И ты прекрасно знаешь, что не мы покушались на Пригимула, просто потому, что воюем на одной стороне. И когда все выяснится, Вернон, тебе придется принять мой вызов, если уж мой друг не хочет с тобой, кретином, связываться и рассчитаться за оскорбление.

Вернон дернулся, чуть побледнел, но ответить не успел, за него вступился Лотар:

— Рубос, но сравнение с собакой меня ничуть не оскорбляет. Более того, я польщен, если напомнил Вернону этих благородных и верных животных, не способных к предательству.

Рубос посмотрел на Лотара как на полоумного, потом в его глазах появилось бешенство. Он понял, что его не собираются поднимать на смех, однако эта комедия несколько затянулась.

— А вот это уже не очень важно, Лотар. Этот молодец пытался оскорбить нас, и ему это удалось. И если ты хорошо относишься к собакам, то...

— Рубос, — очень мягко сказал Сухмет, — это неразумно. Вернон нужен нам, хорош он или плох. А то, что он бывает иногда... не очень разумным, — его проблема.

Вернон снова дернулся. Кажется, если бы его просто назвали ослом, он бы пережил это легче. К счастью, во двор спустилась свита короля. Впереди шли король и королева.

Они приблизились к солдатам, которые мгновенно расступились, давая своему королю возможность посмотреть на Лотара и остальных. Вернон тут же подошел к королевской чете и о чем-то тихо, но довольно пылко распространялся не меньше минуты.

— Лотар, это ты пытался убить Пригимула? — спросил наконец король.

— Нет, ваше величество.

— Я тебе не верю, Лотар. Куда ты бежал?

Лотар опять увидел, что венценосец едва может стоять на месте. Он должен был ходить туда-сюда или ломать пальцы, чтобы снять сжигающее его напряжение. Жаль, решил Лотар, в таком состоянии он не способен думать.

— Я бежал к нашему кораблю, чтобы там не случилось никакой неприятности.

— Ты пытался сбежать, Лотар.

— Я пытался посмотреть, все ли в порядке.

— Предлагаю посмотреть на корабль всем вместе, — вдруг нежным голосом проговорила Ружена, и король поразился, как это ему самому в голову не пришла такая светлая мысль.

— Хорошая идея, — согласился он. — Пойдемте.

В окружении солдат вся троица и король с королевой на некотором расстоянии, под безопасным частоколом из алебард и пик, миновали два дворика и оказались там, где Санс и матросы чинили *«Летящее Облако»*.

Все остальные — Джимескин со своим неизменным Партуазом, Шивилек, Купсах и, конечно, матросы во главе с Сансом — были уже тут. Они, кажется, даже не очень удивились, когда увидели, что стражники ведут Лотара. Их самих держала в окружении жиденькая цепь солдат.

Главное — кажется, корабль был в порядке. На всякий случай Лотар спросил, как только оказался рядом с Купсахом:

— Машина готова к полету?

— Да, — ответил капитан.

Но сейчас же раздался крик Вернона:

— Не шептаться, висельники! — После вызова Рубоса он так и напрашивался на поединок. А зря, решил Лотар, перехватив мрачный взгляд мирамца. — Отвечать на вопросы короля.

— М-да, полагается ответить на мои вопросы, — проговорил Астафий, но по тону его было ясно, что он не знает, о чем спрашивать.

А ведь молва приписывала ему мудрость и силу. Во всех войнах он одолевал своих противников, не проиграв даже самой захудалой стычки. Вдруг голос подала Ружена:

— Желтоголовый, зачем вам потребовалось убивать Присгимула?

— Королева, кто видел, что я пытался убить Присгимула?

— Видели наши стражники, которые утверждают, что убийца прямо светился золотыми волосами.

— Тогда не теряй времени, королева, прикажи обыскать путь от комнаты, где произошло покушение, до этого двора. Пусть ищут что-то похожее на парик, и прикажи провести перекличку в замке, чтобы выяснить, кто исчез...

— Из замка никто выйти не мог, — быстро проговорил старый сержант. Очевидно, он был начальником караула.

— Неожиданности имеют очень неприятное свойство, — ехидно прошипел на весь двор Сухмет, — они мешают стать лейтенантом.

По рядам солдат прокатился смех.

— Хорошо, — голосок королевы Ружены зазвенел в замковом дворе, словно колокольчик. Вот только Лотару и Сухмету, который прекрасно знал, что звон колокольчиков в сознании предуп-

реждает Желтоголового об опасности, легче не становилось. — А что будешь делать ты?

— Прикажу обыскать рундучки наших людей. Всех без исключения. Конечно, я попрошу присутствовать при этом твоего сержанта и еще кого-нибудь, кого ты или король захотите назначить.

— Что это даст? — спросил Вернон.

— Если парик найдется в наших рундучках, значит, здесь, в этом замке, есть по крайней мере один шпион. Если парик бросили по дороге, почти наверняка мы привезли его с собой...

— Ага, ты, значит, признаешься! — вскричал король. И тут Лотар впервые задумался, здоров ли Астафий Задорский.

— Не вижу логики, Желтоголовый, — произнес кто-то из свиты королевы.

Но для других логика Лотара была ясна. Даже Вернон чуть слышно пробормотал:

— Это понятно, это в традициях восточных шпионов. Думаю, он прав, королева.

— Хорошо, пусть так и будет... — начала было королева, но закончить не успела.

Молоденький солдатик бегом спустился по ступеням на стене, подбежал к свите и протянул королю что-то очень похожее на светлый конский хвост. Значение находки понял даже король.

— Где ты это нашел?

— У конюшни, мой король. Меня послали стеречь лошадей во время тревоги, я нашел это, и, как только подошла смена, я — сразу сюда.

Король повертел этот пучок волос, которые по цвету совсем не походили на Лотарову шевелюру, потом передал его королеве.

— Ну и что теперь? — спросил король уже совсем неуверенно.

— Так, — произнес Лотар, чтобы привлечь к себе внимание полубольного-полубезумного короля. — Астафий, дело, как видишь, запуталось. Покушаться на Присгимула мог кто угодно. Сейчас мы не можем искать преступника, просто нет времени. Но я убежден, что когда-нибудь это разрешится. А сейчас просто дай нам улететь.

— Просто так... улететь? — Он беспомощно посмотрел на королеву.

Та, в отличие от мужа, была уверена, что это наилучшее решение. Лотар не сомневался, что этот выход придется ей по вкусу. На нее-то и было рассчитано предложение.

— А ты сможешь улететь? — спросила она.

Лотар посмотрел на Купсаха, тот кивнул:

— Да, мы улетаем, прекрасная королева.

— Вот только... — Ружена не очень уверенно посмотрела на Астафия, который, казалось, был даже расстроен тем, что дело так неожиданно закончилось. — Обещай поставить нас в известность, если что-нибудь узнаешь.

— Этим мы и занимаемся, королева, — ответил Джимескин.

— Конечно, я обещаю, — ответил Лотар и повернулся к «Летящему Облаку».

— Кстати, мое обещание тоже остается в силе, — громко, ни к кому не обращаясь, проговорил Рубос.

— Что такое? — подняла голову королева.

Она великолепная королева, подумал Лотар, а вслух сказал:

— Рубос, нет.

— Это уже не совсем твое дело, Лотар, — упрямо заявил мирамец.

— Мое. Думаю, все вы должны понять: это было не столько покушение на Пристимула, сколько на нас. И ты сейчас лезешь прямо в эту ловушку.

Рубос призадумался. А Вернон громко и отчетливо произнес:

— Разрази меня нечистый, кажется, я готов теперь с этим согласиться.

Глава 9

— Ну а вы-то чего стояли столбиками, когда Лотара собирались казнить на ваших глазах? — приставал Рубос к четырем ученикам, вольготно развалившись на палубе под лучами полуденного солнышка.

Всю ночь и все утро они работали не останавливаясь — кто крутил педали крыльев, кто приводил в порядок машины, не доделанные в замке Астафия. И только сейчас напряжение спало, все было готово. И даже появилась возможность разобраться в том, что произошло прошедшей ночью.

— Ему там ничего не грозило, — уверенно сказал Каш. — Он же контролировал ситуацию не хуже, чем королева.

— Ну, предположим. А вы видели что-нибудь?

— Мы были все время на глазах у всех. И все были у нас на глазах, — уверенно сказал Рамисос.

— Ну а с помощью магии вы могли понять, кто из наших?.. — договорить Рубос не успел.

— Дядя Рубос, в том замке такая плотная завеса висит, — произнес Виградун, — не то что заметить, даже сообразить ничего не успеваешь.

Вот это было уже что-то новенькое. Неужели Лотар оказался тупее своих учеников? Конечно, острота восприятия со временем может и притупиться, но не сейчас, не так быстро.

— Виградун, — позвал его Лотар, и юноша вырос перед ним, прежде чем Рубос успел мигнуть. — Как ты опишешь общее состояние в замке?

— Гнетущее и в то же время очень возбужденное, — быстро ответил ученик. — Это специально так устроено, чтобы голову потерять.

— Например?

— Король. Он вообще кажется какой-то куклой.

Краем глаза Лотар заметил, что остальные слушают их очень внимательно. И даже матросы «*Летящего Облака*», которые обычно держались подальше от пассажиров, вытянули шеи, как жирафы.

— А почему покушение было не на короля, а на Пристимула?

— Да все по той же причине, Учитель. Король у них, почитай, уже в кармане. — Лотар чуть поморщился от этого выражения, но вообще-то был согласен и потому ничего не возразил. — Присгимул — вот кто, кажется, еще не сдался окончательно. Но вообще-то если уж наносить удар, то по королеве — она по-настоящему управляет сейчас ситуацией. И кажется, скоро выяснится, что она может и войсками командовать.

Лотар кивнул:

— А теперь скажи, почему провалилось покушение?

Виградун рассмеялся:

— Да оно не провалилось, Учитель. Просто кому-то хотелось поднять шум, ну он и устроил суматоху, а так... — Юноша снова хмыкнул. — Мне кажется, даже Вернон понимал, что у шпиона не было ни единого шанса.

— Пожалуй, ты преувеличиваешь. Шанс у него все-таки был, если он серьезно ранил Присгимула, — пробормотал Лотар. — А впрочем... Все-таки кто из наших мог это сделать?

Юноша стал серьезным, а потом уверенно ответил:

— Каждый, кроме нас четверых. Мы даже во сне чувствуем, куда кто пошел.

— Матросы?

— Отлучались пару раз в отхожее место и отдыхали на сене в углу двора.

— У конюшни?

— Нет, но к конюшне можно было пройти по очень темным закоулкам, никто бы ничего не заметил.

— Кто из офицеров мог это сделать?

— С нами был только Санс. Он мог сразу после полуночи, за час до тревоги, незаметно исчезнуть. Только он был совсем усталый, поэтому и пошел соснуть на соломе. Там же на соломе валялся и Крилос, парень из Мирама, но он очень быстро вернулся, задолго до тревоги.

Лотар присмотрелся. Все другие ребята были согласны с Виградуном.

— Может, ты заметил что-то странное среди солдат, которые держали факелы, пока вы работали?

— Эти сонные тетери? — Юноша снова хмыкнул.

Что-то он чересчур весел сегодня, подумал Лотар. Внезапно его сердце сжалось от предчувствия потерь. Зря он взял их с собой, но теперь отослать ребят назад невозможно, не подвергая опасности столкнуться с разъездами и патрулями ханнов. И кроме того, от них потом уже никогда нельзя будет требовать настоящего боевого задора.

— Эти увальни не найдут даже жену в собственной спальне, — мальчишка блеснул зубами, заметив восхищение в глазах приятелей. Даже Рубос коротко хохотнул.

— Очень смешно, — грустно произнес Лотар. Большого и не потребовалось.

Юноша опустил голову:

— Прости, Учитель. Мне показалась забавной эта шутка, когда я ее услышал.

— Можешь идти, — ответил Лотар, зная, что теперь чуть не до самого вечера все четверо будут переживать неудачу Виградуна. Он повернулся к Рубосу: — Зря я их взял, они еще совсем мальчишки.

— Ты был не старше, когда я взял тебя в свой отряд, — прогудел Рубос ему на ухо.

— Он был воин, — спокойно ответил Сухмет, поднимаясь по лестнице на палубу.

Похоже, он единственный из них выпался. Сейчас он был свеж, как июньский скворец, и, конечно, все слышал. Если уж мысли Лотара были для него открытой книгой, то что говорить о таком пустяке, как разговоры на палубе?

— Видел бы ты его вначале, а не позже, когда он стал Драконнымоборотнем, — ответил Рубос.

— Неужели ты думаешь, за восемнадцать лет я не видел его, когда он не был Оборотнем? — поинтересовался Сухмет.

Рубос так и не сообразил, а Лотар с удивлением понял, что Сухмет ценит и те дни, когда vyhаживал его после очередной драки, израненного, задавленного болями или переживающего неудачи...

— Вообще-то для этого существуют женщины, — ответил Рубос — знаток жизни и женщин в особенности.

— Женщина в нашей профессии не выжила бы, — решил Сухмет.

— А леди Ружена? — спросил Лотар.

— Таких, как королева Ружена, очень мало, господин мой. Впрочем, — старик сделал паузу и посмотрел за борт, — когда-нибудь нам придется подумать и об этом. А пока нужно что-то решать с наблюдателями.

Он указал на конный разъезд ханнов, которые заметили *«Летящее Облако»*, остановились и стали показывать на него пиками.

Лотар вспомнил, что однажды что-то очень похожее с ним уже было.

— Тут и думать нечего. Садись на бак и заклинай, чтобы мы стали для них незаметными, — пророкотал Рубос и выглянул через борт.

Сухмет, как ни был голоден, действительно пошел на бак, сел неподалеку от погонной баллисты и принял молитвенную позу. Лотару магия Сухмета всегда казалась чудом, которому он рассчитывал когда-нибудь научиться. Желтоголовый стал прислушиваться:

— Кара-соль монепт Ху, варазом по та тчхи смагараг во сту фатпх...

Лотар подумал, что этого языка он не выучит никогда в жизни. Для этого ему следовало бы приделать себе глотку, как у восточного муэдзина, и вторые легкие. И все-таки он слушал.

Внезапно перед стариком оказался посох Гурама. Может быть, Сухмет заранее положил его туда, а Лотар этого не заметил. Сле-

довало подумать о своей рассеянности... Но вообще-то сейчас это было не самое главное.

Посох засветился. Потом вдруг от него в разные стороны раздвинулись неширокие лучи, которые стали вращаться, и воздух вокруг *«Летящего Облака»* стал таким блестящим и густым, что сквозь него не было видно даже землю. Лотар уже хотел было сказать старику, что он не с той стороны установил невидимость, как вдруг что-то со звоном лопнуло, и они оказались в широком коконе, который абсолютно не мешал их кораблю лететь над степью, поросшей редкой травой, а с земли, с боков и даже сверху оставался абсолютно непроницаемым, хотя и прозрачным изнутри. Этот кокон мог продержаться до вечера.

Сухмет еще раз мысленно проверил свое сооружение и пошел вниз. Ему хотелось есть. Лотар подумал было, что недурно бы выпить разбавленного сидра или того сока, который Сухмета научил делать Кнебериш, и тут же увидел восточника с небольшим кувшином в руках, в котором весело плескалась вода. Потом старик все-таки ушел есть.

— Ну, — спросил Рубос, когда Лотар напился, — можешь объяснить, что дальше?

— Да, господин Лотар, куда ты направил корабль?

Это были Джимескин с Партуазом. Рядом с ними стоял Купсах. Лотар поднялся с палубы, посмотрел на ют. За рулями был Санс. Крылья *«Летящего Облака»* крутили матросы, его ученики переживали возле правого борта, на самом солнцепеке, но все-таки слушали его методом Сухмета, боясь пропустить хоть слово.

— Капитан, сколько, по-твоему, мы прошли за последние двенадцать часов? — спросил Лотар.

— У меня получилось, что более двухсот пятидесяти миль. Нам немного помог ветер.

— Значит, до передовой от этих разъездов ханнов, — Лотар указал еще на один отряд кочевников, которые на этот раз мирно проезжали под ними, — осталось миль двести, если не меньше. То есть до того момента, когда война станет необратимой, осталось меньше недели.

— Мы все это понимаем, Лотар, — буркнул Джимескин. — Что мы будем делать сейчас, сегодня?

— Мы идем к берегам речки Говарли, где будем искать главный лагерь Торсингая.

— Почему ты думаешь, что он именно там разбил свой лагерь? Ты получил какие-нибудь сведения, о которых не сообщил нам? — поинтересовался Шивилек.

— Вчера на совете Присгимул рассказал кое-что о том, как Торсингай принимает решения. Он, должно быть, стоит сейчас на берегу реки и тренируется, ожидая, пока решение забрезжит в его мозгу. Совсем неплохой метод, должен признать. Если бы у меня было время, я бы тоже так делал.

— Он сказал, что так Торсингай восстанавливает силы, но не было сказано ни слова, что он так же вынашивает свои планы, — произнес Джимескин.

— Это очевидно.

— А почему ты собираешься его искать именно на берегах Говарли-Дарь, как полностью звучит название этой речушки? — Шивилек не мог не продемонстрировать Джимескину свои познания. — Это ведь даже не самая большая река в этих степях. Казалось бы, для двора такого великого завоевателя, каким считается Торсингай, нужна большая река.

— Разумный воин, мэтр, ищет не самую большую, а самую чистую, чтобы избежать болезней, — спокойно ответил Лотар. — Именно поэтому он становится не ученым, а завоевателем.

Адъютант слегка покраснел. Лотар надеялся, что хотя бы полчаса он не будет демонстративно выгружать перед ними свои познания.

— И все-таки, Лотар, что ты будешь делать, когда мы найдем его?

— Я попробую найти его фокус. Не общий фокус жизни или планов, а фокус или направление его недавних поступков.

— Что такое фокус? — спросил Джимескин.

— Кросс, смотрите! — заорал вдруг матрос, которого поставили впередсмотрящим. Он был очень возбужден и показывал куда-то пальцем.

Все подошли к борту. Да, на это стоило посмотреть. До самого горизонта по выжженной степи тянулись повозки, между которыми на бесчисленных крепких восточных лошадках ехали верховые воины. Это двигалось войско Торсингая.

Их было очень много, десятки тысяч. И они шли на этот недружелюбный Запад со своими женами и детьми, которых везли в повозках, со своим оружием и, конечно, со своими животными, которых ценили больше жизни. Над этой рекой кочевников поднималась туча пыли, взбиваемой бесчисленными копытами, ногами, колесами...

Не успело *«Летящее Облако»* приблизиться к этой массе людей, животных и повозок, как Джимескин болезненно сморщился и отпрянул от борта.

— Что... что это?

— Это их запах, господин, — отдельно произнес Партуаз.

— Нужно молиться, чтобы этот запах не появился в наших домах, — проговорил вдруг обычно сдержанный Купсах.

— Но... Но сколько же их тут? Это же целое море. Они способны поглотить весь Запад! — воскликнул Шивилек.

— Сухмет, — позвал Лотар негромко, зная, что старик стоит возле его плеча. — Сколько у Торсингая таких колонн?

— Это не самая крупная, а средняя, господин мой. Таких у него пять. Есть еще три действительно крупные, которые ведут самые богатые и сильные роды его империи. А мелких я пока считать не могу, их несколько десятков.

Джимескин гулко проглотил слюну.

— Сколько же у него солдат?

Сухмет справедливо решил, что вопрос обращен к нему, и пожал плечами:

— Этого не знает никто из смертных, господин.

Джимескин был возбужден. Он повернулся к Сухмету и даже взял его за отворот халата, словно тот мог исчезнуть или убежать.

— А две другие... Я имею в виду армии — они-то меньше?

— Мне кажется, господин Джимескин, это войско самое малочисленное из тех, что идут на нас. Армия вендийцев просто больше этой, а фоев... Ну, этих-то даже не сосчитать. Я в этом уверен.

Казалось, Джимескина хватил удар.

— А мы на подходах к королевству Астафия считаем каждого солдата. Что же будет? Как же мы со всем этим управимся?

— Если ты подразумеваешь возможность победить их, то это безнадежно, — ответил Лотар. И снова его собственный голос показался ему чересчур спокойным. — Это просто невозможно. Но спасти Запад все-таки необходимо... Как — не знаю, я пока еще ничего не придумал.

Тут нервы Джимескина не выдержали, он повернулся и сошел вниз.

Они миновали один безбрежный поток кочевников, потом появился второй, потом они вышли на небольшую речку, и Лотар приказал идти вниз по ее течению. Речка тоже текла на Запад, как и ханны.

Скоро эта речка влилась в большую реку с пустынными берегами. Определенно истоки живительной влаги в этих краях степли довольно внимательно.

Лотар хотел было приказать впередсмотрящему, чтобы он не пропустил ставку Торсингая, как вдруг на горизонте появился настоящий кочевнический город — несколько тысяч ковровых, очень дорогих шатров.

Лотар подошел к Сансу:

— Спустись пониже, лейтенант. И прикажи всем соблюдать тишину. Невидимость невидимостью, но шум на корабле могут слышать.

Теперь даже приказы передавались шепотом.

«Летящее Облако» шло очень низко, на высоте в три десятка сажень. Лотар знал, что он встретит Торсингая, он вычислил это, как только услышал рассказ Присгимула о повадках кочевого владыки. И не ошибся.

Они перевалили через небольшой холм и увидели, как сотня кочевников взяла в полукольцо берег реки, где одинокий, голый по пояс человек очень упорно работал с небольшим шестом. Наметанным глазом Лотар определил, что Торсингай в превосходной форме.

— Санс, — шепотом приказал он лейтенанту, — держи всех под рукой, но тихо, чтобы эти, — он кивнул на ханнов-стражников, — ничего не слышали.

Потом он спустился, нацепил самое скромное оружие, затянул на спине Гвинед и снова вышел на палубу.

Сухмет был уже здесь. Вопреки привычкам, он оделся в обыкновенный восточный халат, а его Утгела была так тщательно за-

маскирована, что выглядела не дороже обычного ножа из кухни бедного постоянного двора.

- Сухмет, я хотел отправиться один.
- Нет, господин мой.
- Сухмет.
- Нет.

Лотар еще раз посмотрел на старика. В этот момент из люка вывалился Рубос. Он был великолепен. В роскошной восточной кольчуге и с огромным ятаганом, который показался Лотару очень знакомым, мирамец выглядел не хуже самого Торсингая.

- Рубос, а ты-то куда? Это будет не драка, не...

У того места, откуда обычно сбрасывали веревочный трап, спинами к фалышборту сидели четверо учеников. Все одеты были очень просто, но в бою, особенно в маневренном бою, эта простота стоила бы жизни многим противникам.

- А вы куда?

Лотар понял, что повторяется. Нужно было объясниться.

— Послушайте, это не бой, а всего лишь попытка определить фокус противника. Это довольно сложно. Если вы все пойдете со мной, он насторожится, и мне придется убить его. Значит, появится другой степной император, его снова нужно будет вычислять, искать к нему подходы... Тем, что вы задумали, вы все усложняете.

- Ты лукавишь, Лотар, — сказал Рубос.

— Тише, ты хочешь, чтобы они нас услышали? — Но даже окрик на Рубоса сейчас не действовал. Пламя сопротивления в его глазах не погасло. — Хорошо, вы можете быть наготове. На случай осложнения ситуации. Но сами без моей команды не вмешивайтесь. Это приказ, понятно?

— Ты не сможешь с ним договориться, господин мой, ты не знаешь языка.

— Хорошо. — Лучше было мириться с Сухметом, чем со всеми этими героями разом. — Со мной пойдет только Сухмет. Остальные — в засаде. А теперь, — Лотар повернулся к Сансу, — лейтенант, опустишь, чтобы я мог сойти мили за две до этого повелителя степей.

Глава 10

Огромный воин с жиденькой бороденкой на очень гладких щеках и горящими раскосыми глазами молча ткнул Лотара в грудь. Копье он не поднимал — ему было жарко, он ленился даже сказать что-нибудь этому чужеземцу с желтыми, как солома, волосами.

— Мне нужно к императору степи, — произнес Лотар заранее заготовленную фразу.

Бородатый ответил что-то, еле выговаривая слова. Казалось, они едва вываливаются у него через нижнюю губу.

— Он говорит, всем хотелось бы к господину царей, но это не положено.

— Я кулачный боец, — ответил Лотар, глядя прямо в глаза воина.

Вокруг стало тихо. Несколько других охранников с интересом повернули головы к Лотару. Потом один из них, самый молодой, что-то провизжал, и все, кто его слышал, рассмеялись.

— Он спрашивает, ты хочешь умереть?

— Очень забавно, — буркнул Лотар, потом изобразил вежливую, даже приторную улыбку. — Думаю, я докажу Торсингаю, что он не первый боец в мире.

Все, кто был поблизости, тут же выставили копья и окружили их.

Лотар еще не вытаскивал Гвинед, он лишь изучал два десятка узкоглазых лиц, которые повернулись к нему, дыша угрозой. Уголком губ он спросил у Сухмета:

— Что я сказал не так?

— Не нужно было поминать его по имени, — ответил старик, не поворачиваясь.

— Эй! — крикнул Лотар так, что кое-кто из солдат охранения даже потерял бдительность и чуть-чуть опустил копье. — Император степи, меня не пропускают к тебе!

Одинокая фигура возле реки замерла. Потом Торсингай присел несколько раз, отложил шест и трусцой побежал в сторону Лотара.

Желтоголовый смотрел на этот бег и гадал, насколько опасен Торсингай. Получалось, что он очень хорошо тренирован, с умом владеет той техникой, которую нарабатал долгими упражнениями, но ограничен, как почти каждый, кто слишком рано отказывается от учителей. Впрочем, может, он и в самом деле постиг все, чему его могли научить эти степняки. Откуда же такая слава? Ведь есть очень сильные бойцы на юге, есть фои, наконец, — создатели очень эффективных боевых систем.

Вблизи он оказался громадным, фунтов триста, не меньше. Ноги и руки его выдавали недюжинную силу. Но Лотару показалось, что в этом человеке жила еще просто невероятная для такой массы скорость.

Один из охранников непочтительно остановил своего господина на расстоянии трех десятков шагов от Лотара и Сухмета. Торсингай, привычно подчинившись требованию телохранителя, спросил:

— Что тут происходит?

У него был иной выговор, чем у бородатого. Его, как ни странно, Лотар понимал.

— Я хочу биться с тобой, но меня не пускают.

— Биться? — Торсингай рассмеялся, хотя, насколько Лотар мог судить, глаза его остались абсолютно непроницаемыми. — Ты не производишь впечатление силача.

— Думаю, побеждает не сила. Вернее, победа не только в силе.

— Отпустите его, — потребовал Торсингай.

Охранник уверенно и жестко заговорил. Торсингай выслушал его и кивнул:

— Да, нужно, чтобы ты снял свой меч. И дал себя обыскать.

Лотар изобразил удивление, хотя все шло так, как и было задумано.

— Мой меч стоит дорого, а твои головорезы не производят впечатление добропорядочных слуг.

Бородатый, чуть дрогнув от удивления бровями, нанес удар. От такого удара успела бы улететь даже муха. Лотар перехватил его кулак, вывернул во внешнюю сторону, а когда вояка согнулся от боли в кисти, открывая правый бок, ударил ногой в печень, под нагрудную пластину. Степняк рухнул в пыль и отключился. Впрочем, он был жив.

— Я никому не позволю себя ударить, — спокойно прокомментировал Лотар и взглянул на Торсинга: — Ну, так как?

— Можешь оставить меч своему слуге. Ему-то ты веришь?

Лотар кивнул.

— Но твои должны отойти от него на пять десятков шагов. Иначе, боюсь, они все-таки попробуют выслужиться перед тобой, а мой слуга стар.

Сухмет хихикнул, восхищенный Лотаровым замечанием, и горделиво выпрямился. То, что он, сморщенный и согнутый годами старик, мог справиться со всей этой сворой, пока должно было оставаться в тайне.

— Хорошо, — согласился Торсингай. — А потом, если мы подружмся, я попрошу тебя все-таки показать мне это чудо света, которое ты так бережешь.

— Подружмся? Один из нас, кажется, должен будет умереть. Я пришел биться с тобой за право обладать твоей властью. На кон ставлю свою жизнь.

И Торсингай, и его стража от смеха просто повалились на землю. У них очень простое чувство юмора, подумал Лотар. Если бы он знал это раньше, он бы попробовал проникнуть в их лагерь как обыкновенный шут. Хотя нет, на это потребовалось бы время, да и язык он знает плоховато. Отдышавшись и смахнув с ресниц слезу, Торсингай проговорил:

— И чего только не разнесут по степи эти болтуны. Власть свою в поединке против твоей головы я ставить не буду, слишком неравные ставки. Но если ты действительно такой боец, каким представляешься, я могу предложить тебе стать моим темником и отдам в жены одну из третьестепенных дочерей. Но могу и убить тебя, если сочту необходимым. Согласен?

Лотар, решив, что играть больше не стоит — любой степной бродяга с радостью согласился бы на эти условия, — заулыбался и принялся отгонять стражников, чтобы отдать Сухмету свои легкие доспехи и Гвинед.

Когда Торсингаева свита отошла подальше, Сухмет, сохраняя угодлившую улыбочку, серьезно сказал:

— Ты говорил очень уверенно, господин. Но теперь ты должен помнить о разнице в чинах. Дай ему выиграть достойно. Это важно.

— Ты уверен, что я одолею его?

— Несомненно. Я внимательно считал его состояние, в нем нет ничего магического, равным счетом ничего.

— А если что-то получится не так?

Улыбка Сухмета стала еще шире, он с поклоном принял Гвинед и доспехи Лотара.

— Тогда я телепортирую тебе меч под ноги, будь готов. И вызову «Летающее Облако», они задержатся не больше чем на пару минут.

— Ты видишь их?

Самому Лотару не хотелось сейчас тратить энергию, чтобы увидеть летающий корабль. По крайней мере, начать поединок он должен был как нормальный человек.

— Конечно. Они висят вон над тем высоким холмом, и у них все в порядке.

Лотар потянулся, присел несколько раз, помахал в воздухе руками и ногами. Приятно было ощущать себя без доспехов, только в легких штанах, плотной рубашке и очень коротких мягких сапожках. Они почти ничего не весили и не замедляли удар.

— Ну, я пошел. Если можно, смотри, что движет этим амбалом. Это главная цель, все остальное — пустяки.

На этот раз стражники обыскали его, едва касаясь тела. Оказывается, они ничего не знали об иглах на подошвах сапог, стрелках в складках специально надрезанной кожи или пузырях с ядовитым газом. В общем, пока они не оправдывали название восточных воинов — ни утонченного коварства, ни умения упреждать чужое коварство.

Пока Лотар разоружался и снимал доспехи, степной император успел облачиться в халат — в знак того, что не считает противника опасным.

Встав друг против друга, Лотар и Торсингай пошли в сторону реки на расстоянии десяти шагов, чтобы избежать неожиданного нападения. Все тело Торсингая было сплошной глыбой энергии и силы. В нем играла чудовищная мощь — Лотару доводилось видеть даже демонов с меньшими запасами энергии. Пожалуй, подумал Лотар, он может и одолеть меня. Впрочем, посмотрим.

— Мне нравится, как ты ходишь, — ухмыльнулся Торсингай. — Сразу видно, ты привык к своему телу. Мы в степи говорим — «походкой не примнет траву». Где ты учился бою?

— То тут, то там, я бродячий боец.

— Бродячим бойцам полагается учиться, а не бросать вызов.

— Ты в этом уверен?

Торсингай закусил губу. Ха, подумал Лотар с изумлением, а он самолюбив.

— Не нужно злить меня, чужак. В конце концов от моего к тебе расположения будет зависеть, добыю я тебя или возьму темником в свою армию.

Пора начинать его злить, решил Лотар, так будет легче найти и прочитать все, что есть в его сознании.

— Я повторяю: ты уверен? Я почему-то думаю, что ты пере-

оцениваешь себя. В тех краях, где я побывал, любой уличный мальчишка дерется получше тебя, но сохраняет скромность.

Торсингай потемнел лицом, на его шее вздулась вена.

— Ты не уважаешь меня?

— Пока не вижу оснований, — ответил Лотар, по-бойцовски поклонился скорее реке, чем противнику, и стал в стойку.

Торсингай бросился в атаку с яростью. Лотар попытался шагнуть в сторону, но вдруг с ужасом понял, что его собственные движения замедленны, словно кто-то тормозит их, заставляя вязнуть в пространстве, как в густом киселе.

Он повернулся на месте, пропуская Торсингаю, но не сумел даже нанести ему удар. Кто бы поверил, что Лотар не сможет одолеть противника одним щелчком, если тот кидается в такую бездумную атаку? И вот это произошло.

Торсингай остановился, повернулся и нанес несколько бешеных ударов, но опять попал в пустоту. И все-таки Лотар чувствовал, что не может блокировать эти выпады и едва успевает уходить от них. Он увязал в каждом движении, как в трясине. Тело не слушалось его, или тут была какая-то магия!

Торсингай шагнул к Лотару и сделал выпад ногой на уровне живота. Лотар представил себе, как он ловит эту ногу, перехватывает ее, выворачивает и встречным движением бьет носком в живот императору, но... Он не сумел сделать ничего, только чуть уклонился, чтобы спастись. И все-таки император оказался очень близко. Это можно было использовать. Лотар собрался и изо всех сил локтем двинул в грудь Торсингаю. От такого удара обычный человек ломался, как тростинка, тренированный боец мог обойтись парой сломанных ребер... Но Торсингай даже не поморщился. Он выдержал и нанес открытой ладонью тяжелейший удар Лотару в шею. Желтоголовый едва успел подставить плечо, но все равно отлетел назад, как выброшенный из катапульты булыжник.

Прокатившись по пыльной траве, он поднялся и снова стал в стойку. Он превосходно мог двигаться... Вот только на расстоянии пяти шагов от Торсингаю тонул в каком-то замедляющем движении мареве, и даже удары его становились ватными, как будто он впервые разучивал их.

— А ты силен, — сказал вдруг Торсингай. — Любой был бы уже мертв.

Лотар хмыкнул и вдруг, прокатившись по траве, сделал нижнюю подсечку, но Торсингай даже не пошевелился. Нога Лотара, которая после такого замаха сносила быка, ударилась в подколенную кость Торсингаю и застыла, словно врезалась в столетний дуб, — никакого эффекта, только жуткая боль разливается по стопе.

Торсингай наклонился и нанес несколько очень коротких ударов полусогнутыми руками... Но Лотар сумел блокировать их. Тогда Торсингай прыгнул, чтобы приземлиться Лотару на грудь...

Но Желтоголовый уже начал потихоньку привыкать к противнику. Дело было не в том, чтобы действовать очень быстро. Нужно было действовать очень коротко и делать только самое необходимое. Ведь есть приемы, которые не требуют скорости...

На этот раз Лотар еще в воздухе поймал Торсингаю за выпрям-

ленную ногу, направив ее прямо в пах. Когда эта туша навалилась на него, Желтоголовый заскрипел зубами — так тяжел был император. Но тому было еще хуже, после такого удара он вообще не должен был остаться на ногах...

Торсингай перелетел через Лотара, прокатился по траве и... поднялся. Глаза его были закрыты туманом боли, ненависти и ярости. Лотар тоже поднялся, хотя теперь едва мог ступить на свою ударную ногу, боль отзывалась во всех суставах, во всех мышцах...

— Все, Желтоголовый, я убью тебя. Никто еще не поступал со мной так оскорбительно.

— Ты знаешь меня?

— Кто же не знает западного демона, оборотня, который слишком зажился на этом свете?

— И все-таки ты вступил в поединок со мной?

— Я давно ждал этого, демон. Ждал и готовился... Вот! — С этим восклицанием Торсингай выхватил из-за спины кусок ткани, похожий на носовой платок.

Но Лотар уже знал, что это не носовой платок. Это был Матрипост — одно из очень древних приспособлений для искривления пространства. Теперь Лотару стало понятно, как Торсингай тормозил его и почему Лотар не почувствовал это раньше. Матрипост не столько магический инструмент, сколько способен навести порчу и близок по действию к наркотикам. Этим, безусловно, не должен был пользоваться ни один достойный боец.

— Ты фальсифицировал свое мастерство, Торсингай, — громко сказал Лотар. — Ты не боец, а шулер, мелкий, вонючий шулер, который позорит славное звание кулачного бойца. Когда я расскажу об этом, тебе...

— Ты никогда не расскажешь об этом, демон! — заорал Торсингай и бросился вперед, сунув Матрипост себе за пазуху.

Теперь стало понятно, почему он так и не научился атаковать как следует — для тех, кого ты тормозишь, нет нужды придумывать что-то изысканное, достаточно использовать свою массу и напор... Но не теперь. Лотар подпустил его поближе, потом из всех сил подпрыгнул вверх. Он воспарил, поджав ноги. Торсингай оказался под ним. Лотар с силой выпрямился и ударил обеими ногами сверху в голову императора степи...

И все-таки Торсингай снова поднялся. По лбу его текла кровь, но он шагнул вперед, как пьяный, и нанес удар ногой. Потом сразу же сделал задний хлесткий рывок, чтобы поймать Лотара, если тот выпрямится слишком быстро... Желтоголовый ушел от первого удара, выпрямляться не стал, а подкатился под ногу противника и атаковал колено опорной ноги локтем, потом другим, потом плечом... Нет, Торсингай все-таки слишком крепок, чтобы просто так завалиться. Пришлось откатываться назад, уворачиваясь от его нового прыжка, чтобы подняться на ноги.

И все-таки он привык к этой медлительности, которая появлялась лишь вблизи от Торсингая. И еще понял: если не пропустит какого-нибудь шального удара, то разделает ханна, как новичка, даже с Матрипостом.

Сухмет, мысленно позвал восточника Лотар, ты что-нибудь понимаешь? Или его нужно избить еще больше, чтобы он раскрылся? И тотчас прочитал ответ: попробуй избить, ничего не понятно, Матрипост мешает.

Хорошо, решил Желтоголовый, попробуем добавить. Он встал в прямую стойку, готовясь встретить все атаки Торсингая без удара. Ханн понял это, но почему-то не поверил. И атаковал очень осмотрительно... Лотар блокировался, попробовал задеть голову противника, опоздал и промазал, но зато и сам не раскрылся. Нужно было всего лишь вогнать Торсингая в грогги на пару секунд, но пока не получалось. Торсингай снова атаковал, и снова Лотар встретил его прямо, готовя удар ногой в лоб или в скулу, но удара так и не нанес.

Торсингай понял, что проигрывает. Он слишком быстро отскочил назад, не давая ударить себя... И вдруг в его руке оказался короткий шест для тренировок. Он взмахнул им, проверяя силу рук, с удовольствием слушая, как под твердым деревом гудит воздух.

— Ну все, Желтоголовый.

Потом ханн рванулся вперед, взмахнул... Лотар прокатился под этим взмахом и перехватил шест рядом с руками Торсингая. Не давая шесту останавливаться, чтобы император не сумел использовать чудовищную силу своих рук, он ударил концом шеста Торсингая в лоб. Голова степняка откинулась назад, раздался звук, похожий на треск спелого арбуза, а шест остался в руках Лотара.

Шагнув вперед, Лотар запустил руку за пазуху императору и выхватил Матрипост.

Теперь он знал, что сознание императора открыто — до такой степени, что читать его можно было, как младенца. Но то, что Лотар там обнаружил, очень ему не нравилось. Он даже замер, чтобы проверить свое ощущение.

Теперь Торсингай уже не думал о кулачной забаве. Пошатываясь и указывая на Лотара изуродованным от постоянных тренировок пальцем, он заорал:

— Взять его, он демон, он западный лазутчик!

Лотару и оглядываться не нужно было. Он кожей ощутил, как все стражники рванулись к нему, чтобы выполнить приказ императора. Желтоголовый поудобнее перехватил шест и сказал, зная, что восточник услышит каждое его слово:

— Сухмет, не нужно перегонять мне Гвинед, промахнешься еще. Лучше попроси *«Летящее Облако»* подхватить нас. Кажется, я определил то, что искал тут.

Глава 11

Солдаты бежали медленно. Они были тяжеловаты, и кривоноги, и ели слишком много мяса.

Когда они приблизились к нему, Лотар двинулся на одного из стражников, как две капли воды похожего на давешнего борода-

ча. Глаза воина на миг стали масляными от жестокого удовольствия близкого поединка и победы. Но Лотар бежал все быстрее, и на лице вояки появилась растерянность. Он понял, что противник не боится, никак не мог сообразить, к чему готовиться, и струсил.

А Лотар просто бежал — свободно, легко, мягко, быстро сокращая расстояние до этого солдата и двух-трех других дурачков, которые образовали некое подобие строя. А когда до этого строя осталось не больше пяти шагов и ханны стали притормаживать, Лотар просто подпрыгнул... Он подлетел вверх, будто вместо ног у него были мощные пружины, способные выстреливать не слабее иной баллисты, и оказался за спиной у вояки, который так и застыл с раскрытым ртом.

Сделав два оборота в воздухе, Лотар опустился на ноги, увернулся от удара пикой, который попытался нанести ему не в меру бойкий юнец, и помчался дальше. Краем глаза он увидел, что Сухмет все понял правильно и не собирается переправлять ему Гвинед, а просто по широкой дуге пытается его догнать. Но бежать старику было тяжело — мешали доспехи и Лотарово вооружение. Впрочем, несмотря на годы, в скорости он не уступал степнякам.

За спиной что-то заорал Торсингай. В его голосе теперь была нескрываемая ненависть и угроза — видно, обещал растерзать всех, кто упустит Лотара. Всегда они обещают казнить каждого, кто не выполнит их приказ, только это все равно не помогает, потому что дело не в солдатах, а в таких вот Торсингаях, да они этого не хотят признавать, подумал Лотар. Он усмехнулся: сейчас не время глубоко задумываться.

Лотар оглянулся — степняки не очень спешили, они чего-то ждали. Впрочем, догадаться не стоило большого труда. Из-за дальнего холма показался один всадник, другой... Скоро их оказалась целая сотня, и летели они так, что в сознании Лотара звякнул колокольчик.

Лотар выхватил из рук старика доспехи и меч и проговорил:

— Быстрее можешь?... Кстати, где корабль?

— За... заводится. Поднимается во-он там...

Лотар проследил за его взглядом и в самом деле увидел какое-то марево над высоким курганом, которое поднималось почти вертикально... Нет, все-таки не вертикально, и даже уже не поднималось, а скатывалось к ним. Желтоголовый услышал скрип шарниров и тихое, струнное пение снастей. Корабль шел им навстречу на очень малой высоте.

Лотар проверил: всадники далеко, они с Сухметом почти в безопасности. Корабль выписал над ними полукруг... И вдруг из ничего, прямо из воздуха выпала веревочная лестница. Верхний ее конец терялся в сфере невидимости, поставленной Сухметом, и потому казалось, что она просто болтается в воздухе. Вот так и рождаются глупые легенды, подумал Лотар и помог Сухмету ухватиться за нижние ступени лестницы.

Из-за ближайшего холма появился одинокий всадник, но Ло-

тар даже не стал обращать внимание на его стрелы, которые он пускал со скорострельностью целого отделения арбалетчиков. Сухмет висел уже в середине лестницы. Лотар подпрыгнул, схватил перекладину, подтянулся... Больше всего он опасался сейчас уронить что-нибудь из своих причиндалов. Не нужно было их брать, решил Лотар и сел в нижнем звене веревочной лестницы.

Лестница стала подниматься. Кто-то резковато, толчками, но уверенно тащил ее наверх, и Лотар почувствовал, что совсем не против этой помощи. Сухмет уже скрылся в невидимом коконе, лишь ноги его болтались снаружи, но потом тоже пропали. Солдаты внизу стояли, раскрыв рты. Перед ними бегал Торсингай, он был в бешенстве. Конники тоже не успели и сейчас тащились чуть не шагом. Никто не торопился получать незаслуженные пинки.

Корабль поднялся выше, пошел над рекой, и Лотара ослепило отражение солнца от зеркальной поверхности воды. Он понял, что тоже вошел в кокон невидимости, подождал, пока лестница поднимется почти до борта, и на последние пять-семь ступеней поднялся сам. Крепкие руки обхватили его, подняли, и вот он уже стоит на палубе *«Летящего Облака»*, а рядом Рубос, Партуаз и все остальные.

— Лишних дырок в теле нет? — заботливо спросил Рубос.

Вперед протолкался Джимескин.

— Ну и почему ты его не убил? У тебя же была такая возможность!

Лотар пожал плечами:

— Это с самого начала не входило в мои планы. Я просто дрался с ним, чтобы понять... Почувствовать, что им управляет.

— Ну и как? Почувствовал? — снова спросил Рубос.

— Это довольно серьезно. И нуждается в подтверждении.

— В каком?

Вопрос задал Сухмет. Он стоял в спокойном ожидании. Он мог бы понять, что думает Лотар, и без всяких слов, но почему-то решил не мешать Желтоголовому самому разбираться в том, что внезапно обнаружилось на берегу. Само по себе это ничего не значило... Или означало очень многое.

— Купсах, — проговорил Лотар, — курс на армию фоев. А ты, — он повернулся к Сухмету, — попытайся определить расстановку их сил и придумай способ, как бы нам проникнуть к их командирам.

— Чтобы опять безрезультатно драться?

Удивительно, Джимескин почему-то стал хуже относиться к Лотару. Он почти презирал его и не собирался понимать причины его поступков. Это печально, подумал Лотар, все-таки банкир — человек умный, должен разбираться в причинах и следствиях, но вот... Может, потому, что ситуация сейчас слишком напряженная?

— Нет, чтобы просто поговорить. Пока этого будет достаточно.

— Ой ли? — И Джимескин отошел, не скрывая своего раздражения.

— А что будешь делать ты? — спросил Рубос.

— Полежу на солнышке, — улыбнулся Лотар, — очищу сознание и попытаюсь посмотреть на мир непредвзятым взглядом. Сейчас это очень важно, чтобы не наломать дров.

Он и в самом деле выпил кружку холодной воды и расположился на циновке, прислушиваясь к мерному движению крыльев. Перед ним простиралось безбрежное пространство, они были в нем одни, и никто не мог помешать их движению.

Иногда снизу долетали крики погонщиков, скрип множества повозок, вопли животных — когда очередная река ханнов медленно, но неуклонно продвигалась на Запад. Но шум стихал, запахи исчезали, а оставалось только пространство вперед.

Пару раз Лотар вдруг замечал светлую, чуть искрящуюся дорожку внимания Сухмета, направленную вперед. Но он понимал, каким сложным делом был занят восточник, и тут же сворачивал свое внимание, чтобы случайно ему не помешать. Где он сейчас был, откуда прозревал грядущее пространство, Лотар даже не пытался выяснить.

Зато он пытался освободить свое сознание от всего случайного или сиюминутного. Но это не очень хорошо получалось. Решение, связанное с тем, что он увидел в Торсингае, не приходило. Хотя он был убежден, что чуть-чуть продвинулся к разгадке.

Под вечер его тронул за плечо Сухмет. Лотар очнулся. Они уже очень давно летели над глинистой пустыней, совсем не похожей на степь. Должно быть, они вышли на плато, о котором когда-то говорил Присгимул.

— Господин мой, я выяснил, что фои не поддаются подсчету.

— Так много?

— Очень. И над ними лежит магический охранный купол.

Лотар мгновение подумал:

— Это значит, что нам придется проходить его, так сказать, легально? Без всякой магии и без всяких маскировок?

— Ну, маскировка нам все-таки понадобится, — прогудел рядом Рубос.

Лотар посмотрел на него и сразу понял, что он уже кое-что знает.

— Так вы что-то придумали?

— Вот он придумал, — сказал мирамец и ткнул в Сухмета пальцем.

Желтоголовый заметил, что шагах в пяти от них стояли его мальчишки, делая вид, что они тут растут, как кактусы, с самого рождения. Только у нервного Рамисоса чуть побелели губы.

— Выкладывайте.

— Я заметил, господин, что к главному потоку фоев приближается императорский гонец. Собственно, гонцов там много, но императорский лишь один. С ним десяток сопровождающих, но они не очень осторожны — просто не верят, что на них кто-то может напасть. Мы можем завладеть их посланием, их одеждой — это очень важно, — чуть-чуть разукрасим «*Летящее Облако*» всякими фонариками и выпелами. Потом попытаемся притвориться императорскими легатами.

— Ты проникнешь к их генералам на летающем корабле?

— Да, у них есть с полсотни таких же кораблей. Если наш чуть подмаскировать, он вполне сойдет за один из тех, которые только что прибыли из империи.

— Не знал, что у них есть летающие корабли, — сказал Рубос.

— И не меньше десятка боевых кораблей находится здесь, среди войска, — уверенно сказал Сухмет. — Я почувствовал, что они гораздо сильнее нашего, и быстрее, и лучше вооружены. Так что удирать оттуда придется с умом.

— Ладно, пока нужно думать не о бегстве, а о том, как проникнуть на их военный совет, — задумчиво протянул Лотар.

— Как имперский посланник, ты пройдешь туда...

— Ты пройдешь, я не знаю языка.

— Я его тоже порядком подзабыл... — задумался Сухмет. — Вот что, попробую замаскировать свой выговор под южный акцент. Такого посланника никто не будет уважать, но не выслушать его не посмеют. А ты будешь моим телохранителем. И тоже сможешь пройти со мной на прием.

— Только тебе, старик, придется снять свой ошейник, — сказал Рубос.

Сухмет улыбнулся:

— Тут не ошейник придется снять, а коренным образом сменить ауру, одежду и мышление. К счастью, некоторое время грамота императора поможет скрывать ошибки.

Да, это могло получиться. Лотар поднялся на ноги. После долгой медитации по коже бегали мурашки, но скоро кровообращение восстановилось, и он почувствовал себя легко и свободно.

— Тогда, если это все, подумаем, как напасть на настоящего посланника.

— А с этим затруднений не предвидится, — ответил Сухмет. — Они намереваются остановиться в маленькой гостинице у дороги, где никто не помешает увести у них те вещи, которые нам понадобятся.

— Грабеж?

— Лучше — воровство, — хмыкнул Сухмет. — Может быть, это спасет жизнь хоть кому-нибудь из посланцев, а иначе их ждет шелковая петля.

Глава 12

Деревушка давно спала, когда *«Летающее Облако»* приземлилось на выгон для скота. Лотар оглядел темные силуэты домов на фоне близких гор и выделил единственный дом, возле которого горел факел. Под ним даже на расстоянии полумили, что их сейчас разделяло, можно было разглядеть двух часовых — на редкость бесчных.

— Все готовы? — спросил Лотар.

Рубос что-то жевал, Сухмет со звоном, никак не подходящим для тайной операции, застегивал нагрудные доспехи, четверо учеников стояли неподвижно, стараясь сдержать даже дыхание.

Из всех четверых один только Каш бывал в настоящих переделках, но об иных его проказах Лотар и слышать не желал. Однако в настоящий бой, а не на грабительский налет Лотар и его брал сейчас впервые.

— Всем все ясно?

Вопрос задал Виградун:

— Учитель, почему все-таки ты приказал нам идти с этим, а не с настоящими мечами?

Мальчишкам, несмотря на протесты, Лотар не дал мечи, а потребовал, чтобы каждый сделал себе бокен по руке. Хорошо обструганные дубинки, которыми можно было оглушить, парализовать и почти бесшумно отбить выпады противников, по мнению Лотара, как нельзя лучше подходили для этого дела.

— Чтобы в случае чего вы могли их бросить, — пояснил Лотар, свято уверенный, что только полное понимание всего, что происходит, обеспечивает успех любой операции.

Рубос что-то проворчал. Лотар посмотрел на него.

— Нет, я ничего, просто дожевал наконец, — буркнул мирамец и вытянулся чуть не по стойке «смирно».

— Заходим со стороны домов, если не будет собак. Если что-то не получится, Сухмет прогонит их заклинаниями, только без визга, — сказал он в десятый раз. Но сейчас, как ни странно, Сухмет не кивнул, соглашаясь, а слегка кашлянул, протестуя. — Что такое?

— Дело в том, господин, что я не чувствую собак поблизости. Там вообще мало живности.

— Ну чего ты хочешь? — прошипел Рубос. — Здесь все-таки прошла великая армия. Конечно, живности поубавилось.

— Это обсудим по дороге, — сказал Лотар и первый соскочил по веревке на землю.

Ученики тоже воспользовались веревкой, массивный Рубос и старый Сухмет сползли по веревочному трапу. Все двинулись по полю к деревне. Лотар старался, чтобы они оказались как раз у ближайших к гостинице домов. Было тихо, лишь кое-где подавала голос нерешительная осенняя цикада.

Лотар полной грудью вдохнул воздух, который поднимался от земли. Пахло очень хорошо — травой и остывающими от дневного солнца камнями. Свежий ветерок стекал в долину с гор. Настроение не портила даже мысль о близкой схватке, в которой опять придется убивать, лить кровь... Впрочем, может, кровь проливать как раз и не придется. Солдат сопровождения и слуг у посланника не больше двух десятков. Половина ничего не поймет, остальных они могут просто оглушать бокенами... Лотар проверил, как вынимается Гвинед. Жаль, свои бокены он не догадался взять.

Еще лучше, если бы удалось и сундуки, и ларец попросту украсть. Тогда и оглушать никого бы не пришлось. Тихо войти, тихо уйти...

— Господин мой, что-то очень уж тихо в деревне, — прошептал Сухмет.

— Это же деревня, так и должно быть.

— Нет, не так. — В шепоте Сухмета отчетливо слышалась тревога. — Нужно осмотреть дома.

— Зачем?

Старик пожал плечами, но Лотар знал, что теперь и в самом деле придется осмотреть какой-нибудь из домов. Они так и сделали. Оставили всех под сложенной из слоистого камня оградой, а сами вдвоем бесшумно двинулись к дому.

Уже за десять шагов Лотар понял, что в этом доме никто не живет. Он выпрямился... Дома, собственно говоря, уже не было, остались лишь стены, а крыша рухнула, похоронив под собой и пожитки некогда обитавших тут людей, и надежды на жизнь.

Лотар оглянулся на Сухмета:

— Грабители?

— Великая армия, как сказал Рубос.

Лотар вчувствовался в то, что тут совсем недавно произошло. Стены домов отлично сохраняли следы людской жизни, особенно незатейливой деревенской. Какая-то женщина с распущенными волосами, мужчина немалого роста, в котором одновременно виделся и мальчик, и старик. А потом кровь, крики, боль, мука... Смерть.

Лотар стряхнул с себя видение. Уже не прячась, он перешел к соседнему дому. Сухмет последовал за ним, не отставая. Снова дом, на этот раз сгоревший. Вместо крыши — небо, вместо людей — ужасающая вонь давно разлагающегося трупа. Лотар осмотрел все дома на единственной деревенской улице. Все было мертво. Только в дальнем углу одного из дворов возились одичалые собаки. Они почувствовали Лотара задолго до того, как он затронул их своим магическим видением, но чужак был далеко, и собаки не волновались. Они даже не лаяли.

Пройдет немало времени, пока они снова научатся лаять. Для этого нужно иметь хозяина, подумал Лотар. Самим собакам лай ни к чему. Он повернулся и решительно пошел к Рубосу и ребятам. Великая армия, война... Это смерть, и ничего, кроме смерти.

Сухмет сзади зашипел:

— Господин мой, на постоялом дворе не просто дуреломы-солдаты, а императорский посланник. Он может быть неплохо осведомлен в магии. А ты думаешь очень громко!..

Ты прав, старик, решил Лотар. Он попытался вдохнуть живительный воздух с гор и стряхнуть гнев, который овладел им в мертвой деревне. Нет, ничего не получалось. Ну и пусть — пора действовать.

— Каш, Виградун, вы берете того, кто стоит у стены слева от ворот. Бост и Рам, вам сразу после этого навалиться на второго бездельника. Убивать не нужно, но исключить следует основательно, минут на десять, не меньше.

Мальчики недовольно завозились: каждый хотел бы справиться с задачей в одиночку или даже сразиться сразу с двумя. Но Лотар уже смотрел в едва освещенное окно второго этажа гостиницы. Он наклонился к уху Сухмета и спросил:

— Там?

Старик тоже подвинулся к уху Лотара:

— Первая лестница налево, первая комната за большой тяжелой дверью. Один солдат на лестнице, второй перед дверью.

— А в зале? — поинтересовался Рубос.

— Остальные спят на сеновале. Владелец гостиницы на заднем дворе, около очага.

— Его семья? — спросил Рубос.

Сухмет замаялся:

— Ее нет. — Он мотнул головой в сторону деревни: — Как с домами...

Рубос выпрямился, попытался взглянуть в темные силуэты домов. Чтобы унять все его сомнения, Лотар произнес:

— Великая армия.

Рубос вздохнул.

Возле ворот, ведущих во двор гостиницы, раздалось приглушенное восклицание. И сразу же стихло, зажатое твердой, безжалостной рукой. Лотар всмотрелся. Факел теперь освещал пятачок перед самыми воротами, на котором никого не было. Потом в круг света неторопливо вышел Виградун и сделал приглашающий жест. Сухмет одобрительно заворчал. Лотар, наоборот, разозлился:

— Нет, старый, вовсе не хорошо. Грязно — с криками, с шумом. Не хватало еще бой со звоном клинков затеять.

— Ты придираешься к мальчикам, — прошептал Рубос, зная, что Лотар все равно услышит.

Они подошли к стене, потом к воротам. Одна боковина была неплотно закрыта. Рубос осторожно отодвинул ее вглубь, и проем стал достаточно широк, чтобы в него прошел человек в доспехах. Даже сам мирамец.

— Ну, — Лотар оглянулся на Рубоса, — двинули.

Они почти подошли к двери гостиницы, когда их окликнули. Сухмет произнес что-то с таким выговором, что Лотар только усмехнулся, и спокойно пошел к стражнику. За ним, как и условились, шагал Рубос.

Лотар вошел в гостиницу, быстро осмотрел полутемный зал, освещенный только слабыми языками пламени гаснущего очага. Пусто. Только на ступенях, ведущих вверх сразу от двери, как и предупреждал Сухмет, сидел полусонный вояка без шлема, в расстегнутом панцире, с мечом в ножнах, который лежал у него на коленях.

Вояка, заметив вошедших, пьяно поднял брови и попробовал заговорить. Лотар щелкнул пальцами и указал на него ребятам. Тут же три бокена с трех сторон обрушились на беднягу. Он даже и не пикнул, лишь приподнялся из последних сил и рухнул головой вперед.

Рамисос, бокен которого так и остался неподвижно висеть в воздухе, поймал его за плечи, перехватил за пояс и тихо, почти нежно, уложил на пол. Меч бедолаги одной рукой поймал Каш. Лотар кивнул, одобряя его реакцию и осмотрительность.

Но каску никто поймать не догадался, она с грохотом упала на

пол и покати́лась в темный угол. Тут же сверху раздался еще один пьяный и неуверенный голос. Лотар стал бесшумно подниматься, поманив ребят. Желтоголовый заворчал, подражая пьяному стражнику. В его голосе слилось и раздражение, и пьяное недоумение, и невнятная жалоба.

Стражник наверху произнес что-то обидное и негромко захотал. Лотар скользнул вверх как тень. Когда второй дуралей высунулся, Лотар уже был сбоку от него и все равно не успел. Раскосые глаза фоя расширились от удивления, и он пронзительно заверещал. Кулак Лотара успокоил его прямым ударом в лоб, но было уже поздно.

Где-то хлопнула дверь, кто-то издалека что-то спросил. Лотар подскочил к двери посланника.

— Двое — здесь, двое — за мной, — приказал Желтоголовый и изо всех сил ударил ногой в дверь. — Все равно шуметь уже можно, — объяснил он свой поступок ребятам.

Дверь вывалилась из косяка и с оглушительным грохотом рухнула на пол небольшой комнатки, в которой теплился огонь ночника в бумажном, разрисованном желтыми цветами абажуре. Лотар вошел и осмотрелся.

Три больших кожаных сундука стояли перед грубым столом. Два из них были заперты, в одном, очевидно, хранились повседневные вещи самого посланника. Лотар подошел к человеку, который со страхом смотрел на него, полуприкрыв лицо шелковым одеялом. Желтоголовый сделал вид, что замахивается на посланника, тот, всхлипнув, спрятался под одеяло. Лотар, конечно, бить не стал, отвернулся и подошел к столу.

Тут же стоял ларец, обтянутый красной кожей. Лотар хотел было вытащить кинжал, чтобы срезать крохотные замки, но его руку остановил Сухмет, вынырнувший сбоку.

— Не нужно, — в полный голос сказал старик и забрал ларец, — нам придется вручать послание именно в таком виде.

— А где Рубос?

— Внизу. Их там не очень много, не больше полудесятка, он справится. Но медлить не следует.

Вот это правильно, согласился Лотар.

— А одежду мы возьмем у этого труса? — Он подошел к открытому сундуку и небрежно поднял повешенный на край крышки маленький камзолчик.

Сухмет покачал головой:

— Тут все очень мелкое и обычное. Парадные одежды, и не только для него, — Сухмет кивнул в сторону постели, — но и для людей покрупнее — в этих сундуках.

— Тогда так, — решил Лотар, — ребята, берите вот это.

Бостапарт и Рамисос подхватили каждый по сундуку. Им было тяжело, потому что ручки были предусмотрены для четырех людей, в крайнем случае для двоих. Но некоторое расстояние они вполне могли пройти и так.

— Сухмет! — Лотар посмотрел на старика. — Еще что-нибудь?

— Нет, можно уходить.

— Отлично. Все — на выход.

Пока Бост и Рамисос тащили сундуки к двери, Лотар опередил их и выскочил в коридор. Тут Каш и Виградун сдерживали троих фоев-охранников. За ними стоял тяжело вооруженный мужичина, который зычно орал на солдат, — определенно это был офицер. Двое фоев лежали на полу в крови без малейших признаков жизни.

Лотар поднял один из чужих мечей, скользнул между мальчишками и серией выпадов, в которых было больше свиста стали в воздухе, чем реальной угрозы, заставил троих солдат чуть сдать назад. Это было нетрудно: в узком коридоре его противники скорее мешали, чем помогали друг другу.

— Помогите с сундуками, в драки ввязываться только при необходимости, — бросил он через плечо и плоской стороной клинка оглушил одного из фоев.

Как ни хотелось ребятам подраться, они тут же бросились назад и подхватили ручки сундуков. Теперь они могли бежать. Лотар, контролируя их внутренним зрением, подождал, пока они спустятся по лестнице, и стал отступать.

Он оглушил еще двух фоев, которые по глупости высунулись вперед, но справиться с последним и с офицером, который теперь получил возможность поучаствовать в драке, очень быстро не вышло.

Кстати, где же Сухмет, подумал он и отступил, чтобы заглянуть в комнату посланника. Тут все было спокойно. Посланник по-прежнему прятался под одеялом, тихо коптил ночничок. А Сухмет...

Старый дуралей спокойно стоял у ночника и неторопливо, как у себя в библиотеке, перебирал книги из сундука, который Лотар сразу почему-то не заметил. Десяток книг он уже отложил, еще десятка три других валялись на полу. Сухмет отбирал книги, которые собирался утащить с собой.

— Сухмет, — позвал Лотар, — нужно торопиться.

— Сейчас, господин мой, тут уже немного осталось.

И тут Лотар пропустил низовой удар офицера. Для обычного армейского служаки он совсем неплохо работал не очень длинным, но отлично закаленным клинком. Удар пришелся в мышцу левой ноги. Желтоголовый разозлился.

Двумя выпадами он запутал последнего солдата, а потом, резко прогнувшись, воткнул чужой меч ему в бок. Там, куда он попал, не было ничего, кроме сала, но боль должна быть немалая. Вояка завыл и отвалился назад.

Офицер попытался поймать Лотара на возврате меча, но тот и не думал отступать. Он сделал здоровой ногой очень мощную круговую подсечку, и офицер грохнулся на пол всем корпусом. Пока он пытался подняться, Лотар склонился над ним и выключил несильным ударом в переносицу.

Потом он отстегнул от пояса офицера ножны, изукрашенные серебряными скобами, сунул в них меч офицера и снова заглянул к Сухмету. Тот кончил отбирать книги, сложил их в какую-то пе-

струю тряпку, забросил тюк за спину и уже направился к двери. Увидев Лотара, он проговорил:

— Иду, иду. Я не мог утащить сразу все книги, а мальчиков ты уже услад. Вот и нужно было их рассортировать.

То, что книги можно было вовсе не трогать, даже не пришло ему в голову.

— Ладно, — буркнул Лотар, зажимая рану, чтобы не очень кровоточила, — только быстрее.

Они скатились по лестнице, перепрыгнули через оглушенных стражников, которые уже начинали шевелиться, и оказались во дворе. Тут оставался Рубос, и потому картина была совсем другая. Половина двора была завалена трупами. Не меньше семи человек, посчитал Лотар.

За углом дома еще звенели клинки. Лотар протолкнул Сухмета вперед, чтобы старик не устроил еще какую-нибудь мародерскую выходку, и крикнул:

— Рубос, пора, отходим!

— Иду!

Из-за угла вывалился Капитан Наемников, слегка запыхавшийся, забрызганный кровью и злой, как тысяча восточных шайтанов. Его никто не преследовал.

— Ты как? — спросил его Лотар.

— Представляешь, они вздумали меня окружать и зашли со спины...

— Ясно, потом доскажешь, — решил Лотар. — Лучше помоги Сухмету, а то его жадность замучила.

Рубос кивнул и, не выпуская меча, левой рукой подхватил связку, которую нес на спине Сухмет.

— Ого, что тут? Золото, старик?

— Осторожнее, рассыплешь, увалень мирамский.

Лотар осмотрелся. Из-за Сухмета они провозились чуть дольше, чем предполагали. Но все получилось неплохо. И скорее всего преследовать их теперь некому. Он снял с убитого фоя подходящие по размерам доспехи, аккуратно увязал все воедино и попытался определить, в какой точке на краю темного горизонта их ждет *«Летящее Облако»*.

Глава 13

Под утро они вылетели к широкой реке, и Лотар потребовал от Санса, который стоял на рулях, посадить *«Летящее Облако»*, чтобы все участники ночной операции могли искупаться и привести себя в порядок. К тому времени мальчишки уже успокоились, Сухмет радовался новым книгам, а Рубос выпросил себе огромный, пестрый, как оперение жар-птицы, саван, который, по словам Сухмета, можно было носить в Поднебесной только единственный день в году, на большой праздник урожая.

— И когда же наступает этот праздник? — спросил Рубос, облачаясь в невероятную хламиду.

— Вообще-то довольно скоро, ведь сейчас осень, — пояснил старик.

— Жаль, — Рубос с удовольствием осмотрел себя, затянутого в желто-зеленый, с муаровым отливом шелк, — что я не могу появиться в таком виде в лагере фоев.

— Ты вообще не будешь высаживаться в лагере фоев, — коротко сказал Лотар.

Рубос замер:

— Почему?

— Мы пойдем туда вдвоем, только я и Сухмет. Он — как посланник, потому что знает язык, а я — как его слуга и охранник.

Рубос задумчиво пожевал край шелкового воротника.

— Не слишком ли рискованно соваться в самое пекло без поддержки? Учи, это не слабенький отряд из двух десятков оболтусов, разучившихся воевать.

— Нам поддержка не нужна, мы идем только поговорить.

Из-за угла надстройки вышел Джимескин. Несмотря на очень раннее утро, он был ничуть не сонным. Сразу стало ясно, что он следил за результатами ночного налета.

— Можно поинтересоваться, господин Желтоголовый, почему ты действуешь столь странным образом? Почему ты не убиваешь врагов, почему, даже оказываясь на расстоянии удара, не направляешься с их военачальниками и, как я понял, намереваешься так же поступать и впредь?

— Вообще-то тактику выбираем мы, — сказал Сухмет.

Лотар сделал успокаивающий жест:

— Дело не в этом. Убивать их бесполезно. Армии, в отличие от банков, так устроены, что потеря одного или даже десятка высших командиров ничего не изменит. Уверяю тебя, Джимескин, солдаты от этого даже не сойдутся с шага. Только позубоскалят и еще больше ожесточатся.

— Но что-то делать нужно? — подал голос мэтр Шивилек. Он вышел из-за другого угла надстройки.

Прямо засада какая-то, подумал Лотар.

— Вы тут засаду устроили? — с раздражением спросил Рубос. — Или просто так упрекаете нас в бездействии?

Джимескин подошел ближе, за его плечом безмолвно, как всегда, выступал Партуаз.

— Я хотел бы услышать, что именно ты делаешь, Лотар. Куда направляешь *«Летящее Облако»*? И чего вообще добиваешься?

Лотар вздохнул, посмотрел на Сухмета и, стараясь, чтобы это выглядело не очень грубо, отвернулся к борту.

— Этого я не могу тебе объяснить, даже если бы захотел.

— Лотаров прием? — Шивилек постарался придать своему голосу как можно больше сарказма. Но получилось лишь глупо.

— Сейчас я устанавливаю фокус командиров вражеских армий и, так сказать, их направление, — пояснил Лотар и нехотя добавил: — А больше я пока ничего не могу сказать. Да вы и не поймете.

— У фокуса нет направления! — почти закричал Шивилек.

Лотар спокойно рассматривал далекие равнины, к которым

они направлялись. Внезапно в лучах восходящего солнца на равнине появился странный, дробный блеск, похожий на рябь неспокойной воды. Одна из далеких волн чуть приподнималась на небольшой холм, а потом спокойно стекала по другой его стороне.

Шивилек, прищулив слабые глаза, попытался разглядеть, что там происходит.

— Какая странная речка, — пробормотал он наконец, — она течет в двух направлениях.

— Она течет в одном направлении — на Запад, — ответил Лотар. — И это не речка. Это Чан-Джан Фо.

Все бросились к борту. После слов Желтоголового даже Шивилеку стало ясно, что это действительно люди. Невероятное количество людей стройными колоннами двигалось на запад. Их было так много, что степь скрылась под ними. Джимескин растерянно проговорил:

— Но почему они блестят?

— Это их шлемы и копья, — догадался Рубос.

— Что-то они рановато поднялись, — решил высказаться Сухмет.

Лотар хмыкнул:

— Это, наверное, не основные колонны. Это их боевое охранение. Основные армии впереди.

— Основные армии? — Джимескин, похоже, не поверил своим ушам. — Сколько же их?

— М-да, — буркнул Рубос. Его глаза стали жесткими, как блеск фойских копий. — Немало. И сразу видно: они неплохо обучены, идти по равнине таким строем могут только солдаты, которых сержантов бояться больше, чем бога на небесах.

Лотар не очень весело хмыкнул:

— Знаешь, Джимескин, на один вопрос я, пожалуй, все-таки могу тебе ответить. Ты хочешь знать, куда мы направляемся? Так вот — мы идем в лагерь главнокомандующего всей этой массы людей. И находится он, по мнению Сухмета, почти на передней линии наступления. Они так сделали, чтобы ни на миг не потерять управление армиями. И будь уверен, эти, — он мотнул головой в сторону бесконечных колонн, — не потеряют.

По палубе прозвучали спокойные, чуть замедленные шаги. К собравшимся у борта подошел Купсах. Вместо приветствия он чуть поднял руку и заговорил:

— Господа, мы думали, что у фоев нет летающих кораблей. Но взгляните вон туда. — Он указал вперед по курсу и чуть левее.

Там на высоте самого высокого холма что-то двигалось, оставляя на земле огромную, четкую тень. Лотар присмотрелся. Да, Купсах прав, это был летающий корабль. Но какой же он большой!

Напрягая свои способности к дальновидению, Лотар различил три пары крыльев, два ряда носовых килей и целую гроздь самых разных рулей на корме. А длина гондолы, похоже, была раз в пять больше, чем у «Летящего Облака».

— Вот это да! — вырвалось у Драконьего Оборотня. Он повернулся к Купсаху: — Капитан, ты хорошо рассмотрел это сооружение?

— Да, постройка, конечно, причудливая, но конструкция примерно та же, что и у нас. Вероятно, они украли идею...

— Не они украли, капитан, а все остальные, — промурлыкал Сухмет, который, как и Лотар, рассматривал фойский летающий корабль, используя свои магические способности. — Их цивилизация старше нашей на четыре тысячи лет.

— Так ты знал, что у них есть что-то подобное? — спросил Сухмета Рубос.

Лотар хлопнул ладонью по фальшборту.

— Капитан, не имеет значения, кто у кого украл конструкцию. Лучше скажи, в бою у нас есть какие-то шансы против такого мастодонта?

Купсах вздохнул:

— Я рассмотрел очень интересные устройства, Лотар, и могу уверенно сказать — нет. Против такой штуки мы бессильны.

— А уйти от него мы можем?

— Боюсь, тоже нет. Посмотри, они идут над войсками, им не нужно никуда торопиться, а скорость у них, если я правильно подсчитал, почти в полтора раза больше нашей максимальной. Это значит, даже если твои ученики сядут вчетвером на крылья, фои будут нас опережать миль на пять-семь за каждый час погони.

Лотар кивнул:

— Благодарю, капитан, кажется, ты отлично сделал свое дело.

Рубос тяжело вздохнул:

— М-да, невесело. — Он повернулся к Лотару: — Ну что, улетаем?

— Нет, почему же? — спокойно возразил Лотар. — Мы же императорские посланники. Только из-за срочности нашей миссии мы вылетели на особом летающем корабле, вот и все.

— А как они догадаются, что мы императорские посланники, а не банда западных диверсантов? — спросил Купсах.

Лотар повернулся к Сухмету:

— Сухмет, что-нибудь может придать нам видимость официальных гонцов?

— Конечно, — ответил восточник. — Помнишь тряпицу, в которой мы с Рубосом несли книги? Это и есть официальный императорский штандарт. Я сразу, как только увидел его, подумал, что он может пригодиться.

— Капитан, прикажи поднять штандарт так, как это делает вон тот фой. — Лотар указал на приближающийся вражеский летающий корабль. — Кажется, это полагается сделать на особом шесте на носу, чуть в стороне от гондолы.

Купсах коротко усмехнулся и ушел отдавать приказы. Сухмет посмотрел ему вслед и хмыкнул:

— Честнейший человек, а вот ведь любит, оказывается, надувать своих ближних, — прокомментировал он.

Джимескин, которого все разговоры о человечности противника вообще выводили из себя, скрипнул зубами.

— Знаешь, Лотар, это все равно ничего не решит. Они начнут проверять какие-нибудь грамоты, которых у нас нет, или подойдут посмотреть на рожи наших матросов...

— Грамоты они проверять не будут, на это ни у одного из офицеров нет полномочий. — Сухмет указал на колонны войск, бесконечным морем марширующих на запад. — А что касается рож наших матросов — это поправимо.

— Как? — спросил Рубос.

— Ну, я все-таки маг с немалым стажем. Плох бы я был, если бы не мог выполнить такую, прямо скажем, нехитрую задачу. Могу гарантировать, что ты ничего не почувствуешь.

Рубос ухмыльнулся:

— Может быть, тогда с меня и начнем?

— Согласен. — Сухмет радостно потер руки.

— Нет, из этого все равно ничего не выйдет, — сказал мэтр Шивилек. — Вблизи они сразу поймут, что их дурачат магией, и немедленно атакуют.

— А вот вблизи мы предоставим им возможность посмотреть только на Сухмета и на меня, — устало произнес Лотар. — Об этом я толкую уже битый час.

Шивилек всплеснул руками:

— Ну а особенности конструкции, раскраски, материала и все прочее отличает наше *«Летящее Облако»* от их гигантов?

— Ну, посыльному кораблю необязательно быть гигантом. А особенности конструкции... — Сухмет хитро осмотрел весь корабль, повернувшись на месте. — Жаль, что ты незнаком с основами магии. Ты бы знал, что замаскировать человека куда труднее, чем придать фальшивый облик любому кораблю, даже летающему.

— Хорошо, — устало согласился наконец Джимескин. — Поступайте как знаете. Может быть, что-нибудь из этого и выйдет. Я ухажу спать... Впрочем, когда мы можем оказаться на подходе к лагерю фойского главнокомандующего?

Сухмет выглянул за борт, словно промерял глубину океана.

— Судя по нашей скорости, надеюсь, мы будем там... Да, будем завтра утром. К полудню — обязательно.

— Всеблагая Жива, — пробормотал Рубос. — Сколько же их в таком случае?

Лотар хлопнул старого друга по плечу:

— Будь их меньше, Рубос, вы бы не нанимали меня, а попробовали справиться своими силами, нет?

Мираец, прищурившись, осмотрел уже близкие ряды фойских солдат.

— Будь их раз в пятьсот меньше, может, у нас хватило бы смелости.

Глава 14

Как и предполагал Сухмет, на краю лагеря, где располагалась главная ставка фойской армии, находилась площадка для летающих кораблей. Когда *«Летящее Облако»* подходило к этой площадке, фойская обслуга вдруг принялась на все лады ругать неумелое обращение с гондолой, рулями и всем прочим, но место

все-таки дала. Вернее, не прогнали с места, которое *«Летящее Облако»* заняло, хотя раздраженные голоса звучали громко и откровенно вызывающе даже после того, как его плоское днище уместилось на песке и с борта упали сходни.

Сухмет, сойдя на землю и подождав Лотара, пояснил шепотом:

— Мы нарушили какой-то их протокольный параграф. Смотри, господин мой, мы попали в страну протокола и неукоснительного соблюдения этикета. Долго мы не продержимся — этикет не самая сильная моя сторона. Кроме того, за те несколько веков, что я не был в Поднебесной, у них, вероятно, все здорово изменилось.

— Нам нужно всего лишь поговорить с их командирами. А потом...

— Да, хотелось бы знать, что будет потом. Ну, ничего, что-нибудь да будет.

Лотар, придерживая крохотную шкатулочку с посланием императора, ухитрился другой рукой распустить штандарт посланника. И все разом изменилось. На площади установилась такая тишина, что стало слышно, как скрипят в шарнирах крылья не-приземлившихся летающих кораблей.

— Ну, что теперь? — спросил Лотар почти без слов, одним усилием сознания.

— Подождем, кто-нибудь да появится.

И впрямь из ближайшей палатки вдруг вылетел высокий, совсем не желтый, а скорее красный, как перец, фой и побежал к ним, застегивая на ходу перевязь и что-то с хрустом дожевывая.

Подбежав, краснорожий присел в очень низком поклоне. Сухмет сделал надменное лицо и чуть-чуть качнул головой. Лотар давно знал, что он так умеет, но не предполагал, что старик добьется такого совершенства. Ну и правильно, решил Лотар, а то еще ошейник вылезет из-за высокого воротника, тогда все сразу провалится.

Кстати, телохранитель, поддерживающий штандарт, кланяться не должен, возникло в его сознании. И он очень вовремя успел остановить готовую склониться голову, еще больше расправив плечи и выпятив грудь.

Сухмет о чем-то живо заговорил по-фойски. Здорово, почти с восхищением подумал Лотар, может, и получится. Хорошо, если бы получилось. Не хотелось бы возвращаться сюда ночью, как шпионам.

Краснолицый еще раз поклонился и что-то ответил. Потом повел их, поминутно оглядываясь и оглашая воздух воплями, очень похожими на ослиные, которые должны были объяснить всем и каждому, что их слышит, что в лагере появился императорский посланник.

Пока они шли между рядами шатров, направляясь к самому большому, сшитому из грубого, но очень красивого небеленого шелка, затканного какими-то чудными иероглифами, Лотар ментальным усилием спросил Сухмета, о чем они говорили. Сухмет наклонился к нему и негромко ответил:

— Лучше поменьше сигнал, господин, здесь полно монахов, которые будут посильнее иного мага, можно засыпаться... Я сказал ему, чтобы он доставил нас к главнокомандующим и что никому нельзя подходить к моему кораблю.

— Он ни о чем не спрашивал? — одними губами спросил Лотар.

— Спросил, почему у меня такая маленькая свита. Я ответил, что размеры корабля не позволили взять всех положенных по этикету людей, а кроме того, пара матросов подхватила непонятную болезнь. Нас, объяснил я, защищает от болезни послание Дракона, а за остальных ручаться нельзя.

— Послание кого?

— Дракон — таков официальный разговорный титул императора.

Хорошая легенда, подумал Лотар, может, и сработает. Хотя бы вначале сработала, а дальше он сам все устроит.

Они остановились перед главным шатром. К ним присоединилось чуть ли не две сотни человек. Лотар даже не успел выбрать наилучшее направление, куда в случае чего было бы проще пробиваться, а их уже окружала плотная толпа хорошо тренированных мечников. Пришлось им замолчать.

Потом их повели по каким-то шатровым переходам, иногда останавливаясь и чего-то долго ожидая. За это время Желтоголовый успел определить направление и длину всех этих шелковых коридоров. Когда общий план сложился в сознании Лотара, он даже немного забеспокоился. Получалось, что их водили по замкнутому лабиринту, только кольца этих переходов каждый раз были разными, чтобы не утыкаться в спины последних солдат из их же сопровождения. Но, вчитавшись в сознание идущего краснорожего, Лотар успокоился — это было устроено не для того, чтобы их запутать, а чтобы кто-то успел как следует подготовиться к встрече.

Едва он понял это, как почувствовал где-то совсем рядом невероятную суматоху и лихорадочную спешку.

Наконец, когда Лотар и Сухмет уже устали от кружения в шелковых коридорах, их ввели в большую палату, где сидело десятка три очень важных фоев — это и был верховный генералитет всей армии.

Едва Сухмет и Лотар со штандартом вошли, все встали и очень низко поклонились. Поклонились и все солдаты, которых в помещение набилось не меньше, чем генералов, но кланяться им было трудновато — не хватало места.

Сухмет тоже отвесил поклон и со сладенькой улыбкой пошел вперед, протягивая один из листков, который он старательно рисовал фойской кисточкой все утро. Лотар знал, что это официальный способ знакомства — вручение визитной карточки с иероглифами, означающими должность и имя подателя.

Человек с двумя косицами над ушами и жиденькой бородкой, расчесанной так, что два хвоста поднимались едва ли не к ушам, очень удивился, но визитную карточку взял, поспешно вытащил

из рукава примерно такую же и подал ее Сухмету. Тот принял карточку и с довольной улыбкой прочитал вслух то, что там было написано.

Главкомандующий Сун Ло, возникло в сознании Лотара, это Сухмет давал знать, на кого следует обратить внимание.

Потом к Сухмету подошел еще один фой, без бороды, зато с тремя косицами, причем третья была такой длинной, что опускалась от затылка почти до пояса. И протянул свою карточку. Сухмет прочитал и ее.

Джа Ди, главный советник и главный досмотрщик от имени императора. Остальные — значительно мельче и по рангу, и по возможностям. Понятно, подумал Лотар, молодец Сухмет, половину работы уже сделал.

Но теперь следовало решить, кого выбрать. Ошибиться нельзя, подумал Лотар. Кого из них проще прочитать, кто больше знает и кто послужит им лучшей защитой?

Он попытался понять, что за птица этот Ди. И едва его сознание коснулось внешней ауры фоя, Лотар обомлел. Это был почти не человек — настолько он умен от природы и бесконечными тренировками обучен думать, сопоставлять, анализировать. Он был волевым и несгибаемым солдатом — в глубине его сознания светилось легко распознаваемое, совершенно бездушное представление о долге. Значит, он склонен к жесткости и очень прямолинейным поступкам.

Нет, решил Лотар, хотя всегда приятно иметь дело с умными людьми, но на этот раз придется выбрать Сун Ло. Он старше, а значит, хоть чуть-чуть более уязвим или более мягок. С годами такие служаки очень часто становятся совсем восковыми.

Сухмет, обменявшись несколькими фразами с генералом, повернулся к Лотару. Пора, понял Желтоголовый. Он шагнул вперед, не выпуская императорский штандарт из рук, и протянул шкатулку с посланием. Но тут дорогу ему преградил суровый вояка со шрамами по всему лицу и что-то прошептал. Наемники назвали бы его Резаным, почему-то подумал Лотар.

Резаный загораживал ему дорогу рукой, протягивая вторую почти в бесцеремонном жесте. Он требует, чтобы ты отдал ему меч, мысленно подсказал Сухмет. Желтоголовый повернулся боком, подставляя фюю пояс. Резаный не задумываясь отстегнул ножны, и Лотар шагнул вперед прежде, чем кто-либо успел его обыскать. Хотя, может быть, обыскивать его здесь никто и не собирался...

Лотар с поклоном протянул вперед руку, вручая главному досмотрщику Ди шкатулочку. Тот, однако, взял сначала штандарт. В сознании Лотара отдаленно звякнул колокольчик. Кажется, фой о чем-то догадался, но Сун Ло был уже близко. Даже хорошо, что Ди взял штандарт, будет повод оказаться еще ближе.

Лотар шагнул к главнокомандующему и протянул шкатулочку двумя руками. Сун Ло взял ее, повертел, потом положил на колени, не вставая отыскал на поясе связку миниатюрных ключиков, вставил один, поднял крышку и вытащил небольшой свиток с

гирляндой разноцветных печатей. Все, кто был в шатре, попадали на колени.

Лотар сделал вид, что не успел отойти от Ло, и тоже опустился на колени. Почему бы не сделать сразу то, что задумано, промелькнуло у него в голове. Но еще прежде, чем он успел подумать об этом, он уже знал ответ. Сзади стоял Ди, и обмануть его было нелегко.

Ло развернул свиток, пробежал глазами первые несколько иероглифов, и его брови поползли вверх. Что-то было не совсем так.

Прямо с колен Лотар прыгнул вперед, выхватывая Гвинед. Он дал отстегнуть Резаному только меч, который принадлежал офицеру из деревенской гостиницы. А его непобедимый и светлый клинок тем временем таился под неудобными, нескладными, но просторными и длинными доспехами. И вот теперь Гвинед оказался под подбородком Ло и даже чуть коснулся его дряблого зоба.

— Господа, думаю, будет лучше, если вы дадите нам возможность спокойно отойти к нашему кораблю. Если не будет драки, не будет и сложностей, обещаю, — спокойно выговорил пофойски Сухмет.

Странно, подумал Лотар, теперь он очень хорошо понимал, о чем говорит восточник. Но еще более странным было то, что Ди ни капли не удивился. Он лишь шагнул назад, за спины одного ряда солдат, а в остальном был так же спокоен, как на чаепитии в своем шатре. Ди с интересом рассматривал Желтоголового, склонив голову, как курица, увидевшая отражение солнца в луже.

Теперь, подумал Лотар, что-то уже совсем не так. А не переоценили ли мы жизнь их главнокомандующего?

Тогда придется пробиваться к кораблю с кровью. А этого как раз хотелось бы избежать. И не потому даже, что жаль солдат, которых этот бесчувственный Ди не задумываясь пошлет на смерть. А потому, что пролитая кровь неизбежно вызовет ожесточение. Солдаты бросятся мстить за смерть друзей, а значит, смертей будет гораздо больше...

Лотар краем глаза посмотрел на Сухмета. Старик, вместо того чтобы оценивать ситуацию, с любопытством заглядывал в свиток, который Ло все еще держал в руках. Заметив этот интерес старика, Ло вдруг раздраженно сунул ему шкатулку и грамоту.

— Оказывается, господин, — сообщил Лотару Сухмет, — мы привезли новые инструкции для сдачи экзамена на ефрейторский чин в условиях боевых действий.

— Нужно было императорского посла как следует выбирать, — ответил Лотар, но мог бы и не отвечать. Сухмет и сам это, конечно же, понимал.

Да, с такой малозначительной грамотой у них почти не было шансов уйти без боя. Ну что же, решил Лотар, чему быть, того не миновать.

— Переводи, — потребовал Желтоголовый. — Ди, у тебя есть два решения — потерять главнокомандующего или дать нам убираться без крови и потерь.

Сухмет послушно перевел и что-то еще добавил от себя. Лотар не понял его слов, но знал, что он добавил что-то, от чего Ди отвернется уже было очень трудно. Правильно, решил Лотар, нужно подчинить этого гения, или мы пропали. Хотя на время, но обязательно подчинить.

Ди что-то задумал, это было очевидно, однако изобразил на лице сладенькую улыбку и протянул вперед руку.

— Пусть говорит Желтоголовый, — перевел Сухмет.

Генералы, после захвата главнокомандующего забившиеся в отдаленный угол, беззвучно ахнули.

Этот тоже меня узнал, подумал Лотар, и остальные знают мое имя. Вот они — издержки чрезмерной известности. Но кто же знал, что в Поднебесной, которая находится на краю света, меня может узнать чинуша, у которого и без того голова должна пухнуть от избытка информации?

— Ладно, переводи: я отвечаю своим честным словом, что он останется невредимым, если никто не будет нас задерживать.

Нет, тут же понял Лотар, он что-то устроит, этот Ди. В глазах фоя замерцал медленный, тяжелый огонь. Он хочет продвинуться по служебной лестнице, скомпрометировать Лотара и устроить все так, чтобы в официальных отчетах представить себя непричастным.

— Хорошо, — между тем сказал Ди, — ты волен отправляться на свой корабль, но никуда более.

Лотар отступил назад, подтаскивая Ло за собой, и проверил то, что было вокруг. Нет, засады пока не ощущалось. Он взмахнул Гвинедом, стенка шатра расползлась, словно ее коснулась молния. Первым в нее скользнул Сухмет, потом в образовавшуюся дыру протиснулся Лотар и вытащил за собой Ло.

Теперь они попали в один из коридоров. Лотар снова проверил, нет ли за шелковыми стенками арбалетчиков, или шпионов, или огневой бомбы, которая могла на время ослепить всякого, кто окажется поблизости... Нет, решил он и снова распорол стенку шатра. Прошел, вытащил Ло, подождал, пока Сухмет снова окажется рядом. Тринадцать раз Лотар прорезал стенки шатра, прежде чем оказался на воле. Ди со своими солдатами уже ждал их снаружи, но на приличном расстоянии.

Стоило Лотару выйти из очередной дырки, как три солдата тут же бросились к нему с мечами наготове. Вот оно, начинается, что-то рано, решил Лотар и чуть придушил Ло, чтобы тот не мог отдавать приказы. Но тут прозвучал голос главного досмотрщика:

— Назад, выродки, вы убьете вашего главнокомандующего!

Трое не в меру ретивых стражников затормозили так, что только пыль поднялась, и отошли, спрятав за спину руки. У Чан-Джан Фо этот жест означал подчинение. Он показался Лотару довольно коварным: ведь неизвестно, что готовится в руках, которые не видишь. Такова была вся фойская цивилизация. И вдруг Лотар почти с оторопью понял, что эти люди и их повадки ему нравятся, что он был бы не прочь узнать их поближе и воспринять некоторые из их возвышенных и древних познаний.

А может быть, это ощущение возникло потому, что он очень глубоко проник в природу нынешнего настроения фоев, их мотивов, направления действий... Ведь считывание мира Чан-Джан Фо и было целью прихода в их лагерь. Из-за этого-то они и устроили весь карнавал с переодеваниями. И теперь нужно как следует запомнить все, чтобы использовать потом. Если, конечно, останутся в живых.

Это казалось почти колдовством, но теперь об этом лучше было не думать. Все равно их уже узнали, а значит, имеют представление о прежних похождениях. И теперь важно только то, что задумал Ди.

Пятясь, время от времени заставляя Сухмета быть его глазами на затылке, иногда поворачиваясь к противнику спиной, короткими перебежками они добрались до «*Летящего Облака*». Проскользнув между специально отведенными на приличное расстояние солдатами, окружившими их корабль, Лотар, Сухмет и генерал Ло оказались около сходней, брошенных на чистый песок.

Лотар поднял голову. В воздухе кружило с полдюжины летающих кораблей фоев. Солдат вокруг них собралось две или три тысячи. Прямо к ним шагнул Ди. Тут-то все и начнется, решил Лотар и не ошибся.

— Ты должен оставить нашего главнокомандующего с нами, Желтоголовый. Больше я не могу тебе верить, — перевел Сухмет слова главного досмотрщика Ди.

— Мы высадим его на виду у вашего боевого охранения, когда твои летающие корабли пропустят нас.

— Отпусти его сейчас.

— Не могу, Ди, я подозреваю, что ты хочешь напасть на меня, когда ваш Ло будет в безопасности.

— Если ты не отпустишь его, я дам приказ атаковать вас.

Лотар поймал себя на том, что строит фразу по законам грамматики фоев. Эти желтокожие определенно произвели на него сильное впечатление.

— Ди, если ты дашь такой приказ, кровь главнокомандующего будет на тебе и с тебя спросят за его жизнь. Неужели ты думаешь, что в вашей чиновной империи не найдется охотников поставить тебе это в упрек? Да у тебя пол-лагеря доносчиков, которые не замедлят...

— Убейте их и спасите вашего главнокомандующего! — сказал Ди и, отвернувшись, пошел назад, к командирским палаткам.

Глава 15

— Купсах, — заорал Лотар, — крути крылья, улетаем!

Матросы сразу начали крутить педали. Крылья медленно повернулись. Лотар давно заметил, что сначала они ходили в шарнирах не очень быстро. К тому же и скрипели отчаянно, делая первые, не совсем уверенные обороты... Да ведь там песку — словно

кто-то специально подсыпает, вдруг решил Лотар, но тут же забыл об этом.

Первых атакующих задержал Сухмет, прочертив вокруг *«Летящего Облака»* широкий круг огня. Добрых два десятка солдат повалились на землю, объятые пламенем. Но других это не остановило. Они просто перепрыгнули через горящих, как факелы, товарищей, на бегу выхватывая мечи.

Тогда Лотар из всех сил толкнул им навстречу главнокомандующего Ло и приготовился к драке. Он решил пощадить Ло потому, что, во-первых, тот уже передал Лотару все, что Драконьему Оборотню нужно было узнать. А во-вторых, потому, что уж очень хотелось испортить Джа Ди карьеру. Ведь живой Ло мог погубить Ди в отместку за коварство и предательство. А остановить такого опасного врага, как Ди, было уже немалой победой.

Потом Лотар проверил противоположный борт *«Летящего Облака»*, где фои также пошли в атаку, но не так ретиво, ибо их Ди видеть не мог. Там несколько человек тоже горели на земле, как головешки, и это сдерживало атакующих.

Первые фойские солдаты бросились на Лотара всем скопом. Тогда Желтоголовый применил сложный восточный прием, названный «две мельницы, останавливающие тучи». Внешне все было просто: каждое его движение — замах или сам удар в любом направлении — превращалось в легкий секущий выпад и опережало любое защитное действие противника. Но решиться на это Лотару было нелегко, потому что такая техника боя не оставляла никаких шансов тому, кто владел мечом хуже Желтоголового. К тому же пораженные солдаты отваливались назад, а добиться этого можно было только ударами в самые уязвимые места, вызывая нестерпимый болевой шок. Да и фойские доспехи почти не защищали тело...

То есть Лотару приходилось бить на поражение. Он и бил, взмахивал Гвинедом, словно веером. А тех немногих, которые случайно прорывались вперед, — уже оцепеневших от боли и практически мертвых, — на всякий случай встречал кинжалом.

Пару раз он пожалел, что у него нет леворучного меча, равного Гвинеду. С ним удалось бы не всех убивать, а пощадить хоть десяток олухов, которые и мечами-то размахивали, как крестьяне цепями. Кинжал все-таки был слабоват — блокировать выпады или отводить их в сторону еще можно, но вся сила ударов каждый раз приходилась на руку. Будь у него вакизаши, левая рука осталась бы невредимой, а так она очень скоро заняла от кисти до локтя, и Лотар понял, что теперь придется ее щадить и больше работать Гвинедом.

В общем, остановить вал атакующих удалось легче, чем могло вначале показаться. Фои просто отвалились после четырех-пяти рядов polegших, как колосья под серпом жнеца, солдат. Трое или четверо попытались подпрыгнуть, повиснуть на крыльях и не давать им набрать полные взмахи, но было уже поздно: крылья двигались очень быстро, приподнимая *«Летящее Облако»* над пес-

ком. Кроме того, в воздухе запели стрелы и прошли чересчур догдливых торопыг.

Вдруг Купсах на юте заорал, что *«Летящее Облако»* взлететь почему-то не может.

Лотар остановил очередных пятерых атакующих тремя горизонтальными ударами и посмотрел, что творилось по ту сторону борта. А творилось там такое, что... В общем, кто-то из молодых и прыгучих солдатиков все-таки достал левое крыло *«Летящего Облака»* и сумел его затормозить. Ему помогли, теперь там висела по меньшей мере дюжина фоев, и крыло практически остановилось. Это грозило полным поражением.

Лотар услышал визгливый крик Джимескина. Неужели банкир бросился в атаку, подумал Лотар, но тут же отбросил это соображение: этого не могло быть, потому что не могло быть никогда. Отвлечшись на мгновение от драки, он снова посмотрел, что творилось с той стороны.

К висащим на крыле фоям пробивался небольшой отряд — в нем были Рубос, и Партуаз, и Каш с Виградун. Лучшее дело шло у Каша. Он работал мечом почти как Лотар, был весь в крови и продвигался к крылу, как раскаленный нож сквозь рыхлый снег... Виградун сражался в своей манере, стремясь одолеть как можно больше противников. Лотару даже показалось, что он пытался дотянуться до некоторых отпрянувших от него и практически уже не опасных вояк — преследовал, чтобы доказать свое совершенство, свое превосходство над ними. Рубос... Ну, Рубос оставался самим собой — от его могучих ударов тела противников разваливались до пояса, в разные стороны летели отрубленные руки и ноги, он с удовольствием проламывал хлипкие фойские кожаные доспехи и выбивал чудовищными по силе ударами мечи из рук противников.

А вот Партуаз сдавал. Он вообще сунулся в это дело только по приказу Джимескина, который просто струсил. Теперь телохранитель расплачивался за неразумного господина... Он получил два удара по ногам, остался стоять только благодаря воле и истерической силе выживания... Но было ясно, что мгновения его сочтены, он слишком слаб, чтобы ввязываться в такую драку.

Откуда-то сбоку появился забрызганный кровью Сухмет. Он положил почти десяток фоев каким-то смертельным колдовством и заорал:

— Все, господин, левое крыло свободно, будь готов схватиться за веревку, когда мы взлетим!

Лотар кивнул, показывая, что услышал и понял. Тогда Сухмет быстро, как белка, взобрался по скобам на борт *«Летящего Облака»*, и Лотар тут же услышал, что скрип крыльев стал очень быстрым. Их корабль снова взлетал.

Пуганув фоев, Лотар сунул кинжал за пояс и схватился левой рукой за скобу, по которой только что взобрался наверх Сухмет, оттолкнул ногой какого-то дурня с расширенными от ужаса глазами и приготовился взлететь. *«Летящее Облако»* поднялось над песком, Лотар подивился, какая гора трупов в три, иногда четыре

ряда лежала вдоль того борта, который он защищал, и тут увидел фойских лучников...

Впрочем, их не стоило опасаться — тут постарался Сухмет, одевший гондолу с помощью посоха Гурама в почти непробиваемую, невидимую противнику броню силовой защиты...

Кроме того, прямо над Лотаром, выпрямившись в полный рост, как на стрельбище, стояли Бостапарт и Рамисос. Они били из луков в темпе, от которого даже у Лотара зарябило в глазах. Вдвоем они никому не позволили прикоснуться к левому крылу и сдерживали невероятное количество фойских вояк, убивая почти каждого, кто казался слишком опасным. Молодцы, решил Лотар, даром времени не теряют.

Корабль поднялся уже саженей на пять, когда откуда-то сзади раздался вопль отчаяния. Лотар взлетел на палубу, чуть поскользнувшись на досках, потому что его сапоги были залиты кровью погибших фоев, и проскочил к левому борту. Да, положение было не таким уж безоблачным...

Партуаз внизу погибал, это было ясно. Он еще держался, но лицо его превратилось в маску гибнущего зверя, а десяток ран на шее, плечах и руках не оставляли сомнения, что он быстро истечет кровью. Он еще отмахивался от тех, кого видел, должно быть, уже сквозь кровавый туман, но надежды не оставалось.

Телохранитель не упал только потому, что рядом, пытаясь прикрыть его сразу со всех сторон, носился Виградун. Он упивался своей силой и неуязвимостью, он бился с таким пылом, словно пытался доказать что-то целому свету... Он дал себе волю, отпустил вожжи и позволил победить в себе той пружине, которая всегда заставляла его слишком яростно стремиться к победе.

Закрепленный веревочный трап свисал прямо на плечи Партуазу, но тот не обращал на него внимания.

— Купсах, висеть, не подниматься! — закричал Лотар. Потом снова посмотрел вниз: — Виградун, поднимайся на борт. Я приказываю.

— А этот?!

Кончиком своего левого меча, залитого кровью до самой гарды, Виградун показал на Партуазу, который вдруг опустил руки и, покачиваясь, стал падать на песок. Лотар вздохнул. Его ученик был прав.

— Я иду один! — заорал он, не сомневаясь, что остальные, если бы он не запретил, тут же последовали бы за ним, и спрыгнул, стараясь ногами в воздухе оглушить сразу двух фоев, которые подобралась уже слишком близко.

Потом он встал спиной к Виградуну и заставил откатиться трех самых наглых восточников, изрезав двоих так, что они надолго выбыли из строя.

Здесь, на песке, в привычном ракурсе боя, все выглядело совсем не так безобидно, как сверху. И противник был близко, и его атаки проходили, примерно одна из трех, а то из пяти десятков, но проходили. И Виградун был уже несколько раз ранен...

А главное, противник был не сломен. Фои хотели добиться хоть какого-то результата.

— Подхватывай его, и наверх, — коротко приказал Лотар и повернулся, чтобы прикрыть спину Виградуна, слишком резко наклонившегося к Партуазу.

И все-таки опоздал. Мальчишка слишком устал, слишком истощился... Три клинка почти одновременно вонзились в спину Виградуна, и он зашатался.

Лотар стиснул зубы и тут же наказал фоев. Одному незаметным ударом снизу он отсек руку у локтя, второму вспорол вену с внутренней стороны ноги, а третьему просто рассек голову почти до шеи, разбив надвое и шлем, и налобную пластину, и все, что было миром этого человека...

— Все, поднимайся сам, Партуаза захвачу я... Купсах, вверх помалу, только не спеши!

Корабль стал медленно подниматься. Капитан *«Летящего Облака»* головы не терял, это их сейчас и спасало.

Виградун, качаясь, повис на веревочном трапе, продев ногу меж перекладин. Он быстро слабел, уж очень скверными были у него раны. Лотар подхватил Партуаза под мышки, продев левую руку под скрещенные ремни перевязей, отогнал несколько атакующих солдат и уцепился за перекладину.

Кто-то еще попытался броситься вперед, но опоздал. Лотар угостил дурака сверху колющим ударом в шею и оказался вне досягаемости.

Веревочный трап уже подтягивали. Виградун качался, но кулаков не разжимал. Кровь из ран на его спине стекала Лотару на плечи, на голову, в лицо. Партуаз, которого он держал, прижимая к себе, был уже мертв. Это была их первая потеря.

Глава 16

«Летящее Облако» стояло внизу в долине. Около него остались только матросы. Остальные поднялись на вершину холма, который стал естественным курганом над двумя свежими могилами. Ближе всего к могиле Виградуна стоял Лотар. Ему было зябко, хотя жара стояла такая, что с Рубоса пот катил градом, и очень хотелось пить.

— Он первый из нас, — сказал вдруг Каш, имея в виду только Виградуна. — Будут ли другие?

— Если не побережемся, то непременно будут. — буркнул Рубос. Теперь, после первых смертей, он проникся к мальчишкам непритворным чувством боевого товарищества. Он видел, как они работают в бою.

— Как такое вообще могло получиться? — спросил Сухмет, опережая Лотара.

— Мы очистили крыло от фоев, потом отступили к корпусу корабля. — сказал Рубос. — Партуаз уже вымотался, с его техни-

кой вообще нельзя было сходиться с борта и ввязываться в свалку, но Джимескин приказал...

— Я приказал, потому что нужно было что-то делать.

Пухленький банкир заметно нервничал. Лотар не знал, в каких отношениях он был со своим телохранителем, но понимал, что теперь ему в любом случае придется привыкать обходиться без своей живой тени.

— Приказ был idiotский, — спокойно сказал Рубос. — Он не решил ситуацию, а люди погибли.

— Что-то нужно было делать, — повторил Джимескин.

— Это мы уже слышали, — вдруг очень жестко сказал Каш.

— Каш, — позвал его Лотар, — нет.

Хотя Джимескин был виноват в гибели Виградуна лишь косвенно, его вина была неоспоримой. Но теперь и об этом Лотар предложил не упоминать, и банкир вздохнул с заметным облегчением.

— Он был моим земляком, из Мирама. Когда мы вернемся домой, я прикажу выдать его матери...

— Заткнись, — не повышая голоса, посоветовал ему Рубос. Потом продолжил: — Когда мы уже взобрались на борт, я посмотрел на Каша и Виградуна, обрубил пару веревок, по которым лезли фои, и вдруг понял, что кого-то нет. Выглянул за борт — Партуаза вот-вот должны были зарубить. Я хотел было спуститься, но... — Рубос вздохнул: — Я не решился, дело выглядело почти безнадежным. И тогда Виградун скакнул вниз прежде, чем я успел его остановить. Он размел фоев, поддержал Партуаза, но тот был уже очень плох. А потом, когда стало ясно, что он не может выволакивать Партуаза и отбиваться от восточников, я опять... не бросился вперед.

— Почему? — спросил Лотар.

— Держал этого, — Рубос кивнул на Каша.

— Да, я хотел броситься вперед, но он не дал. И я не сумел освободиться от его захвата. Перепробовал почти все, что мог, а не освободился.

Лотар положил руку ему на плечо:

— От захватов Рубоса и мне не всегда удавалось освободиться.

— Ну, в общем, дело было плохо. Я заорал на Виградуна, он-то мог подняться на борт без труда, но все не поднимался. Дрался, как демон, я в жизни не видел, чтобы мальчишка его лет практически без опыта творил такие чудеса, но не бросил Партуаза и не поднялся.

— Чудес маловато оказалось, — сухо сказал Сухмет.

— Он мог уйти, но не ушел, — вздохнул Рубос. — Потом появился ты, но было поздно. Он пару раз пропустил удары сбоку и один раз очень скверный удар по ногам.

— Сухмет, — позвал Лотар, — от чего он все-таки умер?

— Он бы выкарабкался, господин мой, но лезвие одного из мечей, которым его ударили в спину, было смазано очень скверной дрянью. Действительно очень скверной... Он был безнаде-

жен, она бы, не приведи Демииург, свалила и тебя, окажись ты на его месте.

— Это был кто-то из тех, кого?..

— Да, из тех, с кем ты потом сразу же расправился.

Лотар посмотрел на заходящее солнце, на облака, низко нависшие над равниной. Его злило то, что он не заметил отравленного меча, и то, что слишком резко приказал Виградуну подниматься на борт, и то... У поражения очень много причин, подумал он, никогда не знаешь, какая именно оказалась решающей.

Он сжал кулаки так, что треск заставил вздрогнуть Санса, который стоял в пяти шагах сбоку.

— Так. — Лотар никому не смотрел в глаза. — Все на борт, у нас очень много дел.

Они пошли назад. Лотар шагал не оглядываясь. Чувствуя, что Сухмет, как всегда, рядом, он спросил:

— Когда ты наложил заклятие невидимости на «*Летящее Облако*», фои не смогли его снять. А ведь ты говорил, что у них полно монахов, магов, колдунов...

— На борту кораблей, которые кружили над нами, были только простые солдаты, господин, среди них не было ни одного мага. Иначе они раскололи бы мою хитрость, как гнилой орех.

— Может быть, в следующий раз они так и сделают, — буркнул Лотар.

— Ты думаешь, следующий раз будет? — спросил Сухмет.

Лотар не ответил. Он шагал и, вероятно, думал о следующем этапе этого дела.

Возле корабля к Лотару подошел Купсах:

— Куда теперь?

— В лагерь вендийцев. Если уж что-то делать, то до конца.

— Что делать? — спросил все еще расстроенный Рубос.

— Определить направление. Теперь все заключено в направлении, а не в фокусе.

Они летели медленнее, чем прежде, и под утро прошли всего двести миль от того места, где осталась могила Виградуна. Только теперь перестали попадаться конные разъезды огромной фойской армии. Зато почти сразу стали встречаться патрули великой вендийской армии. Они были наряжены в живописные халаты, а плюмажам их боевых верблюдов могли позавидовать южные страусы и павлины, вместе взятые.

Разглядывая их, Сухмет вдруг произнес:

— С такой тягой к ярким краскам они не кажутся очень уж опасными воинами.

Лотар слабо усмехнулся:

— Разве восточникам противна пышность?

— Восточникам, конечно, нет, но восточным воинам, как и всем воинам во всех странах, где я бывал, — пожалуй.

— Может, им приказали так вырядиться? — предположил Рубос. И он был, кажется, прав.

Потом пошла привычная картина — бесконечная людская река, направленная к западным границам мира, против общего для

всех трех азийских армий врага. Повозки, караваны, пехотинцы, вьючные животные — все двигалось к некой точке, о которой Лотар уже имел понятие, но которую теперь требовалось проверить и в лагере вендийцев.

Под вечер Лотар понял, что ставка вендийского главнокомандующего находилась в самой середине армий. И двигалась она значительно медленнее, чем сами гигантские армии, и даже медленнее, чем иные из войсковых обозов. Дело в том, что богобоязненные вендийцы ташили с собой огромную статую своего Боллоба — бога довольно славного, хотя Лотару немного непонятного.

Статуя была из чистой бронзы и возвышалась ни много ни мало на двенадцать локтей. Вес даже пустотелого идола был так велик, что повозку с семьюдесятью двумя колесами влекли тридцать шесть пар волов, что обозначало совершенство в численном каноне этой великой, хотя и смутной религии.

Когда Лотар в своей медитации прочувствовал эту статую, он спросил Сухмета, зачем им это. Восточник печально ответил, что вендийцы считают, будто иначе им не простится пролитая кровь врагов. После этого Лотару даже медитировать о вендийцах расхотелось. Он решил лишь не упускать статую из внутреннего поля видения, хотя зачем это было ему нужно, он пока сказать не мог.

Наступила ночь. На педалях сидели все по очереди, даже старый Сухмет отказался пропустить свой черед. И под утро *«Летящее Облако»* оказалось всего в десятке миль от статуи. Теперь даже Рубос, не напрягая глаз, видел, как солнце блестит на огромной круглой голове гигантского божества.

Лагерь вендийцев еще спал, но Лотар решительно заявил:

— Все, пора готовиться. Сухмет, ты сделал то, о чем я просил?

— Конечно, господин мой.

И старый восточник вынес на палубу точнейшую копию штандарта, которую они украли у посланца от императора Поднебесной.

— Как же так? — удивился Рубос, который все утро не отходил от Лотара. — Ты же унес его, когда вы отправились к этим фоям?

— По приказанию моего господина, — Сухмет впервые с момента похорон Виградуна расплылся в улыбке, — я изготовил точнейшую копию. И прошу отметить, это очень хорошая копия. Никто, даже я сам, не заметил бы, что это магический дубликат, а не сам штандарт — настолько мало он фонит и так аккуратно убраны все концы линейных энергий, составляющих его ткань.

— А шкатулка? — поинтересовался Лотар.

— Шкатулочка с посланием Дракона оставалась в руках Сун Ло, пока ты ташил его по лагерю фоев. А когда подвел к *«Летящему Облаку»*, я взял шкатулку из его рук и отнес на корабль, прежде чем вмешался в твой поединок с фойской армией.

— Так вот куда ты исчезал, — удивился Лотар. — Вполне предположительно.

— Не только ты умешь действовать целеустремленно, господин мой, — ответил Сухмет. — Так что подделывать само послание не нужно — у нас есть оригинал. Что весьма важно, ведь кто-

то из высших вендийцев возьмет его в руки. А они там все брахманы высших посвящений и действительно многое умеют.

С этими словами Сухмет извлек из складок своего фойского халата кожаную шкатулку, в замке которой торчал ключик, вставленный туда главнокомандующим фоев.

— Послание внутри? — спросил Лотар.

Сухмет кивнул.

— Но ведь ты мне рассказывал, что это какая-то глупейшая бумажка? — вмешался Рубос. — Не слишком ли рискованно снова вот так соваться?..

— У нас нет выхода, — мягко ответил Лотар. — Приходится снова повторять маскарад. Кстати, Купсах, прикажи всем, кто может, подойти к Сухмету, чтобы он снова навел на них фойский марафет. — Тут Лотар застыл на мгновение, а потом решительно произнес: — Нет, Купсах, я ошибся, прикажи сделать это очень быстро — у нас скоро появятся гости.

И Лотар указал на далекие, вынырнувшие из легкого утреннего облака темные точки, приближающиеся к их кораблю.

— Что это? — спросил Рубос.

— Фиолетовые фламинго, — ответил Сухмет. — Кто бы мог подумать?

— Ты же говорил, что их очень мало, — мирамец с искренним негодованием повернулся к маленькому восточнику. — Я рассчитывал, что мы от них разом избавились, когда Лотар заморозил их тем белым взрывом.

Сухмет пожал плечами:

— Я тоже на это рассчитывал. Но, очевидно, у них есть еще несколько этих зверюг, чтобы контролировать воздушное пространство над ставкой.

Рубос повернулся к Лотару:

— Что делаем?

— То же, что и задумали, — ответил Лотар. — Мы послы фоев, направляемся к их генералитету от имени Поднебесного Дракона, или как там называет их императора Сухмет. Для подтверждения ты сейчас же поднимешь этот штандарт на носовом киле. И будем надеяться, что у них хватит ума догадаться, кого мы избражаем, но не хватит времени понять, что мы не настоящие фои. А остальное...

Он не договорил, а, прищурившись, стал рассматривать приближающуюся огромную птицу, на спине которой сидел волосатый коротышка, зорко и недоверчиво осматривающий их летающий корабль.

Глава 17

— Очень хорошо, что мы захватили с собой мальчишек, — сказал Сухмет, нервно оглядывая ряд мощных, великолепно тренированных сабельщиков, окруживших их, едва они сошли на землю.

— А мне, наоборот, это не очень нравится. Не уверен я, что

мальчики справятся с этими вендийцами, если они разозлятся по-настоящему.

Хотя Лотар говорил шепотом, ему казалось, что ни одно слово, которое он произносит, не пропадает даром, — что каждый из сипаев, даже не понимая смысла, может передать его речь звук в звук, и через много дней знающий западные языки переводчик донесет до командования то, о чем говорили странные послы Поднебесной. В этих бойцов была вколочена такая прорва магии, что они казались уже и не совсем людьми — так, нечто среднее между демонами и бездушными, абсолютно лишенными эмоций машинами.

Воинов было немало. Лотар насчитал почти три десятка великанов с темными, словно подкрашенными легким раствором сепии лицами и рельефными, очень выразительными мускулами. Но еще больше вендийцев было где-то рядом, за границей видимости.

Каш, Бостапарт и Рамисос стояли, подражая невозмутимой воинской стойке сипаев, и невозможно было прочесть, что творится в их сознании. Но Каш почему-то очень не нравился Лотару. Он затаился, это было ясно. После гибели Виградуна он стал темнее душой, и Лотар опасался, что мальчишка мог ожесточиться, а значит, стать более уязвимым.

— Хорошо бы до этого не доводить, — сказал Сухмет по-фойски, и Лотар тут же прочитал в его мыслях продолжение: *почему-то мне кажется, сегодня можно обойтись без рубки.*

Лотар кивнул, он и сам это чувствовал, только не знал, как это добиться.

Они пошли по лагерю. «Летящее Облако» посадили за границей повозок и поставленных в круг нескольких палаток, предназначенных, вероятно, только для самых богатых и влиятельных военачальников. Сразу становилось ясно, что вендийцы любят проводить время вне стен, и почему-то, глядя на них, это казалось правильно.

Лотар вскинул голову. Как и договаривались, Купсах поднял в воздух «Летящее Облако», и теперь оно, развеиваясь флажками и штандартами, которые нацепили на снасти, пошло над их головами. Сухмет только предупредил, чтобы Купсах не вздумал кружить над бронзовым Боллобом — иначе посланникам несдобровать.

Лотар даже подумал, что вот так можно и сравить армии фоев и вендийцев, но потом сообразил, что недоразумение скоро выяснится и они не выиграют ничего, даже время не смогут потянуть как следует. Зато когда выяснится, кто именно осквернил их бронзового бога, каждый вендийский воин с удвоенной силой будет сражаться на территории Западного континента.

В трех сотнях шагов от Боллоба Лотар понял, что статуя не просто бронзовая. Местами огромное изображение было позолочено. Стало ясно, почему она так блестела на солнце. Кроме того, позолота понадобилась для чего-то еще, но Лотар не знал, для чего именно. Впрочем, он почему-то решил, что это должно скоро выясниться.

Они подошли к выстроившимся командирам вендийцев. Вперед вышел низенький полуфой и стал с заметным акцентом, но довольно быстро перечислять имена и титулы собравшихся вендийцев.

Рампаширосом, браман верховных жрецов, главнокомандующий, столп военной мудрости и стратегии. Лотар взгляделся в морщинистое, очень спокойное лицо наголо бритого вендийца и удивился его полной, абсолютной непроницаемости. Вникнуть в то, как и о чем думал этот человек, было невозможно, по крайней мере располагая магической силой Лотара. Или этот человек был очень искусно тренирован против вмешательства любой магии, или на нем самом лежал магический колокол такой толщины, что тут и демонам-соблазнителям душ нечего было делать.

Бадрисудатра, верховный жрец, радж Мирового Закона, познаватель воли изображения Боллоба, приноситель жертв. Очень молодой, не старше Каша, юноша с белыми как лунь тонкими волосами. Вглядевшись в резко очерченные скулы и зубы, на мгновение появившиеся между тонкими губами, когда радж Мирового Закона улыбнулся посланникам из Поднебесной, Лотар понял, что этот человек был так же стар, как Сухмет, если не старше. Но правильные мысли и искуснейшая магия дали ему власть над телом и годами собственной жизни. Осознав, Лотар больше не пытался понять направление его мыслей — это было заранее обречено на провал.

Асматрик, жрец, практический организатор всего войска, интендант и податель жертв приносителю жертв... Сухопарый невысокий человек с необычайно плотной аурой сине-фиолетового, довольно агрессивного цвета. Попытаться что-то прочесть за завесой его магии значило сразу же вызвать ответную атаку.

Вирхонуливам, заместитель раджа Мирового Закона, оратор всего войска, объявитель воли жрецов и командиров... Лотар почувствовал, что они зря явились сюда. Все эти люди, имена и звания которых маленький фой сыпал как горох из мешка, были непроницаемы. Он не мог ничего выяснить тут. Хотя, конечно, это само по себе было знанием, но слишком скудным, чтобы подвергать свою жизнь и жизнь мальчишек опасности.

Асматрик вдруг хлопнул в ладоши, и слуги, одетые в белые шаровары и цветастые жилетки, вынесли легчайшие переносные столы. На них тут же появились чашки и большие фарфоровые чайники с какой-то жидкостью. Лотар, готовый отведать любую приправу к воде, почувствовал, что очень хочет пить. К счастью, колокольчики молчали, а значит, в воде не было ничего, кроме того, что туда намешал повар с самыми лучшими намерениями.

Другая команда слуг, одетых чуть иначе, вытащила низкие плетеные скамеечки, на которых лежали широкие подушки. Рампаширосом и Бадрисудатра уселись на них, и каждый сделал плавный жест, приглашая всех последовать их примеру.

Лотар угнезвился на подушке, чувствуя, что ему случалось удобнее расположиться на тренажере по растягиванию паховых связок, чем на этих конструкциях, предназначенных для отдыха

и дружеского чаепития. К его удивлению, Сухмет сел совсем не так, как вендийцы, и никого это не оскорбило, вероятно, это допускалось. Жаль, он раньше не знал, подумал Лотар.

Слуги разлили в широкие чашки ароматнейший чай, и Лотар понял, что именно этот напиток искал всю жизнь. Он даже засопел от удовольствия, а кое-кто из бесчисленных жрецов усмехнулся про себя, не дрогнув ни единым мускулом на темных, непроницаемых лицах.

Выпив несколько чашек, Асматрик вдруг заговорил низким, слегка ворчливым тоном. Сухмет тут же ответил ему, и Лотар понял, что он говорит по-древневендийски. Это произвело на хозяев немалое впечатление, хотя никто из них не показал этого.

Поговорив минут пять, Сухмет сделал плавный жест по направлению к Лотару. Желтоголовый протянул руку назад, где стояли Каш со штандартом. Бостапарт со шкатулочкой и Рамисос с ключиком от шкатулочки императора Поднебесной. Ребят за стол, конечно, не посадили. Лотар сомневался, что и он должен сидеть тут, в присутствии верховных чинов вендийской армии. Но ему, по крайней мере, предложили подушку для сидения, а значит, ритуала он не нарушал.

Рамисос с замысловатыми поклонами передал ключ Бостапарту, тот вставил его в замок шкатулки, передал ее Лотару, а уже Лотар отдал Сухмету. Восточник преподнес ее вендийцам, сумев при этом тоже поклониться. Как ему, сидящему практически на траве, удалось это, Лотар даже не пытался догадаться. Если бы старик тренировался, он бы заткнул за пояс всех нас, вместе взятых, решил Желтоголовый и поклонился следом.

Вендийцы принялись передавать шкатулочку из рук в руки. Это был торжественный ритуал. Когда послание оказалось в руках Рампаширосома, тот отставил шкатулку в сторону и с широкой улыбкой вдруг сказал по-ибрийски:

— Ну а теперь, я надеюсь, Желтоголовый расскажет, что же в действительности привело его в наш лагерь?

Он говорил почти без акцента. Лотар усмехнулся. Не стоило труда и переодеться. Эти браманы читали его и Сухмета гораздо лучше, чем он сумел прочитать их. И к тому же вендийцы знали про него. Да, скверный из него получился разведчик, его без труда определил сначала Торсингай, потом Ди, теперь эти смуглолицые... Зато стало ясно, почему его пригласили за стол вместе с Сухметом, который якобы играл главную роль.

Лотар вздохнул и посмотрел на старика. Тот глядел на Лотара.

Тогда Лотар вскочил, выхватывая Гвинед. Ребята побросали все, что было у них в руках, и тоже выхватили оружие. Каш к тому же успел пришибить двух соседних сипаев и Вирхонуливама. Оратор рухнул поперек стола, как бревно, но досталось ему, конечно, не очень сильно. С этой свирепостью в Каше потом как-нибудь следовало поработать. Она была опасна прежде всего для самого юноши...

Лотар и его спутники тут же стали спина к спине, внутри круга оказался Сухмет.

Жрецы попрытались за спины подоспевших сипаев, которые тоже выхватили свои страшные мечи из-за поясов и сомкнули широкое кольцо вокруг гостей, готовые выполнить любой приказ верховных вендийских командиров. Если не считать этих вполне разумных оборонительных мер, все вендийцы оставались совершенно спокойными. Чего нельзя было сказать про Лотара и его друзей.

— Ты зря решил прийти к нам, Лотар, — по-ибрийски продолжил Рампаширосом, — у тебя практически не было шансов, едва ты сошел со своего самодельного воздушного корабля.

— Ты уверен? — спросил Желтоголовый.

— Абсолютно. Лотар, тебе придется сдаться. Если ты не сдашься, мы одолеем тебя, Непобедимый, и это будет твоим первым поражением.

Лотар криво усмехнулся и еще раз осмотрелся. Да, положение у них и в самом деле было незавидное. Сипаи окружили их очень плотной, совершенно непрошибаемой стеной. Взять кого-то в заложники было невозможно. Использовать магию Сухмета, по всей видимости, тоже, потому что вендийцы, вероятно, начали готовиться к этому бою, едва увидели *«Летающее Облако»* на горизонте.

— Думай быстрее, господин мой, — прошипел Сухмет, — их кольцо сжимается.

В самом деле, сипаи стали подкрадываться. Теперь их было уже более полусотни.

«Летающее Облако» — на нем можно было бы улететь, но оно кружило над их головами, и оттуда не могли даже сбросить веревочные трапы, чтобы их не перехватили вендийцы. И тогда они или заставят летающий корабль приземлиться и захватят в плен, или вынудят улететь без Лотара и его людей. Неужели они в самом деле попались?

— Ты уверен, что мы попались? — спросил Лотар по-ибрийски, чтобы Рампаширосому не нужно было переводить.

— Да.

— А по-моему, — Лотар вдруг почувствовал, что решение медленно возникает в его сознании, — это нужно еще доказать!

Глава 18

Первые удары клинков о клинки прозвучали с таким жестяным звуком, что Лотар отвлекся от того, что он задумал, и быстро проверил магическим видением состояние каждого из своих ребят, даже вник в настроение Сухмета.

Ребята были озабочены тем, чтобы поединок выглядел настоящим, а не тренировочным. Они так верили в Лотара, что им и в голову не приходило всерьез беспокоиться о своих жизнях. Только Каш злился и готов был убивать самым мучительным из всех известных ему способов — колотыми ударами в солнечное сплетение. Но вмешиваться, чтобы остудить его, Лотар не стал — по-

ложение было не из легких, он мог ненароком затормозить юношу, а это было уже опасно. Пусть будет как будет, решил он, не так уж плохо они тренированы, чтобы не выдержать этой стычки.

А Сухмет вообще стоял как замороженный. Если бы удалось измерить его пульс, он оказался бы реже, чем во время чтения драматической хроники, за которым Сухмет проводил часы безделья в своей библиотеке, переживая за выдуманных героев прошлого. Однако старик работал — прикрывал силовым полем «*Летящее Облако*», готовил накачанную от посоха Гурама воспалительную энергию, следил за силами ребят и даже пытался пересылать Лотару наиболее тонкую энергию, чтобы тот наконец считал направление движения этой армии из сознания вендийских военачальников.

Поэтому Лотар не стал убивать сразу, он только вывел из строя несколько самых бесчестных сипаев, а потом громко провозгласил:

— Итак, двинулись!

И пошел к статуе Боллоба, зная, что его спину и бока плотно прикрывают ребята. Сначала никто из вендийцев не придал этому значения. Они просто не допускали возможности, что, атакуемые всеми телохранителями главной ставки, Лотар с мальчишками продержатся достаточно долго, чтобы...

Кстати, чтобы что?.. Тут Лотар отчетливо осознал, что в головах Рампаширосома, Бадрисудатры и остальных нет даже тени понимания задуманного им плана. Они были слишком зашорены. Им и в голову не могло прийти, что Лотар может рассматривать их великолепную статую не как воплощение божественной красоты, а как путь к спасению.

Ну ничего, решил Лотар, скоро они догадятся и тогда навальтятся по-настоящему. А между тем он шаг за шагом продвигался вперед, скользя в крови, иногда поджидая Каша, который в азарте каждый раз старался непременно ранить противника.

— Каш, ты нас задерживаешь, — ровным голосом сказал все понимающий Сухмет.

— Я их, мерзавцев, готов душить, — ответил, еле переводя дыхание, юноша.

— Зря, они ни в чем не виноваты.

Отвлекать мальчишек рассуждениями сейчас было не время.

Вдруг кто-то из вендийцев, кажется Бадрисудатра, догадался, что задумали нечестивые чужаки. И поделился своими соображениями с кем-то... И тогда началось.

Вендийцев словно подменили — они кидались в бой с яростными воплями, стараясь оттеснить противника от статуи... Но это было им уже не по силам. Потому что впереди, лицом к Боллобу, шел Лотар, прозванный Непобедимым, и заставлял уступать любого противника.

Теперь Лотар работал клинком на убой. Он закалывал сипаев, как забивают скот перед большим праздником. Или как оголодавший волк режет без разбора овечье стадо, заливаясь кровью бестолковых тварей. Сипаи тоже выглядели почти как овцы, когда на них наваливался Желтоголовый.

Они пропускали удары один за другим. Почти не касаясь их мечей, обводя Гвинед вокруг их жалких блоков, Лотар бил очень сильно и очень глубоко. Лишь иногда он позволял себе не добить до конца, не так глубоко проткнуть мечом противника, чтобы у него остался шанс...

Мальчишки держались изо всех сил. Рамисос уже устал. Он тяжело дышал, с него градом катился пот. Каш пропустил ударов пять, и хотя это были скорее царапины, чем раны, но их было уже слишком много. Он терял силы. Лишь Бостапарт, стараясь быть похожим на Лотара, стремился действовать рационально и мог еще держаться некоторое время...

Лотар оглянулся. На траве, на песке, на камнях в разных позах, переваливаясь со стонами, отползая прочь, протягивая руки или спокойно, без жалоб, умирая, лежала половина отряда сипаев — более полусотни человек. Значит, Рампаширосом уже пустил в дело резервы, а зря. Теперь у него оставались только простые солдаты из лагеря, но что толку? Они лишь столпились бы вокруг Лотаровой команды, мешая друг другу, потому что обучены были куда хуже, чем те, с кем Лотар и его мальчишки уже справились.

Наверное, сейчас они что-то придумают, решил Лотар и приготовился, потому что до статуи оставалось не больше двух десятков саженей. Сейчас придумают.

Рампаширосом придумал. Он велел выкатить вперед телегу с большой бочкой, в днище у которой торчало длинное и тонкое жало — сопло. Потом возле бочки появился человек в капюшоне и с факелом. Да это же огнемет, понял Лотар. Сейчас этот в капюшоне подожжет запальник у сопла, потом ударит в специальную затычку, выпускающую горючую жидкость, которая под огромным давлением хранится в бочке, — и огненная река обрушится на них, не щадя, разумеется, и сипаев... Скотина он все-таки, решил Лотар. Но интересно, что они используют — напалм или просто сгущенную нефть?

— Сухмет! — позвал он, опережая не в меру самоуверенного юнца ударом ноги в коленную чашечку.

Восточник хмыкнул:

— Вижу, господин мой, это проще, чем капусту сварить. Они даже не защитились, ротозеи огородные...

Он вдруг вытянул вперед руки и что-то заверещал так тонко и пронзительно, что Лотар даже слов не разобрал. От бочки тут же повалил дым. Парень с факелом отшатнулся от нее, но кто-то из вендийских командиров на него зарычал, и он снова бросился к своему агрегату... Но время было упущено.

А ведь ему и в самом деле необходим капюшон, как палачу, решил Лотар. Ну, поджарил бы он с нами вместе десятка четыре сипаев, неужели ему бы это простилось? Ведь у тех, кто мог сгореть, наверняка были друзья и родственники... Они бы посчитались. Впрочем, считаться уже не с кем...

Не успел он подумать, как бочка с горючей смесью взорвалась и выбросила огромный куст ярко-рыжего пламени, да такого, что даже Лотар с расстояния в сотню шагов ощутил его жар.

— Лотар, — позвал с высоты Рубос, — поднимайся. У них же есть еще эти — фламинго, или как их там.

Лотар посмотрел вниз. В том месте, где сгорел Каш, земля сплавилась в стеклянистую, блестящую массу. Около нее бродили оставшиеся в живых сипаи. Они даже смотреть боялись на чужеземцев, которые, несмотря ни на что, вырвались из самого центра их лагеря. Они боялись смотреть и в сторону командирских палаток, где заседали их начальники. Да, нелегка солдатская служба, подумал Лотар без ненависти и злобы.

Там, где они прошли, остались лежать трупы убитых сипаев. Погибших в такой стычке могло быть гораздо больше. А может быть, тех, кто погиб от его руки, стоило и пощадить — кто скажет? Узнать это предстояло Лотару лишь в смертный час.

А сейчас в голове Желтоголового были очень точно прочерчены направления действий армии вендийцев — гораздо точнее, чем войск ханнов и фоев. Все было сделано. Назад не повернуть и ошибок, к сожалению, тоже не исправить.

Лотар вздохнул и стал подниматься по лестнице. Мигом набрав силу и скорость, крылья *«Летящего Облака»* застучали чаще и унесли корабль и Лотара на веревочном трапе прочь от ставки великой вендийской армии.

Глава 19

«Летящее Облако» шло на Запад. Лотар с удивлением отметил, что это направление вызывает в нем непонятное умиротворение и покой. Наверное, у него, обостренно чувствующего направления, выработалась какая-то эмоциональная подоплека многих магических ощущений. Это было неправильно с точки зрения высокого воинского искусства, но могло значить и что-то еще — более важное и значимое, чем просто предпочтение одного направления перед другими.

— А ведь я даже родился не тут, а на границе Западного и Северного континентов, — пробормотал он, хотя сам не был уверен, что обращается к Сухмету.

— Да, я знаю, господин мой, — ответил восточник. — Ты из племени славов, почтенных, мирных поселенцев, способных даже в степи прокормить всех и каждого.

Лотар покачал головой:

— Нет, я не о том. Я о направлениях, которые играют в этом деле особую роль.

Сухмет сидел на цветастой подстилочке, которую нашел среди вещей фойского посланника, и что-то делал с посохом Гурама. Лотар заметил, что в последние несколько дней Сухмет возился с ним гораздо больше, чем требовалось, чтобы получить энергию или просто восстановить магические способности. Старик что-то затевал, и Лотар не мог уловить, что именно. Впрочем, он не особенно и приглядывался — не было времени.

Солнце опускалось к западной кромке горизонта. Еще не-

сколько дней назад Лотар сказал бы просто, что солнце садилось, но теперь ему хотелось каждый раз подчеркивать слово «запад». Он вздохнул.

Земля внизу уже погрузилась в вечернюю тьму. Лотару пришлось изменить зрение, чтобы разглядеть идущих по темным дорогам людей. У каждого на плече пика и щит. Сбоку сумка с нехитрым скарбом, на другом боку — меч или длинный кинжал. Кое у кого были слуги, но и для них тоже подобрали оружие, и слуги стали солдатами.

Запад готовился к войне. Ждать ее оставалось недолго. Лотар чувствовал даже на такой высоте, что над головами людей витала безнадежность. Они просто готовились к смерти, они знали, что не смогут выстоять против трех колоссальных армий, готовых уничтожить все, что составляло это коротенькое слово — Запад.

Санс на юте что-то закричал, Лотар оглянулся. Трое изнуренных матросов вылезли из люков и стали разбираться со снастями. Лотар посмотрел под ветер и тут же увидел замок Астафия Задорского. Отсюда они были изгнаны... всего-то чуть больше недели назад. А кажется, что прошло много лет.

Тогда еще и Каш с Виградуном были живы. Теперь же...

Лотар присмотрелся к замку. Только в двух башенках окна были освещены. В одной находился королевский кабинет, где они в прошлый раз проводили совет, а в другой, кажется, располагалась королева. При мысли о королеве Ружене у Лотара странно изменился ритм сердца. И самое смешное, что он ничего для этого не делал, все произошло само собой. Его сердце вело себя, как непослушный ученик, который вздумал отвлекаться.

Лотар повернулся к Рубосу, который появился из люка, разыскивая его глазами, и Джимескину, который стоял всего в пяти шагах от Желтоголового, но делал вид, что не имеет с ним ничего общего.

— Господа, нужно привести себя в порядок. Полагаю, нас примут сразу, как только мы появимся под стенами замка.

Джимескин медленно спросил, стараясь разглядеть лицо Лотара в уже сгустившейся тьме:

— Тебе не кажется, что лучше садиться не в замковом дворе?

Из-за плеча Джимескина выглянул мэтр Шивилек. Джимескин после гибели Партуаза привязался к адъютанту, и в последнее время они не разлучались.

Не ответив, Лотар пошел в свою каюту, чтобы умыться и переодеться в свежую сорочку.

Король принял их не сразу. Они простояли под стенами замка почти час, прежде чем их пригласили на аудиенцию. Джимескин все время нервно оглядывался, хотя вокруг замка было полно людей, и даже на кромке ближайшего леса тут и там горели костры еще не ушедших на фронт отрядов. Но большинство солдат уже переправили к месту сражений.

Глядя на опустевшие, вытопанные, потравленные лошадьми окрестные поля с огромными оспинами от походных костров, Лотар думал о том, что теперь они, может быть, и не успеют пред-

отвратить бойню, если заговор окажется хоть чуть-чуть сложнее, чем он думает. А в том, что он может быть сколь угодно сложным и притом чрезвычайно коварным, сомневаться не приходилось. Вот только удастся ли его разгадать... Ладно, решил Лотар, все свершится по воле Красса.

В замке их окружили, словно вражеских парламентаров или даже пленных. Но провели прямой дорогой к королю.

Пока они шагали, Лотар различил несколько знакомых лиц в толпе солдат. Зато офицеры были новыми. Почти сплошь мальчишки, не получившие и начального воинского воспитания. Очевидно, это были младшие сыновья тех благороднейших семей, которые король хотел во что бы то ни стало сохранить. Значит, он еще не совсем поддался отчаянию. Хотя... Да, понял Лотар, здесь чувствуется рука королевы — король не способен на такое предвидение, по крайней мере был не способен, когда они оставили его десять дней назад.

В зале, где совещались в прошлый раз, народу было гораздо меньше, и Лотар сразу увидел королеву. Она стояла у стены в строгом платье с высоким воротником. Казалось, происходящее ее не касается. Но каждый знал, что она не упускает ничего и все сумеет повернуть по-своему, не повышая своего мягкого и ровного голоса. Поэтому даже король внешне казался спокойным.

Но как только Лотар пригляделся к нему, стало ясно, что он по-прежнему едва не теряет голову от огромного напряжения. А это самое скверное, что может случиться с королем, тем более накануне серьезной войны.

Сразу после поклонов Астафий Задорский заговорил очень резко и холодно:

— До меня дошли сведения, Желтоголовый, что ты мог, но не захотел избавить нас от Торсингая, предводителя ханнов. Что ты скажешь в свое оправдание?

Лотар чуть поднял брови:

— Я не должен ни перед кем оправдываться, король. Я выполняю другую миссию, а не диверсионно-террористическую. Мне показалось...

— Нам известно, что тебе кажется, Лотар. Ты это вполне отчетливо дал понять прошлый раз. Но тогда ты убедил нас, что способен принести хоть немного пользы.

Лотар посмотрел на говорящего — это был Вернон. Теперь и его лицо искажала гримаса нервного волнения. А ведь это командующий второй по силе и численности армии, которая должна была сдерживать врагов с Востока. Да, плохо тут обстояло дело, если высшие офицеры так распустились.

— Присгимул умер? — спросил он.

— Нет, но...

— Тогда разговор в таком тоне не может продолжаться, — спокойно, едва ли не лениво произнес Лотар. — Мы кое-что выяснили и хотели поделиться своими сведениями. Это может помочь, и действовать в дальнейшем нам придется на твоей территории, Астафий. Но то, как вы ведете дело, исключает сотрудничество.

Он повернулся, давая знак Сухмету и Рубосу, чтобы они следовали за ним. Джимескин, Шивилек и Купсах, прихваченный на эту аудиенцию на случай, если потребуется помощь грамотного навигатора, могли поступать как им заблагорассудится.

Тогда вперед вышла Ружена. Она улыбалась, вероятно, углядев в поведении наемников повадки непослушных и невоспитанных мальчишек. Потом королева низко присела с поклоном, воздавая Лотару почести, которых, вероятно, не всегда удостоивался даже главнокомандующий армией ее венценосного супруга.

Потом посмотрела прямо в глаза Желтоголовому. В этом взгляде не было ни смущения, ни тревоги — только воля и решимость.

— Прошу учесть, сэр Лотар, что от твоих действий зависит судьба не только собравшихся тут людей, но и жизни всех тех, кто сейчас отправлен к месту будущих боев. Если ты можешь сообщить то, что им поможет, говори. Мы все слушаем со вниманием.

Лотар низко поклонился и так надолго замер в поклоне, что в толпе придворных кто-то хмыкнул. Потом выпрямился и оглядел комнату.

— Лучше пройти к карте, королева.

Оскорбив Вернона и, возможно, даже короля тем, что обратился именно к королеве, Лотар подошел к столу, за которым Присгимул когда-то делал свой доклад, и подождал, пока все соберутся вокруг.

— Армии существуют, королева. Они идут отсюда, отсюда и отсюда. — Лотар показал направление движения всех тех рек воинов и вооружения, которые они видели с борта *«Летящего Облака»*. — Армии очень большие. Каждая так велика, что даже мой друг Сухмет не сумел точно подсчитать.

— А ты мог бы определить примерную их численность? — ровным голосом спросила Ружена, словно никто больше не слушал доклад Лотара.

Желтоголовый посмотрел на Сухмета.

— Думаю, прекрасная королева, что вместе с обозами в трех армиях более двух миллионов человек, — ответил восточник и поклонился с вежливой улыбкой.

— Два миллиона! — задохнулся Астафий, беспомощным взглядом обводя комнату.

Вернон поник головой и помимо воли прошептал:

— Мы надеялись, что их хотя бы триста-четыре тысячи... А если отбросить обозы, это значит... Более миллиона воинов.

Королева посмотрела на своего короля. Под этим взглядом он стал тверже, растерянность уступила место угрюмой сосредоточенности. Чтобы как-то оправдаться перед своей королевой, Астафий произнес:

— Это верная гибель. С нашими тридцатью тысячами мы не выдержим даже первого удара.

— Лотар, есть ли у тебя какой-нибудь план? — спросила королева.

— Потому-то я и здесь, королева.

— Тогда продолжай, мы слушаем тебя.

— Ставка Торсингая, где я встретил его и действительно с ним сразился, — хотя и не мог бы, как донесла твоя разведка, непременно убить его, не поплатившись за это собственной жизнью, — находится тут.

Он показал место на берегу Говарли, где дрался с предводителем ханнов и чуть было не попал в засаду конников.

— Но важно даже не это. Гораздо важнее то, что он наименее подходящий из всех командиров этой армии. А это объективно способствует успеху нашей стороны.

— Я слышал, что сильнее его никого нет, — сказал Вернон. — И не только в кулачном поединке.

— Он очень долго находился под воздействием Матрипоста, а нормальный человек не может без существенных потерь своих жизненных сил долго выдерживать влияние магии. Это тебе подтвердит любой знахарь на деревенской ярмарке, Вернон. Значит, сейчас он вряд ли полноценный воин, человек и, следовательно, главнокомандующий.

— Я не знаю, что такое Матрипост, — сказал Вернон, — но, может быть, он стал колдуном? Тогда опасность от его высокого положения только возрастает.

— Нет, он не стал колдуном. Он стал слабым, безвольным, беспомощным командиром. Думаю, жизнь его теперь продлится недолго, даже если он и отыщет другой Матрипост. Его подчиненные и конкуренты почти каждый день замечают его слабость и не простят этого. Ханны жестоки не только к чужакам, но и к своим. А пока его не сменили, он принесет немало вреда своей армии, что будет для нас существенной помощью.

Теперь, кажется, с этим согласились все, даже враждебно настроенный Вернон.

— Чуть сложнее было дело с двумя другими главнокомандующими. Их я тоже не стал убивать, потому что это ничего не дало бы. Конкурентом главнокомандующего в армии фоев является прирожденный стратег и полководец, которого я бы попробовал остановить, если бы мог. К сожалению, он такой возможности не предоставил. Следовательно, нынешний их генерал тоже объективно способствует нашей стороне. А в армии вендийцев коллективное управление, следовательно, это вообще бессмысленно. Так, думаю, с этой стороной дела все ясно.

Лотар оглядел собравшихся. Все послушно склонили головы. Пожалуй, он добился понимания. Тогда можно будет убедить их в правильности его поступков и впредь.

— Существенным элементом в этом деле является направление движения всех армий. Я не обладаю магическими способностями своего друга, — он кивнул на Сухмета, который не преминул широко улыбнуться и поклониться, продемонстрировав свои великолепные, совсем не старческие зубы, — и выискивал направление в сознании главнокомандующих. Последовательно — от Торсингая до Рампаширосома...

Тут Лотар немного смешался. Он знал, что это бессмысленно и

поправку его понять сможет, вероятно, только Сухмет, но все-таки пояснил:

— Впрочем, сознание Рампаширосома было очень плотно защищено, но я считал направление движения вендийской армии по золотой амальгаме, нанесенной на голову статуи их божества Боллоба. Золото хорошо воспринимает и записывает моления и медитации. А перед Боллобом молилась в разное время вся их армия... И вот что я выяснил.

Лотар нашел глазами Купсаха, чуть стесняющегося своего присутствия на столь высоком собрании.

— Капитан, не поможешь ли мне?

— Охотно, сэр. — Купсах вышел вперед и встал у края стола, поближе к тому месту, где на картах обозначались ставки атакующих восточных армий.

— В сознании Торсингая я прочитал направление... Сухмет, ты принес свой компас?

— Конечно, господин мой.

Сухмет вытащил из бесчисленных складок своего фойского халата небольшой компас с медным ободком. На ободке кончиком Лотарова кинжала были сделаны три насечки.

— Я сделал эти насечки, чтобы не забыть их. Сухмет, передай Купсаху компас. Купсах, найди зарубку с цифрой один. И помести центр компаса в ту точку, где я дрался с Торсингаем.

Купсах так и сделал.

— Готово, сэр.

— А теперь проведи из этой точки пеленг по сделанной зарубке прямо на этой карте.

Купсах оглянулся в поисках линейки, нашел ее на соседнем столике вместе с россыпью очиненных перьев и быстро провел прямо на карте короля Астафия тонкую ровную линию. Она прошла от берега Говарли почти до центра королевства Астафия.

— Теперь проведи линию из того места, где мы взяли в заложники главнокомандующего фоев генерала Ло, через метку с цифрой два.

Купсах провел вторую линию, обмакнув свое тоненькое перышко в чернильницу. Пока он трудился, все молча смотрели на его руки с худыми, ловкими пальцами. Но едва он довел линии до конца, Астафий воскликнул:

— Линии пересеклись! — Он присмотрелся: — И совсем недалеко от замка, в котором мы сейчас находимся.

— Что это значит, сэр Лотар? — спросила королева Ружена.

Лотар, извиняясь, улыбнулся королеве и королю и произнес:

— А теперь, любезный Купсах, проведи третью линию из того места, где погиб Каш, через заметку на компасе с цифрой три.

Когда Купсах довел эту линию до конца, все разом вздохнули. Все три линии сходились в одной точке, которая действительно находилась около замка Астафия.

— Что это значит? — повторила свой вопрос королева Ружена.

— Это значит, прекрасная королева, — чуть улыбнулся Лотар, воспользовавшись этим титулом, придуманным Сухметом, — что

все три армии идут не на Западный континент. Их притягивает нечто, находящееся в этой точке. И оно действует на всех восточников, которые участвуют в этом походе. На настоящий момент это и есть их фокус. — Лотар поставил указательный палец в точку, где пересеклись три линии, по которым двигались восточные армии. — А теперь я должен спросить: что тут может быть?

Лотар обвел взглядом всех собравшихся. Король, который лучше прочих знал окрестности своего замка, произнес:

— Здесь находится пещера, в которую я забирался мальчишкой, пока мой отец, король Задоры, не приказал замуровать ее.

— На стену наложено какое-нибудь заклятие? — быстро спросил Сухмет.

— Нет. Мой отец не одобрял магии.

— Понятно, — кивнул Лотар. — В эту пещеру мы теперь и отправимся.

Королева Ружена сделала к Лотару два шага и протянула ему свою руку, чтобы он мог вести ее, взяв за ладонь, согласно дворцовому этикету.

— Сэр Лотар, для тебя не будет неожиданностью, если мы отправимся взглянуть на эту пещеру с тобой? Надеюсь, на корабле найдется место для трех пассажиров — моего короля, меня и нашего верного Вернона?

Глава 20

Перед стеной из белого известняка, закрывающей довольно высокую, в несколько локтей пещеру, Купсах отыскал площадку и ловко посадил *«Летящее Облако»*. Так что венценосным пассажирам, да и всем остальным пришлось пройти до пещеры не более трех сотен туазов. В старой кладке из нескольких рядов огромных блоков относительно недавно кто-то проделал отверстие чуть выше человеческого роста, а потом замуровал его необработанными кусками слоистого песчаника.

Король, который теперь не выпускал ладонь королевы, с сожалением оглянулся на темнеющую внизу долину, в конце которой находился его замок.

— Жаль, мы не догадались приказать доставить сюда каменщиков или какой-нибудь другой мастеровой люд.

— В этом нет надобности, — ответил Лотар, оглянувшись на Сухмета, который на этот раз захватил с собой посох Гурама. — Мы располагаем гораздо большей мощностью, чем все каменщики в вашем замке.

— Ты можешь взорвать эту стену? — поинтересовалась королева.

Лотар усмехнулся:

— С легкостью. Она не так прочна, как можно подумать. Просто этого не нужно делать. Сначала важно узнать, что теперь находится по ту ее сторону. От взрыва это может разрушиться или —

хуже того — сдетонировать в ответ. Тогда за последствия не поручится даже Сухмет.

Старик, который, не дожидаясь приглашения, спокойно и тщательно обследовал недавний пролом в стене, обернулся:

— Поручусь, господин мой, что это не может сдетонировать, даже если взорвать тут все вендийские ракеты и шутихи разом. Там что-то другое.

— В каком смысле? — спросил король.

Он, конечно, не стал намного разумнее, чем был в замке, и даже не успокоился, но конкретное дело, которое теперь им всем предстояло, по крайней мере пробудило в нем любопытство и желание разобраться в ситуации. Для человека, попавшего под влияние магии, это был совсем недурной признак.

Теперь Лотар не сомневался, что пещера выбрана в этом месте именно с целью оказать влияние на короля Астафия. Станным образом это примиряло Лотара с ним, потому что теперь не нужно было рассматривать его как глупого и взбалмошного самодура, а скорее как больного, которого необходимо обязательно вылечить, поскольку от него многое зависит.

— Ну, — попробовал пояснить Сухмет, стараясь не прибегать к очень сложной магической терминологии, — там что-то вроде линзы, которая не вырабатывает влияние на восточные армии, а скорее переводит их из этого мира куда-то еще.

— Куда? — снова спросил король. — Ты можешь определить это место?

— Нет, пока я ощущаю эту штуку через стену, — ответил Сухмет.

— Хорошо, подождем, — согласилась королева так спокойно и весело, словно речь шла о пикнике на солнечной поляне, а не о том, чтобы оценить таинственный магимат, способный поставить ее короля, королевство и ее саму на грань уничтожения. Она добила главного — позволила Сухмету заниматься делом, не отвлекаясь на преждевременные вопросы короля.

— Может быть, нам следует отойти подальше? — спросил вдруг Вернон.

— Вот и я думаю, — тут же отозвался Шивилек, — не опасно ли то, что мы делаем. Все-таки с нами венценосные особы...

— Если бы это было опасно, — ворчливо отозвался Сухмет, — я бы не стал даже прикасаться к этим камням.

Он подошел к свежей кладке и быстро оглянулся на Лотара.

— Очень слабая магия, что-то вроде раствора. Впрочем, против пастухов и адьюнктов может подействовать.

Мэтр Шивилек гордо вскинул голову, но Джимескин тут же положил свою пухленькую ладонь ему на плечо, и адьюнкт не издал ни звука.

Сухмет помахал посохом в воздухе, хотя Лотар чувствовал, что он мог бы обойтись и без магического жезла. Ему хватило бы собственной силы, чтобы отменить это заклятие. Потом он обернулся к королевской чете и поклонился:

— Вот и все. Можно разбирать кладку.

Для примера он подошел и собственными руками вытащил небольшую плиту.

— Подожди-ка, — прогудел Рубос, отстранил его и ударил в плиты песчаника ногой в тяжелом сапоге.

Кладка разом покачнулась. Мирамец ударил еще сильнее. И все плитки рассыпались. Теперь в проход можно было войти даже не сгибаясь. Король неуверенно посмотрел на Бостапарта и Рамисоса, которые высоко держали факелы.

— Может быть, прикажем принести еще огня?

Лотар ответил:

— В этом нет необходимости, ваше величество. В пещере достаточно света.

И первым вошел в пролом. За ним последовали остальные.

В пещере и в самом деле был свет. Он шел из-за поворота, и Лотар, быстро убедившись, что опасности нет, двинулся вперед, даже не оглянувшись. Впрочем, он ошибся: до источника света пришлось пройти не один поворот. Перед последним поворотом сияние стало таким сильным, что факелы Боста и Рамисоса показались дымными и ненужными палками. Пожалуй, от этого света у нормального человека могли и глаза заболеть. Впрочем, решил Лотар, им предстоит провести тут не очень много времени, и ничего страшного с Руженой не случится.

Все же перед последним поворотом он подождал королеву, которую по-прежнему вел за руку король.

— Не надо резких движений, ваше величество, — сказал Лотар, когда они приблизились. — И ничего не опасайтесь. Для нас это место сейчас безопасно, как покой вашего замка.

Его голос отозвался где-то вверху обширной пещеры гулким, неправдоподобно громким эхом. Но со звуками вблизи магиматов всегда что-то происходило, и Лотара это не удивило.

Желтоголовый зашел за поворот... И ахнул.

Он ожидал чего угодно. Но такое... Это был огромный, в два человеческих роста, прозрачный, словно из горного хрусталя, страз, который светился ярчайшим пламенем и переливался всеми цветами. Он был прекрасен, как застывшая радуга. И совершенен, как замерший водопад, устремленный к небу. Или костер цветного пламени, прорезавший мглу и сырой мрак пещеры.

— Господин мой, тебе это ничего не напоминает? — спросил его шепотом Сухмет. Впрочем, он мог и не стараться: его голос отозвался в углах громовым эхом.

Да, такое Лотар уже видел.

— Это похоже... Да это же Дракон Времени, или как там называл его Жалын!

— Верно, — отозвался Рубос. — Только эта штука в десять раз больше. И светится.

Лотар посмотрел на королеву. И порадовался от души. Она и в самом деле необыкновенная женщина. На ее лице не было и тени страха или напряженности, оно светилось радостью и восхищением перед красотой.

— Ну, положим, настоящий Дракон Времени, который ис-

пользовал тогда Жалын, тоже мог светиться, просто мы не видели его в рабочем состоянии, — отозвался Сухмет. — Но все равно это очень хорошая копия.

Рубос посмотрел на Лотара:

— Желтоголовый, а в этом деле тебе ничего не напоминает каменных псов? Не мое дело, конечно, подсказывать тебе, но что-то общее, безусловно, есть.

— Ты прав, — кивнул Лотар. — Принцип вызывания совершенно идентичен. А это наводит на мысль...

— Так, значит, эта вещь, эта стеклянная скульптура, выполняющая роль Гонга Вызова? — удивился Джимескин.

Без сомнения, он хорошо знал то давнее дело Лотара. Ведь тогда решалась судьба его родного города. Но больше всего Желтоголового удивило то, что с историей мирамских каменных псов оказалась знакома и королева Ружена.

— Это совсем не похоже на платиновый диск, Лотар, — сказала она. — И не звучит.

— Ну, положим, какое-то воздействие на людей этот предмет все-таки оказывает. Просто на этот раз объектом воздействия стали не все люди подряд. Тому, кто задумал уничтожить Западный континент, важно сохранить дисциплину и боеспособность армии, а это сложнее, чем просто заставить портовый сброд бросаться на стены замков. Вот он и стал действовать только на тех, кто принимает решения. Поэтому мне и пришлось драться с Торсингаем или брать в заложники Ло, а не рядового солдата.

Королева кивнула. А потом поняла, что сказал Лотар, и с тревогой посмотрела на короля:

— Значит?..

Лотар кивнул, упредив ее вопрос:

— Безусловно. Этим объясняется очень многое.

Королева вздохнула, и в ее движении вдруг проявилось столько облегчения, что Лотар почувствовал, как он растроган этим очень женским, но таким важным чувством в общем балансе Вселенной.

— А я-то голову ломала, почему... почему у нас в замке произошло столько изменений за последнее лето. Но теперь...

Этот разговор слышали по меньшей мере десяток человек. Но лишь она и Лотар понимали его до конца. Хотя, конечно, все понимал и Сухмет, и даже, наверное, ребята, которые оставались со своими факелами где-то сзади, но видели и слышали все.

— Но, сэр Лотар, а наши слуги? Или Присгимул?

— Он исполняет приказ. Это очень сильный блок для того вида магии, который действует на этот раз. То же справедливо и для других, даже высших офицеров.

Королева чуть заметно улыбнулась и посмотрела на короля и Вернона, которые обходили модель Дракона Времени, тихо переговариваясь.

— Кроме того, как я уже сказал, эта штука не служит источником сигнала. Она просто передает его, изламывая, как линза преломляет свет.

— Вот оно! — воскликнул вдруг Сухмет из отдаленного угла пещеры и ткнул пальцем в слишком ровную стену.

Лотар, а за ним все остальные подошли к стене.

— Что ты нашел? — резковато спросил восточника король. — Я ничего не вижу.

— И тем не менее. — С этими словами Лотар поднял с пола камень и острой кромкой ударил в стену.

От стены тут же отвалилась какая-то нашлапка — пластырь, сделанный из какого-то раствора, каким каменщики скрепляют кирпичи. А под ней открылся рисунок.

Света в пещере было достаточно, чтобы все увидели его, даже не расступаясь.

— Это какая-то карта, — сказал Шивилек. — Впрочем, я узнаю этот берег. Это, — адъютант с триумфом оглядел всех, словно сделал открытие, — северные берега нашего континента. Примерно в центральной его части.

Король пригляделся и спросил:

— А эта линия?

Сухмет провел ухоженным пальцем по прямой линии, прочерченной в каменной стене даже глубже, чем обозначение северного берега.

— Начало этой линии — если принять масштаб того фрагмента северного берега, как справедливо заметил мэтр Шивилек, — в той самой точке, где мы сейчас находимся. А конец упирается в пучины Северного моря.

— Что? — удивился Джимескин. — Опять заговор Морского царства?

— Не думаю, — ответил Лотар. — Дело здесь выглядит самым что ни на есть сухопутным образом. Скорее всего там есть остров. И что-то еще.

— Никогда там не был, — пробурчал Шивилек. — Но остров там и впрямь может быть.

— А что еще, помимо острова, ты ожидаешь там увидеть, Лотар? — спросил король.

— Следующую линзу, — ответил ему Лотар, — преломляющую сигнал, который заставил королей и генералов Востока отправиться на завоевание Западного континента.

Король Астафий вдруг дико огляделся.

— На завоевание?! — Тут он выхватил меч, который был пристегнут к поясу Вернона. Лотару в этом жесте почудилось что-то очень знакомое, но он не стал вспоминать, когда уже видел что-то подобное. — На завоевание, говоришь?! Я им покажу завоевание!

С этими словами король Астафий набросился на страж, повторяющий красоту и магическую силу Дракона Времени, нанося размашистые, сильные удары.

От каждого удара несколько языков прозрачного пламени вспыхивали в последний раз и отламывались, разлетаясь по углам пещеры с сухим, льдинистым звуком. По мере того как Астафий обрубал языки хрустального костра, свет, идущий из него, мед-

ленно угасал. А когда король принялся за основание страза, свет почти погас.

Лотар быстро посмотрел на своих ребят. Они спокойно стояли с горящими факелами у поворота к выходу. Без света Ружена не останется.

Наконец, разрубив основание линзы по меньшей мере на пять кусков, король Астафий остановился, тяжело дыша. Последние искры магического огня догорали в обломках. Он сделал несколько шагов по захрустевшим осколкам и уронил меч. Он не был так силен, чтобы удержать его теперь, когда вспышка бешенства прошла. Все-таки влияние линзы Дракона Времени очень обессилило мощного некогда воина и тренированного бойца.

Вернон наклонился, чтобы поднять меч, а уже потом поддержал короля. Лотар про себя отметил, что это было правильно.

— Зря, это уже ничего не изменит, король, — сказал Лотар. — Сигнал все равно будет действовать на генералов восточных армий. Нужно уничтожить источник сигнала, а не передающую линзу.

— К тому же не исключено, что все это может быть и фальшивым, — подсказал из своего угла Сухмет. Вспышка королевской ярости не произвела на него ровным счетом никакого впечатления. Он продолжал и в наступившем сумраке изучать карту, нанесенную на камень.

Лотару захотелось подойти и проверить подлинность карты. Если у Сухмета появилось подозрение о подделке, это в любом случае стоило проверить. Что-то тут было не так. Но королева сказала:

— Я думаю, все-таки это было настоящим. И хочу спросить тебя, сэр Лотар, что ты намерен делать теперь?

— Этой линией, кончающейся на просторах Северного моря, обозначен след сигнала, вызывающего восточные армии. Естественно, мы пойдем по нему и попробуем отыскать линзу, которая находится там. Потом пойдем дальше. Я надеюсь, что так мы дойдем до настоящего Дракона Времени и его господина, который и устроил нашествие восточников на Запад.

— Ты уверен, что отыщешь источник сигнала, вызывающего восточные армии?

— Нет, но нужно отработать этот вариант, а лишь потом браться за менее вероятные.

— А ты уверен, что, отыскав и уничтожив источник вызывающего сигнала, ты заставишь восточные армии повернуть назад?

— Как ни странно, в этом я почти уверен, королева. Ничто другое не указывает, что у нас есть иной путь справиться с ситуацией.

Недолгое молчание повисло в пещере. Но вот снова зазвучал голос королевы — и магическое эхо уже не исказило его. Линза Дракона Времени погасла.

— Как королева своего народа, как мать своих детей, я благословляю тебя, Лотар. Сделай, как считаешь нужным, и я прикажу праздновать день твоей победы как нашу общую Величайшую Победу во веки веков.

Лотар с Рубосом только что сменились на педалях крыльев. Оба еще не вполне остыли. Рубос с едва заметным раздражением разминал ноги, потому что Драконий Оборотень на этот раз загнал его совершенно, и он чувствовал судороги и ломоту в икрах. Лотар, которому физическая работа всегда поднимала настроение, смеющимися глазами посмотрел на своего друга и посоветовал:

— Ты приседай, Рубос. Не требующие силы движения — лучшее, что можно тебе посоветовать.

— Ты забываешь, кто вообще научил тебя фехтованию, мальчишка.

На лице Рубоса появилась вымученная усмешка. И все-таки он подошел к борту, ухватился руками и очень осторожно, словно был стеклянным, несколько раз присел. Потом сказал:

— Ну, ты силен, парень. Никогда не думал, что меня можно так легко переиграть.

Лотар провел ладонью по лбу, хотя он был сухим.

— Ну, положим, не так уж и легко.

— Эй, — с юта шагал Купсах, — вы мне чуть крылья не сломали.

Лотар посмотрел на капитана летающего корабля. В последнее время он стал проявлять все больше интереса к Лотару и его ученикам. Сейчас Купсах собирался о чем-то поговорить.

— Это все он, — шутливо оправдался Рубос и присел еще десяток раз. — Давай, говорит, посмотрим, выдержит ли нас эта машина.

— Ну, положим, я сказал, что машина кажется не очень прочной, — возразил Лотар. — И ничего специально не предлагал.

— Но потом-то стал наяривать, как гармонист на деревенской ярмарке, который за каждую песенку получает призовой стаканчик.

— Никогда не был гармонистом, да еще в деревне.

— Признайся, Лотар, ты же знал, что я не могу отказаться от предложенного тобой темпа. Вот и получилось, что...

Купсах рассмеялся:

— Да вы вдвоем стоили трех других пар. Теперь мы идем с опережением часа на два, не меньше.

— Значит, еще до заката мы найдем этот...

— Он уже виден в подзорную трубу мэтра Шивилека, — подтвердил Купсах и показал рукой на север: — Он вон там, на самом горизонте, и до темноты станет нашим ночлегом — остров Шонмор. Я едва сыскал упоминание о нем в моей лоции. Такое впечатление...

Капитан умолк. Лотар понял: что-то помешало ему говорить, это было очень странно. Если и существовали на свете люди, абсолютно лишенные слуха к магии, то Купсах мог быть их предводителем.

— Ну, договаривай, капитан. Может быть, это важно.

— Не очень, я думаю. — Купсах отвернулся.

Что-то с ним происходило, только Лотару никак не удавалось

понять, что именно. Он даже оглянулся, пытаясь сообразить, где находится Сухмет, — старик с его ментальными способностями сумел бы понять, что происходит, даже если Купсаха перекрыл какой-то особенно изуверский демон, спец по внесознательным блокам и задержкам чувств.

— Ну, в общем, я подумал, что его специально старались забыть. Странно, остров на этом месте мог бы стать очень важным перевалочным пунктом. Правда, в нем должна быть хотя бы одна удобная гавань.

Рубос улыбнулся. Ноги его больше не беспокоили. Он снова смотрел на мир беспечно, уверенный, что все можно постичь и превзойти. А если даже и потерпит неудачу, поможет его друг — Лотар Желтоголовый, прозванный Непобедимым.

— Заставить всех моряков в этих водах забыть об удобном острове — такого я себе и представить не могу. Да это и невозможно.

— Возможно, Рубос, — поправил его Лотар. — Просторы непознаваемого шире, чем все, что мы знаем.

Мирамец беспечно махнул рукой:

— Ты сам своей практикой доказал и продолжаешь доказывать, что разум и выучка сильнее всего на свете.

Лотар улыбнулся, только улыбка вышла грустной, даже неуверенной.

— Я чаще отказывался от предложений, чем их принимал, Рубос. Потому что понимал — не все мне по зубам. А разум и выучка — такие же обоюдоострые качества, как все остальное, свойственное человеку. Действуя только разумом, вполне можно наломать дров даже в простой ситуации, а выучка может ослабить чувствительность и тоже приведет к проигрышу.

— Ну нет, Лотар. — Рубос покачал головой. — Если все и в самом деле так, как ты говоришь, то человеку ничего не остается, кроме как сдаться. А с этим я никогда не соглашусь.

— Нет, сдаваться не следует никогда. Если возможно, вообще нужно забыть об этом. Отступать — да, этому следует учиться, как и любой другой тактике, но не сдаваться.

— Но что же тогда остается человеку? — В голосе Купсаха вдруг зазвучало такое волнение, словно на его глазах рушился мир и он пытался его спасти. Кто знает, может, так и было?

— Гармония. Божественное равновесие всего, что доступно, и всего, что может быть доступно. — Лотар снова грустно улыбнулся. — И понимание того, что нарушение гармонии — вернейший путь к гибели.

Рубос посмотрел на уже темнеющие воды Северного моря, катившего свои волны далеко вниз, под ними. Там ветер взбивал белые гребешки, ровными, как по линейке, рядами уходящие на восток.

— Взять хоть последнее наше предприятие, — Рубос посмотрел на Лотара, чтобы убедиться, что друг следит за ним. — Силой своего разума ты нашел способ разобраться...

— Я нашел кое-что, зверски эксплуатируя магические способности Сухмета, а это уже трудно отнести к силе разума. Второе,

мы не нашли еще ничего существенного, только след. А след может быть и ложным, и побочным, и каким угодно другим. И третье, я просто не говорю о своих неразумных, как ты считаешь, чувствах, ощущениях, предположениях. Если бы ты их когда-нибудь заметил, ты усомнился бы в моей разумности до конца наших дней.

— Например? — спросил Купсах. — Пожалуйста, приведи пример, сэр Лотар.

— Я, кажется, просил тебя обращаться ко мне проще, но ты хочешь, чтобы тебя просили несколько раз, — это невежливо, капитан. — Лотар вздохнул. Рубосу показалось, что он произнес эту шутку только для того, чтобы подумать. — Хорошо, я приведу пример. У меня складывается впечатление, не подкрепленное почти никакими доводами рассудка, что нам мешают две силы. Одна мобилизовала все три армии и, возможно, напустила на нас фиолетовых фламинго. Она располагает огромными ресурсами и формирует собственные силы. К тому же, боюсь, эта первая сила способна отслеживать наши действия, пока мы их только планируем. Вторая сила всего лишь пытается организовать от случая к случаю вооруженное сопротивление, используя уже сложившиеся подразделения. Именно эта, вторая сила, например, предупредила генералов о нашем появлении в ставках фоев и вендийцев. А ее о наших действиях предупреждает тот, кто скорее всего нанесет удар в спину, когда ему это покажется удобным...

— Среди нас есть предатель? — Глаза Рубоса стали круглыми, как дублоны.

— Если бы ты отдавал должное не только рассудку, но и чувствам, ты бы давно это заметил.

— Но, сэр... Лотар, как же это возможно? — Купсах не скрывал своего потресения. — Мы все одинаково подвергаемся угрозе, когда нас атакуют!

— Во-первых, предателем, то есть осведомителем, в конце концов, можно и пожертвовать, если удастся устранить нас. Во-вторых, не смотрите на меня так. Все, что я сказал, вовсе не значит, что это нормальный, купленный предатель. Возможно, это просто лопух, которого объегорили, и теперь он гонит информацию враждебной стороне, сам того не подозревая.

Рубос потряс головой, стараясь переварить услышанное.

— Послушай. Мы деремся чуть не на каждом шагу. У нас, я уверен, впереди еще прорва драк и возможные потери. Мы, может, вообще с этим не справимся. Как тебе удалось выявить эти две силы, нащупать предателя?

— Ну, это моя работа.

— Моя тоже, но я ничего такого не осознавал даже!

— Ты слишком доверяешь тому, что можно понять. А я именно тогда и теряю доверие, когда все совершенно понятно.

Рубос вздохнул и отвернулся к морю. Они летели над водой, которая стала почему-то чуть светлее. Лотар сомневался, что это изменение оттенков может уловить человек с нормальным зрением. А впрочем, хороший художник его непременно заметил бы

даже раньше Лотара. Скорее всего море тут стало чуть менее глубоким, они и вправду подходили к какому-то острову.

И в сознании Желтоголового еле слышно звякнул колокольчик. Лотар повернулся на месте, стараясь определить, откуда исходит угроза, но пока это не удалось.

— Сэр... Я не могу звать тебя иначе, сэр Лотар! — Купсах одновременно просил и испытывал раздражение за созданный ему дискомфорт.

— Хорошо, можешь звать меня как хочешь.

— Сэр, но разве сэр Сухмет не может определить предателя магическими средствами?

— Это не так просто, как кажется. Его, видимо, неплохо защищают. Кроме того, я уже говорил: он может быть и неосознанным предателем. Или его научили носить ментальную маску. Или погрузили в транс, при котором меняется весь каркас личности... — Лотар потерял терпение: — Знаешь, капитан, сейчас это уже не важно. И я бы на твоём месте готовил корабль к бою. К очень серьёзному бою.

— Прямо сейчас? — растерянно спросил Купсах.

— Да, и прикажи выгнать всех на палубу, чтобы все время оглядывали горизонт. Что-то готовится.

— Но мы ушли от всех армий, — полувопросом вмешался в разговор Рубос. — И здесь очень пустынное место. Купсах сказал, что этот остров даже не обозначен на многих картах.

Лотар повернулся к нему:

— Где лучше всего устроить засаду, если ты уверен, что противник вычислит движение магического луча, который, как явная подсказка, нанесен на стену под очень тонким слоем штукатурки?

Рубос пожевал губами. Лотар вспомнил, что когда-то так делал Шув, трактирщик из Мирана.

— Засаду, конечно, нужно устраивать неподалеку от конечной точки магического луча. В начале или в середине этого отрезка можно разойтись с противником, из-за ветра например.

— Правильно. И усталость накапливается. Мы все-таки трое суток уже идем сюда.

Рубос повернулся к Купсаху:

— Если он говорит, лучше так и сделать.

Но капитан не проронил ни звука. Он не отрываясь смотрел в подозрную трубу чуть правее уже довольно отчетливо проявившегося на горизонте острова.

Лотар и Рубос мгновенно повернулись в ту сторону. На краю неба, под низкими, сумеречными облаками, висели в прозрачном воздухе тяжелые, темные птицы... Их было много, и не птицы это были вовсе.

— Раз, два, три... — начал считать Рубос, — пять, шесть! Шесть фойских военных летающих кораблей. Не многовато ли для нас, а?

— Семь, — поправил его Лотар. — Еще один заходит со стороны острова.

Купсах дрогнувшей рукой повернул подозрную трубу к острову.

— Вижу. По-моему, это тот случай, когда нужно бежать, — сказал Рубос.

Лотар покачал головой и с сожалением посмотрел на все поставленные кили, раздутые крылья и поднятые паруса.

— Скорее всего так и предусматривалось, Рубос. Попутный ветер — он нам так помогал с самого начала, что впору было за беспокоиться и раньше.

— Да, попутный ветер, — с ожесточением процедил сквозь зубы Купсах. — Теперь это стало нашим проклятьем, они не дадут нам ускользнуть. К тому же у них есть преимущество в скорости, как мы уже знаем... Придется драться.

Он опустил руку с трубой и растерянно осмотрелся. Потом лицо его стало тверже — вернулась обычная непреклонность испытанного морехода.

— Все наверх! Корабль к бою!! — заорал он. Но прежде чем отправиться на капитанский мостик, он повернулся к Лотару: — Послушай, сэр Лотар, у нас есть хоть четверть шанса?

Лотар вслушался в грохот колокольчиков, звеневших в его сознании, и пожал плечами.

Глава 22

Когда подготовка закончилась, Лотар вышел к носовой погонной баллисте и внимательно осмотрел противников. Без сомнения, это были большие боевые корабли, и, чтобы уничтожить хоть один из них, требовалось по меньшей мере три таких же не очень маневренных и слабых кораблика, как *«Летящее Облако»*. Рядом с этими гигантами оно вообще казалось утлой лодочкой, пригодной разве для того, чтобы подвозить командам мощных боевых машин фоев свежие фрукты или боеприпасы.

— Может быть, они пойдут на abordаж?

Лотар повернулся. Рядом с ним стоял Санс. Бравый лейтенант, который безупречно вел себя до сих пор, самым очевидным образом струсил — на лбу его выступили крупные капли пота, он был бледен и тяжело дышал.

— Нет, вряд ли, — ответил Лотар. — Абордаж в воздухе — дело не очень надежное, да и не нужно это им. Они пришли, чтобы убивать. И собираются расправиться с нами.

— Но...

Санс не договорил. Лотар поймал в его сознании, почти всегда гладком, ровном, невозмутимом — или непробиваемом для мага такой незначительной силы, каким был Желтоголовый, — темное, тяжелое облако. Он бы заинтересовался этим невысказанным аргументом Санса, если бы не было дел поважнее. Поэтому Лотар опустил руку на плечо лейтенанта и произнес:

— Мы, может статься, еще выкарабкаемся. Иди на мостик, лейтенант, сейчас там твой пост по расписанию.

Санс кивнул и торопливо ушел на ют. Ему встретился Сухмет, который нес посох Гурама. Старик был очень серьезен, Лотар ни-

когда еще не видел его таким. Пропуская Санса, восточник окинул его таким внимательным взглядом, что Лотар еще раз пожалел, что упустил какую-то очень важную идею, мелькнувшую в сознании Санса. Но бой приближался, и он спросил Сухмета:

— Что скажешь?

Сухмет мрачновато посмотрел на корабли фоев.

— Четыре идут прямо на нас. Два чуть в стороне, вмешаются в бой позже остальных. Седьмой вообще прикрывает от нас остров и подойдет через час, если не позже.

— Если будет нужно.

Лотар понимал, что Сухмет пытается осмыслить общую диспозицию, но ему почему-то показалось, что это можно сделать быстрее. Но Сухмет не просто излагал диспозицию, он думал о другом. Наконец старик повернулся к Лотару и хмуро спросил:

— Не кажется ли тебе, господин мой, что у нас практически нет выхода, что только ты можешь быть нашим оружием?

Лотар оторопел:

— Ты предлагаешь мне?..

— Трансмутировать в Черного Дракона и показать этим идиотам, что они не там гуляют и не в то время.

Сухмет определенно нервничал, если говорил о противнике в таком тоне. К счастью, от прямого ответа его отвлекли Бостарт с Рамисосом, которые приволокли к баллисте снаряды, поэтому Лотар лишь буркнул:

— Посмотрим. Пока попытаемся обойтись без этого.

Сухмет осмотрел принесенные снаряды и кивнул:

— Что же, пока можно и так. Только это ни к чему не приведет. Или мы их, что сомнительно, — или они нас. Причем наверняка Сун Ло приказал им привезти твою голову.

Лотар тоже думал, что фоям нужен только он. Конечно, можно отрастить крылья и удрать, увлекая все фойские военные корабли за собой. Но через миг он отбросил этот вариант. Кораблей слишком много, и они очень хорошо организованы. Один или два, без сомнения, отстали бы и расправились с *«Летящим Облаком»*. Его попытка обернулась бы верным поражением.

Нет, пока следовало просто сражаться. И будь что будет.

— Вот и покажи, что ты можешь.

Сухмет все понял без слов, кивнул, приостановил попытки релять зарядить баллисту и стал с помощью посоха Гурама накачивать огненный шар перед собой, как это в свое время делал Атольф. Только шар Сухмета был более мощным, компактным и дальноточным. Лотар надеялся, что это будет неплохим началом боя.

Тем временем задняя погонная баллиста принялась в разные стороны расстреливать дымовые заряды. Клубы плотного, почти непроницаемого дыма стали расползаться за кормой *«Летящего Облака»* сначала как щупальца огромной каракатицы, потом они слились в облачко, которое через несколько минут должно было превратиться в настоящую тучу, способную спрятать от противника не то что *«Летящее Облако»*, но и накрыть все корабли противника.

Расстояние до четырех ближайших кораблей фоев сократилось до полумили. Лотар уже без труда различал стоящих на носу каждого корабля фоев в странных длиннополых халатах. Сухмет, который не выпускал мыслей Лотара из поля своего внимания, пояснил в перерыве между словами своего почти беззвучного заклания:

— Правильно, господин, это монахи культа богини Джан. Они ни в чем не уступают нашим колдунам и, если соединят усилия, могут справиться со мной за пару минут.

Лотар кивнул и переключился на магическое видение, чтобы разглядеть шар, висящий перед Сухметом на расстоянии десяти футов. Шар был очень красив, в нем переливались тонкие узоры из фиолетовых и синих разводов, а иногда его пробивала от края до края крохотная ослепительная молния. В диаметре он был не больше среднего бочонка, значит, Сухмет экономил силы. Они и в самом деле должны были скоро понадобиться.

— А хватит ли его моши? — спросил Лотар.

Сухмет пожал плечами, резко шагнул вперед и вытянул руки. Шар начал отдаляться от них, набирая скорость. Он шел по восходящей дуге, приближаясь к флагману фоев — самому большому и грозному кораблю, который нес на гондоле множество разных вымпелов, может быть, даже самых высоких в их военно-воздушном флоте.

Лотар с тревогой следил за полетом шара. Дело в том, что по мере удаления от Сухмета он терял свою энергию, рассыпая ее слабыми, мигающими в воздухе и медленно тающими искрами. Если он даже попадет во флагман, растратившись на продвижение по воздуху, его силы не хватит даже на приличный пожар, не то что на взрыв, как надеялся Лотар.

Желтоголовый потерял шар из виду. То ли расстояние было слишком велико, то ли Лотару изменило не на полную силу включенное магическое видение, но теперь перед глазами был только мощный военный летающий корабль фоев, который шел чуть впереди других, мерно и уверенно отбрасывая воздух тремя парами синхронно гребущих крыльев. Казалось, ничто не может остановить это торжественное движение вперед, это победное наступление.

Один из колдунов на соседнем корабле о чем-то беспокоился. Вероятно, его удивила эта лобовая атака *«Летящего Облака»*. Умного противника, достаточно знающего о Лотаре и Сухмете, в самом деле должна была удивить такая покорная готовность погибнуть в лобовом поединке. Он что-то сказал другим колдунам. Лотар услышал его голос, разлетевшийся смутным эхом в магическом звуковом пространстве. Второй колдун вдруг подался вперед, пытаясь что-то разглядеть под носом флагмана... Но было поздно.

Сухмет, конечно, не промахнулся. Его огненное ядро врезалось в боковую баллисту флагмана, где были сложены все огневые снаряды, которыми фои надеялись поджечь *«Летящее Облако»*. Взрыв ядра был не очень силен, как и подозревал Лотар, но фойские снаряды тут же стали взрываться, а потому вихрь пламе-

ни взвился в темнеющем небе, как прекрасный огненный цветок, величественней которого Лотар еще не видел. Пламя тут же достало до гондолы, прожгло ее, и она, к великому изумлению Лотара, тоже вспыхнула, сморщиваясь и тая, разбрасывая вокруг себя ядовито-желтый, очень тяжелый дым...

Лишившись поддержки летающей гондолы, флагман фоев тут же стал падать, все сильнее наклоняясь носом вперед. Когда гондола уменьшилась почти наполовину и не могла больше поддерживать такой большой корабль, он понесся вниз как камень. С бортов посыпались люди, непонятно, на что они еще надеялись, — высота была такой, что даже при падении в море человек должен был разбиться о воду, как о камни.

К тому же корабль ненамного отставал от них. Когда он наконец врезался в воду, раздался такой треск и шум вспенившейся воды, что Лотар даже поморщился. Он не заметил, как поднял чувствительность своего слуха, и это оказалось ему плохую услугу.

Потом его заставили вздрогнуть крики совсем рядом. Он оглянулся. Оказалось, что это Бост и Рамисос ликовали, изображая что-то вроде джиги. Осознав, что Лотар смотрит на них без одобрения, они затихли.

Краем глаза Лотар заметил, что Сухмет создает второй магический шар, но теперь и фойские колдуны уже осознали опасность и что-то очень интенсивно делали. Лотар еще не видел никаких изменений ни в кораблях фоев, ни вокруг них, но монахи действовали не просто так. Поэтому он приказал мальчикам:

— Начинайте ставить дымовую завесу. Сухмету она уже не помешает.

В самом деле, когда Сухмет толкнул вперед второй огненный шар, он не дошел до следующего корабля фоев, а на расстоянии в полсотни локтей вдруг рассыпался огненной кляксой, и волна этого взрыва заставила качнуться *«Летящее Облако»*.

Сухмет повернулся к Лотару:

— Они выставили близкий щит. Теперь мы можем достать их только сбоку.

— А ты сумеешь повернуть полет своего огневого мячика?

Сухмет покачал головой:

— Нужно придумать что-то другое, господин мой.

Лотар повернулся к корме и прокричал Купсаху, чтобы тот развернул корабль и вошел в дымовое облако. Капитан не замедлил исполнить это требование.

Хотя приказывать в бою на корабле мог только один человек — и этим человеком мог быть только Купсах, — Лотар выторговал себе право давать ему что-то вроде советов, потому что в магическом бою бравый капитан был так же беспомощен, как утка на шампуре.

Подождав, пока *«Летящее Облако»* отойдет на пару сотен тузов от края дымовой завесы, Лотар приказал остановить крылья, чтобы они своим стуком не обозначали их корабль. Конечно, он знал, что на небольшом расстоянии дымовая завеса их не спасет — любой из фойских монахов сумеет увидеть их, — но пока

можно было на что-то надеяться. Тем более что Лотар, кажется, уже кое-что придумал.

Сухмет, поймав мысль Лотара, довольно ухмыльнулся и вытер пот, выступивший на лице и шее, пока он готовил магические огненные шары.

Три фойских корабля вплыли в дымовое облако, не сомневаясь, что их масса, превосходство конструкции и мощные гондолы обеспечат им удачу, даже если они и столкнутся с *«Летящим Облаком»*. На этом соображении Лотар и построил свой следующий ход.

Он предложил Купсаху, не производя никакого шума, подняться почти вертикально в самые верхние слои дымовой завесы. Теперь корабли фоев проходили под *«Летящим Облаком»*. И на достаточном расстоянии, чтобы противник их не засек. А с гондолы *«Летящего Облака»* стало видно, что сначала один, потом второй, потом и третий корабль фоев вышли из дымовой завесы и снова вернулись, чтобы еще раз попытаться обнаружить противника.

Корабли выходили из завесы и опять ныряли в нее так долго, что стало ясно — капитаны фоев потеряли друг друга в дыму. И в то же время очень четко обозначили себя для Лотара и Сухмета. Теперь все стало легко и просто.

Лотар выбрал для себя сознание одного из капитанов и стал внушать, что сбоку от него идет бесшумное, затаившееся, трусливое, презренное *«Летящее Облако»*. Его можно разом уничтожить, врезавшись в него всей массой, распоров ему гондолу или слабый, хлипкий корпус острым носом, тугими снастями, тяжелыми продольными бимсами...

Лотар знал, что Сухмет сейчас точно так же работает с другим капитаном, который ждет малейшего движения, чтобы ястребом наброситься на *«Летящее Облако»*, которое вот-вот выдаст себя в этом жутком, вонючем, отвратительном тумане — он все равно не спасет его...

Когда между кораблями осталось не более сотни туазов, Лотар дал направление Сухмету, и тот великолепно симитировал извивистой узконаправленной волной звук крыльев *«Летящего Облака»*. Звук этот приходил к капитану корабля фоев со стороны другого фойского корабля. Потом Сухмет, зарядившись от посоха Гурама, еще раз сделал то же самое, но только для капитана второго фойского корабля. И у него все получилось.

Капитаны обоих кораблей, в святой уверенности, что у врага не выдержали нервы и он пытается уйти, но случайно оказался очень близко, развернулись и на полном ходу пошли встречными курсами, чтобы сбить, раздробить, уничтожить!

Они поняли свою ошибку, когда между кораблями осталось не более сотни футов. Вернее, их предупредили монахи Джан, но это уже не имело значения. Оба корабля столкнулись с таким шумом, что завеса показалась Лотару чуть менее плотной. Крики и треск лопающихся гондол не оставляли сомнений: корабли, сцепившись мертвой хваткой, летели вниз, с каждым мгновением теряя способность держаться в воздухе.

Потом Лотар отвлекся от этих криков. Они стали мучительно неприятны ему. Он пожалел, что не придумал что-то еще, чтобы не убивать столько людей разом и не уничтожать такие прекрасные корабли... Но было поздно.

Оба корабля фоев ударились о воду так, что, казалось, дрогнули небеса. Еще на двух противников стало меньше.

Где-то в облаке дыма гулял еще один фойский корабль, но Лотара он пока не беспокоил. Зато вполне реальной стала другая опасность. Оказалось, что гондола *«Летящего Облака»* слишком явно вышла из дымового облака, и ее заметили подходящие со стороны открытого моря два других корабля фоев. Вот с ними и предстояло теперь сражаться.

Лотар быстро поднялся на верхнюю часть гондолы и, стоя в специальных веревочных петлях, которые для удобства матросов опутывали гондолу, оценил расстояние до нового противника.

Два фойских воздушных галеота шли на расстоянии четверти мили друг от друга. Один чуть выше другого. И до них оставалось меньше трех сотен саженей. Но они не собирались сами атаковать, пока они хотели только гнать *«Летящее Облако»* в сторону острова, прямо в объятия третьего корабля, который неторопливо шел к месту боя. Положение было очень неприятным.

Спустившись на палубу, Лотар предложил Купсаху выбраться из облака и уходить изо всех сил. Когда они вышли из спасительной пелены дыма и их положение стало ясным, на палубе *«Летящего Облака»*, где и до того было тихо, установилось почти мертвое безмолвие. Джимескин и Шивилек, которые не отходили от Санса, иногда даже помогая матросам маневрировать киями, спустились вниз.

Лотар с Сухметом поднялись на ют и стали следить за противником, который уже изготовился к стрельбе. Первый выстрел прошел не очень далеко, но все-таки на безопасном расстоянии. Сухмет проводил взглядом горящий бочонок, канувший в темноту, и проговорил:

— Вендийский огонь. Достаточно попадания одной такой штуки, и мы станем факелом.

И тут Лотар поймал себя на соображении, которому даже сам сначала не поверил. Но чем явственнее он представлял, что нужно сделать, тем больше убеждался, что это может получиться. Наконец он произнес:

— Послушай, Сухмет, а ты можешь?..

Но старик, которому не нужно было договаривать все до конца, отрицательно покачал головой:

— Господин мой, оставим это на потом. А пока сделаем вот что.

Глава 23

Фойский корабль, который шел повыше и чуть подальше, потому что набор высоты резко снижал скорость, начал пристреливаться. Но Сухмет сел на палубу и принялся провожать глазами каждый бочонок с вендийским огнем, словно это были безобид-

ные птицы. И Лотар стал ощущать растущую в нем силу — хотя и меньшую, чем в начале боя, но все еще немалую.

Если мы все-таки выживем, подумал Лотар, его придется откачивать — уж очень много он тратит сил. Конечно, посох Гурама подпитывал его, но стоит Сухмету чересчур ослабеть, и посох будет представлять для него не меньшую угрозу, чем фойские корабли.

И еще вопрос, подумал Лотар, не спуская глаз со стреляющих фоев, — сколько у него попыток? Вероятнее всего, одна. Как только он попытается повторить свой трюк, фойские монахи сразу догадуются, в чем дело, и впредь будут блокировать все попытки, а на преодоление их сопротивления Сухмета уже не хватит.

Корабли все-таки чуть-чуть приближались к ним — не очень торопливо, но довольно решительно. Скорее всего именно стрелкам хотелось сократить расстояние до цели, чтобы хоть раз наконец-то попасть. Днища кораблей — ровные, плоские, тяжелые, как подошвы немыслимо огромных утюгов, — нависали над *«Летящим Облаком»* словно неотвратимое возмездие. Краем глаза Лотар увидел, что один из матросов вдруг лег на палубу и закрыл голову руками. Ему стало так страшно, что даже пинки Санса не могли заставить его работать.

А работы было много. Потому что *«Летящему Облаку»* иногда приходилось уворачиваться сразу от трех-четырех бочонков с вендийским огнем. Вообще-то следовало установить силовой щит, подобный тому, что поставили перед собой корабли фоев, но поддерживать щит и одновременно заниматься тем, что он задумал, Сухмет уже не мог. А сам Лотар был слишком слаб в магии, чтобы работать со щитом. Оставалось только маневрировать и надеяться на удачу. Но надежды оставалось все меньше.

Вдруг один из бочонков врезался в кончик левого крыла. Он развалился, но не поджег крыло, потому что мягкая ткань и тонкие растяжки не оказали достаточного сопротивления. Он рассыпался в вечерющем воздухе ослепительным букетом из искр, струй жидкого пламени и пылающих твердых обломков. Зрелище было очень красивым, если бы не пострадало крыло. Теперь оно ходило в одном из суставов со скрипом, натыкаясь на какое-то ограничение. *«Летящее Облако»* стало дергаться, его правое крыло перегребало левое, разворачивая корпус корабля до тех пор, пока Купсах не отдал соответствующую команду.

Сейчас даже маневрировать трудно, решил Лотар. Но что же Сухмет? Восточник все сидел на палубе, прямой, как фойский болванчик — немудреная, но забавная игрушка, которая пародировала восточную привычку кивать головой. По его лицу и спине Лотар не мог определить, что с ним происходит, что вообще происходит. И вдруг...

Да, Сухмет сделал то, о чем Лотар до сих пор читал только в старых трактатах. Он перехватил бочонок, пущенный с вражеского корабля, и резко завернул его вбок, контролируя практически каждый пройденный снарядом фут. Лотара поразило, какое огромное напряжение понадобилось для этого приема. Это был

невинный трюк вроде «поводка», которым когда-то владел даже Атольф, колдун из Пастарины, — это было что-то настолько необычное, чему глаз обыкновенного человека даже отказывался верить.

А для обыкновенного человека все выглядело так: один из снарядов вдруг заложил широкую дугу и, оставляя в воздухе уже привычный дымный след, чуть-чуть попетлял, прицеливаясь, словно живое существо, и врезался в палубу фойского корабля, идущего пониже. Вспышка пламени осветила фигуры людей, как молния. Пламя на мгновение притихло, растекаясь ярко-оранжевым полупрозрачным ковром по палубе. И потом дым стал гуще, плотнее, тяжелее, и пламя принялось расти — это загорелось дерево корабля.

Если Лотар что-то понимал в вендийском огне, спасти этот корабль от пожара сейчас мог только очень толстый, в несколько дюймов, слой песка. А так как песка на корабле фоев не было, все попытки залить пламя водой или сбить его пропитанными каким-то составом шкурами не приведут ни к чему.

Корабль, подстреливший — с помощью Сухмета — своего напарника, резко спустился, заложив крутой вираж. Его гондола даже закрипела в снастях, но капитан не обратил на это внимания. Он подошел к горящему кораблю и тут же выбросил веревочные и даже дощатые трапы, чтобы спасти людей. Капитаном корабля руководили самые лучшие намерения, но это было ошибкой.

Лотар даже не успел ничего сказать, а Рубос уже что-то трубным голосом объяснял Купсаху. Тот кивнул, принялся командовать — и вот *«Летающее Облако»* уже закладывает вираж и, лишь чуть-чуть спотыкаясь на очень уж неловких рывках правого крыла, идет в атаку на сцепленные, почти беспомощные фойские корабли, один из которых горит, начиная медленно разваливаться в воздухе, а у второго нет главного преимущества — способности маневрировать.

Расстояние уменьшалось быстро. Лотар даже не успел добежать до носовой погонной баллисты, как она выстрелила. Первый же выстрел был настолько метким, что Лотар решил не вмешиваться. Бостапарт и Рамисос управлялись сами.

Огромный масляный факел вспыхнул на палубе второго корабля, словно дымная, не в меру коптящая свеча. Это масло, как когда-то объяснял Купсах, должно было вообще-то взрываться, но вот не взорвалось, просто горело. Но горело так, что всем стало ясно — минуты второго корабля тоже сочтены.

Повернувшись боком, *«Летающее Облако»* выстрелило в гибнущие корабли из кормовой баллисты, но масляный снаряд прошел чуть ниже, под днищем. Зато снова отличилась носовая баллиста. Еще один выстрел расцвел огнем борт корабля между вторым и третьим крылом, в задней части шкафута. С обоими кораблями все было кончено.

Они еще попытались отстреливаться, и один из снарядов даже прошел сквозь снасти, крепящие гондолу к корпусу, но развалил-

ся в воздухе и, не причинив вреда, канул в глубине под левым бортом.

Настроение на палубе *«Летящего Облака»* поднялось. Теперь даже трусоватый матрос — тот, что лег на палубу, — понимал: если они продержатся еще хотя бы с час, станет настолько темно, что монахи Джан не сумеют распознать западный корабль, и появится совсем неплохой шанс выйти из боя с честью, даже с победой. Но в этом бою все менялось слишком быстро...

Лотар перевел взгляд на фойский корабль, идущий от острова, и вдруг понял, что галеот уже мог бы начать стрелять по ним, просто не хотел обозначать себя раньше времени, пытался подкрасться неожиданно и тихо.

Это понял и Купсах. Зазвенел его голос, кто-то пробежал по палубе *«Летящего Облака»*, словно боялся опоздать к вечернему стаканчику вина, затрепетали на ветру выносные кили, закрипели рули — и вот уже их корабль поворачивал к облаку дымовой завесы, — поредевшей, но еще вполне пригодной, чтобы спрятать *«Летящее Облако»* в наступающей темноте.

А еще один фойский корабль шел со стороны дымного облака, грозный и тяжелый, как расплата. Казалось, что улыбка удачи обернулась для *«Летящего Облака»* гримасой судьбы...

Лотар подскочил к Сухмету, который стоял, покачиваясь от слабости, вцепившись в фальшборт побелевшими от усилия руками.

— Сухмет, — попросил Лотар, — нужно собраться еще для одного трюка. Того, который ты предложил отложить на потом.

— А, господин м-мой...

Старик улыбнулся, как пьяный. Лотар с сожалением подумал, что был бы рад влить в своего верного друга хоть немного сил, но сейчас они были нужны ему самому, и он сдерживался. Ему еще предстояло расправиться как минимум с одним из оставшихся фойских кораблей, ведь спрятаться и протянуть время до настоящей темноты не удалось.

— Сухмет, — снова попросил он, — соберись, соберись и сражайся.

Сухмет вдруг вздохнул, ноги его подкосились, и он сел на палубу, едва не выронив посох из ослабевших рук.

Лотар посмотрел на идущий от острова галеот. Теперь этот корабль торопился, это было им на руку... Вернее, будет, если у него хоть что-нибудь получится. Потом посмотрел на отрезавший их от дымовой завесы второй корабль. Он тоже спешил, понимая, что темнота может сделать противника недостижимым. Это было уже хуже, но тоже пока не страшно.

Быстро, как в кулачном поединке, он скользнул взглядом по горящим кораблям, сцепленным воедино трапами и веревками. Они разваливались, их обломки сыпались вниз огненным дождем, но корабли еще каким-то чудом держались в воздухе. Пламя стало таким ярким, что освещало все вокруг на много сотен саженей. От этого огня даже стали видны огромные иероглифы,

нарисованные красным лаком на гондоле атакующего фойского корабля. А треск стоял такой, что хотелось кричать.

Лотар наклонился, поднял посох, ощутив его колющую, резковатую, волнуемую силу. Вложил в руку Сухмета, который сидел, опустив голову, почти отключившись от действительности. И прокричал:

— Встать, солдат! Еще не все кончилось, ты должен драться!..

Сухмет поднял голову. Она чуть дрожала на тонкой старческой шее, охваченной широким золотым ошейником. Лотар подхватил его под мышки и поднял на ноги.

Внезапно грохот колокольчиков обрушился на него с такой силой, что он чуть не выронил Сухмета. Огромная, величиной с хорошее бревно, стрела пронеслась в паре футов от их гондолы. Так, атакующий корабль приступил к ликвидации. Лотар повернулся к Купсаху, который бешено крутил рули, пытаясь выйти из-под обстрела. Лотар проорал так, что у него самого чуть не повалились перепонки:

— Купсах, атакуй его! Сбоку или в лоб — но атакуй!

Купсах посмотрел на Лотара, который стоял всего в десятке шагов, как на полоумного, но вдруг замер на миг, окинул цепким взглядом расстояние до противника и принялся крутить руль в противоположную сторону.

Лотар склонился над Сухметом:

— Если ты не сделаешь этого теперь, мы все погибнем. Давай, и без ошибок... У нас нет времени на ошибки!

Старик поднял руку в успокаивающем жесте, в его глазах появился огонек понимания.

— Я знаю, господин мой, все будет хорошо. Иди на носовую баллисту, скорее всего у нас будет всего один выстрел. Нельзя промахнуться.

Лотар осторожно отпустил восточника, но тот не упал на палубу, а просто оперся на посох. Жесты его стали тверже, он снова колдовал.

Лотар бросился на нос. Но тут хозяйничали Бостапарт и Рамисос, и он не стал им мешать. Сейчас они могли справиться с делом не хуже, чем он. Пожалуй, даже лучше, — они это уже проделали несколько раз, и на редкость удачно. И теперь понимали, в чем опасность, но были уверены в своей победе. Приглядевшись к ним, Лотар только буркнул:

— Сухмет сказал, что будет только один выстрел, не промахнитесь.

На закопченном от грубого фитиля лице Рамисоса появилась улыбка.

— Тогда нужно подойти ближе.

— Мы подойдем очень близко, в этом вся суть. Только не промахнитесь.

— Если они подпустят, — сказал Бост, готовясь прицелиться.

— Они попытаются не подпустить, но ошибутся, — сказал Лотар.

И тут началось. Он и сам не мог бы определить, что это за чув-

ство, но знал, что это то самое. Сначала они все словно оглохли — пропали все звуки, потом весь мир вокруг стал туманным, неясным, будто растворялся в прозрачной воде, таял, как медуза под солнцем. Потом звуки вернулись, но Лотар был убежден, что их корабля уже не видно. Потом...

Все даже замерли на мгновение — настолько это было неожиданно. Вокруг фойского корабля прямо из воздуха вдруг возникла цепь бесчисленных кораблей, как две капли воды похожих на *«Летящее Облако»*. Они все атаковали, изготовившись к стрельбе.

Пожалуй, решил Лотар, Сухмет перестарался — их тут не меньше полусотни. Их нельзя было отличить от настоящего, даже сам Лотар ошибся бы в этом сумраке, доведись ему напороться на такую вражескую уловку. Своим магическим зрением он видел у носовой баллисты каждого из этих кораблей-призраков себя, Рамисоса, Боста... поврежденное правое крыло... пробитую неведомо как левую скулу корпуса...

Фойский корабль попытался стрелять во все стороны разом. Сначала он пальнул из трех своих баллист в те фантомы, которые были ближе других. Фантомы, как полагается, лопнули с тихим, механическим треском. Потом около носовой баллисты появился джанский монах. Он зорко осматривался вокруг, пытаясь различить, где настоящий враг, а где замаскированная пустота.

Лотар присмотрелся к нему. Монах был высок, умен и великолепно тренирован бесчисленными медитациями, но он не был воинном и не сразу понял, что хитрость тут сложнее простого колдовства, — ближайшие фантомы не могут быть реальным противником, ведь тогда случайный выстрел наугад может поразить настоящее *«Летящее Облако»*, а искать нужно среди тех, кто подойдет позже, когда фойские стрелки окончательно запутаются.

— Бост, бей в носовую баллисту. Если можешь, чуть за нее, где лежат все бочки с вендийским огнем.

Бост усмехнулся жесткой, почти каменной улыбкой:

— Я так и хотел, Учитель. За Каша, за Вигра.

Лотар покачал головой:

— Хоть сейчас и не тренировка, но забудь о мести. Иначе можешь ошибиться.

Бост вдруг выпрямился и церемонно поклонился. Теперь он полностью владел собой, и Лотар понял, что не промахнулся.

— Прошу простить меня, и спасибо за помощь.

Все-таки, может, они и переборщили с этими восточными трюками, решил Лотар. Но как быть, если все высокое воинское искусство совершенно лишь на Востоке? В любом случае тут чувствуется рука Сухмета.

Один из фантомов врезался в фойский корабль и лопнул, как будто в него попала огромная стрела. Второй фантом тоже достиг цели и лопнул, не причинив никакого вреда противнику.

— Будь готов, Бост.

Юноша кивнул, не отрываясь от прицела. Он замер, слившись со своим оружием воедино. От *«Летящего Облака»* до противника осталось не больше сотни саженей, потом футов пятьсот, триста...

— Рано, — посоветовал Лотар.

Фантомы уже беспрерывно натыкались на фойский корабль, который продолжал наугад бить во все стороны из своих трех баллист. И все-таки фантомов стало настолько меньше, что в действиях монаха появилась осмысленность. Он научился понимать, какой из кораблей — призрак. И даже пару раз указал рукой, чтобы скорректировать цель для стрельбы. Лотар отчетливо видел, что он идет по кругу и скоро упрется взглядом своих узких темных глаз в настоящее *«Летающее Облако»*...

До противника осталось футов двести, потом сто пятьдесят... Вдруг глаза монаха расширились. Он испугался, завершал что-то, схватил за руку офицера у баллисты...

Но тут Бост спустил рычаг, и бочонок с давно коптящим фитилем почти по прямой прочертил линию в воздухе в сторону монаха. Промahnуться было невозможно. Лотар повернулся к юту и закричал, взмахнув рукой:

— Купсах, отваливай!

Теперь нужно было так уйти от врага, чтобы не попасть под огонь двух других баллист, которые еще некоторое время могли стрелять...

Но опасность уже миновала. Насмотревшись, как горящие корабли бьются об воду, фойский галеот, едва получив удар, стал резко снижаться. Он даже не пытался продолжать бой с *«Летающим Облаком»*. Капитан, видно, давно решил спастись любой ценой, даже ценой трусости.

Когда стало ясно, что никто с этого корабля в них больше стрелять не будет, Лотар посмотрел на последний фойский галеот.

Тот шел вперед на полной скорости. Он собирался уничтожить этого коварного и ловкого врага, отомстить за смерть товарищей. И не намерен было повторять их ошибки.

— Ну вот, — сказал Лотар, ни к кому особенно не обращаясь, — а с этой громадиной придется сражаться мне.

Глава 24

Превратив руки в крылья, Лотар стал отрашивать еще небольшие крылышки на ногах. Конечно, он не мог ими взмахивать в полете, но они были незаменимы для уверток в воздухе. Он давно придумал этот вид трансмутации, еще когда сражался с волшебником Перегрином, который любил превращаться в огромного и свирепого мастодонта и топтал деревни, небольшие городки и поля фермеров.

Лотар тогда заманил его в стеклянистый лес и понесся на крыльях между деревьями с острыми, как осколки стекла, листьями. Он раз десять напоролся на очень острые листья, прежде чем сообразил, что ему не хватает маневренности, и отрастил эти крылышки на ногах. После этого дело пошло веселее, он ловко обходил все осколки, а Перегрин, который несся за ним в образе яростного зверя, собрал почти все царапины, которых избежал

Лотар. Когда они вывалились из чаши, он уже истекал кровью, и Лотар добил его, как комара.

Вот и теперь Лотар подозревал, что эти крылышки ему пригодятся. Без них он просто не решился бы атаковать наспигованный арбалетчиками и первоклассными лучниками корабль. Он натянул на себя все доспехи и, конечно, перекинул на спину Гвинед. Меч должен был сделать главное — как всегда.

Когда он снова появился на палубе, до острова Шонмор оставалось не больше двух миль, но фойский корабль уже висел над ними. Его обводы, люди на борту, гондола были не видны. Только плоское днище, только масса и неукротимое желание уничтожить — вот чем был теперь этот корабль.

Потом он стал стрелять — сверху, с очень близкого расстояния. «*Летящее Облако*» еще могло маневрировать, но увертываться от быстрых и невидимых стрел Купсах уже был не в состоянии. Когда Лотар понял это, он впервые измерил на глаз расстояние до берега — сумеет ли он дотащить обесиленного Сухмета и, если понадобится, кого-нибудь еще. Желтоголовый не сомневался, что Рубос доберется сам и Бост с Рамисосом тоже. Конечно, если они лишатся своего корабля, то все равно потерпят поражение, но по крайней мере останутся живы.

Тут Лотар услышал жесткие шелчки стрел о защитное поле. Волна теплой благодарности и восхищения затопила его сердце. Сухмет, как ни был он слаб, сражался и закрывал гондолу от стрел...

Звон колокольчиков едва не оглушил Лотара. Рано он поверил в безопасность. Нос фоя чуть опустил — как капитан сумел накренить свою махину, для Лотара, не искушенного в навигации, осталось тайной, — и огромная стрела, похожая на таран, ударила из его баллисты. Теперь он понимал, что целью фоев стала именно гондола, беззащитная перед такой угрозой.

Хорошо, решил Лотар, дашь на дашь. Он подошел к борту и так резко взлетел в воздух, что кто-то за его спиной даже ахнул. Кажется, это был Шивилек... Значит, они с Джимескином снова вышли на палубу. Хоть бы догадались сделать что-то полезное, подумал Лотар. Но особенно на этом он настаивать не стал бы, даже если бы мог, — от этих двоих теперь мало что зависело. От всех теперь мало что зависело, победу должен был добыть только он — Драконий Оборотень.

Лотар сделал круг над «*Летящим Облаком*», которое, как ни странно, еще неплохо держалось. По крайней мере, так казалось со стороны. То ли Купсах научился управлять подбитым крылом, то ли фой поумерил свою агрессивность, то ли стрелять огромными стрелами было не очень просто, а чтобы попасть в гондолу «*Летящего Облака*», требовалась большая точность.

Лотар накинуд на себя мантию невидимости и стал набирать высоту. Это было непросто, потому что он терял скорость, а фой двигался так быстро, что Лотар мог его вообще упустить, но делать было нечего. Лотару нужна была высота, и он налегал на крылья изо всех сил. Поднявшись футов на сто выше фойского

корабля, он все-таки отстал от него на сотню саженей, но это было не страшно. Он нагнал его, когда выровнял полет.

Оказавшись с задней стороны и чуть выше гондолы фоя, Лотар стал скользить вниз, стараясь остаться невидимым. Это ему почти удалось.

Почти, потому что, ударившись о гондолу противника, он от толчка стал видимым — и кто-то вдруг заголосил. Он поднял голову. В довольно плотной темноте на носу стояли три или четыре человека в странных шлемах. Они увидели его и тут же приготовили арбалеты.

Не обращая особого внимания на противника, торопясь так, что перевязь сбилась на груди, Лотар выхватил Гвинед и вгляделся в жестковатую ткань гондолы, с которой легко можно было съехать вниз, если бы через каждые полсажени не висели петли из крепкого шпагата. Ткань не могла быть очень прочной, в ней легко наделать дырок, и корабль не сможет продолжать погоню...

От рубящего удара Гвинед чуть не вылетел из рук. На ткани не осталось даже пореза. Меч просто прошел сквозь нее, а когда вылетел с противоположной стороны, Лотар увидел, что пробоина затянулась прежде, чем подъемный газ стал выходить из гондолы.

Это был типично фойский принцип защиты — не укреплять, не делать гондолу непробиваемой, как на *«Летащем Облаке»*, а, наоборот, превратить ее в податливую настолько, чтобы она все принимала, но тут же восстанавливалась. Лотар ударил еще пару раз, чувствуя, что это становится похожим на кошмарный сон... Его Гвинед обрубил только с полдюжины шпагатных петель, но не более. Петли не срastались.

Лотар на мгновение представил, что отрезает все петли и гондола уносится вверх, сбросив фойский корабль, но, окинув взглядом почти безмерную гондолу, понял: для этого ему потребуется слишком много времени — может быть, несколько часов... В его ногу чуть выше колена ударила стрела... Он слетел с гондолы и попытался спрятаться за ее покатым боком, переведя зрение в магический диапазон. Так и есть, он позабыл о фойских стрелках, а они не дремали. Джанский монах сумел сделать их невидимыми, они подобрались поближе, дали залп, а он пропустил его! Ничего сравнимого с этим по глупости он просто не мог вообразить!

Повиснув в кстати подвернувшейся петле, Лотар осмотрел рану. Стрела пробила только мышцу, это было больно, обидно, на время сковывало движения, но не смертельно. Перебитый сосуд он зажал, а весь кровоток послал по другой вене, мгновенно расширив ее. Такие защитные приемы он неплохо освоил за долгие годы своих сражений.

Так, все-таки нужно было что-то придумывать. И тогда он увидел заднюю баллисту, около которой осталось не больше полдюжины солдат. Рядом стояли бочки с вендийским огнем, а сбоку в плоске торчали горящие фитили... Вот только опуститься на палубу будет трудно, потому что фои, конечно, следят за ним.

А сразу броситься в схватку он не сможет, ведь крылья совсем не то, что нормальные руки...

Может, и в самом деле стать на время Черным Драконом?.. Нет, он не мог этого объяснить, но знал, что лучше погибнет, чем использует этот прием. Почему-то делать этого было нельзя. Но что же остается?

И тогда Лотар сделал то, чего не ожидал от себя, чего никогда не делал прежде и о чем даже не догадывался. Он стал выращивать из груди третью руку. Это было мучительно, потому что мускулы приходилось создавать за счет массы других частей тела, но он уже так много раз трансформировал себя, что сумел сделать как бы второе плечо. И притом довольно быстро.

Когда невидимые стрелки, прикрывавшие верх гондолы, взглянули за покатым задний край матерчатой сигары, Лотар уже был готов. Только теперь эти стрелки наверху ему были не страшны. Он кончил свою трансформацию и спикировал почти отвесно вниз.

Грудная рука еще болела, Гвинед лежал в слишком маленькой ладони, как чужой, но Лотара это не смущало. Он грохнулся на палубу, так что вся обслуга баллисты и даже офицеры на кормовых рулях обернулись. И тут же нанес первый удар.

Клинок со свистом рассек воздух, и, когда Лотар взглянул на него, он был уже в крови. Один из баллистеров, зажав шею руками, опустился на колени, а потом упал. Под ним на светлых досках палубы появилось темное пятно крови.

Кто-то из фоев закричал, сзывая помощь, но Лотара это остановить уже не могло. Он шагнул вперед и стал бить, стараясь, чтобы каждый его удар был угрозой для любого из пяти стоящих против него противников. Последний фой отступил, когда четверо других пали под ударами Гвинеда. Справиться с ними было нетрудно, потому что с Лотаром бились простые солдаты, обученные только как следует стрелять из своей баллисты, а не рубиться на мечах. Но к ним уже бежали мечники, а трое лучников взбирались на снасти повыше, чтобы открыть себе сектор для стрельбы.

Ну, с этим сладить несложно, решил Лотар, — с такой-то новенькой и гибкой рукой. Нужно просто прятаться за спины противников.

На деле все оказалось сложнее. Противников было слишком много, а рука оказалась вовсе не так хороша, как хотелось бы... Лотара даже потеснили, когда он не сумел сразу зарубить троих огромных бугаев с такими мечами, что ятаган Рубоса показался бы рядом с ними ножиком для разделки цыплят. Все дело было в том, что удары этими ятаганами отбивали руку и лишали ее верности движений, а совсем не отражать удары фоев Лотар не мог... Он, конечно, успел бы упредить встречными выпадами каждого из вояк в отдельности, но с троими уже приходилось считаться.

И тут он увидел каким-то пронзающим взглядом, что баллиста на носу ударила, и огромная, как крепостной таран, стрела ушла

вниз и попала в цель. Кто-то на *«Летящем Облаке»* умер — кто-то очень близкий и знакомый...

Лотар подпрыгнул, взмахнул крыльями, ненадолго завис и ударил одного из фоев ногой в подбородок. Меч другого он просто обошел кривым, как ханский лук, выпадом и воткнул острие в горло противника. От третьего попробовал увернуться, а когда понял, что не успеет, просто блокировался поножью на левой ноге.

Удар в поножь был так силен, что Лотар рухнул на палубу фойского корабля, как мешок с камнями. Он не упал, но согнулся от боли, — вероятно, фой сломал ему ногу. Здорово, такого удара Лотар никогда еще не встречал у простых людей. А может, не простых?

Он быстро проверил своих противников — нет, обычные люди, просто восточники, просто фои. С этим приходилось считаться, и все.

Вид присевшего от боли Лотара толкнул рубаку на необдуманый шаг, он решил, что болевой шок Драконьего Оборотня позволит ему нанести еще один, последний удар сверху и разрубить плечо до самого живота... Не успел. Лотар выпрямился как пружина, и Гвинед легко прошел через печень противника и дальше, разрубив, кажется, даже позвоночник. Фой, так и не опустив меч, рухнул во весь рост на палубу.

Осталась команда отступила. Воспользовавшись этим, пока не последовал окрик офицера, Лотар прыгнул вперед, помогая себе крыльями, бросил на палубу несколько углей из жаровни, а потом быстрым как молния ударом, прежде чем кто-то успел броситься на него, разрубил два бочонка с вендийским огнем, из которого фои делали свои чудовищные зажигательные снаряды.

Из разрубленных тонких досок светлое, густое, как мед, желе потекло вниз. Фои замерли от ужаса. Кто-то дико завыл, но поделать уже ничего было нельзя — то, что хранилось в бочонках, стало растекаться по палубе.

Лотар отпрыгнул назад, поясницей почувствовал ограждение, одним движением крыльев взлетел на него — и тут же получил две тяжелые стрелы в грудь и в живот...

Он забыл про лучников, а они про него не забыли. Их не испугал вендийский огонь, выкатывающийся на палубу, или они не видели его за спинами товарищей. Лотар слетел за борт, словно его отбросил морской вал. Уже в воздухе он попытался, преодолевая боль, зачерпнуть воздух крыльями и с облегчением понял, что это удастся, если преодолеть сопротивление разорванных мышц...

Он выпрямил полет, когда до воды осталось футов двадцать, не больше. Огромный фойский корабль над ним взрывался, освещая все вокруг, словно гигантский факел, но все еще продолжал стрелять. И только теперь Лотар понял, что *«Летящее Облако»* идет уже над берегом, даже над лесом острова Шонмор.

Стараясь догнать своих, Лотар стал подниматься. Он остановил кровотечение, пригасил боль, даже сумел вытащить две стрелы из трех, но ту, что застряла в желудке и кишечнике, решил

пока не трогать. Уж очень она болела, когда он дергал ее. Наверное, у наконечника были обратные зубцы, как на гарпуне.

Поднявшись на высоту в сотню саженей, Лотар заметил сквозь пелену кровавой боли, застилающей глаза, что фойский корабль потерял управление и валится, как огромный горящий сноп, на скалы, ошестинившиеся, словно зубы огромного дракона. Удар летающего галеота о камни вызвал новые взрывы, которые заглушили крики людей, треск ломающейся обшивки и лопающейся gondoly.

Лотар хотел было спуститься к скалам, чтобы посмотреть на обломки, может быть, даже спасти кого-то из фоев, но боль и подступающий дурман не позволили ему даже сосредоточиться на этом желании. Он сумел только попасть Гвинедом в ножны на спине и стал медленно «разбирать» третью, грудную, руку.

И еще он, конечно, тяжело перекачивал воздух, продвигаясь в ту сторону, куда должно было идти *«Летающее Облако»*. Больше их кораблю ничто не угрожало. Они опять победили.

Глава 25

Еще подлетая к кораблю, от слабости заваливаясь то на одно, то на другое крыло и с облегчением используя каждый попутный порыв ветра, Лотар понял, что на *«Летащем Облаке»* случилось что-то очень неприятное.

И вдруг с ужасом понял, что ему не нужно особенно и стараться, — от станка кормовой баллисты через руль до устройства для вращения крыльев торчало чудовишное бревно — зловещее, тяжелое, словно выкованное из металла. Он заспешил, забыв о боли.

Опустился на палубу, прошупывая по очереди всех, кто был на борту. И вдруг догадался — Рамисос. Сначала он никак не мог в это поверить. Третий его ученик, всегда чуть ироничный, очень умный и послушный Рамисос...

Лотару потребовалась вся его выдержка, чтобы не завывать от горя, подняв голову к небу, — то ли обвиняя горнии силы, то ли умоляя их о пощаде. Но он знал, что отмены этому приговору не будет.

Желтоголовый стал медленно, устало трансмутировать руки, убирать крылышки на ногах, превращаться в нормального человека, избавляясь от чрезмерного восприятия смерти. Но в его душе взамен исчезающей магической остроты стало тут же накапливаться густое человеческое горе, и Лотар не знал, что было легче перенести.

Купсах, раненный в ноги, полулежал, опершись на фальш-борт. Капитан повернул голову к Лотару:

— Он увидел, что эта штука летит, и оттолкнул меня. Иначе на его месте был бы я.

Лотар подошел к Сухмету, Рубосу и Бостапарту, которые склонились над телом Рамисоса. Сухмет, пряча глаза, проговорил:

— По-моему, он думал, что успеет спасти Купсаха и уйти от удара. Но не успел.

Бост провел ладонью по бледному, очень красивому лицу Рамисоса и посмотрел на Лотара глазами, в которых дрожащими озерцами стояли слезы.

— Если бы капитан сразу отпустил свои рули, он бы успел. Но Рамисос толкнул его один раз, и этого оказалось недостаточно. Он толкнул второй раз... Поэтому не успел.

Рамисос умер как воин.

— Я уводил от этого бревна корабль, — проговорил Купсах, оправдываясь, хотя его никто не упрекал. — Иначе оно прошибло бы гондолу, и всем нам... Выстрел был слишком меткий.

Лотар кивнул. Так, конечно, и было.

— Кто-то еще пострадал? Мне показалось...

Из сгущающейся темноты выступил Санс. Он ушиб голову, и по его щеке от виска вниз разливался огромный синяк, но в остальном он был в порядке.

— От этого бревна погиб и наш матрос из Мирама, Крилос. Он работал на правом крыле, и его... — Санс проглотил комок ужаса и все-таки докончил: — Его разорвало пополам.

Лотар закончил свои трансмутации, с отвращением вытер самые большие комья отвратительно пахнущей слизи с плеч и рук и швырнул их за борт. До земли оставалось не более трехсот футов. Скоро им придется уворачиваться от самых высоких прибрежных деревьев.

— Повреждений много?

Санс выпрямился — все-таки доклад требовал хоть какой-то официальности.

— Механизм вращения правого крыла разбит почти полностью. Также перебиты тяги правых рулей. Кроме того, есть серьезные повреждения корпуса...

— Насколько серьезные? — спросил Купсах. Все-таки капитаном был он, ему и следовало принимать доклад.

Лотар чуть отступил назад. Он знал за собой эту особенность. Почти всегда в любой компании люди очень скоро начинали отчитываться перед ним, а не перед прямым командиром. Он был лидером, хотя никогда не занимал официального положения, которое давало бы ему на это право. Он был лидером, потому что всегда выполнял работу лидера — оценивал положение и находил выход из трудной ситуации или кратчайший путь к победе.

— Сейчас нас держит в воздухе только гондола, а несет вперед попутный ветер. Чтобы не терять управления, я подключил маленькие крылышки, но долго на них не продержаться. Насколько хватит подъемной силы гондолы, я тоже не знаю. Сейчас на ней работает Касп, но доложить он пока не успел. И работает он медленно: его обожгло чем-то, возможно магией...

Купсах повернулся к Лотару:

— Нужно садиться и ремонтировать корабль.

Лотар подошел к борту. Внизу уже мелькали верхушки деревьев, изредка то слева, то справа поднимались острые, как зубы

дракона, белые скалы. Один удар о такую скалу — и с плохо управляемым кораблем будет кончено. Может быть, и со всеми ними... Но было еще одно соображение, которое следовало учесть, прежде чем думать о собственной безопасности.

— Капитан, — сказал Лотар, поворачиваясь, — линия, обозначающая сигнал, проведена примерно в эту часть острова. Я бы даже сказал, она проведена именно сюда, куда ты вывел корабль. Но она уходит чуть дальше береговой линии, миль на двадцать — двадцать пять...

— Немыслимо! Мы попросту не перескочим холмы, если они появятся... Когда они появятся, — поправился Купсах. — Не забудь, мы практически не управляем кораблем.

— Ну, какой-то ремонт можно сделать и на ходу, — предложил Лотар.

— Не понимаю, — прогудел вдруг Рубос. — Пусть они чинятся, а мы пройдем этот путь пешком, если нужно.

— Даже сейчас *«Летящему Облаку»* нужно час, ну, полтора, чтобы покрыть это расстояние. А если мы пойдем пешком, это займет день. И главное, внизу очень легко помешать нам добраться до цели. А сейчас мы свалимся им на головы неожиданно, как... — Он не нашел сравнения.

— Понятно. Но около замка Астафия первую линзу никто не сторожил, — сказал Рубос.

— Это только видимость. Если бы у нас было больше времени, мы бы нашли того, кто присматривал за первой линзой, и, несомненно, при желании найдем того, кто следит за здешней, второй.

— Так ты думаешь, что линз может оказаться еще много?

Это был Джимескин. Он был бледен после боя, но уже приходил в себя. Рядом с ним, чуть сзади, подчеркивая подчиненное положение, стоял Шивилек.

— Сейчас важно как можно быстрее добраться до конца этого отрезка пути.

— Ну хорошо. — Купсах выпрямился и посмотрел на Сухмета. — Если восточник перевяжет меня, мы попробуем сделать то, что еще можно сделать.

Сухмет кивнул и устало пошел в каюту за перевязочными средствами. Правильно, решил Лотар, давно пора это сделать. Но что-то еще было в воздухе, здесь на этом корабле, среди этих людей. Жаль, что Сухмет так устал, он бы понял это лучше Лотара. Он бы придумал какую-нибудь хитрость, произнес заклинание... Впрочем, произнести очишающее заклинание — не очень сложная магия.

Лотар проговорил известные слова на старом, очень сложном языке раз, другой, третий... И когда решил уже, что ничего не получилось, вдруг заметил, что никто ничего не делает. Даже Сухмет стоит с деревянной коробкой в руках и ждет чего-то. Рубос спросил, глядя на Лотара:

— Знаешь, ты так уверенно сказал, что кто-то стерег первую линзу. Может, и в окружении Астафия есть осведомитель восточников?

— Несомненно. И скорее всего это очень старый слуга, на которого никто не подумает никогда в жизни. Может быть, до некоторых пор он и сам не знал, что он предатель. Есть способы заставить человека служить себе, не показывая этого.

— А у нас на корабле? — спросил вдруг Санс. — У нас может быть предатель?

Лотар внимательно посмотрел на него. Почему-то он особенно четко видел, что помощник капитана, лейтенант Санс, — человек, который почти все время оставался незаметным, безупречно нес службу и никогда прежде не задавал никаких вопросов, — сейчас очень нервничает.

— Может, — вежливо, радостно, почти как всегда, ответил ему Сухмет. Теперь Лотар не сомневался: он что-то узнал. — И даже есть.

Санс вдруг вдохнул воздух так глубоко, словно поднялся на поверхность с большой глубины. Потом повернулся к Купсах и встал по стойке «смирно».

— Господин капитан, я прошу для себя ареста. Поскольку, как мне кажется, я и являюсь тем человеком, который служил осведомителем для противника. Но больше я не хочу и не могу быть предателем.

— Стой, как это так — тебе кажется? — Купсах был так ошарашен, что даже оперся на Лотара, не заметив этого.

— Собственно, я не делаю ничего явно предательского. Я всего лишь должен во время заката каждый день думать минут десять о том пути, который мы прошли, о самых важных наших происшествиях и не противиться странным мыслям. Но мне кажется...

— Что это значит — не противиться странным мыслям? — чуть не в один голос спросили Рубос, Джимескин и Купсах.

— Это странное состояние, я не смогу объяснить его. Словно помимо твоего сознания с тобой кто-то о чем-то разговаривает.

Лотар посмотрел на Сухмета. Тот кивнул.

— Это возможно, — сказал Лотар, — это называется отраженной магией. Когда не сам человек оказывает магический эффект, а через него добиваются эффекта, например транслируют некую информацию на очень далекое расстояние. Только это удается лишь очень сильным магам. Я сомневаюсь, что даже Сухмет может провернуть это дело без накладок.

— Сколько бы ни был силен маг, юношу должны были подготовить, — быстро произнес Сухмет.

Ну что же, это след. Только не поздно ли они его заметили, подумал Лотар.

— Значит, он доносил о нас кому-то, кто на очень большом расстоянии и незаметно для нас был в курсе всех наших проблем? — спросил Рубос.

— Да, — кивнул Санс. — Я больше не могу и не хочу быть предателем. И вот...

— Но ты уже предатель! — взвизгнул Джимескин. — Как же так, я же тебя пригласил, за тебя поручился!

— Я не знаю, каким образом, но уже очень давно, пять лет на-

зад, у нас в замке появился некий господин, который привез книжку со сказкой о летающем корабле, а потом рассказал, что скоро такой корабль будет построен. И когда я понял, что больше всего на свете хочу попасть на этот корабль, он сказал, что сможет помочь мне в этом, но я должен научиться думать на закате определенным образом...

— Пять лет тому назад? — переспросил Рубос. — Ты ничего не путаешь, юноша?

— Даже чуть больше, если быть точным, — ответил Санс.

Лотар вздохнул. Кажется, дело становилось чуть-чуть яснее.

— На такой замысел, наверное, ни у кого не хватит сил, — произнес Рубос. — Это слишком сложно. Даже вражеские армии стали возникать лишь пару лет назад. Что-то тут не так.

— Нет, почему же, — возразил Сухмет. — Необязательно задумывать все это еще пять лет назад. Можно отправиться назад на пять лет, обработать Санса, а потом лишь убедиться, что все в порядке, когда нужно запускать его в дело. Для этого нужно всего лишь быть...

— Жалыном, — закончил Лотар.

На палубе установилась тишина. Все, кроме Рубоса, ждали объяснений. Но пусть им Шивилек и рассказывает, решил Лотар, сегодня с него хватит пустопорожних лекций. Вместо рассуждений он повернулся к лейтенанту и спросил:

— Санс, что тебя заставило признаться, что ты — не один из нас?

— Я один из вас! — Губы лейтенанта задрожали. — Я не знал, что это так плохо, никто бы не догадался сразу... Но как только я догадался, что это значит, то признался...

— Признался, — подтвердил Рубос. — Но вот эту засаду, между прочим, они устроили по твоей наводке. Они заранее знали и о нашем появлении у фоев и вендийцев...

— Рубос, — прервал его Лотар, — ты делаешь преждевременные выводы.

— Ничуть не преждевременные! Я знаю, что говорю. Казнить его нужно, и, может быть, даже как вора — отказав в поединке чести.

Поединок чести, о котором говорил Рубос, был бы все равно что казнь, потому что не мог моряк и воздухоплаватель, мягкотелый и нагруженный сознанием вины Санс долго сопротивляться, например, Рубосу.

— Нет, Рубос, нет. Убивать его — в поединке или иным способом — мы не станем. Мы даже не станем его упрекать за то, что всех нас провели. А ведь нас провели, Рубос, надули, обманули, объегорили, обошли, обставили... И никакой казнью или поединком этого не изменишь.

Лотар обращался к Рубосу, но знал, что отстаивает жизнь Санса и перед остальными.

— Ты можешь так говорить после этого?.. — Джимескин указал на тело Рамисоса.

После этой выходки он стал еще более неприятен Лотару, чем

прежде. Впрочем, не стоило обращать чрезмерного внимания на позицию слабого человека. И Кросс ему судья.

— Вот после этого я и не могу винить Санса.

— Но он же признался только потому, что понял — нужно держаться нас, а не своего мифического покровителя, который с легкостью уничтожит его в засаде, устроенной по его же наводке! — выкрикнул Шивилек.

— Во-первых, преждевременно думать, что засаду устроили по его наводке. Фои могли знать о том, что мы окажемся здесь, если найдем первую линзу, сразу после нашей стычки с ними. Они для этого достаточно умны. Кроме того, — Лотар вдруг решил соврать, чтобы этим людям было проще принять его правду, а не собственные домыслы, — живой он гораздо ценнее.

— Как это? — спросил Джимескин, все еще не остыв от злости.

— Помимо того что он лучше всех исправит корабль, мы сможем каждый раз на закате обеспечивать одного из наших противников первоклассной фальшивой информацией. — И тут же, пока они не придумали возражений, Лотар хлопнул в ладоши и потребовал: — Так, все за дело. Санс, иди чинить корабль. Сухмет, перевяжи раненых. Купсах, разбирайся с рулями и тащи корабль, хоть на горбу, до тех пор, пока я не скажу тебе, что можно садиться.

Когда он отошел от них, намереваясь досыта напиться, сзади бесшумно возник Сухмет. Тихо, чтобы слышно было лишь им двоим, он произнес:

— Господин мой, но ведь для того, чтобы по ментально отлаженному каналу гнать фальшивую информацию, нужен маг такой силы, с такой организацией сознания и подсознания, что я за это не возьмусь. Это дело безнадежное.

— Я знаю, — устало проговорил Лотар. — Но я все равно буду настаивать на своей ошибке, если она позволит кому-то сохранить жизнь. Слушай, — добавил он, чуть поморщившись, — если уж ты не спешишь заняться Купсахом, может, выдернешь эту проклятую стрелу из меня? А то такое впечатление, что до нее уже никому нет дела.

Глава 26

«Летающее Облако» миновало скалы, вероятно, только по чистой случайности. Удача была на их стороне — они без потерь прошли между высоченными горами и оказались в тихой долинке, которая расстелилась перед ними островком покоя и полного довольства жизнью. Ветра тут уже не было вовсе, и скоро стало ясно, что искусства Купсахы держаться в воздухе не хватит и на пару миль.

Лотар не знал, то ли это место, к которому стремилось его магическое сознание, но делать было нечего, и он только обреченно кивнул, когда Санс, который теперь вообще далеко от него не отходил, сказал, что придется садиться тут.

Корабль рухнул на деревенском выгоне в полумиле от какого-

то замка. Лотар с удивлением обнаружил, что это довольно внушительное сооружение. Самая короткая из четырех стен была чуть ли не в полсотни саженей. Башни его тоже удивляли массивностью постройки. Зато вдоль стен не было рва, да и сами стены были такими низкими, что хорошо подготовленные солдаты могли обойтись даже без лестниц — хватило бы умения взбегать по стене на конце шеста.

Расставив посты и обозначив охраняемое место кострами, Лотар весь остаток ночи проспал, стараясь восстановить силы. Но даже сквозь сон он чувствовал, как из замка куда-то бежали мальчишки, которых, вероятно, использовали как связных. Владелец замка определенно созывал свое войско, чтобы поутру выяснить, кто и почему использует его выгон для непонятных целей.

Так и получилось. Они едва успели похоронить Рамисосу и Крилосу у грубоватого дорожного столбика — примерно в двух сотнях саженей от того места, где опустилось *«Летящее Облако»*, почти на развилке дорог, под сенью крохотного креста, обозначившего, вероятно, кончину другого бедолаги, — как ворота замка заскрипели, и в поле вышла немалая толпа народу.

К удивлению Лотара, здесь были не только вооруженные мужчины, но и женщины с ребятишками, которые тоже захотели посмотреть, что за пришельцы к ним пожаловали. В любом другом месте это означало бы, что у местных жителей нет воинственных намерений, но в этих диковатых краях появление разношерстной толпы могло означать что угодно. Местные женщины, вероятно, дрались не хуже мужчин, и при необходимости их включали даже в ополчение. В подтверждение Лотар без особого труда разглядел среди бойцов с полдюжины вооруженных амазонок.

Впереди важно вышагивал рыжебородый богатырь в полном боевом облачении, словно сошедший с гобеленов о морских дасах. Издалека он казался непобедимым, как само море, но вблизи каждый без труда различал и заржавевший меч, и слишком туго затянутые доспехи, и неуверенное обращение с огромным и чрезмерно тяжелым щитом. Определенно боевые годы этого человека давно миновали.

Сразу за ним вышагивали десятка два бойцов, но они были еще хуже оснащены, и в глазах их читалось еще меньше решимости. Вероятно, их отвлекли от занятий, которые им нравились больше, чем рискованные нападения на неизвестных чужеземцев.

— И все-таки когда-то они были дассами, — проговорил Сухмет, отвечая на невысказанный вопрос, который интересовал всех, — особенно предводитель. Будем надеяться, что сейчас он вполне цивилизовался.

— Цивилизованный дасс, ты о таком слышал? — Рубос сжал рукоять своего огромного меча, но из ножен его не достал.

— Иногда они становятся оседлыми. И это случается все чаще, — ответил ему Лотар.

Толпа остановилась ярдах в пятидесяти от костров, окружаю-

щих корабль, и вперед вышел рыжебородый. Громовым голосом он провозгласил:

— Я Афис из клана КамЛут, владетель долины Шонмора. Кто вы, незванные чужеземцы, свалившиеся с небес, как колдуны из легенд о южных бандитах?

Его выговор оказался слишком резким и каким-то шелкающим, но понять рыжебородого можно было без труда. Как и он должен был без труда понимать певучую южную речь. Наверное, это все-таки очень цивилизованный дасс, если он отказался от своего родного наречия.

— Он считает нас бандитами, — шепотом, но довольно громко произнес Шивилек, — это хороший признак.

Лотар сомневался, что это очень уж хороший признак. Гораздо лучше было то, что колокольчик в его сознании молчал. Кроме того, он с удивлением обнаружил, что женщины, о которых он подумал лишь как о зрительницах, очень сильно влияли на всю атмосферу происходящего. Это могло показаться удивительным, но они, как дети или цветы, очищали ее, делая даже своих грозных на вид мужей и братьев спокойными и незлобивыми.

Лотар собрался уже выступить вперед, но вдруг обнаружил, что от их имени заговорил Джимескин:

— Мы путешественники с Западного континента. В доказательство наших добрых намерений можем показать вот что, — с этими словами Джимескин достал старый, отлитый из дешевого, грубого серебра герб морских дассов в виде морского дракона.

Ловко, подумал Лотар, я и не знал, что у банкира есть какие-то заготовки для подобных встреч. Потом он с интересом посмотрел на Афиса.

Оседлый дасс все равно остался дассом. Дракон произвел на него огромное впечатление, как и на всю разом зашумевшую от возбуждения толпу. Но, в отличие от воинов, женщин и детей, он постарался не показать виду, что поражен.

— Почему вы тут оказались, чужеземцы? Что означает эта летающая машина? И откуда у тебя знак дассов, южанин, хотя ты ничуть на нас не похож?

Вот этого Джимескин не знал. И Лотар с внезапным уважением понял, что банкир не стремится быть главным тогда, когда не знает ситуацию в целом. Он вовремя помог, но теперь едва ли не с облегчением готов был уступить место Желтоголовому.

А Лотар решил ничего не скрывать. Потому что ни в чем не был уверен и, кроме того, не знал, что тут должно происходить.

— Мы ищем одно место, благородный Афис. Линия, вырезанная на стене в далекой пещере, указала на твою долину. Ты ничего необычного не замечал тут в последние годы?

Глупый вопрос, решил Лотар. Если даже что-то и есть, он не посчитает необычным даже выпадение дождя из цветов или вялой рыбы, если это происходит давно и регулярно. Но вопрос мог сделать их почти союзниками.

— Ты ищешь сокровища? — грозно спросил Афис.

— Нет, мы ищем одну злобную магическую машину, от кото-

рой может пострадать весь Западный континент; ее нужно поскорее уничтожить.

Настороженность Афиса и готовность к сопротивлению мигмом исчезли. Брови его поползли вверх, он и думать забыл о нападении на иноземцев. Он хотел выслушать всю историю.

— Магическую машину?.. — Он оглянулся, нашел глазами жену, которая слушала затаив дыхание, и решительно произнес: — Нет, ничего такого я не знаю. Но если ты расскажешь, мы можем поискать вместе.

И сейчас же толпа людей расслоилась. Одни подошли к Лотару, Рубосу и Джимескину, в которых без труда определили вожаков. А большая часть солдат, женщин и детей поспешили к кораблю, чтобы потрогать неведомую машину и потолковать с матросами, с которыми, конечно, проще, чем с господами. Но оружия они не доставали, и на лицах светилось только любопытство, без малейшего признака враждебности.

Рядом с Афисом оказалась его жена, очень спокойная женщина с такими же рыжими волосами, как борода мужа. Она с гордостью похлопывала по плечам двух юношей, на лицах которых еще даже не пробился пушок. Женщина неторопливо, с достоинством проговорила:

— Меня зовут Шазия КамЛут. А это мои сыновья — Клу и Стак. Могу я пригласить тебя, чужеземец, в наш замок? Думаю, твоя история, рассказанная за столом под вкусную снедь, будет более обстоятельной.

Рубос, который с удовольствием смерил богатырскую фигуру дасса, потом оглядел юношей, с улыбкой поклонился ей:

— Снедь, благородная госпожа, скрасит не только наш рассказ, но и правду, которая за ним стоит.

Ого, решил Лотар, сказывается выучка Светоки. Впрочем, чего еще ждать от соправителя княгини Мирама?

— Подождите, подождите! — вдруг вскричал рыжебородый Афис, вытягивая вперед руку. — Я еще ничего не решил, я думаю!

Люди, которые расположились было как следует посудачить с чужеземцами о разных интересных вещах, вдруг замерли. Как бы там ни было, но власть рыжебородый обладал непризрачной. После этого он повернулся к Лотару и прогрохотал своим басом:

— Ты уверен, чужеземец, что не таишь злых замыслов против меня и моих приближенных?

Толпа восхитилась предусмотрительностью своего вожда. Шазия с еще большей гордостью посмотрела на мужа.

— Я даю слово, что не таю злых умыслов против честных людей и против твоей власти, Афис. Но я должен буду драться с тем, кто окажется врагом всем нам и кто может замаскироваться под твоего подданного.

Афис задумчиво подергал себя за бороду. И произнес:

— Ну что же, наверное, твои слова справедливы. — Он оглядел собравшихся. — Тогда пошли ко мне в дом. Поговорим и отведаем первого эля этого года.

Ужин оказался великолепным. Это было видно по тому, как им прислуживали подавальщики, как на них смотрели ребяташки. Их никто даже не пытался прогнать, и ребятня, пользуясь безнаказанностью, сновала всюду.

Но Лотара первое время интересовало даже не то, что думают об устроенном пире хозяева, и уж тем более не объяснения, как они тут оказались. Беспокоило Желтоголового состояние его спутников. Они были измождены, силы их исчерпаны, и им действительно нужен был отдых.

Даже неукротимый Рубос так обмяк на резном стуле, что хотелось сразу же отправить его в баню, а потом на какой-нибудь сеновал, подальше от коров и лошадей, чтобы мирамец своим храпом не пугал скотину. Впрочем, — Лотар посмотрел на хозяина — к храпу здесь наверняка привыкли.

Он снова перевел взгляд на своих спутников. Сухмет ел мало, неохотно, даже чересчур неохотно. Да, значит, и старик выдохся, от усталости он становится совсем постником, словно восточный монах. Бостарт, которому полагалось бы есть за троих, не поднимал глаза от своей тарелки и даже не глядел на то, что ему предлагали.

Лишь Джимескин и Шивилек пытались отведать угощение, но их усилия не сравнить было с хозяйским аппетитом, поэтому и они выглядели слабо. А Купсах, которого мучила боль от раны, дважды уронил разделочный нож и больше даже не пытался справиться с твердым, как сапог, куском мяса.

Зато хозяева уплетали за обе щеки. Любо-дорого было на них посмотреть. Даже девушки не стеснялись и не жеманничали, изображая тонкость воспитания.

Девушек было две. Старшая — темноволосая красавица с вкрадчивыми и очень быстрыми, как у мантукоры, движениями, с загорелым, малоподвижным лицом и холодноватыми северными глазами — звалась Бетия. В ее повадке проскальзывало что-то от очень опытного бойца, но тонкие запястья и безупречная кожа на кулачках отвергали мысль, что она тренировалась в рукопашном поединке.

Младшую звали Жарной. Она была светловолосой, почти как Лотар, и смотрела на все с улыбкой, ожидая от мира, от людей и от будущего только хорошего. Девушка могла показаться даже простоватой, но в ясных ее глазах и прекрасном лице читалось совершенство духа. Едва коснувшись ее сознания, Лотар с удивлением понял, что барышня из этих глухих краев умна, превосходно образованна и оценивает происходящее как человек, прочитавший не одну сотню западных хроник, восточных трактатов и даже философских опусов, в которых запутался бы и сам мэтр Шивилек. И хотя образование ее внешне было бессистемным — научные труды перемешивались со старинными романами, — Жарна восприняла главное: систему ценностей и твердый взгляд на мир, способный выстоять перед любой бедой.

Обе были дочерьми ближайшего соседа, владельца долины, смешного и неуклюжего толстяка, которого звали Дро КаФрам. Он пользовался тут немалым уважением за умение увлекательно рассказывать и за то, что являлся отцом двух девушек, явно предназначенных в жены сыновьям доблестного вождя клана КамЛут.

Правда, Лотар сомневался, что простоватый Клу справится с Бетией, а тихий, созерцательный Стак подойдет умной и проницательной Жарне, но это дело его совсем не касалось.

Осознав это, Лотар вдруг с тоской подумал, что, неся свою солдатскую судьбу, он так и прошел мимо сердечных волнений и всего, чем они наполняют жизнь, — причастности к чужой судьбе и возможности все рассказывать кому-то еще, кроме ироничного и слишком далекого от обычных человеческих забот Сухмета.

Рядом с КаФрамом сидела его жена — такая же, как и муж, невысокая, полненькая женщина с глазами Бетии и рассудком Жарны. Шазия, жена Афиса КамЛута, обращалась с ней как со старой и верной подругой. Лотар почти с удивлением обнаружил, что между женщинами может быть такая же долгая и испытанная дружба, как у него, например, с Рубосом или Сухметом. Звали ее госпожой Обриссой. По ее виду можно было судить, во что со временем превратятся ее дочери, если случаю не будет угодно дать им иную судьбу, чем тихая, неспешная, но счастливая жизнь в долине острова Шонмор.

Когда подали пиво и редкое здесь южное вино, Афис КамЛут хлопнул ладонью по столу и посмотрел на Лотара:

— Чужеземец, не расстающийся со своим мечом даже за дружеским столом, мы ждем твоего рассказа.

Почему-то Лотара это смутило. Он коснулся кончиками пальцев рукояти Гвинеды, выглядывающей из-за правого плеча, и чуть улыбнулся:

— Это не вещь, Афис, это друг. Может быть, даже больше — он часть меня. Я не могу его оставить. Если я нарушил обычаи твоего дома, прошу меня извинить.

Афис улыбнулся. В уголках его глаз собралось столько морщин, что он показался старше на десяток лет. Может, он и был тут старше всех, кроме Сухмета, конечно, просто старался следить за собой.

— Я не обвиняю тебя, Лотар. Я знаю, так бывает, когда очень долго не расстегиваешь перевязь.

Лотар провел рукой по лицу. Что-то в этих людях, в их природном уме и непритворном добродушии очень ему нравилось. Остаться бы здесь насовсем, подумал он, отбить Жарну у Стака и выстроить небольшой дом на мысу, чтобы морской ветер обдувал его долгие и долгие годы...

Сухмет, неловко потянувшись, вдруг уронил свою кружку. Прямо перед Лотаром образовалась лужа красного вина. Лотар поднял голову. Его старый друг и помощник холодно смотрел на него не мигая. Таким расстроенным или даже злым Лотар не видел Сухмета очень много лет. А может быть, и вовсе никогда

прежде не видел. И сознание восточника было полностью прикрито, будто он остался один, в окружении врагов. Значит, что-то шло не так.

Желтоголовый поднял взгляд на хозяина дома:

— Достославный Афис, я неважный рассказчик, но у нас есть человек, который поведаст тебе все с удовольствием, искусно и со знанием дела.

Он взглянул на мэтра Шивилека. Адъюнкты географии и философии дрогнули, подавился куском запеченной свинины, но быстро взял себя в руки, вытер рот салфеткой и принялся рассказывать. Дельно, последовательно, чуть шеголяя своей осведомленностью, и, по мнению Лотара, иногда излишне словоохотливо. Но для этой публики, пожалуй, наоборот, слишком сухо и непонятно.

Когда он кончил, утро за окнами превратилось в настоящий день, а солнце стало припекать сильнее, чем в южных степях. Лотар вспомнил, что они находятся в закрытой со всех сторон котловине, поэтому тут и должно быть жарче, и с удовольствием растегнул куртку.

Слушатели, как и полагалось после интересной, со вкусом рассказанной истории, затаили дыхание. Афис КамЛут, забыв, что он владетель долины и почтенный воин, сидел, раскрыв от восхищения рот. Его Шазия, с горящими глазами на раскрасневшемся лице, шепотом по-матерински причитала, поминая Виградуна и Каша. А сообщение, что Рамисоса они похоронили у дороги, вызвало взрыв возмущения.

— Мы перенесем его на наше фамильное кладбище, — объявил Афис, — он погиб как воин и достоин лежать рядом с самыми знатными воинами нашего рода. Ты должен был сразу попросить меня об этом! Я удивлен, Лотар, что ты так холодно относишься к своим ученикам.

Вдруг в зале установилась тишина. Все смотрели на Лотара. А он не мог справиться со своим лицом и изо всех сил пытался сделать так, чтобы оно не очень выдавало его.

— Я не холодно отношусь к ним, ко всем трем павшим и к последнему из живых. — Лотар прокашлялся. — Если бы можно было, я бы не задумываясь свою жизнь отдал за любого из них, но...

Он опустил голову. И вдруг краем глаза снова увидел пронзительный, очень холодный, прямо ледяной, вопрошающий взгляд Сухмета. Да что такое со стариком? Или что-то происходит со мной, подумал Лотар.

Постепенно в зале снова стало шумно, кто-то заговорил, обсуждая услышанное, кто-то принялся прогонять не в меру разгравшихся собак. Но очень скоро Афис снова перекрыл все голова своим басом:

— Ну и что ты, Лотар, собираешься теперь у нас делать?

Желтоголовый поднял голову. Да, время скорби прошло.

— Если ты позволишь, хозяин, офицеры и матросы корабля займутся его ремонтом. А остальные попробуют найти нечто неожиданное где-нибудь в окрестностях.

— Но что же неожиданного может быть в наших краях? — удивилась Шазия. — Я все тут знаю, и ничего...

— Ну, ладно, чужеземцы, — провозгласил Афис. — Конечно, вы все считаетесь теперь гостями моего дома и моей долины. Если тебе потребуется помощь, не стесняйся, проси.

— Я прошу помочь команде корабля, — вдруг подал голос Купсах.

— Мои мастеровые к твоим услугам, капитан.

Купсах склонил голову в знак благодарности.

— Да, — Рубос вдруг нахмурился. — у нас с собой есть предатель...

— Нет, — отчетливо и очень громко произнес Лотар, чтобы пресечь все попытки решить судьбу Санса. — Он останется с нами.

Рубос нахмурился, потом нехотя проговорил:

— Это следует решить сообща.

Глава 28

Два дня и почти две ночи Лотар, Рубос, Сухмет и Бостарт прочесывали Шонмор вдоль и поперек. Они облазили все малодоступные и даже недоступные скалы острова, взбирались на самые отвесные стены, надеясь найти хоть какой-нибудь знак. Они прошли вдоль всех склонов, пытаясь обнаружить хоть какой-то намек на пещеру. И не нашли ничего.

Не было ничего похожего на необычные знаки, ни единого намека на существование пещеры. Они не смогли обнаружить даже отблеска той энергии, которую кто-либо мог направить как сигнал восточным армиям, понуждая их идти войной на Запад. Это было самое большое ничего за всю их долгую и полную приключений жизнь.

К вечеру второго дня Шивилек доложил, что «*Летящее Облако*» готово к полету. Оставалось только запастись продуктами, и можно было вылетать.

Шивилек вообще стал довольно деятельным. Он принимал самое непосредственное участие в восстановлении летающего корабля, и оказалось, что за время полета совсем неплохо понял его конструкцию. Кроме того, с помощью Джимескина он нашел двух новых людей из долины, которых с благословения Афиса они собирались взять вместо погибшего матроса и Санса.

Санс тоже принимал участие в ремонте корабля, хотя питался и спал отдельно, прямо на брошенном на землю куске войлока. К тому же с ним никто не разговаривал. Но окончательно его судьба была решена вечером второго дня, когда раны у Купсаха немного затянулись и стало ясно, что капитан снова может командовать кораблем.

Джимескин предложил оставить Санса на Шонморе, если уж Лотар почему-то не разрешает его судить. В этом не было, строго

говоря, ничего чрезвычайного. Во все времена сомнительных членов команды списывали на берег.

Но на этот раз решение было так увязано с выздоровлением Купсаха, столько в нем было холодного, почти циничного расчета, что Санс даже попробовал пожаловаться Лотару вечером. Но безуспешно. Желтоголовый думал о своем, и размышления его не торопились прервать даже Сухмет.

Итак, все было готово к решению новых задач, но главной проблемой было то, что никто не знал, в чем они состоят.

На прощальный ужин в замке КамЛута собрались почти все видные люди долины Шонмора. Но ситуация была настолько неясной, что вместо веселого пира получилось унылое застолье. Лотар сидел тихо, ни на кого не обращал внимания и только иногда смотрел на Жарну или Шазию, которые пытались поднять его настроение и сели по бокам от него.

Сухмету было знакомо это состояние Желтоголового, и он не торопился понять, что из этого следует. А вот Рубос забыл и пару раз довольно некстати приставал к Лотару, чтобы тот пояснил хотя бы ему, что они теперь собираются делать. Когда окончательно стало ясно, что ни он и никто другой ответа на этот вопрос пока не узнает, хозяева — удивительное дело — даже немного успокоились. Словно они гордились тем, что долина Шонмора превращает чью угодно жизнь в спокойную и размеренную, — вот и охотники на демонов отсюда не срываются в немедленный поход.

Афис вместе с Дро КаФрамом даже немного развеселились. И добродушный владетель долины попытался, как мог, утешить гостей:

— Я же говорил тебе, Желтоголовый: у нас тут нет ничего странного или необычного. — КамЛут, как и многие другие, уже усвоил привычку обращаться к Лотару по прозвищу. — У нас и не может быть ничего необычного, мы живем тихо и никого не трогаем.

— Но и нас не нужно трогать, — поддакнул ему толстенький Дро. — Иначе...

Что дальше нужно говорить, он не знал. Взглянув на него, Лотар убедился, что отец двух красавиц изрядно нагрузился и пребывает в самом радужном настроении.

— Ну, не уверен, что мы очень уж сильны, — вдруг усомнился Афис. — Ты вот, Дро, когда последний раз доспехи натягивал на свое брюхо?

Дро сосредоточенно похлопал себя по животу, попытался честно припомнить, когда доспехи попадались ему на глаза, но не сумел и со вздохом ответил:

— Давно.

— Вот так-то, — словно он доказал что-то, подвел итог содержательному разговору Афис.

Лотар хмыкнул. Лицо его стало настолько отрешенным, невыразительным и таким нездешним, что все, кто это видел, умолкли. Словно в теплом, ярко освещенном зале на мгновение пах-

нуло ледяным ветром опасности. Кое-кто даже попытался закрыть лицо.

Лотар повернулся к Сухмету и, ни на кого не обращая внимания, спросил:

— Сухмет, может ли Жалын изменять свою внешность?

Восточник, зная, что с Лотаром происходит что-то очень важное, даже не притронулся к еде, только глотал слабое ячменное пиво. Он ответил мгновенно:

— Он способен мимикрировать под любого из нас. С точки зрения подражательной магии способность маскироваться — лишь функция времени, а времени у него — хоть отбавляй.

Так, подумал Лотар. Значит, их враг может быть где угодно.

— А он способен усваивать психологию и даже пластику тех, под кого подстраивается?

— Любой психологический портрет для него — открытая книга, а что касается способности двигаться... Он настолько превосходит физическими кондициями любого из тех, за кого себя выдает, что ты не отличишь его и от молодого человека, если даже устроишь с ним кулачный поединок.

— Гром и молнии, о чем вы говорите? — спросил Афис. — А ты, старик, имеешь в виду кого-то конкретно? Тогда назови его имя, а не прячь свои обвинения под странными и непонятными словами.

— Мы не готовы никого обвинять, Афис, — ответил ему Рубос. — Может, до этого вообще не дойдет.

— Тогда в чем дело? И что за этим последует?

Лотар чувствовал, что решение совсем рядом, настолько близко, что вот-вот появится... Или не появится вовсе, как бывает у каждого, кто пытается решить проблему, которая сложнее своего исследователя.

Лотар сосредоточился. Вот сейчас, вот-вот... Нет, пока еще нет. Рубос тем временем заговорил:

— А за этим, дорогой Афис, если я правильно понимаю, может последовать удивительнейшее событие... А может, ничего не последует.

Ничего. Да, это они уже знают, два дня они провели здесь, ничего не обнаружив.

И вдруг Лотар понял, что нужно делать. От облегчения он даже откинулся на спинку резного стула. Потом, конечно, сообразил, что его идея может и не сработать... Но предчувствие уже твердило ему: сработает!

Словно откуда-то издалека до него донесся голос Дро КаФрама:

— Если носить доспехи — единственное, на что должен быть способен мужчина, то откуда берется все остальное — пиво и мясо, дети и урожай? Ну, пусть кто-нибудь мне ответит!

С другого конца зала донесся мягкий, журчащий девичий голосок. Кажется, это была Бетия, черноволосая, чернобровая красавица с повадками дикой кошки.

— Когда обнаруживаешь, что мужчину интересует только уро-

жай, а не то, что ему предшествует, остается возблагодарить Демиурга, что не все они таковы.

Смех разлетелся по залу, как плеск крыльев голубиной стаи.

Лотар потянулся к своей кружке, попробовал. В ней было очень крепкое пиво, пронизывающее и тяжелое, как крик голодного хищника на рассвете, как запах трав, дурманных рассудок. Лотар знаком подозвал слугу, но, когда тот подошел, забыл, о чем собрался попросить.

— Сухмет, давай рассуждать последовательно. Если я ошибусь, поправь меня.

— Принеси моему господину воды, — сказал Сухмет слуге, потом повернулся к Желтоголовому: — Я готов слушать, господин.

Лотар собрался, как перед поединком с незнакомым противником, который мог оказаться искусней его в бою.

— Почему мы так легко определили первую линзу?

— Мы таскались по всему Переднему Востоку, — буркнул Рубос, — ничего себе легко!

— И тем не менее мы без труда вычислили эту точку. Как только Купсах нарисовал три линии, мы...

— Я нарисовал их под диктовку, сэр, — отозвался Купсах. Оказалось, он тоже слушал.

— Что думаешь об этом, Сухмет?

Восточник принял из рук слуги подоспевшую кружку, заглянул внутрь, потому что Лотар в таком состоянии мог не глядя проглотить и расплавленное олово, успокоившись, поставил воду на стол и ответил:

— У нас были следы мыслей незащищенных людей. А когда мы столкнулись с людьми защищенными, вовремя подвернулась позолоченная статуя Боллоба.

— Правильно. Только это были еще и заряженные люди — запрограммированные, одуроченные, так или иначе находящиеся под пятой того, кто собрал, заставил оснастить и направил эти армии на Запад. Именно его след мы использовали в поисках линзы. И боюсь, я несколько переоценил себя. Линза эта была спрятана гораздо лучше, чем казалось вначале, просто мы воспользовались хорошим следом... То, что мы не можем найти вторую линзу, доказывает это.

Сухмет напряженно следил за Лотаром.

— Допустим. Что из этого следует?

— Из этого следует, Сухмет, что сейчас у нас есть только один выход — воспользоваться тем же приемом. Определить направление и найти линзу с помощью человека, которого наш враг зарядил на зло.

Рубос растерянно осмотрелся, потом произнес:

— Но у нас нет тут такого человека. Посмотри, здесь лишь мелкие помешики, отошедшие от дел вояки да прибрежные мореходы... Если тут и есть кто-то, запущенный в этот садок врагом, как ты его называешь, мы его не знаем. А сам он вряд ли объявится.

— Сам он не объявится, это верно. Но ты не прав, Рубос, когда

говоришь, что у нас нет тут такого человека. Такой человек у нас есть.

Сухмет вдруг откинулся назад, и на его обычно ироничном старческом личике вдруг появилось выражение восхищения.

— Значит, Санс! Ну, господин мой, ты придумал трюк, который даже Жалын не мог бы предусмотреть.

— Что это значит? — коротко спросил Рубос.

— Он хочет использовать Санса вместо компаса, — пояснил ему Бостапарт. Лицо юноши было неподвижно, но Лотар понял: Бостапарт и не сомневался, что Желтоголовый обязательно что-нибудь придумает.

— А разве это возможно? — с непонятной тревогой спросил Афис. — Это же чистая магия.

— Надеюсь, ты не возражаешь против белой магии, от которой не отказывается даже Астафий Задорский? — спросил его Рубос, поднимаясь.

— Если это нужно для дела, — с сомнением проговорил Афис. — Но мне придется присутствовать при этом.

Лотар поднял на него свои серые, как море перед летним штормом, глаза.

— Если мне будет позволено так выразиться, Афис, я даже настаиваю на этом. Потому что последствия такого эксперимента могут оказаться абсолютно непредсказуемыми.

Глава 29

Лотар стоял перед дрожащим от холода Сансом. К костру его не пускали, а спать на земле отдаленного северного острова стало уже холодновато. Лотар подумал, что нужно будет спросить, выпадает ли тут снег, — он так соскучился по снегу, — но потом понял, что просто тратит время. Ему очень не хотелось делать то, что они должны были сделать.

Сухмет стоял рядом и с тревогой всматривался в Санса. Он взвешивал, хватит ли у лейтенанта выносливости, чтобы выдержать рискованный эксперимент. Для юноши дело могло закончиться безумием, или смертью, или тем неведомым состоянием, которое Сухмет убежденно называл участью хуже смерти.

— Да-да, конечно, — говорил Санс, — я понимаю. И я, безусловно, согласен.

Он не понимает, решил Лотар и попробовал объяснить еще раз:

— Видишь ли, Санс, мы хотим сделать тебя таким же инструментом, каким тебя сделал некто, заложивший в тебя программу предательства. Это очень сложно и может оказаться для тебя делом более болезненным, чем ты подозреваешь.

— Я ничего не боюсь, если потом, — он посмотрел на Сухмета, — вы уберете из меня все, что делает меня вашим противником.

Лотар пожал плечами:

— Ну, не знаю, что можно сделать. Некоторые системы подчи-

нения человека силам зла вообще неистребимы. Другие так плотно привязаны к его личности, что невозможно оставить эту личность совершенно нетронутой при проведении такой операции...

— Лотар, ты же понимаешь, чего он хочет, — сказал вдруг Рубос. — Не нужно забивать наши головы ученой белибердой. Просто скажи, что ты попытаешься.

— Но я хочу объяснить, чтобы он понял...

— Может быть, человек вообще этого понять не может. Тогда мы просто теряем время.

Да, подумал Лотар, возможно, Рубос и прав. Если уж даже он сам этого не может осознать по-настоящему, чего же требовать от простого лейтенанта?

И все равно он почти со страхом вглядывался в глаза Санса. В них таились неуверенность и страх, но взгляд был ясным и здоровым. Останется ли он таким же ясным, когда закончатся поиски? Или глаза лейтенанта навеки затянет болезненная муть — и виной тому будет их — и только их — азарт и неумение сделать дело по-другому, не причинив Сансу вреда?

Хорошо, решил Лотар. Если невозможно объяснить, тогда нужно делать то, что задумали. И пусть все идет своим чередом. А в конце пути кто-то другой взвесит то, что они сейчас сделают с юношей, и скажет, грех ли это, отягощающий душу, или добро. Он отступил назад, давая возможность Сухмету взяться за дело.

Сухмет попросил всех, кроме Лотара, отойти подальше, снял свою превосходную Утгелу, расстегнул халат, чтобы не стеснял дыхания, и положил руки на плечи юноши. Кросс, подумал Лотар, он собирается работать контактно — ничто уже не будет разделять его и этого мальчишку, который даже не знает, на что идет.

— Хваризелл, отраст ну-прамосо копраджа, бир сигам Фоату!

Этого Лотар не понимал. Он даже не знал, откуда этот язык произошел, в какие времена люди им пользовались и люди ли это были. Такой вид магии был непонятней, чем магическое оружие облаков и землетрясений или эпидемии, насылаемые на еще не родившиеся поколения.

И вдруг он понял, что Сухмет использует и его сознание. Возможно, старику требовалась его энергия, а может быть, Сухмет решил подключить Лотара, чтобы он не совершил какой-нибудь ошибки, когда придет его черед действовать.

Окружающий мир поплыл, и вдруг в поле видения стали возникать полупрозрачные картины, словно во сне на зажмуренные веки упал отблеск неземного света, вызывающий галлюцинации. Только все это было наяву, вернее, почти наяву. Лотар закрыл глаза и сосредоточился.

Полупрозрачные тени стали вполне вещественными и даже осязаемыми. Теперь Лотар не сомневался, что он и зыбкая, временами расплывающаяся тень Сухмета уходят куда-то вниз, в багровый туман, который висит непроницаемой завесой вокруг них, словно окрашенная вода или очень плотные тучи, способные оказывать сопротивление телу.

Лотар на мгновение опустил глаза и увидел, что его тело, как и тело Сухмета, кажется зыбким и может рассыпаться на множество кусочков тени и света, если он не справится с тем, что его заставлял делать Сухмет.

Итак, они падали в багровый океан, и, хотя вокруг было много воздуха, Лотар вдруг стал задыхаться. Оказалось, что здесь нужно дышать не в своем ритме, а в такт чужому, прерывистому и частому, дыханию... Лотар догадался, что так дышал Санс и они скорее всего находились в его сознании, которое в не очень подготовленном восприятии Лотара приняло образ океанской глубины.

Они опускались еще очень долго. Лотар даже стал опасаться, что у Сухмета не хватит сил преодолеть возрастающее сопротивление багрового тумана, но наконец понял, что опасения напрасны — они уже двигались над самым дном... Вернее, над какой-то поверхностью из темных складок и чуть более светлых бугров. Ощущение немного напоминало полет над холмистой местностью, вот только в полете появлялась радость, а тут было уныние. Полет давал возможность видеть далеко и очень ясно, а тут невозможно было разглядеть даже кончики собственных рук.

Внезапно Сухмет повернулся к нему и произнес какие-то дикие, совершенно нечеловеческие слова. И Лотар понял, что он хотел сказать, хотя ни язык, ни сами звуки не были ему понятны, как не были бы понятны, например, голоса китов.

— Вот оно, смотри!

Они опустились еще ниже и, к изумлению Лотара, увидели растянутую между скалами крупную сеть, которую снизу поддерживал белый, сверкающий, как пузырьки воздуха под водой, колокол непонятного свойства. Сухмет двинулся вокруг этого непонятного колокола. Было хорошо заметно, что он просто-напросто опасается его.

И тогда Лотар тоже различил, что это никакой не колокол воздуха, а мерзкая, похожая на полужидкий гной масса, от которой исходил жуткий запах и хотелось бежать, как от проклятия... Эта субстанция не должна находиться в человеке, кем бы он ни был.

Сухмет вдруг решил, приблизился к одному из креплений сети и вырвал его из пористой поверхности скалы. Из образовавшейся раны потекла кровь. Лотар бросился к другому креплению и тоже вырвал его. Кровь ударила фонтаном. Лотар ощутил ее липкий вкус на губах. Он попытался было вырвать еще одно крепление и вдруг понял, что происходит что-то не то...

Гноистая масса стала медленно и тяжело подниматься. Она всплывала, и почему-то это рождало облегчение. Лотар хотел было подтолкнуть ее, но Сухмет остановил его руку — к ней нельзя прикасаться...

Когда Лотар открыл глаза, то обнаружил, что сидит на траве, в десятке футов от Санса. Лейтенант катался по земле, и его рвало — отчаянно, с кровью и желчью... Сухмет стоял над ним, пытался удерживать и подносил к носу какую-то коробочку с пахучей солью. Старик, конечно, не справился бы, но ему уже помогали Рубос и Бостапарт.

Пошатываясь, Лотар поднялся на ноги.

— Ну что?

— Он оказался крепче, чем я думал, он выдержал, — просипел бледный от усталости Сухмет. — Теперь все в порядке, он — наш. И мы вырвали эту штуку... — Старик быстро оглянулся на Лотара: — Должен сказать, ты действовал очень решительно, господин мой, я даже думал, что ты убьешь его своими рывками. Но ты был прав — сделать это следовало быстро.

— Что сделать? — спросил Рубос.

— Не важно. — Лотар подошел к затихшему Сансу и спросил: — Он еще в трансе?

Сухмет привычно кивнул, как благовоспитанный восточник. Лотар в который раз подумал, что так двигают шеей гуси или утки, когда волнуются.

— Транс теперь — не проблема. Вот тот гнойник был действительно проблемой. Он был очень низовым, практически на базовом уровне.

— О чем вы говорите? — снова спросил Рубос.

Лотар посмотрел на Бостапарта и вдруг догадался, что мальчишке тоже кое-что стало понятно. Он был там, в подсознании Санса, хотя, конечно, и не в такой явной форме, как Лотар. Неужели Сухмет и его использовал?

Санс вдруг сел на траву и вытер рукавом губы.

— Ох, ну и мерзкое же дело. Если бы можно было иначе...

— Иначе нельзя, — твердо сказал Сухмет и вдруг шелкнул лейтенанта по лбу. — Слушай и повинись.

— Я готов, — ответил Санс неживым голосом. Это был голос куклы, нежити, послушного и безвольного орудия.

— Найди то, что заставляло тебя страдать.

Санс поднялся и механическими шагами, не воспринимающими никакой неровности земли, пошел к замку КамЛут. Лотар хотел было остановить его, поправить, но мешать Сухмету было нельзя. Они двинулись следом.

За ними тронулись остальные — Джимескин, Шивилек, Афис КамЛут, даже кто-то из жителей долины.

Процессия дотащилась до стены замка, и тут Санс принялся царапать стену, стараясь не то взлезть на нее, не то пройти сквозь огромные, толстые блоки, как иногда во сне это удавалось Лотару.

— М-да, — задумчиво пробормотал Сухмет, — пожалуй, у него слишком сильная программа. Сейчас мы ее ослабим.

Он подкрался к Сансу сзади, снова шелкнул его, на этот раз по затылку, и громко произнес:

— Ищи предмет, не следуя по направлению. Думай, используй, что знаешь.

Долгое-долгое мгновение Лотар чувствовал, что мозги лейтенанта проворачиваются в голове, как ржавый шарнир, а когда он остановил головокружение, стало ясно, что все известное о замке КамЛут было теперь внедрено в сознание Санса, но таким быстрым и жестоким способом, что Лотар мог только надеяться, что никогда не испытает этого впредь.

Потом Санс повернулся и пошел к воротам. Их пропустили беспрепятственно.

От ворот Санс шагнул влево, миновал две или три низенькие дверцы, скользнул в какую-то калиточку и вдруг оказался во внутреннем дворе, где продолжалась неспешная стройка.

Здесь он остановился и простоял, как столб, минуту, вторую, третью... Через четверть часа кое-кто из тех, кто следовал за ними, стал проявлять нетерпение. Сухмет грозно посмотрел на них, а затем на Афиса. Тот понял и грубовато выгнал всех лишних из двора, чтобы они не мешали.

На месте остались только Санс, Сухмет, Лотар, Рубос, Бостарт и сам хозяин замка. Внезапно Рубос отошел в сторонку и подобрал огромную кованую кирку, которой, как тараном, можно сокрушить и камень, и дерево, и все на свете.

Санс, словно только этого и ждал, подошел к квадратной, непонятно для чего сделанной башне и стал опускаться вниз, в сырое, низкое подземелье. Шаги здесь звучали глухо, как в комнате, набитой коврами и тюфяками. Лотар сразу вспомнил, как меняются звуки во всех местах, связанных с магией.

Словно в подтверждение, Афис что-то проговорил, но Лотар не разобрал ни слова, хотя находился от него шагах в трех, не больше. И когда они уже прошли футов двадцать, словно издалека долетело:

— Эту перестройку затеял еще мой дед. Я только поддерживаю семейную традицию.

Лотар оглянулся. Губы Афиса были снова плотно сжаты, он молчал. Лотар слышал слова, сказанные ранее.

Внезапно Санс опустился на колени перед грубой кладкой и стал хныкать, как маленький ребенок. Сухмет метнулся к нему, щелчком вывел смертельно уставшего лейтенанта из транса и отвел его в сторону. Ему помогал Бост.

— Не понимаю, — спросил Рубос, — что дальше?

— Нужно ломать эту стену.

— Ломать? — Афис очень удивился. — Эту стену сложили почти полсотни лет назад... Да и не удастся нам ее сломать, она толщиной в сорок футов, не меньше.

Рубос пожал плечами:

— Тем более попытаемся. А ты не волнуйся.

Кажется, у него начался приступ недоверия к нашему хозяину, решил Лотар, но разубеждать мирамца не стал. Потому что и сам не был ни в чем уверен.

Рубос ударил своей киркой раз, другой... На третий удар стена отозвалась пустотой. Больше всех был удивлен Афис.

— Ну-ка еще раз, — попросил он.

— Тут не раз, а еще много раз... — прогудел Рубос, нанося удары, как машина.

И вдруг стена поддалась. Острый конец кирки вдруг глубоко провалился, и когда Рубос его выдернул, из дыры ударил лучик света.

Лотар оглянулся. Оказалось, что до сих пор они пользовались светом единственного факела, который принес Бостарт. А он и не заметил.

Потом Афис сам принялся за дело. Дыра очень скоро стала до-

статочно широкой, чтобы в нее пролез не только Сухмет, но и сам владетель долины.

Все поочередно протиснулись в небольшую комнатку, от которой ступени вели вниз, к свету. Но сам источник света был еще скрыт низким, грубым потолком, вырубленным прямо в скале.

Свет показался Лотару знакомым. Так светилась первая линза, которую они нашли в пещере возле замка Астафия Задорского. В подтверждение Рубос спросил:

— Лотар, узнаешь?

— Что? — поинтересовался Афис, но ему никто не ответил.

После недолгого молчания Сухмет приказал:

— Пошли.

Они пошли вниз. Конечно, это оказалась такая же линза, сделанная в виде Дракона Времени, которого Лотар видел у Жалына. Вернее, не всего Дракона, а какой-то его части. И конечно, она вполне нормально работала, несмотря на то что первая линза была уже разрушена.

Эта же мысль пришла в голову и Рубосу.

— Значит, сигнал по-прежнему идет на восточников?

Сухмет громко вздохнул:

— Боюсь, сигнал будет идти до тех пор, пока мы не справимся с самим Жалыном.

— Это и есть твой первый по счету враг? — спросил Лотар Рубос.

— Второй, первый еще сильнее, — ответил Желтоголовый.

— Кто же он?

— Его имя я не хочу лишний раз даже произносить. И упаси тебя Кросс когда-нибудь с ним познакомиться.

— Но ты его знаешь?

Лотар кивнул на Сухмета:

— Он знает.

Перед ними остановился Афис. Он обошел вторую линзу и теперь выглядел растерянным, словно маленький мальчик в совершенно незнакомом лесу.

— Кто мне объяснит, что это такое?

Внезапно со ступеней донесся очень уверенный голос Шивилека.

— Я объясню. Это как раз то, что мы искали тут.

Конечно, Шивилек стоял рядом с Джимескином. Только теперь не совсем понятно было, кто за кого прячется, потому что адьюнкт стоял перед банкиром. Возможно, Джимескин полагал, что от линзы исходит какое-то вредное излучение, и лучше поставить живую преграду.

— Но это значит... Значит, что я...

— Да, — резко произнес Джимескин. — Ты, уважаемый Афис, вполне можешь оказаться каким-нибудь исчадием темных сил, например демоном.

— Но это не так, — ответил Афис.

Он обвел присутствующих взглядом округлившихся от волнения глаз. Никто не собирался его поддерживать. Все смотрели холодно и недоверчиво.

— Время полного доверия прошло, — ответил Рубос. — Ты можешь доказать, что это устроено не тобой?

— Доказать... Как?

Внезапно Афис вырвал у Рубоса кирку и набросился на линзу. В этот миг он так напоминал Астафия, что даже на лице Санса появилось выражение узнавания, хотя его и не было в первой пещере.

Линза хрустела, рассыпая осколки от мощных ударов. Потом стала гаснуть.

И вдруг Сухмет отчетливо произнес:

— Это здесь!

Он стоял перед темной стеной, облепленной каким-то песком и камнями. По виду она была очень похожа на монолитную, но Лотар тоже почувствовал, что это тут.

Дело было настолько необычным, что даже Афис остановился и подошел к остальным, тяжело дыша. Рубос осторожно взял кирку из рук Афиса и пару раз ударил плоским концом по краям непонятной выпуклости.

Замазка отвалилась. Под ней оказалась следующая карта. На этот раз линия шла от того места, где находился остров Шонмор, совсем далеко на запад, в глубь Новолунгмии, самого трудного для жизни высокогорья Западного континента.

— Да, с умом выбрали, — задумчиво произнес Шивилек. — Там мы можем искать третью линзу хоть до скончания времен.

— Так вот какую карту вы видели до того, как прилетели ко мне, — прошептал Афис. Он оглянулся на Лотара: — Но ведь это доказывает...

— Это вообще-то почти ничего не доказывает, — ответил ему Джимескин. — Но часть подозрений с тебя, конечно, снимает.

— Значит, ты веришь? — спросил Афис Лотара. — Веришь, что это не мое?

Лотар вспомнил, как он впервые говорил с этим человеком.

— Ты даешь слово, что непричастен к этому колдовству и у тебя не было темных замыслов и планов?

Афис подумал и ответил:

— Я даю тебе слово, что любые мои самые темные планы никогда не простирались так далеко и, уж конечно, никогда не имели ничего общего с колдовством.

— Хорошо, — ответил Лотар и осмотрелся. — Добейте линзу, чтобы она полностью погасла. Я иду в свою комнату, мне нужно подумать. Сухмет, подлечи Санса. А остальным рекомендую как следует выспаться. Возможно, с завтрашнего утра это станет... затруднительным.

Глава 30

Обойдя «Летящее Облако», которое было готово к отлету, Лотар обнаружил, что правое, самое пострадавшее крыло перебрали довольно аккуратно. Он был уверен, что так же аккуратно был отремонтирован весь привод крыльев и рули. Но вот что касается

корпуса — тут сил у корабельщиков не хватило, они просто поставили пару грубых заплат. И конечно, нагрузили корабль под самые световые люки, чтобы как можно дальше лететь без всяких дозаправок и посадок. У Лотара даже сложилось впечатление, что часть ремонта Купсах решил сделать в воздухе, просто чтобы не терять времени.

Джимескин был уже на борту. Он располагался с лихорадочной поспешностью, отдавая приказания нанятому на Шонморе новому телохранителю и попутно — Шивилеку, хотя, с точки зрения Лотара и, наверное, Рубоса, едва ползал по палубе. Впрочем, он был вполне доволен, настроение его поднялось.

Рубос тоже это заметил. Он хмыкнул и что-то сказал Бостпарту, юноша рассмеялся. Лотар с легкой завистью подумал, что между его старым другом и учениками установились вполне непринужденные отношения.

Стоп, у него уже нет мальчишек. Остался только Бост — не потому ли он взял под свое покровительство Санса? Он не знал ответа, да и не хотел над этим думать, у него было много других более насущных проблем.

Когда они приближались к кораблю, их догнал запыхавшийся Сухмет:

— Вещи скоро принесут, господин мой.

— Вещи? — Лотар нахмурился. — Ах, ну да, вещи.

Лотар оглянулся. У стен замка стояли почти все обитатели долины. И конечно, девушки — Бетия и Жарна.

Лотар почувствовал, что в лицо ему дохнуло слабым жаром, словно песчаным ветром пустынь Южного континента. Он будет вспоминать эту девушку или?.. Или еще не все кончено и у него когда-нибудь появится возможность поговорить с ней?

Жители острова не скрывали своего настроения, Лотар без труда уловил и сожаление, что такие интересные гости уезжают, и радость, что удалось на них подзаработать, и облегчение от того, что теперь все пойдет по-прежнему — неспешно и без лишних волнений.

Скорее всего именно это и привело его к решению, о котором он думал почти всю ночь. Лотар принял решение и почувствовал, что ему становится чуть-чуть легче. Если бы еще знать, что он прав...

Сухмет поднял голову и с тревогой посмотрел на Желтоголового. Он, конечно, почувствовал, что происходило с Лотаром.

Они подошли к сходням корабля. Сверху на них смотрел Джимескин.

— Наконец-то, а я уж подумал, что нам придется и следующую ночь провести в этой всеми забытой долине. — Джимескин внимательно посмотрел на Санса. — Кстати, ты совсем ничего не сказал мне про обследование нашего бывшего лейтенанта.

— Ну, обследование не входило в наши планы, мы хотели его использовать и, возможно, вылечить. Что и сделали.

— А именно?

Лотар пожал плечами:

— Это уже не имеет значения.

— И все-таки я хочу быть уверенным в том, что не ошибусь, когда буду принимать решение относительно Санса.

С какой стороны ни посмотри, это резонно. Правда, Лотар полагал, что решение относительно Санса будет принимать он. Но спорить об этом не имело смысла.

— Ну, выяснилось, например, что это он пытался совершить покушение на Присгимула.

— Что? Это был я? — Санс побледнел так, что белый ворот его рубахи показался темным, как подтаявший снег. — Но я ничего не помню. Я лег спать на сено и очнулся снова на сене.

— Так, — зловеще протянул Джимескин. — И ты еще хочешь взять его с собой?

— Технически это был он, — спокойно продолжил Лотар. — Но практически его подтолкнул тот, кто потребовал от него этой и других услуг задолго до того, как он стал понимать, на что его толкнули.

— Все равно он впустил в себя предательство, и...

— В его случае это можно рассматривать как болезнь. Сейчас он здоров и предан делу куда больше, чем остальные. Не забудь — тот, кто переболел, приобретает иммунитет.

— Нет, — очень жестко ответил Джимескин.

Лотар пожал плечами. Хорошо, он так и думал.

— Ладно, я просто думал, что он будет полезней на борту, но если ты так настроен против него, он останется со мной.

Над кораблем и над всеми, кто мог слышать Желтоголового, повисла неуверенная тишь. Лотар мог бы потрогать ее руками — настолько она была осязаемой.

Джимескин медленно повел головой, словно ему сдавило шею или грудь.

— Что? Я не ослышался?

— Нет, ты не ослышался. Я согласен, пусть Санс остается со мной. Более того, я думаю, это в самом деле наилучший выход.

— Я говорю не о Сансе. Я говорю о тебе. — Банкир снова повел головой. — Я не ослышался — ты выходишь из игры?

Лотар предвидел такую реакцию на свое решение остаться на Шонморе.

— Нет, я взялся за это дело, и я его продолжаю. Просто мне кажется...

— У нас есть совершенно достоверные данные, что делать дальше. У нас есть следующая точка, где скорее всего находится третья линза, а ты остаешься? К тому же до первых боев между наступающими армиями и слабыми — чего уж тут скрывать? — совершенно декоративными заслонами Присгимула и союзными отрядами Вернона остались считанные дни... Нет, вполне возможно, они уже вступили в дело, и там, на восточной границе нашего мира, льется кровь, которую ты взялся не допустить! А ты остаешься тут?

А он умеет быть красноречивым, подумал Лотар. Я совсем забыл об этом, пока мы болтались между небом и землей.

— Я остаюсь, так лучше для дела, — он опустил голову. — Вернее, я надеюсь, что так будет лучше.

Джимескин оглянулся на Шивилека, ища поддержки, и попробовал успокоиться.

— Хорошо. Давай так, может быть, ты объяснишь свое решение, и я пойму его. Тогда я и сам, возможно, останусь, чтобы помочь тебе всем, что в моих скромных силах.

Лотар пожал плечами и оглянулся. От толпы наблюдающих за ними шонморцев отделились три человека. Они несли две сумки, которые Сухмет брал с собой, пока они жили в замке КамЛут, и берестяной короб с подарками от Афиса. Это были, конечно, простые предметы, изготовленные местными мастерами, но Афис настоял, чтобы Лотар взял их с собой. Возможно, таким образом он извинялся, что вторая линза найдена в его доме.

Но Джимескин расценил движение Лотара совсем иначе. Он всплеснул руками:

— Ну это надо же! Мир висит на волоске, сотни тысяч людей могут погибнуть в ближайшие несколько недель, а Непобедимый, который может этого не допустить, увлекся деревенской красоткой и отказывается выполнять свой долг!

Лотар так удивился, что даже не смог больше ничего объяснить. Он просто расхохотался, хлопнув в ладоши перед собой.

Смех Желтоголового сделал дальнейший разговор совсем невозможным. Джимескин просто повернулся на каблуках и ушел не простившись. Носильщики с мешками и коробом еще не успели подойти к «*Летящему Облаку*», а Купсах уже выкрикивал команды, заставляя не очень обученный и потому нерасторопный экипаж поднять корабль в воздух.

Рубос проводил взглядом скрипящее, напряженно вздрагивающее, как живое, тело корабля и подошел к Лотару:

— Желтоголовый, а мне ты можешь объяснить, почему мы остались?

— Да ну их, без них будет проще, старина.

Перед Желтоголовым стояли Сухмет, Рубос, Бостарт и Санс. И никто из них не понимал, почему они остались тут, а не отправились в Новолунгию на «*Летящем Облаке*». Значит, придется объяснять.

Лотар вздохнул и перевел взгляд на стены замка. Там царила легкая суматоха. Никто из жителей острова Шонмор, и прежде всего сам Афис КамЛут, не знал, как отнестись к тому, что эти странные пришельцы никуда не улетели.

Лотар задумался и сказал:

— Ну, знаешь, Рубос, восточные армии действительно подошли очень близко. Искать на дальнем конце Запада новую линзу, убеждаться, что ее не существует, возвращаться, затевать здесь новые поиски — на все это у нас уже нет времени. Поэтому лучше уж попробовать решить всю проблему разом — тут, на острове.

— Но почему тут? Почему, например, не в Задоре?

Лотар внимательно посмотрел на Рубоса, потом на Сухмета.

Для старика его решение тоже было неожиданным. И очень важно было, чтобы Сухмет понял его мотивы.

— Вспомни, каким был Курбан, вернее, Жалын. Каким мы его знали в Мираме? Вспомнил? А теперь представь, будет ли этот человек...

— Это не человек, — поправил его Сухмет.

— Нет, в нем все-таки есть изрядная доля человеческого — например, стремление всегда оставаться за чертой происходящих событий... Даже его способ действовать выдает в нем труса! Неужели это не понятно?

— Предположим. Ну и что из этого следует?

— А следует то, что Задора очень скоро станет полем самой бесчеловечной резни, где не то что не будет спокойствия, но отсюда даже удрать будет проблематично. Так? Представь себе Новолунгмию. Я был там и утверждаю: то, что совсем скоро ждет Задору, почти повсеместно царит в Новолунгмии и считается едва ли не нормой. Постоянная война кланов, голод, болезни, отсутствие законов и дорог... Он выбрал лучшее место, чтобы до предела затруднить нам поиски третьей линзы, но я сомневаюсь, что он сам захочет там остаться. Значит, искать его нужно или тут, или в месте четвертой линзы, до которой нам уже все равно не добраться, потому что у нас нет времени.

Рубос вздохнул:

— Теперь, кажется, я понимаю.

— И я, — кивнул Сухмет.

— Ну вот, это — самое важное. — Лотар повернулся к подошедшим носильщикам: — Несите наши вещи назад. Мы, как видите, никуда не улетели.

— И все-таки, — спросил вдруг Санс, — если демона, которого вы считаете источником и причиной сигнала, ведущего сюда восточные армии, тут не окажется — что будет тогда?

Лотар холодно окинул взглядом стены замка КамЛут, откуда местная знать уже стала спускаться, чтобы выяснить, в чем дело, и тихо, очень тихо произнес:

— Тогда западная цивилизация будет разрушена так основательно, что уже никогда не сумеет восстановиться.

Глава 31

Вечером на ужине в замке КамЛут обстановка существенно изменилась. Большая часть гостей разъехалась, остались только те, кто мог себе позволить не спрашивать у Афиса разрешения погостить, и самые любопытные.

Отрезая себе кусок грудинки, которая не в пример праздничному ужину была проще, но вкуснее, Лотар разглядывал лица оставшихся гостей. Во-первых, конечно, КаФрам. Его Обрисса ушла домой, но дочери остались и чувствовали себя тут совершенно свободно.

Потом появился какой-то очень энергичный толстяк, которо-

го все в глаза называли Недопут. Из разговоров Желтоголовый понял, что это прозвище имело довольно давнюю историю, сам толстяк его совершенно не стеснялся и любил рассказывать, если его просили. Лотар решил пока не интересоваться тем, что случилось с этим почтенным помещиком и почему он появился не сразу по примеру остальных.

Остался в замке и худой, как жердь, человек, который любил прихвастнуть, как он убивал в юности медведей и драконов, причем ходил на них с одной рогатиной. Подтвердить или опровергнуть его рассказы никто не мог, потому что каждый раз он отправлялся на охоту на Северный континент, который был, пожалуй, ближе от Шонмора, чем Западный, нанимая для этого каждый год одну и ту же шхуну. За его спиной поговаривали, что он скорее всего время от времени промышлял контрабандной торговлей, но для шонморцев это значения не имело, поскольку на остров он привозил только мощну монет, которые со временем перекочевывали к местным богачам.

И была еще очень преклонных лет супружеская пара, к которой Афис относился подчеркнуто почтительно, но остальные над ними посмеивались, особенно девицы КаФрама.

Отношения между этими людьми переплетались от поколения к поколению так тесно, что им легче было представить свою семью без иных детей, чем без некоторых соседей. Детей на Шонморе, судя по всему, рождалось немало, и все к ним относились с одинаковым добродушием. В целом это неплохой мир. Лотар не возражал бы, если бы его детство прошло в таком месте. К сожалению, у него было другое детство, и он не испытывал никакого желания вспоминать о нем.

Рубос сидел рядом с Лотаром и молча поглощал огромные куски пищи. Сухмет, Бостапарт и Санс пристроились на самом дальнем конце стола, где даже иные слуги не захотели расположиться, — туда и блюда доносили, когда на них уже почти ничего не оставалось. Лотар мельком подумал, что нужно будет как-нибудь незаметно договориться, чтобы потом в их комнату принесли побольше еды, а то вся эта троица вполне могла остаться голодной.

Итак, Лотару предстояло выявить тут Жалына. Он мог скрываться под личиной любого из этих людей. Как, впрочем, мог и не скрываться тут вовсе.

Лотар внимательно всмотрелся в лица каждого из тех, кто сосредоточенно перемалывал еду зубами, время от времени прихлебывая пиво из огромных кружек. У стариков это получалось неаккуратно, у мужчин — жадно, у девушек — почти по-светски. Пожалуй, ни одна из них не испортила бы парадного обеда даже в замках Гурхора или Ибрии.

Особенно хороша была Жарна. Лотар вдруг заметил, что лицо девушки покрывал ровный румянец, который выдавал здоровую натуру, привыкшую к свежему воздуху и движению, что в глазах Лотара было не менее ценно, чем дворцовая искусственная кра-

сота. Когда Жарна засмеялась над очередной шуткой Стака, Лотар поразился близине блеснувших зубов.

— И все-таки я не понимаю, отец, почему мы принимаем у себя столько незнакомцев? — раздался голос Клу.

Лотар посмотрел на юношу. Он раздувал ноздри, в его глазах сверкало бешенство. Клу КамЛут определенно решил затеять ссору.

— Тише, сын, они заняты серьезным делом.

— Никакого дела я не вижу, кроме как подсматривать за нашими девицами. Пусть бездельничают в портовой гостинице, а не за наш счет.

Лотар вытер губы кусочком хлеба, как здесь было принято, и откинулся на спинку стула.

— Хороший совет, Клу. Мы непременно воспользуемся им...

— Я не давал тебе права, бродяга, называть меня по имени! — Лицо юноши искажилось от бешенства. Он мигом утратил всю свою красоту и прелесть. — Обращайся ко мне «наследник КамЛут». Понял, чужеземец?

Лотар подумал, стоит ли связываться. Он не был уверен, что это не предлог для атаки от настоящего Жалына. С другой стороны, выходка настолько нелепая, что вряд ли за этим стояло что-то серьезное.

Скорее всего после атаки Жалына придется кого-то хоронить, а не препираться. Лотар хотел бы надеяться, что не его самого и не его друзей, но надежды эти были не менее нелепы, чем попытки Клу зацепить Желтоголового.

— Ну, если ты хочешь мира, наследник КамЛут, я готов тебя так называть. Но ты же хочешь поссориться, а значит, завтра придумаешь что-нибудь еще. Мне просто трудно уследить, куда заведет тебя щенячья...

— Что?! — Клу вскочил, его рука искала эфес меча, которого, конечно, не было на поясе во время мирного ужина. — Отец, ты слышал?! Этот бродяга, этот негодяй, этот... Желтоголовый оскорбил наследника дома, в котором он остановился с таким видом, словно имеет на это право!

— Клу, — старший КамЛут нетерпеливо размахивал рукой, стараясь утихомирить юношу и в то же время находя, что он в небольшой степени прав.

Да, он здорово изменился, как только корабль улетел, решил Лотар. Вероятно, он решил, что наша официальная миссия окончена и мы остались тут только потому, что продолжаем его подозревать в сговоре с Жалыном.

Впрочем, все это вполне возможно. Если Жалын способен признать любое обличье, то настоящий КамЛут, подлинный отец этих славных ребят, вполне уже мог лежать на дне морском или в безымянной могиле, а Жалын — вот он, — наследный владелец долины, которого не очень-то заподозришь, даже обнаружив у него в доме вторую линзу.

Молчание Лотара было истолковано как трусость. Так часто

бывает: уступчивость, желание избежать лишнего зла люди неискушенные и притом самоуверенные принимают за что-то еще.

— Ну, что ты, Желтоголовый, язык проглотил?

Тогда встал Рубос:

— Мальчик, ты же не думаешь, что у тебя есть хоть какие-нибудь шансы в серьезной драке с ним? — Рубос бесцеремонно ткнул пальцем в Лотара. — Поэтому советую тебе успокоиться. А если у тебя голова по-настоящему варит, то лучше извинись, и дело с концом.

Внезапно подала голос Жарна:

— Клу, мне кажется, что на тебе, хочешь ты того или нет, сначала лежат обязанности наследника, а уже потом какие-то привилегии. Вот поэтому...

— Помолчи, Жарна, ты всегда лезешь не в свое дело и слишком уж любишь поучать. К тому же, — Клу ядовито усмехнулся, — ты не прочь соорудить глазки каждому бродяге.

— Отец! — возмущенно воскликнула девушка, но Дро с интересом смотрел, как развивается ссора.

Лотар рассмеялся. Потом глотнул воды из кружки, снова вытер губы и встал.

— Кажется, тебя, Клу, ничто уже не остановит, кроме пары си-няков.

Тогда вскочил Стак и зачастил:

— Сэр Лотар, если тебя это устроит, я могу извиниться за своего брата. Он мало пьет, а сегодня очень крепкое пиво, которое ударило ему в голову...

— Я запрещаю тебе, братец, объяснять мои действия таким оскорбительным образом. Берегись, как бы я не вызвал и тебя!

— Ого, да ты всех собираешься тут зарезать, — усмехнулся Рубос. Потом он посерьезнел: — Лотар, может, я...

— Нет. Если тут нет какой-то хитрости, которую я не могу пока понять, то это несерьезно. А если хитрость есть... — он помолчал, — тогда тебе тем более нечего с ним делать.

— Ну, чужеземец, берегись.

С этими словами Клу подскочил к стене, выхватил из ножен один из многочисленных мечей, которые украшали зал, и бросился вперед.

Мальчишка рассчитывал, решил Лотар, на то, что я не успею взять в руки оружие. Он вышел на открытое пространство за стульями гостей и решил подождать.

Первый прямой и неуклюжий выпад Клу он пропустил мимо, просто повернувшись на месте. Второй раз почти изо всех сил врезал ему по ягодице ногой. Удар получился настолько резким, что гулкое эхо от него отозвалось под сводами зала. Клу, не ожидая добавочного ускорения, врезался носом, сбил какой-то кувшин и сам упал на пол. Но тут же вскочил с воплем:

— Дерись, как полагается, чужак! Иначе я тебя!..

Больше он ничего произнести не успел, потому что его прыжок вперед кончился тем, что Лотар поймал его атакующую руку за кисть своей правой, пропустив клинок мальчишки в дюйме от

своей груди. Потом левой ударом в локоть заставил согнуться, заодно лишив оружия, заломил ее в замок, из которого Клу не мог уже никак вырваться, и швырнул его рожей на пол. Лотар даже на мгновение испугался — не переборщил ли он, не сломал ли этот дурень себе шею?

Но когда он перевернул неподвижного юношу лицом вверх и поднял веки, то убедился, что Клу только потерял сознание. В целом это было не страшно. Шишка на лбу должна скоро сойти, а с его рукой ничего не случилось.

Лотар поднялся на ноги.

— Я очень сожалею, что так получилось, — сказал он, обращаясь к Афису. — Пожалуй, лучше мы переберемся в какую-нибудь гостиницу, не дожидаясь завтрашнего утра.

Афис испугался за сына и побледнел, но когда понял, что все окончилось совсем не страшно, только кивнул. Шазия следила за происходящим спокойнее некоторых мужчин. Она тут же взялась за дело, приказав слугам унести сына в его комнату и поставить компрессы. Прежде чем последовать за слугами, жена владельца долины подошла к Лотару.

— Я ни на мгновение не сомневалась, что ты благородный воин, — она даже улыбнулась, хотя уголки ее губ еще подрагивали. — Надеюсь, со временем ты извинишь нас.

Лотар низко поклонился ей, а когда выпрямился, она уже прошуршала мимо своими юбками.

Желтоголовый повернулся к Сухмету, чтобы попросить его заняться их пожитками, но вдруг нос к носу столкнулся с Дро КаФрамом. Толстяк благодушно улыбался, беззастенчиво разглядывая Лотара, как какую-нибудь изысканную рыбу на блюде.

— Гостиница у нас на острове — это очень сильно сказано, молодой человек. — Он неопределенно помахал рукой. — Клопы, теснота, неумеренное пьянство и обжорство простолюдинов — вот что вас ждет. Я же могу предложить кое-что получше.

Лотар краем глаза заметил, что гости стали собираться вокруг Афиса, который так и не поднялся из-за стола. Но там не происходило ничего примечательного, если не считать пониженных голосов и напряженных поз.

— А именно?

— Перебирайтесь в мой замок. Он меньше, чем у Афиса, но место для всех найдется. Правда, у меня две дочери, но, как я понял, они не очень тебя стесняются, да и ты, молодец, не находишь их вид оскорбительным для глаз.

Он начинал нравиться Лотару. Рубос, кстати оказавшийся поблизости, поинтересовался:

— И далеко нам нужно маршировать, чтобы добраться до тебя?

— Три мили или чуть больше, — улыбка не сходила с губ КаФрама. — Мы будем там прежде, чем мои слуги успеют как следует разжечь камин.

В главном зале замка КаФрам было приятно проводить время — вот на какой мысли поймал себя Лотар, когда расположился на мягком, широком стуле с удобно изогнутой спинкой, предназначенном не стеснять, а нежить и холить. Огонь весело трещал в камине, а света было столько, что Лотар даже жмурился иногда, вспоминая темную дорогу, по которой они только что прошли вместе с дочерьми КаФрама.

Стены зала были увешаны не оружием, а множеством темных картин на досках и другими безделушками, среди которых сразу бросались в глаза чеканные, очень красивые бронзовые и серебряные блюда. Тут должен бы жить другой, более образованный человек, чем этот КаФрам, решил Лотар и внимательно присмотрелся к новому знакомому.

А Дро КаФрам довольно улыбался, потягивал пиво из высокой оловянной кружки и подставлял огню ноги и бока своего пухленького тела. Лотар оглянулся на сидевших поодаль Рубоса и Сухмета. Все было очень просто и именно поэтому не внушало никакого доверия. словно ненароком Лотар проверил, как вынимается из ножен Гвинед.

Этот жест рассмешил Дро КаФрама. Он даже затрясся от хохота, а потом произнес:

— Не волнуйся, чужеземец, я не собираюсь воевать с тобой. Неужели в твоих краях на войну приглашают так... учтиво, как я пригласил тебя сюда?

— Да, иногда на смерть приглашают очень доброжелательно. Так что, пока я не понял, почему мы тут оказались, я буду думать, что здесь что-то не так.

— В странном, должно быть, мире ты живешь там, у себя.

— Все зависит от точки зрения. И от судьбы, которую человек себе выбирает.

Дро хотел было что-то спросить, но сделал вид, что его вдруг одолело желание налить себе еще полкружки пива. Когда он поднял голову, на его лице ничего нельзя было прочесть.

— А ты человек, Желтоголовый?

— Что такое? Вот уж не думал, что деревенский сквайр способен на такую формулировку.

Дро приложил кружку к губам, потом отер с усов свежую пену и улыбнулся:

— Деревенский не всегда означает глупый. Кроме того, я не всю жизнь прожил в деревне. Я приехал сюда уже сложившимся человеком. Наемничал — чем и ты, похоже, зарабатываешь себе на пиво. Но мне повезло. Дочка моего нанимателя положила на меня глаз, я недолго ломался, а потом... Все пошло своим чередом, и я не жалею.

Рубос, прислушивающийся к разговору, оглядел стены.

— Не очень похоже, чтобы оружие занимало тебя, Дро.

КаФрам взглянул на мирамца так, словно только сейчас заметил, что они с Лотаром не одни.

— Меня не привлекала моя судьба в те дни, может, поэтому мне и удалось вытащить свой главный приз — удачно жениться. Кроме того, в этом доме женщины командуют мужчинами и развешивают свои вещички по стенам. Я нахожу это весьма удобным.

Лотар потер лицо тонкими, жесткими от постоянных тренировок пальцами.

— И все-таки, Дро, тебе что-то нужно, или ты просто... Просто так решил не бросать нас на съедение клопам в портовой гостинице?

— Я подумал, что Афис и Шазия слишком быстро забыли, что у них обнаружилось в подвале старой башни. А толика благодарности за то, что ты тоже не придавал этому большого значения, не помешает ни мне, ни моим друзьям, которые скоро станут моими родственниками.

Рубос кивнул. Потом поднялся.

— Думаю, если молодой КамЛут не научится драться получше, то свадьбы может и вовсе не быть, он до нее просто не доживет.

— Ты не прав, Рубос. Юноша совсем неплохой, во всяком случае, по нашим меркам. Просто твой друг... Ты, Лотар, действительно не соперник всем нашим, вот и все.

— Пойду-ка я спать, — решил Рубос. — Провожать меня не нужно, я и сам найду дорогу.

Тут же, вежливо кланяясь, за мирамцем последовал и Сухмет. Лотар остался вдвоем с хозяином замка. Неторопливо и молча они прихлебывали из своих кружек. У Лотара сложилось впечатление, что еще не вся программа сегодняшнего вечера исчерпана. Наконец Дро поднялся. Его чуть покачивало, на лице время от времени появлялась блаженная улыбка, но Лотару казалось, что он слишком быстро напился, чтобы это могло быть правдой.

— Я не просто решил, что у меня вам будет лучше. Я еще подумал, что не мешало бы тебе сделать подарок.

— Вот как? — Лотар откровенно удивился.

— Давным-давно, еще до рождения моих девочек, у нас на острове останавливался очень богатый восточный торговец редкостями. Мне он просто за бесценок продал одну странную штуку. Пойдем взглянем.

Лотар тоже встал. Они прошли в дальний угол зала. Дро откинул крышку старого и вместительного сундука и стал резво, как терьер, рыться в нем. Добравшись почти до самого дна, он вдруг произнес:

— Ага, вот он. Или оно, не знаю даже, как это называется.

Лотар заглянул через плечо хозяина. Среди каких-то старых мешочков, набитых неизвестно чем, и старых латных приспособлений лежал самый изысканный вакизаши, какой Лотар когда-либо видел. Длина его клинка, как и положено, была девятнадцать дюймов, а рукоять, сделанная из кожи акулы или восточного морского дракона, чтобы не скользила в кулаке, даже если окажется в крови, вмещала два кулака с четвертью. Лотар придержал дыхание от восхищения.

— Ну вот, я так и подумал, что тебе понравится. Если ты объ-

яснишь мне, что это такое, я буду считать, что сделал сегодня вечером именно то, что должен.

— Ты разве не знаешь? — удивился Лотар.

— Мне это кажется мечом-недомерком. А тебе?

— Это вакизаши, леворучный меч, который очень часто выкупают в паре с главным мечом.

— Ну, главный меч, как я понимаю, у тебя уже есть. Так что...

— Мечи не просто должны быть рядом. Они должны совпадать, чтобы между ними не возникала вражда, и, конечно, должны легко меняться местами.

— Таких хитростей я даже не подозревал в этих железках.

— Железках? Ты, бывший наемник, можешь так говорить об оружии?

Дро взмахнул рукой, как бы обводя стены всего зала, потом пошел, переваливаясь, к низкому столику возле камина, где оставил свою кружку.

— Что здесь выдает или хотя бы намекает о любви к оружию, Лотар? Мне кажется — ничего. И это правда.

Желтоголовый вдруг понял, что меч, который он видел перед собой, не просто клинок высшей пробы. В нем было что-то такое же, что заставило Лотара в свое время выбрать Гвинед. Это что-то было направлено против всего зла в мире, против колдовства темных сил. И еще — это происходило из того же источника, что и способность Гвинеда не поддаваться никакой магии, оставаться свободным от любых заклятий — просто честно и правдиво служить тому, кто хочет одолеть зло.

Кроме того, даже сквозь ножны Лотар чувствовал, что это очень древнее оружие. Не менее древнее, чем его Гвинед, и пережившее так много боев и побед, что только диву приходилось даваться, как он сохранился — не сломался, не истерся, не истаял под действием ржавчины, времени и людской невнимательности.

— Ты, кажется, его даже не чистил последние годы.

— Не последние годы, а все годы, что он у меня тут валялся. Если хочешь — он твой. И можешь чистить его сколько угодно. Я предпочитаю камин, мятное пиво и удобные стулья. — Дро улыбнулся, но теперь в его глазах Лотар прочитал легкое напряжение, хотя и неизвестно, чем продиктованное.

— Это роскошный подарок, Дро. Он не может быть просто подарком.

— Может, если он в свое время достался мне по дешевке. Кроме того, я никогда не знал, что с ним делать. Так что бери — и будем считать, что я подлизываюсь, выгораживая Клу.

Лотар взял в руки меч, вытащил дюйма два стали и сразу же увидел древний и очень сильный иероглиф. Когда-то существовала даже легенда, что это было первое слово, подаренное Демургом человеку, — Акиф. Лотар поклонился иероглифу и клинку. Потом сунул его себе за пояс. Странное дело, Гвинед вовсе не был этим рассержен, хотя, сколько у Лотара прежде ни было кинжалов, он ссорился со всеми, пусть и не всегда явно.

Дро следил за ним, но глаза толстяка превратились в узенькие

щелочки, и в них ничего нельзя было прочесть. Заметив, что Лотар за ним наблюдает, он нехотя, почти сонно пробормотал:

— Ты странный парень, Лотар. Ну, да это не мое дело. И я рад, что мы поладили. Думаю, со временем мы поладим еще больше. А когда у тебя не останется зла на наших жителей, ты уедешь спокойно.

Вообще-то можно было и отправляться в свою комнату, но кое-что еще хотелось выяснить.

— Дро, ты сказал, тебе навязал этот клинок восточник. Каким он был?

— Просто восточник, для меня они все на одно лицо. Он приплыл на попутном корабле, прожил на острове две недели, не больше, и отправился дальше. Мне показалось, он что-то искал у нас, а нашел ли — не знаю.

— Почему он пришел к тебе?

— Он узнал, что я покупаю книги, и пришел что-то продать. На самом деле, как выяснилось, он хотел узнать, нет ли у меня в библиотеке какого-нибудь интересного манускрипта, который можно купить за треть цены. Узнав, что я ничего продавать не намерен, он порывлся немного в библиотеке, подарил эту штуку в уплату за беспокойство и исчез — уплыл торговать куда-то дальше.

— Ты сказал, что он продал тебе Акиф по дешевке.

— Что? А, ты так назвал этот кривой кинжал...

— Это не кинжал, это вакизаши. Между двумя этими понятиями такая же разница, как между свечкой и костром.

— Хорошо, пусть так и будет. — Теперь Лотару показалось, что Дро действительно пьян и ему в самом деле пора на боковую. — Я не помню, сколько заплатил за эту штуку, потому что клинки у нас нельзя дарить, но сколько бы ни заплатил — это был подарок. Даже мне, лопуху по части оружия, ясно — это довольно дорогая штука. Знаешь, — он поднялся и пошел к двери зала, — пожалуй, я на сегодня готов. Спокойной ночи.

Лотар послушал, как в коридоре Дро кому-то о чем-то сказал мирным, ленивым тоном, потом его шаги затихли. Но за дверью был кто-то еще, хотя Лотар никак не мог определить, кто именно.

Потом дверь открылась, и в зал вошла Жарна. Она была в мягком платье из плотного, очень красивого льна и казалась такой чистой и спокойной, словно жила в ином мире, не в том, который знал Лотар. На ее лице не было и тени смущения. Лотар почувствовал, что стоит очень прямо.

— Я ишу Бетию. Ее не было с вами, пока вы говорили с отцом, сэр Лотар?

— Нет, я не видел ее с тех пор, как мы все вместе пришли в ваш замок, Жарна.

Оттого, что он назвал ее по имени, она стала ему понятнее. Странно, но Лотару даже не нужно было напрягать свое магическое видение, чтобы разобраться, какой она была — мирной и очень ласковой ко всему, что оказывалось поблизости. Добро и любовь — вот что было в ее душе, и она лишь ждала, когда эти природные силы вырастут в ней настолько, что обнимут весь мир.

— Ну, тогда мне придется подниматься на ее башню, наверное.

— Башню?

— Она часами в любую погоду и в любое время суток стоит на верхушке наблюдательной башни. Уж не знаю, что там может ее привлекать? Теперь мне придется подниматься по шестидесяти трем ступенькам на самый верх, чтобы увести ее спать.

— Я могу пойти с тобой, Жарна?

— Конечно, только это не очень интересное путешествие.

Они вышли в коридор. После ярко освещенного зала тут царил полумрак.

Они прошли десяток шагов рядом. Лотар чувствовал, что эта девушка каким-то магическим способом, в котором, однако, не было вовсе никакой магии, притягивает к себе его внимание.

— Жарна, ты уже считаешься невестой по местным правилам?

— Конечно, и уже давно. Просто мне нет охоты спешить с этим. Но я знаю, что придет день, и я стану хозяйкой какого-нибудь большого дома, и буду любить своего мужа, и растить детей.

Они вышли на открытый переход между башнями. Тут дул резкий, холодный ветер с моря и светили звезды. Жарна улыбалась. В ней не было не то что жеманности, но даже деревенской сдержанности. Она была совершенно уверена в своей судьбе.

— Ты не будешь скучать? — Лотар и сам не знал, почему так спросил.

— О чем? — Девушка была искренне удивлена. — Это же самая счастливая участь для женщины. И самая интересная.

— Ну, есть женщины, которые думают, что увидеть мир или познакомиться с интересными людьми — более увлекательно, чем просто растить детей.

— Это все тоже может быть, Лотар. — Теперь ее голос звучал почти покровительственно, словно она знала что-то, о чем Желтоголовый даже не догадывался. А может, и в самом деле ей ведомо что-то, чего он не поймет никогда, пусть даже проживет на свете две тысячи лет. — Но главное и первое в жизни — то, что я уже назвала.

— Вы тут все какие-то очень... спокойные.

— Разве это плохо?

Они стали подниматься по лестнице, проложенной в гулкой, высокой башне. Здесь гуляли сквозняки и порывами врываются в не забранные стеклом бойницы, охватывающие всю долину.

— Нет, но я привык жить иначе. Я привык, что нужно быть готовым к неприятностям, а не к счастью. Я привык, что первое дело в жизни — надежное оружие, которое нельзя оставлять так далеко, чтобы до него нельзя было в любой момент дотянуться.

Жарна долго шла молча, потом обернулась. В лице ее не было и тени волнения.

— Мне жаль тебя, Лотар. Ты, наверное, не поймешь, что спокойствие придает жизни совсем другую цену.

Они поднялись уже до половины башни, и Лотар спросил:

— А ты уверена, что живешь именно той жизнью, какой она тебе кажется? Что у вас на Шонморе нет и намека на ту жизнь,

которой живу я? Все-таки мы кое-что нашли в одном из подвалов замка КамЛут.

Она не ответила. Они прошли еще десяток ступеней молча.

— Твой отец знает это, значит, должна знать и ты, Жарна.

Они уже выходили на открытую всем ветрам площадку башни, когда девушка наконец ответила:

— Я думаю теперь, что должны быть такие люди, как ты, Лотар, и такие, как мы тут, на Шонморе. И тут уж ничего не поделаешь, каждый должен быть счастлив своей участью.

В этом суждении не было ничего необыкновенного, но Лотару оно понравилось. Он понял, что, если бы это было возможно, он хотел бы иногда разговаривать с этой девушкой, и ждать ее ответов, и раздумывать над ними, и беспокоиться от того, что не понял ее слов.

На башне никого не было. Жарна, ничуть не смутившись этим, подошла к Лотару и взяла его за руку. Ее прикосновение взволновало его. Это было удивительное чувство — теплое и простое. Оно напомнило Лотару его детское волнение, когда дома он кормил в голодные зимы птиц, озябших белок и разных мелких зверушек, которым трудно было пережить суровые холода.

— Не знаю, возможно, сэр Лотар, этот разговор кажется тебе пустым и ненужным. Но я благодарна за то, что ты сказал, и буду думать над твоими словами. А теперь — спокойной ночи.

Она легко повернулась и исчезла в темноте лестницы, по которой они только что поднялись. Лотар из вежливости подождал, пока она дойдет до нижних ступенек, а потом отправился в комнату, которую Обрисса КаФрам отвела им для ночлега.

Глава 33

Все уже улеглись, но никто еще не спал. Ждали его. Он задвинул мощный, шириной в три дюйма кованый засов, подошел к кровати, оставленной для него у северной стены, сел и стал медленно, с удовольствием снимать сапожки.

Из открытого окна дуло. Ветер, который взъерошил волосы Жарны, теперь казался слишком сильным и колючим. От него веяло какой-то неявной угрозой. Лотар не знал, какой именно, и решил не придавать этому значения. Он был странно возбужден и в то же время совершенно спокоен. Желтоголовый был счастлив — вероятно, это можно было назвать и так.

Сухмет поднялся и подложил свежих поленьев в камин. Как все каминные, которые редко топили, он больше дымил, чем грел. Вытирая руки от липкой сосновой смолы, Сухмет громко и отчетливо произнес:

— Только не думай, господин мой, что все обстоит так, как выглядит.

Лотар расслабленно улыбнулся:

— Я даже не пытаюсь о чем-либо думать, я просто вспоминаю.

— Там было что-то существенное, когда мы ушли? — резво повернулся к Лотару Рубос.

— Нет, я вспоминаю ощущение... Вернее, впечатление, возникающее, когда ее волосы развеваются на ветру, или как она чуть наклоняет голову, когда спрашивает... Это очень красиво. Кажется, я начинаю понимать людей, которые утверждают, что им этого не хватает.

— Тебе этого тоже не хватает? — удивился Рубос. — А вот мне...

— М-да, — хмыкнул Сухмет и отошел к своей кровати, — я и забыл, что ты единственный среди нас женатый человек. Своего рода эксперт. Только не задавайся, я тоже был женат. И даже три раза.

— Три раза? — удивился Лотар. — Зачем нужно три раза жениться?

— Ну, — Сухмет посерьезнел, — во-первых, у нас все не совсем так, как у вас, и быть женатым на двух женщинах означает всего лишь, что ты заботишься о старшей. Это признак уважения. А во-вторых, третий раз я был женат, когда только-только получил свободу от Харисмуса и мне было лет триста. Я очень нуждался тогда в утешении, а женщины на этот предмет — первейшие мастерицы. — Он помолчал и добавил: — Правда, они потом за это довольно много требуют.

— Чего? — заинтересованно спросил Санс.

Лотар подумал, что он, кажется, впервые задал вопрос в их компании по своему почину. Это был или очень тревожный симптом, или знак неминуемого выздоровления. Хотелось бы, конечно, чтобы выздоровления.

— Они требуют участия в твоей жизни, почти без остатка — твоего времени, твоих эмоций, мыслей, сил, желаний, твоего естества. Это далеко не каждый может дать, и еще меньше людей хотят это отдавать. Видишь ли, — рассудительно подытожил Сухмет, обращаясь к Сансу, — любовь проходит.

— Странно, — Лотар наконец разделся и лег, уютно укутавшись в меховое одеяло. Теперь ветер не казался таким уж страшным, бывало и хуже. — Кажется, это самое чудесное переживание, которое может быть, и хочется, чтобы оно не кончалось.

— К счастью для нас, это не так, — сказал Рубос. В его тоне звучали нотки горечи. Они начисто опровергали слова, которые он произнес. — Все-таки, как ни крути, это — слабость. И солдату она не к лицу.

— Не знаю, не уверен, — вдруг снова произнес Санс. И решительно закончил: — Вернусь, когда все кончится, и женюсь. Если она, конечно...

— У тебя есть некая... влюбленность? — поинтересовался Сухмет.

— Не было бы, не говорил... Не было бы, — Санс вздохнул, — не осталось бы даже надежды.

В комнате повисла тишина. Вдруг ее нарушил Бостапарт:

— Ерунда все это. Главное — мастерство. И любое отклонение от него — вызов, или угроза, или ловушка. Прости меня, Учи-

тель, а ты не думал, что тебя сознательно пытаются размагнитить, чтобы ты не почувствовал источника других времен в долине? Или какие-нибудь очаги магии, которые предназначены для того, чтобы разделаться с нами?

— Ну, помимо Лотара есть еще и Сухмет. Уж он-то не влюбится ни за что на свете. В его-то возрасте! — хмыкнул Рубос.

— Я убежден, что через Учителя можно воздействовать и на Сухмета, — произнес Вост. — Я, правда, не знаю как, но...

— Бост, ты слишком плохо занимался на моих уроках боевой магии, чтобы строить свои предположения, — холодно отозвался восточник.

Лотар повернулся на бок и посмотрел в угол, где расположился юноша. Бост сидел в своей кровати очень прямо, строго соблюдая равновесие между символами состояния духа и тела. Это было то, от чего Лотар и сам никак не мог избавиться. И не составляло труда предположить, кому сейчас Бост подражал.

К тому же рядом с ним лежал и дорожный плащ Лотара. Это немного раздражало, но по прошествии некоторого времени уже не хотелось растрачивать внимание на то, что кто-то в подражание твоим повадкам таскает твою одежду. По крайней мере, сейчас Лотара это не злило. К тому же Бост остался у него один, и с ним нужно было обращаться мягче.

— И все-таки, Лотар, что ты узнал? — поинтересовался Рубос.

Желтоголовый улыбнулся:

— Что узнал? Узнал, что мог бы полюбить ее по-настоящему, жениться и увезти ее к нам домой. И быть счастливым до тех пор, пока, как пророчествует Сухмет, она не избавилась бы от меня, словно от изношенной вещи. — Он рассмеялся: — Я говорю, но сам в это не верю. Сухмет, существует магия любви?

— Конечно, господин мой, но она — штука довольно грубая, почти целиком связанная с физиологией и чересчур сильными воздействиями на органы чувств. Часто у нее отвратительные внешние приемы, если исходить из нашей воинской техники.

— Ну, — Лотар помялся, — вообще-то я спрашивал о другом. Я хотел знать, есть ли наука о влюбленности?

Сухмет задумался:

— Если исключить физиологию, то можно сказать так: в маскировочных разделах есть магия совпадения и несовпадения привлекательности. Если ею пользоваться с умом, то можно сделать так, что любовь будет длиться очень долго. Теоретически гораздо дольше, чем срок одной человеческой жизни.

— Это хорошо, — решил Лотар и собрался спать.

Но тут неожиданно заинтересовался Рубос. Он даже сел на своей кровати.

— Что же ты молчал, старик? Если что-то... можно поправить, то тебе нужно торговать этим. И я собираюсь быть первым покупателем.

— Торговать? — Сухмет переспросил так, словно вдруг перестал верить своим ушам. — Торговать вообще-то можно и многим другим. Только хотелось бы знать, что именно людям нужно, а что они сами должны в себе вырабатывать. Если заняться этим

всерьез, может, и можно нажиться на эмоциональном дискомфорте, но это будет такое же малопочтенное занятие, как торговля костылями... Или даже так — как продажа наркотиков здоровым людям. Этот путь ведет к тому, что ты не помощь им окажешь, а только поработишь их. — Сухмет вдруг очень грустно улынулся: — Это очень старая проблема. Уже все было и ни у кого не сработало, Рубос. На этом поле даже Харисмус — Учитель Учителей — потерпел поражение.

— Все, — очень трезво сказал Рубос, — я был не прав. Я беру свои слова назад и собираюсь спать. — Он оглянулся на окно: — Да закроет кто-нибудь это окошко, дует так, что завтра все встанем с ревматизмом.

— А ты ведь еще не так стар, — буркнул Сухмет с сухим смешком.

А ведь и в самом деле очень холодно, подумал Лотар. С чего бы это? Не может быть так холодно, не может... Если здесь нет чего-либо еще.

На просьбу Рубоса отреагировали Санс и Бост. Но Бостапарт был проворнее и действовал быстрее. Пока лейтенант поднимался, мальчишка уже накинул плащ Лотара на плечи и прошел полдороги. А Лотар все думал, но теперь его глаза смотрели в огонь камина.

Огонь не мог быть таким ярким, если не реагировал на присутствие то ли магии, то ли очень враждебной воли. Странно, почему тогда молчат колокольчики?..

И вдруг он понял, почему они молчали. Обычно они начинали звенеть, когда опасность угрожала ему, Лотару, и почти всегда молчали при угрозе для кого-то другого, пусть даже очень похожего и мечтающего еще больше походить на него...

— Бост, стой! — заорал Лотар, скатываясь с кровати. — На пол, вниз!

Но было уже поздно. Раздался тупой и холодный звук разрывающейся живой плоти... В груди Бостапарта торчала тяжелая, фунта на три, арбалетная стрела. От нее веяло такой бешеной магией, такой неукротимой злобой и ненавистью, которой хватило бы, чтобы отравить население целого города.

Бост повернулся к Лотару, чуть улыбнулся холодеющими губами, стараясь извиниться за то, что не успел как следует исполнить приказ Учителя, и упал. С такой стрелой в груди не выжил бы никто. И даже Сухмет со своей знаменитой на полконтинента сумочкой лекарств и хирургических инструментов был тут бессилён.

Башенное окно, выходящее во двор замка КаФрам, так и осталось незакрытым.

Глава 34

— Сухмет! — заорал Лотар так, что чуть штукатурка на стенах не осыпалась. Вероятно, этот крик был слышен даже в замковом дворе.

— Понял! — ответил восточник.

Он схватил посох Гурама, замаскированный от посторонних

глаз перед визитом в замок Афиса КамЛута. Волшебный жезл в его руках мигом принял свой подлинный вид — сучковатого, перепачканного, сбитого на концах посоха. И Сухмет принялся колдовать.

Сначала от посоха ударил в потолок луч света, потом мощная волна жара прокатилась по комнате, но почти без остатка ушла в темное, бесчувственное тело Бостапарта.

Внезапно юноша сел и, не открывая глаз, произнес:

— Я видел ее, это Бетия. А теперь я ухожу... ухожу...

Голос его истаял. Но до того, как погас последний звук, Лотар поддерживал его, чтобы мертвец не упал назад слишком резко, словно еще мог удариться.

Пока Сухмет колдовал, Лотар полностью облачился в доспехи. Когда он подхватил Боста за плечи, то был уже готов к бою. За это время ни Рубос, ни тем более дрожащий от ужаса Санс не успели даже как следует выпутаться из простыней.

Но вот Сухмет встал в позу главного магического называния. Его руки взметнулись над головой, а старческий, не очень внушительный голос вдруг сделался низким, рокочущим, ужасным, как рычание могучего хищника перед последним прыжком. Этому голосу вдруг тонко, мелодично, но почему-то тоже страшно стал отзываться и посох.

Лотар взглянул в темное окно. Ветер там стих, а вечерний туман собирался на невесть откуда возникшем подоконнике, которого раньше не было. Он присмотрелся и вдруг понял, что эта влага крупными каплями собиралась и дальше — блестящая дорожка протянулась до башни напротив, откуда скорее всего и был сделан выстрел.

Лотар уже стоял у самого окна и примеривался ногой к решетке. Потом с выдохом ударил в самый центр, и решетка, которая, казалось, была поставлена на века, выгнулась наружу, как тонкий лист. Лотар схватил ее, отогнул, словно она была сделана не из кованых прутьев, а из теста, и вытащил из пазов в стене. Потом Желтоголовый со звоном швырнул ее назад в комнату и вылез наружу. Проверил прочность той невидимой поверхности, на которую ступил. Сухмет уже полностью построил ее, потому что с поклоном отложил посох, а сам принялся одеваться так, словно их ожидало долгое путешествие.

Рубос делал то же самое. Вздохнув, и Санс принялся за дело.

— Поверхность не скользкая и прогибается, но все-таки будьте осторожнее, когда пойдете, — сказал Лотар через плечо и двинулся по беззвучному воздушному мосту, словно по узенькому карнизу высоко в горах, осторожности ради расставив руки для поиска равновесия.

— По двое не ходить, — отчетливо сказал Сухмет. Потом, заметив, что Лотар уже идет по мосту, вдруг крикнул: — Она может поджидать тебя там!

Но Лотар не обратил на это ровным счетом никакого внимания. Он был не против, чтобы Бетия ждала его на том конце воз-

душного мостика, перекинутого магическими заклинаниями Сухмета. Он был готов к этому.

Следом за ним, уверенно семеня ногами, по мосту пробежал Сухмет. Потом затопал Рубос. От его тяжелых шагов даже мост, казалось, заколебался, отозвавшись каким-то странным, бухающим звуком, словно эхо в глубоком колодце...

Лотар все время осматривался, но ничего подозрительного не видел. Он стоял на небольшой каменной бровке, похожей на полуразрушенный балкончик, с которого внутрь башни вело лишь небольшое отверстие неправильной формы. Когда-то оно было круглым, потом часть больших кирпичей обвалилась, и оно стало похожим на пролом в стене, сделанный очень большим тараном.

Лотар сунул внутрь голову и приготовился тут же отдернуть ее в случае опасности. Однако на огромном чердаке все было тихо.

Лотар вытащил голову и оглянулся на крышу — верхушка узенькой башенки с острой крышей внутри не могла быть больше двух-трех саженей. Он снова сунул голову в пролом — перед ним расстилалось темное пространство на много сотен футов.

Лотар почувствовал, что Сухмет догнал его, и пролез, чтобы освободить ему место. Старик так спешил, что даже немного запыхался, чего Лотар не мог припомнить уже много лет — с того дня, когда Перегрин гонял их по своему заповеднику ужасов, как двух цыплят.

— Я боялся, что ты не будешь достаточно осторожен, — буркнул Сухмет вместо объяснения.

Желтоголовый хмыкнул, но чувствовал, что его старый друг прав: он мог быть сейчас неосторожным, в нем klokотали ярость, гнев и разочарование, даже злоба на себя. Он должен был предвидеть, он собирался все предусмотреть, а вместо этого... Бост, последний из его учеников, был мертв.

Он ждал атаки на себя, полагая, что именно его смерть, может быть, удовлетворит противника, а выяснилось, что гибель одного ослабляет — по крайней мере лишает выдержки — остальных. И в этом враг был прав.

Лотар ступил на грязные балки и прислушался. Здесь было так тихо, как могло быть только в помещении, увеличенном магией. Он поднял порог своей чувствительности до предела. Это грозило ему долговременной глухотой от тяжелых движений Сухмета, который тоже пролезал в дыру, и от топая Рубоса по воздушному мосту. Подумать только, мост стал звучать под Рубосом, но... Главное было в том, что Лотар теперь слышал звуки всего замка и почти все, что происходило где-то в поле или в деревеньке за три мили отсюда...

Лотар отвлекся от этих звуков и попробовал сосредоточиться на том, что происходило здесь и сейчас.

Под ними шевелились люди, их было немало. Обыкновенная суeta нормальных людей. Они укладывались спать, ворчали на то, что кто-то тратит слишком много масла для светильника, что хозяин бережет дрова для камина в людской, что солдаты из замка КамЛут совсем распоясались, пристают уже и к замужним

женщинам... Слуги — тут спят слуги, и они ничего не знают. Даже не догадываются о том, что происходит у них над головами.

Лотар отошел от дырки, через которую теперь протискивался Рубос, а следом за ним Санс, который тоже решил пройти по мосту, надеясь, что его помощь может пригодиться. Жаль, решил Лотар, вот уж ему тут совсем нечего делать, он слишком неповоротливый. Но потом снова стал слушать.

Это — чердак, обычный чердак, если исключить его неестественные размеры. Тут навалены самые разные предметы — сундуки, набитые старым, истлевшим тряпьем, части развалившейся мебели, какой-то шкаф со скрипучими дверцами...

И вдруг Лотар услышал. А потом и увидел — тонкий светящийся след, почти невидимое серебрение. От него с легким шелестом, как от песка, падающего на твердый камень, шипел воздух.

Желтоголовый подошел к этому месту, спешно изменяя слуховую чувствительность, потому что Сухмет собирался что-то сказать. Он уже справился со своим слухом, когда восточник заговорил, и звуки его голоса даже не заставили Лотара сжаться от боли:

— Не трогай, господин мой, это может быть очень опасно.

Лотар прошептал, потом понял, что Сухмет его не слышит, и почти прокричал:

— Ее уже нет, она ушла.

Сухмет оказался рядом и осторожно, обеими ладонями проверил воздух.

— Да, это всего лишь дверь.

— Куда? — спросил Рубос за их спинами. Он наконец сориентировался.

— Она плотно закрыта, я не могу понять, как она устроена. И ничто не говорит о мире по ту сторону. — Сухмет предупредительно посмотрел на Лотара: — Это может быть ловушка.

— Тогда это та ловушка, которая нам нужна, — сказал Лотар. И пояснил: — Колокольчики по-прежнему молчат.

— Какие колокольчики? — спросил Рубос.

Но Сухмет все понял и принялся за дело. Он осторожно отметил контуры двери цветным светящимся дымом, неожиданно заструившимся от его пальцев, потом стал нагнетать в неподвижном воздухе тугие волны энергии. От них сразу стало душно, захотелось вздохнуть полной грудью или даже вернуться к отверстию, чтобы почувствовать свежий ветер на лице... Но любое лишнее движение сейчас могло помешать Сухмету, и без того Санс взобрался на чердак и устроил своим появлением кучу помех, поэтому Лотар лишь внутренне поддержал Сухмета и никуда не отступил.

А потом случилось странное. Сначала робко, потом все сильнее и увереннее контуры, обозначенные Сухметом, стали светлеть, и оттуда вдруг полился яркий солнечный свет. Восточник сдавленным, напряженным голосом прошепел:

— Быстрее, я не удержу это слишком долго.

И Лотар прыгнул вперед, хотя по-настоящему светло на той

стороне еще не стало, и он не знал, что его там ждет. Но медлить и в самом деле было невозможно. Он бросился вперед, потому что колокольчики молчали, хотя, наверное, именно по этой причине и стоило насторожиться.

Глава 35

Лотар почувствовал, что ноги его на мгновение повисли в пустоте. Он едва успел сгруппироваться, как покатился по крутому, очень мягкому склону, который книзу становился все более пологим. Придя в себя, Желтоголовый понял, что лежит у подошвы песчаной дюны высотой саженной десять, а то и больше. По ее склону теперь катились все остальные.

Отплевавшись как следует, Лотар почувствовал, что очень хочет пить. Песок и раскаленное солнце над головой мигом заставили его тело вспомнить все, что предшествовало приключению в оазисе Беклем. Жажда еще не была сильной, но Лотар знал, что она скоро станет почти непереносимой.

Он помог подняться Сухмету, который с сарказмом хмыкнул от таких неожиданных нежностей, и проворчал:

— Лучше бы ты, господин мой, смотрел, в какую сторону она исчезла.

— А зачем смотреть, когда у нас есть такой всемогущий и все-сильный колдун, как Сухмет Курбан-паша! — отозвался Рубос.

Ну что же, по крайней мере, его войско не унывало.

— Дело в том, Сухмет, что она здесь никогда и не появлялась. Это абсолютно безлюдное место.

Рубос свистнул и огляделся внимательнее.

В общем, это место было похоже на долину острова Шонмор. На севере виднелись горы, на юге — низкие, редкие холмы, через которые они едва перевалили на подбитом «*Летящем Облаке*» несколько дней назад. Чуть дальше на восток Лотар с облегчением обнаружил серебристую ленточку реки.

Вот только все вокруг было как-то сглажено, безлюдно и необыкновенно пустынно. Даже птиц, казалось, не было поблизости, даже вездесущие цикады не разливали свои однообразные песни в этом воздухе.

В сотне футов от подножия дюны стояла большая янтарная скала. Воздух вокруг нее потрескивал от перенасыщенности энергией. Напряжение, которое исходило от этого предмета, заставило всех насторожиться. Но Лотар уже знал, что скала не единственный предмет, который следовало тут изучить.

К ним подошел Санс с посохом Гурама. Сухмет, рассердившись на себя, что выпустил свой драгоценный инструмент из рук, когда катился по песку, выхватил его с таким видом, словно хотел руки у лейтенанта оторвать.

— Ну, — Лотар внимательно посмотрел на каждого из своих спутников, — какие будут соображения?

— Какие тут могут быть соображения? — буркнул Рубос. — На

этом вот холмике, правда, в нашем мире он чуток объемистее и пошире, стоит замок КаФрама. С него мы и направились. И вообще вся местность та же, только без жилья.

Лотар кивнул, соглашаясь, и повернулся к Сансу. Лейтенант слегка покраснел и произнес, чуть запинаясь:

— Мне кажется, отсюда нелегко будет выбраться.

Сухмет впервые за последние несколько минут улыбнулся:

— Ты даже не подозреваешь, юноша, насколько нелегко. — Он повернулся к Лотару: — Господин мой, мы оказались в очень далеком будущем от того времени, которое можно называть нашим. Или в одном из параллельных времен. И выбраться отсюда не менее трудно, чем из будущего, которым никто из нас не владеет в достаточной мере.

— Почему ты думаешь, что мы в будущем? — поинтересовался Лотар.

— Обедненная флора и фауна, размеры солнца, положение звезд, которое ты не удосужился сразу оценить, а я уже проверил, — такой будет звездная карта через три-четыре десятка миллионов лет.

Лотар быстро посмотрел на небосклон, поднял свои зрительные возможности, чтобы увидеть звезды даже в ослепительный солнечный день. Все правильно: привычные созвездия располагались иначе и светили по-другому. Хотя насыщенность света, возможно, была просто оптическим эффектом его неправильного обращения со световыми грациями.

— Есть еще одна вещь, которая не внушает оптимизма, — сказал Лотар. — Здесь смещены все стороны света, они или как-то перекрыты, или привычные магнитные оси...

— Они перекрыты, мой господин, искажением всего окружающего пространства, — удивленно протянул Сухмет. — И с такой кривизной, о которой я никогда прежде не слышал.

— Э-гей, — насторожился Рубос, — надеюсь, это не значит, что мы не сможем добраться до реки?

Лотар измерил расстояние. До ближайшего берега было чуть больше четверти мили.

— Нет, думаю, искривление пространства начинается подальше, так что с водой у нас проблем не будет, а вот с питанием... Может быть, и не все получится.

Сухмет шаг за шагом повторил Лотаровы действия, оценивая возможность выжить в этих местах.

— Ну, если уж совсем станет невмоготу, попробую выращивать скоросозревающие плоды прямо тут, на песке. С посохом за ночь можно состряпать целую грядку вполне съедобных тыков. Была бы вода.

— Нужно проверить, есть ли у нас вода, — решил Лотар. — Санс, сними-ка свой нагрудный панцирь, сходи к реке и принеси в нем воды.

— Только вымой его сначала, — буркнул Рубос.

Лейтенант кивнул и умчался прочь. Тогда Сухмет повернулся к янтарной скале и стал ее внимательно разглядывать.

— Ну, — поинтересовался Рубос минут через десять, — понимаешь в этом что-нибудь?

— Пока к ней лучше не подходить. Я попробую проэкспериментировать и лишь потом скажу что-то определенное.

— Хорошо, — согласился Рубос и присел на огромную, почти окаменевшую корягу, наполовину засыпанную песком. — Но что тогда нам остается делать?

— Во-первых, ждать, — ответил ему Лотар. — А во-вторых, пожалуй, нужно все-таки проведать, как это он свернул пространство, что выйти из этой точки, кажется, невозможно. Крыльями...

— И не думай, — твердо произнес Сухмет, — крылья — как раз то, что может тебя погубить. И оглянуться не успеешь, как врежешься во что-нибудь, и от тебя только мокрая каша останется, или унесешься в такую даль, что...

Он помолчал, прощупывая что-то так далеко, что Лотар не стал даже и следить за ним. Он чувствовал: здесь явно что-то не так. Может быть, даже в этой ловушке есть кто-то еще. Или нечто, пока им неизвестное. Но если быть достаточно разумными, то можно найти это нечто и использовать. Вот только поиски потребуют напряжения всех его сил.

Вернулся Санс. Он шел очень напряженно, словно переставлял ноги ощупью в полной темноте. Лишь когда до холма осталось не больше сотни шагов, лейтенант улыбнулся с таким облегчением, будто увидел маяк, и последний отрезок пробежал, расплескав почти треть воды.

— Ты чего? — спросил его Рубос.

Санс радостно улыбнулся, вытер пот и удивленно ответил:

— Знаешь, когда от этого места удаляешься, что-то происходит... Я не смогу объяснить, но память слабеет, и уже не представляешь, куда идешь и что собирался делать. — Он оглянулся на реку, и по лицу его пробежала тень страха. — Это покажется странным, но я едва вспомнил, что должен набрать воды, и еле нашел место, куда должен вернуться. Я просто забыл его, как младенец-несмышлениш.

Лотар и Рубос с удовольствием напились. Но Сухмет, казалось, даже не заметил воду, хотя пить хотел не меньше других. Он жестко, даже враждебно осматривал простиравшуюся вокруг пустую и тихую долину. И наконец произнес:

— Это называется эффектом необжитых пространств. Давным-давно, когда маги класса Харисмуса открыли возможность путешествия в параллельных временах или в другие миры, стало известно, что человек может удерживать сознание и внимание только в том месте, которое обжито его предками или хотя бы какими-нибудь другими разумными существами. Если ты попадаешь в необжитое место, то теряешь координацию, нарушается причинность действий, и ко всему прочему слабеет память. В общем, любой человек превращается в несмышлениша, как метко сказал наш лейтенант. Поэтому даже тебе, господин, не следует улетать совсем далеко — можешь не найти дорогу назад.

Старик повернулся. На его обычно таком смягченном, мор-

щинистом лице проступила жесткая, угловатая маска, которая появляется у некоторых людей незадолго до смерти.

Нет, подумал Лотар, только не это. Я не переживу, если к потере четверых моих ребят прибавится еще и гибель Сухмета.

Но теперь он знал, что определенно чувствует смерть, разлившую здесь в воздухе, в солнечном свете, в песке, который так мирно струился у них под ногами. Он огляделся. Может быть, все дело в этой янтарной скале?

— Сухмет, а эта штука не фонит?

Восточник слегка размяк. Вопрос как-никак был задан по его предмету, и он мог на него ответить.

— Этот инструмент, господин мой, имеет так много возможностей, что о них вскользь даже упоминать нехорошо. Пожалуй, по функциональности эта скала превосходит даже посох Гурама. Но сейчас этот инструмент используют только для одного-двух приемов. Я еще не разобрался окончательно, но, кажется, она генерирует тот самый сигнал, который и заставляет восточные армии идти на Запад.

Лотар дрогнул:

— Ты уверен?

— С этим инструментом ни в чем нельзя быть уверенным, господин, но ясно одно: это что-то настолько важное, что я даже слегка удивлен, как Жалын решился нам его показать.

— Так, может, — быстро вмешался Рубос, — не он нас поймал, а мы поймали его, оказавшись тут и захватив эту штуку?

Сухмет усмехнулся и покачал головой:

— Этой штуке не страшны никакие покушения. Скорее наоборот, нас следует от нее защищать, хотя я и не знаю, как это сделать.

Лейтенант с сомнением осмотрел скалу и поинтересовался:

— Ты уверен, Сухмет? Вид у нее не очень агрессивный.

Сухмет хмыкнул, но все-таки вежливо ответил:

— Даже здесь, на Западе, я не встречал ни одной книги по тактике, в которой утверждалось бы, что ловушка должна быть агрессивной и пугающей. — Он помолчал и добавил: — А это именно ловушка, и настолько совершенная, что даже я, несмотря на все мое любопытство, второй час сижу тут и не решаюсь подойти к ней, чтобы понять, как она устроена.

Рубос вздохнул:

— Ну, если это так опасно, то и сиди тут.

— Нет, — решил Лотар, — идти все равно придется. Только для начала все-таки попробуем понять, что здесь происходит с пространством.

Они допили воду и пошли в сторону реки. Сначала Лотар ничего не замечал, потом вдруг обнаружил, что видит лишь то, что находится совсем недалеко — в сотне саженей, не дальше. Нет, разумом он понимал, что они идут в ясный день и он должен видеть и горы на краю долины, и небо над собой, но... не видел. Сознание почему-то не охватывало, упускало более отдаленную перспективу, словно разучилось видеть по-человечески.

Краски стали тусклыми, а чуть дальше сотни футов мир вообще становился однообразно серым, словно свинцовым или серебряным карандашом было набросано несколько контуров. Даже объем не ощущался. Стоп, подумал Лотар, если постараться, рассудок должен все это исправить, он же привык к объемам и цветам... Но мир по-прежнему остался плоским и графичным.

Потом они потеряли направление и лишь после трех или четырех попыток сумели найти его снова. Интересно, что, пытаясь выяснить правильное направление, даже обычно разговорчивый Сухмет перешел на какой-то странный язык жестов. Его никто не понимал. Потом, когда память стала возвращаться к ним, выяснилось, что старик заговорил вдруг на фойском, и жесты, конечно же, у него тоже были фойские.

Но сразу после этого небольшого просветления сознания все вдруг померкло окончательно. Лотар на мгновение осознал себя идущим по какому-то сумеречному, жестко ограниченному коридору. Идти по нему было страшно, и вел он неизвестно куда. В сознании дико бились колокольчики, но он все равно переставлял ноги, направляясь куда-то, где его ждала, может быть, смерть.

Никогда впоследствии Лотар не испытывал такой ужасающей, такой полной беспомощности. Он очень боялся ее потом и даже несколько раз просыпался по ночам в холодном поту, переживая заново. Но это тяжелое испытание в итоге даже помогло ему и сделало только сильнее — Лотар с отчетливостью, которой тогда и сам не был рад, осознал и измерил пределы своей допустимой ментальной слабости.

Внезапно пелена рассеялась, Лотар осознал, что это он, Желтоголовый, сидит на песке неподалеку от янтарной скалы высотой с основательный стог или с большой валун. А Сухмет смачивает его лицо и грудь водой из нагрудной панцирной пластины Санса.

— Ну, ты что, господин мой? Все кончено, все прошло, мы вернулись.

Лотар поднял голову. На него очень внимательно смотрели Рубос и Санс. Он понял, что может снова соображать.

— Что это было?

Сухмет пожал плечами:

— Ты как-то слишком остро отреагировал на это, господин. Даже Санс, а он вовсе не ментальный богатырь, всего лишь стал путаться в расстоянии и направлении. Когда я привязал всех к себе, он вполне успокоился и пошел, как овечка. И даже смотрел по сторонам. А ты...

— Это как-то связано...

Лотар умолк. Он не мог заставить себя даже додумать то, что промелькнуло в его сознании.

— С чем? — спросил Рубос.

— Не важно, — ответил Сухмет.

Он понял, что Лотар хотел удостовериться, что это его качество было оборотной стороной той силы, которую он когда-то по-

лучил, превратившись на несколько минут в Черного Дракона. И сейчас отход от человеческого мироощущения проявился с такой наглядностью, что Лотар не хотел даже анализировать происшедшее.

Осознав, что Лотар пришел-таки в себя, Сухмет посмотрел на других участников прогулки:

— Ну а вы что-нибудь заметили?

Рубос пожал могучими плечами:

— Глупости все наши опасения — я так скажу. И среди дикости можно выжить. Хотя, конечно, если собрать племя, то было бы легче.

Сухмет радостно кивнул:

— Без сомнения, с племенем было бы легче. Так мы, люди, собственно, и выжили. Фокус только в том, что тут племя собрать не удастся. Да и задача у нас другая. Поэтому спросим нашего юного друга — что заметил он?

— Я заметил, что в том сером коридоре, по которому мы шли, было ответвление. Я еще хотел туда зайти, но...

— Ты тоже заметил серый коридор? — поинтересовался Лотар.

— Я разглядел ответвление, которое, кажется, не заметил даже Сухмет.

Сухмет и в самом деле выглядел удивленным.

— Ты ничего не путаешь? Там не было никаких ответвлений. Просто закрылись все перспективы, и это вынудило нас вернуться.

— Там был боковой коридорчик. Я его не просто нашел, я в него рукой провалился, но ты дернул меня вперед. Вот я и решил, что это не очень интересно.

— Это очень интересно, — проговорил Сухмет. — Теоретически это может быть выходом.

— Выходом? — спросил Рубос, поправляя свой меч. — Из всей этой мерзости? — Он внимательно посмотрел на Лотара. Догадавшись, что Желтоголовый уже оправился от своей амнезии, он посмотрел на Санса и Сухмета, а потом громко, раздельно спросил: — Тогда чего мы, разрази меня Перхунас, здесь ждем?

Глава 36

Впереди опять шел Сухмет. Он настоял на этом не только потому, что лучше ориентировался в пустынном, сером, необжитом пространстве, которое Жалын выстроил вокруг них, но и потому, что чему-то сильно не доверял. Лотар чувствовал это недоверие и считал его оправданным — не может быть никакого ответвления, которое не ведет в ловушку, если его строил Жалын.

Кроме того, Лотара смущало, что Сухмет его не заметил, когда они проходили коридор в первый раз. Старик не мог чего-то не заметить. Он ориентировался в том, что творилось вокруг, так точно и уверенно, словно совершил в свое время с Харисмусом не один десяток путешествий в Безлюдье. Он не мог чего-то не заметить, если только на том повороте не была поставлена специ-

альная маскировка под его тип сознания, под его тренированные возможности. Но знать это наверняка мог только тот, кто разгадал тип сознания Сухмета, сформированный две тысячи лет назад все тем же Харисмусом, и кто строил этот пространственный лабиринт, — Жалын.

К сожалению, и то и другое было возможно. Но если Лотар со временем мог адаптироваться к пустынному пространству, то магическая маскировка против Сухмета не могла не сработать, и Желтоголовый с тревогой ждал — заметит ли на этот раз Сухмет пресловутое ответвление, или все будет, как прежде.

Сразу возле реки появились зрительные изменения. Все то же, хотя теперь Лотару было легче бороться с этими состояниями, и он сумел ослабить их действие. К тому же в этом мире все очень замедлялось — и скорость реакции, и мышление, и ориентировка. Даже визг колокольчиков.

Он снова не выдержал, когда они попали в серый коридор, но через три или пять сотен футов, которые они прошли, снова связанные воедино, как горцы на крутых перевалах, зрение вдруг вернулось к нему.

Тем временем Санс остановился. Он смотрел куда-то в сторону, явно не туда, куда вел их Сухмет, и что-то видел. Лотар гляделся в его лицо и сквозь напряженные мышцы, кости и нервы понял, что читает его опасение, что он — Санс — не сумеет узнать поворот, который и в самом деле мог только почудиться ему.

И вот теперь он что-то видел. Хотя облегчения это почему-то не приносило.

Лотар перевел взгляд туда, куда пристально вглядывался лейтенант, и вдруг в колыхающейся серой вате, поднимающейся вверх, как непроницаемая бесконечная стена, увидел темный провал. Это был тот боковой проход, о котором говорил Санс. Он и в самом деле существовал. А Сухмет прошел в двух футах от него и ничего не заметил. Все это наводило на мысли... Но мысли были такими медлительными и неповоротливыми, что Лотар даже не успел ничего предпринять, как Санс шагнул вперед.

— Стой, куда? — Сухмет повернулся вслед лейтенанту.

И для него эта работа не проходила даром. Все лицо старика было покрыто сплошной маской пота, глаза блуждали, рот полуоткрылся от невыносимого напряжения...

— Он что-то нашел, — пояснил Лотар.

— Да, нашел, — почти выкрикнул Санс, — и иду по этому коридору... Тут намного теснее.

Беревка увлекла Лотара за лейтенантом. Он ударился о плечо Рубоса, но миралец уже понял, что вдвоем им тут не повернуться, и отбросил свой конец. Сухмет сокрушенно зашипел на него.

Лотару уже не было дела до того, как они будут разбираться между собой. Они остались позади, а впереди был Санс, и Желтоголовому нужно было во что бы то ни стало обогнать его. Он чувствовал, что это важно, что это освободит лейтенанта от чего-то, что ему не по силам... Казалось, сами стены коридора подталки-

вали его вперед. Нужно было продрасть, обогнать Санса... Но коридор стал очень узким, и ничего не получалось.

Лотар хрипло закричал, стараясь заглушить нестерпимый вой колоколов в сознании:

— Стой, Санс, я приказываю остановиться! Я должен идти первым!

Лейтенант не слушал, он уже почти бежал, и Лотар поймал себя на том, что не может его схватить, потому что сразу и окончательно забыл, как можно схватить бегущего впереди человека и силой задержать его. Пока он раздумывал, Санс вдруг дико закричал и мигом остановился...

Лотар стукнулся ему в спину грудью и тоже остановился. Санс боролся с чем-то впереди, от чего не было спасения, и выл от боли. Лотар повернулся назад.

Сзади к нему осторожно, очень медленно подходил Сухмет. Он спросил:

— Ты как, господин мой?

— В порядке, — ответил Лотар. — А вот с Сансом что-то происходит.

Сухмет кивнул и протянул руку, чтобы увести Лотара.

— Быстрее назад, отсюда мы никуда не можем перейти.

Пока они бежали, Лотар спросил, задыхаясь:

— Ты знаешь, что это такое?

— Догадываюсь, — буркнул Сухмет. Теперь он был спокойнее, увереннее, и даже не потел, а бежал, как призовой жеребец чистых кровей. Лотар едва успевал за ним.

Рубос дошел почти до конца пространственного коридора и уже приготовился выйти из него, когда они оказались рядом. Он оглянулся, проверил, все ли в порядке с Лотаром, и удовлетворенно кивнул.

— Ну, ладно, — сказал он, — прыгаю.

И прыгнул. Не останавливаясь, следом за ним прыгнул Сухмет. Лотару тоже ничего не оставалось делать, как шагнуть вперед. Снова, как тогда, когда они проходили через мерцающую дверь пространственного перехода на чердаке служебной башенки замка КаФрам, — мгновенное беспомощное. А потом он почувствовал, что катится по песчаному склону, набивая несильные шишки на слишком выпуклые части тела и хрустя песком, залепившим рот и глаза.

Когда он остановил падение, никого поблизости уже не было. Тело ломало от боли и внутреннего перенапряжения, которое он испытал в коридоре, но тревожные колокольчики в сознании умолкли. Он ощущал полное спокойствие. Если бы не крики где-то рядом, все было бы и вовсе прекрасно.

Эти крики! Лотар поднял голову. Потом вскочил и помчался, стараясь как можно быстрее высвободить ноги из вязкого песка. Но когда он подбежал, все было уже кончено.

Санс тонул в янтарной скале, как мошка в куске сосновой смолы. Он уже погрузился до плеча, а правая нога полностью ушла в ровную, гладкую на вид поверхность...

Неожиданно лейтенант заговорил:

— Это все? — Никто ему не ответил. — Сделайте что-нибудь!

Сухмет покачал головой:

— Санс, из этого выбраться невозможно.

— Не понимаю... Я погибаю, а вы ждете, пока я окончательно не утону?

Рубос вдруг потрянул головой:

— Нет, не верю. Держись, Санс.

В мгновение ока он выхватил свой меч и рубанул по янтарной поверхности, стараясь отсечь примерно то место, где должно было находиться плечо гибнувшего лейтенанта. Огромный ятаган застрял, углубившись дюйма на три, и намертво остановился. Рубос подергал, но не смог больше ничего с ним сделать.

Тогда он оперся на него, как на рычаг, схватил Санса за плечо и попробовал его вытащить. Это не дало ровным счетом никакого результата, но Санс вдруг всхлипнул, попытался схватиться за Рубоса и нечаянно толкнул его. Рука мирамца соскользнула, он дернулся, удерживая равновесие...

Лотар оказался рядом, прежде чем мирамец врезался в скалу, схватил за пояс и резко отдернул его. И все-таки кончиком пальца Рубос коснулся скалы.

Он так и стоял, в яре от прозрачной скалы, на ровной поверхности которой солнце играло всеми своими лучами, а палец его всего на четверть дюйма погрузился в гибельную массу. И не мог отойти, потому что не было силы, которая разорвала бы этот захват.

— Так, — недовольно буркнул Сухмет. — Теперь и ты тоже.

— Что я тоже? — спросил Рубос.

Мирамец поднял ногу, приготовившись упереться подошвой сапога или коленом в скалу и все-таки вырвать палец.

— Не делай этого, — спокойно и грустно предупредил его Санс.

— Почему? — оказывается, Рубос еще не все понимал.

— А как, ты думаешь, в этой прелести увязло бедро Санса? — вопросом на вопрос ответил Сухмет.

— Все так и было, — сказал Санс. — Мне казалось, не может быть ничего страшного, но когда я уперся ногой...

— Тебе нужно было подождать, мы бы обошли и помогли. А теперь...

Сухмет вздохнул и вытащил саблю.

— Ты думаешь, это необходимо? — спросил Рубос. Он стал очень рассудительным. Так и не дождавшись ответа, он вдруг сказал: — А эта штука, из которой состоит скала, здорово жжет.

— Сейчас будет еще больнее, — предупредил его Лотар.

Сухмет потрогал лезвие подушечкой большого пальца, как мясник или хирург.

— Хорошо хоть не руку, Рубос. А палец, если будешь терпеливым, мы тебе с помощью посоха Гурама отрастим новый.

— Жаль, я не знал этого, — снова сказал Санс. — И теперь вот...

— Может, я сам? — спросил Рубос.

— В этом нет необходимости, — ответил Сухмет и взмахнул Утгелой.

Лотар резко отдернул освободившегося Рубоса от янтарной скалы, чтобы он от боли не выкинул что-нибудь неожиданное.

Пока Сухмет перевязывал мирамцу рану, Лотар стоял около Санса. Лейтенант медленно, дюйм за дюймом тонул в ровной, совершенно невозмутимой поверхности и беззвучно молился, шевеля губами. Лотар мог бы, конечно, услышать, что он говорил, но не стал этого делать. Предсмертная молитва вдруг прервалась. Санс снова заговорил, и в голосе его зазвучало отчаяние:

— А Господь примет меня на небо? После всего того, что они сделали со мной?

Лотар посмотрел прямо в глаза юноше:

— Ты очистился. После того как Сухмет вылечил тебя, ты загряжен не больше, чем новорожденный ребенок. Я знаю, я был там.

— Где — там?

— В твоём сознании.

К ним подошел Сухмет. Он спросил:

— Санс, если хочешь, я могу послать блаженный морок, и ты умрешь, даже не заметив этого. Хочешь?

— Нет, — быстро ответил юноша. Но потом он вгляделся в янтарную поверхность, которая приблизилась уже к самому его подбородку. — А впрочем, не знаю.

— Будем считать это согласием?

— Да. Только... — Он чуть не заплакал, но справился с собой и все-таки договорил: — Не уходите от меня, даже если я ничего не буду соображать, пока я... Пока я...

— Хорошо, — пообещал Лотар.

— И не волнуйся, мальчик, — вдруг быстро произнес Сухмет. В его голосе уже звучала магическая, внушающая сила. — Ты недолго будешь там находиться. Души, подобные твоей, быстро возвращаются назад, иногда даже слишком быстро, потому что здесь им нравится больше... И они приходят в этот мир для новых испытаний.

Он сделал странный жест, словно ударил Санса на расстоянии обеими ладонями сверху вниз, и голова мальчика бессильно повисла. Лоб его коснулся янтарной поверхности, но он этого уже не заметил. На его губах появилась блаженная улыбка. Он был далеко отсюда и видел что-то, доступное только ему.

— Он уйдет быстро, — произнес Сухмет и, больше не добавив ни слова, отошел.

Лотар остался стоять. Он должен был стоять, потому что это был пятый юноша, за которого он взял на себя ответственность и который теперь умирал. Он остался еще и потому, что ловушка ответвления была поставлена на него, на Лотара. Он должен был ее заметить, он должен был пойти первым, и он должен был вот так, как Санс, врезаться прямо в скалу, которая не отпускала от себя никого — ни живого, ни мертвого.

Да, он должен был погибнуть, так было рассчитано. Выход из

того искривленного коридора кончался, вероятно, всего в нескольких дюймах от скалы. Ведь что-то толкало Лотара вперед, заставляя бежать. Он неминуемо погиб бы... Если бы не Санс.

Он спас Лотара. И Желтоголовый приготовился ждать, пока юноша исчезнет на его глазах.

Прошло не очень много времени, как Санс стал погружаться в скалу уже и лицом. Разглядывая, как это происходит, Лотар обнаружил одну очень интересную особенность.

Сама скала была настолько прозрачной, что Лотар, почти не напрягая зрения, видел холмы сквозь всю ее толщину. Но тонущий в ней Санс не оставлял никаких следов, словно его руку до плеча и ногу до бедра ровно отсеки и каким-то образом раствори.

Или длина рук и ног тонущего лейтенанта была неизмеримо мала по сравнению с глубиной, заключенной в таинственном материале, словно небольшая с виду янтарная скала хранила в своей утробе необъятный и неведомый океан. Вероятно, эта мысль была правильной, потому что Сухмет, неожиданно появившийся сзади, одобрительно хмыкнул:

— Так и есть, господин, мы видим тут столько этой смолы, что кажется, можно обхватить руками, а на самом деле тут могут утонуть миры и народы. Пойдем, все уже кончено, ты выполнил свой последний долг перед этим мальчиком.

Они отошли к Рубосу, который сидел на коряге и баюкал свою руку.

— Ну а ты как? — спросил его Лотар.

— Вот он, — Рубос кивнул на Сухмета, — обещает новый палец. Но все хирурги что-нибудь обещают, а потом выясняется, что костыли, которые они дают, гораздо хуже ног.

— Ну, с ногами у тебя пока все в порядке.

— Если с тобой поведусь, то за ногами придется и во сне приглядывать.

Так, значит, дело становится действительно худо. Без особой надобности Рубос шутить не станет.

— Ты бы обезболит ему руку, — сказал Лотар.

— Предлагал, он отказывается.

Рубос вздохнул и посмотрел на то, что еще недавно было Сансом. Теперь из скалы торчал лишь клочок одежды и заломленная в волнообразном, странном движении левая кисть.

— Мне жаль, что этот мальчишка погиб.

— А как с остальными нашими мальчишками?

Рубос только вздохнул и ничего не ответил. Тогда подал голос Сухмет:

— Это война. За свою жизнь я насмотрелся на многие войны. И видел много таких смертей. В них нет ничего хорошего, но Вседержитель в непостижимой справедливости так установил свой миропорядок, что это еще не конец. Для многих из них это только начало радости и добра.

— Аминь, — буркнул Рубос.

Сухмет насмешливо посмотрел на него, а потом отвернулся.

И тут случилось удивительное. Может быть, это происходило и раньше, но они просто не замечали, погруженные в трагедию Санса.

На посохе Гурама, брошенном на песок, образовался чуть мутноватый шар величиной с большое яблоко. Как он появился из ничего, не мог сказать ни один из них. Он просто вышел из тех складок посоха, которые Сухмет называл — по аналогии с трубой — клапанами. А потом эта капля, похожая на пузырь воздуха под водой, поползла вверх, расплываясь, как медуза, и ушла в сторону янтарной скалы.

Присмотревшись, Лотар с удивлением обнаружил, что над скалой уже собралось некоторое количество таких пузырьков и они прикрывали янтарную глыбу, как ровный аккуратный зонтик.

Рубос повернулся к Сухмету:

— Что это было?

Лотар подумал:

— Такая же штука появилась, когда я похищал этот посох у Атольфа. Помнишь, Сухмет, это было в замке Ожерелье?

— Я все помню.

— Тогда над замком висел Колокол Всевидения.

— А что тут у нас висит? — снова спросил Рубос.

Сухмет повернулся к Лотару и очень отчетливо проговорил:

— Ты можешь выгнать меня за невежество со службы, господин мой, но я даже не могу предположить, что это такое. — Подумав, он сказал еще более решительно: — Никогда и нигде мне не попадалось упоминание о том, что посох Гурама способен автоматически включаться в ответ на какую-либо угрозу. А если его не включил кто-то посторонний, то я...

И всезнающий Сухмет беспомощно развел руками.

Глава 37

К вечеру напряжение, возникшее из-за гибели Санса, уменьшилось. На песке стало довольно холодно, и Сухмет принес несколько охапок густой, толстой, как тростник, но мягкой травы. Лежать на ней было приятно.

Отрубив малым мечом Рубоса немного веток от коряги, разожгли костер. Его пламя причудливо отражалось в поверхности янтарной скалы и делало окружающий мир почти красивым.

Вот только было очень тихо и хотелось есть. Воды у них, к счастью, было достаточно, а то Лотар просто ни о чем другом думать бы не смог.

Когда под вечер задул ветер, Желтоголовому показалось, что он чувствует в нем дыхание моря. Сухмет, обрабатывая покалеченный палец Рубоса, ответил, хотя Лотар не задавал вопросов:

— А чему тут удивляться, господин мой. Мы находимся в том месте, которое и через миллионы лет можно назвать островом Шонмор, так что море, каким бы оно ни было, должно быть недалеко.

Рубос тут же отозвался:

— Интересно, какое оно?

— Ну, может, помельче, может, помутнее чуть-чуть. Более соленое. Но в остальном измениться не должно — для этого слишком мало времени прошло.

Лотар посмотрел на звезды, к которым поднимались искорки от костра. Странные созвездия, странные контуры. Они заставляли думать о главном.

— И все-таки он поступил не очень разумно, заманив нас сюда.

— Кто?

— КаФрам. Или Жалын, называй как хочешь.

— Ты уверен, что это одно и то же? — поинтересовался Рубос. — Может, его заставили?

— Кто?

— Настоящий второй враг, как ты уже один раз говорил на корабле.

— Тут такого нет. А если бы и был, ему бы потребовалось больше времени, чтобы устроить на нас засаду и склонить Бетию к сотрудничеству, чем те несколько дней, которые мы тут гостили. Нет, настоящим вторым врагом и является Жалын, или КаФрам.

— Жаль, он хоть и недотепа, но мне в какой-то момент понравился, — признался Рубос.

— Мне тоже, — согласился Лотар. — Но существа дела это не меняет. Он — враг.

Они помолчали. Сухмет завершил свои манипуляции над пальцем Капитана Наемников и прилег на свою охапку травы.

— Кстати, — снова спросил Рубос, — я давно хотел тебя спросить — еще во время того разговора — кто наш первый враг?

Лотар потупился. Как всегда, когда нужно было произнести это имя, страх сжимал его губы. Он чувствовал, что слабеет, называя зло по имени, и обращает на себя агрессивное внимание силы, с которой не сумеет сладить.

— Это тот, кто поднял все эти армии и погнал их на Запад. Имя его — Нахаб.

Голос Сухмета прозвучал отрешенно, словно он был существом из другого мира. Лотар быстро посмотрел в его желтое, морщинистое, неподвижное лицо. Если бы не блестящие от пламени глаза, оно было бы сейчас похоже на деревянную маску.

Что стоит за этим человеком, вдруг подумал Лотар? Вернее, за этим существом, потому что назвать Сухмета человеком было довольно трудно. Что движет им? Почему восемнадцать лет назад в далекой Ашмилоне он выбрал Лотара своим господином и послушно следовал за ним все это время, отправляясь порой туда, откуда, казалось, невозможно вернуться живым? Что заставляет его так рисковать?

Золото, к которому он всегда проявляет демонстративный интерес? Глупости, решил Лотар. Стоит этому золоту оказаться в их тайнике, как Сухмет молниеносно теряет к нему интерес. Да и золота этого скопилось столько, что они вполне могли купить себе небольшое королевство и выколачивать доходы из земли,

торговли, мелких, нерискованных войн... Так что, если бы золото было главной пружиной Сухмета, он давно предложил бы иной путь и образ действия.

Загадки, всегда загадки, почти всю его жизнь — загадки...

— Придет время — узнаешь, господин мой, что заставило меня выбрать тебя, — сказал Сухмет и стал рыться в своем мешке, повернувшись так, чтобы Лотар уже не видел его лица.

— Ну, тогда Жалын — второй наш враг, верно, Лотар? — не унимался Рубос.

— Верно.

Рубос лег на траву, сухо зашуршавшую под его большим телом, и посмотрел в небо.

— Тогда вот что я вам скажу. Боец он неважный. Это даже я понимаю. И это — не наигранное. Я бы справился с ним, даже не вытаскивая рук из карманов, как у нас говорят.

Лотар потерял глаза, в них попал клуб дыма, и они заняли такой с детства знакомой болью, что едва ли не смеяться хотелось. Хотя это был бы грустный смех.

— Да он и не боец, Рубос. Он всего лишь маяк. Хорошо оснащенный, явно подпитываемый из мощного источника, живой маяк, посылающий сигнал, что необходим его единственному господину — той сущности, которую назвал Сухмет. Он показывает солдатам типа Торсингая, Сун Ло и Рампаширосома, куда идти и с кем биться.

Рубос приподнялся на локте.

— А разве маяком служит не это? — Он указал на скалу.

Лотар посмотрел на небо. Так хорошо было думать, глядя на звезды.

— Не думаю. Жалын вполне может быть источником сигнала, то есть маяком. Учти, не линзой вроде тех грубых подделок под Дракона Времени, которые мы обнаружили в пещере Заморы и в доме КамЛута, а источником. У него хватит для этого и выучки, и магических ресурсов. А помешать сигнал куда-то еще, в тех мирах, где невелика ценность слуги перед господином, в данном случае самого Жалына перед Нахабом... просто рискованно и неэкономично. Это лишает поддержки со стороны господина, понижает заслуги перед господином, и в конце концов у господина появляется мысль, что можно обойтись и без него.

— Ага, значит, это страховка?

— Пожалуй, можно сказать и так. Все-таки в любой игре, где ставки довольно высоки, а сама игра, несмотря ни на что, может пойти неизвестно как, следует думать о страховке. Тем более, как ты сам заметил, он — не воин.

— Значит, чтобы справиться с ситуацией, господин мой, нам нужно избавиться от Жалына?

Голос Сухмета говорил, что он стал прежним — обычным, мягким, безотказным другом, но все равно таинственным восточником.

— Если он будет настолько нерасторопен, что предоставит нам

такую возможность, — улыбнулся Лотар. — Пока все складывается наоборот.

— Приятно сознавать, что мы наконец знаем, что нужно делать, — проговорил Рубос.

Лотар подтвердил это так серьезно, что миранцу даже стало не по себе от своего зубоскальства:

— Да, очень приятно, Рубос. Все-таки я здорово рисковал, оставаясь тут, на Шонморе. А если бы я ошибся и мои предположения заставили нас только время потерять? И мы бы ничего не выяснили?!

— Ну, ты в таких предположениях никогда не ошибаешься, — произнес Рубос примирительно.

— Еще как ошибаюсь. Только, к счастью, не на этот раз. — Лотар помолчал и решил, что он слишком уж накинудся на Рубоса. — Ну, в общем, все оказалось правильно. Да и Жалын, кажется, считал, что может с нами расправиться, не подставляясь в открытом бою. То есть я ждал, что он проявит себя и попытается напасть.

— На это ты тоже рассчитывал? — спросил Сухмет.

Лотар улыбнулся:

— Сейчас, когда дела наши так блестящи, мне, естественно, хочется ответить — да!

Посмеялись, посерьезнели.

От посоха Гурама отделился еще один шар сгущенного воздуха, или что там это было, и ушел в темноту накрывать янтарную скалу плавающим покровом.

Рубос вдруг сказал:

— А все-таки что-то зависит от этой скалы? Я не большой знаток магических хитростей, но мне кажется, что без нее Жалын — бумажный змей, который сгорит от первой же искры. Независимо от того — есть в нем источник сигнала или нет. — Он разгорячился. — Поймите, мы же взяли в залог его важнейший инструмент, почему не попробовать просто-напросто уничтожить его?

— Можно, завтра? — попросил Сухмет. — Сегодня я подустал, давно не спал, почти два дня подряд.

Лотар хмыкнул. Рубос обиделся:

— Вот вам бы только зубоскалить, а дело-то серьезное. За все нужно браться, все пробовать.

— Да он и пробует, Рубос, — примирительно ответил Лотар. — Ты просто не замечаешь. Он все время только к этой скале и присматривается. Да и существо он такое — его хлебом не корми, дай поэкспериментировать с чем-нибудь новым. Даже если бы от этого и не зависела судьба Западного континента, он бы набросился на скалу со своими пробами, как голодный тигр на свежее мясо.

— Да? Я и впрямь не заметил... Сухмет, и что ты можешь о ней сказать?

— О скале? — сонно переспросил восточник. — Пока не-много. Это, кажется, спрессованное время, уложенное с немыслимой плотностью каким-то энергетическим конденсатором не-

известного мне устройства. Сейчас это целое море времени, оно подтаивает, как кусок льда на солнце, и с избытком питает энергией все магические построения Жалына. Но он каким-то образом сумел замкнуть его на себе полностью, привязать только к себе. То есть его силу никто другой перехватить не может. Если прикончить его, эта штука уйдет из нашего мира навсегда.

— Я жалеть не буду, — буркнул Рубос. — А почему в ней Санс утонул?

— Время — идеальный разрушитель. Собственно говоря, лучшее оружие во Вселенной не существует.

— Ну, если не считать некоторых из моих друзей, — ответил мираец.

— Что ты хочешь этим сказать? — удивился Сухмет.

— Ничего особенного. Кроме того, что появилась первая настоящего хорошая новость с тех пор, как мы принялись за это дело.

— Поясни, пожалуйста.

Мираец победоносно улыбнулся в свете догорающих веток:

— Если вы с Лотаром столько знаете о противнике, сколько ты рассказал, считай, победа нам обеспечена — разве это не хорошая новость?

Глава 38

Проснувшись поутру, они сходили на реку. Почему-то это было очень важно для Сухмета. Потом погрызли какие-то корешки, которые Рубос выкопал на ближайшем поле, и принялись за дело.

Собственно, за дело принялся Сухмет. Он прочитал с десятка защитных заклинаний, которые очень смахивали на просительные молитвы. В них было столько тревоги, что Лотар так и не смог сосредоточиться на тренировке, которую собирался устроить для себя и Рубоса.

Так всерьез ни за что и не взявшись, они сели на корягу смотреть, что делает восточник. Наверное, Рубосу было скучновато: он ерзал, вздыхал, попытался пару раз завести разговор, но Лотару, который не отрываясь следил за манипуляциями Сухмета, было не до того.

Сухмет же творил чудеса. Сначала он снял ауру янтарной скалы. Правда, она так быстро восстанавливалась, что ему пришлось выбить в этой ауре довольно внушительную шахту и по ее периметру поставить оборонительный пояс, чтобы она не затягивалась. Это было очень важно для того, чтобы можно было работать с янтарным океаном без наводок, абсолютно чисто и непредвзято.

Потом он попробовал проникнуть в толщу янтарных слоев, но быстро отказался от этой затеи, потому что оттуда исходил только солнечный свет — но не тот, к которому они все привыкли, а какой-то чересчур резкий, голубой, очень раздражающий.словно солнце светило в какие-то другие, незнакомые, немыслимо отдаленные от них времена. Чтобы с ним работать, Сухмет даже

нарастил на роговицу глаз белесую пленку, что привело Рубоса в немалое замешательство, Лотар подумал, уж не послать ли мирамца, например, еще корешков насобирать?

С этим светом почти ничего не выходило. Единственное, чего Сухмет добился, так это подтверждения, что этот скромный на вид, не очень громоздкий валун Жалын собирал чрезвычайно долго, может быть, миллионы лет. Но и власть его над временем благодаря этому инструменту стала практически неограниченной.

Около полудня Лотар решил, что на сегодня Сухмет уже выдохся, но восточник вдруг резко сменил стиль своих экспериментов и теперь работал с той энергией, которой пользовался, вероятно, и Жалын. Это было очень эффектно: сначала Сухмет резко помолодел снаружи и изнутри — стал выше ростом, прямее и гораздо энергичнее. Потом, наоборот, стал сам на себя не похож — другое лицо и повадки.

А напоследок, после очень странного полутанца-полувызова этой энергии, вдруг исчез. Лотар тут же перешел на магическое видение и различил контур старого друга, нарисованный в воздухе каким-то маревом. Но для Рубоса и волшебника среднего класса он попросту испарился на месте.

Считывая его состояние прямо из сознания, Лотар понял, что Сухмет ориентировался по тем предметам, которые находились тут достаточно давно, — самой янтарной скале или коряге. Но не улавливал меняющиеся проявления этого мира, например Лотара или Рубоса.

Когда он вынырнул; то, задыхаясь, словно выскочил из воды, произнес:

— Господин мой, тебе нужно это тоже попробовать.

— Что именно?

— Это ныряние в какой-то подвременный слой, где ты видишь окружающее и в то же время остаешься недосыгаемым для него. Да и сам себя не очень-то видишь.

— Как это? — спросил Рубос.

— Ну, каким-то образом не совпадаешь с существующим миром. И это гораздо эффективнее, чем, например, магия невидимости, которой мы пользовались для *«Летящего Облака»*. Она-то частенько не действует. Например, в сильный дождь...

— Разве? — удивился Рубос.

— Да, в дождь капли обозначают тебя не хуже, чем цветные флажки. Хотя, конечно, нужно уметь и это видеть.

— Понятно.

— А что с этим твоим подвременным слоем? — спросил Лотар.

— Представь, ты находишься в одном и том же пространстве, например у этого камня или в комнате, но через разные промежутки времени. Скажем, час спустя. Но каким-то образом через этот вот микропереход в подвременном слое можешь этот час преодолеть. Получается что-то странное, предметы, которые час назад были на одном и том же месте, для тебя видимы, и даже

можно на них оказывать влияние, например, сдвинуть их подвременные тени, хотя это проявится через час, но в то же время...

— Стоп! — заорал Рубос. — Ты хочешь сказать, что я могу нырнуть в это твое проницаемое время, подойти к часовому, зарезать его, а через час из нанесенной мной раны у него ударит фонтан крови, и он умрет? А я буду все это время совершенно недосигаем для его оружия?

Лотар посмотрел на Сухмета с ожиданием, а на Рубоса — с уважением. Он и сам не мог бы лучше задать тот же вопрос.

— Ну, — от напряжения Сухмет даже прищурился, — все немного сложнее. Кровь пойдет сразу, и рана сразу появится, и ты тоже будешь в пределах досягаемости, если часовой тебя поймает. Так что, конечно, вариантов гораздо больше, но в общем — да, ситуация примерно такова. Хотя и то, что ты описал, наверное, возможно. Просто я еще не думал о таком образе действия, хотя они очень похожи на методы отложенной смерти... Господин мой, — он снова обратился к Лотару, — тебе нужно нырнуть туда, чтобы понять, что я имел в виду.

Тишина, которая повисла над тремя друзьями, была содержательной и напряженной, как будто кто-то падал с большой высоты.

— Так они и застрелили Боста, из этого самого подвременья, — предположил Лотар.

Сухмет кивнул, соглашаясь. А Рубос произнес:

— А мне это напоминает еще одну странную историю. Восемнадцать лет назад, когда мы разговаривали с Кнебергишем, врачом мирамского князя, он рассказал, как к нему в лабораторию ввалились люди, которые пытались его убить или похитить. И они были абсолютно невидимы. Им не удалось расправиться с лекарем, потому что они плохо ориентировались в том виде, в каком у него там оказались... Не были ли они в состоянии этого подвременного ныряния?

— Я помню эту историю. Возможно, ты прав, — быстро ответил Сухмет, который ничего не забывал, тем более за такой микроскопический отрезок, как восемнадцать лет.

— Тогда я не очень поверил Кнебергишу, а теперь выясняется, что он говорил правду, — пробормотал Рубос.

Лотар посмотрел на восточника:

— Мы можем это использовать?

— Как именно?

— Для боя, разумеется. Нас же, как ты, может быть, еще помнишь, кормит меч, — Лотар усмехнулся.

Сухмет нахмурился. Он думал.

— Мы можем этим открытием пользоваться. Но придется очень много тренироваться — не меньше, чем для нормального владения этим самым мечом, господин. А может, даже больше.

Лотар кивнул:

— Я не против.

— Вот и отлично. Мы попробуем это позже. Сейчас я хотел еще проникнуть в природу того купола, который образуют над

скалой пузыри, выходящие из посоха. Кажется, это очень вредно для тех правил, по которым он работает и по которым создавался.

— А вот мне кажется... — заговорил Рубос, но тут произошло несколько вещей одновременно.

От посоха Гурама снова отделился большой шар сгущенного воздуха и поплыл к вершине янтарной скалы. Откуда-то очень издалека зазвенели колокола опасности. И на песчаном склоне, по которому они катались вчера весь день, появилось большое облако, а потом, почти сразу за ним, еще одно. К ним кто-то очень хотел присоединиться.

Лотар выхватил Гвинед и Акиф, потому что такого тембра своих колокольчиков не слышал ни разу в жизни. Он знал, что сейчас предстоит бой не на жизнь, а на смерть. И почему-то все мыслимые шансы сложились так, что работали против него. Он не стал на этом останавливаться, потому что задумываться сейчас было смертельно опасно, но это знание выстроилось перед ним с такой очевидностью, словно у него появилось еще одно качество — возможность предвидеть собственные похороны.

Когда песчаное облако улеглось, из него вышли двое. Лотар сначала не поверил своим глазам, но чем дольше он всматривался, тем тяжелее ему становилось дышать, тем больше хотелось пить. Он понял, что впервые за очень много лет боится, просто боится, как нормальный человек, как боялся тогда, когда был учеником наемника в отряде Рубоса. И даже еще больше.

К ним приближалась Бетия, старшая дочь Дро КаФрама, — расслабленная, как морской анемон, спокойная, как отражение звезд в ровной поверхности полуночного пруда, мягкая. Лотар, сравнив себя с ней, показался себе застывшей корягой. Казалось, даже песок не проминался под ее ногами, даже тело ее казалось прозрачным и воздух не колебался от ее движений.

Она была в короткой боевой тунике и узенькой набедренной повязке. На левой руке был затянута небольшой, очевидно женский, доспех для кулачного боя. А в ее глазах горел огонь убийства, неотвратимого, как казнь. Другого оружия у нее не было, да оно было ей и не нужно.

А за ней шел сам КаФрам, или Жалын, потому что, пока он переставлял ноги, с заметным трудом выдергивая ступни из песка, он менялся. Все больше проявлялось в нем восточных черт, все больше он напоминал того Жалына, которого они когда-то видели в Мираме.

Подойдя к трем друзьям на расстояние футов в двадцать, Жалын, заметно запыхавшись и вспотев, сказал:

— Ну, ладно, вы оказались изобретательнее, чем я думал. Вы догадались, что единственная штука, которая может меня заставить сюда прийти, — ваша дурацкая блокада вызывающего сигнала. И поэтому я предлагаю: вы уйдете отсюда живыми, если отдадите мне посох Гурама.

— Так этот купол над янтарной скалой — блокада сигнала? — разочарованно спросил Лотар. — Мы думали, ты подвел его к себе.

— К себе, разумеется, иначе как бы я мог им управлять, — раздраженно ответил Жалын. — Но ко мне он идет от... — И тут он сказал такую фразочку на мандаринском, что даже Лотару она показалась неземной музыкой.

Сухмет, как ни был он напряжен, всплеснул руками и перевел: — Яйцо Несбывшегося. Так это и есть то самое Яйцо всех неосуществленных миров и цивилизаций...

— Замолчи, раб. — В голосе Жалына звучало такое надменное презрение, что даже Рубос слегка покраснел от злости. — Итак, у вас есть единственный способ остаться в живых...

— Не знаю, какое у тебя место в пантеоне восточных божков, милейший. — проговорил мирамец своим густым, почти бархатным басом, — но ты не очень вежлив с моим приятелем. А за это наказывают, если, разумеется, ты не извинишься.

— Рубос, он заводит тебя, — предупредил Лотар.

— Не знаю я никаких правил, которые позволяли бы негодяям хамить, даже если с ними и бродят полуодетые девицы в качестве охраны.

Он шагнул вперед.

— Рубос, назад. Они сильнее...

Договорить Лотар не успел. Прошипев что-то, как змея, Бетия легко пошла в атаку.

Вернее, это была не атака в привычном смысле. Она просто перетекла через двадцать футов, которые отделяли ее от Рубоса, и, прежде чем мирамец понял, что его атакуют, и поставил блок, она захватила его за торс, резко развернула, дважды воткнула свою латную рукавицу ему в печень, так что раздался треск сложенных ребер, а потом, подождав, пока рука противника по инерции стала подниматься чуть выше, поднырнула под нее и сломала в локтевом суставе через свое плечо.

Ничего подобного Лотар не видел ни разу в жизни. Он поднял скорость своего восприятия до такой степени, что еще немного, и даже свет застыл бы неподвижно во всем окружающем мире, а силуэт Бетии все равно оставался размытым. Он догадывался о том, что она делает, только миг спустя после того, как это происходило.

Прежде чем Рубос упал на песок, заливаясь кровью из открытого перелома руки, она снова стояла рядом с отцом, холодно разглядывая Лотара, словно мирамец больше ее не интересовал.

И лишь тогда до Лотара дошли слова, которые она произнесла прежде, чем атаковала Рубоса. Оказалось, она спросила:

— О чем с ними разговаривать?

Лотар потряс головой. Это было что-то невероятное. От поражения его не могло спасти никакое оружие — предстоял бой с заведомо превосходящим противником. Бой с предрешенным результатом — он, Драконий Оборотень, попросту был обречен на проигрыш.

Но чего-то они все же опасаются, решил Лотар. Ведь не зря же они появились тут только после того, как блокада Яйца Несбыв-

шегося настолько ослабила их сигнал, что вывела Жалына из себя? Хорошо бы узнать, чего именно они опасаются.

Лотар скосил глаза. Сухмет стоял рядом, сжимая Утгелу. Слишком сильно он сжал ладони, слишком нервно ищет опору ногами, решил Лотар. Долго старик не продержится.

— Итак, — снова заговорил Жалын, — я все-таки жду, Желтоголовый. Или тебе больше нравится твоя кличка — Непобедимый? Могу тебя уверить, это чистое хвастовство. На свете достаточно бойцов, которые с тобой справятся даже без оружия.

— Вся хитрость в том, что они служат несправедной стороне, — проговорил Лотар.

— Ты тоже с нашей стороны, мальчишка, — проговорил Жалын. — Гханаши был идиот, каких мало, и потому не рассмотрел твой кармический закон, иначе он знал бы, что тебя нужно просто уничтожить, а не превращать в Черного Дракона. Но как бы там ни было, ты Дракон, или, точнее, Дракониий Оборотень, следовательно, нашего поля ягода. Просто ты еще не понял этого.

— Не понимаю, как кармический закон может повлиять на характер Черного Дракона? — спросил Лотар. Разговор действительно значил для него очень много.

— Очень просто. Карма — как шит — не только предрекает, но и защищает смертного. У тебя была очень чистая карма, на редкость ясная, Желтоголовый. Такая встречается один раз на десяток миллионов. А Гханаши этого не увидел, хотя должен был. Он разобрал только, что ты ел сырое мясо,пил кровь и служил наемником, что не всегда, но часто свидетельствует о порочности. А твоя кармическая зависимость, — лицо Жалына перекошилось от ненависти, — искривила наговор, сбила магическую доминанту, и ты стал не Драконом, а Оборотнем, прислуживающим людям. Будь ты проклят за это, Лотар. Будь проклята земля, по которой ты ступаешь!

— Твоя ненависть, — мягко проговорил Сухмет, — свидетельствует, что ты боишься нас.

Лотар посмотрел на Рубоса. Он был без сознания. Ему нужно или очень быстро оказать помощь, или добить, чтобы не мучился. Но Лотар знал, что не сможет сделать второе, а первое ему недоступно, пока тут стоит этот Жалын со своей тренированной до неимоверного, колдовского совершенства дочкой.

Жалын хмыкнул:

— Я просто не хочу с тобой связываться, а это — не страх. Ты, может быть, не поверишь, но я мирное существо. Поэтому я даю тебе возможность уйти, если...

Лотар принял решение. Он покачал головой:

— Нет, Жалын.

Демон вздохнул, обмяк. Он понял, что теперь слова не имеют смысла. Отступил на полшага в сторону и холодно произнес:

— Ну, что же, Лотар, тогда — умри.

Лотар пошел по кругу, словно хотел подойти к Жалыну боку. На самом деле он разминал ноги, чтобы быть готовым ко всему. Сухмет тащился рядом, конец его Утгелы, подвешенный в воздухе на уровне глаз, чуть подрагивал.

Плохо, решил Лотар, он слишком волнуется, пользы от него будет немного. Но он должен, по крайней мере, думать. Думать, как справиться с этими демонами, негодяями, злодеями... Если это вообще в наших силах.

— Спокойно, господин, — вдруг проговорил Сухмет.

Лотару так хотелось бы, чтобы он был прав, но все было как раз совсем неспокойно.

Лотар шагнул вперед и нанес два легких, секущих удара Гвинедом, одновременно прикрывая грудь и живот Акифом. От ударов Бетия ушла так уверенно и грациозно, что Лотар против воли восхитился степенью ее готовности, — она просто отклонилась назад, так что ее торс на миг повис параллельно земле, а потом выпрямилась, даже не моргнув.

Тогда Лотар ударил Акифом снизу, предварительно прижав ее выпадом Гвинеда сверху, но сразу же понял, что машет клинками слишком медленно — она уже стояла в полутора саженьях в стороне. Теперь Лотар находился между Жалыном и Бетией. Но он не тешил себя иллюзиями. Стоило ему попробовать атаковать папашу, как дочь расправилась бы с ним со стремительностью молнии. О Жалыне на время следовало забыть. Иначе он просто не выживет.

Он снова прошелся вокруг Бетии, ощущая исходящую от нее слабую, почти незаметную ауру. Такой свежий и чистый поток энергии мог бы иметь ребенок, но только на сей раз это было свидетельство совершенства бойца, настолько превосходящего Лотара, насколько он превосходил обычного человека, например Рубоса.

Вдруг в руках Сухмета, который благоразумно не отставал, появилось что-то очень подозрительное. Лотар осторожно попытался понять магическим видением, что это такое. То, что он увидел, было очень опасно. Он заорал:

— Нет, Сухмет!..

Но было поздно. Это оказался сурикен, только не совсем обыкновенный, потому что его практически невозможно было увидеть в воздухе — грани его были так заострены, что становились невидимыми от вращения...

Бетия стояла до тех пор, пока сурикен пролетел примерно половину разделяющего их расстояния, а потом стала действовать. Она встала чуть устойчивей, потом едва ли не лениво сняла сурикен с воздуха, как иные домохозяйки неторопливо снимают с полки кувшин для воды, и швырнула его назад с такой силой и точностью, что Лотар впервые в жизни почувствовал, что Гвинед просто не успевает — он слишком массивен.

Он отбил сурикен Акифом, а потом еще и еще один, потому

что Сухмет, конечно, выпулил с полдесятка сурикенов. Бетия отбрасывала их назад, как автомат, и все их приходилось ловить, чтобы они не располосовали беспомощного старика, как рождественскую свинью...

И вдруг Сухмет сделал такое, чего от него не ожидал даже Лотар. Удар — и в латную перчатку Бетии вонзился острый, как сама Сухметова ярость, калтроп — проволочный еж, который был настолько же опаснее обычного сурикена, насколько меч опаснее кухонного ножа. И Сухмет не кидал его, он его телепортировал... То есть калтроп пролетел разделяющее их расстояние практически мгновенно... И все-таки она успела среагировать.

— Неплохо, раб, — произнесла Бетия тонким от скорости произносимых звуков голосом. — Ты думал, что я буду действовать механически, как заведенная, и ты меня поймаешь... Нужно будет запомнить этот прием, чтобы использовать против таких дурачков, как ты.

Сухмет, как показалось Лотару, разозлился. Он вообще никогда не терял присутствия духа, но на этот раз, похоже, его нервы не выдержали. Он вдруг сунул Утгелу за пояс, встал в позицию колдовской атаки, выволок откуда-то посох Гурама и обрушил на Бетию такой каскад огненных струй, что они должны были оплавить даже песок, на котором она стояла...

Когда дым рассеялся, они увидели, что Бетия, довольная собой и своим папашей, усмехалась. Она была невредима. Все, что могло причинить ей хотя бы малейший урон, блокировал Жалын, который стоял в десятке саженей от дочки, но был включен в поединок не меньше, чем боевая перчатка Бетии. По его позе стало ясно, что он не пропустит даже намек на колдовскую атаку, не то что какие-то медленные и неповоротливые огненные струи.

Сухмет снова взял в руки саблю.

— Они неплохо подготовились, господин мой, — прошептал он.

— Я это заметил, — ответил Лотар.

Так, по крайней мере, от Рубоса я ее отвел, подумал он. Теперь мирамца постигнет та судьба, какую мы себе отвоюем. Но пока, по крайней мере, ему хуже не сделают.

Потом он попробовал атаковать девчонку простыми, как учебная ката, связками. Весь фокус был только в том, что удары следовали очень быстро и с разных сторон. Теоретически, если не знать последовательности этих атак, уйти от них было невозможно. Под какую-нибудь, пусть и совсем шальную, противник поневоле попадал и получал пару дюймов стали в мускулы плеч, или в живот, или в спину. Конечно, как всегда бывает при очень быстрых выпадах, на контрольный удар рассчитывать не приходилось, но хоть посесть ее Лотар все-таки рассчитывал...

Бетия справилась и с этим. Игра ее даже развеселила, она рассмехалась в голос от удовольствия, когда ушла от последней, самой головоломной связки, причем Сухмет, который ее придумал, очень собой гордился, да и Лотар считал, что она должна быть результативной. Но Бетия ушла от всех ловушек, не зная ни одной из них заранее, — просто на реакции и совершенном владении

телом. Еще полчаса назад Лотар полагал, что это в принципе возможно, но теперь видел, что был не прав.

А пока он вымахался, как говорят фехтовальщики: дыхание его сбилось, руки напряглись. Зато восприятие стало чуть-чуть быстрее, чем обычно, потому что Желтоголовый психологически приспособился к скорости... Или, наоборот, он стал чуть медлительнее из-за усталости? Лотар уже не знал ответа на эти вопросы. И еще он понял, что бойцам с его техникой следовало атаковать эту девушку только вдсятером, и желательно, когда ее ноги будут плотно связаны веревкой.

— Ладно, — проговорил он, пытаясь успокоиться, — мы показали, на что способны, теперь предоставим слово даме.

Бетия все еще смеялась:

— Ты даже не коснулся меня, Непобедимый.

— Удача не на моей стороне сегодня.

— Удача для тебя началась и кончилась, когда твой мальчишка накинул на себя твой плащ и я ошиблась, потому что стреляла из межвременья. А теперь все вершит не удача, недоумок, а выучка.

Лотар сокрушенно вздохнул и чуть заметно поклонился:

— Я привык уважать соперника, а вот ты нарушаешь эту часть боевого кодекса.

Последние слова он произнес по-восточному. Несомненно, она лучше знала восточную бойцовскую терминологию, чем неуклюжие и грубые термины Запада.

Она снова усмехнулась:

— Я уважала тебя, когда собиралась биться, но теперь...

Вдруг Лотар понял, что потерял Сухмета из виду. Он быстро огляделся. Восточник пытался атаковать Жалына, причем делал это так неловко, что оказался слишком далеко от Лотара. Это сразу же поняла и Бетия.

Со страшным воплем, который был явно изобретен не для девичьего горла, она бросилась вперед и напала на Сухмета, слишком долго замахивающегося на Жалына.

Лотар едва успел за ней. Но немного все-таки опоздал. Она уже вырвала Утгелу из руки Сухмета, уже обработала его спину своим закованным в доспех кулачком и пыталась сломать основание черепа, когда Лотар отчаянной атакой все-таки заставил ее отступить.

Но только после того, как Бетия пропустила удар. Правда, единственный и очень легкий. Однако на ее совершенной груди появилась неширокая полоска разрезанной кожи и струйка крови.

Знать бы, что заставило ее ошибиться, подумал Лотар, попытался бы повторить... Но, посмотрев на лежащего бессильно, хотя еще и в сознании, Сухмета, на довольно улыбающегося и почти невредимого Жалына, он понял, что повторить эту атаку больше не сумеет. Просто у него нет второго Сухмета.

Он еще раз посмотрел на Жалына. Тот храбрился, а еще мгновение назад был откровенно испуган. Даже теперь он был еще бледен, покусывал свои пухленькие губы, а руки его слегка дрожали, когда он смахивал каплю пота со лба.

Это почувствовала и Бетия. И тогда она разозлилась. Она встала в совершенно расслабленную позу и невыразительным, как шелест ветра в тростнике, голосом прошептала:

— Ну, все, Желтоголовый, теперь тебе конец.

Дальше началось что-то невероятное. Для начала она поймала последовательно оба клинка Лотара в захват, который неожиданно открылся на ее перчатке, и вырвала их так же легко, как взрослые вынимают нож из рук несмышленного ребенка. Потом принялась колотить ногами, да так точно и сильно, словно это были чудовищные, неостановимые маховики какой-то машины, которая забивает одну сваю за другой, только сегодня каждой сваей оказывался Лотар...

Он хотел было блокироваться, но потом понял, что она легко обходит его блоки и все равно достает его грудь, живот и бока. А когда он попробовал уклоняться, то получилось еще хуже — она подлаживала его и била на встречном движении, что было еще больнее.

Очутившись наконец на песке, практически потеряв всякое представление о том, что и как с ним происходит, Лотар вдруг осознал, что она не будет его добивать в таком нелепом, лежащем положении. Пока он лежал, она ходила вокруг, невредимая, свежая, как роза на утренней грядке, злая и прекрасная, недостижимая и непробиваемая ни для одной из его атак.

Он поднялся, и Бетия снова принялась бить его, но уже чуть-чуть слабее, чтобы он не потерял сознание, чтобы мог соображать, или двигаться, или... Зачем-то ей это нужно, тупо подумал Лотар, лишь в самом конце ослабив ее проникающий удар в область сердца, нанесенный из такого положения, из какого его невозможно было нанести...

Потом он снова поднялся, роняя на песок капли крови, смешанной со слюной, стекающей из разбитой челюсти, и приготовился к тому, чтобы умереть. Вот тут-то он и понял, куда она гонит его своими ударами. А когда она в третий раз завалила его на песок, он уже не сомневался — она собиралась утопить его в янтарной скале, в Яйце Несбывшегося... Краем сознания он вдруг догадался, что тогда умрет с наибольшей пользой для Жалына, хотя непонятно, с какой именно.

И еще он заметил, что Сухмет, неподвижно лежа на песке, принялась что-то готовить. Знать бы что, подумал Лотар, оглядываясь на янтарный валун, который находился уже в десятке футов от его спины, попробовал бы помочь.

Теперь, когда его биозащита была пробита множество раз, когда он сам был измочален, как груша для отработки ударов, он чувствовал, что от янтарной скалы исходит странный, чуть кисловатый запах. Удивительно, подумал Лотар, как это я раньше не догадался, что можно воспринять эту штуку на запах? А на вкус?

— Скоро узнаешь, какова она на вкус, — ответила вдруг Бетия. Неужели он заговорил вслух? Или она читает мысли?

— Знаешь, я не рвусь оказаться там.

— Тебя никто не спрашивает. Желтоголовый.

Она стояла над ним, подбирая ногу для последнего удара, чтобы толкнуть его в эту ровную, блестящую, золотистую поверхность, от которой никто и никогда не может отлипнуть. Он вспомнил, как тонул в ней Санс, представил, как будет тонуть сам...

Но он знал, что своей мыслью маскирует то, что подготавливал Сухмет. Он думал об этом отчетливо и громко, приковывая к себе все внимание Бетии, заставляя ее успокоиться и стать еще более высокомерной, то есть хотя бы немного уязвимой...

Ее нога пошла чуть назад, чтобы удар был более размашистым. Она уже не очень торопилась. Она наслаждалась и готова была бить медленно, чтобы даже Сухмет мог это видеть во всех подробностях...

Оказалось, Сухмет этого и ждал. Он стремительно выбросил вперед руку. Жалын, который стоял в двадцати саженях, не ближе, выкрикнул что-то. А Лотар уже понял, что это и есть его последний шанс — нелепый, почти глупый, но единственный... И еще он понял, что именно должен сделать, чтобы все-таки не оказаться в этой прозрачной янтарной толще без дна.

Почти одновременно с презрительной усмешкой Бетии он поймал то, что Сухмет телепортировал ему. Это был Матрипост. Простой платок, который создает вокруг человека ровное течение времени, и даже самый быстрый противник, такой, как Бетия, не может преодолеть его слабую, очень ограниченную, но такую нужную для единственного движения защиту...

Нога ее двигалась теперь так медленно, что Лотар перехватил ее, как в учебном поединке, — намертво, за лодыжку. На лице Бетии появилось слабое, высокомерное удивление. Она еще ничего не понимала. Или соображать стала слишком тяжело, потому что для непривычного к Матрипосту бойца это внезапное замедление скорости и полный распад своих возможностей создавали, конечно, почти непереносимый стресс. Только и стресс развивался медленно — Лотар на это очень рассчитывал.

Он поставил ногу на ее живот и крутанулся через спину. И Бетия попалась. Она не смогла уйти от этого рывка, а когда поняла, что произошло, было уже поздно — ее плечо и часть ноги с чавкающим звуком врезались в янтарное Яйцо.

Она подергалась, пытаясь отлепиться, но это было невозможно. Лотар усмехнулся. Его рука тоже была почти до запястья утоплена в желтые запасы Несбывшегося, но он не очень переживал. Главное, что Бетия, кажется, теперь накрепко привязана и должна утонуть.

— Как ты это сделал? — Внезапно она поняла, что произошло, и завизжала: — Как я на это попалась?!

— Ну, это Матрипост, такой локальный замедлитель. Сухмет носил его с собой в выключенном состоянии, чтобы он не мешал своими полями. Но вот пришло время, и он сумел его включить... А я использовал. Если бы не этот платочек, ты бы, конечно, никогда на этот бросок не попалась. Ты — почти совершенный боец... — Помолчав, Лотар добавил: — Была.

Бетия снова подергалась, пытаясь высвободиться из янтарного

плена. Но Лотар знал, что это невозможно. Да и она тоже это знала, надежда у нее осталась только одна. Она повернулась к Жалыну.

— Отец, — позвала она.

Жалын уже понял, что произошло. Бледный, с широко расставленными руками, он бежал вперед, совершенно потеряв голову от горя. Лотару на миг даже стало жаль его. Он не подозревал, что этот бездушный и старый, как мир, демон способен на теплые, живые чувства. Но делать было нечего. Это была война, и Лотар приготовился к следующему шагу.

Быстро нарастив на руке, погруженной в янтарь, твердую и непроницаемую, как хитин, корку, он сделал свою левую руку очень тонкой. Правда, она ослабела, но он надеялся, что левая ему больше не потребуется в этой драке. А для других драк он успеет ее восстановить...

Когда Жалын, что-то вереща от разочарования и ужаса, оказался рядом, Лотар кинул ему Матрипост и снова добился своего. Движения Жалына, до того почти такие же совершенные, как у дочери, стали на миг замедленными. Ровно на тот миг, пока он отбивал платок, давая ему свободно упасть на песок. Но и этого было достаточно...

Лотар вырвал руку из своей затвердевшей кожи, словно вытащил ее из широкой и твердой перчатки, а потом прыгнул прямо, одновременно нанося сильный, крутящий удар Жалыну в затылок — толкающий его вперед, на эту скалу, способную все воспринять в себя без возврата.

Если бы Жалын не коснулся Матрипоста, он, без сомнения, увернулся бы. Но он пропустил этот удар...

Лотар приземлился на раскаленный песок спиной к обоим демонам, спиной к скале. Он не знал, достиг ли его удар цели, просто не почувствовал этого прикосновения ноги к затылку Жалына, потому что все его тело было одним сплошным куском боли. И прислушался, не поворачиваясь.

И лишь через десять долгих ударов сердца понял, что за его спиной царит мертвая, ужасающая тишина. Он повернулся. Жалын почти лежал на песке, но левое плечо и правое колено его находились в скале. Значит, он был приговорен к смерти так же верно, как Санс, попавший в эту ловушку, как многие существа, которых Жалын и до этого топил тут.

Бетия горящими от ненависти глазами смотрела на Лотара.

— Ты победил, Желтоголовый. Не ожидала, что так будет.

Лотар чуть усмехнулся разбитыми в кашу губами:

— Я и сам не ожидал. Ты и вправду очень хороша, Бетия. Мне жаль, что мы оказались врагами. Правда.

Тут он понял, что ноги не держат его больше, и сел. Прикосновение песка было невыносимо, но подняться Лотар не мог. Бетия на миг прикрыла глаза.

— Лотар, в твоей власти еще спасти меня. Подними Акиф или свой меч и отсеки то, что у меня оказалось в этом плену... Взамен я готова дать тебе нерушимую клятву верности.

Сухмет что-то пробормотал. Впрочем, ему не нужно было даже говорить это вслух, чтобы Лотар уловил его идею.

— Нерушимую клятву ты уже дала — своему отцу. Ты не можешь давать другую. Мне очень жаль, Бетия, но...

Он отрицательно покачал головой. Бетия посмотрела на солнце, на отца, на Лотара.

— Это несправедливо, я не должна была проиграть! Отец. — с мукой в голосе произнесла она, — почему так получилось?

Лотар вздохнул:

— Ты проиграла по двум причинам. Во-первых, ты не научилась различать добро и зло, а это непозволительно для любого бойца — не знать, на какой стороне он дерется. А во-вторых, тебя не научили кланяться противнику.

— Кланяться — тебе? — Она фыркнула. — Много чести, Желтоголовый.

Лотар снова вздохнул:

— Если хочешь, Сухмет найдет на тебя чары, и ты не почувствуешь, что тонешь в этом янтаре. — Он посмотрел на Жалына: — Я могу попросить его для тебя, Жалын.

Демон всех времен поднял голову, его глаза были тусклыми, как оловянные бляхи. Он вряд ли понимал, что с ним происходит. Но все-таки проговорил:

— Жарна ни при чем, она ни в чем не замешана.

— Я знаю, ей ничто не грозит, — ответил Лотар. А потом вспомнил, что давно хотел задать вопрос и что теперь, наверное, самый подходящий момент. — Жалын, почему ты подарил мне Акиф?

Вдруг из-за его плеча прозвучал голос Сухмета. Оказалось, он поднялся и подошел к ним, понимая, что Лотар не сумеет до него добраться:

— На Востоке правитель, если хочет неожиданно наказать слугу, дарит ему какой-то очень приятный подарок. Как выкуп за жизнь, или плата за господское вероломство, или просто как оправдание неожиданного убийства. Раньше это казалось мне благородным, а теперь почему-то представляется подлым.

Лотар оперся рукой на плечо Сухмета и попытался подняться на ноги.

— Знаешь, я, наверное, не очень плох. А вот с Рубосом тебе придется повозиться.

Сухмет улыбнулся одними глазами и дернул головой в восточной манере.

— Процесс его выздоровления не самое интересное сейчас. Меня больше интересует, что он скажет, когда узнает, что мы победили без него?

Глава 40

Как ни старался Сухмет, Рубос так и не пришел в себя и поэтому ничего не сказал. А может быть, дело было в том, что сустав у него был измочален, как будто его руку хорошенько пожевал очень большой морской змей.

Сухмет, пока восстанавливал сустав, пока собирал все мелкие, отколовшиеся косточки воедино, пока пытался устранить внутренние разрывы печени, куда Рубоса очень упорно долбила Бетия, говорил, что проще сделать нового Рубоса, чем подлечить этого. Но Лотар, даром что сам едва держался на ногах, не ответил на шутку, а просто отошел к умирающим противникам и стал наблюдать за их гибелью.

Умирали они почему-то гораздо дольше, чем Санс. Они и бились больше, и сопротивлялись янтарному притяжению, но все равно их не сразу принимала даже эта ненасытная скала.

В какой-то момент Бетия вдруг со звериной жестокостью стала перегрызать свою правую руку у локтя, чтобы освободиться. Но потом, когда уже и кровь потекла струей, а белая кость показалась под отвратительными лохмотьями мяса и кожи, вдруг посмотрела на ушедшую в желтую поверхность чуть не до колена ногу и бессильно заплакала.

В этот момент Лотар готов был высвободить ее, но Сухмет — цепкий старик — оказался рядом и так сжал плечо Желтоголового, что он даже не смог подойти к ней, просто не поднялся с песка.

Потом стал бредить Жалын. Он говорил на таком языке, что даже дочь смотрела на него со страхом. Должно быть, он шептал какие-то заклинания, но это уже было бесполезно. Он тонул, и в последние несколько минут тонул очень быстро, почти как в жидкой трясине. Когда голова уходила под янтарь, его ноздри и губы еще оставались на поверхности. И это было ужасно, он все еще цеплялся за жизнь.

Когда они скрылись, несколько мгновений ничего не происходило. А потом...

Как будто в Лотара, Сухмета и бесчувственного Рубоса, которого они поддерживали за слабые плечи, вдруг ударила беззвучная, но очень мощная молния. Их подхватило, закружило, опалило... И вдруг они оказались на том же самом месте, под горкой, на которой возвышался замок КаФрам.

Но теперь у них под ногами зеленела трава, песка нигде не было, а долина, горы, небо и даже само солнышко дышали привычным человеческим теплом и участием. Где-то у леса мычали коровы, на соседнем кусте ракиты распевал свою песню дрозд, а на реке звонко перекликались девицы, которых послали стирать белье.

Мир, полный спокойствия и неприметной, каждодневной радости.

Лотар не мог больше поддерживать Рубоса. Он опустил его под тяжестью на землю. Он чувствовал себя так, словно был надувной, а весь воздух из него разом вышел.

— Ну вот, — сказал он Сухмету, — посмотри-ка, сигнал идет или иссяк?

— Ты думаешь, я способен почувствовать сигнал? — поинтересовался восточник.

Лотар пожал плечами:

— Если знаешь, что искать, почему бы не попробовать?

Сухмет с невыносимым кряхтением достал из-за спины посох

Гурама и стал над ним тихонько колдовать. И когда от посоха заструился очень чистый зеленый свет, вдруг заулыбался окровавленными губами и повернулся разбитым лицом к Лотару:

— Ты прав, господин мой, как всегда. Сигнала больше нет. Армии восточников должны его потерять. Если наша версия правильная и вызывание Жалына было главной причиной, которая гнала их на Запад, они должны быть в шоке, в прострации, должны просто разбегаться в разные стороны.

— Ну, ты преувеличиваешь. — Лотар поймал себя на том, что помимо воли улыбается от уха до уха, как ни больно от этого. — Все-таки это регулярные армии, а не стадо мародеров...

— Ты не понимаешь, господин. На нормальных людей магия всегда оказывает чрезмерное влияние, и оборотной ее стороной является то, что невозможно предсказать или угадать силу реакции, когда магическое воздействие неожиданно кончается. На этом сам Харисмус ошибался, а тут шайка каких-то примитивных колдунов...

Лотар покачал головой:

— Они не примитивные колдуны. И с ними нам еще придется столкнуться.

— Да сколько угодно! Недаром же тебя зовут Непобедимым.

Вдруг на холме, где стоял замок КаФрам, заверещала служанка. И тут же зычно завопил какой-то стражник.

Интересно, что они там делали вдвоем, удивленно подумал Лотар, если только сейчас заметили нас?

— Нас заметили, — проговорил Сухмет без особого восторга. — Теперь придется с этими объясняться.

— А ну их, — решил Лотар. — Ничего не будем объяснять, обойдутся.

— А мне ты что-нибудь объяснишь? — спросил Сухмет.

— Что именно?

— Например, почему Жалын жил здесь так долго?

— Здесь был его дом. Бетии было за двадцать. А в Мирам он ездил под другой личиной. Никому не приходило в голову связать того человека, которого мы тогда ловили за соучастие Гергосу, и тихого помещика с острова Шонмор. Надо сказать, маскировка у него была великолепная. Даже то, что он не посвящал в свои планы Жарну, было очень умным ходом. По крайней мере, я, когда с ней разговаривал, ничего не почувствовал. И сразу же меня на этом поймали.

— Мы оставим ее тут?

Лотар вздохнул. Он вспомнил, что не зря влюбленным, особенно тем, кто влюблен безответно, приписывают способность бесконечно вздыхать.

— Я бы очень хотел ее забрать с собой и жениться, завести детей... Но теперь между нами всегда будет стоять смерть ее отца. Он лишил меня этой возможности. Но ей мы ничего не скажем, хорошо? — добавил он быстро. Потом, подумав, произнес еще быстрее: — Да она и не любит меня.

— Ну, господин мой, это вообще не проблема. Я не специа-

лист, но знаю такое количество приворотных составов, что она будет всю жизнь влюблена и довольна.

— Нет, Сухмет, я хотел бы, чтобы это испытывала сама женщина, без твоей магии.

— Какая разница, господин?

— Наверное, какая-то есть, если мне так хочется.

Неожиданно на холме КаФрам появилась Жарна. Она бежала простоволосая, а за ней семенила целая толпа служанок, и позади всех торжественно, грозно и величественно, в полном боевом облачении, из ворот замка выезжал отряд всадников.

Впереди этого воинства Лотар без труда различил Афиса КамЛута, рядом с ним ехали его сыновья. А дальше шли почти все соседи, арендаторы и слуги. Похоже, вся долина острова Шонмор выступила в этот поход.

Расстояние от замка Жарна пробежала так быстро и легко, что Лотар залюбовался ее бегом. Но когда до пришельцев осталось не больше полусотни шагов, отряд всадников все-таки обогнал девушку и выстроился вокруг трех обессиленных чужаков полукругом, явно приготовившись к атаке. Но приказа КамЛута еще не давал.

Сухмет прошептал:

— Интересно, нам и с этими придется драться?

— Вряд ли, — прошептал Лотар. — Мне на много дней вперед расхотелось с кем-либо драться. Я не чувствую в этом занятии прежнего очарования.

На всякий случай он все-таки протянул руку за плечо и проверил, как вынимается Гвинед. А левой проверил Акиф у пояса. Все было в порядке. Если предстояла битва, оружие было готово. А он сам?

— Мне бы еще подняться на ноги, Сухмет, я бы...

— Да, было бы неплохо, — решил восточник серьезно. — Это разом увеличило бы наши шансы. Только это очень трудно сделать, господин мой.

— Верно, — согласился Лотар.

Воинственные приготовления Лотара не остались незамеченными, Афис КамЛут подъехал ближе. Теперь его от пришельцев с континента отделяло шагов двадцать, не больше. Рядом с ним, пройдя сквозь толпу вооруженных мужчин, оказалась Жарна. Она выкрикнула:

— Где мой отец? Где Бетия?!

— Привет, Жарна, — слабо улыбнулся Лотар, жалея, что не может подняться на ноги. — Они... ушли. Да, они ушли и никогда больше сюда не вернутся.

— Ты убил их!

Лотар все-таки попробовал утвердиться на ногах, потому что теперь от этого разговора очень многое зависело. Может быть, даже его жизнь и жизнь двух самых близких друзей.

Когда он выпрямился, земля слегка раскачивалась, как палуба корабля. Порядок в этом мире определенно был не таким незыб-

лемым, как в дни Лотаровой молодости. Или все дело в том, что они находились на острове?

— Они были колдунами. Но я их не убивал. Они ушли, и проваляться мне на месте, если я знаю куда.

Жарна заплакала, но голос ее зазвенел над всеми людьми, над всей долиной высоко и уверенно:

— Может, ты и меня хочешь убить, Желтоголовый? Может, я тоже ведьма?

Лотар улыбнулся, нежно глядя на ее лицо и жалея о каждой ее слезинке.

— Ты — нет, Жарна. За это я поручусь своей жизнью. Здесь все было частью плана твоего отца, но ты и твоя мать — непричастны.

Афис КамЛут вдруг проговорил:

— Не знаю, много ли стоит твоя жизнь, чужеземец?

— Может, и немного, но больше, чем ты думаешь, — ответил Лотар и решил, что сейчас это все пустая бравада. — Кроме того, не так далеко отсюда, на континенте, есть люди, которые очень захотят разобраться в том, куда мы делись, если с нами что-то произойдет. Это я могу тебе обещать, Афис.

— Они никогда не узнают, что тут произошло, Лотар.

— А им и не нужны будут подробности. Они привыкли решать проблему в целом. И проблему мести тоже.

— Ты хочешь испытать мою смелость?

Момент был очень скользким. Зря я так, решил Лотар, нужно оставить ему место для достойного отступления.

— Кажется, я обращаюсь всего лишь к твоему благоразумию.

— Но мне показалось...

— Отец, ну так что? — прервал этот не очень содержательный разговор Клу КамЛут. Он уже полностью оправился после тех тычков, которые получил от Лотара в главном зале отцовского замка.

Афис КамЛут вздохнул, посмотрел на всех собравшихся людей. Он хотел, чтобы хоть кто-нибудь подсказал ему, что делать. Но все ждали его решения. Лотар уже было открыл рот, чтобы как-то повлиять на выбор и решение владельца долины, но вдруг произошла удивительная вещь.

Кто-то из задних рядов вдруг отчетливо произнес:

— Смотрите, кажется, это возвращается.

Лотар поднял голову и увидел то, чего и в самом деле никак не ожидал, — *«Летящее Облако»* возвращалось.

Снова слышались такие привычные звуки плохо смазанных крыльев, снова скрипели снасти гондолы и раздавались хрипловатые команды Купсаха.

Корабль появился над ними, как в сказке, — разом и очень близко. Заход со стороны солнца и в самом деле ловкий маневр, решил Лотар.

— И очень своевременный на этот раз, — шепнул ему Сухмет. Лотар только кивнул.

Корабль завис, потом опустился на траву с противоположной стороны от приготовившейся к атаке армии. Сходни упали на

траву с таким грохотом, что Рубос попробовал было поднять руку, но Сухмет тут же напустил на него новую порцию беспамятства.

По скрипящим сходням сошли Джимескин, мэтр Шивилек и Купсах. Все трое выступали уверенно и очень слаженно. Ни один из них не проявлял ни тени замешательства или страха.

Джимескин подошел к Лотару и произнес чуть лениво:

— Мы решили, что полет без вас становится откровенной глупостью, и вернулись, Желтоголовый. А у тебя тут готовится не-большая война?

— Нет, пожалуй, — ответил Лотар и почувствовал себя разбитым на кусочки. — Просто мы сделали свое дело, изгнали Жалына. А вот КамЛут полагает, что это его каким-то образом задевает.

— Ты нашел? — Глаза Джимескина радостно дрогнули. Только сейчас стало ясно, как сильно на него давил груз этой задачи. — Ты не ошибаешься?

— Я это знаю, потому что мы проверили сигнал. Его больше не существует. Если отправиться в Задору, они, вероятно, расскажут тебе, как при первых признаках опасности три могучие и непобедимые армии вдруг разбежались сегодня утром, да так, что их и преследовать не пришлось. — Заметив, что Джимескин и все остальные все-таки не верят, Лотар сказал еще проще: — Мы победили, Джимескин. Войны не будет. Запад спасен.

Джимескин вдруг заулыбался, хлопнул по плечу Купсаха и Шивилека. Потом присел рядом с Лотаром.

— Ты пострадал?

— Пустяки, — вмешался Сухмет. — Мы чуть было не пострадали гораздо больше.

Джимескин опомнился, поднялся на ноги. Холодно и оценивающе посмотрел на Афиса КамЛута:

— Он готов защищать колдуна, который собирался уничтожить Западный континент? Он перешел на сторону наших врагов?

Здорово, подумал Лотар. Может, заняться банковскими операциями на время — просто чтобы научиться вести переговоры?

КамЛут и все остальные вдруг осознали, что такой поворот не оставляет им никаких шансов. Даже если они и одолеют этих чужаков, придут другие и будет еще хуже.

КамЛут провел рукой по мигом вспотевшему лицу. Потом догадался и снял свой шлем. Это было хорошим знаком для всех. Кто-то вдруг стал говорить, что на таких условиях ему не очень хотелось бы участвовать...

Даже Жарна вдруг поняла, что происходит. Она повернулась к своему замку и оглядела разом ставших ей чужими воинов.

— Пойду расскажу матери, — произнесла она.

Клу КамЛут вдруг соскочил со своего коня.

— Подожди, Жарна!

И пошел рядом с ней к замку КаФрам, ведя коня в поводу. И никому не показалось странным, что он без приказа командира покидает поле возможной битвы.

Ну почему другим все можно, с мукой подумал Лотар. Ну по-

чему мне не удалось вот так спокойно подойти к ней? Почему мне всегда кажется, что я все теряю и ничего не приобретаю?

— Хорошо, — вдруг легко и мягко произнес Джимескин. — Похоже, никто нас тут не собирается больше задерживать. Поэтому будет лучше, если мы действительно отправимся в Задору и...

— Нужно только забрать из замка КаФрам наши пожитки, — деловито проговорил Сухмет, стараясь поднять Лотара на ноги.

— Я это устрою, — произнес вдруг близкий и очень взволнованный голос.

Они подняли головы. Прямо перед ними в полном боевом облачении дасса стоял Стак, младший из рода КамЛутов.

— С твоей стороны это очень любезно, юноша, — проговорил Лотар. — Я благодарен.

— Да, я понимаю... — Нетрудно было догадаться, что Стак подошел к ним совсем по другой причине. Наконец решившись, он выпалил: — Я знаю, сэр Лотар, что у тебя погибли все ученики. Возможно, ты будешь набирать новых. Не мог бы я... Не будет ли естественно, если я?..

— А что скажет отец? — поинтересовался Сухмет.

Юноша облизнул губы и совсем просто объяснил:

— Я — младший. У меня на Шонморе нет будущего. Мне все равно скоро отправляться на континент искать свое счастье. — Он подумал, оглянулся, но тут же снова повернулся к Лотару. Теперь каждый мог видеть, каким обожанием и восхищением горят эти ясные мальчишеские глаза. — Раньше всегда считалось, что выходом для меня будет женитьба на Жарне, но теперь этот шанс испарился. И ей всегда нравился Клу... Так что все повернется только к лучшему, и отец это скоро поймет. Сэр Лотар, я... Научи меня побеждать, как умеешь ты.

И тогда вдруг даже суховатый с чужаками Сухмет положил мальчишке на плечо руку и очень мягко произнес:

— Ну, для этого придется много учиться, мальчик. У тебя хватит терпения?

Кожа́ные Капюшо́ны

Глава 1

Лотар Желтоголовый, драконий оборотень, прозванный Миротворцем, посмотрел серьезными серыми глазами на кипу бумаг, рукописей, отчетов, графиков и планов, которые лежали перед ним на огромном столе, и вздохнул. Ему не хотелось этим заниматься, но он был тут главным, самым главным, и все стремились узнать его мнение. Он поднял голову и оглядел людей, стоявших перед ним.

Джимескин, бывший банкир, а ныне казначей и хранитель Малой печати, который считал все расходы и утверждал сметы. Слава Кроссу, он взял на себя хотя бы препирательства с подрядчиками по поводу цен за камень, цемент, древесину, гвозди, канаты, рабочую силу и многое другое.

Перспектос, архитектор, — худой, подвижный человек, желчный и крикливый. Он появился как-то вместе с Шивилеком и заявил, что мечтой всей его жизни было строительство целого города, а точнее — столицы нового, прекрасного и свободного государства, в котором умеют ценить искусства, в особенности архитектуру, знания и красоту. Он-то и стал строить город, который безо всяких на то причин, по мнению Лотара, стали величать Лотарией, а чуть позже придумали для него герб, кучу привилегий и всего прочего, в чем Лотар уже не очень разбирался.

Но самое удивительное — все окрестные князья и бароны, которым, казалось бы, следовало в первую очередь потребовать ответа у пришельцев, на каком основании они отхватили огромный кус прекрасной и чистой лесной земли и принялись строить свои заставы, деревни и даже столицу, не предприняли никаких враждебных действий, а многие даже выразили удовлетворение таким соседством. Лотар оглянуться не успел, как к нему понаехало множество посольств, и он теперь чуть не половину своего времени должен был тратить на разрешение не только своих проблем, но и трудностей соседних княжеств и городов, чтобы, как говорил Шивилек, не упустить важнейшей информации.

Никакой особой информации Лотар из этих чисто человеческих дразг все равно не получал, но целиком перевалить дипломатию и внешнюю политику на бывшего адъютанта философии, а ныне премьер-министра Лотарии — уже не столицы, а целого го-

сударства с немалыми доходами, невероятным числом новых людей и очень высоким авторитетом на континенте, — все-таки не решался. Тем более что без Шивилека, строгого, почти всегда чем-то недовольного, ворчливого и нахмуренного, действительно бывало трудно. Как-то Сухмет сказал, что плохое настроение премьера проистекает от дурного кровообращения и ему нужно пить что-нибудь с цикорием. Поэтому Лотар распорядился: как только мэтр Шивилек появляется в его кабинете, вручать ему кружку с крепчайшим отваром. По этой ли причине или по какой другой, но в кабинете премьер оттаивал и захаживал, даже когда и не был особенно нужен. Вот как, например, сейчас.

Тут же находился и инженер Вафраш — румяный, очень спокойный, уравновешенный, довольный жизнью, отец кучи разновозрастных ребятишек. Он взял на себя все проблемы по строительству оборонительных сооружений, прокладке водопровода, канализации, дорог, управлению всеми подрядчиками и множеством других мелочей. Он очень нравился Лотару, и его-то Желтоголовый был согласен выслушивать всегда, когда инженеру это было нужно.

Лотар постепенно становился зрелым государственным мужем. Он достиг определенного уровня понимания жизни и людей, научился ценить по достоинству даже тех из них, кто, подобно Шивилеку или Джимескину, не радовал его при близком общении. И терпеливо следил за общим ходом вещей.

Город строится вокруг его некогда скромного домика, обнесенного частоколом, — так тому и быть. Стали переселяться «под его руку», как говаривал Шивилек, люди, ищущие спокойствия, защиты и возможности честно работать, — пусть переселяются. Устроилась как-то вокруг его города некая страна — значит, пусть будет.

Эта способность со многим соглашаться поначалу испугала Сухмета, который решил, что Лотар стал-де перерождаться в пацифиста. Но потом, невзирая на протесты управленцев, Желтоголовый отправился на несколько очень серьезных дел, за два месяца убрал из этого мира трех весьма злых демонов. И восточник успокоился.

Правда, Лотар подозревал, что Джимескин привел Сухмету главный аргумент, чтобы старик случайно или намеренно не мешал в устройстве новой блистательной державы, — от всех их затей капиталец господина только прирастал, и в последние годы как никогда ошутимо.

Функции главнокомандующего исполнять оказалось некому, но армия как таковая Лотарии была и не нужна. Убедительнее всех кордонов на дорогах, застав на границах, рогаток на мостах ее охраняли слава Непобедимого Желтоголового и всесокрушающее преимущество, которое в двух-трех стычках продемонстрировали всему свету бойцы Белого Ордена. Его главой считался, конечно, сам Лотар, но всеми делами занимался Стак КамЛут, недавно получивший титул Командора Белого Ордена, — отмен-

ный боец и лучший после Желтоголового охотник на демонов, слава которого росла.

С этим Лотар тоже примирился легко, хотя каждый раз, когда кто-то из его орденцев решал, принимать или нет ему очередной заказ, он разузнавал все подробности и даже подстраховывал ребят, частично отправляя с ними Сухмета.

Старик — вот кто был действительно незаменимым. Одно время ему так доставалось, что он даже предложил Лотару вызвать в помощь Илисара. Но Лотар лишь посоветовал ему потренироваться как следует и поднять энергетику до необходимого уровня, с чем Сухмет поневоле и согласился.

Немало дел досталось и на долю Рубоса. Он должен был мотаться, как челнок, между Мираном, князем-соправителем которого являлся, и Лотарией. От полного истощения его спасли железное здоровье, быстро налаженная между двумя столицами прямая как стрела, очень хорошая мощеная дорога да относительно небольшое расстояние — за три дня хороший всадник вполне мог его одолеть. Со временем ему стало полегче: старшая дочь вышла замуж за Крамиса, капитана Миранской стражи, и часть дел с полным на то основанием легла на плечи этого очень разумного и преданного юноши... Впрочем, уже не юноши — теперь Крамису было сорок с небольшим.

Лотар снова обвел глазами присутствующих. В темном углу зашевелился Стак. Он не столько рассматривал оттуда чертежи, сколько пытался интуитивно постигнуть все представленные проекты, чтобы дать наилучший совет. Кажется, он принял решение.

— Ну, что скажешь? — спросил его Лотар.

Стак, чем-то неуловимо похожий на молодого Рубоса, подошел к столу. Уверенно вытащил третий лист снизу и расстелил его поверх остальных.

— Вот такой стадион будет лучшим для Белого Ордена и для остальных. Здесь, — он обвел место в северо-западной стороне, где некогда был выгон, а теперь раскинулась большая мощеная площадь, — мы организуем тренировочный зал для орденцев. Тут, — показал место южнее детинца, — будет заниматься Фехтовальная академия. А посередине — казармы, стрельбище и конюшни. Мне кажется...

— Это неразумно! — горячо заговорил Перспектос. — Между академией и Орденом не такая великая разница, они отлично устроятся под одной крышей...

Но дальше Лотар уже не слушал его, он отвлекся. Он вспомнил, как с первыми ребятами из Фехтовальной академии занимался в лесу, и странная печаль по ушедшим лучшим дням сжала его сердце. Но он взял себя в руки, тряхнул головой и сосредоточился на споре. Тем более что слово опять взял Стак:

— Хорошо, отвечаю на твой вопрос, Перс. Фехтовальная академия отличается от Ордена так же, как приходская школа отличается от монастыря. Ежегодно в академию приходит до полусотни ребят и девчушек, которые хотят научиться драться лучше,

чем обычный человек. Через пару лет они уходят и становятся штатскими людьми, только отчетливей понимают, что такое честь, и умеют защищать себя и своих родных. Все. А Орден — всего сорок душ со мной вместе, и это бойцы, которые профессионально будут служить нашему городу и делу Учителя всю жизнь. В них вложена уйма сил, труда и денег, и я не дам тебе смешивать воедино всех людей, которые в этом городе носят мечи, потому что это разные люди и разные мечи. Понимаешь?

Лотар посмотрел на Стака. Его спокойный, ровный голос, уверенность и ясность видения мира говорили об отменной школе и «руке» Сухмета. И ведь другие орденцы такие же. Жаль, он в последнее время мало времени может уделять этим ребятам, но... Кто будет заниматься городом?

В который раз Лотар Желтоголовый подумал было, что нужно бросить это ставшее слишком шумным и людным место, удрать в лес, построить новый дом... Нет, там получится то же самое. К тому же по восточной идеологии, к которой он, собственно, не принадлежит, но считает правильной, следует пройти свой путь, вот он и старается, идет... Слушает спорящих.

— Нет, ты не понимаешь, Стак, — снова заговорил Перспектос. — Город — это не только фехтовальный клуб и не плац для разминки твоих меченосцев. Сейчас в городе живет более десяти тысяч человек, мы знаем мировые столицы, которые начинали с меньшего, например Лондини. Размеченного и подготовленного места пока нет. А ты оттяпываешь у меня территорию, на которой я могу выстроить прекрасные жилища...

— Ты можешь разметить новое место и строить там что угодно. Жилища прекрасно расположатся и в стороне от замка, а Орден — нет.

— Но ведь вас не будет больше, чем сейчас. Ты сам неделю назад говорил, что мало кто выдерживает тренировки...

— Сколько бы нас ни было, тесноты строений для Ордена я не допущу. Тем более что тебе захотелось...

Внезапно холодная волна окатила Лотара с головы до ног. Он вскочил, автоматически поднял руку к правому плечу, где должен находиться Гвинед. Меча, конечно, не было, но по отрешенности и устойчивому вниманию, которые появились у него в сознании, Лотар понял: он готов.

Для чего? К чему? Что заставило его вскочить?

— Тихо, — прозвучали в его голове слова Сухмета, — не спеши, пока еще можно не торопиться.

— Что это? — так же мысленно спросил Лотар восточника.

— Не знаю, как ты это почувствовал, я только что получил сигнал от своей тревожной системы: очень сильное демоническое существо пересекло границу нашего государства на юго-западе. Это необычное существо, я даже не вводил данных о нем в свою систему распознавания.

— Кто это?

— Киноз, крылатый охотник на путников.

Лотар набрал побольше воздуха в легкие и провел рукой по

глазам, стирая застилавшую пелену. Потом громко сказал, обращаясь по-прежнему к Сухмету:

— Нет, колокольчик предупредил об очень близкой опасности — где-то в пределах города, может быть, даже в пределах терема.

— Тогда это не магимат, — ответил Сухмет. — Хотя, если применена очень хорошая маскировочная магия... Не знаю, слишком много вариантов.

Лотар пожал плечами и оглядел всех собравшихся. Как бы они ни уважал достоинства каждого из них в отдельности и всех вместе, теперь они ему мешали. Все, кроме Стака.

— Я сожалею, господа. — Лотар вежливо, но твердо указал на дверь из зала. — Возникли непредвиденные обстоятельства.

Все, кроме Стака, поднялись и отправились к выходу, переговариваясь на ходу. Лотар тоже встал, подошел к широкому окну. Теперь он отчетливо слышал это звяканье. Он прочертил взглядом невидимую линию по соседним крышам. Звяканье переросло в тихий звон, когда он посмотрел на юг, где почти уже построили здание ратуши. Он повернулся к Стаку:

— Не считй за труд, принеси мою полетную перевязь и оружие. Я не хочу терять из виду ратушу.

Задняя дверь, ведущая в покои Лотара, распахнулась, оттуда появился Сухмет. Он тащил ворох ремней, щитков и Гвинед с Акифом — оба Лотарова меча. Все приспособленное для той формы тела, которую Желтоголовый давно стал считать наилучшей для полета.

— Это моя привилегия, господин мой, я ее никому не собираюсь уступать.

— Никто не спорит, — ответил Лотар, скидывая слишком тесную куртку.

Мышцы на груди уже наливались силой, руки перетекали в плавные формы крыльев. Лотар поморщился. Даже за четверть века практики он так и не сумел привыкнуть к боли, которая появляется при трансмутациях. А жаль, вот было бы здорово одолеть эту напасть, научиться блокировать болевые центры, когда приступы достигают пика!

Лотар подхватил перевязи, пристроил на себе. Сухмет уже увязывал щитки. Как всегда, в самый раз — не туго и не слишком слабо. И как он умудряется?

— Вот он, — вдруг произнес Стак.

Лотар шагнул к окну. Прямо над крышей ратуши, почти вровень с их окном, парила странная, полупрозрачная даже для магического зрения фигура. Сухмет тоже впился в нее глазами.

— Крылатый человек. Это не демон, хотя и магимат, конечно. Только ему крылья вместо рук выращивали с самого детства. Поэтому мои сигнальные системы и не сработали. Не удивлюсь, если это даже эрк...

Лотар был готов. Он отодвинул подоконник с частью стены, которые давным-давно были сделаны убирающимися для удобства странного хозяина этого дома. Посмотрел на Сухмета, чуть

прищурившись, — и восточнику показалось, что обычно мягкий взгляд его господина вдруг блеснул огнем боевой ярости.

— Нужно выяснить: кто он такой, откуда?.. И чего ради завился в мой город?

Глава 2

Город сверху выглядел чистеньким, ухоженным, словно на планах Перспектоса. Не было видно ни грязи, ни строительного мусора, ни беспорядка... Аккуратные дома, площади, терема, оборонительные башни и стены, речная пристань со складами и неизменными крановыми устройствами, десяток плашкоутов, на которых по этой части реки возили грузы, широкий дугообразный мост, остатки давнего частокола и очень ровные даже возле самой реки улицы.

В Заречье, где только что свели лес и открылась похожая на лысину поверхность, шло строительство храма Кроссу, главному покровителю страны, чьим именем Лотар и хотел назвать город. Но Кросс оказался не очень понятным для этих мест божеством. Вот пройдет немного времени, решил Лотар, придет жизнь в норму, тогда люди поймут, что зря отказались от этого названия...

Он усмехнулся, поймав себя на том, что все время говорит «город», а не Лотария. Лотар почему-то не мог называть это скопление домов и людей, с их жизнями, надеждами, судьбами, своим именем. Это казалось несправедливым.

Некоторые строители задрали головы, приставив ладони козырьком ко лбу, чтобы глаза не слепило яркое июльское солнце. Лотар сообразил, в чем дело, и попытался быстро, как только мог, накинуть на себя мантию невидимости. Это колдовство он отработал до совершенства и исполнял почти механически, однако сегодня его заметили.

Люди уже попривыкли к своему князю и все чаще даже не поворачивались, когда он предстал перед ними то крылатым, то просто трансмутированным монстром. Скорее всего они примирились с этим, сообразив, что необычные качества их государя обещают им дополнительную безопасность.

Сложнее было с детьми. Лотар так и не отвык тренироваться на лесных полянках, и ребятишки затевали настоящую охоту на него, стараясь поймать во время тренировок с мутированными частями тела и коснуться хоть краешка перепончатого крыла или выращенных на ногах роговых, как у богомола, лезвий для секущих ударов.

Но сейчас ни строители, ни их жены, ни тем более привыкшие к нему дети, которых с каждым месяцем в городе становилось все больше, не забыли Лотара. Плохо было то, что он вспугнул эрка.

Летающий человек понял, что его преследуют, и сорвался с края высокого амбара, где сидел, разглядывая терем Лотара. Его крылья, в отличие от крыльев Желтоголового, были устроены, как у птицы, — с перьями и длинными, красивыми, гибкими за-

крылками. Эти закрылки позволяли ему развивать ошеломительную скорость. Как Желтоголовый ни старался, ему оставалось только измерять взглядом увеличивающееся между ними с каждым взмахом крыльев незнакомца расстояние да скрипеть зубами от досады.

Преимущество противника было так велико, что Лотар отказался от преследования уже через десяток миль, а попытался только набросить на эрка сеть магического слежения. Сделать это тоже оказалось непросто. Сеть, которая до сих пор позволяла ему выслеживать зверя, птицу, человека, растения и даже читать иные мысли или эмоции, соскальзывала с пернатого, как с утки скатывается вода во время редкого дождичка. В который раз Лотар пожалел, что не уделял занятиям практической магией должного времени. Но жaley не жaley, а сейчас Лотару оставалось только повторять и повторять свои попытки с упорством воина.

Эрк окончательно исчез из поля слежения через два часа. Теперь Лотар вообще ничего не чувствовал впереди, только пустоту. Понятно, почему магические сторожевые устройства Сухмета, расставленные по всему периметру Лотарова княжества, не отреагировали на эрка. Поистине удивительно только, как вовремя сработали колокольчики, хотя их сигнал и прозвучал слабо. К тому же Лотар не мог припомнить, чтобы сигнал об опасности в первый раз прозвучал, когда противник подкрался так близко.

Лотар сбавил темп и снова осмотрелся на пределе своих магических способностей. Похоже, что пернатый эрк, почувствовав, что оторвался от преследования, рванул в другую сторону. Было бы вполне логично убежать не туда, где раскинул лагерь, а в противоположном направлении. Кроме того, Лотар ничего не знал об умении эрков восвать. Судя по всему, он был не очень лихим воякой, но их могло оказаться много. С таким умением маскироваться они могли размазаться под любым большим деревом, используя его естественную ауру как маскировочную сеть, и напасть абсолютно неожиданно. А с этими крыльями...

В который раз Лотар подумал, что нужно придумать и отработать что-нибудь по-настоящему эффективное для боя в воздухе. Однажды ему удалось выйти из очень трудной ситуации, потому что он вырастил себе из груди третью руку, но отрашивание новых костей оказалось делом мучительным, к тому же новая рука действовала совсем не так хорошо, как природные конечности, и пришлось от этой идеи отказаться. Хотя, может, и зря. Если как следует привыкнуть...

Лес под ним стал густым, темным и на удивление высоким. Под этими деревьями могли скрываться любые неожиданности. Лотар прошелся над небольшой полянкой, образованной вокруг широкого ручья, и подумал, что нужно бы сюда прийти после завершения всех этих неприятностей. Хотелось разведать, что тут и как. Кажется, он никогда тут не был... Он во многих местах не бывал, хотя эти земли теперь находились под его управлением. Так что бродить и разведывать ему теперь предстояло немало.

Он набрал высоту и полетел на юго-запад — примерно в том

направлении, откуда Сухмет получил еще один сигнал. Раз ничего не вышло с эрком, хоть второй сигнал надо проверить. Не зря же махать крыльями в такую даль. Он еще раз осмотрелся.

Место было безлюдным. Лишь несколько тропок, по которым даже крупной лошади было трудно пройти — настолько плотно росли тут кусты и деревья. Впереди уже показались светлые скалы, начало Клевинских гор — естественная граница его владений.

Он поднялся очень высоко, так высоко, что стал даже замерзать, несмотря на энергичные махи крыльями, которые в разреженном воздухе стали замедленными и требовали больше сил. Зато воздух тут был прозрачным и чистым, слегка похожим по вкусу на воду из лесного ручья.

Чуть в стороне он заметил дымок от костров. До него было миль двадцать. Далеко, пожалуй, это не то, что он ищет. Это могла быть одна из тех деревень, где он еще не успел побывать. Люди действительно очень быстро перебирались в границы Лотаровых владений. Да, дымок был деловитым, скорее всего из кухонного очага...

В окрестных скалах в изобилии водилась живность — кабаны, косули, даже очень редкие горные олени, о которых на южном побережье мечтают как о величайшем охотничьем трофее. «Нужно будет посоветоваться с Рубосом и не очень заселять это место, иначе они все уйдут и будет жалко», — решил Лотар. А место в самом деле превосходное.

Вот только произойти здесь могло все, что угодно... Откуда тревога? Лотар даже круг в воздухе прочертил, стараясь сориентироваться. Так и есть. Что-то, чего он сразу не заметил, потому что его заслоняла недавняя смерть какого-то зверя... Лотар скользнул вниз. Теперь высота только мешала; притяжение неба, как это называлось в одной книге, слишком отвлекало его магические силы.

Тихо, почти крадучись, он пролетел еще миль пять. И вдруг оказался перед огромной скалой — настоящим каменным столбом высотой чуть не в триста футов. Он возвышался над небольшой речушкой с невысокими и редкими деревцами по берегам. В основном это были дикие вишни. «Вот бы попасть сюда в пору их цветения», — подумал Лотар. Вдоль берега вела удачно проложенная тропинка.

Странно, кто мог ее тут проложить? Лотар проследил ее дальше на юг и понял, что она вела через один из самых удобных и безопасных перевалов, отделяющих его владения от Задорского нагорья. А за нагорьем находилась центральная часть мира, где сходились все четыре континента, куда вели все дороги, даже морские, потому что до моря оттуда было недалеко. Итак, на взгляд нормального человека, все было тихо...

Но поблизости будоражил запах крови и смерти, и всеми своими магическими чувствами Лотар не находил тут спокойствия. Что-то еще помимо убийства привлекло его внимание. Лотар думал об этом, планируя к плоской, как стол, верхушке скалы.

Он опустился на острые камни, неловко ударив крылом по

кусту горного бересклета. Его листья протестующе зашумели, Лотар попытался успокоить куст, вытянул к нему крыло и...

Существо сидело на соседнем, чуть более низком пике скалы, едва ли в трехстах футах от того места, где опустился Лотар. Так что видно его было отлично.

Это был чудовишный зверь, немного напоминающий человека, — с короткими, сильными ногами, мускулистыми руками, плоской, поросшей рыжей шерстью головой и тупой мордой. Его голая кожа отливала влажным блеском. Когда он заворочался, Лотар увидел за его спиной мощные, кожистые, раза в три больше Лотаровых крылья, которые росли из лопаток.

Чудовище подняло одну руку с куском сочащегося кровью мяса, оторванного от крупа только что убитой лани. Пальцев на руках было четыре, их украшали острые, как лезвия восточных мечей, когти. Довольно заурчав, зверь запихнул мясо в пасть и потянулся за следующим куском.

Киноз, летающий демон, охотник на путников, быстрый и неутомимый. Лотар как-то видел рисунок в одной восточной книге и хорошо запомнил выразительное изображение. Ошибиться он не мог. И Сухмет скорее всего именно от Киноза получил тот странный сигнал.

Но что делал Киноз так далеко на западе, за кем он последовал сюда? И почему ему пришлось охотиться за ланью и жрать ее сырой? Ведь Кинозы, как объясняла та книга, практически не приспособлены для самостоятельной жизни. Деспоты на востоке держат их во дворцах, обслуживают их специально обученные слуги, а об их избалованности рассказывают сказки. Что же заставило это чудовище примириться с неудобствами и оказаться в такой глуши?

Вдруг тихий перестук камешков послышался снизу. Прячась за кустом, Желтоголовый перегнулся через край скалы и глубоко внизу под собой, между деревьями, увидел человека. Он ташил небольшую тележку на колесиках, которая бодро подпрыгивала на неровностях дороги. На спине человека весело болталась фойская косичка, а в его ауре было что-то удивительно знакомое. Лотар быстро спрятался за край скалы, ему хотелось подумать, прежде чем действовать. Но на обдумывание не было времени.

Чудовишный Киноз взревел, отшвырнул остатки недоеденной лани, вскочил на ноги, развернул крылья... Лотар еще раз поразился их размаху и силе — с такими крыльями Киноз мог путешествовать на немыслимые расстояния.

А потом охотник на путников вытянул вперед отлично приспособленные для убийства руки и шагнул к краю. Человек закружился на месте, оценивая опасность, увидел Киноза и выхватил странно изогнутый фойский меч, но он показался жалким веером против такого противника. И тогда Лотар понял, что, если он не вмешается, жизнь путника оборвется прямо на этом месте, и очень скоро.

Он вытащил Гвинед и постарался быстро уменьшить длину крыльев до минимума, чтобы только не падать камнем вниз, но все-таки иметь возможность наносить удары.

Глава 3

Пока Киноз плотоядно рассматривал свою жертву, Лотар осторожно коснулся его горячей, злобной ауры. Определенно это был демон. Но демон особого склада. Он хотел не только убивать, он хотел властвовать над людьми, хотел, чтобы они ему служили. И что самое отвратительное, он считал, что так и должно быть — по праву сильного, жестокого и не приспособленного жить без помощи.

Но это было сейчас не самым главным. Важнее было то, что Лотар вдруг нашел точку уязвимости на теле чудовища — сзади, в основании черепа. Совсем небольшая точка, не больше монетки. Она на удивление напоминала тот провал в мускулах, который есть на загривке быков, куда опытные мясники наносят небрежный, но смертельный удар легкого стилета.

Тогда Лотар выставил на левом ножном шитке острый шип, который использовал очень редко, и зафиксировал его, чтобы он не болтался и не поранил его собственные ноги. Это оружие могло скоро пригодиться.

Киноз взревел и ударил себя в грудь мощными кулаками. Громкое эхо прокатилось по долине речушки, грудь отозвалась не хуже иного барабана.

К чести человека внизу, он не испугался, а стал что-то быстро выпутывать из складок своего огромного фойского халата. Но в его движениях все же была заметна паника. И тогда Лотар решил. Более удобного момента могло и не представиться.

Едва Киноз вознамерился спикировать на жертву, как Лотар разбежался и понесся на своего противника, яростно набирая скорость, чтобы демоническое существо не успело подготовиться к неожиданной атаке.

Киноз поднял голову и повернул ее, а Лотар уже двумя ногами, выброшенными вперед, ударил его по отвратительной морде и шее. Удар в шею, впрочем, оказался неудачным — нога скользнула и попала в грудь чудовища. Лотару показалось, что он врезался в скалу, — настолько мощным и сильным оказался торс Киноза... А вот от удара в морду голова чудища дернулась назад, он коротко проревел, из носа его показалась темная нечеловеческая кровь.

Потом чудище соскользнуло вниз, но ненадолго. Полагая, вероятно, что новый противник весьма опасен, оно снова поднялось на скалу, медленно взмахивая крыльями. Киноз был очень силен, к тому же привык пренебрегать любым противником. Это Лотар и решил использовать, если уж не удалось сразу нанести ему чувствительных ран.

Киноз что-то проревел. В его голосе Лотару почудилась человеческая речь, но он не стал задумываться, на каком языке могло говорить чудовище. Он просто перехватил Гвинед левой рукой и взмахнул, разогревая кисть и плечо.

Крыло так замедляло движения, что оставалось надеяться на чудо. Или на явную ошибку Киноза. Но на это надежда была невелика.

А потому Желтоголовый просто шагнул вперед и нанес удар, потом еще. Киноз отшатнулся назад, сохраняя дистанцию недосягаемости. Лотар оттолкнулся от скалы, оперся о воздух правым крылом, пролетел ярдов пять, взмахнул левым.

Киноз все еще раздумывал. Он смотрел на противника внизу. «Если он просто удерет, — решил Лотар, — я его догнать не успею. А изменять крылья для погони, оставаясь не подготовленным для боя, очень опасно».

Очень осторожно, почти незаметно, Желтоголовый коснулся правой рукой небольшого мешочка на спине и повернулся боком к противнику. Теперь в ней блестело полдюжины небольших сурикенов — таких, которые можно метать практически одним движением кисти. Он выпустил их веером в Киноза, которому давно не случилось видеть такого оружия.

Два сурикена впились в грудь чудовища, один пробил крыло за спиной и засел яркой блестящей в кости, а три ушли куда-то в сторону. Но Лотар и не надеялся, что все попадут в цель.

Киноз взревел и бросился вперед, его ярость взяла верх над осторожностью. Это было очень хорошо.

Лотар встретил его тремя ударами меча. Гвинед сухо звякнул о череп чудовища и рассек кожу, воткнувшись в плечо, а второй раз он задел, кажется, выставленную вперед руку. И все-таки сила ударов была недостаточной, чтобы остановить атаку.

Лотар и оглянуться не успел, как руки Киноза сжали его грудь и одну руку... К сожалению, левую, где находился Гвинед. Потом демон напрягся...

У Желтоголового потемнело в глазах. Он попытался выскользнуть вниз — но куда там! Это было так же невозможно, как выбраться из-под камнепада. Тогда он попробовал достать демона локтем правой, но это тоже не особенно получалось, потому что крыло не дотягивалось до важных центров противника, а молотить в эту броню мускулов на боку и слабость от ударов было и вовсе бессмысленно.

Тогда Лотар попытался двинуть Киноза головой, но голова его достала только до груди, и они как-то так закрутились в воздухе, что сильного удара по-прежнему не получалось. Киноз держал обмякшего Лотара в воздухе без малейшего труда. Сам Желтоголовый даже и не пытался махать крыльями, но земля ближе не становилась. Они, пожалуй, даже поднимались.

Вдруг снизу послышались хлопки, и Киноз с воем, в котором смешались боль и разочарование, отпустил Лотара. Он повернулся на месте так, что Желтоголовый отлетел от него футов на двадцать.

Путник стоял, выставив странным образом довольно длинный стержень с большим желтым набалдашником на конце, и прицеливался в Киноза. Потом его посох дернулся, раздался хлопок, и на крыле охотника на путников расцвела вспышка света, брызнули капельки крови.

Еще две неглубокие, но широкие раны Лотар заметил на спине монстра. Вероятно, они были очень болезненными, потому что

желтая штука в руках фоя вырывала из мускулов здоровые куски размером с Лотаров кулак. Даже для такого мощного зверя, как Киноз, это, должно быть, серьезная травма.

Тогда Лотар бросился вперед, чтобы добить противника. Но его Гвинед так и не дошел до цели. Сзади звякнула тетива, и Желтоголовый с отвращением почувствовал тупой удар в правое плечо, чуть ниже дельтовидной мышцы. Он скосил глаза. Это была арбалетная стрела. Он повернулся в воздухе, почти как Киноз.

Эрк стоял на вершине той скалы, откуда Лотар атаковал Киноза, и целился в Желтоголового из маленького разборного арбалетика. От стрелы, которая лежала на тетиве, исходила густая маслянистая вонь отравленной магии.

«Если такую же отравленную стрелу он воткнул мне в спину, у меня в запасе считанные секунды», — решил Лотар и бросился вперед.

Тетива сухо звякнула, Лотар ушел от стрелы, отравленной до такой степени, что она оставляла в воздухе желтый, рассыпающийся искрами след. Взмахнул Гвинедом, чтобы рассечь противника боковым ударом, который при выращенных крыльях получался у него чуть лучше, чем прямые удары, но...

Киноз буквально снял Лотара в атаке. Сила и скорость, с которыми он двигался в воздухе, просто поражали. Желтоголовый попытался развернуться, чтобы долбануть ногой, но и этого не получилось. Киноз перехватил вдобавок еще и его левую ногу и немного развернулся, стараясь не попасть под очередной выстрел эрка.

Тот все понял и стал торопливо натягивать тетиву. «Похоже, времени у меня еще меньше, чем я предполагал», — решил Лотар. Он стиснул зубы, собираясь с силами, и ударил Киноза ногой с шипастым щитком по махательным мышцам. Потом еще и еще раз.

Глаза монстра остекленели, зрачки дрогнули. Боль, должно быть, была оглушающей. Тогда он ударил Лотара сложенной левой рукой, выставив все свои чудовищные, длиной в пять-семь дюймов, когти вперед наподобие секущего кастета.

Лотару удалось встретить этот удар щитком на левом предплечье, а потом он почти сразу подтянулся к Кинозу, на миг ощутив его отвратительное гниlostное дыхание, и ударил ногой с шипом через плечо в затылок. Он и сам не думал, что сумеет так бить. И это его, похоже, спасло. Потому что следующая стрела просвистела в дюйме от его головы.

Эрк яростно взревел, соскочил со скалы и ринулся к нему. Лотар всей своей незащищенной спиной чувствовал это приближение, понимая, что следующий выстрел будет уже в упор. Попытался освободить руку с Гвинедом, взмахнул...

Снова раздался хлопок снизу, эрк вскрикнул от боли. Лотар подивился меткости и хладнокровию человека внизу. По его предположениям, тот уже должен был без оглядки улепетывать, забыв и про Лотара, и про своих врагов. Но парень сделал правильный

выбор, и за это Лотар решил сказать ему спасибо... Как-нибудь потом.

А пока он боднул головной пластиной Киноза в лоб и почти сразу ударил его шипастым щитком в основание черепа, стараясь попасть в обнаруженную точку уязвимости. Это дало результат. Киноз ослабел. Он выпустил Лотара и поскорее отпрянул назад, чтобы не попасть под его меч. Лотар повернулся на месте, как юла.

Эрк находился на расстоянии двух саженей, не больше. Его арбалет был уже готов к выстрелу... Скоба ушла вниз, тетива сорвалась с крючка, стрела заскользила вперед... А маленькие, как у карлика, кисти, выращенные на локтевом сгибе его мощных пернатых крыльев, уже дернулись от отдачи тугой арбалетной тетивы...

Лотар заскрипел зубами от напряжения, подняв скорость восприятия и движений до предела, и выставил вперед меч, повернутый плоскостью. В последний момент Гвинед защитил его: острие стрелы, сочащееся ядом и смертью, ударившись о светлую сталь, раскололось, и стрела ушла вверх.

А Гвинед, дрогнув от этого щелчка, описал, как Лотар и примерялся, плавную кривую над их головами и с хрустом, от которого даже у Желтоголового пробежал холодок по спине, разрубил пернатого человека от плеча до живота.

Тело эрка еще даже не заскользило вниз, а Лотар уже атаковал Киноза. Теперь демон, похоже, без затей собрался убить фоя и удрать. С Лотаром ему драться не хотелось. Он пикировал, как ястреб на цыпленка, загородив крыльями все, что творилось внизу.

Лотар сложил крылья и, выставив ноги вперед, как уже раз проделал сегодня, тоже ринулся вниз. Это был очень опасный маневр. Стоит промахнуться — и он просто разобьется о скалы, но иначе никак не успеть.

Он успел. Его удар ногами между крыльев чудовища, похоже, спас фоя жизнь. Тот выскользнул из-под Киноза весь исполованный когтями, но живой. Зато Киноз теперь потерял свое преимущество. Он оказался внизу, не мог схватить Лотара... и боялся. Эта глыба мяса, костей и магии теперь боялась Лотара.

А Желтоголовый, отбив фоя, не торопился. Он сделал обманное движение влево, вправо, потом отбил легкий выпад крыльев Киноза и ударил Гвинедом напрямую. Он не думал, что это удастся, да практически и не удалось, но Киноз, и без того почти прижатый к земле, совсем опустился на какой-то камень. Крылья теперь не помогали, а мешали ему. К тому же сбоку раздался хлопок, и Киноз снова взревел — пятно желтого огня и капли крови на миг появились на бедре чудовища.

«Наверное, эта штука все-таки не смертельна, — решил Лотар. — Вон сколько выстрелов он выдержал».

Желтоголовый подождал, пока Киноз попробует взлететь, набирая высоту. И демон попробовал. Он вытянул крылья горизонтально, поджал руки, чтобы не мешали, прыгнул вверх...

Лотар снова сложил крылья. Теперь он не мог промахнуться — ведь каким бы великолепным летуном эта тварь ни была, а пер-

вые мгновения она совершенно беззащитна, как птенец в гнезде. Удар Гвинедом прозвучал так странно, словно большая корова сорвала толстый мясистый стебель. Кровь брызнула фонтаном.

Киноз, впрочем, был еще жив. Он повернулся, отбросил Лотара ударом могучего кулака и все-таки попытался набрать высоту. Но Лотар уже снова сложился для атаки, взмахнув изо всех сил крыльями, втайне молясь, чтобы фой не вздумал сейчас стрелять. Он оказался чуть выше и чуть позади поднимающегося Киноза, как раз над его затылком... И коротко ударил давно зажатым в правой Акифом.

Киноз не издал ни звука. Он рухнул вниз на камни и траву, как спелый колос под серпом. Он был мертв. А Лотар, шипя от боли, потому что весь бок, в который вошла стрела эрка, уже горел как в огне, опустил, проверил свои клинки и оглянулся.

На миг ему показалось, что мир плывет у него перед глазами, потому что прямо на него с вежливой улыбкой, за которой таилось огромное напряжение, шел — кто бы мог подумать! — Джа Ди, Главный досмотрщик великой армии Поднебесной империи, советник Дракона, то есть императора Чан Джан-фо.

«Так вот за кого я бился», — подумал Лотар. Больше он ничего подумать не успел. Он упал на траву, тщетно надеясь трансмутировать крылья в руки, чтобы встретить еще и этого противника.

Глава 4

Потолок то появлялся перед самым лицом, то вдруг оказывался на неизмеримой высоте. Потом вернулись звуки, и Лотар услышал рядом тяжелые вздохи, осторожные шаркающие шаги.

Потом вернулась жизнь. Он почувствовал запах пыли, запах застоявшегося воздуха и собственный запах, тошнотворный из-за несмытых комьев слизи, остающихся на коже после мутаций. Но он снова был Лотаром. Кости уже срослись, если и были сломаны...

Нет, это не сломанные кости. Он все вспомнил. Отравленная магия — желтые искры, рассыпающиеся после стрелы эрка, дымящийся след в воздухе...

Он поднялся на локте и огляделся. Рядом, конечно, крутился Сухмет. Он бросился к кровати, как насадка, вытянув вперед руки:

— Лежи, господин мой, вставать еще не рекомендуется.

— Кем не рекомендуется?

Сухмет не понял:

— Что?

— Мне нужно помыться и, конечно, выпить воды. Побольше, я...

Голова снова закружилась, но Лотар привычно поборол это ощущение. Поднял голову к восточнику и мило ему улыбнулся. Было в его улыбке что-то такое, на что старик ответил уже совершенно страдальческой гримасой. Но выполнять просьбу он бросился со всех ног.

Спустя четверть часа, когда Лотар нежился в мыльне в совер-

шенно обжигающей, размягчающей, обновляющей, как новое рождение, воде, Сухмет, довольный происходящими на его глазах переменами, расхаживал рядом и рассказывал:

— Представь себе, этот Ди сумел довольно ловко устроить из своей тележки что-то вроде перевозных носилок, уложил тебя на них и повез к нам. Но перед этим он, конечно, совсем неплохо для немага вытащил стрелу, промыл рану и обезболил довольно странно, но вполне действенными снадобьями. Вообще он действовал толково... Ты хочешь что-то спросить?

Лотар разлепил ставшие ватными от жара и удовольствия губы:

— Странно, почему он не добил меня? Или хотя бы не бросил там, чтобы магия эрка сделала свое дело? Ведь некогда он уже пытался... Незаметно, чтобы мы за прошедшие восемь лет стали большими друзьями, чем прежде.

— Наверное, стали, господин мой, ведь направлялся он именно к тебе. Вернее, он говорит, что теперь прибыл по назначению.

Лотар сделал титаническое усилие, чтобы не потерять нить разговора:

— А ты почувствовал, что со мной произошло?

— Я выслал следом за тобой отряд орденов сразу же, едва ты вылетел за этим эрком. Я знал, что там окажется еще один. Ведь мои устройства показали что-то еще в другом месте. К сожалению, они прибыли к месту драки, когда все кончилось и Ди вполне мирно катил тебя на тележке в Лотарию.

— Что ему тут нужно? Он объяснился как-нибудь?

— Нет, говорит, что разговаривать будет только с тобой. Мы оставили его в покое, он весь день бродит по городу, разговаривает с людьми о строительстве, совершенствуется в языке.

— Весь день? Сколько же я...

— Ты пролежал, господин мой, весь вчерашний день и добрую треть этого. Что ни говори, а помощь тебе была оказана поздно, яд уже попал в кровь, только так я могу объяснить столь долгий срок выздоровления.

— Да, открытие за открытием. — Лотар подумал, что самым интересным из них, конечно, будет сам фой. — Как тебе Главный досмотрщик великой армии Поднебесной?

Сухмет сделал круглые глаза, подчеркивая то, что собирался сказать:

— Бывший Главный досмотрщик Ди лишился своего прежнего титула, иначе не путешествовал бы в таком виде. Он дружелюбный, очень толковый и весьма любознательный субъект. Он вызывал бы настороженность, но он спас тебя, поэтому я не знаю, что с ним делать.

— Спас? Ты уверен?

— Абсолютно. Если бы он не позаботился о тебе, к тому моменту, когда разъезд со Стаком во главе нашел тебя, ты был бы мертв, господин мой, как это ни печально.

Лотар покачал головой:

— Странно, я дрался с самыми живучими демонами мира и остался жив. А какая-то слабенькая стрелка из крохотного, едва ли

не самодельного самострела... Предметный урок на недоучет опасности.

Сухмет строго взглянул на Лотара из-под тонких восточных бровей.

— Ну, если бы ты не бился с этим чудовищем, ты бы не пропустил этот выстрел и у эрка не было бы ни единого шанса подрабить тебя.

Лотар стал намыливаться. Сухмет, увидев его еще не скоординированные попытки, принялся помогать.

— Скажи, Киноз — это название породы, обозначение ранга? Что это такое?

— Название клана, или, если угодно, первое, неличное, имя. У них именно второе имя считается личным, но оно секретное. Зная его, ты получаешь огромную власть над этим демоном и можешь даже использовать его в своих интересах, хотя я и не способен объяснить эту зависимость. В истории известны два случая: Киноз Бошихарт и Киноз Вопсадулитвар вынуждены были подчиниться людям. Правда, кончилось это плохо. После смерти господина они забирали с собой душу смертного, чтобы отомстить. У не очень ловких магов такое часто случается. Потому-то наша профессия и вырождается когда-нибудь.

— Не совсем понимаю...

— В магии высокие уровни достигаются после трех-четырех перерождений, то есть на четвертый срок жизни. А искушение покорить демона очень сильно. Неопытные дурачки, едва научившиеся колдовать, поддаются, в результате демоны их уносят и перерождений больше не бывает.

Сухмет улыбнулся, подтаскивая таз со свежей, уже прохладной водой.

— А эрк?

— Эрки просто люди, измененные люди. Кстати, твоего эрка я приказал сунуть в ледник, на случай если ты захочешь на него взглянуть.

Лотар кивнул:

— Наверняка захочу.

Вымывшись, прихватив кружку чаю, заваренного Сухметом из местных трав, Лотар отправился в ледниковый погреб. По дороге к ним присоединился Стак. Лицо его было непроницаемым, но в сознании Желтоголовый отчетливо прочитал смятение, вызванное внезапной угрозой смерти Учителя.

Лотар даже захотел его подбодрить, но потом решил, что мастеру класса Стака полагается уже уметь справляться с собой, так что пусть думает сам.

В погребе было холодновато и темно. Слабенькая свечка, не ярче тоненькой лучины, которую принес с собой Сухмет, была, конечно, излишней. Лотар и без того все видел отлично. Но Сухмет просто опасался, что отравленное сознание Желтоголового еще не до конца восстановилось и свет ему все-таки необходим.

Лотар присел перед эрком, лежащим на холодном каменном полу, и сказал Сухмету:

— Погаси свою свечу, тут ледник все-таки.

Старик тут же загасил огонек, довольный, что его опасения не оправдались.

Лотар отфокусировал глаза. Старик был отчасти прав, после этого яда его зрение еще оставалось не таким, как обычно, ускользали подробности. Кроме того, все выглядело очень плоским.

Эрк был худощавый, не тяжелее сотни фунтов. Лотара совершенно шокировало, что эрк оказался, по всей видимости, женщиной. Только вот грудь у нее была очень слабой, все ушло в махательные мускулы.

Теперь Желтоголовый разглядел на ее теле то, что удивило его еще там, на скале, во время боя. Прямо из главной, передней кости был выращен отросток недлинного предплечья, который кончался очень мощной кистью с длинными крупными пальцами. Хотя такими руками многое сделать было нельзя, они все-таки позволяли стрелять из самострела даже на лету, хотя, конечно, и неточно, потому что махательные движения, что ни говори, сбивали прицел. При желании эти кисти можно было прижимать к передней части крыльев, прятать под жестковатые перья, и они совсем не мешали летать.

Лотару понравилась идея иметь разветвленные руки, вот только для него — специалиста по рукопашному, а не стрелковому бою — такой способ мало подходил.

К тому же, прощупывая хрупкий костяк под тонкой кожей, покрытой перьями, Лотар понял, что он устроен нежестко. Кости эрка были не зафиксированы, как у птиц. Вероятно, это тоже помогало работать такими вот ручками, но для него такой вариант не годился.

— А что такое эрк? Тоже первое имя? — обратился он к Сухмету.

Голос его глухо отозвался под тяжелыми сводами. Он поймал себя на том, что продолжает прежний разговор, словно и не прерывал. Но Сухмет, разумеется, понял:

— Нет, это обозначение вида, породы, название существа.

— Их выращивают специально? Зачем?

— Ну, я знаю только одно их применение. Сорок эрков служат птице Сроф, которую ты уже встречал в Ашмилоне. Ну, тому существу с пронзительным голосом... Как теперь выяснилось, некоторые из них служат и Кинозам.

Лотар нашел след от попадания из странного посоха фоя, провел пальцем по страшной рваной ране, оставленной его оружием. Потом встал, поклонился труп, сложив пальцы перед собой, прочитал краткую молитву по душе погибшего врага.

Конечно, у эрка могло и вовсе не оказаться души или она была настолько маленькой, настолько слабой, что и не сопоставить с человеческой. Но и в самом Лотаре было что-то, что вызывало сомнения. Если во всем сомневаться, то можно научиться и богов не чувствовать. И какая же тогда надежда останется живущим?

Желтоголовый осмотрелся:

— А Киноз? Почему вы не захватили труп Киноза?

— По словам Ди, Киноз через четверть часа вдруг ожил и, страшно ругаясь по-фойски, улетел в восточном направлении.

— Не может быть! — удивился Лотар. — Я его определенно прикончил... Впрочем, теперь я ни в чем не уверен.

— Ты прикончил его, господин мой, но Кинозы очень живучи. В том, что он ожил и умчался зализывать раны, нет ничего удивительного. Поэтому, в частности, о них так мало известно.

— Но он вернется? — полуутвердительно спросил Стак.

— Ему скорее всего заплатили, — ответил Сухмет. — За голову Ди. И он непременно вернется.

— Но если его трудно убить, что же нам делать? — снова спросил Стак.

Сухмет улыбнулся:

— В этом доме полно книг по магии. В какой-нибудь из них обязательно написано, как изгнать из нашего мира Киноза. Мне кажется, я когда-то читал, что его можно утопить. Но утопить можно многих демонов. Впрочем, избавиться от него — проблема Ди. Пусть это будет для него экзаменом.

Лотар допил свой чай, почувствовал себя лучше и пробормотал:

— Вообще-то Ди — тоже проблема. Ну что же, займемся ею наконец. Стак, будь добр, найди фоя и пригласи его в зал совещаний. А мы, Сухмет, пойдем туда и попытаемся определить, как с нашим бывшим врагом разговаривать.

По дороге в зал совещаний Лотар попросил первого же из учеников, попавшегося ему на глаза, принести еще чаю. Первой оказалась Мало, изумительно красивая негритянка с Южного континента, с блеском сдавшая мастерский экзамен и принятая в Орден более двух лет назад. Она вообще в последнее время часто попадалась Лотару на глаза. Он даже заподозрил, что девушка маловато тренируется, но Стак разуверил Учителя. По его словам, она была на редкость талантлива, и у нее просто оставалось чуть больше времени для других занятий, чем у прочих орденцев. В том числе и в детинце.

Едва Лотар дотащился до своего места, удивляясь, как много усилий это требует, и принялся расчищать стол перед собой, фой вкатил свою тележку в зал. За ним выступал Стак, а следом плавно несла свежий чай Мало.

«Раз уж она тут оказалась, не буду ее выгонять», — решил Лотар. Между орденцами не было тайн, и это составляло основу той демократической структуры, которая у них сложилась. Орденцы и сами знали, что можно выносить за пределы детинца, а что обязательно знать остальным.

Отставив тележку в сторону, фой принялся церемонно бить поклоны с приседаниями и широко взмахивать руками. Когда он закончил, Лотар заметил:

— Вообще-то у нас принято просто здороваться.

Ди улыбнулся:

— Как жалко! У нас о западной церемонии представления сложилось именно такое мнение. Она показалась мне достаточно красивой, и я выучил ее наизусть, а кое-что даже изобрел самостоятельно.

— Ну, мы же все-таки не посольство принимаем, — вежливо произнес Сухмет. Но от холода его улыбки могли образоваться сосульки.

Лотар отхлебнул чай, посмаковал его на языке. Нет, не то. Нужно будет попросить, чтобы приносили сюда небольшой чайник, и наливать тут. Пока несут, чай остывает, в который раз за последние годы подумал Лотар. Почему-то, напившись, он всегда забывал об этом, да и неудобно было своими капризами затруднять жизнь кому-либо. Слуг-то в детинце не было, ордены все делали сами. Даже Сухмет считал себя не слугой, а рабом Лотара, но с такими мелочами приставать к нему и вовсе неудобно.

— Не посольство, — согласился Ди. — Но может быть, кое-кого, кто лучше посольства. Кое-кого, кто принес вам жизненно необходимую информацию.

— Даже так? — удивился Стак.

Ди мельком посмотрел на него.

— Начнем по порядку. Восемь лет назад мы были врагами. И ты, Желтоголовый, одолел нас. Но меня тогда задело не то, что мы потерпели поражение, а то, что великую армию Великой Поднебесной империи попросту использовали. Я решил узнать, кто же вертел всеми нами, включая императора. И узнал его имя.

— Нет, — твердо попросил Лотар, — не произноси его имя тут, в этом зале, я тут работаю. Если ты заразишь его именем здешнюю ауру, мне придется ее долго изживать, а на это у меня нет лишней энергии.

Ди поклонился по-западному, только гораздо сдержанней, не размахивая руками.

— Ну, тогда я зря тащил сюда свою тележку, но об этом потом. Итак, я узнал его и стал следить, чтобы наказать от имени императора. Каково же было мое удивление, когда император вдруг прислал мне шелковый шнурок.

— Что это значит? — спросил Стак.

— Это значит, что я должен был этим шнурком удавиться. Еще это значило, что враги правды, прислужники этого существа, выследили мои скромные попытки наказать его и заставили императора избавиться от меня.

Сухмет от удовольствия только головой покрутил. Ему очень нравился этот влелеречивый фойский стиль. Наверное, это напоминало ему молодость. Он ведь когда-то жил в Поднебесной.

— Но ты не удавился? — спросил Стак.

— Разумеется, я просто решил оказать услугу моему императору помимо его воли. Надо сказать, к тому времени мое увлечение кристаллической магией достигло своего пика, и я мог добиваться некоторых довольно сложных эффектов. Я проверил одно из своих подсматривающих устройств и обнаружил то, что вам вполне может показаться существенным.

— Подсматривающих устройств? — переспросил Лотар.

— Господин мой, — вмешался Сухмет, — когда ты точно знаешь, что в определенном месте произойдет что-то необычное, но обыкновенное магическое слежение будет обнаружено, ставят некий предмет, чаще всего кристалл определенного сорта, и он

впитывает все, что вокруг него происходит. Потом этот кристалл снимают, счищают ненужные слои информации и получают достовернейшие данные о том, что другими способами получить невозможно.

— Правильно, о старейший, — поклонился Сухмету уже на восточный манер Ди. — Я благодарен тебе за разъяснение.

С этими словами он раскрыл ящичек, который вез за собой, и выволок каменную голову какого-то мистического существа, явно отбитую от фойского храмового рельефа.

— Вот мое устройство. Разумеется, чтобы оно не привлекало внимания противника, по моему приказу его замаскировали под голову птицы Сроф.

— Так она выглядит? — удивился Лотар. — Не очень-то она красива.

Судя по каменному бюсту, птица Сроф имела крючковатый нос хищника, большие невыразительные, как у акулы, глаза и очень тонкую шею. Ди, довольный произведенным эффектом, улыбнулся:

— В действительности она еще отвратительнее.

— Ты видел ее?

— Она служит связным, как я теперь понимаю, между моим императором и тем... кто своим существованием в этом мире порочит моего императора. От кого я хочу избавиться.

— Так ты хочешь нанять нас для боя с архидемоном? — протодушно удивился Стак.

Лотар поморщился. Но слово уже вылетело, к его глубокому сожалению. Тем временем Стак продолжал возмущаться:

— Но ведь это невозможно, Учитель! Этот враг нам не по зубам. Да и никаких денег не хватит, чтобы оплатить эту попытку.

Ди печально улыбнулся:

— Ты прав, Командор. Никаких денег не хватит, чтобы заставить кого-то сразиться с ним. Жаль, я этого не знал, когда только начал свое расследование восемь лет назад. Но сделанного не вернешь. И я, как это ни странно, даже доволен, что сделал то, что сделал. Я больше узнал о мире, о том, как он устроен и кто в нем правит. И еще я узнал, что не все делается за деньги. Кое-что приходится делать, просто чтобы остаться в живых.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил Лотар.

— Я хочу сказать, Непобедимый Желтоголовый, что в данном случае не тебя собираются нанять, а твой главный враг, архидемон, нанял своих самых сильных слуг, чтобы они избавились от тебя. И условленное время уже настало.

Глава 5

— Как ты это докажешь, Ди? — ровным голосом спросил Сухмет. Фой улыбнулся, и его узкие глаза стали еще уже.

— Доказательство тут. — Он похлопал по каменной голове птицы Сроф и посмотрел на Лотара. — Я полагаю, если ты не хо-

чешь пачкать эти стены именем твоего врага, то демонстрация его облика и вовсе нежелательна?

Лотар встал из-за стола. Его руки почему-то потянулись к оружию. Меча за плечом, конечно, не оказалось, но он с радостью ощутил тяжелую, уверенную силу Акифа на поясе. «И когда я успел его подхватить?» — удивился Лотар.

— Я думаю, посмотреть твою запись мы сможем в подвале старой конюшни.

— У конюшни есть подвал? — удивился Ди. — Оригинально.

Он начинал нравиться Лотару, хотя Желтоголовый еще не хотел себе в этом признаваться. Потом фой взял в руки каменную голову птицы Сроф и выпрямился.

— Я готов, Непобедимый.

Сухмет кивнул на дверь и повел фоя за собой.

Проходя мимо тележки на двух колесиках, Лотар заглянул внутрь. Кроме опилок, которые предохраняли голову во время транспортировки, там ничего не было. Лотар спросил Ди, когда они вышли во двор:

— Ди, в ящике больше ничего не было?

— Да, Желтоголовый.

— Но где же твои вещи?

— Мои вещи? — Фой так удивился, что даже остановился, не смотря на тяжеленную ношу, и повернулся к Лотару. — Все вещи у меня в карманах и на поясе.

Лотар присмотрелся. В самом деле, на поясе фоя висел небольшой узелок, в котором не могло поместиться ничего особенного.

— И все-таки, — перехватив этот взгляд, подтвердил фой, — это все мое имущество.

Лотар кивнул. Симпатия к фюю достигла опасной величины. Она грозила стать постоянной.

Перед входом в старую конюшню, по счастливой случайности оставшуюся неизменной с тех времен, когда Лотар строил свой дом только вдвоем с Сухметом, его нагнал Рубос. Мираец шагал тяжело. Он в последнее время обрюзг, у него даже появился животик, хотя сила в руках по-прежнему выдавала закаленного воина и великолепного мастера боя.

— Лотар, — сразу заговорил мираец, — Стак сказал мне, что...

— Да, будет лучше, если ты пойдешь с нами. Предстоит очень серьезная драка, Рубос, — отозвался он, хотя понимал пока не больше остальных, кроме, разумеется, Ди.

Мираец кивнул и следом за Лотаром стал спускаться в низкий земляной подвальчик, в котором Рубос и Стак едва смогли разогнуться.

Оказавшись в подвале, Ди поставил каменную голову на небольшую, к стати подвернувшуюся колоду, закрыл плотнее дверь и сказал чуть дрогнувшим голосом:

— Господа, вот доказательство и объяснение, почему я оказался тут, в ваших краях, хотя прием, мне оказанный, и был весьма прохладным. Но то, что вы увидите, достойно вашего внимания. А теперь смотрите и слушайте.

Он подошел к голове, наклонился, пошептал какие-то заклинания. Его голоса Лотар слушать не стал, хотя, подняв порог слышимости, мог бы разобрать не то что каждое слово или звук, но даже шуршание амбарных мышек.

Небольшое пространство перед головой посветлело, хотя это не было настоящим светом. Это больше походило на образ, пляшущий в воображении вместе с языками пламени из камина. Внезапно пространство стало еще светлее и раздвинулось. Теперь Лотар и его спутники словно бы стояли на самом краю огромного зала, заполненного сумеречным голубым туманом, в котором угадывались странные остроголовые фигуры.

Лотар присмотрелся. Каждую из окутанных туманом голов венчал капюшон. Он был скроен, как обычный колпачок, закрывающий лицо и плечи, и был очень похож на те, которые северные йомены шьют, чтобы хоть как-то защититься от бесконечных дождей, льющих в их странах. Но капюшоны эти странно блестели.

Вытянув очень тонкую, осторожную нить внимания вперед, Лотар вдруг понял, что капюшоны были сшиты из кожи какого-то сильного зверя и так начинены магией, что люди под ними уже не могли быть просто людьми. Их скорее следовало отнести к разряду мутантов или даже полудемонов. Это было страшно.

Лотар вспомнил прочитанное когда-то в старой хронике: много демонов не может собираться в одном месте, им необходимо иное, чем людям, пространство. По мнению белых магов, именно эта, и только эта, особенность обеспечивала до сих пор выживание рода человеческого. Но в том зале, видение которого привез Ди, их было очень много...

Голос Ди на мгновение стал пронзительным и вдруг оборвался. И тогда Лотар увидел Его.

Он испытал шок, сравнимый только с волной смертной тоски, некогда охватившей его в оазисе Беклем. Только то, что было связано с Беклемом и Гханаши, вызывало в нем ощущение такого же бессилия, муку собственной слабости и зависимости от чужой темной воли.

Он был очень высок, футов восьми или даже еще больше. Очень мощное, ладно скроенное тело, обтянутое светло-серым тонким комбинезоном — не мешковатым, как у восточных бойцов, а гладким, выдающим некоторые анатомические подробности едва ли не с бесстыдной откровенностью. Большая голова с высоким, отменной лепки лбом и аристократическое, правильное лицо. Вот только по обе стороны от надглазных выступов к затылку уходило два ряда уменьшающихся рожек.

Лотар попробовал всмотреться в его глаза, но почувствовал тошноту и отказался от этой попытки. Хотя странное предчувствие подсказало ему, что настанет время, когда он посмотрит в эти глаза, встретит этот взгляд и... Что тогда будет, он не знал. Скорее всего он должен будет умереть. Но в течение жизни такие мысли посещали Лотара, наверное, уже с полсотни раз, и все-таки он до сих пор как-то находил выходы из трудных положений. Может быть, удастся выкарабкаться. По крайней мере, он попробует. А в

его сомнения виноваты отравленная стрела эрка и непрошедшая слабость.

Потом архидемон заговорил. У него был низкий, очень сочный, завораживающий голос. Его плавности и силе могли бы позавидовать лучшие певцы мира, но он внушал страх всем присутствующим. Лотар почувствовал, что при звуках этого голоса ощущается близкое присутствие смерти, у него даже дрогнула рука на рукояти Акифа.

— Что он говорит? — быстро спросил Рубос.

— Я собрал вас, джентльмены, — начал тут же переводить Сухмет, — чтобы вы сослужили мне службу.

Лотар слушал этот чудный мощный голос и слабый, но такой знакомый голосок Сухмета и разглядывал Кожаных Капюшонов. Теперь, когда его глаза привыкли и каменная голова стала транслировать все подробности происходящего более отчетливо, он различил то, чего не заметил вначале.

Во-первых, на заднем плане он разглядел кладку из огромных блоков. Вероятно, это была стена их храма. Во-вторых, он заметил, что Капюшоны стоят не просто так, а группами по четверо. И таких групп было четыре, по числу континентов. В-третьих, он увидел, что впереди всех стоит еще один Капюшон. Его сила и возможности были неправдоподобно велики. Лотар даже и не догадывался, что такое может быть.

Это существо могло почти все — колдовать, повелевать, биться, накапливать силу и нечеловеческое знание, способное разрушить всех и вся, кроме таких же, как он сам, полудемонических существ.

Помимо воли Желтоголовый поежился. Он не хотел бы сойтись в битве с предводителем Капюшонов. Потому что проиграет ему так же неизбежно, как неизбежно утекает время, и потеряет не то что жизнь, но самую душу, свое право на последующие перерождения, свою богоданную возможность от жизни к жизни подниматься вверх, к совершенству.

Предводитель Капюшонов поклонился:

— Цахоры слушают тебя, о Повелитель.

Нахаб усмехнулся. Если бы речь шла о нормальных существах, Лотар решил бы, что он не вполне уверен в происходящем.

— Я приказываю вам объединиться, — он блеснул глазами, и от этого сияния зал на миг осветился, как от блеска бесшумной, но яростной молнии, — напасть и избавить меня и весь мир от драконьего оборотня, прозванного Лотаром Желтоголовым.

Легкое волнение прошло по всем четырем группам цахоров — теперь Лотар знал, что именно так называют себя Капюшоны.

— Что? — спросил Нахаб. — Говорите громче, чтобы я слышал голоса, я разрешаю.

«Он не глуховат, — решил Лотар, — просто не мог удержаться и не подчеркнуть свою власть».

— Нас удивляет простота этого задания, господин, — пояснил предводитель.

— Камазох-слим-джа-бо, Великий Магистр цахоров, Повели-

тель Черных Мечей, прозванный Несравненным, Победитель Сорока царей, — отчеканил Нахаб, — ты преувеличиваешь свою силу. Этот человек не совсем человек, и сила, которую он в себе носит, не позволит расправиться с ним ни одному из вас. Возможно, даже ни одна из групп в отдельности не справится с ним, потому что у него есть друзья, которые рискнут за него своими жизнями и душами. Поэтому я хочу, чтобы на этот раз вы действовали сообща.

— Ха, люди — они не многого стоят, — заявил цахор, стоящий сразу за Камазохом, в центре зала.

— Рукинар-бо, — лениво ответил Нахаб, — ты еще молод. И не понимаешь, что все человеческие армии не стоят и малой части моих воинов. Но они сумели создать правильную систему, цельную и эффективную, а вот с ней я не могу справиться уже две тысячи лет. И не уважать это — значит демонстрировать не просто молодость, но и глупость.

В зале повисла недобрая тишина.

— И все-таки, — сказал предводитель другой группы, кажется, западной, так почему-то решил Лотар, — архидемон, почему на этого бестолкового Желтоголового мы должны нападать все вместе? Однажды я убедился по своим колдовским книгам, что мы, все собравшиеся здесь цахоры, действуя воедино, можем сокрушить в прямом бою даже твою милость.

Теперь пауза в зале длилась очень долго. Это был почти вызов.

— Я знаю, ты проверял такую возможность, Непот-бо. И вот что я могу ответить. Возможно, если бы вы собрались вместе и действовали разумно, вы бы сумели доставить мне кучу неприятностей. Но сейчас меня интересует только Желтоголовый. Вернее, его смерть.

Непот поклонился. Другой цахор произнес:

— Хорошо. Мы подчиняемся твоей воле, как всегда, архидемон. Когда нам следует выступать?

«А это северянин, — подумал Лотар, — его нетрудно определить по выговору».

— Хороший вопрос, Сувос-джа. Жаль, что эти слова не всем пришли в голову. Но если они не возражают, значит, они разделяют их. Сейчас еще рано, Лотар пока силен. Но согласно простейшей логике, это также означает, что скоро его сила станет убывать, и наступит день, когда я дам вам общий сигнал. Тогда вы должны действовать, и только действовать. Любое промедление я накажу самым суровым образом. Зато того, кто принесет мне его душу, я награжу так, что он сможет не одну, а несколько своих жизней гордиться и радоваться моему дару.

«Они же смертны!» — беззвучно ахнул Лотар. Вот это открытие! Хотя все остальное тоже было интересно.

— Значит, мы можем возвращаться назад, в свои вотчины, и ждать твоего сигнала? — спросил предводитель цахоров Южного континента.

— Жмарун-джа, ты самый догадливый из нас, — легко кивнув, ответил Нахаб и вытянул вперед руку. — Ждите, и только ждите.

И помните: если кто-то из вас не выполнит моего распоряжения, кара моя превзойдет все, что вы только способны представить.

— Как мы узнаем твой сигнал, Повелитель Зла?

— Вы поймете его.

Свет перед каменной головой начал меркнуть. Голубой туман стал гуще, голоса цахоров стихли. Теперь даже голос Сухмета вполне перекрывал их.

Лотар повернулся, толкнул плечом дверь подвала и вышел во двор. Здесь по-прежнему светило июльское солнышко, в дальнем углу двора работали строители. Где-то скрипели пилы, стучало долото по камню. Какая-то женщина сзывала ребятишек. Лотария жила, строилась, надеялась на будущее.

Но теперь Лотар очень сомневался, что будущее у этого города есть. Он сжал кулаки. Хватка получилась слабой. Сколько месяцев он не работал на тренировках, а просто отбывал номер? Насколько он силен сейчас? Мог ли по-настоящему сильный боец пропустить стрелу эрка и не догадаться взять в плен Киноза?

Кто-то тронул плечо Лотара. Это был Рубос. Рядом с ним стоял Сухмет. Еще дальше — Ди и Стак. Каменная голова осталась в подвале. Но в ней не было больше никакой надобности. При желании Лотар мог прокрутить в сознании все, что это устройство в себе хранило, не упустив ни единой детали.

— Что скажешь? — спросил Рубос.

— Они — самые сильные и уверенные враги, которые когда-либо нам попадались.

Рубос кивнул:

— Может быть. Но я нередко слышал эти слова и раньше, а мы еще живы.

— На этот раз все немного иначе, Рубос. — Лотар нашел взглядом фоя. — Ди, сколько времени ты добирался до нас? Вернее, когда ты сделал эту запись, когда состоялась эта сходка?

— Восемь лет назад ты, Желтоголовый, предотвратил разгром Западного континента тремя великими армиями. Четыре года я боролся с тем, с кем никогда не стал бы бороться, если бы знал, кто мне противостоит. Четыре года назад состоялось это совещание, и я сразу отправился к тебе, потому что за мной охотятся, и только ты можешь остановить архидемона.

— Четыре года? — удивился Рубос. — С твоей смешной тележкой и вот этим маленьким ножиком ты шел к нам четыре года?

Ди неторопливо кивнул. Лотар повернулся к Сухмету:

— Сухмет, я понял из их речей, что цахоры, несмотря на свою силу, все-таки смертны. Что с ними можно сделать?

— Разорвать на куски, сжечь до пепла или в крайнем случае замуровать в очень глубоких шахтах. Но лучше все-таки разорвать, потом сжечь, а пепел замуровать или рассеять над океаном.

— Рубос, мы можем рассчитывать на какие-либо регулярные армии?

— Все зависит от того, сколько времени у нас осталось до сигнала архидемона к атаке.

— Времени практически не осталось, — подал вдруг голос Ди.

— Ты уверен? — быстро спросил Лотар.

— Да.

— Как ты узнал?

— Я просто сужу по тому, как вел себя Киноз. Если бы атаки цахоров не было, он никогда не обозначил бы себя так явно, а ударил бы неожиданно.

— Все-таки это лишь косвенное доказательство.

— Оно верное, Желтоголовый.

Лотар снова обратился к Сухмету:

— Киноза ты почувствовал своими системами. Я же почувствовал эрка. Но мне сейчас кажется, что он давно за нами следил, и мои колокольчики его никогда не поймали бы, если бы к его слабому сигналу не добавился фоновый сигнал от Киноза. Могли эти два сигнала сложиться?

Сухмет подумал. Потом медленно ответил:

— Скорее всего, господин мой, так и получилось. Странно, что я до этого сам не додумался. Но это значит, что эрк был тут уже давно, и еще получается, что... — Он посмотрел на Ди. — Что Ди прав, сигнал к атаке уже прозвучал. И у нас практически не осталось времени. Цахоры очень быстро атакуют. Они все будут тут уже через несколько дней, и тогда...

Лотар провел рукой по глазам. Дышать на мгновение стало очень трудно, но он взял себя в руки.

— Хорошо, паниковать не будем. Как мы можем проверить, был сигнал архидемона атаковать Лотарию или нет? Ты как-то говорил, что у тебя налажен неплохой подпространственный переход к Яйцу Несбывшегося?

— Да, господин мой, я сейчас же направляюсь туда, чтобы проверить, есть ли на Яйце след от данного Нахабом сигнала. Заодно проверю и наше будущее.

— Будущее? — переспросил Стак. — Тогда попробуй узнать, через какие города эти цахоры собираются нас атаковать.

Сухмет улыбнулся ему, словно несмышленишу, потому что давно и сам об этом подумал, все-таки кивнул и пошел к левому крылу детинца, где размещалась его лаборатория. А Лотар повернулся к Рубосу:

— А мы давай займемся тем, что подсчитаем ресурсы и определим наши возможности для маневра. Не исключено, мне тоже, подобно Ди, придется какое-то время побегать по свету, ведь нужен им, кажется, именно я, а не кто-то другой.

— Интересно, — ворчливо заметил Рубос, — как ты будешь бегать по свету, если у тебя не будет опорной базы? И как быстро догадаются эти полудурки разрушить эту базу, чтобы ты оказался у них в руках?

— Ты хочешь сказать, что бегство не выход?

— Как сказал архидемон какому-то из своих Кожаных голов: ты у нас самый догадливый, Учитель.

И Рубос, чтобы подчеркнуть шутку или, наоборот, скрыть раздражение, испуг и даже отчаяние, легко поклонился Лотару.

К вечеру стала вырисовываться картина необходимых действий. Во-первых, почти всех людей, не имеющих отношения к столкновению с цахорами, следовало эвакуировать как можно дальше. Лотар даже предложил выслать детей и женщин за пределы страны, но Рубос ворчливо заметил, что паниковать нечего — дальние поселения цахоры вряд ли тронут, а если и пойдут на это, то достанут на любой территории, поэтому людей нужно не высылать, а лишь организовывать для них временные лагеря с жильем и питанием. После некоторого размышления Лотар с этим согласился.

Потом пришла пора задуматься, как защитить Лотарию. В этом обсуждении активное участие приняли инженер Вафраш и архитектор Перспектос. Они посетовали, что нет Сухмета, а значит, чисто магические приманки и маскировки нельзя обсудить прямо сейчас, и стали предлагать очень дельные штуки. Внезапно их предложения вполне толково прокомментировал Ди, и вся троица, получив согласие Лотара, удалилась, чтобы наметить общий план ловушек.

Лотар все еще не был уверен, что Ди не лазутчик, выдавший часть информации, чтобы предать в большем, но решил ему пока верить. В искренности фоя его убедила не история с Кинозом и даже не та информация, которую фой привез в каменной голове птицы Сроф, а его поведение. Ну и, конечно, молчание колокольчиков.

После этого они с Рубосом, Джимескином и Шивилеском помучились почти три часа, составляя массу дипломатических документов к соседям, иногда прямо обращаясь за помощью, а иногда, наоборот, уговаривая слишком рьяных помощников остаться в стороне. Лотар рассчитывал, что туманные упоминания о некоторой угрозе с Востока не наведут соседей на мысль, что Лотарию можно рвать на части, а следовательно, войны с ближайшими соседями не будет. Впрочем, в этом еще предстояло убедиться.

И лишь когда почти стемнело, Лотар в сопровождении Стака появился на тренировочной площадке, где с удивлением обнаружил весь Орден в полном составе. Ребята и девушки отработывали самые чистые, самые сложные и совершенные приемы боя.

Магически, иногда довольно откровенно, Лотар проверил психику каждого из своих бойцов. И поразовался. Все сорок человек были готовы — к любой войне, с любым противником — и рассчитывали победить. Вот только победа на этот раз была как никогда сомнительна.

Лотар быстро переоделся, размялся, поработал с длинным шестом, с коротким, с двумя короткими, помахал тяжелыми, тренировочными саями, а когда решил было взяться за меч, к нему с низким поклоном подскочила Ветриса.

Толстенькая коротышка, какой она должна была показаться любому неискушенному глазу, превосходила едва ли не половину

мужчин-орденцев. Глядя на нее, Лотар вспоминал, какой неловкой, смущающейся она была семь лет назад и как хотела всего лишь исправить фигуру, чтобы выйти замуж за какого-то кавалера из Мирама, который отказывался к ней свататься, потому что находил ее полной.

Она так и осталась плотненькой на вид, но теперь это были мускулы, сухожилия и отработанные рефлексy, не дающие слабину. Она начала делать успехи сразу, едва взялась за обучение, и через полтора года стала превосходить всех рядовых учеников, а еще через два года стала кандидатом в Орден. Разумеется, глупец кавалер к тому времени был накрепко забыт. Лотар слышал, что у нее складывались вполне определенные отношения с другим орденцем из Мирама, по имени Вестос.

— Я слушаю, Ветриса.

— Учитель, ребята посмотрели на твои упражнения и решили задать тебе трепку.

Желтоголовый усмехнулся. Это было здорово. Он и сам хотел предложить полноконтактный поединок кое-кому из этих молодых задавак, только позже. Но если они так рвутся в бой, он им покажет.

— Я не прочь. Только я не вижу, чтобы кто-то из моих соперников надел щитки.

— Учитель, твоими соперниками будут все. Мы бы оскорбили твоё искусство, если бы выставили лишь несколько бойцов. И нам не нужны щитки.

«М-да, подловили, — подумал Лотар, — могу не справиться».

— Слушай, Ветриса, без щитков я могу не рассчитать...

— Мы не собираемся защищаться.

— Даже так? Хорошо.

Лотар сконцентрировался. На взгляд со стороны, лицо его застыло, а глаза сделались непроницаемыми, зато в них появилось тусклое мерцание, как у дремлющего зверя. Движения упростились, в них возникла чуть надменная мягкость. Спина и плечи совершенно расслабились, а вся сила ног переместилась в нижнюю часть голеней и в ступни.

Он вышел в центр площади. Плиты тут были неровными, в них образовались выбоинки от оружия и протертости там, где наиболее рьяные ученики во время постоянных тренировок успели протоптать свои следы в камне. Сухмет рассказывал, что на Востоке есть монастыри, где ученики за пятьдесят-семьдесят лет вытаптывают след в твердейших гранитных плитах. Судя по всему, в Лотарии это происходило быстрее.

— Хо! — закричал Стак. Теперь он был тут командиром, потому что Лотар стал противником для всех.

Желтоголовый осмотрелся. Вокруг него стояли восемь человек, трое атаковали, но не совсем синхронно. Он отбил одну атаку сзади, а две атаки просто опередил. Двое орденцев покатались по плитам, один присел, зажимая пробитую брюшину.

«Они чересчур мягкие, — решил Лотар. — Впрочем, это могла быть и хитрость».

Места выбывших заняли трое других. Снова атака, на этот раз с четырех сторон, два удара у атакующих даже прошли. Лотар встретил одного согнутой в колене ногой, а второго просто захватил руками. Пока двое тяжело задетых орденцев отползали в сторону, он расправился с тем, кого захватил в клещи. Фактически он вынул из суставной сумки плечо. Но для себя он обозначил и смертельный удар в висок, чтобы у мальчишки не было сомнений на свой счет в будущем. Возможно, это поможет ему спасти жизнь в настоящем поединке.

Потом началось что-то невообразимое. Лотара атаквали настоящим, уже не надеясь сразу вырубить, а просто стараясь достать. И доставали, конечно. Минуты через три он был уже избит так, что кровь из носа залила грудь, кость на правой ноге оказалась сломанной у ступни, и ее пришлось на ходу зарашивать, а левую руку дважды выбили ударом снизу в подмышечную впадину.

Желтоголовый поймал себя на том, что слабеет. Слишком быстро, решил он, теперь, чтобы спастись, следует атаковать. Он бросился в атаку, оставив троих без сознания, и вдруг обнаружил, что резервы у орденцев тоже кончились. Вокруг него стояли — по классической схеме — десять бойцов, и их больше некому было менять. Остальные выбыли. «Скоро можно будет передохнуть, — решил Лотар. — Кто бы ни победил».

Но получилось по-иному. Его сломал Стак. В паре с десятником Скреполом, одним из самых свежих орденцев, он так точно и быстро атаковал ноги Лотара, что Непобедимый пропустил чувствительный удар с внутренней стороны колена, а когда понял, что у него сломан мениск, было уже поздно. Атака орденцев превратилась в ураган, и в конце концов Лотара распыли на земле, причем каждую его руку и ногу контролировал один из противников, а шею удушающим приемом зажал сам Стак. Все было кончено, он проиграл.

— Все, — разлепил разбитые губы Лотар, — признаю, вы выиграли.

Его освободили, он сел. Ребята, которые еще могли шевелиться, подтягивались к месту последней схватки. Пятерым бедолагам, которые еще не пришли в себя, пытались помочь кандидаты в Орден и несколько самых продвинутых учеников из академии.

Лотар посмотрел на Стака:

— А ты выжил, поздравляю. Пару раз я предполагал расправиться с тобой, чтобы лишить нападение организованности.

Стак кивнул. На его неулыбчивой физиономии появилась гримаса понимания и сарказма.

— Это было слишком заметно, Учитель.

Лотар посмотрел на склонившиеся над ним потные, усталые лица.

— Вы все молодцы. Я не ожидал от вас такой прыти.

Опристак, другой десятник, мастер боя на шестах, хмыкнул:

— Глядя на твою разминку, Учитель, мы думали, что победа

нам обеспечена меньшими потерями. Если бы ты работал в полную силу...

— Я работал в полную. — Наконец Лотар решился задать главный вопрос, отбросив самолюбие: — Стак, ребята, я так плох?

Они были орденцами и не привыкли хвалить просто так. И Стак ответил за всех:

— Еще полгода назад мы бы тебя не одолели. Учитель, ты слишком много времени проводил за столом. Ты стал... — Он подумал, потом твердо закончил: — Администратором.

Лотар кивнул:

— Ну что же, будем утешаться тем, что лучше всего, как всегда, тренирует противник. — Он протянул руку Бородулу, одному из лучших стрелков и метателю всего, что могло стрелять или быть брошенным. Тот поднял его. Да, мениск был раздроблен в порошок. — А он у нас на этот раз очень опасный.

Ребят растолкал Рубос. Он уже понял, что тут произошло, и выглядел мрачным.

— Пошли, — рявкнул он своим трубным голосом, — Сухмет вернулся.

— И что? — спросил Лотар, стараясь как можно скорее прийти в себя.

— Новости неутешительные. — Рубос осмотрел орденцев. — Стак, приводи себя в порядок, ты нужен наверху.

Это означало — в Лотаровом зале.

На этот раз, чтобы не тратить зря времени, разговаривали не в кабинете, а в мыльне, где Желтоголовый приходил в себя после потасовки. Сухмет, увидев его, только сокрушенно покачал головой.

Пока Лотара это не заботило. Жаль, конечно, что он не в лучшей форме, но особенно переживать из-за этого некогда. Сейчас нужно сделать все, что можно, а остальное проявит сражение.

Растирая в горячей воде избитые мускулы, он, по сути, мутировал, поправляя свое тело, только вид все время оставался человеческим. Но он все-таки превращался в другого Лотара — с целым мениском, с целыми, а не разорванными мышцами и, конечно, целыми, а не выбитыми руками.

— Сухмет, что ты узнал?

Старик тем временем топтался около печки, чуть не залезая в топку. Заметив взгляд Лотара, он пояснил:

— Замерз. И почему в подпространственных переходах всегда так холодно?

— Не замечал, — пророкотал Рубос.

— Ты не ходишь на большие расстояния, а мне приходится.

— Стоп, — насторожился Рубос, — есть только один постоянный переход — от нас к Яйцу Несбывшегося. Или появились какие-то новые, о которых я не знаю?

— Новых не появилось, — ответил Сухмет. — Но я ставил эксперименты по перенаправлению этих переходов. И пытаюсь облегчить их, чтобы не только я мог по ним лазить, но и ты, к примеру. Вот и пришлось...

— Он имеет в виду эксперименты по выходу на стеклянные модели Дракона Времени, как на маячки, — пояснил Лотар. — Пока это чаще проваливалось, чем срабатывало. Но с Яйцом у нас переход работает надежно, проблем не возникает.

Рубос кивнул. Дверь в мыльню раскрылась, вошел Стак. Он воспользовался специально устроенным водопадиком, который работал от водозабора у реки. Там мылись после тренировок все ребята. Он был свеж, бодр, и у него ничего не было сломано. Лотар подумал, что Командора Белого Ордена очень украшает молодость.

— Так, все в сборе, — сказал Лотар. — Что у тебя, Сухмет?

Восточник отошел наконец от печки, потер последний раз ладони, вздохнул и заговорил:

— Команда атаковать в самом деле произнесена, господин мой. И они пошли. Более того, они уже разбились на четверки. Восточная, под командованием Рукинара, пойдет через Фулец. Кстати, с ними идет и Камазох, Великий Магистр, самый опасный из Капюшонов. Наша, западная, во главе с Непотом, пока бредет по Новолунгмии, у нее путь самый короткий, и они не торопятся. Северная, которой командует Сувос, должна на днях собраться в Крилау, это такой порт на том берегу Северного моря. А южная, которую ведет Жмарун, судя по предсказанию Яйца, встретит изрядную помеху неподалеку от храма, называемого Клетка Планы.

— Это что такое? — поинтересовался Рубос.

— Плана — очень древняя богиня нашей земли, круглая и, как водится, довольно свирепая. Я не думал, что ее храмы еще где-то сохранились, но Яйцо говорит, что один, по крайней мере, имеется.

— Где он стоит? — спросил Лотар.

— Где-то на южной границе Гурхора и необъятных полупустынь.

— Ну, как обеспечить нашим гостям теплый прием в Фульце, я знаю, — сказал Рубос. — Сейчас же напишу Присгимулу. А вот как быть с остальными?

Стак, который до этого тихо стоял у стены, произнес:

— Как всегда, главная проблема — в средствах транспорта.

Глава 7

— Ну, не все так просто, — пробормотал Сухмет, скорее желая уточнить что-то, чем отрицая саму формулировку.

Лотар почувствовал, что старик над чем-то задумался. Но проблема, которую так удачно выразил Стак, действительно являлась ключевой, и Лотар не стал следить за идеями и соображениями Сухмета, а просто сосредоточился на обсуждении плана действий с Рубосом.

Приведя себя в порядок, насколько это было возможно после той трепки, которую задали ему орденцы, Лотар вылез из воды и,

чувствуя себя старым и неуклюжим, потащился в зал совещаний. К нему присоединились остальные администраторы города, и работа продолжалась.

Рубос набросал письмо Крамису, который должен был со всей Мирамской стражей и кое-какими верными отрядами из соседних городов присоединиться к орденам Стака и добровольцам из Фехтовальной академии. Лотар, тщательно взвесив возможности всех четырех отрядов цахоров, идущих сейчас на Лотарию, тоном, не терпящим возражений, приказал Стаку идти в Новолунгмию.

Стак заупрямился, но едва Лотар пообещал, что припомнит кое-какие параграфы устава Белого Ордена о неподчинении, смирился и даже не спорил о необходимости щедро заплатить тем отрядам наемников, которые, возможно, захотят к ним присоединиться.

С этой идеей было много возни. Рубос нашел ее неплохой, но Джимескин решил, что это ни к чему хорошему не приведет. Пришлось даже посоветовать ему заниматься эвакуацией вместе с Шивилеком, а военные проблемы оставить военным. На том и порешили.

Уже за полночь, оставшись втроем с Рубосом и Сухметом, что-то по-прежнему тихо вычислявшим в углу, Лотар решил, что Рубос созрел для собственного задания. Когда он разъяснил мирамцу задачу, тот долго тряс головой, пытаясь понять, что, собственно, Лотар имел в виду, потом бодро произнес:

— Не получится. Мы попросту все погибнем.

Лотар пожал плечами:

— Давай так. То, что они идут с четырех разных континентов, — хорошо или плохо?

— Очень хорошо. Это дает нам возможность перехватить, по крайней мере, некоторых из них, пока они не объединились.

— А то, что у нас есть возможность устроить им пару сюрпризов по дороге, — правильно с военной точки зрения или нет?

— Абсолютно правильно, это единственный шанс ослабить их.

— Вот этим мы и занимаемся.

Рубос вздохнул, почесал затылок.

— Лотар, плохо не то, чем мы занимаемся, и не то, как ты это организовываешь. Все, предпринятое нами до сих пор, неизбежно. Я возражаю только против твоего конкретного плана с северной группой. Нужно придумать что-то более действенное, чем предлагаешь ты. Вот и все.

Теперь вздохнул Лотар. Он подустал, и у него было стойкое ощущение, что все сделать как следует они не успеют.

— Ну, попытаться все равно не грех. Если даже мы не успеем и провалимся, и даже погибнем, какая разница, где они нас прикончат, — тут или в этой драке с северной группой Сувоса?

Рубос тоже устал. Как ни странно, даже несгибаемый мирамец приуныл.

— Наверное, ты прав. — Он встал и пошел к двери, но остано-

вился и оглянулся. — Хотя идти с таким настроением в бой — дело гибельное, я сделаю, что могу.

Они помолчали, разглядывая один другого.

По сравнению с тем, каким Лотар его увидел двадцать шесть лет назад на Южном континенте, Рубос стал гораздо толще, и в его темноволосой голове появились седые пряди. Примерно то же самое без труда читалось и в сознании Рубоса — он находил Лотара уже не таким подвижным, легким, неуязвимым и, конечно, считал, что его желтоголовый друг, поднявшись по лестнице успеха, безнадежно опустился по шкале воинского совершенства. Но с этим Лотар как раз не хотел соглашаться, хотя говорить что-либо было бессмысленно, следовало доказывать действием.

— Ладно, до встречи.

Лотар поднял руку в прощальном жесте. Рубос улыбнулся одними губами и кивнул. Они сознавали, что могут больше и не увидеть друг друга. Когда это соображение дошло до Желтоголового, он закричал в спину Рубосу:

— Кстати, если я не появлюсь, значит, они своего уже добились. И ты ни во что не вмешивайся. Это приказ, Рубос. Ты понял? Это приказ.

Рубос постоял у двери, не поворачиваясь, потом молча постучал костяшками пальцев о деревянную притолоку и вышел.

Лотар откинулся на спинку кресла. Он знал, что этот приказ Рубос не выполнит. Без Лотара и Сухмета у него не останется ни единого шанса, но он попытается предпринять против Сувоса что-то свое и будет убит. «Ради Рубоса я должен сделать так, чтобы они не сумели прикончить меня раньше времени», — решил Лотар.

Кажется, именно эта идея вывела Сухмета из летаргии, в которой он пребывал. Старый восточник подошел к Желтоголовому со своей привычной вежливой улыбкой. Не вдаваясь в подробности, он произнес:

— Господин, я знаю, где нам раздобыть летающий ковер. Хотя бы на время.

Лотар подумал, что это соображение может оказаться ключом к операции с Рубосом. Но пока следовало заняться другим.

— Знаешь, меня очень заинтересовало твое сообщение о пребывании группы Жмаруна в Клетке Планы. Я, конечно, совершенно не понимаю, как ты по Яйцу времени сумел заглянуть в будущее, но допускаю, что ты прав.

Сухмет, сохранивший, кажется, больше сил, чем все остальные в этом тереме, тут же возбудился и попробовал было рассказать, как это выглядело с технической точки зрения, но Лотар не дал ему закончить:

— Стоп, я думаю, это неважно. Расскажешь после. А сейчас давай лучше подумаем, как мы можем их перехватить в той точке, откуда они свернут к храму Планы. Ну и, конечно, как мы можем там оказаться раньше противника.

— Зачем?

— Чтобы решить, как мы можем их ослабить.

— Только мы вдвоем? — спросил Сухмет, хитро прищурившись.

— Других сил у нас больше нет. Всё остальные работают не покладая рук. Даже Ди, хотя я до сих пор не уверен, можно ли ему верить.

— Зря ты не дал мне обследовать его сознание.

— Это все равно ничего не дало бы. Если он предвидел возможность такого обследования, то наверняка подготовился и сумел бы обмануть даже тебя, он достаточно для этого тренирован. А если он будет совершенно открыт, ты можешь изрядно навредить ему, так что в любом случае это плохо.

Сухмет кивнул:

— При желании можно переориентировать вневременной переход с острова Шонмор на Клетку Планы.

— Сколько это займет времени?

Сухмет поднял на Лотара глаза.

— Ты хочешь выпастись, господин мой? — Старик усмехнулся. — Не удастся. Если отправляться, то как можно скорее, и лучше подремлешь на Южном. Если что-то с цахорами Жмаруна и произойдет, то это случится уже завтра, примерно в полдень. А нам еще нужно преодолеть...

— Я знаю географию, — неторопливо проговорил Лотар. — Что у тебя сегодня за мания такая — всему меня учить?

Сухмет пожал плечами:

— Наверное, я тоже нервничаю.

Лотар встал с кресла:

— Ладно, нервничать можно. Вот только устрой мне переход в Клетку Планы.

— Когда будешь готов, господин, подходи ко мне в лабораторию.

Лотар готовился в своих апартаментах так тщательно, как, наверное, еще никогда в жизни. Он любовно отполировал свои клинки, старательно выбрал легчайшие доспехи, аккуратно приладил на себе каждую пряжку амуниции. Он не чувствовал будущего.

Такое уже бывало. Иногда он собирался на дело как на прогулку и видел будущее, знал, что его можно планировать, потому что не сомневался в своей победе. А теперь не знал, будет ли что-нибудь даже не послезавтра, а через несколько часов. Уж очень сильны были враги, и слишком их было много. Он же оказался неподготовлен, а привести себя в более подходящую для такой драки форму уже не мог. Приходится воевать как есть.

И все-таки он собирался оказать сопротивление, в этом заключалось его честолюбие воина, этого требовала честь солдата.

Одевшись и уложив легкий походный мешок, он вышел. У двери его поджидала Мало. Она стояла, опустив руки. Ее черная кожа казалась светящейся в темноте.

— Что ты тут делаешь?

— Я хочу с тобой проститься, Учитель.

Лотар положил руку на ее теплое плечо. Иногда с девушками такое случается. Вполне понятное живое человеческое чувство.

Но сейчас Лотар не знал, нужно ли ему обнадеживать Мало или следовало безжалостно оттолкнуть. Он не видел будущего. Тогда он ответил ей как Учитель, сейчас эта реакция показалась ему самой верной:

— Не болтай глупостей, Мало. Я не исчезаю надолго, я всего лишь отправляюсь на обычное дело.

Она кивнула и улыбнулась. Через силу.

Лотар вздохнул. С девушками он часто ошибался — и на этот раз, кажется, тоже не попал.

— Ладно, тогда так: если будешь послушной, я оставлю тебя в Лотарии, когда придет время главной схватки. Но пока даже ее нужно заработать, а твои эмоции уже сейчас мешают мне и тебе. Ясно?

Она вдруг улыбнулась радостно, почти спокойно:

— Правда?

Лотар не понял:

— Что правда? При чем тут правда? Я говорил о законах войны, о правилах Ордена.

— Я поняла, Учитель.

И она быстро, чуть не вприпрыжку поскакала по коридору. Лотар задумался было, чем он так утешил девушку, но долго сосредоточиваться на этом не мог, хотя от таких мыслей у него тепло на сердце.

В огромном зале с отдельным входом, пристроенным к детинцу и называемым всеми лабораторией, Сухмет встретил его словами:

— Господин, проложить переход в Клетку Планы не удалось. Она закрыта для магических вмешательств. Но можно добраться до оазиса Беклем. Ты помнишь о нем?

Лотар на миг оторопел. Потом успокоил дыхание, поправил Гвинед за спиной, Акиф у пояса и ответил:

— Сколько от оазиса до Планы?

— Лиг сорок или сорок пять. Этот путь нам придется проделать на твоих крыльях.

Лотар призадумался. Стоило ли лететь в такую даль, если они уже не успеют предупредить событие? Но о самом событии ничего не известно, оно может не только заставить цахоров изменить маршрут, но и задержать их. В таком случае они застанут их в старом храме и, следовательно, могут что-то предпринять.

— Ладно. Если ты не сумел наколдовать ничего получше, попробуем то, что есть.

Глава 8

Самого перехода Лотар, как обычно, не заметил. Он плохо переносил все эти магические трюки с пространством. Для него пустое пространство по сторонам узкого коридорчика как бы сжималось, становилось ватным, потом непроницаемым, непреодолимым и лишь по прошествии какого-то времени раскрывалось,

становилось снова широким... И они уже стояли под сенью колышущихся на ночном ветру высоких пальм.

Они шуршали так же, как в ту бесконечно далекую ночь, когда он впервые подошел к оазису Беклем, изнуренный ранами и жаждой, когда он думал, что смерть — самое скверное, что может случиться с человеком.

Лотар усмехнулся и огляделся. Воспоминания оказались очень живыми, особенно потому, что оазис по-прежнему, как и много лет назад, был пуст. Дурная слава этого места, без сомнения, отпугнула даже пустытников, которые селятся всюду, где есть хоть полкувшина воды в день. Именно столько хватило бы здесь привыкшему переносить жажду человеку. Для того чтобы рядом с человеком сумел выжить конь или верблюд, нужно много больше, но и полкувшина тут — огромная ценность. Тем более что не все жители этих мест имели коня.

А воды здесь было гораздо больше, чем полкувшина: тут протекал ручей и даже росли пальмы, обещаая тень и призрачную прохладу. И все-таки оазис был нежилым.

— Пойдем поищем ручей, — предложил Лотар.

— Вообще-то нам нужно торопиться, господин мой, — ответил Сухмет. — У нас в самом деле очень мало времени. Всего лишь часов десять, а ты еще хотел выспаться.

— Я могу отрачивать крылья и на берегу бассейна... Помнится, тут был бассейн.

— Отравленный, спешу тебе напомнить.

— Отраву должна была вымыть вода. А яд, каким бы он ни был, неплохо вбирает песок.

— Вобрал ли? — Такой вот на Сухмета нашел стих — он во всем сомневался.

Впрочем, не зря. Когда они нашли бассейн, оказалось, что яд остался. Он стал лишь невидимым, частично впитавшись в поверхность камня, облицовывающего бассейн изнутри, а частично растворившись в самом источнике. Лотар смотрел на текущий у его ног ручей, на заполненный до половины бассейн и негодовал.

Этой воды хватило бы для небольшой деревни, но вот появился некий Гханаши и отравил все на многие годы вперед, полагая, что имеет на это право.

«Самое скверное — отравлять жизнь будущим поколениям», — промелькнуло в голове у Лотара. Тем, кто придет потом, может не хватить капли именно этой воды, прохлады именно этого оазиса. А многие жизни могут и вовсе не увидеть света.

Вот так некто и убивает тех, кого даже в глаза не видел. А ведь обвини его в этих убийствах, он примется негодовать. Только он все равно убийца. И любой человек с понятием о чести и справедливости должен это понимать.

Сухмет подошел сзади и положил руку на плечо Лотару:

— Ты отомстил ему много лет назад.

— Если бы мог, отомстил бы еще раз.

— Нет, по ту сторону смерти месть для живущих в этом мире должна прекращаться. Впрочем, это и невозможно для нас.

Лотар повернулся к Сухмету. Глаза старика стали очень узкими, в них почти ничего невозможно было прочесть, но Лотару показалось, что в них стоят слезы. За все двадцать шесть лет их дружбы Лотар видел старика разным: веселым, печальным, грустным, негодующим, возмущенным, гневным — но ни разу не видел его плачущим. И вот теперь...

— Кстати, как там? Ты знаешь, что ждет нас по ту сторону?

Сухмет печально ухмыльнулся:

— Знаю, конечно. Магам положено знать о своем пути в нескольких предыдущих перерождениях и о том, что происходило между ними. Да и невозможно пройти весь путь за одно воплощение. Как правило, сильные маги рассчитывают на несколько жизней вперед.

И что-то еще мелькнуло в его сознании. Лотар не любил подсматривать в сознание восточника, но на этот раз какая-то мысль касалась самого Лотара. И он насторожился:

— Стоп, ты подумал, что знаешь не только свою жизнь... Но и мою?

Сухмет вздохнул. Повесил голову, шмыгнул носом. Потом медленно, нехотя кивнул.

— Тогда ты должен мне рассказать, — спокойно произнес Лотар.

Старик отрицательно покачал головой:

— Не проси меня, господин мой. Я не должен этого рассказывать.

— Как ты не понимаешь: это знание вполне может помочь нам выжить...

— Мне неизвестны подробности, и это нам ничем не поможет. Я просто знаю, каково тебе будет впоследствии. И только в том случае, если ты сам выберешь эту дорогу.

— Сам? — Лотар обрадовался, хотя и не показал виду. — То есть я могу еще и не пойти по самому трудному пути?

— Ты уже идешь, господин мой. Но можешь, конечно, свернуть. Судьбы и предопределенности не существует. Люди, хвала Демиургу, имеют свободу воли. К счастью ли, к несчастью, но имеют.

— Это другое дело. Тогда можешь мне не рассказывать, что ты узнал... Кстати, как ты узнал?

Сухмет поднял голову, он и не собирался ничего отвечать.

— Постой, не торопи меня, я сам... Ты вычитал это по Яйцу Несбывшегося, верно?

Сухмет легко улыбнулся сухими губами и кивнул.

— Так вот на что ты тратил время последние несколько лет — читал Яйцо. А мне-то говорил, что учишься строить переходы!

— И переходы тоже.

— Но это было побочным делом, не так ли?

Сухмет хмыкнул уже почти весело и достал из-за пазухи сбрую, которую он соорудил, чтобы подвешивать себя к груди Желтоголового, когда тот махал крыльями. Они использовали это устрой-

ство, чтобы не слишком изменять естественную центровку Лотара в полете.

— Пора двигаться дальше, господин.

Лотар последний раз посмотрел на бассейн и скинул куртку. Сухмет был прав, следовало торопиться.

Сейчас он отрастил крылья несколько большего размера, хотя уже давно заметил, что от этого его кости становились более хрупкими.

Когда Лотар трансмутировал, он обычно становился тяжелее, иногда набирал вес даже более пятисот фунтов. Однажды они взвесили его и зафиксировали это точно. Откуда бралась такая способность наращивать мускулы, костяк, сосуды, увеличивать сердце чуть не в половину груди, расширять легкие до совершенно невероятного, нечеловеческого объема — непонятно. Как будто неоткуда.

Несколько раз у Лотара возникало искушение стать гигантом, но, поэкспериментировав с этим, он выяснил, что способность становиться мощнее, тяжелее и больше имеет предел. В какой-то момент костная ткань охрупчивалась, словно иссякал тот непонятный источник, в котором ее можно было «занять» для умеренных мутаций. То же самое происходило и с мускулами, и с нервами, и со всем остальным.

Как-то он надумал поговорить об этом с Сухметом, но старик только невнятно прошамкал, что это довольно старая проблема, ее считают неразрешимой, поэтому никто не хочет за нее браться. Но вообще-то у Харисмуса где-то сказано, что эти эффекты каким-то образом связаны с тем, что наше пространство не ровно трехмерное, а немного больше, кажется, три с четвертью. Но что такое дробные доли пространственного измерения, Сухмет внятно объяснить уже не смог, а перешел на такой язык, который и сам, похоже, не очень-то понимал.

Зато с большими крыльями Лотару было трудно взлетать. К тому же старик подвязал себя под Лотарову грудь слишком тесно.

— Слушай, Сухмет, — нежно сказал Лотар, когда стало ясно, что восточник приготовился к полету и ждет. — Ты не мог бы немного ослабить подпругу — не знаю, как иначе назвать то, что сжимает мне живот?

— Ничего, господин мой, в полете это само собой ослабеет.

— Хорошо, а этот ремень, который проходит через спину, он мне в шею врежется.

— В полете он сам встанет на место. Уверяю тебя.

— Но его раньше не было, откуда ты знаешь?

— Я его недавно придумал, но уверен, он тебе со временем очень понравится.

— Сомневаюсь, — проговорил Лотар. Он осмотрелся последний раз, уже неловко ворочая головой на слишком мощной шее, которая поддерживала разросшиеся махательные мускулы груди. Кажется, они ничего не забыли.

— Кстати, ты не забыл уменьшить вес? — спросил Лотар.

Сухмет, когда придумывал свой способ «полета под Лотаром»,

утверждал, что заимствовал эту идею из старинного фойского трактата о полетах на разведывательных дельтовидных крыльях. Но там также было сказано, что воздушных разведчиков выбирали из самых маленьких и тшедушных жителей отдаленных горных деревень. Потом он провозился в лаборатории неделю и нашел колдовство для уменьшения веса. Он и в самом деле умел становиться почти невесомым, по крайней мере, так показывали приборы. Но масса его оставалась прежней, и при поворотах Лотару приходилось очень основательно поработать. Когда Желтоголовый попросил его по-настоящему уменьшить вес, Сухмет холодно ответил, что это невозможно.

— Я стал легче пера, если тебе это угодно, господин.

Лотар примерил дорожку для разбега.

— Вообще-то я слышал, что на господах не летают. Еще неизвестно, кто из нас господин, может быть, скоро твой ошейник придется носить мне.

Сухмет не ответил. Он лишь поджал ноги, чтобы Лотару удобнее было разбежаться, и резко выдохнул воздух.

Желтоголовый побежал. Сначала большие крылья не давали возможности набрать достаточное количество ветра, потом, когда они все-таки полностью распластались и в самых кончиках, примерно там, где у нормального человека находились ладони, появилось странное ощущение опоры неизвестно на что, Лотар попытался еще прибавить скорости. Ноги уже легче отталкивались от песка, они не увязали в нем по шиколотку. Теперь достаточно было только хлопать всей ступней и направлять тело вперед, навстречу ветру.

Потом крылья вдруг взмахнули и уже не ударились о песок, хотя ноги еще оставались на земле. Еще раз, еще... Теперь можно было взмахнуть в четверть силы. Ноги оттолкнулись последний раз и повисли в воздухе. Чтобы лучше управлять в полете, Лотар тут же стал выращивать небольшие боковые крылышки, которые могли служить отличным рулем, как хвост у ласточки, и к тому же существенно облегчали нагрузку на поясничные мышцы.

Пальмы пронесли мимо в десятке ярдов, и вдруг Лотар увидел их уже сверху. С высоты они выглядели гораздо красивее. Сверху весь мир, и даже оазис Беклем, казался прекрасным.

Лотар стал подниматься. Сухмет раза два поправил его, когда он избирал направление. Старик пользовался своим обостренным дальновидением, которое позволяло ему не только определять направление, но и учитывать потоки воздуха. Ничем другим он сейчас помочь не мог.

Он лишь предупредил, что впереди будет широкая, чуть не в десять лиг, полоса, где ветер окажется встречным. Но бороться-то с ветром предстояло Лотару...

Единоборство с воздушным потоком отбирало почти все силы. Их уже не оставалось на то, чтобы восхищаться красотой пустыни, простиравшейся под ними, ночным небом, мерцанием звезд. Лотар стал уставать.

К тому же Сухмет в самом деле ошибся с длиной ремней и по-

прежнему висел слишком плотно. Одолев лиг десять, Лотар вдруг догадался, почему он так сделал. Старик дико мерз, болтаясь в «седле» под грудью Лотара, и мог согреться, только прижимаясь к мощному, разгоряченному непрерывной работой телу Желтоголового.

К рассвету они вылетели к плато, на котором стали появляться небольшие островки зелени. Да и рассвет был так красив, что Лотар невольно отвлекся, залюбовался им и теперь взмахивая крыльями почти механически, ненадолго забыв о трудностях.

Солнце вставало огромное, желтое, как лимон, и лишь по краям его была видна та краснота, которая на Западном континенте заливала полнеба, когда оно поднималось из-за горизонта. И тут оно не слепило глаза, Лотар смотрел на него, даже не жмурясь. Но, может быть, от колючих порывов встречного ветра его глаза потеряли чувствительность?

Когда совсем рассвело, он одолел еще лиг десять и, миновав ветреный участок, решил передохнуть. Едва Лотар стал снижаться к небольшой рошице, Сухмет зашевелился в своих ремнях и подал голос после шести часов молчания:

— Господин мой, не нужно этого делать.

— Чего не нужно делать?

— Не нужно приземляться. Тут устроилась очень большая семья львов, а мне не хотелось бы, чтобы ты растратил свой боевой пыл раньше времени.

Лотар с сомнением подумал, что пресловутого боевого пыла в нем не больше, чем в детской глиняной игрушке, и тот он вчера выпустил на тренировке с орденцами.

— Мне нужно передохнуть.

Вблизи дерева показались совсем непреодолимым искушением. Они манили прохладой, отдыхом, глотком воды. Легкое позвякивание колокольчиков вывело его из благодушного настроения. Он всмотрелся.

Так и есть: на ветвях раскидистых деревьев, на траве, на согретом лучами утреннего солнца песке расположилось чуть не полсотни львов. Это были очень мощные, на редкость красивые звери. Каждого из них в отдельности еще можно было отогнать силой или магией. Но все вместе они составляли совершенно неустрашимую стаю. Кроме того, среди них было много самок с детенышами.

Лотар вздохнул, сделал круг над небольшим мелким прудиком с темно-коричневой, но вполне живительной водой и снова стал подниматься.

В порядке утешения Сухмет напоил его. С такими большими крыльями самому ему сделать это было непросто. Как ни экономно они до сих пор расходовали воду, ее осталось уже на самом дне. А ведь Сухмет не пил. Почти всю трехлитровую флягу выдул Лотар. Но это не важно, главное — добраться. Впереди было еще лиг пятнадцать, или около полусотни миль, — треть пути.

Желтоголовый стиснул зубы, почувствовав, что ему хочется не

лететь вперед, а найти оазис, опуститься на землю, может быть, даже заснуть... Хотя на пару часов. Он так устал...

— На, съешь это, — предложил Сухмет.

— Если это допинг, я не хочу. Мне, похоже, сегодня еще рубиться с четырьмя цахорами, и, если допинг вытянет из меня естественный запас сил, мы окажемся...

— Это не допинг, это мед, орехи, какао и немного трескового жира. У тебя начинается пищевое голодание, ты перетрудишь мускулы. Им нужна помощь.

Лотар пожевал. Сухмет оказался прав, это помогло. Он даже стал лучше видеть: один раз в кустах разглядел пантеропитона — жуткую тварь с черным чешуйчатым телом, которая, по рассказам, могла задушить целого слона. А еще заметил древнего носотрехрога — существо, за которым уже и охотиться перестали, потому что его рога служили лекарством от полутысячи болезней, и, когда это стало известно, его, конечно, очень быстро извели.

Примерно за час до полудня они увидели вполне приличную дорогу, холмы и в отдалении — темную скалу почти правильной пирамидальной формы.

— У подножия этой пирамиды и находится Клетка Планы, — вытянул вперед руку Сухмет.

Только теперь Лотар понял, как у него онемели ноги, какой мучительной болью налились крылья, как от перенапряжения болели легкие, спина, брюшина, все тело... Но он выдержал и даже успел вовремя.

— Мне кажется или ты действительно стал тяжелее? — спросил он Сухмета.

— Стал, — ухмыльнулся старик. — Колдовство, как все на свете, проходит.

Лотар вздохнул:

— Хорошо, что раньше не сказал. Я бы тебя не донес.

— Я знаю.

Желтоголовый помахивал крыльями уже вполне расслабленно, дело было сделано. И хотя ему жутко хотелось приземлиться, он мог еще немного продлить эту муку и завершить перелет, как он любил, у воды, чтобы сразу искупаться и смыть слизь после обратного превращения.

— Ты тут какого-нибудь ручья не видишь?

— Перед храмом. Иначе зачем бы его построили?

— Тогда сядем у самого порога. И пусть, кто хочет, удивляется.

— А там один лишь древний и ветхий старик, — сказал Сухмет, возраст которого перевалил за два тысячелетия. — Мне кажется, он ничему не удивится.

Глава 9

Храм, именовавшийся Клеткой Планы, был очень старым. Лотар без труда ощутил в его камнях слои молений таким разным божествам, что они едва не конфликтовали друг с другом. Но на протяжении всех прошедших веков, во времена почитания мно-

гих и многих божеств в храме оставалась довольно большая статуя из терракоты. Едва Лотар и Сухмет вошли в храм, она сразу привлекла внимание восточника.

Лотар уловил эту волну интереса, но не придал ей значения. Фигура была вылеплена довольно грубо, она изображала женщину с короткими ногами и большим округлым животом. Лицо ее было плоским и невыразительным, а многочисленные царапины и выбоины свидетельствовали, что статуе иногда изрядно доставалось. «Обычная история», — решил Лотар и стал осматриваться.

Главный зал храма был простой прямоугольной формы и в точности повторял очертаниями внешние стены. Значит, никаких особых хитростей и неожиданностей здесь можно не бояться. Тем более что подземелья тут вовсе не было. На земляном полу валялось немало разногохлама, но ничего интересного Лотар не заметил. Он обошел низенький алтарь, установленный посередине зала. Похоже, что его использовали как обеденный стол — на нем остались объедки, кружка с непонятной бурдой, пара таганов, закопченных снаружи и покрытых слоем застывшего жира на внутренних стенках.

Желтоголовый вздохнул. Все это не очень вязалось с опасностью, тем более такой, которая могла бы оставить след на Яйце Несбывшегося. Вдруг за его спиной раздался непонятный скрип. Лотар обернулся.

Сухмет, забыв обо всем на свете, старательно скреб своим кинжальчиком постамент статуи. Потом он принялся разглядывать дело своих рук с непонятной сосредоточенностью и наконец произнес:

— Зды или Зод. Кажется, второе более принято. Не думал, что эти храмы еще где-то сохранились.

— Что значит — «Зды»?

— Остановимся все-таки на Зод, господин мой. Зод была некогда служанкой Планы — божества, от имени которой произошло слово «планета». Она хотела создать свое царство, свою небольшую планету, но ей было запрещено. Тогда она восстала, впрочем, это было странное восстание. Война длилась очень долго, не один миллион лет, но когда она постигла всю сложность и тяжесть управления новым миром, узнала, что ей придется подчиняться другим, более могущественным и грозным богам, то отказалась от этой цели. За это ее простили и даже позволили сохранить знание тех таинств, которые она приобрела, готовясь «разродиться» новым миром. Но изгнали из нижних миров сюда, наверх. Эти знания — мечта многих и многих колдунов на протяжении тысячелетий, но постигнуть их не смог даже Харисмус. И ее, такую близкую нам богиню, забыли. Впрочем, Зод это, кажется, устраивает. Именно ее изображение мы и видим перед собой.

— Легенда? — спросил Лотар.

— Кто знает, что в этой легенде правда, а что нет? Видишь ли, господин, Зод...

— Кто произносит тут имя моей госпожи без должного почте-

ния? — прогремел под сводами храма голос такой мощный, что Лотар даже немного присел и поймал себя на том, что сжимает рукоять Гвинеды.

У алтаря стоял старик с длинной седой бородой. На его лице лежала печать уныния и тоски. Серые глаза смотрели печально, а в глубокие морщины ввелись пыль и грязь. Видно, старец, не смотря на близкий и очень чистый водоем, не мылся многие годы. Но голосина у него был отменный.

Лотар подошел поближе. Он понял язык старика, хотя с юности не говорил на нем. Это был простонародный гурхорский говор. Однако и знать частенько изыснялась на нем в не слишком торжественных случаях.

— Кто ты и почему орешь на нас? — спросил Желтоголовый.

— Я не ору, голос дан мне моей госпожой, — снова прогремел старец и кивнул без всякого почтения на статую.

Лотар покачал головой:

— Ну, тогда ты не должен слишком много говорить. Странно, что твои перепонки выдерживают такой голос.

— Они не выдерживают, — пожаловался старик и шмыгнул носом. — Я уже почти оглох, а говорю, к вашему сведению, шепотом. Но настоятели храма Зод всегда отличались таким голосом, по нему и определяют выбор богини.

— Понятно, — согласился Лотар. Пока старик говорил, он ухитрился даже не поморщиться от этого звукового давления. Хотя в животе что-то ощутимо дрожало и странный спазм подкапывал к горлу. — Как тебя зовут?

— Бошинак.

— Я — Лотар, а мой друг — Сухмет.

— Раб?

Старая история, всегда все сомневаются в восточнике из-за его дурацкого обыкновения щеголять золотым ошейником раба, полученным еще в те туманные годы юности, когда он действительно был рабом легендарного Харисмуса.

— Он свободнее нас с тобой, почтенный Бошинак. — Чтобы старик настоятель снова не оглушил их своим трубным ревом, Лотар поспешил предложить: — Не желаешь ли позавтракать с нами? Мы еще не ели.

Бошинак с довольным видом кивнул. Подошел к алтарику, небрежно смахнул объедки рукавом своего просторного халата и с интересом посмотрел на Сухмета, который наконец-то оторвался от статуи и принялся, то и дело оглядываясь, доставать из своего мешка заготовленную в Лотарии еду.

Лотар первым делом, конечно, потянулся к фляге. Он уже успел искупаться и напиться, но все равно с удовольствием попробовал воды, которую Сухмет набрал в протекающем неподалеку ручейке. Потом все принялись сосредоточенно жевать. Лотару еда показалась очень вкусной, ведь его мускулам требовалась куда более существенная подпитка, чем мед. Сухмет жевал, потому что еще не согрелся, а Бошинак, похоже, так давно не наедался досыта, что от одного вида еды у него заблестели глаза.

Впрочем, Сухмет был не слишком поглощен едой. Он глаз не сводил со статуи. Он даже повернулся лицом к изваянию.

Лотар не мог понять его интереса. Статуя казалась вполне заурядной, какой-то потертой от времени, в ней не было абсолютно ничего интересного. Но, с другой стороны, Сухмет ошибался так редко, что с любым, даже мимолетным, его интересом, нельзя было не считаться.

— Зачем вы появились тут, чужеземцы? — спросил вдруг Бошинак. Он решил, вероятно, что вежливость требует расплатиться за полученную еду хотя бы любопытством. В том, что с этими неожиданными посетителями можно дружить, он уже убедился.

Лотар прожевал последний кусок, еще раз глотнул воды из фляги и пожалел, что у них нет кружек. Однако таскать с собой такую тяжесть было неразумно. После завтрака у него наконец перестали трястись перенапряженные руки и стало улучшаться настроение. Даже спать хотелось меньше.

— Видишь ли, Бошинак, в твоём храме сегодня должны появиться четверо людей... Вернее, не совсем людей, они скорее полудемоны. Но предстанут они тут в человеческом обличье. Я хотел бы сразиться с ними. И если удастся, конечно, победить.

— Как ты узнаешь их?

— У них на головах будут черные кожаные капюшоны.

Бошинак вдруг перестал жевать и задрожал.

— Ты хочешь сразиться с цахорами?

— Ты знаешь их?

— Много лет назад они приходили в мой храм. Вернее, тогда еще не мой, я был лишь служкой, а настоятелем являлся другой человек. Они не причинили нам вреда, но посмеялись над нашей верой. Когда они ушли, я спросил настоятеля, почему он не отомстил за насмешки. И мудрый мой предшественник ответил, что этих людей невозможно убить. Потом и другие мудрые люди подтвердили — они неуязвимы.

— Да, это трудная задача, — согласился Лотар.

— Нет, ты не понял, чужеземец, это не трудная, а невозможная задача. Беги, пока они не узнали, что ты ждешь их тут.

— Не могу, — попытался объяснить Лотар. — Куда бы я ни убежал, они последуют за мной. Они идут сюда, как раз чтобы убить меня. Я просто хочу подстеречь их тут и напасть неожиданно. В этом мое единственное преимущество.

— Тогда ты покойник, — проговорил Бошинак и запихнул в рот еще кусок сыра. — А почему ты решил, что они окажутся тут?

— Вот он говорит, что они окажутся. — Желтоголовый кивнул на Сухмета.

— Сухмет, — спросил Бошинак, — что навело тебя на мысль, что цахоры появятся в этом храме?

Сухмет не ответил. Отсутствующими глазами, словно только что выплыл из глубокого сна, он посмотрел на своих сотрапезников и проговорил низким взволнованным голосом:

— Она живая.

— Кто? — не понял Лотар.

— Богиня... Вернее, служанка богов, но для нас — богиня Зод.

— Не понимаю, — произнес Бошинак.

Но понимания и не потребовалось. Неожиданно что-то изменилось, хотя Лотар не мог бы сказать, что именно стало другим. Может, атмосфера в храме — теперь тут стало трудно дышать. Свет померк и как будто затуманился, и появилось ощущение старого, давно забытого ужаса.

Лотар потряс головой, колокольчики в его сознании зазвенели резко и отчетливо. Бошинак отшатнулся от алтаря, прижался спиной к стене и стал оглядываться, словно выбирал, в какую сторону бежать. Только Сухмет, не отрываясь, смотрел на статую. Лотар тоже посмотрел на нее. И не поверил глазам.

По глиняной неподвижной фигуре вдруг прошла дрожь, кусок терракоты отвалился, упал на землю и разлетелся на несколько осколков. Внутри они оказались белыми, цвета свежего молока, и напоминали яичную скорлупу. Лотар поднял глаза на статую.

В том месте, где отвалилась глина, статуя оказалась на удивление светлой, почти розовой. И от нее исходил свет. Он прорывался сквозь трещинки в той грубой глиняной скорлупе, которая покрывала ее.

Только теперь Лотар обратил внимание, что помимо ужаса и волн могущественной силы храм наполнил шум, словно сама каменная кладка его издавала особый скрип или стон. От него можно было оглохнуть. Звон колокольчиков стал оглушительным.

Скорлупа отпадала теперь огромными кусками. Когда слой глины отвалился от лица, Лотар ахнул. Перед ними стояла прекраснейшая женщина. На лице ее лежала печать покоя и достоинства. Медленно, словно каждое движение причиняло ей боль, она приоткрыла глаза. Они оказались красного цвета и были даже немного похожи на глаза Нуримана, только не горели желанием убивать, а просто тихо мерцали, как два светлых рубина. Кожа женщины переливалась от странного внутреннего пламени, словно она была порождением огня не меньше, чем служанкой земли. Светлые пятна сменялись более темными, она казалась то белокожей северянкой, то темной жительницей Южного континента. Словно Зод олицетворяла всех женщин мира.

Наконец ее глаза совсем раскрылись. Она повернула голову. Ее взгляд встретился со взглядом Сухмета. Потом так же медленно она повернулась к Лотару:

— Кто вы? Почему разбудили меня?

Голос ее был еще сильнее, чем у Бошинака. Он оглушил бы, если бы Лотар, не ожидая этих громовых раскатов, немного не притупил свою слуховую чувствительность.

— Я Лотар. Я не собирался будить тебя, богиня, — проговорил Желтоголовый.

— Не слышу. — В ее голосе появились нотки гнева.

«Это совсем ни к чему, — решил Лотар, — она же разнесет тут все на куски». Он оглянулся. Бошинак распластался на земле, дрожа и обливаясь потом, и всхлипывал.

— Эй, Бошинак, пришла тебе пора показать свой настоящий

голос, а не шепот. Иначе нам всем несдобровать. Повторяй то, что я говорю.

Бошинак не пошевелился. Лотар подошел и несильно ткнул его кулаком в спину. Старик поднял голову.

— Повторяй все, что мы говорим, и она не причинит нам вреда. Пока она настроена благодушно.

Бошинак кивнул, с трудом поднялся на колени, но встать во весь рост даже не попытался. Ноги не удержали бы его, потому что стали жиже киселя.

— Повторяй: мы — Лотар и Сухмет — пришли засвидетельствовать тебе свое почтение, а не вызвать гнев.

Бошинак слово в слово проревел эти слова, да так, что каменная кладка чуть не расползлась по стыкам.

«А старик не врал, он действительно говорил с нами шепотом», — решил Лотар и продолжил:

— Если мы рассердили тебя, прошу простить нас за неразумность.

Богиня смотрела на них не мигая.

— Маг заставил меня проснуться.

Сухмет прижал ладонь к груди и церемонно, по-восточному, поклонился:

— Я готов искупить свой грех, богиня.

Бошинак проревел и эти слова, только слово «я» заменил на «он». Настоятель не привык демонстрировать смелость слишком часто.

Богиня усмехнулась. Лотар, непрерывно сканируя ее, определяя малейшие перепады настроения, вдруг понял, что она на самом деле не гневлива. Кажется, она почти довольна, что так получилось, хотя и неясно, что именно ее обрадовало.

— И все-таки маг разгадал мою жизнь под корой глины. Это плохо. Я просыпаюсь, чтобы карать.

— Не нужно карать. На Севере говорят: повинную голову меч не сечет, — сказал Лотар. Почему-то он был уверен, что Зод почувствует человеческую шутку.

Богиня и в самом деле улыбнулась. Только от ее веселости Бошинак чуть не падал в обморок.

— Тогда я должна испытать его. Дай мне руку, маг.

Медленно, словно в ней собралась вся тяжесть проведенных во сне тысячелетий, она стала поднимать свою каменную десницу.

— Нет, — твердо сказал Лотар, — у старика старая рука. Я тоже в этом участвовал, пожми мою руку.

Не дожидаясь ни согласия богини, ни ее протестов, он подошел и быстро вложил левую руку в ее ладонь. Ладонь тут же стала сжиматься, как тиски.

Лотар попробовал сопротивляться, напряг все силы, стиснул зубы... Куда там, с таким же успехом он мог пытаться остановить падение скалы. Кости его хрустнули, словно стеклянные. Боль, ошеломительная, умопомрачительная боль затопила сознание...

Вдруг ясный и спокойный голос Сухмета вошел в его сознание, и боль стала слабеть. Восточник просто переливал ее в себя,

чтобы облегчить участь Лотара. Это позволило Желтоголовому разобрать слова старика:

— Терпи, уже немного осталось. Она уже примирилась с тем, что нас можно отпустить.

Словно в подтверждение этих слов сквозь кроваво-красную пелену боли, заставшую зрение, Лотар увидел, что теперь Зод улыбается мягче и спокойнее. Наконец она произнесла:

— Ты силен духом и телом. Я рада, что ты выдержал испытание, у тебя другая судьба. Но больше не смей будить меня...

Дальше Лотар не слушал ее, хотя она ревела над самым его ухом, как извергающийся вулкан. Он сосредоточился на изуродованной руке, пытаюсь понять, что именно сломано и как это теперь заживлять. Результаты, впрочем, выходили неутешительными. Получалось, что у него сломаны практически все кости, раздавлены все мягкие ткани, а сосуды разорваны на мелкие бескров-ные кусочки. Если учесть, как легко это сделала Зод, сила в этой женщине была невероятная. Непонятно только, какую силу она нашла в Лотаре? Сопротивляться ей с помощью этих кровавых ошметков, которые некогда являлись его рукой, было совершенно невозможно.

Богиня стала серьезной. Потом вернула руку к бедру, где она и покоилась с самого начала.

— Больше не будите меня, иначе не отделаетесь так легко. А теперь идите, мой раб будет прятать меня под слоем свежей глины. — Она не была бы женщиной, если бы согласилась на присутствие посторонних при этой весьма специфической операции. И не была бы женщиной, если бы не добавила с сарказмом: — По вашей милости...

Бережно поддерживая пульсирующую левую руку здоровой правой, Лотар отошел от Зод и поклонился. Не оборачиваясь, он понял, что Сухмет тоже кланяется. Они выбрались из этой передрыги, и у Лотара сложилось стойкое впечатление — узнали нечто важное, что, возможно, спасет их, и весьма скоро.

Глава 10

На солнышке было хорошо. Даже южное, свирепое, как хищник, солнце радовало после сумрачной, холодной и неудобной Клетки Планы. Лотар успел подремать в рыхлой тени каких-то степных кустиков, только вот никак не мог избавиться от ощущения, что слишком многое осталось недодуманным. А против этого восставали все его недавно приобретенные навыки администратора большого города. Поэтому он поднял голову, еще не успев как следует отдохнуть:

— Сухмет, не показались еще?

— Спи, господин, я дам знать, когда что-нибудь произойдет. Спи и восстанавливай руку.

Сухмет сидел, накинув на себя не очень сложную магическую мантию невидимости, так что его силуэт вполне отчетливо читал-

ся на фоне неба с расстояния в десяток шагов, но за сотню шагов даже Лотар не сумел бы его разглядеть. Такая магия не влияла на способность сосредоточиваться, и в то же время ее можно было без труда переносить долгие часы. Сухмет, как всегда, был разумен, расчетлив и абсолютно профессионален.

Старик устроился на вершине холма, расположенного неподалеку от прудика перед храмом. Лотар еще в полете заметил, что дорога, проложенная скорее для повозок, чем для пешеходов, которая свободно петляла между холмов, именно у этого холма подползала ближе всего к храму. Отсюда была видна даже вся пирамида, у которой стояла Клетка Планы. Так что место они выбрали верно, именно тут и должно произойти то, что заставит цахоров изменить маршрут.

— А может, ты ошибся и все произойдет в другом месте?

— Место действительно может быть немного другим, но другой Клетки Планы не существует.

— Кстати, почему у этой каменной сараюшки такое странное название?

— А ты не понимаешь, господин?

— Нет.

— Это место ссылки, место, куда отправляют в наказание, откуда невозможно убежать. Чем не клетка?

— Я не видел там никаких запоров, Зод может спокойно исчезнуть.

— Наверное, нет, если предпочитает спать, а не убежать. Кроме того, — Сухмет посмотрел в сторону храма, — мне не очень нравится эта пирамида. Она слишком активна внутри. Такое впечатление, что это не скала, а сторожевик.

— Что?

— Ну, тот самый зверь, который сторожит сосланную служанку.

Теперь и Лотар посмотрел на пирамиду.

— Не очень-то похоже на зверя.

— Полагаю, в подземном царстве свои понятия о формах. Равно как и звери другие, чем у нас.

Теперь и Лотару показалось, что в ясных, чересчур правильных очертаниях скалы угадывалась настороженность. И опасность.

— Как ты это узнал? Почувствовал?

— Нет, я просто знаю, что такие вещи существуют. Это воплощение духов Земли, это очень старая и очень тяжелая магия.

Помолчали. Потом Лотар спросил:

— Кстати, ты не думал, что именно в твоих мыслях заставило ее проснуться?

— Лучше и не вспоминать об этом. Она может проснуться еще раз, а тогда... Кстати, как твоя рука?

Рука пульсировала болью, но после того как Сухмет аккуратно, провозившись добрые четверть часа, сложил все раздробленные костяшки и срастил их, сразу стало значительно лучше. Настоящей силы в руке, конечно, не будет еще несколько часов, но теперь, подозревал Лотар, сила в нем может и не появиться, пока

он не выживет или пока его не убьют цахоры. Так что чрезмерно волноваться об этом не стоило.

— Сжать Гвинед я уже могу, но вот Рубосу с его рукопожатиями пришлось бы поумерить пыл.

Сухмет вздохнул. Он тоже подумал, что биться в полную силу Лотар еще не сможет.

— Хорошо еще, что ты догадался дать ей левую руку, которой ты держишь Акиф.

— Все равно жалко и не вовремя. — Желтоголовый помолчал, потом неожиданно спросил: — Сухмет, ты бы мог при желании повторить свое измышление, которое заставило Зод вылезти из терракоты?

— Не знаю. Чтобы знать, нужно пробовать, а пробовать, сам понимаешь, не хочется.

— Но тут-то нам что грозит? Мы далеко.

Сухмет чуть насмешливо посмотрел на Лотара из-под кустистых бровей:

— Даже если бы мы были на корабле, я бы поостерегся ссориться с демонами Земли. Это не просто опасно, это безнадежно.

Лотар откинулся на спину, посмотрел в высокое, не замутненное ни единым облачком небо — в толщу голубизны, насыщенную сплошным потоком жгучего южного солнца. Тишину нарушало только посвистывание травинки да тихий шорох песчинок на ветру.

Лотар обдумывал слова Сухмета. У него уже были подобные мысли, но сейчас они возникли снова, более определенные и сформировавшиеся.

— Сухмет, что может заставить цахоров остановиться тут? Желание сразиться с Зод?

— Зод не по зубам не то что цахорам, но, возможно, даже и самому архидемону. Силы Земли очень велики, господин мой. Но этого не может произойти, потому что Зод снова уснула.

— Уже спит?

— Ну, еще не вполне, разбудить ее легче, чем первый раз, но... Нет, не будем об этом. Почему тебя так интересует Зод?

Лотар хмыкнул:

— Красотка, ломающая руку, не дрогнув ресницами, не кажется привлекательной даже драконьему оборотню.

— Тогда в чем дело?

— Я думаю. Но чтобы думать лучше, мне нужно знать, что заставит цахоров сойти с дороги.

Вдруг Лотар понял, что шум, который он принимал за шорох песчинок, стал громче, ближе и явственней. Теперь в нем можно было различить крики людей и скрип повозок.

— Это караван! — воскликнул Сухмет, приложив ухо к земле. — И какой же он большой!

Но в звуках, принесенных ветром, Лотар разобрал звон и скрежет металла:

— Нет, это армия. Не самая большая, скорее, даже часть армии, но все-таки значительная.

Сухмет поднялся с земли и отряхнул халат от травинок.

— Вот тебе и ответ на вопрос, что может заставить цахоров сойти с дороги.

Лотар напряженно посмотрел на северо-запад. Там уже отчетливо виднелось облако пыли. Потом повернулся на юг, откуда должны были двигаться Кожаные Капюшоны. И сказал:

— Они не сойдут. Как ни странно, они не сойдут, если я правильно понимаю то, что тут происходит.

— Посмотрим, — ответил Сухмет и накинул полог своей шадящей магии на Лотара, чтобы он мог сидеть рядом с ним на вершине, оставаясь невидимым.

Армия — а это действительно была армия, и отлично вооруженная к тому же, — показалась из-за холма менее чем через час. И это зрелище заставило сердце Лотара дрогнуть.

Отличная выучка солдат сказывалась в том, как они держали строй, как блестели их доспехи, оружие и шлемы, как спокойно и уверенно вели себя офицеры на конях. Обоз на сорок-пятьдесят телег, которые тащились сзади, был оптимальным для такого числа людей: не слишком большим, чтобы не висеть жерновом на шее, и достаточно вместительным, чтобы не голодать и сложить добычу в случае успеха.

— Душ семьсот, — определил на глазок Сухмет.

— Пятьсот пехотинцев и около сотни кавалеристов. Остальные слуги. Они будут биться только в крайнем случае.

— Слишком много слуг, тебе не кажется, господин?

— Это наемники, — решил Лотар. — Обозники к таким липнут, как мухи к меду, но в поход берут одного слугу на пять-шесть солдат. Для наемников это обычное дело.

Сухмет кивнул. Во всем, что касалось армии и войны, он привык доверять Лотару.

— Их не слишком много.

— Нормальное количество. Через пустыню много не перетащишь — будут трудности с водой на стоянках, но и не слишком мало — хватит, чтобы напасть на город или богатый замок.

Внезапно Лотару показалось, что ветер, который налетал из пустыни и обдувал их, стих. И трава перестала посвистывать. И где-то очень далеко улегся рев какого-то хищника, может быть, идущего за солдатами.

— Мне кажется, на этот раз у них вообще добычи не будет, — произнес Сухмет.

Желтоголовый посмотрел на южную часть дороги. На ней появились четыре неторопливо шагающие фигуры. Хотя Лотар и ожидал их, ему понадобилось напрячь свое восприятие, чтобы увидеть их. Было в них что-то, отчего они оставались не очень заметными, хоть и трудно представить себе что-нибудь более четкое, чем черные силуэты с островерхими капюшонами в ясный солнечный день.

Они двигались так, что даже колокольчик не звякнул в сознании Желтоголового.

— Быстро идут, — сказал Сухмет, — миль семь в час. А кажется, едва передвигают ноги.

Лотар боялся слишком явно обращать к цахорам свое магическое внимание. Это было странно. «Все дело в том, — решил он, — что они превосходят меня по всем статьям».

— Даже если бы я был в лучшей форме, я бы не справился и с самым слабым из них, — прошептал он.

— Ну, не стоит себя так недооценивать, господин мой, — процедил Сухмет. Почему-то сейчас он мог говорить только сквозь зубы, как будто испытывал сильную боль.

Армия подошла к подножию холма, на котором сидели Лотар с Сухметом. Цахорам оставалось пройти до холма не более трех сотен шагов, когда передовые всадники увидели их и остановились.

— Почему у этих, — Сухмет кивнул на колонну солдат, — нет охранения?

Лотар пожал плечами:

— По своей территории идут, имеют надежные данные, что противника тут нет, а мелкие шайки им не страшны, или отсканировали территорию с помощью магов — мало ли почему?

Цахоры даже не сбились с шага, словно на милях перед ними расстилалась безлюдная пустыня.

Впереди колонны выскочил офицер. Он отъехал от первого ряда всадников на полсотни шагов, привстал в стременах и что-то закричал на местном гортанном наречии. Один из цахоров поднял руку, все Капюшоны тут же остановились. Тогда первый цахор заговорил. Это было скорее шипение, чем речь, но от его голоса по спине Лотара прошел озноб, словно от струи ледяной воды.

Офицер оглянулся назад, на бойцов, деланно рассмеялся и что-то выкрикнул. Он хотел сказать что-то презрительное, может быть, даже оскорбить, но не успел. Идущий самым последним цахор вдруг скользнул вперед, оказался рядом с всадником, прежде чем тот успел развернуть лошадь, и одним ударом невесть откуда появившегося в его руке меча разрубил офицера — Лотар не поверил своим глазам — поперек туловища!

По рядам солдат прошел ропот, потом офицеры вдоль всего строя принялись выкрикивать команды. Отряд из центра колонны пошел налево, задний отряд — направо. Через три, максимум четыре минуты перед четырьмя Капюшонами стоял правильный фронт отлично обученной регулярной армии.

— Солидно готовятся, — заметил Сухмет одобрительно.

— Кто-то решил задействовать всех для разминки.

Тогда один из цахоров — Лотар решил, что это Жмарун, — сказал во весь голос:

— У вас еще есть возможность уйти. Мы не в обиде на всех за глупость одного...

Он тоже не успел договорить, как строй солдат качнулся и пошел вперед. А всадники, получив, вероятно, особый приказ, зашли сзади, чтобы добивать тех Капюшонов, кто попытается бежать.

Но цахоры не побежали. Они лишь скинули с плеч маленькие легкие сумочки.

Потом началось что-то невероятное. Сотня стрел взвилась в воздух, понеслась вперед, но вдруг шумно, словно ударившись в металлический лист, осыпалась на землю. До цахоров не долетела ни одна. Стрелы, что были выпущены наиболее ретивыми лучниками вдовгонку первому залпу, тоже свалились на песок, не приблизившись к цели даже на треть.

Тогда мерно шагающие вперед солдаты чуть сбавили шаг, в десятке точек строй на мгновение разошелся, и вперед выступили странные на вид люди — без доспехов, в длиннополых одеяниях, с диковинными приспособлениями в руках.

— Ого, десять магов такое могут себе позволить... — проворчал Сухмет, но уточнять не стал.

Маги приняли было позы вызывания, но вдруг один из них схватил голову и покатился по траве. Потом второй... Не прошло и минуты, как все маги лежали неподвижно, тела их стали синими или черными, от одного поднимался дым.

— Отбойная магия, очень сложный трюк, — пробормотал Сухмет.

Вдруг за рядами солдат кто-то провизжал команду невероятно тонким голосом. Солдатам, похоже, этот голос был знаком, и боялись они его больше, чем врагов, даже таких непонятных, как цахоры. Они сбились с шага и бросились вперед. Всадники тоже сделали движение, словно бы собирались атаковать, но их кто-то приостановил, чтобы не потоптали своих.

Потом три атакующие манипулы практически столкнулись в одной точке, в центре которой стояли четыре мрачные черные фигуры. И началось что-то такое, чему Лотар не мог даже подобрать слов.

Солдаты кидались вперед, их подталкивали те, кто напирал сзади, но четверо в центре мягкими движениями отбивали все атаки. Они успевали всюду и даже сохраняли некоторый механический, холодный ритм, как у жнецов в поле. Трупы гурхорцев валялись им под ноги. Чтобы не терять равновесия и согласованности, все четверо уверенно сошли с дороги на крохотную полянку, а когда и там стало слишком тесно от тел убитых, перешли на новое место. За пятнадцать минут боины Лотар насчитал только два удара, которые пропустили цахоры, но оба были скользкими, неопасными и существенно не повредили никому из слуг архидемона.

— Невероятно, — прошептал Лотар. — Никогда не видел ничего подобного.

— Я видел, — вдруг твердо сказал Сухмет, — когда ты сдерживал вендийцев у статуи Боллоба и когда заставил фоев отступить от крыльев Летящего Облака... И еще пару раз видел.

— Все-таки я не так хорош. Эти вообще не ошибаются...

Словно в ответ на это замечание кто-то из очень старых копейщиков ударил снизу, выбросив оружие очень далеко. Конечно, цахор, стоявший лицом к удару, ушел в сторону, но отбить не

успел. И тогда тупое противодоспешное копьё воткнулось второму Капюшону в спину, прямо под лопатку. Оно прошло сквозь ребра и вышло из груди. Лотар определенно видел, что этот удар должен был разорвать у цахора сердце.

— Один готов, — сказал он.

— Не спеши, — посоветовал Сухмет.

Цахор повалился под ноги сражающимся. Каждый стал действовать самостоятельно. Остальные цахоры, словно только этого и ждали, вдруг рассыпались и кинулись на солдат. Это было невероятно, но они нападали!

По всему полю замелькали их темные, почти черные, окровавленные клинки. И повсюду от их ударов погибали солдаты. Длилось это не очень долго, и через четверть часа стало ясно, что Кожаные Капюшоны одерживали уверенную, несомненную победу.

Над полем, дорогой и холмами, как ястребиный клекот, снова прозвучал высокий пронзительный голос, и на цахоров, уже не заботясь о том, чтобы не растоптать раненого или неловкого бедолагу из своих, бросилась конница. Шум битвы стал сильнее от ржания коней и лязга тяжелых конных доспехов...

Но для людей результат был таким же удручающим. Цахоры не просто выдержали удар, но минут через десять снова перешли в атаку. Для гурхорцев это был разгром.

— Что делать? — спросил Лотар. — Может, вмешаться?

— Чтобы тебя магрибцы же и прикончили? Нет, твое время еще не наступило.

В этом был резон. Лотар решил еще подождать.

— А ты можешь кому-то из этих дураков помочь? — обратился он к Сухмету.

— А кто, по-твоему, создал ситуацию для того удара копьем?

— Так это ты? — глуповато спросил Лотар.

— Сижу вот, пытаюсь повторить свой подвиг...

Только теперь Лотар понял, что Сухмет, почти как марионетками, управлял действиями нескольких десятков солдат по всему полю и надеялся точно так же нанести еще один удар, даже не жалея людей, и достичь результата... Но пока оставшиеся трое цахоров ошибок не совершали.

Вдруг один из них покачнулся, упал, и тотчас всадник на огромной гнедой кобыле словно по воздуху перенесся на его беззащитную спину. Треск его костей в общем гвалте боя был не слышен, но Лотар не сомневался, что пал и второй. Но большего добиться было невозможно. Армия, еще час с небольшим назад так горделиво вышагивавшая по дороге, дрогнула, отхлынула, а потом люди — солдаты и офицеры — побежали. Они спасались бегством, и никому не было дела до воплей трех-четырех начальников, которые еще пытались что-то предпринять...

— Три часа, — прокомментировал Сухмет. — Я не так уж сильно ошибся.

Цахоры, на ходу добывая тех немногих раненых, которые еще шевелились, подобрали своих и двинулись к Клетке Планы.

— Ну что же, — сказал Лотар, — то, что должно было произойти, произошло. Теперь моя очередь.

Сухмет вскочил на ноги, по его лицу разлилась мертвенная бледность.

— Ты что-нибудь узнал о них, господин мой, что может тебе помочь?

— Узнал, конечно. Их осталось двое, и они...

— Это цахоры. В переводе с одного древнего языка — восстанавливающие жизнь. Я не сомневаюсь, что оба уже заращивают поврежденные органы. И делают это гораздо быстрее, чем удастся тебе.

— Ты хочешь сказать, что с разорванным сердцем и перебитым позвоночником, на котором боевой конь сплясал джигу...

— Я могу ошибаться, конечно, но, думаю, уже сегодня к ночи все четверо смогут продолжить путь на Западный континент.

Цахоры уже скрылись в лошине, где располагался храм. Лотар помолчал, потом сказал:

— Сильные ребята. Просто не знаю, что и делать. Впрочем, знаю. Нужно идти. — Он шагнул, остановился и добавил: — Если вся эта война не кончится тут разом, напости мне потом, что следует предупредить Стака с его ребятами, которые отправились в Новолунгмию... В общем, следует сказать, что это очень сильные ребята.

Глядя в спину спускающемуся с холма Лотару, Сухмет сокрушенно прошептал:

— Это самое невероятное преуменьшение, какое я слышал, похоже, за две тысячи лет своей жизни.

Глава 11

Когда Лотар и Сухмет прошли площадочку перед храмом и остановились у входа, сзади запела какая-то птица. Голос ее был спокойным, она даже не пела, а доброжелательно щебетала, но стая диких голубей снялась и унеслась в противоположную от дороги сторону.

Лотар проводил их взглядом. Он понимал, что это неспроста, вот только знать бы, что это значило. Потом он вытащил Гвинед. Впервые за много лет шелест его меча, выходящего из ножен, не вселил уверенности. У Лотара было пакостное настроение, он чувствовал, что разбудил какие-то силы, с которыми теперь не может справиться, и это казалось не совсем справедливым. Ведь он почти не выбирал себе жизнь, судьбу, путь. Он всего лишь служил добру, как понимал его, и учился, как полагается воину, который надеется стать мастером.

И вот теперь он стоит тут, перед храмом, и готовится к бою, в котором, возможно, проиграет. Нет, втайне от Сухмета он готовился к смерти, а не к бою.

Впрочем, конечно, не втайне. Сухмет все понял и не одобрил его:

— С таким настроением идти в бой — последнее дело. Ты же дракон, ты же Лотар Непобедимый.

— Не знаю, что-то гложет, что-то...

— Все просто: ты берешь одного, я беру другого.

Так, даже Сухмет пытается составить ему компанию. Дожил. Он прислушался: колокольчик звенел, но не очень сильно. А может, просто он уже не различает нюансов? Все-таки с того мгновения, когда цахоры показались на дороге, он звякает почти беспрерывно...

— Ладно, я действительно дракон. Посмотрим, что это значит.

Они вошли в храм, и цахоры повернули к ним головы. Двое стояли у алтаря, что-то ели, как совсем недавно Лотар с Сухметом. А двое других лежали в углу... Нет, уже сидели! Они сидят?!

Их способность восстанавливаться потрясла Лотара. Прошло чуть более четверти часа, как они были убиты, а они уже едва ли не готовы опять взяться за меч.

Те, что ели, так и не сняли капюшонов. Один из них спросил:

— Недобитый из банды этих дураков?

— Не похоже, — ответил другой. — Кажется, какой-то другой дурак.

— Я Лотар Желтоголовый, — сказал Лотар. — Вы идете на Западный континент, чтобы убить меня. Не нужно идти так далеко, я тут.

Лязг тяжелых ятаганов заглушил его последние слова. Цахоры наконец все поняли. «А они не очень догадливы», — решил Лотар и бросился вперед.

На мгновение ему показалось, что он заметил у самой двери Бошинака, но сейчас это было не важно.

Первые же удары цахоров показались Лотару оглушающими. От их силы заныла даже сломанная рука, хотя Лотар еще не решился пустить ее в дело.

Один из Капюшонов вдруг произнес совершенно спокойным голосом:

— Возьму второго, а ты придержи этого.

И цахор, который был чуть повыше ростом, куда-то исчез. Скорость, с которой он передвигался, была невероятной. Вообще, решил Желтоголовый, пришла пора изумляться... В том числе и собственной неподготовленности.

Осторожно, словно его намерения могли кого-нибудь обмануть, он вытащил из ножен Акиф. И опробовал его на легком касательном блоке. Удар цахора рука в общем держала, и это было уже хорошо. Но ведь в углу стремительно восстанавливались двое других Капюшонов. Они оживали прямо на глазах.

Внезапно из груди цахора, бьющегося с Лотаром, стала вырастать ярко-желтая сфера величиной с апельсин. Затем она отделилась и, ускоряясь, словно ее подталкивали сзади, поплыла на Лотара. Он успел поднырнуть под этот магический выпад и тут же атаковал ноги противника.

После магического выпада даже лучшие бойцы вынуждены замедляться, чтобы восстановить потерянные силы, но этому, в ка-

пюшоне, казалось, все было нипочем. Он только стал молотить своим ятаганом не так сильно, но скорость и давление на противника не уменьшал.

Лотар так и не достал его снизу. «Жаль, было бы проще, если бы я его все-таки одолел», — решил Желтоголовый.

— Цахор, — предложил он, — сними капюшон.

— Мы снимаем капюшоны, когда добиваем противника, а ты еще держишься, Лотар. Но я сниму капюшон, когда ты не сможешь сопротивляться, потому что тогда я возьму твою жизнь и присоединю к тем, которые уже собрал.

Вот в чем дело: они живут не одной своей жизнью, а собирают жизни жертв. Об этом Лотар где-то читал, только не знал, что встретится с подобным существом вот так — лицом к лицу, клинок в клинок.

— Ну, я надеюсь...

Дальше он не сумел ничего добавить, потому что цахор, который убежал добивать Сухмета, вдруг обрушился на него сбоку, и пришлось крутиться как юла. В конце концов он прижался спиной к стене храма.

Неужели Сухмет погиб? «Странно, — подумал Лотар, — я ничего не почувствовал, а должен был. Нет, этого не может быть...»

Цахоры, атакуя Лотара вдвоем, стали чуть более уверенными и чуть более беспечными. Желтоголовый вдруг заметил, что тот, с кем он разговаривал, слишком далеко проносит свой меч после удара. Это давало возможность... Лотар пока сам не знал, какую именно.

Вдруг двое других цахоров с оружием в руках затопали к дерущимся. «Они не хотят упустить свою долю моей жизни, — решил Лотар. — Бояться, что приятели их обделят... Все, пора уходить».

Он сделал несколько обманных движений, раскачивая устоявшуюся «вилку» своих противников, а потом кинулся на того, с кем разговаривал, когда противник в очередной раз не подтянул меч. Гвинед прошелестел в воздухе, словно обрел собственный разум.

Голова цахора покатилась по полу. Черный капюшон, тоже разрубленный этим ударом, откинулся назад тяжелой бесформенной пеленой. Лотар проводил голову взглядом... Это был череп, темная кость, окруженная вместо плоти странной, неяркой, красноватой аурой.

— Как тебе удалось? — удивился без тени сожаления тот, что был повыше.

Впрочем, о чем сожалеть, если через два-три часа его приятель будет снова рядом, целый и невредимый?.. «Это может продолжаться бесконечно», — решил Лотар и повернулся к выходу из храма.

— Жмарун, держи выход! — заорал один из тех, кто подковыливал сзади.

Кажется, это был левый, тот, кому разбили сердце. Или не сердце, ведь у него не было сердца... «Я уже плохо понимаю, что тут происходит», — решил Лотар.

Он атаковал Жмаруна, главаря компании, который сумел все-таки загородить дверной проем. Биться с ним было очень трудно, но пока возможно. Вот только сзади, шаркая по грязным плитам храма, подбирались двое других, и нужно было что-то делать...

Лотар усилил давление на левый фланг противника, тот отреагировал и стал медленно поворачиваться, стараясь принять наиболее надежную стойку. Лотар тоже повернулся. Двое рубак, гремя мечами так, что чуть копать со стен не осыпалась, прокрутились на месте, и Лотар оказался спиной к выходу. Теперь он понял, что Сухмета в храме не было.

Зато был Бошинак. Он и в самом деле стоял совсем рядом со статуей, вжавшись в каменную стену, и расширенными глазами следил за всем, что тут происходило. Кажется, он стал понимать, что шансов уйти отсюда живым у него нет. Если только Лотар победит... Но даже Желтоголовый вынужден был бежать, он проигрывал бой двум уставшим после часовой рубки цахорам и еще двум едва живым. Какими бы они были, если бы не первая драка с отрядом на дороге?

Внезапно на глаза Лотару попался безголовый. Вернее, тот, кому он отрубил голову. Шатаясь, он поднялся на ноги и вскинул меч. Он был готов отрастить новую голову — его бескровный капюшон надувался в том месте, где должна быть голова. Этого просто не могло быть! Но это было.

Лотар засмотрелся на эту невероятную процедуру, и Жмарун поймал его, усыпив внимание на каком-то повторяющемся приеме. Так или иначе, но после трех выпадов цахора Лотар получил три удара подряд — в живот, в левое плечо и в правую, слишком далеко отставленную ногу. Да, пожалуй, он стал уставать.

Но, несмотря на раны, он все-таки сделал выпад... Это был странный выпад — кривой и не очень сильный, но глубокий. В конце концов, нанося подряд три удара на поражение, Жмарун тоже поступил самонадеянно, забыв об обороне.

Гвинед туго вошел в живот цахора, и тот согнулся, словно был живым — из плоти и крови — человеком.

Он прошептал что-то на непонятном языке и упал на колени. Лотар занес меч, чтобы добить противника, насколько это было возможно, но Гвинед в воздухе встретил другой меч, не очень быстрый, но достаточно твердый, чтобы с ним считаться. Еще один такой был уже занесен слева, и потребовалась вся сила Акифа и раненой руки, чтобы сдержать его удар.

Двое раненых все-таки вмешались в драку. Они были готовы биться, пока не восстановится Жмарун или пока Лотар не падет от их атак. «Я так ничего и не сделал, — подумал Лотар, — остается только бежать. Я не могу с ними справиться... А есть еще и другие тринадцать, как с ними совладать?»

Волна какой-то дикой, неестественной магии пронеслась мимо Лотара откуда-то сзади. Желтоголовый даже не понял, что она должна сделать. Он оглянулся. В полусотне шагов на крохотном пригорке у пруда, где они купались после перелета, стоял Сухмет. Он, кажется, был ранен, но жив. И гнал какой-то наговор или

просто волну мысленной энергии... «Нет, этого я прочесть не в силах», — решил Лотар.

Однако наговор Сухмета принес плоды: что-то вдруг треснуло, и уже знакомый могучий голос донесся из темного провала храма:

— Вы, бездумные людишки, опять меня будите? Второй раз?..

Земля под ногами дрогнула. Пирамида, которую было видно в узком и высоком окошке над головой, качнулась. Если бы Лотар сам не видел, как контуры ее сначала размазались в воздухе, а потом установились как-то по-другому, он не поверил бы, что пирамида может качаться.

Из храма вдруг раздался крик. Это был дикий, неестественный крик ярости, боли и ужаса. Зод не могла так кричать, но голос... Наконец Лотар понял.

— Бошинак, уходи! Уходи оттуда! — заорал Желтоголовый и бросился на цахоров, закрывающих ему вход в храм.

Но куда там! Эти двое даже не отступили. Они встретили Лотаровы выпады, не сходя с места, а потом сами попытались использовать сократившееся между ними расстояние и достать его мечами. «Так я получу какой-нибудь действительно серьезный удар и ничего не добьюсь», — решил Лотар.

Он уже примерился обойти и этих двоих, как вдруг новый удар выкинул его из дверей, и Желтоголовый оказался в десятке футов от порога.

Как ни странно, из храма вылетели и те двое цахоров, с которыми он бился, а следом показались еще три фигуры. Первым шел Жмарун, тащивший того цахора, которому Лотар отрубил голову, а позади всех семенил нетвердыми ногами Бошинак. И сразу за ним в дверном проеме запылало разгорающееся с каждым мгновением красное кровавое зарево. Земля сотрясалась уже так сильно, что трудно было правильно рассчитывать движения.

Бошинак дрожал, кажется, плакал и все время что-то говорил своим оглушительным шепотом, который был слышен далеко вокруг.

Жмарун, увидев Лотара, тоже закричал:

— Останови это, иначе я прикончу его!

Вдруг позади них в мареве, как в топке печи, на миг показалась фигура Зод. Она заговорила громче и яснее других:

— Я обещаю покарать и сдержу слово...

Земля в десятке саженей от храма вдруг лопнула, как лопается кожа на хорошо припекаемом огнем поросенке, насаженном на вертел. Из трещины полилась мягкая, пышущая неумолимой и ужасной смертью лава. Лотар и не думал, что огненные слои планеты могут находиться так близко от поверхности.

Цахоры опустили мечи. Один из них сделал жест, будто собирался бежать, второй, наоборот, бросился к Жмаруну с раненым.

Сам Жмарун сделал одно неуловимое движение рукой, и тело Бошинака странно дернулось. Настоятель упал, его громоподобный шепот и плач стихли. Жмарун подхватил безголового второй рукой и попытался прибавить шагу.

Но земля треснула под его ногами, ее куски, как небольшие

льдины на северных реках во время ледохода, стали погружаться в лаву, и Жмарун со своим приятелем заскользили назад, к смерти, под несмолкаемый говор Зод.

Цахор, который собрался бежать, уже отошел на десяток шагов от неминуемой смерти, но тут на него напал Лотар. Теперь задача его была гораздо проще — только слержать противника, чтобы он не убежал, и подождать, пока раскаленная смерть под ногами станет неотвратимой, а потом... Желтоголовый не знал, что будет потом. Он надеялся, что сумеет убежать — ведь двигался он чуть быстрее, чем еще не полностью восстановившиеся цахоры.

Кожаный Капюшон, которого атаковал Лотар, разгадал его замысел. И понял, что впервые за многие годы, если не века, он бьется за свою жизнь. И показал, что умеет драться. Чтобы удержать его, Лотару потребовалась предельная концентрация внимания, сил и самообладания.

Поэтому он не видел, как погибли остальные трое цахоров, которые застряли у храма. Он только различал их вопли, прорывающиеся сквозь рев Зод, слышал отвратительное шипение, как будто огромного быка разом попытались сжечь на костре, да чувствовал отвратительную вонь, разлившуюся в воздухе... Потом крики смолкли.

Лишь теперь Лотар ощутил, что ноги его пылают, словно он тоже провалился в лаву. Он даже покосился вниз, чтобы понять, насколько его ощущения соответствуют действительности. Оказалось, что они с последним из этой четверки Капюшенов стоят на самом краю, и земля уже колыхается под ногами, вспучиваясь и рассыпаясь, как живая.

Он заставил цахора оставаться на месте еще долгих десять ударов сердца, и лишь потом, когда почувствовал, что жар становится невыносимым даже для него, бросился к буторку, где стоял Сухмет. Он отбежал шагов на десять, когда вдруг перед ним появилась и стала расширяться залитая горячей кровью Земли новая трещина. Он перепрыгнул ее, а когда приземлился, вдруг понял, что цахор вот так же перепорхнуть ее не сумеет.

Желтоголовый сделал еще несколько шагов и упал на колени. Ступни болели, ноги ниже колен почти ничего не чувствовали, даже в легких хлопкота боль при каждом вдохе, обожженное горло протестовало против немыслимого жара. Он попробовал подняться, оглянуться.

Цахор пытался выбраться из лавы. Но куда там! До ближайшего островка твердой почвы было саженой пять, никто не мог бы добрести до него, разве что слуги самой Планы. Но и Лотару тоже грозила смерть: трещина, которую он перепрыгнул, приближалась...

Сухмет подхватил его, поднял на ноги и почти поволок в безопасное место. Они добрались до ближайших кустов, листья на которых почернели и скрутились, но, по крайней мере, не загорелись. Тут Сухмет отпустил Лотара и произнес, вытирая пот:

— Все, сюда она вряд ли доберется. Она уже уходит.

— Куда... уходит? — спросил Лотар.

— Куда-то вниз, к своей госпоже. Она решила, что должна уйти.

Лотар оглянулся. Цахоров не было видно. Раскаленные камни храма до середины стен погрузились в лаву и мерцали тяжелым жаром. Пирамида стала маленькой, не выше обычной сторожевой башенки.

— Что тут будет?

Сухмет положил руку на плечо Лотару:

— Лужа остывшего камня. Это уже не важно. Важно лишь то, что их стало меньше.

Лотар снова оглянулся.

— Ты уверен, что этого жара хватит?

Сухмет медленно, устало улыбнулся обожженными губами. От этого его лицо стало чуть более морщинистым и старым, чем обычно.

— Если этого не хватит, тогда я не знаю, что их вообще может остановить.

Лотар еще раз оглянулся. Да, дело было сделано, жара Зод хватило. Цахоров тоже можно было убивать.

Глава 12

Сухмет сидел впереди в позе восточной медитации и был неподвижен, словно древняя статуя. Неровный, ворсистый, пахнущий грязью и какой-то экзотической травой ковер-самолет тек по воздуху, переливаясь на воздушных струях, как плавучая водоросль. Иногда казалось, что усидеть на нем невозможно. Но под сидалищем он слегка прогибался, получалось, что сидишь в ямке, и это помогало сохранять равновесие.

После битвы в храме и гибели четырех цахоров с Южного континента прошло три дня, вернее, третий день подходил к полудню. А в нынешней ситуации это был огромный срок. И Лотар не знал — успевают они еще или уже нет. Он только надеялся, что успевают.

С высоты даже не совсем спокойное море казалось абсолютным ровным. Иногда солнце отражалось от воды, словно огромное, туманное, светлое облако. Но теплее от этого не становилось. Встречный ветер пробирал до костей, даже Сухмет мучился насморком, а Лотар и вовсе уже не раз думал, что отдает Кроссу душу.

Раны не заживали или заживали так скверно, словно клинки цахоров были смазаны какой-то особенной дрянью. Те мутации, которые он попробовал было провести, чтобы побыстрее восстановиться, ни к чему не привели; даже рука, сломанная Зод, еще болела. А когда он, отчаявшись, решил для тепла отрастить дополнительный слой плотной роговой ткани на своей груди и плечах, она сковала его таким панцирем, что он едва сумел от нее избавиться, и потом еще целый день казалось, что он двигается как-то не так.

К тому же при постоянном встречном ветре практически невозможно было разговаривать. А Лотару так хотелось распро-

сечь Сухмета, как ему удалось добиться, чтобы этот ковер появился у них на рассвете следующего за поединком с цахорами дня.

Море неожиданно стало более мелким. Густая, со стальным отливом синева посветлела, оттого что солнце проникало теперь через всю толщу воды до самого песка. Лотар представил, что ему предстоит, и поежился. Дело было очень трудное, и он вовсе не был уверен в успехе. Кроме того, он не знал, стоит ли вообще за него браться. Но Сухмет сейчас даже не задавал вопроса о целесообразности их поступков — он считал, что это единственный их шанс и его следует использовать.

Ночью, мучаясь болями выздоровления, Лотар вдруг подумал: не пора ли кончить свой путь под этими звездами? Сухмет неожиданно вскочил, разжег огромный, выше человеческого роста, костер, вскипятил очень крепкий и замечательно вкусный чай, а потом вдруг произнес, глядя на прозрачную пелену пламени:

— Ты еще должен сделать главное, господин мой.

— А что может быть главным для меня?

Старик ушел к пруду сполоснуть чайник, кружки и принести смоченные водой повязки. Он так ничего и не ответил.

Берег появился, как всегда бывает в ясный денек на Северном море, из низкого серого облака. Обычно Лотар любил тот удивительный миг, когда кипа невесомого пара, пронизанная лучами преломленного света, вдруг становится твердой землей, обещая надежную опору под ногами. Но сегодня он пропустил этот момент узнавания — слишком уж быстро летел ковер.

Потом Сухмет стал ворочаться, собирая мешки, проверяя, не упало ли что от покачиваний. Как только он все проверил, ковер вдруг пошел вниз. Скоро сделалось заметным волнение, а скалы на берегу выступили вперед, как гребень зарывшегося в землю гигантского дракона. Теперь они полетели гораздо медленнее, и ветер уже не заглушал слова. Лотар тут же спросил:

— Как ты управляешь этим летуном, Сухмет?

— Я не управляю ковром, господин, я просто думаю, чего мне бы хотелось. И он делает. Это как во сне, но очень изматывает, сосредоточенность требуется предельная, иначе мы оба можем вывалиться на большой высоте.

Оказывается, не только из-за ветра Сухмет был в продолжение всего полета так молчалив.

— Не очень удобная штука, — признал Лотар.

— Зато быстрая.

— А как ты ее достал? Я спал, а когда проснулся, она уже была.

Сухмет рассеянно посмотрел на Лотара, мельком улыбнулся, даже не кивнув, как обычно, и ответил:

— Договорился со Студоей. Скоро ты ее увидишь и сможешь сам поблагодарить.

— Кто она?

— Одна из элементарей воздуха с более покладистым, чем у других, характером.

«Интересно, — подумал Лотар, — не знал, что он может об-

шаться с такими изменчивыми сущностями, как элементарии воздуха».

Ковер заходил на посадку. Лотар оглянулся. Вот ряд скал, где они и должны были оказаться. Когда-то, много лет назад, он уже был тут и получил одно обещание. Пришла пора напомнить об этом тому, кто его дал.

Ряд обыкновенных диких камней напоминал лестницу, ведущую к воде. Лотар очень хорошо знал, что это и в самом деле лестница, которая уходила в глубину, под воду, на многие мили от берега. Правда, на самом дне она превращалась в широкую удобную дорогу, которой пользовались морские существа, живущие в этих краях. Тянулась она бесконечно далеко, может быть, не в силах человеческих было дойти до ее края...

Сухмет закашлялся, ковер закачался из стороны в сторону, как падающий кленовый лист, и опустился на песок, смешанный с мелкой галькой. Лотар вздохнул. Сухмет с облегчением тоже перевел дух. Старик имел на это право, он поработал на славу и завершил полет точно в требуемом месте.

Лотар встал на нетвердые, затекшие от долгого сидения ноги и походил по хрустящим камешкам. Стянул с ковра свой мешок и обратился к Сухмету, тоже вышагивающему нетвердо, как страус на сильном ветру:

— Почему мы никогда раньше не пользовались этим способом? Нет, я и сам люблю полетать, но я устаю, а эта штука... К ветру можно притерпиться, а в остальном она незаменима.

Сухмет подошел к воде, снял свою шапочку, умылся, потом вытерся рукавом халата. Губы его были все еще бледны от перенапряжения и холода.

Едва исчез пронизывающий ветер, леденивший на большой высоте, оказалось, что на берегу даже жарковато. Конечно, не так, как на Южном континенте, и не так, как на побережье Западного, но все-таки изрядно.

— Увидишь ее, сам поймешь, господин мой. Кроме того, она не дает ковер просто так, за все требует немалую цену. Для элементарии она на редкость меркантильна.

— Да кто же она?

Вдруг Сухмет дрогнул и напряженно посмотрел куда-то за спину Лотара. Желтоголовый оглянулся: один угол ковра стал сам собой заворачиваться, удивительным образом исчезая при этом из виду.

— Можешь спросить ее.

Лотар тут же перевел свое видение в магический спектр и только тогда понял, что видит нечто.

Это была женщина, не очень большая для элементарии, всего-то саженой семь. Совершенно прозрачная, легкая, с удивительно изменчивым лицом. Лотару приходилось напрягаться изо всех сил, чтобы просто видеть ее, а чтобы разобрать все гримаски на красивом, правильном, как у всех духов природы, лице и уловить все изменения ее эмоций, ему не хватило бы и предельных способностей.

Он поклонился, с удовольствием ощущая, что Гвинед качнул-

ся за спиной, словно тоже кланялся. Впрочем, Гвинед бесполезен против женщины, способной одним вздохом поднять его на неизмеримую высоту и бросить вниз, на скалы.

— Я благодарен тебе, Студоя. Мне доставляет особую радость самому выразить благодарность тебе.

Женщина рассмеялась и приблизилась к Лотару на расстояние в пару ярдов. Вблизи ее лицо казалось не таким уж красивым, даже грубоватым. Кроме того, от ее близости в лицо Лотару ударила такая тугая струя воздуха, что даже его короткие волосы над налобной пластиной полегли назад. Но этот ветер имел очень приятный запах — нежный и душистый, свежий и бодрящий. Лотар поневоле рассмеялся. Теперь, когда перелет окончился и он стоял на земле, он снова стал любить ветер, тем более не очень сильный.

— Желтоголовый, ты интереснее других.

Ее голос возникал в сознании словно бы сам по себе и рассыпался легкими раскатами. Чувствовалось, что она себя изрядно сдерживает. Это было высшим признаком вежливости у элементаров.

— Ты так говоришь, Студоя, словно знаешь меня.

— Я иногда обращала на тебя внимание. — Она отлетела подалше.

Ковер исчез из виду. Лотар не мог даже предположить, куда он делся.

Внезапно Студоя унеслась вверх с огромной скоростью, случайно захватив немного морского песка и высохших водорослей. Лотар оглянулся на Сухмета — у того не дрогнул ни единый мускул. Желтоголовый снова искал взглядом элементаров. На этот раз ее голос раздался с другой стороны, от ближайших скал. Она сделала чуть меньше и приняла чуть более определенную человеческую форму. Конечно, изумительно правильную, совершенную, женскую.

Испугавшись, что Студоя вот-вот снова улетит, а он не успеет задать вопрос, Лотар закричал:

— Я хотел спросить тебя, почему ты нам помогаешь? Мы же тебе ничего не сделали, не сослужили никакой службы!

Но оказалось, что, хотя расстояние между ними было довольно велико для человека, кричать не следовало. Ее голос звучал в сознании, словно она стояла у самого уха, только теперь в нем появились грозные раскаты. Наверное, она устала от этого разговора, а раскаты были чем-то вроде акцента.

— Вы потревожите более могучие силы, чем моя скромная особа. Мне бы хотелось, чтобы они знали, на чьей я стороне. Впрочем, все может измениться.

Последние ее слова прозвучали уже сверху. Лотар так и не понял, как она исчезла из его поля видения. Наверное, на этот раз она передвигалась с такой скоростью, что глаз не успевал уследить. Или вышла из доступной Лотару части спектра, а уже потом улетела...

Сухмет сдержанно кашлянул. Он, кажется, все же простудился.

— Ветреница, господин мой. Не обращай внимания. К тому же и ковер унесла.

— Но ковер-то принадлежал ей?

— Еще вопрос, насколько он ей принадлежал. То, что она его у себя держит, вовсе не значит, что она им владеет.

Лотар махнул рукой. Эти двухтысячелетние знакомства и взаимозависимости Сухмета были так сложны, что не стоило и вникать.

— А жаль. Ковер показался мне...

Но у Сухмета было другое мнение:

— Да не жалей ты о нем, уж очень трудно им управлять.

Покашливая, Сухмет пошел к воде. Лотар затопал следом.

Откуда-то с запада бесконечной чередой по морю шли валы прозрачной чистой воды и разбивались о берег, в котором не было бы ничего необычного... Если бы не эта лестница.

Она служила входом в подводное царство. Именно туда Лотару с Сухметом и нужно было попасть на этот раз.

Глава 13

Вода показалась очень холодной. Все-таки здорово они намерзлись, пока летели на этом ковре. Или вода тут, на Севере, и впрямь холоднее, чем та, к которой он привык. Но ведь было же время, когда он стоял под ледяным водопадом и даже удовольствие получал. Да, было время, когда он получал удовольствие буквально от всего, теперь это кажется необычным.

Лотар встряхнулся, настроил свое термальное чувство и опять не угадал. Теперь вода показалась чуть ли не парным молоком, от которой только по недоразумению не валил пар. Впрочем, когда они вошли поглубже, это ощущение исчезло: внизу, под слоем толщиной фута в два, вода оказалась еще холоднее.

Они спустились еще глубже. Вода доходила уже до плеч Сухмета. Два каменных столбика, обточенные волнами до диаметра не очень больших секвой, поднимались над поверхностью сажени на две, не больше. На вид в них не было ничего необычного. Но если погружаться в воду именно между ними, море превращается в радушного хозяина, заботливо опекающего почти любого гостя. И можно дышать водой, разговаривать с морскими обитателями, пока не выйдешь очередной раз на берег. Хотя, как это происходит, даже Сухмет не мог объяснить. Ну и, конечно, могло напасть какое-нибудь морское чудище.

Когда Лотар впервые отправился этой дорогой, сразу же, они еще из залива не вышли, на них напала хищная манта. А чуть дальше от берега — полосатая акула. Лотар содрогнулся. Он не любил хищников моря, хотя в целом к хищникам относился доброжелательно, должно быть, потому, что они красивые, уязвимые, несмотря на силу, как и все воины, к тому же их чрезвычайно мало и работа их необходима какому-то, не очень понятному закону Создателя.

Но морские чудовища ему не нравились. Впрочем, он надеялся, что магическая сила посоха Гурама, который Сухмет теперь не выпускал из рук, и на этот раз защитит, как защитила в первый их поход сюда.

Ворота приняли их несильным, но чувствительным толчком. И сразу мир воздуха, все огромное пространство над водой показалось пустым и чрезмерно разреженным. Захотелось спрятаться от него...

Первый раз вдохнуть воду после воздуха показалось чуть ли не блаженством. Лотар с удовольствием ощутил, как она прохладной, освежающей струей вливается в горло, как пузырьки воздуха выходят из носа, как глаза, ставшие немного выпученными, начинают видеть в воде далеко вперед и по сторонам.

Вдохнув еще раз до самого донышка легких, Лотар окончательно погасил чисто психический порыв всплыть и зашагал по лестнице немного шире, чем по земле, наклонившись вперед, чтобы легче распаривать воду. Сухмет с интересом оглядывался по сторонам. Любопытству старика можно было позавидовать.

— Никто нас тут схарчить не собирается? — спросил Лотар. — Приняли за своих?

— Одно другому не помеха, господин.

Голоса их теперь стали визгливыми, как скрип старой оси на телеге. Но Лотар по опыту знал: очень скоро они даже думать об этом забудут. Путь им предстоял долгий, может быть, не один десяток миль придется пройти, прежде чем они найдут того, кто им нужен.

— На этот раз мы тут недолго пробудем, — вдруг произнес Сухмет.

— Откуда ты знаешь?

— Предчувствую.

«Ответ настоящего восточного мудреца», — решил Лотар и еще энергичнее заскользил вперед.

Дно постепенно опускалось. Теперь они вышли к самому центру песчаной отмели, которую Лотар так отчетливо видел сверху, с ковра. Песок поднимался вокруг их подошв легкими, долго не опадающими облачками. Дорога, которая по воспоминаниям представлялась Лотару удобной и широкой, на деле оказалась даже не очень ровной. То и дело встречались огромные вымоины. Почему их не заносило песком, понять было трудно.

Все чаще стали попадаться кусты водорослей. Некоторые были такими густыми, что казались плотной, едва ли не монолитной массой. Даже светлые скалы, сложенные из песчаника, рядом с ними выглядели невесомыми. И поднимались они так высоко, что почти доходили до залитой солнцем лазурной, переливающейся плавной рябью поверхности воды.

В одном месте Лотар увидел полужасыпанный песком маленький каменный якорь — из тех, которыми у этих берегов пользовались рыбаки. В другом месте их испугал косяк рыбы, который стремительно пронесся мимо, не обратив на них никакого внимания, хотя некоторые рыбки уткнулись в них тупыми мягкими

носами. Причем длилось это так долго, что они уже и сами перестали обращать на него внимание, а косяк все летел куда-то, подгоняемый неизвестно чем.

Лотар даже забеспокоился немного и спросил:

— Ты ничего не чувствуешь? Может, они от здешнего зверя убагают?

— Никакого зверя нет, а вот нас уже кое-кто поджидает.

Лотар положил руку на рукоять Гвинеды, но Сухмет только отрицательно качнул головой:

— Нет, это тот, кто нам нужен.

Лотар вдруг почувствовал, что у него зуб на зуб не попадает. Какой теплой и замечательной ни казалась вода, но его кровообращение в первые часы пребывания под водой не очень хорошо реагировало на изменение среды обитания.

Лотар по привычке поднял голову вверх. Солнце, должно быть, светило уже над самой водой, скоро и этот день канет в небытие. А жаль, все стало происходить слишком быстро. Особенно после того, как за ним начали охотиться цахоры.

— Оказывается, мы идем почти весь день.

— Да, и скоро нужно будет перекусить. Иначе совсем замерзнем, — отозвался восточник.

Перекусить? Лотар и забыл об этом. Вот ведь что значит спасти свою жизнь. Впрочем, нет, он не чувствовал принципиального отличия от остальных своих дел, которыми занимался последние двадцать шесть лет. Сходства было гораздо больше, чем он хотел бы признать. Так же противостоит он темным силам, так же подвергает опасности свою жизнь...

Лотар вздохнул. Он уже настолько углубился в это дело, что не знал, хорошо или плохо то, что он не чувствует его особенностей. Пожалуй, плохо. А может, и хорошо, меньше забот о себе, больше практицизма. Как в поединке.

Да это и есть поединок, вся его жизнь — поединок. Противостояние тому, чей облик он увидел посредством магического кристалла Ди, кто ему так не понравился, несмотря на красоту, — архидемон, Повелитель Зла.

Внезапно Сухмет толкнул его в бок. Лотар поднял голову.

Прямо на него огромными, немного рыбьими глазами насмешливо смотрела Гирра. Она была прекрасна. Зеленые волосы, ярко-синие, горящие необъяснимым блеском глаза. Тонкие, почти прозрачные руки, совершенное тело под тонкой, почти прозрачной хламидой. Лотар даже смутился от ее совершенства, так много в ней было женской прелести.

От смущения он поздоровался довольно небрежно:

— Здравствуй, Гирра. Вот я пришел к тебе снова.

Она улыбнулась. Лотар посмотрел на ее белозубую улыбку и позавидовал, как по-юношески легко она проявляла эмоции.

— А я рассчитывала, ты забудешь мое обещание помочь. Сколько лет прошло?

— Тогда я получил заказ на Бродильника, значит, это было... Больше десяти земных лет.

— Ну, морские годы равны земным.

— Но ты совсем не старишься.

— Это потому, что я живу в другом мире. Годы тут ни при чем.

Как и в прошлый раз, Лотар сразу почувствовал, насколько эта магическая женщина превосходит его умом и внутренней силой. Поэтому-то он и не знал, как с ней разговаривать. Он казался себе таким неловким и неуклюжим. Хвала Кроссу, это случалось не чаще, чем раз в десять лет.

Тогда Лотар сказал, отчетливо произнося слова, показывая, что перешел к деловой части беседы:

— Я прошу у тебя помощи. От этого зависит моя жизнь.

Гирра поморщилась:

— Плохо говоришь, Желтоголовый. Что значит — твоя жизнь?

Лотар подумал, понял, где он ошибся, и поправился:

— Прости, ты права. От исхода этого дела зависит моя душа. Ее хотят забрать в Тартар навечно.

Бровь на прекрасном лице Гирры дрогнула, она оглянулась. Где-то там, куда уже не способен был заглянуть не очень совершенный взор Лотара, что-то происходило. Но не опасное, иначе он уже услышал бы колокольчики. Кроме того, Гирра не могла их предать. Понятие чести у этих жителей морского дна было более развито, чем у изменчивых обитателей воздушного мира.

— Это лучше.

Она снова оглянулась. Определенно, она чего-то ждала. Или спрашивала подтверждения, или советовалась с кем-то, кто решил остаться сегодня невидимым. Может быть, с тем, кто был выше рангом, чем Гирра. Хотя таких особ в водных глубинах осталось уже немного. Ведь Гирра происходила из царской семьи и была принцессой, правда, довольно почтенной по возрасту, хотя по виду ее этого никак не скажешь. Стало быть, она еще могла сохранить родственное влияние на высших правителей дна, которое тут было тем сильнее, чем ближе к стадии икринки находилась принцесса.

Лотар вздохнул. Он не любил напоминать о долгах, но сейчас надо было торопиться, и он произнес:

— И потом, ты дала обещание, и я тебе поверил. Помнишь, когда ты выкупала Рыболовного Бродильника?

Гирра неожиданно заговорила мягче, спокойнее, уверенней. Решение, кажется, было принято:

— Да, я обещала. Зато ты отказался жить тут, когда я предлагала тебе.

— Я человек, мне здесь тяжело.

— Люди жили тут, хоть и недолго — века три-четыре, но жили. — Внезапно Гирра подошла к Лотару вплотную и даже положила руку ему на плечо. — Ты не представляешь, как много моих подруг уже имели мужей-смертных. И как они были счастливы с ними. Говорят, любовь смертного — возвышенна. Я бы выбрала тебя.

Лотар опустил голову. Он знал, что разговор может этим и

кончиться, и тогда у него будет очень сложное положение. Но он все-таки ответил:

— Я просил о помощи. — Он посмотрел на нее, она смотрела на него с печальной улыбкой. Отказ она восприняла, как каждая женщина. — Впрочем, если бы я все-таки женился, моя жена была бы похожа на тебя. Только она непременно была бы земной женщиной, в этом все дело.

— Согласна. В этом все дело.

Она отошла и шелкнула пальцами. Небольшая рыбка с необыкновенно умным лицом выплыла из зеленоватой, уже темнеющей дали и оказалась рядом с Гиррой. Значит, с ней принцесса и советовалась? Похоже, очень похоже. Ведь эта рыбка могла оказаться вовсе не советником, а замаскированным правителем морских глубин, по влиятельности и силе не уступающим иным земным богам.

Осторожно, сомневаясь, что его способности тут подействуют, Лотар коснулся разума этой рыбы, и ему стало не по себе. Это была не просто умная рыба... Вернее, она была даже не очень умна. Но она умела видеть будущее, как живой эквивалент Яйца Несбывшегося. Поспешно, стараясь избежать неприятных новостей, Лотар отдернулся от сознания странной рыбы.

Гирра, кажется, ничего не заметила, потому что совершенно бесстрастно спросила:

— У тебя есть план?

Впрочем, за этим вопросом могло стоять и ее, Гирры, предложение. Но так как план у него все-таки был, Желтоголовый стал торопливо, чтобы принцесса не перебила и не сочла его предложение невыполнимым, выкладывать свою идею.

Гирра выслушала, не прервав ни разу, потом, чуть выпрямившись, словно отдавала приказ целой армии, твердо произнесла:

— Неплохо, может и получиться, Желтоголовый. Тебе помогут Двая и Сая.

Сухмет низко согнулся в благодарном поклоне.

Гирра снова шелкнула пальцами. Из той же мглы, откуда выплыл личный провидец Гирры, появились две морские девы. С виду они были совсем как обычные женщины, вот только ростом чуть не семи футов.

— Ты не поняла. Я хочу, чтобы они выглядели матросами. А женщин-матросов не бывает. По крайней мере, не в этой части света. Я просил морских мужей.

— Морские мужи стали редкостью. А эти девы... Они примут вид матросов. Ну, разве что длинные волосы у них останутся, но у матросов бывает и такое. За них не беспокойся. Где вы планируете начать?

Впервые за все время разговора с морской принцессой подал голос Сухмет:

— Они должны быть в Крилау. Это такой порт на северо...

Гирра рассмеялась:

— Я знаю, где находится Крилау, маг. — Она взглянула на обеих своих служанок, те поклонились так, как могут кланяться

скорее подруги, чем подчиненные. Потом Гирра очень внимательно посмотрела на Лотара, легко коснулась своего оракула, благодаря его за что-то, и добавила: — Я тебе больше ничего не должна, Желтоголовый.

Лотару тоже ничего не оставалось, как поклониться. Гирра величественно вздернула подбородок и пошла по подводной дороге вдаль, в мглистую тьму.

Желтоголовый не сомневался: как только она поймет, что Лотар ее больше не видит, она отрастит себе рыбий хвост и понесется в свой дворец в темных прохладных глубинах моря, меняясь с каждой минутой, превращаясь из прекраснейшей женщины неизвестно во что.

К Лотару подошла одна из дев, которым Гирра приказала участвовать в его затее. Кажется, это была Двая.

— Смертный, расслабься. Мы доставим тебя куда нужно.

То же самое произошло и с Сухметом. Восточник запротестовал:

— Нельзя ли проделать это как-нибудь цивилизованно?

Но Двая уже подхватила Лотара под мышки, прижала к себе совершенно железным, борцовским захватом, отравила, как и предполагал Желтоголовый, рыбий хвост и понеслась на северо-восток, постепенно наращивая скорость. Давление воды становилось болезненным, но морская дева не обращала на это ни малейшего внимания.

И тогда через сознание Сухмета, как через ретранслятор, Лотар разобрал ответ Саи, которая проделывала с восточником то же самое, что и Двая с ним:

— Интересно, восточник, зачем тебе требуется какая-то цивилизация?

Глава 14

Лотар вышел из воды и оглянулся. Он не мог избавиться от ощущения, что за ним следят. Однако интерес этот почему-то не вызывал настороженности. Скорее наоборот, хотелось за него поблагодарить.

Двая и Сая перед выходом на берег приняли вид двух сильных, рослых богатырей. Только очень придирчивый взгляд нашел бы в этих юношах что-то женственное. Лотару осталось только подивиться силе, которой были наделены эти существа.

Сухмет очень долго выплевывал воду, набравшуюся в легкие. Он уже и брюхо себе сжимал, и просил Саю ему помочь, но понастоящему задышал, только когда полежал на горячем песке и остатки воды вышли из него, должно быть, вместе с потом.

Не успели они отправиться в город, который уже был виден в трех милях на противоположной стороне залива, как Лотар почувствовал горячий, пристальный взгляд из-за соседнего холмика. За ними опять следили. Только на этот раз с неподдельным

интересом и каким-то бараньим любопытством, нисколько не маскируясь, в отличие от того, первого, взгляда.

Лотар вышел к воде, постоял, подождал, пока наблюдатель покажется, поводя взглядом вдоль ставших такими чужими и холодными волн. Если бы он теперь попробовал залезть в эту воду, то, вероятно, утонул бы в мгновение ока или пришлось бы так трансмутировать, что об этом и думать не хотелось.

По верхушкам волн прокатывались гребешки пены. Самые высокие валы перед заходом на неприступный берег становились прозрачными, потому что солнце светило уже с юго-западной стороны. Они провели в гонке до Крилау ночь и почти весь сегодняшний день.

Временами, когда солнечные лучи каким-то таинственным образом преломлялись в воде, она вспыхивала глубоким зеленым блеском. И вдруг... Лотар присмотрелся: в зеленом сиянии, ставшем на миг прозрачным, он увидел некрупную, не больше локтя, рыбку. Она была странной, необычной по форме, с огромной головой, роскошными, чересчур пышными мягкими плавниками, и от нее исходила аура власти...

Лотар хмыкнул. Значит, ему не показалось. Он еще раз посмотрел на рыбку, выхваченную точно так же в следующей волне, и медленно, с удовольствием поклонился ей в благодарность за помощь. Сухмет, который, как всегда, все замечал, сделал то же самое.

Сая и Двая, которым и пояснять ничего не нужно было, в свою очередь, тоже присели, а потом поднялись и вытянулись. Они были готовы. Лотар поправил ремень с Гвинедом, проверил Акиф на поясе и стал подниматься на ближайшую дюну, утопая по шиколотку в песке.

Они прошли уже немало, когда поняли, что тип, так явно демонстрирующий свое любопытство, все еще не отстал. Оказалось, он тащился сзади, всего в сотне футов, обдумывая что-то с таким напряжением, словно от этого зависела его жизнь.

Лотар вздохнул. Избавиться от рыбака было теперь непросто, но необходимо. Он сокрушенно посмотрел на Сухмета, тот сдержанно улыбнулся.

— Сейчас он заговорит, господин мой. Будь готов.

— К этому невозможно быть готовым.

Они прошли еще полмили. Наконец рыбак, нехстати оказавшийся на берегу, подал голос:

— Эй, господа!

Лотар не оглянулся. Но пренебрежение не задело рыбака. Он подбежал, заглянул чуть сбоку, по-прежнему держась на приличном расстоянии.

— Я видел, как ты кланяешься, и все вы кланялись. В чем дело-то, господа хорошие?

Лотар попробовал было посмотреть на него так, чтобы он ушел и не показывался больше, но вдруг понял, что этим его не проймешь. Перед ним был не простой крестьянин, запуганный влас-

тью и задавленный поборами, а труженик моря, такого косыми взглядами не остановить, он привык и к более крутым угрозам.

Рыбак мог разнести весть о странных путешественниках, замеченных на берегу, и провалить их план. Лишние слухи сейчас были совсем ни к чему. Уж лучше побеседовать с ним или постараться как-то иначе избавиться от этой ходячей угрозы.

Лотар подумал было о деньгах, но решил, что этим только подстегнет любопытство. Нет, как ни крути, а следовало поговорить.

— Она исполнила желание. И мы поблагодарили ее, — произнес он.

Рыбак постоял немного, почесывая затылок. Потом догнал Лотара. Он явно принял его за главного — с мечами все-таки.

— А как ты ее заставил-то? Ну, я имею в виду, выполнить свое желание.

Рыбак говорил на северном простонародном наречии, и Лотар его едва понимал.

— Я поймал ее на обещании... данном много лет назад. Теперь мы в расчете.

— Поймал... Как, в сети? — Должно быть, рыбак тоже не очень понимал этих пришельцев с юга.

— Слушай, отстань, ладно? Ступай в свою деревеньку, лови рыбу и не путайся под ногами.

Как выйти из положения, Лотар не знал. Он готов был даже наложить на этого рыбака заклятие молчания, но следовало придумать что-то еще.

— Нет, ну надо же! Я двадцать лет ловлю, но чтобы такое... И что ты у нее выпросил?

— Неважно.

Рыбак приотстал. Они прошли не меньше мили, когда он снова нагнал их. Теперь он зашагал рядом с Лотаром решительно и твердо, словно собрался идти до самого города. Сухмет забеспокоился. На внутреннем, недоступном рыбаку языке он сказал Лотару:

— Господин, он разнесет молву. А нам это не нужно.

Лотар подумал, посмотрел на море. И вдруг догадался, как отвязаться от пристающего рыбака. Сухмет считал его мысли, усмехнулся и вклинился между Лотаром и их нежелательным попутчиком.

— Слушай, я расскажу тебе всю историю, с самого начала.

Рыбак, который только того и ждал, закивал, приготовившись слушать.

Сухмет начал рассказывать какую-то совершенно фантастическую историю об исполнении желания, о несметных богатствах, о подводной царевне... Иногда рыбак задавал вопросы, а еще чаще междометиями выражал свое изумление и восхищение. Лотару слушать их было совсем не весело, да и мешало это изрядно, а ему следовало еще кое-что придумать, поэтому он пошел быстрее.

Когда до города было уже рукой подать, рыбак убежал назад. Сухмет с искрящимся от веселья взглядом догнал Желтоголового.

— Тошно было слушать мое вранье, господин?
— Вранье всегда тошно слушать. Кстати, что ты ему, собствен-
но, сказал?

— Посоветовал больше работать, а не бездельничать. Ну и до-
бавил, конечно, что все это — большая тайна. Думаю, пару недель
продержится. — Сухмет оглянулся, как-то странно хмыкнул и
зашагал рядом с Лотаром, внутренне еще раз переживая свою
шутку.

Но Лотару было не до шуток. Вся история с рыбаком его ско-
рее раздражала, чем веселила.

— Продержится до первой пьянки. Но, Кросс свидетель, нас к
тому времени тут уже не будет.

Сухмет внимательно взглянул на Желтоголового:

— Ты выглядишь недовольным. Я сделал что-то не так?

— Да... Вернее, нет. — Лотар и сам не знал, что думать об этой
истории с рыбаком. — Просто пойдет гулять еще одна легенда, а
это нежелательно.

Сухмет беспечно махнул рукой:

— Да мало ли легенд про нас рассказывают, господин мой?
Будет еще одна, будут и другие. Наш путь далек и долог.

Лотар с подозрением посмотрел на Сухмета. Конечно, восточ-
ник имел в виду переносное значение слова «путь», но что-то в
нем вселяло уверенность, что он знает — или хотя бы догадывает-
ся — о конечной их цели, о которой сам Лотар пока не имел ни
малейшего представления. Но на этот раз выяснять ничего не
стал. Он только буркнул:

— Эта будет, кажется, очень стойкой.

И еще быстрее зашагал к городу.

Часа в три пополудни они вошли в город, а еще через час ре-
когносцировка в основном была окончена, можно было передо-
хнуть. Все вдруг вспомнили, что не ели почти сутки. Но в таверне
есть не хотелось, к тому же Сухмет заявил, что они уже должны
быть на пристани. Они купили еды и пошли к воде.

Двая и Сая выбрали, разумеется, рыбу. Сухмет к ним присо-
единился. А на Лотара вдруг напала умопомрачительная жажда,
должно быть, он слишком много вобрал в себя соли из моря. Он
не столько ел, сколько пил. К тому же у него вдруг сразу стали бо-
леть все раны.

Это напомнило, с кем на этот раз они имеют дело. Он посмот-
рел на Сухмета, который весело жевал огромные куски ставриды,
перевел взгляд на грязноватую воду у деревянных свай и спросил:

— Сухмет, почему цахоры так быстро восстанавливаются?

Сухмет быстро проглотил кусок.

— Ты человек, у тебя все несовершенно. А они почти демоны,
у них все чище, ближе к истинным силам природы.

М-да, утешил. Впрочем, Лотар искал не утешения. Он должен
узнать что-то про тех, с кем ему придется скоро сражаться. И пре-
имущества, которые случайно возникли в сражении у Клетки
Планы, у него больше не будет.

— Значит, люди хуже устроены?

Сухмет отщипывал от своей ставриды совсем уж крошечные кусочки, чтобы можно было без труда разговаривать.

— Ну, люди, конечно, для другого предназначены. И они еще не потеряли способности к развитию, а демонам это практически не дано.

Лотар задумался. Возможно, что и так. Но тогда можно было многое пересмотреть. Например, то, что главным доказательством его человеческой природы служили не битвы с демонами на всех континентах, а всего лишь нежелание подчиниться старому закланию Гханаши. Оказывается, он давно носил в себе это доказательство, только не догадывался о нем.

Вдруг Сухмет вскочил на причальную тумбу и замахал руками:

— Эй, мы тут!

Небольшая, хищного вида дория с косым парусом и покатыми, потертыми бортами входила в гавань. Такая способна выдерживать любой шторм, просто начнет перекашиваться через любые, даже самые большие валы, и ничего с ней не случится. «Вот только укачивать на ней будет изрядно», — решил Лотар. Впрочем, он был не великий знаток морского дела.

За румпелем на корме стоял капитан Ингли, тот самый, который двадцать шесть лет назад привез их с Алдуина в Мирам. Лет пятнадцать назад он завел в Мираме семью и теперь задумал выйти наконец в отставку. Но ему предстояло сыграть в задуманной Лотаром аванюре очень важную роль.

Рядом с ним стоял Рубос и улыбался во весь рот. По виду Сухмета он уже понял, что прибыл вовремя. А это было нелегко, этому в самом деле можно было радоваться.

Рубос спрыгнул с лодки на пристань, как заправский матрос, поймал конец, набросил его на причальную тумбу. Трое незнакомых матросов уже спихивали с борта сходни, чтобы на берег мог сойти капитан Ингли. Еще трое занимались парусом.

Но Ингли не спешил. Он внимательно осмотрелся, прошел по палубе, задрал голову, обозрел топ мачты. Потом подергал штаги и лишь после этого пошел к сходням. Лотар понял, что его недовольство вызвано не кораблем. С посудыной все было как раз нормально. Даже отлично. Капитана беспокоило что-то другое.

Он и не стал этого скрывать. Сойдя на пристань, он вместо приветствия заявил Лотару, понимая, что Желтоголовый тут все решает:

— Не люблю я в незнакомом порту рассчитывать на хорошую команду. И не очень понимаю, почему должен это делать.

Лотар ответил без обиняков:

— Потому что в противном случае все эти люди через три дня, самое позднее через неделю, будут мертвы.

Капитан Ингли прищурился, разглядывая Лотара, и было невозможно понять, какое выражение мелькнуло в его глазах. Но Лотар мог поручиться — это было что угодно, только не страх.

— В какую кашу на этот раз я влез? — спокойно спросил Ингли.

— Разве Рубос тебе ничего не рассказал?

— Он рассказал слишком мало. Капитан должен знать больше.

— Согласен. Ты узнаешь больше, и очень скоро, потому что время не терпит.

Ингли вздохнул. Лишь очень внимательный человек догадался бы, что так он выразил свое облегчение, потому что иначе не умел и не любил работать. Потом он оглянулся на совсем недавно купленную ему Рубосом дорию и пробурчал:

— И все-таки с такой посудиною мы все даже сообща не сладим. Нужны еще люди. — Он оглядел Лотара, Рубоса и Сухмета, который разглядывал Ингли с видимым удовольствием.

Лотар вытянул руку к Дuae и Сае, которые неторопливо доедали рыбу, сидя на досках причала и болтая ногами.

— Вот эти двое заменят тебе всю недостающую команду.

Опытным глазом человека, который умеет нанимать команду, Ингли оглядел юных богатырей. Реакция его была неожиданна даже для Лотара.

— Бледные какие-то.

Все усмехнулись. Даже Рубос, который не знал подробностей, но догадывался о многом. Мираец добродушно пророкотал:

— То ли еще увидишь, Ингли. Когда все кончится, это покажется тебе далеко не самым странным.

Лотар подумал и вдруг хлопнул Ингли по плечу:

— Да, еще совет. Не привязывайся к кораблю, капитан.

Сухмет вдруг перестал улыбаться. Его лицо стало бледным, на миг он закрыл его руками, потом внимательно посмотрел на Лотара. Его зрачки испуганно сжались, и он проговорил:

— Они очень близко, господин. Они уже видят Крылау.

Лотар и сам, кажется, почувствовал, что колокольчик вот-вот зазвонит. Тогда он произнес:

— Хотя они и не люди, им нужно передохнуть. — Он оглядел всех и добавил: — Этим мы и воспользуемся.

Глава 15

Кабак «Авральный фрахт» считался в этом городе самым большим — человек на сотню, а то и больше. Не очень высокие потолки, грязноватые, закопченные стены и довольно шумная публика свидетельствовали об отсутствии всяких хитростей. Но тут было и немало темных углов, где можно посидеть, незаметно для любопытных глаз съесть нехитрую снедь и выпить кружку вина.

В одном из таких углов расположились четверо неторопливых субъектов в надвинутых на лоб капюшонах, которые они не откинули даже во время еды. Их затянутые в перчатки руки и мелькавшее под широкими плащами оружие заставляли многих моряков, составлявших основную публику заведения, думать о них как о людях, по которым давно плачет веревка с удавкой, спущенная с реи.

Они не разговаривали. Несмотря на слаженность действий и внешнее сходство, почему-то казалось, что встречались они не часто.

Десяток-другой посетителей, сидящих в зале, не мешали им. Одна компания распевала песни, которые лучше звучали бы на палубе парусника в открытом море, другая шепталась с угрюмым видом, с тоской поглядывая на единственный кувшин вина, стоящий посередине стола, трое матросиков просаживали в окружении недорогих девиц жалованье, заработанное за месяцы тяжелейшего труда, и были этим весьма довольны. Все выглядело спокойно и обычно.

Дверь хлопнула, и в помещение вошел невысокий мускулистый паренек с темно-рыжими, коротко стриженными волосами. Из дальнего угла заведения поднялся грузный бородач и заголосил:

— Анджи, сюда! Иначе пропустишь самое интересное.

Один из парней в капюшоне лениво покосился на крикуна. За его столом сидели трое, перед ними были в привычном порядке раскиданы карты, не хватало четвертого.

Кратчайший путь Анджи проходил рядом с темной четверкой. Взгляд его уже был прикован к картам, он и не думал сокращать путь. Парень мягко обогнул ближайший столик, шагнул еще...

Вдруг в его руке блеснуло лезвие ножа, и рука опустилась на плечо одного из Капюшонов. Двое соседей молчаливика, на которого опустился нож, опоздали лишь на долю мгновения. Но когда они перехватили руки рыжего юноши, он поднял к ним невозмутимое, спокойное лицо.

— Ты замахнулся на одного из нас оружием? — осведомился человек в капюшоне, который сидел спиной к стене. Он определенно привык отдавать приказы.

Вместо ответа юноша, чьи руки были зажаты, словно тисками, сделал невероятное усилие и приподнял нож так, чтобы все видели его острое. На кончике ножа шевелился, издыхая, огромный, величиной с дублон, паук-шаркут. Доказательство было очевидно каждому.

Главный Капюшон сделал знак, и его приятели отпустили рыжего Анджи. Тот встряхнулся, почувствовав себя освобожденным, резким движением сбросил паука на пол и наступил на него каблуком. Хитин насекомого отчетливо хрустнул на грязных досках.

— Тогда можешь идти.

Анджи вдруг ухмыльнулся, демонстрируя великолепные зубы:

— Ну уж нет, господа хорошие, так просто от меня не отделаешься. Я рассчитываю на кувшинчик вина, не меньше.

Выражение лиц людей в капюшонах невозможно было разглядеть, складывалось впечатление, что у них вообще не было лиц. Но один из них сделал указующий жест кабатчику, тот послушно кивнул, дернул подбородком чуть в сторону. Тут же из дверей кухни выскользнул половой — мальчишка с огромным кувшином вина — и понес его к тому столику, куда направился с легким насмешливым полупоклоном Анджи. Там его уже шумно приветствовали картежники, наблюдавшие за всей сценой с удовольствием людей, согласных разделить заслугу и вино более ловкого

товарища. Они были готовы даже отложить в сторону карты, чтобы наполнить кружки.

Более того, один старикашка, который до этого отирался около стойки, тоже подгрел к столику удачливого Анджи и был, к немалому удивлению других компаний, благосклонно принят. Но больше картежники ни с кем делиться не собирались, что дал понять бородатый богатырь, рявкнувший на какого-то нищего, попробовавшего послоняться поблизости.

Анджи, шумно выразив восхищение отличным вином, тем не менее незаметно отставил кубок и, чуть покрывив губы, гораздо тише проговорил:

— Сухмет, как бы незаметно попросить воды?

— Ну уж нет, — буркнул бородач голосом Рубоса. — Воду тут подают только в двух случаях: если хотят подраться с вышибалой или привлечь к себе внимание. Нам ни то ни другое не нужно, не так ли?

Сухмет, он же подвыпивший старикашка, которого только что приняли в компанию, сидя спиной к четверым Капюшонам, едва слышно произнес:

— Они за нами не следят, все приняли за чистую монету. Говорил я тебе, господин мой, — он повернулся к Анджи, который оказался Лотаром, выкрасившим свои чересчур приметные волосы красной аранской травой, — они самонадеянны и не будут прошупывать этого паука.

— Кстати, — заинтересовался Рубос, — где вы живого шаркута взяли?

Лотар ухмыльнулся:

— Да не был он живым. Я его четверть часа назад на рынке купил у торговца снадобьями, он его поймал, чтобы сделать на стойку на оливковом масле.

Рубос кивнул, всем было известно, что масло, в котором выдерживают пару месяцев паука, — единственное средство облегчить боль, а иногда и спасти жизнь укушенному шаркутом.

— А потом, — продолжил Лотар, — насадил его на нож и четверть часа ждал, пока он сдохнет. Мне же пришлось держать нож в рукаве, понимаешь?

— Но я сам видел, как он шевелился.

Сухмет произнес:

— Пауки способны удерживать жизнь некоторое время, вот я и скомандовал ему еще пожить, когда господин поднял свой нож с пауком на кончике. Конечно, дистанционная магия оставляет следы, но если раздавить объект, то... Даже я ничего по остаткам паука не понял бы. Да эти ребята, — он кивнул на цахоров, — и не думают, что тут что-то не так. Как я сказал, они очень самонадеянны.

— Ты с головой-то, — посоветовал Рубос, — поосторожней. Жесты они, в отличие от твоей магии, понимают сразу.

— Нет, нет, — запротестовал Лотар, — наоборот, нужно показать, что они тоже вызвали наш интерес, нужно продолжить, так

сказать, знакомство. Хотя бы в расчете получить еще кувшин вина... Кстати, Рубос, как ты можешь пить эту кислятину?

— Неплохое вино, конечно, для севера. Впрочем, я тут не главный любитель.

Он с насмешкой посмотрел на Дваю и Саю в облике двух добрых молодцев, которые уже уговорили полкувшина. Вино им нравилось, они причмокивали и поглядывали друг на друга с одобрением. Оба считали, что глупая инсценировка с картами, на которую их едва удалось уговорить, кончилась не так уж плохо.

— Еще бы, — проговорил Лотар, — в подводном царстве вино — штука редкая.

Двая кивнул, соглашаясь, и налил себе еще полстаканчика.

Сухмет к чему-то прислушался, с облегчением вздохнул и вытер выступивший на лбу пот.

— Нашел! Они общаются на очень редкой и трудной для подслушивания вибрации. Очень низкой, почти за пределами слышимости любого мага из людей.

Лотар спросил:

— Ты их понимаешь?

— Вот что любопытно, — Сухмет оглянулся на Лотара, — ты бы их тоже понял, господин мой. Они говорят на языке славов, твоем родном языке.

— Что они говорят? — спросил Рубос.

— Тот, кого они называют Ворчливым, думает, что нужно идти на обычном корабле. Там, где много народу. — Он помолчал. — Второй по счету и по влиятельности говорит, что на большом корабле на них обратят внимание. Лучше, если они отправятся на Запад незаметно. Четвертый, самый неопытный, спрашивает, в чем дело, к чему такие предосторожности.

На этот раз Сухмет молчал очень долго. Наконец он проговорил, невольно улынувшись:

— Сувос, их главный, объясняет, что на Южном континенте цахоры чего-то не учли, на них напали и всех убили.

— Они считают, что их убили вояки, с которыми те столкнулись на дороге? — удивился Лотар.

— Нет, они понимают, что простым воякам это было бы не по силам, но все равно полагают, те погибли по собственной дури. И в значительной мере это правда, господин мой. Не столкнись они с армией, мы бы никогда...

— Что он еще сказал? — потребовал Рубос.

Сухмет вдруг заговорил очень низким, чужим, странно модулированным голосом:

— Архидемон советует так больше не ошибаться. Мы нужны в столице этого самозванца готовыми к бою.

Даже Лотар удивился, как легко Сухмет перешел на прямой, слово в слово, перевод ментальной, неслышимой постороннему речи Сувоса. Впрочем, восточнику это далось нелегко, пот так и тек с него, а выражение глаз выдавало такую муку, что Лотар даже поразился, что не должен работать на том уровне вибраций, на котором общались цахоры.

— Тогда и в самом деле нужно воспользоваться быстроходным маленьким кораблем, — проговорил Сухмет чуть измененным голосом другого цахора. — С небольшой командой. Такой корабль может просто исчезнуть в конце пути.

Один из Капюшонов оглянулся на Лотара и помахал ему рукой:

— Анджи, садись к нам, у нас появилось к тебе дело.

— Все, господин, они созрели. Только вовремя спрячься за ментальный блок, — прошептал Сухмет, закрывая губы своей кружкой.

Лотар встал, подошел к столу Капюшонов:

— Если вам нужна моя помощь, господа, это обойдется вам...

— Ты получишь все, что мы захотим тебе дать, — проговорил Сувос. Это он сидел спиной к стене.

Лотар кивнул. Хорошо, что его никто не собирался тут же, не сходя с места, накачивать вином, ведь пришлось бы действительно пить. Один из Капюшонов толкнул ему табуретку, Лотар сел.

— Что вы хотите знать?

— Ты с какого корабля?

— Со «Святого Спирадона».

Цахоры переглянулись, их веселила возможность отправиться через море на корабле, названном в честь самого почитаемого местного святого, покровителя моряков, защитника от происков нечистых сил.

— Фрахт есть? Куда идете отсюда?

— Вообще-то капитан промышляет контрабандой, но не зарывается, поэтому все получается тип-топ.

Лотар решил играть разбитного дружелюбного матросика, который тем не менее готов в мгновение ока пустить в ход нож. Это более всего соответствовало тому, как он завязал знакомство. И меньше всего заставляло его притворяться.

— Что за груз?

— Масло, немного соли, селитра и какой-то серый порошок, о котором никто ничего не знает.

— Масло и селитра, — сказал один из цахоров, — не очень разумное сочетание в одном трюме.

Лотар самодовольно ухмыльнулся:

— А у нас два трюма. Так что никакого опасного соседства, все тип-топ, как я уже и сказал, господа хорошие.

— Он мне не нравится, — вдруг сказал один из цахоров на внутреннем языке. — Слишком быстрый, чересчур смысленный.

Лотар даже удивился, насколько отчетливо он услышал их тягучую внутреннюю речь, когда находился близко от Капюшонов.

— Да, — беззвучно ответил ему другой, поглядывая в сторону стойки, — он мне тоже кажется чересчур ловким, но среди моряков таких немало. Работа, понимаешь, требует.

Теперь нужно было сделать так, чтобы заставить их добираться до Западного континента только на этом корабле и только с этим экипажем. Правда, трюк был рискованным, но все сейчас было риском, и немалым.

— Как же ты шаркута увидел? — спросил Сувос. — Здесь не очень светло...

Лотар снова хмыкнул:

— Сам удивляюсь. Проходил мимо, не думал ни о чем, как вдруг увидел, и раз... Даже понять не успел, а он уже на ноже. Но с шаркутом только так и надо. Промедлишь — и каюк.

— Как этот паук тут вообще оказался? — мысленно спросил самый молодой цахор. Его речь была довольно невнятной, он даже слегка рисовался тем, как свободно использует ментальное общение.

— Может, с собой привезли? — так же на внутреннем языке ответил ему тот, с которого Лотар снял паука.

Желтоголовый вздохнул:

— Ну ладно, я пойду. А то вы все шепчетесь...

Договорить он не успел. Сувос наклонился к нему через стол и схватил за отворот куртки:

— Ты слышишь внутреннюю речь?

Лотар посмотрел на него без страха:

— Конечно, слышу. Да я уверен, многие вас бы услышали, ведь маги тоже из людей берутся. Я и сам люблю такие фокусы. — Он помедлил, потом внезапно спросил, словно бы решившись: — А меня не научите?

Сувос отпустил Лотарову куртку, откинулся назад. Если бы он был человеком, он бы, наверное, рассмеялся. Но он не был человеком. И Лотар тут же почувствовал густой, как кипящая смола, поток внимания, исследующий его сознание.

Как Сухмет и предвидел, это был Сувос, самый поднаторевший в таких вещах. Он прошелся по поверхности всего, что Лотару заложил Сухмет, а было там немало, целая вымышленная биография. Правда, с провалами. Чтобы мотивировать эти провалы, Сухмет придумал отличную штуку — увлечение опиумом. У наркоманов ведь стерты некоторые участки мировосприятия, и это было наилучшей маскировкой. По мнению Сухмета, это должно было помочь. И в самом деле помогло.

Сувос вдруг спросил со странной смесью презрения и удивления:

— Давно балуешься опиумом?

Фальшивый Анджи смутился:

— Откуда ты знаешь? Я вроде не говорил?

— Отвечай, — сдержанно попросил самый молодой цахор.

— С детства. Но сейчас деньги стал копить, балуюсь, лишь когда невмоготу.

— Понятно, — кивнул Сувос. — Ладно, расскажи о своем «Спирадоне».

— Капитан у нас классный, известен во всех этих морях. Ингли, может, слыхали? — Ему никто не ответил. — Если вы интересуетесь насчет пассажира, то у нас как раз никого сейчас нет. Но Ингли идет на Шонмор, это такой островок в стороне Западного континента, поэтому, если нам не по дороге, ничего не выйдет.

Сувос уже принял решение, и главным в его выборе был стран-

ный факт, что этот Анджи, по виду лох лохом, непонятным образом слышал их тайную речь. Теперь упустить его было невозможно. А почему бы не совместить это и другое, более важное, дело?

Он спросил, поднимаясь из-за стола:

— Команда большая?

— Так вся команда, почитай, за тем столом собралась, — мотнул головой Лотар.

Сувос быстро оглядел сидящих там людей, покривил губы.

— Нам подходит. Веди. Где вы ошвартованы?

— Пошли, конечно, — согласился Лотар, жадными глазами проследив, как один из цахоров кидает на стол пять больших серебряных монет, за которые в этом кабаке можно было гулять немалой компанией целый вечер. — Только знаете, Ингли на всю округу известен тем, что берет самую высокую плату, но обслуживает по первому разряду. А вы сколько за проезд заплатите?

Его болтовня уже стала надоедать Сувосу.

— Заплатим тоже по первому. Веди.

Глава 16

Море было желтым, как латунь. На его плавно колышущейся поверхности, казалось, не могло возникнуть ни одной складки, ни одной волны, только выглаженные до изумительного блеска мерные вздымания и опускания. Иногда на воде вспыхивал блик солнышка, начинающего уже клониться к западу. Лотар жмурился, но эти блики ему очень нравились. В них было столько затаенного веселья, что хотелось петь.

Вот только петь было никак нельзя. Любое человеческое проявление цахоры мгновенно пресекали. Казалось, им не вмоготу находиться рядом с людьми, они едва сдерживались, чтобы не пустить в ход мечи. Но сделать это они собирались в самом конце пути, в этом Сухмет не сомневался уже к вечеру первого дня, подслушав их переговоры.

Лотар оглянулся на цахора, стоящего на вахте. Так они решили называть того из Капюшонов, который почти всегда, в любую погоду, в любое время суток оставался на палубе, а в каюту заходил только во время еды. Такие предосторожности беспокоили Лотара, они подсказывали, что с этими типами все будет даже сложнее, чем с теми, на Южном континенте, но изменить ничего было нельзя. После гибели первой группы Капюшоны насторожились.

На этот раз дежурил Ворчливый. Он и в самом деле ворчал больше других и меньше остальных пытался сдерживаться. В первый же день он чуть было не ударил Сухмета, когда тот подавал им ужин. Они тогда еще не вышли из порта, поэтому Ингли весьма решительно потребовал, чтобы все негодяи убрались с его корабля. Пришлось Сувосу обещать, что подобное не повторится: ему не улыбалось застрять в порту на несколько дней, а то и не-

дель из-за дурного характера своего подчиненного, да еще упустить странноватого Анджи.

Выходки Ворчливого и в самом деле прекратились, сработала воинская дисциплина, но только потому, что все должно было кончиться, как прокомментировал Рубос, весьма бесполезно для здоровья всей команды.

Лотар посмотрел на мат, который он вязал из старых канатов, удивился, насколько это простое дело оказалось нелегким на практике, и стал распутывать последние, самые неловкие узлы, чтобы сплести их снова.

На баке Двая и Сая обливались водой, которую зачерпывали ведром из-за борта. Без воды было им плохо, но они крепились и ни разу не сорвались.

Ворчливый скользнул по ним глазом, потом стал смотреть за борт. Лотар отчетливо прочитал его ментальную речь. Она была длинной, насыщенной негативными эмоциями и кончалась заключением: нежные очень людишки пошли.

До острова «Спирадону» оставалось идти уже не так долго. Если даже не будет ветра, скоро они увидят Шонмор. Конечно, точное время знает только Ингли, но даже Лотар понимал, что до берега не более суток ходу. Если что-то пойдет не так, как они задумали, цахоры вполне могут преодолеть это расстояние вплавь — энергии у них хватит.

Не так, как задумывалось, кое-что уже произошло. Например, несмотря на споры, Сувос потребовал, чтобы в Крилау оставили лодку. И теперь Лотар совсем не знал, как ему спасти Ингли и Рубоса, чересчур тяжелых для того, чтобы поднять их в воздух на крыльях. Кроме того, третий цахор задавал слишком много вопросов и, кажется, что-то заподозрил. А чем это грозило, Лотар не знал.

Третий, самый молодой, цахор вел себя естественней остальных: он просто с утра до ночи крутил в воздухе мечи, тренируя руки, оттачивая технику. Лотар решил, что техника у Капюшона еще далека до совершенства, ему предстояло потрудиться примерно столько же, сколько и самому Желтоголовому.

А вот что умел Сувос, Лотар даже предполагать не хотел. Сухмет сказал, что лучше этого не знать вовсе, потому что даже среди цахоров командир северян слывет точным и умелым бойцом.

«Ну ладно, — вздохнул Лотар, — придет время — посмотрим».

Но самым скверным было то, что Сухмет истощился. За стариком была самая главная работа — закрыть ментальной магией все особенности Лотара, Рубоса, Дваи и Саи, а также, по мере необходимости, Ингли от случайных попыток определить, что они за люди и как их способности вязались с их теперешней работой и незавидным положением дешевых каботажных торгашей. Лотар подозревал, что Сухмету, как он ни старался, не удалось спастись от всех подозрений. Но главное он все-таки сделал — они были еще живы.

К этому утру Сухмет устал уже настолько, что последнюю ночь и весь день провалялся в своем гамаке, не в силах встать. Или не

хотел вставать, копил силы для того момента, когда они потребуются по-настоящему.

Лотар оттолкнул не получающийся как следует мат, встал на ноги и потянулся. Ворчливый отошел к противоположному борту. На румпеле стоял Рубос. Из единственной надстроечки, в которой помещалась каюта капитана, вышел Ингли. Он лениво осмотрел горизонт и покачал головой — ему не нравился ветер.

А насколько было бы хуже, если бы ветер вдруг подул. Пришлось бы работать, и тогда цахоры заподозрили бы, что в команде ненастоящие моряки. А так все сходило... Пока. Впрочем, ветер будет, когда потребует, если Лотар что-то понимает в поведении морских элементаров.

Двая и Сая спустились в кубрик. Рубос, которого на румпеле сменил Ингли, подошел к Лотару, укладывающему неиспользованный канат в ровную бухту.

— Ингли сказал, что, по его расчетам, до Шонмора осталось восемьдесят морских миль. Даже если ветер не поднимется, мы должны прибыть на остров завтра к вечеру. — Рубос помолчал, потом спросил: — Ты долетишь в случае чего?

Лотар не знал, что ответить. Что он не сможет поднять в воздух сразу трех человек, что все равно кто-то должен будет прикрывать его, пока он станет отращивать крылья, что никто не знает, подействует ли последняя магия Сухмета?.. Он качнул головой.

— Уже близко, нужно начинать.

— Опасно все это, — сказал Рубос.

— Опасней не бывает. Но иначе и начинать не стоило. Иди скажи нашим, что пора.

— Хорошо, начинаем. — Рубос хмыкнул, сознавая, что многолетняя привычка приказывать заставила его даже согласие высказать как команду.

Укладывание бухты было делом достаточно долгим, и когда Лотар выпрямился, Рубос уже нес в каюту к цахорам огромный котелок с горячим супом, стопочку тарелок и кое-какую закуску, разложенную на небольшом блюде. На эту закуску лучше было не смотреть, потому что даже с того места, где Лотар сейчас находился, он заметил желтую ауру вокруг честного олова, из которого было изготовлено блюдо. Она была похожа на солнечный блик, но человеку принесла бы мгновенную смерть, и даже цахорам от нее не поздоровится. Лотар ожидал, что хотя бы четверть часа у них будет.

А еще Лотар почувствовал, что на эту магию Сухмет выложил остатки своих сил. Когда они обсуждали эту часть плана, Рубос и Ингли настаивали на использовании яда. Но яд — Лотар в этом не сомневался — цахоры почувствовали бы на расстоянии, и все пошло бы насмарку. А магию Сухмета можно было замаскировать под запах не очень свежей солонины. С этим рецептом старик провозился дней пять, стараясь отбить чувствительность цахоров во время каждой их трапезы, и лишь вчера вечером признал, что теперь можно попробовать. Но, как всегда, нужно было не пробовать, а делать.

На палубе появились Двая и Сая и, не глядя друг на друга, подошли к борту. Лотар всмотрелся в их прямые, ровные спины. Морские девы были спокойными, расслабленными, но море вокруг них вдруг стало меняться, и эти изменения, как концентрические круги от брошенного камня, расходились по воде все дальше и дальше. Теперь даже легкие волны, откатывающиеся назад от их форштевня, казалось, таили угрозу. Лотар вздохнул. Теперь уже ничего невозможно было остановить. Хотя и рановато принялись за дело морские девы.

Бросив свой бездарный мат, Лотар тоже подошел к борту, где совсем недавно стоял один из цахоров, и посмотрел на воду. Она уже не казалась листом латуни. Потемневшая вода словно бы смотрела на их кораблик предательским, губительным и неумолимым, как смерть, взглядом, не сомневаясь, что скоро эта скорлупка станет ее добычей.

Вдруг среди ясного неба прогремел отдаленный гром. Лотар поднял голову. Ветер трепал его крашенные волосы, словно траву, а ударяясь о воду, заставлял закипеть и море. Но оно волновалось только вокруг их корабля, а чуть дальше мили от «Спирадона» оставалось почти таким же спокойным, как четверть часа назад.

Ингли вдруг набросил на румпель две петли, позволяющие удерживать его в неизменном положении, экономя на рулевом, и пошел к Лотару. Им предстояло решить, как обходиться без лодки. Собственно, у них был только один выход. Если Двая или Сая помогут, ни Рубос, ни Ингли не утонут, их просто отбуксируют из опасной зоны. Для этого можно было вызвать дельфинов или пару каких-нибудь рыб...

Лотар посмотрел в сторону элементарей — теперь это были не молодцы с нежной кожей и длинными волосами. Это были девы с яростными лицами, они вздымали руки, швыряя в окружающий мир всю свою магическую силу.

«Нет, сейчас к ним лучше не приближаться, — решил Лотар, — о Рубосе и Ингли придется поговорить потом». Чтобы не терять времени, он стал трансмутировать руки. Первые движения плоти были трудными, но Лотар заставил себя сосредоточиться на размерах крыльев. Это было очень важно: если слишком короткие — они с Сухметом рухнут в воду, если слишком длинные — им трудно будет в такой ветер взлететь с палубы гибнущего «Спирадона».

Он остановился на средних по длине, но чуть более широких, чем обычно. Перекрывая свист ветра в снастях, он закричал в люк, ведущий в носовой кубрик:

— Сухмет, поднимайся!

Ингли все еще не мог поверить, что с их корабликом покончено, он бродил по палубе, что-то делая с парусами. Рубос уже стоял в полном боевом облачении, но с огромным пробковым поясом под мышками. Он казался нелепым каменным истуканом, какие иногда встречаются в степях Переднего Востока.

Сухмет поднялся на палубу. Он был бледен, но спокоен и тверд. «Да, несмотря на изнурение, он сумеет уменьшить свой

вес», — решил Лотар. Сухмет прочитал эту мысль в сознании Желтоголового, ухмыльнулся и стал шепотом бубнить заклинание.

И вдруг из каюты вышел один из цахоров. Он покачивался от резких ударов, которые обрушивали на корабль Двая и Сая. Морские девы уже прыгнули за борт и плескались в волнах, словно два дельфина. Теперь они казались даже маленькими, водный простор способен был изменить масштаб и не таких существ.

Только сейчас Лотар понял, что Капюшоны позаботились не только о присутствии стражника на палубе. Один из них всегда отказывался от пищи, чтобы в случае чего дать другим возможность восстановиться. И теперь он оказался совершенно невредимым, на нем не было даже тени Сухметовой магии.

Пока Лотар обо всем этом думал, цахор неторопливо осмотрелся, все оценил, оглянулся и рывкнул в дверь, перекрикивая ветер:

— Тревога!

Потом он достал меч, и Лотар понял, что видит перед собой не Ворчливого, а второго, Подозрительного. «Ну хоть не Сувос», — подумал он, но особого облегчения не испытал.

Внезапно капитан Ингли, заметив неотравленного цахора, совершил самый глупый в своей жизни поступок. Он сжал кулаки и попытался атаковать противника. Цахор небрежно отмахнулся, и старый капитан полетел головой вниз прямехонько в трюм, крышка которого была приоткрыта, чтобы корабль скорее набрал воду.

Лотару показалось, что капитан умер еще до того, как упал на тюки, сложенные внизу, — удар цахора был силен и точен. Кроме того, это означало, что церемониться Капюшон больше не собирался.

Глава 17

Так и не завершив трансмутацию правой руки, Лотар выхватил Гвинед и встретил цахора, который, кажется, наконец-то узнал его. Желтоголовый спрятал крыло за спину, но оно все равно мешало двигаться. Правда, по-настоящему цахор еще не нападал. Он лишь прошупывал оборону, проверив десяток довольно сложных позиций, а потом вдруг стал отступать.

У Лотара появилась надежда. Он поднажал, сделал пару царапин на руке цахора и попробовал прошмыгнуть в трюм, где исчез Ингли. Но как только цахор понял, что Лотар хочет большего, чем просто отогнать его от приятелей, он встал на месте, словно врос в палубу, и Желтоголовый уже ничего не мог с ним поделать.

Искры летели от мечей, свист рассеяемого сталью воздуха казался оглушительным, звон и грохот могли распугать крабов на дне и рыбу по всей округе, но цахор не отступал. А Лотар чувствовал, что драться с крылом за спиной, с нарушенной координацией и без надежды на помощь, драться, зная, что каждая минута приближает момент, когда отравленные Сухметом цахоры очуха-

ются и появляются из каюты, почти безнадежно. Нужно было отступить.

Лотар отпрянул от сверкающего меча цахора, чувствуя, что его дыхание сбито, а пот заливает глаза, словно он махал мечом целый день. К счастью, и цахор чувствовал себя не намного лучше. Конечно, не видя его лица, ничего нельзя было понять, но Капюшон не преследовал Лотара. Он ждал, когда Лотар попытается отрастить второе крыло, готовясь атаковать. В отчаянии Лотар оглянулся на Рубоса, который стоял на баке, стиснув свой огромный меч.

— Рубос, мне нужно две минуты, не больше, — попросил Лотар.

Мирамец кивнул. Сухмет вдруг поднял голову, глаза старого восточника стали нечеловеческими, растаяли, словно их не было вовсе, а потом они загорелись, как мерцающие угли, и от них отделилось неопределенное облако темно-красной субстанции, которая вошла в спину Рубоса. И мирамец преобразился.

Взгляд его стал спокойным, как у кошки, сидящей на высоком заборе, поступь сделалась такой мягкой, что, будь на палубе пыль, возможно, на ней не осталось бы следов, а руки расслабились, словно водоросли в слабом течении реки. Но от его новой поступи и взгляда, от мягких движений мечом, которыми мирамец разогревал кисть, отшатнулся даже цахор. Он отступил за мачту и встал уже не так прямо, как держался с Лотаром. Капюшон понимал, что теперь бой будет маневренным и без подвижности его не выдержать.

Лотар не стал терять время, а в бешеном темпе, словно за ним гнались все бесы преисподней, принялся отрашивать правое крыло, стиснув зубы от боли. Он успел сделать лишь самое необходимое, когда Сухмет вдруг резко вскрикнул от боли. До сих пор Желтоголовый слышал только звон мечей и тяжелое дыхание дерущихся.

Этот крик свидетельствовал, что магия старого восточника связала тела Сухмета и Рубоса, и боль, которую испытывал раненый мирамец, передалась старику. С такими приемами Лотар еще не сталкивался, он полагал, что это плохо, но Сухмет, по-видимому, считал это наилучшим выходом.

Лотар оглянулся. Рубос клонился к палубе, как подрубленное дерево, левой рукой зажимая очень скверную рану на животе. Если бы он не зажимал брюшину окровавленной ладонью, вероятно, на палубу выпали бы кишки мирамца.

Лотар застонал. Он набрал в грудь побольше воздуха, подождал, пока Рубос совсем присядет, чтобы ему не досталось больше цахора, и закричал. Это был ведьмин крик — заклинание, ошеломляющее любого противника, сконцентрированное на таком глубинном уровне сознания, на такой древней, первобытной и жестокой энергии, что Лотар, даже выучив этот прием, старался никогда о нем не думать. И он подействовал.

Цахор побледнел, отвалился назад, закрыв лицо руками и опираясь спиной о стенку кормовой надстройки. Его меч, уже зане-

сенный над присевшим Рубосом, упал на палубу. Он не мог пошевелиться несколько долгих мгновений. Любого другого этот крик, вероятно, убил бы на месте, от неподготовленного человека остались бы только пыль да сухие кости, но цахору хватило и десяти секунд, чтобы прийти в себя, подобрать меч и снова приготовиться к бою...

Но этих десяти секунд хватило и Лотару: он сумел прицепить истекающего кровью Рубоса к полетной перевязи, заставил сделать то же Сухмета с другой стороны, отрастил ноги на добрые четыре дюйма, чтобы люди не волочились по доскам палубы, и побежал, как перекормленный гусь, раскачиваясь от тяжести висевших на нем людей. У носовой оконечности корабля он развернул крылья во всю длину. Они еще были неравными — правое уступало в силе и площади левому, выращенному раньше, — но уже ловили воздух.

Вдруг Лотар почувствовал, что может и не взлететь, а свалиться в кипящую, темную от гнева Дваи и Саи воду за бортом. Но останавливаться было уже нельзя, сзади наступал цахор... Он напрядся до звона в ушах, подпрыгнул вверх и вперед, взмахнул...

Крылья едва удержали его в воздухе. Сначала он все-таки завалился вниз, ноги бессильно висящего Рубоса даже опустились в воду по шиколотку... Но в падении крылья зачерпнули тот ветер, которого им не хватало, обрели силу, Лотар взмахнул ими уже не судорожно, а уверенно и свободно, потом еще раз... Ноги Рубоса все еще оставались в воде, они отбрасывали назад пенистый след, но Лотар чувствовал, что теперь может удерживать Сухмета и мирмца на себе, на своих крыльях. Он поднял голову, примерился, подобрал взмах под порыв ветра и поднялся вверх сразу на две сажени. Они взмыли в воздух и пока оставались в безопасности.

— Сейчас, господин мой, — проговорил болтающийся у него на животе Сухмет.

Ловко, словно умелая нянька, он снял с Рубоса тяжелую, ржавую от крови кольчугу и бросил ее вниз. Она блеснула в клонящемся к западу солнце, как лоскут рыбьей кожи, с которой не слетела чешуя. Потом одним движением свободных рук старик снял с Рубоса все его бестолковые перевязи. Под ними оказалась только легкая полотняная рубашка. Сухмет легко разорвал ее, закрутил каким-то особенным образом, и ткань плотно легла на рану. Крови сразу стало меньше.

Лотар еще немного подрастил крылья, укоротил ноги, чтобы их не бросало встречным воздухом, как костыли паралитика, вырастил на них боковые крылышки и сделал круг около «Спирадона».

Корабль погибал. Его мотало из стороны в сторону, как дуршлаг, в котором ретивая хозяйка собиралась вымыть липкий от засохшего сока изюм. Мачты его колыхались, словно не сидели в гнездах и не были расчалены вантами, а росли, как трава на рыхлом песке. Неубранные паруса болтались с борта на борт, громко хлопая, от стакселя остались одни лоскуты.

В воде около корабля кружили Дваи и Сая. Они громко смеялись, их нечеловеческий хохот долетал даже до Лотара, преодоле-

вая штормовые волны, которые разбивались о борта «Спирадона». Но Лотара интересовали не они, а цахор, оставшийся на палубе.

Вдруг Сухмет воскликнул:

— Вот это боец!

В самом деле, цахор не сдался, он продолжал бороться. Пока Лотар взлетал, Кожаный Капюшон расстелил в центре палубы один из запасных парусов, а потом стал бодро, как на тренировке, переносить своих бесчувственных товарищей из каюты на этот кусок ткани.

— Что он делает? — спросил Лотар.

— Ты думаешь, господин мой, принцип летающего ковра известен мне одному?..

— Но Гирра?..

— Как правило, господин, элементаров довольно много. Особенно у такой среды, как воздух. Может быть, он обращается к одному из союзников своего господина?

У Лотара потемнело в глазах. Он представил столкновение в воздухе с четырьмя восстановившимися и люто ненавидящими его цахорами, себя с Рубосом и Сухметом на поясе, с неправильно вырашенными крыльями, битву над бушующим морем, в восьмидесяти морских милях от берега... Это было безнадежно.

— Что мы можем сделать? — спросил он Сухмета.

Сухмет, удерживая Рубоса, ухитрился показать на Саю, которая весело плескала огромными волнами в борт корабля. Лотар пропустился к ней.

— Сая, они готовятся умчаться на летающем парусе. Ты можешь что-нибудь сделать?! — заорал он так, что даже цахор, без сомнения, его услышал.

Сая подняла голову, нашла глазами Лотара, усмехнулась его нелепому виду, приветственно взмахнула рукой так, что брызги ударили вверх, как из фонтана.

— Если бы они были в воде, Желтоголовый, мне не составило бы труда... — Чтобы расслышать все, Лотар сделал разворот, от которого заныли мускулы плеч. Тем временем Сая договорила: — ...Сейчас они неуязвимы для нас!

Несмотря на шум, все было понятно. Лотар поднялся выше, с тревогой посмотрел на корабль. Трое цахоров лежали посередине паруса, Подозрительный сидел над ними в молитвенной позе, читая, вероятно, заклинание. Осталось совсем немного, и парус поднимет цахоров в воздух, спасет от гибели, от Дваи и Саи...

И вдруг где-то на корабле, который Лотар совершенно автоматически, просто от напряжения стал видеть в магическом измерении, появилось крохотное колебание жизни. Оно было настолько слабым, что не оставалось сомнения — существо, которое его подавало, умирало.

— Ингли! — воскликнул Сухмет. — Он жив.

Лотар сосредоточился и передал капитану приказ немедленно уходить с корабля. Это был именно приказ, но на людей, подобных капитану, такие приказы не действовали. Он спросил, что происходит. Ингли спрашивал в голос, отлично понимая, что умирает.

Лотар быстро, в самом сжатом виде, который только позволял ментальный режим, подобранный для обычного человека, показал капитану то, что видел с высоты. И капитан все понял. Он имел склонность к примитивной магии, и общаться с ним было нетрудно. Кроме того, сейчас Лотар, сжатый, как мощная пружина, способен был управиться и со стадом взбесившихся китов, не то что с одним капитаном.

— Хорошо, — произнес Ингли, и Лотар вдруг увидел, как его рука тянется к трюмному фонарю. — Уходите прочь.

— Что он произнес? — спросил Сухмет.

Ответить Лотар не успел. Яростный, прекрасный, но чудовищно опасный своей огненной силой цветок вырос в том месте, где находился трюм «Святого Спирадона». И где еще мгновение назад находился капитан Ингли.

— Оказывается, порошок вендийский огонь, — ровным голосом сказал Сухмет, — гораздо сильнее жидкого.

— Еще в трюме была селитра с маслом.

— Для того, собственно, она там и оказалась. Правда, мы не думали, что это будет Ингли, не так ли? — спросил Сухмет, не отрываясь от горящего и тонущего корабля.

Силой взрыва Лотара швырнуло в сторону. Потом прозвучали еще два разрыва, уже послабее. От дыма веяло отвратительной, отдающей серой смертью. Убедившись, что взрывов больше не будет, Лотар спустился вниз и прошел над водой на высоте не более десятка локтей.

Море уже успокаивалось. Ветер отогнал кипу серого дыма в сторону, в воде стали видны тонущие цахоры. Они были обожжены, плечо у одного превратилось в кровавое месиво, но жизни в них еще хватало, чтобы бороться. Они и боролись, стараясь спастись, отбиться от...

Сначала Лотар даже не понял, кто это, и лишь потом вдруг разобрал, чьи это веретенообразные зеленоватые тела. Русалки... Их стало много, теперь они присоединились к Дvae и Сае. Лотар увидел, какие они разные. У одной была большая некрасивая рыба голова и такие мощные плавники, что от ее взмахов на воде оставался пенный след, вторая распарывала воду такими руками, при виде которых вспоминались мифы об удерживающих небо титанах... Русалки казались более жестокими, чем стая акул или морских драконов.

«Смерть северной группы цахоров будет очень мучительной и долгой», — подумал Лотар. Что делают русалки с людьми и прочими существами, известно лишь понаслышке, а правды не знает никто... Вздохнув, Желтоголовый стал подниматься, чтобы уйти от штормовых порывов ветра, вызванного похотливой русалочьей игрой, и развернулся к Шонмору.

— Сухмет, ты можешь подлечить Рубоса, чтобы он дотянул до острова?

— Я уже занимаюсь этим, господин мой.

Лотар вздохнул. Они снова победили, но заплатить за это пришлось дорого. Впрочем, как всегда. Как всегда.

Лотар упал, не долетев саженной десяти до полосы прибоя. К счастью, в этом месте Сухмету было уже по пояс, и восточник без его помощи вытащил Рубоса на песок. Только старику с его облегченным весом было трудновато идти по воде, он все время всплывал, как кусок пробки.

Лотар дошел сам, пошатываясь на волнах от слабости и стараясь привести в порядок руки и ноги. Выйдя наконец на берег, он упал лицом вниз и лежал, пока Сухмет не догадался привлечь его внимание плеском свежей воды в небольшой медной фляжке. Услышав этот звук, Лотар сел, выпил всю воду и снова повалился на песок.

— Сейчас, сейчас, Сухмет. Это просто слабость, скоро пройдет. Сам знаешь, я в отвратительной форме, никогда не был так слаб.

Но Сухмет его не очень-то и слушал. Он сел рядом с Рубосом и принялся чем-то заниматься, временами странно кряхтя.

Когда круги перед глазами растаяли и Желтоголовый почувствовал, что может подняться на ноги и даже, вероятно, помочь Сухмету тащить Рубоса, вдруг издали послышался мерный топот. Лотар сел, потом встал и осмотрел ближайший холм. По песчаным дюнам, поросшим невысоким, стойким к любым порывам ветра кустарником, брело стадо овец. Это были северные овцы, способные питаться, кажется, даже сосновыми шишками.

Пастухов было трое: двое вполне зрелых мужичков и один мальчишка. Лотар помахал им рукой. Один остался со стадом, а второй вместе с мальчиком стал спускаться с дюны, поднимая шлейф мелкого песка.

Лотар повернулся к Сухмету:

— Сейчас нам помогут, все к лучшему, Сухмет...

И осекся, увидев, чем занимался восточник. Быстро обработав Рубосову рану на животе, он взрезал свою не по-стариковски мускулистую руку, вытащил на четверть дюйма артерию и вставил ее во вскрытую у виска вену мирамца. Мерно сжимая и разжимая кулак, он перегонял свою кровь прямо в тело Рубоса.

— Что это такое?

— Переливание крови, господин мой. Рубос ослабел, его поставит на ноги только свежая кровь. Пришлось использовать свою, — пояснил восточник, улыбнувшись белыми, бескровными губами.

Лишь теперь Лотар понял, что кряхтел восточник не только от старательности, но и от боли, которую преодолел так легко и умело, что даже сам Желтоголовый, постоянно настроенный на его волну, не почувствовал тревоги.

Но этого способа Лотар никогда раньше не видел. Он даже не подозревал, что есть такой простой и эффективный путь лечения.

— Со мной ты так никогда не поступал, Сухмет.

Восточник аккуратно вытащил свою жилу из вены Рубоса, быстро зажал свою рану и рану мирамца, наложил какие-то тампо-

ны с мазью, которую достал из каменной чашечки с плотной крышкой, перевязал все остатками Рубосовой рубашки и поднялся на ноги.

— Хоть я и вставлял свою жилу в его с учетом естественного кровотока, но его кровь тоже попадает в мои ткани. А упаси меня Брахма смешать свою старую кровь с кровью дракона.

Обычно восточник никогда так не говорил. Лотар посмотрел на него исподлобья:

— Брезгуешь?

Старик пожал плечами. Он был бледен, на лбу и верхней губе выступила болезненная испарина.

— Боюсь, господин мой. С кровью передаются некоторые качества кармы, и это влияет на наши будущие жизни. Возможно, это единственное, чего я по-настоящему боюсь, — извратить свои будущие инкарнации...

Пастух, из осторожности удерживая мальчика за своей спиной, подошел шагов на десять и спросил низким хрипловатым голосом с шипящим дасским выговором:

— Кто такие? И что вас привело на наш остров?

— Кораблекрушение, после которого мы чудом спаслись, — ответил Лотар.

Пастух недаром жил на рыбацьем острове, да и сам, без сомнения, немало походил по морю. Он быстро обозрел горизонт.

— Аварии оставляют следы, на мелком месте из воды всегда торчат верхушки мачт или хотя бы обломки. Тут мель тянется на четверть лиги, а никаких следов...

— Авария случилась за горизонтом. Отсюда ты ничего не увидишь. — Лотар оглянулся. Сухмет ослабел так, что вынужден был присесть на песок. — У нас двое раненых, да и мне не помешала бы помощь лекаря.

Пастух внимательно осмотрел Лотара и Рубоса. От его настояренных ясных глаз не укрылась ни одна деталь их недорогой матросской экипировки. Лишь однажды он задержал свой взгляд, когда увидел Гвинед, который Лотар положил на песок рядом с Акифом, чтобы перевязь с оружием не мешала смывать едкую слез с тела.

— Лекарь живет в замке и помогает только господам.

— Мы друзья господина Афиса. Он непременно поможет нам, когда узнает о нашем прибытии. Далеко ли до его замка?

Имя Афиса произвело на пастуха магическое действие. Он подошел ближе, нагнувшись, осмотрел Рубоса, а когда поднял голову, его лицо заметно помягчело.

— Да, теперь, когда ты сказал, я вас, кажется, признаю. Вы были здесь несколько лет назад с летающим кораблем. Что же ты сразу не сказал, Желтоголовый, что ты — это ты?

Лотар вздохнул:

— Я — это я. Пошли мальчишку за помощью в деревню. Нужно отнести Рубоса в замок или, если он далеко, вызвать лекаря сюда...

— Он выживет, в основном я уже восстановил ему брюшину.

К счастью, оказались рассечены только мускулы, — твердо сказал Сухмет, проверяя повязку вокруг головы мирамца. — К тому же и пульс стал лучше. Но уход нужен, конечно, самый тщательный.

Лотар посмотрел на бледное, кажущееся мертвым лицо Рубоса и спросил, давая выход сомнениям:

— Но вид у него не самый... жизнерадостный.

— Ты вспомни свой крик, господин мой, и то, как близко он находился от цахора.

— Но я подождал, пока он упадет на палубу, чтобы не задеть его!

— Я видел. Но он все равно был очень близко. Кроме того, крик был отменный, не мной, стариком, выбормотанный, а модулированный воином в боевом безумии. Странно, что он вообще его выдержал.

Если Сухмет полагал, что Рубос выдержал крик, значит, скорее всего так и было. Лотар повернулся к пастуху, который выслушал этот разговор, не дрогнув ни единым мускулом на обветренном лице.

— Да, уход должен быть самым лучшим. Разумеется, мы заплатим, когда все будет позади, мы не хотим обременять...

Пастух махнул рукой, повернулся к мальчику и стал ему что-то негромко объяснять. Вероятно, он решил, что с этими бестолковыми южанами не стоит церемониться, когда дело идет о жизни и смерти. Мальчишка согласно кивнул, что-то переспросил, подетски распахнув глазенки, и побежал вдоль берега, почти не увязая в плотном сыром песке на полосе прибоя.

— Пока не пришла помощь, друг, нет ли у тебя воды? — спросил Сухмет.

— Да, вода была бы сейчас в самый раз, — подтвердил Лотар.

— Господа. — В голосе шонморца прозвучала насмешка человека, который никогда не знал рабства. Он был дассом, пусть и оседлым, пустившим корни на этом острове. — У меня есть бурдюк, сделанный из козьего вымени, но вода в нем скверная на вкус. Поднимитесь по этому склону, и с той стороны найдете ручей с водой, от которой ломит зубы и мигом проходит усталость. А я, если хотите, сторожу вашего друга, чтобы чайки или вороны...

«Да, плох я совсем, если даже ручья не почувствовал», — решил Лотар.

— Господин мой, я лучше останусь, — сказал Сухмет.

Лотар кивнул и подобрал фляжку с песка. Восточнику необходима была вода после переливания крови, которое он устроил Рубосу. Поднимаясь по склону дюны, Желтоголовый обнаружил, что пастух идет рядом. Лотар спросил:

— Ты не ответил на один вопрос, пастух: далеко ли до замка?

Дасс оглянулся, помолчал.

— Миль пять, если знаешь дорогу, господин. Но для вас будет больше. А если учесть ваше состояние, то раньше темноты вам туда не добраться.

«Много ты понимаешь в нашем состоянии, — подумал Лотар. — Нам сегодня еще столько предстоит сделать, что голова кругом идет».

Но на самом деле сделать им предстояло гораздо больше.

В большом, высоком, по-старинному пустом зале, где некогда Лотар дрался с Клу КамЛутом и где он надавал ему пинков, как мальчишке, в присутствии всей знати острова и даже при Жарне, было на удивление светло. Драка произошла уже много лет назад, но, стоило Лотару плюхнуться в высокое кресло и осмотреться, память воскресила те события.

— Да, Сухмет, — сказал Лотар, которого от усталости потянуло на откровенность, — приятно оказаться в знакомых стенах. А вытянуть ноги — еще лучше.

Действительно, едва Лотар с Сухметом дотащились до замка КамЛут и назвали себя, ворота перед ними распахнулись во всю ширь, а молодые солдатики вытянулись чуть не в парадной стойке. Сухмет, с удовольствием оглядев бравых молодцов, прошептал Лотару на внутреннем языке:

— Как приятно, господин мой, что нас узнают.

И вот, устроившись поудобнее, Лотар решил ему ответить.

Сухмет тем временем обследовал небольшой столик в углу зала, на котором стояли немалых размеров графинчик и кое-какая еда. Стаканчик, как ни странно, был только один. Но воду можно было налить в огромный кубок, кажется, лишь вполовину меньше чаши для ополаскивания рук. Что Сухмет и проделал.

Приняв из его рук кубок, Лотар с жадностью припал к воде, он никак не мог напиться после перелета. Дверь распахнулась, и в зал вошла Жарна. Она была прекрасна, как и прежде. Веселое лицо, нежная кожа, сияющие глаза, тонкий стан и упругая уверенная походка.

Лотар встал, поставил кубок на широкий подлокотник кресла и низко, так что волосы его закрыли лоб, поклонился. Он кланялся единственной женщине, которую хотел бы видеть матерью своих детей, и не ее вина была, что она предпочла другого.

Жарна подошла к Лотару, положила ему руки на плечи и легко поцеловала в лоб. Он выпрямился, еще раз, с близкого расстояния, взглянул ей в лицо. Она была счастлива, и никакие волнения прошедших лет не оставили отпечатка на ее лице. «Что же, — подумал Лотар, — Клу можно отдать должное, он сделал ее счастливой». Возможно, Лотару это и не удалось бы, слишком у них разные судьбы.

— Я рада видеть тебя, Желтоголовый, хоть и в таком странном виде.

И Жарна со смехом указала на грубую матросскую робу Лотара, разорванную трансмутациями, а потом нежно потрепала по волосам.

— А я счастлив видеть, что ты здорова и весела, Жарна. Не обращай внимания на мой вид — это маскировка.

Ее лицо на миг погрустнело.

— Ты правильно сказал, Лотар, я весела. Но это не значит, что беды минуют нас.

— Что случилось? — спросил Лотар.

Он почувствовал, что Сухмет, который набивал рот какой-то снедью у столика, уже считал все из сознания Жарны.

— Афис возвращался после праздника сева от соседей, упал с лошади и сломал ногу. Клу так расстроился, что просил передать: он не выйдет к нам.

От облегчения Лотар не удержал смехок.

— Это все неприятности?

Жарна кивнула.

— Я думаю, это лишь предлог, Клу всегда недолюбливал меня. Но мы простим ему. А остальные живы и веселы, как ты?

Жарна снова кивнула. Потом подошла к столику, на котором Сухмет, несмотря на свойственную ему привычку есть немного, уже произвел значительные опустошения.

— Ты голоден, хочешь пить? Может быть, велеть приготовить обед или позвать соседей — и устроим бал в вашу честь? После твоего отбытия, Лотар, соседи решили, что ты сделал великое дело, освободив Шонмор от невидимой пелены таинственного волшебства. Да и удача нас в последние годы не миновала, это тоже приписывается тебе.

— Как обычно, госпожа моя, — вежливо произнес Сухмет, он наконец прожевал предыдущие куски, но собирался сунуть в рот следующие.

Лотар только усмехнулся, посмотрев в его сторону. Потом посерьезнел:

— Нет, Жарна, мы задерживаться не будем. У нас очень много дел. Кстати, в рыбацкой деревушке в пяти милях от замка я вынужден был оставить Рубоса. Он ранен, я просил прислать к нему доктора.

Жарна сделала нетерпеливый жест в сторону:

— Что же ты раньше не сказал. Я бы отправилась...

— Врач уже выехал, я сразу передал эту просьбу караульному офицеру, и он обещал все сделать в наилучшем виде. Он узнал меня.

— Он правильно сделал, Желтоголовый. Если тебе нужно что-то еще...

Лотар подошел к Жарне, поставил на столик кубок и посмотрел на женщину серьезными, воспаленными от усталости глазами:

— Нужно, Жарна. Я могу воспользоваться дверью перехода в твоем родовом замке, чтобы как можно быстрее попасть отсюда в Лотарию? Это очень важно и очень срочно. У нас нет времени ни на балы с соседями, ни даже на обед.

— Но позволь мне хотя бы собрать тебе корзинку с ужином на дорогу.

— Нет-нет, эти сборы затянутся на полчаса, а то и больше. Разреши Сухмету забрать то, что осталось от закусок на этом столе, и мы пойдем.

Жарна немного растерялась, она не привыкла к такому темпу.

— Ну, Сухмет, конечно, может взять с этого столика все, что ему понравится. Собственно, для того столик тут и стоит, чтобы Афис мог перекусить, выпить или принять кого-нибудь из наших

друзей... — Внезапно она приняла решение, Лотар понял это по слегка изменившемуся цвету ее глаз. — Тогда я провожу вас, Лотар. На правах хозяйки.

Желтоголовый поклонился. У него не было желания спорить.

Жарна кликнула слуг, и пять человек тут же появились в зале. Когда они услышали, что неожиданные гости отправляются в старый замок КаФрам и что молодая госпожа будет их сопровождать, трое слуг тут же отправились на склад за факелами, а двое других побежали, чтобы подготовить паланкин. Но Лотар от всего этого отказался. Вынуждена была отказаться и Жарна.

Лотар догадывался, что Жарна была даже рада просто пройти со старыми знакомыми в замок, где она родилась, где живет ее мать, а слугам придется тащиться сзади. Прогулка и дружеская болтовня в этот летний вечер казались самым приятным развлечением.

Солнце уже не грело, оно закатывалось за горизонт. Но было еще достаточно светло, и факелы слуги приготавливали скорее всего на обратный путь.

Дорога была хорошо уезженной, Лотар без труда прочитал на ее пыльной поверхности, что молодая госпожа КамЛут ездит к матери в гости не реже чем раз в три-четыре дня и частенько остается там на пару дней, чтобы почтенной матроне не было скучно. К тому же две маленькие дочери Жарны обожали свою бабушку, и она их с удовольствием воспитывала. В общем, это были милые женские радости. Никто тут и представить не мог ту жизнь, которую вел Лотар и все, кто его окружал.

О своих дочерях, о том, как они растут и как они прекрасны — какая жалость, что Лотар не успел их посмотреть, — Жарна проговорила почти всю дорогу. Лишь когда стены замка нависли над ними, Лотар спросил Сухмета, который шагал рядом с Жарной по другую сторону:

— Сухмет, я, кажется, забыл спросить, ты сумеешь провести нас по отведенному от Яйца Несбывшегося каналу прямо в город?

Старик беспечно улыбнулся, словно Лотар спрашивал его, сумеет ли Сухмет, не промахнувшись, хлопнуть в ладоши.

— Была бы дверь подпространственного перехода, господин мой, а перейти мы сумеем. — И пояснил Жарне: — Я в последнее время немало тренировался в этих переходах, иногда даже не туда попадаю, куда дорога ведет, а в новое место.

— Довольно странное доказательство совершенной тренированности, — заметил Лотар.

Жарна со смехом ответила восточнику:

— Ну, по крайней мере, дверь на месте. Я давно поняла, что вы отвели от нее дорожку и она как бы никуда не ведет. Но на всякий случай выселила оттуда всех людей, чтобы дверь им не повредила, и приказала проложить на чердак нормальную лестницу.

— Вот это здорово, — с чувством проговорил Сухмет. — Мы устали, так что лестница будет весьма кстати.

Лотар вспомнил, как они перебирались к этой двери, преследуя Бетию, сестру Жарны, когда расправлялись с демоном Жалы-

ном, нашел взглядом башенку, на чердачке которой и находилась дверь подпространственного перехода, и тоже почувствовал благодарность.

— Знаешь, — проговорил Лотар, обращаясь к Сухмету, — может, и не стоило так кардинально отводить этот переход от Шонмора. Мы могли бы сюда в гости заходить, и Стак чаще домой навещался бы.

— А вы и так можете к нам приходить, даже с отведенным каналом, — вдруг произнесла Жарна. — Проложенный канал практически не зарастает. Для этого необходима серьезная катастрофа.

Лотар посмотрел на нее с удивлением. Она говорила о том, к чему после длительных экспериментов только подступал Сухмет. И говорила достаточно уверенно.

— Откуда ты знаешь? — спросил Лотар.

Жарна улыбнулась:

— Ну, я все-таки немного демоница. И после рождения второй дочери во мне стало всплывать много необычного.

Лотар хотел было удержаться, но не сумел. Его рука помимо воли нащупала рукоять Гвинеда, который он для разнообразия повесил не за плечо, а на пояс.

Жарна, разумеется, заметила это движение и рассмеялась в голос. Ее зубки блеснули в стгущающейся тени от башен и стен замка.

— Лотар, ты не на меня смотри, а в зеркало. Ты-то вообще демон, а ведь не враг людям, да и себе тоже. Зачем же мне быть врагом своих родных, которых я так люблю?

Лотар на мгновение задумался. Да, эта способность любить как раз и отличала Жарну от Бетии, ее сестры. И кажется, эта способность вообще отличает всех демонов от недемонов. Но в таком случае, кто же он такой? Способен ли он любить? Почему у него до сих пор нет ни семьи, ни детей? Почему он не сумел некогда завоевать Жарну? Может быть, потому, что недостаточно любил?

К ним подбежала молоденькая румяная рыжеволосая, как большинство дассов, ключница. Она скороговоркой затараторила:

— Ваша матушка приказала пустить гостей в колдовскую башню, запереть за ними, а потом она ждет вас к себе.

Жарна посмотрела на нее с улыбкой:

— Разумеется, Глаха. И прикажи пустить в людскую слуг, которые пришли со мной.

— Их уже пустили, сударыня.

— Тогда давай ключи и беги.

Глаха отдала ключи, неловко, по-деревенски поклонилась, с интересом стрельнув глазенками в Лотара, и куда-то убежала. Она, без сомнения, знала, кого к ним в дом привела молодая госпожа.

Жарна подвела их к башне, отперла огромный амбарный замок. Лотар сдвинул дверь — из башни дохнуло сыростью и плесенью. Но это было не страшно. Скоро они окажутся в Лотарии, вот что наполняло Лотара мрачным беспокойством. Как там

отряд орденцев со Стаком во главе, сумели ли они остановить западных цахоров, которые идут из Новолунгмии? Что известно о Капюшонах, которые идут с Востока? Подготовились ли те, кто остался в городе?..

— Ты действительно занят, — вдруг произнесла Жарна. — Еще не уехал, даже не простился, а уже не тут.

Лотар поклонился. Она права, он уже там, где решалось, будет ли жить завтра он, десятки, если не сотни людей, которые поверили ему, устоит ли его дело перед этой атакой зла?

— Не держи на нас обиды, Жарна, — попросил он. — Может быть, еще сегодня ночью мы...

Желтоголовый не договорил. Даже на словах он был не в силах признать, что еще сегодня ночью они могут проиграть все, что сделали в этой жизни, и собственные души в придачу. Но Жарна все понимала. Трудно сказать, помогало ли ей в этом демонское начало или просто женская чуткость позволяла понять больше, чем было сказано, но она, без сомнения, понимала.

Она грустно улыбнулась и сделала извечный охранный жест Кросса, который должен был защитить Лотара и Сухмета.

— Я плохая прорицательница, Желтоголовый, но мне почему-то кажется, что ты не должен бояться. Не в этот раз, понимаешь?

Лотар внимательно посмотрел на нее:

— Я и не боюсь. Даже если мы не победим на этот раз.

Жарна вздохнула, быстро поклонилась в пояс Лотару и закрыла за ними дверь. Желтоголовому осталось только подняться по ступеням на чердак, где его и Сухмета ждала дверь перехода неизвестно куда.

Глава 20

Удар о мостовую отозвался в усталом теле, как будто в него угодила молния толщиной не меньше, чем Великая вендийская Железная Колонна. Лотар вынужден был даже полежать, прежде чем поднялся на ноги.

Но подниматься все-таки пришлось, тем более что Сухмет протягивал ему руку, чтобы помочь. Ну уж до такого Желтоголовый еще не дожил, чтобы ему помогал подняться двухтысячелетний старик. Хотя какой Сухмет старик? Просто очень немолодой маг с золотым обручем на шее и словно приросшим к руке посохом.

Он огляделся: без сомнения, они находились в Лотарии, но весь город почему-то был подозрительно тих и темен. И еще очень болело все тело. Так бывает после ломовой тренировки или после невероятно тяжелой драки, когда даже победитель не слишком отличается от проигравшего...

Лотар подумал, что помнит цахоров на корабле, и Шонмор, и Жарну, но вот потом... Правда, еще следовало сообразить, как задать вопрос, чтобы Сухмет не решил, что он уже совсем поплыл мозгами. Наконец он спросил:

— Сухмет, почему ночь? Шонмор на севере, не западнее, пере-

ход практически мгновенный, значит, должно быть столько же времени, сколько там. Почему ночь? Где мы были?

Сухмет обеспокоенно посмотрел на него и произнес с некоторым сомнением:

— Значит, ты еще не адаптировался, господин мой. Хорошо, сейчас помогу.

Он встал в позу вызывания колдовства, что-то пошептал, и Лотар вдруг почувствовал, как в его сознании возникает кто-то очень близкий, жаркий, сильный, неимоверно превосходящий мощью разума его задавленные усталостью мозги... Эта сила пролилась на его способность постигать мир, как дождь проливается на землю, и он понял, что вовсе не помнил происшедшее несколько часов назад, но теперь не забудет уже никогда...

Он и Сухмет покатались по зеленому, усыпанному небольшими, но острыми камешками склону и оказались между двумя группами людей. Когда Лотар все-таки остановился и помог Сухмету, схватив его за полу халата, стало ясно, что одну группу они знают.

Это были мирамцы и довольно значительный отряд наемников, которых, по традиции, выставили впереди. Их было не меньше тысячи, и командовал ими Крамис, тот самый, что некогда был зеленым мальчишкой из Мирана, которого подозревали в участии в заговоре Гергоса, но который делом доказал свою непричастность к преступным замыслам, а позже дослужился до капитана Миранской стражи и даже женился на одной из дочерей Рубоса и Светоки.

Надо сказать, выучка у них была отменная. Лотар даже не почувствовал, что они как-то особенно возбуждены перед битвой: они полностью подчинялись командирам, верили им и не сомневались в победе.

А причины для сомнений все-таки были, потому что против них стояла огромная, страшная своей многочисленностью и дикой необузданной силой толпа киптов, горного племени Новолунгмии, разбитая на кланы, которыми командовали старейшины. И они тоже не сомневались в победе, потому что еще ни разу не проигрывали сражения против пришлых вояк на своей земле, а сегодня они находились на своей территории.

Позади них, в полусотне локтей от последнего ряда киптов, стояли четыре человека. От одного взгляда на них мороз пробежал по спине, так они были зловещи, неподвижны и так мало было в них человеческого. Может быть, потому, что их головы накрывали непроницаемые черные Кожаные Капюшоны, под которыми не видно было лиц.

Да, с такой добавкой кипты становятся непобедимыми. Впрочем, может, наоборот, как раз цахоры составляют главную силу, а кипты просто наемники, пусть даже их было столько, что они заполнили четверть всей долины...

А где же орденцы? Лотар стал внимательнее вглядываться в лица с помощью своего дальновидения. Нет, не видно. Но что это... Вот одно лицо, вот второе... Так и есть. Орденцы стоят в

общем ряду мирамцев и даже вооружение подобрали почти такое же, чтобы не отличаться от простых солдат. «Это ошибка», — тут же понял Желтоголовый.

Теперь он знал, как поступить. Он бросился вперед, крича во все горло и размахивая руками.

Сначала кто-то из стоящих с правого фланга солдат повернул голову, потом кто-то побежал навстречу... Это был Стак, Командор Ордена. Он кричал на бегу:

— Здорово, Учитель с нами! Он, как всегда, вовремя!

— Стак, — скороговоркой начал командовать Лотар, едва они встретились на покрытом вереском склоне, — сейчас же выводите орденцев в резерв. Они потребуются, чтобы связать боем цахоров, те готовятся нанести решающий удар, не разъединяясь.

Стак все понял. Он побежал вдоль фронта, выкрикивая имена, отдавая приказы резкими, горловыми, имеющими явное азийское происхождение командами. Орденцы тут же стали проталкиваться назад, в тыл. Сержанты тоже принялись выкрикивать команды, требуя сомкнуть ряды. Вся операция прошла почти идеально.

Желтоголовый поднялся на небольшой холмик сразу за последним рядом солдат и увидел Крамиса. Тот улыбался во весь рот, на его лице совершенно отчетливо читалось такое облегчение, что Лотар, как ни был он встревожен, улыбнулся в ответ:

— Привет, Крамис. Неплохие у тебя солдаты. Как они сегодня, одолеют киптов?

— Сомневаюсь, Желтоголовый, что кипты выдержат хотя бы первый удар. Странно, что они вообще еще тут, а не разбежались, увидев, что ты прибыл нам на помощь.

«Кстати, — подумал Лотар, — нужно будет спросить потом Сухмета, как они оказались тут».

— Это было не очень трудно, господин мой, — вдруг зазвучал голосок восточника совсем рядом, прямо за спиной. — Я передал Стаку стеклянную модель Дракона Времени и вывел на него нашу трассу, как на маяк.

Лотар обернулся. Сухмет стоял рядом и тяжело переводил дыхание после долгого бега.

— Значит, это задумано еще в городе?

— Ну, это такая очевидная вещь, я решил, что ты бы и сам подумался, если бы у тебя было больше представления о моих последних достижениях.

«Ох, — решил Лотар, — не научусь я никогда понимать его восточные штучки, все время у него есть что-то в рукаве».

— Значит, говоришь, это было не трудно?

— Но на этот раз у тебя, господин, даже с памятью все в порядке, я вижу.

— Да, только не считай, что это исключительно твой подвиг, — усмехнувшись, ответил Лотар и стал следить, как кипты пошли в атаку.

Вернее, они бросились в атаку, как стая рыб. Ни порядка, ни лада, ни организованности, ни общего плана... Но когда кипты

дошли до передних мирамцев и наемников, стало ясно, что иначе они не умеют.

Техника индивидуальных поединков у киптов была высочайшей, каждый бился как берсеркер, но в целом эффект получился неважный. Система выучки мирамцев и наемников, их сплоченность и управляемость приводили к тому, что каждый кипт выдыхался и отступал, получив множество ран, или, если был чрезмерно настойчив, оказывался под ногами сражающихся и умирал, истекая кровью, так и не добившись успеха.

И все-таки кое-чего горцы добились, потому что их было очень много. Они заставили наемников на левом фланге отшатнуться назад на два десятка шагов, и сражение моментально стало опасным. Если бы стоящие слева побежали или отступили еще немного, удар в тыл мог бы сломить и железное сопротивление мирамцев, занимающих центр.

Лотар посмотрел на Крамиса. Тот, кусая губы, полетел на белом жеребце налево, выкрикивая команды на трех языках, в том числе и на киптском. Когда он вернулся, тяжело дыша, наемники медленно, но упорно продвигались вперед, тесня тех, кто оказался перед ними.

— Что ты им сказал? — поинтересовался Сухмет.

— Я соврал, — чуть смущенно признался Крамис, — сказал, что ваши ордены уже грабят киптский обоз. Они сразу поднажали.

— Наемники, — отозвался Сухмет с уважением.

Наступление наемников заставило двинуться вперед и мирамцев. Шаг, еще шаг, потом движение стало необоримым, и вот уже армия приморцев тяжело, обливаясь кровью, все-таки зашагала вперед, тесня противника. Крамис с восторгом посмотрел на Лотара:

— Если они не остановятся, через полчаса мы будем праздновать победу.

Пришлось Лотару охладить его восторг:

— Прикажи своим лейтенантам расступиться, когда вперед пойдут цахоры.

— Кто? — не понял Крамис.

— Те четверо в кожаных капюшонах, которые наняли киптов.

— Понял. А я-то думаю, что они там делают?..

И Крамис снова умчался к солдатам. Да, из него отличный офицер получился, решил Лотар. И небольшую битву, и умеренную кампанию он вполне может выиграть. Он не учел только цахоров, но никто из нормальных людей и представить себе не может, на что они способны. Лотар и сам вначале едва способен был это понять, так что упрекать Крамиса не стоило.

Вот только зря он себе побольше адъютантов и рассыльных не набрал, все сам скачет, сам воюет. Но это тоже понятно: драка невелика, он и решил, что так солдаты будут воевать уверенней. И оказался прав, с наемниками это сработало. Сработает ли с цахорами?

— Стак, будь готов, — посоветовал Лотар и стал натягивать

шитки потяжелее тех, с которыми мотался по свету последние полторы недели. Ему принесли их из обоза орденцев.

Но цахоры бросились вперед, только когда победа приморцев стала очевидной. Они скользнули так незаметно, что Лотар даже пропустил этот момент. Но быстро сориентировался и завопил, указывая на них Крамису, крутившемуся в это время где-то возле наемников, которые теперь, нарушая общий порядок битвы, без удержу рвались долбить тонкие заслоны киптов, чтобы захватить обоз.

Но дожидаться Крамиса и не потребовалось: предупрежденные лейтенанты четко скоординировали, и мирамцы расступились, отделившись лишь самыми незначительными потерями, а потом почти так же четко сомкнулись. И четверо цахоров оказались у них в тылу, отсеченные от остального своего войска.

Стак негромко отдал свои команды, и четыре десятка орденцев, сверкая клинками, рассыпались веером.

На этот раз битва распалась на поединки с обоюдного согласия сторон. Каждый из цахоров предпочел оказаться в окружении десятка орденцев, чтобы расправиться с ними, не обращая внимания на остальных.

Лотар попытался вытравить усталость из тела, взглянул на садящееся в палогие горы солнце и направился в ту сторону, где все сильнее разгорались схватки между цахорами и орденцами. После того как сцепились эти противники, основная драка стала затихать: кипты поняли, что ничего не сделают без помощи этих темных фигур с капюшонами на головах.

Вблизи стало ясно, что орденцы атаковали одновременно с разных сторон, как их выучили. Лотар своими костями помнил, как нелегко в этом случае справиться с атакующими. Но цахоры справлялись. Проходило время, а никто из них не был серьезно ранен, хотя, с другой стороны, и из орденцев мало кто пострадал. Но длилось это недолго. Сначала в сторону оттащили тело одного орденца, потом еще двух, потом еще кого-то...

И тогда Сухмет, который давно уже готовился — Лотар ощущал это как приближение грозы, — вдруг метнул в одного из цахоров молнию. Это была отличная молния — сильная и размашистая, как невеста откуда свалившееся столетнее дерево. От удара цахор упал на колени. И тогда орденцы дружно, как муравьи, и почти так же быстро, как сверкнула молния, рассекли его на десяток кусков точными, очень сильными ударами.

Когда они расступились, на камнях и редких стебельках вереска остались только бесформенные, окровавленные ошметки.

Освободившиеся орденцы тут же влились в поредевшие круги вокруг остальных трех цахоров.

Второго завалил сам Лотар. Он даже не очень понял, как это ему удалось. Он устал, очень устал, и все время дрался против защиты, почти не высываясь, но вдруг сообразил, что цахор, вокруг которого он танцевал на небольшом бугорке вместе с другими орденцами, потерял нить поединка и уже не видит всех атакующих так же хорошо, как вначале. Он ушел от медленного и

слишком высокого выпада цахора, присел, согнувшись почти втрое, вытянулся вперед и подсек Гвинедом левое колено противника.

Тот грохнулся на землю, обдав Лотара запахом кислого пота, незнакомой магии и едкой, темной кровью. Через мгновение он уже был готов снова подняться, но орденцы припилили его к земле, а потом долго, как будто перед ними было не тело, а тугое бревно, рубили, пока от цахора не осталось даже кусков, лишь кровавая лужа и облако отвратительного запаха, от которого хотелось поскорее избавиться.

«Славно работают, — решил Лотар, — и когда они научились превращать Капюшонов в фарш? Ах да, я же просил Сухмета объяснить мне кое-что о противнике, наверное, он не терял времени даром, пока я разглядывал битву». Теплое ощущение дружеского присутствия появилось в сознании, но на сей раз Сухмет ничего не сказал, и это само по себе было подтверждением догадки.

Двое других цахоров, как ни странно, подустали. Они могли бы разогнать всю армию мирамцев, но в драке с орденцами им приходилось нелегко. И все-таки их следовало еще опасаться. Поэтому Лотар вместе с учениками напал на главного цахора континента, которого архидемон, кажется, называл Непотом.

Он дрался лучше других, один положил почти десяток орденцев, и усталости в нем было меньше, чем в другом цахоре... Кстати, что-то там не так... Лотар оглянулся, но опоздал.

Рев торжества пронесся по полю, поредевший круг орденцев на миг сомкнулся, потом распался, и стало ясно, что из четырех темных противников остался только один — тот, которого они видели перед собой.

Стак, вынырнувший у локтя Лотара с восторгом от победы над третьим противником, провозгласил:

— Все, ребята, осталось немного!

И тогда Непот разжал губы.

— Ты так думаешь, мальчишка? — произнес он со странным шелкающим акцентом.

Он ринулся в атаку на Командора Белого Ордена с такой сокрушительной силой, словно не находился в кольце, а сам собирался окружить оставшихся в живых орденцев. Но Стак каким-то чудом выжил, хотя и получил две нехорошие раны — одну в грудь, а другую в шею.

Чудо заключалось в том, что половину этих выпадов принял на себя Лотар. Желтоголовый очень устал, каждый шелчок по Гвинеду отзывался в плече такой болью, словно оно целиком состояло из синяка, но он выдержал и даже вытащил Стака.

И тогда уже цахору пришлось держать оборону. Правда, на контрвыпадах он ранил одного из орденцев и убил второго каким-то парящим ударом сбоку в грудь.

Лотар осмотрелся: осталось всего десять орденцев, и все они окружили Непота. Половина истекала кровью, но пятеро были еще боеспособны. Боеспособным оставался и Лотар, хотя, как это ему удалось, он и сам не знал.

Сахор же вдруг стал двигаться еще быстрее, еще легче. Он даже сделался каким-то полупрозрачным, почти неразличимым в вечернем свете. И поймать его на кончик меча стало таким же невозможным делом, как отбить одним ударом меча все капли дождя...

Вот кому-то это удалось, белесый меч задел неплотную скользкую фигуру, но раны не осталось. Второй меч прошел сквозь бедро сахора, и снова бесследно... Такой магии Лотар еще не видел. Не поворачивая головы, он позвал Сухмета. Старик был рядом, но едва дышал, вложив все силы в магию атак на двух Капюшонов, которых убили с его помощью. Сейчас он не мог больше помогать, а только смотрел, как работает Непот, и запоминал, чтобы научить так же работать и орденцев, если они выживут...

А выжить становилось все труднее. Уж очень был неуловим Непот, уж очень хорошо он оделся в эту расплывчатость, даже удары его стали какими-то неопределенными, невидимыми, неотразимыми... Лотар стиснул зубы и попытался убрать почти уже неконтролируемое напряжение в плечах и ногах. Теперь ему нужна была вся его сила, все его искусство.

Вдруг Стак словно повис в воздухе и тем же парящим ударом, который использовал сахор, воткнул меч под тяжелую кожаную складку его капюшона.

Непот повернулся на подгибающихся ногах, попытался что-то сделать, но медленно, очень медленно... Клинки орденцев разом вонзились в его тело, кромсая его, разрубая так, что фонтаны крови ударили в разные стороны.

Лотар, тяжело дыша, отошел на пару шагов назад и присел на траву. Потом собрался с силами и осмотрелся. Трое орденцев, покачиваясь, стояли на месте, опустив мечи. Стак и кто-то еще брели назад, выискивая глазами доктора. Бой был окончен.

Почти тут же рядом с Лотаром оказался Крамис. Он спросил:

— Желтоголовый, что делать с трупами Капюшонов?

— Сжечь, а пепел заставь пленных киптов закопать поглубже, а еще лучше навали курган из камней... Кстати, — Лотар медленно поднял к Крамису голову, — как они?

Внезапно из толпы окружающих людей, которых Лотар видел не очень отчетливо, вышел человек с глубокими шрамами на лице и со связанными сзади руками. Это был вождь киптов. Он был пять раз ранен, но остался на ногах и упрямил наемников подвести его к месту, где орденцы бились с сахорами.

— Желтоголовый, — сумрачно произнес он, — ты победил. Мы проиграли не потому, что плохо дрались, просто оказались не на той стороне. Не таи на нас зла, кажется, теперь я лучше понимаю, что тут произошло... И почему нам так щедро заплатили.

Крамис зло смотрел на кипта, но высказался честно:

— Надо сказать, Желтоголовый, многие из них стали бросать оружие, когда еще не все для них было потеряно. Многие, так сказать, отправились смотреть, как вы деретесь. Да и было на что.

— Что ты имеешь в виду?

Битва — не спортивное состязание, ее не остановишь, бросив

меч. Но уточнять Крамис не стал. Он поправил перевязи и пошел в лагерь киптов, чтобы утихомирить наемников, которые наконец дорвались до грабежа.

Когда Лотар сумел подняться на ноги, подошедший Сухмет спросил:

— Господин мой, продолжим наше возвращение в Лотарию?

Лотар взглянул на него с подозрением:

— Ты уверен, что можешь попасть в город, а не в Вендию, например, к великой статуе Боллоба?

— Уверен, — усмехнулся восточник. — Там маяк посушественней, чем тут, а я ведь и сюда не промахнулся, вышел очень точно.

— Пару сотен ярдов в сторону — и мы бы оказались прямехонько в стане противника, — предался воспоминаниям Лотар.

— За сотни ярдов ответственность не беру, — отозвался старик. — В конце концов, это не мили, их из Шонмора не почувствуешь и не компенсируешь...

— Ладно, постарайся на этот раз сделать все как следует.

Очень жесткий удар... Брусчатка под ногами... И Лотар услышал свой неуверенный голос, вернее, не голос, конечно, а лишь эхо отзвучавших слов:

— Почему ночь?..

И ответ Сухмета:

— ...сейчас помогу. Видишь ли, господин мой, мы с тобой...

Лотар засмеялся:

— Не нужно, я все вспомнил.

— Вот и хорошо, а то долго рассказывать.

Они поднялись, помогая друг другу, нашли выпавшие из рук мешки. Лотар проверил оружие, осмотрелся.

Их заметили. Где-то на стенах домов и в стеклах окон отразился свет факелов.

К ним шел Джимескин и кто-то второй, но они были еще далеко. А вот с другой стороны, выступая незаметно, как ночные хищники, приближались девушки, которых Лотар оставил для защиты города.

— Кто тут? — резко спросил грудной голос.

— Все в порядке, Мало, — ответил Лотар, — это мы. И с хорошими вестями.

Глава 21

Сухмет, всхрапнув, как загнанная лошадь, неожиданно опустился на мостовую. Лотар хотел было поднять его, но рядом с восточником прежде него оказался Ди. Он согнулся, положил руку Сухмета себе на плечо и поднял старика так бережно, словно тот был ценнее прекрасной вазы, ценнее древнего манускрипта с магическими письменами.

Лотар посмотрел в непроницаемое лицо Ди, взглянул на бледное лицо Сухмета и отступил. Рядом появились три девушки —

Мало, Ветриса и Шарона, которым нужно было все объяснить. Но не успел он и рта раскрыть, как в одном из углов дворца вдруг раздался сильнейший суховатый треск и что-то очень быстро сверкнуло. Когда девушки с оружием наготове шагнули вперед, там словно из ничего появился Рубос.

Он тяжело, совсем не по-бойцовски ударился о мостовую, тут же схватился за брюшину, куда пришелся удар цахора на «Святом Спирадоне», но попытался выпрямиться, на всякий случай наполювину вытащив меч из ножен.

Лотар отдал беззвучную ментальную команду, чтобы девушки пропустили его вперед, подошел к мирамцу и положил руку ему на плечо. Рубос улыбнулся бледными, бескровными губами.

— Ты как тут оказался? — спросил Лотар.

— Меня послала Жарна, по-моему, она совсем неплохо это проделала.

— Но ведь тебе полагалось бы лежать, очухиваться.

— Вот еще!

— Рана серьезная, Рубос, я сам видел, как от таких вполне крепкие люди умирали.

— Ну, не знаю. Может, это заслуга Сухмета, может, Жарны...

— Она тебя снова оперировала? — очень тихо спросил Сухмет, которого подвел к мирамцу Ди.

— Не то чтобы очень, просто чем-то там поковырялась в шве, что-то посыпала из какой-то табакерки, и я сразу почувствовал себя лучше.

— И решил пролезть сюда, чтобы тут тебя добили? — добавил Лотар.

— Не могу же я оставаться в стороне, — возразил Рубос.

Лотар кивнул. Да, в стороне Рубос не остался бы ни за что на свете, нужно было сразу об этом подумать и взять слово с Жарны, чтобы она его придержала и не поддавалась на уговоры. Так что его вины в этом было не меньше, чем Рубосовой.

Затянувшееся молчание мирамец понял по-своему. Он спросил, переходя к главному:

— Какие новости?

— Сегодня под вечер состоялась драка в горах Новолунгмии. Цахорам помогали кипты, но мы с ними справились. Крамис жив, большинство мирамцев тоже. А Капюшенов мы разделили под орех. Одна беда: более половины орденцев полегло, десятка полтора ранены, да так, что из них половина тоже скорее всего умрут.

— А Вестос? — дрогнувшим голосом спросила Ветриса.

— А Бородул? — так же задала вопрос Шарона. Об этой симпатии Лотар еще ничего не знал.

— Они уже вполне способны действовать, — ответил Сухмет.

Он быстро приходил в себя. Старик уже что-то задумал. Доказательством служило то, что он не отпихивал от себя Ди, а значит, рассчитывал, что очень скоро помощь фоя потребуется снова.

— Жаль, меня там не было, — с чувством произнес Рубос и попробовал выпрямиться, чтобы Лотар не подумал, что это пустая

бравата. Но боль в разрезанной брюшине заставила его снова ссутулиться.

— Да, с тремя группами мы расправились, но чего стоят эти победы! Можно было с меньшими потерями...

Договорить Лотар не успел. Снова, на том месте, где приземлились он и Сухмет, раздался знакомый треск и короткий блеск зеленоватых искр.

Все быстро обернулись. Шесть фигур, держащих руки на рукоятках мечей, посыпались на брусчатку из ниоткуда, как сухие горошины из детской погремушки. Мало сделала шаг вперед, но Лотар так сильно толкнул ее назад ментальным приказом, что она зашипела, словно рассерженная кошка, — должно быть, это причинило ей боль.

Но колокольчики молчали. Впрочем, Лотар поймал себя на том, что уже давно перестал обращать на них внимание. Невозможно же серьезно относиться к предупреждению, если оно трезвонит в голове несколько дней подряд. Этот звон начался еще в «Авральном фракте», когда он провернул свой трюк с шаркутом, да так и не прекращался, почитай, ни на одну минуту. Наверное, цахоры находились слишком близко. Но теперь колокольчики молчали, и это был хороший знак.

Одна из фигур выпрямилась, и Лотар темновым зрением увидел Стака. Когда поднялись остальные, он узнал лучших орденцев, которые благодаря своему мастерству не слишком пострадали в сегодняшней битве. Лотар всмотрелся в лица: Вестос и Бородул, о которых спрашивали девушки, а еще, конечно, Опристак, Скрепол и Жилос — неразлучная троица, о самоотверженности и постоянном соперничестве которых знали не только орденцы и бойцы Фехтовальной академии, но, кажется, весь город.

Они выстроились за плечом Стака и вытянулись в парадной стойке. Чутье их не обманывало — всех ждал нагоняй, и немалый. Лотар заметил это ожидание, но решил все-таки не особенно стесняться. Он подошел к ряду орденцев и взгляделся в лицо каждого.

— И как, — произнес он, — прикажете это понимать? Без магического сопровождения, без проводки? Даже я не рискую идти непроложенным коридором, а вы?.. В клуб самоубийц решили вступить?

— Нас вел Сухмет, Учитель, — кивнул назад Стак.

Лотар резко обернулся. Оказалось, что Сухмет каким-то мистическим образом управлял этим переходом дистанционно и сумел провести всех шестерых. Возможно, потому, что коридор транспортии, по которому только что прошел сам Лотар с Сухметом, еще не «остыл».

Но, проделав это, восточник просто повалился без сил, и даже посох Гурама не мог ему помочь. Сейчас он безвольной куклой висел на руках Ди, который держал его так бережно, что становилось ясно: фой позаботится о старике наилучшим образом.

— И все-таки это было очень опасно, — проговорил Лотар. — Мы бы справились тут и без вас.

Стак сдержанно, но твердо покачал головой:

— Нет, Учитель. Это в Новолунгмии Крамис теперь вполне может справиться без нас. Тем более что половина киптов уже предложила свою помощь... А тут тебе без нас не обойтись.

— Почему ты так думаешь?

— Не я один так думаю. Он. — Стак опять очень сдержанно кивнул в сторону обессиленного Сухмета, которого Ди и кто-то из девушек осторожно уносили в его покои, — был уверен: мы должны рискнуть и провести под пространственным коридором всех боеспособных орденцев, потому что восточные цахоры — самые сильные.

Стак позволил себе улыбнуться.

— К тому же, Учитель, если все удалось, значит, риск был оправдан и Сухмет все предусмотрел. — Помолчали. Лотар отчетливо улавливал, что мальчишки гордятся тем, что прошли по магическому переходу и сумели уцелеть. — Согласись, Учитель, с нами предпочтительнее, чем без нас.

Лотар подумал, что рассердился он не на них. Может быть, он не хотел видеть этих мальчишек, потому что надеялся: не окажись они тут — и смогут уцелеть, и будет кому продолжить служение Ордену, и не забудут на Западе его школу боевого искусства...

Лотар сделал еще одно усилие и постарался честно ответить себе самому, чего он ожидает от будущего. И оказалось, что он, Лотар Желтоголовый, драконий оборотень, некогда прозванный Непобедимым, втайне от себя самого предполагал, что с восточной группой Кожаных Капюшонов он не справится, и хотел, чтобы его смерть причинила другим как можно меньше боли. Да, с таким настроением в бой идти нельзя.

Лотар вздохнул. Ну что же, возможно, эти мальчишки, перебросившись в Лотарию, спасли его и, в любом случае, позволили заглянуть так глубоко в себя, как он уже давно не заглядывал.

— Ладно, — признал он наконец. — Будем считать, что вы все сделали правильно.

Желтоголовый осмотрелся. На площадь выходили люди, которые занимались в его отсутствие городом. Их осталось немного, эвакуация, видимо, прошла успешно. Кто-то вполголоса задавал самые важные, самые срочные вопросы.

Тогда Лотар отчеканил:

— Всем, кто весь день крутился в драках, привести себя в порядок, переодеться и поужинать. А потом я жду всех в главном зале для обсуждения ситуации и дальнейших действий.

Шагая к детинцу, он вдруг почувствовал порыв благодарности ко всем этим людям, которые сейчас шли за ним, негромко переговариваясь. Они не позволили ему сдать прежде времени и верили в него так, как не верил в себя даже он сам. И еще потому, что они готовы были остаться с ним до конца, каким бы ни был этот конец.

Совещание началось часа через полтора. Многие успели не только вымыться и перевязать раны, но и поужинать. Лишь после этого вся верхушка города собралась в главном зале детинца.

Помимо девяти орденцев, трое из которых были девушки, Рубоса, только-только пришедшего в себя Сухмета, Ди, который не отходил от восточника, перед Лотаром сидели Джимескин, архитектор Перспектос, Шивилек и инженер Вафраш. За ними стояли еще несколько человек, обязанности которых Лотар уже не очень хорошо представлял, — то ли они занимались транспортировкой людей в безопасные деревни, то ли, наоборот, подвозили какие-то необходимые для обороны материалы. В любом случае вмешиваться в их дела он не собирался, а в первой части совещания секретов не было, потому что они собирались сообщить о своих победах.

С этого и начали. Лотар, морщась от усталости, из-за которой иногда кружилась голова, рассказал, что произошло на Южном континенте, потом на Северном, потом Стак коротко и очень дельно расписал сражение в Новолунгии.

Усталые люди на глазах обретали силы, у них появлялась надежда, а с ней и хорошее настроение. К концу рассказа о том, как кипты стали переходить на их сторону и предлагали послужить в отряде наемников даже бесплатно, лишь бы научиться воевать в строю, раздался смех.

Это настроение продержалось достаточно долго; Вафраш и Перспектос так же бодро рассказали о построенных ловушках, оборонительных системах, сигнально-предупредительных механизмах. Они определенно ждали похвалы. Но Сухмет, который понимал в этом больше Лотара, вдруг стал мягко, но отчетливо выражать неудовольствие то тем, то другим, то ловушками, то сигналами.

Инженер поутих и задумался, а Перспектос раскипятился. Лотар не стал гасить эти разногласия — они служили делу. А если штатские руководители чуть подтянутся, пересмотрят свою работу, вреда не будет. Хотя — Лотар понимал это особенно отчетливо — для такого врага, сколько ни города ловушек, сколько ни готовься, все будет мало.

Когда и эта часть была завершена, а инженер с архитектором получили приказ подготовить к утру более проработанный план инженерной обороны города, вперед выступила Мало.

Лотар поневоле залюбовался ее темными, как выдержанное южное дерево, руками с розовыми ноготками, блеском громадных глаз, совершенной пластикой изумительно тренированного тела. Но пришлось выбросить наваждение из головы, потому что она говорила очень важные вещи: незадолго до прибытия Лотара и Сухмета, уже в темноте, прилетел голубь с посланием от Пристимула.

Старый вояка писал, что пятеро Капюшонов, которые и не собирались скрываться, объявились в Фульце три дня назад. Оче-

видно, они ждали сигнала от остальных, но вдруг снялись с места и ушли по дороге на континент. На каменистой равнине их пытались остановить отряд из тысячи всадников, но они прошли через эту преграду, как иголка через марлю.

Лотар поразмыслил над странным для военного образом и спросил:

— Так прямо и написал?

Мало проговорила:

— Я не маг, подробностей не ощущаю, но мне кажется, к донесению приложила руку королева Ружена. Да и всадники были, по всей видимости, из Задоры.

Молчавший до сих пор Ди вдруг произнес, ни к кому не обращаясь:

— У меня тоже сложилось впечатление, что попыткой удерживать цахоров с Востока командовала женщина. А Присгимул, судя по ментальным следам на бумаге, не очень боялся пятерых Капюшонов и поплатился за самонадеянность.

— Ранен? — быстро спросил Лотар.

Джа Ди пожал плечами, как это иногда делал Сухмет.

— Судя по посланию, от тысячи всадников мало что осталось. И командир, конечно, тоже ранен в бою против цахоров, которых не удержишь. Они сами выбирают, кого бить. Странно, что он вообще жив.

Ди, как его и учили, делал выводы, исходя из предположений, которые были неявными для других. Но скорее всего он не ошибался. Это понял даже Рубос, проговоривший не очень уверенно:

— Ну, если бы он погиб, Ружена об этом написала бы.

— Хорошо, подробности узнаем потом. Когда отправлен голубь?

— Помечено вчерашним утром, — продолжила доклад Мало. — Голубь летел разделяющие нас сто восемьдесят лиг весь день, всю ночь и снова день.

— За это время они прошли половину расстояния, — добавил, чтобы ни у кого не оставалось иллюзий, Сухмет.

— Как? — спросил Стак. — Неужели это возможно?

— Они могут одолеть до двухсот миль за сутки. И даже не очень устанут, — уверенно сказал Сухмет. — Следовательно, осталось примерно столько же. Завтра к вечеру будут тут.

Лотар произвел в уме несложные вычисления. Получалось, что Сухмет прав.

— У нас только ночь и день, — подтвердил он слова восточника.

— Не успеем, — твердо сказал Вафраш. — Последние приготовления не успеем сделать.

Его поддержал и Перспектос:

— Нам бы еще день поработать...

— Не мы выбираем время для нападения, — сдержанно, чтобы была ясна вся абсурдность этой просьбы, произнес Лотар.

Сухмет тяжело вздохнул, поднес руку к лицу и сказал:

— А если они все еще рассчитывают, что цахоры с Юга или с Севера тоже подойдут? Кроме того, они вполне могут отдохнуть перед штурмом. Это значит, у нас будет еще ночь.

— Ох! — Лотару не понравилась такая формулировка. — Я бы на это не рассчитывал.

— Они не железные, Лотар, — сказал Рубос. — За три дня и две ночи отмахать чуть не тысячу верст пехом и не устать... Сомнительно.

— Значит, так, боевая готовность — к завтрашнему вечеру. Вафрашу и Перспектосу работать побыстрее, чем им, похоже, хочется. Что с эвакуацией людей, не принимающих участие в строительстве укреплений?

— С этим все решено еще сегодня днем, — спокойно ответил Джимескин. — Лишних в Лотарии нет.

— Хорошо. Кто еще хочет что-нибудь обсудить?

Голову поднял Ди:

— Я думаю, нужно принять во внимание еще и Киноза. Он, конечно, охотится только за мной, но объективно оказался на их стороне.

Лотар перевел взгляд на Сухмета. Тот отозвался:

— Знать бы, как его можно изгнать из нашего мира... Убить? Или просто отвадить хотя бы на время?

Ди уважительно поклонился Сухмету и проговорил:

— Я поработал в твоей библиотеке, Сухмет, поскольку ты разрешил мне, и узнал вот что. Ему нужно вырвать когти, и тогда он станет смертным.

— На ногах тоже? — спросил Сухмет.

— Разумеется.

— Ну, пока ты будешь его сковывать, чтобы добраться до когтей, — недовольно заворчал Рубос, — он может так навредить нам, что...

— Я все продумал, — уверенно сказал Ди.

Сухмет прочитал его идею и вдруг усмехнулся:

— А ведь может получиться, Ди. Даже непременно получится.

Глава 23

Лотар проспал почти полночи, прежде чем ему показалось, что колокольчики звякнули, как несколько дней назад из-за эрка. Гвинед оказался в руке, прежде чем он понял, что происходит.

Но пока ничего больше не происходило. Сколько бы он ни вслушивался в звуки работы, идущей в городе, никаких признаков грядущей беды не было. Вообще-то следовало уже и пройти. Лотар оделся и отправился смотреть, кто и что делает.

Работа шла полным ходом. Вафраш даже охрип, препираясь с десятниками. Перспектос, чтобы не чувствовать усталости, выпил крепчайшего чая и теперь носился по всему городу как угорелый, на всех орал, размахивал кулаками и при этом жаловался, что у него болит грудь. Рабочие чуть не падали с ног от усталости, но при виде Лотара крепились, и это вызывало чувство уважения — они по-своему участвовали в битве, и совсем неплохо, судя по тому, как продвигалась работа.

Потом Лотар отправился к сигнальным башням. Там расположились девушки. На Главной восседала Мало. Девушка так здорово приспособилась сканировать горизонт в режиме темнового дальновидения, что даже Лотару не удалось с ней посоревноваться — она сразу заткнула его за пояс, различив на расстоянии двух миль ночного попугая-вильта. Пусть даже это был крупный экземпляр, но все равно его крылья не превышали в размахе десятка дюймов, и на таком расстоянии Лотар увидел его только с третьей попытки. После этого он дернул Мало за небрежно заправленный на груди ремень кирасы и пошел дальше.

На Надвратной башне сидели двое — Ветриса и Вестос. Он спал, она сидела тихо, как мышь. Она не очень глубоко заглядывала в лес, виднеющийся за полем перед воротами, но держала под наблюдением свою половину периметра. Лотар прочитал в ее сознании, что сейчас, когда рядом Вестос, она думает о любви. «Все-таки очень странно устроены эти женщины», — решил Желтоголовый.

С тыла, где еще осталась часть частокола, некогда окружавшего его первый дом, на часах стояла Шазия. Бледная, слегка уставшая от напряжения последних дней, она боялась больше других. Но ее совершенной маскировке мог бы позавидовать и Лотар. Девушка словно размазалась по стене крохотной наблюдательной вышки и не пропускала на своей части периметра не то что зверей, но даже колебания ветвей деревьев, ночной рост травы и запахи над землей. Лотар, как сумел, влил в нее долю своей новой уверенности и пошел досыпать.

Ему нужно было как следует отдохнуть, пока цахоры еще не напали. Наступит время, и у него уже не будет такой возможности. Но вторую часть ночи он тоже спал не очень спокойно, даже во сне, кажется, раздумывая, что бы значил тот звонок, который разбудил его под утро.

И орденцы, и сам Лотар поднялись до полудня. Все были в несравненно лучшей форме, чем вчера, и это радовало. К тому же днем работа пошла еще интенсивнее.

К вечеру все было в основном готово. Это показалось удивительным даже Вафрашу. Но он лишь пробормотал что-то неопределенное, чего даже Сухмет не понял, и ушел к себе — спать. Но спать ему не дали.

Ди зачем-то потащил его на Малую сигнальную башню. Фой вообще устроил в мастерской Вафраша и лаборатории Сухмета такой кавардак, что на него и ругаться уже перестали. Но незадолго до того, как Лотар собрал всех, кого теперь следовало выслать из города, он тоже доложил, что готов.

Когда последние гражданские жители Лотарии собрались на главной площади, Лотар вышел на балкончик своего дома, с которого глашатаи обычно объявляли новые распоряжения, и разбил всех на три колонны. Первую должен был повести Джимескин, вторую — Шивилек, немало обрадованный важным поручением, в третьей главным был назначен Перспектос. Вафраша Лотар по зрелом размышлении решил все-таки не отсылать из го-

рода, потому что некоторые приспособления были так сложны, что могли отказать. И в таком случае лучше иметь инженера под рукой. Да он и не протестовал.

К каждой из колонн Лотар предложил придать одну из девушек. И вот тут его ждало разочарование. Первой отказалась Мало.

— Учитель, — бодренько заявила она, поблескивая своими огромными глазами, — мы свежи, обучены биться, а тебе потребуется тут каждый меч. Не сможешь ли ты...

— Да, — ответил Лотар, стараясь не раздражаться, — я попробую тебе объяснить, Мало. Посмотри на этих людей — каждый из них знает о большей части ловушек, которые мы тут подготовили и зарядили. Если у цахоров или даже не у них, а у Киноза или какого-нибудь разъединственного эрка возникнет желание поосторожничать и он украдет кого-нибудь из них... — по площади, над которой только что стоял гомон от множества голосов, вдруг разлилась мертвенная тишина, — все наши предосторожности разом окажутся ненужными.

Мало поклонилась, как на тренировке:

— Я поняла, Учитель.

— Надеюсь, что поняла. И учтите, нужно проводить всех не меньше чем на пятьдесят миль от города. Иначе, думаю, моя свежая и оригинальная мысль покажется кому-нибудь из цахоров слишком соблазнительной.

Мало, а с ней и две другие девушки снова поклонились.

— А можем мы вернуться после того, как отведем людей в безопасные деревни? — спросила Ветриса.

Лотар ответил, что это нежелательно, но замешкался. То, что это ошибка, он понял не сразу.

Следующая ночь прошла спокойно, никто не поднял тревогу, и это было хорошим знаком: значит, никто не боится и нервы у бойцов не перенапряжены долгим ожиданием. Насколько опасным может быть ожидание, Лотар знал по себе, но этого знания передать мальчишкам не мог, здесь требовался только опыт.

К утру все восстановились окончательно, словно было приказано отдыхать, а не ждать нападения, и даже Рубос вдруг заявил, что может занять позицию на сигнальной башне, чтобы посторожить периметр. Лотару это предложение показалось разумным, и мирамец, чувствуя, что он почти вернулся в строй, полез на самую высокую точку города.

Утром напряжение немного возросло. Стало ясно, что цахоры тоже подойдут к городу отдохнувшими после своего долгого марша. Это настораживало больше, чем если бы они действовали самонадеянно и торопливо. Но гибель трех других групп, видимо, научила их осторожности.

Наступил полдень, стало жарко. Пожалуй, впервые за все время после возвращения в город Лотар подумал, что цахоры могут попытаться устроить невидимую осаду. Это, конечно, совершенно не вязалось с их обычным ломовым, таранным образом действий, но они могли вдруг и поумнеть. Что из этого следовало, Лотар не знал, потому что просто не мог придумать ответной тактики.

Около часа пополудни Рубос вдруг прокричал в рупор, что на главной дороге видна пыль. Лотар приказал всем занять позиции, но тревога оказалась напрасной, потому что перед воротами в клубах пыли появились не Капюшоны, а Мало, Ветриса и Шарона. Они отвели людей, потом собрались где-то в условленном месте, скорее всего у поворота на Задору, который отходил от главной дороги на Мирам милях в сорока от города, и вернулись.

Сухмет по совету Лотара быстро проверил ментальные ауры девушек, опасаясь искуснейшей магической маскировки, но лишь еще раз убедился, что девушки боялись остаться в стороне от драки, и однозначно отверг идею о хитроумных цахорах, которые приняли вид учениц Ордена, чтобы напасть совсем неожиданно.

Вот тут-то Лотар и пожалел, что не запретил им возвращаться самым категорическим тоном. Но сейчас было уже поздно. Выгонять их теперь означало не просто нанести урон их гордости и воинской чести — это значило одним словом разрушить все, чему Лотар научил их за годы служения Ордену, что составляло суть их жизни.

Тем не менее всем своим видом Желтоголовый выразил негодование и отправил девиц отдыхать. Особенно он приглядывался к Мало. Его все больше интересовала эта девушка. И не только потому, что южная негроидная красота бросалась в глаза, как редчайшая драгоценность. Была в ней какая-то тайна, и она, без сомнения, что-то значила для самого Лотара.

Взять хотя бы то, что Мало всегда стремилась стать первой, даже среди более тренированных и сильных бойцов Ордена. Что ею двигало? Ее безусловная преданность идее искоренения зла и защиты людей?... Ведь это преданность скорее самому Лотару... Конечно, так не должно быть, но, если это касалось Мало, сама неправильность такого подхода вдруг начинала казаться правильной, и об этом хотелось думать...

«Но не сейчас, — решил Лотар, — будет еще время поразмышлять над этим, если все пойдет хорошо».

Пока Желтоголовый предавался размышлениям, Мало, которая вместо отдыха пошла ненадолго сменить уставшего Рубоса на башню, подала сигнал тревоги. Теперь это была не ошибка, Лотар и сам понял, что штурм начался.

Это был Киноз. Он прилетел со стороны гор и тут же плюхнулся на Малую сигнальную, где находился Ди. Фой все рассчитал очень правильно.

Лотар хотел было подняться наверх помочь, но Ди больше всего на свете просил не вмешиваться, и Желтоголовому осталось только смотреть, что там происходит, используя свое магическое дальновидение. А происходили там вещи удивительные.

Усевшись на карниз башни, Киноз вдруг увидел своего врага, за убийство которого ему заплатили и которому один раз уже удалось спастись благодаря вмешательству драконьего оборотня. Но теперь враг был один, и его можно было растерзать без труда. Вот только на окне между ними была решетка. Киноз попытался вы-

рвать ее, но она была крепкой. Он потряс сильнее, и вдруг решетка отъехала в сторону.

С ревом Киноз бросился вперед, но между ним и его врагом неожиданно появилась другая решетка. А первая — та, что осталась сзади, со звоном захлопнулась. Теперь все внимание перешло на Ди.

Фой был спокоен, как у себя в спальне. Он отошел от рычага, которым запер Киноза в ловушке, опустив внешнюю решетку, потом проверил, разъединен ли рубильник, встроенный в стену, и уселся на странную конструкцию с педалями по сторонам большого колеса, от которого шла цепная передача на огромную электрофорную машину.

Сначала работать педалями было тяжеловато, но потом маховики раскрутились, да и сам Ди не зря с детства обучался рукопашному бою, что входило в его программу обучения будущего чиновника Поднебесной наравне с знанием древних законов и классических поэтов, а потому готов был справиться и с большей машиной.

Киноз потряс внутреннюю решетку, но она способна была выдерживать его рывки не один час, строители вмазали ее в потолок и стены на совесть. Крохотную, как для собаки, дыру в углу Киноз не замечал, а если бы и заметил, все равно не смог бы в нее просунуть даже свою ногу. Тогда он зарычал, но Ди продолжал крутить педали, и лепестки огромного электромера стали расходиться. Электрофорная машина, способная свалить быка, накапливала энергию, как ночь перед августовской грозой.

Потом Ди соскользнул со своего неудобного на вид сиденья, посмотрел на Киноза и замкнул рубильник.

Удар молнии заставил дрогнуть, казалось, всю башню до основания. Но основной разряд молний пришелся по Кинозу. Как Ди с Вафрашем это сделал, Лотар точно не знал, он лишь подозревал, что все дело в том, что самое близкое расстояние между потолком, обшитым металлическими полосами, и полом, целиком сделанным из медного листа, проходит именно через тело Киноза. И будет проходить в любой точке комнаты, куда бы летающий охотник на путников ни попытался забиться.

Киноз завизжал, от этого визгаало уши даже у Лотара, который находился на значительном расстоянии от Малой сигнальной, а потом рухнул на пол, сложив крылья. В комнате запахло паленым и отвратительным потом Киноза. Но на Ди это не произвело ровным счетом никакого впечатления.

Он проскользнул в оставленное для него в решетке отверстие, подошел к бесчувственному Кинозу, на ходу вынимая из-за пояса пассатижи, занятые, должно быть, в мастерской Вафраша, захватил один коготь на тяжелой и грубой, как корень могучего дерева, лапе Киноза, дернул и... коготь оказался у него в клещах. Небрежно взмахнув, Ди швырнул коготь на свою сторону помещения башни, отгороженную от той, где находился Киноз, решеткой, и захватил второй.

От нового рывка Киноз заворчал, поднял голову. Но он был

еще слишком слаб, чтобы действовать быстро, и Ди выскользнул из ловушки для демона, прежде чем тот сообразил, что с ним происходит. Когда же Киноз поднялся, фой был уже в безопасности и снова размыкал рубильник на стене.

Киноз посмотрел на руку без двух когтей и завыл так, что Ди зажал уши. Но и от этой напасти у хитрого фоя было кое-что приготовлено. Прежде чем сесть на свою педальную машинку, Ди подошел к окну, вытащил из кучи разных мелочей, сваленных на подоконнике, повязку с плотными ватными наушниками, пристроил ее на голову и отправился продолжать свое дело.

Лотар усмехнулся. Так, тут все в порядке. С каждым разом Киноз будет все слабее, и наконец наступит момент, когда Ди его прикончит. Если, разумеется, не совершит ошибку и не попадетсЯ. Но, кажется, фой не из тех, кто ошибается.

Его соображение вдруг поддержал Сухмет, который тихонько подошел сзади, не выпуская посоха Гурама из рук.

— Я думаю, господин мой, если мы переживем этот день, следаю из него своего ученика. Отличный малый.

Лотар решил, это будет закономерно, а так как его одобрения никто не спрашивал, подтвердил по-своему:

— Неплохо, Сухмет, что ты думаешь о будущем.

Восточник улыбнулся тактичным словам Желтоголового и кивнул головой на фойский манер.

— А ты, господин мой, с каждым днем все больше становишься похож на фоя. Вот только кивать никак не научишься. А это, я думаю, и есть самая суть их цивилизации.

Именно в этот момент над сигнальной башней раздался несильный хлопок, и Лотар ощутил, что в его сознании медленно, но уверенно всплывает звон колокольчиков. Да, появление Киноза было не случайным, штурм Лотарии начался.

Глава 24

Лотар стоял на площади перед детинцем и пытался определить, что происходит. К его сожалению, Сухмет был еще слаб, чтобы растрачиваться на такую мелочь, как определение точки нападения, и он пытался справиться самостоятельно. Определить пока не удавалось, он ничего не чувствовал. Ничего абсолютного.

Он еще раз посмотрел на сигнальную башню. Мало куда-то исчезла из наблюдательных проемов, а жаль. Могла бы показать жестом, что происходит, если уж он не сумел считать все из ее сознания.

Орденцы вдруг выскочили из казармы, застегивая на ходу амуницию, все были готовы почти одновременно, словно такую боевую тревогу Лотар разучивал с ними все последние годы. И вдруг Желтоголовый понял, почему они действовали так слаженно. Все, даже Стак, находились под несильным воздействием крэкса. Лотар посмотрел на Сухмета:

— Через полчаса крэкс начнет замедлять, а не ускорять их дви-

жения, а еще через пару часов они повалятся без сил. Не говоря уже о том, что привыкание...

— В любом случае это лучше, чем быть исполосованным мечами цахоров. — Напряженное, все еще усталое лицо Сухмета дрогнуло — он был испуган, по-настоящему испуган, и лишь сейчас дал это понять. — А тем ребятам, которые выживут, я самолично вытравлю привыкание к зелью, если будет необходимо, обещаю.

Как и было написано в одной старинной рукописи, крэкс раскрыл паранормальные способности ребят самым причудливым образом: они начали острее ощущать свою общность, словно их стало больше. Спорить было некогда, да и бессмысленно. Лотар снова посмотрел на башню и вдруг понял, откуда надвигается беда.

Сейчас это было что-то чудовищное, ужасное, невероятное. Конечно, когда-то это было человеком. Но теперь превратилось в машину для боя, в идеального воина, как его представляли на Востоке.

Огромное чудище, более восьми футов ростом и весом почти в семьсот фунтов, тем не менее легко несущее эту гору мускулов и брони из специально выращенного рогового покрова на самых уязвимых частях тела. Сознание его было непробиваемо магией, его не задевали самые элементарные импульсы вроде голода, чувства товарищества, желания любви или продолжения себя в детях. Только разрушительные эмоции — страх, гнев и стремление к насилию, беспредельному насилию, ко злу в чистом виде...

А воинская подготовка этого чудовища была настолько великолепной, что Лотар понял сразу — тут даже Орден бессилён. Вступать с ним в противоборство просто бессмысленно, все равно что пытаться остановить лавину, или поймать удар молнии, или вычерпать море... Лотару потребовалось несколько мгновений, чтобы стряхнуть нахлынувшую волну беспомощности, но, когда она прошла, он был готов действовать. И Желтоголовый сказал:

— Идет со стороны частокола, это разведчик, называет себя Логир. Считает себя полубогом. Советую не пугаться, когда увидите его.

Кто-то коротко хохотнул. Но лицо Желтоголового оставалось суровым, и смех замер. Мальчишки поняли, что все это серьезно.

В двери сигнальной башни вдруг появилась Мало. Она застегивала на ходу шлемный ремень под подбородком.

— А ты куда? — спросил ее Лотар.

— Там Рубос, я отыскала его и отвела наверх на случай, если сигнальщик еще потребует.

Новый рев потряс детинец, Киноз в башенке над лабораторией Сухмета снова пришел в себя. Но сейчас Лотара это уже не интересовало.

— Хорошо, пойдём с нами. А теперь слушайте приказ: вперед не соваться, действовать строем. Этого зверя мы не возьмем, если начнем проявлять героизм, он сильнее нас — это должно быть ясно каждому.

Кто-то неловко помялся, кто-то неуверенно посмотрел на Ло-

тара. Этого ли человека зовут по всему свету Непобедимым, не подменили ли их Учителя? Но когда они дошли до угла детинца, откуда открывался вид на частокол, то поняли, о чем он говорил.

Логир подошел к частоколу, срубленному из вековых деревьев, поднажал плечом — и несколько тяжелых колов тут же с треском и скрипом подались. Капюшон даже не особенно напрягался при этом.

Он пролез в образовавшийся проем и неторопливо огляделся. Солнце высветило его чудовищную фигуру. Черная кожа, из которой был сделан его комбинезон с капюшоном, матово блеснула, когда он поворачивал голову. В руках Логир держал два огромных меча, каждым из которых можно было без труда разрубить быка. Орденцев он засек, без сомнения, еще до того, как перебрался через частокол.

— А ведь он решил, что сможет разделаться с нами еще до подхода остальных цахоров, — прошептал Стак.

Лотар посмотрел на шонморца с одобрением. Командор читал не только явные, но и потаенные признаки происходящего.

— И что из этого следует? — уточнил он.

— Мы можем использовать его слабость, и это увеличит наши шансы в будущем.

«Пожалуй, — подумал Сухмет, — нужно использовать его способность быть защищенным от любого внешнего впечатления».

Но план самого Сухмета был настолько хорошо защищен, что даже стоящий рядом с ним Лотар ничего не понял из этого заявления. Впрочем, разбираться уже было некогда. Логир шагал к ним с намерением искромсать этих слабых людишек на кусочки.

Первые удары прозвенели в воздухе не очень громко. Логир размахивал мечами как веером — нарочито небрежно, без замаха, играя поворотами своих огромных кистей, как рычагами. Но мечи орденцев разлетались в разные стороны, словно листья, отброшенные ураганом. Превосходство цахора было настолько велико, что он очень быстро перешел в атаку, тесня орденцев перед собой, как поршень теснит воду.

Оказавшись перед детинцем, орденцы сумели использовать свое численное преимущество: они рассеялись в классический восьмиугольник для одновременного нападения, который уже сработал против цахоров в Новолунгмии. И Логир вынужден был притормозить.

Все-таки он оказался не таким уж непробиваемым. Сначала Стак сделал точный выпад, который у него всегда получался просто отменно. Потом Вестос провел удачную атаку. Оба сумели задеть Логинову спину и уйти от ответных ударов, прежде чем огромные мечи цахора достали их на противодействии.

Но на черном кожаном комбинезоне Логира не показалось ни одной капли крови. Создавалось впечатление, что он просто бесчеловечен и, следовательно, неуязвим. «Что же, — решил Лотар, — самая пора проверить это».

Желтоголовый сделал несколько сскуших выпадов по рукам и плечам цахора, не достал, конечно, но заставил его повернуться

чуть-чуть боком и, когда меч Капюшона вдруг ушел в сторону, шагнул вперед, нанеся вертикальный удар. словно дрова колот. Гвинед с чавкающим звуком разорвал плечо цахора, прошел еще пару дюймов и застрял в какой-то хитиновой складке, словно наткнулся на панцирь черепахи.

Цахор словно только этого и ждал. Он развернулся, меч его описал гигантскую сверкающую дугу и обрушился на Лотара. Тот сумел блокироваться лишь в последний момент, скрестив над головой Гвинед и Акиф. Но удар цахора был так силен, что мечи чуть не вылетели из рук, а сами руки от кистей до плеч пронзила острая боль. Лотар даже присел от этого колоссального превосходства атакующей силы цахора над его защитой, но все-таки сумел откатиться назад, и это спасло его от удара ногой, который Капюшон нанес уже в пустое пространство.

На конце его черного сапога блеснуло острое — недлинное, всего в пару дюймов, но широкое, как у мясничьего ножа.

— Внимание к носкам сапог! — громко скомандовал Стак, который не упускал ни одного элемента боя.

Внезапно цахор отступил в самый центр круга и полупустил мечи. Орденцы тоже решили передохнуть. Они тяжело дышали, лица их покраснелись, многие вытирали пот, выступающий из-под шлемов и налобных пластин, протирали рукояти мечей и ладони. Но пока все были живы, и это была уже победа.

— Вы, — взревел вдруг цахор, — умирать. Я сожру печень. Всем!

— Не подавишься? — ровным голосом спросила Мало.

Ее лицо сейчас закрывал облегченный шлем с боковыми пластинами, закрывающими челюсти и скулы. Но в просвете между ними Лотар видел, как шевелятся ее губы.

Внезапно на орденцев напал смех, слегка нервический, но искренний. Жилос даже хлопнул себя по бедрам, выражая восторг ответом девушки.

Цахор вдруг взревел и бросился вперед, раздавая слепые удары, словно сошел с ума. Да и было, вероятно, от чего. Он привык, что его боятся до оцепенения, умоляют пощадить жизнь, но совершенно не привык, чтобы над ним смеялись.

«Где же у него открытое место?» — соображал Лотар, пытаюсь сориентироваться в пластике великана. Но все было в нем функционально, продуманно, и слабых мест не находилось. Мечи орденцев еще несколько раз достали его, но опять без результата, лишь сталь звенела, ударяясь о роговое покрытие, которое невозможно было просто так пробить.

Оказалось, что не один Лотар размышлял об уязвимости цахора. Только, пока он размышлял, Вестос решил поставить эксперимент... Цахор, которому приходилось двигаться быстрее, чем в начале боя, потому что орденцы поднажали, повернулся к нему лицом, Вестос прогнулся и попытался сделать колющий выпад вроде тех, которые так хорошо получались у Стака, — и у него тоже в общем-то получилось. Он пробил оборону Капюшона, его меч прошил кожу комбинезона в паху великана, но дальше...

— Назад! — откуда-то сзади заорал Сухмет, но было поздно.

От неожиданного удара о роговую пластину чудовища Вестос присел, замешкался, и на его незащищенные плечи обрушился левый меч цахора. У орденца еще остались силы, чтобы отпрянуть, но, когда он отвалился, Логир разрубил его плечи до самых легких. Смерть Вестоса не наступила сразу лишь благодаря странной живучести, вызванной действием крэкса.

— Нет! — закричала Ветриса, слепо бросилась к своему другу, но не добежала.

Правый меч цахора описал низкий полукруг, и голова девушки, обдав фонтаном крови Мало и Жилоса, покатилась по брусчатке. «Двое за крохотную долю мгновения», — с болью в сердце сказал себе Лотар.

Глухой удар головы Ветрисы о мостовую вызвал смех из груди цахора. Кроме самого убийства, ему понравилось то, что Вестос купился на самую простую ловушку, которой он пользовался не раз и поймал не одну дюжину простаков...

«Так, я знаю, что делаем, — вдруг ясно отозвался в сознании Лотара голос Сухмета. — Заставьте его двигаться к воротам детинца».

Лотар, кажется, понял, что задумал старик.

Орденцы поднажали, они дрались как сумасшедшие, словно жить им оставалось лишь несколько мгновений... И цахор дрогнул. Он повертелся на месте, получил пару царапин и шагнул в нужном направлении...

«Еще», — потребовал Сухмет.

Мечи орденцев звенели так часто, как капли дождя падают на июньский пруд. Дыхание людей стало тяжелым, глаза заливал пот, руки уже неуверенно удерживали рукояти мечей, три или четыре раза кто-то ошибался, и Логир ловил их на этих ошибках, оставляя на телах людей отметины своими огромными мечами. Но никто не вышел из восьмиугольника нападения, и Лотар решил, что пока это лишь царапины. Орденцы старались, и цахор шел — медленно, шаг за шагом — в нужную сторону. Теперь уже все понимали, что следует делать.

В башне на детинце снова взревел Киноз. Его голос стал слабее, в нем появились тоска, боль, недоумение. Это были почти человеческие чувства. Лотар не смог припомнить, когда Киноз ревел последний раз, но сейчас это было не важно. Расправа Ди с охотником на путников шла своим чередом.

Внезапно Сухмет резко, во весь голос закричал:

— Хо!

Лотар проследил, чтобы все орденцы рассыпались, и лишь потом сам шагнул назад, хотя что можно сделать, если бы кто-то не понял приказания Сухмета, он не знал.

На долгий-долгий удар сердца Логир остался один в центре распавшегося круга орденцев, один на мощеной площадке перед воротами во двор детинца. Он оглянулся, не понимая, что происходит. И тогда Сухмет поднял руки в заключительных пассах заклинания. Брусчатка под цахором обсыпалась, и Капюшон с ди-

ким ревом рухнул в глубокую яму, образовавшуюся на том месте, где он только что стоял.

Потом камни мостовой обсыпались уже по цепочке, пока вся яма не обозначилась с точностью до полушага. Ордены собрались на ее краю.

Яма была глубиной в три сажени и сужалась на дне до крохотного пятачка не более чем двух футов в диаметре. Из центра этого пятачка торчал огромный сосновый кол, острый, как пика, и мощный, как таран, которым можно расколоть ворота любой крепости. На этом колу, застряв примерно на его середине, полусидел-полулежал Логир. Залитый пузырящейся смесью крови цахора и какой-то черной мази конец кола торчал из его груди, прошив все тело.

Шарона всхлипнула. Ее тошнило, она вдруг дала волю своей усталости.

Сзади, тихонько постукивая посохом Гурама по брусчатке, подошел Сухмет. Едва расслышав этот стук, Лотар понял, что, пока длилась эта драка, он плохо слышал из-за колокольчиков, звоном затопивших сознание.

Сухмет заглянул вниз, вздохнул.

— Черная смазка на колу — что это? — спросил Стак.

— Яд мантикоры. Не настоящий, конечно, его не достать, а синтезированный. Я пару лет назад вычитал в одном трактате, как его изготовить, и мы с Кнебергишем с удовольствием последовали всем необходимым правилам. Я решил, это лучшее, что у нас сейчас есть для данного случая. — Он кивнул на цахора, который еще слабо шевелился на колу.

— Да, это лучше, чем ничего, — согласился Лотар.

Вдруг на сигнальной башне, где Мало оставила Рубоса, вновь раздался хлопок. Лотар повернулся. Смотреть в ту сторону немного мешало солнце, но ничего разглядывать и не потребовалось. Рубос просто закричал:

— Двое шагают по дороге к главным воротам!

Лотар протянул свое магическое видение в указанную сторону. Это был Камазох, Великий Магистр цахоров, прозванный Повелителем Черных Мечей. Рядом с ним вышагивал еще один Капюшон, которого он выбрал себе в напарники.

Чудовищная сила этого цахора теперь, когда он снял все маскировки, пробивала расстояние, которое их разделяло, словно луч Солнца пробивал глубины космоса, словно меч пробивал воду, словно камень пробивал время. От ощущения этой силы слабели ноги, кружилась голова и в сознании возникала слабая человеческая молитва: только бы не столкнуться с испытанием, которое невозможно выдержать...

И тогда Рубос закричал снова:

— Еще двое с запада, со стороны реки!

Лотар отвлекся от оценки силы Камазоха, рядом с которой даже чудовищный Логир казался лишь крысой, случайно выбежавшей на открытое пространство, и обратил магическое видение на запад.

Да, там тоже было двое. Рукинар, командир восточной группы, со своим напарником. Также сила, также агрессия, также неосстановимый напор.

— Правильно, — спокойно проговорил вдруг Стак. — Если нападут одновременно, у них больше шансов. Сразу нужно было так сделать.

— Шансов у них и без твоих комментариев немало, — зашипела Шарона. — Ты бы о нашей победе думал.

Стак развел руками:

— А никто и не сомневается в нашей победе.

Но шутка не удалась. Почувствовав это, Мало вдруг твердо и очень спокойно произнесла:

— Скорее, в ее сомнительности, если мы будем тут стоять истуканами.

Рубос, гулко топая по ступеням сигнальной башни, вдруг выкатился к отряду орденцев.

— Ты ранен, — сдержанно сказал ему Лотар.

Но больше удерживать мирамца от драки было невозможно. Рубос серьезно ответил:

— Как думаешь, если шахоры победят, это соображение спасет мне жизнь?

Снова раздался треск и грохот в башенке детинца, потом опять раздались вопли Киноза. Они стали едва различимыми. Хотя тут все шло как надо.

— Также довод, — согласился Лотар.

Колокольчики в его сознании звонили не переставая, усилием воли их пришлось пригасить, хотя полностью выключить так и не удалось.

Глава 25

— Стак, — приказал Лотар, — удержи Камазоха с его напарником у ворот хотя бы десять минут. Жилос и Крепол, за мной!

Вместе с двумя орденцами он побежал к дальней стене города, спускавшейся к реке. Лотария превратилась в какой-то ад. В городе, где Желтоголовый жил последние пятнадцать лет, вдруг стало тесно, а воздух наполнился враждебностью и дикой ненавистью к людям, от которой было трудно дышать. Лотар только подивился таким неожиданным переменам.

Стены почему-то напоминали камеру, в которой томятся тысячи заключенных, башни стали походить на злобных великанов, и даже мостовая под ногами заблестела, словно омытый дождем оскал черепов, бесчисленных черепов...

Лотар тряхнул головой, остановился и стал молиться, потому что идти в бой с таким настроением было невозможно. Это, конечно, помогло. Солнце сверху уже не казалось насмешкой судьбы, а мир снова стал похожим на прежний.

— Где Вафраш? — спросил он у ребят. — Кто-нибудь чувствует его?

Жилос сосредоточился, даже глаза у него стали узкими, как иногда бывало у Сухмета, но лишь покачал головой. Значит, инженер уже укрылся под завесой одной из магических ловушек. Ведь сложность не в том, чтобы придумать и соорудить ловушку, сложно защитить ее так, чтобы ни один демон не почувствовал угрозу в простых и непримечательных предметах... Пока не станет слишком поздно. Может быть, в том, как неожиданно изменилась атмосфера в Лотарии, виновато то огромное количество магических хитростей, которыми они напичкали город?

— Учитель, они уже перебираются через стены.

Лотар нашел Рукинара и его приятеля. Оба действительно перебрались через стену, используя самые обычные крюки. Ничего не скажешь, двигались они хорошо — быстро и уверенно. Лотар вычислил ту точку, где они должны были встретиться, с точностью до нескольких саженей.

— Так, вы остаетесь сзади, будете только добивать, понятно? Только добивать, остальное пусть делают пока инструменты...

Скрепол не понял, он хотел было задать вопрос, но промолчал, потому что Лотар уже понесся вперед, высматривая Вафраша.

— Учитель, они уже идут Конюшим проулком, — дальноречью информировал его Жилос.

«Кросс, — подумал Лотар, начиная злиться, — куда подевался Вафраш?» И тут же, словно в ответ на это обращение к богу, отозвался инженер. Он спросил в полный голос, на нормальном человеческом языке:

— Ты не меня ищешь?

Он расположился в нише стены, забранной фантомным покрывалом того же цвета и фактуры, что и сама кладка. Рядом с ним стояла какая-то машина. Ее хищные прорезы были нацелены на узкий проулок, действительно ведущий в ту сторону, откуда должны были показаться цахоры.

— Ты почему не отзываешься?

— Я ничего не слышал, — удивился Вафраш.

«В самом деле, — сообразил Лотар, — если он стоял в этой нише под магическим покрывалом, то никакие ментальные зовы не доходили до инженера». Потом он еще раз смерил взглядом машину, проулок...

Стены домов уходили вверх на три этажа, оставляя сверху такую узкую полоску неба, что невозможно было даже понять, какого оно цвета.

— Нет, если они будут просто идти, ты их не накроешь. Они должны плохо видеть твой удар, должны... Вот что мы сделаем. — И Лотар сказал Вафрашу, что ему предстоит устроить. Тот сначала не поверил, потом расстроился и сказал, что это очень опасно и он не сможет, потом азарт загорелся в его глазах, и он согласился.

Это было очень кстати, потому что цахоры уже подошли к той улице, с которой можно было завернуть в проулок. Лотар понесся вперед. Жилос и Скрепол полезли на крыши соседних домов, чтобы не путаться под ногами, но спрыгнуть, когда потребуется.

Теперь Рукинар и второй Капюшон не торопились. Они чувст-

вовали, что спешить нельзя. Поэтому, когда Лотар вылетел на улицу перед ними, замер в полусотне шагов, а потом стал пятиться, они не бросились вперед сломя голову.

Желтоголовый почувствовал обжигающую волну в своем сознании, очень похожую на ту, которой его обследовали цахоры северной группы. когда разузнавали о «Святом Спирадоне», но теперь ему можно было и не маскироваться. Он выставил надежные блоки, но пятиться не переставал.

Потом молодой цахор пошел быстрее. Он хотел как можно скорее добраться до противника. Лотар даже не выхватил меча, он просто повернулся и побежал. Он очень боялся, что Капюшоны не поверят и не бросятся за ним следом, но они побежали — очень быстро, с каждым шагом сокращая разделяющее их расстояние.

Лотар немного замешкался при повороте в проулочек, словно его занесло. Он хотел верить, что это выглядело достаточно естественно. Теперь цахоры отставали не более чем на десяток шагов. Казалось, они просто дышат в затылок, а их мечи уже могут достать до спины Желтоголового...

Вот и камешек, который Лотар положил на дорогу. Вой колокольчиков в сознании стал оглушительным, но поверх этого звука Лотар услышал густой, как звук басовой струны, шелчок... «Неужели я так поднял скорость восприятия, что и тетиву слышу раньше стрел?..» И в это мгновение он растянулся плашмя, заваливаясь в крохотную, не глубже нескольких дюймов, но, как говорил Вафраш, необходимую для спасения ямку.

Над ним пронеслось гудящее от напряжения облако и улетело назад, потом он услышал, как стрелы втыкаются в стены, звенят по камням, отскакивают от булыжников совсем близко... и втыкаются в плоть. Этот звук ни с чем нельзя было спутать, уж очень он отличался от остальных. Лотар насчитал пять таких ударов, потом сбился и вскочил, разворачиваясь лицом к противнику и выхватывая Гвинед.

Напарник Жмаруна, утыканный стрелами из арбалетной стаины, которая выпуливали почти полторы сотни стрел разом, перекрывая весь проем проулочка, кроме крохотной ямки, в которую закатился Лотар, еще держался на ногах. Но кровь стекала из-под стрел так обильно, что стала видна даже на черной коже. «Странно, — подумал Лотар, — я бы не сообразил, а он сумел уцелеть...» У этих Капюшонов все не так устроено.

Но главное было не в этом: сам Рукинар, почти невредимый, если не считать двух царапин на ноге, висел на балке, переброшенной в строительных целях на уровне второго этажа. Он все-таки успел уйти от, казалось бы, неминуемой атаки. «Вот это да, — подумал Лотар, — я бы не сообразил, а он сумел уцелеть...»

Желтоголовый шагнул вперед, чтобы встретить цахора, когда он спрыгнет, и дать возможность уйти Вафрашу, который шумно и слишком медленно вылезал из ниши, чтобы бежать к следующей своей конструкции, но Рукинар прыгать вниз не стал. Он

внимательно посмотрел на напарника, подтянулся на руках, вылез на узенькую балку, дошел до окна ближайшего дома, одним ударом ладони, повернутой вперед, высадил раму и исчез в проеме.

Молясь в душе, чтобы Вафраш, которого Рукинар определенно решил наказать за гибель подчиненного, продержался еще немного, Лотар бросился к раненому цахору. Тот уже методично выдергивал стрелы, пытаясь удержаться на ногах. Чтобы это получалось лучше, он прислонился спиной к стене.

Лотар атаковал его прямыми, как копье, выпадами, но цахор, несмотря на боль и потерю крови, видел его. Перехватив меч в левую руку, он стал отбиваться, и весьма уверенно. Правой он продолжал выдергивать стрелы, их осталось уже не так много, всего-то с полдюжины.

— Жилос, Скрепол! — заголосил Лотар, но мог бы этого и не делать.

Оба ученика уже стояли рядом, и мечи их помогали Гвинеду так же уверенно и слаженно, как пальцы одной руки. Это было неплохо. Сделав пару разведывательных выпадов, Лотар атаковал на убой, и его клинок прочертил широкую полосу поперек живота цахора. Капюшон наклонился вперед, но сумел выпрямиться и снова продолжал драться. Потом Жилос сумел распахать ему левое плечо, потом Скрепол, весь забрызгавшись кровью цахора, отрубил ему правую ногу чуть ниже колена...

Откуда-то издалека донесся крик ужаса и страха. Он отозвался даже тут, в этом ущелье домов. Кричал, без сомнения, Вафраш, других людей в этом районе не осталось.

— Кончайте, — приказал Лотар, — разрежьте его на кусочки, иначе он восстановится, прежде чем мы сожжем его труп!

Потом Желтоголовый повернулся и рванул в ту сторону, куда убежал инженер. Что-то ему подсказывало, что с этим утыканным стрелами цахором он провозился слишком долго. Мальчишки действовали верно, а вот он замешкался...

Улица, снова улица... След, который оставлял инженер в воздухе, когда бежал тут, след, состоящий из смеси страха, пота и грязи его рабочей робы, становился все заметнее. Лотар и не почувствовал, как включилось его обоняние, которое теперь было не менее острым, чем у легавой собаки. Когда он выбежал на улицу, ведущую к одному из домов местных богачей, превращенную в маленькую крепость, то увидел в полусотне ярдов впереди, что Вафраш почти добежал до каменного портика, который означал вход в дом и спасение от угрозы. Но цахор бежал раза в два быстрее и настигал инженера. И Лотар не мог ничего сделать.

Он все-таки бросился вперед, молясь, чтобы инженеру удалось вбежать в дверь, прежде чем его нагонит эта смерть в черном кожаном капюшоне, и тогда, может быть, цахор посчитает Вафраша добычей, которая потребует слишком многих усилий и времени, но надежды на это оставалось очень мало...

Вдруг Вафраш, пробегая мимо одной из колонн, сделал странный жест рукой... И тотчас, словно молния, сверху рухнула тяже-

лая кованая решетка. Она упала так стремительно, что Рукинар ударился о нее всем телом, она даже загудела от этого толчка, но не подалась ни на дюйм. А Вафраш не успокаивался, он добежал до другой боковой колонны портика и снова опустил какой-то не очень заметный рычаг. И точно такая же решетка упала вниз из внешнего края портика. Теперь Рукинар был заперт, он не мог ни выйти, ни сломать решетки... Даже ему потребовалось бы, по крайней мере, минут десять-пятнадцать, чтобы выбраться из этой ловушки.

Но инженер не успокаивался. Тяжело переваливаясь на ходу, все еще бурно втягивая воздух после непривычного для него бега, он пошел куда-то дальше, и в его сознании отчетливо читалась простая мысль расправиться с Рукинаром, а не просто задержать его на десяток минут. Но и цахор прочитал это намерение инженера.

— Берегись! — закричал Лотар, но было поздно.

Цахор небрежно, но очень уверенно выбросил кисть, и в спину инженера вонзилась метательная стрела. Он упал вперед, словно от толчка, и негромко застонал.

— Рукинар! — закричал Лотар, стараясь, чтобы цахор обратил на него внимание.

Цахор вздрогнул, и второй бросок оказался неточным. Но цахор лишь стал прямее — решетка лишала любое внимание к Лотару всякого смысла и достал следующую стрелу. Тогда инженер вдруг подтянулся вперед на руках и попытался подняться на колени... хотя бы на колени.

Такое упорство показалось странным даже цахору, он прицелился тщательнее, взмахнул всей рукой... Ударом стрелы, брошенной таким образом, обычному нетренированному человеку Рукинар сломал бы позвоночник — Лотар отчетливо прочитал эту мысль в сознании цахора. Стрела уже понеслась вперед, когда инженер все-таки дотянулся и обхватил ладонью рычаг, торчащий из стены.

Стрела воткнулась в основание черепа, пробила его и засела в кости и мозгу. Вафраш умер мгновенно. Но его рука стиснула рычаг изо всей силы, и Лотар знал, какими бывают эти захваты внезапно умерших людей. Тело инженера съехало вниз, рычаг дрогнул и опустился...

И вдруг каменный потолок, сделанный из монолитного блока, дрогнул и пополз вниз. Фигурные пазы колонн оказались не пазами, а направляющими, а сами колонны — стояками гигантского пресса. И когда они успели соорудить эту ловушку?

Рукинар понял, что проиграл. Он бросился к решетке, рванул ее, но она была очень прочной. Он взмахнул мечом, еще раз, еще... Решетка зазвенела, но не поддалась. Это было кованое железо, тут даже меч цахора оказывался почти бессильным. Потолок опускался. Скоро он опустился так низко, что Рукинар уже не мог замахиваться через верх. Потом он опустился еще ниже, теперь цахор уперся в него руками, поднатужился... Но куда там!

Вафраш постарался на совесть. Этот пресс вполне мог бы дробить целые скалы.

Внезапно в прессе что-то закрипело, забулькало, но камень все-таки прошел трудный участок и надавил на Рукинара. Тот уже стоял на коленях, но все еще пытался упереться получше... Потом ему пришлось лечь, он завыл, должно быть, вывихнув плечи. Потом каменный монолит совсем опустился на площадку под длинным и смешным портиком с лепными петухами и растительным орнаментом, как будто стоял тут всегда. Между брусчаткой и нижним его краем оставался зазор не больше двух дюймов. Рукинара можно было даже не сжигать.

Лотар оглянулся. За его спиной стояли Жилос и Скрепол. Жилос сказал:

— Кто бы мог подумать, что маленький инженер окажется таким бойцом?

— К счастью для оставшихся — оказался, — буркнул Скрепол.

— Да, — вздохнул Лотар, — он убрал больше цахоров, чем кто-либо другой из нас.

Вдруг над сигнальной башней снова раздался хлопок. И почти в тот же миг над башенкой детинца пронесся грохот очередного разряда. Воя Киноза на этот раз Лотар не расслышал. То ли сил у него больше не осталось, то ли орал уже так тихо, что его голос вполне заглушали стены.

И в это мгновение в сознании Лотара отчетливо прозвучало сообщение Стака:

«Учитель, они послали на нас целый выводок очень искусных фантомов. Пока мы воевали с ними, они просто перебрались через стену в другом месте, теперь они в городе».

«Ах, да. Есть еще и эти. — Лотар и в самом деле почему-то забыл, что у ворот Стак должен был задержать еще двоих. Но теперь он вспомнил. — Идем к вам, у нас все в порядке. До нашего подхода в бой не вступать».

Краем сознания он понял, что Стак дает подтверждение, но теперь это было не важно. Потому что до ворот можно было добежать очень скоро. Что ни говори, а город, который они защищали, был еще невелик.

Глава 26

К тому моменту, когда Лотар с учениками появился у ворот, с основной частью фантомов было покончено. Как всегда бывало в таких случаях, чем меньше их становилось, тем прозрачнее они делались. К тому же Сухмет сумел навести на фантомы морок, и их движения стали механическими, иногда даже лишенными смысла. В общем, на них просто перестали обращать внимание.

Но тем более грозной казалась фигура настоящего Капюшона, который стоял в центре площади у ворот. Правда, что-то еще творилось за его плечами, в довольно темном и тесном углу между

домом для путников и конюшной, но там стояла такая плотная завеса магии, что Лотар даже и не пытался ее пробить.

Перед неподвижным цахором, как легкие осенние листья, кружили орденцы со Стаком во главе. Без Лотара они ничего не предпринимали, хотя было видно, что ждать им надоело, тем более что цахору нужно было выиграть именно то время, которое они сейчас теряли. Что это значило, как должны были повернуться обстоятельства, Лотар даже не пытался угадать.

Итак, они сошлись. Лотар, Стак, шестеро орденцев, из которых двое были девушками, и на заднем плане Сухмет. Старик усиленно наколдовывал что-то, Лотар чувствовал это все более отчетливо. Рубос держался рядом с Сухметом, и это было очень хорошо, потому что грозный мирамец устал во время возни с фантомами, его рана открылась, и теперь он не был способен даже толком держать меч.

«Сухмет, — мысленно позвал Желтоголовый, — когда ты будешь готов?»

«Очень скоро, господин мой».

«А что происходит у конюшни?»

«На это я не могу отвлекаться».

В голосе восточника прозвучала такая усталость, что Лотар больше не стал терзать его.

Колокольчики в сознании вдруг зазвенели громче. Цахор двинулся на орденцев, рявкнув низким, резким голосом с сильным горловым акцентом:

— Струсили, бараны? Я смотрю, вы и на воинов не похожи, странно, что до сих пор уцелели.

Самонадеянность противника была не самым проигрышным качеством для начала боя, поэтому Лотар сделал знак, и орденцы даже не стали окружать цахора, а чуть-чуть подались назад. Лотар сказал:

— Может, мы с главным договоримся и разойдемся с миром?

Цахор сделал странное движение головой, словно пытался задрать подбородок.

— Я не позволю. Слишком много наших полегло.

Вдруг Сухмету удалось сделать то, что он давно готовил, и все орденцы исчезли из видимого пространства. Это был примерно такой же трюк, которым когда-то давным-давно воспользовался Капис в Мираме, когда послал отряд наемных убийц уничтожить Кнебергиша. Орденцы находились в том же месте, в том же пространстве, но в чуть сдвинутом времени и поэтому были не видны даже тренированному магическому глазу. И могли, безусловно, биться с противником, хотя это было нелегко и требовало определенной сноровки. Но орденцы, по-видимому, неплохо владели этим приемом.

Лотар видел клинки, вспышками яростного стального блеска вырывающиеся в самый последний момент удара из ничего, из какого-то сгущения, которым вдруг обволок цахора самый воздух площади. Только вспышки клинков — и ничего больше. У цахора

оставалось теперь так мало времени, чтобы сориентироваться, что он даже не успевал отбиваться от всех.

«Хорошо бы, — сказал сам себе Лотар, — они еще могли отличить меня от цахора, а не то атакуют со всем пылом юности...»

«Они отличат тебя от него, господин, — тут же отозвался внутренний голос Сухмета, — не дураки же они в самом деле».

Лотар удержался от замечания на этот раз и бросился на цахора. Идти на него в одиночку было странно, но он переборол неуверенность, вдруг всплывшую в нем, и провел проверочные выпады в полную силу.

Цахор попятился. Он оценил опасность, но резко менять место боя, раскрывая свою хитрость, не собирался. «А ведь он что-то прикрывает — то, что творится у конюшен, — подумал Лотар. — Что же это такое и где, наконец, Камазох?»

Желтоголовый попытался навалиться на цахора по-настоящему, но Капюшон довольно успешно отбивался от него, хотя и действовал не очень уверенно, больше сосредоточиваясь на атаках спрятавшихся в подвремье орденцев. И это было правильно. Лотар не успел обменяться с ним и десятком ударов, как возникающие из ничего клинки уже дважды чуть было не достали цахора. Он лишь в последний момент ушел от них, не пытаясь даже отбиться.

Его техника была изумительна, его реакция превосходила человеческое понимание происходящего. Лотар почувствовал себя слабым и неуверенным новичком, пытающимся противостоять отменному мастеру. Примерно то же самое думал и цахор. Он вдруг сказал со своим лающим акцентом:

— А ты не так уж грозен, как говорят. Неужели ты в самом деле уложил почти всех наших?

И Капюшон неожиданно бросился в атаку, как таран, которым взламывают ворота крепостей. Лотар отбил половину его выпадов, от другой половины ушел, но два раза его спасло чистое везение. Оказывается, бывает и так, что произвольное, случайное движение вдруг спасает жизнь. Это неожиданно напомнило ему так давно и прочно забытое ощущение молодости, когда он считал, что любой поединок есть не только дело искусства, но и азартная игра, где случай решает, кому жить, а кому умереть.

Сейчас ощущение собственной уязвимости и власти случая снова вернулось к нему. Он ничего не мог с этим поделать. И хотя ему везло, он знал, как это должно кончиться. Потому что противник не разделял его отношения к бою как к игре, он собирался действовать наверняка и дожать Лотара до конца.

Лотар уже в который раз за последние дни почувствовал, что противостоит чему-то, превосходящему его силы. И сразу усталость, отупение и покорность судьбе стали затоплять его сознание. Это грозило гибелью — такому противнику, как цахор, нельзя было подсказывать лучшее время для атаки. Капюшон начал решительные действия. Его выпады были точны и остроумны, его решения — парадоксальны, его движения были бы прекрасными, если бы Лотар еще мог их воспринимать.

Но вдруг два или три меча одновременно вырвались из подвремения и вонзились в черную кожу комбинезона цахора с разных сторон, как бывает только во сне, когда одно превращается в другое, а ужас неожиданно сменяется облегчением.

Цахор упал, потом поднялся, но теперь он стоял как-то боком, словно был не способен твердо опираться на мостовую, и смотрел куда-то в сторону. Боль на несколько мгновений заслонила от него все происходящее на площади, позволяя различать лишь то, что было перед глазами... «Тоннельное видение, результат болевого шока», — решил Лотар и шагнул вперед.

Капюшон не увидел его, как Лотар и ожидал, и пропустил удар. Сталь Гвинеды медленно прошла воздух и на добрых четырех дюйма вошла в бок цахора, примерно там, где находилась его печень, потом вышла чуть ниже и левее, прочертив на коже его куртки сочащуюся кровью полосу. Цахор поднял руку, чтобы зажать рану, но блеснула вторая медленная молния, прорисованная Акифом, и отрубленная чуть выше кисти рука отвалилась, словно сочный стебель, обдав все вокруг темной кровью.

Лотар увернулся от тяжелых капель и только после этого понял, что усталость и утомление не так велики, как ему казалось. Или кто-то помог ему?

Он оглянулся: Сухмет был серым, как будто вымазался в муке. Он уже не мог стоять, ноги его подкашивались, и старик растянулся бы на камнях, но Рубос поддерживал восточника одной рукой, не выпуская из другой меч. Да, определенно, держать ребят в подвремении и корректировать действия Лотара было очень тяжелой работой.

Вдруг что-то звонко хлопнуло совсем рядом с Желтоголовым, словно разом сломалось сухое дерево, и в воздухе возник Стак. На лице его было написано возбуждение и ярость победы. Даже не посмотрев на Лотара, он сделал выпад, уклонился от слабого встречного движения цахора и нанес ему очень сильный удар снизу в грудь. Кончик его меча показался из спины цахора, залитый дымящейся кровью демона.

Цахор застонал. Но прежде чем он упал на колени, Стак успел выдернуть свой меч. В этой победе он не сомневался. Командор повернулся к Лотару:

— Учитель, ты великолепно сыграл отступление, даже я пове-
рил, что ты смирился, это и заставило его забыть о нас...

Лотар стиснул зубы. Он не знал, скажет ли когда-нибудь Стаку, что не играл в отступление, в покорность, в поражение. Может быть, если они выживут, и скажет, чтобы расширить представление Стака о бое, о способности сражаться, когда усталость и покорность превосходят даже его — Лотара — силы. А может быть, и не скажет, просто потому что это тяжело — признаться в поражении, пусть даже и несостоявшемся.

Да, если они выживут...

Вдруг еще два меча нанесли демону скользящие, легкие на вид удары. и кровь снова обагрила камни мостовой. Это была победа.

Даже цахору необходимо было несколько часов, чтобы восстановиться после таких ран. Но лучше все-таки отрубить ему голову.

Лотар стряхнул кровь со светлой стали Акифа, спрятал его в ножны, взял Гвинед двумя руками и приготовился было нанести последний удар, как вдруг что-то мощное, несокрушимое и почти непостижимое человеческим разумом выдвинулось из того темного угла у конюшни, который привлек его внимание в начале боя.

Это был Камазох. На вид такой же, как остальные цахоры. Но если от Логира исходила мощь физической силы, нестигаемой массы и тренированного мастерства, то от Великого Магистра цахоров — мощь отточенного интеллекта и магического совершенства. Он произнес слова на непонятном языке, вероятно договаривая весьма непростую формулу заклинания, и вдруг где-то рядом взорвалась, разбрасывая струи жидкого огня, бочка с вендийским огнем. Потом в другом месте рухнула каменная колонна, разом лишившаяся подготовленной строителями опоры. Потом провалилась ловушка, наподобие той, в которую угодил Логир...

По всей Лотарии гремели взрывы, сжимались и разжимались механизмы, падали каменные блоки, обваливались переходы, мостки, балки, где-то в каменных мешках сработали заслонки, и их стала затапливать вода... Все заготовленные ранее и замаскированные тончайшей магией Сухмета ловушки разом были разряжены. Лотар даже не подозревал, что подобное возможно.

И конечно, все шестеро орденцев выпали из подвремения. Впрочем, нет, не шестеро. Одна фигура, проявившаяся из ничего, неподвижно лежала на камнях. Это была Шарона. Меч цахора, который, все еще мыча от боли, топтался перед Лотаром, рассеял ей грудь и перебил позвоночник. Она умерла легко и почти сразу.

Жилос что-то вскрикнул и бросился к девушке. Упал на колени, попробовал поднять ей голову.

Стак приблизился к нему, положил руку на плечо. Лотар вздохнул, шагнул к напарнику Камазоха, защищавшему своего Магистра, который готовил заклинание против всех ловушек Лотарии, и одним ударом отрубил ему голову. Разглядеть выражение лица Камазоха из-за капюшона было, конечно, невозможно. Но Лотар не сомневался, что он вздрогнул.

Мало на всю площадь произнесла своим певучим, сильным голосом:

— Лучше бы это сделал Жилос.

Лотар кивнул, соглашаясь с ней, но тут неожиданно подал голос Камазох:

— Это уже не имеет значения. Это вообще глупо, потому что вас осталось так мало, что я справлюсь, даже не запыхавшись. А потом все мои друзья, кто еще способен, восстановятся. Кто отрастит голову, а кто и просто соединит кусочки тела...

Он рассмеялся. От этого смеха хотелось умереть, как от мороза умирают на лету птицы. От него кружилась голова, глубоко в гру-

ди возникала тошнота. Он действовал, как яд непонятной, но неотвратимой силы.

— Смогут немногие! — выкрикнул Стак.

— Верно, — прогудел Камазох. — Я пытался предупредить их об этой человеческой хитрости, но они не послушали меня. Тогда я и подумал, что неплохо бы обновить Орден, если они так упрямы. И ты, Желтоголовый, мне в этом помог. Но ты за это и поплачься.

Было что-то космическое в этой неподвижной невысокой черной фигуре, которая вещала почти шепотом, но этот шепот проникал всюду, так что казалось — от него невозможно спрятаться нигде во всем городе.

Лотар оглянулся. Рубос поддерживал Сухмета уже двумя руками. Сухмет был почти без сознания. Камазох сразу догадался:

— Не смотри в ту сторону, Желтоголовый. Твой друг-колдун — кстаи, весьма посредственный по моим меркам — выдохся. Как и все, что ты подготовил для нашей встречи. Больше у тебя ничего в запасе нет. А у меня есть — моя сила, мой ум, моя воля. И ты проиграешь, собственно, ты уже проиграл.

Орденцы стояли рядом с Лотаром. Они выстроились примерно в том порядке, как и на тренировках. Вот только многих уже не было и не будет никогда. «А будут ли живы завтра те, кто еще есть? — подумал Лотар. — Кажется, Камазох прав, у меня больше ничего не осталось — ни Сухмета, ни Рубоса, ни большинства орденцев».

А Камазох был свежим, спокойным, уверенным. Он мог бы, наверное, разделаться с ними со всеми так же, как разделался с ловушками, но решил поработать мечом. Впрочем, Лотар понимал его. Все-таки он был цахор, рубака, воин, а не колдун. Он хотел добыть победу своими руками, почувствовать, как его оружие крушит врага, хотел, быть может, заглянуть в глаза умирающих орденцев...

— Тебе нужен я один, — предложил Лотар, и сам не узнал своего голоса, настолько он был слаб, неуверен, лишен какой-либо энергии. — Отпусти мальчишек.

Камазох рассмеялся, и смерть коснулась сердца каждого из тех, кто его слышал.

— Ты хорошо говоришь, Непобедимый, — могу я так называть тебя? Это звучит как капитуляция... Вот только ты известен тем, что никогда не сдаешься. С чего бы вдруг на этот раз?

Внезапно цахор сделал неувловимое движение, и в его руке возник меч. Лотар беззвучно ахнул, так совершенно он провел прием мгновенного выхватывания оружия, который на фойском назывался «быстрый коготь, останавливающий кусающую змею». Лотар давно пытался овладеть им, даже пару лет гордился тем, что понял его философию, но оказалось, что он даже близко не подошел к технике цахора.

— Я предлагаю искренне...

— Нет! — Голос Камазоха загремел. — Ты сам не веришь в это!

А значит, в этом есть какая-то новая хитрость. Я устал от твоих уловок, человек! Будем биться, и я вырву твое сердце и съем его, прежде чем позволю тебе умереть. Но еще до этого ты увидишь смерть своих учеников! А теперь — дерись!

Лотар вздохнул. Перспектива увидеть, как Камазох пожирает его сердце, не радовала, но гораздо печальнее было знать, что умрут все эти ребята, что он доберется до обессиленного Сухмета, раненого Рубоса... Да, надо было биться.

Он вытаскил Акиф и размял кисти круговыми движениями. Выровнял дыхание, успокоил ум, убрал напряжение из плеч и груди и сконцентрировал силу в ногах и бедрах. Все, теперь он был машиной для боя, и даже если ему суждено сейчас погибнуть, он умрет, почти не почувствовав боли и не испытав всей меры страдания, которую испытал бы простой человек. Потому что — Лотар знал это гораздо вернее, чем кто бы то ни был другой, — он не был просто человеком. Но пусть Камазох пока думает иначе.

Глава 27

Камазох пошел на Лотара легко, словно не сам переставлял ноги, а его несла над брусчаткой какая-то таинственная невидимая сила. Легкости его поступи мог бы позавидовать даже икульский ветерок. Лотар с трудом и, к сожалению, с заметным раздражением подавил желание протереть себе глаза. Комбинезон Камазоха никоим образом не позволял замаскировать положение его ног, скорее наоборот, черная кожа четко, как в театре силуэтов, позволяла видеть малейшее напряжение его тела, но искусство Магистра цахоров было так велико, что все равно возникало впечатление, что его намерений не видишь, положение его тела являлось загадкой, а состояние было неизвестно даже такому бойцу, как Желтоголовый.

«Да, как это ни прискорбно, — решил Лотар, — похоже, Магистр с Востока нам не по зубам. И не будет по зубам еще очень долго, если это вообще возможно».

Он встретил первые удары Камазоха Гвинедом, почти не прягая руки. Но потом, когда пришли на помощь остальные орденцы, сильные удары с двух сторон посыпались один за другим. Через минуту Лотар вдруг поймал себя на желании вывалиться из боя и дать передохнуть рукам, натруженным, словно он весь день молотил цепом неподатливую солому или помогал кузнецу.

А потом пошла настоящая сеча. Движения ускорились, мечи уже не вспыхивали на солнце при каждом взмахе, а горели, словно негасимые факелы. Они проигрывали цахору, Лотар чувствовал это всем своим существом, даже отключив, насколько было возможно, колокольчики.

Камазох успевал справиться со всеми орденами, Стаком и Лотаром. Он не просто отбивал их удары — он еще и экспериментировал, проверяя самые сложные, невероятно быстрые комби-

нации, от одного представления о которых у Лотара еще вчера голова пошла бы кругом. Наконец дыхание демона немного утихло, и он заговорил:

— Я так и думал: вы не выдерживаете. Вы и не должны были выдержать. Желтоголовый, странно, как ты еще не погиб.

«Я уже слышал эту фразу», — сказал себе Лотар, но вслух ничего не произнес, чтобы не сбиться с темпа. Главное сейчас — удержаться, оттянуть время... Каждый, кто потеряет темп, будет убит. Даже он — драконий оборотень.

Внезапно Желтоголовый понял, что имел в виду Сухмет, когда порой весьма скептически отзывался о его боевом искусстве. Да, в движениях Камазоха чувствовалась недюжинная работа десятков предыдущих поколений бойцов, оттачивание техники с равными партнерами, исключительная психологическая установка на победу. А что было у него? Он учился сам, иногда проверяя свое мастерство на весьма посредственных противниках с Запада, которые только и умели, что работать силой удара, а не умом. Он слишком давно перестал удивляться своим победам, а это развращает, словно обжорство.

«Вот, сейчас, — сказал он себе, — сейчас начнутся сбои». Он продержался еще полминуты, еще минуту... Кто-то из ребят еще пробовал атаковать, и дважды мечи орденцев рассекали воздух в удивительной близости от тела Камазоха. Но ни разу не коснулись его. Он по-прежнему был безупречен.

Выбрав момент, Лотар осмотрел своих ребят. По лицу Оприс-така уже текла кровь — он пропустил касательный удар в голову. Скрепол прихрамывал — он неудачно вынес вперед ногу и поплатился рассеченной коленкой. Мало прятала левую руку за спину и работала только правой.

Вдруг Камазох рассмеялся, сделал странный выпад, и его меч прошел насквозь через тело Скрепола. Демон шагнул назад, и Скрепол, словно пойманный на крючок, тоже подался вслед за ним. Тогда с громовым хохотом Магистр цахоров завел тело уже умирающего юноши за спину, напрягся и швырнул то, что осталось от Скрепола, через себя, стряхивая его, как некоторые бойцы стряхивают кровь с клинка в лицо противнику, оказывая психологическое давление.

Скрепол, нелепо растопырив руки, пролетел футов десять, потом безвольной куклой покатился по мостовой. Когда Камазох сбрасывал тело с клинка, он сделал неувловимое движение, и меч цахора рассек живот юноши, превратив его в настоящую воронку изрезанной плоти. Лотару приходилось видеть меньше разрушений даже при прямом попадании в человека из большой катапульты.

— Нравится? — спросил Камазох и приостановился, пока орденцы долгие мгновения смотрели на тело Скрепола. — Так будет с каждым твоим учеником, Желтоголовый. Ты воочию увидишь, как рушится дело твоей жизни. Потом я расправлюсь со стариками и лишь после этого убью тебя.

Неожиданно голос подал Жилос:

— Ты будешь всех резать одним приемом или разными?

— Даже в одном приеме есть масса вариантов, юноша. И в каждом из вариантов существует множество оттенков боли... Когда мой меч войдет в тебя, ты убедишься в моей правоте.

Внезапно Лотар понял, что задумал Жилос. Он громко и отчетливо произнес:

— Нет, Жилос. Я приказываю!

Жилос бросил быстрый взгляд на Лотара — словно ударил леворучным мечом вслед главному — и попробовал сделать то, что не удалось Скреполу. Выпад снизу, переходящий в блок на среднем уровне, попытка задеть руку Камазоха снизу... И все повторилось, как в дурном сне.

Меч Камазоха, блестя кровавыми разводами на черной поверхности, показался между лопатками юноши. Со своим странным, ужасающим смехом Камазох потянул Жилоса на себя, завел за спину, взмахнул, напрягаясь так, что у него мгновенно набухли жилы на руке...

Лотар разгадал план Жилоса и теперь следил за каждым движением, стараясь не пропустить ничего. Он видел, как напрягся демон, как расставил ноги, отведя назад для равновесия левую руку... Успел разглядеть даже неживой блеск черной кожи на гребешке капюшона.

Жилос безвольной куклой поднялся в воздух, чтобы слететь с меча Камазоха, как пулярка с шампура искусного повара... И вдруг... Собрав последние силы, переборов чудовишный болевой шок, он выпустил свой меч из левой руки и, пока Магистр цахоров мотал его, набирая динамику для броска, мертвой хваткой вцепился в руку демона, не позволяя ему быстро освободить меч и своим телом не давая цахору защищаться.

Практически он зажал меч противника в себе, как в тяжелом, неуклюжем мешке, преодолевая боль и подступающую смертную муку.

Лотар шагнул вперед, отводя назад Гвинед для удара...

Камазох действовал стремительно. Он выхватил свой вакизашу, который прятался у него на поясе сзади, и взмахнул им, чтобы отрубить руку так некстати повисшего на его мече противника. Но Жилос продумал и это. Легко, словно у него в груди не торчал по самую рукоять меч противника, он заблокировал этот удар правой, и вот уже обе руки цахора оказались зажатыми мертвой хваткой погибающего юноши.

«Он держится, он еще держится», — думал Лотар о Жилосе, нагоняя Камазоха, который инстинктивно отпрянул назад и попытался вернуться от Лотара. Желтоголовый послал вперед Гвинед с силой последнего и единственного удара.

Камазох все еще пытался вернуться...

Гвинед вошел в его шею на добрых два дюйма, и темная кровь цахора фонтаном ударила в лицо Лотару, заставив его дрогнуть от чудовищного запаха демона.

Камазох выронил меч с Жилосом, одним резким борцовским движением выкрутил свою руку из хватки юноши, сумел освободить и левую руку, но...

Меч Стака со свистом впился в его бедро, рассекая ту субстанцию, которая заменяла цахорам плоть, вместе с костью, так что нога повисла на полоске черной кожи комбинезона.

Камазох крутанулся на месте, освобождаясь от меча Стака, застрявшего в его ноге, ударил противника кулаком в грудь, чтобы он не сумел нанести еще удар, попытался отскочить от следующего удара...

Меч Мало, как карающий серп, подрезал левую руку цахора снизу, и она, разбрасывая крупные капли нечеловеческой крови, закрутилась в воздухе и отлетела на десяток шагов в сторону.

И тогда Камазох закричал. В этом крике слились и боль, и жажда мести, и разочарование, и удивление, что он проигрывает бой, который ему самому казался победным. Где-то сзади, у контрфорса, от этого крика лопнул валун. Шелчок был похож на взрыв, который поднял «Святого Спирадона» на воздух... Еще дальше обвалилась черепичная кровля... И еще от этого крика прямо в воздухе возникла завеса, которую не мог бы пробить даже проникающий взгляд Сухмета. Но на этот раз Камазох бился с людьми, обученными Лотаром, и такие приемы, как крики, ослепляющая вспышка в лицо, дымовая завеса, оказали на орденцев не совсем то действие, какого ожидал цахор.

Ведьмин крик потребовал от Камазоха предельного сосредоточения. Демон на время остановился — и стал уязвимым. И тогда Бородул вдруг пустил веером перед собой семь сурикенов. Крик захлебнулся....

Когда дым рассеялся, они увидели, что Камазох, согнувшись в поясе, убегает по площади, опираясь на руку вместо отрубленной ноги и пытаясь вырвать из живота один из сурикенов Бородула. Но сурикен был сделан так, что выдрать его было нелегко даже Магистру цахоров. Он замешкался, утонув в приступе безумной боли, и не успел ударить, пока висела завеса. А когда она пропала, это стало и вовсе невозможно.

С победным, трубным ревом Опристак, который всегда лучше бегал, чем дрался, и до сих пор не очень высовывался вперед, настиг его и мощным ударом перерубил позвоночник оставляющему за собой кровавую дорожку цахору. Тогда Камазох наконец упал на брусчатку и затих. Конечно, он был еще жив и через пару часов сумел бы восстановиться и уползти из Лотарии в лес, но никто не собирался предоставлять ему эти два часа.

Лотар опустил Гвинед и Акиф. Потом, опомнившись, стряхнул с них кровь на камни и убрал оружие в ножны. Оглянулся.

Сухмет уже почти пришел в себя и понимал, что происходит вокруг, но Рубос по-прежнему держал его за плечи.

Мало вытирала свой меч о специальную тряпочку, которую вытащила из-за пояса. Опристак для верности отрубил Камазоху голову и откатил ее подальше от трупa, с интересом рассматривая

то, что находилось в кожаном капюшоне. Бородул дрожащими руками размахивал в воздухе, пытаясь понять, как Камазоху удалось уйти от его сурикенов, почему только один, кажется последний, попал в цель. Но сейчас даже Лотар не смог бы разрешить эту загадку, да он и не пытался.

Он подошел к Жилосу. Юноша, спасший их всех, был, разумеется, мертв. Но его душа, без сомнения, еще находилась где-то рядом. И Лотар произнес:

— Спи спокойно, Жилос Самоотверженный. Сегодня ты спас не только наши жизни, которые стоят не так уж много. Ты спас Орден, твое имя будет занесено в анналы, и тебя будут помнить как спасителя всех орденцев, что придут в этот мир после нас.

Он поднял голову. Они стояли рядом — Стак, Бородул, Мало и Опристак. От стены медленно, едва волоча ноги, шли Сухмет и Рубос. Это было все, что осталось от Лотарии.

Но они все-таки выжили, а значит, придут другие люди, и Лотария будет строиться дальше.

Сухмет, с натугой переводя дыхание, сказал:

— Мы выжили, опять выжили, господин мой, хотя еще никогда не стояли так близко к краю небытия, как сегодня.

Лотар кивнул:

— На этот раз мы выжили, заплатив дорогую цену. Почему-то я больше скорблю, чем радуюсь. Может, потому, что теперь отчетливей, чем прежде, вижу: это временная победа, временное продолжение наших жизней.

Сухмет выпрямился:

— И все-таки нужно радоваться, господин мой. Ничего другого нам не остается, пока архидемон существует в нашем мире.

Лотар вздохнул и повернулся к орденцам:

— Давайте займемся делом, еще не все кончено. Соберем все трупы цахоров, сложим в центре этой площади и сожжем. Только огонь может заставить их умереть окончательно.

— А Логира? — спросила Мало, во всем предпочитающая ясность.

— Его сожжем в яме, — отозвался Стак. — Не доставать же его оттуда!

— Да, вот еще что, — добавил Лотар, обращаясь ко всем сразу. — Мы не знаем, какова их сила, может, они способны оказывать сопротивление даже разрубленными. Не теряйте внимания, когда будете их переносить.

Орденцы согнулись в медленных, усталых поклонах.

Когда ребята разбрелись в разные стороны, Сухмет снова заговорил. Теперь в его голосе звучала такая тревога, что даже Рубос внимательно посмотрел на восточника, пытаясь понять, что с ним происходит.

— Господин мой, мы не договорили.

Лотар вздохнул. Да, не таким человеком был Сухмет, чтобы не понять, что важно, а что не очень.

— Я хотел всего лишь сказать, Сухмет, что ты прав, как никогда. И что, может быть, пришла пора решить главную проблему.

Посох Гурама выпал из рук старика. Но он даже не посмотрел на упавший магический инструмент.

— Что это значит, господин мой?

Но Лотар ничего не ответил. Старательно, как никогда прежде, он попытался спрятать от Сухмета свои мысли. Хотя и чувствовал, что немного перебарщивает, потому что на Востоке прекрасно умеют понимать, что значит не только сам предмет, но и его отсутствие.

Оглянувшись, он убедился, что не ошибся. Сухмет стоял раскатынный и бледный, словно вымазался той краской, которой пользуются балаганные клоуны, чтобы подчеркнуть мимику. Только, к сожалению, это была не краска.

Просто восточник понял, с каким противником Лотар готовится теперь сразиться.

Устранитель зла

Глава 1

Лотар Желтоголовый, драконий оборотень, прозванный Устранителем Зла, осмотрел гимнастическую площадку Ордена серыми печальными глазами. Эта печаль была заметна всем, кто его знал, хотя никто не догадывался о ее причине. Невероятным образом Лотару удавалось спрятать эту причину даже от Сухмета.

На большой площадке, разделенной на три сектора — с песком, мелкими острыми камешками и чистыми каменными плитами, работали и новые, и уже опытные орденцы. Их было теперь менее двух десятков. После разгрома Ордена, учиненного цахорами, Лотар еще больше повысил требования к новым бойцам, и приток вступающих в Орден сократился до двух-трех в год. Это не шло ни в какое сравнение с прежними временами, когда число орденцев дошло до сорока с небольшим человек.

В центре площадки стоял крытый павильон с наборным деревянным полом. Тут работали в зимнее время, хотя все реже и реже. Лотар как-то высказался, что ребятам следует согреваться движением, и его идея постепенно находила все больше последователей.

Желтоголовый очистил сознание, проделал дыхательную гимнастику, которая должна была сделать движение «ки» легким и мощным одновременно, а потом стал очень аккуратно разминать каждый мускул, сустав, каждую связочку тела. Если бы он был машиной, то, вероятно, вытащил бы на свет, прочистил, смазал и вставил на место каждый винтик.

Разминка длилась часа три. Потом Лотар перешел к сложным упражнениям, которые по темпу и скорости мало отличались от настоящего боя. К тому времени его тело уже играло, как огромный оркестр. На взгляд со стороны казалось, что ни один прием не был для него чересчур сложным. Ему удавалось все.

Но сам он был не всегда доволен, пару раз останавливался и начинал свои головоломные трюки сначала, только с еще большим ожесточением и сосредоточенностью.

Провернув десяток очень тяжелых боевых кат, Лотар перекусил, поскольку время близилось ко второму завтраку, и начал работу с мечом. Три или четыре раза он повторил одну и ту же сложнейшую связку приемов, которую придумал года два назад, а по-

том принялся пристраивать к ней еще более сложные движения. Стак, а с ним и недавно ставшие магистрами Ордена Мало, Бородул и Опристак только головой качали, глядя на его работу.

Наконец Лотар перешел на совершенно новый вид оружия, которое уже давно осваивал и для которого находил все больше и больше приемов. Длинная кованая цепочка с кошкой особого рода на конце. Эта кошка вполне умещалась в рукаве широкой куртки, но после броска раскрывалась и могла оплести противника в талии или в ногах или зафиксировать руку и сделать почти беспомощным, если цепочку не удавалось сбросить. Именно сбросить, потому что обрубить ее никто не мог. Помимо этого, она была вполне удобным метательным оружием, поскольку имела острый трехгранный шип впереди. А при правильном применении на небольших дистанциях это устройство вполне заменяло легкий кистень, блокироваться от которого было бесполезно.

Лотар учился работать цепочкой сначала левой рукой в комбинации с мечом, потом правой в комбинации с вакизашу, потом двумя руками, когда цепочка становилась гибким подвижным щитом, не пропускающим ни одного удара, зато захватывающим любое оружие, кроме самого тяжелого, вроде булавы, что позволяло тут же переводить защитные действия в атакующие. Когда он начал пробовать эти комбинации на деревянном манекене, орденцы только головами качали — то, что творил их Учитель, казалось невероятным. Он создавал технику боя, какой она могла быть только у демонов. Человеческого разума на нее просто не хватало.

Работа с цепочкой и кошкой длилась до обеда. Лотар уже устал. Он все чаще подходил к ведру с водой, прикладываясь к серебряному черпачку, прикованному к ведру цепочкой, и уже не выкладывался на каждом приеме, как будто от этого зависела жизнь всех его друзей.

Внезапно дверь раскрылась, и на стадион вышел Рубос — один из трех неорденцев, которому разрешалось входить сюда в любое время дня и ночи. Он что-то знал и источал такую ауру таинственности, что даже Стак, который очень любил мирамца, неодобрительно посмотрел в его сторону.

Потом в окне второго этажа детинца, где находился совещательный зал Лотара, мелькнуло лицо Джа Ди. Фой тут же спрятался за занавеску, но его внезапный интерес к тренировке не укрылся от внимания Желтоголового.

Наконец дверь снова открылась, и в додзе с поклоном вошел Сухмет, стараясь, чтобы его не замечали. Впрочем, не заметить его было невозможно: он, по своему обыкновению, был разодет в тканную золотом парчу, сверкал самоцветами, богато украшавшими пояс, а в руках держал посох Гурама, который иной раз блеском мог затмить эти самоцветы и все навешанное на восточника золото.

Тут Лотар приостановился. Он смерил взглядом зрителей и усмехнулся.

Рубос, увидев Сухмета, как бы невзначай подошел к нему и, стараясь не шевелить губами, прошептал:

— И вот так каждый день все пять лет, которые прошли после победы над цахорами?

— Ну, не совсем, Рубос, — тоже очень тихо ответил Сухмет. — Все-таки четыре раза он принимал заказы на сражение с самыми ответными демонами, но и в поездках работал, словно решил убить себя этими тренировками.

— А что демоны? Каково им пришлось?

Сухмет улыбнулся сухими, по-стариковски сморщенными губами.

— Он расправился с ними так, что мы этого даже не поняли. Сейчас главную опасность для него представляет он сам, а не какие-то злодеи с магическими способностями.

Рубос, забыв о конспирации, с интересом посмотрел на Лотара в упор.

— Знаешь, Сухмет, я стою тут уже треть часа и могу честно тебе сказать: я не понимаю, что и как он делает. Это подготовка для боя какого-то невероятного уровня. Словно он решил свергать богов.

— Не один ты его не понимаешь. Эти ребята, — Сухмет кивнул подбородком на Стака и остальных, — тоже не понимают, а они смотрят на него все эти пять лет, начиная с момента, когда он только принялся это выдумывать. И каждый из них подготовлен так, что, не задумываясь, принял бы на себя удар небольшой армии, причем, не исключено, вышел бы победителем.

У Рубоса удивленно дрогнули брови.

— Даже так? А откуда он вообще черпает идеи для такой работы? Все-таки, что ни говори, техника боя ограничена человеческими возможностями и потому давно известна. А то, что он делает, это что-то... — Рубос смешался, потом все-таки закончил: — Что-то даже зловещее.

Сухмет кивнул:

— Ты правильно заметил. И орденцев это смущает. Они считают, что мастерство Учителя уже не совсем человеческое. Когда его спросили об этом, он сказал, что учится у Камазоха. Просто вызывает в памяти все, что видел пять лет назад, и отрабатывает действия и контрдействия и проигрывает те, прежние, бои. Неделю назад Лотар мельком подумал, что способен биться уже с двумя цахорами одновременно. Но он хочет отшлифовать технику боя против четырех Капюшонов... Ну, как если бы они снова появились.

— Я понимаю. — Рубос выглядел не столько озадаченным, сколько испуганным. — А разве это возможно? Помнить движения противника, с которым бился пять лет назад?

— Я научил его паре магических приемов, восстанавливающих память, и он как-то признался, что теперь может вспомнить даже движения своих детских лет.

Рубос вздохнул, рассеянно провел рукой по лбу, словно прогонял неприятные мысли:

— Интересно тут у вас, очень интересно. А в вольном спарринге кто-нибудь решился проверить его технику?

Сухмет опять улыбнулся:

— Он отказывается. Говорит, очень важно, чтобы была привычка работать в полную силу, на убой, а значит, ордены для проверки не подходят.

— Ну а демоны? Может, подобрать ему кого-нибудь потруднее?

Сухмет посмотрел на Рубоса с некоторым сомнением:

— Я же говорил тебе, что четыре раза он сражался с демонами из таких, к которым мы еще лет десять назад не знали, как подступиться.

Молчание длилось довольно долго. Лишь резкие вздохи орденцев прокатывались над площадкой, да звон стали, да стук шестов, да крики на выдохе во время самых сложных приемов.

— И что? — спросил наконец Рубос.

Сухмет вздохнул:

— Если демоны и насажали ему синяков перед тем, как он их кончил, то я их не лечил.

— Так хорош?

— Хорош — это слово уже не про моего господина, а про Стака, например, или про Мало. Про него нужно говорить как-то иначе.

— Как?

Сухмет опять вздохнул, но уже потому, что, похоже, вопрос, который задал Рубос, он и сам себе не раз задавал.

— Не знаю.

Они посмотрели на Лотара. Тот уже просто размазывался в воздухе — глаза не могли видеть его как привычный человеческий силуэт.

— Невероятная скорость, — невольно произнес Рубос.

Сухмет махнул рукой:

— Нет, он уже подустал. Уже, так сказать, не гонит.

Рубос только руками развел:

— А сегодня-то что будет?

— То-то и оно, что Стак — тоже боец с норовом. Да и остальные считают, что их мастерство чего-то стоит. И решили напасть на Учителя. Вполовину силы, вернее... — Сухмет подумал и рассеянно дернул себя за золотой ошейник, — как получится, конечно.

— И что это даст?

— Когда-то, перед тем как сахоры напали на Лотарию, все ордены разом завалили Учителя, и он признал себя побежденным. Они хотят сделать это еще раз.

— Но тогда их было сорок, а сейчас?..

Он принялся пересчитывать глазами фигуры орденцев.

— Они считают, что эти шестнадцать человек сильнее тех сорока. И опять же хотят подождать, когда он выдохнется.

— А он ничего не знает?

У Сухмета вдруг лопнуло терпение.

— Слушай, тебе же Стак все это уже растолковал? Потому ты тут и оказался. Чего же еще?

Рубос смущенно отступил на шаг:

— Это у меня нервное.

Сухмет успокоился:

— Вот и я нервничаю. Но держись, иначе он почувствует...

Договорить старик не успел, Стак вдруг резко, на одном вздохе что-то проорал на весь зал, и орденцы с тем оружием, которое было у каждого в руках, бросились на Лотара. Его сразу заслонили от зрителей трое орденцев. Они слышали только вопли, удары, хрипы и тяжелый стук падающих на плиты тел.

Сухмет, уже не скрываясь, посмотрел на окно второго этажа, которое выбрал для наблюдения Ди. Даже с расстояния, что их разделяло, Сухмет без труда увидел выражение изумления и беспомощности на лице фоя. Ди тоже не очень понимал, что происходит в центре схватки.

И вдруг все разом кончилось. Трое орденцев сжимали сломанные ноги, двое пытались самостоятельно вправить вывихнутые или же сломанные руки. Еще семеро лежали без чувств. Трое находились в полном сознании, но, распластав руки по плитам, признали, что были условно убиты, а Стак, прижатый к полу ногой Лотара, хрипел, пытаясь освободиться от душащей цепочки с кошкой на конце. Тренировочный меч драконьего оборотня лежал в десятке шагов в стороне, но на исход боя, он, кажется, влияния не оказал.

Сухмет бросился вперед, подняв руки:

— Господин мой, это была лишь проверка!

Лотар расслабился, опустил руку с цепочкой, которую мерно стягивал, не давая Стаку дышать.

— Я понимаю, что это не попытка переворота.

Шутка не получилась. Уж очень велики были травмы и потери орденцев. Да и Сухмет испугался не на шутку.

Даже Рубос, который давно уже не пытался лезть в дела Ордена, считаясь с их выучкой и со своим возрастом, покачал головой и пробасил:

— Ну, Лотар, так все-таки нельзя. Мне случалось даже на настоящем поле боя с настоящими врагами обходиться мягче.

Лотар увидел его, кивнул. Его лицо, некогда улыбочное, оставалось теперь по-восточному расслабленным, спокойным и даже слегка хмурым.

— Привет. Ты когда приехал?

— Да пару часов назад.

— И сразу сюда?

— Мне Стак сказал, готовится что-то интересное, я решил посмотреть... Но такого не ожидал.

Лотар посмотрел на ребят, вокруг которых суетились Сухмет, Ди и трое их учеников.

— Да, я как-то не очень удачно работал. — Он поднял голову к небу, вытер пот с подбородка и добавил: — Зато теперь никакие цахоры не захватят нас врасплох и не перебьют моих учеников. Потому что и я и они всегда готовы. Понимаешь?

Рубос кивнул, подошел к Лотару, улыбнулся и похлопал его по

плечу. В этом жесте было не меньше опаски, чем дружелюбия. Он не решился обнять старого друга, потому что так и не понял до конца, что тут случилось несколько минут назад. И как Лотару удалось — усталому, по словам Сухмета, — за считанные минуты просто и без затей выключить полтора десятка лучших бойцов континента, если не всего цивилизованного мира.

Лотар все понял. Он уронил цепочку с кошкой, помог Стаку подняться, самолично проверил, нет ли у того сдвига позвонков, и объяснил:

— Я не всегда мог остановиться вовремя.

Стак низко поклонился:

— Я был чрезмерно самонадеян, Учитель. Прошу извинить меня или наказать за глупость.

— Наказания не будет, Стак. Вы все бойцы, а бойцам необходимо качество, которое ты неправильно назвал самонадеянностью. Я называю это уверенностью в своем мастерстве, и без него вы бы немного стоили. Вот только я... Не всегда мог остановиться.

Он взглянул на хмурого и расстроенного Сухмета, который тоже подошел к ним.

— Трое плохи, остальные через пару недель смогут начать тренироваться.

Лотар вздохнул и посмотрел на солнце:

— Кажется, пора обедать. Сухмет, попроси у всех извинения. Это в самом деле была дурная затея, мне следовало сразу сдаться. — Он начал стягивать куртку, направляясь к небольшому искусственному водопадику, устроенному у дальней стены стадиона. — Пока я буду приводить себя в порядок, накройте стол и ждите меня. Я расскажу вам об одной своей затее.

Глава 2

За столом Лотар просто сидел, думал о чем-то, и по взглядам, которые бросал в его сторону Сухмет, даже последнему ученику академии было ясно, что доступ к мыслям Учителя закрыт.

Это открытие так расстроило Рубоса, что он бросил вилку и стал с раздражением смотреть на тихого, умиротворенного и спокойного Лотара, который сидел рядом с ним в торце не очень длинного стола.

Наконец Лотар вышел из своей задумчивости, оглянулся на Рубоса, взял восточные палочки и поковырялся в рисе.

— У тебя, кажется, нет аппетита? — спросил он.

Рубос, привыкший долго не раздумывать перед тем, как высказаться, буркнул:

— Тут не было бы аппетита и у Шува.

Лотар мягко улыбнулся:

— Как он, кстати?

— Шлет тебе привет.

— Хорошо. — Лотар помолчал. — Хорошо, что такие люди шлют мне привет именно сейчас.

— А сейчас какое-то особенное время, господин мой? — подал голос Сухмет.

Лотар отправил в рот десяток рисинок и принялся усиленно жевать. От негодования Рубос только глаза поднял вверх и покачал головой.

— Не особенно, — ответил Лотар, с довольным видом промокнув губы, словно сжевал баранью ногу. — Просто я готов признать одну вещь. — Он подумал, почертил палочками на столе перед собой. — Я готов признать, что достиг в своем мастерстве потолка и выше, вероятно, уже не поднимусь никогда, сколько бы ни тренировался.

— Ну, того, что я видел сегодня, вполне достаточно любому человеку, — запальчиво прогудел Рубос.

— Все зависит от задачи, — ответил Лотар.

Сухмет от волнения положил себе на тарелку соленые овощи поверх рыбы, вываренной в сладком вине. Лотар хмыкнул, увидев такой гарнир, и продолжил:

— Задача моя довольно сложная.

— Ну-ну? — подбодрил его Стак, которому из-за травмы шеи и горла еще трудно было говорить.

— Я хочу убить Нахаба, — сказал Лотар и снова, взяв палочки, поковырялся в своей тарелке, чтобы не смотреть на собеседников за столом.

Рубос уронил на стол мясной нож, который вертел в пальцах, Сухмет обмяк на своем стуле, как будто разом лишился сил, а Стак привстал, кресло его подалось назад и со страшным грохотом упало на пол.

— Так я и думал, — отчетливо произнес Сухмет. — Именно это я и подозревал с самого начала.

Лотар мельком посмотрел на сотрапезников. Особенно ему не понравилась Мало. Она была одной из немногих, кто уцелел в драке, признав свою условную смерть после трех тычков: в висок, в межключичную ямку и в печень. Сейчас она сидела серая, как невыбеленное льняное полотно.

— Мы потеряем тебя, — сказала она наконец.

Лотар усмехнулся:

— Мы можем потерять кого угодно и когда угодно. Таковы наши судьбы.

— Только не тебя! — попросила Мало, но, осознав, что ее словам не придают никакого значения, поднялась, поклонилась и быстро ушла.

Рубос проводил ее взглядом, полным сострадания.

— Она права, мы потеряем тебя.

— Главное — не смерть, — ответил Лотар. — Главное — достижение цели.

— А твоя цель какова — наиболее эффективно покончить с собой?

— Я давно думал, как устранить из этого мира архидемона. —

Желтоголовый слабо усмехнулся. — Думал-то давно, да вот никак не мог признать, что пора действовать. Надеялся подработать то прием, то связку, то отшлифовать какую-нибудь комбинацию... Сегодня мне стало ясно: я готов. — Он повернулся к Стаку, который снова сел на свое место. — Вы помогли мне в этом.

— Если бы я знал... — Стак беспомощно развел руками.

— Нет, нет, все правильно. Вы оказали мне серьезную услугу.

— Подождите! — закричал Сухмет и поднял руку вверх. — Это не просто трудно, это невозможно. Понимаешь, господин, это невозможно!

— Почему? — Лотар спокойно повернулся к старику. Тот не стал сразу отвечать. И тогда Желтоголовый продолжил: — Он устроил нападение на Западный континент, который медленно, но верно — не без моей помощи, могу признать, — освобождался от засилья его слуг. Мы разрушили его планы и даже устранили Жалына. Тогда он послал цахоров. Они истребили большую часть моих учеников, и мы победили такой ценой, которая и сейчас заставляет меня...

Он опустил голову.

— Это понятно, — сказал Рубос. — Мы все это знаем.

— Он враг мне и моему делу, — сказал Лотар, справившись с собой. — Мы — враги, и что может быть естественнее, чем выяснение отношений между врагами в прямом поединке? — Ему никто не ответил. — Вот почему я подготовился и намерен отправиться туда, где он находится. И если Кроссу будет угодно, я убью его. Пришла пора ему умереть.

— Это невозможно, — твердо сказал Сухмет. Теперь он справился с волнением и стал так же холоден и рассудочен, как Лотар.

В уголках глаз Лотара появились крохотные морщинки.

— Ну хоть признай, что это очень трудно.

— Невозможно, — вдруг отчеканил Ди. — Дело в том, что Нахаб не живет на одном месте, и ты не можешь к нему отправиться, Учитель. Он живет в замке, который перелетает с места на место каждую полночь. И следующее место его появления не может предсказать даже Яйцо Несбывшегося.

Лотар повел подбородком влево:

— А если я просто вызову его на бой?

— Тоже нет, господин мой. В мире столько претендентов на его место... Если бы они имели привычку принимать каждый вызов, то архидемоны менялись бы раз в неделю. Ты представь себе тех, кем он повелевает, представь его слуг, и тебе все станет ясно.

Сухмет был убедителен, как никогда.

— Хорошо. Тогда нужно идти в этот его летающий замок...

— Неужели ты не понимаешь, что это тоже защита от претендентов? И притом самая эффективная. — Он нервно постучал пальцами по столу, дернул за золотой ошейник раба, который, если говорить честно, давно носил не по праву, а в память о своем первом господине — легендарном Харисмусе.

— Погоди. Как я понимаю, архидемон управляет или пытается

ся, по крайней мере, управлять всем миром зла. Он должен получать информацию, чтобы отдавать приказы...

— Чтобы выслушивать доклады, нет необходимости принимать гонцов. Он может принимать их, используя дальнотелеслушание, или, что вернее, у него есть коммуникационные машины, которые накапливают в его замке всю информацию, а он выуживает оттуда все, что ему нужно, принимает решения и ведет дела, — веско сказал Ди.

Лотар внимательно посмотрел на него:

— Чтобы принимать доклады, да еще с помощью дальнотелеслушания, летящий замок — не выход. Ты просто не сможешь каждый день сообщать даже жизненно важную информацию, если меняются условия связи, меняется место. Для надежной связи нужны стационарные, раз и навсегда отработанные каналы. Кроме того, я думаю, он не обходится рассеянной сетью своих согладатеев и исполнителей. Должны быть еще и гонцы, дублирующие наиболее сложные послания, должны быть склады и магазины, куда свозят материальные средства его власти, нужны лаборатории, где проводят магические эксперименты, и нужны тюрьмы, где обрабатывают непокорных... Я некоторое время был администратором и могу сказать, что это непросто. Если учесть масштабы его деятельности, мало города, подобного Лотарии. Но главное все-таки — информация, сведения, доклады, архивы и самая рутинная канцелярщина. Полагаю, для этого должно быть постоянное место, и оно у него есть. Иначе слишком велика возможность ошибок и сбоев.

Фой чуть растерянно посмотрел на своего учителя — Сухмета. Старый восточник вздохнул и вмешался:

— Ты прав, рассеянной сетью с меняющимися каналами он не обходится. Нужна канцелярия, и такое место действительно есть. По одной довольно старой легенде, в центре мира существует замок, где последние семьсот-восемьсот лет сидит некогда очень сильный серый волшебник Хифероа. Он как раз был мастером по информационным и коммуникативным машинам, и именно они получают, накапливают, обрабатывают, а потом уже пересылают обработанную информацию дальше, на приемники замка Нахаба.

— В центре мира? — переспросил Рубос. — Это там, где сходятся четыре континента и вздымаются горы, на которых не тают снега?

Сухмет по-фойски кивнул:

— Именно там. — Он подумал, потом добавил: — По легенде, когда-то Нахаб был именно тем существом, которое построило эту крепость. Потом он решил сам править, сверг предыдущего архидемона и принял этот титул по праву сильнейшего. Но чтобы с ним не повторилась та же история, сделал свой новый замок летающим и недосыгаемым.

— Но входы в этот замок существуют? — спросил Лотар. — Что-нибудь подобное транспортационным каналам, только гибким, чтобы они прорастали на каждое новое место, куда в полночь переносится этот его замок?

— Каналов нет. Чтобы не было искушения, Нахаб замуровал последний, по которому прошел сам.

— Но пища, вода, топливо для каминов, наконец! — не выдержал Стак.

— Время от времени замок попадает в такое место, где все это для него заготовлено. И поверь мне, ему переправляют не только топливо для каминов, но и многое другое, что делает жизнь Нахаба приятной и очень удобной. — Сухмет вздохнул: — Этим объясняется, в частности, исчезновение из нашего мира многих и многих шедевров искусства, да и просто редких вещей. По мнению старых летописцев, Нахаб был страшным барахольщиком, не думаю, что его характер изменился за те три тысячелетия, которые он правит.

— И он никогда оттуда не выходит? — спросил для верности Рубос, который любил по армейской привычке все не раз перепроверять.

— Никогда, — подтвердил Ди. — В этом просто нет надобности.

— А птица Сроф? — спросил Лотар.

— Птица выполняет роль единственного гонца, который может безошибочно прилетать туда, где этот замок появляется.

— Значит, если проследить... — начал было Лотар.

— Это невозможно. Птица Сроф — самое быстрое существо в мире. Она способна облететь наш мир за сутки и даже быстрее. К тому же она далеко не безопасна и безусловно предана своему господину. Это, повторяю, единственный гонец, специально задуманный и выведенный для того, чтобы, как ты, господин, ска- зал, дублировать самые важные послания и донесения.

— Если она так уникальна, как ты говоришь, — задумчиво проговорил Лотар, — странно, что она оказалась тогда в Ашмилоне.

— Значит, исход твоего поединка с Нуриманом интересовал архидемона, — отозвался Сухмет.

— То есть он знал о моем появлении из пустыни? — спросил Желтоголовый.

— Скажем так: ты возник не просто по совпадению непредсказуемых случайностей. Но тут мы приближаемся уже к такой предельной для нашего понимания игре космических сил, что даже я ощущаю желание отступить перед ними.

Лотар посмотрел на Сухмета насмешливо. Он не понимал, что скрывается за этой восточной велеречивостью — боязнь затронуть космические силы или нежелание объяснять сложные и delicate предметы несведущему в космогонии профану.

— Значит, у меня нет возможности встретиться с Нахабом?

— Ты понял правильно, господин, — кивнул Сухмет.

— Потому что он живет в летающем замке, куда я не смогу проникнуть, а сам Нахаб оттуда не выходит, потому что замуровал единственный подпространственный переход, по которому сам вошел в этот замок?

— Вот именно, — отозвался старый восточник.

Лотар улыбнулся и подвинул к себе чашу с разбавленным яблочным сидром, показывая, что сыт.

— Это я все и сам вычитал в твоих книгах, Сухмет. И это было бы правдой, если бы я своими глазами не видел, как архидемон, по крайней мере один раз, вышел из своего замка.

— Когда? — спросил Рубос.

— Когда отдавал приказ сахарам убить меня. Если ты помнишь, он собрал их в храме птицы Сроф в Поднебесной, и это доказывает, что вход в его летающий и якобы неприступный замок все-таки существует.

Глава 3

— Это ничего не значит, — громко сказал Рубос и стал наверстывать упущенное, громко стуча ножом о тарелку. — Это могли быть и эфирные эманации.

Сухмет, возмевшийся было сжевать кусочек яблока, подавился. Лотар посмотрел на Рубоса, и морщинок в уголках его глаз стало больше.

— Ты в этом уверен?

Рубос перестал жевать и кинул косой взгляд на Сухмета.

— А что? Разве такого не бывает?

Сухмет уже вытер случайную слезу и проглотил-таки злосчастный кусок яблока.

— Ты просто хотел сказать, что это могли быть фантомы. Дело в том, Рубос, что эфирная эманация, конечно, бывает, но это что-то такое сложное, что даже я затрудняюсь представить себе.

— Почему? — спросил Рубос.

Среди присутствующих он был, кажется, единственным, кто никогда не пытался обучиться даже азам магии.

— Эфирные сущности — эманации чего-то более плотного, — сдержанно пояснил Ди, — и не могут иметь своих эманаций, как зеркало не способно ничего отразить без исходного предмета.

— Это все детали. Главное, что вы меня поняли.

Обстановка за столом немного разрядилась. Исчезло предубеждение против затей Лотара, исчезла напряженность, каждый был внутренне готов хотя бы теоретически рассмотреть проблему.

Лотар кивнул:

— Мы поняли тебя, Рубос. — Он подумал, помешал сидр в кружке, отставил в сторону. — Можно мне вишневого компота? (Стак сорвался с места, словно пущенная стрела.) Только это не были какие-то эманации. Я видел телесное воплощение живых существ, даже я такое чувствую.

Сухмет горестно вздохнул, вытер руки от яблочного сока. Рубос с удивлением понял, что обед в этом доме подошел к концу. Он поневоле подумал, что с дороги у него еще кое-что осталось в продуктовом сундучке, и решил больше не раздражать хозяев. Да, очень все тут изменилось за последние два-три года, и ведь он тут

бывал, но как-то наездами, и только сейчас почувствовал все изменения.

— Да, они были живыми, — согласился Ди. — И это загадка.

— Ну вот. Значит, вход есть, как есть и возможность попасть туда. Нужно думать, читать. Вот и думайте, — очень мягко сказал Лотар. — Кстати, Ди, где именно находилась голова Сроф, когда ты сделал свою потрясающую запись?

— У нас в столице Поднебесной есть несколько храмов, которые относятся, так сказать, к малопочитаемым культам. Один из них посвящен Сроф. — Он подумал, но не над вопросом, а над тем, что за ним стояло, и добавил: — Нет, это нам ничего не даст. Если он даже свой дом таскает, как улитка, то вполне может никогда не появляться в таком месте второй раз.

Сухмет кивнул и не без гордости посмотрел на них. В последнее время он очень привязался к Ди и не собирался это скрывать.

— Да, пожалуй, — согласился Лотар, принимая из рук Мало компот.

Она появилась вместе со Стаком, судя по всему, ей стало лучше, по крайней мере, бледность исчезла. Зато появилась некая отстраненность, и неизвестно, что было хуже.

Года три назад Мало призналась ему в любви и стала его подругой. Через пару месяцев она попросила его жениться на ней, но Лотар отказался. Наверное, потому, что к тому времени уже решил во что бы то ни стало добраться до архидемона и просто-душно полагал, что, исполняя свой план, испортит жизнь девушке. Если бы он лучше понимал природу женской любви, то довел бы ситуацию до логического завершения.

Потом, когда его тренировки сделались совершенно неистовыми, ее отношение к Желтоголовому немного поостыло, и она снова вернулась в девичью казарму, но старалась всегда находиться где-нибудь поблизости. И Лотар был ей за это благодарен.

Его вывел из задумчивости голос Сухмета:

— Вообще-то, господин мой, у нас есть еще одна проблема. До сих пор я о ней ни разу не заикался, но сейчас поговорить об этом необходимо. Видишь ли, после того как Ди не без твоей помощи избежал нападения Киноза, путешествия по всему Западному континенту и побережью остальных континентов каждый раз контролируются особо.

Лицо Лотара осталось спокойным, лишь стало чуть более бесстрастным, чем мгновение назад. Рубос, жуя что-то, спросил:

— Что это значит, Сухмет?

— Это значит, почтенный Рубос, если в ком-то или в чем-то накапливается аура дальнего странствия, имеющая характерный зеленый цвет, этот человек, животное или предмет вызывает повышенное внимание соглядатаев нашего врага. Проводится расследование, и результаты уходят наверх.

— Куда?

— Вверх по иерархической цепочке. К существам или сущностям, которые принимают решения.

— Но пару раз я плавал на Северный континент, ходили на

дела и другие ордены, — чуть растерянно проговорил Стак. — И никто ничего не заметил.

Сухмет вздохнул. Ему было трудно говорить с немагом.

— И каждый раз вами занимались соглядатаи врага. К счастью, это были грубые, не очень обученные ребята, которые совершали ошибки. По ошибкам-то я и понял, что ведется слежка.

— Но почему? Зачем это нужно? — спросил Рубос.

Сухмет откинулся на спинку кресла, поднял глаза к потолку и деланно-беспечным тоном проговорил:

— Чтобы никто не сумел незаметно подобраться к жизненно важным центрам той сети, которую на мир накинул наш враг.

— Или чтобы никто не смог незаметно подобраться к нему самому? — спокойно спросил Лотар.

— Может быть, и так, — согласился Сухмет. — После гибели цахоров, которые, как я недавно понял, поддерживались силой магии, но и сами подпитывали своего господина по немыслимо сложным каналам жизненной энергией, которую отнимали у прочих существ, он стал слабее. У некоторых его друзей, союзников или слуг могла появиться идея, искус... Вот он и обезопасил себя. Скорее всего даже не от тебя, господин мой, а вообще — обезопасил.

Рубос наконец решительно отодвинул свою тарелку и налил в большой кубок вина. Потом разбавил его водой. Раньше за ним такого не было. Возраст, как оказалось, требовал умеренности даже от мирамца.

— Есть возможность обмануть эту слежку? — спросил Лотар.

— Если и есть, я ее еще не придумал. Хотя примерно знаю, что следует делать.

— А именно?

— Нужно идти очень маленькой группой — чем меньше, тем лучше. Без лошадей, предпочтительно порознь...

— Лучше вообще не ходить, — буркнул Рубос.

Сухмет продолжил:

— Нужно как можно чаще сбрасывать ауру зеленого спектра, если получится, даже на посторонних людей: они не испытают никаких неудобств, кроме мимолетного желания прогуляться, навестить родных... Еще можно рассеивать ее между большим числом оседлых жителей, например в городах — там вообще можно так затеряться, что приборы архидемона или его слуги нас не найдут. Следует взять не очень много предметов, потому что предметы тоже накапливают зеленый спектр, а энергии на его подавление нужно много.

— Мне почему-то кажется, — сказал Лотар, — что ты все это вполне сумеешь проделать. И твое заявление, что ты ничего не придумал, неправда.

— Я смогу, но это в любом случае означает, что тебе в бою придется рассчитывать только на себя. Я почти всегда буду вымотанным, и энергии моей не хватит, даже чтобы остановить полет мотылька, как сказано в одном старом трактате.

Лотар вздохнул:

— Я и рассчитывал только на себя. Никого другого я не возьму с собой.

— Как же так, Учитель? — почти вскричал Стак. — Разве не наше дело — быть с тобой?

В зале повисла тишина. Она была такой полной, что слух стал обостряться помимо воли. Через несколько секунд Лотар уже без труда слышал голоса и стук инструментов, которые долетали из Заречья, где строительство ремесленной слободы шло полным ходом даже в вечерние часы. Слышал разговоры речников на пристани, переключку учеников Фехтовальной академии, заканчивающих занятия...

— На этот раз, Стак, вы останетесь дома. И не потому, что маленькая группа пройдет незаметно, а большую засекут и атакуют. Причина еще в том, что ваша помощь не сыграет никакой роли, если все получится так, как я задумал.

— Но, Учитель!..

— Стак, я прошу... Прошу тебя. Это будет бой — если будет, — в котором все решит качество, а не количество.

— Если нужно качество, мы добьемся его. Мы будем тренироваться, как ты, каждый день по восемь-десять часов, мы постигнем ту технику, которую ты изобрел в последнее время, и тогда...

— Это невозможно, — раздельно произнес Рубос. — Стак, тренироваться так, как Лотар, уже тяжело, но еще, может быть, и реально. Но достигнуть того, чего добился он, — нет. Это за пределами человеческих сил. Поэтому я предлагаю: пойдем вдвоем — Лотар, Сухмет и я. И если...

Вдруг прозвучал очень тихий голос Ди. Но его все услышали:

— Я предлагаю все-таки подумать: зачем мы идем?

Рубос решил прояснить ситуацию:

— Видишь ли, Ди, хотелось бы избавить мир от архидемона.

Лотар кивнул:

— Иначе он все равно не оставит нас в покое, так и будет убивать людей и строить козни. Как он убил моих учеников.

— Значит, мы обсуждаем тут всего лишь возможность мести?

— Нет, конечно, — ответил Лотар. — Но если не довести мое дело до конца, оно каким-то образом обесмысливается.

— Неужели ты не понимаешь, Учитель, что на смену ему тут же придет другой такой же?

— Не бывает совсем такого же. И потом, не может быть, чтобы он пришел в тот же миг. Может быть, целое поколение людей будет жить без воплощенного зла. К тому же, когда он придет, те, кто будет после нас, непременно захотят от него избавиться, потому что один раз — нам — это удалось. И они с ним справятся, потому что однажды такое уже было. Может быть, в этом и есть мое дело, а не в том, чтобы создать академию или даже Белый Орден.

— Ты сейчас гораздо отчетливее, чем кто-либо из нас, признал, что победа твоя, как бы дорого за нее ни заплатили, дело временное, — печально, но очень убедительно проговорил Ди.

— Конечно, — неожиданно согласился Лотар. — В силах чело-

века вообще решать лишь временные проблемы. Я не претендую на большее. Я живу в одно время с этим врагом, и я собираюсь справиться со своим врагом. Придут другие люди, пусть они справляются со своими врагами. Это один из принципов жизни. И он вовсе не означает, что я должен бездействовать.

Внезапно Сухмет наклонил голову и хлопнул ладонями по столу:

— Господин мой, я должен признать: ты стал очень хорошо понимать суть воинского искусства.

И тогда Ди, который собрался было что-то возразить, захлопнул рот и задумался. Стало заметно, как он опечален.

Глава 4

В путь они отправились незадолго до полудня, шагая по главной дороге, раскланиваясь с горожанами, которые при встрече с Лотаром почтительно снимали шапки. Немного — с милю — с ними вместе прошла и Мало. Она почти по-детски норовила держать Лотара за руку. Когда он вынул свою руку из ее горячих пальцев, она вздохнула, на прощание сделала перед Лотаром охранный жест Кросса, а потом пошла назад. Сухмет прошептал очень спокойно:

— Она считает, что никогда больше тебя не увидит, господин мой.

Лотар кивнул, повернулся и стал догонять Рубоса. Тот шел рядом с Ди, и они рассуждали о понятиях «зрелость» и «старость» в западных странах и в Поднебесной. В последнее время такие умозрительные проблемы стали весьма интересовать Рубоса.

На привале Рубос вдруг заметил в Сухмете странные перемены и, прожевав свой кусок, заинтересованно спросил:

— Сухмет, я не вижу на тебе Утгеллы. Или ты достиг такого совершенства, что умеешь ее уменьшать до размеров кинжала?

В самом деле, на Сухмете не было никакого оружия, только на поясе болтался скромный нож, подходящий больше для еды, чем для боя.

— Утгелла — прекрасная сабля, но она будет слишком заметно накапливать ауру путешествий. И клинком, и своими украшениями. Я пришел к выводу, что тащить ее в этот поход неразумно.

— Ага, понимаю, — глубокомысленно проговорил Рубос. — И по этой же причине ты идешь в простом халате, а не в немислимой парче, как обычно?

Сухмет подумал и вдруг произнес вполне серьезно:

— Ты прав лишь отчасти, Рубос. Вторая часть правильного ответа в том, что наш друг Ди убедил меня в красоте простоты.

Лотар чуть не подавился сушеным фиником, который в это время жевал.

— Ты уверен? — спросил он. — Уверен, что именно Ди явился для тебя примером, достойным подражания?

Сухмет посмотрел на Лотара, который отправился в путь, как

он поступал многие и многие годы, — в самом простом комбине-зоне, улыбнулся и ответил:

— Мне ли не знать, что творится в наших головах?

Значит, это была правда — Ди не только учился у восточника, но и заразил его своим аскетизмом. Именно Ди, а не Лотар и не другие достойные учителя, которые были в жизни Сухмета. Потрясающе! Лотар решил присмотреться к отношениям восточника и фоя более внимательно.

Идти с ними рядом было легко и спокойно. Лотар думал о Мало, об их любви, о том, что когда-нибудь, если он выживет, ему будет нужно, чтобы кто-то ждал его возвращения, и тогда он оценит этот дар по достоинству. А пока не следовало нагружать девушку своей судьбой, ей и так досталась чрезмерно тяжелая доля, как у каждого, кто стал орденцем и принял свою часть извечной борьбы со злом этого мира.

Ближе к вечеру, когда они уже пересекли границу Лотарии и пора было искать ночлег, Рубос вдруг заволновался, что не оставил распоряжений своему душеприказчику. Его спутники отозвались ехидными замечаниями, но потом выяснилось, что мирамца волновала главным образом судьба четырех жеребцов и пяти кобылок, которых он только что купил у восточного торговца за астрономическую цену. Это было другое дело. Лотар предложил сделать небольшой крюк и зайти в Мирам, чтобы и лошадок посмотреть, и распоряжения сделать, но Сухмет стал ворчать, что к этому делу следует относиться более серьезно. Рубос приуныл, и они направились к морю гораздо восточнее Мирама.

За Клевинскими горами начались настоящие дороги, сменившие диковинные лесные тропы, и пару раз они даже могли нанять повозки, но Сухмет отказался наотрез. Он и так каждый вечер перед сном по два-три часа сидел, задумчиво глядя то на звезды, то на Запад. За время этих медитаций аура путников ошутимо менялась. Лотару казалось, что он чувствует утечку энергии, но Желтоголовый доверял восточнику, и, судя по тому, какое восхищение эта работа вызывала у Ди, который не отходил от своего учителя ни на шаг, старик все делал правильно.

На корабль они сели в старом порту Сайта, где уже ощущалось дыхание Востока. Тут их ждало небольшое разочарование: плату за проезд им назначили гораздо выше, чем они ожидали, и Ди с неожиданно проснувшимся в нем ехидством даже предложил устроить показательные бои на манер восточных представлений, чтобы заработать, но Рубос сделал проще. Он отправился в местные торговые кварталы и через пару часов вернулся с мешком золота и двумя аккредитивными письмами в отделение Мирамского банка в Техеру — порту их назначения.

Плавание прошло с комфортом. Крутобокий неф уверенно нес их по волнам, которые с шипением откатывались назад. Сидение в каюте, которую им выделил капитан, казалось просто бездельем в павильончике над морем, каких довольно много стали строить в Мираме новоявленные богачи. Сухмет и тут работал как заведенный. Глядя на него, Лотар чувствовал себя не очень

уютно, но тренироваться на палубе не решался. Да и Рубос не советовал:

— Я далек от того, чтобы считать матросов, этих просоленных кочерыжек, которых лишь случайно принимают за нормальных людей, серьезными воинами, но стоит тебе, Лотар, даже перед ними помахать мечом с четверть часа, как они тебя тут же признают. Тем более что тренировочного меча при тебе нет, и придется работать Гвинедом, а уж о нем-то легенд в последнее время придумали столько, что любой мальчишка его узнает с первого взгляда.

— Неужели? — искренне удивился Лотар.

— Ну, как тебе объяснить? — прищурился от яркого солнышка, льющегося в узкие корабельные окошки, Рубос. — В наших краях довольно редки настоящие восточные мечи, ты разве этого не замечал?

Пришлось Лотару проводить время в медитациях, чтобы не трять сноровку. Конечно, тренировка, проделанная в сознании, — совсем не то, что настоящая работа в додзе, но лучшего он придумать не смог.

Желтоголовый надеялся, что пираты, паруса которых пару раз показывались на горизонте, пойдут в атаку и он сможет поработать с мечом в ситуации, приближенной к настоящей, но подозрительные корабли уходили за горизонт или прятались в складках берега, не делая ни малейшей попытки приблизиться. Сухмет объяснил это так:

— У главарей хватает ума не просто держать на борту колдунов, но и слушать их советы.

— Они что, узнали, что я на борту? — забеспокоился Лотар.

— Нет, не думаю. Просто звезды, или кости, или что-то еще, по чему тут принято гадать, предсказывают неприятности. На тебя это, будем надеяться, не указывает, господин мой.

Лотар успокоился.

В Техеру — большом и очень пыльном городе, где удивительно смешалось множество стилей, народов и цивилизаций, — Сухмет вздохнул с облегчением. Он сумел каким-то очень сложным трюком — суть которого не понял никто, даже, кажется, он сам — рассеять их ауру путешественников между жителями относительно благополучных кварталов города, и теперь треть оставшейся дороги до центра мира, который находился от Техеру не более чем в месяце пути, мог об этой проблеме не думать.

В радужном настроении, удивляясь тому, что все у них пока получается в высшей степени удачно, они и отправились в Бахару — столицу мира, как иногда местные жители хвастливо называли этот действительно древний восточный мегаполис. Он располагался в центре небольшого пустынного полуострова, отходящего от соединяющей все четыре континента мощной перемычки, примерно по четыреста миль от края до края, густо покрытой высокими, большей частью необитаемыми горами.

В Бахару они запаслись провиантом и, по совету Ди, некогда проходившего этот город по пути из Поднебесной в Лотарию,

даже передохнули пять дней. Впереди их ждали пустыни, горы, снега и вполне вероятная перспектива ничего не найти там, куда они направлялись. Сухмет выяснил на рынке, Рубос — в местном купеческом сообществе, а Лотар — в библиотеке местного медресе, что центром мира разные люди называли совершенно разные точки. Таким образом, место, которое требовалось исследовать, становилось широким, как тень ночи, по образному выражению Ди.

В путь они отправились довольно весело. И лишь к исходу второго дня настроение вдруг испортилось. Начало этому положил Сухмет. Провозившись, по своему обыкновению, с их «зеленью», как он называл теперь их ауры, он лег на свое одеяло и, глядя на звезды, произнес:

- Завтра что-то произойдет.
- Горы начнутся, — предположил Рубос.
- Нет, что-то еще.

Он пролежал почти полчаса, серьезно раздумывая об их ближайшем будущем, потом вдруг так же уверенно произнес:

— Только не пускайте в ход оружие, иначе нас распознают и все рухнет.

— Что именно рухнет? — снова спросил Рубос.

— Наше предназначение. Нас просто не пустят дальше какого-то барьера, который установят, если узнают. А так... Эта неприятность из тех, которые сами потом и рассеиваются.

Лотар решил не вставать со своей подстилки, что бы ни произошло. Но подняться все-таки пришлось, когда грязный и грубый сапог воткнулся ему под ребра и зычный простуженный голос произнес с сильным восточным акцентом на северном койне:

— А ну вставай, отродье! Вы прибыли по назначению.

Это оказалась небольшая кучка грабителей, человек тридцать. Скорее даже крестьян, которые решили подработать на большой дороге.

Лотар, конечно, почувствовал их задолго до того, как они, думая, что остаются незамеченными, стали вытаскивать из-под рук якобы спящих путников оружие. Но, помня о предупреждении Сухмета, никто не шевельнулся. И Желтоголовый был вынужден наблюдать, как его Гвинед, прищурившись, крутил в грязных немелких руках какой-то бородач.

Их согнали в кучу, обыскали, надавав обидных пинков. Рубос попытался было возмутиться и даже пару раз заехал обидчикам в ухо. Разбойники первым делом принялись за еду, которую Сухмет заготовил на две недели пути.

Когда от еды остались лишь воспоминания, их связали и под улюлюканье куда-то повели. Деньги, от которых за время путешествия от Сайты осталось не так уж много, привели разбойников в восторг.

Они шагали два дня и, в общем, в нужном направлении. Плохо было только то, что воды им давали очень мало, а есть не давали вовсе, и поэтому, когда они пришли в деревеньку, состоящую из пяти десятков глинобитных хижин, Лотар и его спутники представляли собой весьма печальное зрелище.

Их бросили в глубокий и сырой подвал, в котором не было ничего, даже крыс. Рубос, который кипел от гнева больше, чем остальные, не удержался и спросил Сухмета:

— Ну и как мы из этой передраги выберемся?

— Да ладно, — миролюбиво произнес старик. — Это не настоящие разбойники, справимся как-нибудь.

Третий день их снова продержали без кормежки. Правда, воды на этот раз принесли много, но она была коричневой и такой отвратительной на вкус, что даже Лотар, кажется, был не прочь размешать в ней изрядную долю вина. Но вина, конечно, не было, и пришлось ему пить противную воду, лишь мысленно превращая ее в свой любимый вишневый компот.

Когда совсем стемнело, их позвали к предводителю разбойников. Им оказался тот самый бородач, который забрал себе Гвинед. Теперь он сидел на старом, драном одеяле во дворе низкого дома с плоской крышей с пиалой чая в руках, окруженный десятком помощников.

— Как вас зовут, путники?

Лотар, которому связали сзади руки, представил, как он, нарастив мускулы, разрывает путы, а потом разделяет всю эту ватагу под орех, но ответил вполне миролюбиво:

— Имена наши не имеют значения. Давай сразу перейдем к делу. Скажи лучше, чего ты хочешь?

Бородач удивился. Или сделал вид, что удивился:

— Ну, если ты такой отважный, ладно, я признаюсь тебе, что меня зовут Азмир. И я хочу получить за вас жирный выкуп. — Чтобы у Лотара не осталось сомнений, он пояснил: — Золотом.

Желтоголовый пожал плечами:

— Идем мы издалека, знакомых поблизости нет, так что выкупа ты скорее всего не получишь.

Тут один не в меру пылкий дуралей попробовал ударить Лотара, однако Желтоголовому это стало надоедать. Советы советами, но пора и честь знать. Одним ударом ноги в шею он вырубил наглеца, а потом сказал, глядя Азмиру в глаза:

— И прикажи твоим храбрецам держать себя в руках, ведь всякое может случиться.

— Например? — стараясь выглядеть уверенным, спросил Азмир.

— Например, твои веревки окажутся гнилыми. — С этими словами Рубос, которого тоже связали, вдруг, почти не напрягая рук, разорвал свои путы и стал неторопливо растирать запястья.

Азмир что-то прокричал. Десяток вояк, почти мальчишек, тут же ввалились во двор дома с маленькими восточными луками, взяли пленников под прицел, но Лотар, который, не трансмутируя, разорвать веревку не мог, заявил:

— Значит, так, без еды разговор не получится.

Азмир еще раз выкрикнул что-то со злобой. Их отвели в тот же подвал, но часа через два принесли свежее испеченные лепешки, сыр и пучок странноватой, но удивительно вкусной зелени. Даже вода в кувшине стала чуть лучше.

А совсем за полночь Азмир уже один, без мальчишек с луками,

спустился к ним, чтобы поговорить. Оглядев стены и зябко дернув плечом, он присел на ближайший пук соломы, которую пленным бросили вместо постелей, и проговорил:

— После нашего разговора во дворе моего дома я много думал.

— И к чему это тебя привело? — обеспокоенно спросил Рубос.

— Вот что меня удивляет... С самого начала удивляло: почему вы не бились? Вы ведь не испугались даже?

Лотар почувствовал мгновенное напряжение Сухмета. Это он навязал им правила игры, предложив не пускать в ход оружие. А так как Азмир обращался к нему, безошибочно посчитав его главным, Желтоголовый ответил:

— Мы ищем путь к центру мира, дали обет не применять оружие, пока не найдем его.

Азмир удивился:

— Разве так можно — не применять оружие? А для спасения своих жизней?

— От вас, что ли? — с презрением спросил Рубос.

Но Лотар осадил его взглядом и ответил:

— Мы и без оружия сильнее, чем вся твоя кодла с мечами. Это ведь только крестьянам кажется, что меч делает воина.

Азмир вытер вдруг выступивший на его бровях пот.

— А разве не так?

Лотар рассмеялся:

— Ну, вот ты и ответил на свой вопрос.

Азмир подумал. Потянулся, отхлебнул из глиняного кувшина, в котором пленным принесли воду.

— А что находится в центре мира?

Это было уже по части Сухмета. И старик произнес:

— Ничего, а может быть, что-то.

Азмир посмотрел на него. Его восточные, чуть навывкате глаза блеснули как темные драгоценные камни в свете единственной масляной плошки, которая больше коптила, чем светила.

— Я слышал, что неподалеку от центра стоит дворец Повелителя царей. Колдуна, которого никто не видел, — Хиферу. Но я там был раз двадцать и никакого дворца не увидел. Хотя, что и говорить, странное это место. Иногда таких... шайтанов встретишь, что потом не можешь спать по ночам.

Сухмет сразу заинтересовался:

— Мы, собственно, ищем колдуна, которого зовут Хифероа. Без сомнения, это тот же человек, которого ты величаешь Повелителем царей. Ты знаешь это место?

Азмир думал о чем-то другом и не сразу понял:

— Какое?

— Центр мира, — пояснил ему Рубос тоном, от которого хотелось встать по стойке, как на плацу, и отрапортовать громко и внятно.

— От деда узнал, другого и быть не может. — Азмир подумал немного, а потом сам спросил: — А кто сказал, что я вас отпущу?

Глаза Лотара стали спокойными, как будто он любовался прудом в тихий осенний день.

— Не будешь же держать? Вы нас всей деревней не прокормите.
— Ну, я могу заставить вас отработать все, что вы сожжете. — В голосе Азмира появилась запальчивость.

— Отработать? Как? — Рубос даже наклонился, чтобы в скудном свете увидеть лицо предводителя разбойников.

— Вы все вполне сможете быть разбойниками...

Хохот в четыре здоровые глотки заставил стражников заглянуть в подвал.

— Нет, — покачал головой Сухмет, — разбойниками мы не будем. Да и тебе не советую.

Азмир от этого смеха насупился, но ругаться не стал.

— Почему?

Лотар пояснил:

— Плохо кончишь, удача пока была с тобой, но теперь скорее всего все кончится.

Азмир стал подниматься по вырубленным в глине ступеням. Рубос прокричал ему вслед:

— Сам посуди, какой из тебя разбойник? Ты даже меч держишь, как грабли...

Укладываясь спать, Сухмет спросил, ни к кому особенно не обращаясь:

— Может, мы зря его так? У него есть самоуважение, а мы с ним, словно с мулом в ярме?

— У него-то самоуважение? — переспросил Рубос. — То-то он занимается грабежом...

Лотар хмыкнул:

— В тебе говорит бывший охранник караванов, Рубос. Ты не считаешь бандита за человека. А для большинства на этих землях грабеж — нормальная хозяйственная деятельность, и многие женщины даже рассчитывают на это как на законный приработок своих мужей.

— Нет, я так думать не могу, — ответил Рубос, подумал и добавил: — И другим не советую. Видишь ли, Лотар, мир меняется.

Ди сухим смешком дал понять, насколько мало он в это верит. Ему, фео, представителю и выученику цивилизации, пережившей за три тысячи лет разное, это было простительно.

Попутру дверь наверху снова зашкрипела. И послышался шепот Азмира:

— Вставайте, стражников я отпустил.

Лотар, а за ним и Рубос быстро, по-военному, поднялись к разбойнику. Он держал собранные в охапку мечи, дорожные сумки, даже одеяла и фляги для воды.

— Берите оружие и давайте отправляться в путь. Только скорее, пока никто не проснулся. Я вас провожу.

— Куда? — не понял Рубос, с удовольствием затягивая на себе перевязь с огромным гурхорским ятаганом.

— К центру мира.

— А что ты скажешь своим людям? — спросил нежданного освободителя Лотар, с не меньшим удовольствием, чем мирамец,

ощущая за плечом тяжелое, мерное покачивание Гвинеда, а у пояса — дружескую твердость Акифа.

— Им вообще знать ни о чем не нужно.

— А деньги? — спросил Сухмет.

— Нет, деньги я взять не смог, они останутся тут. Иначе будет погоня.

— Я не о том. Все-таки ты тут предводитель, у тебя должна быть казна.

— Какая казна, едва на хлеб хватало. Кстати, за то, что я вас провожу, вам придется кормить меня.

— Кормить? — удивился Рубос. — А чем? Что ты нам оставил?

— Я выполню свою работу, а вы — свою, — вздумал упорствовать Азмир.

Лотара это вполне устраивало.

— Хорошо, не спорьте. Найдем, как прокормиться. Ди, ты готов?

Но он мог бы и не спрашивать. Фой уже стоял за плечом Сухмета и поправлял своему учителю ворот халата. На миг блеснуло золото старого ошейника. Глаза Азмира чуть не вылезли из орбит.

— Как же так? — Он оглянулся на Лотара.

— Видишь ли, — проговорил Сухмет, — чтобы не искушать понапрасну, я сделал его невидимым.

— А ты и купился, — поддел разбойника Рубос.

— Все к лучшему, — завершил дискуссию Лотар. — В путь, мы и так тут изрядно задержались.

Глава 5

Горы, снег и постоянный свистящий ветер — вот каким оказался подход к центру мира.

Лотар даже не ожидал, что ему придется так разочароваться в себе, он чувствовал головокружение, странные спазмы в животе и слабость в руках. Сухмет пояснил, что это признаки высокогорной болезни, но Лотар уже не раз во время своих скитаний поднимался очень высоко в горы, и почти всегда такие приступы бывали слабее, а тут... Это были скорее всего признаки какого-то магического испытания, вроде колокольчиков, которые предупреждают об угрозе. Вот только ничего угрожающего пока не было заметно.

Впрочем, колокольчики тоже тренькали. В первый раз Желтоголовый услышал их, когда путники переправились через бездонный узкий каньон, образованный, вероятно, рекой. Но саму реку путники не увидели, она была закрыта то ли туманом, то ли облаком мельчайшей водяной пыли.

Но и после переправы колокольчики не стихли. Лотар озирался по сторонам весь день до самого вечера, но так и не понял, почему они звенят. И лишь темнота выдала причину — белые вол-

ки. Большая, голов в сорок, стая зверей с глазами, горящими от голода и предчувствия драки, шла по их следу.

Лотар тут же послал сигнал предупреждения Сухмету. Восточник обследовал неожиданных противников и их ауры и объявил, что нападать они решили под утро. Это развеселило Рубоса. Его позабавило, что им известно о намерениях хищников, которые даже и не предполагают, на кого собираются напасть. Конечно, это была реакция усталости. Тяжелеющий, мало тренирующийся в последнее время Рубос попросту стал незаметно сдавать.

Лотара стая волков вдруг задела за живое. На первой же относительно ровной площадке, по колено засыпанной снегом и обдуваемой всеми ветрами, он сел в позу медитации и попробовал войти в сознание какой-нибудь из этих зверюг. Ему попалась очень мощная, весом фунтов в четыреста, самка с тяжелыми челюстями. Волчица всякого повидала на своем веку, умела выжить в любых передрыгах и горела неистовым, слепым желанием защитить свою стаю, в которой многие были ее детьми или потомками ее детей. Такого зверя ничто не могло остановить, только смерть.

Лотар предложил ей подойти ближе и посмотреть на него. Она приблизилась, ее сверкающие зелено-желтым огнем глаза оказались на расстоянии локтей двадцати.

Краем сознания Лотар почувствовал, что все его спутники затали дыхание, пытаясь понять, что происходит. И когда волчица уже почти решила, что и в одиночку сумеет справиться с путником, спокойно сидящим всего в паре прыжков, Лотар ментально вдруг обратился в черного дракона.

Он вырастил себе мощную кожу, по которой скользили бы когти этой жалкой волчицы, создал мощную голову с челюстями, способными перемалывать хребты самых сильных волков, словно тростинки, сделал себе лапы с длинными, кривыми и острыми, как сабли, когтями... И он наполнил себя голодом, желанием разрушать, рвать, мять, пожирать горячее, сочащееся кровью волчье мясо...

Волки в панике исчезли, но больше всего перепугался Азмир. Впрочем, он быстро успокоился, решив, что Лотар великий колдун, который умеет говорить с животными. Никто не стал его разубеждать.

Путники шли еще несколько дней. Вернее, не столько шли, сколько ползли в этом яростном, ледяном, сверкающем тысячами ослепительных бликов аду.

Лотару пришлось нарастить на глаза темную, не пропускающую умопомрачительного сияния снега пленку. Рубос и Азмир опустили на глаза плотные тканевые повязки и все равно видели через них достаточно, их не нужно было вести. Сухмет так сузил разрез глаз и зрачки, что шел, высоко подняв голову, нимало не заботясь о снежной слепоте. Ди оказался самым цивилизованным: на привале он достал темную пластинку из стекла, прокоптил ее на костре и сплел из толстых нитей своей шапочки особую

повязочку, которая удерживала стекло на глазах не хуже самой удобной оправы.

Еды осталось мало, и, если бы Сухмет заранее не приготовил одно из своих снадобий, поддерживающих силы, они уже давно ослабели бы. Это была смесь из мелко нарезанного чеснока, черных жирных бобов, растертых в порошок, волокон сухого рыбьего мяса и засахарившегося меда — совершенно немислимая на вкус. Чувство голода она не утоляла, но, проглотив горсть этой мешанины с пригоршней снега вместо воды, можно было идти без лишних привалов.

Наконец наступил миг, когда Азмир, который на этот раз выбился вперед, подошел к высокому пику, торчавшему словно примятый колпак на голове городского шута, остановился и произнес:

— Мы пришли.

— Что? — переспросил Рубос.

Азмир оказался слабее всех. Он устал даже больше, чем почтенный Сухмет, и сразу же разложил одеяло на ближайшей обледенелой глыбе, уселся и снял повязку. На его лице, потемневшем от горного солнца, ярко выделялась белая полоса вокруг глаз.

Лотар осмотрелся. Они стояли на высоком куполе, как бы выступающем из довольно правильного, словно лезвие гигантского меча, горного хребта. Колпак, который венчал эту голову, возносился вверх на сотни футов монолитной скалой. А в клубящихся тучах скрывались уходящие под самое небо вершины.

— Ты уверен? — спросил Желтоголовый.

Азмир обнажил в кривой усмешке неровные желтые зубы:

— Не был бы уверен — не говорил бы.

Лотар осмотрелся. Совершенно определенно никакого замка тут не было. Он растерянно оглянулся на Рубоса, на Сухмета. Старик был спокоен, непонятно, на что он надеялся.

— Ну, и что будем делать? — спросил он.

— Нужно посидеть, подумать, — ответил Сухмет. — Ты же сам говорил мне, что чувствуешь это.

— Что это? — спросил Рубос.

Но Лотар уже понял. Сухмет имел в виду пресловутое Лотарово головокружение, слабость, какую-то юношескую неуверенность... Конечно, это не горная болезнь, а что-то иное. Сухмет подумал и пояснил скорее не Рубосу, а самому себе:

— Вероятно, это можно определить как несовпадение видимости и явности.

Они расположились на ночлег рано, решив дать наконец отдых измученным мускулам. Расслабиться после долгого перехода было приятно, но Лотар все-таки никак не мог примириться с тем, что они ничего не нашли. Это его так озаботило, что он даже не обратил внимания на колокольчики и опомнился, только когда в десяти футах из туманной мглы наступающей ночи вдруг выплыла морда давешней белой волчицы.

Рубос схватился за оружие, даже Сухмет попробовал резко выгнать из своего посоха, как сок из виноградной лозы, какую-то

смертоубийственную магию, чтобы отбить внезапное нападение, но... Лотар знал, что это не нападение. Волчица пришла к нему.

Он снова принял позу предельной сосредоточенности и стал обследовать ее сознание. И сразу же понял, что теперь это не просто волчица. Поверх простых и очень ясных импульсов животного в этом теле, мозгу и ауре чувствовалась некая почти неосязаемая «вуаль» какого-то гораздо более разумного и могущественного существа. К тому же Лотара не оставляла мысль, что он встречал это существо, только не понимал, где и когда.

Сосредоточившись, он послал на внутреннем языке первый сигнал:

— Ты кто?

И тогда нежно, словно журчание ручья в июльский день, и ласково, как первый глоток воды после долгой жажды, зазвучал далекий, напевный девичий голос:

— Я — виана, или, говоря по-вашему, фея-охранительница. Зовут меня... — Она сделала паузу; как и все магические сущности, она трепетала, когда нужно было назвать личное имя — даже не секретное, а явное: — Ду-Лиан.

Лотар вспомнил: вианами называли существа, не имеющие ни формы, ни тела, ни особой силы... О них мечтал каждый из великих колдунов, потому что, пока виана с тобой, тебе практически ничто не грозит. Практически никакая сила в мире не способна нанести вред тому, кого взяла под свою опеку виана.

Никто не знал, когда и как действуют вианы. Лотар вообще считал, что это сказки, досужие бредни тех, кто никогда никакой магией всерьез не занимался, но вот оказалось, он ошибался.

— Твой голос я когда-то уже слышал...

— В прошлый раз мы разговаривали, когда я была в теле слониhi, глупой и запуганной, но она помогла тебе в бою с мантикорой.

Лотар тут же вспомнил горячие белые камни оазиса Беклем, мантикору, запах своей смерти, который забивал ноздри, как колючий песок...

— Значит, это была ты?

— Мне тогда казалось, без меня ты не победишь. Я еще не раз приближалась к тебе, но ты этого не чувствовал... Я старалась, чтобы это было неясно.

— Например? — спросил Лотар, концентрируя свое внимание на способности видеть давно происшедшие события, словно они произошли только сейчас, минуту или две назад...

И тогда он вспомнил: Клетка Планы, за его плечом странно поет неизвестная птица, а ему предстоит первая битва с цахорами... И еще он вдруг вспомнил старушку, которая хотела то ли угнать их лошадей, когда они пытались раскрыть заговор Гергоса из Мирама. то ли в самом деле охраняла их...

— Довольно, я верю тебе.

Виана вдруг развеселилась:

— Это меня утешает.

— Как ты оказалась в теле волчицы?

— Так же, как оказываюсь в телах других существ, если они не слишком разумны. Их интеллект мне мешает. Ты же знаешь, я не существую сама по себе.

Краем сознания Лотар попросил Кросса помочь ему добиться дружбы того существа, которое теперь смотрело на него через желтые волчьи глаза, и задал следующий вопрос:

— Она из стаи, которую я прогнал?

— Да. И то, что ты сделал, было правильно. Я объяснила им, что это лишь малая часть выкупа, который ты мог бы с них взять, и взяла себе волчицу без труда.

— Я не воюю с животными...

Внезапно в их разговор вмешался надтреснутый голосок Сухмета. Он, разумеется, уже давно слушал, о чем они говорили:

— Высокочитимая и Всесильная госпожа, должен напомнить тебе — не воюю, пока не голоден.

«Вот это да, — подумал Лотар, — он величает эту фею так, как коронованных особ никогда не величал. Что это значит?»

Виана снова усмехнулась. Она оказалась очень веселой особой. На волчьей морде это отразилось мало, но все-таки колючее выражение ее глаз смягчилось, а напряжение в лапах ослабло.

— Если бы ты расправился с волками, это было бы невозможно, — добавила Ду-Лиа.

— Не понимаю.

«Я тоже не понимаю», — мысленно добавил Сухмет.

Ду-Лиа разочарованно проговорила:

— Я не берусь объяснить; вы не понимаете логики животных, но это было бы невозможно.

Почему-то сейчас, в состоянии сосредоточенности, Лотар ни о чем другом думать не мог. Он спросил снова:

— Они не дали бы тебе тело волчицы?

— Нет. Я могла бы его и так забрать.

— Может, они не навели бы тебя на нас? — спросил Сухмет.

— Я плохо ориентируюсь в этом мире, но тебя, Желтоголовый, чувствую всегда.

Так, кажется, они оказались перед неразрешимой загадкой, не стоило тратить на нее силы. Лотар решил просто поменять тему:

— Ду-Лиа, почему я?

— Это долг.

— Если это долг, почему я раньше ничего об этом даже не подозревал?

Виана стала слегка уставать. Она, кажется, была очень спокойным существом, но это не значило, что она не способна была сердиться.

— Ты, как и все остальные в твоём положении, должен об этом узнавать, когда отправляешься выполнять свое предназначение. Не раньше.

Лотар подумал и все-таки решился задать еще вопрос:

— Теперь ты все время будешь со мной?

— Долгое время.

— Значит, это и есть его предназначение? — спросил Сухмет. — Кстати, что из этого получится?

«Он решил болтать без умолку», — с легкой досадой подумал про старика Лотар. Но тот продолжил:

— Знаешь, госпожа Ду-Лиан, дело-то очень трудное, и я не уверен. По Яйцу Несбывшегося искося это не прочтешь, а напрямую спрашивать страшно — насторожу противника.

Ду-Лиан вздохнула, она склонна была понимать речь людей лишь в малых дозах.

— Идите дорогой, которая стелется под ноги.

Желтоголовый наконец догадался, что больше они ничего от вианы сегодня не добьются. К тому же волчица вдруг подползла к его ногам, выбрала себе удобную впалку между двумя камнями и совсем по-собачьи свернулась калачиком, укрыв нос хвостом.

Неожиданно Лотар понял, что просидел так не очень долго, может быть, минут пять. У него даже не успело затечь тело, но ощущение чуждости, какое бывает при очень глубоких медитациях, уже появилось. Руки казались невероятно тяжелыми, голова существовала как бы сама по себе, даже мысли словно бы принадлежали другому человеку.

Азмир вдруг громко спросил:

— Она что, так и будет теперь с нами?

Лотар встал, присел пару раз, посмотрел на пустытника. Их проводник определенно не понимал, что тут происходило, и боялся волчицы. Боялся до тошноты, до потемнения в глазах. На всякий случай Желтоголовый сказал:

— Она ничего не сделает тебе, если мысли твои чисты.

Азмир сразу насторожился:

— Что ты хочешь этим сказать?

Продолжать этот разговор не было смысла. Всею виной было то, что сознание Азмира было наглухо зажато какой-то одной, очень простой, как деньги, и печальной, как несбывшаяся любовь, мыслью. Но вот какой, Лотар разобрать не мог. И даже Сухмет не мог. Он вообще сказал, что некоторые очень прямые, даже примитивные состояния ума не прочитываются, как самая изощренная ментальная маскировка. Впрочем, все виды маскировки, если вдуматься, именно на этом и построены.

Как бы там ни было, Лотар пустытнику не верил. Он и сам не мог бы объяснить почему, но вот не верил, и все. Хотя видимых причин для этого не было и даже, совсем наоборот, были все основания полагать, что их новый спутник еще не раз выручит их, как выручил уже однажды.

Лотар подумал, что Азмиру очень не понравится то, что он скажет, но все-таки произнес твердым, уверенным тоном:

— Более того, о ней теперь еще и заботиться придется. Она нашу смесь есть не сможет: в ней есть чеснок от цинги и она слишком сладкая... Нам придется прямо сейчас добыть для нее еды, она отошала.

Азмир вскинулся:

— Вот пусть волчица и добывает нам еду, а я не слуга!

Но стоило Лотару приготовить пяток охотничьих дротиков и поправить амуницию, намереваясь выследить горного яка или архара, как Азмир тут же стал приводить себя в порядок, собираясь его сопровождать.

— Нет, — решил Лотар, — знаешь, скоро стемнеет, оставайся в лагере. Если хочешь помочь, займись дровами. А я...

Желтоголовый не закончил, а просто ушел в ту сторону, где, как ему показалось, он может найти какую-то добычу. Он бродил почти до полуночи, пока не отыскал небольшую пещерку, в которой убил молодого яка. Со всей тушей дойти до лагеря он уже не мог, даже нарастив себе дополнительные мускулы. Но и того, что он принес, должно было всем хватить на неделю, не меньше. Мясо яка хоть и жестковатое, но вполне питательное.

Азмир справился с костром, и топлива у них оказалось вполне достаточно, чтобы приготовить несколько кусков ячины впрок.

Запах крови разбудил виану. Вернее, волчицу. Вернее, то создание, которое теперь составляло единую сущность с общими проблемами выживания. Она выбрала себе изрядный кус ноги с костью и твердыми, как камень, сухожилиями и вгрызлась в него, с удовольствием взрываясь от проснувшейся вдруг свирепой жадности.

Когда она насытилась, то совершенно не по-звериному подошла к костру, чтобы погреться. Увидев около огня ее окровавленную морду, которую волчица все время облизывала шершавым длинным языком, Азмир забился между камнями и притворился спящим, хотя долго еще прислушивался к звукам лагеря, в котором для него ничего не происходило.

Для остальных же происходило довольно многое. Так получилось, что, вдохнув в Рубоса немного сил, Сухмет и его сделал вполне понимающим разговор Лотара с вианой, хотя высказываться мирамец, конечно, не мог, для этого у него не хватало техники.

Тем временем Лотар, тщательно подготовившись, спросил:

— Виана, где замок Хифероа?

Волчица подняла на него невыразительные глаза хищника, еще раз облизнулась, вспоминая сытный ужин, и ответила своим нежным, щебечущим девичьим голоском:

— Смотри внимательно, но не верь своим глазам.

Лотару больше ничего не удалось от нее добиться. Спустя полчаса он бросил свои расспросы и лишь тогда заметил, что Сухмета поблизости не было. Он нашел восточника почти на краю обрыва, в очень сложной медитативной позе, означающей готовность подчиняться или учить верховные законы Вселенной. От него валил пар, как от кипящей воды.

Лотар повернулся к Ди, который, как всегда, не отходил от старика далеко:

— Он не замерзнет?

— Я прослежу, — с поклоном ответил фой и добавил: — Он гораздо сильнее, чем мы о нем думаем, он вполне справится с холодом.

Лотар вспомнил горных отшельников, которые в самые морозные ночи учили свое тело не поддаваться холоду, набрасывая на себя смоченные ледяной водой попоны, и ушел спать. Засыпая, он с легким удовлетворением подумал, что, если бы не тренировался так много и настойчиво, сегодня они бы легли спать, не поужинав свежим мясом. Просто у него не хватило бы сил выследить добычу в этом диком и пустынном краю, завалить и принести в лагерь.

А совсем перед сном он вдруг вспомнил реплику Сухмета, что он не воюет с животными, пока не проголодается. Как всегда, старик оказался прав, вот еще бы знать, чем он теперь занимается? Но Лотар не сомневался, что скоро узнает и это.

Глава 6

Несколько раз Лотар открывал глаза и видел перед собой ночные горы. Но и с закрытыми глазами он без труда определял, что Сухмет сидит в неизменной позе и учится смотреть, но не верить. Это было очень странное состояние рассудка, нелегко было вычитывать даже его периферийные эффекты. Погрузиться же по-настоящему Лотар не решался. Во-первых, потому что не хотел ненароком помешать, а во-вторых, отчетливо представлял, что для удовлетворительного постижения этой техники у него не хватает подготовки.

Перед рассветом Желтоголовый вдруг уснул глубоко и спокойно. Он понял, что ему нужно было собраться с силами, чтобы выполнить очень непростое и опасное дело. У Сухмета начинало что-то получаться, и самое лучшее для него — получше выспаться перед своей долей работы.

Едва хмурый и серый рассвет разошелся над горами и карнизом, на котором спали путники, Сухмет позвал Лотара:

— Мне кажется, господин мой, чем скорее ты это увидишь, тем лучше.

Сухмет, одеревеневший от долгой медитации, действительно побаивался, что его открытие исчезнет, что он просто не удержит его, потому что сил у старика осталось уже немного. А удерживать в самом деле было что.

Вместо горы над ними возвышался странный, вырубленный из цельного каменного монолита замок — с башенками, окнами, портиками, резьбой и скульптурами. Ничего подобного Лотар еще не видел. Он постоял, оценивая эту невидаль, потом положил руку на плечо восточника, стараясь выразить ему всю меру своего восхищения, и спросил:

— Как тебе это удалось?

Сухмет улыбнулся, его заиндеветавшие брови шевельнулись на потемневшем от усталости лице.

— Сам не знаю. Вдруг понял, что следует смотреть на мир так, как смотрит ребенок, который еще ничего не постиг. И это открылось... Я даже подумал, уж не в иллюзию ли впал?

— Ну, теперь, когда и я вижу, можно утверждать: это не иллюзия. Сухмет улыбнулся немного поживее:

— Ты не очень много знаешь об иллюзиях, господин. Иногда они бывают такими сложными, что...

Слушая неторопливую речь восточника, Лотар оценивающе всматривался в ворота замка. Они располагались на высоте двухсот ярдов от той точки, куда можно было при самых благоприятных условиях забраться нормальному человеку.

Вдруг стало понятно, что потерять картинку от недостатка внимания они уже не могли, потому что рядом стоял Ди, который смотрел на замок еще точнее и яснее, чем Лотар. А к ним уже подходили Рубос и Азмир.

Возможно, когда исчезнет эта волна, которую создал в своем сознании Сухмет, когда они отведут глаза и забудут странное состояние внимания именно к этой скале, они снова не смогут увидеть этот замок, но сейчас Лотар видел его не менее отчетливо, чем если бы он не был скрыт никакой магией. Он сумел даже пробиться через передние заслоны магии и камня и взглянуть в него проникающим взором.

Лучше бы он этого не делал. Потому что ему вдруг стало ясно, что скала, которую они видели перед собой, изнутри была источена, изрыта ходами, приспособлена для жизни и подвода тепла прямо от горячего дыхания земли. И вели эти ходы из такой дали, что входить в них следовало за сотню миль от центра мира.

— Кто устроил этот подземный город? — спросил Лотар шепотом.

Сухмет, прихлебывая горячий травяной чай, который ему поддал незаменимый Ди, прочитал в сознании Лотара причину вопроса и ответил:

— Маленький народец гор — никто другой не мог бы проделать ничего подобного. Они и сейчас, вероятно, трудятся на нижних этажах замка, но до них не доходит наше внимание.

Лотар кивнул. Он знал, что проникающий взор не всегда вскрывает строение замка. Что уж говорить о цельной скале, с лабиринтом, уходящим вниз на тысячи ярдов и на сотни миль вдаль?

— Значит, они подвозят питание и всякие прочие предметы по этим ходам?

Сухмет пожал плечами:

— Вероятно. Ворота наверху явно сделаны для летунов.

Рубос, который вдруг тоже все увидел, ахнул и от возбуждения начал водить перед собой руками, словно пытался рассеять невидимую пелену, висевшую в воздухе. Наконец он спросил:

— Как же мы туда попадем?

Сухмет кивком поблагодарил Ди, который налил в его кружку еще чаю, и небрежно ответил:

— Ну, в этот замок проходит только тот, кто может.

— Сверху? — поинтересовался Лотар.

— Не думаю. — Сухмет обжег губы и подул в кружку. — Мне кажется, сверху замок еще лучше защищен.

Лотар присмотрелся в ином спектре, практически на пределе

своих магических способностей. Так и есть: над горой, словно радуга, висела разноцветная пленка мощного силового поля. Разумеется, и в нем был проторен путь к воротам, но он был неверным, хитроумным и извилистым, как лабиринты в скале под замком.

— В силовом поле пройти сложно, поневоле обозначишь себя, — продолжил Сухмет. — А мне это кажется бессмысленным — рассеивать ауру, а потом трезвонить о себе на полмира.

Рубос вдруг уверенно сказал:

— Ну, если мы вообще попадем туда, трезвона будет не меньше, чем на полмира.

— Это еще вопрос, — ответил Ди, как всегда, очень спокойно.

— Не понимаю, — нахмурился Рубос. — Придется же рубить-ся, кого-то убивать... Это, по-твоему, можно проделать незаметно?

— Наша задача — узнать что-нибудь о входе в замок врага. Драться, может быть, и не придется. — Ди подумал, еще раз посмотрел на Рубоса. — Хотя для этого, конечно, нужно сознательно избегать драки, а это уже проблема.

— Что ты имеешь в виду?

— Драка сейчас не самое главное, — согласился с фоем Лотар. — Главное — попасть в замок.

Рубос еще раз смерил взглядом вздымающуюся над ними скалу.

— Лотар, помнишь, как мы поднимались по башне вот этого гаврика в Ашмилоне?

Сухмет вдруг насупился:

— Это была не моя башня, а Нуримана.

Но Лотар покачал головой:

— Нет, Рубос, так не пойдет. Вербовкой тут не поможешь. Да ее и не зацепишь — наверху такие сигналки расставлены, они даже паутину обозначат, не то что веревку. Вот если...

Он подошел к скале и попробовал так изменить сознание, чтобы можно было утапливать в камень руки и ноги и ползти по нему, как по липкому болоту... Гранит, оказалось, был тверже, чем требовалось для такого трюка, но и с ним можно было сладить. Лотар посмотрел вверх.

Скала почти отвесно уходила в серое низкое небо, клубящееся тучами. И в общем вполне можно было представить ее ровной поверхностью, поддерживающей тело, не дающей ему соскользнуть вниз, в пропасть... Но что это?

Где-то очень далеко впереди — или высоко, если смотреть глазами обычного человека, — виднелись ровные, как рисунок на блюде, слои другого цвета — желтоватого, синего и фиолетового. Они не переливались, они окружали скалу по периметру, почти как карниз, на котором путники сейчас стояли. Лотар отвлекся от всего, что его окружало, забыл даже о друзьях — он попытался представить, что будет, когда он поднимется и попытается преодолеть эти цветные кольца... Нет, это было невозможно. Колокольчики в сознании сразу затрезвонили, и он увидел перед глазами такую ослепительную вспышку, что затряс головой. Сухмет, придерживая его за плечо, о чем-то спрашивал.

Оказалось, что он отскочил от скалы и сидит на заснеженном камне, а в лицо ему заглядывают Сухмет и Ду-Лиа. Ее волчьи глаза светились холодноватым, жестким светом. И, не спрашивая ее ни о чем, Лотар понял, что по камням он наверх не поднимется, просто не пройдет эти трехцветные ровные кольца.

«Нет так нет», — решил он. Поднялся, снова подошел к скале. На этот раз он пытался проверить, как близко подходит к поверхности скалы пробитый маленьким народцем ход. Ближайший из ходов оказалась все-таки слишком далеко, до него нужно было пробиваться почти три сотни футов.

Сухмет прочитал в его сознании то, что он обдумывал, и запаниковал:

— Нет, господин мой. Я не пушу тебя. Это верное самоубийство. Можно ползать по каменной поверхности, можно, меняя сознание, превращаться в родственник каменю магимат. Но невозможно пройти через каменную толщу в несколько сотен футов и уцелеть. Масса, которая будет давить на тебя, попросту раздавит слабое нечто, которое некоторые люди называют Лотаром.

— Но я уже раза два проходил через кладку, — попробовал возразить Желтоголовый.

— Если кто-то способен нырять в пруду, это не значит, что он может собирать жемчуг на дне моря.

Ди, который, без сомнения, тоже вычитывал основные идеи из сознания Лотара, кивнул:

— Мой учитель прав. Прошу тебя не спорить.

Рубос и Азмир выглядели слегка ошарашенными. Они не понимали, что происходит.

Лотар провел рукой по коротким волосам.

— Но что-то делать нужно? Может, устроим взрыв? Сухмет, ты ведь занимался пиромагией?

Сухмет поднял очи к горе, потом поправил ошейник и ответил:

— Еще в Лотарии, господин мой, ты согласился, что будет лучше, если противник не сразу нас засечет. А взрыв...

Он махнул рукой и отошел к краю площадки, на которой они ночевали.

Лотар присмотрелся к радужным слоям защитного поля на самом верху. Так, подлетать к замку следует слева, как будто промахиваешься мимо ворот локтей на триста. Потом чуть вниз и по горизонтали вдоль стены. Направо, на половину расстояния, которое будет отделять летуна от ворот, и назад, в противоположном направлении. Потом утыкаешься в маленький тупичок, строго вверх и вперед. Так, это он уже понял. Вот еще обезопасить себя хотя бы на время от возможных наблюдателей, которые, без сомнения, есть у ворот. Если бы он мог замаскироваться под что-нибудь знакомое им, обмануть хотя бы до тех пор, пока не получит возможность трансмутировать крылья в руки и вытащить меч... Впрочем, нет, если он прорвется на дистанцию прямого боя, он, считай, выиграл. В таких крепостях не держат очень большого гарнизона, они всегда почему-то кажутся неприступ-

ными. Даже слугам Нахаба. Самонадеянность — порок, свойственный всему живому на этом свете.

Лотар спокойно спросил:

— Сухмет, ты можешь замаскировать меня под Киноза? Ну, вспомни то чучело, которое Ди сделал из своего врага, и попробуй...

Глаза фоя на мгновение стали совсем узенькими от удовольствия. Ди любил, когда вспоминали его победу над летающим охотником на путников. Он действительно соорудил из него очень недурное чучело, которое Сухмет установил в своей лаборатории. Вот только одно они сделали искусственным — когти чудовища. Они могли, конечно, приклеить настоящие когти Киноза, но Сухмет почему-то опасался, что тогда он может ожить и учинит массу неприятностей. Хотя как может ожить чучело, набитое опилками?

— Это нетрудно, господин, вот только жаль, что у нас нет подходящих материалов. Я хочу сказать, если бы у нас было несколько волосков с его шкуры...

Вдруг Ди удивленно пошевелил бровями, совсем как Сухмет, и достал маленький мешочек, висевший на шнурке на его шее. Он снял мешочек и протянул его Сухмету:

— Почему нет, учитель? В этом мешке ты найдешь кусок его кожи с клочком шерсти.

Сухмет с интересом посмотрел на фоя:

— Зачем тебе это? Или ты предвидел?..

Ди отрицательно покачал головой:

— Я, естественно, не мог предвидеть такой необходимости. Я просто следовал старой фойской поговорке: след побежденно-го врага — лучшая защита.

Лотар вдруг представил себе следы ушедшего в бой воина на песке, представил, что знает о его смерти... Что верно, то верно: всякий, кто пытается последовать туда, куда ведут эти следы, должен крепко подумать. Фойская поговорка оказалась полна смысла.

Сухмет взял мешочек, оглянулся на Желтоголового, посмотрел на Ду-Лиа, которая вела себя совершенно спокойно, и весело произнес:

— Тогда, как говорят в некоторых кругах, нет проблем, мой господин. Готовься к полету.

Глава 7

Сердце колотилось в груди, как молот по наковальне, голова была такой тяжелой, словно он не спал четыре ночи подряд. Он поборол очередной порыв ледяного ветра, который попытался бросить его на скалу с острыми, как пики, выступами, и снова попробовал войти в лабиринт силовых полей, ведущий в замок Хифера.

Уж не наложил ли Сухмет слишком сильное заклятие, когда придавал ему внешность Киноза? Или, может быть, он сам пере-

гнул палку, когда пытался сделать себе крылья побольше, чтобы двигались так же, как у демона? Сейчас эти Кинозовы крылья только мешали — многие движения были неверными и чересчур сложными. Но почему эта маскировка так отозвалась на самочувствии?

Очередной сумасшедший вихрь с силой развернул его, Лотар переборол напор воздуха и вошел в лабиринт. Вперед, вбок, вверх... В лабиринте ветер немного стих. Зато слишком близко стала расплываться радужная пленка обжигающего поля. И не понять: горячая она, холодная ли?

Желтоголовый попытался подняться строго вертикально, но еще один порыв бросил его вперед, к замку. И Лотар врезался в поле, успев лишь в последний момент выставить плечо. Удар о поле оказался ошеломительно болезненным. И сразу запахло жженым — должно быть, это горела его кожа. Он стиснул зубы, чтобы не застонать, хотя мог бы, вероятно, и голос подать. Недаром же почти четверть часа, еще на подлете, вспоминал рев Киноза.

Еще раз строго вверх. Теперь будет легче. Действительно, стало легче. Ветер стал восприниматься лишь как бриз, приходящий издалека и вздымающий шерсть на загривке. Вот был бы трюк, если бы крылья Киноза были пернатыми и ему пришлось бы в этой круговерти выстраивать себе фальшивые крылья! Нет, он и на своих родных едва справляется, а на поддельных точно расшибся бы о скалы, как неумелый наездник губит и себя, и своего коня.

Плохо было еще и то, что ничего толком не известно о противнике. Какой он: сильный или слабый? Готовится к драке или ему на все эти размахи и потрясения мечами наплевать? Ведь бывает же и так: стоит только посмотреть пристально — и тебе все рассказывают, хотя нужно очень неплохо знать момент, когда следует посмотреть.

Напоминания о бое вдруг отозвались обостренным восприятием Гвинед с Акифом. Они болтались сзади, их едва удалось спрятать под фантомную шерсть, но рукоятки все равно торчали, а при резких взмахх еще и впивались в бок округлыми наконечниками. Должно быть, чуждая магии сталь обоих клинков протесствовала против попытки Сухмета спрятать их, чтобы они не выдали Лотара при проходе через сигнальную систему Хифероа. Вот и злятся, решил Лотар.

И надоевшая, но всегда такая важная забота — успеть бы трансформировать руки из крыльев во что-то, способное держать мечи, прежде чем противник нападет.

До больших замковых ворот оставалось совсем немного. Вот еще ближе, еще... С небольшой высоты стало видно, какое это огромное сооружение. Ох уж эти горы! Как сильно они меняют масштаб! Здесь, как и в море, издалека все кажется почти нормальным, а потом вдруг становится гигантским. И тут и там далекое становится близким, а малое — большим, да так резко, как нигде больше.

Лотар плюхнулся на камни, осмотрелся по сторонам. Ворота,

которые сверху выглядели не больше главных городских в Лотарии, оказались высотой футов пятьдесят, а то и выше. И шириной — хватило бы проехать трем телегам в ряд. Для кого же это построено? Кого тут принимают в торжественных случаях?

Ощущая холодок недоброго предчувствия, Лотар стал резко трансмутировать крылья в руки. Это получилось очень хорошо. И даже боль, которую он обычно испытывал при этой процедуре, на этот раз не очень мешала. Оставив фантомные крылья за спиной, чтобы какой-нибудь дурачок по-прежнему мог принять его за Киноза, он вернул своим рукам нормальный вид, гибкость и точность движений, как и положено человеку. Потом подошел к боковому столбу, взял горсть наметенного здешними дурными ветрами снега и наполовину смысл, наполовину стер слизь, оставшуюся от превращения.

Он уже готов, а хозяев все нет. Лотар размялся, выдернув клинки и повертев ими в воздухе. Все было в порядке, на большее он и не рассчитывал! Желтоголовый попытался спрятать мечи, но не тут-то было. Он не мог попасть в ножны, когда они болтались так неудобно. Вздохнув, он передвинул их на обычное место. Ножны Гвинеды легли на спину, ножны Акифа — на левый бок. И пошел вперед.

В глубине прохода шаги его загрохотали так, как будто он ступал в подковах. Дополнительная акустика — значит, скоро кто-то появится. Это хорошо. К тому же, как он и ожидал, стало теплее. Главным образом от огромных, продолговатых, как северные колбаски, и толстых, словно лошадиный круп, факелов, вмазанных на деревянных подставках прямо в стены. Эти отливающие медью колбы, так называемые вечные факелы, могли гореть сотни лет. Не столько искусное, сколько дорогое волшебство. Лотар уже видел что-то подобное много лет назад в Ашмилоне. Только здешние помощнее и горят пожарче, оно и понятно, — климат тут не самый теплый.

Тогда, чтобы сразу вызвать всех, кто мог притаиться по углам, он поднял голову и издал рык, изо всех сил стараясь подражать тому воплю Киноза, который так долго про себя репетировал. Рык прокатился по коридорам и замер в отдалении. И конечно, магия сыграла с ним дурную шутку — он чуть не оглох.

Зато сбоку заскрипела дверь. И не заскрипела даже, а просто открылась, но тутошняя акустика могла бы выдать даже взмах крыла ночной бабочки. Двое появились в темной, не освещенной факелами нише. Развивать темновое зрение он не стал, тогда ему помешают факелы. Он и так видел, что один из них шагнул вперед... «Что-то здешний страж не слишком высок», — подумал Лотар. Впрочем, он был готов встретить тут и гномов. Но нет, эти существа были не гномы, они просто согнулись в поклоне. Не достойном, вежливым и торжественном, а раболопном, униженном и неприятном, как скользкая гримаса на лице воришки.

Когда двое встречающих выступили на свет, Лотару стало ясно, что он видит перед собой эрков. Холодок пробежал по его спине. Он вспомнил маленькие ручки, сжимающие крохотный само-

стрел с наложенной на него отравленной стрелой, способной за три-четыре минуты лишить его жизни...

Но эрки не атаковали. Они подходили не разгибаясь, что-то шепеча. Лотар ждал, пока они окажутся так близко, что в поле их зрения окажутся его ноги. Все-таки его фантомную внешность Сухмет создал на скорую руку, вблизи они должны понять, кто к ним прилетел. И они увидели.

Один из эрков резко распрямился, его перья отозвались шорохом, а крылья за спиной качнулись, словно небольшие, но очень аккуратные паруса. Но они находились уже в десяти шагах, не дальше.

Гвинед и Акиф одновременно распорол воздух, и тугие удары по плоти прозвучали в гулком проходе, как удары в бубны. Тела обоих эрков рухнули на пол. «Удалось, — решил Лотар, — что ни говори, а тренировки — стоящая вещь».

Он стянул с мечей кровь пернатых, которые неопрятной грудой лежали теперь у его ног. Оглянулся — все было спокойно. И пошел дальше, настраивая на ходу проникающее зрение, чтобы выйти в главный зал и не заблудиться по дороге.

К его удивлению, замок был пуст. Кроме эрков, он никого не встретил. Все было так, как если бы в замке обитало множество разных существ, но они все куда-то подевались. И это было хорошо. После расправы с эрками Лотар стал надеяться, что удастся раньше времени не поднимать тревогу.

Он оказался во внутренних залах горы, чем-то напоминающих торжественные приемные. Тут уже не было так гулко, и светильники горели не так обжигающе жарко, но света давали еще больше. Лотар лишь подивился искусственному свету, соперничающему с солнечным в чистоте и легкости, и пошел дальше.

Но далеко ему пройти не удалось. Уходящая вниз по спирали анфилада приемных залов вдруг завершилась у высокой светлой стены. Перед стеной стояло с десятков темных обгоревших треножников. На их широких блюдах горело что-то коптящее, сочащееся магией, как свежее мясо сочится кровью. Лотар окинул треножники одним взглядом и понял, что они расходящимся веером ведут к крохотной дверке... «Значит, мне туда и нужно», — решил Желтоголовый.

Но стоило ему шагнуть в нужном направлении, как один из семифутовых треножников вдруг согнул ногу и передвинулся к нему.

— Да он живой! — вырвалось у Лотара, хотя слышать его было некому.

Даже Сухмет, верный друг, который почти всегда понимал все, что он про себя проговаривал, находился далеко за толщей скалы, за множеством магических занавесей, вряд ли он...

«Нет, я тебя слышу, хотя это и нелегко, господин мой, — отозвался в сознании голос восточника. — Сейчас ты, если хочешь знать, несешь в себе добрую треть моих способностей постигать мир».

Так, теперь по крайней мере ясно, почему он так неловко полетал к замку.

«Ну, если даже все пройдет гладко, — сказал Лотар, на этот раз уже не вслух, — ты узнаешь, как нагружать меня своими магическими прибабасами».

«Но я же с лучшими намерениями, вдруг совет какой-нибудь смогу дать?!»

Сухмет определенно был доволен собой.

Но Лотар понимал, что отдать часть своего духовного естества, перенести его в другого человека и как бы удвоиться, разумеется, перегрузив того, в кого помещена отделенная от хозяина часть души, — трюк, который старик проделал не для того, чтобы его советы не смогли заглушить Хифероа.

— Ты сделал это из любопытства, мой старый друг, — сказал он громко.

И вдруг треножники ожили все разом!

Лотар выхватил Гвинед. Эх, тут бы не меч — что можно мечом сделать против этих тяжелых, как катапульты, дышащих жаром раскоряк? Ему бы... Но чем лучше всего работать против таких противников, он и сам не знал.

А треножники тем временем стали плотной цепью и дружно, звеня на разные лады, двинулись вперед. Их тактика была проста: они не могли рубиться, не могли пронзать, но вполне способны были затолкать в некое подобие клетки и сжечь заживо... Едва Лотар это понял, он отступил, чтобы не попасться в первую, еще не очень понятную ловушку.

Треножники, замерев на мгновение, снова разошлись веером и опять попытались окружить его с четырех сторон.

«Может, удастся обмануть их и прорваться к двери?» — подумал Лотар. Но если дверь не открывается просто так, если, допустим, на ней лежит какое-нибудь заклятие, связанное с этими треножниками, они точно окружают его, прижмут к стене, а тогда — ну, тогда он проиграет сразу и окончательно. Ему хватило пары мгновений, чтобы понять, что огонь этих шагающих тазов способен спалить не то что драконьего оборотня, но даже слоновье стадо. Он вздохнул и очистил рассудок, чтобы наилучшая тактика сама всплыла в сознании.

Один из треножников замер, потом неуверенно шагнул к нему. Его кованое копыто вдруг скользнуло по гладким камням пола дюйма на полтора, прежде чем треножник смог перенести на эту ногу основную тяжесть медной жаровни, на которой огонь разгорался с каждой минутой все ярче, словно кто-то невидимый подбрасывал туда топливо.

Огонь огнем, но вот эти шаги?.. Он присмотрелся: другой треножник поскользнулся еще отчетливей — на добрую треть фута, прежде чем остановил это движение. Так, план был налицо. Лотар оглянулся.

В углу стояла резная статуя какого-то зверя футов в десять высотой, в каменной руке она держала что-то вроде короткого копья, сделанного из цельного куска отменного дерева. Лучшего

«бо» сейчас и желать было невозможно. Вот только статуя стояла в углу, и легко можно было ошибиться в расчетах... Треножки снова стали его обходить, надо было снова отступать. Лотар понял, что они подталкивают его назад, в узкие коридоры сразу за входом в замок, и оттуда ему придется улететь несолоно хлебавши, да и то, если он не ошибется и его не спалят, как уголек в печи. Обе эти перспективы не радовали.

Он сделал вид, что отступает, и, пока тугодумы треножки соображали, как им теперь развернуться, проскочил мимо одного из этих странных механизмов, который лишь в последний миг успел выстрелить в него длинным языком пламени, и оказался у цели. Копье было закреплено в каменном кулаке намертво, но Лотар, не долго думая, уперся ногой в живот статуи, навалился на торчащее вверх оружие... Оно осталось у него в руке, а он рухнул на пол с таким грохотом, словно пытался устроить тут лавину.

Дубина была тяжелее и короче, чем ему хотелось бы, но стоило ему впервые попробовать выпад под ноги одного из приближавшихся медных блинов, как он даже обрадовался, что она так тяжела. Удар получался весомей, а скорость, к которой он привык на своих тренировках, сейчас не играла существенной роли.

Оказалось, что сдвинуть треножник тоже не так просто. Он пыхал огнем и, звеня от ударов, поддавался не сразу. Тогда Лотар подскочил к другому и ударил по ноге, едва он собрался ее поставить на пол. Успех превзошел все ожидания. Треножник рухнул вперед, мигом вывалив в сторону Лотара все угли и обдав его таким жаром, что у Желтоголового даже куртка задымилась и ресницы обгорели. Но зато на полу угли стали немедленно гаснуть, да и сам треножник, пару раз дернувшись, затих.

Лотар атаковал следующего медного паука. Только теперь он был готов и ловко увернулся от посыпавшихся ему на голову углей. Потом взялся за третьего.

Потеряв троих, треногие отступили, сомкнув строй.

— Ага, не нравится, медяшки нечищенные, — удовлетворенно произнес Лотар и только тогда понял, что это не его интонация, не его фраза. Она могла бы принадлежать Сухмету. Лотар догадался, что хотя голос был его, та часть восточника, которую маг перегрузил в Желтоголового, оказывается, не довольствуется одними наблюдениями, ей потребовалось еще и комментировать события.

— Ты слышал? — спросил он, на всякий случай пытаясь получить подтверждение или опровержение своей идеи.

— Да, мне кажется, у тебя сегодня очень подходящее для боя с Хифероа настроение, мой господин, — ответил Сухмет, и Лотар опять чуть не проговорил эти слова вслух. Лучшего подтверждения и не требовалось.

«Ну, вернусь, выскажу все, что думаю о его экспериментах», — решил он и пошел на треножки в атаку. Он успел опрокинуть четырех, прежде чем им удалось прижечь его как следует. Кожа на груди покраснела, куртка занялась огнем, и ему пришлось кататься по полу, чтобы сбить пламя, а потом трансмутировать, по-

становая от боли, здоровенные куски кожи на руках, животе, груди и еще в десятке мест.

Подлечившись, насколько это было возможно, он обнаружил, что больше драться не с кем. Оставшиеся пять огневигов ушли в дальний угол зала и не проявляли агрессивных намерений. Путь к заветной двери был свободен. Лотар шагнул вперед, подергал ручку. Оказалось, что дверь действительно заперта. Но у него в руке был неплохой таран, он размахнулся и ударил так, что по всему залу прокатилось эхо.

Он ударил еще и еще. Лотар готов был долбить, как машина, но после третьего удара дверь вдруг отвалилась от косяка, и он прошел в следующий зал.

Перед его глазами предстали очень странные деревья и кусты, все в бликах разноцветных бездымных огоньков, словно окруженные светлячками. Иные были очень высокими и разлапистыми, как баобабы, другие не превосходили размерами кусты смородины. Некоторые росли в кадках с обильно смоченной землей, другие стояли, как сухие цветы, на каменных постаментах.

Все вместе напомнило Лотару подземный зал в Ашмилоне, где он когда-то дрался с принцессой Мицар. И в то же время это было похоже на живой лес, полный шепотков, шорохов, голосов птиц...

— Сухмет, что это?

— Я думаю, господин мой, это то, ради чего я и решил тебя так нагрузить на этот раз. Это — живые машины Хифероа. Легенда всех магов всех стран мира. За один взгляд на то, что сейчас видишь ты, иные из моих знакомых готовы заплатить жизнью и собственной душой.

— Так, ясно. Это работает на врага.

— Не совсем, господин. Это просто работает, и не все перепадает только вражеской стороне. Эх, если бы мы могли!..

— Нет, у нас другая цель.

И Лотар, больше не раздумывая ни мгновения, пошел дальше. Выход из этого зала он нашел, прошагав почти треть мили по странному светящемуся лесу. Но зато там его ждала большая неожиданность.

Выйдя из высоких — не чета дверце с той стороны — дверей, он замер. В конце раскрывшейся перед ним анфилады залов стояли три дракона. Это были небольшие зверюги, не больше той, в которую в свое время превратился сам Лотар, но добрее от этого они не казались. Завидев противника, они взрыкнули и, хлопая хвостами по полу, задевая друг друга, потрусили к нему. Следовало что-то придумать, и очень быстро.

Желтоголовый выдернул меч и снова спрятал его. Нет, как и в драке с треножниками, оружие тут не годилось. У Лотара сложилось впечатление, что именно на такое лобовое решение все здешние ловушки и рассчитаны. Стоило попробовать прорубиться силой, как его сожгли бы, разорвали на части... Нет, опять в голову лезет что-то не то.

— Сухмет, что делать?

— Спрысни их своей кровью, драконий оборотень...

Голос Сухмета на этот раз долетел словно из колодца глубиной до центра земли. Фон, который создавал зал живых машин, заглушал даже перенесенную в тело Лотара часть души восточника.

Зато совет был отличным. Лотар выдернул Акиф, рассек вену на левой руке сразу перед щитком и с удовлетворением почувствовал, как в ладонь стекает теплая жидкость с запахом, от которого изменилось сразу все вокруг.

Драконы были уже близко. Лотар подождал еще, заращая разрезанную вену, а когда до ближайшего осталось не больше двадцати футов, широко, как сеятель, взмахнул рукой...

Тяжелые капли упали на морду дракона. Он поднял голову, от его рыка обрушились бы стены, если бы они не были выточены из цельного камня. Еще немного крови Лотар плеснул во второго дракона... И тут началось.

То ли в самом деле кровь Лотара первый дракон воспринял как собственную, то ли у них давно накопилось раздражение друг против друга, но драка вспыхнула мгновенно. Они жгли друг друга языками пламени, молотили хвостами, рвали когтями... Третий оказался в свалке прежде, чем что-то понял. И через миг он тоже рвал когтями, пыхал пламенем, от которого занимались деревянные панели, бил хвостом.

Лотар обошел их по самой стеночке и бросился бегом. Кто знает, сколько времени продлится это боевое безумие, может быть, их кто-нибудь одернет и они вспомнят о своих обязанностях стражей?

Еще одна дверь, не очень высокая, но из кованого золота.

— Если и есть в этом доме хозяин, он сидит именно тут, — снова, удивив себя, проговорил Лотар.

Сухметово вмешательство в мысли становилось явно избыточным. Зато он дал великолепный совет, как справиться с драконами, и этим искупил прежние грехи. Так что оставалось только терпеть.

Двери открылись с легкой звенящей музыкой, как крышка музыкальной шкатулки. За ними Лотар увидел розовый свет, плавающий по комнате слоями, как перистые облачка. Слои постоянно перетекали друг в друга.

Они по-разному звучали, по-разному пахли и являли разные оттенки розового и все вместе составляли живую картину невиданной красоты и гармонии. Лотар напряг внимание, но опасности не обнаружил. Он попытался разглядеть, что скрывалось за этими слоями непрозрачной розовости, и понял, что там, в глубине, кто-то есть.

Он набрал побольше воздуха в легкие и вошел в зал. От розовых облаков кружилась голова, но Лотар был уверен, что биться это не помешает.

Рассекая волшебные клубы, как простой туман, он прошел весь зал. У стены на великолепном троне, выточенном из цельного куска горного хрусталя, сидел человек с белоснежной бородой. Он был, вероятно, очень высок, но подол его торжественного

одеяния казался все-таки странновато длинным. Лотар всмотрелся в эту ткань и понял, что под ней ничего нет. Ног у гиганта не было выше колен почти на фут. А его одеяние должно было скрывать эту потерю.

И еще странным было вот что. От белобородого гиганта исходила аура магической мощи и жизненной силы. Лотар привык, что маги такой квалификации способны восстанавливать любой физический дефект за очень короткое время. Если этот маг был действительно так силен, как можно было судить по всему, что Лотар видел в его замке прежде, он должен был отрастить себе новые ноги. Но почему-то даже не пытался.

Лотар взгляделся в безногого гиганта. Тот сидел, опустив голову на грудь. Но та часть лица, что была видна, выдавала красоту особого типа. Что-то в нем напоминало Нахаба. Очень правильное, отменной лепки лицо, благородство идеальной формы...

Перед Хифероа на расстоянии вытянутой руки стоял простой деревянный столик. Сейчас на нем ничего не было. Определенно, на нем маг держал те вещи, что были ему нужны в первую очередь, — еду, книги, магические инструменты, с которыми он работал.

Лотар подошел к столику и, даже прежде чем понял, что делает, выхватил Гвинед и одним ударом разрубил деревяшку надвое.

Хифероа поднял голову. Он действительно был очень красив.

— Ты все-таки прошел через мою стражу, незнакомец? — спросил он глубоким звучным голосом. — И что тебе нужно?

Глава 8

— Ну почему же незнакомец? — отозвался Лотар, оглядываясь в поисках кресла или какого-нибудь стула. Но ничего поблизости не было. — Один мой друг сказал, что я давно нахожусь под вашим наблюдением.

— Чьим наблюдением?

— Твоим и твоего хозяина.

— Ты знаешь моего... господина?

Лотар хмыкнул и присел на край разрубленного стола. Сидеть было не очень удобно, но эта поза в любом случае позволяла вытянуть ноги и сбросить напряжение.

— Лично, конечно, не знаю. Видишь ли, мы с ним враги. И отлично сознаем это.

Хифероа нахмурился:

— У него нет живых врагов. Были — не спорю, но сейчас...

— Я враг, и я жив, как видишь. Меня зовут...

Он не договорил. Хифероа вдруг вздрогнул и всмотрелся в Лотара, как будто увидел перед собой собственную смерть. Он даже немного побледнел. Лотар усмехнулся:

— Хорошо, что не вздумал притворяться. Ты все знаешь.

— Теперь понял. Только я... Я не ждал, что ты придешь сюда, ко мне. — В голосе Хифероа зазвучали ноты паники. Он сам по-

нял это, выпрямился, поднял голову повыше и даже хлопнул правой ладонью по подлокотнику своего великолепного хрустально-го трона. — Зачем ты тут?

— Мне нужна информация.

Глаза белобородого стали узкими, как у восточника.

— Почему ты думаешь, что я дам тебе какую-то информацию?

Лотар посмотрел на него с сожалением:

— Иначе ты умрешь. Я поклялся убивать всякую нечисть, а ты занимаешь довольно высокое положение в иерархии темных сил, так что...

— Смерти нет, Желтоголовый. Да и в любом случае то, что со мной может сделать Повелитель Зла, страшнее человеческого представления о смерти.

Лотар вздохнул. Его прямому и честному характеру претила торговля, но сейчас следовало именно торговаться. И он решил прибегнуть к этому приему.

— Ну, я убежден, вполне можно сделать так, что никто ничего не узнает. Был я тут или не был — следов почти не осталось, кроме пары мертвых эрков, опрокинутых треножников и нескольких синяков у твоих драконов. Это вполне можно выдать за проявление их дурного характера. Драконы подерутся и остановятся, треножники можно поднять и снова зажечь. Эрки налетят новые. Вообще-то у тебя не много слуг, и мне кажется, ты их уговоришь не болтать, если захочешь.

— Это невозможно. Потому что я и сам этого не хочу.

Так, у него были если не убеждения, то, по крайней мере, представления об убеждениях. Следовало что-то делать. Вот только что? Лотар спросил:

— А все-таки почему в замке, способном вместить небольшую армию, так мало слуг? Ты не выглядишь существом, которому чужды внешние проявления власти.

Хифероа еще больше выпрямился.

— Это не нужно. Любые живые существа лишь сбивают настройку приборов. Если бы мог, я бы вообще обошелся без них.

— Приборов, которые я видел в специальном зале? А как же я прошел? Они не зафиксировали меня, и ты не понял, что я иду, пока я не оказался тут, верно?

— Они обязаны выживать информацию из мира, который лежит вокруг нас, а то, что происходит очень близко, в этом замке например, для них теряет смысл. Кое-что, правда, дало мне знать, что приближается Киноз... Это был ты?

Разговор пока получался. Это было кстати, даже после такой малозначительной беседы труднее остановиться и промолчать о чем-то важном. Лотар кивнул, дружелюбно улыбнулся и переменил положение ног, чтобы было еще удобнее.

— Разумеется. Просто я был замаскирован. И это сработало.

— Да, сработало.

Внезапно Лотару стало ясно, что в голове Хифероа прокручивает бешеное количество комбинаций и вероятных возможностей использования желтоголового варвара. Наконец он спросил:

— Ты предпринял длинный поход и искусно замаскировал его, Лотар. Что ты хочешь узнать?

— Где проход в замок Нахаба?

Хифероа опустил голову. Лотар теперь не видел его лица. Но по тому, как задрожали пальцы мага, как он заговорил, не разжимая зубов, было видно, что он нервничает даже больше, чем в начале разговора, когда ожидал смерти от руки незнамого пришельца.

— Ты хочешь попасть туда и стать Нахабом?

Лотар решил, что вывести его из равновесия будет весьма полезно для дела.

— Ты совсем дурак, Хифероа, как я погляжу.

Маг взорвался — слишком много в нем накопилось злобы и страха:

— Не смей так говорить, мальчишка! Даже безногий, я сильнее тебя и значу в этом мире несравненно больше, чем твоя... Твои...

— А ты думай, когда со мной говоришь. Как я могу стремиться занять место моего врага, если всегда воевал против него, его слуг и вообще против самой идеи уничтожения людей и их трудов? Это задачка, конечно, не для среднего ума, а для великого, вроде твоего, но все-таки ты решил ее неправильно.

Хифероа уже взял себя в руки:

— Мне случилось видеть и более странные превращения. — Он помолчал, потом вдруг решил быть откровенным. После эмоционального взрыва такое часто случается с людьми, это как раз придавало ему что-то человеческое. — Я и сам хотел занять его место, только... только у меня нет шансов. Посмотри, что сделал со мной архидемон, чтобы я не сменил его.

С этими словами он отдернул полу своего халата, и Лотар увидел аккуратные культы. Безноготь придала Хифероа еще больше уязвимости, но Лотару по-прежнему не хотелось ему помогать. Он хотел лишь использовать возникшую ситуацию наилучшим образом.

Тем временем Хифероа продолжал:

— Когда-то Нахаб сменил своего предшественника и стал архидемоном. Так что это вполне обычная вещь, ей не стоит удивляться... Только сейчас тот канал, по которому он проник в замок, замурован наглухо, а меня он контролирует даже больше, чем тебя, Желтоголовый. Я отрашиваю ноги, а он присылает Сроф, и если ей кажется, что они отросли, приходит Цван и отрезает их снова и снова...

— Кто такой Цван?

— Мутант, зверь, земная акула. Он атакует из-под земли, и вот с ним я бы посчитался, если бы мог. — Руки мага на подлокотниках сжались в кулаки с такой силой, что даже костяшки побелели.

Лотар спокойно, но с большой убежденностью проговорил:

— Так дай мне возможность посчитаться с ними.

Хифероа посмотрел на Лотара сначала вопросительно, потом по лицу его пробежала судорога, и оно стало серым, печальным и пустым.

— Это невозможно, не тешь себя иллюзиями. Ты никогда не

победишь их. Да я и не знаю, как попасть в его замок, ты обратился не по адресу, человек. Даже мои машины не в силах вызнать что-либо на этот счет.

— Хорошо, давай так. Пусть моя победа будет моей проблемой, ладно? Твоя месть будет очень простой, ты всего лишь тайком от Нахаба расскажешь мне все, что знаешь о его летающем замке, идет?

— Ты знаешь, что его замок переносится с места на место? — Маг смотрел на Лотара подозрительно, словно тот открывал ему глаза на мир.

— Люди, может быть, слабы, но не дураки. Они знают, вероятно, многое из того, что и тебе едва ли ведомо. Да ты и сам должен это понимать, ты из их рода-племени.

Хифероа вздохнул:

— Я не знаю ничего о проходе, но думал об этом, и вот что я скажу: проход, наверное, все-таки существует. Потому что, когда я говорил по Волшебному Кристаллу, рядом с ним находился Цван. А он прежде побывал у меня, и это, замечай, Лотар, происходило уже после того, как архидемон распространил среди своих слуг версию, что к нему никто, кроме Сроф, не доберется. Но у Сроф есть крылья...

— Это понятно, — быстро проговорил Лотар. — Скажи, как найти этого Цвана?

— Он и живет в замке Нахаба. Как Гепра — Держательница Ближнего Покрывала, или Мансур — бывший цахор, ставший личным телохранителем архидемона, когда тот сделал Великим Магистром покойного Камазоха...

— Да, я и это знаю, ведь это я с учениками отправил его к протцам. Лучше скажи, где мне найти Сроф? Она ведь точно не живет в замке, ей нужно носиться по всему миру.

— Ты хочешь задать ей тот же вопрос, что и мне?

— Да.

— Она тебе не скажет.

Лотар мягко улыбнулся:

— Давай поспорим. Если я проиграю, я пришлю тебе костыли, хочешь?

— Не смейся надо мной, варвар! Ты ничего не получишь. Я еще дорожу своей душой, как и своей шкурой.

— А твоя душа уже погибла. Как ты думаешь, что я буду делать, когда выйду отсюда? Трезвонить, что ты мне помог, и тогда...

Хифероа стал бледным, как тот платок, которым он вытер невольно выступивший на лице пот.

— Я все равно ничего тебе не скажу, Желтоголовый. Я буду надеяться, что мой господин поймет это, когда мы с ним поговорим о тебе и я расскажу ему правду.

«Да, — решил Лотар, — Хифероа должен и сам понимать, что он нужен Нахабу, тому без безногого мага трудно обойтись. И поэтому надежда поспорить их невелика». Он и не надеялся на такой исход своей маленькой интриги, он стрелял наугад, но пока не попадал. Это был тупик. Нужно было придумать что-то еще.

Внезапно он вспомнил, что в их разговоре промелькнуло что-то очень важное, он еще отметил это, но вот как-то проскочил мимо. Чтобы вспомнить, Лотар встал, осмотрелся и прошелся вокруг кресла Хифероа.

— Что такое Волшебный Кристалл?

Хифероа протянул руку по направлению к куску горного хрусталя.

— Стоит мне произнести определенное заклинание, он начинает светиться, и я вижу своего господина. Как и он может видеть меня.

— Но сейчас он за нами не наблюдает?

Хифероа снова вытер пот.

— Думаю, что нет. Кристалл должен светиться и издавать звуки, чтобы работать. Впрочем, не знаю, возможно, архидемон подглядывает за мной и через погасший кристалл, а я об этом ничего не знаю.

Лотар прошелся вдоль стены. На полках стояли всякие безделушки, непонятные вещицы, странные приборы. На всем лежала печать забвения. Лотар мог поручиться, что их очень редко брали в руки, может быть, даже несколько столетий уже не касались ничем, кроме метелочки для стряхивания пыли.

Над полками висели картины, потемневшие от времени, но все дорогие, писанные на вековых досках, впитавших высокие человеческие устремления и творческий дух, как живая губка впитывает воду. Лотар вздохнул и отвел от них глаза. Они тут были пленниками, на них даже не хотелось смотреть.

Внезапно его внимание привлекла небольшая сумка, похожая на обычный заплочный мешок, но слишком маленький, чтобы быть настоящим походным приспособлением. Он очень походил на северную волюнку, только дудочки из нее не торчали, и Лотар мог поручиться — это был не музыкальный инструмент.

— Что это?

Не оборачиваясь, Хифероа ответил:

— Это Бесконечный Мешок. Что-то опускаешь туда, и предмет как бы исчезает.

— Он ничего не весит? — переспросил Лотар.

— Весит, но не имеет размера и не мешает при ходьбе.

Желтоголовый завистливо вздохнул:

— Вот бы мне такой для моих перелетов... А достать назад свои вещи-то можно?

— Конечно.

— И на них не будет следов магии? Или без магии не обшлось?

— Сам Мешок, конечно, магический.

— Я спрашиваю не о том. На предметы он не оказывает влияния?

— Знаешь, Желтоголовый, забирай его и уходи, а?

Лотар наконец понял: он знает, что ценит Хифероа и что сразу сделает его гораздо уязвимей, чем он есть сейчас.

— Я пришел сюда не за мелочью, колдун. Ты должен мне ска-

зять нечто очень важное, чтобы я ушел отсюда и не расстроил, к примеру, твои приборы.

Хифероа в изнеможении откинулся на спинку кресла. Теперь он не боялся, даже бледность исчезла с лица. Он просто был в отчаянии и дышал с таким шумом, что Желтоголовый без труда слышал его на противоположном конце зала.

Лотар продолжил:

— Сам посуди: я вынужден маскироваться, рассеивать ауру путника, а зачем? Проще уничтожить то, что снабжает моего врага информацией, и спокойно гулять где вздумается. Ну, вернее, самому мне будет трудно быстро сокрушить весь твой светящийся лес, но у меня есть план. Я устрою еще одну драку между драконами, только уже не в твоём будуаре, а там, где стоят живые машины. Как думаешь, твоя стража лучше справится с уничтожением лаборатории, чем я?

Теперь на Хифероа было страшно смотреть. Он попросту стал старым.

— Да и ты без приборов станешь не нужен Нахабу.

— Нет, — шепотом ответил маг, — только не это, я растил и настраивал их семьсот лет, если они погибнут...

Лотар постарался ухмыльнуться как можно гнуснее:

— Непременно погибнут, если ты не захочешь сказать мне, где искать Сроф.

— Только это, и больше ничего? — В голосе Хифероа не было даже тени надежды.

Но Лотар не собирался ему лгать.

— Не знаю, может быть, мне придется еще не раз к тебе зайти, ведь ты, похоже, знаешь то, чего не знает больше никто. Машины у тебя пока работают, а они, кажется, могут выznать все на свете.

— Но пока ты оставишь меня в покое?

— Пока — да. Обещаю.

— Тогда так, в тайге у истоков реки Ур есть курган Одноглазой Амазонки. Он не имеет никакого отношения к амазонкам, он скрывает дом Сроф.

Лотар подумал, подошел к магу и заглянул в его глаза. Они вдруг стали очень светлыми, словно их закрыла катаракта.

— А как она в него попадает?

— Курган раскрывается, когда ей это нужно.

Это следовало проверить. Лотар ментально позвал:

«Сухмет!»

Старик тут же отозвался в его сознании далеким усталым голосом:

«Той частью, которой я нагрузил тебя, господин мой, я не чувствую лжи. Кажется, он сказал правду».

Лотар вздохнул с облегчением. Этот разговор и ему не доставлял удовольствия.

— Ну, вот и все, Хифероа, я уйду.

Он и в самом деле направился к дверям, через которые вошел в этот зал полчаса назад. Но по дороге вдруг передумал, вернулся и забрал с собой Бесконечный Мешок. Желтоголовый знал, что Хифероа возражать не будет.

Глава 9

Едва Лотар добрался до лагеря, как на него напал жуткий голод. Он мог бы, кажется, сожрать быка. Но прежде чем Желтоголовый нашел выход из замка Хифероа, отрастил себе крылья, прошел лабиринт силовых полей и спустился на каменный карниз, где они разбили лагерь, Сухмет уже обо всем догадался и приготовил горячую как огонь похлебку из мяса убитого накануне яка, каких-то сухих корешков и растопленного снега.

Лотар выхлебал две полные миски с сухарем, чего с ним уже давно не случалось, и пожевал мяса, рассказывая о том, что с ним произошло в замке Хифероа.

— А выбирался уже просто. Драконы выдохлись, остальные от шума, который они подняли, разбежались. Пока шел к выходу, я никого не увидел, — закончил он свое повествование. Это была чистая правда. «Всегда бы так все кончалось», — подумал Лотар.

Виана посмотрела на него огромными желтыми глазами белой волчицы и облизнулась. Она тоже только что сгрызла кусок мяса с костью, и движение это было вполне естественным. Но Желтоголовому почудилась в нем какая-то странная гримаса — то ли насмешка, то ли подавленный вздох сожаления. Он мотнул головой, отгоняя от себя наваждение. Если бы Ду-Лиа хотела, она бы сказала ему все словами, без всяких недомолвок и облизываний.

На Рубоса этот рассказ произвел самое хорошее впечатление. Он вскочил с одеяла, на котором сидел, слушая Лотара.

— Ну, если все понятно, отправляемся в тайг?

Сухмет, а за ним и Ди послушно кивнули и принялись сворачивать лагерь. Им в самом деле следовало отправляться в тайг.

Этот огромный, ни на что не похожий, простирающийся на тысячи верст северный лес, о котором рассказывали самые жуткие, самые небывалые истории, считался у степняков практически непроходимым и поглотил без следа экспедиции, караваны и даже целые племена и народы. Дорога туда большой радости не сулила. Но делать было нечего. К тому же Лотару показалось, что Сухмет, следивший за сознанием Хифероа, пока он рассказывал, еще внимательней, чем сам Желтоголовый, уже определил точку в немых пространствах тайга, которую белобородый маг назвал курганом Одноглазой Амазонки.

И в любом случае им должно было помочь то, что путь их лежал к истокам Ура — действительно немалой реки, о которой даже Рубос, мало бывавший в центре Северного континента, кое-что слышал.

С самого начала этого похода горы оказались негостеприимными. Им пришлось голодать. Съев все мясо, они попробовали поохотиться, но даже Сухмет со своими магическими способностями на десятки миль в округе не мог обнаружить зверя крупнее мыши. К концу недели, когда кончилось даже Сухметово месиво, пришлось отваривать ремни, отыскав заросли сухих кустов для костра.

Хотя Сухмет и уверял, что они получились совсем неплохо — можно было пожевать и кое-какие куски даже проглотить, Азмир стал жаловаться, а Рубос — ругаться.

На третий день голода они уже ослабели и смогли пройти не больше двадцати миль. К счастью, безжизненные горы сменились горным лесом — низкорослым, редким и засыпанным снегом. Здесь уже водилась кое-какая живность. Сухмет нашел гнездовья каких-то странных голубей, и они с удовольствием набрали почти две дюжины небольших, чуть больше кулака, птиц. Все понимали, что после долгого голода лучше не набрасываться на еду, но наелись до рези в желудке. После роскошного ужина они встали очень поздно и едва смогли шевелиться.

Азмир предлагал набить еще птицы в дорогу, но Сухмет ему объяснил, что теперь голодные времена кончились. Хотя бывший предводитель бандитов ему не поверил, к вечеру этого дня они и в самом деле вышли к великолепному горному озеру. Здесь было полно рыбы и бесчисленное количество перелетных уток, гусей и лебедей. А вода в нем хоть и была ледяной, но сверкала такой чистой голубизной, что Лотар не удержался, трансмутировал себе жабры и поплавал под водой, как настоящая амфибия.

Это привело Азмира в ступор. Он просто не мог поверить, что человек, рядом с которым он жил почти месяц, оказался способен на такое. Вечером пустынный отсел на некоторое расстояние от костра, опасаясь, как бы что-то подобное не учинили и Рубос с Сухметом. Старику пришлось насыщать на бывшего грабителя чары утешения, и только после этого пустынный стал вроде бы отходить и даже меньше боялся волчицы.

На берегу озера они отдыхали целый день. Лотар почувствовал, что это необходимо. Да и распылить ауру странников было легче в покое, на привале. Лотар, правда, выразил сомнение, нужно ли это, но Сухмет даже спорить не стал, а молча сел, глядя на заходящее за покатые горы солнце, и принялся за дело, чтобы очистить их от «зелени».

К исходу следующего дня они подошли к террасе, которой заканчивалось горное плато. Открывшийся вид был так прекрасен, что они почти час смотрели на голубой простор, на зеленый ковер леса, лишь изредка прерываемый желтыми песчаными языками близкой пустыни и сверкающими, как серебро, мелкими озерцами, да жевали рыбу, которую накопил Сухмет.

Спуск занял почти два дня, потому что терраса, как ни странно, оказалась высотой более тысячи футов, предложение Лотара перенести всех на крыльях было встречено скептически, а тропинку, ведущую вниз, они нашли не сразу. Когда они спустились, на них сразу навалилась жара. Как и полагалось по календарю, тут стояло лето.

В течение следующей недели они одолели расстояние чуть не в три раза большее, чем за месяц блужданий по горам. Для Рубоса тридцать-сорок миль с одним привалом в день оказались чрезмерной нагрузкой. Обычно жизнерадостный, мирамец выглядел

погасшим и равнодушным ко всему на свете. Лотар уже в который раз подумал, что его друг заметно сдает.

И когда все уже стали подумывать еще об одном дне отдыха, они вдруг вышли к морю. Но Сухмет со вздохом учителя, уставшего объяснять очевидное, пояснил:

— Это не море, это Великое Озеро. Начало Северного континента, если вы сообразовите вспомнить карту.

Лотар вспомнил карту: Северный континент и в самом деле начинался с огромного соленого озера, в которое впадало более тысячи рек и речушек, текущих как с гор, так и из тайга. Кстати, река Ур тоже впадала в него.

Это озеро делило не очень широкую перемычку Северного континента, упирающуюся тут, где сходились все четыре континента мира, на две изрезанные, почти кружевные полосы земли, на которых располагался десяток карликовых государств, непрерывно выясняющих друг с другом отношения. Зато в северной части озера начинался уже тайг, и тот берег озера никому, кажется, не принадлежал.

Итак, им предстояло пройти через десяток воинственных княжеств, и Лотар заранее мог сказать, что это невозможно. Но Сухмет, который поймал эту мысль Желтоголового, лишь усмехнулся. У него уже все было продумано.

Там, где они сейчас оказались, вдоль рек появились деревни. Лотару показалось, что жить тут можно было бы и хуторами, как жили в северных степях, но Ди, который лучше знал местные нравы, не очень отличающиеся от нравов северной части его родной Поднебесной, произнес только одно слово:

— Грабители.

Действительно, грабителей тут было немало. Они поняли это по тому, что их ни в одной деревне ни разу не пустили ночевать. С чужаками тут просто не разговаривали. Тем более с такими подозрительными — с оружием и без поклажи, то есть явно не купцами.

Однажды виана разбудила Лотара перед самым рассветом, внимательно и требовательно вглядываясь в него. Лотар почувствовал этот взгляд, словно его кто-то толкнул. Виана сидела, мирно обернув хвост вокруг ног.

— Мне нужно уйти, — сказала она своим звеняще-молодым девичьим голосом. — К тому же и это тело надо отпустить. Оно устало, ему пора возвращаться.

— Как я узнаю тебя, когда ты вернешься? — спросил Лотар.

Волчица на миг прижала уши к голове, словно готовилась к атаке или смеялась:

— Узнаешь.

И она исчезла, растворилась в предутреннем мраке. Лотар поднял световую чувствительность глаз, чтобы проследить за волчицей еще немного, но, как ни старался, ничего не увидел. Помимо воли им овладела грусть. Ему захотелось, чтобы виана вернулась поскорее.

На третий день путешествия по берегу Великого Озера они

вышли к большому и богатому городу Итл-Архенах. Здесь они наконец смогли впервые за много недель вымыться в настоящей бане и выспаться на настоящих простынях. Это существенно подкрепило их силы.

На следующий день Рубос и Лотар отправились на рынок и в порт. И тут их ожидало первое разочарование. Оказалось, город готовился к войне, и мужчин, способных носить оружие, не выпускали из страны без залога. Причем залог был так велик, что денег Сухмета хватало лишь на одного человека, да и то если поторговаться со сборщиком. Восточник уже было начал раздумывать о магическом приеме, позволяющем выбраться из этой ловушки, как вдруг Азмир совершенно случайно, но на редкость удачно познакомился с купцом из северных стран, который не мог уйти на своем кораблике из Архенаха. Купец согласился подделать документы на всех четверых как на наемных стражников с Севера, что существенно уменьшало залог. Он даже брался уплатить эту сумму, но требовал, чтобы они провели его корабль мимо пиратских островов. На том и сошлись.

К этому времени Сухмет уже рассеял их ауру путников так основательно, что Рубос даже впал в сонливость. Но на корабле это никому не вредило.

Это не повредило даже тогда, когда у островов за ними погнались несколько очень быстроходных и хищных на вид фелюг. Лотар не очень хорошо знал мореходное дело, но даже он понял, глядя на эти низкие, мелко сидящие в воде кораблики, больше похожие на лодки, с которых в Южном море рыбачат у берегов, что им не уйти и схватка неизбежна. Купец, который их нанял, запаниковал, пришлось прогнать его с палубы, чтобы не мешал, но он то вбегал в свою надстроечку, то выбегал, так что покоя от него все равно никому не было.

Лотар подошел к Сухмету, который сидел на корме рядом с Ди и спокойно разглядывал приближающиеся фелюги.

— Ты был против драки, чтобы не выдать себя раньше времени, — сказал он. — А сейчас?

Сухмет вздохнул и погладил посох Гурама, который мирно лежал на его коленях.

— Я и сейчас против.

— Но кажется...

— Эта шайка состоит из двух кланов, в ней два предводителя.

Лотар все понял.

— А удастся?

Сухмет усмехнулся, по-восточному кивнул и, не обращая внимания на купца, на капитана их кораблика и даже на матросов, принялся читать заклинание. Оно оказалось очень эффективным.

Пираты впали в боевую ярость раньше времени. Тогда, проверив все еще раз, Сухмет выстрелил из посоха Гурама острым тонким лучом, и на одной из фелюг началась потасовка. Минут через пять один из дерущихся вдруг вскочил на борт и пронзительно

закричал о помощи, размахивая каким-то платком. Это послужило сигналом.

Три или четыре фелюги изменили курс и пошли на сближение с тем суденышком, где кипела драка. Тогда и остальные, прекратив преследование северного кораблика, сдвинулись бортами с изменившими курс собратьями, и выяснять отношения стала вся шайка.

Купец, капитан, а с ними и все матросы вздохнули с облегчением. Но когда они миновали опасные воды, купец вдруг загрустил. Лотар прочитал в его сознании отчетливую мысль, что не стоило платить залог за всех этих странных пришельцев, хватило бы и одного Сухмета.

Он так убивался по затраченным впустую деньгам, что, когда они уже пришвартовались к небольшой пристани в устье какой-то северной реки, где их пути расходились, Лотар, сходя на берег, сказал ему:

— А если бы банда оказалась из одного племени? Или была бы лучше организована? Или волшебство не подействовало бы?

Такие простые мысли не приходили купцу в голову. Он просветлел лицом и переспросил:

— Значит, все было не зря?

А Сухмет добавил:

— К тому же, считай, ты купил не один магический трюк, а мешок чистого везенья. А за это переплатить невозможно.

И хотя купец пока ничего не понял, ему предстояло понять это позже. У всех, кого хоть раз взял под защиту Лотар, дела шли успешнее, чем когда-либо прежде.

Глава 10

Запасов, которые они сделали в харчевне, хватило бы для небольшого отряда. Держатель заведения готовил их почти два дня, а путники за это время вполне прилично отдохнули, хотя, по мнению Лотара, это было и не особенно нужно — все выпались и отъелись на корабле. Но Рубос полагал, что и эти дни были не лишними.

Нагрузившись так, что весь скарб не удалось бы даже поднять, если бы не Бесконечный Мешок, который доверили нести Сухмету, они вышли на околицу, потом через поля отправились в мирный светлый лесок. К полудню дошли до неширокой поляны и тут остановились.

Невысокие лиственные деревья кончились, потом шла полоса травы в два-три десятка тузов, а за ней вставал мощный, на удивление высокий лес из темных хвойных деревьев. Это начался тайг. Он протянулся от этой полянки почти до самого Севера, где и деревья уже не растут, а в вечных сумерках начинаются бесконечные болота, уходящие под неимоверной толщины ледовую шапку. Что было по ту сторону льдов, никто не знал. Одни

путешественники писали, что там встает непреодолимая стена, другие утверждали, что начинается новый мир.

Итак, перед ними стоял тайг. Он словно бы смотрел на путников, и в этом хмуром, жестком, холодном взгляде было равнодушие воина перед схваткой. Лотар без труда определил это настроение, он знал его по бесчисленным поединкам и сражениям, он умел его определять даже, казалось бы, в безглазом тайге.

— Если бы это не было так необходимо... — угрюмо проговорил Рубос, но не закончил фразу.

Сухмет кивнул и стал поправлять свой Мешок.

— Без этого невозможно, Рубос.

Лотар представил, что где-то в лесу, где, может, никто и не живет, находится этот курган... «Хоть бы знать, что мы ищем, как он выглядит», — подумал Желтоголовый, но уточнять не стал.

— До наступления зимы можем и не дойти до этого кургана, — все так же угрюмо проговорил Рубос. — Идти по тайгу — испытание не для слабаков.

— Все равно нужно попробовать, — вздохнул Азмир. — В горах было не легче.

Он редко подавал голос, но в последнее время в его характере появилось больше спокойствия и уверенности, пропали мелочность и склонность всего бояться. Пустынник постепенно становился надежным другом. То ли причиной была магия Сухмета, то ли в глубине характера у него оказался стержень настоящего бойца, но теперь он не выказывал раздражения, лишь иногда что-то темное мелькало в его лице, но Лотару казалось, что бывший разбойник изживает свое прошлое.

Рубос вздохнул, поправил меч и шагнул вперед.

— Пошли?

И вдруг мир изменился совершенно. Это не грозило опасностью, потому что колокольчики молчали. Лотар закрутил головой. И тут увидел ее.

Она сидела на веточке в облике лесного сокола...

«Соколихи, — поправила она его на внутреннем языке, — я предпочитаю быть женщиной, так мне удобнее».

Лотар поклонился ей, улыбаясь во все тридцать два зуба. Сухмет тоже склонился в поклоне. Остальные еще не понимали, что происходит. Кроме Ди, конечно.

— А я уже волновался, найдешь ли ты меня? — ответил Лотар.

Если бы птицы могли фыркать, соколиха определенно фыркнула бы, и весьма убедительно. Потом она перешла к делу:

— Значит, так. Вытащите всю еду, разделите на равные части, остановок не будет, каждому придется есть и пить на ходу.

— Как на ходу, господа? — вежливо попытался перебить виану Сухмет, но она не обратила на его вопрос внимания.

— И предупреди всех, особенно людей, чтобы они ничего не боялись. Если у вас есть ремни, приготовьте их все. Спать тоже придется на ходу, если кто-то упадет, никто его не подберет...

Все это звучало зловеще. Сухмет уже принялся за дело, перево-

ды слова вианы на нормальную человеческую речь. Рубос попытался было высказаться по этому поводу, но не успел.

Затрещали ветки, зашуршала высокая трава. Лотару показалось, что земля под ногами дрогнула. И из стены деревьев на той стороне поляны, где начинался тайг, выступили десять мощных, украшенных ветвистыми рогами гигантских оленей. Лотар никогда не видел таких зверей. Каждый весил не одну тонну, но ступали они так легко, что могли пройти по болоту. Каждый смотрел вперед, гордо вскинув голову, и было непонятно, как они проходили по густому тайгу.

Люди принялись раскладывать груз на пять тюков. К счастью, хозяйственный Сухмет не выкинул ни одной торбы из тех, с которыми они отправлялись еще из Лотарии, когда заполучил Бесконечный Мешок. Воды они заготовили явно недостаточно, но Лотар подозревал, что Ду-Лиа преувеличивала: оленям тоже нужно пить, поэтому можно приспособиться набирать воду во время водопоев. А вот что касается ремней и седел, тут им пришлось использовать одеяла, а кроме того, Сухмет разрезал на куски веревку и привязал ее прямо к рогам оленей.

Когда Лотар взобрался на своего самца, то ощутил сзади вполне удобный валик жира, который образовал нечто вроде естественной спинки, так что, захватив руками кусок веревки, привязанный к рогам, он надеялся не упасть даже во сне.

Когда все были готовы, Лотар посмотрел на каждого из спутников. Они выглядели довольно странно на огромных, почти плоских спинах гигантских оленей, но выбирать было не из чего. Вернее, можно было продолжить путешествие пешком, но это было заведомо хуже. Он спросил виану:

— Ты знаешь место, где находится курган?

Виана, похоже, снова фыркнула. Должно быть, ее иногда очень раздражала непонятливость людей. Сегодня был, видимо, как раз такой день.

— Я знаю истоки Ур. Туда и направляю оленей. А дальше придется искать...

Договорить она не успела. Олень, на котором сидел Лотар, совершил огромный скачок, легко разделил нижние ветви деревьев, а потом стал все более частыми скачками набирать темп.

Лотар даже ахнул не успев, как его товарищи уже скрылись за ветвями. Теперь он слышал только громовой треск разрываемых оленем веток, которые расходились в разные стороны, как морская вода расходится от летящего в волнах дельфина.

Лотар посмотрел под копыта оленя — земля летела как под хорошим скакуном. Вот только ход его был не ровным, как ход лошади, а прерывистым, скачкообразным. Сначала Лотар не понял, чем это вызвано, и лишь потом догадался, что так легче было прорывать сплошную стену ветвей, и эта скачка была выработана оленями, вероятно, еще в те времена, когда на Земле не было ни людей, ни, может быть, даже демонов.

Но такая скачка требовала чудовищного расхода сил. Прошло не более часа, а передового оленя, на котором скакал Лотар, сме-

нила заматеревшая самка с семью прядями от ушей до живота. Она была невероятно сильной и продержалась почти полтора часа, разрывая ветви, пробивая их, как таран пробивает крепостную стену. Потом ее сменил олень, на котором восседал Сухмет.

К этому времени все стало более или менее понятно. Передовой зверь прокладывал путь, остальные работали вполсилы, если так можно выразиться, потому что даже попытка пройти по проторенному пути все равно была нелегкой работой.

А потом и прошлое, и настоящее, и будущее слились в одной бесконечной скачке. Все стало единым целым — сон и еда, бодрствование, и неловкие попытки облегчиться, и жажда, потому что олени не останавливались даже на водопой, и странное, звенящее ощущение во всем теле от бесконечных прыжков, рывков, скачков и грохота ломаемых веток, хруста подминаемой растительности, чавканья вечно сырой земли под копытами внизу...

Спустя три дня, когда кончилась вода, Лотар понял, что олени не так уж и выносливы: те, что шли в конце колонны, все время стремились подцепить огромные пучки зелени, которые жевали на ходу. Потому им и воды было не нужно — в сочных стеблях ее было достаточно, чтобы выдерживать этот темп. «Зря понадеялся на водопой», — решил Лотар. Но тут вдруг навалились другие проблемы.

Лес вокруг изменился: стало больше солнца и залиvistых птичьих голосов. Деревья здесь росли не так густо, оленям стало легче бежать, и они помчались быстрее. И тут за ними стали охотиться.

Дважды Лотар видел янтарных медведей, прозванных так за изумительный блеск шерсти, которая чрезвычайно высоко ценилась на Западном континенте. Но медведи были сыты и не расположены догонять оленей, которые еще не вымотались и поэтому способны были, в случае опасности, увеличить темп скачки.

Но вот от стаи борзых лис им уйти было труднее. Об этих лисах Лотар где-то читал. Некогда они считались чумой, бичом Западного континента. Огромные стаи этих злобных серо-бурых зверьков с телом и мордой обычной лисицы, но ногами охотничьей борзой, терроризировали многие страны и даже города, беря их измором. Здесь, как оказалось, они выжили и, похоже, даже прайвали бал.

Когда огромная стая лис бросилась в погоню за оленями, некоторые из рогачей вдруг занервничали. Пара более молодых животных, к счастью, не тех, кто нес путников, вдруг кинулась куда-то в сторону. И часа не прошло, как лисы их настигли, потому что пробивать путь эти олени уже устали, а лисы просто проныривали между деревьями, не оставляя даже волоска со своих шкур.

Но эти жертвы позволили уйти другим оленям: бежавшие впереди лисы наелись, отжелели, а остальные без вожаков уже не рвались в бой столь уверенно, как вначале. Итак, они спаслись. Лотар полагал, что это все устроила виана. Только она могла заставить пожертвовать собой двух оленей, чтобы спасти остальных.

Хотя вианы не было видно, Лотар не сомневался, что она где-то неподалеку, потому что ни разу за эти дни не ощущал в сознании полного одиночества. Ему все время казалось, что там присутствовала тень или отражение теплого, дружественного сознания феи-охранительницы.

На десятый день, когда от жажды Лотар уже стал впадать в состояние, близкое к обмороку, да и другие путники чувствовали себя не лучше, темп скачки резко снизился. И в сознании Желтоголового прозвучал спокойный девичий голосок:

«Срезайте веревки и спрыгивайте. На ходу, остановить их я не могу».

Лотар прокричал остальным путникам, что следует делать. Потом проверил, не напорется ли он на меч, когда будет спрыгивать со своего скакуна, одним ударом Акифа отрубил у самых рогов свои веревочные петли и...

Желтоголовый свалился в заросли высокого, выше человеческого роста, папоротника. Он рос здесь не одно тысячелетие, и сплошной коричневый ковер опавших папоротниковых стеблей и листьев смягчил падение. Прокатившись по земле, Лотар погасил динамику, раскинув руки, и расслабился.

Он лежал, восстанавливая способность двигаться. Над ним мерно качались верхушки деревьев. Вокруг стоял полумрак. Треск сломанных оленями веток, грохот их копыт, лишь немного смягченный одеялом из гниющих растений, затихал где-то вдаль. Олени уходили на север.

Виана появилась, когда они еще не успели собраться вместе. Ди не сразу прыгнул, вернее, свалился со своего оленя — в тот момент, когда Лотар отдал общий приказ, так сказать, спешиваться, он мирно дремал.

Виана прилетела на этот раз в виде кукушки. Довольно большая птица, которую сразу увидел даже Азмир. Она осмотрела путников, тоном, не вызывающим возражений, посоветовала:

— Идите на восток, — и снова куда-то улетела.

На этот раз ее ментальная речь совпала со странной трелью, которая вырвалась из птичьей груди, кажется, помимо воли. Лотар опять вспомнил птицу с удивительным голосом у Клетки Планы и пошел искать Ди.

Они отправились в путь только на следующий день, когда немного пришли в себя от бешеной тряски, а вода из ручьев и свежее мясо подстреленных из лука диких индеек, которых тут было великое множество, укрепили их силы.

И все-таки те двадцать миль, что отделяли их от единственной, как утверждал Сухмет, возвышенности в округе, они преодолевали три дня. Почти половину пути им пришлось прорубаться, но даже не это было самым скверным. Комары — иногда довольно большие, так что их сразу чувствовала кожа, когда они садились, или маленькие, которые даже после укуса не становились заметнее, — вот что заставляло их двигаться без привалов.

Сухмет раз десять пытался поставить непробиваемую магичес-

кую завесу, но она лишь ослабила пыл кровососов да, может быть, уменьшила их количество, но никого не избавила от муки.

К тому же под сводами деревьев все время было сумрачно и казалось, что настала осень. В таком полумраке идти было труднее.

Вечером второго дня Сухмет, так и не справившись в очередной раз с комарами, стал разгонять зеленую ауру. Лотар подсел и от усталости довольно бесцеремонно спросил:

— А во время скачки ты этого, кажется, не делал?

Сухмет кивнул и повернулся к Желтоголовому. Стало заметно, как старик изнурен, какой желтой стала его кожа, как побледнели губы, каким лихорадочным блеском горят глаза.

— Верно, мой господин. Но тела оленей вполне прикрывали нас своей аурой, не стоило им мешать.

— А враг мог почувствовать бег оленей?

— Наверняка почувствовал, но вряд ли обратил на него внимание. Такие скачки олени устраивают каждый год, в этом нет ничего необычного. Странно, что виане удалось уговорить их удерживать нас на спинах, а в остальном... Все было так, как заведено многие тысячелетия назад.

— Мне тоже так показалось, — ответил Лотар и ушел, чтобы не мешать Сухмету работать.

К исходу третьего дня они вдруг вышли на относительно открытое пространство. Деревья тут были не выше тех, к которым Желтоголовый привык в лесах Лотарии, и росли они не чаще, чем в ином фруктовом саду. Стало видно небо. Все по нему соскучились, особенно Азмид, который стал на колени и пару раз коснулся лба кончиками пальцев, не отрывая взгляда от голубизны над собой.

В этой разреженности и вновь возникшей перспективе стало видно, что они стоят у подошвы довольно большого, хотя и не очень высокого холма. Все в нем было обычно, он не отличался от леса, через который они проламывались все это время...

Если бы не одна странность, которую Лотар почувствовал сразу, едва подошел к нему. Строго посередине эту возвышенность разделял тонкий, не толще волоса, шов. Именно по нему и расходился курган, когда Сроф влетала в свое гнездо.

Глава 11

— Смотрите! — закричал Азмид.

«Вот это да, — подумал Лотар, — не один Рубос стареет, вероятно... Как я мог не заметить?»

На самой верхушке кургана, молчаливо, как долгая зимняя ночь, стояло каменное изваяние. Помимо очевидной старины было в нем что-то, что заставляло вспомнить и людей, и некоторых зверей, и даже, кажется, птицу Сроф, как ее себе представлял Лотар. Шов, разделяющий курган надвое, проходил у самых ног каменного существа.

Все собрались у изваяния. Тут почему-то чувствовался ветер,

хотя деревья вокруг стояли не ниже, чем под курганом. Впрочем, нет, все-таки чуть ниже, и у них были искривлены стволы, словно их обдувал этот ветер еще ростками. Это было странно. Лотар посмотрел на Сухмета.

Ему подсказки были не нужны, он уже проверял, не связана ли птица Сроф с элементами воздуха, которые тут могли выполнять сторожевую или какую-нибудь похожую роль. Спустя некоторое время старик уверенно покачал головой и сказал:

— Нет, господин мой, это заложено в конструкции двери, к магии не имеет отношения.

Рубос все понял.

— Хорошо бы.

Лотар оглянулся на Азмира. Даже пустынный, кажется, стал понимать. Он многому научился за последние полтора месяца, это говорило в его пользу. «Может быть, — подумал Лотар, — он и не безнадёжен».

Азмир как будто подслушал мысли Лотара: он подошел к каменному истукану и громко произнес, ни к кому не обращаясь:

— Грудь как у женщины, а глаз нет. Зато над переносьем складка, словно у циклопа.

— Откуда ты знаешь легенды о циклопе? — быстро спросил Ди.

— Ну, не только образованным знать о нем, — беспечно ответил бывший разбойник и похлопал камень грязной рукой с обломанными ногтями.

Лотар и сам уже догадался, почему курган так называется, просто он решил, что это заметили все. Но вот для Азмира это оказалось открытием. Рубос его поддержал:

— Да, Азмир, теперь понятно, кто тут Одноглазая Амазонка.

Удовлетворенный похвалой, пустынный отошел в сторону, сел на стелющиеся ветви какого-то кустика и стал смотреть на восток. Ди тем не менее покачивал головой. Сухмет вдруг сказал:

— У меня дурацкое чувство: если будем стоять тут долго, нас заметят.

— Кто? — спросил Рубос.

Сухмет пожал плечами, но Лотар готов был согласиться с ним. Тогда Рубос уверенно произнес:

— Ну, раз так, нужно входить.

— Куда? — не понял Азмир. Хотя он сидел ко всем боком, окзалось, он все слышит.

— Туда, где она обитает. Мы же собрались устроить тут засаду, ты не забыл?

Сухмет ответил вместо пустытника:

— Если бы еще знать, как войти, Рубос, я бы немедленно последовал твоему совету.

Рубос нахмурился:

— Но ведь она входит?

Ди спросил:

— Что может открыть курган? Слово, мысль, заклинание?

— Должно быть, что-то быстрое, — Рубос задумчиво погладил подбородок, — чтобы можно было легко открыть, возможно, еще

на лету. Она же может прилететь уставшей, раненой, да какой угодно!

Лотар провел рукой по коротким волосам над налобной пластиной.

— Как вспомню ее крик, так мороз по коже...

Сухмет, Ди и Рубос воскликнули в один голос:

— Крик!

Они посмотрели друг на друга с сомнением. Если такая очевидная мысль пришла им в голову одновременно, значит, она была неверной. Но Лотар не был склонен отказываться от нее так быстро.

— Вслушайтесь. Над лесом стоит тишина, никто тут не живет, никого поблизости нет.

— Ну и что? — спросил Сухмет.

Лотар понял, что это не может иметь для других доказательной силы, хотя для него, по какому-то внутреннему закону, который он и не пытался объяснить, тишина вокруг увязывалась именно с криком.

Сухмет подумал и согласился:

— Ну ладно. Давай попробуем.

Шадя остальных, они отошли в сторону, под развесистый вяз, и Сухмет стал накачивать Лотару память.

Сначала, как обычно на таких сеансах, не было ничего. Настоящая действительность просто отступила, стерлась и стала почти неразличимой. Потом вдруг проступили ощущения — прежние ощущения, испытанные им в Ашмилоне много лет назад.

Жара и сырой холодок подземелья одновременно. Запах пустыни и остывающих камней. Он сидит с Рубосом в каком-то каземате, в стене пробито окошко, через него видны звезды... Может, это было и не так, но сейчас Лотару так казалось. И вдруг раздался крик...

Он вздрогнул. Это было действительно неприятно. Сухмет заглядывал в его глаза с участием.

— Вспомнил?

Непонятно почему Лотар вдруг спросил:

— Слушай, Сухмет, почему бы тебе самому не исполнить этот трюк? Ты и сам его не раз слышал, а я убежден — объем легких у тебя не меньше моего, и фонетику ты знаешь получше...

Сухмет даже не улыбнулся.

— Господин мой, я даже не буду пытаться. Я, если и не захочу этого, вложу в крик толику магии. А он должен быть очень чистым, только горловым. Его может воспроизвести лишь тот, кто не практиковал ничего сильнее обычной медитации, иначе нас ждет что-то очень скверное.

Лотар удивился:

— Так у меня будет только одна попытка? Тут стоит какая-нибудь сигнальная система? Или есть кто-то, кто закроет курган наглухо, если крик у меня не получится как надо?

Сухмет подумал:

— Нет, если ты будешь честно кричать, ничего такого не будет.

Вот если попробовать колдовать, тогда... — Внезапно он опечалился. — В этом деле, господин, будет еще немало моментов, когда все решат только сила, только подготовка, только естественные человеческие качества.

Лотар посмотрел на него с сомнением:

— Пока все получалось неплохо и с твоим колдовством.

— Пока... — Сухмет вытянулся, как сержант на плацу. — Ну, давай пробовать, господин мой.

Лотар усмехнулся: в интонации старика звучал приказ — по контрасту со словами.

Он вспомнил крик птицы Сроф еще раз про себя и вдруг заорал в голос, подражая воспоминанию. Разумеется, вышло отвратительно. Даже Сухмет, не ожидавший быстрого успеха, отрицательно покачал головой. В его глазах читалось разочарование.

Лотар снова погрузился в воспоминания, и вдруг в его сознании всплыли страницы, посвященные описанию сферы звука, возникающей при магических криках, таких, например, как ведьмин крик. Он представил себе эту сферу, сделал ее тяжелой, как чугун, и снова закричал, уже не думая о звуке, заботясь лишь о сфере.

На этот раз Сухмет вспотел, и в то же время его пробила такая дрожь, что он даже не сразу смог заговорить — так плясали губы:

— Т-транс... мутируй... немного-го-го гор... ло.

На всякий случай он объяснил фразу жестом. Лотар представил крик таким, каким он его теперь хотел услышать, и тут же почувствовал, что глотка его изменилась. Он и сам не мог бы определить, что с ней произошло.

Желтоголовый повернулся к кургану, набрал в легкие воздуха и заорал.

На этот раз с вяза посыпалась листва, с соседних деревьев упали сухие ветви. Но у него получилось. Холм вдруг закачался, дрогнул и стал рывками, словно телега на неровной дороге, расходиться в разные стороны. Рубос, Ди и Азмир бросились с кургана вниз, как горошины из стручка.

Но курган разошелся совсем немного, не шире десятка футов. Потом все успокоилось. Лотар подошел к разверзшейся у его ног пропасти. Из нее дохнуло сыростью и какой-то особой тишиной, от которой хотелось завывать.

Кто-то зашелкал сзади. Лотар оглянулся. На ветке сидела Ду-Лиа, она все еще оставалась в теле кукушки. Лотар улыбнулся ей, взгляд птицы остался неподвижным. Лишь полупрозрачная пленка опустилась, а потом неспешно, как веер красавицы, поднялась. Это можно было при желании принять за ответную улыбку.

Подошли Рубос, Ди и Азмир. Мирамец был сердит.

— Предупреждать надо, Лотар, — процедил он сквозь зубы.

Лотар хлопнул его по плечу:

— Да я и сам не знал, что получится.

Рубос, конечно, мгновенно оттаял. Он хмыкнул и спросил:

— Что дальше?

Сухмет уже привязывал к вязу веревку, собранную из отрез-

ков, оставшихся от всей оленьей упряжки, которую он достал из Бесконечного Мешка. Первый узел, у дерева, получился довольно сложным, он должен был развязаться при определенном заклинивании, тогда веревка соскользнула бы вниз, в провал.

Азмир заглянул в черноту, ничего, конечно, не увидел, бросил камешек. Он отозвался секунд через пять.

— Тут высоко, локтей двести. И лезть не хочется.

«Так, — решил Лотар, — он стал откровеннее». Все становилось в мире лучше, даже бывшие разбойники.

— Может, крылья отрастишь, Лотар? Двести локтей — это не шутка, — предложил Ди.

Лотар посмотрел на Сухмета:

— Веревка до дна достанет?

— Конечно, я обо всем позаботился.

— Ты там никого не чувствуешь? — спросил Лотар. На всякий случай он проверил, как вынимается меч.

— Такое впечатление, — ответил Рубос, — что даже насекомых нет.

Сухмет проверил это утверждение, кивнул, соглашаясь, но тут же добавил:

— И все-таки лучше не будем отрачивать тебе крылья, господин. Трансмутация оставляет магический след, Сроф может его заметить, а мы собирались быть незаметными.

Первым опускался Лотар. Он сполз вниз с такой скоростью, что содрал кожу на ладонях и ободрал об узлы слишком нежные для такой операции внутренние части икр и бедер. Но когда он коснулся дна и осмотрелся, оказалось, что можно было и не спешить. Он стоял у стены огромного, темного, пустого зала.

Начиная с высоты футов в пятьдесят из стен поднимались довольно странные ветви, которые становились тем длиннее, чем на большей высоте они росли. Но это были не ветви, а переплетения ходов, переходов и каких-то ажурных чаш, похожих на подвешенные гнезда. Человеческого воображения не хватило бы, чтобы изобрести те каноны архитектуры, по которым это сооружение было устроено. Сделанное из камня, металла и какого-то другого материала, о котором Лотар никогда даже не слышал, сооружение было все-таки искусственным, и крепились эти ветви к прутам, установленным в пластах скальных пород, там и сям виднеющихся на стенах зала.

В центре, на высоте примерно футов ста или ста двадцати, кружево переплелось так плотно, что если бы Лотар спускался не с краю, а ближе к каменной бабе, он застрял бы в странных ветвях. Почему-то это действовало на нервы и заставляло касаться мечей.

Остальные путники опускались с изрядным трудом. В какой-то момент Азмир даже запаниковал, пришлось Рубосу на него прикрикнуть, как он пояснил стоящему поблизости Сухмету, в интересах самого же пустытника. Дальше Азмир спускался без осложнений, но, оказавшись внизу, долго не мог смотреть на Рубосу — то ли от стыда за себя, то ли переживая его окрик.

Дно зала под курганом оказалось сырым, его покрывал очень толстый слой костей, закаменевшего гуано и высохших веток, иногда довольно толстых. А запах стоял такой, что Рубос попросил Сухмета защитить как-нибудь его обоняние. Сухмет исполнил просьбу. Тут можно было использовать какую угодно магию — любые ее следы растворялись в этой застоявшейся ауре боли, смерти и гниения.

Лотар притупил свою чувствительность сам. Иначе у него могла разболеться голова.

После трех попыток ему удалось прокричать так, что крыша наверху сомкнулась и стало темно. Вернее, стало темно для Рубоса и Азмира. Остальные, конечно, видели вполне достаточно.

Рубос попросил разрешения сделать факелы, но Сухмет отказал. Он считал, что мелкая магия безопасна, а вот огонь... Уж очень это было несвойственно птице Сроф. Вместо этого Сухмет поднял пустынною и мирамцу уровень темнового видения, насколько это было возможно для необученного сознания.

Ожидание, терпение и внимание стали привычной работой. Ночью неожиданно в одном углу пещеры забил небольшой ключ. Сухмет проверил воду и сказал, что она вполне чистая, можно пить, но под утро источник иссяк. Впрочем, следующей ночью он забил снова. Лотар почувствовал к нему тайную симпатию: этот веселый ручеек в окружающей темноте напоминал о смене дня и ночи, о рассветах и закатах. Конечно, Лотар и так мог бы увидеть, день снаружи или ночь, но обострять свои способности не хотел. Скорее всего по той причине, что Сухмет, который никогда не ошибался, этого не делал.

На третий день Азмир, отправившись по определенной надобности в дальнюю от источника сторону, наткнулся на огромную золотую монету. Глаза пустытника блеснули, когда он принес ее показать остальным. При виде золота у него даже перехватило дыхание, но монету он все-таки показал.

Монета навела на кое-какие мысли. Ближе к вечеру, чтобы при случае иметь воду под рукой, Лотар трансмутировал и взлетел на искусственные ветви, хотя еще пару дней назад они с Сухметом решили этого не делать, чтобы не насторожить птицу, когда она вернется.

Ветви, которые по прошествии нескольких дней уже представлялись им вполне обычными, оказались увешанными десятками гнезд. Некоторые были так велики, что в них мог бы уместиться бык, другие, наоборот, малы, как детская колыбель.

Перелетая от одного к другому, Лотар обнаружил, что эти каменные или металлические чаши иногда почти до половины наполнены драгоценными камнями или золотыми монетами. Драгоценности устилали дно в больших гнездах, как у птиц устилают гнезда пух, стебли травы или кусочки мха. В одном небольшом гнездышке стояли сосуды с драгоценными благовониями, маслами. В огромной, кажется, самой большой чаше Лотар нашел настоящий склад некогда великолепных тканей... Правда, от сыро-

го воздуха этого странного гнездовья ткани, которые лежали тут дольше других, стали рассыпаться.

А может быть, рассыпались они от старости. Не исключено, птица притащила эти свитки ткани много веков назад...

Устав рассматривать дивные творения природы и рук человеческих, так бездарно сваленные в кучу, Лотар спустился и рассказал всем, что он увидел.

Глаза Азмира, который полагал, что именно он обнаружил это богатство, горели теперь неугасимым блеском. Он, кажется, даже спать стал плохо, хотя в этом колодце больше и делать было нечего.

На третий день после того, как он нашел свою монету, пустыжник вдруг предложил:

— А что нам мешает забрать это богатство и дать деру? — Ему никто не ответил. — Так ли уж нам нужно биться с остальными врагами?

Рубос, устроивший себе лежбище из сухих веток и пары рулонов украденной ткани, лениво ответил:

— Вообще-то, когда ты похищаешь что-то ценное у таких зверюг, как Сроф, они себе покоя не находят, пока не отыщут тебя и не нападут в самый неподходящий момент. Лучше уж сразу грохнуть ее, чтобы потом не думать о последствиях.

— Ну так давайте грохнем, а потом...

— Нет, — проговорил Лотар. Он только что закончил сложную тренировку на одной из менее загаженных площадочек, вымылся и с удовольствием влез в свежевystиранный комбинезон, который намеревался высушить на себе. — Мы пришли сюда не грабить. Если тебе будут нужны деньги, ты получишь свое, но не раньше, чем...

— Хорошо, — предложил Азмир. — Отдайте мою долю, сколько сочтете нужным — я почему-то верю в вашу справедливость, — и я пойду себе.

— И далеко ты уйдешь? — насмешливо спросил Рубос. — До твоей деревни отсюда шагать и шагать.

— Нет, с деньгами везде хорошо, — решил поспорить Азмир. — Найму стражу, в крайнем случае, можно устроиться и в Архенахе.

— Тебя до Архенаха десятков раз ограбят или вовсе зарежут. Так что жди пока и готовься к бою с птицей.

На этом спор прекратился, Азмир затих. Но Лотар с сожалением понял, что никаких особых изменений в душе пустыжника не произошло. Или деньги относились к одной из самых сильных иллюзий, и изживать ее следовало не месяцы, а многие годы.

Прошло еще какое-то время. Как ни удивительно, Сухмет сказал вдруг, что еды в Бесконечном Мешке осталось на два дня. Азмир предложил уменьшить порции, но Рубос заявил, что гораздо разумнее подняться на поверхность, поохотиться и набить дичины еще на пару недель.

В этом был резон, совсем ослабевать от недостатка питания было бы глупо. Но Ди вдруг спросил:

— А как часто она вообще появляется тут? Может, это проис-

ходит не чаще чем дважды в год? Разумно ли тогда держать тут за-
саду?

«Он сам не в силах определить, как часто сюда прилетает пти-
ца», — понял Лотар. Он не знал, как это можно устроить, но не
сомневался, что такая задача по плечу Сухмету. Вот только сам
Сухмет пока молчал.

Зато подал голос Азмир:

— Вот именно. Если вам нужно сразиться с птицей, давайте
грабанем ее и будем ждать в более удобных условиях...

— Нам нужно не ограбить ее и даже не биться с ней, — напо-
мнил Сухмет мягким, как лесной мох, голосом. — Нам нужно
кое-что выяснить, поэтому я полагаю...

Договорить он не успел. Где-то высоко над их головами раз-
дался бешеный вой, вгоняющий в ужас даже на таком расстоя-
нии. Курган, вернее, крыша гнездовья Сроф стала расходиться.

Теперь понукать никого было не нужно. Все принялись лихо-
радно готовиться к бою. проверять оружие. натягивать доспехи.

Они едва успели. Только-только они замерли между кучами
веток, в заранее приготовленных, замаскированных сверху мес-
тах, как птица стала опускаться.

Глава 12

Птица Сроф опускалась, держа в лапах крупного оленя. Лотара
удивило, как легко она его несла, хотя эта легкость вовсе не озна-
чала, что движения ее были бесшумными. Она оглушительно
хлопала крыльями, иногда задевала свое искусственное дерево,
да так, что оно звенело, как струна, а пару раз Лотару показалось:
она вот-вот выпадет из большой каменной чаши, которую сегод-
ня выбрала себе для трапезы.

Она устала. Это было видно даже по тому, как медленно она
стала рвать оленя, хотя была голодна, очень голодна.

Рубос, который сидел под своей кучей веток, оглянулся на Ло-
тара. Между ними было всего футов двадцать. Лотар устроил их
укрытия так близко, чтобы можно было понять друг друга даже в
случае, если обстановка осложнится. Он уже хотел было сказать
Рубосу: «Не нервничай», — но тут в его сознании, а также и в со-
знании всех остальных раздался спокойный и убедительный
голос Сухмета:

«Не спешите. Дайте ей отяжелеть».

Лотар и сам хотел так поступить. Через четверть часа, когда
треск разрываемого мяса, шкуры и хруст ломаемых костей затих,
Лотар стал потихоньку отращивать себе крылья.

Собственно, ничего особенно сложного в этом не было, но он,
как всегда, немного нервничал, стараясь соорудить крылья по-
удачней. На этот раз Желтоголовый решил сделать короткие, но
чуть более широкие, чем обычно. Это совершенно исключало
возможность орудовать Гвинедом, но мечу пока придется подо-

ждать. Драться мечом на качающихся ветвях дома Сроф, да еще с крыльями, Лотар все равно не собирался.

Тишина стала ощутимой, как тяжелый песок, который ветер наметает на одеяло во время ночевки в пустыне. Но страшивать ее пока было рано.

Лотар еще раз посмотрел на силки. Одна сеть, сплетенная Сухметом из обрывков кожи, веревки и даже полосок материи, которую они украли из гнезда с тканями, казалась особенно большой и прочной. Вторая, висевшая пониже, не столько предназначалась для поимки Сроф, сколько должна была уберечь остальных, если птица вдруг задумает уклониться от поединка с Лотаром и нападет на менее опасных бойцов; она висела всего-то в двадцати футах над головой. В темноте сети были почти не видны. Сухмет очень ловко спрятал их под мантию спокойной, небудоражающей магии.

Но обе сетки можно было одним движением освободить, и тогда они спланируют вниз, чтобы накрыть свою жертву. Или упадут, не разорвавшись от веса Сроф, а лишь запутывая ее. Когда они устроили эти ловушки, Сухмет не поленился и каждому несколько раз показал, как следует освобождать сеть, — без него никто до этого сам не додумался бы, настолько они были сложны. Это в самом деле казалось разумным — ведь неизвестно, кто в пылу боя окажется первым у освобождающих силки завязок.

Крепление большой сети они завели на большое медное кольцо, вделанное зачем-то в стену, а веревку, которая освобождала защитную сеть над всеми путниками, завязали у основания небольшой веточки-недомерка на высоте пяти футов в темной складке дальней стены.

«Я пошел», — ментально сказал Лотар всем сразу и вышел из-под края защитной сети.

— Да, пора, — шепотом согласился Рубос. Его голос тем не менее оказался слишком громким, он даже присел от неожиданности и, как нашкодивший новобранец, оглянулся на Лотара.

Желтоголовый тем временем расправил крылья и опробовал их. Вокруг него тут же поднялась туча мелкого мусора и пыли, а сеть над головой угрожающе вздулась, но не сорвалась со своих креплений. Все было отлично.

Лотар сделал три-четыре взмаха и взлетел. На таких крыльях он мог бы, вероятно, подниматься и с места, мог даже зависнуть на пять-семь взмахов. Но пробовать ему не хотелось — придет время, все само получится.

Да, получится — он не допускал мысли, что может проиграть поединок со Сроф, тем более что и задача-то пока была несложная. А потом, когда они начнут атаковать всерьез, ему помогут.

Он поднялся выше, уклонился от столкновения с одной веткой, другой, с переплетением нескольких ветвей сразу. Вот и гнездо, где остановилась нынче ночью Сроф.

Она лежала, засунув голову под крыло, как курица, расслабившись, как тесто, которое только что вывалили из квашни на стол. Размером она оказалась на удивление большая, Лотар даже не

думал, что она будет так велика. И вес у нее приличный, неизвестно еще, выдержит ли сеть.

Птица заворочалась. Ждать больше было нечего. «Эх, рубануть бы, и, может, весь поединок разом решился бы», — подумал Лотар и бросился ногами вперед. Его удар, нацеленный в голову, ошеломил птицу.

Она выдернула голову из-под крыла и дико заверещала. Это было не ее привычный крик, а что-то среднее между кудахтаньем и рокотом сорвавшегося камнепада, но Лотара отнесло ярдов на десять, и он чуть не расшибся о какую-то тупую и очень крепкую балку.

Птица уже была в воздухе, ее крылья казались не очень большими, но устроены оказались так, что — Лотар беззвучно ахнул — каким-то образом раздвигались и становились длиннее и шире, и даже то, что выдвинулось за один раз, могло расширяться и дальше. Теперь Желтоголовый, кажется, стал понимать, почему Сухмет назвал Сроф самым быстрым существом на свете.

Словно очумев от акустического удара, Лотар ринулся вниз. Птица со злобным клекотом рванула за ним. Они и рассчитывали, что она не будет раскрывать курган своим воплем. Вот если бы драка была на равных, она бы удрала, а сейчас, когда маленький крылатый нахал явно убегал, она даже не подумала о такой возможности.

Когда они обсуждали эту тонкость, Сухмет уверенно сказал:

— Все дело в том, что она хищник.

Его тогда никто не понял, но сейчас Лотар, кажется, начал догадываться. Мясоед так устроен, что бросается в погоню — инстинкт заставляет. А о том, что Сроф хищник, нетрудно было догадаться по костям, рассыпанным под гнездом.

Сроф спикировала очень резко, ей казалось, что она вот-вот сумеет выставить когти и вонзить их в незащитную спину жертвы. Не было сомнений, что именно жертву она видела перед собой. Как вдруг...

Лотар свернул так резко, что у него закрипели плечевые связки. До сети оставались считанные футы, и все-таки она была почти невидимой. Это и предопределило успех.

Сроф со всего разгона врзалась в сетку, почти мгновенно запуталась в ней, и, прежде чем она успела заголосить, послышался крик Сухмета:

— Дергай!..

Азмир прятался у кольца и почти ничего не видел в темноте; он дернул конец, который не выпускал из рук, и Сроф, еще больше запутываясь, рухнула на землю, подняв невероятную тучу пыли.

Рубос, роль которого тоже была заранее определена, захватил один край сетки и понесся, спотыкаясь на ходу, стараясь набросить ее на птицу, чтобы у нее было еще меньше шансов выбраться. То же делал и Ди.

Лотар опустился на землю и стал быстро превращать крылья в руки. Смывать слизь было некогда, он просто стер ее с ладоней

заранее приготовленной тряпкой, обвязанной вокруг лодыжки, выхватил Гвинед и бросился вперед.

Сроф тем временем уже пришла в себя. Удар о землю даже не очень оглушил ее. Теперь она орала и пыталась освободиться.

Ее вопли, сливающиеся в сплошной вой, чудовищно давили на голову, на живот, на все тело сразу. Голова кружилась от этих криков, горло сжимал спазм, а дыхание становилось очень трудной работой.

И все-таки Лотар сумел подойти ближе и одним ударом воткнул меч ей в шею, у самого горла, потом рубанул по передним костям крыла, которое она подняла для защиты...

Вдруг птица замахнулась своей огромной ножищей и свирепо саданула Лотара. Желтоголовый отпрянул лишь в последний миг, но один грязный коготь все-таки распорол его левое бедро, к счастью неглубоко.

Он развернулся на месте и, хотя раненая нога взорвалась фонтаном боли, рубанул Сроф по чересчур соблазнительно выставленной вперед ноге. Сталь Гвинеды сухо шелкнула, встретившись с костью. И нога почти отвалилась от темной массы, какой теперь казалась Сроф.

Вой птицы захлебнулся, она на мгновение умолкла. И тогда в темноте спокойно, как за светским обедом, прозвучал голос Рубоса:

— Будешь орать — я из тебя паштет сделаю.

Оказывается, он раза два ударил Сроф с другой стороны своим огромным ятаганом.

Теперь Сроф лежала, опутанная обрывками сети, тяжело дыша, но не кричала, а лишь хрипела. Конечно, и этот звук был не самым музыкальным в мире, но его, по крайней мере, можно было перенести. И стало ясно, что делают остальные.

Азмир стоял у стены, по-птичьи склонив голову набок, пытаясь разглядеть, что вокруг него происходит. Ду-Лиа в облике кукушки, с удовольствием глядя на происходящее, уселась Лотару на плечо. Рубос вытер свой ятаган и присел на кучу драгоценных тканей, восстанавливая дыхание. Ди все еще набрасывал на Сроф концы сети, хотя этого можно было уже и не делать, а Сухмет со своим посохом застыл как изваяние, пытаясь разобраться в том, что происходит в сознании Сроф.

Первым вопрос задал, конечно, Лотар.

— Птица, — сказал он, не раздумывая, как к ней обратиться, — как можно попасть в замок архидемона?

Сроф замерла, потом стала тяжело биться. Потом снова замерла. Магическим видением Лотар определил, что она заживляет раны и через два-три дня, если ее нормально кормить, будет как новенькая. В общем, не так уж и быстро — после цахоров никакая способность демонических существ восстанавливаться после ран и потеря не могла его по-настоящему удивить.

Неожиданно заговорила виана — ее голос зазвучал в сознании Лотара:

«Нет, она не скажет, даже если ты сумеешь навечно отсечь ей крылья, Лотар. Она думает как птица, ее логика тебе неподвластна».

— Может быть, она не поняла меня? — попробовал Лотар найти из ситуации хоть какой-то выход.

«Она поняла тебя прекрасно. Но не скажет».

Если бы это была не виана, Лотар предпринял бы что-нибудь еще. Но теперь новые попытки не имели смысла. Он отошел к ручью и стал смывать уже засохшую слезу. Это была неприятная операция, но необходимая. Потом он умылся. Тем временем виана пересела на соседний камень.

Чтобы понять, что происходит, к Лотару подошли все, кроме Сухмета и Азмира. Пустынник, как всегда, дичился, а Сухмет был занят. Желтоголовый подумал: а вдруг восточнику удастся найти выход из положения?

Лотар объяснил всем ситуацию:

— Итак, Сроф не говорит, а мы даже не знаем, есть ли проход в замок врага. До сих пор я действовал из допущения, что есть. Но подтверждения этому на самом деле...

— Скверно, что Сроф не может допросить даже Ду-Лиа, — пробурчал Рубос.

Ди печально и протяжно вздохнул:

— Признаться, я тоже надеялся, что проход находится где-нибудь поблизости от этого гнезда, ведь Сроф — преданнейший слуга, надобность в котором может появиться у архидемона весь-ма срочно, но вот...

Он не закончил. Все было и так понятно.

Неожиданно Сухмет вышел из ступора, оглянулся, заметил остальных и подошел к ним, туго ударяя посохом Гурама в землю.

— Ничего не узнал. Такое впечатление, что она что-то знает, но вот что?.. Все равно что разговаривать с иностранцем, не зная его языка.

Между вианой и восточником закипел ментальный спор, но Лотар не стал в него вслушиваться. Его что-то беспокоило, хотя он не знал, что именно. Он внимательно посмотрел на Сроф. Ее мысли были враждебны, в обычное время они вызвали бы кое-какое шевеление колокольчиков, но после боев с сахорами он научился их заглушать, вот и сейчас он поднял порог чувствительности, чтобы они не отвлекали его. По крайней мере, чужие, враждебные мысли не могли заставить их шевелиться, вот поэтому...

Внезапно колокольчики ударили с такой силой, что он вздрогнул. Он поднял скорость ориентирования до предела, выхватил меч, повернулся на месте... И все-таки не успел. Слишком низко они повесили вторую сеть.

Она упала, прикрыв всех разом, к тому же сеть оказалась пропитана таким едким химическим составом, что простое прикосновение ее волокон к коже вызывало ожоги, от которых даже Рубос скрипел зубами... Лотар попытался разрубить ее, чтобы освободиться, едва не задел Ду-Лиа, которая тоже билась, запутавшись

крыльями, и вдруг прямо перед собой увидел наконечник копья, нацеленный в его межключичную ямку.

Голос Азмира сначала показался тягучим и густым, потом Лотар понял свою ошибку и вернул восприятию нормальную скорость. Слова пустынного прозвучали более понятно:

— Ну вот, теперь вы не сможете не согласиться с моими требованиями.

— Какими требованиями, предатель? — сквозь зубы процедил Рубос. — Ты еще хочешь что-то требовать?..

Азмир обратной стороной копья ударил Рубоса в бок — не ранил, но удар был сильным.

— Теперь и требовать, толстяк.

— Я толстяк? — взъерился Рубос. — Ах ты, мартышка песчаная, да я тебя...

— Тихо, — попросил его Лотар, а потом обратился к Азмиду: — Чего ты хочешь?

Бывший разбойник, а ныне предатель широко усмехнулся:

— Приятно слышать разумные речи. Я еще не знаю, чего я хочу. Но я это сейчас выясню. Видишь ли, Устранитель Зла, возможно, за тебя я могу получить больше, чем получу от тебя. Понимаешь, о чем я?

— Падаль, — спокойно произнес Ди. — Я могу предсказать, что ждет тебя. Если ты не будешь разумным и не освободишь нас...

Теперь Азмид ударил обратной стороной копья фоя:

— Молчи, фойский ублюдок! Иначе я тебя прикончу на месте, без всяких раздумий. Я еще не забыл, как ваша армия прошла по нашей местности, когда вы перли на Запад.

Потом он вспомнил, что владеет ситуацией, и попробовал успокоиться. Даже, как показалось Лотару, снова пытался улыбнуться. Но его губы тряслись, он боялся и не верил, что сможет удерживать ситуацию слишком долго, и хотел завершить дело как можно быстрее. А может, даже для него предательство не было легким делом.

— Все очень просто. — Пустынный обошел кучу малу, в которую превратились все его пленники, включая виану, и произнес: — Если кто-то шевельнется, ударю копьём по-настоящему. Итак, — он повернулся к Сроф, которая затихла, вглядываясь в то, что происходило у людей, победивших ее, — птица, я хочу богатства и славы земных царей за твое освобождение. Можешь ли ты или твой господин, о силе и могуществе которого я немало слышан, дать мне это?

Сроф что-то зашипела. Всю ее речь Лотар не понял, но почему-то в ней появились вполне разумные интонации. Однако пустынный разобрал в ее речи больше, вот только его мысли Желтоголовый понять не успел, потому что они возникали на очень странном языке.

— Сроф согласилась, — прошептал Сухмет. — И гарантирует выполнение обещания своим словом...

— Я уже понял ее речь и без твоего перевода! — ликующе отозвался Азмир.

И хотя его перевод предназначался не Азмиру, а Рубосу и Ди, насмешка задела всех. «Действительно, — решил Лотар, — плохо получается».

— Какой же ты все-таки гаденыш... — начал было Рубос. Он освободил левую руку и вздумал заставить пустынного подойти поближе, чтобы схватить его за глотку.

«План неплох, — подумал Лотар, прочитав его в сознании мирца, — вот только руку он освободил поздновато».

— Можешь ругаться сколько угодно, — ответил Азмир, он чувствовал себя триумфатором, и даже то, что кто-то ругался, только подчеркивало убедительность его победы. — Вы проиграли, лотарцы...

— Как ты нас назвал? — переспросил Ди.

— Вы из Лотарии, значит — лотарцы.

— Мы из разных мест, — начал было Сухмет. Он готов был пустить в ход свою силу, но для этого пустынный должен был подойти так близко, чтобы Сухмет мог коснуться его своим посохом. И тогда бы он стал всего лишь управляемым роботом. Он не только освободил бы их, но даже сиганул в костер, потому что не смог бы сопротивляться магическим приказам.

— Это не важно. — Пустынный словно чувствовал опасность и не подходил к связке своих пленников. — Я уйду за своим богатством и своими деньгами.

Он подошел к Сроф, несколькими осторожными движениями рассек сеть, птица выползла, прихрамывая, волоча по земле раненные крылья. Она подошла к кольцу, взяла его в клюв...

— Смотри, мой господин, — горячо зашептал Сухмет. — Смотри внимательно, это и есть экстренный ход в замок врага.

Лотар кивнул:

— Я уже понял.

— Идиотизм, — возмутился Рубос. — Выходит, мы все это время сидели на том, что искали, а могли бы... Нет, Сухмет, теперь и не заикайся, что ты маг. Любому деревенскому взломщику открыть такой тайничок — раз плюнуть. А ты...

Если бы он мог, он бы махнул рукой. Но не все было так просто. Кольцо открывало дверь на том языке, на котором Сроф договорилась с Азмиром и которого ни Сухмет, ни Ди не знали. Как это могло получиться — Лотар не знал, но теперь оставалось только смириться.

Зато теперь Лотар отчетливо понял, почему маги учат такую прорву языков. Но вот даже Сухмет, каким бы великим знатоком он ни был, дал слабину. Более того, он даже не почувствовал магический фон, и всего лишь потому, что не знал языка, на котором наложено заклинание на кольцо. А значит, даже великий восточник послужил доказательством простой истины — совершенство не по силам смертному человеку.

После весьма непростой магической формулы кольцо вдруг стало ручкой двери, Сроф дернула ее на себя, дверь поднялась

вверх — и перед Азмиром и лотарцами, как их всех скопом назвал пустынный, открылся длинный, жутковатый коридор.

— Подпространственные штучки? — спросил Сухмета Рубос.

— Чуть дальше, — ответил восточник, — не у самой двери.

Азмир на прощание оглянулся, ничего не увидел в темноте и шагнул вперед. Прошло несколько мгновений, его шаги в коридоре затихли. Потом дверь с каменным скрежетом и скрипом стала опускаться, но вдруг замерла, не дойдя до порога футов десять. Чтобы ее теперь закрыть, следовало приложить усилие. Но заниматься этим было некому. Потому что птица Сроф медленно повернулась к своим пленникам. И Лотар по блеску ее глаз вдруг понял, что она очень рассержена.

Глава 13

Лотар уже в который раз попробовал разорвать сеть, но она оказалась очень прочной. «Наверное, Сухмет укрепил ее какими-нибудь заклинаниями», — подумал Желтоголовый. Взгляд иско-са, который бросил в его сторону восточник, подтвердил его подозрения.

Но хуже всего было то, что яд, пропитавший сеть, уже проел кожу и начал попадать в кровь. Тяжелее всего, конечно, приходилось виане, потому что общая масса ее тела была так мала, что она могла умереть от самой незначительной доли отравы. Ей и в самом деле осталось не так уж долго жить. Перья на шее и грудке взъерошились, глаза заволокла матовая пленочка, клюв она не закрывала, и Лотар без труда слышал, каким трудным стало ее дыхание.

— Надо что-то делать, и срочно, — пророкотал Рубос, словно подслушав мысли Лотара.

Желтоголовый поднял голову. Сроф обошла своих пленников, злобно вперившись взглядом в каждого. Неожиданно она бросилась в атаку.

Это была птичья атака — с когтями вперед, затем последовал прицельный удар. Первым делом Сроф напала на Рубоса. Мирамец попытался повернуться на месте, чтобы ослабить динамику прямых ударов, но, опутанный сетью, да еще с замедленной от наступающего отравления реакцией, он лишь дернулся, и по всей пещере разнесся треск ломаемых костей.

Рубос не потерял сознание только благодаря железной воле. Когда Сроф отскочила, Ди бесстрастным тоном констатировал:

— Сломаны левое бедро, правая рука и, вероятно, несколько ребер. Тебе не нужно было выставлять вперед ногу, друг Рубос.

— А как же... — Рубос боролся с головокружением от боли, — следовало... поступать?

— Нужно было сжаться в комочек. Когда придет моя очередь, я тебе покажу.

— Если... — Рубос все еще полагал, что последнее слово должно остаться за ним, — я еще смогу... увидеть.

— Разумеется, — подтвердил Ди.

Юмор висельников пришелся Лотару не по душе. Он посмотрел на Сухмета — но тот стоял в позе вызывания колдовства. Сеть мешала ему как следует поднять руки, не позволяла даже выпрямиться, но восточник, похоже, компенсировал это силой посоха Гурама, который сжимал так, что костяшки его руки побелели. Что он задумал, Лотар пока не понимал.

Птица, которая, кажется, привыкла, что одной ее атаки для любого существа хватало с избытком, с неудовольствием приоткрыла глаза к Рубосу. Миралец поднял голову. Как ни мало было у Сроф мозгов, даже она поняла, что жертва еще жива. Тем более что Рубос сделал самую глупую вещь на свете. Ни с того ни с сего он вдруг показал птице язык...

Сроф чуть удар не хватил. Она закудахтала, даже пару раз провернулась на месте. Лотар снова посмотрел на восточника... Рубос, как оказалось, был гением. Или очень верил своим друзьям. Он не просто дразнил Сроф — больше всего он боялся, что она обратит внимание на Сухмета и тот не успеет дошептать свои заклинания. И тогда у них вообще не останется ни единого шанса...

Хотя, с другой стороны, что можно сделать? Положение-то как было безнадежным, так и оставалось... Но Лотар тоже в глубине души надеялся на Сухмета.

Вторая атака Сроф оказалась еще сокрушительнее первой. Рубос повалился безвольной массой. Он бы упал, если бы Лотар с одной стороны, а Ди с другой не подхватили его. Движение это требовало так мало места, что его можно было совершить даже в сети.

«Итак, один уже выбыл, — с горечью подумал Лотар. — Кто следующий?» И только тут птица вдруг заметила Сухмета. Она стала обходить пленников, чтобы атаковать восточника. Теперь за дело принялся Ди. Он вдруг совершил одну штуку, которая во всем мире означала одно и то же — похлопал себя по задку. Сроф была птицей, но смысл жеста, кажется, знала, потому что забыла о Сухмете и с ходу попыталась клюнуть фоя.

Тот расхохотался, и Лотар с удивлением обнаружил, что смеется он действительно искренне. «Как это удастся — перед болью, увечьем, может быть, самой смертью — смеяться тому, кто не умеет заживлять свое тело трансмутациями?» — подумал он. Поступок фоя вызвал у него восхищение.

Теперь Сроф атаквала прицельно. Снова удар. Лотар чуть не упал, поддерживая Ди. Кровь тугими каплями брызнула в стороны... Ди скривился, зажимая бок, — птица вырвала клювом изрядный кусок мяса. Впрочем, Лотару показалось, что ничего существенного она задеть не смогла. Сворачиваться калачиком было в самом деле лучше.

Теперь птица решительно дернулась, чтобы напасть на Сухмета. Но было поздно. Сначала в вонючем, застоявшемся воздухе подземного зала вдруг разлилось свежее дыхание грозы. Потом Лотар почувствовал, как вокруг них — умирающих, раненых и еще здоровых — сжимается пространство. Это было силовое за-

шитное поле, Сухмет не раз с успехом использовал его, — когда, например, защищал гондолу их летающего корабля от стрел и копий. Но не это было главным.

Неведомая сила вдруг приподняла их всех в воздух и поволокла в сторону двери, оставшейся незакрытой за предателем Азмиром. Эта сила тащила их медленно, но чувствовалось, что теперь никакой Сроф не по силам противостоять ей.

Птица занервничала, бросилась вперед, попыталась все-таки клюнуть Сухмета, но поле могло выдержать и не такие наскоки. Отлетев в сторону, так и не причинив пленникам никакого вреда, птица сообразила, куда они направляются. Она попробовала добраться до двери и опустить ее. Она даже подпрыгнула, схватилась за кольцо клювом и повисла на нем, чтобы опустить дверь своим весом, но шар, в котором сидели пленники, оказался уже рядом, он отпихнул ее в сторону.

А когда дверь от всех толчков и ударов все-таки стронулась с места, было уже поздно, она ударилась о предохранительную сферу и снова остановилась. Они успели, они прошли.

Коридор, простиравшийся перед ними, имел несколько колен. Даже Лотару, который в таких местах не очень хорошо ориентировался, стали видны какие-то повороты впереди, какие-то ответвления по бокам...

Сухмет вдруг заорал:

— Оказывается, тут многовариантный канал!..

Больше он ничего внятного произнести не успел, потому что из него хлынул такой поток заклинаний на непонятном языке, что даже Лотару с его магической памятью запомнить это вряд ли удалось бы.

Защитная сфера вдруг замерла, словно раздумывая, потом рывком покатила вбок, потом резко вниз, как с ледяной горки... И тут Лотару стало так плохо, что он присел и попытался вовсе выключить сознание. Это ему удалось не вполне, но воздействие магических подпространственных коридоров теперь не оказывало на него слишком сильного влияния.

Когда он понял, что они прибыли на место, и вернулся к действительности, они все лежали на верхушке пологого холма, покрытого сочной травой. Солнце скрылось за ватным, вполне обычным на вид облаком, где-то очень близко шумело море. Защитной сферы уже не оказалось. Сеть, которая в пещере не давала им двигаться, почему-то расползлась на куски. Теперь, при свете ясного дня, она оказалась гнилой.

Лотар поднялся. Рубос и виана были без сознания. Сухмет со стоном пытался вправить вывихнутый палец, одновременно стараясь не выпускать из рук посоха. Лотар взял старика за палец, нашел лучшее движение и вправил его. Сухмет поблагодарил кивком, вытирая неволью выступивший на висках пот. Потом склонился над Рубосом.

Ди уже приходил в себя. Что ни говори, а досталось ему не так уж и сильно. Он сел, покрутил головой и стал копать в Бесконечном Мешке на плече Сухмета, доставая какой-нибудь перевя-

зочный материал. Сухмет обернулся к нему, понял, что фой делает, и проговорил:

— Доставай больше и прихвати вонючую землю. Все удары Сроф придется дезинфицировать...

Лотар склонился над тельцем вианы. Она еще была жива, но очень плохо. Лотар собрал в себе всю энергию, какую только мог, и вылил ее на птичье тельце феи-охранительницы. Этого оказалось достаточно. Глаза кукушки приоткрылись. И, хотя они были так же невыразительны, как раньше, в сознании драконьего оборотня прозвучал слабый девичий голос:

«Посади меня на ветку... И уйдите все».

— Может быть, Сухмет тебе поможет? — в голос спросил ее Лотар, но молчание вианы было красноречивей любого ответа.

Лотар встал, дошел до ближайшего куста, посадил кукушку в развилку, чтобы она не сверзилась от слабости, пригладил встопорщенные перышки и отошел к друзьям. Рубос был по-прежнему плох, остальные уже оклемались.

— Для Рубоса это путешествие, кажется, закончилось. Теперь ему остается только вернуться в Мирам, — сказал Сухмет тоном твердым, как алмаз.

Лотар даже не сразу понял эту твердость. Все прояснил Ди:

— Но как же мы пошлем его?..

— С тобой, — с деланной легкостью прервал фоя Сухмет.

Ди опустил голову:

— Учитель, я только-только начал постигать труд, который ты берешь на себя в таких путешествиях...

— Без возражений.

— Но, может быть, мы найдем какого-нибудь слугу, который возьмется?..

— Как в этих совершенно незнакомых нам местах мы добудем надежного слугу, Ди?

Ди вздохнул и нехотя поклонился. «Даже мои ордены, — с завистью подумал Желтоголовый, — возражают и спорят, а этот умолк после пары реплик».

— Знаете, — произнес он вслух, — я чувствую город на той стороне леса, всего-то в паре миль отсюда. Ди, помоги-ка мне смаскитировать носилки из орешника. Сухмет, постарайся, чтобы Рубос не особенно ослабел. И давайте торопиться. Почему-то мне кажется, что информация, которой мы сейчас располагаем о противнике, скоро устареет.

— Как всегда, — согласился с ним Сухмет и склонился над распростертым на траве Рубосом.

Глава 14

Панона открылась перед ними сразу и целиком. Конечно, всему причиной было то, что они вышли из лесочка, расположившегося на высоком холме. Отсюда можно было увидеть не только город, но и окрестности во все стороны миль на десять.

Особенно далеко было видно море. Оно тут казалось совсем не холодным, а скорее нежным, матовым, почти беззащитным. «Был бы в сознании Рубос, — подумал Лотар, — можно было бы спросить его, насколько этот городок похож на Мирам, каким он был лет тридцать назад». По мнению самого Желтоголового, он был чрезвычайно похож.

На дороге им стали попадаться пешеходы и повозки. Сухмет потолковал с одним из возничих, и тот довольно лихо довез их до городских ворот. Перед воротами, как и полагалось, стояла стража.

Панона считалась вполне мирным и благополучным полисом, расположенным на западе Северного континента. Конечно, по слухам, что-то и тут было не очень здорово, но на Северном континенте все еще водились демоны, поэтому такие слухи ходили обо всех здешних городах. На это не стоило обращать чрезмерного внимания. Но теперь, обнаружив, что сюда проложен прямой подпространственный канал, Лотар попытался быстро определить, насколько город может оказаться опасным.

Над городом висела тонкая паутина обычных человеческих стремлений и каждодневных поступков. В двух или трех местах господствовала аура обычных неудач и серого человеческого зла. Лотар давно уже заимствовал этот термин — серое зло — у Сухмета и находил его очень удачным. Вероятно, в тех местах находились трушобы, впрочем, не очень значительные.

Над центром города, где находились замки богачей, и в порту были видны сверкающие блики надмирности. Богачи и правители, как обычно, не знали, из каких основ происходит их власть, а моряки оторвались от берега в силу профессии и плохо понимали сухопутную жизнь. Это тоже было обычно. Лотар вздохнул с облегчением. Похоже, никто им не помешает, если они быстро перегруппируются и уберутся отсюда...

Его плеча коснулся твердый, как копые, палец. Лотар, который помогал уложить Рубоса на носилки, чтобы внести его в город, повернулся. Перед ним стоял молодой строгий лейтенант. В глазах его играл холодный огонь вызова.

— Ну-ка, чужеземец, ты знаешь, что у нас тут не носят оружие открыто?

Лотар оценил лейтенанта. Боец куда как средний, но в здешних местах считает себя вправе во все вмешиваться. К тому же сейчас ему было скучно.

— Мы идем издалека. Без оружия никто нигде не путешествует. Когда я войду в город, я готов его спрятать...

— А кто сказал, что я пушу тебя в город?

Лотар посмотрел на лейтенанта:

— Как тебя зовут?

Тот облизнул губы, скосил глаза на подчиненных. Полдюжины солдат стояли у стены, в тени, лениво наблюдая, как их командир развлекается. Называть имя было не принято, мало ли что? Но не назвать себя, когда его об этом спрашивали, тоже могло показаться слабостью. Лейтенант не ожидал, что эти хлипкие на вид чужеземцы будут вести себя так спокойно и уверенно.

— Сначала ты назовешь мне свое имя, чужак.

— Я — Лотар Желтоголовый, — сказал Лотар.

Взрыв смеха и солдат, и лейтенанта заставил стражу на ближайших башнях выглянуть в бойницы.

— Ну, в таком случае, — давясь от смеха, сказал лейтенант, — я — Повелитель мира.

Лотар смотрел на него так холодно, что смех лейтенанта замер. Он уже нервно оглянулся на своих приятелей. К тем, что бездельничали у стены, подошли еще несколько копейщиков.

— Я так и не услышал твоего имени, лейтенант.

— Для тебя, оборванец, я господин... — Внезапно он наклонился к Лотару, словно пытался рассмотреть, как пыль въелась в его волосы. — Господин Солд. Ну-ка, повтори, самозванный Лотар!

Сухмет попытался вклинить между Лотаром и Солдом.

— Конечно, господин Солд, я признаю, что оружие может считаться...

Сержант отмел старика одним движением руки. «А он наглец», — решил Лотар и оглянулся на Рубоса.

— У нас раненые, лейтенант. Не задерживай нас, моим друзьям нужен врач.

— Ты повторишь, скотина, что я тебе приказываю, или ты не войдешь в город!

Так, теперь придется сделать что-нибудь необычное.

— Ты распушен и зол, а сейчас плохо владеешь собой. Поэтому я не могу назвать тебя господином лейтенантом.

— Ах ты!..

Лейтенант протянул руки, попытавшись схватить Лотара за перевязь Гвинеда, но ждать Желтоголовый не стал. Он отбил руку лейтенанта, впрочем, осторожно, чтобы не сломать ее ненароком, взял нагрудную кирасу крикуна двумя руками у шейной кромки и рывком разорвал ее на две части почти до пояса.

Вопли лейтенанта и хмурое гоготанье солдат вокруг разом смолкли. Копья, перехваченные было, чтобы в случае чего отходить чужеземцев тупым концом, опустились. Лотар поднял свой край носилок Рубоса, подождал, пока ему поможет постанывающий Ди, и решительно пошел к воротам. Сзади не раздалось ни звука.

Остановились они у самого порта. Но это была хорошая гостиница, в которой останавливались капитаны и старшие офицеры, а также служивый люд побогаче. Тут Сухмет наконец взялся за Рубоса по-настоящему. И к вечеру стало ясно, что ничего очень скверного с мирамцем уже не произойдет.

— Скорее всего через пару недель опять начнет хорохориться, — заключил Сухмет. И, подумав, добавил: — Ди вполне дотащит его до Мирама, да и сам заодно подлечится.

Фой обреченно вздохнул. Лотар без труда читал в сознании Ди, как ему хочется возразить, но восточное воспитание не позволяло ему произнести ни одного лишнего слова.

Лотар поднялся с подоконника, на котором сидел, ожидая заключения Сухмета, и произнес:

— Тогда купим побольше еды, и в путь. Сухмет, я забыл, у нас еще остались деньги?

Взгляд старика вдруг стал осторожным и уклончивым, как будто он заметил что-то непристойное, но не решался сказать об этом вслух.

— Ну, с этим, я думаю, у нас проблем не будет, мой господин.

«И голос его звучит как-то подозрительно, — решил Лотар. — Почти льстиво».

— Сухмет, в чем дело?

Восточник отошел к двери комнатухи, в которую их привел владелец гостиницы, явно выражая нетерпение. Ему хотелось как можно скорее заняться делом, а не разговорами. Лотар посмотрел на Ди. Тот тоже что-то знал, но маскировал свои мысли хуже, и тогда Сухмет, потупившись, признался:

— Видишь ли, господин, денег у нас больше чем достаточно. Так уж получилось, что, ожидая возвращения Сроф и маясь бездельем, я как-то подумал: вот у нас есть Бесконечный Мешок и есть намерение захватить Сроф. Так зачем ей еще и богатство?

Лотар хохотнул:

— Так вы ограбили Сроф? И не хотели признаваться?

Ди, который всем сердцем был за Сухмета, вмешался:

— В своем пути ты удалился от обычаев людей, Лотар. И забыл, как иногда важно...

Сухмет заставил фоя умолкнуть пристальным взглядом. За свои поступки он предпочитал отвечать самостоятельно.

— Я решил, что это ничем не будет отличаться от контрибуции, которая вполне в рамках той войны, которую ты начал, мой господин.

— Вы не должны были этого делать, Сухмет. Я предполагал только заставить Сроф признаться... — Внезапная мысль заставила его умолкнуть. — Послушай, значит, Азмир не зря с недоверием отнесся к нашему нежеланию поделиться с ним. Ты толкнул его к предательству своим поступком, Сухмет?

Восточник покачал головой. Оказалось, он умел не только кивать.

— Азмир ничего не знал о нашем... нашей контрибуции. Мы провернули всю операцию за несколько часов, пока он спал. Вы оба спали. А потом я набросил на все магическую мантию, чтобы не выдать наши действия Сроф и не насторожить ее.

Лотар задумался, оценивая ситуацию. Скорее всего пустынный был не так прост, но сделанного не воротить.

— Ну, и стоило превращаться в обычных грабителей, Сухмет?

— Не могу согласиться, что мы действовали как обычные грабители, господин мой, — начал он горячо. — Мы получили эти деньги как побочный доход, решая куда более важные проблемы, а для грабителей именно деньги и есть сущность всех поступков, причина действий и цель. Я также полагаю...

— Сколько у Сроф оказалось в ее гнезде?

Сухмет все понял. Порывшись в Бесконечном Мешке и вытащив несколько горстей полновесных золотых дукатов, чтобы оставить их Ди на долгую дорогу домой, он произнес:

— Ты не поверишь, господин мой, как много там было. И ведь что обидно, все эти богатства, я убежден, попросту украдены у людей. А это их труд, их надежды, их жизни.

— Ты меня не убедил, старик, просто сделать уже ничего нельзя, — произнес Лотар.

Он долго называл себя наемником, но никогда ему и в голову не приходило, что его чистое боевое мастерство может быть как-то связано с воровством, с мародерством. А то, что сделал сейчас восточник со своим учеником, находилось опасно близко к воровству, и это покорило его. Даже теперь, когда этот поступок, как оказалось, развязал немало проблем сразу, например проблему возвращения для Ди и Рубоса или возможность запастись провизией на ближайшие несколько дней в этой гостинице.

Неловкую ситуацию разрешил хозяин. Он постучал в дверь, что в этих северных местах было немалой редкостью, потом вошел и заявил, что ужин для постояльцев подан. Сухмет оценил последним взглядом Рубоса, решил, что ничего с ним страшного не случится, пока Ди поест с ними, и пошел вниз, заказать заранее провизию в дорогу. Как оказалось, хозяин был готов сделать все, даже уложить в свертки, но этим могли заняться служанки, как он обещал. К концу ужина все будет готово.

Лотар оглянулся. Монеты все еще лежали на столе. Как Сухмету удалось сделать, чтобы хозяин гостиницы их не заметил, было загадкой. «Наверное, на своем ошейнике натренировался», — решил Желтоголовый и подошел к Рубосу.

Мирамец метался, но опасности, как Сухмет и предсказывал, он не видел. Лотар вдруг понял, что может больше не увидеть старого друга, и эта мысль, как никогда раньше, показала ему истинной. У него было ощущение, знакомое всем, кто хоть раз угадывал близкое будущее, — кристальная уверенность и ясность, что все будет именно так, как кажется. Лотар сжал руку Рубоса, вздохнул и поднял голову.

На него грустно смотрел Ди. Фой был печален. Даже его глаза стали чуть-чуть круглее, чем обычно. Конечно, он все понимал, у него все больше появлялось замашек Сухмета, в том числе безоговорочная уверенность, что он может читать самые беглые мысли Желтоголового.

Лотар хмыкнул, ему следовало поговорить о чем-то с фоем. Он тоже был другом, одним из вернейших и самых лучших, какие только могут быть у человека. «У человека или все-таки у драконьего оборотня?» — спросил себя Лотар, пытаясь усмехнуться. Но ни шутки про себя, ни усмешки не получилось. Он набрал побольше воздуха и произнес:

— Знаешь, Ди, я давно хотел тебя спросить, что это был за посох, который я видел у тебя, когда ты стрелял в Киноза?

Они вместе направились к двери. Фой постарался придать лицу обычное выражение и стал мерно рассказывать:

— Ну, я же говорил тебе, что занимался кристаллической магией. Вот в одной книге я и прочитал про оружие, которое неотлично от короткого бо, но способно наносить удары на расстоянии. В книге говорилось, что в старину таким оружием уничтожались армии, а мне удалось изготовить инструмент, который только вырывал куски плоти.

Они спускались по ступенькам, снизу поднимался аромат ужина. Посторонних в небольшой комнате, в которой им накрыли стол, не было. Сухмет уже восседал справа от главного места.

— Жаль, мы об этом раньше не поговорили, — продолжил Лотар. — Почему ты спрятал его? И в том виде, в каком ты его изготовил, этот бо может оказывать немалую помощь в бою.

Фой смешно наморщил нос от смущения.

— Я спрятал его, потому что стеснялся своей, что ни говори, а неудачи — ведь из моего Золотого Шеста нельзя было уничтожать армии... А во-вторых, один человек не может изготовить более одного такого бо в жизни. К тому же я и книгу оставил дома, поэтому не мог даже рассказать, как избежать допущенных мной ошибок.

Они принялись за еду. Сухмет спросил:

— Золотой Шест, что-то я читал лет шестьсот назад об этом... Кажется, он может стрелять только самородным золотом?

— Верно, учитель. — Ди кивнул совершенно по-фойски. — В одном месте под плетеной рукоятью есть паз, в который нужно вкладывать чистое золото, и пока самородок не исчезнет, оружие считается заряженным. Мне всегда казалось, что мой шест гораздо лучше должен мне служить за те деньги, что я на него убухивал. Но, — фой развел руками, — недостаток мастерства можно компенсировать только деньгами.

Несмотря на превосходную еду и отличную сервировку, ели они по-походному быстро. И много, решил Лотар, накладывая себе вторую порцию тушеного кролика, — неизвестно, когда еще удастся поесть.

— Все-таки, когда вернемся, ты мне его покажи, — попросил Лотар.

— Конечно. — Фой кивнул.

В это время Сухмет поднял голову, прислушиваясь. Потом посмотрел на Лотара:

— Чувствуешь?

В этот миг дверь комнатухи распахнулась, и в нее втиснулся высокий, сутулый человек с седыми висками и измазанными чернилами пальцами. Следом за ним с виноватым видом шел Солд, разорванную кирасу он уже снял. А вслед за ними, с лицом, красным от волнения, тащился хозяин гостиницы. Увидев гостей, он набрался смелости и заверещал:

— Ну, я же говорил, не нужно их беспокоить. Они ужинают!

Лотар поднял глаза на вошедших. Сутулый начал расшаркиваться.

— Я советник Куран. Господин городской голова просил пере-

дать, что будет счастлив видеть Непобедимого Желтоголового в своем доме.

— В этом нет нужды, — спокойно ответил Лотар. — Так уж получилось, почтенный советник, что мы уже через час оставим ваш город. Впрочем, если нам не удастся нанять корабль, мы оставим здесь двоих раненых.

Лотар указал на Ди, а Сухмет, не очень вежливо вмешавшись, рассказал о лежащем наверху Рубосе.

— Если пожелаете, в найме корабля вам будет оказано всемерное содействие... — начал было советник.

— Вот за это — спасибо, — отозвался Лотар. — Тогда уже сегодня вечером мои друзья отправятся восвояси.

Советник посмотрел на лейтенанта Солда, который стоял у стены. Во взгляде чиновника читались разочарование и показная свирепость.

— Если причиной твоего кратковременного пребывания у нас является неудачная встреча, оказанная тебе, Лотар, у ворот нашего города, то я обещаю, что...

— Нет, я не в обиде на Солда за то, что он решил развлечься за наш счет. Такое иногда случается.

Солд заиграл желваками. «Нет, — решил Лотар, — к вежливости его приучить не удастся».

— Если тебе, Желтоголовый, не понравилось мое обращение, я готов ответить за себя с оружием в руках.

Сухмет даже руками всплеснул:

— Солд, может быть, ты научишься думать, прежде чем говорить? Ты даже не кончил Фехтовальной академии, которую создал мой господин, а решаешься бросить ему вызов?

Советник Куран посмотрел на Лотара умоляющим взглядом. Только тогда Лотар понял, что все ждут его ответа. Что ни говори, а правила поединка соблюдались даже здесь.

— Не беспокойся, Куран. я не собираюсь принимать вызов этого нахала. Но прошу тебя как представителя города все-таки научить стражу более соответствовать своему назначению.

Внезапно Солд сорвался с места, его кулаки замелькали так близко от Лотара, словно он готов был драться прямо тут. Но пока его удерживал за талию советник, до Лотара он дотянуться не мог. Зато он кричал:

— Ты, ты должен принять вызов! Иначе ты не воин, не солдат... А я солдат! Слышишь?

Тогда Лотар встал. Все затихли. Даже лейтенант перестал рваться вперед.

— Мастер не станет доказывать свое искусство, когда силы неравны. А ты стал задирать у ворот, потому что был уверен — тебе победа обеспечена. Это выдает в тебе неудачника, Солд. Кроме того, ты груб, а это еще один признак плохого бойца. Я не буду с тобой биться. Даже если бы ты привел весь свой отряд, это все равно было бы убийство, а не поединок. Ты их так скверно подготовил, что мне не потребовалось бы и минуты, чтобы уничтожить всех. — Лотар с некоторым сожалением посмотрел на

Солда, который теперь стоял у двери бледный, как бумага. — Ты и не мог их хорошо подготовить. Это настолько очевидно, что я даже удивлен, как тебе удалось получить офицерский чин.

Лотар поднялся из-за стола и стал неторопливо натягивать походную куртку и подгонять ремни. Солд, тяжело дыша, вышел. Советник, что-то бормоча, высочил за ним. Тогда, не поворачивая головы, Лотар произнес:

— Ди, что бы там ни говорил советник, ты за любые деньги наймешь корабль и уберешься из этого города сегодня. И мы проводим тебя.

Сухмет беззвучно ахнул:

— Господин мой, неужели ты думаешь, что Солд нападет в отместку за...

— Я никогда не страдал избыточным желанием увидеть будущее, но сейчас мне стало ясно: в этом городе оставаться опасно. Я убежден, кто-то идет за нами следом.

— Но неужели Солд?..

— Солда просто используют.

— Но он действительно очень скверный вояка, вообразивший...

— У них в Панону проложен подпространственный коридор. Это же неспроста? — Лотар посмотрел на Ди, на Сухмета. — Понимаете, не бывает, чтобы такие штуки наш Враг устраивал просто потому, что ему больше нечем заняться. Кроме того, если Солд не самоубийца, он никогда не вызвал бы меня на поединок. А он это сделал. Значит, ему нужно нас задержать, может быть, совсем чуть-чуть.

Сухмет принялся быстро, как на пожаре, запихивать провизию в Бесконечный Мешок.

— Но когда он впервые привязался к тебе, он еще не мог знать, не мог получить приказание от Врага или какого-либо его слуги.

— Но он мог получить такой приказ позже, пока мы прохладались в этой гостинице. И этого вполне достаточно, чтобы убраться отсюда как можно скорее.

Глава 15

Незадолго до того, как начало темнеть, от пристани славного города Паноны отвалила небольшая, но весьма быстроходная ладья, которая унесла Рубоса, едва пришедшего в себя, Ди, снабженного деньгами и всем необходимым, и остатки товаров, которые с нее не успели выгрузить, а потому их пришлось купить прямо в трюме, чтобы разгрузка не тормозила этого почти явного бегства.

Капитану ладьи, молодому, решительному, но, видимо, умелому крепышу с мрачноватым взглядом и решительными повадками, было заявлено, что путь следует держать в Мирам без захода в промежуточные порты. И хотя он еще никогда не ходил так далеко от материнской гавани, он согласился, когда узнал, что

потащит с собой ни много ни мало, а господина Соправителя торгового города Мирама. В этом не было никакого чинопочитания, просто капитан отчетливо понимал, что такая услуга, которую его просили оказать, могла обернуться в будущем немалыми прибылями, а это понятие было ему куда как ясно. Да и цену предложили за этот поход такую, что у последнего матроса его команды заблестели глаза, когда Сухмет передал задаток стопками золотых без кошелька, прямо из рук в руки, как будто покупал пару вяленых кефальих балыков.

Проводив ладью взглядом, Лотар спросил, даже не к Сухмету обращаясь, а скорее размышляя вслух:

— Он сказал, у них воды мало.

— Найдут по пути, господин мой. Речушек на этом побережье прорва.

— Не налетели бы на морских пиратов.

— Ди проследит. — Сухмет внимательно посмотрел на Лотара. — Если надо, предупредит. Если капитан не сразу послушает, внушит на ментальном уровне. Беспокоиться повода нет, он достаточно подготовлен.

Лотар еще раз посмотрел на ладью, чей парус уже таял в мареве вечеряющего моря, и зашагал по мостовой в центр города. Сухмет поспешил за ним.

— Да, наверное, ты прав. Вот только...

Больше он не стал пояснять, что его беспокоило, да он и сам не очень это понимал. К тому же они теперь действовали по самому жесткому плану, словно угроза была уже явной, а не туманом Лотаровых подозрений, отдающих элементарной паранойей.

Но, с другой стороны, не бывает так, чтобы лейтенантики охранны приставали к путникам просто так, без повода, а потом предлагали самоубийственный поединок. Если за этим не стояло что-то еще, все выглядело просто глупо. Ну убил бы он этого Солда, ну началось бы местное судебное разбирательство, ну оправдали бы его, правда, прошло бы дней пять, в лучшем случае дня три пришлось бы оставаться в Паноне. Скорее всего даже в тюрьму не забрали бы, а выпустили бы под залог с приказом не уезжать из какой-нибудь местной гостиницы, ну, отмечаться пришлось бы в префектуре каждый вечер... Нет, одернул он себя, за три дня можно такое устроить, что небо с овчинку покажется. И не только ему, Лотару Желтоголовому, но и всему этому городу. Так что все было правильно. Вот только доказательств, что он поступил правильно, пока никаких не просматривалось.

Когда они выходили из главных городских ворот, все солдаты как один смотрели в сторону, хотя стража была другая, не та, что дежурила днем, под командованием лейтенанта Солда. Но, безосновно, уже и до них докатились слухи об утренней истории. Однако сейчас, по крайней мере, никто не задирался.

Подходящую полянку нашли довольно быстро. Да они и не искали ее. Прямо на опушке зашли за первые кусты подлеска. Сухмет занялся чтением своих наговоров облегчения, а Лотар стал

трансмутировать. Из осторожности они решили отправиться в путь на ночь глядя, даже не переночевав в этом городе. А хотелось выпиться настоящего молока с хрустящим на зубах хлебцем...

И все-таки Лотар торопился. А уж он, по словам Сухмета, умел торопиться так, что лишнего слова не давал сказать, да и сам не говорил. Вот и сейчас он не стал упрекать восточника в том, что тот опять слишком сильно затянул свои дурацкие подпруги, а просто щелкнул застежками, разбежался и взлетел. И уже темнеющий воздух подхватил их, как медленная река подхватывает пловцов.

Они пролетели лиг десять, когда рядом с собой Лотар вдруг почувствовал чью-то тень. Это не была угроза, но, чтобы убедиться в этом, ему пришлось немного сбавить темп и как следует повернуть головой. Наконец он увидел ее — жесткокрылая ворониха с размахом крыльев, как у журавля, с темными, внимательными глазами, видящими и на солнце, и в темноте, с тяжелым клювом, способным и рвать добычу, и клевать зерна. Запас хода у нее был такой, что она летела даже не в половину, а в четверть силы. Лотар не мог не подивиться удачности выбора своей спутницы и в который раз пожалел, что ему не дано выращивать перистые крылья, а только кожистые, с гораздо более ограниченными возможностями.

«Это ты?» — спросил он ее на внутреннем языке.

«Ты ждал кого-нибудь другого?» — вопросом же ответила виана.

«Нет, я ждал только тебя».

«Поздновато ты отправился сегодня в путь».

«Мне показалось, в городе беспокойно».

Больше они не разговаривали. Только под утро, когда Лотар вымотался окончательно, а Сухмет с каждой минутой становился все тяжелее и тяжелее, потому что колдовство заканчивалось, виана вдруг ответила на это предположение:

— Вероятно, ты стал одним из тех, кто не допускает ошибок. Хорошо бы эта твоя особенность не оставила нас в будущем.

Они перекусили запасами из Бесконечного Мешка, а потом на долгих семь часов Лотар и виана завалились спать. Перед полуднем они проснулись, наелись еще раз до отвала и отправились дальше.

В этот ясный день лес под ними казался едва ли не ухоженным дворцовым парком, каких много в благополучных странах. Они летели до вечера, почти не снижаясь, стараясь держаться в довольно спокойном воздухе чуть ниже облаков. Два или три раза, когда облачная пелена оказывалась настолько низкой, что начинала закрывать землю, виана почему-то старалась отклониться в сторону, оставляя между собой и облачностью значительное расстояние. Лотар ничего на это не говорил, просто делал такой же зигзаг. «На то она и фея-охранительница, чтобы не валять дурака попусту», — решил он.

На следующий день начался тайг. Это был уже совсем другой лес, чем тот, к которому они привыкли вчера. Островки тайга

сначала появлялись среди лиственных деревьев как высокие гранитные скалы, потом их стало больше, еще больше, и незадолго до обеденного привала они слились в сплошной ковер мрачной, угрожающей зелени. Солнечный свет временами и тут поблескивал, но так, словно бился не о ветви деревьев, а о старое, запыленное зеркало. И еще в тайге этот блеск казался неприятным, словно обманный огонь над болотами, которым няньки пугают непослушных детей.

Они летели до темноты, и лишь когда приземлились на крохотной полянке, Лотар вдруг понял, что последние два часа вообще не соображал, что делает, как летит и куда летит. Он просто следовал за вианой, а она вела его подобно жожаку, ведущему стаю перелетных птиц.

Он спал плохо и, если бы не травяной чай Сухмета, вряд ли сумел бы подняться на следующее утро — так ломило спину и руки. Но он поднялся, трансмутировал и, когда виана легко поднялась над верхушками деревьев, решительно догнал ее.

Весь третий день пути они летели едва ли не в более быстром темпе, чем до того. Виной тому было странное ощущение, которое прочно поселилось в Лотаре, немного схожее с тем, когда он чувствовал за собой слежку. Только сейчас, конечно, это была не слежка, не ощущение взгляда, а уверенное понимание того, что что-то очень неприятное для них, нечто такое, что практически обесценивает почти все их усилия, происходит позади.

Вечером, когда они засыпали на ветвях огромного дерева, потому что так и не сумели найти полянку, чтобы приземлиться, виана вдруг произнесла:

— Я не думала, что ты выдержишь такой темп, какой задал себе с утра, Лотар.

Лотар лишь невесело хмыкнул:

— Я и сам не верил.

— Но ты опять оказался прав.

Лишь к исходу четвертого дня они долетели до кургана. Лотар опять, как это с ним уже было, впал в какой-то совершенно бессмысленный полет, автоматически повторяя сливающиеся воедино движения. А все внимание, которое ему удавалось удерживать, затопляла только тяжелая, стесняющая махи постоянная боль в перетруженных мускулах да близкий полет вианы, которая держалась к нему близко, как никогда, едва не задевая его своими крыльями.

Но они долетели. Лотар даже не пытался высчитать, сколько лиг они прочертили в воздухе, сколько недель пути заняло бы такое путешествие, если бы они пошли обычным наземным путем. Но так или иначе, они отмахали почти половину Северного континента и находились едва не в его центре. В месте, где они однажды уже были. И не так давно, если правильно припомнить все события.

Приземлившись и искупавшись после обратной трансмутации в ручье, в котором он однажды уже купался, Лотар, проверив, как вынимается его меч, поднялся на сам курган. Виана уже была тут.

Она сидела на голове статуи, мрачно нахохлившись. Уже по одной ее позе Лотар понял, что произошло что-то неприятное.

Сухмет, который почему-то отстал, вдруг закричал:

— Господин мой, информация о наших врагах действительно устарела. Они закрыли курган.

— Как ты сказал? — не понял его Лотар.

— Смори, — Сухмет догнал его, оказывается, он искал трещину, по которой курган открывался, — шва в кургане нет. Нет места соединения и около статуи. Это сделано специально, курган закрыт. Больше известного нам хода к замку Врага не будет очень долго, до тех пор, пока наш противник не убедится, что им никто посторонний не воспользуется.

— Значит, мы летели в такую даль зря? — спросил Лотар.

— Не знаю. Конечно, ему будет неудобно: не вызовешь Сроф, не пошлешь погоню за кем-нибудь...

Неожиданно голос вианы зазвучал в сознании Лотара:

«Да, но он с этим некоторое время вполне может примириться. Это как поднятый крепостной мост».

«Не могу не согласиться, — произнес тоже на внутреннем языке Сухмет. — И что теперь мы будем делать?»

Лотар прошелся по кургану. Все правильно, шва не было, они ходили по простой земле, насыпанной правильной круглой горой. И под ними все было заполнено землей. По крайней мере, Лотар не чувствовал там никакого пустого пространства.

— Они и дом Сроф, кажется, перенесли, а всю полость засыпали. Но для этого у них не было времени! — Он не был уверен, что прав в последнем выводе, и повернулся к Сухмету.

— Существуют магические пространственные образования. — Для убедительности восточник потряс Бесконечным Мешком, не снимая его с плеча. — Возможно, пещера Сроф состояла как раз из такого магического устройства. Это не часто встречается, но бывает. Чтобы снять его, нужно не намного больше времени, чем оленеводу снять и уложить на сани свой чум. К сожалению, ничего более определенного я не могу тебе сказать, потому что в прошлый раз просто не обратил на эту возможность внимания.

Лотар присел на чисто вымытый дождями валун, подставив лицо солнцу.

— Но коридоры? Ты всегда говорил, что эти подпространственные каналы непросто проложить. А из пещеры Сроф вел целый лабиринт таких каналов. Их ведь не свернешь в полдня.

— Да, — ответила виана на этот вопрос, — коридоры скорее всего остались. Но их можно закрыть такой магией, что даже мне становится не по себе, как начинаю думать об этом.

Лотар посмотрел на солнце. Оно было уже не очень теплым и касалось кромок деревьев на горизонте. Воздух чуть помутнел и слегка покраснел. Завтра может пойти дождь.

И тогда холодная волна вдруг обдала Желтоголового от плеч до самых ног... Лотар поднял чувствительность до предела... Так и есть. Он слышал голос Солда, тот дрался, хотя был уже несколько раз ранен. Он проклинал Лотара, считая его виноватым в чем-то,

что представлялось Солду болью, мукой, смертью... И гибелью всего города.

Лотар поднял голову, встретил серьезный взгляд восточника.

— Ты слышишь?

— Они напали на Панону, — спокойно произнесла виана. Сейчас ее девичий голосок отдавал бездушием.

— Значит... Значит, мы навели на Панону каких-то посыльных Нахаба? — Почему-то Лотар мог произносить эти слова только не разжимая зубов, как во время боя.

— Они все равно напали бы, — попытался утешить его Сухмет. — Они были скорее всего отмотилизованы и лишь ждали приказа. Ты — не причина, твое присутствие там всего лишь предлог, господин мой.

— Но если бы мы туда не пришли, эти люди не погибли бы, верно? Значит...

— Ничего это не значит. — Голос Сухмета загудел сердито, как огромный рой потревоженных пчел. Лотар даже не знал, что он умеет так говорить. — Не ты начал эту войну, ты лишь пытаешься ее закончить. И причина не в том, что ты там был, а в замке, который мы пытаемся сейчас выследить.

Лотар вдруг увидел, что его кулаки сжаты так, что из них сочится кровь, вероятно, в некоторых местах лопнула кожа, а он даже не почувствовал боли. Никогда прежде с ним такого не случалось.

— Ладно, ты прав, Сухмет. Но что-то нужно делать.

— Правильно, — поддержала его виана. — Давай думать конкретно, а не демонстрировать эмоции.

Лотар посмотрел на Сухмета так, что тот часто-часто заморгал и опустил голову.

— Как ты думаешь, Сухмет, подпространственные каналы все-таки остались?

— Да, но на такой глубине, что...

Договорить он не успел, потому что Лотар уже начал трансмутировать руки. Когда-то, когда он пробовал научиться менять некоторые части тела не только в рептильные образцы, что было ему свойственно по природе драконьего оборотничества, он открыл одно качество, которое очень хорошо запомнил. Он умел сделать из своих рук чрезвычайной прочности и силы хитиновые лопасти, которыми можно было легко разгребать практически любой грунт, кроме, разумеется, скального. Но скалы при желании можно было взорвать, это он тоже установил, прослушав одну из лекций Сухмета по пиротехнической магии.

Потом он призадумался. Полость перед каналом должна быть в стороне от статуи, примерно в сотне футов на восток от подошвы кургана. Чтобы попасть к нему... План подземного хода сам выстроился у него в сознании, словно помимо клешней он и мозги слегка трансмутировал, подражая кроту, например.

Он тронул землю. Она была чуть влажной, рассыпчатой, только очень много попадалось корней. Но с корешками можно было справиться небольшим бердышом, который Сухмет не ожи-

данно достал из своего Мешка. К тому же через пару часов корни кончились. Зато началась вечная мерзлота и, как всегда бывает в таких случаях, стали попадаться довольно большие камни.

Незадолго до полуночи Лотар вылез на поверхность, чтобы передохнуть. Только теперь он понял, что не вытаскивал землю, которую ему удавалось отковырять и отбросить назад, за себя. Каким-то магическим образом Сухмет вытаскивал ее на поверхность, заставляя размельченный грунт течь в воздухе, как струйку дыма. Это, что ни говори, очень ускорило работу. Как он это делал, было непонятно, кажется, даже виане, но она видала и не такое, а кроме того, умела не мешать. Поэтому все вышло как бы само собой.

Грунт этот, также по воздуху, переносился на полсотни футов от того места, где Лотар начал рыть свою яму, и сваливался в одну огромную кучу. Сейчас он засыпал почти целиком сухую сосенку, которую так и не пустили к солнцу соседние деревья.

Ужин был готов. Сухмет, как всегда, справился со своей частью работы на славу. Лотар съел две миски похлебки и отказался от третьей только потому, что его еще ждал кусок нежной панонской ветчины. Для того чтобы воспользоваться ложкой, ему пришлось трансмутировать правую руку в некое подобие нормальной руки, но левую он менять не решился. Уж очень удобную форму приняли его лопасти по мере того, как он принаравливался рыть землю, он не хотел, чтобы это было потеряно. Да и хитинового покрова, наращенного на коже, было жалко.

— Ешь, господин мой, — поддерживал его и Сухмет, — твоим мускулам нужно восстановиться.

— Я в Лотарии работал не меньше, чем тут, а ел гораздо скромнее.

Сухмет, сдержанно прожевав коврижку, ответил:

— В Лотарии ты тренировался, а тут тебе пришлось лететь.

— Да, мы же еще и летели, — проговорил Лотар, запихал остатки ветчины в рот и снова полез в свою нору.

Он пролез туазов десять, когда вдруг понял, что земля со стен не осыпается. Он полуобернулся назад и прокричал, зная, что Сухмет стоит неподалеку от входа:

— Слушай, а земля тут какая-то странная. Держится без крепи.

— Это не земля, господин. Я просто устроил небольшие подпорки из силовых колец. Если бы ты не был таким усталым, почувствовал бы их сам.

Так, теперь Лотар полез вперед с четким осознанием того, в чем состоит его проблема. Магические силовые поля, не говоря уж о том странном способе, которым Сухмет транспортировал на поверхность землю, требовали огромного расхода сил. Сухмет сможет продержаться так не более суток. Значит, именно за это время нужно дорыть до цели. Или... Лотар представил, как земляной свод засыпает его клешни, как земля набивается ему в рот, выжимает воздух из легких... Или он справится, или придется отказаться от этой затеи. А другого способа действовать у него нет.

Что же, значит, на этот раз он потерпит поражение? До происшедшего в Паноне это было еще возможно, но теперь — нет.

Перед самым рассветом он еще раз поднялся на поверхность. Куча земли дошла иным деревьям уже до трети ствола. Сухмет был бледен, как утренняя заря, он очень устал, не меньше, чем Лотар.

Желтоголовый вволю напился, потом просто, без движения посидел на дорожном плаще Сухмета. Наконец, с трудом разлепив губы, произнес:

— Знаешь, мне кажется, впереди я услышал какой-то глухой отзвук. Так должна звучать пустота. Лучше будет, если ты попробуешь держаться за мной. Ты ведь сможешь откачивать землю, если пойдешь со мной вниз?

Сухмет кивнул.

— Вот и хорошо. Пошли, а то у меня и у тебя силы кончатся раньше, чем мы доберемся... Да, виану не забудь. Где она?

Сухмет, собирая вещи, кивнул на Бесконечный Мешок:

— Она забралась туда, сообщила, что там тесно, но воздух очень свежий, без неприятных запахов, и уснула. По ее идее, мы будем носиться с ней, не заставляя просыпаться.

Они спустились вместе. Лотар снова начал рыть. Это было как идти по пустыне, когда тебя сжигает жажда. Или как плывет по морю тонущий человек. Или как ему несколько раз приходилось биться, когда казалось, что поражение неминуемо и смерть уже близка... Врезаешься клешней в грунт, проворачиваешь ее, отгребашь под себя и назад, потом то же делаешь другой рукой. Потом снова, потом еще и еще...

Он почувствовал эту опасность слишком поздно, потому что оступел и ничего не мог уже сделать. Грунт под ним вдруг дернулся, поплыл, потом стало на мгновение очень темно и непривычно, и они начали падать... Песок, который только что непреодолимой стеной стоял перед ним, вдруг превратился во что-то зыбучее, как вода, вывалился вместе с Лотаром и Сухметом в какое-то большое пространство и рухнул вниз.

Он потерял Сухмета из поля своего сознания... Потом ударился о что-то острое, почувствовал, что в боку хрустнуло, снова ударился двумя клешнями сразу... Были бы у него руки, он бы повис на них, а так они только треснули, он почувствовал дикую боль, и все кончилось...

Очнулся он от того, что его откопал из песчаного завала Сухмет. Восточник выглядел усталым, но спокойным.

— Где мы? — спросил Лотар. Для верности повторил вопрос более твердым тоном.

— Мы вывалились, господин мой, в пещеру Сроф. Наше счастье, что высота тут была не очень велика, а то ты вместо рук сломал бы себе шею.

— А ты ничего себе не сломал?

— Я был сзади, успел подготовиться. Кроме того, у меня были руки, я схватился за одну из веток дерева Сроф и спустился, как мальчишка с яблони.

— А виана?

— Она летает где-то тут, очень довольна, что они засыпали не весь курган, а только две трети. Нижние ветви дерева Сроф, со всеми ее богатствами, остались на месте.

— Значит, вход в подпространственные каналы?..

— Мы займемся этим, когда у тебя сростутся руки. Никто ведь не знает, что нас ждет по ту сторону двери!

Лотар с удовольствием откинулся назад, предоставив Сухмету полное право откопать себя до конца и перенести на какую-то подстилку. Боль пульсировала не только в руках, но и в голове. Но теперь у них была передышка, такая необходимая для них всех передышка, и Лотар собирался ею воспользоваться от души. Хотя, конечно, неотложные дела, вроде обратной трансмутации, заращивания сломанных костей на руках, ребрах и на голове он уже начал. Но их можно было провести так, чтобы боль не была чрезмерной.

Неожиданно ему пришла в голову идея. Он открыл глаза, всмотрелся в серое лицо Сухмета, склонившегося над ним, и спросил:

— Слушай, а весь этот курган не может оказаться первостатейной ловушкой, куда более эффективной, чем инсценировка в Паноне?

Сухмет подумал, посмотрел куда-то вбок, на стену, пожевал губами и наконец ответил:

— Нахаб, без сомнения, знал, что мы попытаемся пробиться сюда. Поэтому следует ожидать, что он принял меры предосторожности. И к ним нужно быть готовым.

Лотар закрыл глаза почти с искренней улыбкой.

— Слава Кроссу, а то я уже подумал, что он решил с нами больше не связываться.

Глава 16

Отдых, устроенный в пещере, которая осталась от зала Сроф, был необходим Лотару и почти так же необходим Сухмету. Но обоих снедало ощущение, что они теряют время. В самом деле, вход был рядом, только руку протяни — и дотронешься до медного кольца, отливающего тусклым блеском с разводами патины, а они просто ели, просто спали, просто медитировали.

Сухмет спасался тем, что мысленно восстанавливал по частям заклинание, поднимающее дверь в подпространственные каналы, и, даже не зная языка, очень добротнo сумел восстановить формулу, произнесенную Сроф. А Лотар заращивал повреждения и накачивал самое подходящее для боя состояние психики — спокойствие, негибкость, нацеленность только на одну цель. Он занимался этим, хотя его не покидало ощущение, что до настоящей битвы у него еще будет время и потренироваться, и психологически окрепнуть от всех неудач, которые преследовали их в этом деле.

Быстрее всего восстановилась виана, но она и не была изнуре-

на, как люди. Она, как и в первый раз, когда они только-только устроили засаду на птицу, летала по всему темному пространству пещеры и ждала продолжения.

И оно наступило. Лотар понял это по нетерпеливым взглядам, которые Сухмет начал бросать на него, и еще по тому, что в медитативном видении своего тела не находил больше ни одной раны. «Еще бы пару раз потренироваться!» — подумал он, но так как в душном зале сделать это было непросто, стал просто собираться.

Сухмет обрадованно принял его помогать. Снова, уже в который раз, Лотар подивился, как просто восточник обходился с Бесконечным Мешком и как эффективна была эта непонятная ему магия. Он спросил:

— Сухмет, у этого Мешка в самом деле нет никаких ограничений?

Сухмет, запихивая в неширокое отверстие толстый дорожный плащ, что получалось не очень аккуратно, вздохнул:

— А ты как думаешь, господин мой?

— Я думаю, что-то тебя ограничивает, иначе на этот раз ты бы ограбил Сроф подчистую.

Сухмет усмехнулся:

— Ну, я все-таки не так меркантилен, для виду я бы оставил кое-что, чтобы про меня не разносили бессмысленные сплетни... Но вообще-то одно ограничение есть. Я не смогу унести этот Мешок, если он будет слишком тяжел из-за вещей, которые в нем окажутся. Уж как я ни пытался его облегчать, как ни экспериментировал — ничего не получается. Вес, к сожалению, до конца не уничтожается. Если бы к этому Мешку еще и Туман Безвесия — был такой колдовской инструмент, исчезнувший примерно тысячу лет назад, — ценность Мешка значительно увеличилась бы.

— Значит, как я и подозревал, все, что попадает тебе под руку, ношу я на своих крыльях?

Сухмет только хмыкнул, быстро дособирав остальные вещи, и они подошли к двери. Ду-Лиа, проявив небывалую предусмотрительность, вдруг уселась Лотару на левое плечо, чтобы случайно не перекрыть доступ к рукояти Гвинед, которая торчала из-за правого плеча Желтоголового. Это было необычно, Сухмет стал серьезным.

— По ту сторону нет опасности? — спросил Лотар виану.

Она не ответила, и это было еще красноречивее. Она ничего не чувствовала. Или дверь была настолько хорошо замаскирована магическим покрывалом, что даже виана, гораздо более чуткая, чем Сухмет, не понимала, что происходит с той стороны. Молчали и колокольчики.

Сухмет начал читать наговор. Потом он повысил голос, один раз даже закашлялся от напряжения, но справился, и текст получился все-таки без срывов. По мнению Лотара, это было идеальное повторение слышанного им заклинания, но Сухмет, более подготовленный лингвистически, несколько раз морщился, должно быть, переживая какие-то свои неудачи. Но, как бы там ни

было, дверь со знакомым скрипом приподнялась, застряла, еще поскрипела, а потом поднялась до конца.

Перед ними лежал открытый коридор. Он был пуст. Никто их с этой стороны не ждал.

Они пошли, пытаясь чувствовать все, что представляли собой стены этого коридора. Как всегда в этих каналах, Лотар быстро оглох, ослеп и почти совсем перестал ощущать свое тело. Он лишь переставлял ноги за Сухметом. Он не знал, сколько они прошли, когда вдруг восточник издал странное восклицание и опустил на колени.

Лотар дошел до него, положил руку на плечо, чтобы понять, куда нужно смотреть, и тоже наклонился к полу.

Перед ними лежал Азмир. У предателя на лице застыло выражение такого ужаса, что даже Лотар содрогнулся. В этом было что-то дьявольское, словно пустынный умер от того, что его кто-то жутко испугал. Чтобы проверить эту догадку, Лотар спросил:

— Раны есть?

— Не видно, господин мой. Может, ты прав, и он в самом деле умер от...

— Нет, — ясно и легко, как свет звезд на спокойной поверхности воды, прозвучал голос вианы. — Он умер от отравления, я слышу его предсмертные мысли, он задохнулся.

Способность так легко читать предсмертные мысли на миг поразила Лотара, он не знал, что это возможно, но... Но предупреждение было куда ценнее магической экзотики. Он распрямился и посмотрел в один конец коридора. Оттуда, клубясь, приближалось облако какой-то мути. Лотар оглянулся назад — с той стороны к ним двигалось другое облако. Сухмет стиснул зубы.

— Ядовитый газ. И выйти отсюда я не смогу, пока не дочитаю заклинание переноса...

— Не нужно заклинания, — быстро ответил Лотар. — Виана, ты говорила, что воздуха в Бесконечном Мешке достаточно, чтобы сидеть там часами?

— Мешок вбирает в себя все, даже воздух.

— Тогда быстро полезай внутрь. А мы, Сухмет, будем дышать по очереди.

Не очень вежливо протолкнув виану в Мешок, Лотар для пробы обузил завязками горловину и попробовал вдохнуть из него. Воздух втекал в легкие без труда, только пах какими-то сушеными фруктами. Задержав воздух в легких, Лотар сунул Мешок Сухмету. Тот повторил эксперимент, у него даже глаза заискрились от удовольствия.

Потом, чтобы не тратить воздух на разговоры, он произнес ментальным образом: «Пожалуй, двинулись вперед, нам не страшно эта ловушка».

Когда они вступили в клубящийся газ, из их глаз потекли слезы, а потом Лотар вдруг понял, что у него из носа пошла кровь. Но он уже заращивал глаза защитной пленочкой, а сосуды носа пережались сами, что-то подобное произошло с Сухметом, и они продолжили путь.

Пройдя несколько десятков шагов, передавая друг другу Мешок, воздух в котором оставался на удивление сладким и свежим, Сухмет вдруг стал пьянеть. Вероятно, немного отравляющего газа все-таки попало ему в легкие. Ему захотелось поболтать:

— Бедный предатель, он так хотел выиграть, что не рассчитал чужого предательства...

На это Лотар ничего не ответил, он лишь набрал побольше воздуха в свои легкие, которые сделал более емкими, чем у нормального человека, раз в пять, потом прижал Мешок к губам Сухмета и держал его до тех пор, пока восточник не показал пальцами, что все в порядке.

Газовая полоса кончилась не скоро. Прежде чем они вышли из нее, у Лотара еще раз пошла носом кровь, потом неизвестно почему у Сухмета стали синеть пальцы, но все-таки она кончилась. Когда стало ясно, что они справились и необходимость в Мешке отпала, Сухмет вдруг сказал:

— Интересно, они хотели что-то замаскировать или просто от нас избавиться?

— Замаскировать? — не понял Лотар.

— Ты забываешь, господин мой, что главное назначение тумана — все-таки что-то скрывать. Вот я и думаю...

Что он думает, восточник не пояснил, теснота коридора стала настолько тугой, что Лотару пришлось повернуться боком, чтобы протиснуться в эту щель. Сухмет снял Мешок и понес его перед собой. Потом узкое место кончилось, и они вышли в небольшой зал, в котором помимо довольно высокого потолка было еще и светло. Откуда-то лился призрачный, рассеянный свет. В этом зале Лотар мог хотя бы ориентироваться.

Сухмет с удовольствием огляделся по сторонам.

— Если бы я мог выбирать...

Больше он ничего добавить не успел. Из стен впереди них возникли острые, как клыки тигра, снежно-белые и толстые острия. Они закрыли проход вперед более надежно, чем если бы перед ними выросла крепостная стена. В сознание ворвался звон колокольчиков. Лотар закричал:

— Сухмет, назад...

Но было уже поздно. Когда Желтоголовый оглянулся, выход перекрывала точно такая же непреодолимая решетка из светящихся в полумраке костяных пик. Между ними оставалось не больше десятка дюймов. «Вообще-то, — подумал Лотар, — если постараться, то можно расплющиться, вот только Сухмет... Но зато хотя бы виана спасется».

Но виана не собиралась спасаться. Она вырвалась из своего Мешка и принялась носиться, внося хлопанием своих крыльев ноту непреодолимого отчаяния. Лотар оглянулся, он еще не понимал, откуда следует атака... И вдруг сверху ему на голову упало несколько песчинок, он поднял голову.

Потолок пещеры, высокий, не очень еще видимый даже в этом сумраке, определенно приближался. Его сумрачный свод вдруг сделался неоднотонным, на нем появились разводы. Лотар по-

пытался взглянуть в одно странно распластанное пятиугольное пятно, а потом резко отвел глаза. Это было не пятно, это был отпечаток раздавленного человека. И хотя он погиб давно, очень давно, кажется, уже несколько веков прошло, почему-то следы от него остались на странном материале этого пресса.

Но особенно переживать было некогда, следовало что-то придумывать. Лотар повернулся к Сухмету. Восточник сидел в позе медитации и сосредоточенно, легко, как будто находился в своей лаборатории в Лотарии, читал какое-то магическое вызывание несусветной сложности. Он торопился. Так как Лотар не знал, сколько времени потребует от Сухмета это колдовство, он просто принялся наращивать мускулы на руках и плечах. Виана, должно быть от отчаяния, его не поняла. Она что-то прокаркала, но Желтоголовый даже не обратил на нее внимания.

Когда мускулы стали такими, как он хотел, потолок опустился уже на четверть своей высоты. Лотар подошел к одному из клыков и положил на него руку.

Кожу тут же пронзила жуткая боль, но она не была чрезмерно глубокой. Лотар нарастил на коже ладоней толстый роговой слой и взялся за бивень двумя руками. Потом уперся ногами в нижние прутья этой белой решетки и нажал.

Бивень не поддался, лишь собственные кости драконьего обортня захрустели. Внутренним зрением Лотар увидел, как кости его рук становятся длиннее, потому что начинают выходить из суставных сумок в локтевых и плечевых суставах. Но он только сделал суставы грубее и нажал еще сильнее. Вдруг один бивень пошел, только не тот, за который он держался, а тот, в который он уперся ногами. Но больше выдерживать такое напряжение не мог даже Желтоголовый.

Он на мгновение сбросил напряжение, передохнул, набрал свежего воздуха в легкие и снова рванул прутья этой решетки... Раз, другой, третий... Бивень внизу определенно раскачался. Теперь он ходил в своем гнезде более чем на три дюйма. Лотар поднял голову. До потолка осталось не более десяти футов. Он снова надавил на обжигающую гладкую поверхность. Снова и снова... Он остановился, когда понял, что ничего сделать уже не успеет. Потолок сначала несильно толкнул его в макушку, потом придавил, потом нажал по-серьезному.

Лотар бросил свой прут и попытался изобразить атланта, чтобы удерживать этот падающий на них свод. Куда там! Он даже не мог замедлить его. Тогда он снова взялся за бивень. Пару рывков, и вдруг стало ясно, что он мог бы выйти, если бы у них была хотя бы еще пара минут. «Как жаль, как жаль, — подумал Желтоголовый, — мы, кажется, не успеваем».

— Держись за меня! — вдруг дико заорал Сухмет, обхватывая Лотара за талию.

Лотар попытался оглянуться на него, но не сумел, потому что прямо ему в лицо бросилась виана в воронихином воплощении. Автоматически, не вполне понимая, что происходит, Лотар схватил ее натруженной левой, обнял Сухмета...

Удар о поверхность был так силен, что и без того некрепкое со-

знание Лотара грозило вовсе вывалиться из его головы. Он пока- тился по мелкому, мягкому, как пух, горячему песку. «Когда-то такое уже было», — решил он.

Потом, осознав, что рядом вот так же прокатились по песку Сухмет и что-то еще, он открыл глаза и сел.

Небо горело ослепительной голубизной, это была реакция на темноту подземелья, откуда они только что вывалились. Песок уже хрустел на зубах, но зато им не грозил смертью каменный свод, опускающийся сверху, как проклятие древних богов. Колоколь- чики умолкли.

Прямо перед собой, на расстоянии в сотню футов, Лотар уви- дел потрясающую желтизну Яйца Несбывшегося. Он проверил Гвинед и Акиф, мечи были на месте. Значит, все в порядке, Сух- мет успел, они снова выжили. Он поднялся, помог утвердиться на ногах и восточнику. Тот острее, чем обычно, переживал свето- вой шок, возникший от слишком резкого перехода из подземелья под это небо, а может быть, слишком много сил от него потребо- вало то заклинание, которое перенесло их сюда.

Наконец, отдышавшись, Лотар решил получше понять, что же с ними произошло.

— Сухмет, как тебе удалось? Ты же сам говорил, что переход возможен только из подпространственного канала. Или из нор- мального пространства к какому-нибудь маяку...

Сухмет махнул рукой:

— Да все эти коридоры, господин, представляли один боль- шой канал. А что касается маяка, то вот он. — Восточник указал на Яйцо. — Мне и придумывать ничего не нужно было, только следовало поторапливаться.

Лотар с удовольствием осмотрелся.

— Неплохо, что ты поторопился. — Потом в его сознании воз- никла одна смутная идея. — Как думаешь, они этого не учли или все сделали специально?

— Что именно? — не понял Сухмет.

— Если пресс — штука, которая должна разить наповал, ло- гично предположить, что толковый колдун навел бы изоляцию и на внешние стены. Чтобы нельзя было отстрелиться в другое место и избежать...

— Ну, такая изоляция потребовала бы очень сложной магии, которая предупредила бы любого. А что ни говори, половина ус- пеха пресса — в неожиданности. Они сделали проще, отстрелить- ся, как ты сказал, из того места и в самом деле невозможно. Про- сто никто не в силах прочитать необходимое колдовское закли- нание так быстро.

— Но ты-то успел.

Сухмет таинственно улыбнулся:

— Помнишь, я ставил эксперименты по сдвиге людей или предметов во времени назад и вперед. Вот я и сдвинулся назад, когда понял, в чем дело. Иначе и я бы не успел.

— Так вот почему ты так здорово среагировал, — рассмеялся Лотар.

— Да, именно потому, что предыдущую фазу, когда я метался,

вздыхал кулаки вверх и придумывал, что бы предпринять, ты не заметил, — усмехнулся восточник. Он неторопливо достал из Мешка флягу с водой, отпил из нее и протянул Лотару. — А вообще эта ловушка была сделана мастером. Каменные прессы — одна из самых опасных ловушек, ее не пройдешь. А та была просто шедевром. И если бы не посох Гурама, если бы не мои упражнения со временем, мы бы...

Он не договорил. Лотар напился, полил немного на руки, памятуя, что где-то тут поблизости должна быть река и недостатка воды у них не будет, попытался смыть слизь, оставшуюся на коже после обратной трансмутации нелепых, громоздких мускулов.

— Одно плохо, — сказал он с расстановкой, — теперь мы снова в начале.

— Были бы ноги, — произнес Сухмет, поднимаясь и оглядываясь, — а дорога найдется, как говорят соотечественники моего друга Ди.

Прямо над ним вдруг появилась виана. Она прокаркала, чувствовалось, что этот мир доставляет ей особенное удовольствие. Лотар крикнул ей:

— Эй, тут может быть опасно, этот мир не обжит.

— Оставь ее, господин мой, — ответил Сухмет.

Тогда виана вдруг вспомнила, что может еще и говорить. Своим спокойным, слегка замедленным голоском она поведала:

— Какая прелесть, какая чистота и свежесть! Никаких тебе злобных эманаций, никаких наслоений, даже зверья нет. Если бы у меня не было дел, я бы поселилась тут навечно.

Лотар покачал головой. Он не понимал, как можно радоваться полному безлюдью, или не хотел этого понимать. Ду-Лиан вдруг сорвалась в сторону, исчезла в ставшей вполне терпимой лазури, но уже через пару минут вернулась. На этот раз в ее черном клюве тяжело билась огромная рыба.

— Держите, я пойду еще добуду! — прокричала она с высоты и бросила серебристую добычу прямо на людей.

— А ты говоришь, зверья нет, — сказал Лотар, ловя сброшенный сверху подарок.

Но виана не ответила, она умчалась на следующую рыбалку. Стемнело быстро. Виана наловила рыбы раза в три больше, чем они могли съесть. Сухмет соорудил костер и принялся жарить на прутиках ужин. Он явно не торопился отсюда уходить. Это заинтересовало Лотара.

— Ты о чем думаешь?

Сухмет попробовал кусочек со своей стороны пламени, покачал головой.

— Когда мы проходили через туман, мне кажется, там было одно интересное ответвление. Ты его, конечно, не заметил. Штука в том, что на нем никто не поставил ловушек, я в этом уверен. Видишь ли, оно из класса тех, которые, по мнению строителя, невозможно пройти.

Логика в рассуждении Сухмета явно была восточная, поэтому требовала осмысления.

— Если невозможно пройти, значит... — Лотар сделал над

собой усилие. — Так, кажется, понимаю. Именно оттуда нападение будет самым успешным, потому что неожиданным. Верно?

Сухмет улыбнулся. В свете пламени, пляшущего на ветру, пахнущего близким морем, эта улыбка казалась вечной, мудрой и торжественной, как звездное небо над головой.

— Верно.

— Но как мы туда попадем, Сухмет?

— Я оставил в пещере Сроф модель Дракона Времени, и мы можем попасть туда, несмотря на слои защитной магии, как шарик катится по наклонному желобу вниз.

— Давайте поедим и скатимся, — предложила виана.

— Не знаю, дело в том, что перед входом в то место, если я правильно все рассмотрел в тумане, висел иероглиф, который можно перевести как Беспредельный Лабиринт.

Название было красивым, но в нем Лотару послышался зов смерти, знак безусловной гибели, полного небытия.

— Что это может быть? Тебе не встречалось это название в твоих манускриптах?

— Сухмет, — снова подала голос виана, — не пережарь мне рыбу. Я не совсем человек.

Сухмет все понял, сорвал поскорее с одного из прутиков рыбку посуше и разложил ее на куске ткани, расстеленном на песке. Ворониха с удовольствием наступила на нее ногой и принялась рвать на куски.

— Я могу разделить ее, — предложил Лотар, но виана не обратила на него внимания.

Сухмет снова взгляделся в огонь, казалось, он именно там пытался высмотреть наилучшее решение.

— Видишь ли, господин мой, Беспредельный Лабиринт — это место, откуда выхода не существует.

— А если все-таки попробовать?

Вид пирующей вианы раззадорил и Лотара. Он снял одну рыбку поменьше, потому чуть более пропеченную, чем другие, и принялся остужать ее, перебрасывая из руки в руку. Пахла она превосходно.

— Это очень опасно.

— Давай подумаем, что мы реально имеем? Мы можем, конечно, вернуться и обойти пресс, верно? Но если у них там стояло какое-нибудь сигнальное устройство, то они уже знают, что мы пробовали там пройти. И они наверняка приняли меры предосторожности. Идти той дорогой вторично тоже опасно, Сухмет.

Сухмет вздохнул:

— Я знаю.

Лотар решил, что восточник почти дал себя уговорить.

— Послушай, а этот твой иероглиф не может быть обыкновенной обманкой?

Вдруг подала голос виана. Так как она говорила ментально, то торчащий у нее из клюва рыбий скелет совершенно не мешал ей:

«Вообще-то в одной книге было сказано, что Беспредельным Лабиринтом как раз окружен дворец архидемона».

Лотар замер на миг, потом разломил свою рыбу и отведал ее.

— Вкусно, хотя и жаль, что зелени нет. — Он прожевал кусок. — Значит, если мы туда попадем, то будем очень близко от Врага?

— Или очень далеко, — проговорил Сухмет и тоже снял с прутка поджарившуюся тушку, — это как посмотреть. Но еще раз предупреждаю, возврата оттуда может и не быть.

Неожиданно Лотар стал очень серьезным:

— А я не собираюсь просто так возвращаться.

Сухмет долго смотрел на него, потом вспомнил о рыбе, но, прежде чем попробовать ее, произнес:

— Этого я и боюсь.

Глава 17

Дверь над входом в подпространственные каналы из зала птицы Сроф, поднявшись, больше не опускалась. Застряла на этот раз накрепко. И все-таки Лотар не поверил ей, хотя и не ощущал никакой ловушки. По его предложению Сухмет сделал фантом с очень похожей на живого человека аурой и послал его вперед. Фантом миновал дверь без приключений. Лишь тогда прошли люди и виана.

Отравленный туман не показался: должно быть, устройство, которое его вырабатывало, еще не перезарядилось. Но Лотар был последним человеком, который стал бы по этому поводу горевать. Чем меньше помех, тем отчетливей он видел, куда они идут.

Особенно хорошо стало видно после того, как они и в самом деле прошли в низкую и очень узкую раму с непонятным рисунком на темной притолоке. Собственно, прохода как такового и не существовало, Сухмету пришлось с заметным усилием раздвигать какую-то шуршащую ткань, чтобы показать Лотару новый коридор.

Зато после этой завесы Желтоголовому удалось даже разглядеть стены. С каждым шагом в глубь нового лабиринта они становились все более неопределенными, покатыми, зализанными, гладкими, а начиная с какого-то момента и вовсе начали напоминать пищевод какой-нибудь огромной рыбы. Иногда стены сжимались, чуть подрагивая, тогда приходилось ждать, пока они снова разойдутся, иногда раздавалось приглушенное бульканье.

В одном месте, где бульканье стало очень уж вызывающим, Лотар ударил в стену Акифом. Но его клинок вдруг так разогрелся, что Лотар стал опасаться, что затупится сталь. И вообще, из этой затеи ничего хорошего не вышло, потому что из прорубленной дыры вдруг ударил такой тошнотворный запах, что Лотар поспешил догнать Сухмета и долго еще чувствовал прилипшую к одежде и его коже несильную, но отчетливую вонь, к которой невозможно было подобрать никакого определения.

Потом они вдруг вышли на огромное поле. Словно бы из темного и тесного, как чужой карман, леса вывалились на поляну. Это было здорово. Вот только поле оказалось не простым, потому что противоположных стенок было не видно, хотя Лотар отчетливо ощущал себя в замкнутом и даже не очень обширном про-

странстве. Но за годы знакомства с Сухметом он вполне уверился, что магии, особенно старинной и изощренной, всякое доступно.

Все поле было усеяно небольшими, не больше иного фонтана в богатом замке, озерцами, только, разумеется, из них не били никакие струи. Зато около каждого озерца росло по кусту со странными листьями и непонятым, небывалым образом сплетенными ветками. Стоило Лотару посмотреть на эти озерца, на ветви кустов, на скрывающуюся в магической дали пещеру, из которой они только что вышли, как он решил, что убраться отсюда будет очень непросто.

Виана тоже не радовалась, что они тут оказались. Она выбралась из Бесконечного Мешка, где просидела все время, пока Сухмет шел через подпространственные коридоры, полетала над полем, уселась на левое плечо Лотара и спокойнее, чем когда-либо прежде, поведала:

— Тут нет стен. Их не просто не видно, их в самом деле нет. Куда бы я ни полетела, спустя десяток взмахов оказывается, что я лечу к центру поля, где вы сидите под этими кустами.

Лотар повернулся к Сухмету, впадшему в таинственную и не вполне обычную для себя заторможенность:

— Наверное, что-то вроде той магической завесы, которой окружили некогда Мирам, помнишь?

Сухмет нехотя кивнул:

— Я все помню, мой господин. Конечно, ты прав. Только это теперь не самое главное, меня гораздо больше интересует, что будет, если мы прыгнем, разумеется предварительно связавшись веревкой для страховки, в один из этих прудиков?

— Или во все прудики по порядку? — поддержала его Ду-Лиан. — Ты прав, восточник, это единственное, что тут приходит в голову.

Они так и сделали. Нашли подходящую веревку, Сухмет прочитал непонятное, очень старинное заклятие, после которого, как он объяснил Лотару, все монетки начинали падать только на одну сторону, кости выкатывали одну-единственную цифру, а шарики залетали в единственную лунку. Это было нужно, чтобы преодолеть ловушку, если в прудике окажется расходящийся канал. А потом они упрятали виану в Мешок и прыгнули, обнявшись.

Чернота, удар, потом сильная боль, и когда Лотар открыл глаза, он стоял по пояс в воде точно такого же прудика, в который только что прыгнул. Но Сухмета рядом не было, веревка, которой они связались, была аккуратно обрезана, да так чисто, что лучше бы ее не рассек и свежеотполированный Гвинед.

На миг Лотар запаниковал, он вылетел из своей лужи и понесся по полю, зовя Сухмета во всю мощь своей глотки. Но оказалось, что делать этого не следовало, потому что Сухмет точно так же, как только что Лотар, стоял в прудике на противоположной стороне поля и с задумчивым видом осматривался.

Сухмет вылез из воды, отказавшись от помощи Лотара. С него сплошными потоками стекала вода. Он отжал халат, штаны, по-

весил их сушиться на один из кустов, а потом, полуголый, вдруг прыгнул в пруд.

Лотар и остановить его не успел, а он уже появился в соседней луже, хмурый больше обычного. После этого весьма наглядного эксперимента он подошел к Лотару, обсыхающему на берегу, и проговорил, не разжимая зубов:

— Твоя очередь, господин мой. Можешь убедиться, это все очень здорово, только никуда не ведет.

Лотар тоже разделся, чтобы чувствовать себя в воде более удобно, разбежался и прыгнул руками вперед, чтобы перекатиться, достигнув дна, как на тренировке. Но перекатываться не пришлось. Дна не оказалось, он пролетел что-то, очень похожее на мягкую мембрану, на миг укутавшую его тело, а потом вынырнул из соседнего пруда. И лишь потом вспомнил, что снова была чернота и удар. Выбравшись на берег, он проговорил:

— Никогда не думал, что лабиринт может быть таким.

Сухмет огляделся.

— Таким он и должен быть — просто, понятно и непроходимо. Виана, кружащая над ними, проговорила:

— И податься вверх тоже не удается. Как ни старайся, оказывается, что ты падаешь вниз головой к земле.

Лотар отряхнулся, как собака, вылезшая из воды, лег на мягкую траву, посмотрел вверх, в сумрачное нечто, льющее на них серый, безрадостный и бестеновой свет, и сказал уверенно:

— И все-таки отсюда должен быть выход, иначе все это бессмысленно. Ловушку можно сделать куда проще, а тут все довольно сложно. Что-то эта сложность значит.

Сухмет кивнул:

— Может быть, и так, только пока у меня нет ни одного предположения.

Лотар представил, что ему на ум должно прийти решение этого лабиринта, но, как он ни концентрировался, ничего не получалось. У него тоже не возникало ни одного разумного предположения.

Концентрация, которую он пытался на себя напустить, вдруг превратилась в полное рассеяние, расслабленность, он будто спал и не спал, думал и не мог зацепиться ни за одно из своих соображений. Более всего это было похоже на дурацкое оцепенение, он не мог ни пошевелиться, ни позвать на помощь, не мог даже ментально обратиться к Сухмету. Ему осталось только не сопротивляться, а потом, когда что-то стало наконец понятно, он уснул. Потому что, как ни кратковременно было это состояние, оно или открытие, к которому оно привело, потребовало такого расхода энергии, что он вымотался не меньше, чем после самой свирепой тренировки, какую только мог себе вообразить.

Спал он беспокойно, несколько раз его преследовали демоны, которых он давно победил и изгнал из этого мира, потом он стал представлять, как дико и нереально стало трансмутировать его тело, а под конец кто-то очень могущественный стал требовать, чтобы он запоминал и читал по памяти бесконечный, скатанный в рулон манускрипт, написанный на невиданном языке.

Когда он очнулся от этого сна, то понял, что плавает в собственном поту, а голова у него раскаляется, как будто несколько часов без передышки его колошматили все враги разом.

Он поднялся на ноги, они были слабыми, ватными, его качало. Он дошел до ближайшего прудика, окунулся и, лишь вынырнув, стерев воду с лица, понял, что куст, который стоял над этим прудом, теперь не кажется ему странным. В переплетении ветвей, в форме листочков, в рисунке прожилок под его корой читался один и тот же рисунок.

Он выскочил из пруда, подошел к соседнему. Рисунок, который читался в новом кусте, был другим. Лотар по-восточному сел на землю, разровнял песок между коленей и палочкой нарисовал то, что видел перед собой.

— Откуда ты знаешь этот знак, господин мой? — раздался над ним голос.

Лотар посмотрел на такое знакомое, но ставшее напряженным и поэтому чужим лицо Сухмета.

— Я его не знаю, я пытаюсь срисовать его вот с этого куста.

Сухмет замер, самым вульгарным образом разинув рот. Лотар решил ему помочь.

— А вот с того куста, — он ткнул пальцем в другом направлении, — получается вот что.

Прищурившись, он нарисовал нечто совсем другое. У него получилось не очень хорошо, но тогда он стер, как с грифельной доски, и сделал рисунок уже уверенней и тверже.

Сухмет поднял голову вверх, нашел взглядом виану и попросил на ментальном языке:

«Ду-Лиа, посмотри, сколько всего тут прудиков?»

Виана ответила почти сразу:

«Двадцать два».

После этого ответа и в ее сознании наступило напряжение, знаменующее некое открытие. Лотару это стало надоедать. А Сухмет, наоборот, даже развеселился.

— Препологой Демииург, как все просто! — сказал восточник, смеясь. — Как сложно понять то, что находится под самым носом.

— Что ты находишь простым? — потребовал ответа Лотар. Голова болела не переставая, вникать в выкрутасы Сухмета было трудно.

— Двадцать два — число арканов, или — на обычном человеческом языке — первобукв. Считается, что каждое слово может быть произнесено или написано при их посредстве.

— У нас двадцать шесть, — сказал Лотар, — а в иных языках доходит до сорока букв.

— Некоторые арканы распались на варианты, вот и все. — Сухмет оглядел кусты, подошел, погладил листья. — Как просто и как ловко. Непонятно, почему это пришло в голову тебе, а не мне, господин? Ведь это моя специальность — разгадывать магические головоломки.

Лотар попытался было рассказать Сухмету, что он чувствовал, когда спал и не спал одновременно, словом, что с ним произо-

шло и как на него опустился внезапный морок, но от простого воспоминания этого состояния боль в голове стала пульсирующей, и на ее фоне, как показалось, пару раз даже звякнули колокольчики.

Сухмет, как оказалось, все понял. Он подошел и, встревоженно заглядывая Лотару в глаза, пощупал ему пульс на виске, в межключичной ямке, на шее, на ноге. Лотар отдернул ногу.

— Боль пройдет. Лучше давай подумаем, что твои арканы нам дают?

Сухмет, хотя еще миг назад был не на шутку встревожен, усмехнулся, словно ребенок, которому только что подарили давно желанную игрушку.

— Нужно набрать слово, прыгая по порядку в разные пруды, и ты очутишься с последним прыжком в требуемом месте. — Он вдруг провел рукой по лицу, словно хотел стереть свою победную улыбку. — Господин мой Лотар, ты даже не представляешь, какую власть это дает нам! Мы можем оказываться не только в замке Нахаба, мы теперь способны проникать в другие миры, выискивать все существа в мире, если знаем их имена, и при этом даже не затрудняться определением места, где они от нас прячутся. Мы можем...

— Давай покончим с начатым, а потом подумаем над другими приключениями, — предложила виана с высоты.

— Вот именно, — поддержал Ду-Лиа Лотар. — Каким словом он мог закодировать вход в свой замок? Может, назвать его по имени — Нахаб? Это подойдет?

Сухмет сел на траву, подумал, потом с сожалением покачал головой:

— Не думаю. Это открытое имя, оно не дает власти над ним. А тайное нам неизвестно... Зато я знаю имя замка, в котором он обитает.

— Что это нам дает? — спросил Лотар.

— Может, мы окажемся не в главном зале дворца, а где-нибудь на окраине, на подступах, но, безусловно, в его пределах.

Лотар стал одеваться и проверять клинки.

— Принимайся за дело, Сухмет.

Виана с высоты вдруг каркнула, как обыкновенная ворониха. Потом донесся ее ясный ментальный голосок:

«Не исключено, что там сразу придется биться, Лотар. Поэтому приведи себя в порядок, потренируйся, приготовь оружие, а мы подождем».

Лотар подумал, посмотрел на посох Гурама, который Сухмет аккуратно отложил в сторону.

— Ждать не будем. Сухмет, накачай-ка меня силой из своего посоха, а потом давай прыгать в эти лужи.

Сухмет тем временем начертил на песке три слова. Два верхних состояли из трех букв, третье — из четырех. Он пояснил:

— Это варианты названия. Я убежден, что одно из них правильное. — Потом он взялся за посох. — Ты готов, господин?

Лотар сел в позу накапливания энергии, положив на траву рядом оба своих меча.

— Тогда я начинаю. Иммали сох Вапри-тсу огаваша плог ма-бар тхи...

Скоро голос Сухмета расплылся, как плывут контуры предметов при погружении в глубокую медитацию. Зато Лотар определенно стал чувствовать поток свежей и резковатой, как запах свежескошенной травы, энергии, втекающей в его голову, грудь, ноги... Спустя десяток секунд он уже сидел в прозрачном, слегка сверкающем коконе силы.

Кокон становился все меньше, все уже. Наконец его стенки сомкнулись вокруг Лотара, чуть обожгли кожу, а потом стали растекаться по чакрам. И тогда Лотара ударили судороги. Вливающаяся в чакры энергия заставляла его извиваться, чуть не кричать от боли, но и от восхищения, потому что он знал, что становится сильнее, чем когда-либо прежде.

Когда он открыл глаза, то был свеж, силен, а мир перед глазами был слишком праздничным, слишком ярким и выразительным. Так казалось в подвально-сером свете колдовского Беспредельного Лабиринта. Что бы было с ним, окажись он в этом состоянии на живом, расцвеченном всеми красками поле?

— Хорошо, что мы не часто занимаемся такой штукой, — проговорил он и лишь тогда понял, что говорит чересчур быстро. Но Сухмет его понял, потому что слушал не слова, а читал его мысли прямо в сознании. — Иначе к ней можно привыкнуть и стать... Не знаю, кем именно, но это не лучше, чем быть драконом.

Сухмет кивнул и произнес, бесконечно растягивая слова:

— Правильно, господин мой. Это хуже, чем крэкс.

Они собрались быстро, хотя Лотару и показало, что прошло много лет, прежде чем виана привычно уже скользнула в Мешок, а Сухмет нарядился в свой халат и застегнул все пряжки. Потом они подошли к пруду с очень покатыми берегами и поочередно прыгнули в воду.

Затем Лотар отыскал следующий, снова прыгнули, и опять... И ничего не произошло. Они стояли перед такими же прудиками с теми же кустами, в сумеречной, кажущейся бесконечной пещере. Сухмет хладнокровно откомментировал:

— Неправильный вариант. Пробуем следующий.

На этот раз все получилось великолепно. После третьего прыжка они оказались вдруг в большом и пустом зале. Одна его стена возвышалась как глухой, крепостной вал, зато в другой были прорублены широкие окна, через которые свободно вливался морозный воздух и белесый, жидковатый северный свет. Под ногами, в разводах инея, расстился пол из черно-белых мраморных плит.

Лотар подошел к окну. Вокруг, насколько видели глаза, простиралась снежная равнина. Сухмет, высматривающий округу из соседнего окна, произнес:

— Далеко от дома на этот раз мы забрались. Кажется, на самый Север.

Лотар осмотрел зал.

— Жаль, что не виден замок Врага.

— Так и должно быть, — произнес Сухмет. — Мы в одной из пристроек его замка. Было бы странно, если бы он позволил кому

бы то ни было сориентироваться, где и в каком качестве находится остальная часть его жилья.

Лотар проверил мечи, потом разделся и отжал намокшую ткань.

— Ну, теперь остается немного, где бы мы ни находились.

Виана вылезла из Мешка, пролетела по залу, потом подлетела к окну.

— Я могу вылететь наружу и рассказать вам, что видно сверху.

— Не стоит, — произнес Сухмет, который тоже как мог отжал халат, чтобы не подхватить воспаление легких на этом холоде. — Лучше не отрывайся от нас, тут тоже будут какие-нибудь трюки, ловушки, камеры испытаний, так что лучше оставаться всем вместе.

Лотар внимательно посмотрел на восточника:

— Можешь назвать хоть одну?

Сухмет подумал, медленно покачал головой:

— Не могу. Но, согласно некоему старому трактату, все они проявляют самое важное в любом существе, которое сюда попадет.

— Твое или наше общее? — спросил Лотар.

Сухмет невесело хмыкнул:

— У нас нет тут дела, мы только сопровождаем тебя. Поэтому все, что напридумывал наш Враг, относится только к тебе.

Лотар пошел к двери, но успел отчетливо произнести:

— Кажется, я начинаю понимать, что от роли раба действительно не всегда следует отказываться.

Эхо разнесло звук его голоса по всем закоулкам пустого зала.

Глава 18

Как всегда бывает в колдовских замках, везде было пустынно и тихо. Закон колдовского мира, не дающий демонам и магиматам собираться в одном месте без разрушительных взаимовлияний, действовал и тут. Но Лотар тем не менее не торопился успокоиться.

В конце концов, ловушки могут быть разными. Лотар слишком долго прожил бок о бок с Сухметом, чтобы доверять чему бы то ни было. Сейчас, когда решающий бой его жизни стал близким и вполне осуществимым, он не склонен был доверять даже виане или колокольчикам в сознании. Кстати, и то и другое проявляли полную инертность.

Это наконец показалось Желтоголовому подозрительным. Он спросил:

— Ду-Лиа, как ты думаешь, они нападут сразу или дадут нам освоиться?

— Они нападут, когда ты будешь не готов.

Лотар усмехнулся:

— Интересно, как они этого добьются?

— Они будут играть с твоей психикой, чтобы ты потерял фокус действий.

«Фокус, — подумал Лотар, — как давно я не слышал этого термина!»

Залы расстилались перед пришельцами один прекраснее другого. Вот только у всех у них была одна особенность — ни одно окошко не выходило в правую сторону, туда, где находилась основная часть замка. Те три или четыре бойницы, которые Лотар все-таки заметил, скорее напоминали отдушины. Он не поленился и взобрался, используя свою цепь с кошкой, под потолок, чтобы выглянуть в них. К его сожалению, все они были пробиты так, что выходили на глухие стены с той стороны.

И все-таки план замка Нахаба постепенно становился понятен. Через три или четыре зала Лотар высказался:

— Залы идут по поднимающейся спирали, верно?

— Да, на манер винтовой лестницы и так, чтобы правая рука защитников имела преимущество замаха, — добавил Сухмет.

Лотар ухмыльнулся, его всегда удивляла простоватость магов, которые не способны были выдумывать ничего оригинального, а сплошь и рядом просто увеличивали, расширяли, разгоняли до предела уже известные изобретения. Впрочем, может быть, он не прав. Просто изобретательность у них уходила в те сферы, которые остались для него закрытыми, а на мелочи, как, например, общий замысел замка, они не особенно тратились.

Они прошли уже залов пять, когда Лотар снова спросил:

— Так где же эти ловушки? Или хотя бы стражники?

Неожиданно ответила виана:

— Стражников в замке маловато, Враг послал их в погоню за тобой.

Лотар остановился и посмотрел на ворониху, спокойно сидевшую на краю фонтанчика, украшенного золотыми фигурками разных рыб и морских животных.

— Откуда ты знаешь?

— Удар нанесен по Паноне, по замку Хифероа, еще по нескольким местам. Нахаб задействовал все свои силы, и мобилизация еще не кончена. Странно, что ты этого не чувствуешь. Весь мир словно бы сошел с ума, он кипит, как вода в котле на огне. — Виана подумала, потом спокойно, как всегда, пояснила: — Я бы назвала это паникой.

— Тем не менее они пропустили нас?

— В этом походе, — сказал Сухмет, — участвуют гораздо более мощные силы, чем ты думаешь. Я их тоже почти не чувствую, но в этом нет моей вины. Их не способен и не должен чувствовать маг моих недалеких способностей. Они говорят только с Великими Учителями, и... — Сухмет остановился, поймав себя на том, что откровенно нервничает. — Это будет не только твоя битва, господин мой.

— Они мне помогут?

— Они уже помогли, внушив Врагу несколько неправильных решений. И помогут еще, но для тебя будет лучше, если ты станешь рассчитывать только на себя.

Лотар кивнул и пошел вперед. Его шаги зазвучали вдруг более звонко, в них появилась прозрачность стекла.

— Стоп, — закричал вдруг Сухмет. — Я знаю, что это такое.

— Что именно?

— Это называется Зеркало Истины. Смотреть без защиты туда нельзя, человек никогда больше не отойдет от него. Быстро завязывай глаза, господин.

Лотару дважды повторять не пришлось. Он сорвал с левой ноги под коленом платок, которым иногда протирал рукоять мечей от пота, и одним движением повязал его себе на глаза. Лишь потом он спросил:

— А как же теперь смотреть?

— Внутренними глазами, — ответила виана.

Лотар сосредоточился. Да, это было непросто, но когда-то он учился этому приему. Для простоты он вытянул вперед руки, чтобы видеть кожей ладоней и пальцев. Стало легче.

Вот он увидел острый угол, за ним было бы неплохо устроить засаду, и засада тут подразумевалась, но сейчас никого не было. Как сказала виана, они ловили его где-то в другом месте. Кросс помогает мне, усмехнулся Лотар с благодарностью.

Тогда он шагнул за угол и вдруг понял, о чем говорил Сухмет. Это было огромное, во всю стену, зеркало, обычное зеркало... Нет, все-таки не обычное зеркало. Перед ним грудой были навалены кости самых разных существ, которые истлели тут, но не ушли из этого зала.

Лотар поднял ладони чуть выше, чтобы понять, что находится за этими костями. Ровная, мягкая, как бы клубящаяся поверхность. Там, где взгляд Лотара, направленный из его рук, касался этой поверхности, она твердела, а потом в ней, как в нормальном зеркале, появлялись образы...

Лотар окаменел, вытер пот, заструившийся по его лицу, по шее, покрывший все его тело. Он видел это изображение, хотя и не видел его, потому что повязка лежала на глазах плотнее, чем клинок сидит в свежей ране. И все-таки он видел... Это было так странно.

Он не хотел вглядываться и все-таки не смог пересилить себя и посмотрел прямо. Да, это был не Лотар, это был дракон, Черный Дракон. С мощными челюстями, с тяжелыми, кажущимися такими неповоротливыми крыльями, с длинным хвостом, оканчивающимся трехгранными рубящими пластинами.

Лотар опустил голову, лишь изредка помогая себе руками, нашел дверь, прорезанную прямо в зеркале, чтобы любое существо, даже предупрежденное обо всех опасностях зеркала, должно было взглянуть на него. Ручки не было, но он сделал свою руку способной вырваться в камень, захватил часть клубящейся поверхности кончиками пальцев, потянул... Дверь открылась, как и все нормальные двери.

С чувством облегчения Лотар пропустил Сухмета и виану, выскользнул из зеркального зала и тотчас сорвал повязку.

Никого не было и тут, по эту сторону зеркала, только темный зал, освещаемый небольшими, но очень яркими серебристыми факелами. Они выглядели как обычные факелы, сделанные из палок, пакли и смолы. Но некоторые из них пели. И Лотар сразу понял, что оказался в зале, где нег, привычная обстановка и соблазнительное спокойствие будут следующей ловушкой. Он ог-

лянулся на Сухмета, который все еще стоял с кожаной повязкой на глазах.

— Сухмет, а что собой представляет этот зал, ты не знаешь?

Восточник неторопливо снял кожаный ремешок, которым перетянул глазные впадины, и огляделся, часто-часто моргая.

— Мне кажется, господин, только кажется, не более... что это зал Награды.

— Что это такое?

Сухмет пожал плечами, взглянул на виану, но она, хлопая крыльями, облетала все пространство, тревожно всматриваясь вниз. И Лотар понял: там что-то есть.

— Если я прав, то можно сказать — тут предлагается вечная жизнь.

— Не понимаю, — ответил Желтоголовый.

— Я тоже, — ответил Сухмет. — Давай лучше посмотрим, гадать можно без конца.

— Все-таки хотелось бы знать, — пробурчал Лотар, но подумал, что точно так же высказался бы Рубос. Он улыбнулся и пошел за магом.

Ближе всего к ним оказался юноша лет пятнадцати, с явственным юго-восточным типом лица. Он лежал на роскошном диванчике, глаза его были закрыты, дыхание текло спокойно и вяло. Все было бы ничего, если бы не одежда, которая просто развалилась в лохмотья от старости.

Лотар подошел к юноше, коснулся его лица. Юноша спал и видел чудесные сны, больше ему ничего не хотелось, только спать и видеть эти сны... Его зрочки под тонкой кожей век подрагивали.

— Сколько он тут лежит? — спросил Лотар.

Сухмет посмотрел на обсыпавшиеся от дряхлости остатки сапог юноши.

— Я думаю, около полутора тысяч лет.

Лотар оглянулся. Недалеко от юноши на таких же диванах лежали другие люди. Юноши и девушки, зрелые матроны и старики, существа, не имеющие к людям никакого отношения, отвратительные десятиногие крабы, моллюски с щупальцами, птицы невиданных расцветок... За рядами и рядами занятых диванов Лотар увидел пустые диваны. Их было так много, что они скрылись в темной части зала, образуя ровный, повторяющийся узор.

— Незанятые диваны — для тех, кто придет потом? — спросил он.

— Или для нас с тобой, господин, — спокойно ответил Сухмет. — Мы же не знаем, какова сила искушения этой ловушки. Вдруг мы с ней не справимся?

Лотар вздохнул, но подумал, что он знает. Его не сломить на этот раз и не остановить. Он пройдет и вынесет на себе Сухмета. Он поискал глазами виану. Но она уже была в центре зала, висела над пустыми диванами и поглядывала по сторонам.

— Как там? — спросил он ее.

— Хорошо, — ответила она.

«Ну и ладно», — решил Лотар и пошел вперед. Потом он победил, потом постарался бежать так быстро, как только мог бежать

Сухмет. Восточник тоже неся за ним, перескакивая через диваны, через столики с какими-то аппаратами, со светящимися устройствами...

А потом это вдруг навалилось на них. Это было блаженство, сладость и упоение миром, собой, своим телом, всем, что просто есть... Зачем биться, зачем рисковать и к чему-то стремиться? Нужно лишь замереть, лечь на заботливо приготовленный тут диванчик, устроиться поудобнее, и все. Лучше уже не будет, лучше просто не может быть... И эта сладость, этот восторг продлятся вечно. Зачем желать чего-то еще?!

Первым упал все-таки Лотар. Он оперся руками о пол и попытался подняться. «Нет, зачем ты встаешь? — шептали нежные голоса. — Можешь остаться и тут, слуги поднимут тебя, уложат на диван, дадут тебе все, что ты хочешь. И ты будешь спать самым счастливым сном на свете...»

«Нет, — сказал себе Лотар, — нет, нет!» Он кричал, хотя не замечал этого. Потом почувствовал, что кто-то касается его руки, подхватывает за плечо. Он поднял голову. Над ним, обливаясь потом, с гримасой ужасающей муки и безумного счастья одновременно стоял Сухмет. Он пытался его поднять. Трясущиеся от напряжения губы его шептали только одно слово:

— Идем, идем... Идем!

Лотар вытащил меч, Сухмет отпрянул. Но он дрогнул напрасно: Лотар ударил в ближайший диван, тот развалился на две части.

— Я иду, Нахаб! — заорал Лотар, пытаясь в звуках своего голоса обрести силу.

Они снова пошли вперед. Не раз и не два падали, как-то даже Сухмет отказывался подниматься, но Лотар взвалил его себе на плечи и нес, пока не стало ясно, что старик теперь пойдет сам... Один раз Лотар тоже совсем было смирился, но тогда Сухмет поднес к его носу какую-то жуткую, пахнущую, как все грехи человечества, колбочку. Сознание драконьего оборотня прояснилось, и он пошел дальше.

До конца зала они все-таки не дошли, но они сумели доползти. Это оказалось проще, чем идти, потому что сил у них практически не осталось. Но они все-таки доползли.

Наваждение кончилось сразу, словно кто-то отрезал бесконечную нить, выющую в мыслях ткань соблазна, предательства и подчинения. Лотар поднял голову. Оказалось, колокола в его мозгу звенели так, что можно было удивляться, как не лопнули виски и не вылезли наружу глаза. А он даже не почувствовал их предупреждения! Сухмет, закрыв глаза, лежал рядом в изнеможении. Но он был способен встать и идти дальше, восточник остался господином своего тела и своей воли. Он просто отдыхал.

Лотар спросил:

— Где посох?

Сухмет открыл глаза и поднял руку. К его руке тем же ремнем, которым восточник завязывал глаза, был привязан посох Гурама.

— Где виана?

Они полежали еще, потом Лотар поднялся и сел. Виана оказалась прямо перед ним. В какой-то момент она поняла, что тоже

может не одолеть искушения, и понеслась вперед что было силы. Посмотрев на нее, Лотар усмехнулся.

— Что же ты не предупредила? Я тоже мог бы отрастить крылья, привесить Сухмета и одним рывком...

— Все уже позади, — ответила она. — Ты выдержал испытание и этим привлек помощь того, в ком нуждался. Если бы ты вздумал хитрить, все вышло бы не так удачно.

Лотар решил обидеться, потом раздумал.

— Так ты знала, что все получится именно так, как получилось? Может, ты знаешь, чем это предприятие вообще закончится?

Ду-Лиа подумала, по-птичьи наклонив голову набок, потом в сознании Лотара всплыл ответ:

«Я знаю, как это может закончиться, но не уверена».

— Поделись, — попросил Сухмет.

Виана даже не стала отвечать. Она взмахнула крыльями и громко каркнула.

— Ну и ладно, — решил Лотар. Он приходил в себя. Теперь он чувствовал свои руки, брюшину и, кажется, даже желудок. Он обнаружил, что хочет есть. — С меня хватит и надежды, что когда-нибудь дело все-таки дойдет до оружия.

Глава 19

Они поднялись и потащились дальше не раньше, чем Лотар решил, что лучше чувствовать себя уже не будет. Он знал, что не способен сейчас быстро мобилизовать силы и отразить нападение, но чрезмерное ожидание тоже было не в их пользу, так что подниматься и идти вперед все-таки пришлось.

Помещение, где они оказались после зала Награды, как его называл Сухмет, было, мягко говоря, строже. Голые каменные стены, по которым стекала ледяная вода, холодный пол, разводы инея по углам. Лотар огляделся.

— Кажется, отсюда начинается новый виток их лабиринта. Это уже не для пришельцев, а для слуг.

Сухмет попытался было объяснить, что тут и слугам будет нелегко, но Лотар его слушать не стал, он чувствовал приближение чего-то, что отзывалось колокольчиками в его голове. Пока это было неопределенное шуршание, как будто где-то очень далеко, за много миль от их нынешнего места, ветер прокатывался по высокой сухой траве, расчесывая и путая ее одновременно.

Потом этот звук отдался вдруг низким устойчивым гудением. Лотар понял, что нужно спешить.

— Скорее, Сухмет, нужно удрать отсюда!

Они побежали. Виана вдруг появилась перед ними и принялась кружить, пытаясь что-то сказать на внутреннем языке. Но, странное дело, ее девичий голос тонул в нарастающем рокоте, и смысл слов распадался под давлением этого звука, как льдинки тают в огне. Кажется, она и сама поняла это и стала каркать, громко, озабоченно, тревожно...

Они почти добежали до противоположной двери, когда звук

вдруг стал гораздо сильнее, чем прежде. От этого давления все тело начинала бить нервная дрожь, во рту появлялся кислый привкус, из-под ногтей у Сухмета появилась кровь.

Двигаться нормально стало невозможно, но Лотар не пытался это сделать, он стал трансмутировать. Сначала утяжелил кости, потом усилил все суставы, чтобы можно было хотя бы с ошибками, но все-таки планомерно двигать руками и ногами. Потом резко, так что даже звон в голове пошел, нарастил кости черепа, теперь он был способен немного ориентироваться.

Оказалось, они лежали в углу, у голой каменной стены, Сухмет корчился, катался по полу, оставляя за собой кровавые полосы. Теперь у него кровоточили не только руки, но и губы, ноги, в некоторых местах кровавые пузыри возникали прямо на коже. Почему так получалось, Лотар не знал, но его это и не интересовало.

Преодолев очередной приступ боли, он встал на четвереньки, дотащился до Сухмета, взвалил его на спину и так же, на четвереньках, пополз вперед, к двери. Он полз, временами останавливаясь, поправляя дергающегося Сухмета, скрипя зубами на приступах боли. Но полз и полз вперед.

Однажды он остановился, посмотрел вокруг, пытаясь понять, нет ли другой угрозы, кроме этого болевого давления. Его поразило, как быстро улеглась боль, едва он посмотрел назад.казалось, начини он отступать, и все сразу кончится. Но это было плохое решение, и он, почти со стоном отчаяния, повернулся и пополз вперед.

Лишь когда до выхода осталось не больше десяти футов, он вдруг понял, что никто из них не кричал, он и восточник переживали боль молча. Вот только он помнил, что Ду-Лиан несколько раз каркнула... Но он уже давно не слышал ее голоса. Он осмотрелся. Вианы не было. Жаль, она могла бы посоветовать, подумал Лотар... И тут же забыл свою идею.

Он остановился. И так, виана могла что-то посоветовать? Или предупредить? Предупредить о чем? Он попытался как мог сбросить оковы боли, терзающей его, не дающей выдвинуть магическое видение дальше нескольких футов, и тогда понял. Этот зал, напичканный искусственной болью, был не простой, за его порогом Лотара ждало что-то, что собиралось решить его судьбу.

И жизнь. Как всегда, подумал Лотар, да, боль была всего лишь средством, которое не должно было позволить ему быстро мобилизоваться, понять, что происходит. Но, с другой стороны, колокольчики молчали, и он был уверен, что в следующей комнате никого нет. Что же это такое, что ждет его?

Он уже не думал о боли, просто, прихватив Сухмета левой рукой, попытался подняться на ноги. Его качало, ноги подкашивались, а силы в мускулах было не больше, чем влаги в песке Великих пустынь. И тем не менее, придерживая Гвинед правой, он сделал несколько шагов, которые отделяли его от высоких двустворчатых дверей, пнул их ногой и...

Сначала пропала боль. Он был разбит, несобран, нескоордин-

нирован, плохо владел сознанием и вниманием, не видел дальше нескольких шагов вперед, но боли уже не было. Она окончилась так же резко, как и волны блаженства в предыдущем зале.

Внезапно Лотар понял: этот болевой шок у любого нормально-го человека, может быть, родил бы еще большее искушение вернуться и утонуть в благодати предыдущего зала. Как здорово, решил он, что он был не совсем нормальным и у него даже не появилось такой мысли. Иначе, кто знает, у него могло не хватить духу идти вперед, когда так просто и легко было вернуться назад.

Но сейчас следовало думать не об этом. Что-то ждало его впереди, что-то, чему он пока не мог найти определения. Он набрал побольше воздуха в легкие, покрепче обнял обмякшего Сухмета, привел связки и кости в нормальное состояние и пошел дальше.

И тотчас дверь с другой стороны зала отворилась, и в ней появился невысокий, по виду даже не очень сильный человек. Он был, как и Лотар, затянут в черный комбинезон, и в руках у него сверкал блестящий меч, как две капли воды похожий на Гвинед.

Лотар быстро отошел к боковой стене, усадил все еще бесчувственного Сухмета на пол и выхватил свой меч. И все. Тожество стало абсолютным.

Теперь в его сознании появилось как бы два поля зрения, а еще появилось два тела, привязанных к его чувству равновесия, к его умению биться. Он как бы раздвоился, но биться ему нужно было против себя самого. Это было хуже, чем ночной кошмар. Ни о чем подобном Лотар даже не слышал.

Он обошел вокруг себя. «Интересно, — подумал он, — могу я спрятать меч и просто пройти в следующий зал, избежав боя?» Он спрятал меч за спину, и тут же тот, другой, Лотар бросился на него и провел ошеломительную связку ударов и разноуровневых атак.

Лотар вынужден был отступить. Во-первых, тот, другой, был очень быстрым, а во-вторых, чрезмерно утолщенные суставы и утяжеленные кости не давали развить полную скорость. Он тут же стал трансмутировать, пытаясь не затронуть рефлексy и мускулы, но развязать суставы. Насколько это ему удалось, он так и не понял, потому что три или четыре раза, пока он трансмутировал, он оказывался то в одном теле, то в другом.

Самое чудовищное заключалось в том, что он каждый раз являлся самим собой, полностью и совершенно переходил из одного тела в другое. Двойственности теперь не было, он знал, что одно из этих существ умрет, а другое будет победителем и он окажется в теле победителя. Только одно тело было настоящим Лотаром, а другое тело было ловушкой, о которой он не хотел даже думать.

«Нужно попытаться поймать настоящего меня на моих, только мне известных приемах боя», — решил Лотар и тут же изобразил парочку приемов из личного арсенала. У него получилось. Но и у противника получилось, потому что он отразил эти секретные, самым Лотаром изобретенные приемы без малейшего труда.

Хотя тела были разные, но суть или знание у обоих было одно, и приемы боя, конечно, принадлежали самой сути.

Спустя несколько мгновений он оказался в теле того, кто только что подвергся атакам, и опять потерял чувство конкретности. Он не знал, кто настоящий, а кто нет. Это становилось безнадежным.

И в то же время на самом дне его сознания отчетливо билась мысль, что играть наобум нельзя. Именно этого его противник и добивался. Если он попытается просто уступить, он проиграет. А Враг, который лишь прикидывался им, выиграет. Нужно было разгадать, кто из них настоящий, только в этом заключался выход.

Лотар сбавил агрессивность, упростил рисунок атак, стал просто защищаться. Ему было нужно время, чтобы думать.

И, лишь став спокойнее, уравновешеннее, холоднее, он заметил разницу, которую должен был бы заметить сразу, едва его сознание расщепилось на две части.

Один Лотар был гневен, пылал жестокостью и злобой, хотел добраться до Нахаба и покончить с ним, чего бы это ни стоило, сколько бы слуг архидемона ни пришлось при этом убить и кем бы эти слуги ни оказались. Другой Лотар был устроен иначе.

В нем отчетливо читалось желание меньшего зла, иногда, когда он смотрел в прищуренные от боевого напряжения глаза такого же, как он сам, Лотара, в нем появлялось сожаление о страшной изошренности мира, в котором он оказался. И еще, пожалуй, в нем более сильно, чем в другом, билось понимание того, что этот выбор — за ним. Что никакое подражание ничего не значит, что все будет решено отказом от боя, не нанесенным ударом, не ловким блоком, а опущенным вниз или отведенным в сторону клинком. Что победит тот, кого Лотар выберет.

Он снова переместился в новое тело. Меч как ветер, руки — словно ивовые прутья, взгляд — разящая молния, а разум — блик солнца на игривой волне. И кровь, которую он ощутит на клинке, и хруст разрубаемых костей, и последний хрип умирающего врага — все это к вящей победе, к его славе, к торжеству его имени!

Снова другое тело. Воспоминание о молитве по погибшему врагу, сожаление о бессмысленных смертях, которых можно было избежать, нежелание биться со слабыми и беспомощными людьми... Поклоны перед боем, просто поклоны кому угодно... Даже Враг должен получить свой поклон.

Больше Лотар не сомневался. Если он решил неправильно, пусть он проиграл. Он ждал, он был уверен, хотя и не совсем, но надеялся, что не ошибается.

Несколько выпадов вражеским мечом были такими чистыми, совершенными, что Лотар залюбовался ими. Траектории доведены до конца, но и оборваны, едва стало ясно, что противник ускользнул. Концентрация усилий полная, но и гибкая, как порыв ветра. Блеск стали ясен, словно признание в первой любви, но и опасный, как прямой удар молнии... Нет, сейчас не время расслабляться, нужно следить и не ошибиться.

Вот он снова перенесся. Он хотел теперь разбить плашмя переносе врага, чтобы он не умер сразу, но ощутил свою текущую по лицу кровь, чтобы он не мог биться, и знал, что проиграл, что побежден...

Лотар стиснул зубы и опустил руки вниз, оставляя грудь и живот незащищенными. Это длилось очень долго. Противоположный Лотар медлил — то ли сомневался, то ли недоумевал. Наконец он поднял рукоять, по его рукам прошла плавная волна... Так бьют мастера, без замаха, без напряжения...

Это тело, в котором он находился, напряглось, руки с мечом помимо воли пошли вверх, стараясь защититься, но было уже поздно. Меч того Лотара словно бы выпрыгнул из пустоты, из размазанного сталью воздуха...

Лотар снова был в том теле, которое наносило удар. Гвинед прошел между ребер над левой грудной мышцей. Это была чистая, совершенная смерть. Сталь клинка должна была разом разрубить сердце надвое, и жизнь противника оборвалась бы молниеносно. Гвинед вошел в грудь противника на семь дюймов, а потом Лотар с дымящимся клинком отпрыгнул назад, наблюдая, как противник валится на каменный пол, а его куртка на груди наливается свежей кровью, и его меч звенит, выпав из ослабевших пальцев...

Потом Лотар стал ждать. Он ждал и ждал, почти изнывая от этого ожидания. Он и сам не знал, чего ждет.

И вдруг тело противника на полу перед ним стало изменяться. Сначала это стал уже не совсем человеческий силуэт, потом исчез комбинезон, а проступила полупрозрачная шерсть, и лишь тогда Лотар понял, что напротив лежит существо, больше напоминающее мягкое, покрытое редкой шерстью покрывало, и ничего более. Как ему удалось предстать Лотаром, как удалось сделать совершенную копию Гвинед, как удалось отразить всю сущность Желтоголового, да так, что он и сам был не в состоянии отличить себя от него, — осталось тайной.

Лотар смахнул с Гвинед, кровь чужого существа, которая теперь, когда морок прошел, оказалась черной и блестящей, как деготь, убрал клинок в ножны. Он не мог отвести глаза от поверженного противника. Очнулся он, только ощутив чью-то дружескую руку у себя на плече. Он обернулся.

Это был Сухмет. Бледный, вымотанный испытаниями предыдущих залов, но живой и почти невредимый, если не считать нескольких кровавых пятен на коже и халате.

— Я даже не знаю названия этого существа. Вероятно, недавнее порождение чудовищной фантазии Нахаба. К счастью, оно не смогло остановить тебя. Как тебе удалось?

Лотар усмехнулся через силу. Сухмет всегда оставался собой: едва оправившись от боли, он уже задает вопросы, на которые не может ответить никто.

— Как-нибудь потом расскажу. Если сам пойму.

— Ну и ладно. Интересно, долго нам еще подниматься, чтобы оказаться на самом верху?

Подниматься оказалось не очень высоко. Они прошли всего лишь одну анфиладу, и тут уже заметно стало, как стены поворачивают, стремясь к центру. Обстановки почти не было, зато очень много было всякого барахла, в том числе и такого, какое обычно во дворцах не скапливается в главных залах.

В одной весьма роскошно обставленной комнате они обнаружили прямые, длиннющие, ярдов по двадцать, свежеспиленные стволы сосен. Кора деревьев уже стала шелушиться, и лепестки полупрозрачной красноватой шелухи засыпали драгоценные восточные ковры. В другой комнате они нашли странной формы деревянные бочки с осветительным маслом. Странно было и то, что эти бочки стояли перед парадным строем разных знамен и штандартов, а также непонятно было, что это масло вообще тут делало, ведь во дворце применялось другое, более дорогое и долговременное освещение, замешанное на магии.

Подходя к выходной двери, Лотар кожей лица почувствовал движение воздуха. Это было как дружелюбное подбадривание, он даже улыбнулся. В самом деле, следующий зал оказался последним в длинной спирали и закончился дверью в довольно обширный, заросший аккуратнейшим изумрудным газоном двор. Правда, эта трава лучше бы чувствовала себя в более теплых широтах, но и тут она еще держалась.

Лотар, выглянув в пустой двор, убедился, что ловушек, по крайней мере явных, не видно, посмотрел на небо. Уже начинало смеркаться. Из низких темно-серых туч, казалось, вот-вот посыплется снежная крупа. При дыхании поднимался пар.

Лотар посмотрел на сам дворец, стоящий в центре этого двора. Снаружи он выглядел как смешение всех стилей, известных Лотару по книгам или по собственным наблюдениям. Тут были и тянущиеся вверх западные башенки, сложенные из узких каменных блоков, и мягкие, поднимающиеся на оконечностях контуры фойской архитектуры, и массивный пирамидальный стиль Гурхора, и хрупкий, с тонкими перегородочками образец самых восточных архипелагов, где Лотар никогда не бывал, но о которых немало слышал хотя бы потому, что половина его бойцовой терминологии возникла именно там.

Но, как ни удивительно было смешение всех стилей и фасонов в этом дворце, в целом он производил впечатление равновесия, гармонии и удивительной сопричастности всего ко всему. «Вот еще понять бы, что за этими красотами кроется», — подумал Лотар и посмотрел на дворец проникающим взором, но опять же добился немногого. Дворец был невелик, не более полусотни комнат. В некоторых помещениях было заметно какое-то шевеление. В большинстве — все было тихо. Вооруженной стражи по-прежнему не видно.

Но вот что настораживало: взгляд Лотара должен был пронзать весь дворец, как стальная спица проходит через рыхлую тряпку, а Желтоголовый то и дело натывался на области, затененные ма-

гией такой концентрации и мощи, что к ней и приближаться было опасно, не то что пытаться разгадать ее. Впрочем, он честно постарался запомнить все эти зоны, потому что в них явно крылись ловушки.

— Слишком уж тут безлюдно, — сказал Сухмет, который тоже смотрел на дворец магическим, проникающим взглядом.

— Попрытались, чего-то ждут.

Вдруг сверху, из почти поднебесной высоты, раздался голос вианы:

«Тебя, больше некого».

Лотар ступил на каменные ступени широченного крыльца, чтобы разглядеть ее на фоне тучи, но так и не увидел.

«Ты где?» — спросил он ее ментальным образом.

«Пытаюсь разобрать что-то под твоими ногами, но не могу, его очень хорошо прячут».

«Кого?»

Но больше виана не ответила. Зато усмехнулся Сухмет:

— Да, господин мой, нагнал ты на них страху.

— Пока я для них не столько реальная угроза, сколько развлечение. У них осталось еще немало ловушек, и нам предстоит изрядно поработать...

Но Сухмет не склонен был недооценивать проделанный путь.

— А мне кажется, сюда никто еще не доходил.

— Но они по-прежнему не воспринимают нас всерьез, и у них есть основания.

Тогда Сухмет шмыгнул от холода носом, посмотрел на дворец, совсем уж прищурив глаза, и чуть слышно спросил:

— А ты можешь доказать, что они ошибаются?

— Я пробую, пытаюсь, стремлюсь... На моей могиле, если она будет, сделайте надпись из одного слова — «стремился».

— Не очень веселые шутки.

— Да уж какие шутки! Ничего не понимаю, не вижу противников, а это самое скверное.

Лотар стал спускаться по ступенькам к газону, его рука нащупала цепь с кошкой на конце. Удобную для зацепления, сильно выступающую вперед балку, предназначенную, вероятно, для укрепления навеса, он заметил еще раньше. Балка выступала из внешнего ожерелья зданий почти до трети пути через внутренний двор.

Спустившись на последнюю ступень, Лотар пригляделся к траве. Трава как трава, лишь слегка побитая холодом, но скоро замок перенесется в более теплую зону, и она отогреется.

Тогда Лотар ступил на землю. Она не проваливалась, все было нормально, о чем же тогда говорила виана? Он попробовал позвать ее, но она опять не отзывалась. Тогда Лотар пошел вперед. Он сделал только десяток шагов, не прошел и пятой части двора, когда Сухмет сказал:

— Справа, и... и...

Он не знал, как это определить.

Лотар оглянулся. Это и в самом деле нелегко было определить. Складывалось впечатление, что кто-то под землей со страшной

скоростью неся ему наперерез, выбрасывая вверх комья земли, поднимая бурун из песка и земли, оставляя за собой свежевспаханную полосу шириной в ярд.

Атака была совершенной и абсолютно внезапной. Но друзья спасли Лотара. Он бросил кошку почти без замаха, и она зацепилась на балке, опутав ее двойным кольцом. Вот только опутывалась она очень долго.

Лотар только успел подтянуться на одной руке, перехватить цепь другой, как из-под земли показалась чудовищная пасть, усеянная зубами, челюсти с каменным звоном сомкнулись... Оглушительная боль пронзила правую ногу. Он посмотрел вниз, ступни, начиная от сустава, не было. Из распоротой ноги на землю, которую, как сметану в мешалке, взбивало некое существо, резвящееся под поверхностью, сплошной струей текла кровь. Лотар тут же зажал рассеченные сосуды, но все-таки немного опоздал. Слабость уже туманила голову.

Он подтянулся еще немного, закрепился на цепи, пристегнув ее к специальному карабинчику на поясе, и попытался трансмутировать, отрашивая себе новую ногу. Это был единственный выход, вот только он все-таки предпочитал бы двигаться на своей старой ступне. На вновь трансмутированных конечностях некоторое время он чувствовал себя не очень уверенно, потому что в них долго не исчезало чувство онемения.

Когда нога снова пришла в порядок, он перевернулся головой вниз и вытащил меч. Раскачался, вытянутая с Гвинедом рука до земли все-таки не доставала, тогда он посмотрел проникающим взглядом, и этого хватило.

Чудовище восприняло это как вызов. Оно выскочило на поверхность, показавшись более чем на треть своего тела... Это был, без сомнения, Цван, сухопутная акула, которая так любила откусывать ноги Хифероа.

Это была тяжелая в движениях, не очень даже массивная зверюга, действительно напоминавшая небольшую, футов в восемь, акулу. Вот только нос, отвратительная пасть, отсутствующий подбородок и даже оловянные глаза рыбы почему-то были на этой морде вполне осмысленными и выразительными, как у людей. И в ней читалась постоянная, полыхающая, как вечный факел, ярость.

Потом Цван прыгнул еще. На этот раз Лотар был готов и даже подобрал амплитуду своих качаний. Когда тело рыбо-человека оказалось под ним, он резко, без замаха ударил его Гвинедом по кончику носа... Это было все равно что рубить камень. Даже хуже: это было все равно что рубить тех каменных псов, которых Лотар некогда изгнал из Мирама.

От носа сухопутной акулы не отлетело ни одной крошки, зато Гвинед рассыпал пучок искр. Тогда Лотар поскорее убрал меч и решил возвращаться на каменное крыльцо.

Раскачавшись посильнее, он спрыгнул на ступени и попытался освободить цепь с кошкой, но это было невозможно. Он уже пожалел, что не поднялся до самой балки, не освободил кошку и

не вернулся назад, просто ступая по ней, но тут случилось такое, что он мигом забыл об этой своей ошибке.

Цван вдруг вынырнул из земли у самого края нижней ступени, вытащился на камень повыше, еще выше, сильным ударом хвоста залез еще выше, а потом вдруг от его тельца отделились крошечные, не больше двух футов, рахитичные ноги. Он зацепился ими за поверхность и встал во весь рост.

Да, такого отвратительного создания Лотар еще не видел. Это была рыба, пусть и со странной мордой, но определенно рыба, а вот то, что у нее из середины тела росли ноги, говорило, что она определенно мутант и некогда была кем-то еще. Не исключено, что и человеком.

Утвердившись на своих ножках, Цван поводил головой, а потом побежал вперед, к Лотару. Ножки его скрипели, он качался, иногда даже терял равновесие, особенно когда его хвост, волочащийся сзади, рефлекторно отталкивался от ступеней. Создавалось впечатление, что управление ногами и хвостом было у него не очень скоординировано.

Рубить Цвана мечом было бесполезно, поэтому Лотар оглянулся. Из двери того зала, откуда они только что вышли, выглядывал Сухмет. Лотар ему крикнул:

— Ты можешь с ним что-нибудь сделать?

Сухмет, который холодно, изучающе смотрел на Цвана, не произнося ни слова, покачал головой. Тогда Лотар прокричал:

— Тогда найди мне веревку и привяжи что-нибудь тяжелое к концам.

Сухмет из двери исчез. Зато Цван оказался уже очень близко. Лотар подождал, пока он ринется в лобовую атаку, а потом ушел от него в сторону, как в тавромахиях уходят от разъяренного быка.

Этот трюк удавался Лотару еще пару раз. Потом он вдруг понял, что Цван загнал его на самый край ступеней. «Ну и что, — решил Лотар, — попробуем сыграть и на твоей территории». Он бросился бежать по газону, приближаясь к своей цепи, все еще свисающей с балки.

Задним, магическим, зрением он видел, что акула бросилась со ступеней на землю, как в воду, и действительно исчезла, зато над поверхностью появился еще один бурун, несущийся к Лотару с умопомрачительной скоростью. Желтоголовый едва успел, подпрыгнув, зацепиться за цепь, как внизу пронеслась разверстая пасть с тяжелыми, отливающими ледяным блеском зубами.

Раскачавшись, он снова прыгнул на каменное крыльцо, но Цван, похоже, рассвирепел. Он выбрался на ступени одним махом, вылетев из земли, как дельфины выпрыгивают из моря, и сразу плюхнулся на свои ножки.

— Господин!

Не поворачивая головы, Лотар поймал брошенную веревку. Это был довольно крепкий льняной тросик ярдов семи, к концам которого была привязана пара медных подсвечников. «То, что нужно», — решил Лотар. Он перехватил веревку посередине, раскрутил ее, как боло, над собой и, когда Цван оказался на расстоянии двадцати футов, бросил. Мутант запутался почти сразу, по-

тому что бросок был точен, и Цван не сделал ни малейшей попытки увернуться.

Тяжело, так, что ступени содрогнулись, Цван рухнул. Лотар бросился к нему. Оставляя на всякий случай между собой и акульными зубами изрядное расстояние, он попытался зайти в хвост... Но опоздал. Хлипкие на вид, коротенькие ножки Цвана разжались, и три кольца веревки разом лопнули, словно это была гнилая солома, а не первоклассный лен.

Лотар снова отступил. Теперь он даже сомневался, осуществится ли его задумка, но останавливаться не захотел. Все нужно было доделать до конца. Вот только чем?

Внезапно с балки раздалось оглушительное карканье. Лотар поднял голову. На балке сидела отменно черная ворониха, вполне толково клювом распутывающая Лотарову кошку с цепью. Лотар даже усмехнулся от радости:

— Отлично!

Он увернулся от бросков Цвана еще пару раз, потом подождал, пока ворониха донесет цепь до ступеней, и бросился к ней. Он перехватил свое оружие, приготовил его для броска и обернулся, когда Цван только набирал ход...

Лотар стоял, раскручивая цепь, а сухопутная акула неслась навстречу подготовленной ловушке, толком не соображая, что происходит.

Кошка взвилась вверх, унося за собой стальную, усиленную и облегченную магией цепь, а Цван, по своему обыкновению, даже не пытался увернуться. Он все еще рассчитывал на свою колоссальную силу.

Цепь обмотала ноги чудовища, Лотар поддернул ее на себя, как опытный караванщик утягивает не слишком набитый тюк, и Цван вторично загremел на ступени со всего маху. Потом он поднял голову, немислимым образом изогнувшись всем телом... Лотар с радостью заметил, что он не змея все-таки и не способен слишком уж подтягивать голову к хвосту. Его план, если он сумеет поднять это чудовище, был верен.

Потом Цван напряг мускулы ног, потом напрягся всем телом... Он пытался разорвать сковавшую его цепь и обрести способность вновь передвигаться по камням, по ступеням, по поверхности этой земли, в которой гораздо веселее было плескаться, чем ходить по ней... Но ему не удавалось. А чуть позже это было уже и не самым главным.

Лотар все-таки прошел, прорвался, проскочил в хвост Цвану и обхватил его ставшими очень мощными, бугристыми от невероятных мускулов руками. Потом Желтоголовый поднатужился, выгнулся назад...

Его руки вдруг соскользнули, и у Цвана, кажется, появился последний шанс. Он снова напрягся, пытаясь освободиться, но цепь опять выдержала, а спустя мгновение у Лотара были уже не человеческие ладони, а сильные, гибкие лапы с пальцами в десять дюймов, заканчивающиеся острыми, как кремь, когтями. Такими ручищами он мог без труда держать Цвана за хвост, даже если бы тот был смазан маслом.

Лотар перенес хвост под руку, стиснул его и прижал к себе, как корявое, удобное для хватки бревно. Теперь, как бы Цван ни бился, Лотар все увереннее заставлял его почувствовать свою силу. Потом Желтоголовый повернулся на месте, чуть скрипнув зубами от боли в спине, в бедрах, в ногах, но оторвал Цвана от каменных ступеней и стал раскручивать его в воздухе.

Цван завертелся, все еще изгибаясь, но дотянуться до своего противника не мог. Поворот, еще поворот, вот уже Лотар едва удерживает пятисотфунтовую акулу перед собой... Он сделал резкий выпад в сторону, и голова чудовища с оглушительным грохотом врезалась в острое, как лезвие гигантского колуна, гранитное ребро прямоугольной колонны.

Удар был так силен, что в коже Цвана образовалась вмятина с палец глубиной, ее быстро заполнила медленная, вязкая, как сыпучий песок, желтоватая жижа. Сухопутная акула была парализована, но ненадолго. Но этого Лотару вполне хватило. Он передохнул, снова схватил чудовище за хвост и снова принялся раскручивать его перед собой.

Только сейчас он вдруг понял, каких сил требовал этот бой. От напряжения перед глазами плыли красные круги, ноги, особенно та, которую он недавно трансмутировал, подкашивались. Лишь руки, удерживающие хвост каменной рыбыны, да сердце в огромной груди работали безупречно.

Поворот, еще поворот, вот-вот Цван сорвется, но колонна уже надвигается. Лотар сделал шаг в ее сторону, и чудовищная акула опять врезалась в гранитную грань. И снова эхо удара раскатывается по всему двору, как хлопок ракеты, начиненной вендийским огнем. На этот раз Лотар отчетливо уловил волну боли и растерянности, поднявшуюся от вырожденного мозга Цвана. Но акула каким-то непонятным образом осталась в сознании, вот только не могла шевельнуться некоторое время, потому что удар по позвоночнику тормозит способность у всех, даже у таких, каким была эта земная рыба.

Лотар снова отдохнул, вытер пот с лица, снова раскрутился... Ему пришлось бить еще множество раз, пока сознание Цвана не погасло окончательно. Но и после этого он еще ударил почти десятков раз, пока акула не раскололась, а ее голова не покатилась по прибитой холодом зеленой травке, изрытой темными валами там, где Цван только что бороздил землю.

Потом Лотар посидел, стараясь отдышаться. Он сидел, трансмутировал потихоньку руки в свои нормальные, восстанавливал остальное тело, которому изрядно-таки досталось. Особенно плохо пришлось плечевому суставу правой руки, которым он зажимал хвост, как стопором. Оказалось, что суставная сумка надорвана, а в подмышечной впадине образовался чудовищный кровоподтек, который тоже нужно было залечить.

И еще он чувствовал, как из дворца на него обращены взгляды тех, с кем ему скоро придется биться. Только на этот раз они были растерянны и уже не рассматривали его как развлечение. Но до победы было еще далеко.

Внезапно ему на плечо опустилась рука Сухмета. Лотар поднял

голову, но восточник ничего не сказал. Он лишь перекачивал в драконьего оборотня свою силу, и Лотару становилось легче.

— Лотар, — вдруг прозвучал голос Ду-Ли, — ворота дворца так устроены, что их невозможно запереть.

Лотар усмехнулся:

— Ухарство. Хотя это значит, можно не торопиться, так? — Виана не ответила. Лотару захотелось снова услышать ее внутренний голосок. — Скажи, а ты не могла бы вселиться в Цвана, чтобы он не бросался на нас?

— Он был слишком умен, я могла бы навечно остаться его пленницей.

— Да, ты говорила, что не всегда можешь справиться даже с разумом зверей... Извини, я глупо спросил.

— Зато ты здорово бился — изобретательно и умело.

— Ну, это пока не самое главное.

— А что главное? — спросил Сухмет. Он изрядно помог, Лотар уже при желании мог бы подняться и идти дальше, просто не хотел так быстро прекращать этот привал, не хотел обрывать этот разговор.

— Ну, главное — одолеть одного-единственного человека, который...

— Нахаб не человек, — резче, чем следовало бы, ответил Сухмет.

— Ты точно знаешь? — спросил его Лотар.

— Ну, может быть, когда-то, — снова подала голос виана. — Но теперь это не имеет значения. Или имеет?

— Хорошо бы все-таки знать, — сказал Лотар и стал подниматься.

Виана подумала, потом, взлетев на балку, сыгравшую такую значительную роль в бою с Цваном, спросила:

— Почему?

— Это меня успокоило бы, — ответил Лотар и пошел ко дворцу Повелителя Зла.

Глава 21

Во дворце пустоты и безлюдья не было. Почти отовсюду слышались голоса, то и дело по невидимым пока лестницам и переходам пробегали мелкими шажками какие-то девицы. Лотару трудно было представить, чтобы эти почти цыплячьи цоканья принадлежали мужчинам, пусть даже и лакеям. Сухмет вдруг произнес:

— Хоть это и дворец, здесь много смерти.

— Что-то готовится, — поддержала его виана. Временами, громко хлопая крыльями, она перелетала с места на место сбоку от Лотара. Иногда она усаживалась на роскошные светильники, разумеется, так, чтобы не обжечься, но чаще это были статуи или подоконники.

Лотару захотелось пройти эти залы быстро и решительно, но он понимал, что это будет ошибкой, может, даже смертельной. Быстрота тут не нужна, сейчас следовало действовать наверняка.

Он шагал медленно, часто поворачиваясь боком по ходу дви-

жения, чтобы держать более широкий участок дворца в поле внимания. Пару раз ему попадались зеркала. Он чувствовал, что это нормальные зеркала, но настораживался, заведя их. Десяток раз, если не меньше, он проходил двери. Это была целая проблема.

Сначала он обследовал все следующее помещение проникающим взглядом. Потом быстро заглядывал, на долю мгновения, так быстро, что даже меч, если бы кто-то попытался рубануть сверху, не успел до него долететь. Потом влетал в дверь, иногда даже с кувырком на скользких, чем-то натертых полах, стараясь как можно быстрее уйти из проема, где он был слишком очевидной мишенью.

Теперь он и сам чувствовал, как что-то готовилось. Он оглянулся на Сухмета, который внимательно осматривался, но особенно тщательно следил за тем, чтобы не было нападения сзади. Восточник был так сосредоточен, что даже не отреагировал на мысленный вопрос, посчитав его не слишком важным. Зато виана прокакала вслух, и Лотар ее без труда понял:

— Скор-ро!

Почти тотчас из боковой двери выбежала стая служанок. Они оказались как раз между Лотаром и Сухметом. Большинство девиц заверещали и прыснули назад, но одна из них, может быть, самая красивая, шагнула к Лотару:

— Господин!

Лотар бросил сурикен, прежде чем успел подумать, что делает. И обычная по виду девушка ослепила их, оглушила взрывом, обдала яростным жаром. Взрывная волна сшибла Сухмета с ног и даже катанула по полу. Лотару досталось меньше, он получил, правда, почти всю вспышку сполна, но, когда докатился жар, уже спрятался за ближайшую подставку с каменным кувшинчиком, предназначенным, наверное, для ароматических масел.

— Пирофантом, — пробормотал Сухмет, поднимаясь и отряхиваясь, хотя мог бы этого и не делать, лучше от этого его халат не стал, слишком много ему пришлось перенести в последние недели. — Хорошо, что ты это увидел, господин. Если бы она оказалась ближе, шагах в пяти-шести, от нас остались бы только две туши, годные разве что для вертела.

— Я и не увидел. — Лотар попытался разобраться в своем поступке. — Мне лишь показалось странным, что она бросилась ко мне, а не к тебе. Если девушка в самом деле ищет защиты, мне кажется, она всегда предпочтет сначала поговорить со стариком.

— Спасибо, — едко процедил восточник, и Лотару пришлось оправдываться.

— Ну, это она могла бы принять тебя за старика. Мы-то знаем, что ты...

Он повернул ладони вверх, обозначая что-то в высшей степени существенное, помолчал, снова настроился на магическое восприятие пространства впереди и по сторонам. Сухмет тоже уже держал дальние подступы со всех сторон в своем внимании.

Они заскользили дальше. Прошли три или четыре петляющих коридора, потом вдруг оказались в зале перед большой и широ-

кой парадной лестницей. Лотар осмотрелся. Все было очень надежно, очень невинно. Может быть, слишком невинно?

Едва Лотар наступил на первую ступеньку лестницы, как все вокруг него стало обваливаться. Когда наконец рухнул камень, за который он пытался удержаться левой рукой, главное уже было сделано; что ни говори, а почти все обваливающиеся ловушки действуют не сразу. Или их нужно делать очень уж чуткими, но тогда они валятся от севшей передохнуть бабочки, а это тоже не дело.

Пока он раскачивался на цепи, которую успел забросить на свисающий с потолка светильник, сделанный в виде четырехголового оленя с ветвистыми рогами, туго обмотав цепь вокруг своей правой кисти, Сухмет поприседал от ужаса, потом подошел к ловушке. Лотар его попросил:

— Ближе не надо. Вдруг...

Сухмет кивнул, потом вдруг без всякого почтения стал простучивать камни под ногами посохом Гурама. Ни один из них даже не дрогнул. Так он дошел до самого края. Посмотрел вниз. Лотар тоже смотрел вниз, на это стоило посмотреть.

Глубоко внизу, в пространстве, почти столь же бесконечном, как даль, из которой светят звезды, бурлила горячая красная лава. Ее дыхание несло не только неостывающий жар и смерть, но и удивительные знаки, наполненные психическими, астральными, магическими и эфирными значениями. Лотар мог бы провисеть тут сотню лет и не разобрать тысячной доли того, что доносило снизу веяние самой планеты.

Сухмет тоже попробовал определить, что он видит, потом вдруг решительно заявил:

— Это еще не Колодец Силы.

— Что такое Колодец Силы? — насторожился Лотар.

— Такой Колодец, откуда он черпает силу. По легенде, он потому и победил, что заручился помощью очень древних богов и очень мощных. Они и проложили к нему такой вот канал, и он им пользуется.

Лотару стало не по себе.

— Он черпает эту магму и пьет ее?

Сухмет так посмотрел на Лотара, что тому даже неудобно стало, к тому же он все еще висел на своей цепи, а значит, достойный вид принять не мог.

— Пить это невозможно. Особенно из Колодца Силы. Там никто не выживет. Он просто стоит и впитывает эманации, которые древние боги соглашаются ему отдать.

Лотар раскачался и спрыгнул по ту сторону зловещей ямы. Потом освободил цепь. Сухмету пришлось перебежать к нему по узенькому карнизу. Они поднялись по лестнице, ожидая ловушек со всех сторон, но ничего больше не было.

Сразу после лестницы превосходные ковры, равных которым Лотар даже в Гурхоре не видел, разводили путь на три стороны. Две ковровые дороги вели к высоким закрытым дверям. Третья шла вперед и после плавного, не очень даже понятного поворота

втекала в зал, который из-за этого поворота от лестницы был не виден.

Лотар сошел с ковра, потому что слишком легко под ним можно было замаскировать что угодно, и пошел к повороту. Снова мелкие шажки, оглядывания, правая рука на рукояти Гвинеды, левая — на Акифе. Вдруг Лотар выпрямился и во всю свою глотку завопил:

— Выходи, архидемон!

Сухмет бросил на него укоризненный взгляд. Лотар пояснил:

— Устал я от этих ловушек. Пора силой оружия выяснить, не слишком ли я самонадеян, и все на этом завершить.

— Нервничаешь? — холодно спросил Сухмет.

Лотар пожал плечами. Он вошел в невероятно большой зал, через который ковровая дорожка пролежала, как шаткий мостик над бездонной пропастью.

— Ты подожди сзади. Что-то тут есть, уж очень пустынно...

Он прошел почти половину пути — ничего не случилось. Вдруг сзади раздалось дружелюбное хлопанье крыльев. Не оборачиваясь, Лотар спросил:

— Ду-Лиа, мы правильно идем?

— Уже немного, — ответила виана.

Но прежде чем ее голос затих в сознании, Лотар бросился вниз. И тотчас, до того как Сухмет успел что-то понять, огромные, страшные стрелы, каждая как пятидесятифунтовая дубина, прошили воздух над драконьим оборотнем и глубоко воткнулись в противоположные стены, в пол, в потолок. Их было много, очень много, не меньше сотни. Если бы Лотар оставался на ногах хоть на мгновение дольше, его бы сейчас пригвоздило к одной из стен и, без сомнения, с ним было бы покончено. Потому что каждая из стрел, помимо массы и ужасающей убойной силы, была напитана магией и ядами такой концентрации и мощи, что даже Сухмет заохал.

Лотар осмотрелся. В него стреляли колонны. Причем они оставались совершенно гладкими, без малейшего признака каких-либо щелей, прорезей или лепных выступов. Как это Нахабу удалось, Лотар даже не догадывался.

Но он все равно уцелел, поэтому ему оставалось только проверить, не будут ли колонны стрелять еще раз, а когда стало ясно, что они разряжены надолго и теперь не более опасны, чем придорожные валуны, он поднялся.

Дошел до конца зала. Перед ним была дверь, сдвигающаяся вверх, как в кургане Сроф. Это была не ловушка, просто это кому-то показалось более торжественно, чем примитивные створки. Дверь не таила угрозы, зато по ту сторону кто-то сидел. Лотар чувствовал его без труда. Собственно, он почувствовал бы его и через десяток таких дверей — столько в противнике с той стороны было силы и неистовой, неколебимой самоуверенности. Она выдавала воина.

Лотар сделал извечный охранный знак Красса, потом вытащил меч, на случай если придется сразу отбиваться от слуг или отражать выстрелы из какого-нибудь лука, оглянулся. Сухмет и

виана остановились далеко позади, шагах в сорока, это было хорошо.

— Стойте там.

После этого он ударил ногой по двери, и она легко, словно была сделана из бумаги, поднялась.

Зал, открывшийся Лотару, был великолепен. И дело было не в том, что его как-то очень уж величественно украсили, как раз наоборот, стены были пусты, лишь иногда попадалось разное, иногда и не совсем понятное, оружие. Но в нем как-то по-особенному ощущались сила и власть над миром.

В центре стоял трон. Сначала Лотар подумал, что он пуст. И лишь когда до него осталось не более полусотни шагов, он понял, что там сидит одно крохотное, фута в четыре росточком, существо. Кажется, он был цахором — та же бестелесность, кости, обтянутые красной, немыслимой аурой. Вот только на нем не было капюшона, поэтому можно было без труда рассмотреть огромный, больше, чем у обычного человека, череп. Существо вдруг пошевелилось и заговорило:

— Я — Мансур. Ты не слышал обо мне, Желтоголовый?

— Отдал бы ты мне лучше Нахаба, — предложил Лотар, хотя, разумеется, знал ответ.

— Его тут нет.

— Лжешь, если бы его тут не было, он не отбивался бы всеми этими ловушками, как трус.

Мансур, о котором Лотар никогда ничего не слышал, поднялся с трона. Движения его были легки, но он замедлял их, чтобы Лотар не понял, как он подготовлен. Но и без маскировки Лотар понял, что видит перед собой что-то, не укладывающееся ни в какие нормальные представления. Хотя бы потому, что Мансур не передвигался на своих крохотных ножках, а летел над полом, словно его носило ветром. Бить на упреждение при такой совершенной маскировке движений было бесполезно.

— Ну, ты тоже в Лотарии тогда не все выяснял только мечом. Чего-чего, а ловушек в твоём мерзком городишке оказалось немало.

Лотар, не спуская глаз с Мансура, обошел трон. Это был именно трон, никаких других видимых ловушек в этом сооружении не имелось. Прodelав почти полный круг, он произнес усмехаясь:

— У меня это называется иначе — военная хитрость.

Но неприязнительный юмор был не самой сильной стороной Мансура.

— Я не знаю, как называется это у моего господина, поэтому промолчу. А вот хороши ли были мои ученики, я сейчас проверю.

Неожиданно, словно бы прямо из воздуха, в его руке появилось два равновеликих меча. Каждый был не очень длинным, но, глядя на совершенные, тонкие, легкие, как бамбуковые веточки, клинки, Лотар поймал себя на том, что его дыхание стало на миг чуть более затрудненным и глубоким. Это были мечи, предназначенные для боя, о котором драконий оборотень даже не подозревал. Это были клинки, предназначенные для скоростного парирования и молниеносных выпадов. Это было куда опаснее, чем

даже Гвинед. Но какова же должна быть прочность и острота стали, чтобы вот такими тонюсенькими мечиками выигрывать поединки?

Первые тычки Мансура Лотар отбил Акифом. Так вернее можно было почувствовать силу его атак. Оказалось, он мог быть очень сильным. Но не сила была главным в этом тщедушном на вид теле. Все решала скорость. Лотар никогда не подозревал, что возможна ситуация, когда он, привыкший к куда более скоротечному кулачному бою, будет опаздывать в поединке с оружием. И тем не менее он дважды опаздывал и только благодаря удаче не получил ни одной серьезной раны. Те царапины, которые ему все-таки нанес Мансур, он стал заращивать и с радостью убеждался, что его клинки не отравлены. иначе ему было бы куда хуже.

Потом бой стал совсем непонятным — высокоскоростным, плотным, очень напряженным. Несколько раз Лотар собирался помочь мечам. атакуя и ногами, используя превосходство массы, но каждый раз едва успевал вовремя затормозить, иначе нарвался бы на колющие выпады. Еще неизвестно было, кто кого атаковал бы в этом случае.

Потом Лотару показалось, что противника можно довольно успешно достать рубящими атаками сверху, благо он был невелик ростом, и Гвинед мог развить достаточную динамику, чтобы пробить любой блок, а не только эти вязальные спицы... Каково же было его удивление, когда он понял, что едва не расстался с жизнью, лишь случайно избежав более короткого колющего удара в грудь, пока выводил свой меч из полной, размашистой дуги, чтобы блокировать этот выпад.

Как выяснилось, в обороне противника слабых мест не было. Зато Мансуру стало известно о Лотаре что-то такое, что сделало его более уверенным. Лотар понял это по тому, насколько слаженной стали работать у него оба меча, какими мягкими и точными стали его приемы.

— А ты не так уж и хорош, — произнес вдруг Мансур. Дыхание у него было лишь чуть-чуть тяжелее, чем в начале боя.

Его фраза, конечно, не требовала ответа, но зато Лотар обратил внимание, что сам дышит уже весьма бурно. «Еще минут семь-десять, и я стану опаздывать», — решил он. В общем, тактика противника стала понятной. Он добился определенного преимущества и решил просто переиграть Лотара в выносливости. Скорее всего у него был такой шанс. Нужно было что-то придумывать. И срочно, у драконьего оборотня оставалось не так уж много времени.

Тогда Лотар попробовал определить, что творится в сознании этого карлика. Но оценить его мозги спереди, разумеется, было невозможно. Поэтому он зашел с других сторон, истратив на это почти две минуты, едва не пропустив несколько атак, но опять-таки не нашел уязвимого места. И даже не уязвимого, а просто такого, где бы Мансур хоть отдаленно походил на человека.

И когда он почти отчаялся, вдруг обнаружилось, что сзади, у места, где позвоночник соединяется с черепом, у Мансура существует зона, слегка проминающаяся под ментальным давлением.

Лотар сначала не понял этого, а потом вдруг в его сознании возник голос Сухмета:

«Это пятно контроля, чтобы не совершил покушения на господина и был уязвим. Молодец, господин мой, это решение проблемы!»

Лотар усмехнулся, он надавил сначала чуть-чуть. И тотчас заметил, что клинки Мансура стали более медленными. Лотар не мог поверить своим глазам. Неужели такое возможно — сделать совершенного бойца сознательно уязвимым из глупого страха, из неверия в силы, более мощные, — верность, дружбу, присягу?!

— Так принято на Востоке, — пояснил Сухмет и тут же замолчал, понимая, что мешает.

Но это в самом деле был шанс. Лотар надавил уже ошутимей. Мансур стал гораздо медленнее. Теперь, если бы Лотар захотел, он мог бы атаковать противника ногами или даже Гвинедом... Но тут же его настройка слетела с нужной точки.

Кто-то невидимый вмешался и очень удачно искривил луч ментального давления, который Лотар приложил к цахору. И совершенно неясно было, как это было сделано и как это следовало теперь блокировать.

Мансур стал гораздо быстрее, чем даже вначале, похоже, он понял, что его раскусили, и решил торопиться. Почти две минуты Лотару не оставалось ничего другого, как только отбивать отчаянные, изобретательные, на грани возможного атаки карлика. Он пропустил удара три, но опять же это были удары не самой высокой точности, и он сумел зарастить раны.

Потом он попробовал еще раз дотянуться до пяточка на шее Мансура, и как только кто-то посторонний попробовал сбить его настройку, вмешался Сухмет. Он очень жестко, пожалуй даже с запасом, окружил ментальное движение Лотара защитным экраном, и теперь тот, кто помогал Мансуру, не мог сбить давление Лотара. Он только мешал ему целиться...

Внезапно Лотар почувствовал холодную сталь в левом боку. Не опуская голову, он посмотрел вниз, и оказалось, что Мансур сумел таки до него дотянуться. Теперь у Лотара оставалось еще меньше времени. Если он не успеет поймать противника очень быстро, в считанные секунды, разорванная почка сделает бой проигранным. А Мансур откровенно ликовал.

— Ха, — он даже поднял один из своих клинков, — я знал, что ты уступишь. Еще никто, даже сам великий Камазох, не выигрывал у меня. Надо сказать, — он стал более разговорчивым, темная, злобная радость просто переполняла его, — ты проявил непонятное для человека умение. Впрочем, все в прошлом. Теперь пара ударов...

И тогда Лотар придумал:

— А разве ты не хочешь выпить мою душу? — Бок горел невыносимо, левая рука почти не поднималась, кровь, смешанная с потом, заливала ноги. — Ведь ты же цахор, ты должен жаждать моей души!

Мансур заколебался:

— Мой господин приказал мне не покушаться на нее, он сам

хочет вкусить ее аромат, хочет заточить ее в свое чрево во веки веков, чтобы твое дерзкое противостояние ему было наказано.

Лотар едва перевел дыхание.

— Я думал, ты воин, а ты — лакей.

Больше импровизировать не следовало. Мансур бросился вперед, словно его пригнали коровьим клеймом. Лотар ждал этого, но все-таки не думал, что карлик может быть таким — почти неуловимым.

И все-таки Лотар успел, он ушел с линии атаки, потом нанес догоняющий выпад... Но Мансур уже успел развернуться. Гвинед он, конечно, блокировал левым мечом, правую руку занес для встречного удара... Скорость его была невероятной.

И в этот миг Лотар, прицелившись почти так же старательно, как целился Мансур для этого последнего удара, надавил изо всей силы на пятно контроля у цахора на шее. Карлик замер на месте, и тогда, почти не торопясь, размахнувшись как следует, Лотар отсек ему правую руку чуть выше локтевого сустава. Удар получился что надо.

Рука покатилась по полу, звеня зажатым в кулаке мечом. Из культы на Лотара брызнула тяжелая цахорья кровь. Лотар откатился в сторону, застонав в голос от боли в боку, но все-таки выпрямился.

Как ни странно, Мансур уже очухался. Он поднес руку к не закрытому капюшоном черепу, облизал культю или сделал с ней что-то, и кровь перестала капать, а потом повернулся к Лотару. Но теперь драконьего оборотня не нужно было учить. Он поймал цахора на выпад, мгновенно надавив на пятно контроля, и тут же, не дожидаясь, что кто-то поможет Мансуру, срубил ему Гвинедом голову. Как это уже бывало с цахорами, голова покатилась, и было ясно, что она вполне жива. Но тело некоторое время было неспособно двигаться осмысленно.

После этого, как надеялся Лотар, бой закончился. Желтоголовый присел, долго, почти три минуты, трансмутировал разорванную почку, а когда восстановил ее, выпрямился.

Тело Мансура все еще лежало на полу, правда, из обрубленной шеи уже перестала течь кровь и стало подниматься что-то, возможно, новая голова. Но ей еще далеко было до зрелости, поэтому Лотар осмотрел зал.

Оказалось, что на месте, где стоял трон, плиты пола раздвинулись, и прямо под троном возникла та самая штука, которую Сухмет, должно быть, назвал Колодцем Силы. Был он совсем как та ловушка под ступеньками, но эманации, восходящие из него, оказались еще сильнее. И теперь Лотар отчетливо понял, что имел в виду Сухмет, когда говорил, что там не выживет ничто из существующего на этой земле.

В какой-то момент Лотар вдруг решил, что может попробовать, и наклонился над восходящим из колодца потоком, но тут же отошел. Было в направленности этого психического тока что-то такое, от чего сдвигалось сознание, поэтому Лотар не стал себя больше испытывать, а просто скинул туда все части цахора. В том

виде, в каком он сейчас находился, Мансур никак не мог ему сопротивляться.

Так было лучше всего. Кто знает, что произойдет, когда Мансур оклемается и окончательно отрастит новую голову? Может, Лотар будет ранен, может, он не дотянется до меча... Пусть уж лучше такая прелесть, как цахоры, исчезнут из этого мира. И если Мансур не лгал и действительно являлся Учителем Черного Ордена, пусть они исчезнут окончательно.

Да, решил Лотар, сейчас он уже не тот, что вначале, сейчас он в таком состоянии, что не должен допускать ошибок...

— Главная твоя ошибка в том, что ты пришел сюда, — раздался сзади низкий, тягучий голос.

Лотар знал, кому он принадлежит, и потому не торопился повернуться. Но он не мог не повернуться, потому что именно к этому существу шел, и теперь именно с ним ему предстояло биться.

Глава 22

Это был, конечно, Нахаб. Очень красивый, высоченный, затаенный в свой светло-серый, без единой морщинки комбинезон. Влияние и сила исходили от него волнами. Так море беспрерывно атакует землю, подрывая самые мощные скалы, так ветер слизывает с поверхности земли высоченные горы, так время стирает города и цивилизации.

Но Лотар слишком устал, чтобы тратить энергию на вежливость.

— Сухмет, это он или какая-нибудь подделка?

Сухмет промолчал. Лотар оглянулся. Восточник как остановился в зале со стреляющими колоннами, так и стоял там. Нигде не было видно и вианы. Что-то заставило их не появляться тут. Может быть, этот вот Колодец Силы, из которого, похоже, Мансур черпал свою энергию для боя и где он в конце концов нашел вечное успокоение?

По лицу Нахаба пробежала легкая гримаса. «Он не привык, чтобы о нем говорили в третьем лице, — решил Лотар. — Так, это славно, он самолюбив. Впрочем, не был бы самолюбив — не стал бы архидемоном».

— Неужели ты сомневаешься, Желтоголовый?

— Сомневаюсь, пока ты не назвал себя. А ты, похоже, этого делать не собираешься.

— Я привык, что меня узнают в лицо. Кроме того, у тебя есть ведь и магические способности узнавать, кто перед тобой. К сожалению, они оказались куда лучше, чем я оценивал их, и Мансур поплатился за это существованием в этом мире.

Лотар встал теперь в полный рост. Он старательно и осторожно, чтобы Враг не обратил внимания, пробежал проникающим сознанием по всем мускулам, костям, постарался выяснить серьезность всех полученных травм. Выглядел он не очень здорово. Ему и в самом деле не помешает небольшой отдых перед следующим боем.

— Вот еще, тратить на тебя магию. Я устал для этого... Так это тот самый или мне еще испытывать его нужно, Сухмет?

Сухмет молчал. Внезапно Лотар понял почему. Когда-то Сухмет был слугой темных сил, хотя это ему не нравилось. Но в любом случае, кому бы он тогда ни подчинялся, верховным его господином являлся именно Нахаб. Поэтому, согласно этикету, восточник не мог говорить в присутствии архидемона даже ментально.

Но это и не потребовалось, заговорила виана:

— Лотар, ты добился своего, ты у цели. Если ты совершенный воин, то победишь. Это божий суд.

«Вот так утешила, — подумал Лотар, — молодец. В жизни не слышал лучшего напутствия на поединок». Уж в чем-чем, а в своей правоте в бою с архидемоном, Вседержителем Зла, он был уверен. Какими бы страшными грехами он ни запятнал себя, он все равно должен выглядеть беленькой овечкой по сравнению с этим... Или он чего-то не понимает?

Нахаб рассмеялся, эхо его громового голоса разнеслось по залу, как близкий камнепад.

— Весьма сентиментально, должен признать.

— А по-моему, вполне конкретно и по делу, — возразил Лотар. — Ее слова включают силы, о которых ты не имеешь понятия.

— Это твои друзья не имеют понятия, на что толкнули тебя.

Теперь усмехнулся Лотар:

— Я сам захотел этого боя, и мои друзья лишь помогли мне.

Нахаб внимательно осматрел его с ног до головы, потом сделал небрежный жест ладонью:

— Что-то ты неважно выглядишь, уж не расхотел ли побеждать?

Лотар решил, что разговор, конечно, глуповат, но он дает возможность передохнуть. Кроме того, как ни великолепен был архидемон, он сам не очень уж стремился драться сразу. Значит, он на что-то рассчитывал. И Лотар чувствовал, что это не какая-нибудь ловушка. Подобного рода резервы Нахаб уже выложил, у него осталась только магия, но ее собирался блокировать Сухмет, и оставался только он сам — Нахаб, архидемон со своим клинком, своим умением драться и своей физической подготовкой.

Поэтому Лотар со всей серьезностью и убежденностью ответил:

— Почему-то мне кажется, я сейчас действительно хорош. И если смогу одолеть тебя, то только сейчас.

Неожиданно Нахаб разозлился:

— Ты хорош?! Ты вообще никто, ты никакой! Ты вообще не должен был появиться на свет...

— Знаю, мне Жалын рассказал. Гханаши оказался недоучкой, не заметил чего-то там в моей карме, а ты пропустил рост моего мастерства и натравил цахоров, когда у меня уже было много преданных друзей... Все — чушь. Я есть, вот он я. И я пришел за тобой сам, без приглашения, по своей воле. И тебе придется с ней считаться, кто бы из нас ни победил.

Нахаб смотрел на Лотара прищурившись. Он уже совершенно взял себя в руки.

— Я не пропустил рост твоего влияния. Вот это действительно чувшь. Я просто ждал. Если бы ты хоть раз за все эти годы превратился в дракона полностью, а не трансмутировал то руки, то кожу, если бы хоть раз изменил тело, сознание и мозг, я бы заковал тебя в этом облике навечно! Потому и ждал. Я полагал, ты обязательно попадешься в эту ловушку, как только столкнешься с сильным противником, самым сильным. Но ты ни разу полностью так и не использовал этот прием... А жаль, из тебя вышел бы отменный Черный Дракон, таких уже давно не было на этом свете. Если бы я мог применить к тебе повторное колдовство...

«Сухмет, — Лотар, не оборачиваясь, нащупал сознание друга, — а знаешь, я, кажется, чувствовал что-то подобное. Потому и не...»

— Ерунда, ничего ты чувствовать не мог. Это очень тонкая ловушка, ее не понимал даже твой двухтысячелетний приятель.

— Ну, помимо непосредственного чувства, помимо прагматизма, о котором ты не заикаешься, но который имеешь в виду, есть более общие помощники в том, что считать истинным, а что не может быть правдой.

— В самом деле? Что же это?

— Совесть. — Лотар печально улыбнулся. — Заповеди добра. Мораль.

— Ха, а с тобой интересно поговорить, оказывается. Я, кажется, имею возможность узнать нечто важное об этом мире. Может, отложим драку и просто потолкуем?

Лотар снова проверил себя, свое состояние. Конечно, ему приходилось и в более ослабленной форме вступать в бой, но у него и противники были послабее. А в целом он, кажется, готов. Ну, может, еще чуть-чуть.

— Нет, говорить мы не будем. Мне кажется, и тебе это неинтересно, ты, как всегда, притворяешься и готовишь какую-то подлянку.

Нахаб вдруг набрал в грудь воздух, и Лотар впервые задумался: а уж не боится ли архидемон? Может, конечно, его не мастерство Лотара напугало. Все-таки, что ни говори, а слабым бойцом он скорее всего не был, недаром все семнадцать цахоров только при нападении сообща рассчитывали на победу. Скорее всего его испугали слова Ду-Ли о том, что этот бой будет проходить по правилам божьего суда. Это значило, что за Лотаром тоже стоит кто-то, кто в него поверил... Впрочем, об этом Сухмет тоже говорил, только не очень понятно.

— А если, — Нахаб помолчал, — я предложу тебе влиятельный пост в моей иерархии? Представь себе — власть над миром. Совершенная власть над его красотой и прелестью...

Тихий шелест раздался сзади. Лотар оглянулся, выставив Акиф перед собой. Но там стояла девушка. Кажется, именно с нее делали пирофантом, который взорвался несколькими залами ранее. Да, проникнув взглядом под довольно плотное покрывало, Лотар понял, что с нее.

Значит, это была выдумка женщины, которая пыталась по-

своему спасти своего господина. Кстати, неплохо было задумано, и очень хорошо, что не сработало.

Девушка была прекрасна. Она поклонилась с таким совершенством движений, что Лотар подавил вздох. Как жаль, что такая красота служит злу, поклоняется злу, признает зло своей верховной властью.

— Ее зовут Гепра, она Держательница Ближайшего Покрывала. Ты знаешь, что это такое?

— Наложница.

— Нет. — Нахаб улыбнулся, и в его улыбке проскользнуло что-то, разом сделавшее даже его красивое лицо отвратительным. — Она совершенная наложница. Она умеет сделать для мужчины то, что вознесет его в мир полного счастья и успокоения. Многие сильные мужчины продавались за это умение женщин делать нас счастливыми, и почти все они не оставались разочарованными. Я знаю.

Лотар открыл было рот, чтобы возразить, но Нахаб на этот раз оказался быстрее:

— Я знаю, тебе нужна жена, а не наложница, но у Гепры могут быть дети. Я знаю, ты хотел бы, чтобы вокруг тебя стояла детская сумятица и крик... Этого мне никогда не понять. У меня их нет и не будет. Видишь ли, я не уверен, что не убью их, если кто-нибудь из моих наложниц слушается меня и попробует испытывать мое терпение таким образом. Я уверен, что, помимо прочих неприятностей, дети — это угроза.

— Мне кажется, ты болен главным пороком всех вождей.

— Да? Каким же?

— Можешь говорить только о себе. Ты без себя не можешь представить даже эту комнату.

— А разве люди не таковы?

— Таковы демоны, по крайней мере, большая часть тех, с кем я встречался.

— Интересно. В чем же отличие демона от человеков? Я слышал, ты не воевал с людьми, верно? А многие из них совершали более темные преступления, более страшные, с вашей же точки зрения, чем иные из моих слуг.

— Отличие демона от человека в том, что зло в человеке все-таки обратимо. А в демоне — завершено. Демону больше ничего не остается, только сеять разрушение и смерть.

— Формульное мышление, Желтоголовый, или, иначе говоря, софистика. Из тебя вышел бы неплохой идеолог тех самых людей, которые топят мир в крови, но о которых ты полагаешь как об обратимом зле. Если бы ты, конечно, уже не залетел так высоко, что тебя никто не выберет идеологом. Что ни говори, а свое маленькое королевство ты сумел создать, верно? Разве это не было призывом власти, богатства, желания увековечиться? Разве это не зов зла, пусть даже не окончательного по вашей гнилой, человеческой морали. Тем не менее в отношении себя вполне приемлемого для большинства людей и даже желаемого... Разве не так?

— Да, я знаю, один из признаков зла — сбить человека с его

тропы, лишить его понимания цели. Ты в этом преуспел, немало достойных людей погибли, когда ты затуманил их цели.

— Да ничто особенное я в них не разрушал и почти ничему не учил. Они сами все подхватывали на лету, я лишь изредка обозначал мое мнение.

— Вот поэтому я тут. Чтобы твое мнение больше не портило людей.

— Ну, я думаю, ты здесь, потому что плохо представляешь себе, с чем столкнулся. И хочу в последний раз предостеречь тебя...

Но Лотар больше не собирался отвечать ему. Он шагнул вперед и разогрел кисти рук, вращая мечи, он был готов биться. Теперь никакие слова не имели над ним власти, он словно оглох.

Архидемон понял это и сжал губы в узенькую полоску. Если бы Лотар позволил себе размышлять и думать свободно, он бы снова подумал, что Нахаб боится. Но Лотар был готов к битве, а это значило, что он не замечал ничего, что могло ослабить его или представить его положение в более выгодном свете. Даже страх архидемона.

Глава 23

Внезапно у Нахаба изменились глаза, теперь это были крохотные щелочки. В дело вступила магия.

Впрочем, Лотар был готов к этому. В этом зале все было пропитано магией, а когда тут, да еще с раскрытым Колодцем Силы, появился сам архидемон, все заволокло такой аурой, какую Лотар и припомнить в своей жизни не мог.

Нахаб шелкнул пальцами. Сейчас же сбоку до Лотара дошла волна, возникшая из-за сильнейшей трансмутации. И очень быстро. Он едва успел повернуться, как все было почти кончено. Гепра сделалась гигантским псом на шести ногах, похожих на человеческие, только с копытами вместо ступней. Голова и грудь у нее стали похожи на голову какого-то насекомого, только крупнее, шире, массивнее, их покрыл очень толстый хитиновый покров, пробить который было бы невозможно даже Гвинедом, а хвост, который вырос сзади, более всего напоминал драконий, украшенный четырьмя рядами торчащих во все стороны не длинных, но довольно зловещих на вид шипов.

«Вообще-то он не просто смешивает части разных зверей, — подумал Лотар. — Он подыскивает наиболее подходящие для данной индивидуальности детали. Гепре в этом облике даже, наверное, удобнее, чем в роли Держательницы Покрывала».

Больше он ничего подумать не успел, потому что Гепра атаковала. Лотару показалось, она не слишком много времени пребывала в этом собако-крокодилем облике, потому что первые ее движения выглядели довольно неуверенно.

Но она бросилась вперед. Лотар не знал, чего ему следует больше опасаться — ее жвал, ног, которые были отлично предназначены для ударов во все стороны, или хвоста. Поэтому он просто пропустил ее мимо себя. Гепру подвела масса, она была слишком

велика, гораздо больше, чем требовалось для атаки. У Лотара, когда он редко трансмутировал, возникала та же проблема — изменение пластики в начале боя сводило на нет полученный трансмутацией выигрыш.

С пронзительным шипением она пролетела мимо, попыталась затормозить, но копыта были не очень хорошо приспособлены для опоры на гладком полу. Поэтому удар хвостом распорол лишь воздух, Лотар перепрыгнул через него. И сразу же ударил Гвинедом вдогонку и снизу. Удар в прыжке снизу по животу он избрал почти год назад. И вот теперь это пригодилось.

Гепра, или то, во что она превратилась, закружилась от боли, на плитах пола появились крупные, остро пахнущие капли черной крови. Лотар осторожно вымерял расстояние от этих луж, чтобы не поскользнуться, а потом бросился вперед и ударил ее Акифом под левую лопатку. Толку от этого было не очень много, до сердца он не достал. Удар и не мог получиться, когда она так билась, но Желтоголовый разжал руку, оставляя свой вакизаши в теле противницы, надеясь, что свое дело он довершит.

Теперь Гепру водило так, что она чуть было не раскрыла себе голову о трон, откатившийся от Колодца Силы. Две ее ноги вдруг стали вялыми, малоподвижными, они заставляли ее терять равновесие, а не помогали найти опору.

И все-таки Лотар проводил ее с сожалением, он лишился Акифа, и было еще неясно, насколько это серьезная утрата. Вполне могло оказаться, что именно отсутствие леворучного меча решит исход его главного поединка. Ну, ладно, будет жив — подберет. Если нет, он ему больше не понадобится.

Он посмотрел на архидемона. Тот смотрел на Гепру как зачарованный. Его глаза стали совершенно человеческими, теплыми, карими, вот только на дне их светился красный отсвет немыслимой ярости. Лотар усмехнулся: все пока получалось совсем неплохо, вот если бы Враг еще и голову потерял... Он тоже посмотрел на Гепру.

Она издыхала в дальнем конце зала, вот только, по мнению Лотара, это получалось у нее не очень убедительно. Если он через десять-пятнадцать минут не уложит Нахаба и не добьет ее, она вполне может затянуть раны и оклематься. Она, конечно, не цахор, но способность выживать у нее, без сомнения, демонская.

— Теперь ты, — сказал Лотар, направив Гвинед на Нахаба.

И произошла удивительная вещь — архидемон дрогнул. Он, конечно, быстро встряхнулся, взял себя в руки, но определенно был испуган. «Если это игра, чтобы я стал чрезмерно самоуверен, то проделано классно», — решил Лотар.

Тем временем откуда-то из-за спины, а скорее всего прямо из воздуха, Нахаб выхватил огромный, футов шести, двуручный меч с замысловатой, тяжелой гардой. Сталь клинка была угольно-черной. Лотару не пришлось даже напрягаться, чтобы понять, что магии в этом мече было не меньше, чем в посохе Гурама. Вот только Гвинед до сих пор одолевал любую магию. Одолеет ли на этот раз?

Нахаб прошелся, крутя меч в воздухе. Отлично, решил Лотар,

слишком долго его противник возвращает меч после замахов, не держит боковые зоны и скорее всего у него слабые кисти рук. А кисти в бою таким мечом — две трети успеха.

— А ведь когда-то был неплохим бойцом. Что значит — стать вождем, — проговорил Нахаб.

Потом он крутанул меч еще раз. Нет, все не так просто: или он действительно должен лишь разогреться, или невероятно обучаем. Вот он уже и бока способен прикрыть, и возвратные движения у него так же быстры, как сами удары...

Больше Лотар не приглядывался к архидемону. Он шагнул вперед и нанес первый, легкий, боковой удар. Это было что-то вроде порхания мотылька, а не удар, но ответ Нахаба потряс его. Это была не отмашка, это был полноценный встречный выпад, да такой, что иные крепостные ворота сорвались бы от такого толчка.

Плечи и локти заныли от боли, но больше Лотар таких ошибок не допускал, больше он не встретил ни одного прямого удара. Он скользил, уклонялся, вертелся, юлил, но блокировался только по скользящим траекториям. Свои удары ему тоже приходилось наносить не прямо, но они все равно не проходили — вот что значила неспособность работать напрямую!

К тому же, как оказалось, Лотару не хватало силы ног. Все дело было в ступне, откушенной Цваном. Она, конечно, действовала, и он вполне мог на ней стоять, но удары ногами, которые он пару раз опробовал, были слабее, чем показывали его орденцы, а для Нахаба они вообще были безвредны.

И в-третьих, Лотар проигрывал Нахабу в скорости. Когда Лотар смотрел на него, ему казалось: он без труда сумеет его опередить. Но когда доходило до дела, он не успевал. Сказывались предыдущие бои и раны, полученные сегодня.

Прошло минуты три, потом пять... Звон мечей уже стал привычным, как звон капель во время дождя. Лотар поймал себя на том, что ошибается все более явно.

Он и принимает ломовые удары Нахаба выпрямленными руками, что отбрасывает его назад, и ноги ставит не очень твердо, и уходит в сторону недостаточно быстро. Нахаб одолевал, он не воспользовался еще ни одной из ошибок Лотара только потому, что хотел, чтобы противник вымотался сильнее, чтобы поймать его как можно круче, чтобы наказать суровее и вернее... Одним выпадом решить поединок.

«А если Враг победит, — подумал Лотар, — тогда конец». Орден будет разгромлен, жители его города будут убиты. А его друзья, которые пришли сюда с ним, даже не выйдут из этого дворца... Значит, нужно... Нужно что?

И вдруг Лотар понял: Нахаб тоже не железный, он устал, хочет победить и опустить наконец меч. Сейчас он будет атаковать, он уверен, что драконий оборотень ни на что уже не годен, вот сейчас...

Лотар приготовился. Он собрал внимание в одну тугую, как бьющий кулак, точку, восстановил как мог силу ног, поднял, насколько это было возможно, скорость восприятия. Конечно, если бы Нахаб был бойцом, он бы понял эту скрытую мобилиза-

цию противника и подождал, пока Лотар снова не устанет, но он ошибся... Он решил, что пора.

Лотар ушел от глубокого выпада, а когда Нахаб попытался ударить на возврате, опустился почти на колени, но сохранил равновесие и вывел меч вперед, для удара... Удар был точным, как касание хирурга. Очень высоко Лотар бить не стал, иначе все получилось бы слишком долго, а так он поймал чуть выставленную вбок ногу, и Гвинед прошел поперек икры Нахаба, сухо звякнул при ударе о кость, а потом вышел окровавленный.

Нахаб устоял лишь потому, что оперся о меч, воткнутый острием в пол. На лице его читалось изумление. И было что-то еще. Лотар всмотрелся — так и есть, боль. Враг действительно слишком долго был вождем, он разучился правильно реагировать на боль. Он позволил ей затопить слишком значительную часть сознания, искривить восприятие, затормозить реакции.

Это нужно было закрепить. Теперь Лотар пошел в атаку. Это было здорово, у него стало получаться! Меч противника не был уже таким неодолимым, потому что Нахаб никак не мог удержаться в маневренном бою на раненой ноге, а реакция его стала не быстрее Лотаровой.

Через пару схваток Лотару удалось задеть левую руку Нахаба. Гладкий серый комбинезон Врага окрасился теперь не только потом, но и кровью. А потом Лотар налетел на тяжелый встречный удар, но в последний момент рванулся вбок, и черное острие лишь разорвало кожу и самые верхние мускулы бедра. Зато Гвинед вошел в бок Нахаба чуть ниже левых ребер, почти на длину ладони.

Это было уже серьезно. Теперь Враг терял силы гораздо скорее, чем Лотар.

Желтоголовый обошел своего противника, который снова должен был опереться о меч, чтобы остаться на ногах, и огляделся. Гепра все еще билась в судорогах в дальнем конце зала, но пока была не опасна. Зато Колодец теперь выбрасывал в воздух какой-то темный, колющий дыхание туман. Если бы у Лотара было больше сил, он бы попробовал рассмотреть те фигуры, которые клубились в нем. Впрочем, он знал почему-то, что Нахабу эти фигуры грозят не меньше, чем ему. «Прежние союзники изменили, — решил Лотар, — они не любят слабых, а Нахаб в самом деле выглядит не наилучшим образом».

Оставалось немного — нужно было только добить, сбросить его, как и Мансура, в Колодец, а потом можно отправляться домой. Лотару показалось, он даже немного ослабел от этой мысли. И еще, пожалуй, впервые за все годы жизни, он отчетливо понял, что домой скорее всего идти не придется. Потому что Нахаб еще стоял перед ним, потому что Колодец клубился черным туманом и потому что на самом деле он был далек от победы.

Нахаб напал неожиданно, почти с той же динамикой, как в начале боя. Его меч просвистел в воздухе упруго, как будто предыдущих схваток не было. Вот только он чуть больше, чем раньше, терял равновесие от этих ударов, но, чтобы его тело отказалось ему служить, нужно было нанести еще множество подобных ран.

Потом Лотар дважды атаковал, но оба раза не до конца, пыта-

ясь понять, что Враг задумал. И все-таки он не ожидал того, что получилось.

Мечи их столкнулись в воздухе, черный клинок архидемона и белесый, сияющий даже под каплями демонской крови Гвинед. И вдруг...

Лотар не верил своим глазам: черный клинок мгновенно сделался гибким и обхватил Гвинед, как лоза. Лотар рванул свой меч назад, но вырвать его было невозможно. С удивительным, словно бы звенящим хрипом, исторгнутым из самой его сути, Гвинед прополз в черном захвате пару дюймов и замер. Лотар понял, что его меч больше не способен ему помочь. Но если не меч, то что же?

С сухим лязгом сцепленные мечи рухнули на каменные плиты. Они были теперь бесполезны обоим противникам. Нахаб, возвышаясь над Лотаром почти на два фута, шагнул вперед. Его рука пролетела в воздухе, как маховик огромной катапульты, она могла снести с ног и человека куда сильнее Лотара. Да, без меча Желтоголовый сразу проигрывал своему противнику...

Будь у него Акиф, Лотар еще смог бы противостоять, но сейчас — ловить своими короткими руками эти маховики?.. Он очнулся с трудом... Оказалось, он пропустил пару выпадов в грудь и голову, которые в подлинном смысле вышибли из него сознание.

Колокольчики выли истошно, не переставая. Он приглушил их. «Научился на старости лет», — подумал Лотар. Его разбитые губы растянулись в улыбке.

Впервые после начала боя он стал ощущать энергетическую подпитку, которую оказывал Сухмет. И еще он понял, что в волнах приходящей к нему силы ничего нет от суховатого, но дружелюбного сознания Сухмета, в них была одна сырая, необработанная, kloкочущая мощь посоха Гурама. «Странно, — решил Лотар, — значит, Сухмет исчерпался, если гонит энергию из посоха напрямую».

Лотар пропустил еще один удар, который заставил его задохнуться в приступе кашля. В горле стало горько и мокро. Он плюнул на пол, восстанавливая дыхание, оказалось, это была кровь. Да, для боя кулаками Нахабу не требовалась здоровая нога, он и без нее обходился...

В плывущем сознании Лотара промелькнул страшный зев Колодца. Он был очень близко, очень...

Потом Нахаб схватил Лотара за шею, но Желтоголовому удалось сбить его захват. Тогда Враг стиснул грудь драконьего оборотня, пытаясь раздавить ребра, может быть, сломать позвоночник... Лотару едва удалось чуть-чуть трансмутировать и нарастить себе дополнительные мускулы. Они-то и позволили выдержать этот чудовишный пресс. Позвоночник и ребра не сломались, хотя красные круги перед глазами полностью закрыли злорадную ухмылку Нахаба...

Неужели это и есть смерть?

Вдруг Лотар вспомнил, как поймал на неосторожном ударе Бетию и как она завязла в Яйце Несбывшегося. На этот раз так не получится: Нахаб сильнее, он не позволит подтащить себя к Колодцу...

— Желтоголовый, я справился с тобой, и даже без особых хитростей, — проговорил Нахаб.

Его голос, его движения воспринимались словно через кровяную вату, которую наложили толстым слоем Лотару на лицо... Вот Враг опять размахивается. Лотар тяжело принял этот удар и постарался отлететь как можно дальше. Вот Нахаб шагнул вперед, размахнулся еще раз...

И в этот раз Лотар действовал наверняка. Он бы давно попробовал этот трюк, если бы у него было чуть больше пространства. Он почти не размахивался, и все-таки бросок получился изумительным, как на тренировке. Кошка с цепью, скользя вниз вверх, обвила ноги и тело Нахаба несколько раз, а потом захлестнула цепь.

Нахаб схватил цепь, напрягся, пытаясь вырвать ее из рук Лотара. Желтоголовый закричал зубами от боли, но дернул так, что архидемон едва не упал на плиты. Он устоял только потому, что был массивнее, выше, был сильнее... Ну, это дело поправимое, решил Лотар, он стал как можно быстрее наращивать вес и мускулы. Кроме того, у него есть преимущество хорошей опоры, а Нахаб уже качается... Хотя и качаясь, он пытался разорвать цепь.

Лотар рванул еще, на этот раз Нахаб загремел-таки на пол. Шуму было не очень много, он все-таки выставил руки, но дыхание от напряжения у него стало шумным. Чтобы он не приходил в сознание, Лотар потянул его к себе, отступил на шаг, чтобы между ними оставалось безопасное расстояние, снова сделал шаг назад... Он волок его за собой, это было бы забавно, если бы не было так трудно.

И лишь тогда Лотар понял, что ошибся. Протащив Нахаба пару туазов, он оказался в виду их мечей, и Нахаб тут же вытянул к своему черному клинку руку. И меч послушался архидемона. Немыслимым образом, издав слабый, но отчетливый звон, черный клинок отвалился от Гвинеда, лежал мгновение, а потом вдруг заскользил, все скорее и скорее, к вытянутой руке.

Черный меч пролетел едва ли не треть зала и прилип к выставленной руке, как могло случиться только в невероятном, кошмарном сне, но это была действительность. И тогда Нахаб, даже не пытаясь еще подняться, посмотрел на Лотара. В его глазах, горящих красным демонским светом, читалось торжество.

— Ты готов умереть, Желтоголовый?

Одним ударом он рассек цепь и поднялся на колено. Вот сейчас он поднимется окончательно, сбросит путы, и у Лотара не останется ни одного шанса. Потому что проскочить к своему мечу он уже не успевает. Да и Нахаб слишком быстро восстанавливается, слишком быстро встает...

С криком Лотар бросился вперед, не к своему мечу, а прямо на Врага. Это было так неожиданно, что Нахаб даже не успел собраться, толчок Лотара заставил его прокатиться футов десять. А потом Лотар перевалил тушу, затянутую в потный, скользящий комбинезон, через себя еще раз...

До Колодца осталось совсем немного, ярда два, но это было все равно что две мили. Потому что Нахаб уперся ногами в пол,

вцепился свободной рукой в плиты. Он уже заносил меч, чтобы ударить Лотара... Его спасло только то, что бой накоротке Враг знал плохо. Замахиваться не следовало, тем более мечом, это требовало слишком много времени... Лотар дважды очень жестко ударил Нахаба локтем по морде, потом рванул все еще опутывающий его корпус обрывок цепи, снова перевалил через себя и, упираясь ногами в пол, изо всех сил толкнул вперед.

Нахаб очумело дернулся, бросил свой меч, схватил Лотара, попытался зацепиться за плиты второй рукой, но теперь было поздно. Лотар сорвал руку Нахаба с плит и еще сильнее толкнул его вперед...

С треском вырвав кусок ткани из комбинезона об острую каменную грань Колодца, Нахаб скользнул туда, где кончался пол, и повалился в темную, пахнущую невыносимым смрадом и жаром дыру, не отпуская Лотара, увлекая его за собой.

Лотар попытался удержаться на краю Колодца, но вес архидемона был так велик, что его потные ладони лишь скользнули по гладким камням, и вот уже они вдвоем, так и не разжимая хватки, полетели вниз, в невообразимую глубину, задыхаясь от вони, бьющей им навстречу вместе с ветром.

Скорее по привычке, чем по другой причине, Лотар продолжал следить за противником. А Нахаб отпустил наконец Лотара, раскрыл руки, захватив бока комбинезона, и стал похож на полураскрытый веер. Это существенно замедляло падение. И тогда Лотар понял, что Враг уже давно, даже раньше, чем начал падать, ведет отсчет какого-то очень сложного заклинания.

Лотар не верил своим глазам, но это было правдой, Нахаб не сдавался, он еще боролся... Лотар захватил левую руку архидемона, обнял ногами торс противника и попытался вывернуть сустав плеча. Они закружились, задевая в падении гладкие стенки Колодца, но не обращая на них внимания... Нахаб зарычал, но свое заклинание не бросил. Его кость уже хрустела, веера не получалось, они падали быстрее, еще быстрее, почти камнем...

Поверхность магмы приближалась, жар от нее становился нестерпимым. Лотару показалось, что она горячее, чем лава, в которой он некогда утопил цахоров с Южного континента у Клетки Планы.

Краем сознания Лотар понял, что Нахаб отчитывает уже последние слова заговора, но почему-то Лотар был уверен, что теперь архидемон не успеет, что оба умрут огненной смертью раньше, чем Враг что-то сделает с собой, или с миром, или с будущим...

Они упали в густую красную магму. Лотар так и не разжал свой захват, хотя его затопила волна оглушительной боли. Он и не догадывался, что такая боль возможна. И длилась она невероятно долго, целые века и эпохи, а потом его сознание все-таки погасло. Но до последнего мига он говорил себе, что победил. Потому что рядом с ним умирал Нахаб.

И потому смерть показалась драконьему оборотню легкой. Он и не рассчитывал, что она будет такой легкой. Он встретил ее с радостью.

Выкуп

Глава 1

Лотар Желтоголовый, драконий оборотень, прозванный Непобедимым, Миротворцем, Устранителем Зла и еще десятком более или менее подходящих прозвищ, смотрел ясными серыми глазами вдаль, рассеянно опираясь одной рукой о столик с книгами, картой мира и черепом, другую положив на рукоять своего знаменитого Гвинеда. За его плечами на море разворачивался кусочек боя с Рыболовным Бродильником, которого в действительности не было. Другой угол занимал вид Лотарии, ограниченный тяжелым белым знаменем с золотыми кистями и эмблемой Белого Ордена. Все было выписано так, что становилось ясно: художник никогда не видел ни Гвинеда, ни Бродильника, ни Лотарии. Более или менее похоже у него получился только Лотар.

Сухмет отвел глаза от картины. Она была написана ясными, свежими красками на огромной, тяжелой дубовой доске и висела в Навигацком зале княжеского терема славного торгового города Мирама. Лотар побывал тут, когда занимался делом о заговоре против законного правителя Мирама, отца недавно умершей княгини Светоки, правительницы Мирама, супруги старого друга Желтоголового — известного Рубоса из Мирама.

Сам Рубос заставлял себя ждать, но послал крепенького старичка, чтобы тот сообщил дорогим гостям, что вот-вот выйдет. Дорогих гостей было трое.

Сухмет, странно сморщившийся и согнувшийся за те семь лет, что прошли после гибели Лотара. Его слуга и ученик Джа Ди, фой, ставший незаменимым человеком в Белом Ордене. И глава Ордена, Великий Магистр Стак КамЛут.

Ди, как и положено ученику, стоял на приличном расстоянии, чтобы не раздражать Сухмета, и смотрел в окна терема. Стак, воин, выученик драконьего оборотня и учитель воинов, ждал с нерушимым спокойствием, разглядывая коллекцию оружия, развешанную по залу. Лишь Сухмет, как всегда, выказывал нетерпение.

Он рассказывал от одной стены зала до другой, громче обычно постукивая посохом Гурама, на который опирался едва ли не как на обычную трость, и покашливал, поглядывая на портрет Лотара. Чувствовалось, что картина ему не нравится, как не нра-

вилось и затянувшееся ожидание. Лишь Ди догадывался, что Сухмет, маг и прорицатель, слава о котором разнеслась по всему миру, участник устранения Нахаба, создатель новейшей школы колдовства, по работам которого учились маги Западного континента, нервничает, думая о предстоящем разговоре.

Но даже Ди не догадывался, что Сухмет побаивается не только отказа Рубоса, но, как ни странно, и его согласия. Собственно, Сухмет не хотел любого исхода, который должен был свершиться в результате его плана. Но отступить от него старик — а это, к сожалению, стало за последние годы слишком заметно — не намеревался ни в коем случае.

Хлопнула дверь, и по сухим доскам пола зашуршали тяжелые, медленные шаги. Крепенский старичок выпрямился, стукнул своим посохом на весь зал и величественно отчеканил:

— Его высочество, господин сопровитель...

— Хватит, Рафус, этим людям нет нужды величать меня по титулам. — И в зал вошел Рубос.

Сухмет тем не менее склонен был вести дело более формально. Он показал глазами, чтобы Ди и Стак встали у него за спиной, и все трое весьма торжественно поклонились. Рубос всплеснул руками, молча негодуя, но Рафус удалился с выражением не только достоинства, но и удовольствия на лице. По его мнению, друзья или не друзья, но любой разговор с Рубосом из Мирана должен был начинаться официально. А дальше — хоть по плечу хлопай или Капитаном Наемников величай.

Рубос принужден был тоже поклониться, потом дошел до меньшего трона Мирана и уселся в него. Более высокий трон, стоящий рядом, оставался пустым. Рубос посмотрел на него глазами, в которых застыло недоумение.

Затем он повел рукой перед собой:

— Прошу вас, друзья, садитесь, передо мной вам нет нужды тянуться.

Сухмет проворчал:

— Перед троном сидеть... Как-то неудобно. В таких случаях дело не в людях, Рубос, а в символе власти.

Рубос улыбнулся и сразу стал похож на того самого вояку, наемника и путешественника, каким был когда-то.

— Ну, это все же не зал для торжественных приемов, а бывший Навигацкий зал, место совещаний и приемов пусть высоких, но дружественных гостей. В парадном я и сам постеснялся бы... гм... не соблюдать традиций.

Тотчас, словно из-под земли, за спиной Сухмета появился высокий резной стул, подставленный расторопным Ди. Сухмет сел, Стак и фой остались на ногах.

— Как я понимаю, Навигацкий зал в прошлом. А что тут будет?

— Зал Лотара Желтоголового, — твердо, чуть ли не с вызовом ответил миранец. — Пока художники написали только одну картину о его подвигах, но скоро будут еще три. Со временем я рассчитываю...

— Эта картина не очень похожа на то, как было дело, — с нажимом ответил Сухмет. — Он и Гвинед никогда не держал у пояса, только Акиф...

Рубос вздохнул:

— Я знаю, но ничего не мог поделаться. Они художники, Сухмет, а не воины. Они никогда не видели того, что видели мы, и не годится из-за этого отказывать им в работе. — Все помолчали. Рубос продолжил: — Да и не важно это — как он носил Гвинед. Я всего лишь хочу, чтобы люди не забыли его. В последнее время, знаешь ли, я немало думаю о будущем.

Сухмет поднял голову и медленно произнес:

— Да, Рубос, о будущем в самом деле следует думать.

Снова в зале повисла тишина. Вдруг заговорил Ди:

— Мы еще не принесли тебе личных соболезнований по поводу смерти твоей Светоки, князь Рубос.

Рубос махнул рукой:

— Что толку в соболезнованиях? Я знаю, Сухмет, ты был чем-то занят, иначе приехал бы на похороны сам, а не прислал Шиви-лека... — Рубос потряс головой. — До сих пор не понимаю, как же так? Она была так молода! Но я тут, а ее нет! Как это происходит, Сухмет?

— Так и происходит, господин. Годы не щадят никого. — Сухмет внимательно посмотрел на Рубоса. — Что ты делаешь вечерами?

— Хожу, иногда заставляю чтецов читать, но... В последнее время стал не только плохо видеть, но и не слышу половину. А они еще так бормочут... — Рубос усмехнулся. — Пробовал поработать с мечом, так ты не поверишь, я почти ничего не забыл. Вот только очень быстро устаю. Стак, может, поспаррингуем немного, если... — Он бросил на гостей встревоженный взгляд. — Вы же не собираетесь быстро уезжать, раз уж явился сюда?

Сухмет встал, подошел к окну, постоял, вернулся и произнес:

— У нас есть дело, Рубос. И в этом деле главная роль отведена тебе.

— Мне?

— Чтобы ты понял что к чему, я начну с начала. Семь лет назад, когда твой друг, а мой господин Лотар Желтоголовый ушел из этого мира, забрав с собой архидемона, целью всех моих экспериментов... да что там — целью моей жизни стала попытка определить, что произошло с его душой. Спиритуализм — очень тяжелый, изматывающий раздел магии, а я никогда не был в нем силен. Практически мне пришлось учиться заново, тем более что результат не лежал на поверхности. — Сухмет подумал, снова сел на стул и посмотрел на портрет Лотара. — И выяснилось, что злобный Нахаб утащил душу моего господина в самый страшный круг преисподней. Из него не возвращаются, Рубос. Перерождение моего господина невозможно.

Рубос вскочил, взмахнул руками, словно хотел позвать слуг, но не произнес ни слова. Глаза его стали жесткими и суровыми, как бывало перед нешуточным боем в молодости. Сухмет, заметив этот взгляд, удовлетворенно кивнул.

— Тогда я стал искать знак высоких богов, чтобы выяснить, как можно все-таки отменить приговор Нахаба моему господину и вернуть его к нормальному круговращению жизни и смерти. По моему мнению, такому человеку, как мой господин, необходимо очиститься от тяжести драконьего оборотничества, навязанного Гханаши. А проделать это можно только в том случае, если у него снова будут перерождения, новые жизни, новые судьбы.

Рубос подошел к стене, украшенной оружием, и стал рассеянно перебирать мечи, кинжалы, трогать тяжелые секиры и доспехи. Его фигура выражала тяжесть нового знания, но слушал он внимательно.

— И недавно мне удалось узнать, Рубос, что мой господин будет прощен и его жизнь возобновится, если мы заплатим за него выкуп.

— Что для этого нужно? — Рубос повернулся и посмотрел на восточника тяжелым, властным взглядом.

— Нужно удалить из нашего мира два самых мощных магических инструмента. Вот этот посох и... Это самое главное, Рубос. Нужно найти трон Гханаши.

— Гханаши давно нет, — чуть растерянно произнес Рубос.

Сухмет улыбнулся тонкими, бледными губами:

— Да, я знаю. Но трон, который он некогда украл у волшебников гораздо более сильных и справедливых, остался. Вместе с Белым Орденом мы потратили немало сил и времени, проследив его путь. Три последних владельца трона были мелкими, не заслуживающими внимания колдунами, которые думали, что обладание мощным магическим инструментом делает их более могущественными. Они заблуждались, всем троим владение троном принесло смерть. Но вот четвертый... Пять дней назад я нашел нынешнего владельца трона.

— Кто же это?

— Колдун Хифероа, которого ты знаешь по последнему походу Лотара.

Рубос кивнул.

— Он по-прежнему живет в своем горном замке в центре мира? И по-прежнему прячется от любого немагического взгляда?

Сухмет вздохнул:

— Передел темной власти в мире, который последовал за уходом Нахаба, сделал зло более уязвимым, чем когда-либо прежде. Маги, претендовавшие на темную сторону силы, истребили друг друга во множестве, и вдруг выяснилось, что именно Хифероа может стать наследником и очередным Вседержителем Зла в мире. Я говорю это, чтобы ты понял, Рубос, к чему нам следует быть готовыми.

— Он добился этого с помощью трона?

— В значительной степени. С помощью своих всевидящих живых машин он никогда, вероятно, не терял трон из виду. А когда Лотар устранил Нахаба, решил, что его час пробил. Он захватил трон и уже пять лет владеет им безраздельно. Это позволило ему подчинить себе Гепру, бывшую Держательницу Ближнего

Покрывала из замка Нахаба, Сроф и других менее значительных демонов.

Рубос подошел к своему месту, сел. Теперь он выглядел как государственный муж, выслушивающий доклад советника. Не было травмированного смертью жены, задавленного годами мирамца. Перед лотарями сидел воин, седой, но несгибаемый, как в свои лучшие годы.

— Какое отношение к этому имею я?

Сухмет от избытка чувств хлопнул себя ладонью по колену:

— Понимаешь, Рубос, только ты можешь явиться к Хифероа и заявить свои права на владение этим инструментом.

— Я? — От изумления глаза Рубоса стали большими, как две монеты. — Зачем он мне?

Сухмет кивнул:

— Верно, он тебе ни к чему. Но он нужен мне, чтобы устранить его из этого мира вместе с посохом. — Пальцы Сухмета нежно пробежали по грубому, темному дереву, некогда заколдованному мифическим Гурамом. — Это будет выкупом за душу моего господина, и тогда через две тысячи лет... на меньший срок боги не согласились... мой господин в новом обличье возродится для жизни.

Рубос провел ладонями по лицу. Он думал. По привычке правителя он задал вопрос, чтобы ему не мешали думать:

— Я убежден, ты уже подсмотрел, какой будет судьба нового Лотара, если нам удастся сделать свое дело.

Сухмет, не сводя глаз с лица Рубоса, ответил:

— Конечно. Если нам все удастся, а такая возможность существует, он возродится далеко на Севере под именем Дея и станет великим воином. В течение жизни одного поколения он разрушит зловещую Черную империю, которая еще не возникла, но скоро возникнет и будет держать в ярме все четыре континента мира на протяжении двух тысячелетий.

Рубос посмотрел на Сухмета с беспокойством:

— Ты собираешься помогать ему в этом?

Сухмет усмехнулся и опустил глаза:

— Нет, еще две тысячи лет я не проживу. Я и так довольно стар, знаешь ли. Но у меня есть ученик, а Стак усилит Белый Орден... Если мы все сделаем как надо, то и через две тысячи лет у моего господина будут верные помощники.

Рубос сделал неопределенный жест:

— Ну, ты мог бы возродиться к тому времени. И я тоже...

Взгляд Сухмета стал на мгновение тревожным.

— Я слишком испортил свою карму последними хождениями в преисподнюю. Кажется, Рубос, мне не суждено больше реинкарнировать. А что касается тебя... Думаю, ты будешь доволен долей, которая ждет тебя в будущем. Для тебя все будет лучше, чем ты смеешь надеяться. Но сейчас. — Сухмет нахмурился, — это еще нужно заслужить. Нужно отправиться к Хифероа и заставить его вернуть трон.

Рубос потряс головой:

— Я не понимаю все-таки, почему я?
— Ты единственный, кто был тогда с моим господином.
— Нет, я тогда находился в плену у шайки дасских бродяг.
С трудом бежал...

— Я знаю эту историю. Но ты можешь сказать, что это входило в ваш план, и Лотар не нарушил своих обязательств по отношению к компаньону. То есть к тебе. Раздавив Гханаши, Лотар завладел троном. После смерти Лотара трон по праву должен принадлежать тебе. И только тебе.

— А то, что трон сразу был украден из оазиса, едва Лотар убрался оттуда?..

— Это ничего не меняет. Трон все равно принадлежит тебе, поскольку воровство было и остается всего лишь воровством. Оно не отменяет твое право на унаследованную добычу.

Рубос покрутил головой:

— Хитро. И как-то не очень убедительно. Если Хифероа не захочет отдать трон...

И тогда Сухмет поднял голову, посмотрел Рубосу в глаза и четко, чуть не по буквам произнес:

— Как бы эта легенда ни звучала, она позволит нам подойти к трону. На большее я и не рассчитываю. Нужен лишь миг, чтобы я мог заплатить выкуп за моего господина.

— Значит, ты просто...

Сухмет кивнул:

— Все будет сделано, даже если Хифероа не слезет с трона, а вокруг нас будет толпиться орда его стражников. — Сухмет едва заметно усмехнулся бледными, сморщенными губами. — Когда боги хотят что-то получить, они способны устраивать это очень быстро.

Рубос подумал:

— Я не очень хорошо знаю нрав Хифероа, но то, что мне доводилось слышать, говорит не в его пользу. Он может попытаться нам отомстить за такой обман...

И тогда Ди, как всегда сдержанно, произнес:

— Несомненно, господин Рубос, он попытается убить тебя и моего учителя.

Рубос набрал воздуха в легкие, потом шумно выдохнул:

— Придется драться.

Тогда Стак усмехнулся и проговорил:

— Рубос, чтобы вытащить тебя и Сухмета, драться придется всем.

Рубос посмотрел на Стака:

— Ну, вас туда точно не пустят.

— Верно, — согласился Стак. — Но ты забыл о ходах под дворцом Хифероа, которые нарыли гномы. Остается лишь согласовать действия, чтобы мы оказались на месте к сроку.

Рубос мечтательно посмотрел на портрет Лотара.

— А знаешь, все выглядит, как в прежние времена. Сухмет, я пойду с вами. Но ты наверняка обращался к своей янтарной скале, и я хочу знать: у нас есть шанс на успех?

Сухмет опустил голову, подумал, потом решился и отчетливо проговорил:

— Яйцо Несбывшегося, которое ты непочтительно назвал янтарной скалой, говорит, что предприятие скорее всего удастся. Но мы с тобой должны быть готовы к смерти.

Лицо Рубоса стало жестким и слегка неуверенным одновременно. Он посмотрел на пустой трон Светоки, стоящий рядом, помолчал, а потом ответил:

— Когда-то это все равно должно произойти.

Глава 2

Проспав всю ночь, Рубос значительно повеселел. Он поднялся, едва солнышко показалось из-за серых от утреннего тумана гор, подбросил веточек в костер, чтобы огонь не затух, и умылся снегом. Сухмет сидел перед горой, в которой находился замок Хифероа, и медитировал. Пока у него не получалось, но он старался.

Рубос набил котелок свежим снегом и стал его топить. Снежинки таяли сначала неохотно, потом быстрее. Наконец вода принялась медленно закипать.

Внезапно восточник вздрогнул, словно ему на кожу попал уголек из костерка. Рубос, который пытался глотнуть только что заваренного чая, почувствовал этот толчок и даже немного обжегся. Он поднялся на ноги, подошел к самому краю горного карниза, уходящему вниз в бесконечную пропасть, и спросил:

— Вчера ты сказал, что сегодня получится, а я ничего не вижу.

Сухмет, едва разлепив смерзшиеся от мороза губы, прошептал:

— Сейчас увидишь.

Рубос посмотрел на гору, качнул головой, вернулся к огню, взял кружку восточника, налил туда чай, подошел к Сухмету.

— На-ка лучше глотни, а то...

И замер. Гора, которая только что была слепым и бездумным нагромождением камня, острых граней и ночных облаков, вдруг превратилась в прекраснейший дворец. Кажется, еще более прекрасный, чем прошлый раз, когда они были тут с Лотаром, Ду-Лиа, Ди и даже с Азмиром.

Сухмет, осознав, что теперь подлинное видение не исчезнет, поднялся, взял кружку из неподвижных пальцев Рубоса и с удовольствием хлебнул. А мирамец замороженно стоял, не спуская глаз с открывшегося ему видения. Наконец он прошептал:

— Да, редкостная красота. Жаль, что придется...

Сухмет бросил на него негодующий взгляд:

— Давай попробуем сначала хитрость, Рубос. И вообще, я просил бы тебя быть осторожнее в мыслях. На этот раз у нас такой противник — сны читает, не то что мысли!

Рубос встряхнулся.

— Извини, я в самом деле как-то не очень ловко об этом подумал. — Он стал собирать лагерь. — Что теперь?

Сухмет допил чай, потом стряхнул последние капли на снег, который намело у камня, где он просидел всю ночь, и стал собираться. Это длилось недолго. Потом он забил крохотный огонек костерка и посмотрел на мирамца, который уложился еще быстрее и спокойно ждал его у каменной стены, поднимающейся вертикально вверх.

— А теперь, Рубос, я придам тебе немного силы для боя. Потому что тебе, хочешь ты того или нет, придется сегодня потрудиться мечом.

— Я не то что меча сейчас не подниму, но даже кружку тебе едва донес, не расплескав. Что поделаешь, годы, как ты однажды сказал.

Сухмет едва заметно кивнул:

— Да, знаю, ты в плохой форме. И твоей вины тут нет. Но я попробую придать тебе немного молодости, Рубос. Ты готов?

Рубос улыбнулся, и на мгновение стало видно, как он улыбался, когда носился с караванами по всему Гурхору, когда участвовал в походах Лотара, когда был соправителем Мирана и сколачивал из своего владения самое процветающее княжество побережья.

— Разве найдется кто-то, кто в таком деле скажет нет?

Но тотчас лицо его стало не темнее снега, руки свела судорога, ноги подогнулись, и он вынужден был, чтобы не упасть, опереться о стену. Потом по его телу прошла волна дрожи. Но, поборов ее, он выпрямился, лицо его разгладилось и стало красным от морозца, а в глазах заиграл давно забытый молодой блеск. А Сухмет все насылал и насылал на него свои чары...

Когда Сухмет кончил свое колдовство, даже сияние Рубосовой кольчуги стало другим — яростным и прекрасным. И он все время смеялся, а его голос эхом рассыпался в скалах на той стороне ущелья. Потом он выхватил меч. Всю дорогу, пока они тащились с Сухметом в центр мира, ему хотелось передать эту бессмысленную железку слугам или наемным погонщикам яков, которые везли их. Когда три дня назад погонщиков отпустили, он чуть было не попросил понести этот ятаган Сухмета. И только гордость удержала его.

А вот сейчас он выхватил меч и крутанул его в воздухе, слушая упоительный шелест воздуха, рассекаемого сталью, и чувствовал, как точно так же свистит от напряжения и силы каждый мускул в его теле, каждая косточка, каждый нерв!

— Сухмет, сюда стоило тащиться только для того, чтобы вот так крутануть меч! Неужели в молодости всегда было так хорошо?

Сухмет смотрел на мирамца довольно сурово. Он проверял, не хватил ли лишку, передавая ему энергию из посоха Гурама. Всем известно, что сила посоха придает любому человеку особое, радужное настроение, почти наркотическую эйфорию, и ее избыток был не менее опасен в бою, чем мечи противника. К тому же она оказывалась тем сильнее, чем слабее до передачи энергии бывал тот, кого накачивали магией. Судя по его поведению, Ру-

бос был весьма плох, но с этим приходилось мириться. И надеяться, что эйфория выветрится с ходом времени.

— А теперь, Рубос, мы пойдем по воздушному мосту. Он скользкий, при здешних ветрах по нему вообще едва возможно ходить. Но это самый легкий путь, который я смогу проложить к воротам Хифероа.

И Сухмет стал наколдовывать воздушный мост. Понимая, что это не будет легкая прогулка, он строил его максимально широким, на поверхности делал иззубринки из мелких вихрей, а все подъемы старательно сглаживал. Но все равно, когда он посмотрел, что получилось, у него замерло дыхание и дрогнули ноги.

Мягким полукружьем, как винтовая лестница, мост поднимался от карниза, где они ночевали, до самых ворот замка, плавно обходя три защитных колдовских кольца, которые перекрывали путь наверх примитивным скалолазам. Но все-таки три сотни ярдов высоты, которые им предстояло преодолеть, прошагав почти милю по поднимающейся неверной воздушной тропе, висящей над пропастью, грозили ошибкой и гибелью на каждом шаге.

Внезапно свист ятагана за спиной Сухмета умолк. Рубос увидел мост. Сразу после изготовления его могли видеть и продвинутые немаги, а кого еще, если не Рубоса, всю жизнь провозившего с Лотаром, Сухметом и демонскими штучками, можно было назвать продвинутым? Он спросил:

— И по этому в самом деле можно пройти?

— Это лучшее, что можно придумать в нашей ситуации.

Но Рубос еще сомневался:

— В прошлый раз вы все говорили, что доступ к воротам закрыт силовыми полями или чем-то еще?

— Ты видишь, их сняли, они не нужны. Хифероа играет в щедрость и даже объявил всем слугам Нахаба амнистию. Поэтому, считай, нам повезло, и давай воспользуемся этим везением. Если бы они оставили тот лабиринт, по которому когда-то прошел мой господин, мы бы с тобой никогда не сумели его преодолеть.

Рубос с недоверием смерил взглядом мост, неверной дорожкой ведущий к замку над ними.

— Ты хочешь сказать, что бывают более опасные мосты?

Сухмет вздохнул, улыбнулся и хлопнул Рубоса по плечу. Тогда мирамец тоже улыбнулся и спрятал ятаган в ножны.

— А не следует ли нам замаскироваться? Все-таки, если мне не изменяет память, Лотар тогда спрятался под Киноза?

— Мы идем официально требовать наш трон. Вернее, трон, принадлежащий тебе, Рубос. Зачем же нам маскироваться? — И лишь потом Сухмет тихо добавил: — Маскироваться должны другие. И да поможет им Кросс!

Они ступили на мост, который несильно закачался под ними, и стали подниматься по едва видимой дорожке. Как Сухмет и ожидал, в вихрях, которыми был покрыт мост, нога тонула, как в тугом восточном ковре. А это, что ни говори, помогало.

Они прошли почти три четверти пути, когда сильный порыв вдруг сбросил Рубоса с моста. Или он сам ошибся, потому что от

долгого напряжения стал чуть хуже чувствовать воздушное сгущение под ногами, которое и было собственно мостом.

Он заскользил вниз, безнадежно попытался схватиться руками за слишком гладкую покатую поверхность... И вдруг, когда уже думал, что сейчас полетит в пропасть, обрел слабую, тающую опору под ногами, которая позволила Сухмету выдернуть его на основной мост.

Оглянувшись, Рубос с тревогой спросил:

— Что это было?

— Я приготовил как раз для такого случая одну страховку, которую можно очень быстро подставить в любом месте.

Рубос кивнул, а потом снова спросил:

— Одну приготовил?

— Только одну. Так что больше не падай.

К счастью, сильных порывов горного ветра больше не было, и они дошли до ворот без осложнений. Зато осложнения начались сразу, едва они ступили на каменный порог.

Сухмет не зря в свое время нагружал сознание Лотара, который приходил к Хифероа, частью своего восприятия. Почти личностное присутствие позволило ему теперь планировать все действия. И разумеется, он запомнил расположение покоев дворца, главные препятствия и постарался предусмотреть способы их преодоления. Но такого не ожидал даже он.

Когда они ступили в коридор, имеющий колдовскую акустику, от стен, которые их окружали, стали отделяться белые тени, и их становилось все больше. Спустя полминуты перед немного растерянным Рубосом и Сухметом с посохом в руках расположилась настоящая армия эрков, вооруженных арбалетами, трубками для стрельбы отравленными стрелами и просто небольшими копьями. Среди моря пернатых голов мрачными, могучими скалами возвышалось несколько Кинозов.

Рубос прошептал:

— Если ты хочешь, чтобы я через это прорубался, то ты меня переоцениваешь, Сухмет. Или дал слишком мало энергии из посоха. Не пора ли исправить ошибку?

— Нет, это еще не противники. — И, повысив голос, Сухмет уверенно произнес: — Мы послы, пришли к вашему господину с просьбой вернуть нам украденное много лет назад имущество. Доложите о нашем прибытии или пропустите нас.

Один из Кинозов взревел. В усиленной акустике его голос раскатился оглушающим эхом. Но в этом реве даже Рубосу почудились вполне понятные слова. При желании их можно было перевести на членораздельную речь примерно так:

— Проваливайте! Наш новый господин не будет слушать пустых угроз!

— А ведь угроз еще и не было, не так ли, Рубос? — спросил Сухмет, поворачиваясь к напарнику, а когда его губы стали не видны эркам, шепотом добавил: — Прячься за колонну и зажми уши...

И почти тотчас он поднял посох и быстро прочитал заклина-

ние. Кто-то из эрков попятился, кто-то, наоборот, бросился вперед, чтобы остановить мага... Почти все Кинозы, сколько их тут ни было, тоже рванулись вперед, но им помешали суетливые эрки, а когда стало понятно, что именно вызывал Сухмет своим наговором, было уже поздно.

Вечные факелы, огромные медные колбы, наполненные специальным горячим порошком, вдруг разлились ослепительным огнем, почти взорвались, за считанные мгновения выбрасывая ту энергию, которую должны были выдавать многие века. Огонь их был так горяч, что первые эрки, которые оказались в струях пламени, даже не сгорели, а испарились, превратились в ничто. Два или три Киноза, которые заметались, продлили свою жизнь дольше, но и они загорелись...

Когда столбы огня потихоньку опали, когда невыносимый в этом коридоре рев извергающегося пламени утих, а горячий ветер, бьющий из жерла пещеры, как пустынный самум, спал, Рубос, который очень толково спрятался за высеченную из скалы колонну с одной стороны ворот, поднялся на ноги. Сухмет еще сидел за такой же каменной колонной с другой стороны входа и пытался спрятать голову.

Рубос заглянул в пещеру — она была пустынна и темна. Лишь на камнях горный ветер перебирал пласты черного пепла, стряхивая его в пропасть за порогом.

Мираец подошел к Сухмету и положил ему руку на плечо:

— Ну, ты им показал... Да и мне тоже. Никогда не видел ничего подобного.

Сухмет поднялся:

— Видел, и даже не один раз. Правда, не в таких масштабах, но тут факелы были уж очень хороши. И почти на треть заполнены порошком.

Они пошли по пещере вниз. Сначала Рубос почему-то не хотел наступать на самые плотные залежи черного пепла, но скоро перестал обращать на них внимание. И все-таки он несколько раз оглянулся, когда они вышли на залитую дневным светом, не тронутую колдовством Сухмета часть коридора.

— Неужели там никого не осталось?

— Посмотри лучше вперед, — ровным голосом произнес Сухмет. — Вот наши следующие собеседники.

Рубос мигом обернулся. Но ему стоило изрядного труда понять, что Сухмет имеет в виду не что-либо, а огромные треножники, которые были расставлены для тепла вдоль стен следующего зала.

— Неужели эти тазы на подставках представляют опасность?

Сухмет озорно блеснул глазами:

— Постараюсь, чтобы не представляли.

Он снова стал в позу вызывания заклинаний, поднял вверх посох и начал произносить звуки, трудные для понимания даже привыкшему к разным языкам и наречиям Рубосу.

И вдруг треножники стали гореть ярче, потом еще ярче... Теперь большая их часть пылала почти так же неистово, как беско-

нечные факелы в предыдущем коридоре. Рев и этого пламени казался оглушительным, но так как тут не было магической акустики, его вполне можно было выдержать.

Некоторые из треножников стали двигаться, переступая коваными ногами по ровному полу, иные стали звонко дрожать... Но едва угли в их чашках выгорели, они все замерли, и теперь уже ничто на свете, кроме новой порции топлива, не могло их оживить.

— Как мне кажется, в твоих приемах наблюдается некоторое однообразие, — проговорил Рубос, когда стало ясно, что путь вперед опять открыт.

Сухмет поднял взгляд на мирамца:

— Это еще что? Вот когда придет пора аннигилировать трон и посох, вот тогда энергии выделится столько, что... Боюсь, как бы вся скала разом не обрушилась.

Рубос приостановился:

— В самом деле? А где в этот торжественный миг должны быть мы?

Сухмет подошел к стене, в которой некогда была пробита небольшая дверца. Теперь она была заложена, и так плотно, что создавалось впечатление, что стена состоит, как и в других залах дворца, из монолитной скалы.

— Хотелось бы, конечно, оказаться как можно дальше. Но боюсь, я буду на расстоянии вытянутой руки. Или, что не имеет значения, на расстоянии броска моего посоха до трона. Видишь ли, Рубос, в посох теперь заложено такое заклинание, которое позволит уничтожить оба этих инструмента, едва они соприкоснутся... А куда я не очень далеко. Жаль, мало тренировался в этом деле.

Рубос постоял, опустив голову.

— И, насколько я понимаю, мне в этот момент придется сдерживать слуг Хифероа? Значит, я тоже должен быть?..

Он не договорил, но Сухмет его понял:

— Я предупреждал тебя — нам следует готовиться к смерти.

— Да, — Рубос стал прямее и усмехнулся, — я помню.

Сухмет внимательно посмотрел на мирамца:

— Ну, в отношении тебя существуют варианты. Возможно, появится шанс спастись...

— У нас разные представления о безопасности, тебе не кажется?

Рубос ответил так спокойно, что Сухмет понял: больше на эту тему говорить не придется. Поэтому он повернулся к заинтересовавшей его стене и снова стал ее осматривать.

Глава 3

Коридор уходил куда-то вниз, из него доносились слабые, как шуршание крыльев ночного мотылька по стеклу, звуки. От них даже Рубосу стало не по себе. Но, как ни странно, Сухмет не проявлял немедленного желания окунуться в этот темный и непо-

нятный провал. Сухмет все еще не мог оторваться от стены. Наконец он с извиняющейся улыбкой проговорил:

— Нет, не могу удержаться, чтобы не увидеть их собственными глазами. Конечно, это может осложнить переговоры, но, с другой стороны, проявление силы тоже необязательно пойдет во вред.

Рубос ничего не понял. Но Сухмет и не думал пояснять. Он обернулся и попросил:

— Рубос, перед залом с треножниками стояли факелы с ярким таким, дневным пламенем. Сруби-ка штуки три и принеси сюда, пожалуйста.

Рубос отправился назад, в освещенную часть зала, нашел несколько вмазанных в стену факелов на не очень толстых, всего с руку, деревяшках и срубил их ятаганом. Заодно и силу удара в своем новом, накачанном магией Сухмета качестве проверил. Оказалось, что он не так уж и плох. Вот только хруст в кисти на самых сильных ударах его немного беспокоил. Но боли он практически не чувствовал, поэтому ничего не стал говорить, когда свалил факелы перед Сухметом, который все еще ощупывал стену маленькими, желтыми, сморщенными ладошками.

— Что дальше? — спросил мирамец.

— Ничего не чувствую, как они их там расставили?.. — Сухмет очнулся от своей сосредоточенности. — Дальше? Сейчас мы их погасим.

Восточник внимательно посмотрел на негаснущие факелы, и пламя на них вдруг стало тише и слабее. Больше Рубос не ждал, он топнул ногой, обутой в грубый дорожный сапог, и сбил пламя с одного, второго... Третий факел погас сам.

— Теперь, Рубос, разрубай эти медные колбы и высыпай порошок из них вот тут.

Сухмет указал место неподалеку от каменной статуи какого-то рыцаря с обломанным копьем. Пока Рубос работал, восточник походил около статуи, странно бормоча про себя:

— Надо же, столько лет прошло, а они копые так и не поменяли... Только передвинули, чтобы стена не казалась слишком голой... И как ему удалось это копые отломать голыми руками? Это же красный магокани, крепче не бывает, он сталь заставляет тупиться...

Но тут Рубос сказал, что все готово. Порошок, состоящий из мелких ярко-голубых и темно-красных, как рубины, чешуек, и в самом деле лежал ровной кучкой именно там, где когда-то находилась дверь.

— Теперь давай спрячемся, — предложил Сухмет.

Сам он отошел от стены в другой конец зала и шелкнул пять раз пальцами. На пятом шелчке от кучи порошка пошел дым, а потом она с оглушительным треском взорвалась. Стена, у которой эта кучка лежала, разлетелась обломками в разные стороны, и в ней образовался пролом, через который мог бы проехать всадник.

Рубос только головой pokrutil.

Они прошли в следующий зал, где стояли знаменитые живые

машины Хифероа. Две ближайшие от пролома машины изрядно пострадали. Один обломок ударил по кадке, из которой росло удивительное дерево, переливающееся всеми оттенками синего цвета, и кадка треснула. Дереву это определенно не понравилось, но его еще можно было спасти. А вот вторая машина была практически убита. Несколько кусков стены, острых, как каменные топоры, рассекли кожу на высоких и плоских стеблях, похожих на цветы, растущих из огромного блока малахита, пронизанного тонкими медными проводами и золотыми штырьками.

Сухмет огорченно всмотрелся в гаснущие цветы и пробормотал:

— Печально, когда такая красота гибнет... Впрочем, если он откажется, все равно многое тут погибнет.

Сухмет осмотрелся. Будь у них время, он бы вник в удивительные машины Хифероа основательно и со вкусом, но времени как раз не было. Поэтому он просто погладил некоторые из странных созданий горного колдуна и вышел из зала, поклонившись на прощание.

Рубоса позабавил этот поклон. Он спросил:

— Это все-таки не додзе, чего же кланяться?

— Ты и в гимнастическом додзе кланяешься лишь потому, что зал — священное место постижения истины. Так вот, представь себе, этот зал — тоже место истины. И она тут выступает в еще более ошеломительных обличьях. Только не всем дано это постигнуть... Нет, не думай, в первую очередь я имею в виду себя. — Сухмет помолчал. — Жаль, я не выучил как следует магию живых существ, мне было бы легче понять, какую красоту я только что видел.

Рубос с уважением кашлянул.

— А то, что пару этих штук мы все-таки расколошматили, не помешает?

Сухмет вздохнул:

— Еще как помешает. Но уж очень я хотел увидеть, что и как тут живет. Вот и решил, что стоит рискнуть. К сожалению, они перетащили некоторые машины на новое место, а свой взрыв я рассчитывал по старому положению...

— Ты уже бывал тут?

— Я был ментальным наездником моего господина. Да и давно это было, так что они в самом деле могли тут многое изменить. Меня смутило неисправленное копьё, но оказалось, что машины — не копьё. Машинами они как раз занимались.

Рубос уже ничего не понимал:

— Какое копьё?

— Да так, не важно. Теперь, почтенный Рубос, приготовься. Мы отправляемся напрямик в приемный зал здешнего хозяина.

С этими словами Сухмет раскрыл двери, ведущие в зал, где некогда Лотар устроил отменную свалку между драконами. На этот раз драконов не было. В этом зале вообще никого не было. Быстро, даже не заглядывая за колонны вдоль стен, за которыми

вполне могла прятаться засада, Сухмет пошел вперед, напрямиком к двери, за которой находился Хифероа.

Рубос едва догнал его. Сухмет посмотрел на мирамца, серьезно, как на похоронах, подмигнул ему, беззвучно спрашивая поддержки, а потом одним движением распахнул двустворчатые двери. Они откатились в разные стороны, но не до конца. И все-таки в образовавшуюся щель Сухмет прошел рядом с Рубосом, плечом к плечу.

В зале, раскинувшемся перед ними, со времен Лотара кое-что изменилось. Не было полок со странными штуковинами, не было столика с разными подручными вещами. Лишь трон Хифероа остался прежним — целиком вырезанным из монолитного куска горного хрусталя, чистого и прозрачного, как северное стекло. И несмотря на это — теплого, уютного, успокаивающего.

Хифероа тоже изменился. Теперь он сидел, выпрямившись как истукан. И даже от дверей было ясно, что обе его ноги пребывают в полном порядке. За семь лет, которые прошли после гибели Цвана, он сумел избавиться от увечья.

У его плеч, затянутых в серебристо-серую драгоценную парчу, стояла Гепра, бывшая Держательница Ближнего Покрывала бывшего архидемона, а слева на странной каменной скамейке восседала Сроф.

Рубос, который прекрасно помнил, как птица некогда атаковала его, связанного сетью по милости Азмира и не способного защититься, вздрогнул и положил руку на эфес меча. Но Сухмет, не глядя, снял его руку с меча. Затем он сделал несколько шагов вперед и поклонился:

— Приветствую тебя, великолепный Хифероа. Я рад видеть, что ты пребываешь в добром здравии, и еще раз с благодарностью вспоминаю по этому поводу моего прежнего господина.

Хифероа глазом не моргнул:

— Рабам всегда свойственно искать господина. Пожалуй, если ты искренне предлагаешь свои услуги, я могу найти тебе место, но не рассчитывай на многое. У тебя не очень хорошая репутация, старик, к тому же... — Колдун не удержался: — Ты поранил одну из моих любимых машин. И даже убил другую.

Рубос понимал, что ему не следует очень уж мешать Сухмету, который вел собственную игру, но не удержался. Отчетливо, так, что было слышно во всех углах помещения, но все-таки и не в полный голос он произнес:

— Мы еще не вошли во вкус, колдун.

Хифероа посмотрел на Рубоса яростным, горящим взглядом. Сухмет отчетливо представил себе, что в них вот-вот загорится красный демонский огонь, и тогда жажду крови этого существа будет трудно подавить. Поэтому он довольно поспешно произнес:

— Мой друг хочет сказать: мы не ищем нового господина. Мы явились как послы... Если угодно, послы, взывающие к доброй воле.

Хифероа дрогнул бровями, пытаясь изобразить веселье. Но,

должно быть, он так давно смеялся последний раз, что забыл, как это делается, и у него ничего не получилось.

— Странное выражение — добрая воля, ты не находишь, старик? Он подразумевает, что имеется и злая воля, и, вероятно, какие-то иные образцы воли... Мне не нравится то, что ты сказал. Если ты не пришел с покорностью в сердце, тебе здесь делать нечего.

На последних словах голос Хифероа затвердел, как река покрывается льдом, который уже не всякая сталь может проломить.

— Странное дело, те, на входе, тоже сказали, что мы должны убираться, — снова вмешался, на этот раз погромче, Рубос. — Но теперь их пепел ссыпается в пропасть.

Хифероа понял, что суровыми взглядами пришельцев не пронять. «Он забыл не только о веселье, но и о мужестве некоторых людей», — решил Рубос.

— Это угроза? — спросила ласковым голосом Гепра, поскольку пауза действительно затянулась.

— Ну что ты, смертельно прекрасная Гепра. — Сухмет вежливо поклонился, но, так сказать, с отчетливым западным акцентом. — Рубос просто позволил себе вспомнить кое-что.

— Хорошо, — продолжила, наверное, уже Держательница Ближнего Покрывала Хифероа, — что вы хотите просить у нашего господина?

— Мы пришли требовать трон, украденный некогда из оазиса Беклем, который еще несколько раз менял владельца и оказался, как показали мои изыскания, здесь, в твоём дворце, великолепный Хифероа.

Птица Сроф вдруг опустила полупрозрачную пленочку на глаза, словно собиралась спать. Это заставило Рубоса напрячься, потому что стало ясно — она чего-то ждет.

— Почему ты решил, что он находится у меня? — спросил Хифероа.

Рубос простодушно развел руками:

— Да потому, что он просто где-то тут.

Колдун перевел взгляд на мирамца. Глаза его стали узкими, как лезвия магадирских кинжалов, после которых, как рассказывают, не всегда даже кровь выступает на коже — настолько тонко они режут.

— А на каком основании ты пришел требовать что-то?

Сухмет кратко, но толково изложил все позиции требования, разумеется в собственной интерпретации. Рубос признал, что в этом зале с хорошей акустикой перед колдуном и его подручными вся история звучит весьма убедительно. Если, конечно, она могла тут кого-то хоть в чем-то убедить.

Тогда Хифероа потер коленки, словно хотел убедиться, что после рассказа Сухмета они все еще остаются при нем. Должно быть, очень уж явно он припомнил времена, о которых рассказал Сухмет.

— А если я скажу нет?

— Тогда мне придется, невзирая на твою волю, обыскать этот

дворец, — спокойно и рассудительно проговорил Рубос. Теперь он не считал нужным понижать голос.

— Даже так? — удивилась Гепра. Впрочем, она с самого начала знала, что так получится.

Сухмет кивнул, опять по-западному. Чувствовалось, он очень хочет подчеркнуть свою непохожесть на тех существ, с которыми вел переговоры.

— Именно так, — подтвердил Сухмет, чтобы его поняли правильно.

— Тогда... — Хифероа задумался, но каждому стало ясно, что игры кончились. Внезапно он вскочил на свои недавно приобретенные ноги и указал на пришельцев пальцем: — Взять их! И казнить на моих глазах самой лютой смертью!

Тут же из потайных дверей, открывшихся по всему залу, стали выскакивать стражники. Тут были и сарофаты — волосатые болшеноги, которые привыкли разрывать своих противников за ноги, чересгамы — круглые на вид воины, закованные в естественные роговые пластины, способные раздвигать их, захватывать и переваривать противника целиком, отиссы — закованные в странные доспехи тонкие и злые красавицы, ведущие бой на невероятной скорости, любящие грызть еще живое, трепещущее под их зубами мясо, и много другой нечисти.

Но все они опоздали. Рубосу удалось затолкать Сухмета в самый узкий угол зала, где на них не могли нападать больше двух стражников одновременно, и прикрыть его собой. А потом, отбивая первые атаки слуг Хифероа, он заорал через плечо:

— Колдуй, Сухмет, колдуй! Долго я не продержусь, их слишком много!

Сухмет послушно, не выпуская посоха Гурама, положил обе ладони на свои виски и опустил голову.

Глава 4

Стак КамЛут осмотрел стоящих перед ним орденцев. Все выглядели по-разному: кто-то волновался, пожалуй, больше допустимого, кто-то казался слишком азартным, кто-то был слишком спокоен. Как всегда, когда нужно было идти в бой, что-то казалось не так. С другой стороны, Лотар, бывший Учитель Белого Ордена, всегда говорил, что кажущаяся неготовность бойцов есть признак неготовности его самого — Стака. Так что чрезмерно напирать на идеальное состояние перед схваткой не стоило.

Идеальным Стак считал, как и во многом другом, состояние Учителя. Тот был холодноват, расслаблен, остроумен и эмоционально приглашен, как сырая лучина. Эта эмоциональная невыраженность позволяла ему действовать совершенно, как Стаку, наверное, не удастся никогда в жизни.

Хотя, с другой стороны... Стаку не нравилось и чрезмерное, ледяное равнодушие. Взять, к примеру, Мало. Она не просто была какой-то одеревеневшей, когда стало известно, какой у них

будет бой, она принялась тренироваться как заведенная, так что со стадиона ее приходилось буквально выносить на руках, а потом вдруг сделалась заторможенной. Никто из ее друзей так и не узнал, что с ней происходит.

— Итак, все готовы? — спросил Стак.

Никто ему не ответил, он прочитал состояние готовности по внутренним, самым искренним ответам. Конечно, им было далеко до четкой ментальной речи, какой обменивались Сухмет с Учителем, но и они были вполне читаемы.

— Хорошо. — Стак повернулся к Ди.

За последние годы фой стал другим. Более эмоциональным, более похожим на западника. У него даже глаза стали чуть круглее. Может быть, причиной тому было то, что он женился на одной из слушательниц академии, подающей немалые надежды и со временем, безусловно, способной одолеть вступительный орденский экзамен. Он только косичку не хотел отрезать и даже каким-то почти мистическим образом добился того, чтобы многие из орденцев стали носить длинные волосы, заплетая их перед боем в небольшой хвостик.

Сам Стак полагал это баловством. Он считал, что волосы нужно стричь коротко, как делал Учитель.

— Где мы находимся? — спросил он Ди.

Фой медленно повернул к нему голову:

— Вообще-то мы в десяти минутах бега от зала, куда они направляются. Вот только перед нами армия горного народа, а потом три дракона. Интересно, как быстро орденцы сумеют одолеть эти препятствия?

Стак опустил голову, подумал. Нет, он ничего не чувствовал впереди, слишком толстыми были тут каменные стены и своды. Но для того чтобы это не привело к катастрофе, они и взяли с собой Ди. И фой — или бывший фой, если принять во внимание разрез его глаз, — пока справлялся отменно.

Каменные пещеры, в которые они вошли трое суток назад, могли бы завести их куда угодно, но фой привел их сюда, прямо под замок Хифероа, с точностью магнитной стрелки, указывающей на север. Конечно, по дороге случилась пара мелких стычек. Но теперь все было позади. И они находились всего в десяти минутах бега от главных залов дворца, в десяти минутах от Сухмета и Рубоса, ведущего переговоры с Хифероа...

Не слишком ли много? Успеют ли? Тем более что с народом гор еще никто из орденцев никогда не бился, плюс три дракона... Впрочем, когда-то Учитель сказал, что драконы не слишком умные, их можно обмануть.

— Пора, — произнес напряженным голосом Ди. — На них напали. Таиться больше нет смысла.

— Вперед! И слушаетесь командиров! — приказал вполголоса Стак и положил руки на оба своих меча, которые были как две капли воды похожи на Гвинед и Акиф, только, конечно, магии в них было не больше, чем в детских погремушках.

Они прошли всего несколько поворотов, как вдруг оказались в

огромном зале, заполненном горным народцем. Все собравшиеся были вооружены, возбуждены, потому что ждали атаки, и большая часть этих людей не понимала, за что они должны умирать.

Стак сориентировался сразу. Он повернулся к Ди, который закладывал в свой знаменитый стреляющий посох небольшой, с ноготь, золотой самородок, и командовал:

— Бей только в командиров. А лучше — в их эрла. Сумеешь его определить?..

Ди смерил Стака негодующим взглядом, потом поднял посох и выстрелил. Один из офицеров, должно быть стоящий на камне и потому возвышающийся над всеми остальными гномами, рухнул в толпу воинов как подкошенный.

Тотчас некоторые из передних вояк горного народца завопили и бросились вперед, на орденцев. Но Стак уже сумел сделать главное — он вывел их из узкой пещеры и выстроил клином.

Стак стал в самое острие клина, и именно ему пришлось встретить первые удары. Атака была довольно сильна, как и должно было получиться у нескольких тысяч людей. И хотя каждый был в три-три с половиной фута ростом, сила у них была не детская. Но орденцы справились.

Еще лет десять назад, когда орденцев стало много, хотя это были орденцы второй волны, выбранные после гибели четырех первых, канонических учеников, Учитель выстраивал их таким же клином и требовал, чтобы они держали любую атаку. Справиться с этим они могли, только качнувшись в последнюю минуту вперед, а потом, быстро положив передовых бойцов врага, создавали перед собой вал из мертвых.

Этот прием они тренировали и после гибели Учителя. И вот теперь это пригодились.

Стак ударил своим мечом и вакизаши сразу трех гномов. Двоих задел, третьего убил сразу. Потом, не теряя набранной клинками динамики, перенес атаку еще на двух гномов. Одного проткнул насквозь, второго заставил отшатнуться и согнуться от боли, но удар получился плоской стороной клинка и в лучшем случае сломал гному руку. Эти несколько раненых остановили по меньшей мере десяток других горных воинов. Те притормозили еще по несколько соседей.

Так клин орденцев выстоял, не дрогнув, в море низкорослых вояк, страшных на вид, рубящих короткими кайлами, секирами, не очень острыми копьями и бердышами, но не способных оттеснить противника ни на шаг назад.

Из середины клина почти без перерыва доносились несильные хлопки посоха Ди. Почти каждый раз кто-то из разодетых офицеров на заднем плане вражеского войска валился снопом. Но эрла Ди еще не нашел. Может, его и нет тут?

— Вот он! — сказал Ди, перекрывая лязг стали, тяжелое дыхание дерущихся, крики и стоны раненых. — Но мой посох до него не достанет.

Стак посмотрел в указанном направлении, вырвав из своих

схваток почти пять мгновений отдыха. В самом деле, на небольшом рукотворном уступе, вытесанном в светлой красивой скале, стоял разодетый гном чуть ли не в четыре фута высотой. Он смотрел вниз спокойно и с достоинством. Он думал.

— Ди, внуши ему, что он станет королем всей горы, если пропустит нас к Хифероа! — проревел Стак.

Больше он ничего не успел добавить. Его атаковал здоровенный, почти в четыре фута, гном, который работал двулезвийной секирой, как перочинным ножом. Это был первый из противников, которому Стак должен был противопоставить оба своих клинка.

«Да у них построение древних легионов — впереди новички, потом ветераны, а потом триарии. Плохо дело, мы теряем время, а наши наверху...»

От этой мысли он едва не зарывал в бессильной ярости. Они в самом деле уже бились тут минут пять, а для Рубоса наверху это было долго, очень долго...

Вдруг эрл горного народа поднял обе руки и что-то закричал. Гномы тотчас откатились назад. Орденцы, конечно, по-настоящему еще не намахались мечами, но перед ними уже высился настоящий вал из тел гномов. Трое орденцев получили легкие раны, главным образом по собственной глупости или самонадеянности, что было одно и то же.

— Что он сказал? — спросил Стак.

— Пока он просто остановил битву, — ответил Ди.

— Это ты его... ему?..

Ди пожал плечами.

Эрл на скале что-то спросил в наступившей тишине. Ди вытянул от напряжения шею и что-то прокричал на гортанном, тяжелом, как камни, языке. Стак, который умел говорить на двадцати языках и наречиях, не понял ни слова. Это был язык горного народа.

— Хорошо, — вдруг перешел эрл на задорский. — Мы пропустим вас, но, если вы не справитесь с Держателем горы, мы будем первые, кто попытается вас добить.

— Мы согласны! — тоже по-задорски крикнул Ди, а потом, даже не дождавшись, чтобы гномы расступились, повел свой клин вперед, к дальней стене зала, туда, где виднелись широкие, вполне уже дворцовые ворота.

Конечно, без толчков с обеих сторон не обошлось, но ни один из орденцев, равно как и ни один из гномов, больше не ударил оружием. Обе армии соблюдали перемирие с дисциплиной, достойной воинов.

В ворота дворца Хифероа, пробитые горным народцем прямо из зала, в котором состоялась эта короткая и вполне бессмысленная битва, орденцы вступили уже бегом. Они бежали уверенно, потому что Ди в голову каждого из орденцев вложил план горного дворца. И каждый из орденцев мог найти нужную дорогу, даже если бы остался в одиночестве.

Но убежать далеко не удалось. Едва они вынырнули из коридо-

ра в третий, кажется, ключевой зал нижнего яруса дворца, как на встречу им затрусили три дракона. Ди очень спокойно сказал:

— Вот они.

— Вижу, — сквозь зубы ответил Стак. — Действуем, как договорились...

Орденцы разбились на три небольших отряда. Цифра «три», и вообще все, что исчислялось тройным порядком, оказывало на драконов магическое влияние. Объяснение этому не знал ни один колдун, но это признавали даже те, кто не изучал никакую нумерологию.

Одним из отрядов командовал Бородул, вторым — Опристак, третьим — Мало. Но девушка вдруг стала красться вдоль правой стены, накинув на себя густеющую мантию магической невидимости.

«Что она делает, — подумал Стак, — на драконов же такие трюки не действуют!.. Она погибнет!» Но Мало прошла уже половину зала, а крайний дракон, загипнотизированный тремя группами людей перед собой, даже не сбавил хода.

— Молодец! — заорал Стак. — Попытайся...

Договорить он не успел. Крайний дракон вдруг затормозил и стал поворачивать голову. Но тут хлопнул стреляющий посох Ди, и на шее дракона расцвела золотистая вспышка, брызнули капли крови, дракон коротко рыкнул от боли и повернулся к фою.

В этот момент Мало и проскочила вперед. Ее бег стал легким, как взмах крыльев ласточки, и она исчезла в темноте дальнего коридора, ведущего в тронный зал Хифероа.

— Я принимаю командование над третьим отрядом, — произнес Стак.

Драконы уже неслись на орденцев, подобно лавине. Первый попытался пыхнуть огнем, но расстояние еще не позволяло ему бить прицельно. Впрочем, ему осталось уже немного, чтобы заняться орденцами как следует.

Опристак что-то проговорил вполголоса, его отряд повернул и втиснулся в один из многих боковых проходов. «Рано, — подумал Стак, — вдруг дракон не захочет их преследовать?» Но Опристак, должно быть, привязал к себе внимание дракона каким-то ментальным образом, и чудовище послушно рвануло за первым из отступивших отрядов.

Второй побежал за Бородулом. Опытный и почти всегда очень уверенный, Бородул изобразил было встречную атаку, а когда дракон взъярился пуще меры, отступил назад, туда, где по плану Ди находилась крайне примитивная ловушка — яма, прикрываемая железной решеткой. Решетку уже должны были поднять...

Третий дракон бежал на Стака. Доблестный Великий Магистр Ордена заметил, что расстояние стало слишком мало, что он элементарно задумался и отступать стало поздноватое... Но никто из стоящих рядом орденцев даже не дрогнул.

Они ударили в дракона, когда он прыгнул на них, и дружный отпор почему-то заставил зверя сбавить ход. Потом все-таки при-

шлось отступить. Ди, который остался со Стаком, вдруг проговорил:

— В этом проходе есть петля...

Стак вчитался в угольно-темную каменную складку, на которую указал фой.

— По-моему, там тупик.

— Нет, выход есть в потолке.

Повинуясь знаку Стака, орденцы, дружно не давая дракону снова разогнаться, вошли в указанный Ди коридор. Потом отступили и увидели глухую стену. Но в потолке в самом деле был проделан широкий лаз. Его даже не прикрывала крышка, настолько трудно строителям казалось взобраться в него по стенам. Но Стак был уверен, что это не так.

— Первый, наверх! — крикнул он. Кто-то из орденцев, кажется Шимона, спрятала клинки, подскочила, повисла на кончиках пальцев, а потом легко, как по ровной стене, поднялась, перебирая руками, как ящерица.

Потом пошел второй, третий... Все шло нормально, пока не остались трое. Дракон уже сообразил, что часть добычи убежала. Но он с тем большим рвением пытался расправиться с оставшимися. «Так, — решил Стак, — если поднатужиться, то я могу удержать его с четверть минуты. Но как я сам-то отсюда уйду?..»

— Ди, — приказал он.

Фой кивнул, спрятал посох за спину и довольно технично, хотя и не так, разумеется, как орденцы, полез по стене.

— Последний, — уверенно сказал Стак.

— Нет, — покачал головой орденец.

— Что? — От ярости на лбу Стака даже пот сразу выступил.

— Стак, на выход нижнего коридора можно опустить решетку! — крикнул кто-то из провала наверху.

— Опускай! — крикнул Стак.

Тогда футах в пятидесяти от тупиковой стены с потолка свалилась тяжелая решетка, связанная из вековых бревен, скрепленная толстыми бронзовыми скобами. Разрушить такую конструкцию не могла бы и магия. Все, выход отсюда был закрыт.

Дракон понял это едва ли не быстрее людей. Он замер и повернул назад голову. Больше Стак не раздумывал, он развернул оставшегося с ним героя за плечо и сильнейшим пинком под зад толкнул его к стене и вверх. Орденец, закусив от обиды губу, подпрыгнул, повис на одной руке, зажал свой клинок зубами, схватился за каменный выступ второй рукой, поднялся еще выше, а потом легко, как по лестнице, заскользил к дыре в потолке.

Дракон обернулся, передышка завершилась. Стак втянул воздух в легкие. Все, теперь он последний. Как ему самому-то отсюда уходить?

Вдруг что-то обжигающее со свистом слетело сверху, обернулось вокруг пояса и плеч Стака, а потом впилось в его кожу там, где доспехи не закрывали его тело. От неожиданной боли он застонал, но магический аркан вдруг напрягся, и Стак почувствовал, что земля уходит у него из-под ног.

Дракон, увидев последнего из людей висящим в воздухе, отчаянно прыгнул... Но Стак уже вознесся в спасительный люк в потолке, а дракон изо всей силы врезался в каменную стену, даже не задев Великого Магистра.

— Ну и ну, — покачал головой Стак, когда Ди смотал с его плеч колдовской кнут. — Не знал, что ты способен на такие штуки.

Ди с тревогой посмотрел вверх, мысленно он уже был в зале, где бились Сухмет и Рубос.

— Скорее, они уже не могут сдержатъ атакующих...

Не теряя лишних слов, Стак поднялся на ноги, поежился от боли на обожженной арканом коже и сделал шаг к выходу. Орденцы побежали, путь в зал Хифероа был открыт для этого отряда.

Но не для него одного. В следующем зале они столкнулись с группой Бородула. Тот доложил:

— Дракон влетел в яму всей массой. Мы закрыли решетку и подняли заслонку на шлюзе. Когда вода поднимется вровень с решеткой, дракон... пустит последний пузырь.

— Раненые? — отрывисто спросил Стак, не сбавляя бега.

— Так мы же с ним не бились, — простодушно удивился Бородул.

«Что-то слишком простодушно для такого хитреца», — решил Стак.

И уже перед самым залом они налетели на третью группу, которой командовал Опристак. Тот еще издали закричал:

— Мы завели дракона в узкий проход и, пока он там пытался развернуться, вернулись по соседнему. Только поплутать немного пришлось...

«Молодцы, — решил Стак. — Просто и разумно. Все молодцы. Но теперь самое главное».

Чуть сбавив ход, они подбежали к двери, раздвинутой ровно для прохода двух людей. Двери были великолепны. Это был зал самого Хифероа. По ту сторону дверей, в темноте, разрываемой лишь двумя слабыми факелами, кипела битва.

«Жаль, сразу после освещенных коридоров будет тяжело», — решил Стак. Но орденцам он приказал:

— Входим. И бейте всех, кто подвернется под мечи. Мы успели, теперь мы их вытащим во что бы то ни стало.

И он толкнул двери, чтобы они раскрылись пошире. На орденцев дохнуло гарью взорвавшихся факелов, запахом крови и пота нечеловеческих существ. Что удивляло — в зале почти не было магии, а она должна была прорываться везде и всюду, магия тяжелейшего, дикого боя...

Но поверх всего в этом воздухе плавало ощущение смерти. От ее толчка в лицо отшатнулся на миг даже Стак. Но он стиснул зубы, вытащил клинки и рванулся вперед. Он знал: прежде чем они отсюда уберутся, если все-таки удастся убраться, смерти будет еще больше.

Первую волну атакующих Сухмет приостановил, взорвав по три факела на каждой стене зала. Всплески пламени от них пришили в самую гущу нечисти, что стала вылезать из потайных дверей, и к Рубосу докатилась едва ли десятая часть тех, кто отошел на первый вопль Хифероа.

Мирамец стал отбиваться от них, испытывая забытое упоение победительным боем, когда противник слабее, и ты это доказываешь каждой схваткой, когда тело очередного негодяя валится тебе под ноги, и ты знаешь, что он больше никогда не поднимется. К тому же все, с кем он расправлялся, мешали остальным атакующим, и это делало бой еще веселее.

Правда, Рубос немного оторопел, когда увидел, что толпа всякой нечисти забила едва ли не треть зала. Их было столько, что даже у Рубоса возникло опасение за исход боя в целом. Но он уже видел сегодня, как почти такая же прорва врагов превратилась в пепел, поэтому не слишком нервничал. Тем более что Сухмет оставался совершенно спокоен.

Восточник в самом деле был спокоен, он не спускал глаз с Хифероа, который, не слезая со своего трона, пытался командовать схваткой. Вообще-то у него это получалось не очень. Он сделал ошибку, что позволил Сухмету с Рубосом забиться в угол. И еще он почему-то позволял Сухмету оперировать своей магией, как тот хотел. А это означало для атакующих дополнительные жертвы, впрочем, может быть, Хифероа это в самом деле не волновало. Может, ему, как любому новому правителю, даже нравилось, что по его приказу кто-то умирает...

Рубос гасил почти все атаки до тех пор, пока в первый ряд атакующих не протиснулся очередной чересгама. Это был очень тяжелый, под полтыщи фунтов, боец, который применил любимый для этих чудовищ прием — раздвинул панцирь по переднему шву и бросился вперед, еще в воздухе раскладываясь на две раковины, чтобы сразу охватить противника и поразить его желудочным соком...

И Рубос пропустил этот бросок, слишком он оказался для миранца невероятным... Но чересгама повис в десятке дюймов от кончика Рубосова клинка и стал медленно сползать вниз, как темная, мутная капля сползает по твердому стеклу окна. Рубос оглянулся, Сухмет стоял напряженный, как струна, это он сделал смертельную атаку гигантской амебы непродуктивной.

Лишь тогда Рубос нанес чересгаме колющий удар. Его огромный ятаган разрубил медленное фиолетовое сердце амебы, или что там билось внутри этой мягкой туши, и все разом изменилось... Чересгама стал прозрачным, а потом лопнул, обдав атакующих кусками своего склизкого тела. Те из них, на кого эти куски упали, стали отдираать их, шипя и воя от боли.

На Рубоса и Сухмета не попало ни одной капли, и мирамец в

голос рассмеялся. Он даже оглянулся назад, потому что у него появилось для этого время.

— Сухмет, что происходит?

Восточник холодноvento пожал плечами:

— Я создал полупроницаемый барьер, его могут проходить только твердые предметы, оружие, например...

Но Рубос уже знал, что все не так просто.

— А почему Хифероа тебе позволяет это?

Тут последовала новая атака, на этот раз на Рубоса навалились три отиссы, которые дрались честными и вполне проницаемыми для Сухметова барьера копьями. Поэтому Рубос осознал не все, а только несколько слов восточника, да и то не сразу.

— Он не колдует, потому что я пойму... откуда он черпает... Не может задействовать другие механизмы... не обратившись к трону. Закон иерархии магических инструментов...

Оказалось, поединок в этом зале был куда сложнее, чем представлялось мирамцу.

Потом вдруг случилось невероятное: Рубос, который уже зарубил полдесятка таких вот отисс, вдруг получил чудовищный удар от одной из красавиц, которую за полминуты до того разрубил практически до пояса. И лишь тогда он вспомнил...

Отиссы вообще-то считались не очень сильными бойчихами, просто они были быстрыми, хотя и не сильнее многих людей. Но схваток с ними избегали даже самые искушенные воины, потому что на всем роду карлиц лежало некое очень древнее заклятие, позволяющее иным из них, сраженным в бою, сколь угодно долго лежать мертвыми, а потом вдруг наносить последний удар противнику... Рассказывали, что иногда противника убивали трупы, пролежавшие в могилах десятилетия, или удар наносили отрубленные конечности, или одно оружие без малейшего признака владельца оживало и бросалось почти всегда в успешную атаку.

И вот Рубос попался. Всех предыдущих карлиц ему удалось откинуть назад, в толпу нечисти, или последний удар у них получился настолько нечетко, что мирамец принял его за обычный выпад и парировал, как прочие... Но сейчас, когда абсолютно мертвая карлица, полежав под его ногами, вдруг подняла руку и с неистовой силой воткнула копьё в бок Рубоса, утопив в живой плоти человека почти пять дюймов стали, — такого он не ожидал.

Рубос тут же дорубил мертвую бойчиху, но кровь забила из его бока фонтаном. Ее цвет и запах вдруг подняли волну алчной радости во всех, кто бился с ним. Теперь Рубос знал, что долго он не продержится, он ранен, от таких ран умирают за несколько минут даже без драки... А ему еще приходится мечом размахивать.

Внезапно кожа вокруг раны стала твердой, боль ушла, а когда, отбив несколько самых яростных наскоков, Рубос стер кровь, чтобы рассмотреть, что задело копьё, он вдруг увидел спекшийся, но не кровоточащий рубец...

— Сухмет? — спросил Рубос и увидел, что восточник, по своему обыкновению, кивнул.

Это заставило Рубоса, уловив мгновение, посмотреть и на те несколько царапин, которые он получил в других местах. Они тоже не кровоточили...

Лишь тогда Рубос понял, что еще никогда не подвергался такому мощному колдовскому изменению, и поэтому не знал, к чему это приведет. Но спорить было невозможно, и он лишь с большей яростью контратаковал противников.

Потом против него вышел очень неплохо дравшийся сарофат. Высокий, почти под восемь футов, ростом, костистый под меховыми складками, быстрый и сильный, сарофат бился резкими выпадами своих рук и ног, на которых в момент удара открывались длинные, залитые светящейся желтизной, отравленные когти. Встречные удары гигант блокировал массивными бронзовыми наручами, которые невозможно было ни обойти, ни пробить. И когда Рубос уже потерял надежду, вдруг гигант осел, хрюкнув высоким, отнюдь не мужественным голоском...

И из-под меховой шкуры выскользнула черная, залитая потом и чужой кровью Мало. Она встала рядом с Рубосом, на удивление быстро погасила двух отисс и одного чересгаму, а потом, не поворачивая головы, сообщила:

— Остальные скоро будут.

Сухмет хмыкнул от удовольствия:

— Где они?

— С драконами возьмется.

Рубос вдруг понял, что и удар мертвой отиссы, и напряжение боя не прошли даром. У него возникло желание опустить оружие и постоять спокойно хотя бы пару мгновений. Он готов был на все ради этих мгновений... Кажется, у него наступала реакция после Сухметова колдовства.

— Ты вовремя, — усталым низким голосом проговорил он Мало.

Негритянка снова, не поворачивая головы, улыбнулась, показав изумительные, сверкнувшие даже в полутьме зала зубы.

А потом Хифероа пустил в зал свежий отряд. На этот раз он состоял из трех Кинозов, десятка косматых крысоидов и очень странных, похожих на неправильных страусов птиц, на ногах которых виднелись многочисленные острые лезвия. Сухмет произнес:

— Он очень осторожен, демонов не пускает... Все, кого решается использовать, всего лишь приведенные по магическим коридорам обитатели иных пространств.

— Демоны выявят магические инструменты? — отрывисто спросила Мало.

— И те позволят проследить цепь до трона. — От усталости Сухмет говорил едва понятно.

— Значит, ты еще не знаешь, где трон?

Сухмет вздохнул так огорченно, что другого ответа не понадобилось.

— Ладно, — решила Мало, — наши вот-вот прорвутся, мы схватим Хифероа, и он признается во всем. Может, еще и живыми останемся...

Но всем остаться в живых не удалось. Едва в зал ввалились орденцы во главе со Стаком, бойцы Хифероа атаковали их так яростно и так успешно, что орденцы замерли, потом попятились, потом остановились. Трое из орденцев пали, и Рубос, осознав это, даже не сразу поверил своим глазам.

Только сейчас он отдал себе отчет, какой сложной и высокой магией накачал его Сухмет, чтобы он держался до подхода орденцев. И ведь он продержался... Правда, теперь ему было тяжело, сердце больше не справлялось с необходимостью рубиться, бок горел, как припеченный огнем, руки стали тяжелыми, а перед глазамиплыли круги. Он понимал, что вот-вот станет пропускать удары, а тогда уже никакой силы Сухмета неостанет, чтобы залатать его хотя бы на время. К тому же восточник тоже устал, а они по-прежнему не знали, где находится то, ради чего они тут появились.

— Вперед! — вдруг приказал Стак.

Орденцы медленно, неуверенно качнулись, потом качнулись сильнее, а потом сделали шаг. Еще шаг, и снова шаг... Каждое движение вперед требовалось вырубать в толпе странных существ, приспособленных для боя, каждый их шаг стоил крови и ран кому-либо из них, но они приближались к Хифероа, и колдун понял, что скоро ему придется отступить, потому что удержать орденцев его слуги не могли.

— Вперед! — прокричала Мало и пошла на трех огромных сарофатов, пуская в ход защищенные поножами ноги почти так же часто, как мечи. Против сарофатов это срабатывало, потому что те работали без оружия. И она двигалась, представляя собой неуловимую смерть для всего, что оказывалось на ее пути...

Рубос едва успевал за ней. Теперь он мог лишь отражать боковые атаки, да и то если они были достаточно явными. Магия Сухмета стала слабее или исчезла вовсе... «А жаль, — решил мирамец, — это была отличная битва. И мы в ней побеждаем, мы побеждаем...»

Они не успели пройти середину зала, как из потайных дверей появился третий отряд, но он был слабее всех. Тут были в основном эрки, которые своими крыльями больше мешали атаковать противников, чем наносили им урон, и мужчины горного народа, вероятно наемники, которые оставили своего эрла и прибились, как они думали, к более могущественному господину. Теперь они первые же и отступали, столкнувшись с орденцами.

— Мы побеждаем! — прокричал Стак.

Это был не боевой клич, это была правда. И Сухмет тоже закричал:

— Хифероа, ты скоро отдашь трон, где бы он ни был!

И тогда горный колдун вдруг дрогнул. Он вскочил со своего хрустального сиденья и сделал самую удивительную вещь в мире. Он заставил Гепру, которая простояла около своего нового господина всю битву, превратиться в уже известную Сухмету полусобаку, потом схватил свой прозрачный, как слеза, трон и попытался взвалить его ей на спину.

— А... — почти застонал Сухмет. Он переживал собственную негодядность. — Ты удачно замаскировал его, — крикнул он Хифероа. — Но теперь — все. Ты слышишь? Все!

И в самом деле, каким-то образом даже челядь Хифероа поняла, что биться тут становится бессмысленно, что их новый повелитель собирается удирать. Упорство в обороне утекало из них, как вода из полотняного мешка. Но они еще сдерживали орденцев...

Лишь Мало не могли удержать. Она углубилась в ряды нечисти так, что Рубосу пришлось повернуться спиной к ней и Сухмету, чтобы прикрывать их от атак сзади. К счастью, атак этих было не очень много, уж очень кровавым был путь Мало — Магистра Ордена, чернокожей вдовы Непобедимого Лотара.

А Сухмет тем временем вдруг осевшим голосом прошептал, но так, что его, похоже, услышал даже Стак:

— Еще ближе, еще... Если я промахнусь, все пропало. Они кончат нас, а выкуп не будет выплачен.

— Сейчас, — стиснув зубы, проговорила Мало, — сейчас мы подберемся ближе...

С этими словами она изящным веерным взмахом лишила какого-то не очень поворотливого большеного обеих рук сразу, а потом подсекла ему еще и ногу. Волосатый гигант шмякнулся на каменный пол, как узел с мокрым бельем...

— Мало, — вдруг произнес Сухмет, и в голосе его появился страх, — но ведь если я... Ты тоже погибнешь, понимаешь?

Мало снова блеснула зубами:

— Это не имеет значения. Но следует предупредить Стака, чтобы он не мешкал. Он свое тут уже... — Она отбила копье, направленное ей в лицо, и сделала выпад, ее меч вернулся, дымясь от свежей крови, и докончила: — ...Почти сделал.

Тогда Сухмет спросил, полуобернувшись:

— Рубос?

Мираец тоже дрался, хотя и медленнее, чем вначале. Но ответ его был твердым:

— Делай свое дело, Сухмет. Ты ведь не гадаешь, что будет с тобой?

— Со мной? — Казалось, эта проблема только что возникла у него в сознании. — Со мной все просто — это мой долг. И потом, нужно же когда-то завершать свой путь... Почему бы не здесь?

— Вот и я... — начал было Рубос, но договорить не успел. Ему пришлось защищать тыл Сухмета от двух страусов одновременно, и стало не до разговоров.

Тем временем трон, водруженный на Гепру, изменился. Те-

перь он не был прозрачным, он стал тем магическим инструментом, той тончайшей и сложной машиной, которую в свое время Лотар видел в оазисе Беклем. Теперь сомнений ни у кого не было: вся затея, все потери и пролитая кровь были не напрасны, Сухмет нашел то, что искал.

Потом Хифероа что-то сказал Сроф. Птица раскрыла крылья, пытаясь спрятать, закрыть, как ширмой, то, что делал колдун. Но от Сухмета до трона оставалось не больше десяти ярдов. К тому же трон возвышался над Сроф, потому что висел на Гепре.

— Хифероа все проделал наилучшим образом, — проговорила Мало. Потом она посмотрела направо. До орденцев оставалось шагов тридцать, а это значило, что шансов уцелеть у них не оставалось. — Стак, уходите. Быстро, иначе...

— Лучше попробуем захватить! — заорал Стак. — Не торопитесь умереть, Сухмет!

— Не получится! — ответил восточник почти спокойно.

Стак помедлил, но не больше считанных мгновений. Он все понял. И тогда он что-то сказал орденцам.

В это мгновение Гепра, шатаясь от тяжести трона, стала сходиться с возвышения, направляясь в противоположную сторону зала. «Чего-чего, а уж потайных дверей там достаточно, — решил Рубос. — Обидно. Если сейчас не выгорит, гоняйся за Хифероа потом по всему свету...»

— Стак! — бешено заорала Мало.

И тогда орденцы сделали что-то такое, чего не поняли даже их противники. Все, кто бился рядом со Стаком, вдруг исчезли. Последним, как и предполагается, отступил сам Великий Магистр Ордена. Он отошел без боя, никому и в голову не пришло помешать ему.

— Хорошо, — удовлетворенно и сразу очень устало произнес Сухмет.

Он взмахнул посохом. Птицу Сроф, которая должна была помешать любому действию против трона, отнесло в сторону мощным порывом колдовского направленного ветра. Она не смогла противостоять ему с развернутыми крыльями и открыла трон, да и самого Хифероа, который стоял ко всей свалке спиной, помогая Гепре удерживать трон на спине. От Сухмета до трона было ярдов пятнадцать.

Сухмет прищурил глаз, прицелился и на этот раз замахнулся посохом Гурама как копьем...

Тогда Стак одним прыжком вылетел из зала, где они только что бились, и прыгнул за стену.

В зале, где остались Сухмет, Рубос и Мало, где находился Хифероа со своей изрядно потрепанной ратью и, самое главное, где находился выкуп за бессмертную душу Лотара Желтоголового, стало почти тихо. Это длилось долго — несколько веков или даже много тысячелетий...

Потом удар ошеломительной силы обрушился на весь мир. И огромные глыбы стали падать с потолка горного замка. Из две-

рей тронного зала Хифероа ударил ослепительный свет, и следом за ним по коридорам покати́лась волна удушающего жара... От нее занялись ковры на полу, деревянная мебель и панели потолка, от нее разом взорвались вечные факелы на стенах... Двустворчатые двери в зал, как ни странно, выдержали, они лишь закрылись, потом спружинили и снова стали медленно раскрываться, потрескивая от невидимого пламени с той, внутренней, стороны...

Все стихло. В зале, где только что было очень много всяких существ, не осталось ничего живого. Это было ясно каждому из орденцев. Стак проговорил:

— Выкуп за нашего Учителя выплачен сполна, хотя цена была велика. Мы никогда не увидим его, но пройдет время, и он снова будет тут, в этом мире.

И те из орденцев, кто уцелел, пошли к выходу, помогая раненым, унося своих павших. Они шли к воздушному мосту, созданному Сухметом. Ди уже проверил его и подтвердил, что Сухмет постарался на славу, — этот мост мог выдержать их всех — и должен был стоять до тех пор, пока они не сойдут с него на твердую, каменистую тропу. Сухмет позаботился о том будущем, которое на этот раз наступило без него.

СОДЕРЖАНИЕ

ЖАЖДА. <i>Повесть</i>	5
ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ЧЕЛОВЕЧНОСТИ. <i>Роман</i>	31
СОБАКИ ИЗ ДИКОГО КАМНЯ. <i>Роман</i>	169
ПОСОХ ГУРАМА. <i>Роман</i>	341
ЛОТАР-МИРОТВОРЕЦ. <i>Роман</i>	465
КОЖАНЫЕ КАПЮШОНЫ. <i>Роман</i>	657
УСТРАНИТЕЛЬ ЗЛА. <i>Роман</i>	793
ВЫКУП. <i>Повесть</i>	929

Литературно-художественное издание

Басов Николай Владленович

ЛОТАР-МИРОТВОРЕЦ

Издано в авторской редакции
Художественный редактор *Е. Савченко*
Технический редактор *Н. Носова*
Компьютерная верстка *Л. Панина*
Корректор *Н. Музыкантова*

ООО «Издательство «Эксмо».

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18, корп. 5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.

Интернет/Home page — www.eksmo.ru

Электронная почта (E-mail) — info@eksmo.ru

*По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламное агентство «Эксмо». Тел. 234-38-00.*

Оптовая торговля:

109472, Москва, ул. Академика Скрябина, д. 21, этаж 2.

Тел./факс: (095) 745-89-16.

Многоканальный тел. 411-50-74. E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля:

117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 411-50-76.

Книжные магазины издательства «Эксмо»:

Супермаркет «Книжная страна». Страстной бульвар, д. 8а. Тел. 783-47-96.

Москва, ул. Маршала Бирюзова, 17 (рядом с м. «Октябрьское Поле»). Тел. 194-97-86.

Москва, Пролетарский пр-т, 20 (м. «Кантемировская»). Тел. 325-47-29.

Москва, Комсомольский пр-т, 28 (в здании МДМ, м. «Фрунзенская»). Тел. 782-88-26.

Москва, ул. Сходненская, д. 52 (м. «Сходненская»). Тел. 492-97-85.

Москва, ул. Митинская, д. 48 (м. «Тушинская»). Тел. 751-70-54.

Москва, Волгоградский пр-т, 78 (м. «Кузьминки»). Тел. 177-22-11.

Северо-Западная Компания представляет весь ассортимент книг издательства «Эксмо».

Санкт-Петербург, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.

Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82.

Сеть книжных магазинов «БУКВОЕД». Крупнейшие магазины сети:

Книжный супермаркет на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34

и Магазин на Невском, д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Сеть магазинов «Книжный клуб «СНАРК» представляет самый широкий ассортимент книг издательства «Эксмо». Информация о магазинах и книгах в Санкт-Петербурге по тел. 050.

Всегда в ассортименте новинки издательства «Эксмо»:

ТД «Библио-Глобус», ТД «Москва», ТД «Молодая гвардия»,

«Московский дом книги», «Дом книги в Медведково», «Дом книги на Соколе».

Весь ассортимент продукции издательства «Эксмо»

в Нижнем Новгороде и Челябинске:

ООО «Пароль НН», г. Н. Новгород, ул. Деревообделочная, д. 8. Тел. (8312) 77-87-95.

ООО «ИКЦ «ДИС», г. Челябинск, ул. Братская, д. 2а. Тел. (3512) 62-22-18.

ООО «ИнтерСервис ЛТД», г. Челябинск, Свердловский тракт, д. 14. Тел. (3512) 21-35-16.

Книги «Эксмо» в Европе — фирма «Атлант». Тел. + 49 (0) 721-1831212.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 16.12.2003.

Формат 84×108 ¹/₃₂. Гарнитура «Таймс».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 50,4.

Тираж 5000 экз. Заказ № 2559.

ОАО «Тверской полиграфический комбинат»

170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

Лотар Желтоголовый,
обычный охранник
купеческих
караванов, из-за
своего упорства
и ошибки
могущественного
мага пустынной
страны становится
драконьим
оборотнем. Пытаясь
решить, кто же он
такой — дракон или
человек, Лотар
начинает свою
собственную войну
с демонами, которые
владевают в
этом одновременно
сказочном и
реальном мире.

